

Евразийский юридический журнал

№ 7 (86) 2015

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАПЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова – РЭА)

ТОЛСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забиорович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья. Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Евразийский юридический журнал, 2015

Подписано в печать 16.08.2015
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034,
г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889 e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian law journal

№ 7 (86) 2015

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV RASHID HUSEYNOVICH, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV PAVEL NIKOLAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BURENINA IRINA VALERYEVNA, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHAYKIN MARK MIKHAYLOVICH, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

LUKOV VALERY ANDREEVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEV YURY NIKOLAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV KASIM SYRBAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

NECHEVIN DMITRIY CONSTANTINOVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

ROMANOVSKAYA VERA BORISOVNA, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV ASYLBEK YARYMOWICH, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

TITOV VADIM ALEKSANDROVICH, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

VALEEV REVOL MIRGALIMOVICH, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV OLEG ALEKSANDROVICH, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007. Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

© Eurasian law journal, 2015

Signed for printing 16.08.2015
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D.I.
Desktop publishing –
Brylev S.O.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasia@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

*СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов - РУДН)*

заместитель главного редактора:

*БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)*

ответственный редактор:

*ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Академия наук Республики Башкортостан)*

помощник главного редактора:

*АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)*

научный редактор:

*ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

литературный редактор:

*СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)*

*ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович, к.ю.н., доцент
ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент
ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна, к.п.н., доцент
КОННОВА Елена Владимировна, к.ю.н., с.н.с.
КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.
ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,
представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе
МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимирович
ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент
ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент
САФРОНОВ Константин Юрьевич
ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент
ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.
ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент*

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И. З.

Учредитель:

*ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)*

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

*SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples' Friendship University of Russia)*

deputy Editor-in-Chief:

*BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)*

executive editor:

*LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan)*

assistant Editor-in-Chief:

*ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)*

scientific editor:

*ERMOLINA Marina Anatolievna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(St. Petersburg State University)*

literary editor:

*SOROKINA Yulia Viktorovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)*

*HUSEYNOV OKTAY RAMAZANOVICH, Ph.D. in Law
ZHURAVLENKO NIKOLAY IVANOVICH, Ph.D. in Law
IZMAILOVA EVGENIYA NIKOLAEVNA, Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor
KONNOVA ELENA VLADIMIROVNA, Ph.D. in Law, Senior Researcher
KOPYLOV STANISLAV MIKHAILOVICH, Ph.D. in Law
LYSENKO VLADLENA VLADIMIROVNA, Ph.D. in Law, Associate Professor, representative
of ELJ in Tiraspol
MURZAGILDIN NAIL TASHTIMIROVICH
OSTAPOVICH IGOR YURYEVICH, Ph.D. in Law, Associate Professor
PANCHENKO VLADISLAV YURYEVICH, Ph.D. in Law, Associate Professor
SAFRONOV KONSTANTIN YURYEVICH
TAKMAKOVA ELENA VALERJEVNA, Ph.D. in Economics,
Associate Professor
TRAPEZNIKOV VALERY ANATOLIEVICH, Ph.D. in Law
FAIZULLIN GAIJAZ GABDELISLAMOVICH, Ph.D. in Law, Associate Professor*

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV DINAR INSUROVICH

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

*FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)*

PERSONA GRATA

Краснова И. О.: Международное право окружающей среды Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующей кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия И. О. Красновой.....	8
---	---

ЕВРАЗИЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Кембаев Ж. М. Имплементация обязательств, принятых Республикой Казахстан в рамках Организации Договора о коллективной безопасности.....	12
--	----

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Аюпова З. К., Кусаинов Д. У. Юридические процессы как составляющая основа современной евразийской правовой интеграции.....	17
Аубакиров Н. Е. Практические рекомендации по обращению в суд Евразийского экономического союза.....	21
Сейтимова В. Х. О некоторых вопросах компетенции Суда Евразийского экономического союза.....	23
Егикян А. А. Определение принципа свободы перемещения товаров в международных экономических интеграционных объединениях на примере ЕС и ЕАЭС.....	25

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Дидикин А. Б. Сущность международного права: теоретические подходы Г. Кельзена и Г. Харта.....	28
Мингазов Л. Х. Роль и место международно-правовой информации в механизме международно-правового регулирования.....	31
Чекунов С. А. Актуальные проблемы временного применения международных договоров в Российской Федерации, подлежащих ратификации.....	37
Нуриев Б. Д. Мусульманское международное право: проблема идентификации.....	43
Смирнова Е. С. Восточное партнерство Европейского союза и Республики Беларусь: история взаимодействия и дальнейшие перспективы сотрудничества.....	47
Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Черных И. А. К 150-летию со дня учреждения Международного союза электросвязи – специализированного учреждения ООН.....	55
Бекяшев Д. К. Международно-правовые основы двустороннего сотрудничества Российской Федерации по предотвращению ННН промысла.....	62
Дементьев А. А. Становление института ответственности в международном воздушном праве.....	70
Аду Яо Никэз Реформа Африканского суда по правам человека и народов Протоколом о пересмотре Протокола о Статуте Африканского суда справедливости и по правам человека от 27 июня 2014г.: миф и реальность.....	73

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Чуршина А. А. Раскрытие информации и преддоговорная ответственность по договору коммерческой концессии.....	76
--	----

ПРАВО СТРАН СНГ

Белькова Ю. А., Габдрахманов Ф. В. Правовое регулирование института назначения наказания по совокупности приговоров в Российской Федерации и других государствах-участниках Содружества Независимых Государств.....	80
Белозерова И. И. Статус защитника в уголовном процессе Республики Казахстан.....	83
Кирилов А. С. Сравнительно-правовой анализ возмещения гражданам ущерба, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство в Российской Федерации и в Республике Таджикистан.....	86
Растопшин Р. А. Система правовых актов органов прокуратуры Республики Казахстан.....	89
Санев С. О. Тезисы к вопросу: «Об участии присяжных заседателей в Республике Казахстан (общие положения)».....	91
Имбаева Г. Р., Шакирова З. Р., Чернова Г. Ш. Развитие правового регулирования ОСАГО в евразийском пространстве: на примере России и Республики Узбекистан.....	93

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кротов А. В. Условия правомерности ограничения права на частную жизнь в постановлениях Европейского суда по правам человека.....	96
Сорокина Е. М. Перспективы развития гармонизации законодательства ЕС в области уголовно-процессуального права.....	99

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Романовская Л. Р. Политика и «ultimate reality»: системные связи (на основе модели Толкотта Парсонса).....	101
---	-----

Тихонравов Е. Ю. Соотношение толкования права по объему и систематической интерпретации юридических норм.....	104
Зайдова М. У. Система российского права и законодательства.....	106
Ибаев Р. К. Характер развития системы права и системы законодательства в отечественной юридической науке.....	108

Панченко В. Ю., Михалева А. Е. Страховые механизмы преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов.....	110
Алиева А. Б., Идрисова Н. Г. Нормы «мягкого права» в современной правовой системе.....	116
Мусаева А. Г., Атаева П. А. Право и мораль: важнейшие социальные регуляторы дагестанского общества.....	118
Мамедов Э. Ф. Особенности и проблемы использования термина «диаспора» в российском законодательстве.....	120
Магомедрасулова Р. Б. Развитие гражданского права конца 20-х годов – 1941 г.....	122
Халиева Р. Э. Проблема определения понятия экономической преступности.....	124
Ильяшенко К. В. Понятие и правовая природа юридических услуг по законодательству Российской Федерации.....	126
Фетюков Ф. В. Современное состояние проблемы соотношения гражданского общества и правового государства.....	129

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Азизова П. М., Мухтаров М. Г. Становления права: исторический подход.....	133
Крючков Р. А. От греха и табу к римскому праву: история развития рискованных явлений.....	135
Абдулазизова П. Г. Судебник 1497 года – как основной источник общерусского права в XV в.....	139
Азизова П. М. Исторические аспекты разработки и принятия Билля о правах.....	141
Алтунин В. С. Правовые истоки административно-правовой деятельности полиции в Российской империи на низовом уровне в период XVIII–XIX в.....	143
Евсеев И. В. Историческое развитие Магнитогорской тюрьмы в период советской индустриализации.....	147
Саидова М. З. Андийские адаты и система наказаний по ним.....	151
Ханмурзаев Р. Б., Ибаев Р. К. Этапы становления советского законодательства.....	153

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю. Формирование правового пространства беспрепятственной реализации конституционных прав.....	155
Абдуллабекова А. Э. Конституционное право России: общие вопросы.....	159
Далгатова А. О. Конституционные принципы судебной власти.....	161

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Ерпыльёва Р. Р. Признание договора незаключенным и защита публичных интересов.....	163
Залибекова Д. З., Касимова Д. М. Пути совершенствования правового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности.....	166
Магомедов А. Ш. Понятие административного правонарушения.....	168
Магомедов А. Ш., Раджабова Ж. К. Особенности административного права Российской Федерации.....	170
Медведева М. А. Нарушения законодательства при формировании и исполнении государственного задания автономного учреждения.....	172
Раджабова Ж. К. Признаки административного правонарушения.....	176
Щеглов Д. С., Потапова Л. В. Принудительная ликвидация юридического лица как средство предупреждения предпринимательских правонарушений.....	178

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Атаева П. А. Институт формирования гражданских отношений и правовых норм в дагестанском обществе.....	182
Самусевич А. Г. Служебное расследование в механизме реализации дисциплинарной ответственности.....	184
Хатунцев О. А. Правовой режим вещных прав на земельные участки как конфликтное поле гражданского и земельного законодательства.....	188
Яненко О. К. Гражданско-правовая характеристика стрит-арта как вида произведений изобразительного искусства.....	195

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО		
Фоков А. П.		
Проблемы сравнительного корпоративного права: законодательное обеспечение юридических лиц	200	
ТРУДОВОЕ ПРАВО		
Толбузина Т. В.		
Трудовой договор с иностранным работником в контексте изменений, внесенных в трудовой кодекс Российской Федерации	203	
Такмакова Е. В.		
Минимальный размер оплаты труда как социальный стандарт	205	
Мусаева А. Г.		
Правовое регулирование труда беременных женщин в РФ	207	
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО		
Должиков А. В.		
Конституционная концепция устойчивого развития	209	
Омарова Х. М.		
Система экологического права	216	
Абукарова М. У., Керимханова Д. С.		
Правовые проблемы охраны земель	218	
БАНКОВСКОЕ ПРАВО		
Колосовская Н. Н.		
Правовая природа электронных денежных средств	220	
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		
Гитинова К. Г.		
Правовые вопросы урегулирования налоговой задолженности	224	
Ибрагимова А. Х.		
Правовое регулирование двойного налогообложения	226	
Залибекова Д. З.		
Пути повышения ответственности юридических и физических лиц за нарушения налогового законодательства	228	
Меджидова З. К.		
Правовой механизм налогообложения в особых экономических зонах	230	
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО		
Бачило И. Л.		
Читая Генри Киссинджера: информационное общество, Интернет как факторы формирования мирового порядка	232	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		
Петров А. И.		
О необходимости внесения изменений в статью 264 Уголовного кодекса РФ	236	
Абдулгамидова Д. А.		
Проблемы борьбы с наркотиками в Российской Федерации (на примере Республики Дагестан)	239	
Алиев Х. О., Шахбанова Х. М.		
История развития законодательства о вымогательстве	241	
Мирошниченко Н. С.		
Ответственность за передачу запрещенных предметов подозреваемым и обвиняемым	243	
КРИМИНАЛИСТИКА		
Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимова Х. А.		
К вопросу о роли провокации в совершении убийства и насильственных преступлений против жизни и здоровья	245	
Абдулмуслимова Л. Г.		
К вопросу о виктимном поведении жертвы преступлений против жизни и здоровья человека как криминологической проблеме	248	
Бертовский Л. А., Кучерков И. А., Лисовецкий А. Л.		
Криминалистический рендеринг: основные положения	250	
Журавленко Н. И., Тутова О. В., Шведова Л. Е.		
Актуальные проблемы борьбы с использованием информационных технологий в террористических целях	254	
Ибрагимова Х. А.		
К вопросу криминологической характеристики личности участников должностных злоупотреблений и их типологии в социальной сфере на примере Республики Дагестан	257	
Стрелков А. А.		
Криминалистическое исследование трупа методом рентгеновской компьютерной томографии	259	
СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО		
Талькин Е. А.		
Судебное разбирательство в суде первой инстанции: функциональное назначение и место в структуре арбитражной процессуальной формы	263	
Шахбанова Х. М.		
Основные проблемы в деятельности мировых судей	266	
Сардарян Т. С.		
Процессуальные особенности рассмотрения судами дел о защите законных интересов неопределенного круга потребителей	269	
Давыдова И. А., Коробова И. Н.		
Деятельность суда, связанная с установлением административного надзора, как направление судебного контроля за исполнением уголовных наказаний	272	
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО		
Абдулгамидова Д. А. Алиева А. Б.		
Информационная безопасность в условиях современных развивающихся технологий	274	
Абукарова М. У.		
Национально-правовой и международно-правовой аспекты вопроса о физической защите радиационных и ядерно опасных объектов	276	
Корниенко О. В., Потапов А. И.		
Некоторые меры административного принуждения в сфере оборота оружия и частной охранной деятельности	278	
Гордеев Н. С.		
О проблемах законодательного определения понятия «экстремистские материалы» и направлениях его совершенствования	281	
Журавленко Н. И., Михайлова Я. С.		
Методики построения гипотез при осуществлении оперативно-розыскного прогнозирования преступлений экономической направленности	288	
ПРАВО И ОБРАЗОВАНИЕ		
Лавренюк Н. М.		
Ресурсы отрасли образования как основа развития потенциала населения Республики Башкортостан	291	
Носкова Ю. Б.		
О положительном опыте организации учебного процесса с использованием инновационной методики «Юридическая клиника» при проведении семинарских и практических занятий	293	
Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю.		
Проблемы социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период (социально-правовой аспект)	295	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА		
Алиева А. Б.		
Защита норм социального права	298	
Павленко Е. М.		
Культура прав человека и конституционное правосознание: особенности соотношения и взаимосвязи	300	
Салькина А. М.		
Международная защита прав человека в киберпространстве	303	
Ханмурзаев Р. Б.		
Проблемы социальной защиты детского населения в России	308	
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО		
Элов З. С.		
Исследования причин, условий, факторов суицидального риска	310	
ЭКОНОМИКА И ПРАВО		
Цыпышева А. А., Гареева З. А.		
Объединение финансового и управленческого учета в системе нормативного регулирования учета по сегментам	313	
Гольшев Н. В.		
Сущность и функции заработной платы в сфере образования в контексте экономико-правовых отношений	314	
ПОЛИТИКА И ПРАВО		
Керимханова Д. С.		
Право на забвение	316	
Бекишиев А. А.		
Современные ориентации государственного управления в России	318	
Гелеранский П. С.		
Субфедеральная власть как составная часть общественной политической системы	320	
Масич В. А.		
Два подхода к определению «мягкой силы» в российском дискурсе	322	
Полонская Д. Д.		
Механизмы формирования и структура политического мифа	325	
Саидова М. З., Эмирова М. Н.		
Геополитические интересы иностранных государств в Дагестане в начале XX века	327	
ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО		
Авдонин А. Н., Кадырова Г. Ф.		
Модернизационные волны в России и коэволюционно-глобальная модернизация	330	
Бугера В. Е., Гиндуллин Н. Ф.		
Украинский фашизм и ницшеанство	333	
Орешников И. М.		
О философско-гуманистическом осмыслении патриотизма, интернационализма, национализма и космополитизма	335	
ОБЗОР		
Абашидзе А. Х., Гугунский Д. А., Солнцев А. М.		
Круглый стол «Актуальные проблемы современного международного экологического права», посвященный 60-летию профессора Михаила Николаевича Копылова	337	
Зубрева Е. А.		
«Гренада» приветствует БРИКС и ШОС-2015 в Уфе	340	
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		342
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		343

PERSONA GRATA

- Krasnova I. O.:**
International Environmental Law
 Interview with Ph. D. in Law, professor,
 Head of Land and Environmental Law sub-faculty of the Russian Academy
 of Justice (RAJ) of the Supreme Court of the Russian Federation I. O. Krasnova..... 8

EURASIAN SECURITY

- Kembayev Zh. M.**
 Implementation of the obligations accepted by the Republic of Kazakhstan
 in the framework of the Collective Security Treaty Organization..... 12

EURASIAN INTEGRATION

- Ayupova Z. K., Kussainov D. U.**
 Legal processes as a fundamental of modern Eurasian legal integration..... 17
- Aubakirov N. E.**
 Practical advice for appeal to the Court of the Eurasian Economic Union..... 21
- Seitimova V. Kh.**
 On some matters of competency of the Court of the Eurasian Economic Union..... 23
- Yeghikyan A. A.**
 The definition of the principle of free movement of goods in the
 international economic unions on the examples of the EU and the EEU..... 25

INTERNATIONAL LAW

- Didikin A. B.**
 The essence of international law:
 theoretical approaches of H. Kelsen and H. Hart..... 28
- Mingazov L. Kh.**
 The role and place of the international legal information in the mechanism
 of international legal regulation..... 31
- Chekunov S. A.**
 Actual problems of the provisional application of international treaties subject
 to ratification in the Russian Federation..... 37
- Nuriev B. D.**
 Muslim international law: the problem of identification..... 43
- Smirnova E. S.**
 The Eastern partnership of the European Union and the Republic of Belarus:
 the history of interactions and the prospects for further cooperation..... 47
- Abashidze A. Kh., Solntsev A. M., Chernykh I. A.**
 150th anniversary of the International Telecommunication Union –
 UN specialized agency..... 55
- Bekyashev D. K.**
 International legal basis of the Russian Federation's bilateral cooperation
 to prevent IUU fishing..... 62
- Dementyev A. A.**
 Formation of the institute of responsibility in international air law..... 70
- Adu Y. N.**
 The reform of the African Court on Human and Peoples' Rights by the Protocol
 on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice
 and Human Rights of 27 of July 2014: myth and reality..... 73

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Churshina A. A.**
 Pre-sale disclosure and pre-contractual liability under contract
 of commercial concession..... 76

LAW OF THE CIS COUNTRIES

- Belkova Yu. A., Gabdrakhmanov F. V.**
 Legal regulation of imposition of accumulative sentence in Russia
 and other CIS states..... 80
- Belozerova I. I.**
 The status of the party's defence counsel in the criminal procedure
 of the Republic of Kazakhstan..... 83
- Kirilov A. S.**
 The comparatively legal analysis of the harm compensation caused
 by illegal actions of bodies that carry out criminal proceedings in the Russian
 Federation and in the Republic of Tajikistan..... 86
- Rastopshin R. A.**
 The system of legal acts of the public prosecution authority
 of the Republic of Kazakhstan..... 89
- Saneev S. O.**
 Notes to the issue: "On participation of jurors in the Republic
 of Kazakhstan (general provisions)"..... 91
- Igbaeva G. R., Shakirova Z. R., Chernova G. Sh.**
 Development of legal regulation of compulsory insurance of civil liability
 of vehicle owners in Eurasia: the case of Russia and the Republic
 of Uzbekistan..... 93

EUROPEAN LAW

- Krotov A. V.**
 Conditions for the legality of restrictions on the right to privacy in the decisions
 of the European Court of Human Rights..... 96
- Sorokina E. M.**
 Views on the development of harmonization of EU law of criminal procedure..... 99

THEORY OF STATE AND LAW

- Romanovskaya L. R.**
 Politics and "ultimate reality": system relations
 (based on the model of Talcott Parsons)..... 101

Tikhonravov E. Yu.

- Relationship between extensive and restrictive interpretation
 and systematic construction of legal norms..... 104

Zaidova M. U.

- The Russian system of law and legislation..... 106

Ibaev R. K.

- The character of system of law and legislative system development
 in the Russian legal science..... 108

Panchenko V. Yu., Mikhaleva A. Ye.

- Insurance mechanisms of overcoming legal barriers
 for implementation of rights and legitimate interests..... 110

Alieva A. B., Idrisova N. G.

- Norms of soft law in the modern legal system..... 116

Musaeva A. G., Ataeva P. A.

- The law and ethics as critical social regulators in Dagestanian society..... 118

Mamedov E. F.

- Features and problems of the use of the term
 «diaspora» in the Russian legislation..... 120

Magomedrasulova R. B.

- Development of civil law in the late 20s – 1941..... 122

Khalieva R. E.

- The problem of the definition of economic crime..... 124

Ilyashenko K. V.

- Concept and nature of the legal services in legislation of the Russian Federation..... 126

Fetyukov F. V.

- Current state of the problem of the relationship of civil society and legal state..... 129

HISTORY OF STATE AND LAW

Azizova P. M., Mukhtarov M. G.

- The formation of law: a historical approach..... 133

Kryuchkov R. A.

- From sin and taboo to Roman law: the history of the development
 of risk phenomena..... 135

Abdulazizova P. G.

- The Law Code of 1497 as the main source of Russian law in the XV century..... 139

Azizova P. M.

- Historical aspects of the development and adoption of the Bill of Rights..... 141

Altunin V. S.

- Legal background of administrative and legal activities of police
 in the Russian Empire at low level during the XVIII–XIX centuries..... 143

Evseev I. V.

- Historical development of Magnitogorsk prison in the period
 of Soviet industrialization..... 147

Saidova M. Z.

- Andian adats and system of punishments according to them..... 151

Khanmurzaev R. B., Ibaev R. K.

- Stages of development of the Soviet legislation..... 153

CONSTITUTIONAL LAW

Zaytseva E. R., Panchenko V. Yu.

- Formation of legal space for unobstructed implementation
 of constitutional rights..... 155

Abdullabekova A. E.

- Constitutional law of Russia: common questions..... 159

Dalगतova A. O.

- The constitutional principles of judicial power..... 161

ADMINISTRATIVE LAW

Erplyeva R. R.

- Claiming of the contract not concluded and protection of public interests..... 163

Zalibekova D. Z., Kasimova D. M.

- Improving legal control over investment and innovation activity..... 166

Magomedov A. Sh.

- The concept of administrative offence..... 168

Magomedov A. Sh., Radzhabova Zh. K.

- Features of administrative law of the Russian Federation..... 170

Medvedeva M. A.

- Violations of the law in the formation
 and execution of state task of autonomous institution..... 172

Radzhabova Zh. K.

- Signs of an administrative offense..... 176

Shcheglov D. S., Potapova L. V.

- Forced liquidation of the legal entity as a means
 of preventing business offenses..... 178

CIVIL LAW

Ataeva P. A.

- The institute of formation of civil relations and legal norms
 in Dagestanian society..... 182

Samusevich A. G.

- An internal investigation in the mechanism of realization
 of the disciplinary responsibility..... 184

Khatuntsev O. A.

- Legal regime of the real rights for the land plots as conflict field
 of civil and land legislation..... 188

Yanenko O. K.

- The civil legal characteristic of street art as type of works of the fine arts..... 195

CORPORATE LAW		
Fokov A. P. <i>Problems of comparative corporate law: the legislative provision of legal persons</i>	200	
LABOUR LAW		
Tolbuzina T. V. <i>Labor contract with a foreign employee in the context of changes to the Labour Code of the Russian Federation</i>	203	
Takmakova E. V. <i>The minimum wage as social standards</i>	205	
Musaeva A. G. <i>Legal regulation of employment of pregnant women in the Russian Federation</i>	207	
ECOLOGICAL LAW		
Dolzhikov A. V. <i>Constitutional concept of sustainable development</i>	209	
Omarova Kh. M. <i>The system of environmental law</i>	216	
Abukarova M. U., Kerimhanova D. S. <i>Legal problems of land protection</i>	218	
BANKING LAW		
Kolosovskaya N. N. <i>Legal nature of electronic money</i>	220	
TAX LAW		
Gitinova K. G. <i>Legal issues of tax debt settlement</i>	224	
Ibragimova A. Kh. <i>Legal regulation of double taxation</i>	226	
Zalibekova D. Z. <i>Ways of increasing the liability of legal entities and individuals for violations of the tax legislation</i>	228	
Medzhidova Z. K. <i>Legal taxation mechanism in special economic zones</i>	230	
INFORMATION LAW		
Bachilo I. L. <i>Reading Henry Kissinger: information society, internet access as factors in the shaping of world order</i>	232	
CRIMINAL LAW		
Petrov A. I. <i>About the need of introduction of amendments to the Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	236	
Abdulgamidova D. A. <i>The fight against drugs in the Russian Federation (by the example of the Republic of Dagestan)</i>	239	
Aliev Kh. O., Shakhbanova Kh. M. <i>History of development of the legislation on extortion</i>	241	
Miroshnichenko N. S. <i>Responsibility for transfer of the prohibited articles to the suspected and accused</i>	243	
Abdulmuslimova L. G., Ibragimova Kh. A. <i>On the question of the role of provocation in murders and violent crimes against life and health</i>	245	
Abdulmuslimova L. G. <i>On the question of victim behavior of the victims of crimes against human life and health as a criminological problem</i>	248	
Bertovskiy L. A., Kucherkov I. A., Lisovetskiy A. L. <i>Forensic rendering: the conceptual issues</i>	250	
Zhuravlenko N. I., Tutova O. V., Shvedova L. Ye. <i>Actual problems of struggle with usage of information technologies for terrorist purposes</i>	254	
Ibragimova Kh. A. <i>On the question of criminological characteristics of personality of malfeasance participants and their typology in the social sphere by the example of the Republic of Dagestan</i>	257	
Strelkov A. A. <i>Forensic study of the corpse by the method of x-ray computed tomography</i>	259	
JUDICIARY		
Talykin E. A. <i>Trial litigation: functionality and place in the structure of the arbitration procedure form</i>	263	
Shakhbanova Kh. M. <i>The main problems in activity of magistrates</i>	266	
Sardaryan T. S. <i>Procedural features of judicial examination of cases on protection of interests of uncertain circle of consumers</i>	269	
Davydova I. A., Korobova I. N. <i>Court's activities, related to the establishment of administrative supervision as an area of judicial control over the execution of criminal penalties</i>	272	
SECURITY AND LAW		
Abdulgamidova D. A., Alieva A. B. <i>Information security under conditions of modern developing technologies</i>	274	
Abukarova M. U. <i>National legal and international legal aspects of the physical protection of radiation and nuclear hazardous facilities</i>	276	
Kornienko O. V., Potapov A. I. <i>Some measures of administrative compulsion in the firearms trafficking and private security guard activity</i>	278	
Gordeev N. S. <i>About the of legislative definition of the concept «extremist materials» and the directions of its improvement</i>	281	
Zhuravlenko N. I., Mikhailova Ya. S. <i>Methods of constructing hypotheses in the exercise of investigative forecasting of economic crimes</i>	288	
LAW AND EDUCATION		
Lavrenuk N. M. <i>Education resources as a basis for the development of potential of the Republic of Bashkortostan population</i>	291	
Noskova Yu. B. <i>About positive experience of the organization of educational process with use of a "Legal clinic" innovative technique when carrying out seminar and practical trainings</i>	293	
Bondarenko A. V., Lukiyanov M. Yu. <i>The problem of socialization of children-orphan and children left without parental care, boarding period (socio-legal aspect)</i>	295	
HUMAN RIGHTS		
Alieva A. B. <i>Protection of social right regulations</i>	298	
Pavlenko E. M. <i>Human rights culture and constitutional consciousness: peculiarities of relationship</i>	300	
Salykina A. M. <i>International protection of human rights in cyberspace</i>	303	
Khanmurzaev R. B. <i>The problems of social protection of the child population in Russia</i>	308	
PSYCHOLOGY AND LAW		
Elov Z. S. <i>Researches of the reasons, conditions, factors of suicide risk</i>	310	
ECONOMICS AND LAW		
Tsypysheva A. A., Gareeva Z. A. <i>United financial and management accounting in regulatory regime of accounting by segments</i>	313	
Golyshv N. V. <i>The essence and functions of wages in education in the context of economic and legal relations</i>	314	
POLICY AND LAW		
Kerimhanova D. S. <i>Right to oblivion</i>	316	
Bekishiev A. A. <i>The modern orientation of public administration in Russia</i>	318	
Geleranskiy P. S. <i>Subfederal authority as a part of the social political system</i>	320	
Masich V.A. <i>Two approaches to the definition of "soft power" in Russian discourse</i>	321	
Polonskaya D. D. <i>The mechanisms of formation and structure of the political myth</i>	325	
Saidova M. Z., Emirova M. N. <i>Geopolitical interests of the foreign states in Dagestan at the beginning of XX century</i>	327	
PHILOSOPHY AND LAW		
Avdonin A. N., Kadyrova G. F. <i>Modernization waves in Russia and coevolutionary global modernization</i>	330	
Bugera V. E., Gindullin N. F. <i>Ukranian fascism and nietzscheanism</i>	333	
Oreshnikov I. M. <i>About the philosophical and humanistic understanding of patriotism, internationalism, nationalism and cosmopolitanism</i>	335	
REVIEW		
Abashidze A. Kh., Gugunskiy D. A., Solntsev A. M. <i>Round table "Actual problems of modern international environmental law", devoted to the 60th anniversary of professor Mikhail Nikolayevich Kopylov</i>	337	
Zubreva E. A. <i>«Grenada» welcomes BRICS and SCO-2015 in Ufa</i>	340	
INFORMATION FOR AUTHORS		342
ABOUT THE AUTHORS		343

И. О. Краснова:
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующей кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия И. О. Красновой

I. O. Krasnova:
INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

Interview with Ph. D. in Law, professor, Head of Land and Environmental Law sub-faculty of the Russian Academy of Justice (RAJ) of the Supreme Court of the Russian Federation I. O. Krasnova

Краснова И.О.

Визитная карточка:

Ирина Олеговна Краснова родилась в г. Ленинграде. В 1975 г. окончила с отличием Московский государственный педагогический институт. В 1988 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Экологическое управление в США». В 1995 г. защитила степень магистра права в Университете Пейса, г. Нью-Йорк. В 1997 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме: «Экологическое право США: теоретико-правовое исследование».

В 1988 г. начала и продолжает свою педагогическую деятельность во Всесоюзном юридическом заочном институте – теперь именуемом Московской государственной юридической академией (МГЮА) им. О. Е. Кутафина, пройдя путь от старшего преподавателя до профессора кафедры аграрного и экологического права. В 2003 г. Высшей аттестационной комиссией И. О. Красновой присвоено звание профессора.

С 2000–2014 гг. – заведующая кафедрой земельного и экологического права Российской академии правосудия при Верховном Суде Российской Федерации.

Состояла членом Комиссии по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в Центральном федеральном округе. Имеет более 90 публикаций и научных трудов, включая монографии: «Экологическое право и управление США» (1992); «Экологическое право США: исследование теории и практики развития» (1996); «Основы экологического права Российской Федерации» под ред. Г. В. Мальцева (2003). Участвует в подготовке учебной и методической литературы. Автор учебника «Земельное право. Элементарный курс» (2001, 2003) и соавтор учебников «Земельное право» под ред. Г. Е. Быстрова, Р. К. Гусева (2006), «Экологическое право» под ред. Г. Е. Быстрова, Н. Г. Жаворонковой, И. О. Красновой (2007).

– Уважаемая Ирина Олеговна, читателям «Антологии интерэкоправа»¹ будет интересно узнать «из первых рук» о том, какие международные процессы и публикации способствовали развитию предметного направления на практике международного сотрудничества, в науке и образовании, какие тогда были альтернативы?

– Международное сотрудничество стран мира получило новый толчок своему развитию с начала 70-х годов прошлого столетия. Именно с этого времени принимается множество конвенций, направленных на охрану окружающей среды, главным образом, от загрязнения.

Стабильно развивались и другие традиционные сферы международно-правового регулирования, к примеру, охрана животного мира.

Развитию этих направлений способствовали преимущественно объективные процессы общественного развития. В первую очередь, это загрязнение окружающей среды, которое в этот период приобрело трансграничный и глобальный характер – загрязнение атмосферного воздуха, водных объектов,

разрушение озонового слоя, опустынивание, загрязнение, вызванное трансграничным перемещением отходов. Немаловажную роль в процессах активизации международного сотрудничества сыграла и общая благоприятная экономическая ситуация в мире, когда экономически развитые государства признали состояние окружающей среды элементом качества жизни и были готовы выделить часть своих доходов на улучшение этого состояния.

Кроме того, способствовала развитию международного экологического сотрудничества политическая ситуация. Несмотря на противостояние двух общественных систем в мире (капиталистической и социалистической), обе видели общий интерес в сотрудничестве по экологическим вопросам.

И, наконец, одним из важнейших катализаторов стали люди – общественные деятели, ученые, писатели, которые поднимали вопросы экологической деградации, формировали общественное мнение, объединялись и укрепляли свои ряды, принуждая власть заниматься охраной окружающей среды.

В это время выходят в свет труды, ставшие экологическим «взрывом». Вероятно, первой такой публикацией стала книга Рэчел Карсон «Тихая весна» (Silent Spring) 1962 г., показавшая опасность использования ДДТ, что подняло проблему использования химических веществ в целом. Речь также идет о монографии Барбары Уорд и Рене Дюбо «Земля только одна», опубликованной на русском языке в 1975 г., исследование коллектива авторов – Данеллы Медоуз, Дениза Медоуз и других,

¹ Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под ред. Е. А. Высторобца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. – 2-е изд. – М.-Уфа: МИРмгОС, Центр интерэкоправа ЕвразНИИПП, 2014. – 678 с. // Московская инициатива в развитии международного права окружающей среды [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://miel.d.narod.ru/index/anthology_of_interecolaw/o-10. – Дата доступа: 22.01.2014.

поддерживаемое Римским клубом, «Пределы роста», показавшее в том числе экологические последствия роста населения и экономики.

Филипп Сен-Марк в своей монографии «Социализация природы», опубликованной на русском языке в 1977 г., поднял вопрос о частной собственности на природу, вопросы соотношения экономических и экологических интересов. В монографии Роберта Аллена «Как спасти Землю», опубликованной в СССР в 1983 г., уже обсуждаются вопросы преодоления экологического кризиса. В этом процессе участвовали и наши ученые. Академик АН СССР Е. К. Фёдоров в 1977 г. опубликовал монографию «Экологический кризис и социальный прогресс». В 1993 г. вышел в свет труд известного ученого Н. Ф. Реймерса «Начала экологических знаний».

В 1988 г. вышла книга коллектива авторов под названием «Глобальная экологическая проблема».

В это же время формируется международное экологическое право, сплачиваются ряды юристов-экологов во всем мире, которые активно включились в процессы принятия конвенций и, в целом, формирования правовой науки международного экологического права.

– Многим будет интересно узнать, что повлияло на Ваш выбор посвятить свою карьеру решению проблем в этой области?

– Сами жизненные обстоятельства. Интерес к экологическому праву, который привил и поддерживал мой отец, Колбасов Олег Степанович; знания, которые я получила при подготовке своих диссертаций и во время учебы в Университете Пейса в США, изучая специальный курс международного экологического права; дальнейшая преподавательская и научная работа, которые стали частью моего мировоззрения.

Моя активная позиция также поддерживается событиями, как позитивными, так и негативными, в развитии экологического права, моим стремлением внести свою лепту в поддержание надлежащего уровня этого развития.

Честно сказать, распад СССР не улучшил фактического состояния дел в области охраны окружающей среды в России. Эффективность экологического законодательства в наше время, несмотря на его активное «количественное» развитие, вряд ли можно оценить высоко. В стране появились новые экологические проблемы, например: неизвестная ранее в таких масштабах проблема твердых отходов, форсированное истощение и даже расхищение природных ресурсов. Это не оставляет меня равнодушной.

– Ирина Олеговна, с самого ли начала все предпринимаемые на международном уровне усилия вызвали общее одобрение, или шла конструктивная борьба мнений, если мнения различались, какую позицию занимали Вы?

– Да, позиция на международном уровне была различной. До 90-х гг. поддержка экологического международного сотрудничества была относительно высокой. В 90-х гг., в период распространения рыночной модели развития в мире и выдвижения на первый план экономических интересов, даже стоял вопрос о расформировании ЮНЕП как бесполезной организации. США на первых порах отказались ратифицировать Конвенции о биоразнообразии и об изменении климата. Постепенно эта позиция стала более сдержанной, и сегодня, во времена роста разногласий между развитыми и развивающимися странами, определенных политических разногласий между США и Россией, отношение к международному сотрудничеству стало, я бы сказала, осторожным.

Мне посчастливилось участвовать в процессе согласования Конвенции об охране морской среды Каспийского моря, и я наблюдала, насколько внимательно представители стран-участниц изучали каждое слово текста Конвенции, в том числе опасаясь, что те или иные положения при их имплементации в законодательство могут создать неблагоприятные последствия для развития, либо их нарушение может стать причиной применения международных санкций.

Мое отношение к развитию экологического права и международного сотрудничества также было разным. На первом этапе, т.е. до середины 90-х гг., я занималась изучением вопросов охраны окружающей среды, скажем, обособленно, т.е. без учета сопутствующих процессов, считая, что охрана окружающей среды, как благородная цель, должна быть достигнута безусловно и любыми способами.

Постепенно для меня стало ясно, что интересы охраны окружающей среды не могут существовать изолированно от других общественных интересов. Необходимо сказать, что охрана окружающей среды, так же как и законодательство в данной области, не может быть приоритетной или абсолютной в системе правового регулирования общественных отношений.

Если говорить абстрактно, то самый эффективный способ обеспечения высокого качества природной среды – это отказ от общественного роста, особенно экономического, и возврат к первобытным моделям взаимодействия общества и природы. Однако ясно, что весь ход общественного развития не позволяет отказаться от других факторов общественного благополучия. Люди не хотят и объективно не могут сегодня жить без энергетического обеспечения, транспорта, бумаги, пока производимой из древесины, других материальных благ. Все это связано с потреблением природы. И отказаться от этого невозможно. Кроме того, особенно в условиях рыночной экономики и отсутствия единства в мире, экологические ограничения и требования могут очень легко использоваться для достижения преимуществ в международной торговле, в устранении конкурентов и даже в подавлении собственного экономического развития. Поэтому экологическое право должно вписываться в весь многоконтурный мир, сохраняя, однако, свое существование как абсолютно объективную потребность людей.

Развитие законодательства об охране окружающей среды должно учитывать жизненно важные потребности людей в других областях, при этом препятствуя разрушительным моделям экономического развития. К примеру, лимиты на выбросы и сбросы при всей их сегодняшней необходимости для поддержания устаревшей, но пока необходимой экономики – это атавизм. От него надо уходить. Но уходить, развивая современные технологии.

– Какие труды, выражаясь языком Устава ООН, наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций предопределили развитие международного экологического права и внутригосударственного экологического права в отдельных странах?

– У истоков развития международного экологического права стояли известные ученые из разных стран – Николас Робинсон (США), Александр Кисс (Франция), Вольфганг Бурене и его супруга Франсуаза Бурене-Гильмин (Германия), Дайна Шелтон (США), Дайна Бир (США), Питер Санд (Германия). И это только краткий список. Многих я знала лично, чем очень горжусь. Надо сказать, что в этом международном научном сообществе ценили и наших специалистов. В этот круг входили:

Олег Степанович Колбасов, Александр Сергеевич Тимошенко и другие.

Надо сказать, что вопросами развития международного экологического права занимались тогда многие сотрудники Института государства и права. Некоторые из них стали членами Комиссии по экологическому праву МСОП, принимали участие в рамках этой организации в подготовке международных конвенций.

К примеру, я сама была свидетелем работы упомянутых выше иностранных и российских специалистов по разработке Пакта по окружающей среде и развитию в рамках МСОП, текст которого был готов в середине 80-х гг. О. С. Колбасов в составе официальной делегации СССР участвовал в согласовании Конвенции о загрязнении воздуха на большие расстояния.

– Если говорить о роли Европейского регионально-го отделения Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в Женеве, в котором Вы работали, в развитии эколого-правового направления международного сотрудничества, какие, на Ваш взгляд, проблемы наиболее актуальны, что из несомненных достижений хотелось бы отметить?

– Я работала в Европейском региональном отделении ЮНЕП в Женеве в 1999 г. и занималась, главным образом, вопросами сотрудничества со странами бывшего СССР. Приоритетными направлениями были такие области, как сохранение биоразнообразия, отходы, разработка и продвижение Каспийской конвенции в рамках программы охраны региональных морей. Тогда проводились конференции в этих странах, что, кстати, дало мне возможность побывать в этих регионах.

Также в сотрудничестве с ЕЭК ООН проводилась работа по согласованию режима использования и охраны трансграничных водотоков. В итоге принята Конвенция об охране морской среды Каспийского моря, межгосударственные соглашения об использовании и охране трансграничных рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

Лично я, благодаря этой работе, приобрела уникальные знания и опыт, которые до сих пор использую уже в своей преимущественно преподавательской деятельности.

– Кто еще входил в состав Совета управляющих Академии экологического права МСОП, в каких международно-политических условиях создавалась Академия, и каков результат, «сухой остаток» ее работы, удалось ли объединить усилия юристов-экологов нескольких государств?

– Академия экологического права МСОП начала создаваться усилиями юристов-экологов разных стран мира еще в самом конце 90-х гг. при основной поддержке США и официально была зарегистрирована как некоммерческая организация в 2004 г. в Канаде на базе Университета Оттавы. Политические условия создания были относительно благоприятными. В целом доминировала общая поддержка необходимости создания такой абсолютной новой, с точки зрения вида деятельности организации – объединение усилий по развитию экологического права как учебной дисциплины. Так как участниками Академии могли быть только университеты, то политические интересы государств не влияли на развитие Академии и не мешали ему.

Сегодня членами Академии является более 150 университетов из стран всех регионов мира. Академия ежегодно проводит коллоквиумы – крупные международные конференции в разных странах (к примеру, Китай, США, Голландия, Новая Зеландия), где происходит познавательный обмен мнениями, участвует много молодых преподавателей. Академия издает

монографии с публикациями наиболее интересных докладов. Академия также имеет электронный журнал, участвует в лице профессоров университетов-членов в преподавании отдельных курсов экологического права на территории других государств.

Руководящим органом Академии является Совет управляющих, где на условиях ротации представлены выдвигаемые университетами представители. Первый Совет управляющих возглавлял Николас Робинсон – профессор Университета Пейса (США). В состав входили Хосе-Хуан Гонсалес (Мексика), Ко Кен Лиан (Сингапур), Бен Боер (Австралия), Донна Крейг (Австралия), Жильберто Ринкон (Колумбия), Мариан Петерс (Голландия). До 2011 г. я также входила в состав Совета управляющих.

– Как Вы считаете, насколько реально влияние изданий Международного совета по экологическому праву, Комиссии по экологическому праву МСОП, Международной сети экологического права (eln) на развитие экологического права, международного и национального (внутригосударственного), его имплементацию и правоприменение?

– Конечно, влияние таких изданий и вообще деятельности международных организаций существенны. Обычно они все участвуют также и в практической работе по развитию международного сотрудничества. К примеру, МСОП получил статус наблюдателя при ООН, что дает возможность прямо участвовать в международных процессах. На международных мероприятиях как межгосударственного, так и общественного характера, представители этих организаций присутствуют и активно участвуют в их работе. Но справедливости ради нужно сказать, что такая активная позиция обеспечивается такими необходимыми для этого условиями, как: наличие финансирования, возможность свободно перемещаться по миру, знание английского языка (переводчиков никогда не предоставляют) и, наконец, готовность, обеспеченная законодательством, вести открытую деятельность. Конечно, в первую очередь речь идет о развитых странах. Влияние этих организаций и их изданий на российские процессы развития экологического права, как собственно и наших общественных организаций, сведены к минимуму. Причины все те же. Отсутствие финансирования, отсутствие средств на приобретение иностранных публикаций, по большому счету отсутствие государственной поддержки отечественным общественным экологическим организациям, готовности вести диалог. Наконец, языковой барьер между нами и коллегами из других государств.

– Скажите, пожалуйста, какую роль играют эксперты-экологи в принятии экологически значимых решений Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК ООН), Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО)?

– Большую. Эти организации в целом имеют существенный экологический уклон. Они реализуют много экологических проектов. Например, ЕЭК традиционно занимается охраной атмосферного воздуха, трансграничными водотоками, промышленными авариями с трансграничными последствиями. В их проектах участвуют известные ученые юристы-экологи из разных стран. Мне также посчастливилось работать в некоторых экологических проектах ЕЭК и ЭСКАТО.

– Ирина Олеговна, достаточно многочисленны международные программы, направленные на охрану окружающей среды и рациональное природопользование. Однако, к сожалению, не всегда известно, какова природо-

охранная и юридическая эффективность их работы, что они производят, кроме объемных технических заданий и отчетов об их выполнении, например, Специальная программа для экономики Центральной Азии (СПЕКА), программа ТАСИС, ДАНСИ (Дания), Europe Aid, программы Всемирного банка?

– Да, действительно их много, влияние существенно, хотя между их деятельностью и изменением чего-либо в нашей жизни может быть существенный разрыв. Иногда связь между появлением в законодательстве и в теории экологического права тех или иных новых концепций и результатами конкретного проекта настолько опосредована, что установить авторство невозможно. К примеру, мне пришлось участвовать в ряде проектов ЕС, связанных с нормированием и наилучшими имеющимися технологиями. Предложения на основе европейского опыта были сформулированы, собран большой и ценный фактический материал. Однако он «осел» в государственных органах и лежал без движения годы. Правда, уже сегодня обсуждается законопроект о технологическом нормировании. Был проект о водоотведении, и уже принят закон на эту тему.

– Ирина Олеговна, есть ли целевые показатели в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые приближают Россию от статуса наблюдателя к полноправному членству, как это может повлиять на регулирование экологических отношений и нашу позицию на международной арене?

– Насколько мне известно, Россия не стремится стать членом ОЭСР. Но даже если это произойдет, влияние на развитие экологического права и законодательства будет не очевидно заметным или радикальным.

Собственно, это влияние ощущается и сейчас без членства России. ОЭСР хорошо известна своими документами по экономическим инструментам регулирования охраны окружающей среды, и надо констатировать, идеи, которые там заложены, частично использованы в нашем законодательстве. Но есть и то, что не учтено. К примеру, именно стимулирующий характер платежей и других экономических инструментов, который был основой экономических инструментов ОЭСР, у нас утерян. А это, по сути, перечеркивает и всю систему экономического регулирования.

– Вы на личном опыте и научном багаже знакомы с экологическими проблемами стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии, особенно черноморского и каспийского бассейнов, Баренцева региона, Албании, Грузии, Киргизии, Узбекистана, арабского мира. Какова динамика их решения, роль международного права, научное и техническое содействие им России в этом в настоящее время?

– Основная проблема в наших бывших республиках в области охраны окружающей среды – низкий уровень развития экономики, связанное с этим отсутствие финансовых средств и, отсюда, отсутствие возможности решать их эффективно. Нет возможности переоснастить экономику, да, собственно, порой и переоснащать нечего, подавлена наука, не хватает знаний. Отходы, загрязнение, конфликты на почве доступа к природным ресурсам, и все это на фоне социальных проблем.

Конечно, содействие России развитию экологического законодательства и его реализации, практической работе по улучшению экологической ситуации было бы важным для этих государств. Несмотря на длительный период разрыва между нами, эти страны и их народы чувствуют себя все еще близкими России. Недаром их законодательство нередко до сих пор копирует российское. Конечно, вакуум в сотрудничестве тут же заполняется другими странами, международными

организациями. И сегодня ими уже реализуется множество экологических проектов на территории бывших советских республик. С одной стороны, международная помощь без участия России способна содействовать решению насущных экологических проблем этих государств. А с другой, без участия России такая помощь, при всем ее благородстве, будет увеличивать разрыв между нами.

– По Вашему мнению, достаточные ли меры предпринимаются по усилению межсекторного, междисциплинарного взаимодействия, какие российские организации, работающие в этом направлении, заслуживают поддержки?

– Межсекторальное и междисциплинарное взаимодействие необходимо, так как сама охрана окружающей среды, как это уже официально признано в Стратегии экологического развития России, не может развиваться обособленно от решения экономических и социальных вопросов. В научно-преподавательской среде такое взаимодействие уже есть. Это наши совместные конференции, публикации. Но еще более эффективным будет, если государственные органы, к примеру, Минэкономразвития России, Минприроды России, будут активно вовлекать ученых из разных областей знаний в качестве консультантов и экспертов.

– Ирина Олеговна, какое прикладное, например, учебное значение, по Вашему мнению, может иметь «Антология интерэкоправа», стоит ли обновлять базу в дальнейшем, что бы Вы пожелали соавторам и издателям?

– Несомненно, такое издание будет полезным во всех смыслах. Прежде всего, это будет источник ценнейшей информации. Главное теперь – уметь ею воспользоваться. Поэтому важно обеспечить широкое распространение Антологии, и она найдет своего благодарного читателя. Переиздание также будет полезным, так как поможет обновлять и расширять первичную информацию. Пожелание – только успехов!

– Уважаемая Ирина Олеговна, большое спасибо за взгляд очевидца, участника и сторонника непростой, часто неблагоприятной, но, безусловно, необходимой для нашего общества деятельности в области охраны окружающей среды, за интересное интервью!

Интервью брали:

Высторобец Евгений Анатольевич –

кандидат юридических наук,
доцент кафедры земельного
и экологического права Российской
академии правосудия
при Верховном Суде
Российской Федерации,
руководитель
Центра интерэкоправа
ЕврАзНИИПП

Власенко Валерий Николаевич –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры земельного
и экологического права Российской
академии правосудия
при Верховном Суде
Российской Федерации

Кембаев Ж. М.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ПРИНЯТЫХ РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается процесс имплементации обязательств, принятых Республикой Казахстан в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В этой связи в статье анализируются положения целого ряда международно-правовых документов, регулирующих деятельность ОДКБ, а также Военной доктрины и законодательных актов Республики Казахстан. В статье делается вывод, что Казахстан планомерно осуществляет имплементацию обязательств, принятых в рамках ОДКБ. При этом Казахстан преследует следующие наиболее приоритетные направления: 1) формирование системы коллективной безопасности в сочетании с расширением и укреплением мер доверия, открытости и партнерства на многосторонней основе; 2) развитие нормативной правовой базы в сфере военного и военно-технического сотрудничества с государствами – членами ОДКБ, исходя из необходимости создания единого оборонного пространства; 3) обеспечение эффективной борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств-членов; и 4) гармонизация национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности.

Ключевые слова: коллективная безопасность, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразия, военно-политическая интеграция.

Kembayev Zh. M.

IMPLEMENTATION OF THE OBLIGATIONS ACCEPTED BY THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE FRAMEWORK OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION

The article examines the process of implementation of obligations of the Republic of Kazakhstan in the framework of the Collective Security Treaty Organization (CSTO). In this regard, the paper analyzes provisions of a series of international legal instruments governing the activities of the CSTO as well as the Military Doctrine and legislative acts of the Republic of Kazakhstan. The article concludes that Kazakhstan systematically implements obligations accepted within the framework of the CSTO. In so doing Kazakhstan pursues the following priority areas: 1) formation of the collective security system in combination with spreading and strengthening trust, openness and partnership on multilateral basis; 2) development of the regulatory framework in the field of military and military-technical cooperation with the CSTO Member States, based on the need to create a single defense space; 3) ensuring effective struggle against international terrorism and extremism, illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, weapons, transnational organized crime, illegal migration and other threats to the security of the Member States; and 4) the harmonization of national legislation in defense, military construction and security spheres.

Keywords: collective security, Collective Security Treaty Organization (CSTO), Eurasia, military-political integration.

Республика Казахстан является одним из наиболее активных участников интеграционных процессов на постсоветском пространстве. При этом Казахстан заинтересован в продвижении интеграционных проектов не только экономического, но и военно-политического характера. Поэтому пытаюсь сформировать эффективную систему национальной безопасности в рамках действенной международной структуры безопасности, Казахстан является одним из основателей Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и играет одну из важнейших ролей в данной международной организации.

В рамках ОДКБ Республика Казахстан приняла на себя целый ряд обязательств, среди которых, согласно Уставу данной организации, можно выделить целый ряд нижеследующих наиболее важных положений. При этом следует отметить, что Республика Казахстан жизненно заинтересована в осуществлении данных мер и действий и целенаправленно вносит свой вклад в их имплементацию и претворение в жизнь, так как казахстанское руководство видит в ОДКБ надежный инструмент отражения как внешних, так и внутренних угроз. Имплементация обязательств, принятых Республикой Казахстан, в рамках ОДКБ четко просматривается в законодательных актах Республики Казахстан, таких как: Закон Республики Казахстан от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих», Закон Республики Казахстан от 7 января 2005 г. № 29-III «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан», Закон Республики Казахстан от 5 марта 2003 г. № 391-III «О военном положении», Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Ре-

Кембаев Ж. М.

спублики Казахстан», Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии терроризму», а также в Военной доктрине Республики Казахстан, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 161.

В отношении обязательств, принятых Республикой Казахстан в рамках ОДКБ, прежде всего (во-первых), следует отметить, что Казахстан обязался совместно с другими государствами-членами принимать меры к формированию в рамках ОДКБ действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету и реализацию права на коллективную оборону (ст. 7 Устава ОДКБ).

В то же время необходимо отметить, что Республика Казахстан следует т.н. многовекторной внешней политике. Поэтому наряду с активной ролью в ОДКБ, Казахстан также стремится к углублению стратегического партнерства на основе общих военно-политических интересов в рамках Шанхайской организации сотрудничества, к расширению сотрудничества в военной и военно-технической областях с США и государствами Европейского союза, а также к сотрудничеству на взаимовыгодной основе с иностранными компаниями, направленному на осуществление поставок вооружения и военной техники, создание совместных производств на территории Казахстана¹.

¹ См. Военную доктрину Республики Казахстан, утвержденную Указом Президента Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 161.

Согласно Закону Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» деятельность Республики Казахстан по обеспечению международной безопасности должна предусматривать, помимо целого ряда других фундаментальных факторов², также и формирование и укрепление эффективной системы коллективной безопасности в геополитическом окружении Казахстана³. Также следует отметить, что в соответствии с данным Законом, в целях получения международных гарантий национальной безопасности Республика Казахстан участвует в обеспечении международной (глобальной, региональной) безопасности, составной частью которой является национальная безопасность Казахстана.

Также первостепенное значение имеют положения, закрепленные в Законе Республики Казахстан от 7 января 2005 г. № 29-III «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан». В данном Законе четко проглядывается принятая в рамках ОДКБ концепция коллективной безопасности, а именно в норме, что состояние войны объявляется Парламентом Республики Казахстан не только в случае вооруженного нападения на Республику Казахстан другого государства (группы либо коалиции государств), а также в случаях, предусмотренных международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан (ст. 28 Закона). В то же время в Законе Республики Казахстан от 5 марта 2003 г. № 391-II «О военном положении» закрепляется, что в случае введения военного положения на территории Республики Казахстан или в отдельных ее местностях Президент Республики Казахстан принимает меры в соответствии с обязательствами Республики, вытекающими из международных договоров Республики Казахстан (ст. 15 Закона).

Также согласно Закону «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан» государственное регулирование в области обороны помимо всего прочего включает в себя также и международное сотрудничество в целях коллективной безопасности и совместной обороны (п. 15 ст. 4 Закона). Закон также регламентирует, что сотрудничество Республики Казахстан с другими государствами по обеспечению совместной обороны от агрессии, поддержанию мира и безопасности строится в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан (п. 1 ст. 32 Закона). Следует также отметить, что За-

кон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» определяет кроме всего в качестве основных функций системы обеспечения национальной безопасности также и участие в обеспечении международной и региональной безопасности в соответствии с международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан (п. 7 ст. 8 Закона).

Более того, в Законе «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан» отмечается, что Вооруженные Силы Республики Казахстан предназначены не только для отражения агрессии, вооруженной защиты территориальной целостности и суверенитета Республики Казахстан, охраны и обороны государственных и военных объектов, охраны воздушного пространства, борьбы с незаконными вооруженными формированиями, но и также для выполнения задач в соответствии с международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан (п. 1 ст. 18 Закона). При этом применение Вооруженных Сил РК для выполнения задач, вытекающих из международных обязательств Республики Казахстан, осуществляется на условиях и в порядке, оговоренных в международных договорах, ратифицированных Республикой Казахстан (п. 3 ст. 18 Закона).

Более того, следует отметить, что Казахстан ратифицировал: а) Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ от 11 октября 2000 г.⁴, согласно которому стороны могут направлять на территории государств-участников по их просьбе свои воинские формирования для совместного отражения внешней военной агрессии, проведения совместных контртеррористических операций или командно-штабных и войсковых учений; и б) Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ от 10 декабря 2010 г.⁵, согласно которому в состав сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ могут входить воинские части и подразделения национальных вооруженных сил и других войск сторон, подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел, внутренних войск, органов безопасности и специальных служб, а также коалиционная группировка войск, региональные (объединенные) группировки войск, группировки объединенных военных систем, а также коллективные миротворческие силы (при этом стратегические ядерные силы Российской Федерации выполняют функцию сдерживания от возможных попыток осуществления вооруженного нападения в отношении одной или нескольких сторон).

Во-вторых, Казахстан обязался принять меры к созданию и функционированию в рамках ОДКБ системы реагирования на кризисные ситуации, угрожающие безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету государств-членов, включая создание коалиционных (коллективных) сил ОДКБ, региональных (объединенных) группировок войск (сил), миротворческих сил, объединенных систем и органов управления ими, военной инфраструктуры (ст. 7 и 8 Устава ОДКБ).

В этой связи следует отметить, что Закон «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан» полностью учитывает тот факт, что в рамках ОДКБ сформированы подразделения Миротворческих сил на основе Соглашения о миротворческой деятельности ОДКБ от 6 октября 2007 г.⁶ и Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) в соответствии с Соглашением о КСОР ОДКБ от 14 июня 2009 г.⁷

2 Данные факторы включают: а) укрепление роли Казахстана в вопросах формирования глобального миропорядка; б) участие в международных организациях и форумах, деятельность которых отвечает интересам национальной безопасности Республики Казахстан; в) участие за пределами страны в мероприятиях, направленных на обеспечение национальной безопасности в соответствии с международными договорами Республики Казахстан; г) решение в необходимых случаях совместно с сопредельными государствами вопросов, касающихся обеспечения национальной безопасности; и д) заключение международных договоров, отвечающих интересам национальной безопасности Республики Казахстан.

3 Следует отметить, что в настоящее время выделяются следующие внешние угрозы безопасности Республики Казахстан: 1) социально-политическая нестабильность в странах региона и вероятность вооруженных провокаций; 2) наличие вблизи границ Казахстана очагов военных конфликтов; 3) использование иностранными государствами или организациями военно-политического давления, новейших технологий информационно-психологической борьбы для вмешательства во внутренние дела Республики Казахстан с целью обеспечения собственных интересов; 4) расширение влияния военно-политических организаций и союзов в ущерб военной безопасности Казахстана; 5) деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, в том числе кибертерроризм, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах; 6) осуществление отдельными государствами программ по созданию оружия массового уничтожения и средств его доставки, незаконное распространение технологий, оборудования и компонентов, используемых для его производства, а также технологий двойного назначения. См. Военную доктрину Республики Казахстан, утвержденную Указом Президента Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 161.

4 Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 15 марта 2012 г. № 1-V.

5 Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 16 марта 2012 г. № 3-V.

6 Данное Соглашение вступило в силу для Казахстана после принятия Закона Республики Казахстан от 24 октября 2008 г. № 73-IV «О ратификации Соглашения о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности».

7 Данное Соглашение вступило в силу для Казахстана после принятия Закона Республики Казахстан от 17 февраля 2010 г. № 251-IV

Так, согласно Закону часть состава Вооруженных Сил может входить в объединенные вооруженные силы или находиться под объединенным командованием в соответствии с международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан (п. 4 ст. 18 Закона). Кроме того, Закон допускает дислокацию соединений и воинских частей Вооруженных Сил РК за пределами территории Республики Казахстан на основе международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан (п. 3 ст. 25 Закона).

В другом законодательном акте – Законе Республики Казахстан от 16 февраля 2012 г. № 561-IV «О воинской службе и статусе военнослужащих» указывается, что действие настоящего Закона распространяется на всех военнослужащих Республики Казахстан, в том числе на военнослужащих Республики Казахстан, проходящих воинскую службу в составе объединенных (коалиционных) вооруженных сил, а также миротворческих сил в соответствии с международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан (ст. 4). Кроме того, согласно данному Закону военнослужащий обязан не только 1) соблюдать Конституцию и другие нормативные правовые акты Республики Казахстан, а также соблюдать требования общевоинских уставов; 2) принять военную присягу в установленном порядке; 3) точно и в срок выполнять приказы командиров (начальников); но и 4) участвовать в составе воинских частей и подразделений Вооруженных Сил, объединенных (коалиционных) вооруженных сил в соответствии с международными договорами в вооруженных конфликтах.

Вышеуказанные законодательные положения находят свое отражение и в Военной доктрине Республики Казахстан, согласно которой Республика Казахстан стремится укреплять сотрудничество с государствами – участниками ОДКБ в рамках коалиционного военного строительства, осуществляемого в интересах обеспечения совместной безопасности и коллективной обороны в случае военной агрессии⁸. Также в Военной доктрине говорится, что важной составной частью политики Республики Казахстан по укреплению коллективной и национальной безопасности является миротворческая деятельность. Миротворческая деятельность имеет большое значение для продвижения военно-политических позиций и интересов Казахстана в международных делах, а также в значительной степени поднимает авторитет страны на международной арене. В этой связи Республика Казахстан стремится принимать активное участие в миротворческих операциях под эгидой ООН, проводимых на основании выданного правового мандата. При этом основными принципами участия Казахстана в миротворческих операциях являются беспристрастность и сохранение полной нейтральности, отсутствие особых отношений с какой-либо из конфликтующих сторон, отказ от прямого или косвенного содействия в реализации интересов одной из сторон,

«О ратификации Соглашения о Коллективных силах оперативно-реагирования Организации Договора о коллективной безопасности».

8 При этом основными направлениями в коалиционном военном строительстве Республика Казахстан на среднесрочный период считает: 1) совершенствование нормативной правовой базы по вопросам коалиционного военного строительства; 2) повышение эффективности совместного планирования применения коалиционных сил; 3) подготовку войсковых контингентов к выполнению задач по предназначению в интересах обеспечения совместной безопасности и коллективной обороны по согласованным программам и планам; 4) совершенствование вопросов взаимодействия сил и средств системы коллективной безопасности, форм и способов совместных действий; 5) создание объединенной системы противовоздушной обороны государств – членов ОДКБ и ее региональных компонентов; 6) активизацию совместных усилий в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, сепаратизмом и наркобизнесом; 7) участие в процессе нераспространения оружия массового уничтожения; 8) создание совместных предприятий по ремонту вооружения и военной техники, проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по их модернизации; а также 9) подготовку военных кадров и развитие военной науки.

если это ведет к ущемлению интересов других участников конфликта⁹.

Также следует отметить, что Казахстан ратифицировал Соглашение о создании системы управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ от 6 октября 2007 г.¹⁰, в соответствии с которым была создана система управления силами и средствами ОДКБ, т.е. совокупность функционально взаимосвязанных между собой органов управления, пунктов управления и средств управления (системы связи, автоматизированные системы управления, а также специальные системы), составляющих организационно-техническую основу управления коалиционными (региональными) группировками войск (сил) в интересах обеспечения национальной и коллективной безопасности сторон. При этом система управления силами и средствами ОДКБ базируется на элементах систем управления сторон в регионах (районах) коллективной безопасности с учетом общности оборонного пространства, оперативного оборудования и инфраструктуры регионов (районов) коллективной безопасности.

Более того, Казахстан также ратифицировал Соглашение об основных принципах создания системы скрытого управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ от 14 июня 2009 г.¹¹ с целью сохранения в тайне мероприятий по руководству силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ во всех условиях деятельности и принятой системы управления ими.

В-третьих, в рамках ОДКБ Казахстан обязался координировать и объединять усилия с другими государствами-членами в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств-членов (ст. 8 Устава ОДКБ)¹².

В этом отношении следует отметить, что Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-1 «О противодействии терроризму» закрепляет, что в соответствии с международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан, в необходимых случаях для участия в антитеррористической операции могут привлекаться подразделения специального назначения иностранных государств (п. 2 ст. 14 Закона). Также Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 № 31 «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г. провозглашает готовность Казахстана сотрудничать с иностран-

9 Кроме того, следует отметить, что главным в миротворческой деятельности Казахстана является принципиальная позиция государства в деле консолидации коллективных усилий в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН и общепризнанными нормами международного права для обеспечения региональной и международной безопасности. В целях укрепления миротворческого потенциала будет продолжаться развитие регионального миротворческого центра. Выполнение задач в операциях по поддержанию и восстановлению мира возлагается на специально подготовленные по международным стандартам подразделения Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан. Их участие в миротворческих операциях осуществляется на основании решения Парламента Республики Казахстан, принимаемого в соответствии с Конституцией, законодательством Республики Казахстан и ратифицированными международными договорами.

10 Закон Республики Казахстан от 24 октября 2008 г. № 75-IV.

11 Закон Республики Казахстан от 17 февраля 2010 г. № 252-IV.

12 В этой связи следует отметить, что в настоящее время выделяются следующие внутренние угрозы безопасности Республики Казахстан: 1) деятельность экстремистских, националистических и сепаратистских движений, организаций и структур, направленная на дестабилизацию внутренней обстановки в стране, изменение конституционного строя с использованием методов вооруженного насилия; 2) создание и деятельность незаконных вооруженных формирований; 3) незаконное распространение оружия, боеприпасов, взрывчатых и других средств, которые могут быть использованы для диверсий, террористических актов или иных противоправных действий. См. Военную доктрину Республики Казахстан, утвержденную Указом Президента Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 161.

ными государствами и международными организациями в целях профилактики, выявления и пресечения экстремизма. Кроме того, в соответствии с Государственной программой по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 гг. специальные государственные службы и правоохранительные органы Казахстана должны активно взаимодействовать в частности также и с ОДКБ¹³.

В-четвертых, согласно Уставу ОДКБ Казахстан обязался принимать решения о размещении на своих территориях группировок войск (сил), объектов военной инфраструктуры государств, не являющихся членами ОДКБ, только после проведения неотложных консультаций (согласования) с другими государствами-членами (ст. 7 Устава ОДКБ). Более того, согласно Протоколу о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов ОДКБ от 20 декабря 2011 г. стороны должны принимать подобные решения не только после проведения неотложных консультаций (согласования) с другими сторонами, но и при отсутствии их официальных возражений (ст. 1 Протокола)¹⁴.

В этой связи также следует отметить, что Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» регламентирует, что не допускается, за исключением случаев, предусмотренных международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан: 1) размещение на территории Казахстана военных баз иностранных государств и (или) международных организаций; 2) транзит через территорию Казахстана воинских формирований, вооружений и военной техники иностранных государств и (или) международных организаций (п. 4 ст. 20 Закона).

Более того, согласно Соглашению об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств – членов ОДКБ от 18 июня 2004 г. стороны разработали и утвердили Перечень объектов военной инфраструктуры для совместного использования коалиционными (региональными) группировками войск (сил) и перспективный план их создания, развития и содержания, а также представили друг другу тактико-технические данные существующих и планируемых к развитию и созданию объектов военной инфраструктуры, выделенных для совместного использования (ст. 4 и 5 Соглашения)¹⁵.

В-пятых, Казахстан принял на себя обязательство взаимодействовать в сферах военно-технического (военно-экономического) сотрудничества, обеспечения вооруженных сил, правоохранительных органов и специальных служб необходимыми вооружением, военной, специальной техникой и специальными средствами, подготовки военных кадров и специалистов для национальных вооруженных сил, специальных служб и правоохранительных органов (ст. 7 Устава ОДКБ).

В этом отношении прежде всего следует отметить, что Республика Казахстан ратифицировала Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 24 мая 2000 г.¹⁶, а также Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог го-

сударств – членов ОДКБ от 28 апреля 2003 г.¹⁷ Также Казахстан ратифицировал Протокол о механизме оказания военно-технической помощи государствам – членам ОДКБ в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии от 6 октября 2007 г.,¹⁸ который определяет порядок и условия оказания военно-технической помощи (т.е. предоставления продукции военного назначения на безвозмездной или иной льготной основе) в целях поддержания и восстановления боеготовности Вооруженных Сил государств – членов ОДКБ в случае возникновения угрозы совершения акта агрессии против какого-либо государства – члена ОДКБ, либо когда оно стала объектом актов терроризма или других угроз суверенитету и территориальной целостности. Также Казахстан ратифицировал подписанное одновременно с вышеуказанным Протоколом Соглашение о льготных условиях поставок специальной техники и специальных средств для оснащения правоохранительных органов и специальных служб государств – членов ОДКБ¹⁹.

Также 10 декабря 2010 г. Казахстан подписал, а затем ратифицировал следующие документы: а) Протокол об обеспечении технической и информационной совместимости вооружения и военной техники сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ,²⁰ целью которого является обеспечение пригодности вооружения и военной техники, находящихся на вооружении объединений, соединений, частей и подразделений, выделенных из национальных вооруженных сил и других войск Сторон в состав сил и средств системы коллективной безопасности к совместному использованию в заданных условиях, выполнению согласованных оперативно-тактических нормативов, осуществлению технического обслуживания и войскового ремонта с использованием средств технического обеспечения, находящихся на оснащении вооруженных сил сторон; б) Соглашение о сохранении специализации предприятий и организаций, участвующих в производстве продукции военного назначения в рамках ОДКБ²¹, согласно которому стороны обеспечивают необходимые условия по сохранению специализации предприятий и организаций, участвующих в производстве продукции военного назначения и поставках необходимых для этого материалов и полуфабрикатов, комплектующих элементов и изделий, а также в выполнении работ и оказании услуг военного назначения, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности; в) Соглашение о сотрудничестве государств – членов ОДКБ в области разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации, продления сроков эксплуатации и утилизации продукции военного назначения,²² в рамках которого стороны сотрудничают в сфере разработки, испытания и производства

13 Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 сентября 2013 г. № 648.

14 Данный Протокол вступил в силу для Казахстана после принятия Закон Республики Казахстан от 30 января 2014 г. № 170-V «О ратификации Протокола о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности».

15 Соглашение вступило в силу для Казахстана после принятия Закона Республики Казахстан от 20 мая 2005 г. № 52-III «О ратификации Соглашения об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности».

16 Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 2 апреля 2001 г. № 174.

17 Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 22 апреля 2008 г. № 27-IV.

18 Ратифицирован Законом Республики Казахстан от 15 декабря 2008 г. № 105-IV.

19 Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 16 июня 2011 г. № 441-IV. К подобной технике и средствам относятся средства связи, защиты информации, технические средства информационных и телекоммуникационных систем, средства радиоконтроля, специализированные территориально распределенные автоматизированные системы, типовые локальные сети вычислительной техники, средства жизнеобеспечения, средства индивидуальной защиты, в том числе бронезащиты, средства оперативной, криминалистической и поисковой техники, инженерно-технические средства, системы охраны, наблюдения и контроля, оперативно-служебный транспорт, технические средства обеспечения безопасности дорожного движения, а также иные технические средства и их комплектующие, принятые на снабжение правоохранительных органов и специальных служб Сторон и не относимые законодательством сторон к продукции военного назначения.

20 Ратифицирован Законом Республики Казахстан от 8 апреля 2012 г. № 9-V.

21 Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 23 апреля 2012 г. № 13-V.

22 Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 8 апреля 2012 г. № 8-V.

продукции военного назначения, эксплуатации вооружения и военной техники, обучения специалистов по эксплуатации и ремонту вооружения и военной техники, ремонта и модернизации вооружения и военной техники, продления сроков эксплуатации вооружения и военной техники и утилизации (ликвидации) выработавших свой срок службы (ресурс) вооружения и военной техники; и г) Соглашение об общих принципах создания межгосударственных научно-производственных объединений в ОДКБ по выпуску продукции военного назначения²³.

В-шестых, в рамках ОДКБ Казахстан обязался согласовывать и координировать внешнеполитические позиции с другими государствами-членами по международным и региональным проблемам безопасности, используя в том числе консультационные механизмы и процедуры ОДКБ.

Казахстан с озабоченностью воспринимает эскалацию международной нестабильности, связанной с конфликтными и кризисными ситуациями, прежде всего на постсоветском пространстве, Ближнем и Среднем Востоке и в Афганистане. В этой связи он считает важным осуществление внешнеполитического взаимодействия, координации и выработки общих подходов к развитию современной международной обстановки в рамках ОДКБ. Следует отметить, что Казахстан практикует регулярный обмен информацией с другими странами ОДКБ по актуальным вопросам международной обстановки, и в первую очередь региональной безопасности, а также ключевым международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Казахстан регулярно проводит, прежде всего накануне важных международных форумов, консультации на высоком уровне заинтересованных министерств и ведомств государств-участников по вопросам международной и региональной безопасности для выработки по ним согласованных позиций. Также надо подчеркнуть, что Казахстан и другие государства – члены ОДКБ объединены общим пониманием того, что главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности должна лежать на Совете Безопасности ООН.

Подводя итог данной статьи, можно констатировать, что Казахстан стремится обеспечить свою национальную безопасность на основе политики сотрудничества и добрососедских отношений между государствами, их равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного разрешения международных споров, отказа от применения первыми вооруженной силы, укрепления военной организации государства исходя из прогнозируемых угроз, определения и использования наиболее эффективных форм и способов их нейтрализации. В этой связи он планомерно осуществляет имплементацию обязательств, принятых в рамках ОДКБ. При этом Казахстан преследует следующие наиболее приоритетные направления: 1) формирование системы коллективной безопасности в сочетании с расширением и укреплением мер доверия, открытости и партнерства на многосторонней основе; 2) развитие нормативной правовой базы в сфере военного и военно-технического сотрудничества с государствами – членами ОДКБ, исходя из необходимости консолидации усилий по созданию единого оборонного пространства и обеспечению коллективной военной безопасности, а также дальнейшего развития сил и средств ОДКБ; 3) обеспечение эффективной борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств-членов; и 4) гармонизация национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416-І «О противодействии терроризму».
2. Закон Республики Казахстан от 5 марта 2003 года № 391-ІІ «О военном положении».
3. Закон Республики Казахстан от 7 января 2005 года № 29-ІІІ «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан».
4. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-ІV «О национальной безопасности Республики Казахстан».
5. Закон Республики Казахстан от 16 февраля 2012 года № 561-ІV «О воинской службе и статусе военнослужащих».
6. Военная доктрина Республики Казахстан, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 161.
7. Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками Договора о коллективной безопасности от 24 мая 2000 г.
8. Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ от 11 октября 2000 г.
9. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г.
10. Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог государств – членов ОДКБ от 28 апреля 2003 г.
11. Соглашение об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств – членов ОДКБ от 18 июня 2004 г.
12. Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ от 6 октября 2007 г.
13. Протокол о механизме оказания военно-технической помощи государствам – членам ОДКБ в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии от 6 октября 2007 г.
14. Соглашение о создании системы управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ от 6 октября 2007 г.
15. Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ от 14 июня 2009 г.
16. Соглашение об основных принципах создания системы скрытого управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ от 14 июня 2009 г.
17. Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ от 10 декабря 2010 г.
18. Протокол об обеспечении технической и информационной совместимости вооружения и военной техники сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ от 10 декабря 2010 г.
19. Соглашение о сохранении специализации предприятий и организаций, участвующих в производстве продукции военного назначения в рамках ОДКБ от 10 декабря 2010 г.
20. Соглашение о сотрудничестве государств-членов ОДКБ в области разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации, продления сроков эксплуатации и утилизации продукции военного назначения от 10 декабря 2010 г.
21. Соглашение об общих принципах создания межгосударственных научно-производственных объединений в ОДКБ по выпуску продукции военного назначения от 10 декабря 2010 г.
22. Протокола о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов ОДКБ от 20 декабря 2011 г.

²³ Ратифицировано Законом Республики Казахстан от 16 марта 2012 г. № 4-V.

Аюпова З. К., Кусаинов Д. У.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В данной статье исследуются юридические процессы, происходящие в современном евразийском экономическом пространстве, а также их роль в совершенствовании и развитии правовой интеграции экономики Республики Казахстан в Евразийском союзе. Рассматриваются вопросы интернационализации законодательства, правовой аннигиляции, юридической экспансии, рецепции права, унификации (ассимиляции) права, эмуляции или подражания, проникновения и гармонизации. Приводятся мнения авторитетных ученых-правоведов государств СНГ по изучаемым вопросам.

Ключевые слова: юридические процессы, Евразийский экономический союз, интернационализация законодательства, гармонизация права, правовые механизмы регулирования интеграции, унификация права, эмуляция права, юридическая экспансия, рецепция права, правовая аннигиляция.

Ayupova Z. K., Kussainov D. U.

LEGAL PROCESSES AS A FUNDAMENTAL OF MODERN EURASIAN LEGAL INTEGRATION

This article examines the legal processes in modern Eurasian economic area, as well as their role in improvement and development of legal integration of the Republic of Kazakhstan economy in the Eurasian Union. Issues about internationalisation of legislation, legal annihilation, law expansion, reception of law, unification (assimilation) of law, emulation or imitation, penetration and harmonization are considered. The opinions of distinguished law scholars of the CIS states on the issues studied are given.

Keywords: legal processes, the Eurasian Economic Union, internationalization of legislation, harmonization of law, legal mechanisms of control over integration, unification of the law, emulation of law, legal expansion, reception of law, legal annihilation.

Важнейшими юридическими процессами правовой интеграции являются, в первую очередь, гармонизация права, которая определяет основное направление деформации правовых систем, а также унификация (ассимиляция) права, юридическая экспансия (или поглощение), рецепция права и др. В этом отношении, гармонизация права – это основной юридический процесс правовой интеграции, который выражается в стандартизации элементов механизма правового регулирования в государствах для обеспечения правового равновесия и синхронизации поведения, а также упорядоченности, эффективности и компромисса интересов во взаимодействии государств и их правовых систем. Это положение и определение являются основными выводами данной части исследования, и сделаны на основе анализа всех применимых научно-теоретических положений и необходимой информации. Далее рассматривается вопрос об их обоснованности.

Юридический процесс в широком понимании в теории права определяется В. Н. Баландиным как собирательное научное понятие, которое представляет собой комплекс всех возможных правовых процедур, производств, все процессуальные проявления в праве¹. Также отмечается, что в общем виде юридический процесс представлен правотворческим и правоприменительными процессами и приводится следующая классификация юридических процессов, которая совпадает с общим пониманием этого явления в юридической науке:

- правотворческий процесс подразделяется в зависимости от разновидности принимаемого акта;
- правоприменительный процесс;

- юрисдикционные производства – уголовный, гражданский, арбитражный, конституционный, административный и др. процессы;
- неюрисдикционные процедуры – нотариальный, лицензионный, контрольный, регистрационный и др. процедуры.

Развитие современной правовой интеграции выражается в сближении правовых семей, как через развитие международного права, так и через процессы региональных интеграций и взаимодействий. Однако следует отметить, что сущность юридических процессов современной правовой интеграции выражается, в конечном счете, в сближении и интеграции на уровне конкретных правовых систем государств. Сам процесс эволюционного развития права на настоящем этапе, в своей сущности – это именно процесс сближения правовых систем.

Интересен также факт того, что эти процессы рассматриваются в доктрине не только как обусловленные объективными причинами, но также обусловленные и субъективной волей государств, которые сознательно используют или инициируют определенные формы и виды юридических процессов в правовой интеграции. К примеру, Чолахян А. В. рассматривает эти юридические процессы (интернационализация, взаимопроникновение и отражение системами национального права друг друга, правовая интеграция) как организованную деятельность, призванную обеспечить нормальное функционирование национальных юридических систем и их взаимную сопрягаемость. Юридические процессы рассматриваются как сознательные действия государств, специально направленные

Аюпова З.К.

Кусаинов Д.У.

1 Принципы юридического процесса: Дисс. на соиск.уч.степ.к.ю.н.– Саратов, 1998.– С. 22.

на обеспечение сбалансированного, бесконфликтного функционирования правовых систем². Рассматриваемые юридические процессы отличаются своей многогранностью и многоаспектностью. Научная доктрина, хоть и соглашается с этим, все же пока не выделила устоявшийся и общепризнанный перечень юридических процессов, являющихся составляющими элементами правовой интеграции. Этот пробел также является доводом в пользу актуальности изучения соответствующих вопросов. Например, выделяются различные процессы в ходе правовой интеграции, которые называются по-разному, но зачастую совпадают в своем содержании и формах, или же автор не делает разграничений между используемыми понятиями. Чолахян А. В. пишет о происходящих процессах унификации и гармонизации законодательства, интернационализации правовых норм, их адаптации в национальной правовой системе, влиянии международных институтов, рецепции, имплементации права и др., но не дает четких оснований для разграничения указанных процессов между собой.

Также в доктрине можно встретить мнения и положения, когда все процессы в правовой интеграции называют каким-либо общим понятием-термином или объединяющим названием. Кстати, часто используют термин «конвергенция». Теория конвергенции является полезным средством для анализа процесса, в ходе которого две совершенно разные страны принимают сходные позиции в отношении стратегических принципов и целей. Указывается, что такое сближение стратегий является «следствием следующих явлений и факторов: демократизации процесса формирования политического курса, гармонизации действий при определении глобальных целей, заимствования эффективных стратегий, участия национальных и международных неправительственных организаций в политических событиях стран и, наконец, детерминистским характером сущности проблемы». Определяющим моментом в этом процессе является участие международной организации.

Таким образом, можно отметить, что доктрина выделяет следующие юридические процессы в рамках правовой интеграции, которые указаны и раскрываются различными авторами в научной доктрине:

- **Интернационализация законодательства**, под которой понимается сближение принципов национальных законодательств и повышение уровня взаимодействия и взаимовлияния различных правовых систем в целях дальнейшего успешного развития и решения глобальных проблем (углубляющееся взаимодействие международного и национального права).
- **Правовая аннигиляция**, под которой понимают интеграцию иностранных юридических норм и конструкций в правовую систему государства и их поглощение традиционной средой, что приводит к появлению различных правовых мутаций (квазиюридических феноменов).
- **Юридическая экспансия**, выражающаяся в насильственной юридической ассимиляции, в навязывании (порой весьма жесткой) правовых традиций и конструкций (законодательства, процессуальных форм, судебной практики) одного государства в правовую жизнь другой страны.
- **Рецепция права** понимается как одностороннее заимствование одним государством у другого крупных массивов законодательства.

- **Унификация (ассимиляция) права** – это введение двумя или более государствами единообразных норм в правовые системы. В зарубежной доктрине можно встретить интересные мнения о том, что именно ассимиляция права является ведущим процессом на пути построения нового правопорядка и ведет к гармонизации правовых систем. Ученый Ж. Вейнер использует термин «domestication», что можно по смыслу перевести как «национализация» или «включение» вопросов международных правоотношений в сферу регулирования национального/внутригосударственного права (речь, в первую очередь, идет об экономических отношениях – отмывание денег, финансирование терроризма и другие). Таким образом, речь идет не о том, что международное право распространяет свое действие на внутригосударственную сферу, а наоборот, национальное право распространяет свое действие за пределы внутригосударственных границ и рамок.
- **Эмуляция или подражание**, опять же, на примере процесса правовой интеграции в сфере управления охраняемыми территориями, «представляет собой процесс, при котором люди, ответственные за принятие решений, заимствуют у других стран принятые в них принципы и подходы. Стратегия страны может служить образцом для других государств; в иных случаях страны используют аналогичные формулировки основных положений». Определяющим моментом в этом процессе является участие общественности в политическом процессе.
- **Проникновение**. Используя вновь пример практического приложения правовой интеграции в сфере управления охраняемыми территориями, можно привести следующее раскрытие содержания проникновения – «в 70-х годах в США росла информированность людей о проблемах охраны окружающей среды. В середине 80-х американские поборники охраны природы, сами того не зная, прибегали к логике российских ученых начала века, биоцентрические высказывания которых были созвучны российским экологическим воззрениям в значительно большей степени, чем рекреационные идеи». Определяющим моментом в этом процессе является участие международной организации.
- **Гармонизация** понимается разными учеными по-разному. В основном, гармонизация рассматривается как сближение механизмов правового регулирования двух или более государств в отдельных отраслях в форме утверждения общих институтов, норм, устранения противоречий. Гармонизация правовых актов и норм с зарубежным правом предполагает, с одной стороны, соблюдение страной взятых на себя международных обязательств, а с другой – придание национальной правовой системе максимальной сбалансированности и эффективности. Гармонизация есть процесс обеспечения такой согласованности, применительно к правовым актам – соразмерности объему полномочий принявших их субъектов, согласованности между собой, достижения целей, заданных государственными институтами. Причем это не гладкий эволюционный путь, а путь движения со своими этапами, «приливами» и «отливами», со своими противоречиями. Гармонизация также, в сфере управления охраняемыми территориями, понимается «как международное сотрудничество, нередко осуществляемое при поддержке влиятельных международных организаций, признающих необходимость

2 Соотношение российских и мировых правовых систем: Дисс. на соиск.уч.степ.к.ю.н. – Саратов, 2009. – С. 17.

взаимосвязей различных стран для успешного выполнения комплексных проектов».

На основе анализа всех применимых данных и материалов различных ученых, описывающих и изучающих формы и процессы современной интеграции правовых систем, следует вывести перечень процессов, которые составляют основу процесса правовой интеграции и глобализации права в целом в настоящий период. Стоит также отдельно отметить, что выделяемые процессы правовой интеграции применимы только для анализа ситуации именно в период первичной правовой интеграции, так как на уровне абсолютной правовой интеграции будут применимы совершенно другие подходы и принципы, и соответственно другие процессы. В отношении периода абсолютной правовой интеграции мы можем описывать характеристики процесса глобального правопорядка только в общих пределах, очерченных общей заданностью и направленностью процесса развития и саморегуляции общества как системы общественных отношений.

Таким образом, рассматриваемые процессы изучаются применительно именно к процессу первичной правовой интеграции и на основе обобщающего анализа доктринальных мнений различных ученых, разных научных подходов, примеров практики государств, а также региональных и международных образований в этой сфере правовой интеграции.

Вышеприведенный подход обобщающего анализа позволяет определить основные процессы, через которые протекает правовая интеграция в настоящий момент. Формами правовой интеграции являются интеграционные процессы на региональном и международном уровнях. В обеих формах сотрудничества государств и правовой интеграции основными можно выделить следующие: гармонизацию как основной и важнейший процесс правовой интеграции, и другие процессы. Важно учитывать заявленное положение о том, что правовая интеграция в сущности своей – это именно интеграция правовых систем и соответствующих элементов, но не правовых семей или групп правовых систем. Необходимо сначала рассмотреть наиболее важные из процессов правовой интеграции, и только после этого охарактеризовать главное направление и общий процесс «гармонизации» правовых систем. Самыми важными составляющими процессов правовой интеграции являются:

- гармонизация права;
- унификация (ассимиляция) права;
- рецепция права;
- юридическая экспансия.

Юридическая экспансия. В приведенном определении понятия «юридическая экспансия» этот процесс рассматривался именно как насильственная ассимиляция и жесткое навязывание правовых традиций и конструкций. Этот процесс был наиболее ярким выражением правовой интеграции в периоды создания и управлениями ведущими странами мира колоний, управляемых территорий, в период существования т.н. метрополий. Тем не менее, нельзя рассматривать юридическую экспансию односторонне и применительно только к вопросу о колониях, так как сама эволюция права в самые разные периоды истории человечества проходила именно через этот процесс, и это положение применимо не только к колониям европейских государств до XX века. К примеру, сегодня доктрина часто говорит о тенденции того, что США, используя разные рычаги, вынуждают государства приводить свое законодательство (в определенных моментах) к неким стандартам и принципам. Некоторые авторы даже используют применительно к практике США по навязыванию правовой политики

термин «постмодернистская гегемония»³. Нет необходимости формирования нового определения для данного процесса правовой интеграции, так как содержательно в этом смысле абсолютно подходит понимание «юридической экспансии» как это приведено в определении В. Н. Карташова⁴.

Рецепция права. Сегодня процессы юридической экспансии, даже если и существуют, то совершенно в иной форме и диктуются не субъективным началом определенного государства, а объективной необходимостью принятия каких-то иностранных норм и сопровождаются добровольным согласием самих государств. Эта ситуация представляется понятием рецепции права. Под этим понимается «одностороннее взаимодействие одним государством у другого крупных массивов законодательства». Этот процесс правовой интеграции также наиболее распространен в региональных интеграционных отношениях. Нет необходимости формирования нового определения для данного процесса правовой интеграции, так как содержательно в этом смысле абсолютно подходит общепринятое понимание «рецепции права».

Унификация (ассимиляция) права. Главное отличие процесса унификации права от двух предыдущих выражается в том, что этот процесс двусторонний (или многосторонний). Он как бы является взаимосогласованной между сторонами рецепцией права. Этот процесс также выражается добровольностью государств и его отличием от других процессов является согласованный подход сторон в придании определенным элементам своей правовой системы согласованного унифицированного вида и состояния. Этот процесс имеет свое распространение как на международном уровне (к примеру, через деятельность международных организаций и международное право), а так и на региональном уровне (через межгосударственное сотрудничество и региональные образования).

Тем не менее, уже было отмечено, что этому процессу (ассимиляции права) зарубежные ученые придают особенное значение и рассматривают его несколько иначе, чем принято в нашей доктрине. Если отечественные ученые чаще связывают этот процесс с включением «внутригосударственных» вопросов в сферу регулирования наднационального права, то зарубежные ученые также говорят об обратном процессе, когда национальное право регулирует вопросы, выходящие за рамки внутригосударственной компетенции и это ведет к унификации права разных стран. Ж. Вейнер использует термин «domestication» и необходимо дать краткую характеристику его видения этого юридического процесса.

Он связывает этот процесс именно с экономическими, точнее с международными финансово-валютными отношениями. Транснациональные отношения создают транснациональные риски, которые проявляют свое негативное воздействие в рамках национальных правовых систем. Вследствие этого, государства стали «национализировать» эти транснациональные риски и стали «включать» их в сферу действия национального права. Это, по мнению Ж. Вейнера, ведет именно к «конвергенции» и «гармонизации» национальных правовых систем. Он связывает этот процесс с «приватизацией» функций управления в рамках национальной компетенции, к примеру, через локализацию контроля над участниками международно-валютных отношений или наложение ответственности на «локальные» банки по отслеживанию процессов «отмывания

3 Wiener J. Globalization and the harmonization of law. – 1999. – P. 10.

4 Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. – Ярославль. – 2006. – С.47.

денег» и других противоправных действий в рамках международной финансовой системы.

Однако, на основе общего анализа работы Ж. Вейнера, необходимо выделить два положения, которые представляют интерес для настоящего исследования:

- процесс «национализации» или «включения в национальное право» («domestication») не противоречит правовой интеграции, как это может показаться на первый взгляд, но наоборот является частью общего процесса гармонизации национальных правовых систем;
- этот процесс «национализации» или «включения в национальное право», как может показаться, говорит об усилении национального права и государства и, соответственно, можно говорить об ошибочности заявляемого кризиса концепций классического государства и права через их «размывание» («hollowing-out»). Это не так, и Ж. Вейнер соглашается с существованием этого кризиса и говорит, что этот процесс ведет не к усилению государства и права, но к «размыванию» общей гармонизацией национальных правовых систем.

Следует привести пример универсализации (ассимиляции) права в практическом измерении. В этом отношении, применимой является зарубежная доктрина, которая уделяет большое внимание влиянию современных тенденций на аспекты права, касающиеся экономических отношений. По их мнению, международные экономические, торговые, финансовые и другие отношения привели к тому, что применимое право государств в этом направлении становится схожим и одинаковым. Само развитие общества и общественных отношений устанавливает определенные «правила и стандарты игры» для участников. Согласно этим правилам участники осуществляют одинаковые действия, и эта схожесть действий является точкой интеграции права разных государств и совместной ассимиляции. Берман и Кауфман⁵ в этом отношении пишут: «Общее сходство договорного права и соответствующей практики образовалось вследствие схожих коммерческих потребностей участников в международных торговых операциях» (“the general similarities of contract practice and contract law are due in part to common commercial needs shared by all who participate in international trade transactions”). В качестве ассимилирующегося элемента выделяют судебное обеспечение купли-продажи, то есть современный международный арбитраж. К этому можно привести и мнения других ученых, которые, в общем, говорят о том, что универсализация практики купли-продажи заставила ее участников из разных стран действовать в определенных рамках и согласно определенным стандартам. Является очевидным то, что это стало определенным интегрирующим моментом для ассимиляции права для разных государств, несмотря на их правовые, административные и политические особенности и различия.

Был приведен пример ассимиляции права в сфере экономических отношений. В современной ситуации можно видеть множество других тенденций и объектов, через которые протекает этот юридический процесс. В зарубежной доктрине очень коротко (без раскрытия содержания понятия) используется выражение «социально-интеграционные тенденции» («socially integrative tendencies»). Настоящее выражение мож-

но использовать для обозначения основы и причин данного юридического процесса – «унификации (ассимиляции) права», когда правовые системы государств приобретают схожие черты вследствие регулирования таких социально-интегрирующих сфер жизни (в качестве примера была приведена практика универсализации международной купли-продажи и арбитража).

В заключение отметим, что этот феномен понимается значительно шире, как важнейший процесс правовой интеграции и эволюционного развития права, который ведет к созданию единой модели правовой системы и затем к созданию компромиссного международного права. Необходимо рассматривать содержание этого процесса в заявляемом «широком» его понимании.

Пристатейный библиографический список

1. Принципы юридического процесса: Дисс. на соиск. уч.степ.к.ю.н. – Саратов, 2008. – 147 с.
2. Соотношение российских и мировых правовых систем: Дисс. на соиск. уч.степ.к.ю.н. – Саратов, 2009. – 151 с.
3. Wiener J. Globalization and the harmonization of law. – 1999. – 317 p.
4. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. – Ярославль. – 2006. – 172 с.
5. Berman H.J., C.Kaufman, “The law of international commercial transactions (Lex Mercatoria)” //Harvard International Law Journal. – Vol.19. –No.1. – 2008. – P.222-230.

5 Berman H.J., C.Kaufman, “The law of international commercial transactions (Lex Mercatoria)” //Harvard International Law Journal. – Vol.19. –No.1. –2008. – P.222.

Аубакиров Н. Е.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБРАЩЕНИЮ В СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В данной статье на основе положений нормативных актов, регламентирующих вопросы судопроизводства в Суде Евразийского экономического союза, приводятся некоторые рекомендации для хозяйствующих субъектов по судебной защите своих прав и интересов в рамках Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Суд Евразийского экономического союза, практические рекомендации, судопроизводство, хозяйствующий субъект.

Aubakirov N. E.

PRACTICAL ADVICE FOR APPEAL TO THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

In this article, based on the provisions of the regulations governing the issues of legal proceedings before the Court of the Eurasian Economic Union, some guidelines for business entities are given in judicial protection of their rights and interests in the framework of the Eurasian Economic Union.

Keywords: Court of the Eurasian Economic Union, practical advice, legal proceedings, business entity.

Аубакиров Н. Е.

Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) начал свою фактическую деятельность 1 января 2015 г. За первые полгода в Суд от хозяйствующих субъектов поступило три заявления. В принятии первых двух заявлений Суд отказал по различным основаниям. Третье заявление после устранения недостатков было принято к производству, однако в стадии судебного разбирательства истец отозвал его и Суд был вынужден прекратить производство по данному делу.

Как показала практика, первые заявления хозяйствующих субъектов, поступившие в Суд, вызвали обоснованные сомнения в их приемлемости и получили критическую оценку. В этой связи хозяйствующим субъектам предлагается придерживаться настоящих рекомендаций, которые могут служить ориентиром при реализации права на обращение в Суд.

В данном случае для целей судебной защиты под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства (п. 39 Статута Суда). Хозяйствующим субъектам, намеревающимся обратиться в Суд, в первую очередь рекомендуется ознакомиться с нормативно-правовой базой, в рамках которой функционирует Суд.

Основными документами, регулирующими вопросы судопроизводства в Суде, являются Статут Суда (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.), Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 октября 2014 г. № 85 «Об определении размера, валюты платежа, порядка зачисления, использования и возврата пошлины, уплаченной хозяйствующими субъектами при обращении в Суд Евразийского экономического союза», Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» (в том числе Регламент Суда), Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 102 «О порядке оплаты услуг экспертов специализированных групп, создаваемых Судом Евразийского экономического союза в рамках рассмотрения споров, предметом которых являются вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер» (в том числе Порядок оплаты услуг экспертов специализированных групп, создаваемых Судом в рамках рассмотрения споров, предметом которых являются вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер).

Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку некоторые вопросы судопроизводства могут регулироваться отдельными нормами Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор) и приложений к нему, иными международными договорами, заключенными в рамках Евразийского экономического союза и решениями органов Союза. Поэтому при возникновении дополнительных вопросов следует обращаться к полным текстам Договора, Статута Суда, Регламента Суда, иных международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, которые доступны для ознакомления на правовом портале Евразийского экономического союза (www.docs.eaeunion.org) и официальном сайте Суда (www.courteurasian.org).

Следует иметь в виду, что согласно п. 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения хозяйствующего субъекта к Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Предварительное обращение хозяйствующего субъекта должно быть рассмотрено Комиссией в течение трех месяцев со дня поступления. Получив письменный ответ ЕЭК, либо если Комиссия не приняла мер по урегулированию спора в указанный срок, либо по взаимному согласию сторон спора до истечения названного срока, хозяйствующий субъект может направить заявление в Суд с приложением документов, подтверждающих соответствующие обстоятельства (пункты 44 и 45 Статута Суда).

В соответствии с Решением Высшего Евразийского экономического совета от 10 октября 2014 г. № 85 при обращении в Суд до подачи заявления хозяйствующий субъект уплачивает пошлину в размере 37 000 российских рублей, которая зачисляется на депозитный счет Суда. Банковские реквизиты для перечисления пошлины доступны на официальном сайте Суда. Начиная с 1 января 2016 г. будет производиться ежегодная корректировка размера пошлины в соответствии с индексом роста потребительских цен, прогнозируемым при подготовке проекта бюджета Евразийского экономического совета на соответствующий финансовый год. Размер пошлины утверждает решением Высшего Евразийского экономического совета.

Пошлина возвращается хозяйствующему субъекту в случае удовлетворения требований или по просьбе хозяйствующего субъекта, не подавшего заявления, до истечения трех лет после ее уплаты. В иных случаях возврат пошлины не пред-

усмотрен. Если хозяйствующим субъектом внесена пошлина больше установленного размера, ему возвращается разница в размере превышения. Если пошлина не уплачена или уплачена не в полном размере, заявление хозяйствующего субъекта не принимается к рассмотрению Судом.

Согласно ст. 2 Регламента Суда все документы представляются в Суд на русском языке либо с приложением их достоверного перевода на русский язык. Судопроизводство осуществляется на русском языке. Лица, участвующие в деле и не владеющие русским языком, вправе давать объяснения на другом языке и пользоваться услугами переводчика.

Заявление и прилагаемые к нему документы подаются в Суд в письменной форме на бумажном носителе и в электронной форме (в виде сканированных копий). Почтовый адрес, адрес электронной почты, номера телефона и факса доступны на официальном сайте Суда. Подлинники направленных в Суд копий документов в обязательном порядке должны быть представлены для сверки.

Заявление рекомендуется составлять таким образом, чтобы его текст был доступен для восприятия. Например, целесообразно использовать удобный для чтения шрифт, пронумеровать страницы, сгруппировать в логической последовательности составные части текста. Отдельные структурные элементы заявления могут быть сгруппированы в пункты, подпункты с соответствующей нумерацией и наименованием. Доводы предпочтительно излагать лаконично и мотивированно, со ссылками на конкретные доказательства, заявленные требования формулировать с достаточной определенностью.

С учетом требований ст. 9 Регламента Суда, в заявлении необходимо указать сведения о сторонах спора и их представителях (при наличии), предмет спора (суть заявления), фактические обстоятельства дела, правовое обоснование и соответствующие доводы, сведения о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора, требования истца, перечень прилагаемых документов. К заявлению прилагаются текст оспариваемого решения, копия свидетельства о регистрации хозяйствующего субъекта, документы, подтверждающие: соблюдение досудебного порядка урегулирования спора; полномочия на подписание заявления; оплату пошлины; направление в ЕЭК копии заявления с приложениями; а также иные документы, обосновывающие требования истца.

При этом в заявлении следует конкретно указывать:

– какие права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности непосредственно затрагиваются оспариваемым решением (его отдельными положениями) или действием (бездействием) Комиссии;

– каким образом оспариваемое решение (его отдельные положения) или действие (бездействие) Комиссии повлекло нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Требования хозяйствующего субъекта в заявлении необходимо формулировать в соответствии с п. 2 ст. 9 Регламента Суда, который выделяет два вида требований:

– о признании решения Комиссии или его отдельных положений не соответствующими Договору и (или) международным договорам в рамках Союза;

– о признании оспариваемого действия (бездействия) Комиссии не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

В срок, не превышающий 10 календарных дней со дня поступления заявления в Суд, стороны спора уведомляются о принятии заявления к производству, оставлении заявления без движения либо об отказе в принятии заявления с направлением копии соответствующего постановления (ст. 34 Регламента Суда).

После принятия заявления к производству Суд осуществляет подготовку дела к рассмотрению в порядке, предусмотренном ст. 39 Регламента Суда, в ходе которой у сторон спора

могут быть запрошены дополнительные документы и материалы.

Если заявление оставлено без движения с предоставлением срока для устранения недостатков, истцу следует принять неотложные меры к устранению указанных недостатков в срок, установленный в постановлении Суда. В случае если недостатки не будут устранены в установленный срок, Суд отказывает в принятии заявления согласно ст. 33 Регламента Суда.

Отказ в принятии заявления к производству не препятствует повторному обращению хозяйствующего субъекта в Суд с теми же требованиями. Следует иметь в виду, что при отказе в принятии заявления к производству возврат пошлины, уплаченной хозяйствующим субъектом, не предусмотрен.

В соответствии со ст. 36 Регламента Суда стороны спора уведомляются о месте и времени судебного заседания заблаговременно в разумный срок, в том числе путем размещения соответствующей информации на официальном сайте Суда не позднее, чем за 15 календарных дней до начала судебного заседания.

По правилам ст. 47 Регламента Суда представители сторон спора обязаны принять участие в судебном заседании. Вместе с тем стороны спора вправе просить Суд о рассмотрении дела в их отсутствие или об отложении судебного разбирательства. Неявка в судебное заседание представителей сторон спора, извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, не препятствует рассмотрению Судом дела по существу.

Состязательность является одним из принципов, на основе которых осуществляется судопроизводство в Суде (п. 53 Статута Суда). Необходимо помнить о том, что истец обязан обосновать свои требования, а ответчик вправе представить возражения на заявленные требования. Стороны спора вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства и несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий (ст. 23 Регламента Суда).

В любое время до вынесения решения Суда стороны спора могут урегулировать спор путем заключения мирового соглашения, кроме того, истец вправе отказаться от своих требований частично или полностью либо отозвать свое заявление (статьи 54 и 55 Регламента Суда). Обращаем внимание на то, что в таких случаях возврат пошлины, уплаченной хозяйствующим субъектом, не предусмотрен.

Надеемся, что данная информация окажется полезной и будет способствовать повышению активности хозяйствующих субъектов в вопросах судебной защиты своих прав и интересов в условиях углубления евразийской экономической интеграции.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.
2. Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.).
3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 октября 2014 г. № 85 «Об определении размера, валюты платежа, порядка зачисления, использования и возврата пошлины, уплаченной хозяйствующими субъектами при обращении в Суд Евразийского экономического союза».
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза».
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 102 «О порядке оплаты услуг экспертов специализированных групп, создаваемых Судом Евразийского экономического союза в рамках рассмотрения споров, предметом которых являются вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер».

Сейтимова В. Х.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Начальная стадия работы Суда Евразийского экономического союза выявила проблемные вопросы, связанные с применением норм права Союза о компетенции Суда по разрешению споров с участием хозяйствующих субъектов. Необходимость выработки критериев относимости спора к компетенции Суда нового интеграционного объединения становится более актуальной.

Ключевые слова: Суд Евразийского экономического союза, евразийская интеграция, компетенция суда, разрешение споров, хозяйствующий субъект.

Seitimova V. Kh.

ON SOME MATTERS OF COMPETENCY OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Initial work of the Court of the Eurasian Economic Union has identified problem issues related to application of the Union law on the Court's competency to disputes resolution with participation of business entities. The necessity to develop criteria to refer disputes to the competence of the Court of new integration association becomes more current.

Keywords: Court of the Eurasian Economic Union, Eurasian integration, competence of the court, disputes resolution, business entity.

Сейтимова В. Х.

1 января 2015 г., с вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор), начал функционировать постоянно действующий судебный орган Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) – Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд).

Пунктом 2 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут Суда) предусматривается, что целью деятельности Суда является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Договора перечисленные нормативные правовые акты, наряду с распоряжениями органов Союза, принятыми в рамках их полномочий, составляют право Союза.

Таким образом, Суду отведена роль основного регулятора единообразного применения права Союза государствами – членами Союза и органами Союза.

Как следует из п. 39 Статута Суда, к компетенции Суда относится рассмотрение споров по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, возникающих между государствами – членами Союза, между государством – членом Союза и Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия), между хозяйствующими субъектами и Комиссией.

Согласно п. 41 Статута Суда вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом, который при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

Следовательно, рассмотрение вопроса о компетенции Суда по разрешению конкретного спора является обязанностью Суда *ex officio*.

Начальная практика по заявлениям хозяйствующих субъектов показала, что из трех обращений, поступивших в Суд к настоящему времени, два заявления не были приняты к производству. Одно – как не подпадающее под компетенцию Суда, другое – в связи с несоблюдением порядка досудебного

урегулирования спора. Следующее заявление было принято к производству, однако впоследствии отозвано истцом на стадии судебного разбирательства.

Такая картина свидетельствует о том, что на текущем этапе деятельности Суда наблюдается недостаток качественных обращений хозяйствующих субъектов, позволяющих Суду реализовать свою компетенцию в полной мере.

Анализируя положения ст. 39 Статута Суда, можно выделить два вида заявлений хозяйствующих субъектов, рассмотрение споров по которым отнесено к компетенции Суда:

1) заявления о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

2) заявления об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В данном случае видится справедливым и приемлемым мнение А. С. Исполинова о том, что «...крайне широкая формулировка, использованная в Договоре, ставит Суд перед необходимостью выработать свое собственное толкование этого положения. Причем возможных вариантов у Суда не так уж и много: Суд может выбрать широкое толкование этой формулировки, и тогда он рискует оказаться погребенным под валом во многом необоснованных жалоб, либо пойти по пути Суда ЕС и со временем выработать своего рода аналог формулы Плаумана (Plaumann formula)»¹.

1 Исполинов А. С. Первые решения Суда ЕвразЭС: теоретические и практические юрисдикции // Российское правосудие. – 2013. – № 6. – С. 89–101.

Сопоставление содержания указанных норм Статута Суда позволяет выделить два ключевых критерия, имеющих значение для решения вопроса об отнесении спора к компетенции Суда.

Основным (обязательным) критерием при определении компетенции Суда является то, что оспариваемое решение или действие (бездействие) Комиссии *непосредственно затрагивает* права и законные интересы хозяйствующего субъекта.

В качестве дополнительного (факультативного) критерия следует рассматривать то, что такое решение или действие (бездействие) Комиссии *повлекло нарушение* прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Согласно пп. б) п. 1 ст. 45 Регламента Суда проверка факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов осуществляется при рассмотрении дела в судебном заседании.

Из ст. 26 Регламента Суда следует, что при решении вопроса о принятии заявления к производству осуществляется предварительное определение компетенции Суда рассматривать спор. На это также указывают положения ст. 39 Регламента Суда, предусматривающие возможность предоставления истцом дополнительных документов и материалов, имеющих отношение к спору, и уточнения своих требований.

Как видно, имеются достаточные основания полагать, что наличие нарушения прав и законных интересов, представленных хозяйствующему субъекту Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, проверяется не при подаче заявления, а в ходе рассмотрения его по существу.

На наш взгляд, полноценная проверка нарушения прав и законных интересов хозяйствующего субъекта невозможна на стадии принятия заявления к производству, поскольку требует оценки Судом совокупности состязательных документов, представленных сторонами спора.

Если факт нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов будет устанавливаться при решении вопроса о принятии заявления к производству, то дальнейшее судебное разбирательство может оказаться бессмысленным, так как заявления, по которым не подтверждается факт нарушения, заведомо не будут приняты к производству.

Необходимо отметить, что решение или действие (бездействие) Комиссии, непосредственно затрагивающее права и законные интересы хозяйствующего субъекта, не всегда влечет их нарушение, поскольку непосредственное затрагивание может быть и правомерным, то есть согласовываться с нормами права.

Таким образом, наличие основного (обязательного) критерия само по себе не означает то, что решение или действие (бездействие) Комиссии «повлекло нарушение» прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В свою очередь, отсутствие основного (обязательного) критерия исключает наличие дополнительного (факультативного) критерия, так как решение или действие (бездействие) Комиссии не может повлечь нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, если оно непосредственно не затрагивает их.

Неизбежно возникает вопрос, возможно ли на стадии принятия заявления к производству, давая формально-юридическую оценку заявлению и не рассматривая его по существу, однозначно установить, затрагиваются ли права и законные интересы истца непосредственно, ведь каждый хозяйствующий субъект самостоятельно формирует свою позицию в этом вопросе.

В случаях, когда хозяйствующий субъект с точным соблюдением Регламента Суда формулирует требования и подробно приводит доводы, на которых они основываются, либо из текста заявления явно усматривается, что заявленные требования выходят за пределы компетенции Суда, сложностей на

процессуальной стадии принятия заявления к производству не возникает.

Недостаточно четкая формулировка требований и соответствующих правовых обоснований в обращении хозяйствующего субъекта влечет необходимость исследования состязательных документов для решения вопроса о компетенции Суда по разрешению спора, которое возможно исключительно в процессе судебного разбирательства.

В этой связи термин *непосредственно затрагивает*, за исключением случаев, когда оспариваемое решение или действие (бездействие) Комиссии касается конкретного хозяйствующего субъекта, нуждается в более глубоком осмыслении.

Полагаем, что решение или действие (бездействие) Комиссии может признаваться непосредственно затрагивающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и оспариваться в Суде, в том случае, если оно влечет очевидные изменения в правовом положении этого хозяйствующего субъекта.

Во избежание правовой неопределенности целесообразно установить, по каким критериям следует оценивать, произошли ли очевидные изменения в правовом положении хозяйствующего субъекта, если оспариваемое решение или действие (бездействие) Комиссии касается неопределенного круга субъектов.

Должны ли эти изменения в правовом положении хозяйствующего субъекта быть реальными, либо они могут быть потенциальными? Соответственно, должно ли обращение хозяйствующего субъекта быть следствием применения к нему оспариваемого решения или действия (бездействия) *post factum*, либо оно может быть направленным на защиту прав и интересов в будущем *ante factum*?

На первоначальном этапе деятельности представляется закономерным обращение Суда к опыту других международных судебных органов, имеющих устойчивую судебную практику разрешения споров в условиях экономической интеграции.

Для дальнейшего успешного развития евразийской интеграции судебное нормотворчество неизбежно². С данным тезисом можно согласиться, поскольку формирование собственной судебной практики позволит Суду разрешить названные вопросы, при этом наиболее важные правовые позиции Суда, на наш взгляд, могли бы получать нормативное закрепление в праве Союза.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.
 2. Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе).
 3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза».
 4. Исполинов А. С. Первые решения Суда ЕвразЭС: теоретические и практические юрисдикции // Российское правосудие. – 2013. – № 6.
 5. Исполинов А. С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. – 2015. – № 1.
- 2 Исполинов А. С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. – 2015. – № 1. – С. 80–88.

Егикян А. А.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ТОВАРОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ ЕС И ЕАЭС

В рамках данной работы автором рассматриваются вопросы регулирования системы общего рынка, основанного на принципе свободы перемещения товаров, в интеграционных объединениях на евразийском континенте. В контексте исследования дается оценка данному понятию в целом, а также его нормативно-правовому закреплению в ряде международных экономических объединений, например, ЕАЭС, ЕС.

Ключевые слова: международные экономические интеграционные объединения, свобода передвижения товаров, Российская Федерация, формы международной экономической интеграции, ЕС, ЕАЭС.

Yeghikyan A. A.

THE DEFINITION OF THE PRINCIPLE OF FREE MOVEMENT OF GOODS IN THE INTERNATIONAL ECONOMIC UNIONS ON THE EXAMPLES OF THE EU AND THE EEU

In this paper, the author examines the issues of regulation of a common market based on the principle of free movement of goods within the integration associations of Eurasia. An evaluation of the concept is provided, as well as of its statutorization in treaties on the functioning of the EU and EEU.

Keywords: international economic integration organisations, free movement of goods, Russian Federation, forms of international economic integration, EU, EEU.

Егикян А. А.

Страны – участницы международных экономических интеграционных (далее – МЭИ) объединений по всем показателям, как экономическим, так и социальным, как показывает практика, обеспечивают либерализацию международной торговли и, как следствие, у дорогого местного производства появляются конкуренты в виде более дешевых импортных товаров. Вследствие этого происходит значительное улучшение качества товаров. Важно отметить, что краеугольным принципом, обеспечивающим данные тенденции, является принцип свободы перемещения товаров, который закреплен в рамках некоторых МЭИ объединений (например, Европейский союз (ЕС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС)), а иные объединения только находятся на этом пути (например, БРИКС, АТЭС).

Первые принцип свободы перемещения товаров был сформулирован в Римском договоре, где указывалось, что в рамках ЕЭС создаётся общий рынок товаров. С этой целью предполагалось поэтапное устранение ограничений в торговле товарами между государствами-членами, а также постепенное создание таможенного союза и единого рынка товаров на всей территории Союза¹. Свобода передвижения товаров признавалась также одним из направлений развития на постсоветском пространстве. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. в ст. 4 гласит, что стороны будут двигаться к «равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству народов и государств в области... экономики», а в дальнейшем было заключено Соглашение стран СНГ 1994 г. о создании зоны свободной торговли.

В наши дни ст. 28 Договора о функционировании ЕС закрепляет свободу передвижения товаров в ЕС, распространяющуюся на весь товарооборот между государствами-членами, и запрещает таможенные пошлины между странами на импорт и экспорт или иные равнозначные сборы, а также пред-

полагает применение общего таможенного тарифа в отношении третьих стран.

По мнению С. Ю. Кашкина², при определении понятия «свобода передвижения товаров» сначала мы должны прояснить, что означает термин «свобода» в контексте МЭИ объединений, а затем определить, что подпадает под категорию «товар» в том либо ином МЭИ объединении. В свою очередь, данные разъяснения позволят изучить содержание принципа свободы передвижения товаров на основе единого понятийного аппарата. В рамках данной работы будет сделана попытка сформулировать термин «свобода передвижения товаров» в рамках ЕАЭС.

В узком смысле каждая свобода – это субъективное право, закрепленное в актах международных интеграционных объединений, которым могут воспользоваться как физические лица – граждане стран – участниц объединения, так и зарегистрированные в странах-участницах юридические лица, а в некоторых случаях и иностранцы. Например, в узком смысле свобода передвижения товаров дает право без препятствий перемещать товары в рамках стран – участниц интеграционного объединения. В широком смысле под термином «свобода» мы обозначаем не только свободу осуществления тех либо иных действий, но и весь комплекс прав и обязанностей, который неразрывно связан и закреплен с данной свободой в нормативных актах, составляющих правовую базу соответствующего объединения, а также в решениях судебных органов.

С целью раскрытия термина «товар» обратимся к ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза, в котором дано следующее определение: «Товар – любое движимое имущество, перемещаемое через таможенную границу, в том числе носители информации, валюта государств – членов Таможенного союза, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, электрическая и иные виды энергии, а также иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу».

1 Юмашев Ю. М. Свобода движения товаров в ЕС (нетарифные ограничения) // Право. – 2010. – № 1. – С. 84–96.

2 Право Европейского союза / С. Ю. Кашкин и др.; Отв. ред. Кашкин С. Ю. – М., 2008. – С. 153.

Для понимания оптимального алгоритма действий на пути формирования общего рынка, в котором эффективно функционирует принцип свободы перемещения товаров, необходим анализ международного опыта создания и функционирования различных МЭИ объединений. Опираясь на опыт и результаты различных интеграционных объединений, функционирующих по всему миру (ЕС, АТЭС, МЕРСОКУР, ЕАЭС, и пр.), можно заключить, что деятельность общего рынка ЕС на протяжении уже более 40 лет представляет наибольший интерес для изучения, поскольку содержит в себе весь путь создания и формирования единого экономического пространства. Римский договор ознаменовал собой переход к постепенной либерализации рынка ЕС, однако с оговоркой *stand still*, которая запрещает любой возврат назад и дает толчок для расширения импорта. Начиная с 1 января 1959 г. в ходе трех этапов продолжительностью в четыре года каждый предполагалось отменить таможенные пошлины по 30%, 30%, 40% соответственно. На практике данное упразднение длилось до 1977 г., а для присоединившихся в дальнейшем стран устанавливались необходимые переходные периоды. Стоит отметить, что отказ от таможенных пошлин вовсе не означал отмену таможенного контроля, который существовал в статических, регламентационных, валютных целях. Как видно, существовало множество нетарифных барьеров, которые препятствовали окончательному снятию таможенных границ. В то время также разрешалось временно отходить от свободы перемещения товаров в случаях, когда возникали проблемы с платежным балансом страны или случался кризис. Решение проблемы отсутствия унифицированных тарифов на внешних границах ЕС требовало принятия мер для эффективной реализации права на свободу передвижения товаров в части снятия технических и количественных барьеров во взаимной торговле. В 1993 г. в результате делегирования Единым европейским актом ряда полномочий наднациональным общеевропейским органам управления удалось решить вопрос по выработке и реализации внешнеторговой политики. Таможенные регламентации перешли в ведение комитета экспертов под председательством представителей Комиссии Европейского совета. Тем не менее в практике взаимной торговли стран – членов ЕС остаются различные технические проблемы. Например, различия санитарных, полицейских норм или нерегламентированная продолжительность процедуры таможенной очистки и т.п.

Стоит отметить, что реализация принципа свободы движения товаров в ЕС имеет тенденцию к передаче государствам-членам правомочий по части регулирования применения нетарифных ограничений. Данную динамику можно проследить на основе изучения решений Суда ЕС, который сформировал механизм функционирования свободы движения товаров:

1. «Формула Дассонвилль»³, которая устанавливает, что все меры государств-членов, «прямо или косвенно, фактически или потенциально» направленные на препятствование торговле в рамках ЕС, рассматриваются как эквивалентные количественным ограничениям и не допускаются.

2 «Формула Кассис»⁴, которая закрепляет императивные требования, направленные на ограничение свободы передвижения товаров, вдобавок к изъятиям, существующим в ст. 29. Например, такие задачи, как защита фундаментальных прав человека, могут оправдать ограничения на свободу передвижения товаров. Если принцип свободы передвижения товаров не

выполняется по причине проведения митингов или шествий на границе, то в данном случае защита фундаментальных прав человека имеет преваляющее значение.

3. «Формула КЕК»⁵, которая предусматривает лишь контроль за равным доступом на рынок товаров из стран-членов, однако в дальнейшем внутригосударственные нормы, регулирующие сферу продаж, не считаются дискриминационными в отношении импортных товаров.

На основании вышесказанного, согласно С. Ю. Кашкину, сама свобода передвижения товаров состоит из четырех элементов:

1) запрет внутренних таможенных пошлин на импорт и экспорт между государствами-членами и равнозначные сборы;

2) запрет количественных ограничений на импорт и экспорт товаров в торговле между государствами-членами;

3) запрет на дискриминационное налогообложение внутри стран;

4) установление единого внутреннего тарифа⁶.

Охарактеризуем подробно указанные элементы.

Запрет установления внутренних таможенных пошлин на импорт и экспорт достигается путем обеспечения баланса прав и интересов субъектов внешнеторговой деятельности и государств, в частности, не усложняется система таможенного администрирования.

Понятие «равнозначные сборы» является крайне неопределенным, однако судебная практика ЕС указала на то, что к таким сборам могут относиться любые денежные сборы вне зависимости от их размера, которые наложены на товары при пересечении ими границы с целью фиска⁷.

Для понимания сути действия запрета на количественные ограничения в сфере торговли в рамках интеграционного объединения обратимся к упомянутому делу «Дассонвилль», которое является одним из важнейших для разъяснения принципов функционирования единого внутреннего рынка ЕС. Дело было инициировано Бельгийским трибуналом первой инстанции, который направил соответствующий запрос в рамках ст. 177 Договора о ЕЭС по уголовному делу, возбужденному в Бельгии против Дассонвилей⁸. Последние во Франции легально приобрели партию шотландского виски, однако ввоз данного товара в Бельгию требовал наличия сертификата происхождения товара, выданного таможенным органом Великобритании, а получить его было крайне затруднительно, в результате, он так и не был получен. Как следствие, было нарушено законодательство Бельгии. При разрешении данного вопроса Суд дал определение «мер, равнозначных количественным ограничениям»: «Все правила торговли, установленные государствами-членами, которые могут прямо или косвенно, фактически или потенциально воспрепятствовать торговле в рамках Сообщества, следует считать мерами, эквивалентными по своему действию количественным ограничениям». Таким образом, Суд признал подобную практику несоответствующей положениям Договора о ЕЭС и препятствующей торговле в рамках общего рынка.

Свобода перемещения товаров также предусматривает запрет дискриминационного внутригосударственного налогообложения. Налоги не должны быть дискриминирующими

5 Дело 268/91 Keck & Mithouard (1993) ECR I-6097.

6 Право Европейского союза / С. Ю. Кашкин и др.; Отв. ред. Кашкин С. Ю. – М., 2008. – С. 153.

7 Case 24/68, Commission v. Italy [1969] ECR 193.

8 Дело № 8/74 Dassonville (1974) ECR 837.

3 Дело № 8/74 Dassonville (1974) ECR 837.

4 Дело № 120/78 Cassis de Dijon (1979) ECR 649.

и влиять на ценообразование товаров. При этом дискриминационной может быть, как сама налоговая ставка, так и порядок ее определения или сбора⁹. В ЕС, наряду с запретом на дискриминационное налогообложение, запрещаются количественные ограничения на импорт и экспорт (квоты), а также любые эквивалентные меры (определенные Директивой от 22 декабря 1969 г. 70/50/ЕЭС).

Опыт интеграционных экономических объединений показывает, что зачастую стороны предусматривают исключения из принципа свободного движения товаров. В соответствии со ст. 36 Договора о функционировании ЕС разрешаются запрещения или ограничения импорта, экспорта или транзита, при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли, обоснованные соображениями:

- общественной морали и правопорядка;
- государственной безопасности;
- защиты здоровья и жизни людей, охраны животных или сохранения растений;
- защиты национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность;
- защиты промышленной и торговой собственности.

Например, классическим примером мер по защите государственной безопасности служит решение Суда ЕС по делу 72/83 Campus Oil (1984). В решении Суда ЕС был признан не нарушающим принципы общего рынка, в том числе принципа свободы передвижения товара, Закон Ирландии, который вменял частным импортерам приобретать определенную долю товаров у государственных нефтеперерабатывающих предприятий по фиксированным ценам. Действие данной нормы было аргументировано тем, что Ирландия всецело зависит от ввоза нефти и нефтепродуктов из-за рубежа, а перемены, которые могли бы возникнуть из-за сбоя в поставках, могут угрожать государственной безопасности страны.

Стоит отметить, что ст. 39 Договора о ЕАЭС дополняет данные ограничения еще двумя пунктами, которые предусматривают ограничения в принципе свободы передвижения товаров по следующим основаниям:

- выполнение международных обязательств,
- обеспечение обороны страны и безопасности государства-члена.

По основаниям, указанным выше, на внутреннем рынке могут также вводиться санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры, а оборот отдельных товаров и вовсе может быть ограничен. Тем не менее данные запреты или ограничения не должны являться орудием замаскированного ограничения в торговле на территориях МЭИ объединения (ст. 36 Договора о функционировании ЕС). Важно отметить, что любой запрет должен соответствовать угрозе реализации того или иного товара.

Из вышесказанного можно констатировать, что принцип свободного перемещения товаров предоставляет гражданам стран – участниц интеграционного объединения, юридическим лицам, зарегистрированным в странах-участницах, а также в предусмотренных случаях иностранцам право свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением предусмотренных законодательством и судебными решениями объединения случаев, а целью закрепления

принципа является способствование формированию правовыми средствами единого внутреннего рынка МЭИ объединения путем закрепления устранения тарифных и нетарифных ограничений, а также прямой и скрытой дискриминации во взаимной торговле между государствами-членами.

Пристатейный библиографический список

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. // Дипломатический вестник. – 1992. – № 1.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения 05.06.2014).
3. Консолидированные тексты Договора о Европейском Союзе и Договора об учреждении Европейского Сообщества / Европейское право. Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. М. Энтина. – М.: Издательство НОРМА, 2000.
4. Дело № 8/74 Dassonville (1974) ECR 837 // СПС «Curia Europa».
5. Дело № 72/83 Campus Oil (1984) ECR 2727 // СПС «Curia Europa».
6. Дело № 120/78 Cassis de Dijon (1979) ECR 649 // СПС «Curia Europa».
7. Дело № 268/91 Keck & Mithouard (1993) ECR I-6097 // СПС «Curia Europa».
8. Юмашев Ю. М. Свобода движения товаров в ЕС (нетарифные ограничения) // Право. – 2010. – № 1.
9. Право Европейского союза / С. Ю. Кашкин и др.; Отв. ред. Кашкин С. Ю. – М., 2008.

⁹ Статья 110 Договора о функционировании ЕС.

Дидикин А. Б.

СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ Г. КЕЛЬЗЕНА И Г. ХАРТА

В статье представлено исследование теоретических подходов и концепций нормативизма и неопозитивизма о сущности и содержании международного права. Исследование базируется на положениях известных работ Г. Кельзена и Г. Харта, которые используются как в оригинале, так и в переводах на русский язык. Обосновывается позиция о том, что в данных концепциях применяется аналитический подход к наиболее сложным вопросам теории международного права и международной правовой системы.

Ключевые слова: международное право, нормативизм, основная норма, неопозитивизм, первичные и вторичные правила, нормы международного права, государство.

Didikin A. B.

THE ESSENCE OF INTERNATIONAL LAW: THEORETICAL APPROACHES OF H. KELSEN AND H. HART

The paper contains the study of theoretical approaches and conceptions of normativism and new positivism about essence and content of international law. The study is based on the provisions of the well-known works of Hans Kelsen and Herbert Hart, which are used both in the original and in translation into Russian. Author justifies the position that an analytical approach is used in these conceptions to the most difficult questions of international law theory and international legal system.

Key words: international law, normativism, basic norm, new positivism, primary and secondary rules, international legal norms, state.

Дидикин А. Б.

В современных условиях международное право функционирует как одно из важнейших средств обеспечения эффективности международного правопорядка. Объективный процесс глобализации мировой экономики и интеграции правовых систем превращает систему международного права в совокупность правовых норм, которые регулируют фундаментальные международные общественные отношения, связанные с функционированием международной системы и взаимодействием субъектов международного права, что указывает на теоретическую и практическую значимость разных теоретических подходов к пониманию сущности международного права. Как отмечал Л. Оппенгейм, «наука международного права может содействовать такому развитию действующего права, выявляя его дефекты, исследуя возможность его усовершенствования и стремясь уменьшить его недостатки, присущие природе государств и обусловленные невозможностью подчинять их искренние интересы господству права»¹. В то же время формирование понятийного аппарата и нормативной основы международного права в современную эпоху происходит под влиянием теоретических подходов аналитической юриспруденции, в частности нормативизма Г. Кельзена и неопозитивизма Г. Харта.

Принципы нормативизма и приоритет международного права. Нормативизм Г. Кельзена основывается на множестве теоретико-методологических допущений и постулатов, одним из которых является переосмысление объективности юридического познания. Правовая реальность представляет собой логическую иерархию правовых норм, в которой на основе юридической силы выявляется соотношение и взаимодействие общих и индивидуальных норм². При

этом действия и решения имеют юридическое значение, только если они приняты уполномоченными субъектами с соблюдением правовых принципов и нормативных предписаний³. Тем самым необоснованным является мнение отдельных авторов о том, что в нормативизме правовые нормы представляют собой «пирамиду независимых от сущего норм», поскольку иерархия норм как раз связывает между собой «должное» и «сущее»⁴.

Основу правовой системы и правопорядка составляет «основная норма» – гипотетическая конструкция, теоретическое понятие, без которого построение иерархии правовых норм невозможно. «Основание юридической действительности нормы не может быть фактом, даже актом воли, создающим норму, а может быть только нормой, другой, высшей нормой», отмечает Г. Кельзен⁵. Таким образом, соотношение норм международного и национального правопорядков обеспечивается таким же образом, как соотношение правовых норм внутри национальной правовой системы, то есть на основе ответственности правовым принципам, заложенным в «основной норме». В нормативизме обосновывается идея первичности и приоритета международного права. Именно международное право содержит «основную норму», без которой не могут существовать национальные правовые системы⁶.

Но существуют ли конкретные примеры «основной нормы» в международном праве? Отдельные авторы и последователи нормативизма Г. Кельзена, в частности В. Штерн,

1 Оппенгейм Л. Международное право / Пер. с англ. Гл. 1 § 1. – М., 1948. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru> (дата обращения: 07.08.2015).

2 См.: Антонов М. В. Чистое учение о праве против естественного права? // Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с англ., нем., фр. М. В. Антонова. – СПб., 2015. – С. 40.

3 См.: Кельзен Г. Причинность и вменение / Пер. с англ. А. Б. Дидикина // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2015. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 271–272.

4 См.: Ваина Е. В., Курчев В. С. Нормативистская теория права Ганса Кельзена как пирамида независимых от сущего норм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». – 2009. – Т. 5. – Вып. 2. – С. 17.

5 Kelsen H. On the Basic Norm // California Law Review. – 1959. – Vol. 47. – №1. – P. 108.

6 См.: Kelsen H. Introduction to the Problems of Legal Theory. Chapter «State and International Law». – Oxford, 2002. – P. 107–127.

предлагают считать такой нормой принцип регулирования международных отношений с помощью международных договоров⁷. Однако не все международные обязательства возникают из договоров, а у государств помимо этого признается судебный иммунитет. Кроме того, существуют разные интерпретации системы формальных источников международного права на основе ст. 38 Статута Международного суда ООН, что не позволяет обосновать их логическую иерархию. Г. Кельзен указывал на то, что международное право часто фиксирует факты «обычного поведения» государств в международных отношениях, и «основной нормой» может быть положение, что «государства должны вести себя так, как они обычно ведут себя»⁸.

Такое соотношение «сущего» и «должного» в международном праве объясняется тем, что признаки государства как субъекта права определяются нормами международного права. По мнению Г. Кельзена, государством является территориальное образование с относительным суверенитетом и правовой системой, позволяющей осуществлять эффективное управление территорией⁹. Государство обладает суверенитетом во внутренних делах и в международных отношениях, но объем и уровень влияния государства в международной системе относительны, то есть связаны с международным признанием такого государства в мировом сообществе. В этом смысле государства обладают относительным суверенитетом и подчинены иным субъектам международного права (например, наднациональным международным организациям). Таким образом, концепция «относительного суверенитета» Г. Кельзена основывается на том, что «основная норма» международного правопорядка ограничивает суверенитет государства и налагает на него международно-правовые обязательства.

Более значимыми и актуальными в свете современной международной обстановки являются представления Г. Кельзена о концепции международно-правового признания легитимности правительства в государстве¹⁰. Такое признание базируется на принципе релятивизма, поскольку легитимность правительства определяется не формальным соблюдением норм Конституции, которое часто на практике невозможно при изменении политического режима, а международным признанием новых правителей, обеспечивающих порядок на территории государства. Именно от наличия признания государство может иметь представителей в международных организациях и отстаивать национальные интересы. Отсутствие международного признания превращает новое правительство в нелегитимное даже в случае проведения новых выборов и изменения законодательства. Тем самым международное признание выступает критерием относительной оценки легитимности государственной власти.

Неопозитивизм и интерпретация норм международного права. Неопозитивистская концепция британского правоведа Герберта Харта относится к числу наиболее известных в аналитической юриспруденции доктрин, в которой представлен методологический анализ оснований международного

права на основе концепции единства первичных и вторичных правил¹¹. Используя аналитический метод изучения логического содержания правовых норм, Г. Харт стремится новаторски обосновать проблему объективного содержания системы международного права¹². Функционирование правовой системы в его концепции обеспечивается единством регулятивных правовых норм (первичных правил) и правовых норм, определяющих критерии законности, процедуры наделения полномочиями и принятия правовых решений (вторичных правил).

Однако специфика системы международного права проявляется в том, что к международно-правовым нормам неприменимы в полной мере классические постулаты юридическо-го позитивизма¹³. Представление о праве как совокупности принудительных предписаний, реализация которых обеспечивается суверенными правами государства (концепция Дж. Остина) не учитывает компромиссный и договорный характер международных соглашений, добровольные способы принятия государствами международных обязательств и участия в деятельности международных организаций. Герберт Харт указывает на противоречия и в нормативизме Г. Кельзена, поскольку «основная норма» в международном праве является гипотетической конструкцией, логически не выводимой из содержания правовых норм. Нормы международного права могут не иметь логической иерархии в связи с многообразием источников международного права, а государства как субъекты международного права могут применять эти нормы с оговорками. Таким образом, по мнению Г. Харта, отсутствие в международной системе принудительной юрисдикции судов, единой и централизованной законодательной власти и принудительных санкций подчеркивает «конвенциональный» характер большинства международно-правовых норм. Тем самым международное право содержит только первичные правила и этим отличается от внутригосударственного права¹⁴.

Развитие международного права после создания в 1945 г. Организации Объединенных Наций и других международных организаций, однако, опровергает соответствующие аргументы неопозитивизма. Ведь нормы Устава ООН и принципы Всеобщей декларации прав человека выполняют функции «правил признания» (в терминологии Г. Харта), так как выступают основанием всей международной системы и сотрудничества государств. Аналогично в нормах международного права можно увидеть и другие виды «вторичных правил» – о наделении полномочиями дипломатических представителей государств, о судопроизводстве в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Поэтому высокий уровень развития современного международного права как раз и определяется системностью регулирования международных отношений между государствами.

В концепции Г. Харта также анализируется проблема принуждения в механизме обеспечения норм международного права. Отсутствие централизованного управления не позволяет применять нормы международного права по аналогии

7 См.: Stern W. B. Kelsen's Theory of International Law // The American Political Science Review. – 1936. – Vol. 30. – No. 4. – P. 736–741.

8 См.: Brunkhorst H. Critique of Dualism: Hans Kelsen and the Twentieth Century Revolution in International Law // Constellations. – 2011. – Vol. 18. – No 4. – P. 498–499.

9 См.: Дорская А. А. Учение Ганса Кельзена и развитие международного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2014. – No 4. – С. 6.

10 См.: Kelsen H. Recognition in International Law: Theoretical Observations // The American Journal of International Law. – 1941. – Vol. 35. – No 4. – P. 605–617.

11 Подробнее см.: Дидикин А. Б., Оглезнев В. В. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. – Новосибирск, 2012. – С. 125–128.

12 См.: Касаткин С. Н. Проект определения правовых понятий и концептуальный статус международного права: доктрина Герберта Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2013. – No 2. – С. 28.

13 См.: Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. – Томск, 2012. – С. 68–69.

14 См.: Харт Г. Понятие права. Гл. 10 «Международное право» / Пер. с англ. Е. В. Афонасина, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. – СПб., 2007. – С. 217–219.

с законами во внутригосударственном праве, ограничивает общеобязательность таких норм, которые могут блокироваться использованием «права вето» членами международных организаций или судебным иммунитетом государств¹⁵. Кроме того, характер нарушений норм международного права имеет более масштабные негативные последствия, в отличие от нарушений национального законодательства, наносит ущерб и балансу интересов в мировом сообществе. Отсюда Г. Харт делает вывод, что международное право налагает обязанности, исполнение которых обеспечивается политическим и иным давлением с целью побуждения к соблюдению правил, требованиями компенсации за причиненный вред, применением репрессалий, контрмер и т.д.

В неопозитивизме представлен анализ различных теоретических концепций об источниках и способах приобретения государствами международных обязательств. В классической теории «абсолютного суверенитета» предполагается, что государство как основной субъект международного права на основе решений органов государственной власти самостоятельно приобретает международные права и обязанности и обеспечивает их исполнение. Между тем развитие международного права и его институтов после Второй мировой войны не позволяет абсолютизировать правовой статус государства в международном праве, показывает рост влияния иных «негосударственных» субъектов международного права.

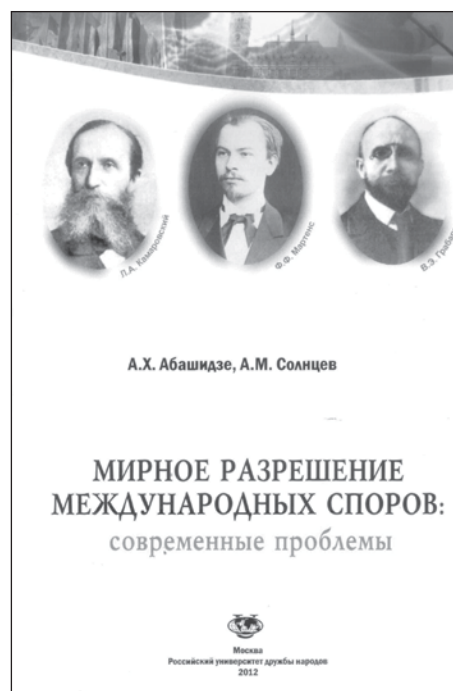
Герберт Харт считает несостоятельными аргументы о возможности «молчаливого согласия» государства и автоматического принятия им международно-правовых обязательств, а также идею функционирования международного права как «международной морали»¹⁶. Нормы международного права редко апеллируют к «совести» государств, как правило, содержат ссылки на судебные прецеденты, положения международных соглашений и создаются лишь для удобства и предсказуемости в деятельности государств. По мнению Г. Харта, правила международного права являются правовыми нормами постольку, поскольку признаются и функционируют как таковые в рамках международного сообщества.

Таким образом, международное и внутригосударственное право имеют сходства по функциям как социальные регуляторы, не связанные с моральными предписаниями, и по содержанию с точки зрения сходства принципов, понятий, методов регулирования. Однако механизмы реализации норм международного права, источники права и основания применения принудительных мер существенно различаются и требуют доктринальной разработки, что аргументированно показано в теоретических подходах нормативизма и неопозитивизма.

Пристатейный библиографический список

1. Ваина Е. В., Курчеев В. С. Нормативистская теория права Ганса Кельзена как пирамида независящих от сущего норм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». – 2009. – Т. 5. – Вып. 2.
2. Дидикин А. Б., Оглезнев В. В. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. – Новосибирск, Издательство НГУ, 2012.
3. Дорская А. А. Учение Ганса Кельзена и развитие международного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2014. – №4.

4. Касаткин С. Н. Проект определения правовых понятий и концептуальный статус международного права: доктрина Герберта Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2013. – № 2.
5. Кельзен Г. Причинность и вменение / Пер. с англ. А. Б. Дидикина // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2015. – Т. 9. – Вып. 2.
6. Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. – Томск, Издательство Томского университета, 2012.
7. Оппенгейм Л. Международное право: пер. с англ. Гл. 1 § 1. – М., 1948 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru> (дата обращения: 07.08.2015).
8. Остапович И. Ю. О нормативности решений органов конституционного контроля в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (21).
9. Харт Г. Понятие права / Пер. с англ. Е. В. Афонасина, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
10. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с англ., нем., фр. М. В. Антонова. – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015.
11. Brunkhorst H. Critique of Dualism: Hans Kelsen and the Twentieth Century Revolution in International Law // Constellations. – 2011. – Vol. 18. – № 4.
12. Kelsen H. Introduction to the Problems of Legal Theory. Chapter «State and International Law». – Oxford, Oxford University Press, 2002.
13. Kelsen H. On the Basic Norm // California Law Review. – 1959. – Vol. 47. – №1.
14. Kelsen H. Recognition in International Law: Theoretical Observations // The American Journal of International Law. – 1941. – Vol. 35. – № 4.
15. Stern W. B. Kelsen's Theory of International Law // The American Political Science Review. – 1936. – Vol. 30. – No. 4.,

15 Там же. – С. 224.

16 Там же. – С. 228.

Мингазов Л. Х.

РОЛЬ И МЕСТО МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Тема настоящего исследования касается роли и места международно-правовой информации в механизме международно-правового регулирования и проблем повышения его эффективности.

Ключевые слова: международно-правовая информация, функционирование международного права, механизм международно-правового регулирования, эффективность международного права, коммуникация норм международного права.

Mingazov L. Kh.

THE ROLE AND PLACE OF THE INTERNATIONAL LEGAL INFORMATION IN THE MECHANISM OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION

Topic of this research concerns the role and place of the international legal information in the mechanism of international legal regulation and problems of increasing its effectiveness.

Keywords: international legal information, functioning of international law, mechanism of international legal regulation, effectiveness of international law, communication norms of international law.

Мингазов Л. Х.

Актуальность информационного подхода к изучению функционирования международного права определяется рядом моментов. Во-первых, международное право является разновидностью социальной информации. В своих нормах и принципах оно аккумулирует сведения о системе международных отношений. Информация, накопленная системой международно-правового регулирования, передает от поколения к поколению достижения в области организации международных отношений, и тем самым служит одним из факторов обеспечения нормального функционирования и развития их системы. Международное право информирует своих субъектов о приемлемых или неприемлемых способах их действия. Оно служит в качестве аргумента для обоснования прав и обязанностей. Используя международно-правовую информацию, государства учитывают вероятную реакцию других субъектов международного права, мировой общественности и общественного мнения. И ценность информационного подхода состоит в том, что он позволяет как бы соединить в рамках общей модели разнородные явления: право, управление, правосознание, правоприменительную деятельность и подвести их под своеобразный «общий знаменатель» – информацию¹.

Во-вторых, международное право является важным средством коммуникации и общения государств и других субъектов международного права². Так, общеизвестна коммуникативная роль, которую играют дипломатические каналы в международных отношениях³. Действенность (эффективность)

международного права в немалой степени зависит от того, насколько хорошо осуществляется коммуникация его норм, то есть процесс передачи информации их адресатам о нормах международного права, содержащихся в международных договорах и других источниках международного права. Сказанное означает, что существует реальная потребность в правовом регулировании и более глубоком изучении международного права как инструмента коммуникации в механизме международно-правового регулирования, в частности, вопросов, касающихся процессов передачи информации о международном праве и его нормах их адресатам. Однако они пока еще недостаточно урегулированы ни в национальном законодательстве государств, ни в международных правовых актах. В международно-правовой доктрине также очень мало сравнительных исследований о способах и формах коммуникаций норм международного права, так же как и общих работ о нормах международного права как особого вида социальной информации⁴.

В-третьих, актуальность информационного подхода к исследованию международного права обуславливается местом и ролью, которую играет правовая информация в механизме международно-правового регулирования (далее – МПР). Действенность международно-правовых норм – основного элемента правового регулирования – зависит от качества и количества содержащихся в них информации. Поэтому совершенствование этих норм в информационном отношении следует рассматривать как одно из средств повышения их эффективности. Роль информационного обмена проявляется как в процессе создания нормы международного права, так и в

1 О значении информационного действия международных актов говорилось в выступлении Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в связи с 60-летием принятия Всеобщей декларации прав человека: «Сегодня Декларация издается более чем на 360 языках и является самым переводимым документом в мире, что свидетельствует о ее универсальном характере и распространенности... Очень часто именно те, кто больше всего нуждается в защите их прав человека, также являются теми, кого надо информировать о том, что эта Декларация существует и что она существует для них».

2 Это свойство международного права свидетельствует о том, что оно продвигается, хотя и медленно, в деле социализации его субъектов в направлении создания общности в их поведении и отношениях между ними. Эта социализация ориентирует его субъектов на то, чтобы они учились принимать и подчиняться нормам международного права.

3 В этой области традиционным способом общения государств является использование языка международного права, как одного

из наиболее эффективных языков и методов общения (например, дипломатические процедуры).

4 См.: Лукашук И. И. Теория информации и международно-правовое регулирование // Вестник Киевского университета, 1978. – Вып. 7. – С. 3–15; Атаносов И., Пантов П. О некоторых информационных аспектах международно-правового регулирования системы международных отношений // Право и проблемы информации. – София, 1981; Could W. L., Barkun M. International Law and Social Sciences. – Princeton, N.Y. 1070; Shceikh Ahmed. International Law and National Behavior. A Behavioral interpretation of contemporary international Law and Politics. – John Willor and Sons Inc. N.Y., London, Sidney, Toronto, 1974; Blenk-Knocke E. Zu den sociologischen Bedengungen volkerrechtlicher Normenbefolgung. Die Kommunikation von Normen. Verlag Rolfgremer-Ebelsbach, 1979.

процессе ее действия, практической реализации. Так, процесс создания договорных и обычных норм международного права сопровождается интенсивным обменом информацией между их участниками. К примеру, формирование обычного права происходит в результате общения государств. Последнее имеет коммуникативную сторону: прежде чем государство будет придерживаться определенного правила (обыкновения), оно должно быть информировано о применении этого правила в практике других государств, а в последующем – о признании за данным правилом поведения юридической обязательной силы. Создание договорных норм также имеет информационный аспект. Выяснение мнений и позиций государств, получение от них соответствующей информации являются необходимым условием того, чтобы в окончательном варианте текст удовлетворял максимально широкий круг государств.

В процессе осуществления норм права правовая информация также играет важную роль, поскольку информация, содержащаяся в норме права, содержит элемент обязательности. И субъект международно-правовой информации не вправе произвольно «отбросить» ее под предлогом, что она сообщает невыгодный ему способ действия, не соответствует его целям и т.д.

Далее будут рассмотрены некоторые проблемы, в частности, такие, как характер информационного действия норм международного права, функции международно-правовой информации, ее место и роль в системе МПР, способы, каналы передачи нормативной международно-правовой информации ее адресатам и некоторых другие вопросы.

1. Общая характеристика и место нормативной международно-правовой информации в механизме международно-правового регулирования и ее функции

Если говорить в общем плане, функцией любой социальной информации является регулирование человеческих действий. В международных отношениях используются различные средства управления – экономические, политические, военные, правовые, идеологические, правовые, моральные. И информация является лишь одним из средств воздействия на систему международных отношений наряду с другими. И все другие средства воздействия на международные отношения базируются и действуют на ее основе. Однако информация, содержащаяся в них, является только формой, в которую облекается то или иное «неинформационное» по своей природе средство воздействия на управляющую систему. Это положение позволяет установить роль информации в системе международно-правового регулирования. Содержащаяся в нормах права информация относится к особому виду социальной нормативной информации. Нормативная информация есть средство ориентации поведения личности или социальной группы в определенных условиях и средство контроля со стороны общества за их поведением. В силу этих особенностей социальная нормативная информация и выступает в качестве регулятора общественных отношений.

Говоря более конкретно, значение и роль информации в системе международно-правового регулирования проявляется в следующем. Как известно, нормативное регулирование – главная черта и особенность права как инструмента социального управления. Все другие формы воздействия права, включая информационное, имеют подчиненный, служебный характер. Это проявляется в том, что информация, содержащаяся в норме права, служит предпосылкой ее регулятивного действия. Это и понятно: норма права не могла бы регулировать поведение субъектов, если бы она не информировала их о чем-нибудь. Через механизм международно-правового регу-

лирования реализуется прежде всего управленческая функция международно-правовой информации, носителем которой являются нормы международного права, как разновидность управляющей информации. С позиции теории информации правовое регулирование можно представить как процесс передачи некоторого сообщения, знания или сведения. Именно то обстоятельство, что правовые предписания содержат вполне определенные знания, сведения, и обуславливают мотивирующее и регулирующее воздействие права.

По своему характеру содержащиеся в норме МП сведения (знания) являются прескриптивной информацией о желаемых параметрах поведения субъекта и тех международных отношений, на урегулирование которых направлена данная норма. Понятия «прескриптивная» и «дескриптивная» информация позволяют уточнить характер информационного действия норм МП. Нормативная международно-правовая информация носит прескриптивный характер только в отношении своих непосредственных адресатов – субъектов МП. Для иных субъектов, не являющихся субъектами МП и субъектов, не связанных данной нормой (международным соглашением), нормативная информация будет носить дескриптивный характер. Последние могут, разумеется, учитывать в своей деятельности информацию, содержащуюся в том или ином международном договоре. Однако воздействие этой информации не будет носить для них обязательного и императивного характера. Вместе с тем они будут испытывать общее информационное воздействие международного права и такое воздействие МП не следует недооценивать. Познавательная, пропагандистская, учебная, воспитательная и другие функции, которую выполняет международно-правовая информация, играют важную роль в формировании международного правосознания, мирового общественного мнения, информировании общественности. Это обстоятельство учитывается при подготовке и формулировании текста международного соглашения. Государства и международные организации нередко дополняют тексты международных договоров положениями, предназначенными не для нормативного регулирования, а для их идеологического воздействия на субъектов права, информирования общественности и отдельных лиц в области МП.

Следует различать общие для всякой социальной информации и специфические для нормативно-правовой информации функции права. Критерием выделения последней служит чисто информационный признак, а именно конкретная область неопределенности, имеющая место в процессе формирования правового поведения субъектов. Специфическими для правовой информации являются ориентирующая, программная и прогностическая функции, изучение которых целесообразно рассмотреть через призму норм международного права, структурные элементы которых в первую очередь выполняют те или иные из отмеченных функции. Поскольку правовая норма логически структурирована, то соответственно дифференцируется содержащаяся в ней информация. Если рассмотреть компоненты логической структуры норм международного права в информационном аспекте, то можно предположить следующую их интерпретацию.

По своему информационному смыслу диспозиция нормы МП дает общее суждение об ограничении выбора возможного поведения в некоторой ситуации. Можно предположить, что диспозиция нормы МП выполняет для субъекта программную и прогностическую функцию.

Гипотеза содержит сведения об условиях или предпосылках выбора и осуществления того или иного варианта поведения. Заметим *здесь*: что касается конкретных международных

договоров, то они не всегда содержат сведения об условиях их применения. Она необходима для регулирования тех международных отношений, которые возникают при наступлении определенных ситуаций. К примеру, в ст. 2 Конвенции об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях говорится, что она будет применяться в случае объявления войны или всякого другого вооруженного конфликта.

Что касается санкций, отметим, что для международного права в целом характерны абсолютно-неопределенные санкции, которые также несут определенную информацию. Санкции практически любой нормы МП можно сформулировать так: «нарушение соответствующих предписаний влечет за собой ответственность нарушителя, мера и средства реализации которой определяются на основе международного права»⁵. С учетом этого можно утверждать, что санкции норм МП выполняют некоторую прогностическую функцию.

Помимо гипотезы, диспозиции, санкции конкретный международный договор содержит и другие элементы, несущие информацию о целях, сроках действия, дефинитивные положения, о прекращении его действия и т.д. В информационном плане эти разделы договора облегчают его восприятие и исполнение. Так, например, цель, содержащаяся в норме договора, содержит информацию общего характера. Она призвана содействовать максимальному воплощению содержания правовой нормы в действиях субъектов МП.

Некоторым авторам свойственно преувеличение фактора информированности общественности и отдельных лиц в области МП для повышения его эффективности. Безусловно, трудно отрицать, что знание и информированность людей о международно-правовых принципах и нормах служат важным условием их эффективного применения. Однако само по себе такое знание и информированность субъекта не ведет автоматически к добросовестному выполнению ими международно-правовых обязательств. В деятельности государств на первый план выдвигается не информационная мотивация субъекта, а факторы социально-политические. Действительно, знание международного права руководителями гитлеровской Германии в период Второй мировой войны, Израиля, и некоторых государств в современный период (США, Грузии и др.) не помешало этим странам совершить акты агрессии, преступления против человечности и военные преступления против народов на оккупированных ими территориях. И сегодня военные действия руководителей Украины в ходе вооруженной борьбы с народами самопровозглашенных территорий бывших Донецкой и Луганской областей с применением запрещенных международным гуманитарным правом средств ведения боевых операций против мирного населения расцениваются как военные преступления⁶. Анализируя роль общественного мнения в соблюдении норм международного гуманитарного права, М. Вейтлю справедливо замечает, что было бы преувеличением рассматривать его (общественное мнение) как панацею, универсальный субститут всех других факторов применения норм. Однако недооценивать значения информации в механизме МПР было бы неправильным. Она играет в нем (механизме МПР) существенную роль и это выдвигает в качестве актуальной проблему поиска путей повышения эффективности и качества норм МП в информационном аспекте.

2. Вопрос о качественной характеристике нормативно-правовой информации как условия ее эффективности

5 Черниченко С. В. Нормы международного права, их создание и особенности их структуры // «СЕМП-1979». – М.: Наука, 1980. – С. 55.

6 См. об этом: Ермолаева Н. Западные СМИ не хотят появления правды о Донбассе // Российская Газета. – 2015. – 30 марта.

Признание существенной роли, которую играет нормативная международно-правовая информация в международно-правовом регулировании, ставит в качестве одной из актуальных проблему поиска путей повышения эффективности и качества нормы международного права в информационном плане.

Норма международного права – это информация, предназначенная для регулирования поведения субъектов международного права. Поэтому она должна содержать такой объем сведений, чтобы на их основе можно было сделать правильный выбор поведения, принять правильное решение. Неполнота или недостаточность нормативной международно-правовой информации может привести к снижению эффективности международно-правовой нормы. При этом первостепенное значение имеют качественные характеристики нормативной информации: ее ценность и полезность, достоверность и истинность, полнота, точность, убедительность и др.

Не менее важной представляется и другая – количественная характеристика нормативной информации. Для определения количества необходимой для правового регулирования информации в правовых исследованиях используют математические понятия теории информации: энтропия, разнообразие, неопределенность и др. Предпосылкой использования этих понятий служит то, что одним из свойств нормативно-правовой информации является ее способность уменьшать неопределенность в регулируемой системе, которая характеризуется значительным разнообразием. Вследствие этого в результате действия нормы права ранее существовавшая в социальной системе неопределенность уменьшается. С этой точки зрения степень эффективности международно-правового регулирования будет выше, чем больше была неопределенность регулируемой социальной системы до введения в действие изучаемой правовой нормы. Понятие неопределенности относится и к самой норме права. Чтобы служить эффективным ограничителем разнообразия в регулируемой системе, она сама должна обладать необходимым разнообразием. В соответствии с законом необходимого разнообразия между регулятором и регулируемой системой должно быть вполне определенное соответствие. Суть этого закона в лаконичной форме сформулировал У. Р. Эшби в следующей фразе: «Только разнообразие может уничтожить разнообразие»⁷.

Оперирование понятием неопределенности вызывает потребность в ее количественном измерении. Возможность конкретного применения способов такого количественного измерения энтропии требует самостоятельного изучения. Здесь же отметим, что в оценке роли информации в международном общении первостепенное значение имеет качественный, неформализованный аспект, связанный с положением того или иного государства на международной арене, национальными интересами основных участников международных отношений, интересами более общего характера, отражающими объективные потребности существования и развития человеческого общества в целом, а также расстановку и соотношение сил в мировой политике.

7 Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – М.: ИЛ, 1959. – С. 294. Как отмечает Е. Г. Ясин, закон необходимого разнообразия в поведении управляющего объекта достигается за счет увеличения разнообразия органа управления. Чтобы достигнуть минимума разнообразия в поведении системы, управляющий орган должен быть способен к выработке определенного минимума воздействия. Если его мощность ниже этого минимума, он не способен обеспечить полное управление. См Ясин Е. Г. Теория информации и экономические исследования. – М.: Статистика, 1970. – С. 40–41.

3. Эффективность процесса коммуникации норм международного права

Для того чтобы информация, содержащаяся в норме международного права, могла успешно использоваться в поведении субъектов, необходимо, чтобы она была коммуникативной, т.е. понятной и приемлемой для адресатов информации. Коммуникация – это процесс передачи и обмена международно-правовой информацией в целях воздействия на поведение субъектов международного права. Ее эффективность зависит главным образом от двух факторов: качества нормативной международно-правовой информации и особенностей адресатов этой информации. Существенное значение имеет также способы (каналы) передачи международно-правовой информации. Международно-правовая информация воспринимается каждым государством через призму накопленной информации. Этим определяется индивидуальный характер восприятия каждым государством такой информации, в запасе информации которого наряду с общими чертами имеются и немаловажные особенности. Поведение государств в международных отношениях определяется прежде всего факторами социально-экономического, политического характера, внешнеполитическими целями и интересами⁸. Международно-правовая информация может быть эффективным стимулом поведения лишь тогда, когда она отвечает жизненным потребностям и интересам государств. Для этого нормативная международно-правовая информация должна быть достоверной и истинной, полезной и ценной.

Эффективность процесса коммуникации норм международного права зависит также от формы правовой информации, оптимального сочетания общих и конкретизирующих норм, определенности и четкости формулировок международно-правовых актов и других ее характеристик. Так, например, важными условиями коммуникативности норм МП является их ясность, точность, определенность их содержания. Применение международно-правового акта будет затруднено, если он не будет отвечать указанным требованиям. Негативной стороной неопределенных формулировок в тексте международного договора является возможность широкого или, наоборот, ограничительного толкования его положений. Примером тому может служить ограничительное толкование в практике отдельных государств и в работах юристов ст. 1 Парижского Пакта, допускавшей различные и произвольные ее толкования ввиду неопределенности и неясности формулировки запрещения войны.

Одна из специфических причин, обуславливающих возможность появления неопределенных формулировок, связана с терминологическими проблемами. Тексты договора составляются на разных языках и являются аутентичными. Однако неодинаковые языковые средства оформления текстов договоров могут препятствовать достижению их юридической однозначности и вести к искажению нормативной международно-правовой информации. При этом особое значение приобретают те терминологические проблемы, в которых отражаются различия политических и правовых систем государств. Проблема правовой адекватности равно аутентичных текстов договоров на разных языках здесь выступает как проблема адекватности правовой терминологии, применяемой в текстах договора. В равно аутентичных текстах международных договоров иногда обнаруживаются смысловые несоответствия или

несовпадения примененных в них терминов. Например, используются близкие по звучанию или по написанию термины, передающие разные понятия в национальных системах права; в тексте применяются термины национальных систем права, передающие только свойственные данной системе понятия и не имеющие аналогов в других правовых системах и т. д. В подобных случаях не достигается юридическая однозначность текстов, открываются возможности для противоречивого толкования положений договора, что, безусловно, отрицательно сказывается на эффективности его действия. Международная практика выработала различные средства для преодоления этих нежелательных явлений. Среди этих средств можно отметить, в частности, такие как разъяснения, толкования, определение терминов, используемых в международном акте (договоре), а также использование в текстах международных договоров дефинитивных норм.

Определения и разъяснения терминов встречаются во многих международных договорах и иных актах. Так, в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г., в ст. 1 даются определения терминов «ущерб», «запуск», «запускающее государство», «космический объект», а в ст. 11 Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. дается разъяснение терминов «средства воздействия на природную среду». Необходимо подчеркнуть, что дефиниции, содержащиеся в текстах международных актов, не играют самостоятельной регулятивной роли. Они «привязаны» к другим структурным элементам нормы международного права. Например, определение помещений дипломатического представительства, приводимое в ст. 1 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., является частью гипотезы норм о неприкосновенности помещений такого представительства и нормы, предусматривающей обязанность использовать данные помещения только для официальных целей, основное содержание которых отражено соответственно в ст. 22 и ст. 41 Конвенции.

С позиций теории информации роль дефинитивных положений состоит в том, что они создают полезную «избыточность» нормативной международно-правовой информации, которая обогащает содержание непосредственно регулирующих норм права и тем самым содействуют повышению эффективности международно-правового регулирования.

Другим способом преодоления расхождения между терминами в текстах договоров на разных языках является установление определенных устойчивых соотношений эквивалентности между свойственными разным правовым системам и внешне не совпадающими терминами. Так, в ходе разработки текста Устава ООН обнаружилось, что в текстах на русском, французском и английском языках нет четко прослеживающихся соответствий между терминами, обозначающими понятия «Организация» в целом, ее учреждений и органов. Решено было установить следующие четкие соответствия с учетом требований правового стиля разных языков: Organisation – Organisation – Организация (для Организации в целом); Organes – Bodies – Органы (для ее органов); Institutions – Agences – Учреждения (учреждения, поставленные в связь с организацией). Существуют и иные способы, применяемые в разноязычных текстах договоров⁹.

Определенность, ясность и четкость, а следовательно, эффективная коммуникативность норм международно-правовых

8 Правомерное поведение государств подробно анализируется в монографии Л. Х. Мингазова «Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы» (Изд-во Казанского университета, 1999, часть 3, глава 2, с. 265–285).

9 См.: Евинтов В. И. Многоязычные договоры в современном международном праве. – Киев. «Наукова думка», 1981. – С. 55.

актов достигается также путем конкретизации общих норм международного права. Цель конкретизации – раскрыть содержание общей нормы права. Но конкретизация не сводится только к расшифровке смысла общей нормы. В результате конкретизации, отмечает В. Я. Суворова, всегда появляются новые международно-правовые нормы, дополняющие, обогащающие международное право¹⁰. Следовательно, конкретизирующая норма права содержит новую информацию, позволяющую снижать уровень неопределенности в процессе выбора способов совершения действия по реализации права (и в отношении других параметров регулируемых отношений). Это немаловажное обстоятельство, влияющее на эффективность правового регулирования, на которое обращали внимание юристы. Так, по мнению С. В. Черниченко, норма, устанавливающая конкретную модель поведения, более эффективна, чем норма общего характера¹¹. Вместе с тем в процессе международного правового регулирования невозможно ограничиваться только лишь конкретными нормами, необходимы в одинаковой мере и конкретные и общие (абстрактные) нормы права. Некоторые юристы значение общих норм и принципов видят в их многозначности. Так, по мнению К. Райта, если точность нормы права облегчает ее действие, то нормативная многозначность акта облегчает процесс, приспособление нормы к изменяющимся условиям¹².

Общие нормы, нормы-принципы характеризуются полной информацией. Они вычленились из практики лишь наиболее типичные ситуации, указывают условия их возникновения и формируют наиболее типичные способы взаимодействия в них государств и других субъектов международного права. На невозможность охватить совокупность жизненных ситуаций во всем их многообразии и конкретности понятиями, конструкциями и определениями, с помощью которых создаются абстрактные правовые нормы, пишет Д. Нашиц, право отвечает не отказом от абстрактного характера своих норм, а тем, что пытается найти средства для «примирения» динамизма и многообразия поведения и жизненных ситуаций с абстрактным и типизирующим характером относящихся к поведению моделей¹³.

Для эффективности международно-правового регулирования необходимо, чтобы содержание международного права было полностью, без искажений доведено до адресатов и воплощено в их поведении. Процессы передачи, переработки, использования международно-правовой информации, т.е. собственно коммуникационные процессы в сфере международного права характеризуются своеобразием. Прежде всего основные субъекты международного права – государства являются одновременно создателями и адресатами международно-правовой информации. Этим определяется значение этапа формирования норм международного права. Именно на этой фазе закладываются предпосылки будущей эффективности нормы международного права.

В этой связи возрастают требования к процессу отбора первичной информации, идущей от внешней среды к регули-

рующей и регулируемой системам. Существенную помощь в этом деле оказывают международные организации (ООН, ЮНЕП, МОТ, ИКАО, МАГАТЭ и др.), одной из задач которых является сбор и обработка информации, необходимой для эффективного регулирования международных отношений. Так, в рамках ЮНЕП сведения и прогнозы о состоянии окружающей среды поставляют Глобальная система наблюдения (мониторинга) окружающей среды (ГСМОС) и Международная справочная система об источниках информации по окружающей среде (МСС). В системе МАГАТЭ создан специальный орган – ИНИС – Международная система ядерной информации, в работе которой участвуют более 70 государств и 14 международных организаций¹⁴.

Процесс создания и договорных, и обычных норм международного права сопровождается интенсивным обменом информацией между ее участниками. Так, формирование обычного права происходит в результате общения государств. Последнее имеет коммуникативную сторону: прежде чем государство станет придерживаться определенного правила (обыкновения), оно должно быть информировано о применении этого правила в практике других государств, а в последующем – о признании за данным правилом поведения юридически обязательной силы.

Создание договорных норм также имеет информационный аспект. Выяснение мнений и позиций государств, получение от них соответствующей информации является необходимым условием того, чтобы в окончательном варианте текст удовлетворял максимально широкий круг государств.

Своеобразие коммуникационных процессов связано также с особенностями имплементации международно-правовых норм. Реализация норм международного права осуществляется в двух сферах – международной и национальной. В соответствии с двумя подсистемами имплементации – международным и национальным механизмами имплементации норм международного права – можно выделить два вида коммуникационных процессов. Один протекает в межгосударственной, а другой – в сфере национального правопорядка. В процессе передачи информация чаще теряется, реже сохраняется в исходном количестве, но никогда не увеличивается. Потери информации могут быть случайными, и могут быть управляемыми, когда на пути информации встает ряд фильтров. В этой связи основной задачей исследования коммуникации норм международного права как в межгосударственной, так и в национальной сферах является выявление и устранение факторов, искажающих нормативную международно-правовую информацию. Можно предположить, что нормы международного права, действующие в межгосударственной сфере, в меньшей степени подвергаются искажениям. Это связано, в частности, с тем, что реализация норм международного права в межгосударственной сфере не требует их переадресовки другим субъектам, что характерно для национально-правовой имплементации. Однако и здесь возможны искажения нормативной международно-правовой информации в процессе применения норм международного права – при толковании, конкретизации и т.д.

В процессе перевода норм международного права, в частности, международных договоров в национальную правовую систему, на содержание нормативной международно-правовой информации могут оказывать влияние такие факторы, как способ перевода международного договора во внутригосударственную сферу, применяемый тем или иным государством,

10 См.: Суворова В. Я. Конкретизация как мера обеспечения эффективной реализации международно-правовых норм // Вопросы универсальности и эффективности международного права. – Свердловск, 1981. – С. 48.

11 Черниченко С. В. Реализация международно-правовых норм, ее предпосылки и результаты, «СЕМП-1980». – М.: Наука, 1981. – С. 63.

12 Цит. По работе: Blenk-Knocke E., Zu den soziologischen Bedingungen volkerrechtlicher Normenbefolgung. Die Kommunikation von Normen. – Verlag Rolfremer-Ebelsbach, 1979.

13 См.: Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. – М.: Прогресс, 1974. – С. 64.

14 См.: Международное агентство по атомной энергии. Ежегодный доклад за 1983 г. Док GC (XXVIII) 713,1984. – С. 106.

способы разрешения коллизий между нормами международных договоров и нормами национального права, наличие или отсутствие специального законодательства, регулирующего процесс заключения и исполнения международных договоров; способ публикации договора (официальные или неофициальные) и т.д. Характер воздействия этих факторов проявляется по-разному в зависимости от того, как решаются вопросы национально-правовой имплементации норм международного права в законодательстве и практике отдельных государств. С точки зрения эффективности коммуникации норм права целесообразность применения того или иного способа (отсылка, инкорпорация) национально-правовой системы необходимо определять в каждом конкретном случае отдельно с учетом характера и содержания международного соглашения. Так, отсылка как способ национально-правовой имплементации норм международного права возможна только тогда, когда положения норм международного права сформулированы достаточно конкретно и полно. Многие положения норм международного права сформулированы достаточно конкретно и полно. Многие другие положения, содержащиеся в нормах международного права, не могут применяться непосредственно для регулирования внутригосударственных отношений без их конкретизации и соответствующей адаптации к национально-правовой системе в специально изданных имплементационных актах¹⁵.

Конституции некоторых государств (США, Франция) содержат общую отсылку к международным договорам. Анализ практики этих стран показывает, что такое решение вопроса на устраняет причин конфликтов между нормами из различных правовых систем, открывает возможность отказа от применения внутри страны нежелательных положений международных договоров. Примеры из судебной практики, например, США показывают, что провозглашение международных договоров верховным правом страны отнюдь не гарантирует отсутствие нарушений положений международных договоров. Наоборот, это может даже способствовать их нарушению.

Адекватный, т.е. неискаженный перевод международно-правовых норм во внутригосударственную систему имеет существенное значение для их эффективности. Вместе с тем неправильно преувеличивать значение международно-правовой коммуникации и коммуникационного анализа. Процессы управления и регулирования в международных отношениях не сводятся, как известно, лишь к информационным процессам. Содержание их богаче. Воздействие с помощью норм международного права на участников международных отношений включает ряд других факторов, которые не охватываются понятиями правовой информации (интересы, воля, ответственность и т.д.). Одна и та же информация по-разному воздействует на участников международно-правовых отношений, что является результатом действия различных факторов. И среди них важнейшими являются отношение государств к международному праву в целом и принятым на себя конкретным международным обязательствам, признание странами

современного международного права как важнейшего регулятора международных отношений, имеющего высшую социальную ценность. Поэтому сам по себе коммуникативный подход не может дать полного понимания социально-политической сути функционирования международного права и его норм. Сами по себе коммуникации не могут привести к примирению социальных интересов, соперничество которых определяет ход истории. Следовательно, дело не столько в коммуникациях, а в тех социальных силах, от позиций которых в конечном счете зависит эффективность (или неэффективность) современного международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Атаносов И., Пантов П. О некоторых информационных аспектах международно-правового регулирования системы международных отношений // Право и проблемы информации. – София, 1981.
2. Евинтов В. И. Многоязычные договоры в современном международном праве. – Киев: «Наукова думка», 1981.
3. Ермолаева Н. Западные СМИ не хотят появления правды о Донбассе // Российская Газета. – 2015. – 30 марта.
4. Лукашук И. И. Теория информации и международно-правовое регулирование // Вестник Киевского университета. – 1978. – Вып. 7.
5. Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. – Изд-во Казанского университета, 1999.
6. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. – М.: Прогресс, 1974.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ, принятое 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».
8. Суворова В. Я. Конкретизация как мера обеспечения эффективной реализации международно-правовых норм // Вопросы универсальности и эффективности международного права. – Свердловск, 1981.
9. Черниченко С. В. Нормы международного права, их создание и особенности их структуры // «СЕМП-1979». – М.: Наука. – 1980.
10. Черниченко С. В. Реализация международно-правовых норм, ее предпосылки и результаты, «СЕМП-1980». – М.: Наука, 1981.
11. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – М.: ИЛ, 1959.
12. Ясин Е. Г. Теория информации и экономические исследования. – М.: Статистика, 1970.
13. Blenk-Knocke E., Zu den soziologischen Bedingungen volkerrechtlicher Normenbefolgung. Die Kommunikation von Normen. – Verlag Rolfgremer-Ebelsbach, 1979.
14. Could W. L., Barkun M. International Law and Social Sciences. – Princeton, N.Y., 1070.
15. Shceikh Ahmed. International Law and National Behavior. A Behavioral interpretation of contemporary international Law and Politics / John Willor and Sons Inc. – N.Y., London, Sidney, Toronto, 1974.

15 Российская правовая система постепенно делает выбор в пользу обеспечения прямого действия положений международных договоров, в частности в сфере защиты прав человека, свидетельством чему может служить постановление Пленума Верховного Суда РФ, принятое 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». В нем дается разъяснения относительно признаков и условий, при наличии которых суд может при вынесении решения прямо ссылаться на международные договоры и другие нормы международного права.

Чекунов С. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕННОГО ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОДЛЕЖАЩИХ РАТИФИКАЦИИ

В настоящей статье автором описывается развитие понятия временного применения международных договоров, и на основе анализа научной литературы и договорной практики государств выявлен ряд научно-практических проблем, для решения которых предлагается внесение ряда авторских изменений в действующую редакцию Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

Ключевые слова: ратификация, право международных договоров, временное применение, международное право, международные договоры, проблематика, Венская конвенция о праве международных договоров, Россия, РФ.

Chekunov S. A.

ACTUAL PROBLEMS OF THE PROVISIONAL APPLICATION OF INTERNATIONAL TREATIES SUBJECT TO RATIFICATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

In this article the author describes the development of the notion of the provisional application of international treaties and on the basis of scientific literature analysis and treaty practice of states identifies a number of scientific and practical problems. Their solutions are proposed by the introduction of a number of copyright amendments to the current edition of the Federal law "On international treaties of the Russian Federation".

Keywords: ratification, the law of treaties, provisional application, international law, international treaties, range of problems, Vienna Convention on the Law of treaties, Russia, Russian Federation.

Чекунов С. А.

Вопрос о временном применении международного договора возникает в том случае, когда вступление его в силу требует выполнения определенных длительных (необходимость одобрения парламентом) внутригосударственных процедур.

Учитывая важность стабильности международных отношений с зарубежными государствами необходимо рассмотреть вопросы, связанные с институтом временного применения международных договоров Российской Федерации, подлежащих ратификации. Ранее институт временного применения не получил достаточного освещения ни в законодательстве государств, ни в научных работах зарубежных и российских ученых. Как отмечал профессор А. Н. Талалаев, участвующие в переговорах государства бывают иногда заинтересованы в том, чтобы положения договора в целом или в части начали применяться и исполняться как можно быстрее, даже немедленно, после подписания договора, несмотря на то, что его вступление в силу зависит от последующей ратификации. Причины такой заинтересованности могут быть разными, например, сложность и длительность конституционной процедуры ратификации в парламенте, особенно двухпалатном, и чтобы избежать или ускорить процесс исполнения обязательств по международному договору, государства прибегают к институту временного применения договоров¹. Вопросы временного применения международных договоров регулируются ст. 23 Закона «О международных договорах Российской Федерации» (далее – Закон о договорах) и ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – ВК 1969). Как отмечает Б. И. Осминин, временное применение международного договора нельзя отождествлять с вступлением международного договора в силу. Договор не может вступить в силу дважды; временное применение договора не может заменить вступление его в силу, когда государство становится участником договора². Кроме того, известный

принцип международного права – *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) должен распространяться на временно применяемые договоры.

Важно подчеркнуть, что по своей природе временное применение договора ограничено определенным периодом времени, оно не может продолжаться бесконечно, так как это свидетельствовало бы о неопределенности в отношении дальнейшей судьбы договора. Суть временного применения международного договора состоит в том, чтобы создать правовую основу для принятия мер по выполнению обязательств, вытекающих из временно применяемого международного договора, до вступления его в силу либо прекращения его временного применения по обоюдной договоренности договаривающихся государств или до уведомления государством других государств, которые временно применяют договор, о своем намерении не становиться участником договора.

В связи с рассмотрением вопроса о временном применении международных договоров следует кратко осветить историю этой проблемы. В прошлом временное введение в действие международного договора, подлежащего ратификации, рассматривалось как «особый порядок»³. Ратификация обеспечивает интересы государств, давая возможность договаривающимся сторонам в тот промежуток времени, который имеется в их распоряжении от подписания до ратификации, еще раз проверить целесообразность заключения данного международного соглашения и поднимает значение международных обязательств, усиливает гарантию их исполнения. Однако следует отметить, что Советское государство также использовало временное применение договоров. Например, договор с закавказскими республиками 1921 г., предусматривающий его вступление после обмена ратификационными грамотами⁴, договор РСФСР и Афганистана 1920 г.⁵ Правительство Финляндии в апреле 1929 г. сделало заявление о временном применении договора в отношениях с СССР⁶. В данных примерах условия временно применяемого международного договора были юридически обя-

1 Талалаев А. Н. Действует ли нератифицированный международный договор // Международное право – International law. – 1998. – № 1. – С. 208; Талалаев А. Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 69.

2 См.: Осминин Б. И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 318.

3 См.: Лукашук И. И. Современное право международных договоров. – Т. 1. – М.: 2004. – С. 467.

4 ДВП СССР. Т. IV. – С. 426.

5 ДВП СССР. Т. IX. – С. 663.

6 ДВП СССР. Т. XII. – С. 134.

зательными, и договоры обладали юридической силой⁷. Как было подтверждено Комиссией международного права ООН, «без сомнения, что соответствующие положения обладали юридическим действием и приводят договор в действие на временной основе»⁸. Так, по своей природе временное применение договора ограничено определенным периодом времени, и оно не может продолжаться бесконечно, так как это свидетельствовало бы о неопределенности в отношении дальнейшей судьбы международного договора. Принятие решения о временном применении, включая и продолжительность международного договора, принимается государствами, подписавшими договор, совместно и означает, что такое применение не может быть прекращено произвольно. Таким образом, не различаются юридические последствия вступления договора в силу и временного применения международного договора⁹.

На Венской конференции 1969 г. рабочий проект статьи о временном применении вызвал большую дискуссию¹⁰. Обстоятельному обсуждению делегатов подвергся вопрос о понятиях «временное вступление в силу» и «временное применение», но в результате дебатов в проекте КМП использован термин «временное вступление в силу». Сторонники этого термина утверждали, что «временное вступление в силу» наиболее часто встречается в практике международных отношений. Эксперт-консультант Х. Уолдок заявлял, что временное применение международных договоров «должно иметь юридическую основу и поэтому следует говорить о временном вступлении договора в силу»¹¹. Вместе с этим на Венской конференции представители делегации США предложили статьи о временном вступлении в силу в связи с рассмотрением таких договоров, как составляющих законодательства государств, и, как следствие, введение нового элемента международного права, преобладающего над внутригосударственной конституционной практикой. Вместе с тем большая часть участников Венской конференции признали, что выражение согласия государств на временно применяемый договор регулируется нормами конституционного права государств, и содержание статьи отражает договорную практику государств. В связи с этим нормами ВК 1969 предусмотрено, что временное применение договора в отношении государства прекращается, если это государство уведомит другие государства, между которыми временно применяется договор, о своем намерении не стать участником данного международного договора. Данное положение воспроизведено и в Законе о договорах. В вышеуказанном примере необходимое уведомление не было сделано и продолжающееся временное применение договора уже может расцениваться как молчаливое признание установленных ограничений.

Представляется необходимым также рассмотреть практику использования процедуры временного применения международных договоров в ряде ведущих зарубежных государств. Так, например, в Великобритании временное применение международного договора возможно до вступления в силу, если договор не нуждается в инкорпорации путем принятия закона, либо необходимое законодательство уже принято ранее. Если же реализация временно применяемого договора требует внесения изменений во внутригосударственное право, то временно применено должно предшествовать принятию мер законодательного характера. Воз-

можность временного применения международных договоров обусловлено общей процедурой заключения договоров и порядком их реализации в национальной правовой системе.

В Швеции временное применение международного договора возможно, только если он не нуждается в инкорпорации путем принятия закона или необходимое законодательство уже принято.

В Германии временное применение международных договоров возможно только в той степени, в какой обеспечено выполнение необходимых внутригосударственных требований. Так, если международный договор касается предметов федерального законодательства, то временно применяемый договор не может быть эффективно реализован в национальной правовой системе до получения соответствующей санкции законодательных органов, поскольку его осуществление возможно лишь в той мере, в какой это входит в компетенцию органов исполнительной власти.

Во Франции временное применение международных договоров и соглашений возможно лишь в виде исключения и при том условии, что оно предусматривается в самом договоре или соглашении. При этом реализация правительством временно применяемого договора или соглашения в период до вступления их в силу неизбежно осложняется, если договор или соглашение нуждаются в ратификации или утверждении на основании разрешения парламента в форме закона.

В США временное применение международных договоров, а также тех исполнительных соглашений, которые не вступают в силу с даты подписания, в принципе возможно, если такое применение не требует принятия конгрессом имплементационного законодательства. Решение о временном применении международного договора входит в компетенцию Президента, хотя Сенатом могут быть высказаны возражения при рассмотрении вопроса о согласии на его ратификацию.

В российской договорной практике временное применение международных договоров также получило широкое распространение. В Законе 1978 г. «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР» о процедуре временного применения международных договоров вообще не упоминается. После принятия Закона о договорах Президент России издал распоряжение о необходимости внесения на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации выражения согласия на все временно применяемые международные договоры¹². В постановлении Правительства России от 17 марта 1997 г. «О временном применении Протокола к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, учреждающему партнерство между Российской Федерацией – с одной стороны и Европейскими сообществами и их государствами-членами – с другой»¹³. Очевидно, что вопрос о временном применении международных договоров в договорной практике России возникает в случае, когда вступление договора в силу требует выполнения определенных, возможно, длительных внутригосударственных процедур (например, одобрения парламентом, ратификация), в то время как подписавшие договор государства взаимно заинтересованы (по внутривнутриполитическим причинам или в силу международно-политической необходимости) в скорейшем введении договора или отдельных его частей в действие. В ст. 23 Закона о договорах первый пункт дублирует соответствующее положение ВК 1969: договор или часть договора применяются временно до вступления договора в силу, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договоренность «со сторонами, подписавшими договор». Кроме того, в ВК 1969 использовано более точное понятие «участвующие в переговорах государства». Следует отметить, что в результате принятия текста договора появляется обязательное выполнение протокольных положений, которое осуществляется без процедуры подписания договора, а только голосованием за его текст принявших участие государств в перего-

7 Picone P. H. L'applicazione in via provvisoria degli accordi internazionali. – Napoli, 1973.

8 YILC 1966. – Vol. 11. – P. 210.

9 Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / Под ред. А. Н. Талалаева. – Москва: Изд-во Юридическая литература, 1997. – С. 61.

10 Elias T. O. The Modern Law of Treaties. Oceana publications. AW. Sijthoff-Leiden, 1974. – P. 37.

11 См.: Лукашук И. И. Современное право международных договоров. – Т. 1. – М., 2004. – С. 468.

12 СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3363.

13 Российская газета. – 1997. – 8 апреля.

ворах. Согласно п. 2 ст. 25 ВК 1969 временное применение договора может осуществляться официальным уполномоченным органом государства, который принял решение о необходимости подписания международного договора. В соответствии со ст. 26 ВК 1969 и ст. 31 Закона о договорах временное применение международных договоров в России означает, что международный договор в целом или его части начинают действовать в государстве до вступления его в силу, в соответствии с требованиями конституционного законодательства, а именно процедур ратификации, утверждения, принятия договора. Так, если международный договор, решение о согласии на обязательность которого подлежит принятию в форме федерального закона, предусматривает временное применение договора или его части либо договоренность об этом достигнута сторонами каким-либо иным образом, то он представляется в ГД РФ в срок не более 6 месяцев с даты начала его временного применения и по решению, принятому в форме федерального закона в установленном порядке для ратификации, такой срок временного применения продлевается. В России решение о временном применении международных договоров имеют право выносить Президент и Правительство России, федеральные министры и иные должностные лица, решения которых не нуждаются в чем-либо одобрении, и по согласованию с другим государством.

Вопросы прекращения временного применения договора детально урегулированы ст. 25 ВК 1969¹⁴. Следовательно, временное применение международного договора прекращается либо по договоренности государств, между которыми временно применяется договор, либо со вступлением международного договора в силу, либо по уведомлении государством других государств, временно применяющих международный договор, о своем намерении не становиться участником договора. При этом следует учитывать, что если международный договор в силу еще не вступил, то можно говорить не о прекращении временно применяемого договора (с соблюдением процедур и условий прекращения договоров, установленных международным правом), а о необходимости прекращения временно применяемого международного договора. Согласно Закону о договорах в России разрешается временное, до вступления в силу, применение международных договоров, и это разрешение распространяется и на договоры, для заключения которых требуется принятие федерального закона. Поэтому, на основании ст. 25 Закона о договорах временное применение Россией международного договора до вступления в силу возможно, если это предусмотрено текстом договора или если об этом была достигнута специальная договоренность с государствами, подписавшими договор, одновременно с подписанием договора или по истечении определенного договором периода времени после его подписания. Решение о временном применении Россией международного договора относится к компетенции органа, принявшего решение о подписании временно применяемого международного договора. Очевидно, что положение п. 2 ст. 23 Закона о договорах регламентирует порядок внесения Президентом или Правительством России в течение шести месяцев международного договора на рассмотрение в ГД РФ на ратификацию или представления в отношении договора предложения о его продлении на срок временного применения.

Отметим, что временное применение двустороннего договора завершено, если одна сторона в соглашении сообщает другой свое намерение не стать стороной в нем. В случае временного применения соглашения, действия государства не должны лишать объекта и цели соглашения до его вступления в силу (см. ст. 18 ВК 1969), что означает необходимость воздерживаться от действий, которые привели бы к невоз-

можности применения соглашения, до его ратификации¹⁵. Таким образом, от временного применения международного договора необходимо отличать обязательства государства, подписавшего договор под условием ратификации, принятия или утверждения, не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу (ст. 18 ВК 1969 – сторонами подписан международный договор или осуществлен обмен документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или оно выразило согласие на обязательность для него договора, до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно долгим), а также одностороннее применение договора государством, поскольку временное применение международного договора предполагает достижение государствами соответствующей договоренности.

Исходя из российской договорной практики со времени принятия Закона о договорах, использования института временного применения международных договоров, подлежащих ратификации, можно отметить распространяющуюся практику внесения в ГД РФ на ратификацию временно применяемых международных договоров с нарушением установленного законом шестимесячного срока. Несоблюдение шестимесячного срока для представления в Думу таких договоров недопустимо в связи с тем, что это является нарушением российского законодательства и ставит вопрос о законности действий российских государственных органов по выполнению обязательств из такого международного договора после шестимесячного срока. Как представляется, такая практика не учитывает специфику принимаемого решения, ибо подписание международного договора под условием его последующей ратификации, принятия или утверждения предполагает лишь обязанность государства воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, до тех пор, пока государство не выразит своего намерения не стать участником этого договора, а временное применение международного договора означает, что государство согласилось применять, хотя и на временной основе, положения договора и нести международно-правовую ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из этого временно применяемого международного договора. Например, если временное применение договора дает освобождение от взимания налогов, то после истечения шестимесячного срока такое освобождение государственными органами, в компетенцию которых входит решение вопроса, имеет юридическую силу только в случае, если соответствующий международный договор внесен в Государственную Думу на ратификацию или в отношении этого международного договора вынесено предложение о необходимости продления в форме федерального закона срока его временного применения¹⁶. Следовательно, когда иностранные государства применяют такой международный договор, по договоренности с Россией, то непредставление в установленный срок в ГД РФ не влечет в результате этого правовых последствий в международном плане и не отражается на выполнении Россией договорных обязательств из временно применяемого международного договора. Как представляется, такая практика не учитывает специфику принимаемого решения, ибо подписание международного соглашения с его последующей ратификацией, принятием или утверждением предполагает лишь обязанность государства воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, до тех пор, пока государством не будет выражено намерение быть участником этого соглашения. При этом в договорной практике ГД РФ отсутствуют примеры представления проектов

14 Карандашов И. И. Временное применение международных договоров в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 7 (74). – С. 79–84.

15 Shearer I. A. *Starke's International Law*. – 11 th ed. – London, 1994. – P. 418.
16 См.: Осминин Б. И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 323.

федеральных законов о продлении срока временного применения международных договоров.

Временное применение международных договоров следует рассматривать как исключительные примеры, встречающиеся в российской договорной практике. Так, Конституция России содержит ряд ограничений в отношении вопроса временного применения международных договоров, и никакие правовые акты не должны ей противоречить (ч. 1 ст. 15). Также в соответствии со ст. 22 Закона о договорах не могут временно применяться международные договоры, содержащие нормы, которые изменяют отдельные положения Конституции России, вступающие в силу только после внесения соответствующих поправок в Конституцию России или пересмотра ее положений в установленном порядке, то есть с согласия палат ГД РФ либо Президента России. Помимо этого, в соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции России правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они официально не опубликованы. Согласно п. 1 ст. 30 Закона о договорах «вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых для Российской Федерации приняты в форме федерального закона, подлежат официальному опубликованию только в Собрании законодательства Российской Федерации», и временное применение таких международных договоров невозможно. Кроме того, временному применению не подлежат международные договоры, которые в соответствии со статьями 14, 15, 16, 17 Закона о договорах подлежат ратификации, в соответствии со ст. 20 Закона о договорах подлежат утверждению или принятию, осуществляемым Президентом, Правительством России, а также иные договоры в соответствии с Законом о договорах.

Вопрос о продлении срока временного применения договоров ГД РФ отметила в своем постановлении от 14 июня 2002 г. № 2880-III ГД РФ: «Фактически в законодательстве Российской Федерации отсутствует правовое обоснование неправомерно затянувшегося временного применения соглашения Российской Федерацией». Решение о прекращении временного применения международных договоров, согласие на обязательность которых для России подлежит принятию в форме федерального закона (ратификации), принимается Президентом или Правительством России в любое время, так как в российском законодательстве отсутствуют ограничения в отношении сроков применения временно применяемых договоров, а применение договора должно прекратиться до истечения шестимесячного срока.

Следует особо подчеркнуть, что институт временного применения международных договоров надо применять только в крайних случаях, если этого требуют сложившиеся обстоятельства. Таким образом, в России временно могут применяться лишь международные договоры, не требующие внесения изменений в действующую Конституцию России и нуждающиеся в последующей ратификации, утверждении или принятии. Договорные отношения более стабильны, когда они регулируются международными договорами, которые уже вступили в силу. Поэтому период временного применения не должен чрезмерно затягиваться, и нельзя бесконечно откладывать рассмотрение вопроса о судьбе временно применяемого международного договора. А. Н. Талалаев поддерживал это и отмечал, что временное применение международного договора не должно быть бесконечным¹⁷. Также необходимо учитывать обстоятельство, что при детальной правовой экспертизе и рассмотрении вопроса о ратификации договора ГД РФ придет к выводу, что он не отвечает интересам России, и откажется его ратифицировать. Отказ от ратификации не считается нарушением международного права, а в отношении временно применяемого договора он

может повлечь за собой и принятие решения о прекращении временного применения договора. Важно подчеркнуть, что оформление прекращения временного применения международного договора не требует соблюдения процедур, предусмотренных Законом о договорах для прекращения действующих, вступивших в силу договоров России, в частности не требует принятия ГД РФ закона, поскольку в данном случае речь идет не о прекращении действия самого международного договора (он в силу еще не вступил и, следовательно, не действует), но лишь о прекращении его временного применения. Поэтому оно возможно по решению того органа, который принимал решение о временном применении международного договора, например по распоряжению Президента России¹⁸. Временное применение международных договоров может вызывать на практике определенные трудности как международного, так и внутригосударственного характера. Например, сложившаяся напряженная ситуация в отношениях ГД РФ с Правительством России относительно Соглашения о линии разграничения морских пространств между СССР и США 1990 г. Это соглашение, по мнению депутатов ГД РФ, нанесло значительный экономический ущерб интересам России, т.к. были утрачены районы ее традиционного рыбного промысла. Оно подлежало обязательной ратификации, но не представлялось на ратификацию в Верховный Совет СССР, а было временно введено в действие решением Совета Министров СССР. Указанное соглашение, положения которого, как предусматривалось в договоренностях, оформленных путем обмена нотами при его подписании, выполнялись до вступления соглашения в силу, начиная с 15 июня 1990 г., подлежит ратификации. Российская Федерация как государство – продолжатель СССР относительно этого соглашения соблюдает все установленные договоренности и международно-правовые нормы. Сенатом США даны в 1991 г. совет и согласие на ратификацию соглашения. Но в ГД РФ он не был представлен на ратификацию. В связи с тем, что временное применение Россией соглашения продолжалось, ГД РФ в 2002 г. рассмотрела вопрос о последствиях применения соглашения для национальных интересов России. Отметив в своем постановлении нарушение ст. 23 Закона о договорах в части законодательного оформления решения о продлении срока временного применения Российской Федерацией соглашения, ГД РФ пришла к выводу о том, что «фактически в законодательстве РФ отсутствует правовое обоснование неправомерно затянувшегося временного применения соглашения» и предложила комитету по международным делам Думы разработать проект закона о внесении дополнений в Федеральный закон о международных договорах в части совершенствования правового обоснования временного применения Российской Федерацией международных договоров¹⁹. В результате рядом депутатов ГД РФ был внесен законопроект, ограничивающий временное применение международного договора на срок не более трех лет, который в 2004 г. был отклонен ГД²⁰, так как предлагаемое автоматическое прекращение Россией временного применения международных договоров по истечении трехлетнего периода означало бы односторонние действия, вступающие в противоречие с условиями прекращения временного применения международных договоров, установленными п. 2 ст. 25 ВК 1969. При этом статус международного договора по истечении трехлетнего срока временного применения оставался бы неопределенным. Указанное соглашение подлежало рати-

18 Талалаев А.Н. Действует ли нератифицированный международный договор // Международное право – International law. М. 1998; Талалаев А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ. М. // Государство и право. 1998. № 3. С. 69.

19 Постановление Государственной Думы от 14 июня 2002 г. № 2880-III ГД // СЗ РФ. – 2002. – № 25. – Ст. 2396.

20 Постановление Государственной Думы от 19 марта 2004 г. № 224-IV ГД // СЗ РФ. – 2004. – № 13. – Ст. 1163.

17 См.: Талалаев А.Н. Действует ли нератифицированный международный договор. – С. 208.

фикации и вступало в силу лишь после ратификации. Вместе с тем на практике временное применение не было прекращено, а для того чтобы его приостановить требуется уведомление других участников международного договора о намерении не быть далее участником соглашения.

Можно предположить, что возможным решением данного вопроса будет передача для дальнейшего рассмотрения Международным судом, и это не принесет политических осложнений. Например, предъявлен иск Германии к США по поводу дела братьев Лэгран, где по решению Суда США они были признаны ответственными, а решение Суда не повлияло на отношения государств в международной дипломатической практике. Таким образом, если будет принято решение о том, чтобы Россия не была в дальнейшем участником данного договора, то необходимо России сделать заявление о прекращении временного применения договора, и оно прекратится с момента решения участника об отказе в ратификации. Вероятно, что после соответствующего заявления России о прекращении временного применения договора необходимо будет внесение предложения о передаче дела в Международный суд. При этом следует учитывать отмену оговорки, сделанной СССР о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН²¹. Необходимо отметить, что США также не имеют права на рассмотрение дела в данном суде. Отсюда следует, что Россия и США могут заключить двухстороннее соглашение по данному вопросу о передаче дела в Международный суд. Далее необходимо определить предмет рассмотрения суда – рассмотрение самого договора или той ситуации, возникшей в связи с его временным применением. Учитывая положения ст. 25 ВК 1969 о временном применении видим, что нет юридических ограничений по срокам временного применения положений договора сторонами. Из норм ВК 1969 следует, что стороны договорились о временном применении, которое может длиться 50, 100 и более лет. Это вопрос договорной и дипломатической практики государств. Следовательно, юридические ограничения отсутствуют, и решение вопроса зависит от воли сторон. Так, если одна сторона двустороннего соглашения в одностороннем порядке не согласна применять его положения, то другая сторона должна прекратить его временное применение. При этом в случае официального отказа от временного применения этого договора не будет необходимости пересматривать условия договора. МИД России как федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий государственное управление в области отношений Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями, может сделать заявление о прекращении временного применения международного договора, в соответствии с постановлением ГД РФ и решением Правительства России,²² и указом от 12 марта 1996 г. № 375 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации»²³. В случае отказа Правительства России сделать необходимое заявление, в ГД РФ может быть инициирован проект федерального закона, который пройдет все соответствующие стадии законодательного процесса, и после одобрения в Совете Федерации Российской Федерации, подписания его Президентом России, Правительство России делает такое заявление. Далее рассмотрим сложившуюся ситуацию с международно-правовой точки зрения. Если Россия сделает заявление о прекращении

временного применения договора, то юридически он не будет существовать, и все должно быть восстановлено в первоначальное состояние, которое предшествовало заключению указанного договора. Таким образом, в связи с отсутствием во втором разделе «Недействительность договоров» ВК 1969 подобного основания прекращения временного применения международного договора нельзя приравнять к признанию недействительным международного договора, ни прекращать действие договора, т.к. он в силу не вступил. Эта чрезвычайно важная проблема в договорной практике России и США не решалась и до нынешнего момента не решена. В связи с вышеописанным можно провести анализ законопроектов, предлагающих в рамках существующей практики ГД РФ пути решения указанной проблемы. Например, рассмотрим законопроект, внесенный депутатами ГД РФ Н. П. Залепухиным, А. В. Митрофановым «О внесении изменений в Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (по вопросу о временном применении международных договоров Российской Федерации), который предусматривал дополнение п. 2 ст. 23 после слов «статьей 11 настоящего федерального закона» словами «при этом временное применение международного договора не может превышать установленного срока продления». Согласно ст. 25 ВК 1969 все государства по взаимной договоренности, путем внесения соответствующих положений в заключаемые ими договоры, могут временно применять международные соглашения или его часть до вступления их в силу. Вместе с тем в Законе о договорах не предусмотрен срок временного применения международного договора. Авторы законопроекта замечают, что предусмотренная п. 2 ст. 23 названного Закона процедура представления международного договора, подлежащего ратификации и временно применяемого Россией и представляемого в ГД РФ для принятия решения о продлении срока временного применения, не дает ответы на следующие вопросы: в случае отказа в ратификации международного договора ГД РФ – о продлении срока временного применения; можно ли повторно представлять в ГД РФ измененный текст международного договора для принятия решения о продлении срока его временного применения. Кроме того, возможность бессрочного временного применения международных договоров Российской Федерации, подлежащих ратификации, может нанести определенный ущерб интересам России. Также Россия может подписать дополнительное соглашение с США о линии разграничения морских пространств в Беринговом море от 1990 г. о продлении временного применения его на год, а далее необходимо решать вопрос о прекращении действия этого соглашения или о его ратификации. Таким образом, устраняется бесконечное продление сроков временного применения международных договоров – один раз до окончания срока продления. Если в течение этого срока продления международный договор или его часть не будут ратифицированы, то в соответствии с п. 3 ст. 23 Закона о договорах применение его прекращается при уведомлении других государств, которые временно применяют международный договор.

Как следует из положений ст. 25 ВК 1969, временное применение международного договора до его вступления в силу, равно как и прекращение такого применения, основано на принципе соглашения договаривающихся государств, т.е. является согласованной, а не добровольно-односторонней процедурой (аналогичное положение закреплено в ст. 23 Закона о договорах). А предлагаемое законопроектом автоматическое прекращение Россией временного применения международного договора после истечения установленного федеральным законом срока продления такого применения означают односторонние действия, которые вступают в противоречие с указанным принципом (идентичное замечание содержалось и в заключение Президента России от 28.05.2001 г. № Пр-966

21 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. – М: РУДН, 2012.

22 СЗ РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 1033.

23 СЗ РФ. – 1996. – № 12. – Ст. 1061.

на законопроект «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О международных договорах Российской Федерации”», авторы, которого предлагали установить в Законе о договорах трехлетний срок временного применения международного договора). Необходимо констатировать, что предложения депутатов ГД РФ А. В. Митрофанова и Н. П. Залепухина не согласуются с положениями ВК 1969 и Законом о договорах. Следовательно, необходимо иметь в виду, что временное применение международного договора не может прекращаться Россией автоматически после истечения срока продления временного применения, как это фактически предусматривает законопроект. В соответствии с п. 2 ст. 25 ВК 1969 и п. 3 ст. 23 Закона о договорах, если между государствами отсутствует договоренность об ином, то временное применение международного договора прекращается в случае уведомления соответствующим государством (в данном случае Россией) других государств о своем намерении не стать участником международного договора. Таким образом, само по себе истечение срока продления не может являться основанием для немедленного прекращения Россией временного применения международного договора. Кроме того, из рассматриваемого дополнения следует, что оно касается временного применения, которое ограничено определенным сроком и при этом может продлеваться после его истечения. Однако многие международные договоры предусматривают временное применение не в течение конкретно указанного в них срока, а в период выполнения государствами законодательных процедур, необходимых для вступления их в силу. Вопрос о продлении срока временного применения международных договоров, в которых Россия намерена участвовать, может возникнуть применительно к международным договорам, подлежащим представлению в ГД РФ в соответствии с абзацем вторым п. 2 ст. 23 Закона о договорах. Если авторы законопроекта имели в виду такие международные договоры, то в этом случае предлагаемое дополнение было бы целесообразно поместить в вышеуказанном абзаце п. 2 ст. 23 Закона о договорах, где содержится положение о возможности продления срока временного применения, представленного в ГД РФ международного договора, согласие государства с условиями которого выражается в форме федерального закона.

Вместе с тем, представляется не вполне понятным предлагаемый законопроект механизм решения проблемы сроков временного применения международных договоров. Важно подчеркнуть, что с внесенными предложениями авторов законопроекта для решения рассматриваемой важной проблемы и предлагаемыми изменениями в федеральный закон нельзя согласиться. Поэтому следует отметить, что существуют разные мнения по этому вопросу, но официальная позиция Правительства России до настоящего времени неизвестна и данный вопрос ГД РФ не решен.

В заключение необходимо констатировать:

1. Договорные отношения более стабильны, когда они регулируются международными договорами, которые уже вступили в силу. Поэтому период временного применения не должен чрезмерно затягиваться, и нельзя бесконечно откладывать рассмотрение вопроса о судьбе временно применяемого договора. Следует учитывать то обстоятельство, что при детальном рассмотрении вопроса о ратификации договора государство участник международного договора может прийти к выводу, что данный договор не отвечает интересам государства, и оно откажется его ратифицировать.

2. Отказ от ратификации временно применяемого договора не считается нарушением международного права, а в отношении временно применяемого договора он может повлечь за собой и принятие решения о прекращении временного применения договора.

3. В действующей договорной практике государств отсутствуют примеры представления проектов федеральных законов о продлении срока временного применения международных договоров и отсутствуют санкции за нарушение сроков вынесения временно применяемого договора на ратификацию.

4. Обосновывается необходимость дополнения редакции п. 2 ст. 23 Закона о договорах после слов «срок временного применения может быть продлен» и дополнить предложением в редакции: «срок временного применения международного договора или части договора не должен превышать двух лет», а также далее дополнить формулировку указанной статьи словами и записать в следующей редакции: «Ответственные лица, виновные в нарушении настоящего Федерального закона, подлежат привлечению к ответственности в соответствии с законодательством России».

5. Обосновывается необходимость установления максимально возможного срока для временного применения международного договора, который не подлежит увеличению по соглашению с другой стороной полномочным представителем России. Необходимо указать, какие виды международных договоров России могут подлежать временному применению с разъяснением всех правовых последствий невступления в силу таких международных договоров, т.к. действующая редакция ст. 23 Закона о договорах предоставляет применение на неопределенно долгий срок нератифицированных международных договоров и не указывает юридических последствий невступления их в силу. Обосновывается, что целесообразно представить на рассмотрение Государственной Думы все временно применяемые международные договоры, подлежащие ратификации, или до истечения шестимесячного срока прекратить их временное применение при уведомлении других зарубежных государств, которые временно применяют указанные договоры, или по дипломатическим каналам направить в эти государства ноты о намерении России не становиться участником вышеуказанных международных договоров. А также необходимо по поручению Президента России Правительству Российской Федерации привести свои нормативные акты в соответствие с настоящим федеральным законом.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. – М.: РУДН, 2012.
2. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / Под ред. А. Н. Талалаева. – М.: Изд-во Юридическая литература, 1997.
3. Карандашов И. И. Временное применение международных договоров в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 7 (74).
4. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. – Т. 1. – М., 2004.
5. Осминин Б. И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. – М.: Волтерс Клаувер, 2006.
6. Талалаев А. Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. – 1998. – № 3.
7. Талалаев А. Н. Действует ли нератифицированный международный договор // Международное право – International law. – 1998. – № 1.
8. Picone P. H. L'applicazione in via provvisoria degli accordi internazionali. – Napoli, 1973.
9. Shearer I. A. Starke's International Law. – 11 th ed. London, 1994.

Нуриев Б. Д.

МУСУЛЬМАНСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье рассматривается вопрос об идентификации мусульманского международного права. Автор доказывает, что в силу специфики исламской концепции мироустройства международное право как отрасль мусульманской правовой семьи в период раннего Средневековья еще не оформилось. Автор анализирует особенности положений законодательства Арабского халифата, регулировавших отношения с внешним миром, и выделяет межгосударственный и межконфессиональный уровни в рамках действовавшей системы правосудия. В свете происходящих в настоящее время трансформаций на Ближнем Востоке автором подчеркивается важность более детального исследования обозначенной проблемы для российской юридической науки.

Ключевые слова: мусульманское международное право, Арабский халифат, исламоцентризм, умма, структура права, культовое право, гражданское право, уголовное право, межгосударственные отношения, межконфессиональные отношения.

Nuriev B. D.

MUSLIM INTERNATIONAL LAW: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION

The article discusses the matter of the identification of Muslim international law. The author argues that due to the nature of the Islamic concept of the world order the international law as a branch of the Muslim law system in the early Middle Ages have not yet emerged. The author analyses the peculiarities of the legislation of the Arab Caliphate, regulating relations with the outside world, and highlights the inter-state and inter-faith levels within the operating system of justice. In light of the ongoing transformations in the Middle East, the author emphasizes the importance of more detailed study of identified problems in the Russian law science.

Keywords: Muslim international law, the Arab Caliphate, Islamocentrism, Umma, the structure of the law, religious law, civil law, criminal law, international relations, interfaith relations.

Нуриев Б. Д.

Аравийский полуостров, где, как известно, зародилась арабо-мусульманская государственность, в первой половине VII в. представлял собой неоднородный по своему конфессиональному и этническому составу регион. Данное обстоятельство, безусловно, наложило мощный отпечаток на становление мусульманской правовой доктрины. Примечательно, что первый в истории мусульманского права юридически значимый нормативный документ, сыгравший в дальнейшем решающую роль в оформлении общественно-политического ландшафта Ближнего Востока, был договором, регулировавшим межконфессиональные и межэтнические отношения. Данный документ в российском гуманитарном знании принято именовать «Мединским соглашением»¹, в то время как в зарубежной литературе его нередко называют «Мединской хартией» или даже первой мусульманской конституцией². Добавим, что значение «Мединского соглашения», которое, к сожалению, пока еще детально не исследовано отечественными учеными-юристами, настолько велико, что суть его правовой содержательности так или иначе ощущается и в настоящее время. Начиная с первой половины VII в. на протяжении последующих нескольких столетий стремительно расширяющее свои границы арабо-мусульманское государство вступало в контакты как с соседними народами, так и с государствами, не имевшими общих границ с Арабским халифатом. Процесс построения отношений с ними требовал своего осмысления и теоретизации. Зародившиеся на мусульманском Ближнем Востоке суннитские и шиитские правовые школы не обходили своим вниманием данный комплекс вопросов. Постепенно, соблюдая преемственность с достижениями предыдущих

поколений, к IX–X вв. оформилось та отрасль права, которую, в зарубежной научной литературе именуют мусульманским международным правом. Однако теоретизированное и развитое мыслителями-правоведами Арабского халифата международное право по своей структуре и содержательности разительно отличалось от привычной для нас отрасли права, регулирующей отношения между государствами. Данное обстоятельство подтолкнуло автора к подготовке статьи, которая, возможно, внесет определенную ясность в вопрос о том, что представляло собой мусульманское международное право в раннесредневековый период.

Прежде чем перейти к изложению основного материала, думается, есть необходимость обозначить один немаловажный момент. В данном исследовании речь идет о классическом мусульманском праве. Напомним, что под классическим мусульманским правом принято понимать ту систему правосудия, которая легла в основу государственности арабов VII–XIII вв. Другими словами, речь идет об Арабском халифате, который пал в 1258 г. под натиском монголов. Классическое мусульманское право в научной литературе нередко именуется также раннесредневековым или халифатским³.

Для достижения обозначенной автором цели, которая, как говорилось выше, заключается в анализе природы мусульманского международного права, думается, необходимо более детально затронуть два чрезвычайно важных аспекта. Во-первых, необходимо выявить то место, которое занимали международные отношения в исламской системе правосудия. Как это будет доказано ниже, структура мусульманского права кардинально отличалась от конструкций других правовых систем рассматриваемого нами отрезка времени и более ранних их форм. Во-вторых, чрезвычайно важно увидеть внутренний

1 Эрдоган О. Формирование культуры межрелигиозного диалога в истории ислама (Мединское соглашение) // Власть. – 2010. – №4. – С. 154–156.

2 Koyuncu M. Medine şehir devleti // SAÜ Fen Edebiyat dergisi. – 2009. – № 3. – С. 87–103.

3 Иванова Д. Р., Нуриев Б. Д. Институт брака в исламском праве раннего средневековья. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 14.

срез мусульманского международного права, выявить его основные элементы и взаимозависимость между ними. Таким образом, можно будет рассмотреть структуру данной отрасли права, понять актуальные для мыслителей-правоведов Арабского халифата положения и направления, которые, в итоге, формировали внешнеполитическую доктрину средневекового мусульманского государства.

Основной водораздел, оформивший ключевой принцип деления мусульманского права на две равновесные по своей значимости части, проходил по линии, определяющей объект своего апеллирования. Та часть действующего законодательства, объектом регулирования которой выступали отношения, складывающиеся между человеком, обществом и Всевышним началом, именовалась *прикладным правом* или собственно *правом*. Другая часть, определявшая правила выявления и теоретизации положений и норм действующего законодательства, их кодификации, взаимосвязи и взаимозависимости, называлась *фикхом* или *методологией права*. Заметим, что в рамках фикха регулировались вопросы теоретизации положений законодательства исключительно на базе основных и второстепенных источников права⁴. Как подчеркивают многие исследователи, деление действующего законодательства на публичное право и частное право, свойственное римской системе правосудия, не было характерно для мусульманского права. Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии какой-либо преемственности между двумя правовыми семьями прошлого.

Как известно, одним из ключевых понятий в мусульманской правовой доктрине является *фикх*. Интерпретация этого термина настолько неоднозначна, что становится причиной разночтения среди ученых, исследующих право Ближнего Востока. В ходе анализа отечественной и зарубежной литературы автором статьи были выявлены два основных взаимоисключающих подхода в вопросе о концептуализации фикха. В России фикх нередко рассматривается как «исламская доктрина о правилах поведения мусульман (юриспруденция), мусульманское право в широком смысле»⁵. Примерно в этом же ключе трактуют значение фикха и некоторые зарубежные исследователи: «Фикх – правила поведения членов общины, включающие в себя не только санкционированные государством регуляторы, но и морально-этические нормы»⁶. Действительно, фикх можно рассматривать как понятие с широким семантическим наполнением, отражающим совокупность всех регуляторов жизни общества, не только юридических, но и выходящих далеко за пределы сферы контроля и регулирования государства, таких как мораль, обычаи, некие профессиональные нормы поведения и т.д. Если исходить из данного принципа, то фикх можно трактовать примерно в том же значении, что и *шариат*, представляющий собой «комплекс закрепленных прежде всего Кораном и сунной предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение»⁷.

Согласно другому подходу, который выдержан в узко очерченных рамках и встречается чаще в зарубежной научной литературе, фикх – это методология выявления юридиче-

ских регуляторов. Объектом апеллирования фикха выступали не законы или иные юридические регуляторы, а источники права. Безусловно, вопросы морально-этического характера в данном случае не играли существенной роли. Подобная точка зрения также имеет своих сторонников, особенно за рубежом. Более того, именно подобная трактовка понятия фикха видится нам более приемлемой и научно обоснованной. Добавим, что члены мусульманской общины, разбиравшиеся в тонкостях мусульманского законодательства и отлично знавшие источники права, в Арабском халифате именовались *факихами*.

Собственно *право*, о котором говорилось выше, на первых этапах своего формирования делилось на две составные части. Первую часть составляли те положения и нормы, которые регулировали отношения между членами общины и Всевышним началом. Данный раздел права получил название *ибادات*, которое на русский язык можно перевести как *культовое право*. Добавим, что культовое право занимает ключевую позицию в системе любой религиозной правовой семьи. Отношение каждого человека и всех членов общины к Всевышнему началу, культовым ритуалам и объектам считалось основополагающим в каждой религиозной правовой доктрине. Нарушение тех правил, которые регулировали данные отношения, как правило, влекло за собой достаточно суровое наказание для нарушителя. Вторая часть мусульманского классического права состояла из тех положений, которые определяли форму отношений между членами общины. В научной литературе Арабского халифата данный раздел права получил название *муамелат*. В российском правоведении также нередко используется термин *адат*, который, однако, в Арабском халифате был менее распространен. Муамелат – это та отрасль права, которая по своей содержательности близка к гражданскому праву в современном его понимании. «Данная отрасль права в своей классической интерпретации регулировала права жителя Арабского халифата, исповедующего мусульманскую религию. *Муамелат*, будучи достаточно запутанным и неоднозначным по своей структуре, обычно подразделялся на четыре направления: семейное право, торговое право, гражданско-процессуальное право и наследственное право»⁸.

Несколько позднее в рамках действующей системы правосудия оформился раздел, который по своей содержательности был близок к уголовному законодательству. Таким образом, в рамках мусульманской правовой доктрины получило развитие уголовное право, именовавшееся *укубат*. «Уголовное законодательство в Арабском халифате регулировало те специфические общественные отношения, которые возникали в связи с совершением физическим лицом общественно опасных деяний. Раннесредневековый *укубат* определял, какие именно деяния члена общины могли быть признаны преступлением и какое наказание за то или иное деяние должно быть предусмотрено. Добавим, что самое большое место среди преступных деяний в рамках мусульманского классического права занимали преступления против личности, главным образом убийства и причинение телесных повреждений. Однако *укубат* предусматривал и преступные деяния, направленные против государственного строя и общественного порядка»⁹.

Обозначенная выше структура мусульманского права была своего рода фундаментом, на основе которого функционировала система законодательства в Арабском халифате вплоть до его падения в 1258 г.

4 Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. Вспомогательные источники исламского права и их классификация // Евразийский юридический журнал. – 2013. – №5. – С. 124–126.

5 Момотов В. В., Свечникова Л. Г. Основы исламского законодательства: Учеб. пособие. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. – С. 126.

6 Yaman A., Çalıř N. İslam hukukuna giriş. – İstanbul: M.Ü. İlahiyat fakültesi vakfı yayınları, 2012. – С. 72.

7 Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука. – 1991. – С. 292.

8 Иванова Д. Р., Нуриев Б. Д. Указ. Соч. – С. 27.

9 Иванова Д. Р., Нуриев Б. Д. Указ. Соч. – С. 24

В постклассический период мусульманская система правосудия продолжила дробиться и совершенствоваться. Так, в рамках семейного права оформились два направления, которые также нередко рассматривались и анализировались раздельно. В Османской империи готовились специалисты, занимавшиеся вопросами заключения брачных отношений, а само направление, включающее в себя вопросы оформления брачного контракта, получило название *мюнакехат*. Относительно самостоятельной считалась и та отрасль права, которая регулировала вопросы расторжения брачного договора. Данное направление именовалось *мюфаракат*¹⁰. Примечательно, что в 1917 г. в Османской империи, которая готовилась подписать акт о капитуляции перед странами Антанты, был принят первый в истории мусульманского мира Семейный кодекс, во многом сохранивший свойственный исламской правовой традиции подход к семейно-брачным отношениям. После распада Османской империи данный документ еще длительное время регулировал семейные отношения во многих регионах Ближнего Востока. Наследственное право, именовавшееся *терикат*, также стало рассматриваться в качестве одной из самостоятельных отраслей права. Специалисты в области той части законодательства, которая регулировала наследственные отношения, готовились в многочисленных медресе и высших учебных заведениях, например в известном университете Аль-Азхар, основанном в 988 г.¹¹

Итак, исходя из вышесказанного, можно констатировать, что в рамках классического мусульманского права условно выделялись три составные его части: культовое право или ибадат, гражданское право или муамелат и уголовное право или укубат. Данная тройственность мусульманской системы правосудия, характерная для периода Арабского халифата, представляет собой одну из наиболее важных особенностей исламской правовой доктрины.

Правовые основы международных отношений не были обойдены вниманием в работах мыслителей-правоведов Арабского халифата. Ими была предложена достаточно своеобразная модель построения отношений с внешним миром. Однако, как констатируют многие исследователи, данная отрасль права была «размыта» между обозначенными выше тремя составными частями мусульманского законодательства. Другими словами, регулирование тех отношений, которые формировались в процессе установления контакта мусульманской общины с внешним миром, осуществлялось в рамках действующего уголовного, гражданского и, в более усеченной форме, культового права.

Расплывчатый и относительно слабо теоретизированный характер международного мусульманского права, как видит автору данного исследования, был вызван тем, что для внешнеполитической доктрины раннесредневекового мусульманского государства был характерен *исламоцентризм*¹². Данное обстоятельство оставляло все юридически значимые положения иных правовых семей за рамками изучения. Вопрос о том, каким образом умма может строить отношения с внешним миром, также не рассматривался теоретиками действующего законодательства в качестве основного.

Однако, как показывает анализ современной научной литературы, понятие *мусульманское международное право* широко используется в работах современных авторитетных ученых. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае применяемый термин означает не ту, так и не оформившуюся в период раннего средневековья отрасль права, а совокупность норм и положений, почерпнутых из гражданского, уголовного и культового мусульманского права, так или иначе оказывавших влияние на формирование межконфессионального диалога в прошлом. Думается, что подобный подход вполне оправдан, так как он упрощает понимание правового механизма, регулировавшего взаимоотношения мусульманской общины с внешним миром.

Следующим важным для понимания природы мусульманского международного права аспектом был вопрос о структуре той отрасли исламского законодательства, которую, как было сказано выше, можно условно обозначить термином «*мусульманское международное право*». Важной особенностью мусульманского международного права является то, что оно условно делится на две части: *межгосударственное право* и *межобщинное право*. Данное обстоятельство было вызвано тем, что правосубъектность международного права в работах мыслителей-правоведов Арабского халифата была оформлена на основе мусульманской общины или *уммы*. Понимание того, что мусульманская община, а не государство как таковое, выступает в качестве субъекта построения отношений с внешним миром, чрезвычайно важно для российской юридической науки. Согласно базовым положениям исламской правовой доктрины, член уммы, независимо от места жительства и этнической принадлежности, считался полноправным подданным мусульманского государства. С другой стороны, поданный Арабского халифата, исповедовавший отличную от ислама религию, обладал усеченной формой гражданства.

Теория межгосударственных правовых отношений, которая была развита в рамках мусульманской системы правосудия, включала в себя достаточно широкий спектр актуальных для своего времени проблем. Весь комплекс вопросов, анализированных теоретиками действующего законодательства, можно условно разбить на несколько составных частей. Во-первых, достаточно большое внимание интеллектуалов Арабского халифата было уделено проблеме классификации государств. Так, согласно наиболее распространенной системе классификации, все страны были поделены на две обширные группы: мусульманские страны и немусульманские страны. В принципе, существование второй независимой мусульманской страны в работах теоретиков законодательства характеризовалось как упущение или недоработка властей Арабского халифата, так как сама концепция мусульманской государственности предполагала единое централизованное правление. Тем не менее в некоторых случаях возможность сосуществования двух и более независимых мусульманских стран ими допускалась, что в свою очередь, требовало анализа существующих между данными государствами отношений. Безусловно, намного большее внимание было уделено тем отношениям, которые складывались в процессе налаживания контактов между жителями мусульманского и немусульманского государств. Во-вторых, в теории межгосударственных отношений особое место занимали те проблемы, которые актуализировались в ходе осуществления военных походов. Данный спектр вопросов чрезвычайно широк. В него входили такие аспекты рассматриваемой нами проблемы, как объявление войны, статус военнослужащего и военнопленного, обращение с женщинами, детьми, престарелыми и инвалидами, завершение военных действий и др. И, наконец, третий, также чрезвычайно важный комплекс вопросов, анализируе-

10 Yaman A., Çalıř N. İslam hukukuna giriş. – İstanbul: M.Ü. İlahiyat fakültesi vakfı yayınları, 2012. – С. 72.

11 Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. История мусульманского права. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.

12 Аль-Джанаби М. М. Исламоцентризм: законы истории и логика культуры // Исламская философия и философское исламоведение: Перспективы развития. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 42–56.

мый в рамках теории межгосударственных отношений, имел непосредственное отношение к праву межгосударственных договоров. В работах мыслителей-правоведов Арабского халифата анализировались условия, которые могли быть оговорены в подобных соглашениях, сроки действия договоров, классификация соглашений и другие важные для своего времени вопросы межгосударственной договорной практики.

Те правовые нормы, которые регулировали межобщинные отношения, в мусульманской правовой традиции также рассматривались в рамках международного права. Юридизация вопросов межобщинного характера была крайне необходима, так как возникающие в ходе расширения границ Арабского халифата крупные анклавные жители страны, которые отказывались принять ислам, вынуждали центральную власть учитывать интересы новых подданных-немусульман в регионах. Так, в правоприменительную практику пришла терминология, определявшая статус жителей Арабского халифата, исповедовавших различные иные религии и верования. Большое внимание представителям немусульманских общин было уделено мыслителями-правоведами в работах, посвященных проблемам семейного, наследственного и налогового права. Не менее важное значение подданным-немусульманам придавалось и в области уголовного права. В целом, как признают многие исследователи, в правоприменительной практике за членами немусульманских общин была признана достаточно широкая автономия. Необходимо добавить, что, вопреки устоявшемуся в современном обществе мнению, межобщинные отношения в мусульманском государстве в рассматриваемый нами отрезок времени можно охарактеризовать как сбалансированные и по меркам своего времени достаточно гармоничные. Как отмечают российские исследователи, «частично это можно объяснить тем, что христиане отвоёванных у Византии земель и зороастрийцы Ирана видели в новой религиозной доктрине нечто не слишком им чуждое: сложившаяся на доктринальной базе иудаизма и христианства, частично также и зороастризма, очень многое взявшая из Библии (Коран насыщен такого рода заимствованиями), мусульманская религия была достаточно близкой и понятной тем, кто уже привык верить в единого великого Бога, символизирующего собой все светлое, доброе, мудрое, справедливое»¹³. Вместе с тем, необходимо это признать, правовой статус подданных-немусульман Арабского халифата не был идентичен правовому статусу членов уммы. Так, например, в ходе тяжбы между жителем-мусульманином и членом одной из немусульманских общин дело рассматривалось в соответствии с положениями мусульманского права. Добавим также, что основной социальный конфликт, особенно на первом этапе формирования арабо-мусульманской государственности, наблюдался между мусульманами и язычниками, а не между представителями уже оформившихся в данный период основных мировых конфессий. С данным утверждением согласны многие российские авторитетные ученые. «Наиболее далеки друг от друга люди писания, с одной стороны, и язычники – с другой. Мусульмане и христиане ближе друг к другу, чем арабы-мусульмане и арабы-язычники. Самые жесткие слова направляет Мухаммад против язычников»¹⁴. Приверженцы язычества и идолопоклонничества, согласно положениям некоторых правовых школ, не рассматривались в качестве соци-

альной группы, с которой межконфессиональный диалог мог бы быть хоть как-то регламентирован на правовом уровне.

К сожалению, проблемы международного мусульманского права почти не исследованы в российском гуманитарном знании. Данное обстоятельство, как нам видится, вызвано тем, что, во-первых, сама исламская правовая доктрина совсем недавно стала предметом пристального изучения российских правоведов. Во-вторых, международные правовые отношения, оформившиеся в раннесредневековом мусульманском мире, разительно отличались от того формата межгосударственного взаимодействия, который на протяжении веков был свойственен европейской цивилизации, что, безусловно затрудняет понимание самой сути концепции регулирования международных отношений, предложенной мыслителями-правоведами Арабского халифата. Учитывая те сложные политические процессы, которые происходят сегодня на Ближнем и Среднем Востоке, знание устройства правового механизма, определявшего в прошлом форму взаимодействия двух миров – мусульманского и немусульманского – становится особенно актуальным. Игнорирование обозначенной проблемы российским ученым сообществом чревато не только непониманием сути общественно-политических и социально-экономических трансформаций, влияющих на современный формат межцивилизационного диалога, но и неспособностью для нашей страны стать полноценным участником этого диалога. Исходя из этого, как видится автору данного исследования, проблемы мусульманского международного права должны занять достойное место в отечественном правоведении. Автор надеется, что исследование затронутой темы получит необходимый импульс, что, в свою очередь, повысит авторитет российской юридической науки, как на международном уровне, так и в мусульманском мире.

Пристатейный библиографический список

1. Аль-Джанаби М. М. Исламоцентризм: законы истории и логика культуры // Исламская философия и философское исламоведение: Перспективы развития. – М.: Языки славянских культур, 2012.
2. Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. – Т. I. – М.: Высш. шк., 1994.
3. Иванова Д. Р., Нуриев Б. Д. Институт брака в исламском праве раннего средневековья. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
4. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
5. Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. Вспомогательные источники исламского права и их классификация // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 5.
6. Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. История мусульманского права. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
7. Момотов В. В., Свечникова Л. Г. Основы исламского законодательства: учеб. пособие. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009.
8. Фролова Е. А. История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. – М., 2006.
9. Эрдоган О. Формирование культуры межрелигиозного диалога в истории ислама (Мединское соглашение) // Власть. – 2010. – № 4.
10. Koyuncu M. Medine şehir devleti // SAÜ Fen Edebiyat dergisi. – 2009. – № 3.
11. Yaman A., Çaliş H. İslam hukukuna giriş. – İstanbul: M.Ü. İlahiyat fakültesi vakfı yayınları, 2012.

13 Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. – Т. I. – М.: Высш. шк., 1994. – С. 268.

14 Фролова Е. А. История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. – М., 2006. – С. 7.

Смирнова Е. С.

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье раскрываются политико-правовые основы отношений Европейского союза с Беларусью, которые имеют название «Восточное партнерство». Отношения между ЕС и Беларусью имеют много противоречивого, что свидетельствует о желании Беларуси сохранить суверенитет. Союзное государство Беларуси и России имеет большую правовую базу, реализация положений которой должна быть осуществлена в полной мере.

Ключевые слова: Европа, Беларусь, Россия, партнерство, союз, перспектива, суверенитет, государство, граждане.

Smirnova E. S.

THE EASTERN PARTNERSHIP OF THE EUROPEAN UNION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: THE HISTORY OF INTERACTIONS AND THE PROSPECTS FOR FURTHER COOPERATION

The article describes the political and legal foundations of the EU's relations with Belarus, which are called "Eastern partnership". Relations between the EU and Belarus have many contradictory, indicating their willingness to preserve sovereignty. The Union state of Belarus and Russia has a large legal framework, the implementation of which should be fully implemented.

Keywords: Europe, Belarus, Russia, partnership, Union, prospect, sovereignty, the state, citizens.

Смирнова Е.С.

Вопрос о том, что есть восток, а что запад в понимании не столько географического восприятия мира всегда являлся предметом научного рассмотрения ученых разных стран. Между тем, вплоть до Первой мировой войны под термином «Восточная Европа» в большинстве случаев подразумевалась Россия¹. Относилось это понимание скорее к образу жизни и духовному содержанию ее составляющих элементов. Традиции веротерпимости и добрососедства помогали выстоять разнородному составу населения, объединенному всегда сильным государственным административным ресурсом².

В конце XX века в поисках нового правового ориентира и при желании покончить с разделительной линией по принципу «капитализм – социализм», Россия, расставшись с правовой системой, включающей в себя элементы если не глобального, то обширного регионального права, в наибольшей степени заимствовала ряд черт, присущих европейскому праву в понимании института «защиты прав человека» и «укрепления демократии». Новые государства бывшего СССР готовились воспринять правовые идеалы Совета Европы и Европейского союза в самых лучших традициях, путем вступления в Совет Европы и подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС³. Таковы светлые и незамутненные отношения государств СНГ и европейских международных организаций, каждый шаг которых преследовал далеко идущие цели. Когда потребовалось получить конкретную экономическую и финансовую помощь в выравнивании уровня местной жизни государств СНГ по европейскому образцу, начались трудности политического свойства. При этом оказалось, что ресурсов материального порядка у Европы явно не хватит, чтобы вывести всю великую Евразию к светлому идеалу по переустройству общества в духе европейского торжества прав человека.

Интерес к восточным приграничным соседям начал оформляться в Европейском Союзе в 2005-2008 годах. Это

было связано со следующими датами: вступлением в 2004 году Польши и других государств Центральной и Восточной Европы в ЕС; «оранжевой революцией» 2004–2005 гг. в Украине; российско-украинскими и российско-белорусскими энергетическими конфликтами; событиями с участием России и Грузии на Кавказе в августе 2008 г.; окончанием внутреннего реформирования Европейского союза.

Среди факторов, также способствующих скорейшей разработке проекта Восточного партнерства в Европе, следует назвать подписание 13 декабря 2007 г. Лиссабонского договора, вернувшего отношения между государствами ЕС в русло международного права после Конституционных иллюзий 2004 года⁴. Следовало поднять престиж идеи интеграции новыми инициативами.

Между тем отношения Европейского союза со столь близким соседом, как Беларусь явно не складывались. Этапы взаимоотношений Беларуси и ЕС за период 2000–2008 можно оценить как наступательные и жесткие со стороны Европейского союза. Требования ЕС, ОБСЕ, Совета Европы к Беларуси заключались в следующем: расширение полномочий парламента; представительство оппозиции в избирательных комиссиях; предоставление равного доступа оппозиции к государственным СМИ; приближение избирательного законодательства к международным стандартам. Европейский союз не признал результаты референдума, проведенного суверенной Беларусью в октябре 2004 года, критиковал изменения Конституции Беларуси в части, регулирующей вопросы избрания Президента⁵. В 2006 году была инициирована процедура об исключении Беларуси из Общей системы преференций ЕС, что должно было повлечь конкретные финансовые потери республики⁶.

1 Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2001. № 4. С. 13.

2 Российский законодательство в X–XX вв. В девяти томах. Т. 3. Акты земских соборов. М., 1985. С. 126.

3 Тиммерман Х. Европейский союз и его «новые соседи» // Россия в глобальной политике. № 4. Июль–Август. 2005. С. 128–139.

4 Терещенков Е. Ю. Европейская политика соседства в Восточной Европе: подводя итоги первой фазы реализации (2004–2007 гг.) // Мир в новое время. СПб., 2008. С. 110–113.

5 EU/Belarus Human Rights Dialogue. Prague, 16–17 June 2009. Brussels, 18 June 2009. 11196/09 (Presse 187) / Council of the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsData/docs/pressdata/en/er/108603.pdf> (дата обращения 15.02.2011).

6 МИД: Европарламент сознательно исключил себя из диалога с Беларусью // Telegraf.By. [Электронный ресурс]. – режим досту-

В конце 2006 года Европейский Союз представил для Республики Беларусь Национальную программу на 2007-2010 годы, где подчеркивалось, что, учитывая общую линию построения отношений ЕС на данном этапе, Европейский Союз преследует в сотрудничестве с этой страной в первую очередь три цели, среди которых: поддержка населения; прямая и непрямая поддержка демократизации; смягчение влияния самоизоляции страны на социальный статус ее граждан. Не глядя на невыполнение Беларусью подобных требований, на 2007-2010 годы Беларуси было предоставлено финансирование в размере 20 млн. евро для национальной программы в рамках «Инструмента Европейской политики соседства». Данный «инструмент» начал свое действие с 2007 года и заменил собой программу «Тасис» для Беларуси.

Убедившись и через десять лет, что успехи в либерализации экономики и освоения европейской правовой культуры не столь велики на пространстве Содружества Независимых Государств, имея огромный аналитический и интеллектуальный в целом потенциал, Европейский союз приступил к последующим шагам по освоению этой территории теперь уже иными, не столь гуманизированными методами. Главным предметом приложения забот европейских политиков, по существу, была и остается не Беларусь, а Россия. Интегрированные в Европейский союз новые государства развили даже соревновательное движение, кто будет главным по работе с трудным соседом: Польша или Германия, или даже Финляндия, так как время еще не показало, чьи инициативы окажутся наиболее показательными и результативными.

Следует отметить, что страны Европы, вступая в ЕС, всегда проявляли активность в стремлении доказать наличие у них больших внешнеполитических идей в отношении соседних стран, и тем самым завоевать авторитет у новых союзников. Это касалось не только ряда стран Центральной и Восточной Европы. Например, еще в 1997 году Финляндия предложила инициативу «Северное партнерство», где она выступала в качестве политического посредника ЕС с Россией. Но привлекательной для европейского руководства эта идея не показалась, так как существовал опасный исторический прецедент, когда в результате войн эта Северо-западная территория всегда доставалась России⁷. Да и работать с ней представлялось не столь благодатно, как в отношении Украины или Молдовы, территории или часть которых в своей истории уже были под властью европейских стран или Османской империи.

Последующие кандидаты и государства-члены ЕС также не были лишены инициирования подобных перспектив и планов по работе в восточном направлении. Обобщенно можно сказать, что основой для претворения в жизнь идеи Восточного партнерства является проект «Восточное измерение» Общей внешней политики и политики в области безопасности ЕС (EU Common Foreign and Security Policy), которую инициировала Польша, вступая в ЕС в 2002–2004 гг.⁸ Важно заметить, что Варшава и сейчас при первой же возможности настойчиво проявляет себя в качестве лидера в отношениях с новыми партнерами на востоке⁹.

Только в 2008 году возникает определенная положительная динамика в политике между ЕС и Беларусью, обусловленная как внутривнутриполитическими событиями (парламентские

выборы в сентябре), так и внешнеполитическими аспектами (грузинский конфликт, мировой экономический кризис). В 2008 году в Люксембурге состоялась первая за три года встреча «министерской тройки» ЕС (в нее входили глава МИД, председательствующий в ЕС, Франции Б. Кушнер, а также еврокомиссар по внешним связям и Европейской политике соседства Б. Ферреро-Вальднер и Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Солана) с главой белорусского внешнеполитического ведомства С. Мартыновым. Было объявлено о принятом Советом ЕС решении о предоставлении полугодового испытательного срока Беларуси для реализации планов по демократизации. Предлагались пять основных сфер, по которым в ЕС были намерены поддерживать диалог с властями Беларуси, а именно: свобода СМИ, развитие системы неправительственных организаций, совершенствование избирательного законодательства, законодательства об охране труда, а также «свобода слова». Сложно делать вывод о том, что все названные инициативы ЕС имели большой успех в Беларуси, но приходится считаться с фактом их наличия в двусторонних отношениях.

Оформление в виде декларации плана «Восточное партнерство» осуществилось на заседании Европейского Совета в июне 2008 года. Помимо Польши, активным участником интеграции кандидатов по работе проекта «Восточное партнерство» с Грузией, Азербайджаном, Украиной, Молдовой, Беларуссией и Арменией выступила Швеция. Восточное партнерство виделось как продолжение регионального (восточного) измерения Европейской политики соседства (ЕПС). Между тем события 2009 года, товарный «молочный конфликт», который не способствовал упрочению двусторонних отношений Беларуси и России, последующий отказ Беларуси признать независимость Абхазии и Южной Осетии, привели, по словам аналитиков, к «стратегии балансирования белорусских политиков между Россией и ЕС»¹⁰.

18 декабря 2008 года Минск посетил с первым визитом Глава представительства Европейской Комиссии в Беларуси и Украине Ж. М. П. Тейшейра. Было подписано рамочное соглашение между правительством Беларуси и Европейской комиссией, создающее правовую основу для реализации проектов в рамках «Инструмента Европейской политики соседства». Так же состоялось открытие Представительства Комиссии Европейских сообществ (КЕС) в Минске.

Хронологически последующим в международных связях стало принятие Европейским Парламентом 15 января 2009 резолюции по Беларуси, где констатировалось, что белорусская демократическая оппозиция должна быть частью диалога по постепенному укреплению отношений ЕС с Беларусью. Европейский парламент призвал ЕС облегчить условия получения гражданами Республики Беларусь шенгенских виз и снизить размер консульского сбора. Коммунитарным структурам ЕС предлагалось разработать пути для улучшения делового климата в Беларуси, инвестиций, развития транспортных и энергетических структур, а также возможности усиления поддержки гражданского общества. В качестве поощрения за выполнение поставленных ЕС задач, было указано на возможности Европейского инвестиционного банка по кредитованию ряда экономических преобразований в Беларуси. В целом 2009 году произошло снижение жесткости риторики официальных документов и структур ЕС в отношении Беларуси.

па: <http://telegraf.by/belarus/2006/02/18/mid/> (дата обращения 10.02.2011).

7 European Parliament resolution on the situation in Belarus after the presidential elections of 19 March 2006 // OJ. 2 12.2006. C293. E304-306; European Parliament resolution on the situation in Belarus prior to the presidential elections on 19 March 2006 // OJ. 29.11.2006. C290; E404-407.

8 European Parliament resolution on the political situation in Belarus after the parliamentary elections and referendum of 17 October 2004 // OJ. 14.7.2005. C174. El 81-183.

9 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6. М., 2001. С. 881.

10 Polish-Swedish proposal «Eastern Partnership». 23 May, 2008 / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.msz.gov.pl/Polish-Swedish,Proposal,19911.html> (дата обращения 15.02.2014); Non-paper with Polish proposals concerning policy towards new Eastern neighbours after EU enlargement / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.pl/Nonpaper,with,Polish,proposals,concerning,policy,towards,the,new,Eastern,neighbours,after,EU,enlargement,2041.html> (дата обращения 15.02.2014).

В ходе состоявшегося 19 февраля 2009 года визита в Беларусь Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Соланы, имела место личная встреча и беседа с Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. В январе и июле 2009 года прошли встречи руководящей «тройки» ЕС с Беларусью на уровне министров иностранных дел. Среди так называемых «флагманских инициатив», включенных в Меморандум Еврокомиссии от 5 мая и содержащихся в пресс-релизе от 6 мая 2009 года, были такие как: программа пограничного менеджмента; интеграция энергетических рынков; южный газовый коридор; развитие малого и среднего бизнеса; борьба со стихийными бедствиями¹¹.

Впоследствии, 7 мая 2009 года белорусская делегация приняла участие в учредительном саммите инициативы ЕС «Восточное партнерство», но без участия главы государства, что значительно снизило уровень договоренностей. Официальное принятие Декларации по Восточному партнерству состоялось 7 мая 2009 года в Праге на Саммите, где среди прочего, указывалось: «главной целью Восточного партнерства является создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами партнерами»¹². Таково достаточно неясное и расплывчатое определение принципа сотрудничества ЕС в направлении Беларуси, Украины, Молдовы и других стран.

Предполагалось, что «Восточное партнерство» станет дополнением к Северному измерению и к Средиземноморскому союзу, как почва для дискуссий по визовым соглашениям, соглашениям о свободной торговле и стратегическому партнерству с государствами – восточными соседями, заменяя дискуссии о расширении Евросоюза и вступления в ЕС этих государств. В Восточное партнерство, как планировалось, должны быть приглашены Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Украина и Беларусь. Россия, как предполагалось, будет приглашаться для обсуждения некоторых местных инициатив, например, относящихся к Калининградской области.

Произошла легитимизация этого проекта посредством опубликования. Инициатива «Восточное партнерство» была размещена на сайтах Европейской Комиссии в виде рабочих программ, названных: Первая – «Демократия, надлежащее управление и стабильность», Вторая – «Экономическая интеграция и конвергенция с политиками ЕС», Третья – «Энергетическая безопасность»¹³. Наконец, в рамках четвертой платформы – «Контакты между людьми» была запланирована широкий спектр инициатив в самых разных сферах сотрудничества.

Значимым событием стала встреча представителей Совета Европы и Европейского Союза 27 октября 2009 года в Люксембурге, на которой была подтверждена готовность ЕС к сотрудничеству в рамках Восточного партнерства, подчеркнуты стремление Беларуси к дальнейшим шагам навстречу (например, открытие Информационного пункта Совета Европы в Минске).

Таким образом происходило медленное, но поступательное расширение сферы влияния государств-членов НАТО на Восток, к России. Некоторым странам, предполагалось быть

использованными в качестве союзников по «Восточному партнерству», другим отводилась роль буфера перед могущими возникнуть угрозами, исходящими из России и других стран СНГ, третьим – более значимая и весомая роль, о целях которой пока не заявляется открыто.

Общий принцип взаимодействия со странами – кандидатами сводится к следующему правилу: государства, желающие сотрудничать с ЕС должны традиционно это заслужить. Первоначально предусматривалось ассоциированное участие стран партнеров, но лишь после выполнения ряда обязательств. В майском 2009 года Меморандуме это было обозначено достаточно откровенно как «принцип кондициональности»¹⁴. Денежные средства, которые были выделены на этот проект только в 2010 году составили 600 млн. евро. Из наиболее масштабных перспектив предполагалось создание «Восточной парламентской ассамблеи европейского соседства» и «Форума гражданского общества Восточного партнерства». Что касается первого, то можно констатировать успешное начинание контактов по линии парламентов стран-участников к тому же еще входящих в СНГ.

Вторая часть программы по созданию «Форума гражданского общества» требует больших инициатив со стороны правительств государств Восточного партнерства по созданию общественных организаций, готовящих общественное сознание населения для восприятия идей интеграции с ЕС и НАТО. Это наиболее сложный участок деятельности ЕС, требующий к тому же больших денежных затрат, так как в отличие от парламентариев – лоббистов интересов ЕС, находящихся на государственной службе, рядовое население будущих проевропейских общественных организаций, активно выводящее своих сторонников на площади в поддержку политики ЕС, не всегда имеет другие доходы, кроме иностранных грантов и премий.

В 2012 году был объявлен и начал работу **Европейский диалог по модернизации с белорусским обществом** (ЕДМ)¹⁵. Саммит Восточного партнерства в Вильнюсе в ноябре 2013 года положил начало новому этапу европейско-белорусских отношений: от «политики заморозки отношений» Европейский Союз перешел к новому способу вовлечения Беларуси в сотрудничество¹⁶. Состоялся ряд визитов министра иностранных дел Беларуси В. Макея и его заместителя Е. Н. Купчиной в европейские столицы. Также имели место ответные поездки в Минск: главы отдела двухсторонних отношений Восточного партнерства Д. Шубеля (март, 2014); директора департамента России, Восточного партнерства, Центральной Азии, регионального сотрудничества и ОБСЕ Европейской службы внешних действий Г. Виганда (май, 2014); министра иностранных дел Литвы Л. Линкявичюса (июль, 2014).

Между ЕС и официальным Минском **началось обсуждение «промежуточной фазы» сотрудничества**. Согласно официальной позиции Брюсселя, задача «промежуточной фазы» – выбрать оптимальную форму будущего взаимодействия ЕС и правительства Беларуси по вопросам модернизации в соответствии с параграфом № 29 «Декларации Виль-

11 Беларусь в 2014 году: политические итоги // Восточно-Европейская редакция ИА REGNUM. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //belarus.regnum.ru/news/1883619.html (дата обращения 13.01.2015).

12 Eastern Partnership. Memo/09/217. Brussels, 5 May 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=HTMLaged=olanguage=ENguiLanguage=en; Eastern Partnership Summit to strengthen EU links with Eastern Europe and South Caucasus. IP/09/700format=HTMLaged=languageEN (дата обращения 15.02.2011).

13 Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit 7 May 2009, Prague 8435 /09 Presse 78 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/press_data/en/er/107589.pdf (дата обращения 12.12.2014).

14 Корзун П.А. Восточное направление «Политики соседства» Европейского Союза // Автореферат дисс. канд. полит. наук. М., 2010. С. 21.

15 Communication from the European Commission to the Council and the European Parliament “Wider Europe -Neighbourhood”: A new framework for relations with our eastern and southern neighbours. COM(2003) 104 final; Communication from the Commission “Paving the way for a New Neighbourhood Instrument”. COM(2012)393 final; Communication from the European Commission to the Council and the European Parliament “Eastern Partnership”. COM(2008) 823 final; Communication from the European Commission “European Neighbourhood Policy. Strategy Paper”. COM(2012) 373 final (дата обращения 15.02.2011).

16 Council conclusions on Belarus 3065th FOREIGN AFFAIRS Council meeting. Brussels, 31 January, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/documents/news/council_conclusion_en.pdf. (дата обращения 15.02.2011).

нюсского саммита Восточного партнерства». Еврокомиссия приняла для Беларуси еще одну новую программу, направленную на популяризацию здорового образа жизни, а также «на цели местного и регионального развития». Программа состоит из двух компонентов: 1) международная аккредитация лабораторий, тестирующих лекарственные препараты, и поддержка системы здравоохранения Беларуси (БЕЛМЕД) — 8 млн. евро; 2) расширение программы «Поддержка регионального и местного развития в Беларуси» (RELOAD-2) — 3,5 млн. евро. **Беларусь же, со своей стороны, приняла приглашение ЕС начать переговоры относительно подписания договоров о реадмиссии и визовой фасилитации**, подразумевающей упрощение и ускорение процесса получения шенгенских виз для граждан Беларуси и снижение их стоимости¹⁷.

Каковы же особенности перспектив сотрудничества Восточного партнерства и Беларуси на сегодняшний день? Прежде всего, следует отметить недостаточное понимание режиссеров этого партнерства всего комплекса трудностей, с которыми им придется столкнуться при работе с Беларусью¹⁸. Республика, имея прочный и устоявшийся собственный стиль управления госсистемой, придерживается сугобо индивидуального мнения относительно рекомендаций ЕС по введению более глубоких социально-экономических и политических реформ. Подписав и ратифицировав в 1994 году Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским сообществом, Беларусь до последних лет фактически не участвовала в его реализации, что отличало ее от других стран Восточного партнерства¹⁹. Это и многое другое позволяет белорусскому руководству сохранять собственное видение проблем взаимодействия в европейском направлении²⁰.

Что же касается России, то здесь достаточно долгое время не уделялось большое внимание существующим планам по Восточному партнерству. На официальном уровне Российской Федерации реакция была скорее непонимающая²¹. Внимание стало привлекаться к реальным перспективам этого проекта лишь в узком кругу политологов и экономистов, специалистов по евроинтеграции²². Юридические проблемы

этого проекта Европейского союза изучены мало. Преждевременным оказалось мнение о том, что реализация проекта Восточного партнерства — это малоуспешная инициатива, или, такое, как: «учитывая ресурсы и возможности России, можно будет реализовать проект по полному блокированию Восточного партнерства, в крайнем случае, осуществить максимальное снижение его эффективности»²³.

Следует помнить об одном существенном историческом прецеденте: Европейский союз отнял в середине 90х годов у России инициативу первенства в отношениях со странами Центральной и Восточной Европы, бывшими некогда в едином социалистическом блоке с СССР. Когда в последующем, эти страны были приняты в ЕС и НАТО, создалось впечатление, что евроатлантистам большего и желать нельзя. Но тем и опасен этот путь, когда «аппетит к расширению своего влияния» приходит во время успехов по продвижению на Восток. Большая часть западных исследователей и сейчас исходит из представления об «особой миссии» ЕС в Восточной Европе и о «европейской модели развития» как единственно верной для стран-соседей²⁴.

Но как бы не старались приукрасить гуманистические идеалы и конкретные цели Восточного партнерства, вырисовывается картина антироссийской направленности этого проекта²⁵. Политологи двух стран - и Беларуси и России - сразу же «окрестили» этот проект Евросоюза «антироссийской программой». При этом стало очевидно, что в случае его реализации, проблемы независимости для современной Республики Беларусь станут «еще более актуальными и перспективными», а проще говоря, независимость будет сведена к нулю²⁶.

17 The Eastern Partnership in the context of the European Neighborhood Policy and V4 Agenda. Albrycht I. (ed.). Krakow: The Kosciuszko Institute, 2010. P. 4.

18 Прейгерман Е. Обновленная Европейская политика соседства: чего ждать Беларуси? // Либеральный клуб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liberalclub.biz/?p=5815> (дата обращения 16.12.2014).

19 Larczynski M. The European Union's Eastern Partnership: chances and perspectives // *Caucasian Review of International Affairs*. Vol.3 (2). Spring 2009. P. 143155; Ortega M. A New EU Policy on the Mediterranean? // *Partners and Neighbors: a CFSP for a Wider Europe*. Chaillot Paper. September 2003. No.64. P. 33-36.

20 Беларусь за «четкие и прозрачные правила» в проектах Восточного партнерства // БДГ-Деловая газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bdg.by/news/politics/11031.html> (дата обращения 10.12.2014); Bosse G., Korosteleva-Polglase E. Changing Belarus? The Limits of EU Governance in Eastern Europe and the Promise of Partnership // *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*. Vol.44 (2). 2009. P.143-165; Ситуация в Белоруссии может создать проблемы «Восточному партнерству» МИД Венгрии / ИА Regnum. 20.12.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1358705.html> (дата обращения 10.12.2014).

21 Улахович В. Разночтения Восточного партнерства // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? Сборник докладов международной конференции. СПб., 2009 // СПб.: Левша, 2010. С. 61-63.

22 Данилов Д. Новая «Восточная Политика» ЕС: ценности или интересы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2006. №19. С.4-6; Игрицкий Ю. И. Восточная Европа: «новое соседство» и новые водоразделы // Европейская безопасность: события, прогнозы, оценки. Март 2007 г. Вып. 7(23); Селиванова И. Ф. Восточное направление политики соседства ЕС // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 97-111; Борко Ю. А. Восточное

партнерство и Россия. Апрель 2009 г. / Электронная библиотека Института Европы РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieras-library.ru/sosed.htm> от 10.12. 2014; Стрелков А. Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели // Современная Европа. Выпуск 3. Июль-сентябрь 2009 г. С. 119-126; Сергунин А. А. Восточное партнерство: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и международные коммуникации». № 1. 2010. С. 205-210; Timmermann H. The European Union and its New Neighbours: Ukraine, Belarus and Moldova // *International Relations and Foreign Policy in XXI century*. St. Petersburg University Press, 2006. P. 21-28; Bengtsson R. Constructing Interfaces: the Neighborhood discourse in EU external policy // *Journal of European Integration*. December 2008. Vol. 30. №.5. P.597-616; Scott J. W. Bordering and ordering the European neighborhood: a critical perspective on European territoriality and geopolitics // *TRAMES*. A Journal of the Humanities and Social sciences. 2009. Vol. 13. P. 232-247; Browning C. S., Joenniemi P. Geostrategies of the European Neighborhood policy // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14 (3). P. 519-551; Aliboni R. The Geopolitical Implications of the European Neighbourhood Policy // *European Foreign Affairs Review*. 2005. № 10. P. 63.

23 Сергунин А. Восточное партнерство в контексте российско-европейских отношений // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества. Сборник докладов международной конференции. СПб.: Левша, 2009. С. 40.

24 Ganzle S. The European Neighbourhood Policy (ENP) and the Modes of EU 'External Governance' / University of British Columbia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.uvic.ca/jmtrg/Papersfiles/Gaenzle.pdf> от 12.12.2014; Haukkala H. Explaining Russian Reactions to the European Neighbourhood Policy // *The European Neighbourhood Policy in Perspective*. Context, Implementation and Impact. // Edited by Richard G. Whitman and Stefan Wolff. Palgrave Macmillan, 2010. P. 161-180.

25 Сергунин А. Восточное партнерство в контексте российско-европейских отношений // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества. Сборник докладов международной конференции. СПб.: Левша, 2009. С. 28.

26 Мартовская С. Нина Мазай призывает не расценивать «Восточное партнерство» как сиюминутный проект // См.: Пресс-конференция председателя комиссии Совета Республики по международным делам и национальной безопасности Н. Мазай // Обозреватель. Минск, 2010. 21 мая, № 20. С. 4.

Основная цель европейской интеграции остается в увеличении объемов торговли, в свободном доступе к национальным рынкам, ресурсам стран-партнеров. Важнейшим компонентом политики Восточного партнерства видится также его энергетическая составляющая, в частности, создание альтернативных России путей снабжения электричеством государств ЕС. Восточное партнерство в той или иной степени подхватывает основные цели ГУАМ²⁷, а также цели, изложенные в «Декларации о Черноморском экономическом сотрудничестве» 1991 года²⁸.

Критикуемая несколько лет назад белорусской стороной активность Польши по раздаче гражданам Беларуси и других соседних стран «карты поляка», уже пожинает свои гуманитарные плоды. Именно Польша вывозит на основании этого документа своих соотечественников из охваченной военным противостоянием Украины. Активная менее десяти лет назад, но малоуспешная в вопросах сотрудничества с Россией по вопросам Северного партнерства, Швеция, как бы в компенсацию за провал, посылает на украинский Майдан своих граждан – молодежь, придерживающуюся правых взглядов в политике.

Большая и опасная политизированность данного проекта, и его непредсказуемость были видны изначально тем, кто на протяжении двадцати лет занимался проблемами развития ЕС²⁹. Так, если в 2009 году предполагалось, что для членства в ЕС новым кандидатам потребуется 10 лет, а Украина должна будет в перспективах вступления в ЕС осуществлять многие реформы, среди которых наиболее востребованной виделась борьба с коррупцией, то в 2014 году произошел «парад вступления» в ассоциированное членство ЕС новых государств.

Специфика и уязвимость правового статуса ассоциированности очевидна. Юридическая практика дает два вида договоров об ассоциации: 1) для европейских стран на основании (ст. 310 Договора ЕС); 2) для неевропейских стран, «между Сообществом и расположенными вне Европы странами и территориями» (ст. 182). Ассоциированное участие с европейскими странами может вести к полному членству, хотя Греция была ассоциирована с ЕС в 1963 году, но вошла в ЕС в 1981 году, Турция состояла в ассоциированном членстве в ЕС с 1964 года, а прошение о вступлении в 1987 году, было отклонено только в 1989 году.

Юридическая оценка шага по ассоциированному вступлению в ЕС позволяет оценить его как нарушение принципа гласности в региональном праве Содружества Независимых Государств. Правило уведомления или нотификации, как общая норма международных отношений и международного права, должно соблюдаться сторонами во всех случаях, когда подобные действия могут затронуть интересы одной из сторон. В создавшейся ситуации - это интересы России и других стран-партнеров по СНГ и ОДКБ.

В Европейском союзе, например, нотификация - это одна из форм лояльного сотрудничества или реализации принципа верности интеграции. В Европейском союзе в подобном случае Комиссия ЕС обязана вступить в консультации с заинтересованными государствами, имеющими цель существенно изменить приоритеты во внешней политике. Представляется, что подобная реакция должна была быть выражена и в СНГ по мере на-

растания активности ЕС в этом направлении, а также отклонения государств СНГ от выполнения договоров по Содружеству.

В создавшейся ситуации следует отметить, что ЕС пришлось одновременно платить за столь безответственный и непродуманный проект усилением неконтролируемой и стихийной миграции, потоками беженцев из Украины в пределы своих государств³⁰. При этом нужно учесть уже имеющееся большое число мигрантов как легальных, так и нелегальных на территории ЕС. В России их насчитывается более 15 миллионов, что вызывает обеспокоенность правоохранительных органов³¹. Как следствие нестабильности в странах Восточного партнерства, в ЕС создается сложное социально-экономическое положение, а также неизбежна активизация организованной преступности.

Реализация проекта Европейского союза «Восточное партнерство» имеет сомнительные достижения, отмечает исследователь³². Важнейшие стратегические цели не достигнуты. В такой ситуации даже небольшие успехи в диалоге с Беларусью (начало переговоров о реадмиссии и визовой фасилитации, плодотворное приграничное сотрудничество, успешные программы многостороннего взаимодействия) могут быть положены «в копилку» результатов Восточного партнерства³³.

Если рассматривать тональность заявлений и планов ЕС по Восточному партнерству в отношении Беларуси и в целом, то окажется, что в декабре 2008 года коммюнике по партнерству ЕС было больше радужных перспектив, чем на Пражском саммите мая 2009 года. А что же сказать о состоянии дел на 2015 год? Можно ли быть уверенным в охваченной внутренним вооруженным конфликтом Украине как стране-транзитере электроэнергии в обход России? Не говоря уже о строительстве трубопроводов в обход России под названием «Набукко» и «Белый поток»³⁴. А как быть с реализацией обещанного Украиной ЕС проекта Евро-азиатского нефтегазового (коридора ЕАНТК), который обеспечит прокачку российской нефти в Европу также без участия России?

В этих условиях для России и Беларуси, а также для ряда других стран СНГ, наиболее чувствительным является вопрос об отстраненности от процессов принятия решений принимаемых в ЕС, затрагивающих их интересы, особенно в сфере безопасности. Между тем, именно от того, каким образом России и Беларуси удастся избежать «периферийности» в отношении геостратегических интересов мирового сообщества, зависит будущее региона³⁵. Союзное государство и его граждане не могут не беспокоить попытки насильственно «переформатировать» регион, использовать экспансию «западных ценностей» для установления внешнего контроля над государствами постсоветского пространства.

Союзное государство Беларуси и России в данном случае является связующим звеном всего континента. Противостоят этому деструктивные попытки разделить континент вдоль

27 Об антироссийской деятельности военно-политического блока ГУАМ см.: Мурадян И. Геоэкономические факторы развития политических процессов в Кавказско-Каспийском регионе. Ереван: Антарес, 2001. С. 6.

28 Проблемы и перспективы сотрудничества между странами Юго-Восточной Европы в рамках Черноморского экономического сотрудничества и ГУАМ: сборник научных трудов. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 69.

29 Европа без России. Договор, учреждающий конституцию для Европы от 20 октября 2004 года. М., 2005. С. 6; Смирнова Е.С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. Тверь: СФК офис, 2012. С. 572. Козлов В.Ф., Фролкин Н.П. Организация незаконной миграции: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2011.

30 Украинцы-беженцы Европе не нужны //Межрегиональная коллегия адвокатов «Закон и человек» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grazhdanstvo2.ru/ukraincy-bezhency-v-evrope-ne-nuzhny/> (дата обращения 15.09.2015).

31 Козлов В.Ф., Фролкин Н.П. Организация незаконной миграции: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 46.

32 Смирнова Е.С. Гражданство Союзного государства Беларуси и России: история, политика, право. М.: Граница, 2015. С.186-210.

33 Шрайбман А. Макей рассказал об итогах Рижского саммита и о причине замедления визовых переговоров с ЕС // TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/politics/449064.html> (дата обращения 22.05.2015).

34 Смирнова Е.С. Гражданство Союзного государства Беларуси и России: история, политика, право. М.: Граница, 2015. С.209-210.

35 Егоров А., Зуйкова А. Новый цикл европейско-белорусского сотрудничества: диалог вопреки обстоятельствам? Центр европейской трансформации // Policy Brief. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2014/09/04/novyy-tsikl-evropeysko-belarussskogo-sotrudnichestva-dialog.html> (дата обращения 05.01.2015).

«балтийско-черноморской дуги». Каким же образом будут тогда определяться границы государств? Пример инициатив украинских парламентариев в 2014 году по построению стены вдоль границы Украины с Россией, наподобие той, которая построена в Израиле применительно к сектору Газа, или США с Мексикой, не требует серьезного, тем более, юридического комментария. Можно рассматривать подобное предложение лишь с точки зрения отката мировой политики XXI века в направлении к феодализму.

Тем не менее, в масштабах СНГ, служащих дополнительной оборонительной стеной безопасности для России, уже, практически и юридически, потеряны Украина и Молдова³⁶. В то же время Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко еще не так давно заявлял, что «в силу ряда факторов... исторических, культурных, экономических... Беларусь ближе всех к России... необходимо укреплять белорусско-российское единение... Однако при этом не мерить Беларусь огульным либеральным аршином, не покушаться на выстраданный нашим народом суверенитет»³⁷.

Как отмечало информационное агентство ИА REGNUM, выступая 14 ноября 2014 года в Гродно, Президент Беларуси особое внимание уделил этноконфессиональной обстановке в регионе: «Вы должны запомнить, что в Гродно... это наши поляки! Это их земля, и батраками, даже там, где их живут соотечественники, они не будут»³⁸.

Не вызывает сомнения, что Беларусь далеко не так легко расстанется со своим суверенитетом. В декабре 2014 года в Минске рядом общественных организаций принят Манифест в поддержку независимости. Участники акции полагают, что Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), вступающий в силу 1 января 2015 года, несет новую угрозу независимости Беларуси. «Мы объявляем всем странам, международным и региональным организациям, что Республика Беларусь была и остается суверенным, нейтральным и безъядерным государством»³⁹, – подчеркивается в Манифесте.

При этом нельзя сказать, что все политические силы на Западе имеют желание видеть Беларусь ухудшившей свои социальные показатели в отношении населения, или пребывающей в состоянии войны, которая разрушит с трудом состоявшуюся экономику республики. Национальное агентство инвестиций и приватизации (НАИП) Беларуси в 2014 году заключило соглашение о сотрудничестве с BusinessNewEurope. Договор подписан «с целью продвижения Республики Беларусь и улучшения ее инвестиционного имиджа на международной арене», говорится в сообщении пресс-службы НАИП. Соглашение предусматривает не только выход ежемесячных новостных информационных бюллетеней BNE: Invest in Belarus, но и перечень различных мероприятий по продвижению Беларуси, как надежного партнера по бизнесу.

В заключение следует отметить, что вот уже на протяжении более чем двадцати лет между Россией, Беларусью и Европейским союзом действует двусторонние соглашения о сотрудничестве. Именно они позволяют учитывать в правовом контексте сферу интересов и взаимодействия ЕС с указанными странами, применительно к территории «от Лиссабона до Владивостока». Таким образом, один только фактор сближения правовых систем России и ЕС, предусмотренный в ч.2

ст. 55 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС от 1994 года, дает возможность рассматривать территорию России как продолжение расширения ЕС на Восток.

Созданное в 1996 году Сообщество Беларуси и России, трансформировавшееся в 1999 году Союзное государство, стало тем буфером, который должен был сыграть правовую защитительную функцию по отношению к ЕС. Политика, проводимая руководством Беларуси на протяжении многих лет, давала все основания для беспокойства режиссерам подобного расширения ЕС. Будут ли появляться столь необходимые для решения совместных проблем в сфере безопасности согласованные изменения в политическом курсе Беларуси и России в отношении ЕС покажет время. В начале 2015 года наиболее существенным для сохранения достаточного уровня безопасности западных границ СНГ и Союзного государства событием виделся Рижский саммит Восточного партнерства ЕС, который и состояться 21-22 мая. Именно в итоговой Декларации Саммита отмечена позитивная роль Беларуси в содействии переговорам по украинскому кризису, присоединение Беларуси к Болонскому процессу, шаги в отношениях с Евросоюзом, возобновление диалога по проблеме прав человека. Кроме того, в Декларации выражается пожелание продолжить переговоры Промежуточной фазы по модернизации, включая некоторые возможные проекты.

Европейские политики в отношениях со странами-кандидатами на вступление, действуют весьма осторожно, что и показали результаты Рижского саммита 2015 года. С одной стороны они вырабатывают все более дифференцированные подходы к каждой из них. С другой – все более активно заявляют о себе те политики в ЕС, которые желают «оторваться» от исполнения указаний НАТО (США) в направлении России и стран СНГ. Создание Европейской армии, идея которой периодически актуализируется с первых дней европейской интеграции в 50е годы, было бы наиболее действенной формой противостояния заокеанским партнерам по Североатлантическому альянсу⁴⁰.

Пока же, Восточное партнерство в действии – это война на Украине, потеря человеческих жизней и больших материальных ресурсов. Вступление Молдовы в ЕС летом 2014 года, путем подписания соглашения об ассоциированном членстве, с учетом замороженного вооруженного конфликта в Приднестровье – это еще один фактор эскалации напряженности. Подобные события свидетельствуют о реализации планов ЕС в отношении только одного стратегически значимого – западного для России направления. Есть еще Кавказ, который также за спиной польхающего войной Донбасса, летом 2014 года открыл новую для Грузии страницу ассоциированного сотрудничества с ЕС в рамках Восточного партнерства. Остается битва за Беларусь, которая на саммите 21-22 мая в Риге показала свое весьма осторожное отношение к критической оценке Евросоюза политики России в отношении Крыма и Севастополя. Присоединившись к Рижской Декларации Восточного партнерства с оговоркой в отношении этих событий, Беларусь продемонстрировала свое традиционное понимание неординарности российской политики, обусловленной заботой об обеспечении безопасности своих территорий⁴¹. Роль Беларуси как центра консолидации политических сил, заинтересованных в мирном урегулировании, несомненно, будет возрастать. Территория республики, потерявшей во Второй мировой войне каждого четвертого своего жителя, должна оставаться вне пределов политических разногласий, решаемых радикальными методами.

36 В Одесской области начали рыть ров на границе с Приднестровьем // См.: <http://gordonua.com/news/separatism/V-Odesskoy-oblasti-nachali-ryt-rov-na-granice-s-Pridnestrovem-33552.html> (дата обращения 09.01.2015).

37 Лукашенко А.Г. Единение - наш выбор // Наш современник. 2005. № 12. С.3.

38 Стремидловский С. Союз Минска и Киева превращает Варшаву в маргинала // http://ruskline.ru/opp/2014/12/23/soyuz_minska_i_kieva_prevrawaet_varshavu_v_marginala/ (дата обращения 07.01.2015).

39 Шадурский В. Отношения Республики Беларусь и Европейского Союза: внутренний и внешний контекст // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. №1. С.45-48.

40 Пёле С., Сотников И. Общеввропейская армия: вопросы и ответы // Deutsche Welle, 11 марта 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/world/439179.html> (дата обращения 18.03.2015).

41 Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit (Riga, 21-22 May 2015) // https://eu2015.lv/images/news/2015_05_22_RigaDeclaration_EaP.pdf (дата обращения 23.05.2015).

Пристатейный библиографический список:

1. Терещенков Е.Ю. Европейская политика соседства в Восточной Европе: подводя итоги первой фазы реализации (2004-2007 гг.) // Мир в новое время. СПб., 2008. С. 110-113.
2. Тиммерман Х. Европейский союз и его «новые соседи» // Россия в глобальной политике. № 4. Июль Август 2005. С. 128-139.
3. Улахович В. Разночтения Восточного партнерства // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества? Сборник докладов международной конференции. СПб., 2009 // СПб.: Левша, 2010. С. 61-63.
4. Беларусь за «четкие и прозрачные правила» в проектах Восточного партнерства // БДГ-Деловая газета. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://bdg.by/news/politics/1_1031.html (дата обращения 10.12.2014).
5. Белоруссия в 2014 году: политические итоги // Восточно-Европейская редакция ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – режим доступа: belarus.regnum.ru/news/1883619.html (дата обращения 13.01.2015).
6. Борко Ю. А. Восточное партнерство и Россия. Апрель 2009 г. / Электронная библиотека Института Европы РАН. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.ieras-library.ru/sosed.htm> (дата обращения 10.12.2014).
7. В ходе планируемого в мае 2015 года в Риге Саммита программы «Восточное партнерство» Армения и Евросоюз подпишут обновленный вариант договора об Ассоциации // Ереван. Газета «Айкакан жаманак» от 26 декабря 2014 года // См.: [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.yandex.ru/http://i-news.kz/news/2014/12/26/7868105-smi_v_mae_2015_goda_armenii_i_evrosoyuz.html (дата обращения 09.01.2015).
8. В Одесской области начали рыть ров на границе с Приднестровьем // [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://gordonua.com/news/separatism/V-Odesskoj-oblasti-nachali-ryt-rov-na-granice-s-Pridnestrovem-33552.html> (дата обращения 09.01.2015).
9. Годин Ю.Ф. Россия и Белоруссия на пути к единению. Проблемы экономической безопасности Союзного государства. М.: Международные отношения, 2001. С.277.
10. Данилов Д. Новая «Восточная Политика» ЕС: ценности или интересы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2006. № 19. С. 277.
11. Егоров А., Зуйкова А. Новый цикл европейско-белорусского сотрудничества: диалог вопреки обстоятельствам? Центр европейской трансформации Policy Brief [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2014/09/04/novyy-tsikl-evropeysko-belarusskogo-sotrudnichestva-dialog.html> (дата обращения 05.01.2015).
12. Европа без России. Договор, учреждающий конституцию для Европы от 20 октября 2004 года. М., 2005.
13. Игрицкий Ю.И. Восточная Европа: «новое соседство» и новые водоразделы // Европейская безопасность: события, прогнозы, оценки. Март 2007 г. Вып. 7(23). С. 43.
14. Козлов В.Ф., Фролкин Н.П. Организация незаконной миграции: уголовно правовая и криминалистическая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2011.
15. Корзун П.А. Восточное направление «Политики соседства» Европейского Союза // Автореферат дисс. канд.полит. наук. М., 2010.
16. Лукашенко А.Г. Единение - наш выбор // Наш современник. 2005. № 12.
17. Мартовская С. Нина Мазай призывает не расценивать «Восточное партнерство» как сиюминутный проект // См.: Пресс-конференция председателя комиссии Совета Республики по международным делам и национальной безопасности Н. Мазай // Обозреватель. Минск, 2010. 21 мая, № 20. С. 4.
18. МИД: Европарламент сознательно исключил себя из диалога с Беларусью // Telegraf.By. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://telegraf.by/belarus/2006/02/18/mid/> (дата обращения 10.02.2011).
19. Мурадян И. Геоэкономические факторы развития политических процессов в Кавказско-Каспийском регионе. Ереван: Антарес, 2001.
20. Пёле С., Сотников И. Общеευропейская армия: вопросы и ответы // Deutsche Welle, 11 марта 2015 // См.: [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://news.tut.by/world/439179.html> (дата обращения 18.03.2015).
21. Прейгерман Е. Обновленная Европейская политика соседства: чего ждать Беларуси? // Либеральный клуб: [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://liberalclub.biz/?p=5815> (дата обращения 16.12.2014).
22. Проблемы и перспективы сотрудничества между странами Юго-Восточной Европы в рамках Черноморского экономического сотрудничества и ГУАМ: сборник научных трудов. Донецк: ДонНУ, 2003.
23. Российское законодательство в X-XX вв. В девяти томах. Т. 3. Акты земских соборов. М. 1985.
24. Ситуация в Белоруссии может создать проблемы «Восточному партнерству» МИД Венгрии / ИА Regnum. 20.12.2010. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1358705.html> (дата обращения 10.12.2014).
25. Сергунин А.А. Восточное партнерство: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и международные коммуникации». №1. 2010. С.205-210.
26. Селиванова И. Ф. Восточное направление политики соседства ЕС // Россия и современный мир. 2008. N 2. С.97-111.
27. Сергунин А. Восточное партнерство в контексте российско-европейских отношений // Россия и Восточное партнерство ЕС: вызов или новая платформа для сотрудничества. Сборник докладов международной конференции. СПб.: Левша, 2009.
28. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6. М. 2001.
29. Смирнова Е.С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. Тверь СФК офис, 2012.
30. Стрелков А. Европейская политика соседства: последовательное движение к цели // Современная Европа. Выпуск 3. Июль-сентябрь 2009 г. С. 119-126.
31. Стремидловский С. Союз Минска и Киева превращает Варшаву в маргинала [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://ruskline.ru/opp/2014/12/23/soyuz_minska_i_kieva_prevravaet_varshavu_v_marginala/ (дата обращения 07.01.2015).
32. Шадурский В. Отношения Республики Беларусь и Европейского Союза: внутренний и внешний контекст // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. №1. С. 45-48.
33. Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2001. № 4.
34. Aliboni R. The Geopolitical Implications of the European Neighbourhood Policy // European Foreign Affairs Review. 2005. No. 10.

35. Bengtsson R. Constructing Interfaces: the Neighborhood discourse in EU external policy // *Journal of European Integration*. December 2008. Vol.30. No.5. P. 597-616.
36. Browning C.S., Joenniemi P. Geostrategies of the European Neighborhood policy // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol.14 (3). P. 519-551.
37. Bosse G., Korosteleva-Polglase E. Changing Belarus? The Limits of EU Governance in Eastern Europe and the Promise of Partnership // *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*. Vol.44 (2). 2009. P. 143-165.
38. Council conclusions on Belarus 3065th FOREIGN AFFAIRS Council meeting. Brussels, 31 January, 2011: [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/documents/news/council_conclusion_en.pdf. (дата обращения 15.02.2011).
39. Communication from the European Commission to the Council and the European Parliament "Wider Europe -Neighbourhood": A new framework for relations with our eastern and southern neighbours. COM(2003) 104 final; Communication from the Commission "Paving the way for a New Neighbourhood Instrument". COM(2003)393 final(дата обращения 15.02.2011).
40. Communication from the European Commission to the Council and the European Parliament "Eastern Partnership". COM(2008) 823 final; Communication from the European Commission "European Neighbourhood Policy. Strategy Paper". COM(2004) 373 final(дата обращения 15.02.2011).
41. Council Common Position 2007/121/CFSP of 19 February 2007 extending and amending Common Position 2004/179/CFSP concerning restrictive measures against the leadership of the Transnistrian region of the Republic of Moldova // *OJ*. 20.02.2007. L 51/31-32;
42. Council Common Position 2006/276/CFSP of 10 April 2006 concerning restrictive measures against certain officials of Belarus and repealing Common Position 2004/661/CFSP // *OJ*. 11.4.2006. L 101/5-10 (дата обращения 15.02.2011).
43. Eastern Partnership. Мемо/09/217. Brussels, 5 May 2009 [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>(дата обращения 15.02.2011).
44. Eastern Partnership Summit to strengthen EU links with Eastern Europe and South Caucasus. IP/ 09/ 700format=HTML&aged=languageEN (дата обращения 15.02.2011).
45. EU/Belarus Human Rights Dialogue. Prague, 16-17 June 2009. Brussels, 18 June 2009. 11196/09 (Presse 187) / Council of the European Union. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsData/docs/pressdata/en/er/108603.pdf> (дата обращения 15.02.2011).
46. EU-Ukraine Association Agenda. 23 November 2009 / European External Action Service. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://eeas.europa.eu/ukraine/docs/2010euukraineassociationagendaen.pdf> (дата обращения 12.12.2014).
47. European Council Common Strategy of 11 December 1999 on Ukraine (1999/877/CFSP) // *OJ*. 23. 12. 1999. L 331/1-9; Council Decision 2010/448/CFSP of 11 August 2010 extending the mandate of the European Union Special Representative in the Republic of Moldova // *OJ*. 12.8.2010. L 211/40.
48. European Parliament resolution on the situation in Belarus after the presidential elections of 19 March 2006 // *OJ*. 2 12.2006. C293. E304-306; European Parliament resolution on the situation in Belarus prior to the presidential elections on 19 March 2006 // *OJ*. 29.11.2006. P.290.
49. European Parliament resolution on the political situation in Belarus after the parliamentary elections and referendum of 17 October 2004 // *OJ*. 14.7.2005. C174. E1 81-183.
50. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit (Riga, 21-22 May 2015). [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://eu2015.lv/images/news/2015_05_22_RigaDeclaration_EaP.pdf (дата обращения 23.05.2015).
51. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit 7May 2009, Prague 8435 /09 Presse 78 [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.consiliumeuropa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf (дата обращения 12.12.2014).
52. Haukkala H. Explaining Russian Reactions to the European Neighbourhood Policy // *The European Neighbourhood Policy in Perspective. Context, Implementation and Impact*. //Edited by Richard G. Whitman and Stefan Wolff. Palgrave Macmillan, 2010. P.161-180.
53. Lapczynski M. The European Union's Eastern Partnership: chances and perspectives // *Caucasian Review of International Affairs*. Vol.3 (2). Spring 2009. P. 143155; Ortega M. A New EU Policy on the Mediterranean? // *Partners and Neighbors: a CFSP for a Wider Europe*. Chaillot Paper. September 2003. No.64.P.33-36.
54. Ganzle S. The European Neighbourhood Policy (ENP) and the Modes of EU 'External Governance / University of British Columbia. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://web.uvic.ca/jmtrg/Papersfiles/Gaenzle.pdf> (дата обращения 12.12.2014).
55. Polish-Swedish proposal «Eastern Partnership». 23 May, 2008 / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.msz.gov.pl/Polish-Swedish,Proposal,19911.html> (дата обращения 15.02.2014).
56. Non-paper with Polish proposals concerning policy towards new Eastern neighbours after EU enlargement / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.mfa.gov.pl/Nonpaper,with,Polish,proposals,concerning,policy,towards,the,new,Eastern,neighbours,after,EU,enlargement,2041.html> (дата обращения 15.02.2014).
57. The European Union and Belarus. FACT SHEET, Brussels, 22 July, 2014: [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://eeas.europa.eu/statements/docs/2013/131029_01_en.pdf; BELARUS. Dialogue limited to technical and diplomatic level: Assessment May 2012 – October 2013 // *The Eastern Partnership Roadmap to the Vilnius Summit, PASOS - Policy Association for an Open Society, October 2013*: [Электронный ресурс]. – режим доступа: [http://www.eap-csf.eu/assets/files/Articles/Web/Roadmapreports/Belarus_roadmap_monitoring_csf_nov_2013_\(3\).pdf](http://www.eap-csf.eu/assets/files/Articles/Web/Roadmapreports/Belarus_roadmap_monitoring_csf_nov_2013_(3).pdf) (дата обращения 15.02.2014).
58. The Eastern Partnership in the context of the European Neighborhood Policy and V4 Agenda. Albrycht I. (ed.). Krakow: The Kosciuszko Institute, 2010. P.4.
59. Scott J. W. Bordering and ordering the European neighborhood: a critical perspective on European territoriality and geopolitics // *TRAMES. A Journal of the Humanities and Social sciences*. 2009. Vol. 13. P.232-247.
60. Timmermann H. The European Union and its New Neighbours: Ukraine, Belarus and Moldova // *International Relations and Foreign Policy in XXI century*. St.Petersburg University Press, 2006. P.21-28.

Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Черных И. А.
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ УЧРЕЖДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА
ЭЛЕКТРОСВЯЗИ – СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ООН

В связи с празднованием в 2015 г. 150-летнего юбилея Международного союза электросвязи в настоящей статье рассматриваются основные аспекты его деятельности, начиная с 1865 г. и по настоящее время. Особое внимание авторы уделяют проблемам реформирования МСЭ, участию МСЭ в постконфликтном строительстве, поддержке развивающихся стран в области электросвязи.

Ключевые слова: Международный союз электросвязи, электросвязь, международные межправительственные организации, специализированные учреждения ООН.

Abashidze A. Kh., Solntsev A. M., Chernykh I. A.
150TH ANNIVERSARY OF THE INTERNATIONAL TELECOMMUNICATION UNION – UN
SPECIALIZED AGENCY

In connection with the celebration in 2015 of the 150th anniversary of the International Telecommunication Union, this article discusses the main aspects of its activities since 1865 to the present. The authors focus on the problems of reforming the ITU, the involvement of ITU in the post-conflict construction and support developing countries in the field of telecommunications.

Keywords: International Telecommunication Union, telecommunication, international intergovernmental organizations, specialized agencies of the United Nations.

Уважаемые читатели, настоящая статья посвящена самой «старшей» международной межправительственной организации среди специализированных учреждений системы ООН – Международному союзу электросвязи, который в этом году отмечает своё 150-летие со дня учреждения. Именно с учреждения этой организации начинается эпоха международных межправительственных организаций, которые вслед за суверенными государствами основательно заняли ведущую роль в регулировании международных отношений.

Если изначально МСЭ занимался решением вопросов, связанных с телефонией и телеграфией, то в настоящее время в сферу его деятельности входит куда более широкий круг вопросов: выработка основополагающих стандартов широкополосной связи и распределение спектра частот; разработка базовых технологий доступа к высокоскоростной широкополосной подвижной связи; вопросы, связанные с подводными кабелями и наземным оптическим волокном, линиями СВЧ-связи и спутниковой связи; доступностью электронного здравоохранения; вопросы гендерного расширения прав и возможностей пользователей электросвязи. Работа, выполняемая в МСЭ в сотрудничестве с государствами, частным сектором, академическими организациями и гражданским обществом, способствует повсеместному распространению и доступности радио- и телефонной связи, телевидения и интернет-соединений.

По оценкам МСЭ, к концу 2013 г. в мире насчитывалось 6,8 млрд контрактов на подвижную сотовую связь. Эта цифра показывает, что 96 % жителей планеты использует технологии подвижной сотовой связи. К концу 2013 г. доступ к телевидению имели около 5 млрд. человек, число пользователей Интернета составило 2,4 млрд человек. Во всем мире продолжается рост внедрения услуг как фиксированной (проводной) широкополосной, так и подвижной широкополосной связи. В настоящее время число контрактов на подвижную широкополосную связь в 3 раза превышает число контрактов на фиксированную широкополосную связь (2,1 млрд против 700 млн). Например, по прогнозам аналитиков, в течение 5 лет число

контрактов на услуги «4G» во всем мире увеличится в десять раз (с 88 млн. в 2012 г. до 864 млн. в 2017 г.). Годовой глобальный IP-трафик, как ожидается, к концу 2017 г. превысит порог в один зеттабайт (1,4 зеттабайтов), что обусловлено диверсификацией услуг платного телевидения и потокового видео, а также других насыщенных мультимедийным контентом услуг¹. Ежемесячно на сайте «YouTube» просматривается более 4 млрд часов видеоматериалов; на сайте «Facebook» ежемесячно размещается 30 млрд единиц контента, а через сервис «Твиттер» ежемесячно отправляется около 400 млн «твитов». По оценкам экспертов, к 2020 г. будет создано 40 зеттабайтов данных, т.е. в 300 раз больше по сравнению с 2005 г. Приведенные данные показывают, насколько широко используются современные средства связи, какова их важность в жизни человека и, следовательно, как весома роль МСЭ в международном регулировании различных средств электросвязи.

Абашидзе А. Х.

Солнцев А. М.

Черных И. А.

1 См.: Cisco Visual Networking Index: Forecast and Methodology, 2011–2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.webtorials.com/main/resource/papers/cisco/paper228/Cloud_Index.pdf (дата посещения 10.06.2015 г.).

МСЭ: ГЕНЕЗИС

Предпосылками появления МСЭ стало изобретение в конце XVIII в. сигнальных средств на железных дорогах. В XIX в. происходит кардинальное изменение в сфере обработки информации – третья информационная революция – ученые изобретают электричество, благодаря которому появляется телеграф, а затем телефон и радио².

Однако, в связи с появлением новых способов передачи информации с помощью телеграфа, телефона и радио, государства столкнулись с определенной проблемой. Когда в 1858 г. впервые был проложен трансатлантический телеграфный кабель, проходящий по территориям различных государств, возникла потребность приостанавливать сигнал и перекодировать его на территории каждого государства. Поэтому для более эффективного сообщения, невзирая на границы, возникла необходимость стандартизации и сотрудничества между государствами в области телефонии. С 1849 г. по 1865 г. был заключен ряд двусторонних и многосторонних соглашений между странами Западной Европы по вопросам тарифов на обмен телеграммами между странами и установления стандартного кода. К таким международным соглашениям относились Бернская телеграфная конвенция 1858 г. (участниками которыми являлись Бельгия, Франция, Нидерланды, Сардиния и Швейцария)³ и Брюссельская конвенция 1858 г. об обмене корреспонденцией с помощью телеграфии⁴. Ввиду возрастающего числа таких соглашений и необходимости универсальных стандартов возникла идея объединить их и создать всеобъемлющий многосторонний договор. С такой инициативой выступила Франция, которая с 1 марта по 17 мая 1865 г. собрала в Париже на Международной телеграфной конференции представителей 20 европейских государств⁵, за исключением Великобритании, в которой сервис по телеграфии находился в руках частных компаний⁶. Целью конференции являлся поиск решений по ряду таких аспектов в сфере телеграфии, как: стандартизация телеграфного оборудования, установление единых операционных инструкций, разработка общего международного тарифа и правил, а также подписание многостороннего соглашения. По итогам конференции 17 мая 1865 г. государства единым решением учредили *Международный телеграфный союз* (МТС)⁷ и подписали *Международную телеграфную конвенцию*. С 1885 г. Союз стал принимать первые нормативы, регулирующие телефонию. Так, например, длина телефонного разговора была ограничена 10 минутами.

2 Официальный сайт Международного союза электросвязи // Overview of ITU's History // From telegraph to telephone, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itu.int/en/history/Pages/ITUsHistory.aspx> (дата обращения: 20.03.2015 г.).

3 См.: Reinalda B. Routledge History of International Organizations: From 1815 to the Present Day, UK, 2009. — P. 85–86; Schachter O., Joyner Ch. United Nations Legal Order. — 1995. — Vol.1. — P. 801–802.

4 См.: International Telecommunication Union // International Telegraph Conference Paris, 1865: Signature of Convention by twenty sovereign States opens era of international co-operation. Telecommunication journal. — 1965. — Vol. 32. — No. 5. — P. 180–184; Lyall F. International Communications: The International Telecommunication Union and the Universal Postal Union, UK, 2013. — P. 22–23.

5 Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Греция, Россия, Испания, Турция, Нидерланды, Италия, Бавария, Швеция и Норвегия, Люксембург, Португалия, Швейцария, Саксония, Пруссия, Гамбург, Вюртемберг, Ганновер.

6 См.: International Telecommunication Union. International Telegraph Conference Paris, 1865 // Telecommunication journal. — 1965. — Vol. 32. — No. 5. — P. 180–184.

7 См.: Noll A. International Telecommunication Union // ЕРІІІ. — 1995. — P. 1379–85; Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law, Seventh revised edition. — New York, 1997. — P. 22.

Одна из первых Полномочных конференций МТС была проведена в России (в Санкт-Петербурге) с 1 июня по 19 июля 1875 г. – 4-я Полномочная конференция МТС. В её работе приняли участие представители 22 государств (в том числе впервые была представлена делегация США) и 11 частных телеграфных компаний, владевших телеграфными кабелями в различных регионах мира. Главной дипломатической и профессиональной победой для Директора Телеграфного департамента МВД Российской империи Карла Карловича Людерса, который вел Конференцию, стали её итоги: была полностью пересмотрена и упрощена Международная телеграфная конвенция 1865 г. (если в предыдущей Конвенции было 65 статей, то в новой их сократили до 21 статьи). Здесь интересно отметить один малоизвестный факт – именно тогда впервые встал вопрос о контроле за содержанием телеграмм⁸. В ст. 2 Петербургской конвенции государства – члены Союза обязались уважать тайну переписки, однако в ст. 7 оставили за собой право задерживать депеши, содержание которых противоречило законам, интересам государственной безопасности, общественному порядку и нравственности. В итоге представители Великобритании и США отказались подписать конвенцию, выступив против цензуры. Жаль, что спустя 140 лет мы можем наблюдать, как США попирают основы демократии, осуществляя надзор за перепиской не только рядовых граждан, но даже глав государств. Это явно доказали нам *Джулиан Ассанж* и *Эдвард Сноуден*.

С изобретением беспроводной телеграфии в 1890 г. начались разработки и постепенная стандартизация в новой сфере – радио⁹. Напомним, что изобретателем радиотелеграфии является великий российский ученый Александр Степанович Попов.

Первые проблемы в сфере радио появились в 1902 г., когда Генрих Альберт Вильгельм, принц Прусский, не смог передать сообщение вежливости с корабля президенту США Теодору Рузвельту, возвращаясь через Атлантику из поездки в США, так как береговая станция США не смогла принять сообщение по причине наличия радиооборудования другого типа. Это послужило импульсом для созыва конференции в Берлине в 1903 г., целью которой стало создание международных норм в области радиотелеграфии¹⁰. В итоге в 1906 г. состоялась Берлинская конференция, в которой приняли участие 29 государств. Результатом конференции стало принятие *Международной конвенции о радиотелеграфии* с приложением, в котором содержались первые правила в этой области, в том числе принцип обязательной связи между сушей и находящимися в море судами¹¹. Фактически получилось, что невыполнение норм международной вежливости послужило основой для кодификации и прогрессивного развития международного права в сфере радиотелеграфии.

Регулярные конференции МТС были прерваны Первой мировой войной, и очередная конференция состоялась только в 1925 г. в Париже. На этой конференции были созданы новые органы МТС – *Международный междугородный телефонный кон-*

8 См.: International Telegraph Conference (St. Petersburg, 1875) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itu.int/en/history/Pages/PlenipotentiaryConferences.aspx?conf=4&dms=5020100004> (дата обращения: 05.07.2015 г.).

9 См.: Mance O., International Telecommunications. — Oxford, 1943.

10 Официальный сайт ITU // Overview of ITU's History (2) // Radio [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itu.int/en/history/Pages/ITUsHistory.aspx> (дата обращения: 25.02.2015 г.).

11 См.: Timofeev V. From radiotelegraphy to worldwide wireless: How ITU processes and regulations have helped shape the modern world of radio-communications // Commemorative edition: the centenary of the international radio regulations. — 2006. — № 3. — P. 5, 7.

сультативный комитет (CCIF) и Международный телеграфный консультативный комитет (CCIT). В 1927 г. на конференции по вопросам радиосвязи в Вашингтоне был создан *Международный консультативный комитет по радио (МККР)*. Все три комитета стали отвечать за координацию технических исследований и составление международных стандартов во всех этих областях телекоммуникаций. На конференции 1927 г. также были распределены полосы частот различных служб радиосвязи (фиксированных, морских и воздушных подвижных служб, служб вещания, любительских и экспериментальных служб). Позже, в 1956 г. CCIF и CCIT были объединены в Международный телефонный и телеграфный консультативный комитет (ССИПТ).

В 1932 г. на конференции в Мадриде МТС был переименован в МСЭ в связи с тем, что произошло объединение Полномочной конференции по телеграфии и Международной радиотелеграфной конференции¹². Таким образом, были объединены две конвенции – *Международная телеграфная конвенция 1865 г.* и *Международная радиотелеграфная конвенция 1906 г.*, регулирующие три области: телеграфию, радио и телефонию. Новая организация – Международный союз электросвязи – начала свою деятельность 1 января 1934 г.¹³.

После создания Организации Объединенных Наций в 1945 г. между МСЭ и ООН 15 ноября 1947 г. было подписано соглашение (вступило в силу 1 января 1949 г.), в соответствии с которым МСЭ стал специализированным агентством ООН по телекоммуникациям¹⁴. С 1952 г. МСЭ становится участником расширенной программы ООН по технической помощи, целью которой являлась поддержка развивающихся стран на экспертном уровне и подготовка собственных кадров в сфере телекоммуникаций. С 1959 г. в сферу деятельности МСЭ было передано управление схемами технической поддержки в области телекоммуникаций.

Таким образом, к началу 60-х годов XX в. МСЭ наработал колоссальный опыт по регулированию связи и зарекомендовал себя как международная межправительственная организация, охватывающая и регулирующая широкий круг вопросов на международном уровне, поэтому освоение новых сфер, требующих нормативно-правового регулирования, для МСЭ не составило сложности¹⁵. С 1959 г. МСЭ стал заниматься вопросами исследования космического пространства с точки зрения его использования и для развития радиосвязи. В 1959 г. была проведена Всемирная административная конференция (Женева), на которой в действующие международные радиорегламенты были внесены изменения, в т.ч. в список терминов были включены такие новые понятия, как: «космическая станция», «наземная станция», «космическая служба» и «служба земля-космос». При этом слово «станция» означало станцию

передачи сигнала¹⁶. Профессор Бин Ченг отмечает, что первая договорная норма, регулирующая космическую деятельность, была создана именно в МСЭ в Регламенте радиосвязи 1959 г., впервые выделившем специальные радиочастоты для космических служб¹⁷.

В 1963 г. была проведена Внеочередная специальная мировая конференция по радиотелекоммуникации, на которой впервые было распределено 15% единого радиочастотного спектра, или 6000 МГц¹⁸. Толчком этому послужило начавшееся освоение человечеством космоса и геостационарной орбиты вокруг Земли путем запуска спутников различного назначения.

В 1988 г. были пересмотрены Международный телеграфный регламент и Регламент по телефонии, вследствие чего их объединили в единый *Регламент международной электросвязи*. Очевидно, что столь богатый опыт международного сотрудничества породил как разнообразную практику, так и колоссальный массив нормативных документов.

Важным этапом в развитии МСЭ стал пересмотр уставного документа организации и её реструктуризация, решение о которой было принято на Полномочной конференции в Ницце в 1989 г. на фоне растущей глобализации и либерализации рынков электросвязи. Уставными документами МСЭ после разделения ранее действовавшей Конвенции МСЭ (г. Найроби, 1982 г.) стали *Устав МСЭ* и *Конвенция МСЭ*, подписанные 22 декабря 1992 г. (вступили в силу 1 июля 1994 г.), которые установили юридический статус, цели, функции и структуру Союза¹⁹. Административные регламенты, дополняющие Конвенцию, остались разделенными на два: *Регламент радиосвязи* и *Регламент международной электросвязи* (подписан 9 декабря 1988 г., вступил в силу 1 июля 1990 г.). Также был создан Комитет высокого уровня для проведения глубокого пересмотра структуры и методов работы Союза с целью изучения и, если необходимо, рекомендации мер, направленных на более высокое достижение экономической эффективности всех органов МСЭ. Именно поэтому по инициативе Административного совета МСЭ с 7 по 22 декабря 1992 г. была проведена внеочередная дополнительная Полномочная конференция в Женеве, где МСЭ был разделен на три сектора: *Сектор стандартизации электросвязи*, *Сектор радиосвязи* и *Сектор по развитию электросвязи*. В этом же году МСЭ распределил частоты для глобальной спутниковой системы персональной мобильной связи.

В соответствии с целями МСЭ, определенными в Уставе МСЭ (статья 1, пп. 1–2) и Конвенции МСЭ, Союз воплощает в жизнь идею соединения мира. Для достижения этой цели МСЭ ведет деятельность, направленную на обеспечение бесперебойной и эффективной работы глобальной инфраструктуры связи, с тем чтобы каждый имел доступ к преимуществам

12 Официальный сайт ITU // International Telegraph Conference (Madrid, 1932) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itu.int/en/history/Pages/PlenipotentiaryConferences.aspx?conf=5&dms=So201000018> (дата обращения: 25.02.2015 г.)
 13 Официальный сайт ITU Newsmagazine // ITU milestone commemorated in Madrid, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itu.int/itu/news/manager/display.asp?lang=en&year=2007&issue=10&ipage=ituMilestone&ext=html> (дата обращения 25.02.2015 г.); см.: Mahulena Hofmann // IAC-13.E7.3.9.x17613 // ITU Instruments Under the Perspective of General International Law, I. Introduction. С.1; Coding G.A. The International Telecommunication Union: An Experiment in International Cooperation. Leiden, 1952.
 14 ITU-UN Agreement 1947 // Treaty Series No. 76 (1950). Право международных организаций // Под ред. А. Х. Абашидзе. — М., РУДН, 2014. — С. 253.
 15 См.: Lyall F. and Paul B. Larsen Space Law A Treatise, UK, 2009. — P. 201–206.

16 См.: Lyall F. and Paul B. Larsen Space Law A Treatise, UK, 2009. — P. 200.
 17 Cheng Bin. Studies in International space law. Clarendon Press. — Oxford, 1997. Цит. по: Жуков Г. П. Фундаментальный труд в области международного космического права // Московский журнал международного права. — 1999. — № 2. — С. 271.
 18 См.: ITU General Secretariat. 1865–1965: A Hundred Years of International Cooperation, The Division of Journal, Library and Documentation. — P. 21 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.itu.int/dms_pub/itu-s/oth/02/0b/s020b0000094e19pdf.pdf (дата обращения: 21.03.2015 г.); Partial Revision of The Radio Regulations: Final acts of the extraordinary partial revision of the radio regulations: Final acts of the extraordinary Administrative Radio Conference to Allocate Frequency Bands for Space Radio Purposes, Geneva, 8 November 1963, 15 UST 887, TIAS 5603.
 19 Международное космическое право: учебник / Под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2014. — С. 108.

электросвязи/ИКТ. МСЭ осуществляет надзор за международным распределением спектра и координирует работу спутниковых сетей; проводит деятельность по разработке и достижению консенсуса по новым стандартам электросвязи/ИКТ; работает над созданием благоприятной политической среды, оказывая техническую помощь своим государствам-членам.

МСЭ: СЕГОДНЯ

В развитии электросвязи/ИКТ принимает участие широкий круг организаций. МСЭ, как один из ключевых участников в этой сфере деятельности, содействует сотрудничеству на всех уровнях для того, чтобы выполнять свою миссию наиболее эффективно.

Членство в МСЭ можно разделить на 2 формы: полное членство и членство в рамках секторов²⁰. По состоянию на 1 июня 2015 г. полными членами МСЭ являются 193 государства — члена ООН (последней вошла Республика Южный Судан 10 марта 2011 г.)²¹.

Членство в рамках секторов предусматривает возможность присоединиться как ко всем трем секторам (Сектору стандартизации электросвязи, Сектору радиосвязи и Сектору по развитию электросвязи), так и к какому-либо в отдельности. Так, на сегодняшний день насчитывается 558 членов секторов МСЭ (329 входят в сектор развития электросвязи, 266 в сектор радиосвязи, 272 в сектор стандартизации электросвязи)²², среди которых региональные и другие международные организации, региональные телекоммуникационные организации, межправительственные организации в области эксплуатации спутниковых систем²³. Также в рамках секторов насчитывается 161 ассоциированный член²⁴ и 92 академии (университета)²⁵.

20 См.: Lyall F. and Paul B. Larsen Space Law A Treatise, UK, 2009. — P. 208—210.

21 Официальный сайт ITU // ITU Member States [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.itu.int/online/mm/-scripts/mm.list?_search=ITUstates&_languageid=1 (дата обращения: 25.02.2015 г.).

22 Официальный сайт ITU // ITU Sector Members + Academia, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.itu.int/online/mm/scripts/mm.list?_search=SEC&_languageid=1#total (дата обращения: 25.02.2015 г.).

23 АРАБСАТ (арабская спутниковая система связи), ЕКА (Европейское космическое агентство), Интерспутник, РАССС (Региональная африканская система спутниковой связи), ЕВМЕТСАТ (Европейская организация по эксплуатации метеорологических спутников) и ЕВТЕЛСАТ (Европейская организация дальней спутниковой связи) и др.

24 9 входят в сектор развития электросвязи, 20 в сектор радиосвязи, 136 в сектор стандартизации электросвязи (в сектор развития электросвязи входят 3 российских организации: ЗАО «Каспер Групп» (категория научной или промышленной организации), ООО «MobiX Chip» (категория научной или промышленной организации и производителя) и ОАО «Мегафон» (категория службы вещания и доставки сообщений (ROA)), который входит также в сектор радиосвязи), при этом 5 из них относятся к региональным и международным организациям: Международная общественная академия связи (МАК, Россия); WiMAX Форум (некоммерческая ассоциация ведущих мировых разработчиков и производителей оборудования, созданная ими для оптимизации взаимодействия и сертификации оборудования широкополосного беспроводного доступа различных производителей, США); 4G Americas (торгово-промышленная ассоциация, представляющая семью беспроводных 3GPP технологий, США); GSC Group (Группа линий связи по глобальным решениям, Нидерланды) и EIDQ (Ассоциация информационной индустрии и поиска, Швейцария)

25 От России входит Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (имеет категорию ассоциированного научно-исследовательского учреждения) и института исследований и разработок в рамках МСЭ // Официальный сайт ITU // ITU Global Directory // Universities, [Элек-

Таким образом, в настоящее время МСЭ объединяет в себе более чем 700 различных субъектов и акторов международного права из сферы промышленности, а также международные межправительственные и региональные организации, академические сообщества, образуя уникальную мировую платформу сотрудничества, основанную на доверительном участии и партнерстве заинтересованных сторон государственного и частного секторов²⁶.

По мере приближения срока достижения Целей развития тысячелетия (2001—2015 гг.), а также осуществления процессов ООН по выполнению Повестки дня в области развития на период после 2015 г. и достижению Целей в области устойчивого развития (2016—2030 гг.) государства-члены ООН привлекаются к разработке единой программы развития, включающей один согласованный набор Целей, который содержит три компонента устойчивого развития, определенные в рамках процесса «Рио+20» (социальное развитие, экономическое развитие и защита окружающей среды)²⁷. В этой части МСЭ может внести существенный вклад в достижение Целей в области устойчивого развития на 2016—2030 гг. Электросвязь/ИКТ, включая широкополосную связь, имеют решающее значение в ускорении прогресса в направлении устойчивого развития. Эти технологии являются одной из основ любой политики в области развития и одним из основных полезных инструментов любого плана в области развития на национальном, региональном и/или глобальном уровнях.

Электросвязь/ИКТ вносят все возрастающий вклад в социально-экономическое развитие, обеспечивая возможность доступа к информации и услугам и обмена ими в любом месте и в любое время, а также возможность быстрой обработки и хранения огромного объема такой информации, повышая эффективность, действенность, доступность и ценовую приемлемость предоставляемых государственных и частных услуг. Электросвязь/ИКТ также расширяют доступ к рынкам, совершенствуют управление операциями в случае бедствий и упрощают демократическое участие в процессах управления. Электросвязь/ИКТ обеспечивают также более рентабельные и эффективные способы сохранения и распространения местной культуры. Они снижают затраты на социально-экономическую деятельность (например, заменяя транспортные и почтовые услуги) и открывают абсолютно новые коммерческие возможности (такие, как услуги на основе «облака», мобильные приложения и услуги, внешнее исполнение бизнес-процессов и коммерческая деятельность, связанная с контентом).

Широкополосная связь имеет огромное значение для формирования новых навыков и активизации экономического роста и технологических перемен во всей экономике — от сельского хозяйства до финансов, образования и здравоохранения.

МСЭ: ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Являясь многофункциональной международной межправительственной организацией со сложной структурой органов, МСЭ нуждается в развитии и периодическом пересмотре

тронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.itu.int/online/mm/scripts/mm.list?_search=UNIV&_languageid=1 (дата обращения: 25.02.2015 г.).

26 Официальный сайт ITU // Sector Members, Associates and Academia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itu.int/en/membership/Pages/sector-members.aspx> (дата обращения: 25.02.2015 г.); Lyall F. // IAC-07-e6.5.06 // The ITU in the Modern World: Fourteen Years from the Reconstruction, 6. Membership statistics. — P. 3.

27 Солнцев А. М. Защита экологических прав человека: Учебное пособие. 2-е изд. — М.: РУДН, 2015. — С. 6.

методов своей работы. Например, в отношении Устава МСЭ совместно с Конвенцией МСЭ с момента их образования возникали вопросы, связанные с необходимостью разработки так называемого единого Стабильного Устава из-за того, что практически каждые 4 года в данные документы вносились и продолжают вноситься поправки либо изменения, требующие дальнейшего процесса ратификации в каждом государстве – члене МСЭ.

Все это с юридической точки зрения стало приводить к нарушению целостного и однородного характера высшего нормативного документа, применимого ко всем государствам – членам МСЭ, поэтому важной для МСЭ стала инициатива о внесении изменений в уставные документы Союза.

В 2010 г. впервые за 18 лет с момента принятия уставных документов был поднят вопрос «Об изменении Устава и Конвенции и необходимости создания нового документа (документов), более соответствующих новым реалиям»²⁸, и была создана соответствующая рабочая группа Совета по созданию Стабильного Устава в связи с тем, что, во-первых, цели и задачи, закрепленные в Уставе и Конвенции, неправильно сформулированы с точки зрения доктрины международного права и порой противоречат друг другу, а во-вторых, в силу большого количества поправок и изменений к уставным документам, они становятся сложными для восприятия и использования.

Юридическим закреплением начала реформы стала Резолюция МСЭ 163 «Создание рабочей группы Совета по стабильному Уставу МСЭ» (Гвадалахара, 2010 г.), принятая на Полномочной конференции МСЭ. В Преамбуле Резолюции была закреплена необходимость подготовки к следующей Полномочной конференции МСЭ 2014 г. проекта Стабильного Устава²⁹. Положения, которые не войдут в новый документ, предполагается перенести в иной документ, который не будет требовать в дальнейшем процедур ратификации, принятия, присоединения или утверждения согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.³⁰ и конституционным нормам государств – членов МСЭ. Для этого была создана Рабочая группа Совета по Стабильному Уставу (РГС/СТБ-У). За время работы Рабочей группы в период с июня 2011 г. по апрель 2013 г. было проведено 5 рабочих встреч³¹. Итогом финального собрания было утверждение разработанных предложений членами группы, среди которых стоит отметить:

- необходимость принятия Стабильного Устава и Конвенции МСЭ, а также «Основных положений и правил», включающих в себя документы, положения которых не войдут в новый Устав;

- передачу на рассмотрение государствам-членам вопроса о том, будет ли создан новый документ или только внесены необходимые изменения (Рабочая группа, в свою очередь, предложила, что проект будет представлять из себя новый единый документ в виде международного договора, но итогом должны стать изменения к действующему Уставу МСЭ, если

же будет решено разработать новый Устав, то потребуются больше времени на его разработку);

- передачу на рассмотрение государствам-членам вопроса о том, будут ли «Основные правила и процедуры» сгруппированы в единый документ совместно с Правилами процедуры конференций, ассамблей и собраний МСЭ (Рабочая группа предложила в свою очередь перегруппировать ряд документов, разделив их на две части: общие положения и основные правила, при этом сделав оговорку, что в случае решения выработки единого документа потребуются дальнейшая проработка и модификация такого документа);

- передачу на рассмотрение государствам-членам вопроса о введении новой статьи, закрепляющей обязывающую силу «Основных правил и процедур»³².

По итогам работы в 2014 г. разработанные предложения были разосланы государствам – членам МСЭ для обсуждения. Работу по разработке решили продолжить до очередной Полномочной конференции в 2018 г.³³ Следовательно, в ближайшие 3 года изменения в Устав МСЭ или Конвенцию МСЭ внесены не будут, что скорей всего не отразится на работе органов Союза, поскольку предлагаемые Рабочей группой изменения, в первую очередь, направлены на гармонизацию уставных документов, а не на реструктуризацию его органов.

Помимо вышеуказанных изменений, в рамках деятельности ООН Союз также обязуется включать приоритеты ООН в свое стратегическое планирование и работу, например, в таких областях, как гендерное равенство, молодежь, лица с ограниченными возможностями, сельское население, лица пожилого возраста, а также снижение риска бедствий³⁴. Система ООН также участвует в процессе реформирования МСЭ, для чего необходимо, среди прочего, согласование бизнес-практики, в частности применение методики управления, ориентированного на результаты. В стратегии МСЭ учитываются эти глобальные приоритетные усилия и реформы.

Так, Стратегический план МСЭ на период 2012–2015 гг.³⁵ оказался достаточно эффективным, о чем говорит полученный в ходе его выполнения опыт и выявленные проблемы: происходит существенный рост использования электросвязи/ИКТ, и они становятся все более широкодоступными и распространяемыми; по мере распространения электросвязи/ИКТ возрастают проблемы неравенства и изоляции, поэтому следует уделять особое внимание преодолению цифрового разрыва и обеспечению интеграции; по мере ускорения роста и расширения использования электросвязи/ИКТ возникают новые риски и проблемы; конвергенция происходит на разных уровнях, уничтожая обособленность между разными технологическими секторами.

28 Резникова Н. П., Федорович Е. А., Анализ роли учредительных документов в деятельности Международного союза электросвязи // Российский внешнеэкономический Вестник. — 2012. — № 5. — С. 65.

29 Резолюция 163 «Создание рабочей группы Совета по стабильному Уставу МСЭ» // Сборник основных текстов документов Международного союза электросвязи, принятых Полномочной конференцией. Изд. 2011 г. Преамбула.

30 Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 г. // U.N.T.S. 1155, p. 331. A/CONF.39/11/Add.2.

31 Официальный сайт ITU // Council Working Group on a stable Constitution (CWG-STB-CS) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itu.int/council/groups/cwg-stb-cs/index.html> (дата обращения: 20.02.2015 г.).

32 Omo J. Overview of the Work of the ITU Council Working Group on Stable Constitution . Zambia, 19 February 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: file:///C:/Users/user/Desktop/annex%207-input%20ppt_overview%20of%20cwg%20itu%20cs%20cv%20-%20kenya.pdf

33 ITU Plenipotentiary 2014 – Issues Matrix as of 16 October 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.internetsociety.org/sites/default/files/ITU%20PP14%20Issues%20Matrix%20October%2016.pdf> (дата обращения: 13.03.2015 г.).

34 Круглов Д. А. Международно-правовые аспекты использования космических технологий в деле предупреждения и преодоления последствий бедствий // Вестник Российской государственной академии гражданской авиации. — М.: РУДН, 2014. — № 3. — С. 262.

35 Стратегический план МСЭ на 2012–2015 годы был принят в 2010 году Полномочной конференцией в Гвадалахаре (Мексика).

При этом ожидаемые изменения в сфере электросвязи/ИКТ потребовали соответствующего планирования в принятом на 2016–2019 гг. новом Стратегическом плане³⁶.

Основными целями, поставленными на 2016–2019 гг. перед МСЭ, являются: предоставление доступа к электросвязи/ИКТ, расширение и увеличение использования электросвязи/ИКТ; сокращение цифрового разрыва и обеспечение широкополосной связи для всех; решение проблем, связанных с развитием электросвязи/ИКТ; управление изменяющейся средой электросвязи/ИКТ, совершенствование ее и адаптация к ней.

Согласно имеющимся оценкам, к 2025 г. ИКТ могут оказывать глобальное экономическое воздействие, исчисляемое триллионами долл. США. Годовая экономическая выгода мобильного интернета к 2025 г. составит в глобальном масштабе от 3,7 до 10,8 трлн долл. США. Доведение уровней проникновения широкополосной связи на формирующихся рынках до существующих сегодня в Западной Европе уровней может добавить в ВВП 300–420 млрд долл. США и создать 10–14 млн рабочих мест. По оценкам экспертов, мобильное здравоохранение может дать развитым странам экономию в размере 400 млрд долл. США в 2017 г. и за пять лет спасти миллион жизней в странах Африки к югу от Сахары. По оценкам экспертов, 2,5 млрд людей в мире не пользуются банковскими услугами. Для многих стран финансовые услуги на базе ИКТ предоставляют возможность добиться финансового охвата малоимущих слоев населения.

Невзирая на этот стремительный рост в доступе к электросвязи/ИКТ и в их использовании, около 4,4 млрд людей – почти 2/3 населения мира – все еще лишены регулярного доступа к сети Интернет. Наряду с этим 92% населения 49 стран, определенных ООН как наименее развитые страны (в которых в общей сложности проживают около 890 млн человек), все еще не имеют доступа к самым большим и ценным библиотеке и рынку мира на регулярной основе. 53% населения развивающихся стран живут в сельской местности, поэтому проблема развития в области инфраструктуры, связанная с подключением этих людей к высокоскоростному Интернету, является довольно острой.

В этом контексте надо подчеркнуть существенную помощь, которую МСЭ оказывает государствам в постконфликтный период (например, Палестине, Ливану и Ираку)³⁷. Согласно Уставу и Конвенции МСЭ одной из его целей является укрепление мира и безопасности во всем мире в интересах развития международного сотрудничества и улучшения взаимопонимания между народами, поэтому вышеуказанным государствам оказывается помощь в развитии современной и надежной сети электросвязи ввиду наличия определенных сложностей в их создании. Так, Палестина до сих пор нуждается в воссоздании институтов сектора электросвязи, разработке законодательства и нормативно-правовой базы в области электросвязи, включая план нумерации, управление использованием спектра радиочастот, разработке тарифов и развития людских ресурсов, а также всех других форм помощи. При этом Палестина является наблюдателем МСЭ и участвует во

всех конференциях, ассамблеях и собраниях МСЭ с наличием определенных дополнительных прав³⁸. Таким образом, учитывая опыт других международных организаций и специализированных учреждений ООН, например, таких как ЮНЕСКО, в которой Палестина является государством-членом с 2011 г., целесообразно учитывать данный опыт и рассмотреть возможность принятия Палестины в государства – члены МСЭ.

Ливан нуждается в восстановлении, развитии и обеспечении безопасности его сетей электросвязи (фиксированных и подвижных). Ирак – в восстановлении и переоснащении его инфраструктуры электросвязи и развитии технических навыков, в создании соответствующих учреждений в области ИКТ и развития людских ресурсов, а также оказании помощи в установлении соответствующих тарифов, создании и развитии людских ресурсов и потенциала путем организации, в случае необходимости, программ профессиональной подготовки на территории Ирака и за его пределами, с тем чтобы эксперты могли решить проблему нехватки квалифицированных кадров в ключевых областях, удовлетворяя запросы администрации Ирака в отношении необходимых технических специалистов и предоставления других форм помощи.

В данном направлении МСЭ не раз подчеркивал важность систем электросвязи для социально-экономического развития стран, в частности, находящихся в особо трудном положении, которые пострадали от внутренних конфликтов или войн³⁹, в связи с чем необходимо не только проводить оценку конкретных потребностей для каждой страны, но и координировать деятельность Секторов МСЭ для повышения эффективности предпринимаемых мер. В настоящее время такая политика проводится также в отношении Афганистана, Бурунди, Тимор-Лешти, Эритреи, Эфиопии, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Либерии, Руанды, Сьерра-Леоне, Демократической Республики Конго, Сомали, Южного Судана, в которых необходимо восстанавливать инфраструктуру электросвязи частично или полностью.

Существенную роль МСЭ играет и в отношении развития международного космического права. Только МСЭ принадлежит право распределять радиочастотный спектр, присваивать и регистрировать орбитальные позиции на геостационарной и других видах орбит. Также МСЭ обеспечивает спасение космонавтов посредством принятия радиостанциями сигналов о бедствии с помощью Глобальной морской системы для случаев бедствия и обеспечения безопасности, регулирует соотношение контроля за непосредственным телевизионным вещанием и предоставлением свободы его регулирования в рамках регионального и национального законодательства, регулирует вопросы эксплуатации служб и станций радиосвязи, а также спутников в случае обнаружения вредных помех и установление международной ответственности за их причинение.

МСЭ определяет следующие проблемы, которые предстоит решить в 2016–2019 гг.:

– *цифровой разрыв между мужчинами и женщинами*. В развивающемся мире на 16% меньше женщин, чем мужчин, пользуются Интернетом (в развитом мире этот показатель составляет лишь 2%), что говорит о том, что во многих странах женщины переходят к онлайн-деятельности медленнее и позже, чем мужчины. Это имеет серьезные последствия для

36 Стратегический плану МСЭ на 2016–2019 годы // Заключительные акты Полномочной конференции. – Пусан, 2014. Решения и Резолюции МСЭ, 2015.

37 См.: Резолюция 125 (Пересм. Пусан, 2014 г.) Помощь и поддержка Палестине в восстановлении ее сетей электросвязи; Резолюция 159 (Пересм. Пусан, 2014 г.) Помощь и поддержка Ливану в восстановлении его сетей электросвязи (фиксированных и подвижных); Резолюция 193 (Пусан, 2014 г.) Поддержка и помощь Ираку в восстановлении его сектора электросвязи.

38 См.: Резолюция 99 (Пересм. Пусан, 2014 г.) Статус Палестины в МСЭ.

39 См. Резолюция 34 (Пересм. Пусан, 2014 г.) Помощь и поддержка странам, находящимся в особо трудном положении, в восстановлении их секторов электросвязи.

возможностей женщин пользоваться Интернетом для доступа к информации и развития основных навыков работы с электросвязью/ИКТ, необходимых для участия и деятельности в сегодняшней цифровой экономике;

– *защита наиболее уязвимых групп населения.* Во всем мире наиболее активными пользователями электросвязи/ИКТ являются молодые люди, при этом они уязвимы в отношении новых форм рисков, представляемых электросвязью/ИКТ, в особенности когда они не готовы решать эти проблемы и недостаточно защищены законодательством⁴⁰. Молодые люди, и в особенности дети, сталкиваются в интернете с целым рядом рисков, включая детскую порнографию, совращение, «киберзапугивание», воздействие вредного контента и нарушения неприкосновенности частной жизни. По данным обследования журнала «Consumer Reports», в 2011 г. 1 млн детей подвергались преследованию, угрозам или другим формам киберзапугивания на интернет-сайте «Facebook». В последних инициативах по защите ребенка в онлайн-среде основное внимание уделяется не только борьбе с рисками и их снижению, но и расширению прав и возможностей молодых людей, чтобы они могли активно участвовать в гражданской и общественной жизни в онлайн-режиме ответственным и этичным образом как «цифровые граждане». Для комплексных мер по защите и расширению прав и возможностей необходим подход с участием многих заинтересованных сторон, при котором был бы задействован широкий круг правительственных и неправительственных участников;

– *электросвязь/ИКТ и изменение климата.* Отрасль электросвязи/ИКТ играет ключевую роль в решении проблемы изменения климата, но на нее также приходится от 2 до 2,5% глобальных выбросов парниковых газов, или 1 гигатонна двуокиси углерода (CO₂) ежегодно. По оценкам экспертов, на персональные компьютеры и другие устройства конечных пользователей приходится около 40% выбросов парниковых газов от ИКТ, тогда как на сети электросвязи и центры обработки данных приходится, соответственно, 24 и 23%. Международное энергетическое агентство (МЭА) отмечает, что на связанное с ИКТ потребление уже приходится более 5% общего конечного потребления электроэнергии, а к 2022 г. суммарное потребление ИКТ может удвоиться, повысившись к 2030 г. в три раза по сравнению с 2010 г. Кроме того, только в 2013 г. на рынок было поставлено 67 млн тонн электрического и электронного оборудования, а в мире были утилизированы 53 млн метрических тонн электронных отходов. В то же время благодаря «умному» применению ИКТ можно добиться до 25% сокращения выбросов парниковых газов⁴¹. Также МСЭ внес свой вклад в использование информационно-коммуникационных технологий, для того, чтобы прервать цепочку вызванных болезнями чрезвычайных ситуаций, таких как передача вируса Эбола.

Различные международные организации, неправительственные объединения, гражданское общество, многонациональные компании, академические организации и фонды играют ту или иную роль во все усложняющихся среде/секторе электросвязи/ИКТ. Так, новая стратегия Группы Всемирного банка в области электросвязи/ИКТ направлена на оказание помощи развивающимся странам в использовании ИКТ для преобразования предоставления базовых услуг, содействия инновациям и повышению производительности, а

также укрепления конкурентоспособности. Другие возникающие инициативы, такие как партнерство государственного и частного секторов и многих заинтересованных сторон, способны внести значительный вклад в изменяющуюся среду/сектор электросвязи/ИКТ. Ввиду этого большое значение для будущей среды/сектора электросвязи/ИКТ будет иметь сотрудничество различных существующих и новых участников.

Заметны изменения и в финансировании деятельности МСЭ: на 2012–2015 гг. бюджет МСЭ составил 654, 889 тыс. швейцарских франков, на 2016–2019 гг. его планируется снизить до 635 704 тыс. швейцарских франков за счет мер, направленных на сокращение расходов (экономия за счет естественного снижения численности персонала, проведение полностью безбумажных мероприятий/собраний/конференций, рассмотрение вопроса об экономии в лингвистических службах, уменьшение затрат, связанных со служебными командировками, путем разработки и применения критериев сокращения путевых затрат и т.д.).

В целом для МСЭ, как специализированного учреждения ООН, достигаемы все части света. МСЭ вносит существенный вклад распространение средств ИКТ по всему миру и признает главенствующее значение прав человека, включая право на свободу мнений и их выражения, в том числе свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, а также право не подвергаться произвольному вмешательству в частную жизнь.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Киотский протокол: слово за Россией // Обозреватель. — 2003. — № 12.
2. Круглов Д. А. Международно-правовые аспекты использования космических технологий в деле предупреждения и преодоления последствий бедствий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. — М: РУДН, 2014. — № 3.
3. Международное космическое право: учебник / Под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2014.
4. Право международных организаций / Под ред. А. Х. Абашидзе. — М., РУДН, 2014.
5. Резникова Н. П., Федорович Е. А. Анализ роли учредительных документов в деятельности Международного союза электросвязи // Российский внешнеэкономический вестник. — 2012. — № 5.
6. Солнцев А. М. Защита экологических прав человека: Учеб. пособие. 2-е изд. — М.: РУДН, 2015.
7. Lyall F. International Communications: The International Telecommunication Union and the Universal Postal Union, UK, 2013.

40 См.: Резолюция 179 (Пересм. Пусан, 2014 г.) Роль МСЭ в защите ребенка в онлайн-среде.

41 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Киотский протокол: слово за Россией // Обозреватель. — 2003. — № 12. — С. 77–83.

Бекашев Д. К.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ННН ПРОМЫСЛА

В статье рассмотрены действующие двусторонние акты Российской Федерации по предотвращению ННН промысла, перспективы развития дальнейшего сотрудничества по данной проблеме, а также двусторонние акты других государств по борьбе с ННН промыслом.

Ключевые слова: ННН промысел, Российская Федерация, двустороннее сотрудничество.

Bekeyashev D. K.

INTERNATIONAL LEGAL BASIS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S BILATERAL COOPERATION TO PREVENT IUU FISHING

The article describes the existing bilateral acts of the Russian Federation for the Prevention of IUU fishing, prospects of further cooperation on these issues as well as bilateral acts of other countries to combat IUU fishing.

Keywords: IUU fishing, Russian Federation, bilateral cooperation.

Бекашев Д. К.

Незаконный, несообщаемый и нерегулируемый промысел морских живых ресурсов (далее — ННН промысел) имеет место во всех районах Мирового океана, включая воды, на которые прибрежное государство распространяет свой суверенитет, а также воды, в которых оно осуществляет суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения живых ресурсов.

Развернутое определение ННН промысла дано в Международном плане действий по предупреждению, сдерживанию и ликвидации ННН рыбного промысла, одобренном Комитетом по рыболовству ФАО в 2001 г. Вкратце под ним понимается следующее:

незаконный — это промысел, осуществляемый рыболовными судами в нарушение применяемых международно-правовых и национальных правовых норм;

несообщаемый — это промысел, о котором не было сообщено или было сообщено неправильно в нарушение применяемых правовых норм;

нерегулируемый — это промысел, при котором не применяются никакие меры по сохранению и управлению морскими живыми ресурсами¹.

В Докладе Генерального секретаря ООН «Мировой океан и морское право», представленном на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в марте 2014 г., указывается на то, что метод ННН промысла, которым отлавливаются от 11 до 26 млн т. рыбы, еще больше подрывает усилия по управлению рыбным промыслом на рациональной основе и сохранению морского биоразнообразия, что часто приводит к крушению местного (маломасштабного) рыболовства. Эта практика оказывает неразумное давление на рыбные запасы, дикие морские организмы и ареалы распространения, нарушает нормы труда и деформирует рыночную конъюнктуру. Продукты, получаемые за счет ННН рыбного промысла, поступают на местные или иностранные торговые рынки, тем самым подрывая местную рыболовную экономику, лишая местные общины гарантированных поставок рыбы и угрожая средствам существования

рыбаков и других сторон, заинтересованных в рыбном секторе².

ННН промысел наносит серьезный ущерб экономике Российской Федерации. В ее исключительной экономической зоне и континентальном шельфе периодически ведут ННН промысел иностранные суда под «удобными» флагами (Белиза, Камбоджи, Грузии, Сингапура, Монголии, Панамы и др.). Нередко браконьерским промыслом занимаются также суда под российским флагом, в том числе в территориальном море и морских заповедниках. Уловы, добытые ННН промыслом, передаются иностранным судам или поставляются в порты Японии, Южной Кореи, Китая, Норвегии, Португалии, Испании и многих других стран для продажи.

Борьба с ННН промыслом — задача интернациональная. В разделе 10 Международного плана действий по предупреждению, сдерживанию и ликвидации ННН рыбного промысла 2001 г. содержится справедливое напоминание о том, что «государствам следует в полной мере выполнять соответствующие нормы международного права, в частности, как это предусмотрено в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в целях предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла». Искоренение этого негативного явления возможно только коллективными усилиями государств, международных организаций, хозяйствующих субъектов на основе норм и принципов международного права. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением ФАО о том, что «для эффективной борьбы с ННН промыслом большинству стран, включая развивающиеся страны, потребуется укрепить национальные механизмы осуществления контроля и обеспечения соблюдения законов и постановлений, предназначенных для обеспечения сохранения живых морских ресурсов и управления ими»³.

Российские рыбаки, к сожалению, среди лидеров по ННН промыслу в Дальневосточных морях, особенно по «сидячим» видам континентального шельфа. Достаточно привести лишь один пример. Суда под российским флагом в один только южнокорейский порт Донхе за период с 1 января 2010 г. по 7 февраля 2011 г. доставили 5297 т. краба. При этом было

1 Подробнее о понятии ННН промысла см.: Крайний А. А., Бекашев Д. К. А. Международные проблемы борьбы с ННН промыслом: политика и право. — М., 2012..

2 См.: Мировой океан и морское право. Доклад Генерального секретаря. Doc. A/69/71.21 March 2014. — С. 19—20.

3 The State of World Fisheries and Agriculture. 2010. FAO. Rome, 2010. — P. 109.

легально добыто и оформлено на вывоз из России всего 315 т. краба, что составляет менее 6% реально проданного в этом порту количества⁴.

По подсчетам ряда специалистов, стоимость мороженой рыбы, незаконно перемещенной за 15 лет из России на рынки Японии, КНР, Норвегии, составила 5,59 млрд долл. При этом осуществление такого объема легальных поставок позволило бы пополнить бюджет на 280 млн долл. в виде таможенных платежей. Стоимость ракообразных, перемещенных помимо таможенного контроля в Японию, Китай, Норвегию и США, оценивается в 8,92 млрд долл., а неуплаченные таможенные пошлины – в 892 млн долл. Суммарный объем рынка неучтенной морепродукции по двум основным категориям товаров составил 14,51 млрд долл.⁵

Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года, одобренная распоряжением Правительства 2 сентября 2003 г. (дополнена в 2008 г.), требует совершенствования системы государственного контроля, надзора, охраны водных биоресурсов и среды их обитания, усиления ответственности в целях предотвращения и пресечения браконьерства, нелегального производства рыбной продукции и вывоза рыбной продукции за рубеж, нарушений установленных правил рыболовства.

Концепция призывает активизировать международное сотрудничество Российской Федерации в сфере рыболовства, разумеется, и в области борьбы с ННН промыслом.

Такое сотрудничество состоит, прежде всего, в заключении двусторонних договоров в области борьбы с ННН промыслом и подписании иных актов. Очевидно, что двустороннее регулирование необходимо для более детального и конкретного регулирования отношений между двумя государствами по тем или иным вопросам. Указанные договоры являются более гибким инструментом правового регулирования и наиболее актуальными для договаривающихся стран. В свою очередь многосторонние международно-правовые акты зачастую содержат более общие программные положения либо отсылочные нормы. Несмотря на то, что заключение двусторонних соглашений не является всеобъемлющим решением всех соответствующих проблем, оно представляет собой эффективное средство, обеспечивающее более высокий уровень сотрудничества по предотвращению, сдерживанию и ликвидации ННН промысла.

Все двусторонние акты Российской Федерации по борьбе с ННН промыслом условно можно объединить в три группы.

В первую группу следует отнести двусторонние российско-иностранное соглашения по вопросам сотрудничества в области рыболовства, в которых, помимо прочего, предусмотрено сотрудничество и по вопросам борьбы с ННН промыслом.

Так в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сенегал о сотрудничестве в области рыболовства от 4 февраля 2011 г. — борьба с ННН промыслом живых морских ресурсов названа в числе основных направлений сотрудничества Сторон (ст. 2). Согласно ст. 8 этого Соглашения в целях борьбы с ННН промыслом Российская сторона обязуется оказать помощь структурам Республики Сенегал, ответственным за мониторинг в этой

сфере. Условия фактического осуществления такой помощи будут определены в протоколах Российско-Сенегальской Смешанной комиссии по рыболовству. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Никарагуа о сотрудничестве в области рыбного хозяйства, подписанное 9 февраля 2011 г. в Москве, определило, что стороны будут развивать сотрудничество, в частности, по вопросам предотвращения, предупреждения и ликвидации ННН промысла живых морских ресурсов (ст. 2).

Аналогичное предложение содержится в ст. 2. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия от 16 октября 2010 г. и Правительством Эквадора от 11 апреля 2012 г. о сотрудничестве в области рыбного хозяйства.

Во вторую группу следует отнести договоры, которые посвящены исключительно вопросам предотвращения ННН промысла.

В настоящее время Российская Федерация имеет следующие действующие договоры:

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов от 23 января 2009 г.;

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов от 30 января 2012 г.;

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла живых морских ресурсов от 6 февраля 2012 г.;

— Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами от 8 сентября 2012 г.

Все эти договоры были ратифицированы Россией и вступили в силу. Рассмотрим их подробнее.

Первым из таких двусторонних актов было подписано *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов*, подписанное в Сеуле 23 января 2009 г.⁶

Согласно документу под ННН промыслом понимается промысловая деятельность: проводимая национальными или иностранными судами в водах, находящихся под национальной юрисдикцией договаривающихся государств, в нарушение их законодательства; о которой не сообщалось или неправильно сообщалось компетентным органам Сторон, в нарушение законодательства обоих государств; проводимая в зоне действия соответствующей региональной организации по управлению рыболовством, участниками которой являются договаривающиеся государства, рыболовными судами под

4 Чеканников М. Вне икры // Российская газета. — 2011. — 10 марта.
5 Сухаренко А. Н., Туровец А. Е., Жернова М. В., Хренков О. В. Незаконный оборот водных биоресурсов на Дальнем Востоке как угроза экономической безопасности России: Монография. — Владивосток, 2014. — С. 21.

6 См.: Сборник международных конвенций и соглашений Российской Федерации по вопросам рыболовства / Науч. ред. К. А. Бекашев; под общей ред. А. А. Крайнего. Сост.: К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев, Е. С. Кац и др. — М., 2010. — С. 440–444.

флагом государства, не являющего участником этой организации.

В соответствии со ст. 3 Стороны в целях предотвращения, сдерживания и ликвидации ННН рыбного промысла взаимодействуют по вопросам, относящимся к:

а) импорту живых морских ресурсов, происходящих из государства одной Стороны, на территорию государства другой Стороны;

б) заходам рыболовных судов Сторон, перевозящих живые морские ресурсы из государства одной Стороны в порт государства другой Стороны для совершения торговли;

в) названию рыболовного судна Стороны, регистрационному (бортовому) номеру рыболовного судна Стороны, названию судовладельца, весу нетто (в тоннах) по каждому виду живых морских ресурсов, дате и порту выгрузки живых морских ресурсов, копии грузовых таможенных деклараций, представленных капитаном рыболовного судна Стороны, информации о доставленных в порт живых морских ресурсах;

г) нарушениям законодательства государств Сторон в области рыболовства рыболовными судами одной Стороны, которые ведут промысловую деятельность в морских районах государства другой Стороны.

Компетентные органы Сторон должны определить методы и порядок выгрузки живых морских ресурсов в порты, в которые рыболовные суда Сторон могут запросить вход в соответствии с Соглашением для выгрузки, упаковки или переработки живых морских ресурсов.

Каждая Сторона предоставляет другой Стороне список портов, в которые разрешается заход судов и выгрузка уловов.

Стороны разработали порядок оповещения о заходе судов в российские и южнокорейские порты. Он заключается в следующем.

Приморское территориальное управление Росрыболовства периодически направляет в пограничное управление ФСБ России по Приморскому краю список российских судов, получивших разрешение на добычу (вылов) водных биоресурсов во внутренних морских водах, территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации в северо-западной части Тихого океана. Такой список состоит из семи разделов, в которых приводятся следующие данные о судах на английском языке: название, владелец, типы, тоннаж, бортовой номер, название, номер ИМО.

Компетентные органы Республики Корея вправе отказать в заходе в порт судам под российским флагом. Например, такими основаниями являются: рыболовное судно не внесено в соответствующий список; судно запрашивает заход не в номинированный порт; судно не подало или подало с нарушением запрос на заход в порт; судно не имеет соответствующих документов от российских компетентных органов.

В случае запрещения захода судов компетентный орган Кореи незамедлительно уведомляет об этом решении компетентные российские органы.

Заход российских рыболовных судов в корейские порты для выгрузки и продажи морских живых ресурсов, выловленных в водах Российской Федерации, может осуществляться в специально перечисленных в Соглашении морских портах. В случае захода капитанам этих судов необходимо не позднее чем за 24 часа подать заявление руководителю Государственной службы по контролю за качеством морской продукции (либо лицу, осуществляющему соответствующие функции). Оно подается по установленной форме, в частности, в нём указываются название, тип судна, регистрационный номер, имя

судовладельца, дата захода, номер разрешения на вылов, информация о живых ресурсах и т.д. К заявлению прилагается таможенная декларация, выдаваемая компетентным органом Российской Федерации. Заявление составляется, как правило, на английском языке, но допускается также дублирование на корейском языке.

Одним из важных элементов обеспечения выполнения требований Соглашения является информационное взаимодействие компетентных российских органов. В целях определения основных задач информационного взаимодействия, перечня информации, подлежащей обмену, сроков ее передачи необходимо разработать межведомственный нормативный правовой акт. Как представляется, основными задачами информационного взаимодействия между компетентными органами Российской Федерации при реализации данного Соглашения могли бы быть: а) обеспечение мер, направленных на предупреждение и пресечение ННН промысла живых морских ресурсов; б) координация усилий компетентных органов РФ по выявлению и пресечению незаконной деятельности в сфере рыболовства; в) формирование условий для совместной реализации информации, связанной с ННН промыслом.

Стоит отметить, что в результате практической реализации положений этого Соглашения с марта 2014 г. прекращена поставка на внутренние рынки Республики Корея незаконно добытых морских ресурсов российского происхождения. По заявлению заместителя руководителя Федеральной пограничной службы РФ Ю. Алексеева, «объемы незаконных поставок российского краба и крабовой продукции в корейские порты, по сравнению с 2013 и 2012 гг., многократно сократились. Более того, под влиянием совместных с Росрыболовством инициатив Корея теперь вносит браконьерские суда-нарушители под «удобными» флагами, а так называемые черные списки региональных организаций по управлению рыболовством⁷.

В случае заходов судов под флагом Кореи в обозначенные в Соглашении порты Российской Федерации для экспорта морских живых ресурсов, выловленных в акватории Кореи, экспортёрам необходимо не позднее, чем за 24 часа до захода в порт, после завершения всех необходимых процедур для экспорта этих морских биоресурсов, подать главе контроля качества заявление на экспорт в соответствии с установленной формой.

При подаче заявления на экспорт морских биоресурсов, находящихся на рыболовных судах, необходимо приложить к нему сертификат экспортной декларации. Заявление, как правило, составляется на английском языке, но допускается также дублирование на корейском языке.

Вопросы выполнения данного Соглашения подробно обсуждаются на ежегодных сессиях Российско-Корейской комиссии по рыбному хозяйству. В частности, стороны обмениваются информацией о ходе практической реализации Соглашения.

Вторым двусторонним договором стало *Соглашение о сотрудничестве в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов*, заключенное между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики в Москве 30 января 2012 г.⁸

В преамбуле этого Соглашения Стороны признали необходимым принятие соответствующих мер в целях преду-

7 Егоров И. Охота на краба // Рос. Газета. — 2015. — 20 февраля.

8 Крайний А. А., Бекашев К. А. Международные проблемы борьбы с ННН промыслом: политика и право. — М., 2012. — С. 343–350.

преждения ННН промысла живых морских ресурсов, а также вывоза с территорий участников Соглашения или ввоза на их территории объектов живых морских ресурсов с нарушением законодательства Сторон.

Соглашение распространяется на внутренние морские воды, территориальное море, другие морские пространства в северо-западной части Тихого океана, в которых участники Соглашения осуществляют суверенные права и юрисдикцию в соответствии с международным правом, а также районы открытого моря, входящие в 61 статистический район ФАО.

В данном договоре дано следующее определение ННН промысла — это промысловая деятельность: во-первых, проводимая судами государств-участников и судами под флагами третьих стран в водах, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации и КНДР в нарушение их законодательства; во-вторых, о которой не сообщалось или неправильно сообщалось компетентным органам в нарушение законодательства обоих государств; в-третьих, проводимая в открытых водах или в зоне действия соответствующей региональной организации по управлению рыболовством, участниками которой являются РФ и КНДР, судами под флагом государства, не являющегося членом этой организации.

Под «сертификатом» в Соглашении понимается официальное письменное удостоверение уполномоченных на то компетентных органов на вывозимые с территорий обоих государств объекты живых морских ресурсов, добытых (выловленных) в морских районах, подтверждающие законность добычи (вылова) живых морских ресурсов.

В ст. 3 Соглашения определены следующие меры предотвращения ННН промысла: 1) привлечение необходимого личного состава компетентных органов, уполномоченных на охрану морских районов, патрульных судов, в необходимом количестве для контроля за сохранением живых морских ресурсов; 2) обеспечение гарантированного доступа компетентных органов, уполномоченных на охрану морских районов, к информации о названии судна, регистрационном и идентификационном номерах судна, международном позывном судна, имени судовладельца, другой информации, необходимой для идентификации судна, судовой роли; 3) направление представителей компетентных органов, уполномоченных на охрану морских районов, на суда, плавающие под флагами государств — участников Соглашения, которые ведут промысловую деятельность в морских районах; 4) обеспечение установки на судах, плавающих под флагами РФ и КНДР и занимающихся промысловой деятельностью, специальных технических средств по дистанционному контролю их местоположения; 5) предоставление компетентными органами, уполномоченными на охрану морских районов, друг другу информации в отношении юридических и физических лиц, ведущих промысел живых ресурсов с нарушением законодательства, действующего в каждом из государств, а также занимающихся вывозом (ввозом) объектов живых морских ресурсов с территории (на территории) государств — участников Соглашения.

Для достижения целей Соглашения компетентные органы (в т.ч. Росрыболовство) принимают следующие меры: а) предотвращение вывоза (ввоза) с территорий (на территории) РФ и КНДР объектов живых морских ресурсов, не прошедших процедуры, предусмотренные при вывозе (ввозе) законодательством каждого из двух государств; б) установление формы сертификата и определение компетентных органов, уполномоченных на передачу копии сертификата. Порядок выдачи сертификата определяется в соответствии с законода-

тельством, действующим в каждом из государств; в) обеспечение защиты сертификата от подделки.

Для легального вывоза с территорий обоих государств объектов живых морских ресурсов экспортеру на основании его письменного заявления компетентные органы выдают сертификат. Он действует в течение 3 месяцев с даты его выдачи и только для одной процедуры ввоза. Проформа сертификата приложена к Соглашению.

Компетентные органы, уполномоченные на выдачу сертификата, в течение 12 часов с момента выдачи экспортеру сертификата направляют друг другу его копию. Проверка оригинала сертификата обязательно включает проверку его подлинности. После этого компетентные органы информируют друг друга о результатах проверки и о принятом решении, о ввозе или запрете на ввоз объектов живых морских ресурсов на территорию своего государства.

Компетентные органы обоих государств принимают необходимые меры для запрета ввоза на территорию своего государства живых морских ресурсов в следующих трех случаях: а) если импортер не предъявит уполномоченному на то компетентному органу оригинал сертификата; б) если представленный импортером оригинал сертификата не соответствует копии сертификата, направленной уполномоченным на то компетентным органом через компетентные органы, уполномоченные на передачу копии сертификата; в) если представленный импортером сертификат не выдавался уполномоченным на то компетентным органом.

На сессиях смешанной комиссии РФ-КНДР по сотрудничеству в области рыбного хозяйства практически ежегодно российская сторона обращает внимание на многочисленные случаи ведения промысла в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе России большим количеством малоразмерных корейских судов, не имеющих разрешений на это. Кроме того, российская сторона обращает внимание корейской стороны, что принятые ею обязательства по реализации Соглашения по ННН промыслу выполняются не в полной мере. Отмечены факты поставки в порт КНДР Раджин краба российского происхождения без сертификата происхождения, выданного российской стороной. Россия рассматривает это как серьезное нарушение КНДР положений Соглашения по ННН промыслу и просит корейскую сторону принять незамедлительные меры по недопущению подобных фактов в дальнейшем.

Российская сторона обращает также внимание корейской стороны на необходимость доведения до сведения судов КНДР требований о неукоснительном соблюдении норм международного права и российского законодательства, регулирующих порядок ведения промысла в исключительной экономической зоне России.

Третьим двусторонним договором Российской Федерации явилось *Соглашение о сотрудничестве в области предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла живых морских ресурсов*, заключенное между правительствами Российской Федерации и КНР 6 февраля 2012 г. в Москве.

Стороны этого Соглашения осознали угрозу сохранению, рациональному использованию и регулированию живых морских ресурсов, обитающих в морских районах, вследствие их промысла с нарушением законодательства обоих государств.

Компетентные органы (в РФ — Росрыболовство, ФТС, ФСБ, МВД) в соответствии с законодательством Сторон принимают эффективные меры для предотвращения ННН промысла, которые включают: а) привлечение необходимых сил,

средств и ресурсов органов, уполномоченных на охрану морских районов, для контроля за сохранением живых морских ресурсов; б) обеспечение гарантированного доступа компетентных органов, уполномоченных на охрану морских районов одной из Сторон на суда другой стороны; в) обеспечение установки на судах под флагом государств Сторон, занимающихся промысловой деятельностью в морских районах, специальных технических средств по дистанционному контролю местоположения судна; г) взаимное предоставление компетентными органами, уполномоченными на охрану морских районов Сторон, информации в отношении юридических и физических лиц, ведущих промысловую деятельность и (или) занимающихся выловом морских живых ресурсов в морских районах с территории государств Сторон, об их причастности к ведению ННН промысла и (или) к незаконному вывозу живых морских ресурсов.

В соответствии со ст. 4 Соглашения компетентные органы в соответствии со своим законодательством принимают следующие меры: а) предотвращение вывоза (ввоза) с территории (на территорию) государств Сторон живых морских ресурсов, не прошедших процедуры, предусмотренные при ввозе (вывозе) законодательством государств Сторон; б) установление формы сертификата и определение компетентных органов, уполномоченных на передачу копии сертификата.

Для вывоза с территории государств Сторон живых морских ресурсов экспортер обязан иметь сертификат, который действителен в течение 3 месяцев с даты его выдачи и только для одной процедуры ввоза.

В сертификате обязательно содержатся следующие данные: номер, Ф.И.О. импортера или наименование юридического лица; наименование судна, его идентификационные данные, а также порт назначения; наименование живых морских ресурсов, поставляемых на вывоз; количество упаковок и общий вес (нетто) живых морских ресурсов, поставляемых на ввоз; наименование экспортера (для юридического лица), дата выдачи сертификата, печать компетентного органа и подпись должностного лица.

Компетентные органы, уполномоченные на выдачу сертификата, в течение 12 часов с момента выдачи экспортеру сертификата направляют друг другу его копии. Соглашение определяет процедуру проверки оригинала сертификата.

Компетентные органы двух стран уполномочиваются принимать необходимые меры для запрета ввоза на территорию государств Сторон живых морских ресурсов. В ст. 5 Соглашения указаны следующие три случая для принятия запрета, а именно, если: а) импортер не предъявит компетентному органу оригинал сертификата; б) представленный импортером оригинал сертификата не соответствует копии сертификата, направленной компетентным органом; в) представленный импортером оригинал сертификата не выдавался компетентным органом.

Практическое применение Соглашения 2012 г. уже выявило ряд серьезных проблем, связанных с толкованием его ключевых положений. Например, в п. 1 ст. 1 Соглашения «морские районы» определены как «внутренние морские воды, территориальное море, другие морские пространства в северо-западной части Тихого океана, в которых государства Сторон осуществляют суверенные права и юрисдикцию в соответствии с международным правом».

Вместе с тем при экспорте рыбопродукции российской рыбопромышленной компании ЗАО «РК "Сотра"» — синего палтуса мороженого, добытого в зоне Гренландии, компетентные органы КНР потребовали представить сертификат на

экспорт данной продукции. Оказалось, что текст Соглашения 2012 г. на китайском языке имеет существенные расхождения с текстом на русском языке. В частности, оговорка «другие морские пространства» в китайском варианте относится не только к западной части Тихого океана, а к любому другому району Мирового океана. Выявились также расхождения по некоторым видам живых морских ресурсов.

Четвертым (и последним на данный момент) двусторонним договором является *Соглашение о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами*, заключенное между правительствами России и Японии во Владивостоке 8 сентября 2012 г.

В преамбуле Соглашения Стороны констатировали, что вылов некоторых живых ресурсов в северо-западной части Тихого океана, осуществляемый в нарушение законодательства РФ, и вывоз этих живых ресурсов без прохождения в соответствии с законодательством РФ необходимых процедур существенно угрожают сохранению, рациональному использованию и управлению этими живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана. Стороны осознали необходимость принятия каждой из Сторон в пределах законодательства своего государства административных мер в целях предотвращения вылова некоторых живых ресурсов в северо-западной части Тихого океана в нарушение законодательства государств-Сторон и вывоза за пределы государств-Сторон.

В целях реализации Соглашения компетентные органы РФ (Росрыболовство, ФСБ, ФТС и МВД) в соответствии с законодательством принимают эффективные меры контроля вылова живых ресурсов. Такие меры включают: а) привлечение предусмотренных законодательством РФ необходимых сил, средств и ресурсов для контроля за сохранением живых ресурсов; б) обеспечение гарантированного доступа компетентных органов к информации о названии судна, типе, регистрационном и идентификационном номерах судна, международном позывном судна, названии судовладельца, судовой роли; в) обеспечение установки на российских судах, осуществляющих рыболовство и морские ресурсные исследования, технических средств контроля, обеспечивающих постоянную автоматическую передачу информации о местоположении судна, объеме находящегося на борту живых ресурсов и продукции морского рыбного промысла; г) предоставление коммерческим органам Японии информации в отношении лиц, осуществляющих рыболовство и занимающихся вывозом, об их причастности к ведению ННН промысла и незаконного вывоза живых ресурсов.

При ввозе экспортером живых ресурсов в Японию компетентный орган РФ выдает в установленном порядке экспортеру сертификат. После выдачи сертификата российские компетентные органы направляют компетентным органам Японии копии соответствующего сертификата и другую информацию.

При ввозе импортером в Японию живых ресурсов, являющихся объектом Соглашения, компетентные органы Японии допускают такой импорт в соответствии с законодательством Японии, если они подтверждают соответствие с любым из нижеследующих случаев: а) если данный импортер не представляет оригинал сертификата; б) если невозможно подтвердить, что оригинал сертификата соответствует форме сертификата, определенного в п. 3 ст. 6 Соглашения, или если в сертификате не отображены все данные, определенные в Приложении № 2 к Соглашению; в) если оригинал сертификата не выдан компетентным органом РФ.

Компетентные органы Японии принимают меры для предоставления компетентными органами РФ копий всех принятых ими сертификатов при ввозе импортером в Японию живых ресурсов, являющихся объектом Соглашения.

В Приложении № 1 приведен перечень живых ресурсов, являющихся объектом Соглашения. Приложение № 2 содержит данные, указываемые в сертификате: номер сертификата; наименование и подпись экспортера; наименование судна или номер рейса, идентификационный номер судна; вид продукции, ввозимой в Японию; количество и вид упаковки; количество и масса продукции; подтверждение данных компетентными органами РФ, уполномоченным на выдачу сертификата.

Выданный сертификат является действительным только для однократного ввоза живых ресурсов, осуществляемого в срок, не превышающий 3 месяцев со дня выдачи.

Для достижения Соглашения Стороны создали Комиссию, которая наблюдает и контролирует за исполнением и применением Соглашения; осуществляет обмен информацией относительно сохранения и управления живыми ресурсами; консультирует по вопросам толкования и исполнения порядка применения Соглашения.

Третью группу двусторонних актов России по борьбе с ННН промыслом составляют меморандумы о сотрудничестве.

Как известно, меморандумы не являются юридически обязательными документами. В них, как правило, закрепляется намерение сторон о заключении соглашений в конкретной области сотрудничества.

В настоящий момент действует два таких акта:

— Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады в области сотрудничества по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла 2012 г.;

— Меморандум о взаимопонимании между Федеральным агентством по рыболовству и Министерством сельского, лесного и рыбного хозяйства Королевства Камбоджи в области предупреждения ННН промысла живых морских ресурсов 2015 г.

Согласно Меморандуму о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады в области сотрудничества по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла, подписанному в Рейкьявике 3 июля 2012 г., в качестве базового упоминается принцип сотрудничества сторон в области борьбы с ННН промыслом⁹.

Участники Меморандума будут сотрудничать в области предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла судами, имеющими право плавать под флагом другой стороны, в том числе путем обмена необходимой информацией. Стороны будут стремиться содействовать проведению встреч между их должностными лицами, экспертами в области инспекции или других компетентных органов для обмена опытом и информацией с целью предупреждения и ликвидации ННН промысла.

Согласно ст. 4 каждый участник Меморандума будет уведомлять о портах, в которые могут запросить заход суда для осуществления деятельности, связанной с рыболовством. Для этого капитан рыболовного судна не менее чем за 3 дня

до даты предполагаемого захода обязан предоставить, по крайней мере, следующие сведения: название судна, тип судна, регистрационный (бортовой) номер, международные позывные, имя владельца, вес рыбопродукции по видам, копию разрешения на промысел. Эти данные немедленно будут сообщены компетентному органу государства флага для проверки. В случае расхождения представленной информации государство порта вправе провести инспекцию такого судна.

После захода судна в порт наблюдатели государства флага вправе проинспектировать судно. Если на борту судна будет обнаружена незаконно выловленная рыба, то такому судну не может быть выдано разрешение на выгрузку любой рыбы или пользование любыми портовыми услугами, кроме тех, которые необходимы для жизнеобеспечения или безопасности судна.

2 марта 2015 г. в Москве Росрыболовство и Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства Королевства Камбоджи подписали Меморандум о взаимопонимании в области предупреждения ННН промысла живых морских ресурсов.

В нем закреплено обоюдное стремление к укреплению дружественных отношений и развитию сотрудничества в сфере сохранения, управления и рационального использования живых морских ресурсов, а также намерение сторон определить условия сотрудничества в области предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла. Целью Меморандума является развитие сотрудничества в области противодействия ННН промыслу и разработка Соглашения о сотрудничестве в области противодействия ННН промыслу морских ресурсов.

Подписание Меморандума следует считать серьезным шагом в совместной борьбе двух стран с ННН промыслом. Многие суда, ведущие незаконный промысел в российских водах, плавают именно под флагом Камбоджи. Эта страна предоставляет так называемые «удобные» флаги, которые являются основными нарушителями. Так, в 2009 г. за различные виды нарушений, в основном связанных с незаконной добычей или транспортировкой крабов, в исключительной экономической зоне и территориальном море РФ пограничными органами задержано 75 судов под «удобными» флагами, большая часть которых приходилась на Камбоджу – 55 судов¹⁰.

После подписания данного Меморандума заработал механизм обмена документами по судам с флагом Камбоджи, которые были задержаны за ННН промысел в исключительной экономической зоне РФ. Права плавания под камбоджийским флагом уже лишились три судна с российским экипажем.

Кроме подписанных двусторонних актов Российской Федерации по борьбе с ННН промыслом, следует также отметить **перспективы заключения таких документов с другими странами.**

В частности, в течение ряда лет компетентные органы России и США работают над проектом Соглашения о сотрудничестве в целях предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла морских живых ресурсов. В этом документе будет отражен общий интерес сторон к сохранению, рациональному использованию, управлению и оптимальному использованию живых морских ресурсов.

9 Крайний А. А., Бекашев К. А. Международные проблемы борьбы с ННН промыслом: политика и право. — М., 2012. — С. 351—355.

10 Труфанов В. Т. Охрана морских биоресурсов пограничными органами России // Обеспечение экономической безопасности: региональный аспект. Сборник материалов научного семинара, 15 июня 2012 г. / Под общей ред. В. А. Номоконова, М. В. Жернового. — Владивосток, 2012. — С. 25.

В соответствии с проектом стороны намерены сотрудничать в целях предупреждения, сдерживания и ликвидации ННН промысла в морских районах, в которых любая из них обладает суверенными правами и юрисдикцией в отношении осуществления промысла в соответствии с нормами международного права, а также в районах открытого моря, подпадающих под действие международных соглашений в области рыболовства, участниками которых являются обе стороны.

Российская Федерация неоднократно выражала свое желание сотрудничать с Европейским союзом в области противодействия ННН промыслу. Российская сторона направила проект соглашения между РФ и ЕС о сотрудничестве в области предупреждения ННН промысла в Балтийском море. Однако предложенный РФ проект не устроил ЕС. До сих пор отсутствует окончательное решение по формату и содержанию данного документа.

Кроме того, в настоящее время Российская Федерация ведет переговоры с ЮАР, Намибией и другими странами о подписании меморандумов о сотрудничестве по предотвращению ННН промысла. Предполагается, что в скором времени они будут подписаны в установленном порядке.

Помимо международно-правовых основ сотрудничества Российской Федерации с другими государствами по борьбе с ННН промыслом интересно и полезно также рассмотреть аналогичное **сотрудничество других государств между собой**.

В частности, в октябре 2013 г. Республика Корея и КНР заключили *Соглашение о совместных действиях против незаконного промысла в общей рыболовной зоне*.

В соответствии с этим Соглашением будет пресечен заход китайских браконьеров в исключительную экономическую зону Республики Корея.

В Соглашении содержится перечень современных действий по пресечению ННН промысла. Стороны договорились «заморозить» квоты на добычу морских живых ресурсов в исключительных экономических зонах друг друга.

Стороны договорились о введении в 2015 г. так называемой автономной опознавательной системы. Она позволит компетентным органам Республики Корея идентифицировать и позиционировать положение китайских рыболовных судов. Кроме того, с 2015 г. стороны начнут проводить совместные инспекции рыбопромыслового флота в Желтом море.

В соответствии с Соглашением учреждены специальные пункты досмотра судов. На этих пунктах будет досматриваться количество морских живых ресурсов, добытых южнокорейскими и китайскими судами в общей промысловой зоне или в исключительных экономических зонах обоих государств.

11 июля 2012 г. в Токио Япония и Европейский союз подписали *Совместное заявление, касающееся борьбы с ННН промыслом*. В данном документе имеется ряд моментов, на которые стоит обратить внимание.

Стороны признали важным установление международного сотрудничества в интересах объединения международных сил в борьбе с ННН промыслом.

Кроме того, Япония и ЕС признали необходимым развитие сотрудничества в области предотвращения ННН промысла в арктических водах.

Япония и ЕС согласились осуществлять обмен информацией по вопросам ННН промысла на регулярной основе. Предполагается, что стороны разработают и утвердят план совместных действий по предотвращению ННН промысла.

В сентябре 2011 г. ЕС и США подписали *Заявление о совместных усилиях по противодействию ННН промысла*. В нем

отмечается, что ННН промысел представляет собой одну из наиболее серьезных угроз сохранению и устойчивому использованию живых биологических ресурсов Мирового океана. ЕС и США играют ключевую роль в коммерческой эксплуатации рыбной продукции как в качестве государства флага, так и в качестве государства рынка. Это накладывает серьезную ответственность на Стороны по защите морских биологических ресурсов и среды их обитания.

Согласно Заявлению ЕС и США намереваются: а) содействовать сохранению и устойчивому использованию морских живых ресурсов; б) поддерживать принятие эффективных инструментов на региональном и глобальном уровнях, создаваемых в целях противодействия ННН промыслу; в) поощрять усиление мер управления по контролю, мониторингу и соблюдению, принимаемых в региональных организациях по рыболовству посредством их Комитетов по соблюдению; г) признать, что эффективность применения принятых инструментов требует недопущения получения выгоды лицами, задействованными в осуществлении ННН промысла, от их незаконной деятельности; д) подчеркнуть важность международного сотрудничества в противодействии ННН промыслу; е) усилить и укрепить двустороннее сотрудничество в борьбе с ННН промыслом как на техническом, так и на функционально-политическом уровнях; ж) разработать эффективную систему оперативного обмена информацией в случаях, когда необходимо в режиме реального времени подтвердить или опровергнуть подозрения в причастности к ННН действиям и др.

По итогам рассмотрения международно-правовых основ двустороннего сотрудничества по борьбе с ННН промыслом можно сделать **следующие выводы**.

1. Заключение двусторонних актов по борьбе с ННН промыслом Российской Федерацией является относительно новым, но чрезвычайно важным явлением. Это объясняется, во-первых, развитием многостороннего сотрудничества государств по борьбе с данным негативным явлением, прежде всего, в рамках ФАО; во-вторых, общим сокращением морского биоразнообразия и запасов конкретных ценных видов морских живых ресурсов; в-третьих, крупными экономическими потерями России и других государств от ННН промысла; в-четвертых, пониманием важности сохранения запасов морских живых ресурсов для будущих поколений и продовольственной безопасности страны; в-пятых, укреплением России как мощной мировой державы.

2. Двусторонние договоры и иные акты Российской Федерации с другими государствами базируются на Международном плане действий по предотвращению, сдерживанию и ликвидации ННН рыбного промысла 2001 г. Цель таких соглашений заключается во взаимодействии в борьбе с данным негативным явлением, подрывающим запасы морских живых ресурсов и экономику стран.

3. Двусторонние соглашения Российской Федерации, в целом, затрагивают два блока проблем: а) борьба с ННН промыслом; б) предотвращение незаконной торговли живыми ресурсами.

По первому блоку основными технико-юридическим способами (или иначе — средствами) предотвращения ННН промысла являются:

- а) контроль за промыслом морских живых ресурсов;
- б) обеспечение гарантированного доступа компетентных органов к информации о названии, типе, регистрационном номере и позывных судна;

в) обеспечение установки на российских судах, осуществляющих рыболовство и морские научные исследования, технических средств контроля, обеспечивающих автоматическую передачу информации о местонахождении судна, объеме находящихся на его борту живых ресурсов, продукции рыболовного промысла на непрерывной основе;

г) предоставление компетентным органам всей имеющейся информации в отношении лиц, осуществляющих рыболовную деятельность и занимающихся вывозом живых морских ресурсов на территорию сторон, а также об их причастности к ведению ННН промысла.

Второй блок проблем связан с предотвращением незаконной торговли живыми морскими ресурсами. Так, при вывозе лицом, осуществляющим экспорт, морских живых ресурсов компетентный орган стороны соглашений, уполномоченный на выдачу сертификатов на основе письменной заявки экспортера (судовладельца или перерабатывающего предприятия) должен выдать такому лицу сертификат, подтверждающий законность происхождения вывозимых морских ресурсов. Этот документ должен предъявляться в порту выгрузки на территории стороны соглашения. Без данного сертификата продукция признается браконьерской и подлежит аресту, а судно – задержанию.

4. Несмотря на действие двусторонних соглашений в области борьбы с ННН промыслом, существуют проблемы в реализации их положений на практике. Однако стороны стремятся к устранению существующих нарушений и принимают для этого необходимые меры.

5. Сотрудничество России с другими странами осуществляется также на основе заключенных меморандумов. Они не являются международными договорами, однако имеют важное значение для сотрудничества государств и последующего заключения двусторонних договоров.

5. Российская Федерация, следуя рекомендациям ФАО, взяла курс на решительную борьбу с ННН промыслом и предполагает заключить соглашения и меморандумы о сотрудничестве в этой области с государствами, в водах которых занимаются промыслом суда с российским флагом, в порты которых они заходят для сдачи выловленной в российских водах рыбопродукции, а также со странами, суда которых осуществляют промысел в морских пространствах, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации. В связи с этим следует отметить, что сотрудничество России по указанным проблемам будет развиваться и расширяться, что, вне всякого сомнения, имеет положительную сторону.

6. Кроме Российской Федерации, другие государства и ЕС также заключают между собой двусторонние договоры и иные акты, которые направлены на те или иные аспекты борьбы с ННН промыслом. Данный факт позволяет предположить тесное взаимодействие государств перед общей для всех проблемой и опасностью – сокращением и истощением мирового запаса морских живых ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Крайний А. А., Бекашев К. А. Международные проблемы борьбы с ННН промыслом: политика и право. — М., 2012.
2. Мировой океан и морское право. Доклад Генерального секретаря. Doc. A/69/71.21 March 2014.
3. The State of World Fisheries and Agriculture. 2010. FAO. Rome. 2010.
4. Чеканников М. Вне икры // Российская газета. — 2011. — 10 марта.
5. Сухаренко А. Н., Туровец А. Е., Жернова М. В., Хренков О. В. Незаконный оборот водных биоресурсов на Дальнем Востоке как угроза экономической безопасности России: Монография. — Владивосток, 2014.
6. Сборник международных конвенций и соглашений Российской Федерации по вопросам рыболовства / науч. ред. К. А. Бекашев; под общей ред. А. А. Крайнего. Сост.: К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев, Е. С. Кац и др. — М., 2010.
7. Егоров И. Охота на краба // Рос. Газета. — 2015. — 20 февраля.
8. Труфанов В. Т. Охрана морских биоресурсов пограничными органами России // Обеспечение экономической безопасности: региональный аспект. Сборник материалов научного семинара, 15 июня 2012 г. / Под общей ред. В. А. Номоконова, М. В. Жернового. — Владивосток, 2012.

Дементьев А. А.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЗДУШНОМ ПРАВЕ

Международное воздушное право начало свое формирование с начала XX в. с появлением первых международных воздушных полетов. С того времени количество ежегодных международных полетов увеличилось многократно и продолжает расти с каждым годом. Сама отрасль претерпела множество изменений, развиваясь в течении более ста лет. В первой половине XX в. международное сообщество столкнулось с большим количеством проблем и ситуаций, которые приводили к причинению ущерба государствам, пассажирам, грузам и третьим лицам при выполнении международных полетов. Так начал свое становление один из важнейших институтов международного воздушного права – институт ответственности. В настоящей статье рассматриваются все основные этапы развития института ответственности в международном воздушном праве с 1919 г. по современный этап.

Ключевые слова: международное воздушное право, институт ответственности, Варшавская система, международные полеты и перевозки.

Дементьев А. А.

Dementyev A. A.

FORMATION OF INSTITUTE OF RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL AIR LAW

The international air law began its formation from the beginning of the XX century with the advent of the first international air flights. Since then, the annual number of international flights has increased many times and continues to grow every year. The branch itself has undergone many changes developing for more than a hundred years. In the first half of the XX century the international community faced many problems and situations which resulted in damage to the States, passengers, cargo and third parties in international operations. Thus began the formation of one of the most important institutions of international air law – the institute of responsibility. This article covers all the major stages of development of institute of responsibility in international air law from 1919 to the present stage.

Keywords: international air law, the institute of responsibility, the Warsaw System, international flights and transportation.

Международное воздушное право как самостоятельная отрасль международного права начинает формироваться после принятия Конвенции о регулировании воздушной навигации (далее – Парижская конвенция 1919 г.). Данная Конвенция в ст. 1 установила, что каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией и дала толчок к развитию воздушного национального законодательства во многих государствах¹.

С вступлением в силу Парижской конвенции 1919 г. любое воздушное судно, осуществлявшее влет в иностранное воздушное пространство без надлежащего разрешения, рассматривалось как нарушитель государственного суверенитета и норм международного права, что приводило к политической ответственности государства принадлежности указанного воздушного судна².

Конвенция о международной гражданской авиации, принятая в г. Чикаго (США) в 1944 г. подтвердила (ст. 1) положения о суверенитете государств над своим воздушным пространством и, таким образом, сохраняет режим ответственности государств за его нарушение.

Вопросы гражданско-правовой ответственности при выполнении международных полетов регулировались исключительно внутренним законодательством государств. Первым же универсальным документом, который содержал положения такой ответственности, стала Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (далее – Варшавская конвенция 1929 г.).

Работа над этой Конвенцией началась в 1926 г. по инициативе Франции. На созданной ею конференции государства рассмотрели проект конвенции и приняли ее часть, которая

посвящалась вопросам ответственности авиаперевозчиков. Кроме того, на конференции был создан рабочий орган под названием «Международный технический комитет юристов-экспертов» (далее – СИТЕЖА). Этому органу было поручено доработать Конвенцию с учетом рекомендаций государств – участников конференции.

СИТЕЖА доработал Конвенцию, и 4–12 октября 1929 г., на второй международной конференции по частному воздушному праву, была принята Варшавская конвенция 1929 г. Конвенция впервые установила ответственность перевозчика за ущерб, причиненный пассажиру, багажу или грузу.

В течение времени Варшавская конвенция 1929 г. переживала изменения и дополнения. В 1955 г. был принят Протокол об изменении Варшавской конвенции 1929 г. (Гаагский протокол 1955 г.), который вступил в силу 1 августа 1963 г.

Важным этапом в развитии режима ответственности перевозчика стало принятие Конвенции (дополняющей Варшавскую конвенцию 1929 г.) для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, осуществляемых лицами, не являющимися перевозчиками по договору (Гвадалахарская конвенция 1961 г.). Варшавская конвенция 1929 г., Гаагский протокол 1955 г. и Гвадалахарская конвенция 1961 г. образовали так называемую Варшавскую систему³.

Со временем Варшавская система начала отставать от реалий воздушных перевозок и в должной степени уже не могла обеспечивать права пассажиров и грузоотправителей. Исправлять саму Варшавскую систему, учитывая количество документов, из которых она состояла, было нецелесообразно. В результате в 1999 г. в городе Монреале (Канада) была принята новая Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (далее – Монреальская

1 Конвенция о регулировании воздушной навигации (Convention relating to the regulation of air navigation, Paris 1919, art. 1).

2 Тункин Г. И. Теория международного права / Под ред. Л. Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2006. – С. 339–382.

3 Дементьев А. А., Травников А. И. Проблемы института ответственности в международном воздушном праве // Закон и Право. – 2015. – № 5. – С. 131.

конвенция 1999 г.). Среди главных нововведений Монреальской конвенции 1999 г. следует отметить два обстоятельства: увеличение ответственности эксплуатанта воздушного судна и повышение тарифов, по которым выплачивается компенсация за ущерб, причиненный жизни и здоровью пассажиров, а также за ущерб, причиненный багажу и грузу. Особенностью Монреальской конвенции было также то, что она предполагает участие не только государств, но и международных организаций.

Важно отметить, что Монреальская конвенция, хоть и является по своей сути более современным аналогом Варшавской, тем не менее, не отменяет последнюю. Обе конвенции действуют параллельно. Такое решение было принято в результате того, что не все государства, в силу своих технических возможностей, в состоянии исполнять положения Монреальской конвенции 1999 г.

Говоря об ответственности в международном воздушном праве, стоит отметить, что речь идет не только об ответственности перевозчиков или государств и их органов, но и лиц, которые обеспечивают управление воздушным судном и обслуживание его в полете⁴. Приложение 1 к Чикагской конвенции 1944 г. определяет такое лицо как имеющее свидетельство лицо, на которое возложены существенные обязанности по управлению воздушным судном в течение летного времени. Другими словами, это летный экипаж или летный состав.

На сегодняшний день не существует каких-либо универсальных документов, которые были бы посвящены ответственности именно летного экипажа воздушного судна. Однако такие положения закреплены в различных конвенциях. Например, Варшавская конвенция 1929 г. закрепляет ответственность перевозчика за действия своих служащих и представителей. С другой стороны, п. 2 ст. 20 Приложения делает исключение из данного правила, закрепляя положение о том, что перевозчик не несет ответственности, если вред был причинен вследствие ошибки пилотирования, вождения воздушного судна или навигации⁵. Следует отметить, что данное положение подвергалось неоднократной критике со стороны государств-участников, так как подобная формулировка, по факту, исключала вообще чью-либо вину.

Ситуация изменилась после вступления в силу Гаагского протокола 1955 г., который в п. 1 ст. 14 закрепил возможность подачи иска о возмещении вреда против всего экипажа или отдельного его члена. Тем не менее Протокол ограничил верхний предел ответственности членов экипажа, который не должен превышать суммы ответственности перевозчика при тех же обстоятельствах. Пункт 3 ст. 14, однако, говорит о неограниченной ответственности экипажа, если был установлен факт умысла или небрежности⁶.

Вклад Варшавской конвенции 1929 г. в развитие института ответственности в международном воздушном праве невозможно переоценить. Благодаря ему в последующие годы были унифицированы многие другие правила, регламентирующие ответственность при выполнении международных полетов. В 1952 г. в Риме была принята Конвенция для унификации некоторых правил о возмещении вреда, причиненного ино-

странным воздушным судном третьим лицам на поверхности. Эта Конвенция закрепила ответственность эксплуатанта воздушного судна перед пострадавшими на поверхности земли (например, в случае падения воздушного судна).

Римская конвенция 1952 г. закрепила на универсальном уровне право эксплуатанта воздушного судна пользоваться правом регресса в отношении своих служащих.

Во второй половине XX в. международное сообщество столкнулось с новой проблемой, а именно – актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. В первую очередь речь шла о захватах и угонах воздушных судов.

Следует отметить, что в указанный период воздушные суда не угоняли с целью причинения вреда жизни и собственности людей или, тем более, для террористических целей. Воздушные суда использовались угонщиками для бегства из одной страны в другую. В качестве примеров можно привести неоднократные угоны воздушных судов с территории США в Южную Америку, Кубу или Европу⁷.

В связи с этим принята в 1963 г. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушного судна, не квалифицировала такие деяния как преступления.

Первым международным актом, который установил уголовную ответственность в международном воздушном праве, стала Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (далее – Гаагская конвенция 1970 г.). В ст. 1 Конвенция закрепляет определение лица, совершающего незаконный захват воздушного судна, следующим образом: лицо, которое незаконно, путем насилия или угрозы применением насилия, или путем любой другой формы запугивания, захватывает это воздушное судно или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, совершает преступление. Преступником также признается лицо, которое является соучастником лица, которое совершило преступление.

Крайне важным аспектом установления ответственности за угон воздушного судна являлось установление периода, в котором судно находится в полете. Статья 3 Гаагской конвенции 1970 г. устанавливает этот период с момента закрытия всех дверей судна после погрузки и вплоть до открытия одной из дверей для осуществления выгрузки. Причем вынужденная посадка сама по себе не является прекращением полета судна. Общий смысл статей 4–7 заключается в том, что договаривающиеся государства принимают на себя обязанность строго наказывать преступника (либо задержать его до выяснения всех обстоятельств дела) или выдать его государству регистрации воздушного судна.

Гаагская конвенция 1970 г. была по своему содержанию прогрессивной конвенцией для международного воздушного права. Однако ее минусом было то, что она закрепляла ответственность только за угон воздушных судов. Но угон был не единственным незаконным действием на борту воздушного судна или в его отношении. Поэтому уже в 1971 г. была принята Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (далее – Монреальская конвенция 1971 г.). Статья 1 Конвенции говорит о том, что лицо совершает преступление, если оно:

а) совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; или

б) разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете; или

4 Дементьев А. А. Ответственность экипажа воздушного судна // Молодые ученые ЕНУ и РУДН о современных проблемах международного права: Материалы II совместной международной научно-практической конференции ЕНУ и РУДН, 2 апреля 2014 г. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов, М. Ж. Куликпаева. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. – С. 93.

5 Конвенция об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, Варшава, 1929.

6 Гаагский протокол 1955 г. о поправках к Варшавской конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, Гаага, 1955.

7 Травников А. И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и право. – 2011. – № 5. – С. 104–107.

с) помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить такое воздушное судно или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; или

д) разрушает или повреждает аэронавигационное оборудование или вмешивается в его эксплуатацию, если любой такой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; или

е) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете.

Монреальская конвенция 1971 г. дублирует положения Гагской конвенции 1970 г. относительно периода нахождения воздушного судна в полете, но и добавляет новое понятие – «эксплуатация» воздушного судна, которая охватывает гораздо больший промежуток времени. Воздушное судно считается находящимся в эксплуатации с начала предполетной подготовки и до истечения двадцати четырех часов с момента любой посадки. Подобное положение распространяется и на вынужденные посадки.

Положения о непосредственном наступлении уголовной ответственности и обязанности государств наказать или выдать виновных полностью дублируют положения, которые закреплены в Гагской конвенции 1970 г.

Обобщить содержание Монреальской конвенции 1971 г. можно следующим образом: Конвенция закрепила положения об ответственности лиц за нанесение ущерба лицам и оборудованию на борту воздушного судна, который может привести к разрушению судна или угрожает безопасности полетов.

2 мая 2009 г. в Монреале были подписаны две конвенции о возмещении ущерба, причиненного воздушными судами третьим лицам. Одна Конвенция установила ответственность эксплуатанта воздушного судна за ущерб третьим лицам, причиненный воздушным судном, находящимся в полете, кроме случаев, когда такой ущерб был нанесен в результате совершения актов незаконного вмешательства в деятельность воздушных судов⁸. Вторая Конвенция установила ответственность эксплуатанта за вред, причиненный третьим лицам в результате актов незаконного вмешательства в деятельность воздушных судов⁹. Следует отметить, что вторая Конвенция создала Международный фонд гражданской авиации для возмещения ущерба, который берет на себя обязанности по выплатам компенсаций в случаях нанесения ущерба третьим лицам (Глава 3). По своей сути, этот фонд осуществляет страхование ответственности эксплуатанта воздушного судна.

Следующим этапом развития концепции уголовной ответственности в международном воздушном праве можно считать принятие Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (далее – Пекинская конвенция 2010 г.)¹⁰. Пекинская конвенция 2010 г. расширила положения, закрепленные в Монреальской конвенции 1971 г., с учетом современных реалий и угроз. Например, в п. г ст. 1 преступлением признается использование воздушного судна для транспортировки, высвобождения и

т.п. любого оружия БХЯ (биологического, химического или ядерного)¹¹.

Кроме того, в Пекине в 2010 г. был принят Протокол, дополняющий Конвенцию о незаконном захвате воздушных судов (далее – Пекинский протокол). Главной задачей Пекинского протокола было расширение перечня незаконных актов в отношении воздушных судов, которые признаются преступлениями.

Так, в п. 1 ст. 1 к лицам, признанными совершившими преступления, добавились лица, которые угрожают совершить преступление, закрепленное в п. 1 ст. 1 Монреальской конвенции 1971 г. и лица, провоцирующие подобные угрозы.

Кроме того, п. 3 ст. 1 добавил к этому перечню лиц, которые пытаются совершить такое преступление, организуют других людей или являются сообщниками в совершении преступления, а также помогают другому лицу избежать расследования, преследования и наказания за преступление.

В п. 4 ст. 1 государства обязуются также признавать преступными сговор для совершения подобных преступлений и содействие совершению преступления (не в качестве непосредственного соучастника)¹².

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что хотя выделение вопросов ответственности в международном воздушном праве в отдельный институт является дискуссионным, тем не менее этот большой массив международно-правовых норм требует глубокого анализа и проведения кодификации. Институт ответственности в международном воздушном праве прошел длинный путь становления и развития и продолжает развиваться на сегодняшний день. Существует целый ряд нерешенных проблем и вопросов, которые требуют комплексного обсуждения на международном уровне и скорейшего урегулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Травников А. И. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2011. – № 1.
2. Дементьев А. А. Ответственность экипажа воздушного судна // Молодые ученые ЕНУ и РУДН о современных проблемах международного права: Материалы II совместной международной научно-практической конференции ЕНУ и РУДН, 2 апреля 2014 г. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов, М. Ж. Куликпаева. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014.
3. Дементьев А. А., Травников А. И. Проблемы института ответственности в международном воздушном праве // Закон и Право. – 2015. – № 5.
4. Травников А. И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и право. – 2011. – № 5.
5. Тункин Г. И. Теория международного права / Под ред. Л. Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2006.

8 ICAO Doc 9919, Конвенция о возмещении ущерба, причиненного воздушными судами третьим лицам, Монреаль, 2009

9 ICAO Doc 9920, Конвенция о возмещении ущерба третьим лицам, причиненного в результате актов незаконного вмешательства с участием воздушных судов, Монреаль, 2009.

10 Абашидзе А.Х., Солнцев А. М., Травников А. И. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2011. – № 1. – С. 55–57.

11 Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_convention.shtml.

12 Протокол, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Пекин 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_protocol.shtml.

Аду Яо Никэз

РЕФОРМА АФРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ ПРОТОКОЛОМ О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОТОКОЛА О СТАТУТЕ АФРИКАНСКОГО СУДА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ОТ 27 ИЮНЯ 2014 Г.: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается реформа Африканского суда по правам человека и народов Протоколом о пересмотре Протокола о Статуте Африканского суда справедливости и прав человека от 27 июня 2014 г. Реформа Суда данным Протоколом вызывает большие сомнения относительно его компетенции, а также иммунитета глав государств и правительств и государственных чиновников при исполнении возложенных на них обязанностей.

Ключевые слова: реформа, протокол, Африканский суд прав человека и народов, Африканский суд справедливости и прав человека, юрисдикция, иммунитет глав государств, правительств и государственных чиновников.

Adu Y. N.

THE REFORM OF THE AFRICAN COURT ON HUMAN AND PEOPLES' RIGHTS BY THE PROTOCOL ON AMENDMENTS TO THE PROTOCOL ON THE STATUTE OF THE AFRICAN COURT OF JUSTICE AND HUMAN RIGHTS OF 27 OF JULY 2014: MYTH AND REALITY

The article is dealing with the reform of the African Court on Human and Peoples' Rights by the Protocol on the Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights. This reform has created disagreements among many peoples as concerned the jurisdiction of the Court and the immunity granted to Head of States and Governments and other officials.

Keywords: reform, protocol, African Court on Human and Peoples' Rights, African Court of Justice and Human Rights, jurisdiction, immunity of head of states and governments and officials.

Аду Яо Никэз

Защита прав, достоинства и основных свобод человека в современном мире является камнем преткновения каждого общества, стремящегося к стабильности, счастью своего народа и процветанию. В современном мире ответственность за такое понимание жизни в настоящее время всё больше берут на себя международные и, в частности, региональные организации, такие, как Африканский союз (АС), Европейский союз (ЕС) и Организация американских государств (ОАГ), которые создали механизмы по защите прав человека. В настоящее время в мире имеются три региональных суда по защите прав человека. Это Африканский суд по правам человека и народов, Европейский суд по правам человека и Межамериканский суд по правам человека.

Однако указанный процесс по созданию механизмов по защите прав человека не происходит без противостояния и противоречия различных противоборствующих в указанных регионах мира. Реформа Африканского суда по правам человека и народов является ярким примером подобного явления.

27 июня 2014 г. в Малабо, столице Экваториальной Гвинеи, в очередной раз Решением Ассамблей глав государств и правительств АС был принят Протокол, пересмотревший Протокол о Статуте Африканского суда справедливости прав человека (далее – Протокол 3). Принятие данного Протокола 3 является противоречивым: он не только демонстрирует желание африканских лидеров защищать права человека, но и вызывает большие разногласия между учеными, общественными деятелями и африканскими политиками.

История создания Африканского суда по правам человека и народов (далее – АСПЧН) такова. Он был создан в 1998 г. Протоколом о создании Африканского суда прав человека и народов¹ (далее – Протокол 1) к Африканской Хартии прав

человека и народов 1981 г.² (далее – АХПЧН). Протокол 1 вступил в силу в 2004 г. после ратификации 15 африканскими странами АС.

Следует отметить, что создание АСПЧН не противоречит существующим нормам АС и не отменяет действующую Африканскую комиссию по правам человека и народов, созданную Хартией для надзора за соблюдением её положений, поскольку ст. 66 АХПЧН гласит, что специальные протоколы могут быть приняты к ней при необходимости. В 2008 г. после назначения судей и принятия Правил процедуры АСПЧН начал свою работу по рассмотрению жалоб о предполагаемых нарушениях прав человека³.

В том же году, точнее 1 июля 2008 г., на очередной одиннадцатой Сессии глав государств и правительств АС, проходившей в Шарм-Ель-Шейхе в Египте, Протоколом о Статуте Африканского суда справедливости и прав человека⁴ (Протокол 2) было принято решение объединить АСПЧН с чуть позднее созданным Статутом АС Судом справедливости Панафриканской организации в 2003 г. В статье 2 Протокола 2 говорится, что АСПЧН, созданный Протоколом 1 к АХПЧН, и Суд справедливости АС, учрежденный Статутом Организации, объединяются в один Суд – Африканский суд справедливости и прав человека (далее – АССПЧ). Протокол 2 о создании АССПЧ должен был вступить в силу также после ратификации 15 африканскими странами – членами АС. Однако АССПЧ так и не был создан, поскольку до сих пор не набралось достаточное необходимое количество стран для его

1 Протокол о создании Африканского суда по правам человека и народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.au.int/en/content/protocol-african-charter-human-and-peoples-rights-establishment-african-court-human-and-peop>

2 Африканская хартия по правам человека и народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.au.int/en/content/protocol-african-charter-human-and-peoples-rights-establishment-african-court-human-and-peop>

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.african-court.org/en/index.php/2012-03-04-06-06-00/cases-status1>

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Statute%20ACJHR/ACJHR_Protocol.pdf

вступления в силу. На сегодняшний день только 5 государств ратифицировали Протокол 2: Бенин, Буркина-Фасо, Конго, Ливия и Мали⁵. Реформа Протоколом 2 предусматривает создание двух Палат: Палаты по общим делам АС и Палаты по делам прав человека⁶.

Причина данного объединения в данный момент не имеет никакой политической подоплеки, поскольку она носит чисто технический и финансовый характер. Во-первых, это позволило бы сократить количество органов АС и, во-вторых, снизить расходы, связанные с содержанием данных аппаратов. Таким образом, учитывая финансовое положение АС, которое по большому счету зависит от внешней помощи, данное решение о реформе АСПЧ представляется не только правильным, но и необходимым. Поэтому можно без преувеличения сказать, что данная реформа требуется **жизненной ситуацией в АС, т.е. реальностью**.

Однако, к сожалению, лидеры АС решили идти другим путём реформы на фоне разгара конфликта между Международным уголовным судом (далее – МУС) и АС. Заметим, что разногласия между АС и МУС появились в результате преследования нескольких африканских лидеров МУС⁷, и в частности выдачи ордера на арест действующего Президента Судана О. Аль Башира в 2008 г.⁸ Ситуация обострилась до такой степени, что некоторые африканские лидеры даже квалифицируют МУС как «расовую организацию», деятельность которой направлена против африканского народа. Они неоднократно заявляли свою озабоченность относительно работы МУС и в частности преследования африканских лидеров за нарушение международного гуманитарного права и прав человека, а также своё намерение создать собственный механизм по защите прав человека и соблюдению международного гуманитарного права и прав человека и дальнейшему отправлению правосудия в этой области. В этой связи некоторые африканские лидеры даже призывают все африканские страны – членов МУС денонсировать Римский статут и выйти из него. В конце концов Африканские лидеры превратили свою угрозу в действительность путем принятия Протокола о пересмотре Протокола о Статуте Африканского суда справедливости и прав человека (Протокол 3) 27 июля 2014 г. на Сессии глав государств и правительств в Малабо, столице Экваториальной Гвинеи⁹. Цель принятия Протокол 3, его структура и в частности компетенции будущего АСПЧ вызывают неоднозначное мнение среди правозащитников.

Протокол 3 включает в себя 3 главы, 12 статей и большое дополнение к основному тексту, представляющее собой Статут АСПЧ и являющееся составной его частью. В отличие от Протокола 2 предыдущей реформы, где АСПЧ имел две Палаты (см. выше), Протокол 3 предусматривает создание трёх Палат: Палаты по общим делам, Палаты по правам человека и Палаты по международным уголовным делам¹⁰. Однако Па-

лата по международным уголовным делам образуется тремя камерами: Пре-юрисдикционная (следственная камера), Суд (судопроизводство) и Апелляционная камера. Палаты по общим делам и по правам человека также могут при необходимости образовать несколько Камер¹¹.

АССПЧ состоит из 16 судей: 5 судей в Палате по общим делам, 5 по правам человека и 6 по международным уголовным делам (ст. 4 (3) Статута).

Главными органами АСПЧ являются: 1) Председательство, которое состоит из одного Председателя суда и двух его заместителей; 2) Кабинет обвинителя в составе одного Прокурора и его заместителя; 3) Секретариат, который возглавляет один секретарь и три его помощника и 4) Кабинет защиты, состоящий из главного адвоката¹².

Самым неординарным фактом является введение универсальной компетенции в работе АСПЧ. Согласно ст. 3 Протокола 3 Суд уполномочен рассматривать другие дела, в том числе апелляционные, переданные ему на основании любого соглашения между странами – членами АС, региональными экономическими объединениями или любыми международными организациями, признанными АС и/или на основании договора между ними¹³. Отсюда можно сделать вывод, что Суд имеет право рассматривать любое дело, переданное ему на основании международного соглашения между странами-членами или африканскими организациями и любыми международными организациями. Это означает, что не исключено, что в будущем в АСПЧ могут быть переданы дела, касающиеся двусторонних или многосторонних отношений между странами АС или их организациями, ЕС, Евразийской экономической интеграцией или любой международной организацией, и в связи с тем можно будет привлекать к уголовной ответственности граждан любой страны мира, членов этих учреждений, за их причастность к каким-либо международным правонарушениям, перечисленным в Статуте.

В Статуте устанавливаются следующие международные преступления, на рассмотрение которых Суд имеет юрисдикцию. Это – преступление геноцида, преступление против человечности, военные преступления, пиратство, терроризм, вербовка, коррупция, отмывание денег, торговля людьми, продажа наркотиков, ввоз токсических отходов, незаконная добыча природных ресурсов и преступление агрессии. Например, это означало бы, что в Деле Пробо-Коала в Кот д'Ивуаре¹⁴ все лица-участники могли попасть под юрисдикцию АСПЧ независимо от их гражданства. Это могло также коснуться и граждан России (экипаж), Швейцарии, Голландии, Англии (штаб-квартиры компании), Греции (страна флага корабля) и др.

Кроме того, этот список может быть расширен, если Ассамблея глав государств и правительств АС сочтет необходимым¹⁵. Список преступлений, которые входят в юрисдикцию АСПЧ, говорит сам за себя и свидетельствует об огромном скачке числа острых и деликатных дел, которые ожидает Суд и с которым он явно не справится. В качестве напоминания следует отметить, что даже юрисдикция МУС (Организации, в которую входят богатые страны мира и платят регулярно взносы) распространяется только на четыре преступления:

5 Состояние о ратификации Протокол 2 на данном моменте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.au.int/en/sites/default/files/Protocol%20on%20Statute%20of%20the%20African%20Court%20of%20Justice%20and%20HR_o.pdf

6 Статья 19 Протокола 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL_STATUTE_AFRICAN_COURT_JUSTICE_AND_HUMAN_RIGHTS.pdf

7 Situations under investigations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situations%20and%20cases/Pages/situations%20and%20cases.aspx

8 First warrant of arrest issued by Pre-Trial Chamber I: 4 March 2009 and Second warrant of arrest issued by Pre-Trial Chamber I: 12 July 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situations%20and%20cases/situations/situation%20icc%200205/Pages/situation%20icc-0205.aspx

9 Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.au.int/en/content/protocol-amendments-protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights>

10 Статья 6 (1) Статута АСПЧ.

11 Статья 9 Статута.

12 Статья 2 Протокола 3.

13 Юрисдикция Суда, ст. 3 (2) Статута.

14 В 2006 г. в Абиджане, столице Кот д'Ивуара, были брошены токсические отходы с борта греческого корабля под названием Пробо-Коала, арендуемого Компанией «Графигура», официально зарегистрированной в Голландии и Швейцарии и с финансовой базой в Англии, с экипажем, состоящим из российских граждан, спровоцировав гибель не менее 17 человек и интоксикацию более 100 000 человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fidh.org/IMG/pdf/FIDH-LIDHO-MIDH_Rapport_ProboKoala_avril2011.pdf

15 Статья 28А: Международная уголовная юрисдикция Суда.

преступление геноцида, военное преступление, преступление против человечности и преступление агрессии¹⁶. Несмотря на это, МУС с трудом справляется с задачей в связи с остротой и деликатностью дел, которые находятся на его рассмотрении. А его работа вызывает огромные разногласия, в частности со стороны самих африканских стран.

Учитывая финансовые трудности и нехватку инфраструктуры логистики АС, трудно представить, как будет работать будущий Суд.

Кроме того, статья 28Е предусматривает криминализацию неконституционного изменения (свержения) правительства (власти), то есть переворот. Данную статью можно только приветствовать, но в то же время эта идея, как нам кажется, является абсурдной, так как многие из действующих лидеров в Африке пришли к власти именно неконституционным путем. С другой стороны, её можно рассматривать как попытку некоторых лидеров сберечь свою власть, опасаясь переворота в любое время, несмотря на положения пунктов **d**, **e** и **f** данной статьи, согласно которым отказ передачи победителям выборов, изменения в конституции или внесение поправок к ней недемократическим путем и внесение изменений в Конституцию страны за 6 месяцев до выборов без согласия большинства политических лидеров могут быть рассмотрены как неконституционное свержение власти. Положение данной статьи 28Е, как и 28А, потребуют много комментариев, в которые мы не будем вдаваться.

Одной из самых громких статей Статута является статья 46А bis об иммунитетах действующих глав государств и правительств или любого лица, признанного в таком качестве, и других чиновников в связи с исполнением ими обязанностей, а также лиц, находящихся на службе при совершении перечисленных выше видов преступлений. Указанное положение противоречит не только самой реформе, но и самой сути международной защиты прав человека, потому что защита прав человека направлена непосредственно против произвола власти, иными словами, против государственных чиновников, которые используют свои служебные полномочия для совершения преступных действий в отношении простых граждан. Таким образом, вступление данной статьи в силу означало бы «карт-бланш» некоторым африканским лидерам для продолжения своих злодеяний, которые до сих пор приводят к гуманитарному кризису на африканском континенте.

Право подачи жалобы согласно Статуту имеют страны-члены, органы АС, организации, признанные АС, Прокурор, Совет мира и безопасности АС, а также индивиды, граждане стран АС, сделав заявление о возможности индивидуального обращения в Суд.

Из вышесказанного можно делать вывод о том, что реформа Протоколом 2 отражала реальность в целях оптимизации работы АССПЧ. Однако реформа Протоколом 3, несмотря на намерение африканских лидеров расширить ответственность лиц за совершение международных преступлений, представляет собой миф и нереалистична. Попытка африканских лидеров любой ценой избежать правосудия путем выхода из МУС или предоставления иммунитета главам государств и правительств, членам правительств и государственным чиновникам¹⁷ только может усугубить гуманитарную ситуацию в

Африке. Таким образом, можно уже сделать вывод о том, что нынешняя реформа АССПЧ ведет в тупик и не перспективна.

Пристатейный библиографический список

1. Аду Я. Н. Новые тенденции в развитии иммунитета высших должностных лиц государства в международном праве // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научной практической конференции. Москва, 10–11 апреля 2009 г. – М.: РУДН, 2010.
2. Аду. Я. Н. Международно-правовые проблемы обеспечения уважения прав человека, государственного суверенитета и принцип невмешательства во внутренние дела государства в условиях глобализации // Актуальные проблемы современного международного права. – Материалы ежегодной межвузовской научной практической конференции. Москва 9–10 апреля 2010, часть 1. – М.: РУДН, 2010.
3. Африканская хартия по правам человека и народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.au.int/en/content/protocol-african-charter-human-and-peoples-rights-establishment-african-court-human-and-peop>
4. Дело Пробо-Коала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fidh.org/IMG/pdf/FIDH-LIDHO-MIDH_Rapport_ProboKoala_avril2011.pdf
5. Протокол о создании Африканского суда по правам человека и народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.au.int/en/content/protocol-african-charter-human-and-peoples-rights-establishment-african-court-human-and-peop>
6. Римский Статут [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/ADD16852-AEE9-4757-ABE7-9CDC7CF02886/283503/RomeStatutEng1.pdf>
7. Состояние о ратификации Протокол 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.au.int/en/sites/default/files/Protocol%20on%20Statute%20of%20the%20African%20Court%20of%20Justice%20and%20HR_0.pdf
8. African Court on human and peoples' rights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.african-court.org/en/index.php/2012-03-04-06-06-00/cases-status1>
9. First warrant of arrest issued by Pre-Trial Chamber I: 4 March 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situations%20and%20cases/situations/situation%20icc%200205/Pages/situation%20icc-0205.aspx
10. Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.au.int/en/content/protocol-amendments-protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights>
11. Second warrant of arrest issued by Pre-Trial Chamber I: 12 July 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situations%20and%20cases/situations/situation%20icc%200205/Pages/situation%20icc-0205.aspx
12. Situations under investigations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situations%20and%20cases/Pages/situations%20and%20cases.aspx
13. Statute of the African Court on human and peoples' rights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Statute%20ACJHR/ACJHR_Protocol.pdf

16 Часть 2, статья 5 Римского Статута [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/ADD16852-AEE9-4757-ABE7-9CDC7CF02886/283503/RomeStatutEng1.pdf>

17 Об иммунитетах глав государств и правительств, см. Аду Я. Н. Международно-правовые проблемы обеспечения уважения прав человека, государственного суверенитета и принцип невмешательства во внутренние дела государства в условиях глобализации // Актуальные проблемы современного международного права. – Материалы ежегодной межвузовской научной практической конференции. Москва 9–10 апреля 2010, часть 1. – М.: РУДН, 2010. – С. 283–287. Аду Я. Н. Новые тенденции в развитии иммунитета высших должностных лиц государства в международном праве // Актуальные

проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научной практической конференции. Москва, 10–11 апреля 2009 г. – М.: РУДН, 2010. – С. 39–44.

Чуршина А. А.

РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ И ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ

Проведен сравнительно-правовой анализ положений, регулирующих правила об обязательном раскрытии информации по договору франчайзинга. Приведены нормы, регулирующие данные отношения в США, ряде стран Европейского союза, странах СНГ и России. Раскрыты процедуры, этапы и порядок раскрытия договора. Выработаны предложения по регулированию данного этапа заключения договора коммерческой концессии в России.

Ключевые слова: франчайзинг, коммерческая концессия, модельный закон, УНИДРУА, раскрытие информации.

Churshina A. A.

PRE-SALE DISCLOSURE AND PRE-CONTRACTUAL LIABILITY UNDER CONTRACT OF COMMERCIAL CONCESSION

Article shows comparative analysis of the legal provisions related to the rules on mandatory disclosure of franchise agreement. Article examines laws related to the franchise agreement in the United States, several countries of the European Union, Russia and CIS countries. The author describes all required conditions, steps and procedure of disclosure of information under the franchise agreement. In addition, the author proposes to implement new mandatory legislation in Russia related to disclosure of information.

Keywords: franchising, commercial concession, the model law, UNIDROIT, information disclosure.

Договор коммерческой концессии (франчайзинга) является достаточно новой правовой конструкцией. На практике и в литературе постоянно возникают вопросы, связанные с его правовым регулированием. На этапе заключения договора представляется весьма важным грамотное закрепление условия о расторжении договора и защиты профессиональной тайны франчайзера. Профессиональная тайна представляет собой более широкую концепцию, чем защита интеллектуальной собственности (патенты, авторское право, торговые марки и другое). В соответствии с ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под профессиональной тайной понимается информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности. Такая информация подлежит защите в случаях, если на эти лица федеральными законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации. В отношении предпринимательской деятельности, такая информация защищена в рамках ФЗ от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». В зарубежных странах, а частности в США, коммерческая тайна защищена в рамках Федерального единообразного закона о торговых секретах. Данный закон содержит следующую формулировку профессиональной тайны. Профессиональная тайна означает информацию, включающую формулу, рисунок, компиляцию, программу, девайс, метод, технику или процесс, которые: 1) представляют собой независимую экономическую ценность, действительную или потенциальную, и не являющуюся широко известной и не будучи легко созданной с помощью надлежащих средств другими лицами, кто может получить эту экономическую ценность при раскрытии информации о ней или ее использовании; 2) обладатель принял разумные меры чтобы обеспечить ее секретность. При раскрытии информации франчайзер должен специфицировать, предоставляется ли данная информация как профессиональная тайна, и приложить конкретный перечень информации, которая должна рассматриваться в качестве профессиональной тайны.

В Российской Федерации на законодательном уровне отношения по раскрытию информации в рамках договора коммерческой концессии напрямую не регулируются. Некоторые страны имеют специальное законодательство, посвященное данной теме: США, Канада, Мексика, Бразилия, Испания, Франция, Австралия, Китай, Малайзия, Индонезия и Северная

Чуршина А. А.

Корея. А. Д. Астремский отмечает, что «...рынок франчайзинга в Центральной и Юго-Восточной Европе всё еще существенно ограничен вследствие того, что в качестве важной составляющей прямых иностранных инвестиций франчайзинг ещё недостаточно понятен местным и центральным органам власти, так же как и местному деловому миру». В целом, он выделяет следующие проблемы: отсутствие адекватной законодательной базы; недостаток внутреннего капитала; ограниченный доступ к кредитам; политические риски внутри ряда стран. Одной из подобных проблем является отсутствие регулирования преддоговорного этапа регулирования франчайзинговых отношений. Для того чтобы выработать предложения по регулированию данных правоотношений на территории Российской Федерации, обратимся к опыту ряда зарубежных стран.

США

На преддоговорном этапе раскрытия информации (pre-sale disclosure) франчайзер обязан предоставить франчайзи подробную информацию о франшизе. В связи с широким развитием франчайзинга в США и необходимостью правового регулирования данных отношений, с середины 50-х годов XX в. стали появляться акты, регулирующие данные правоотношения. Первый акт был принят в Калифорнии в 1951 г. Федеральная торговая комиссия (ФТК) США еще в 1978 г. приняла Постановление № 436 «Требования о раскрытии информации, запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях предпринимательства», согласно которому владельцы франшизы обязаны предоставлять франчайзи документы, содержащие необходимую информацию о франшизе, предоставленную владельцем. Данное Постановление применяется на всей территории США и регулирует правоотношения на федеральном уровне. В соответствии с Постановлением франчайзи должен получить Документ по раскрытию франшизы (Franchise Disclosure Document), содержащий в себе 23 обязательных пункта, полностью характеризующие деятельность франчайзера и его фирмы. Постановление содержит в себе санкции за его нарушение в виде иска в размере 10 тысяч долларов США за каждое нарушение. Ряд штатов США приняли свои собственные законы, посвященный франчайзингу.

ФТК утвердила Положение о единообразных правилах предложения о продаже франшизы (далее UFOC) с целью упорядочить и унифицировать процедуру и форму предложения франшизы. Данное положение содержит в себе документ, устанавливающий порядок ознакомления потенциального

франчайзи с информацией о франчайзере-продавце, и приводит в обязательном порядке требуемый перечень такой информации. ФТК предполагает использование UFOC в качестве альтернативы Постановлению № 436, так как в нём содержится аналогичная трактовка всех основных понятий и определений в отношении франчайзинга. В настоящее время UFOC действует во всех штатах США, которые законодательно предусматривают раскрытие информации. Законы большинства штатов устанавливают, что раскрываемая информация должна регистрироваться, храниться, анализироваться и утверждаться соответствующими должностными лицами штата, а Постановление № 436 ограничивается только требованием о таком раскрытии информации, не детализируя процедуру его реализации. В некоторых штатах США требование о раскрытии информации содержится в законах о дилерских договорах, скопированных с федеральных законов об автомобильном дилерском франчайзинге и нефтесбытовой рыночной практике. Таким образом, они защищают франчайзи только в этих отраслях бизнеса. Но в отдельных штатах (Гавайи, Висконсин и др.) дилерство прямо отождествляется с франчайзингом, и франчайзеры в разных сферах предпринимательства так или иначе подпадают под требования законов о дилерских договорах. В некоторых штатах никакого собственного законодательства о раскрытии информации нет, и франчайзеры вынуждены считаться с требованиями Постановления № 436 ФТК только при заключении соглашений с франчайзи из других штатов.

После того как мы получили полную картину о необходимости предоставления информации в рамках франчайзинга, обратимся к анализу положительных и отрицательных моментов.

Безусловным преимуществом является возможность составления типового документа о раскрытии информации и применении его в качестве проекта, который в дальнейшем подвергается изменениям в зависимости от того, в какой юрисдикции будет заключён договор и какие специальные требования предъявляются к документам о раскрытии информации в конкретной стране. Большое количество франчайзеров в США используют формат международного мастер-франчайзинга в случае заключения международных контрактов. Мастер-франчайзинг – это форма франчайзинга, при которой франчайзер заключает основной франшизный контракт с субфранчайзером на определенной территории, в то время как последний (субфранчайзер) заключает франшизные контракты с различными франчайзи на данной территории.

Среднестатистический документ о раскрытии информации содержит в себе около 50 страниц, не включая приложения. С приложениями он составляет порядка 150 страниц, иногда может доходить и до 300 страниц. Таким образом, можно отметить, что это самый полный документ, затрагивающий все сферы, которые необходимо отразить. На данный момент не существует иной юрисдикции, в которой бы предъявлялись такие же жёсткие требования к документу о раскрытии информации. Указанное позволяет предполагать, что формат США будет удовлетворять почти всем требованиям законодательства любого государства.

Однако существует ряд аргументов против использования стандартного документа:

1. Необходимость изменения документа о раскрытии информации согласно специфике местного законодательства.

Даже 50-страничный документ, основанный на законодательстве США, не будет удовлетворять всем требованиям, предъявляемым в других странах. Например, в провинции Онтарио в Канаде существует требование, согласно которому предъявляется специальный порядок написания документа о раскрытии информации. Это означает, что такой документ нужно будет переписывать в любом случае. Специальные требования существуют и во Франции: должен быть представлен анализ рынка в виде краткого сообщения или исследования на тему условий для развития франчайзинга. В Китае необходимо представить детальное описание того, как франчайзер обслуживал по крайней мере 2 собственные компании в течение не менее одного года.

2. Необходимость изменения документа о раскрытии информации в зависимости от местных условий.

В зависимости от условий локального рынка некоторые положения о раскрытии информации должны быть прописаны более детально, а некоторые, наоборот, подлежат исключению. Например, п. 7 Документа о раскрытии франшизы предусматривает необходимость раскрытия оценки общей стоимости стартовых расходов, которые необходимо произвести франчайзи. Однако эти суммы будут варьироваться в зависимости от страны, в который предполагается открывать бизнес, и усредненные значения возможно представлять только для США, да и то не для всех штатов.

3. Необходимость раскрытия слишком большого объема информации.

В некоторых правовых системах или согласно региональному законодательству, возможно, будет предпочтительнее не раскрывать информацию заранее, или предоставить только небольшой документ, который будет соответствовать местному законодательству.

Тем не менее, на наш взгляд, представляется необходимым иметь такой документ, аккумулирующий в себе информацию о предлагаемой франшизе, который можно видоизменять в зависимости от требований того или иного законодательства.

В отличие от других стран, продавцы франшизы не должны подписывать Документ о раскрытии информации. Однако уполномоченное лицо франчайзера должно подписать документ, подтверждающий государственную регистрацию Документа о раскрытии информации и уведомление о подаче документов на регистрацию в 15 штатах, которое включает в себя личное подтверждение того, что представленная информация является достоверной. К Документу о раскрытии информации также необходимо приложить подписанные контракты и проверенные финансовые отчеты. Финансовые отчеты должны быть составлены сертифицированным аудитором и должны соответствовать Общим стандартам аудита США (U.S. Generally Accepted Auditing Standards) и общим принципам бухгалтерского учета США (U.S. Generally Accepted Accounting Principles).

Необходимо отметить, что регулирование преддоговорного этапа в рамках договора франчайзинга является наиболее детальным и сложным с точки зрения подготовки всей документации по сравнению с регулированием этого этапа в других странах (хотя суть договора остается неизменной). В случае заключения договора британским франчайзером, ему не нужно подготавливать такой объем документации. Достаточно раскрыть основную информацию, предусмотренную Кодексом этики Британской ассоциации франчайзинга. Таким образом, лицу, желающему продать франшизу в США, необходимо подготовить большой объем документации, который будет не только соответствовать федеральному закону, но и отвечать закону конкретного штата. Иногда в Великобритании высказываются мнения о необходимости специального регулирования франчайзинга на законодательном уровне. В Великобритании франчайзинг регулируется только в рамках Кодекса этики франчайзинга, который применяется только к членам Британской ассоциации франчайзинга, и не все франчайзеры являются её членами.

Отношения между франчайзи и франчайзером достаточно прозрачны в рамках регулирования законодательством США. Однако существует принципиальный недостаток преддоговорного раскрытия информации, а именно: любой такой документ будет стараться представить франчайзера в выгодном свете. Документ о раскрытии информации актуален только на тот день, когда он был написан, и в таком случае он является отправной точкой для потенциального франчайзи в проведении собственного исследования. Также большая часть той информации, которую требуется предоставить, может быть легко найдено юристом потенциального франчайзи. Предоставление такого документа делает франчайзи менее любопытным и заставляет полагаться на ту информацию, которую ему предоставил франчайзер. Одной из наиболее позитивных норм в рамках регулирования договора франчайзинга является так называемый период *cooling off* (Австралия, Франция и т.д.), который позволяет франчайзи после подписания соглашения подумать ещё и разорвать его (как правило, на это дается от 10 до 20 дней после подписания).

Таким образом, возникает вопрос, для чего необходимо такое жёсткое регулирование. По сути, франчайзер может составить документ о раскрытии информации так, что это будет ему очень выгодно. Чем грамотнее поработают его юристы, тем привлекательнее будет выглядеть документ о раскрытии информации. Таким образом, такие требования только ведут к удорожанию процедуры заключения договора и не всегда отражают актуальную картину покупаемой франшизы.

Европа

В Европейском союзе (состоящем из 28 стран), только 6 стран имеют специальное законодательное требование, предусматривающее обязательное раскрытие информации (Бельгия, Франция, Италия, Румыния, Испания и Швеция). Кроме того, существует несколько стран, законодательством которых предусмотрено общее правило «good faith», которое предусматривает необходимость раскрытия информации: Германия, Австрия, Португалия и Литва.

Информация, которая подлежит раскрытию согласно нормам, предусматривающим её раскрытие, может быть сгруппирована следующим образом:

- необходимость раскрытия основных положений будущего контракта;
- необходимость раскрытия определенной коммерческой информации.

Во вторую группу информации входит ряд положений, регулирующих экономические аспекты договора, позволяющие оценить финансовые и коммерческие риски. Их можно сгруппировать по следующим категориям:

- франчайзер и его сотрудники;
- система франчайзинга;
- существующая франчайзинговая сеть;
- определенные финансовые аспекты (например, требуемый размер инвестиций, обязательные платежи);
- анализ рынка (применимо не ко всем странам).

Обратимся к анализу основных положений преддоговорного раскрытия информации в конкретных странах ЕС.

Франция

Закон от 31 декабря 1989 г. № 89-1008 «О развитии коммерческих торговых предприятий и улучшении их экономического, правового и социального окружения (далее – Закон Дубена) был первым Европейским актом об обязательном раскрытии информации. Он применяется до того, как стороны подпишут договор, который включает в себя эксклюзивное или полуэксклюзивное право использовать торговое наименование, торговую марку или знак. Закон Дубена применяется к договору франчайзинга, согласно нему франчайзер наделяет франчайзи правом использовать торговую марку и фирменные вывески. В дополнении существует ряд полуэксклюзивных прав, предусматривающих такие положения, как ограничение конкуренции, наделение франчайзера правами только на определенной территории.

Согласно ст. 1 Закона Дубена документ, содержащий необходимую информацию, должен быть предоставлен франчайзеру за 20 дней до подписания договора. Никакие денежные средства не могут быть истребованы с франчайзи до истечения этого срока. Сфера действия данного закона не ограничивается территорией Франции и может применяться к франчайзинговым отношениям и за её пределами, при условии, что применимым правом является французское право. Необходимо раскрыть информацию о компании, её руководящем составе, банковскую информацию и общее представление о профессиональном опыте менеджеров компании. Также необходимо предоставить копии бухгалтерских документов за последние 2 года. Более того, необходимо предоставить подробную схему необходимых инвестиций и расходов, которые франчайзи должен произвести, чтобы начать работу. Считаем, что раскрытие такой информации является достаточно сложным в рамках международного франчайзинга, так как для франчайзера не составит труда подсчитать платежи, которые франчайзи должен произвести ему. Однако те затраты, которые франчайзи должен будет понести на территории своей страны, скорее будут известны ему, нежели партнеру из-за

рубежа (стоимость аренды торговых платежей, оплата услуг персонала и тому подобное). Также франчайзер должен предоставить анализ рынка как на территории всей страны, так и на региональном уровне. Большинство зарубежных франчайзеров пытаются бороться с требованиями представления анализа внутреннего рынка Франции, так как они не обладают достаточными знаниями в этой сфере и, таким образом, представленная ими информация может не соответствовать действительности. Обычно зарубежному франчайзи приходится обращаться к услугам третьей стороны с целью проведения анализа рынка, что позволяет им выполнить все условия по раскрытию информации. В законодательстве отсутствовало чёткое понимание: при любых ли нарушениях норм о раскрытии информации договор считается недействительным.

Однако Верховный суд Франции (Cour de cassation) установил, что соглашение будет аннулировано только в том случае, если пропущена или некорректна информация, которая существенно влияла на решение франчайзи о заключении договора. Были ситуации, в которых соглашения были аннулированы по причине нераскрытия определенной информации. Например, по причине неотражения в отчёте определенных финансовых трудностей компании и по причине нереалистичного бизнес-прогноза.

Бельгия

В истории своего законодательства Бельгия имеет тенденцию к предоставлению более слабой стороне в трехсторонних отношениях (например, в случае эксклюзивных дистрибуторских соглашений) большего уровня защиты. До февраля 2006 г. в Бельгии отсутствовало специальное законодательство, регулирующее преддоговорное раскрытие информации в рамках франчайзинга. Однако до принятия такого законодательства в Бельгии был пласт судебных решений, который устанавливал обязанность раскрытия информации. Данная обязанность была идентична концепции *culpa in contrahendo* немецкого права. Данное положение обязывает стороны раскрыть друг перед другом все основные материальные факты. В рамках франчайзингового соглашения это было применено судом как необходимость франчайзера раскрыть информацию о франчайзинговой системе и ожидаемой прибыльности франчайзинговой сети. Бельгийский закон о франчайзинге вступил в силу 1 февраля 2006 г. и называется «Об информации, необходимой в системе договоров торговых товариществ (в системе договоров франчайзинга) на преддоговорном этапе». Он применяется к так называемым коммерческим партнерствам (*commercial partnerships*). Коммерческое партнерство определяется как «соглашение между двумя сторонами, где одна сторона предоставляет другой использование коммерческой схемы, товарного знака, передачу ноу-хау и коммерческую или техническую поддержку». Большинство франчайзинговых систем могут быть описаны как коммерческое партнерство.

Данный закон увеличивает степень ответственности за преддоговорное раскрытие информации. Документ с информацией должен быть предоставлен франчайзи не позднее, чем за один месяц до подписания сторонами соглашения. Никакие платежи не могут быть взяты с франчайзера до тех пор, пока информация не будет раскрыта. Предусмотрены следующие последствия нарушения порядка раскрытия информации. Согласно ст. 5 вышеуказанного закона франчайзи может расторгнуть соглашение в течении двух лет, если не была раскрыта информация. Если какие-либо положения, содержащиеся в Договоре, не были раскрыты, то соответствующие положения в итоговом договоре не подлежат применению. Также необходимо предоставить информацию о рынке в данной сфере. Необходимость предоставления данной информации соответствует требованиям, предъявляемым к таким договором Луи Дубена. При заключении договора с зарубежным франчайзером последнему придётся заключать договор со сторонней организацией для проведения исследования рынка, при этом существует риск получить необъективную информацию.

Законодательством предусмотрены следующие последствия нераскрытия информации: франчайзи может расторгнуть договор в течение двух лет после его заключения, если документ о раскрытии информации не был предоставлен

франчайзи по крайней мере за месяц до заключения договора. Эта норма позволяет расторгнуть договор в любом случае. В литературе встречаются мнения о необходимости ограничить право франчайзи расторгнуть договор. Такое право может быть реализовано только в том случае, если франчайзи докажет, что он бы не заключил договор франчайзинга, если бы ему была предоставлена вся информация согласно положениям о раскрытии информации.

Италия

В Италии действует Закон № 129 «О франчайзинге», вступивший в силу 25 мая 2004 г., который регулирует определенные аспекты в области франчайзинга в Италии.

В отличие от требований, предъявляемых в Бельгии и Франции к раскрытию информации, нормы Италии не требуют предоставления положений контракта заранее. Достаточно предоставить франчайзи копию договора, которая содержит в себе ряд обязательных положений. За 30 дней до заключения договора франчайзер должен предоставить франчайзи проект договора вместе с документом о раскрытии определенной коммерческой информации. По запросу франчайзи франчайзер должен предоставить финансовые отчеты за последние три года. Также должна быть раскрыта информация в отношении торговых марок, на которые передаются права. Наряду с этим необходимо предоставить описание франчайзинговой модели. Кроме того, необходимо предоставить список франчайзи, входящих в данную франчайзинговую сеть (аналогично законодательству Бельгии и Франции). Подобно требованиям, содержащимся в ст. 3 UFDD, принятым Федеральной торговой комиссией, большинство вышеназванных требований применяются как к случаям заключения локальных, так и международных контрактов. Однако существует ряд исключений из общих положений. Зарубежные франчайзеры, которые приходят на рынок в первый раз, не должны исполнять требования по раскрытию информации. В каждом последующем случае заключения договора указанные исключения уже не могут применяться и необходимо выполнять требования о раскрытии информации.

В случае нарушения требований о раскрытии информации или предоставления ложной информации, другая сторона может потребовать аннулирования договора согласно ст. 1439 Гражданского кодекса и имеет право на компенсацию вреда. В случае аннулирования договора стороны должны вернуть друг другу полученную выгоду. Франчайзер будет должен вернуть стоимость платы за франшизу.

Испания

Франчайзинг в Испании регулируется Законом № 7/1996, касающимся коммерческой перепродажи и Королевским указом № 2485/1998. Также существуют определенные принципы, содержащиеся в Испанском гражданском кодексе и Коммерческом кодексе, которые применяются к франчайзингу. Королевский указ определяет франчайзинг следующим образом: компания (франчайзер) передает другому (франчайзи) право использовать в своей деятельности франшизу для продвижения определенных типов продуктов или сервисов, которые включают в себя использование общего знака и ноу-хау, коммерческую и техническую поддержку. Статья 62 Закона предъявляет к франчайзеру требование предоставить документ о раскрытии информации по крайней мере за 20 дней до заключения договора или оплаты франшизы. Такой документ должен быть в письменной форме, а информация, содержащаяся в нём, должна быть точной и правдивой. Любая информация, которая может повлиять на решение франчайзи заключить договор, должна быть раскрыта.

Согласно Королевскому указу (статья 3) необходимо раскрыть следующую информацию:

- регистрационные данные о франчайзере;
- размер капитала;
- описание история развития франшизы и её общее описание;
- франчайзер должен предоставить доказательства владения интеллектуальными правами.

Россия и страны СНГ

В настоящее время в России отсутствуют нормы, регулирующие преддоговорный этап франчайзинговых отношений. Предлагается принять такие нормы с учётом зарубежной практики, что позволит повысить как процент заключения сделок с иностранными партнерами, так и с национальными контрагентами. Предлагается разработать проект такого положения, включающий в себя позиции, которые должен раскрыть франчайзер в рамках преддоговорного этапа. За основу предполагается взять Модельный закон о раскрытии информации по договору франчайзинга УНИДРУА (Рим, сентябрь 2002 г.). Необходимо включить основные положения, предлагающиеся Документом о раскрытии информации в США.

Пристатейный библиографический список

1. Астремский А. Д. Тенденции современного развития франчайзинга в зарубежных странах и на постсоветском пространстве: Препринт. – М.: Издательство «Московский печатник», 2010.
2. Закон № 129 «О франчайзинге», 25.05.2004.
3. Закон от 31 декабря 1989 г. № 89-1008 «О развитии коммерческих торговых предприятий и улучшении их экономического, правового и социального окружения».
4. Модельный закон о раскрытии информации по договору франчайзинга УНИДРУА (Рим, сентябрь 2002 г.).
5. Положение о единообразных правилах предложения о продаже франшизы США.
6. Постановление № 436 «Требования о раскрытии информации, запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях франчайзинга», 1978 г.
7. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 29.07.2006. – № 165.
8. ФЗ от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Российская газета. – 05.08.2004. – № 166.
9. 10 DOC 51 1687/007 (legislative procedure)
10. Act of 7 July 1961 (amendment 13 April 1971) concerning the Unilateral Termination of Exclusive Distributorship Agreements.
11. Article 2 DOC 51 1687/007 Chamber of Representatives of Belgium 7 July 2005 Draft Bill of law governing pre-contractual information within the framework of commercial partnership agreements
12. Cass. Corn. 16 May 2000, LPA №48, 8 March 2001 and Cass. Corn., 6 May 2003, FFF Toute la franchise 2004, p. 25.
13. Cass. Corn., 10 February, 1998, Bull. Civ. IV n 71, confirmed by Cass. Corn., 7 July 2004, n 02-15950.
14. Commercial Court of Creteil, 9 May 2000, L Off. De la fr. № 30, p. 94.
15. Gary K. Duvall Pros and cons of using a Uniform International Franchise Disclosure Document, May 2013.
16. Manzoor I. How the Americans legislate while the UK continues to bask in self-regulation. p. 33–34 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sherrards.com/upload/files/manzoor_ishani_looks_at_the_big_differences_between_franchising_in_the_u.s.and_in_the_uk.pdf
17. Mark Abell Franchising in European Franchising – Law and Practice in the European Community, (Waterlow) 1991.
18. Paris court of appeal, 16 January 1998, Fr. Mag., April-May 1998, № 145, p. 19.
19. Sandrock S. P. Trade Secret Protection and the Terminated Franchise // Franchise Law Journal. – 1988. – Vol. 3.
20. The Uniform Trade Secrets by the Uniform Law Commission (ULC), 1979.

Белькова Ю. А., Габдрахманов Ф. В.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРИГОВОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ института назначения наказания по совокупности приговоров в уголовных кодексах стран СНГ. Отмечается, что при всей схожести назначения наказания по совокупности приговоров в странах СНГ, их правовое регулирование в уголовных кодексах имеет свои особенности. Так, присоединение наказаний закреплено в РФ, Кыргызской Республике; присоединение и сложение – в Украине, Республике Молдова; присоединение и поглощение – в республиках Таджикистан, Казахстан, Азербайджан и Беларусь; присоединение и сложение путем поглощения – в Республике Узбекистан. Несмотря на терминологические расхождения, правила назначения наказания по совокупности приговоров в странах СНГ объединены общей правовой платформой, в основе которой лежит принцип присоединения. Он реализуется в формах сложения (полного или частичного) и поглощения менее строгого наказания более строгим.

Ключевые слова: уголовное право, назначение наказания, Содружество Независимых Государств, совокупность приговоров

Belkova Yu. A., Gabdrakhmanov F. V.

LEGAL REGULATION OF IMPOSITION OF ACCUMULATIVE SENTENCE IN RUSSIA AND OTHER CIS STATES

The article presents a comparative analysis of imposition of accumulative sentence in criminal laws of the CIS states. It is noted that in spite of similarity of imposition of accumulative sentence in the CIS countries, its legal regulation in criminal laws has its own features. Thus, joining of punishments is recognized in Russia, the Kyrgyz Republic; joining and addition of punishments – in Ukraine, the Republic of Moldova; joining and absorption – in the republics of Tajikistan, Kazakhstan, Azerbaijan and Belarus; joining and addition by way of absorption – in the Republic of Uzbekistan. Despite terminological differences the rules on imposition of accumulative sentence in the CIS countries share a common legal platform which is based on the principle of joining. It is realized in the form of addition (total or partial) and absorption of less severe punishment by more severe one.

Keywords: criminal law, sentencing, the Commonwealth of Independent States, a set of sentences.

В судебной практике государств, входящих в Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), актуальной является проблема назначения наказания по совокупности приговоров, которая имеет место, когда осужденный после вынесения приговора, но до полного отбывтия наказания совершил новое преступление.

Практика применения данного института вызывает немало вопросов, возникающих вследствие их неурегулированности на законодательном уровне и относительной неопределенности самой нормы. Сложности обусловлены различным подходом правоприменителей к правилам назначения наказания по совокупности приговоров, исчислением предельного совокупного срока наказания, необходимостью присоединения различных видов наказаний и др.

На территории государств – участников СНГ вопросы назначения наказания по совокупности приговоров были урегулированы ст. 70 Модельного Уголовного кодекса 1996 г., согласно которой, если осужденный после вынесения приговора, но до полного отбывтия наказания совершил новое преступление, суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. Впоследствии данная формулировка закона нашла отражение в УК почти всех стран СНГ (ст. 70 УК РФ, ст. 73 УК Республики Беларусь, ст. 60 УК Республики Казахстан и др.).

Неотбытым наказанием следует считать весь срок назначенного наказания по предыдущему приговору при условном

Белькова Ю. А.

Габдрахманов Ф. В.

осуждении; срок, на который осужденный был фактически условно-досрочно освобожден от дальнейшего отбывания наказания; назначенное наказание, которое отсрочено в порядке ст. 82 УК РФ. Неотбытое по предыдущему приговору либо назначенное по новому приговору дополнительное наказание присоединяется к основному наказанию, назначенному по совокупности приговоров¹.

Следует учесть, что при условном осуждении засчитывается время нахождения лица под стражей в порядке меры пресечения². По смыслу ст. 70 УК РФ сложение условной и реальной меры наказания не допускается³.

В УК Российской Федерации и других стран СНГ прослеживается одинаковый концептуальный подход законодателей к вопросам установления нижнего и верхнего пределов срока или размера наказания по совокупности приговоров, присоединения дополнительных видов наказания. Так, оконча-

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 (п. 34) (с изм. от 2.04.2013) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=6516 (дата обращения: 30.06.2015).

2 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 июня 2014 г. № 82-Д14-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 3.

3 Обзор законодательства и судебной практики Вологодского областного суда за 1 пол. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=379 (дата обращения: 19.02.2014).

тельное наказание должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору⁴. Назначая окончательное наказание по двум приговорам в размере 2 лет лишения свободы, суд не учёл размер неотбытого наказания по предыдущему приговору, который составлял 2 года 6 месяцев лишения свободы⁵.

Верхний предел окончательного наказания зависит от вида наказания, а в РФ и Республике Казахстан, соответственно, от вида и категории преступлений. Если наказание не связано с лишением свободы, то оно не может превышать максимальных сроков или размеров, установленных Общей частью УК. Окончательное наказание по совокупности приговоров в виде лишения свободы может быть выше максимального срока наказания, предусмотренного статьёй Особенной части УК, и варьируется от 20 до 35 лет. Например, в Республике Молдова при назначении окончательного наказания по совокупности приговоров наказание в виде лишения свободы не может превышать 30 лет для совершеннолетних и 15 для несовершеннолетних (ст. 70)⁶. В Республике Казахстан окончательное наказание по совокупности приговоров в виде лишения свободы не может превышать двадцать пять лет. Если совокупность приговоров включает в себя приговор, которым лицо признано виновным в совершении хотя бы одного особо тяжкого преступления, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двадцати лет, то окончательное наказание по совокупности приговоров в виде лишения свободы не может превышать тридцать лет (ст. 60 УК 2014 г.)

В России максимальный срок лишения свободы по совокупности приговоров в случае совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности и т.п. не может быть более тридцати пяти лет (ч. 5 ст. 56 УК).

На наш взгляд, необходимо различать присоединение и исполнение. По своей правовой природе они должны охватываться различными отраслями права (уголовным и уголовно-исполнительным), хотя в настоящее время регулируются уголовно-правовой нормой. Неотбытое дополнительное наказание по предыдущему приговору должно присоединяться со ссылкой на ст. 70 УК РФ или на аналогичные статьи УК стран СНГ. От этого зависит течение сроков погашения судимости и др. Полагаем, что правильно поступают те суды, которые присоединяют неотбытую часть дополнительного наказания, исполняемого самостоятельно. Так, Г. освободился из мест лишения свободы по отбытию срока наказания в виде лишения свободы. Дополнительное наказание в виде штрафа не отбыто. В связи с совершением разбоя он был осужден к 4 годам лишения свободы. По апелляционному представлению приговор в отношении Г. был изменен, в соответствии со ст. 70 УК РФ путем присоединения неотбытой части наказания по предыдущему приговору назначено окончательное наказание в виде 4 лет лишения свободы со штрафом в размере 2 500 руб. В со-

ответствии с ч. 2 ст. 71 УК РФ наказание в виде штрафа постановлено исполнять самостоятельно⁷.

В практике возникают вопросы, связанные с исчислением начала срока окончательного наказания, назначенного по совокупности приговоров. В соответствии с п. 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 (с посл. изм.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» срок отбывания окончательного наказания, определенного по правилам ст. 70 УК РФ, исчисляется со дня постановления последнего приговора с зачетом времени содержания под стражей по этому делу в порядке меры пресечения или задержания⁸.

Страны СНГ при назначении наказания по совокупности приговоров обычно применяют правила поглощения менее строгого вида наказания более строгим или полного или частичного сложения наказаний. Поглощение менее строгого вида наказания более строгим применяется, когда одним из приговоров назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь (республики Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Азербайджан, Беларусь). В Республике Узбекистан поглощение наряду с полным или частичным сложением наказаний применяется и случае осуждения по одному из приговоров к длительному сроку лишения свободы, который устанавливается на срок свыше 20, но не более 25 лет (ст. 50, 60 УК).

Статьёй 85 УК Республики Молдова предусмотрено, что если одним из приговоров назначено наказание в виде пожизненного заключения, при сложении наказаний окончательным наказанием является пожизненное заключение⁹. Указывая на сложение наказаний, законодатель фактически применяет поглощение менее строгого более строгим наказанием.

Правило о поглощении наказания при совокупности приговоров применяется и в судебной практике России. Так, Стягов в период условно-досрочного освобождения от наказания совершил ряд преступлений, одно из которых особо тяжкое (убийство трех человек). По совокупности преступлений он был осужден к пожизненному лишению свободы, а на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров ему окончательно назначено пожизненное лишение свободы¹⁰. С., ранее осужденный к 16 годам лишения свободы, за совершение побега из-под стражи и ряда других тяжких и особо тяжких преступлений был осужден к пожизненному лишению свободы. На основании ст. 70 УК РФ путем полного присоединения наказания по приговору от 5 апреля 2002 г. окончательно назначено пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима¹¹. Суд указал формулировку в точном соответствии со ст. 70 УК РФ, но фактически применил правило поглощения.

4 Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007.

5 Обзор законодательства и судебной практики Ивановского областного суда за 2 квартал 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oblsud.ivanovo.ru/view.php?fn=content/suddoc/sudpraktika/uga2013_2 (дата обращения: 22.02.2014).

6 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Молдова (Общая часть) / В. Г. Бужор, В. И. Гуцуляк, И. А. Спыну. – Кишинэу: Независимый международный университет Молдовы, 2010.

7 Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=444&cl=1 (дата обращения: 6.04.2014).

8 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2013 года по делу № 46-013-5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=526046 (дата обращения: 20.10.2014).

9 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Молдова (Общая часть) / В. Г. Бужор, В. И. Гуцуляк, И. А. Спыну. – Кишинэу: Независимый международный университет Молдовы, 2010.

10 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.11.1013 по делу № 51-АП/13 – 42 сп // Документ размещен на сайте ВС РФ (дата обращения: 30.06.2015).

11 Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2009 г. № 21-П/09 // Документ размещен на сайте ВС РФ (дата обращения: 30.06.2015).

В УК Республики Беларусь предусмотрено, что при совершении лицом, которому по приговору суда или в порядке помилования назначено пожизненное заключение, нового умышленного преступления, за которое назначено лишение свободы либо другое более мягкое наказание, вновь назначенное наказание поглощается пожизненным заключением (ст. 73 УК).

В практике нередко суды, указывая на один вид сложения, фактически применяют другой. Как следует из резолютивной части приговора, суд постановил назначить осужденному М. наказание на основании ст. 70, ч. 5 ст. 74 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного сложения, но фактически применил полное сложение. При таких обстоятельствах приговор в части назначенного М. наказания по совокупности приговоров на основании ст. 70 УК РФ изменен в сторону смягчения¹².

П. осужден за преступление, совершенное им 10.11.2013, то есть в период отбывания наказания по приговорам от 22.02.2013 и от 27.03.2013. Следовательно, наказание П. подлежало назначению только по правилам ст. 70 УК РФ путем частичного либо полного присоединения неотбытой части наказания как по приговору от 27.03.2013, так и по приговору от 22.02.2013 с зачетом в срок наказания времени содержания П. под стражей по приговору от 27.03.2013. Суд первой инстанции при постановлении обжалуемого приговора, правомерно применив положения ст. 70 УК РФ, ошибочно указал об определении окончательного наказания путем применения принципа сложения наказаний, предусмотренного при назначении наказаний по правилам ст. 69 УК РФ (совокупности преступлений), в связи с чем приговор в данной части изменен¹³.

Вывод. При всей схожести назначения наказания по совокупности приговоров в УК Российской Федерации и других стран СНГ, их правовое регулирование имеет свои особенности. Так, присоединение наказаний закреплено в РФ, Кыргызской Республике; присоединение и сложение – в Украине, Республике Молдова; присоединение и поглощение – в республиках Таджикистан, Казахстан, Азербайджан и Беларусь; присоединение и сложение путем поглощения – в Республике Узбекистан. Несмотря на терминологические расхождения, правила назначения наказания по совокупности приговоров в странах СНГ объединены общей правовой платформой, в основе которой лежит принцип присоединения. Он реализуется в формах сложения (полного или частичного) наказания или поглощения менее строгого наказания более строгим.

Предлагается дополнить ст. 70 УК РФ частью 6 следующего содержания:

«6. Если одним из приговоров назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь либо вновь назначенное или неотбытая часть наказания равны максимальному сроку лишения свободы, предусмотренному ч. 4, 5 ст. 56 настоящего Кодекса, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим».

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 № 2 (с изм. от 2.04.2013) «О практике назначения судами Российской Федера-

ции уголовного наказания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrfl.ru/Showpdf.php?Id=6516> (дата обращения: 30.06.2015).

2. Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=444&cl=1 (дата обращения: 6.04.2014).
3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 июня 2014 г. № 82-Д14-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 3.
4. Обзор законодательства и судебной практики Вологодского областного суда за 1 пол. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.vld.sudrf.ru/modules.php?name=docum> (дата обращения: 19.02.2014).
5. Научно-практический комментарий к УК Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007.
6. Обзор законодательства и судебной практики Ивановского областного суда за второй квартал 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oblsud.ivanovo.ru/view.php?fn=content/suddoc/sudpraktika/uga2013_2 (дата обращения: 22.02.2014).
7. Комментарий к УК Республики Молдова (Общая часть) / В. Г. Бужор, В. И. Гуцуляк, И. А. Спыну. – Кишинэу, Независимый международный университет Молдовы, 2010.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2013 года по делу № 46-013-5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=526046 (дата обращения: 20.10.2014).
9. Комментарий к УК Республики Молдова (Общая часть) / В. Г. Бужор, В. И. Гуцуляк, И. А. Спыну. – Кишинэу, Независимый международный университет Молдовы, 2010.
10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.11.2013 по делу № 51-АПУ13 – 42 сп // Документ размещен на сайте ВС РФ (дата обращения: 30.06.2015).
11. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2009 г. № 21-П09 // Документ размещен на сайте ВС РФ (дата обращения: 30.06.2015).
12. Постановление Президиума Московского городского суда от 11 декабря 2009 года по делу № 44у-395/09 // Документ размещен на сайте Мосгорсуда (дата обращения: 11.03.2010).
13. Обзор судебной практики суда Чукотского автономного округа по уголовным делам за III квартал 2011 года // Документ размещен на сайте суда Чукотского автономного округа (дата обращения: 30.06.2015).

12 Постановление Президиума Московского городского суда от 11 декабря 2009 года по делу № 44у-395/09 // Документ размещен на сайте Мосгорсуда (дата обращения: 11.03.2010).

13 Обзор судебной практики суда Чукотского автономного округа по уголовным делам за III квартал 2011 года // Документ размещен на сайте суда Чукотского автономного округа (дата обращения: 10.02.2012).

Белозерова И. И.

СТАТУС ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье рассматривается понятие защитника в уголовном процессе Республики Казахстан, случаи обязательного участия защитника, порядок приглашения, назначения, замены защитника и отказа от защитника.

Ключевые слова: защита, полномочия защитника, ходатайство, адвокат.

Belozerova I. I.

THE STATUS OF THE PARTY'S DEFENCE COUNSEL IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article deals with the concept of party's defence counsel in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan. It also covers the mandatory participation of the party's counsel, invitation, appointment and replacement of the party's counsel as well as refusal from the party's counsel.

Keywords: defence, powers of the party's defence counsel, motion, advocate.

Белозерова И. И.

Понятие «адвокатура» берет свое начало от латинского понятия «advocatus», которое означает – призвать. Если обратиться к Римской империи, то можно найти упоминание о том, что адвокатами в то время называли родственников и друзей истца, которые приходили с ним в суд (сопровождали его).

Современное понятие «адвокат» трактуется иначе. Адвокат – это юрист, которому поручается оказание юридической помощи гражданам и организациям. Помимо адвоката, в уголовном процессе отдельных стран, в частности Российской Федерации, защиту может осуществлять защитник или представитель¹.

Что же касается Республики Казахстан, то в соответствии с УПК РК защитником является лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у лица с момента официального предъявления ему притязаний (подозрения или обвинения), связанных с фактом преступления.

В уголовном процессе республики Казахстан в качестве защитника выступает адвокат. При участии адвоката в уголовном процессе в качестве защитника наряду с ним по письменному заявлению свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного их защиту может осуществлять одно из следующих лиц: супруг (супруга) или близкий родственник, опекун, попечитель либо представитель организации, на попечении или иждивении которой находится подзащитный. Иностранные адвокаты допускаются к участию в деле в качестве защитников, если это предусмотрено международным договором Республики Казахстан с соответствующим государством на взаимной основе.

Адвокат вовлекается в уголовный процесс с момента получения лицом статуса: свидетеля, имеющего право на защиту; подозреваемого; обвиняемого; а также в любой последующий момент уголовного процесса.

Одно и то же лицо не может быть защитником двух свидетелей, имеющих право на защиту, подозреваемых, обвиняе-

мых, подсудимых, если интересы одного из них противоречат интересам другого.

Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты свидетеля, имеющего право на защиту, подозреваемого или обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного.

Статья 67 УПК РК определяет обязательное участие защитника в производстве по уголовному делу, если:

1) об участии защитника ходатайствуют подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный оправданный;

2) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный не достигли совершеннолетия;

3) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту;

4) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный не владеют языком, на котором ведется судопроизводство;

5) лицо подозревается, обвиняется в совершении преступления, за которое в качестве меры наказания могут быть назначены лишение свободы на срок свыше десяти лет, пожизненное лишение свободы либо смертная казнь;

6) к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному применено содержание под стражей в качестве меры пресечения или они принудительно направлены на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу;

7) между интересами подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, оправданных, один из которых имеет защитника, имеются противоречия;

8) в уголовном процессе участвует представитель потерпевшего (частного обвинителя) или гражданского истца;

9) при рассмотрении дела в суде участвует прокурор, поддерживающий государственное обвинение (государственный обвинитель);

10) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный находятся вне пределов Республики Казахстан и уклоняются от явки в органы уголовного преследования или суда;

11) заявлено ходатайство о процессуальном соглашении и его заключении.

Если при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 67 УПК РК, защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, оправданным,

¹ Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва, 2000. – С. 19.

их законными представителями, а также другими лицами по их поручению, орган, ведущий уголовный процесс, обязан обеспечить участие защитника на соответствующей стадии процесса, о чем им выносится постановление, обязательное для профессиональной организации адвокатов.

В тех случаях, когда участие избранного или назначенного защитника невозможно в течение длительного (не менее пяти суток) срока, орган, ведущий уголовный процесс, вправе предложить свидетелю, имеющему право на защиту, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному, оправданному пригласить другого защитника или принять меры к назначению защитника через профессиональную организацию адвокатов или ее структурные подразделения. Орган, ведущий уголовный процесс, не вправе рекомендовать пригласить в качестве защитника определенное лицо.

При задержании или заключении под стражу, если явка защитника, избранного подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, оправданным невозможна в течение двадцати четырех часов, орган, ведущий уголовный процесс, предлагает подозреваемому, подсудимому, осужденному, оправданному пригласить другого защитника, а в случае отказа принимает меры к назначению защитника через профессиональную организацию адвокатов или ее структурные подразделения.

Если в производстве по уголовному делу участвует несколько защитников, процессуальное действие, при котором необходимо участие защитника, не может признаваться незаконным из-за участия в нем не всех защитников соответствующего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного.

Адвокат вступает в дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, удостоверяющего его полномочия на защиту конкретного лица. Другое лицо, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 66 УПК РК, представляет документ, подтверждающий его право на участие в уголовном процессе в качестве защитника (свидетельство о браке, документ, подтверждающий родственные отношения с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным, оправданным, решения органов, осуществляющих функции по опеке и попечительству).

Подозреваемый, обвиняемый, подсудимый вправе в любой момент производства по делу отказаться от защитника. Такой отказ допускается только по инициативе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в присутствии участвующего в производстве по уголовному делу защитника либо защитника, назначенного в порядке, установленном ч. 3 ст. 67 УПК РК. Не принимается отказ от защитника по мотивам отсутствия средств для оплаты юридической помощи. Отказ оформляется в письменной форме или отражается в протоколе соответствующего следственного или судебного действия.

При подозрении лица в совершении преступления, за которое в качестве меры наказания могут быть назначены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, а также при принудительном направлении подозреваемого на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу отказ подозреваемого, обвиняемого от защитника не может быть принят органом, ведущим уголовный процесс.

Отказ от защитника не лишает лицо права в дальнейшем ходатайствовать о допуске защитника к участию в производстве по уголовному делу. Вступление защитника в процесс не влечет повторения действий, которые были к этому времени совершены в ходе расследования или судебного разбирательства.

Защитник обязан использовать все законные средства и способы защиты в целях выявления обстоятельств, опровергающих подозрение, обвинение или смягчающих ответственность подозреваемого, обвиняемого, и оказать им необходимую квалифицированную юридическую помощь.

Защитник вправе:

1) иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания наедине и конфиденциально без ограничений их количества и продолжительности;

2) собирать и представлять предметы, документы, сведения, а также иные данные, необходимые для оказания юридической помощи, которые подлежат обязательному приобщению к материалам уголовного дела;

3) участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных и процессуальных действиях, производимых с их участием или по их ходатайству либо ходатайству самого защитника;

4) заявлять отводы;

5) знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения и продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, уведомлением о прерывании сроков по делу, с протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого или самого защитника, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, а по окончании досудебного расследования – со всеми материалами, выписывать из него любые сведения в любом объеме, снимать копии с помощью научно-технических средств, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, и списка свидетелей обвинения, присутствовать при объявлении подозреваемому постановления о признании подозреваемым, квалификации деяния подозреваемого;

6) заявлять ходатайства, в том числе о принятии мер безопасности;

7) участвовать в предварительном слушании дела, судебном разбирательстве в суде любой инстанции, выступать в судебных прениях, участвовать в заседании суда при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам, при рассмотрении ходатайства о санкционировании меры пресечения судом, при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, при рассмотрении жалоб и ходатайств стороны защиты следственным судьей, при депонировании показаний;

8) знакомиться с протоколом судебного заседания, при этом вправе проставлять свои подписи в конце протокола, а при ознакомлении с частью протокола судебного заседания, проставляя подписи в конце этой части, и приносить на него замечания;

9) получать копии процессуальных документов, подлежащих вручению ему и его подзащитному;

10) возражать против незаконных действий (бездействия) лица, ведущего уголовный процесс, и иных лиц, участвующих в уголовном процессе, требовать внесения этих возражений в процессуальные документы;

11) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда и участвовать в их рассмотрении;

12) использовать любые другие средства и способы защиты, не противоречащие закону;

13) быть заблаговременно извещенным органом, ведущим уголовный процесс, о времени и месте производства процессуального действия с участием подзащитного, а также обо всех судебных заседаниях, связанных с рассмотрением жалоб

стороны защиты, ходатайств о применении меры пресечения, продлении срока содержания под стражей, депонировании показаний.

14) ходатайствовать перед следственным судьей о депонировании показаний свидетеля и потерпевшего;

15) ходатайствовать перед следственным судьей об истребовании любых сведений, документов, предметов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи и защиты интересов подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, имеющего право на защиту, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, в случаях отказа в исполнении запроса либо непринятия решения по нему в течение трех суток;

16) ходатайствовать перед следственным судьей о назначении экспертизы, если органом уголовного преследования в удовлетворении такого ходатайства было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трех суток;

17) опрашивать, в том числе с использованием научно-технических средств, лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах дела и ходатайствовать о приобщении полученных таким образом фактических данных к материалам дела;

18) получать на договорной основе заключения эксперта, специалиста по делу и ходатайствовать о приобщении таких заключений к материалам дела;

19) ходатайствовать перед следственным судьей о принудительном приводе в орган, ведущий уголовный процесс, ранее опрошенного им свидетеля, обеспечение явки которого для дачи показаний затруднительно.

В случаях правильного и полного исполнения своих процессуальных обязательств адвокат повышает эффективность принятой на себя защиты клиента.

Защитник не вправе: совершать каких-либо действий против интересов подзащитного и препятствовать осуществлению принадлежащих ему прав; вопреки позиции подзащитного признавать его причастность к уголовному правонарушению и виновность в его совершении, заявлять о примирении подзащитного с потерпевшим; признавать гражданский иск; отзываться поданные подзащитным жалобы и ходатайства; разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с обращением за юридической помощью и ее осуществлением.

Приведенный перечень прав и обязанностей защитника в уголовном процессе Республики Казахстан убедительно свидетельствует о наделении его законом большими возможностями влиять на процесс доказывания, осуществляя защиту клиента.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, с изменениями и дополнениями от 01.08.2015 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (принят 4 июля 2014 г.) № 231-V-ЗРК. Вступил в законную силу 01.01.2015 г.
3. ЗРК «Об адвокатской деятельности» от 5 декабря 1997 г. № 195. (с изменениями и дополнениями от 19.03.10 г.).

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межвузовском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН), Член Исполкома Российской ассоциации международного права, Член Всемирной ассоциации международного права, Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации, Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обозреватель». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. – член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. – член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казахстане и т.д.) опубликовано более 300 работ.

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А.Х. Абашидзе

А.Х. Абашидзе

Москва 2012

Кирилов А. С.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВОЗМЕЩЕНИЯ ГРАЖДАНАМ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу возмещения ущерба гражданам, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство в Российской Федерации и в Республике Таджикистан. Основное внимание автора в работе уделяется защите нарушенных прав человека, возрасту привлечения к уголовной ответственности, производству уголовно-процессуальных действий в Российской Федерации и в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: причинение вреда, контроль, права человека, ответственность, защита прав человека, причинение вреда, условия ответственности, вред, правоохранительные органы.

Kirilov A. S.

THE COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE COMPENSATION OF HARM CAUSED BY ILLEGAL ACTIONS OF BODIES THAT CARRY OUT CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The article is devoted to the comparative legal analysis of the compensation of harm caused by illegal actions of bodies that carry out criminal proceedings in the Russian Federation and in the Republic of Tajikistan. The author attracts the attention to the protection of the violated human rights, the age of criminal responsibility, the criminal proceedings in Russian Federation and in the Republic of Tajikistan.

Keywords: causing harm, control, human rights, responsibility, protection of human rights, causing the harm, conditions for the responsibility, harm, law enforcement agencies.

Кирилов А. С.

В современном мире возмещение гражданам ущерба, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, играет ключевую роль в развитии уголовно-процессуальной системы современных государств и в области защиты прав человека, и в восстановлении нарушенных прав этими органами. В разных странах мира возмещение ущерба гражданам, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, регулируется по-разному. В настоящее время во всех странах мира институт возмещения ущерба гражданам, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов, находится на этапе активного развития, ведь защита прав человека и восстановление в правах (в том числе возмещения причиненного ущерба) является обязанностью государства по отношению к своим гражданам и другим лицам, чьи права были нарушены. Так, например, в некоторых странах бывшего СССР возмещение ущерба гражданам, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, регулируется по-разному. В связи с этим большой интерес представляет законодательное регулирование в Республике Таджикистан, и в первую очередь необходимо обратить внимание на уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан, а также сравнить его с уголовно-процессуальным и иным законодательством Российской Федерации.

В Республике Таджикистан основания и условия возникновения права на возмещение вреда, в отличие от Российской Федерации, получили свое закрепление в отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса. Так, основания и условия возникновения права на возмещение вреда возникают в следствии, если вред причинен гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в медицинское учреждение, осуждения, применения принудитель-

ных мер медицинского характера. Возмещение государством осуществляется в полном объеме, независимо от вины дознавателя органа дознания, следователя, прокурора и суда. Также в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) закреплены случаи возникновения права на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Право на возмещение ущерба возникает при условии: освобождения задержанного или арестованного ввиду неподтверждения подозрения в совершении преступления; прекращения уголовного дела по следующим основаниям: при отсутствии события преступления; при отсутствии в деянии признаков преступления¹; при недоказанности участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для сбора дополнительных доказательств²; постановлении оправдательного приговора; изменении квалификации содеянного на статью закона, предусматривающую менее тяжкое преступление, с назначением по этой статье нового, более мягкого наказания, или исключения из приговора части обвинения и снижения в связи с этим наказания; отмены незаконного определения суда о применении принудительных мер медицинского характера.

Также отдельно прописано право на возмещение вреда в случае смерти гражданина. Так, согласно УПК РТ оно переходит к наследникам, а в части получения пенсий и пособий, вы-

1 Ст. 461 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530

2 Аб. 2, ч.1., ст. 234 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530

плата которых была приостановлена, – к тем членам его семьи, которые относятся к кругу лиц, обеспечиваемых пенсией по случаю потери кормильца. Необходимо обратить внимание на следующее положение УПК РТ, согласно которому вред не подлежит возмещению в том случае, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора способствовал наступлению указанных в части 1 настоящей статьи последствий. Однако самооговор, явившийся следствием применения к гражданину насилия, угроз и иных незаконных мер, не препятствует возмещению вреда. При этом факт применения незаконных мер должен быть установлен следственными органами, прокурором или судом³. Это положение вытекает из принципов уголовно-процессуального законодательства и является одним из ключевых условий возникновения права на возмещение ущерба, причиненного органами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Что касается ограничений, то к ним относятся случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или вынесенный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста или принятия закона, устранивающего уголовную ответственность или смягчающего наказание. Хотелось бы уделить отдельное внимание ст. 462 УПК РТ. Данная статья посвящена гражданину, который имеет право на возмещение вреда, и перечислен вред, который может быть возмещен. Так, согласно УПК РТ, гражданин имеет право на: возмещение имущественного вреда (заработка, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате незаконных действий, незаконно конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговоров или решения суда имущества, штрафов и процессуальных издержек, взысканных во исполнение незаконного приговора суда, сумм, выплаченных за оказание юридической помощи, и иных расходов); устранение последствий морального вреда; восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах⁴. Признание права на возмещение вреда возникает в результате принятия решения о полной или частичной реабилитации гражданина, суд, прокурор, следователь, орган дознания должны признать за ним право на возмещение вреда. Копия оправдательного приговора или определения (постановления) о прекращении уголовного дела, об отмене или изменении иных незаконных решений вручается либо пересылается заинтересованному лицу по почте. Одновременно ему направляется извещение с разъяснением порядка возмещения имущественного вреда и восстановления иных прав⁵. Размер имущественного вреда определяет судья, прокурор, следователь, орган дознания, запросив в необходимых случаях расчет от финансовых органов и социального обеспечения, после чего выносят постановление о производстве выплаты⁶. Что касается устранения последствий морального

иного вреда, то иски о компенсации в денежном выражении за причиненный моральный вред предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. По требованию лица, а в случае его смерти – по требованию его родственников судья, прокурор, следователь, орган дознания обязаны в срок до четырнадцати суток направить письменные сообщения об отмене незаконных решений правоохранительных органов по месту его работы, учебы или по месту жительства⁷. Также в отдельной статье прописано восстановление иных прав. Так, согласно ст. 467 УПК РТ он может заявить требование о восстановлении трудовых, пенсионных и жилищных прав производства выплат, а также о возврате имущества или его стоимости, и если такое требование не удовлетворено, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства. Отдельно прописаны и сроки о выплатах, так, согласно ст. 468, заявление о выплате может быть подано в течение трех лет с момента вынесения постановления о таких выплатах, заявление о восстановлении иных прав – в течении одного года, а в случае пропуска этих сроков они могут быть восстановлены следователем, прокурором или судьей.

В Российской Федерации правовую основу возмещения ущерба гражданам причиненного органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, составляют: Конституция РФ, в соответствии со статьями 52 и 53 которой права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба в полном объеме. Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. На этих положениях основывается институт возмещения гражданам ущерба, причиненного органами осуществляющими уголовное судопроизводство. На втором месте необходимо выделить международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией. В первую очередь это Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Наиболее частыми в практике РФ и ЕСПЧ по делам против России являются следующие нарушения или несоблюдения статей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: обязательство соблюдать права человека; право на жизнь; запрещение пыток; право на свободу и личную неприкосновенность; право на справедливое судебное разбирательство.

Основным законом, который регулирует возмещение ущерба гражданам, причиненного органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, является Гражданский кодекс РФ. Так, согласно ст. 1064 ГК вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред⁸. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. Согласно ст. 1070 ГК вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности,

3 Ст. 461 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530

4 Ст. 462 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530

5 Ст. 463 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530

6 П. 1. ст. 464 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530

7 Ст. 466 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530

8 Ст. 1064 Части второй Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://open.lexpro.ru/document/1024324>

незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ возмещается за счет казны РФ или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом⁹. Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, возмещается по основаниям и в порядке ст. 1069 ГК. Вред, причиненный при осуществлении правосудия (при рассмотрении и разрешении уголовных и гражданских дел) возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу¹⁰. Что же касается уголовно-процессуального законодательства, то Уголовно-процессуальный кодекс РФ установил условия и основания и порядок возмещения ущерба гражданам, причиненного правоохранительными органами Российской Федерации. Так п. 4 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ закрепил право для потерпевшего на возмещение в денежном выражении причиненного ему морального вреда. Размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства. Глава 18 УПК РФ закрепила право граждан на реабилитацию. Данная глава УПК РФ закрепила следующее: возмещение имущественного вреда; возмещение

морального вреда; обжалование решения о производстве вылат; восстановление иных прав реабилитированного.

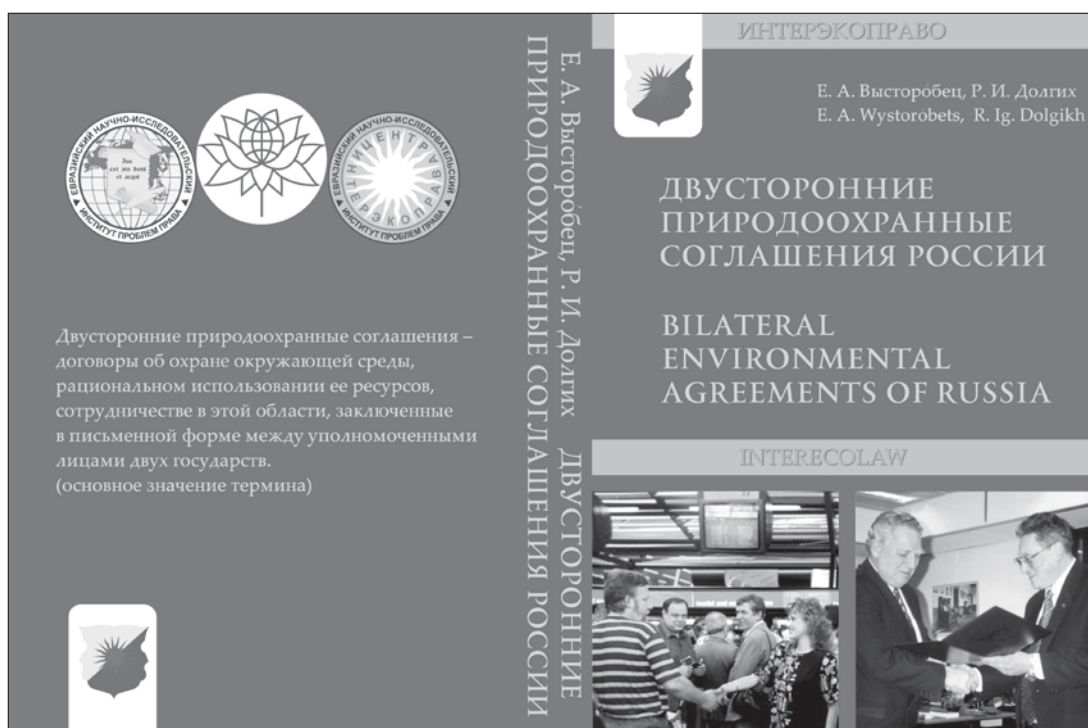
Как мы знаем, возмещение ущерба гражданам, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, регулируется по-разному. В этом плане опыт Республики Таджикистан показывается, что закрепление права на возмещение ущерба гражданам, причиненного правоохранительными органами, положительно отражается на загруженности судов. Если в Российской Федерации внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, то проблема загруженности судей будет решена, так как в процессе уголовного судопроизводства одновременно будет решаться вопрос о компенсации морального, материального и иного вреда.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921,
2. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.11.2014.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&doc_id2=30594304#sub_id=1001435530&sub_id2=4610000&sel_link=1001435530
4. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации // <http://open.lexpro.ru/document/1024324>

9 Ст. 1070 Части второй Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://open.lexpro.ru/document/1024324>

10 Ст. 1070 Части второй Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://open.lexpro.ru/document/1024324>

Растопшин Р. А.

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Статья посвящена системе правовых актов прокуратуры Республики Казахстан. Рассматриваются особенности протеста, постановления, указаний и предписаний, которые дает прокурор.

Ключевые слова: прокурор, протест, постановление, предписание, заявление, санкция, указание, представление, обращение, предостережение, разъяснение закона, приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции.

Rastorshin R. A.

THE SYSTEM OF LEGAL ACTS OF THE PUBLIC PROSECUTION AUTHORITY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article deals with the system of legal acts of the public prosecution authority of the Republic of Kazakhstan. It deals with the concepts of protest, resolution, directions and prescripts given by the prosecutors.

Keywords: prosecutor, protest, resolution, prescript, declaration, sanction, direction, motion, request, warning, clarification of law, orders, regulations, decrees, acts, instructions.

Акт прокурорского надзора – официальный документ, вынесенный прокурором в адрес соответствующего органа или должностного лица, в котором излагается сущность выявленных нарушений закона и дается предписание об их устранении.

Хочется отметить, что Закон Республики Казахстан «О прокуратуре» в отличие от ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», содержит более убедительный перечень правовых актов, которые использует прокурор в своей деятельности.

В соответствии с Законом Республики Казахстан «О прокуратуре» в систему правовых актов прокуратуры входят:

1) акты прокурорского надзора: протест, постановление, представление, заявление, санкция, указание, представление, обращение, предостережение, разъяснение закона; приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции;

2) акты, регулирующие вопросы организации и деятельности прокуратуры: приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции.

Акты прокурорского надзора, приостанавливающие действие нормативных правовых актов, подлежат опубликованию.

Положения и инструкции прокуратуры утверждаются приказами соответствующих прокуроров.

Позволим себе остановиться на некоторых из них, имеющих отношение к первой группе.

Протест

Прокурор приносит протест на противоречащие Конституции, законам и актам Президента Республики нормативные и иные правовые акты, решения и действия государственных органов и должностных лиц.

В протесте прокурор требует отмены незаконного акта либо приведения его в соответствие с Конституцией и законами, а также прекращения незаконного действия должностного лица и восстановления нарушенного права.

Протест приносится в орган или должностному лицу, принявшим незаконные акты, решение, или в вышестоящий орган либо вышестоящему должностному лицу. В таком же порядке опротестовываются незаконные действия органа или должностного лица.

Протест прокурора подлежит рассмотрению соответствующим органом или должностным лицом в течение десяти календарных дней. Прокурор вправе установить иной

срок рассмотрения протеста, обусловленный необходимостью подготовки и принятия по нему решения, но не менее десяти календарных дней. Орган или должностное лицо обязаны известить прокурора о дате рассмотрения протеста.

Прокурор вправе приостановить исполнение опротестованного акта либо действия до принятия решения по протесту. Опротестование законов не приостанавливает их действия.

Постановление

Прокурор в зависимости от характера нарушения закона выносит постановление о возбуждении уголовного дела, дисциплинарного производства, производства об административном правонарушении.

Прокурор выносит постановление о производстве проверки применения закона, о производстве выемки, досмотра, наложения ареста, об отмене или снятии мер запретительно-ограничительного характера, о приостановлении действия незаконного правового акта о принудительном исполнении требований прокурора, о доставлении (приводе), а также и в иных случаях, предусмотренных законом.

Постановление прокурора подлежит обязательному исполнению уполномоченным органом или должностным лицом в установленный законом срок, а при отсутствии такового в срок, установленный прокурором. О результатах исполнения постановления прокурору сообщается незамедлительно. Неисполнение постановления прокурора в установленные сроки влечет ответственность, предусмотренную законами Республики Казахстан.

Санкция

Прокурор дает письменную санкцию (согласие) на обыск и (или) выемку в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством; проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, затрагивающих охраняемые Конституцией и законом тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища; принимает решение об объявлении международного розыска в отношении лица, совершившего преступление на территории Республики Казахстан и скрывающегося от следствия и иных случаях, прямо предусмотренных законом.

Санкция на совершение указанных действий либо отказ в ее даче оформляются прокурором в виде резолюции на поста-

Растопшин Р. А.

новлении должностного лица либо в иной письменной форме после изучения материалов, на основании которых испрашивается санкция, в течение двадцати четырех часов.

Прокурор дает согласие на действие ведомственных нормативных правовых актов по вопросам оперативно-розыскной и иной деятельности, которая может повлечь ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Указание

Прокурор имеет право дать указания: органам дознания и следствия в связи с возбуждением и расследованием уголовных дел и органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Указание Генерального Прокурора Республики нормативного характера по вопросам оперативно-розыскной деятельности, следствия и дознания обязательно для исполнения всеми органами следствия и дознания, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Заявление

Прокурор в соответствии с законодательством вправе обратиться с иском заявлением в суд для восстановления нарушенных прав и защиты интересов государства, физических и юридических лиц.

В случаях отклонения актов прокурорского надзора либо не рассмотрения их в установленный законом срок, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о признании недействительными действий и актов органов и должностных лиц, а также об устранении нарушений законов.

Прокурор вправе своим постановлением приостановить действие опротестованного акта до рассмотрения заявления судом.

Заявление в суд в связи с отклонением или оставлением без рассмотрения актов прокурорского надзора рассматривается судом в порядке, установленном законом.

Предписание

Письменное предписание об устранении нарушения закона вносится прокурором и направляется органу или должностному лицу, допустившему нарушение закона, либо органу или должностному лицу, правомочному устранить допущенное нарушение. Предписание вносится в случае, если нарушение закона носит явный характер, может причинить существенный вред правам и свободам человека и гражданина, а также охраняемым законом интересам юридических лиц, общества и государства и не будет незамедлительно устранено. Предписание не может выноситься на нормативные правовые акты.

В предписании обязательно содержатся указания на нормы Конституции, на законы и акты Президента Республики, которые нарушены, характер правонарушения и конкретные предложения о мерах по устранению нарушения.

Предписание подлежит обязательному исполнению в срок, установленный прокурором. Об исполнении предписания незамедлительно сообщается прокурору.

Предписание может быть обжаловано вышестоящему прокурору либо в суд. Обжалование предписания не приостанавливает его исполнения.

Вышестоящий прокурор или суд может приостановить исполнение предписания до принятия решения по жалобе.

Представление

Прокурор в пределах своей компетенции вносит представления: об устранении нарушений законности; об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений и других правонарушений; по вопросам лишения неприкосновенности лиц, обладающих этим правом в соответствии с Конституцией Республики Казахстан; в иных случаях, установленных законом.

Представление подлежит рассмотрению должностным лицом или органом с обязательным принятием мер по устранению нарушений законности, а также причин и условий, способствующих им, в сроки, установленные прокурором, но не позднее тридцати календарных дней.

Прокурор вправе участвовать при рассмотрении представления. О времени и месте рассмотрения представления прокурор должен быть уведомлен государственным органом или должностным лицом не позднее трех календарных дней до дня рассмотрения представления.

О результатах рассмотрения представления и принятых мерах сообщается в прокуратуру в течение трех рабочих дней со дня рассмотрения представления.

Предостережение

В целях предупреждения правонарушений, обеспечения общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина или при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор объявляет в письменной форме физическим и юридическим лицам предостережение о недопустимости нарушения закона и предупреждает их об установленной законом ответственности.

Обращение

Органы прокуратуры вправе выступить с обращением к должностным лицам, государственным органам, юридическим и физическим лицам в целях обеспечения законности, предупреждения правонарушений, а также обеспечения общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

При этом обращение распространяется с использованием средств массовой информации или иным публичным способом.

Разъяснение закона

При наличии достаточных оснований полагать, что незнание или неправильное понимание законов физическими либо юридическими лицами может повлечь нарушения законов либо прав и свобод гражданина или неограниченного круга лиц, прокурор разъясняет содержание закона.

В случаях несоответствия закону проекта правового акта прокурор разъясняет требование закона органу или должностному лицу, принимающему акт.

Как мы знаем, прокурор при осуществлении надзора не обладает административно-властными полномочиями в отношении поднадзорных органов и их должностных лиц. Поэтому в случае выявления фактов нарушения законов или издания незаконных актов прокурор сам не может ни отменить незаконный акт, ни устранить нарушение закона. Не может он и применить меры воздействия к лицу, допустившему нарушение закона. Но и оставить выявленное правонарушение без внимания прокурор тоже не имеет права. Реагирование на выявленное нарушение закона реализуется прокурором путем вынесения одного из перечисленных выше документов.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями на 01.08.2015 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (принят 4 июля 2014 г.) № 231-V-ЗРК. Вступил в законную силу 01.01.2015 г.
3. Закон Республики Казахстан «О прокуратуре» (с последними изменениями 01.01.2015 г.).

Санеев С. О.

ТЕЗИСЫ К ВОПРОСУ: «ОБ УЧАСТИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)»

Статья посвящена институту присяжных в Республике Казахстан. Вопросу подсудности дел, с участием присяжных заседателей и отбору кандидатов в присяжные заседатели для участия в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: предварительное слушание, отвод, принятие присяги, общие условия участия.

Saneev S. O.

NOTES TO THE ISSUE: "ON PARTICIPATION OF JURORS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN (GENERAL PROVISIONS)"

The article deals with the concept of jurors in the Republic of Kazakhstan, the issue of what matters fall into jurisdiction of jurors and the issue of selection of candidates to be jurors in the trial.

Keywords: preliminary hearing, recusal of jurors, taking of the oath, general conditions for participation.

Санеев С. О.

Суд присяжных – это не только проявление уважения государства к своим гражданам (к тем, кого судят, и к тем, кто судит), перед которыми правовое государство обязано отчитываться во всех своих поступках.

Суд присяжных – это еще и проявление уважения государства к самому себе. Суд присяжных представляет собой оптимальную форму народного правосудия, призванного разрешать вопросы вины и наказания в демократическом русле.

Следует заметить, что хотя некоторые современные страны отказались от суда присяжных в его классической форме, однако при этом сохранили его название. Например, во Франции присяжные находятся в единой коллегии с профессиональными судьями и совещаются с ними относительно вердикта. В целом, составы судов с привлечением непрофессионалов во Франции, Германии, Дании, Греции, Италии, Финляндии, Шотландии, Австрии, Бельгии, американских военных судах и в некоторых других странах по своей сути нельзя отнести к числу судов с участием присяжных заседателей – это суды с расширенными коллегиями и особым порядком принятия решений, и практически они мало похожи на классический суд присяжных. Однако такая практика европейских стран не дает оснований идти по такому же пути Казахстану.

В соответствии с УПК РК суд с участием присяжных заседателей рассматривает дела о преступлениях, за совершение которых уголовным законом предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, за исключением дел о преступлениях, предусмотренных статьями 99 (пунктом 15) части второй), 170 (частью четвертой), 175, 177, 178, 184, 255 (частью четвертой), 263 (частью пятой), 286 (частью четвертой), 297 (частью четвертой), 298 (частью четвертой), 299 (частью четвертой) а также о воинских преступлениях, совершенных в военное время или боевой обстановке.

Если лицо обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных несколькими статьями Уголовного кодекса Республики Казахстан, обвиняемый имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, если в такую совокупность преступлений входит хотя бы одно преступление. Если по делу обвиняется несколько лиц, рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей производится если хотя бы один из обвиняемых (подозреваемых) заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Суд с участием присяжных заседателей в межрайонном специализированном суде по уголовным делам и специализированном межрайонном военном суде по уголовным делам действует в составе одного судьи и десяти присяжных заседателей.

Государственному обвинителю, потерпевшему, подсудимому и его защитнику, а также другим участникам процесса на протяжении всего судебного разбирательства с участием присяжных заседателей запрещается вступать в контакт, по-

мимо установленного порядка, с присяжными заседателями, участвующими в рассмотрении этого дела.

Подозреваемый, обвиняемый имеют право заявлять ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей при предъявлении для ознакомления всех материалов дела, а также и в последующий период, в том числе и на предварительном слушании дела в суде, но до назначения судом главного судебного разбирательства. После назначения судом главного судебного разбирательства ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей не принимается.

Обвиняемый вправе отказаться от заявленного ходатайства о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей до проведения предварительного слушания и в ходе предварительного слушания. Отказ обвиняемого от ходатайства о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей после его подтверждения в ходе предварительного слушания не принимается.

По делам, указанным в части первой статьи 631 УПК РК, проведение предварительного слушания обязательно независимо от наличия или отсутствия ходатайства подозреваемого, обвиняемого о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей.

Предварительное слушание проводится единолично судьей с обязательным участием подсудимых, в том числе и тех, которым не принадлежит право на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей и их защитников.

Если подсудимый подтвердил свое ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, то судья принимает решение об удовлетворении данного ходатайства, при этом мнение других подсудимых не учитывается.

Если подсудимый не подтвердил свое ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, при отсутствии других оснований, предусмотренных частью первой статьи 321 УПК РК, судья объявляет предварительное слушание окончанным. Дальнейшее производство по делу осуществляется по правилам, предусмотренным главой 42 УПК РК.

Постановление судьи по вопросу о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей является окончательным. В дальнейшем постановление не может быть пересмотрено. По итогам предварительного слушания судьей определяется количество кандидатов в присяжные заседатели, их количество не должно быть менее двадцати пяти.

Статья 638. УПК РК определяет отбор кандидатов в присяжные заседатели для участия в судебном разбирательстве.

После вынесения постановления о назначении дела к рассмотрению судом с участием присяжных заседателей судья дает распоряжение секретарю судебного заседания об обеспечении явки в судебное заседание кандидатов в присяжные заседатели, число которых указано в постановлении, для отбора их в присяжные заседатели.

По распоряжению председательствующего секретарь судебного заседания производит предварительную случайную выборку кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде единого и запасного (годовых) списков.

Одно и то же лицо не может участвовать в судебных заседаниях в качестве присяжного заседателя более одного раза в год.

По завершении предварительной случайной выборки кандидатов в присяжные заседатели для участия в рассмотрении уголовного дела составляется предварительный список с указанием их фамилий, имен, отчеств и домашних адресов, который подписывается секретарем судебного заседания.

Кандидатам в присяжные заседатели, включенным в предварительный список, не позднее чем за семь суток до начала судебного разбирательства вручаются извещения с указанием даты и времени прибытия в суд.

Граждане, получившие извещение, обязаны явиться в суд для участия в процедуре отбора присяжных заседателей.

После того, как кандидаты явились в суд, председательствующий, в отдельных случаях, предусмотренных законом, может освободить того или иного кандидата от участия в рассмотрении уголовного дела (мотивированные и не мотивированные отводы). Кандидат может заявить самоотвод. О явке в судебное заседание кандидатов в присяжные заседатели секретарь судебного заседания докладывает председательствующему и выписывает билеты на каждого кандидата в присяжные заседатели с указанием его фамилии. Председательствующий произносит перед кандидатами в присяжные заседатели краткое вступительное слово, в котором он:

- 1) представляется им;
- 2) представляет стороны;
- 3) сообщает, какое дело подлежит рассмотрению;
- 4) сообщает о задачах присяжных заседателей и порядке их участия в рассмотрении данного уголовного дела в соответствии с законом.

В целях объективного решения вопроса об освобождении кандидата в присяжные заседатели от участия в рассмотрении дела председательствующий может при отборе присяжных заседателей задавать кандидатам вопросы, предложенные в письменной форме прокурором, потерпевшим, обвиняемым и его защитником, а также другие вопросы по своему усмотрению, имеющие значение для формирования коллегии присяжных заседателей.

Кандидат в присяжные заседатели должен правдиво отвечать на вопросы председательствующего, задаваемые при отборе для участия в рассмотрении дела, а также представлять по его требованию иную необходимую информацию о себе и отношениях с другими лицами, участвующими в деле.

Вопросы, унижающие честь и достоинство кандидатов в присяжные заседатели, председательствующим не задаются.

Некоторые вопросы председательствующий вправе задать кандидату в присяжные заседатели, а кандидат вправе отвечать на него с соблюдением недоступности вопроса и ответа для других участников процесса и присутствующих в зале лиц.

Все вопросы, связанные с освобождением кандидата в присяжные заседатели от участия в рассмотрении дела, а также самоотводы и отводы, заявленные кандидатам в присяжные заседатели, разрешаются председательствующим единолично без удаления в совещательную комнату с занесением постановления судьи в протокол судебного заседания.

Если в суд явилось менее двадцати пяти вызванных кандидатов в присяжные заседатели либо их осталось менее семнадцати после освобождения некоторых из них от участия в судебном разбирательстве или после удовлетворения председательствующим судьей самоотводов и отводов, председательствующий дает распоряжение секретарю судебного заседания о пополнении состава кандидатов в присяжные заседатели недостающим числом из запасного списка. В этом случае в судебном заседании объявляется перерыв для вызова запасных кандидатов.

По завершении образования коллегии присяжных заседателей председательствующий предлагает основному составу присяжных заседателей занять отведенное им место на скамье присяжных заседателей в соответствии с порядком, определенным жеребьевкой. Скамья присяжных заседателей должна быть отделена от присутствующих в зале судебного заседания

и расположена, как правило, напротив скамьи подсудимых. Два запасных присяжных заседателя занимают на скамье присяжных заседателей специально отведенные для них места.

Присяжные заседатели и запасные присяжные заседатели постоянно присутствуют при судебном разбирательстве в зале судебного заседания, за исключением случаев, предусмотренных законом. Если в ходе судебного разбирательства, но до удаления присяжных заседателей и судьи в совещательную комнату для вынесения вердикта выяснится, что кто-либо из присяжных заседателей не может продолжать участвовать в судебном заседании или отстраняется председательствующим от участия в судебном заседании, то он заменяется запасным присяжным заседателем в том порядке, в каком билеты с указанием фамилий запасных присяжных заседателей были извлечены из урны. В случае, если возможности замены выбывших присяжных заседателей запасными исчерпаны, председательствующий объявляет состоявшееся судебное разбирательство недействительным и возвращает судебное разбирательство к этапу предварительной выборки кандидатов в присяжные заседатели в соответствии со статьей 638 УПК РК. Если невозможность участия в судебном заседании кого-либо из присяжных заседателей выявится после удаления в совещательную комнату, то судья и присяжные заседатели должны выйти в зал судебного заседания, произвести замену присяжного заседателя запасным и вновь удалиться в совещательную комнату. Если возможность замены выбывшего присяжного заседателя запасным исчерпана, председательствующий объявляет состоявшееся судебное разбирательство недействительным и возвращает судебное разбирательство к этапу предварительной выборки кандидатов в присяжные заседатели в соответствии со статьей 638 УПК РК. Любой присяжный заседатель на любом этапе рассмотрения дела может быть отстранен от дальнейшего участия в деле в случае несоблюдения ограничений, установленных частью четвертой статьи 647 УПК РК. настоящего Кодекса.

Отстранение присяжного заседателя осуществляется председательствующим в присутствии сторон, о чем делается запись в протоколе судебного заседания.

После того, как будет образована коллегия присяжных заседателей, председательствующий или секретарь судебного заседания предлагает всем присутствующим в зале судебного заседания встать. Председательствующий обращается к присяжным заседателям с предложением принять присягу.

Лицо, отобранное в порядке установленном законом для участия в уголовном судопроизводстве в качестве присяжного заседателя, принимает присягу, произнес ее текст следующего содержания: «Приступая к исполнению обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять свои обязанности честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, доводы, обстоятельства дела, разрешать дело по своему внутреннему убеждению и совести, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку».

Присяжный заседатель подтверждает принятие присяги произнесением фразы: «Я клянусь».

О принятии присяжными заседателями присяги делается запись в протоколе судебного заседания. Суд присяжных сформирован и может осуществлять судебное разбирательство.

Несмотря на то, что сильная и политически независимая судебная власть может быть излишне политизирована и слишком сильно зависеть от общественного мнения, суд присяжных играет значительную роль в отправлении правосудия и носит демократический характер, определяет значимость судебной власти не столько названием или количеством ее институтов, сколько их сущностью.

Пристатейный библиографический список:

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, с изменениями и дополнениями от 01.08.2015г).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (принят 4 июля 2014 года) №231-V-ЗПК. Вступил в законную силу 01.01.2015 г.

Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р., Чернова Г. Ш.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСАГО В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В статье осуществлен сравнительно-правовой анализ законов об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств России и Республики Узбекистан. Проанализированы ключевые нормы, касающиеся принципов, договора обязательного страхования, страховой премии, страховой суммы, порядка осуществления страховых выплат. Выявлены особенности, учитывающие национальные традиции внутреннего законодательства каждой страны.

Ключевые слова: обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств, договор обязательного страхования, страхователь, страховщик, закон, Россия, Узбекистан.

Igbaeva G. R., Shakirova Z. R., Chernova G. Sh.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF COMPULSORY INSURANCE OF CIVIL LIABILITY OF VEHICLE OWNERS IN EURASIA: THE CASE OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

The article is devoted to the comparative legal analysis of the laws on compulsory insurance of civil liability of vehicle owners in Russia and in the Republic of Uzbekistan. The key provisions regarding the principles of compulsory insurance, contract of compulsory insurance, insurance premium, insured amount, procedure of indemnity payment are analysed. Based on the national traditions of the domestic law of each country, peculiarities of the laws on compulsory insurance of civil liability of vehicle owners are determined.

Keywords: compulsory insurance of civil liability of vehicle owners, insurance contract, the insured, the insurer, the law, Russia, Uzbekistan.

В любой стране одним из самых массовых видов обязательного страхования, несомненно, является ОСАГО, не исключение Россия и Узбекистан. Основными источниками регулирования являются одноименные законы: Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ¹ с (далее – Российский закон) в России и Закон Республики Узбекистан «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»² от 21 апреля 2008 г. (далее – Узбекский закон) в Узбекистане.

Российский закон принят в развитие норм Гражданского кодекса РФ, в частности о страховании ответственности за причинение вреда (ст. 931 ГК РФ). Он устанавливает правовые, экономические и организационные основы, а также принципы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и имеет целью защиту прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами³.

Цель Узбекского закона обозначена как регулирование отношений в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Следует отметить, что подход российского законодателя в определении цели является более социально ориентированным и в этом плане более гуманистичным. Ведь из обозначенной цели Узбекского закона остается непонятным, какова цель регулирования отношений в сфере обязательного страхования граж-

данской ответственности владельцев транспортных средств: то ли она связана с безопасностью дорожного движения, то ли с защитой интересов страхователей, то ли с защитой интересов потерпевших.

Законодательство об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств в России и в Республике Узбекистан содержит много общих положений, соответствующих общепризнанным нормам и принципам международного права. Общее историческое прошлое не могло не сказаться на схожести правовых систем и норм законов. Вместе с тем детальный анализ показывает определенные особенности в регулировании вопросов, касающихся размера страховых премий, размеров страховых сумм, сроков выплат.

Оба закона охватывают различные по отраслевой природе отношения и касаются регулирования общих вопросов ОСАГО. Принципиальным отличием является то, что Узбекский закон претендует на непосредственное регулирование, в то время как Российский – устанавливает лишь основы.

Игбаева Г. Р.

Шакирова З. Р.

Чернова Г. Ш.

1 Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 2092.

2 Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2008. – № 17. – Ст. 128; 2010. – № 37. – Ст. 315; 2011. – № 15. – Ст. 149; 2013. – № 18. – Ст. 233.

3 Игбаева Г. Р. Становление и развитие обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств в России // История государства и права. – 2007. – № 24. – С. 6–8.

Оба закона содержат определения основных понятий, которые идентичны друг другу. Особо следует остановиться на основных принципах, закрепленных в ст. 3 Российского закона и ст. 4 Узбекского закона.

Нормативное закрепление основных принципов ОСАГО – это не только декларация позиции законодателя, но и необходимый инструмент, позволяющий подчинить все нормы рассматриваемых законов об ОСАГО и иных актов в этой сфере общей концепции. В случае возникновения коллизий основные принципы служат ключом к решению возникающих проблем.

Российский закон предусматривает четыре принципа:

- гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных настоящим Федеральным законом;
- всеобщность и обязательность страхования гражданской ответственности владельцами транспортных средств;
- недопустимость использования на территории Российской Федерации транспортных средств, владельцы которых не исполнили установленную настоящим Федеральным законом обязанность по страхованию своей гражданской ответственности;
- экономическая заинтересованность владельцев транспортных средств в повышении безопасности дорожного движения (ст. 3).

Статья 4 Узбекского закона выделяет три принципа регулирования ОСАГО: всеобщность, обязательность, гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью и (или) имуществу потерпевших.

Одним из центральных положений обоих законов является предоставление потерпевшим гарантий возмещения вреда, причиненного их жизни или здоровью, а также обеспечение возмещения вреда имуществу. Указанные гарантии реализуются за счет совмещения двух механизмов – страховых выплат при наступлении страховых случаев и осуществления компенсационных выплат в счет возмещения вреда жизни и здоровью, проводимых из средств. Практика введения аналогичных законов в ряде стран показывает, что несовершенные меры контроля разваливают всю систему гарантий потерпевшим.

Учитывая обязательность страхования и широкий круг обязанных лиц, в законах значительное внимание уделено мерам контроля за исполнением владельцами транспортных средств обязанности по страхованию, за обеспечением исполнения положений по ведению статистики и расчету страховых тарифов и иным вопросам⁴.

Реализация принципа Российского закона о недопустимости использования на территории России транспортных средств, владельцы которых не исполнили установленную законом обязанность по страхованию своей гражданской ответственности, связана с установлением административной ответственности в Кодексе об административных правонарушениях.

Российский принцип экономической заинтересованности владельцев транспортных средств в повышении безопасности дорожного движения связан с закреплением системы скидок на размер страховой премии за безаварийную езду, которая ежегодно увеличивается.

В России, как и в Узбекистане, объектом обязательного страхования являются имущественные интересы, связанные с риском гражданской ответственности владельца транспортно-

го средства по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного средства.

Обязательное страхование осуществляется путем заключения договора между страховщиком и страхователем и выдачи страхового полиса в подтверждение данного факта⁵.

В России и Узбекистане договор ОСАГО может заключаться на условиях ограниченного пользования транспортным средством. При этом в России ограниченным использованием транспортных средств, находящихся в собственности или во владении граждан, признается управление транспортными средствами только указанными страхователем водителями и (или) сезонное использование транспортных средств в течение трех и более месяцев в календарном году. В Узбекистане установлен более продолжительный период – шесть и более месяцев. Соответственно, максимальный срок действия договора один год, а минимальный в России – 3 месяца, а в Узбекистане – 6 месяцев.

Договор вступает в силу с момента уплаты страховой премии, что порождает определенную научную дискуссию относительно его реальности. Страховая премия по договору ОСАГО определяется в соответствии со страховыми тарифами. Страховые тарифы по обязательному страхованию (их минимальные и максимальные значения), структура страховых тарифов и порядок их применения страховщиками при определении страховой премии по договору обязательного страхования, за исключением страховых тарифов (их предельных уровней), структуры страховых тарифов и порядка их применения страховщиками при определении страховой премии в рамках международных систем страхования, устанавливаются Банком России (ст. 8 Российского закона), а в Узбекистане – Кабинетом Министров (ст. 10 Узбекского закона).

Уникальной представляется ст. 13 Узбекского закона, которая предусматривает льготы по страховым премиям отдельным социально слабо защищенным категориям населения:

- участникам и партизанам войны 1941–1945 гг. либо приравненным к ним лицам;
- ветеранам трудового фронта войны 1941–1945 гг.;
- бывшим малолетним узникам концентрационных лагерей;
- одному из родителей или вдовам, не вступившим в новый брак, военнослужащего, погибшего вследствие ранения, контузии или увечья, полученного при исполнении обязанностей военной службы либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте;
- пострадавшим вследствие аварии на Чернобыльской АЭС;
- пенсионерам;
- инвалидам.

В России предоставляется компенсация инвалидам (в том числе детям-инвалидам), имеющим транспортные средства в соответствии с медицинскими показаниями, или их законным представителям в размере 50 процентов от уплаченной ими страховой премии по договору обязательного страхования (ст. 17 Российского закона).

Посредством понятия «страховая сумма» законодатель определяет размер обязательства страховщика. Страховая сумма, в пределах которой возмещается вред, причиненный жизни, здоровью и (или) имуществу потерпевшего, определяется Кабинетом Министров Республики Узбекистан. В настоящее время согласно постановлению «О мерах по реализации

4 Игбаева Г. Р. Принципы гражданско-правового регулирования обязательного страхования // Закон и право. – 2008. – № 12. – С. 9–10.

5 См., например, Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 9. – С. 15–18.

Закона Республики Узбекистан «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 24 июня 2008 г. № 141⁶ размер страховой суммы составляет всего 3000 долларов США, что намного ниже, чем в России и других странах.

Согласно поправкам в Российский закон с 1 октября 2014 г. лимиты выплат по «железу» увеличены до 400 тыс. р. Произошло также одновременное повышение тарифов на обязательную «автогражданку» на 18–24%. С 1 апреля 2015 г. со 160 тыс. до 500 тыс. р. выросли лимиты выплат за вред жизни и здоровью. Одновременно изменился и порядок определения выплат: они рассчитываются по специальным таблицам. Закон дает потерпевшему право выбора способа возмещения вреда: в натуральной форме путем направления автомобиля на ремонт либо в денежной форме. При этом ответственность за сроки ремонта возлагается на страховщика.

В Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области предельный размер выплаты по Европротоколу приравнивали к страховой сумме в 400 тыс. р. (при предъявлении материалов видеорефлекторов), в остальных регионах лимит выплат увеличен с нынешних 25 тыс. до 50 тыс. р».

Порядок осуществления выплат в Республике Узбекистан существенно не отличается от российского. Заслуживает внимания норма, закрепленная в ст. 23 Узбекского закона, о возможности по заявлению потерпевшего произвести выплату части страховой выплаты, соответствующей фактически определенной части вреда, до полного определения размера подлежащего возмещению вреда.

Узбекское законодательство предусматривает более короткие сроки осуществления выплат – не позднее пяти рабочих дней со дня принятия страховщиком решения о выплате страхового возмещения, которое принимается не позднее пятнадцати дней после соответствующего письменного обращения. В случае невыплаты установлен штраф в виде пени исходя из учетной ставки банковского процента на день.

Представляется, что выявленные особенности в законодательном регулировании ОСАГО обусловлены национальными традициями и внутренним вектором политического, экономического и социального развития каждой страны. В этом аспекте законодательство Республики Узбекистан в рассматриваемой сфере содержит больше императивных норм и норм, направленных на предоставление дополнительных гарантий защиты отдельных социальных категорий страхователей. Вместе с тем Российский закон в большей степени отражает накопленный правоприменительный опыт страны и содержит больше норм, содержащих исключения и уточнения порядка их применения.

Пристатейный библиографический список

1. Собрание законодательства РФ. – 2002. – №18. – Ст. 2092.
2. Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2008. – № 17. – Ст. 128; 2010. – № 37. – Ст. 315; 2011. – № 15. – Ст. 149; 2013. – № 18. – Ст. 233.
3. Игбаева Г. Р. Становление и развитие обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств в России // История государства и права. – 2007. – № 24.
4. Игбаева Г. Р. Принципы гражданско-правового регулирования обязательного страхования // Закон и право. – 2008. – № 12.
5. Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 56.
6. Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 9.
7. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по реализации Закона Республики Узбекистан «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=1366341 (дата обращения: 09 июля 2014 г.).
8. Госдума приняла поправки к закону об ОСАГО в Штатении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.asn-news.ru/news/47486?get_cached#ixzz3746EmLga (дата обращения: 09 июля 2014 г.).

6 Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по реализации Закона Республики Узбекистан «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=1366341

Кротов А. В.

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается вопрос о правомерности существующих ограничений права на частную жизнь с учетом норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановлений Европейского суда по правам человека.

Определяя общие принципы ограничений права на частную жизнь, содержащиеся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, автор сделал попытку дать расширенное истолкование указанных принципов, учитывая позицию Европейского суда по правам человека, что позволяет анализировать с учетом полученных данных нормы национального законодательства РФ в области регулирования оборота информации, содержащей сведения о частной жизни.

В статье впервые анализируются принципы ограничения абсолютизации права на частную жизнь, свободы информации, именно как составной части института права на частную жизнь.

Ключевые слова: право на частную жизнь, свобода информации, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, постановления Европейского суда по правам человека.

Кротов А. В.

Krotov A. V.

CONDITIONS FOR THE LEGALITY OF RESTRICTIONS ON THE RIGHT TO PRIVACY IN THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The article discusses the question of the lawfulness of existing restrictions on the right to privacy, subject to the provisions of the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and the decisions of the European court of human rights.

Defining general principles for limitations of the right to privacy appearing in the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, the author makes an attempt to give an extended interpretation of these principles, taking into account the position of the European court of human rights that allows to analyze in respect of the obtained data the norms of national legislation in the field of regulation of circulation of information containing information on the private life.

The paper first examines the principles of limitation of absolute rights to privacy, freedom of information, as an integral part of the institute of the right to privacy.

Keywords: the right to privacy, freedom of information, the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, the decisions of the European court of human rights.

Ни одно из прав и свобод человека не абсолютно, и наиболее сложной и в тоже время важной для разрешения в демократическом обществе задачей является нахождение баланса между различными правами и свободами, с учетом интересов как всего общества, так и отдельных его членов.

Расширяющийся круг прав и свобод человека приводит к изменению правового статуса личности, где ранее не предусмотренные ограничения прав и свобод становятся повседневной реальностью.

Это долгость, с которой общество смирилось в силу появления у него новых ценностей, и необходимостью охраны этих ценностей с помощью права.

Допуская такие ограничения, и даже признавая их полезность, были выработаны на международном уровне правовые принципы, устанавливающие основания таких правовых ограничений, «принципы ограничения абсолютизации права».

В отношении права на частную жизнь в п. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод установлено следующее: «Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц»¹.

Указанные принципы ограничения абсолютизации, носящие достаточно абстрактный характер, раскрываются в толкованиях, данных Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), что позволяет судам первичных уровней в конкретных делах разрешать вопросы о правомерности ограничения права на частную жизнь, в том числе в сети Интернет, руководствуясь общими нормативно-правовыми предписаниями европейского права, пилотными постановлениями суда.

Целесообразно обратить внимание, что основания ограничения права на частную жизнь в Конвенции о защите прав и основных свобод более детализированы по сравнению со Всеобщей декларацией прав человека, что несомненно представляется более оправданным в современном обществе, с его все расширяющейся властью государства над человеком, тем более в области информационных процессов.

В соответствии со статьями 12, 29 Всеобщей декларации прав человека, вмешательство в право на частную жизнь не должно быть произвольным, ограничения должны быть установлены законом, целью ограничений является обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе².

В данном случае мы видим достаточно расплывчатое обозначение целей ограничения прав и свобод, что в итоге ведет

1 Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.

2 Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. – 05.04.1995. – № 67.

к неограниченному правом государственному усмотрению и может привести к узурпации власти.

Рассмотрим существующие ограничения права на частную жизнь с позиции соответствия их требованиям Конвенции о защите прав человека и основных свобод как базового нормативно-правового акта, устанавливающего более высокие требования и позволяющего в большей степени защитить частную жизнь человека от произвольного вмешательства.

Необходимо учесть, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»³, что правовые позиции Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд, Суд), которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским судом при применении Конвенции и Протоколов к ней.

При этом в силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Учитывая содержание Конвенции о защите прав человека и основных свобод и вышеуказанного Постановления пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г., применение п. 3 ст. 55 Конституции РФ необходимо производить путем использования правового симбиоза Европейской конвенции и Конституции РФ, с учетом мнения ЕСПЧ.

Необходимо вычленив положения права, предоставляющие наибольший уровень правовых гарантий, и на их основе установить те принципы, с помощью которых в дальнейшем будет определяться правомерность введения тех или иных ограничений права на частную жизнь в РФ, в том числе в интернет-пространстве.

Рассмотрим то, как ЕСПЧ применяет ранее указанные принципы ограничения права на частную жизнь на примере принятых Европейским судом постановлений, что позволит более детально определить требования по соблюдению условий правомерности при введении ограничений права на частную жизнь.

Рассмотрев жалобу заявителя по делу «Хмель (Khmel) против Российской Федерации» (жалоба № 20383/04)⁴, в которой заявитель указывал, что без наличия его согласия была

произведена его съемка на видео во время нахождения в отделении милиции г. Североморска, и на следующий день фрагменты видеозаписи транслировались по региональному телевидению, ЕСПЧ постановил, что решение начальника отделения милиции пригласить телевизионные съемочные группы и разрешить им производить видеозапись изображения заявителя в отделении милиции без всякого ограничения является вмешательством в право заявителя на уважение личной жизни, ответственность за которое несут власти Российской Федерации.

Исследовав в указанном деле действия сотрудника милиции на предмет того, предусмотрены ли они законом, Суд указал, что «допуская, чтобы в рамках оперативно-розыскных мероприятий производилась видеосъемка, тот же Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо запрещает сотрудникам милиции распространять такую информацию без согласия заинтересованных лиц. Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил законную силу этого запрета, указав, что собранная информация может применяться лишь для правоохранительных целей, таких как обнаружение преступления или его предотвращение и установление личности исполнителей (см. § 34 настоящего Постановления). Следовательно, при отсутствии согласия заявителя показ видеозаписи по региональному телевидению был грубым нарушением российского законодательства... что касается ссылки властей Российской Федерации на Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», Европейский суд напоминает, что в настоящем деле рассматривается вопрос не о законности действий телевизионных компаний, а о правовых основаниях для действий милиции, которых очевидно нет».

Далее Суд указывает, что при определении правомерности действий по ограничению права на частную жизнь необходима последовательность определения законности: «Европейский суд напоминает, что в случае если доказано, что вмешательство не было предусмотрено законом, нет необходимости устанавливать, преследовало ли вмешательство «законную цель» и было ли оно «необходимо в демократическом обществе»».

Аналогичные выводы Европейского суда содержатся и в деле «Хьюитсон (Hewitson) против Соединенного Королевства» (жалоба № 50015/99)⁵.

В Постановлении ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. по делу «Быков (Bukov) против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02)⁶ негласные действия властей РФ по прослушиванию и записи разговоров заявителя оправдывались положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

ЕСПЧ по делу сделал следующие выводы: «Фраза «предусмотрено законом» не только требует соответствия национальному законодательству, но также затрагивает качество закона, требуя от него соответствия принципу верховенства права... закон должен быть сформулирован в достаточно ясных выражениях, чтобы давать адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых публичные органы вправе прибегнуть к таким негласным операциям».

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 05.07.2013. – № 145.

4 Постановление ЕСПЧ от 12.12.2013 по делу «Хмель (Khmel) против Российской Федерации» (жалоба № 20383/04) // Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. – 2014. – № 2.

5 Постановление ЕСПЧ от 27.05.2003 по делу «Хьюитсон (Hewitson) против Соединенного Королевства» (жалоба № 50015/99) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461492/2461492.htm>

6 Дело «Быков (Bukov) против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02) от 10.03.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/12068987/12068987-001.htm>

Схема № 1

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

<p>1. Предусмотрено федеральным законом</p> <p>а) текст закона должен быть доступен для лица;</p> <p>б) лицо должно предвидеть последствия норм закона, предусматривающих ограничения права на частную жизнь;</p> <p>в) ясно определена граница полномочий органов, которым предоставлена возможность ограничения права на частную жизнь, и способы их действий по ограничению права.</p>	<p>2. Необходимо в демократическом обществе</p> <p>а) предусмотрены адекватные и эффективные гарантии против злоупотреблений введенными ограничениями;</p> <p>б) ограничения соразмерны, с учетом обстоятельств дела (условие предсказуемости не обязывает государства исчерпывающим образом перечислять конкретные правонарушения, которые могут повлечь ограничения права на частную жизнь).</p>	<p>3. Установлено в интересах и преследует цели национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц, защиты основ конституционного строя.</p>
--	---	---

Суд последовательно указал, что относительно прослушивания сообщений для целей полицейского расследования «закон должен быть сформулирован достаточно ясно, чтобы давать гражданам адекватное представление об обстоятельствах и условиях, при которых публичные органы вправе прибегнуть к этому тайному и потенциально опасному вмешательству в право на уважение личной жизни и корреспонденции».

В частности, для соответствия требованию «качества закона» закон, наделяющий дискреционными полномочиями, должен указать пределы такого усмотрения, хотя подробные процедуры и условия, требующие соблюдения, не обязательно должны включаться в состав материального права. Степень точности, требуемая от «закона», в связи с этим зависит от конкретного объекта. Поскольку практическая реализация мер негласного контроля сообщений не подлежит контролю заинтересованных лиц или общества в целом, предоставление органам исполнительной власти или суду правовой дискреции, выражающейся в неограниченных полномочиях, противоречило бы верховенству права.

Следовательно, закон должен с достаточной ясностью указывать объем такой дискреции, передаваемой компетентным органам, и способ ее использования, чтобы обеспечить лицу адекватную защиту от произвольного вмешательства.

По мнению Европейского суда, эти принципы в равной степени применимы к использованию радиопередающего устройства, которое с учетом природы и степени вмешательства фактически идентично прослушиванию телефонных разговоров.

Соответственно, с учетом толкования положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, данного ЕСПЧ, условия правомерности ограничения права на частную жизнь можно представить в виде следующей схемы:

В дальнейшем, при анализе все расширяющего объема нормативно-правовых актов, принятых в РФ, предполагающих введение ограничений права на частную жизнь, целесообразно руководствоваться указанными структурированными принципами, что позволит проконтролировать соблюдения законности в действиях различных субъектов.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. – 05.04.1995. – № 67.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 05.07.2013. – № 145.
4. Постановление ЕСПЧ от 27.05.2003 по делу «Хьюитсон (Hewitson) против Соединенного Королевства» (жалоба № 50015/99) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461492/2461492.htm>
5. Постановление ЕСПЧ от 12.12.2013 по делу «Хмель (Khmel) против Российской Федерации» (жалоба № 20383/04) // Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. – 2014. – № 2.
6. Дело «Быков (Bykov) против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02) от 10.03.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/12068987/12068987-001.htm>

Сорокина Е. М.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕС В ОБЛАСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье рассматриваются возможности и перспективы дальнейшей гармонизации законодательства Европейского союза в области уголовного процесса, касающиеся содержания лиц под стражей. Особое внимание уделяется стремлению ЕС к установлению единых гарантий для подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе в целях развития принципа взаимного признания судебных решений и приговоров между государствами – членами ЕС.

Ключевые слова: права подозреваемых и обвиняемых, Европейский союз, право на перевод, пространство свободы, безопасности и правосудия, уголовно-процессуальное законодательство, правовая помощь.

Sorokina E. M.

IEWS ON THE DEVELOPMENT OF HARMONIZATION OF EU LAW OF CRIMINAL PROCEDURE

The article discusses the possibilities and prospects for further harmonization of European Union legislation in the field of criminal proceedings relating to the detention of persons in custody. Particular attention is paid to the aim of the EU to establish uniform guarantees for suspects and defendants in criminal proceedings in order to develop the principle of mutual recognition of judicial decisions and sentences between member states of the EU.

Keywords: rights of suspected and accused person, European Union, area of freedom, security and justice, criminal procedure law, legal assistance.

С принятием в 2007 г.¹ Лиссабонского договора Европейский союз был наделен компетенцией по изданию законодательных актов в области уголовно-процессуального законодательства².

Статья 82 Договора о функционировании Европейского Союза³ устанавливает, что в Европейском союзе судебное сотрудничество по уголовным делам основано на принципе взаимного признания приговоров и судебных решений и включает в себя сближение законодательных и процессуальных положений государств-членов.

Европейский парламент и Совет ЕС наделены компетенцией посредством обычной законодательной процедуры издавать Директивы в целях сближения законодательства в уголовно-процессуальной сфере⁴.

Если Европейский Парламент и Совет ЕС являются двумя институтами, к компетенции которых относится принятие законодательных актов, то Комиссия ЕС является тем институтом, к компетенции которого первичным правом ЕС отнесено право выступать с законодательной инициативой.

Поэтому именно Комиссия ЕС издает различные программные документы, предшествующие проектам нормативно-правовых актов (например, директив) в форме белых книг или зеленых книг, дорожных карт. На основе названных программных документов в области уголовно-процессуального законодательства Комиссией ЕС разрабатываются и сами проекты директив в области гармонизации уголовно-процессуального права.

В ЕС действует дорожная карта от 30 сентября 2009 г., устанавливающая процессуальные права подозреваемым и обвиняемым в уголовном процессе (Roadmap for strengthening

procedural rights of suspected or accused persons in criminal proceedings – англ.)⁵.

Большая часть мер Дорожной карты к настоящему моменту реализована и приняты директивы ЕС в области уголовного процесса:

Директива 2010/64/ЕС Европейского парламента и Совета от 20 октября 2010 г. о праве на перевод в уголовном процессе⁶ (Мера А);

Директива 2012/12/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 мая 2012 г. о праве на информацию в уголовном процессе⁷ (Мера В);

Директива 2013/48/ЕС Европейского Парламента и Совета ЕС от 22 октября 2013 г. о праве на доступ к адвокату в уголовном процессе и при производстве по европейскому ордеру на арест, а также о праве сообщить третьим лицам о своем лишении свободы, на общение с третьими лицами и консульством во время лишения свободы⁸ (Мера С, D).

В связи с различием в процессуальных системах государств-членов Дорожной картой, устанавливающей процессуальные права подозреваемым и обвиняемым в уголовном процессе (мера F), предполагается издание Зеленой книги в целях изучения режима предварительного заключения, времени, которое будет проведено с момента задержания до вынесения судебного решения.

14 июня 2011 г. Европейской комиссией в целях усиления взаимного признания и сближения в юридической области в ЕС была издана Зеленая книга «О применении в ЕС в сфере уголовной юстиции законодательства о содержании под стра-

1 Бирюков М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора: учебное пособие. – М.: Статут, 2013.

2 Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // O.J. 2007. P. 306.

3 Treaty on the Functioning of the European Union // O.J. 2010. P. 83.

4 Право Европейского Союза: Учебник / С. Ю. Кашкин, О. А. Четвериков и др.; под ред. С. Ю. Кашкина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013.

5 Roadmap for strengthening procedural rights of suspected or accused persons in criminal proceedings // O.J. 2009. P. 295

6 Directive 2010/64/EU of the European Parliament and the Council of 20 October 2010 on the right to interpretation and translation in criminal proceedings // O.J. 2010. L 280/1.

7 Directive 2012/13/EU of the European Parliament and the Council of 22 May 2012 on the right to information in criminal proceedings // O.J. 2012. L. 142.

8 Directive 2013/48/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2013 on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and in European arrest warrant proceedings, and on the right to have a third party informed upon deprivation of liberty and to communicate with third persons and with consular authorities while deprived of liberty.

жей»⁹ (далее – Зеленая книга о содержании под стражей). Зеленая книга о содержании под стражей основывается на Стокгольмской программе¹⁰, а также учитывает действующий на территории ЕС европейский ордер на арест (англ. – European arrest warrant), как один из инструментов задержания лиц в рамках процедуры выдачи лиц, совершивших особо тяжкие преступления на территории государств – членов ЕС. Европейский ордер на арест изменил процедуру сотрудничества государств-членов в уголовно-процессуальной сфере с принятием 13 июня 2002 г. Советом ЕС рамочного решения 2002/584/ПВД «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами»¹¹ и вступлением его в силу с января 2004 г.

Комиссия ЕС в преамбуле Зеленой книги о содержании под стражей отмечает, что решение вопроса о содержании лица под стражей, идет речь о предварительном заключении или об уже осужденном лице, является компетенцией национального законодательства государств – членов ЕС. Вместе с тем с учетом принципа субсидиарности вопросы содержания лиц под стражей относятся к компетенции ЕС в части защиты прав и свобод человека, а также в целях содействия действующей процедуре взаимного признания и доверия ее бесперебойному функционированию.

Комиссия отмечает, что ее приоритетом в уголовно-процессуальной сфере является укрепление процессуальных прав путем установления минимальных правил для подозреваемых или обвиняемых в уголовном судопроизводстве.

Гарантии минимальных стандартов прав личности будут обеспечивать расширение полномочий судов, следователей и прокуроров государств – членов ЕС и их взаимное доверие к уголовному процессу в другом государстве – члене ЕС за счет соблюдения единых стандартов прав подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе.

Стремление к единым стандартам содержания под стражей обусловлено влиянием Конвенции о защите прав и основных свобод и Хартии Европейского союза об основных правах¹². Согласно данным документам на территории Европы запрещены пытки, какие-либо иные бесчеловечные и унижающие человеческое достоинство действия.

Как подчеркивается в Зеленой книге о содержании под стражей, государство – член ЕС на основе европейских конвенций может отказать в выдаче лица в государство, в котором существует риск содержания его в бесчеловечных условиях, что подтверждает тезис о сохраняющихся на территории ЕС различных условиях содержания под стражей лиц.

В программном документе – Зеленой книге о содержании под стражей уделено внимание вопросам содержания под стражей лиц в разных государствах ЕС, также Комиссия приводит график и таблицы по содержащимся под стражей и отбывающим наказание на 2009–2010 г.

Отдельный пункт посвящен проблеме содержания под стражей детей.

Особый интерес представляет факт того, что Комиссия ЕС в своих документах, предшествующих проектам законодательных актов в области уголовного правосудия, уделяет особое внимание Совету Европы и практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Так, в Зеленой книге отмечается, что Советом Европы в январе 2006 г. приняты Европейские пенитенциарные правила, которые содержат руководство по управлению тюрем и обращению с заключенными. Эти правила направлены на защиту основных прав заключенных таким образом, чтобы это соответствовало законной цели их задержания и обеспечения условий их дальнейшей «реинтеграции» после отбытия наказания.

Однако Европейские пенитенциарные правила не являются обязательными, хотя ЕСПЧ использует их в качестве основы при оценке жалоб на условия содержания в тюрьмах. Прецедентное право ЕСПЧ стремится исправить слишком плохие условия содержания в тюрьмах в отдельных случаях, но не может добиться равномерного соблюдения единообразных правил содержания во всех государствах – членах ЕС.

Комиссия отмечает, что учитывает большой опыт ЕСПЧ и работу в области обеспечения прав лиц, содержащихся под стражей. Будущие действия Европейского союза в этой области могут сыграть определенную роль в обеспечении единообразного уровня содержания в тюрьмах в целях функционирования инструментов взаимного признания судебных решений и приговоров между государствами ЕС.

Таким образом, можно говорить о том, что любое государство – член ЕС при реализации в дальнейшем указанных мер при принятии директивы сможет в полной мере доверять пенитенциарной системе в другом государстве-члене с точки зрения соблюдения прав заключенных, а также условий их содержания.

ЕС стремится не только к гармонизации законодательства в области уголовного процесса в целях установления единообразных правил, но и к улучшению прав лиц, чья свобода ограничена, повысив стандарты содержания под стражей в тех странах, где они хуже, что станет возможным в случае принятия в дальнейшей Директивы ЕС в области содержания под стражей.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюков М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора: учебное пособие. – М.: Статут, 2013.
2. Право Европейского Союза: учебник / С. Ю. Кашкин, О. А. Четвериков и др.; под ред. С. Ю. Кашкина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М: Юрайт, 2013.
3. Кашкин С. Ю. Хартия Европейского Союза об основных правах: комментарий / под ред. С. Ю. Кашкина. (СПС «Консультант Плюс»).
4. Кашкин С. Ю. Комментарии к основополагающим актам Европейского Союза в редакции Лиссабонского договора / Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. – М.: для Справочно-правовой системы «Гарант», 2007.

9 Green Paper Strengthening mutual trust in the European judicial area – A Green Paper on the application of EU criminal justice legislation in the field of detention Brussels. COM (2011) 327 final 14.6.2011.

10 The Stockholm programme – an open and secure Europe serving and protection citizens // O.J. 2010. P. 115.

11 Council framework decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States O.J. 2002/584/JHA and Council Framework Decision 2009/299/JHA of 26 February 2009 O.J. 2009. L. 81 P. 24.

12 Кашкин С. Ю. Хартия Европейского Союза об основных правах: комментарий / Под ред. С. Ю. Кашкина. (СПС «Консультант Плюс»).

Романовская Л. Р.

ПОЛИТИКА И «ULTIMATE REALITY»: СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ (НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ ТОЛКОТТА ПАРСОНСА)

Автор статьи на основе разработанной Т. Парсонсом общей концептуальной модели структуры социального действия выявляет взаимосвязи между политической системой и Высшей реальностью. Автор определяет характер изменений этих взаимосвязей в процессе перехода традиционного общества к модерну и констатирует разрыв связи в условиях постмодерна.

Ключевые слова: системный анализ, структурный функционализм, социальная система, политическая система, Высшая реальность, Толкотт Парсонс, сакрализация власти, традиционное общество, модерн.

Romanovskaya L. R.

POLITICS AND «ULTIMATE REALITY»: SYSTEM RELATIONS (BASED ON THE MODEL OF TALCOTT PARSONS)

The author, based on T. Parsons' general conceptual model of the structure of social action reveals the relationship between the political system and the Ultimate reality. The author defines the nature of changes in these relationships during the transition of a traditional society to modernity and states breaking the link in conditions of the postmodern.

Keywords: system analysis, structural functionalism, social system, political system, Ultimate reality, Talcott Parsons, sacralization of power, traditional society, modern, postmodern.

Романовская Л. Р.

Общественные науки, опираясь на системный подход, рассматривают в качестве системы не только само общество, но и элементы, образующие его структуру: политическую, правовую, экономическую, культурную, идеологическую и другие социальные системы.

Большой вклад в развитие системного анализа как метода изучения общества внес выдающийся американский социолог Толкотт Парсонс (1902–1979), который, опираясь на общую теорию систем и теорию общих свойств живых и неживых систем (кибернетику), сформулировал оригинальную теорию общества как социальной системы. Толкотт Парсонс рассматривал социальные подсистемы как составную часть более общей «системы действия» (general system of action), в которой он выделял и другие составляющие: культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы (Behavioral Organism), — «все это абстракции, аналитически вычленимые из реального потока социального взаимодействия»¹. Различение этих четырех подсистем действия носит функциональный характер, т.е. каждая из подсистем осуществляет присущую ей функцию (соответственно — воспроизводства образца (паттерна), интеграции, целедостижения и адаптации).

Кроме этих четырех подсистем «системы действия», Т. Парсонс называл еще две системы реальности, которые по отношению к системе действия являются ее средой, а не составляющими. Первая из них — это физическая среда, которая включает в себя не только явления, описываемые в терминах физики и химии, но и мир живых организмов, не интегрированных в систему действия. Вторая система, независимая как от физической среды, так и от самих систем действия — это «высшая реальность» (ultimate reality). Этот термин Парсонс использует в философском, не теологическом смысле. Ultimate reality — это нечто эмпирически определенное. Сам автор в своей работе «The System of Modern Societies» (1971 г.), апеллирует к М. Веберу и уточняет, что это касается того, что М. Вебер называл «проблемой смысла» человеческих действий, и

что она связана с системой действия посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентаций, которые включают в себя познавательные (когнитивные) «ответы», отнюдь не ограничиваясь ими².

В то же время Т. Парсонс пишет, что система легитимации всегда основывается и зависит от основополагающего бытия, связь которого с ultimate reality очевидна. Это означает, считает В. И. Гараджа, что даваемое этой системой легитимации обоснование всегда в некотором смысле является религиозным³. Согласимся с этим утверждением, так как даже само название — «ultimate reality» или «пределная», «окончательная» или, как дан перевод в большинстве русскоязычных изданий, «высшая» реальность — не позволяет свести данную систему к «субъективному» смыслу. Примечательно, что ultimate reality является *внешней* по отношению к обществу средой.

В одной из своих более ранних работ («Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives», 1966 г.) в пояснении к развернутой схеме, содержащей описание подсистем действия, Т. Парсонс уточняет, что «внешними» являются две среды, внутри которых функционируют системы действия, а именно: физико-органическая среда, отношения с которой опосредованы в первую очередь поведенческим организмом; и «высшая реальность», отношения с которой опосредованы конститутивными символическими системами (то есть религиозными компонентами) культурной системы⁴. Непосредственное восприятие ultimate reality возможно только в рамках индивидуального трансцендентного опыта, а «идеи» в этой сфере, если рассматривать их в качестве культурных объектов (например, представлений о богах, о сверхъестественном), являются символическими «репрезентациями» высших реальностей, но не самими этими реальностями. Таким образом, мы можем определить соотношение высшей реальности

1 Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 15.

2 Parsons T. The System of Modern Societies. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971. — P. 5.

3 Гараджа В. И. Социология религии. — М.: ИНФРА-М, 2005. — С. 148.

4 Parsons T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. — Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. — P. 7.

(внешней для всей системы действия), и культурной системы (как среды социетальной системы) как соотношение платоновских мира идей и мира вещей.

Можем предположить, что особое внимание Т. Парсонса к культуре, религии как основе сохранения и интеграции всей общественной системы объясняется, в частности, его происхождением и воспитанием. Толкотт Парсонс своим происхождением лишь продолжил американскую традицию появления социологов из недр религии. Отличительной чертой ранней американской социологии является то обстоятельство, что очень многие из ее основателей были священниками либо сыновьями священников⁵. Сам Т. Парсонс не раскрывает и не оценивает выделенную им *ultimate reality*, так как его исследовательское внимание полностью обращено к социальной системе. Однако мы позволим себе некоторые предположения относительно связи политики и «высшей реальности», опираясь на общую теоретико-методологическую схему, предложенную Т. Парсонсом.

Рассуждая об интеграции и самодостаточности общества, Т. Парсонс отмечает, что именно согласие членов общества по поводу ценностной ориентации означает институционализацию ценностного образца, а ценности, в конечном счете, легитимизируются главным образом в религиозных терминах. Таким образом, достаточная степень интеграции общества возможна лишь путем достижения относительного согласия его членов по поводу ценностей, соотносенных через религию с высшей реальностью. Во всяком случае, такая схема характерна для традиционных обществ (или обществ премодерна). Парадигма модерна требует секуляризации, и тогда основой ценностного согласия должна стать мораль «как нечто более общее, чем любая из вероисповедных позиций»⁶.

На основе функционального подхода (структурного функционализма) Т. Парсонс аналитически делил общество на четыре основные подсистемы: фидуциарную (воспроизводства образца), интегративную (социетальное сообщество), политическую и экономическую. В упрощенном варианте это привычные нам четыре сферы жизни общества: духовная, социальная, экономическая и политическая. При этом он подчеркивал взаимосвязи этих подсистем с другими частями общей «системы действия» и средой. «Так, подсистема сохранения и воспроизводства образца преимущественно касается отношений общества с культурной системой и через нее с высшей реальностью; целедостиженческая, или политическая, подсистема — отношений с личностными системами индивидов; адаптивная, или экономическая, подсистема — отношений с поведенческим организмом и через него с материальным миром»⁷.

Ядром политической системы модернизированных обществ Т. Парсонс считает, безусловно, государство, однако в широком смысле к политическим он относит любое явление в той мере, в какой оно связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей, так как основная функция политической системы — целедостижение⁸. Политическая сфера тесно связана с таким явлением, как власть, именно с помощью власти возможно макси-

мально эффективно определить коллективные цели, привлечь средства и ресурсы, необходимые для их достижения. Толкотт Парсонс определяет власть как «способность принимать и «навязывать» решения, которые обязательны для соответствующих коллективов и их членов постольку, поскольку их статусы подпадают под обязательства, предполагаемые такими решениями»⁹. Причем власть, по мнению автора, не может быть только инструментом устрашения, она должна быть возведена на уровень символа и легитимирована.

Так, для архаических обществ характерно обожествление носителя высшей государственной власти (государства древнего востока, эллинистические монархии и др.) В традиционных обществах этой цели служит сакрализация власти (например, в Византийской империи императоров больше не характеризовали как богов, но они считались людьми, избранными стать императорами милостью Божьей). Религиозно-философское обоснование сакральности власти монарха мы встречаем, например, у Льва Тихомирова в «Монархической государственности»¹⁰, где он, в частности, утверждает, что признание Верховной государственной власти одного человека возможно лишь при факте или презумпции, что в данной личности — царе — действует некоторая высшая сверхчеловеческая сила.

Государство устанавливает структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь населения. Этот порядок содержит ценности, нормы и правила, причем только соотносимость с *ultimate reality* придает им значимость и легитимность. Никакой нормативный порядок, утверждает Парсонс, никогда не является самолегитимизирующимся, то есть одобренный или запрещенный способ поведения не может рассматриваться обществом как правильный или неправильный безо всяких объяснений, а способ легитимации, в свою очередь, определяется религиозными ориентациями.

Именно государство обладает правом применять физическое принуждение к членам общества, именно оно уполномочено формулировать общие цели, поэтому так важно, чтобы были установлены определенные границы властвования. Связь государственной власти с *ultimate reality* означала не только «благословение» свыше на управление, но и подчинение носителя власти (при ее неограниченности мирскими институтами) высшей инстанции.

На протяжении многих веков религия играла роль государствообразующей мировоззренческой системы¹¹. Однако по мере развития общества культурные системы становятся все более дифференцированными, в силу чего возрастает значимость иных культурных структур — морали, искусства (как области экспрессивной символизации), науки (эмпирического знания). Эти структуры становятся самостоятельными культурными системами с более высокой степенью адаптивных возможностей. Это является примером процесса адаптивного совершенствования, относимого Т. Парсонсом к одному из аспектов цикла эволюционных изменений¹². Именно наличие высокодифференцированной культурной системы со сложной

5 Coser L. *American trends // A history of sociological analysis.* — L., 1979. — P. 287.

6 Парсонс Т. Указ. Соч. — С. 92.

7 Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives.* — Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. — P. 29.

8 Parsons T. *The political aspect of social structure and process // Varieties of political theory / Ed. by D. Easton.* — Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1966.

9 Parsons T. *Politics and Social Structure.* — New York: Macmillan-The Free Press, 1969. — P. 19.

10 Тихомиров Л. А. *Монархическая государственность.* — М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.

11 Подробнее см.: Мигунова Т. Л., Романовская Л. П. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // *Вестник ННГУ* — 2013. — № 3 ч. 2. — С. 147–150.

12 Parsons T. *Some considerations on the theory of social change // Rural Sociology.* — 1961. — Vol. 26. September. — P. 219–239.

сеть взаимосвязей является отличительной чертой обществ эпохи модерна. Новое время, его философия и его политика основываются на отрицании сакрального начала во всех его проявлениях¹³.

Научное видение мира исключает всю ту систему бинарных оппозиций, противопоставляющую друг другу силы разной мощи и природы, которая некогда задала само понятие «сакрального» и вне которой это понятие не может существовать. В результате в той самой мере, в какой мировидение строится на естественнонаучной основе, десакрализуется вся картина мира в целом – и власть, как ее элемент, в частности¹⁴. Связь власти с онтологией отрицается. Поэтому закономерно, что в обществах модерна (западных и западоориентированных обществах, прошедших социокультурную эволюцию новоевропейского типа) сакрализация власти отошла в прошлое.

Получается, что политика и общество вообще как бы разрывает связь с *ultimate reality*, если воспринимать ее как нечто трансцендентное, имеющее этически абсолютный характер, являющееся источником бытия, истины, добра и высшей справедливости.

Толкотт Парсонс жил в XX в., веке модерна, он исследует процессы, связанные с переходом от традиционного общества к «современному» (*Modern Society*). Мы же можем наблюдать и анализировать тенденции, связанные с переходом (прежде всего западных обществ) к постмодерну – информационному обществу, где разрыв с *ultimate reality* еще более очевиден. Общество в целом и политика в частности в парадигме постмодерна освобождаются не только от религии, от Бога, но и от морали.

Однако Запад – это еще не весь мир. Большая часть обществ (стран) продолжают оставаться традиционными по своему характеру. В XXI в. нарастает конфликт цивилизаций, основанный на фундаментальном противоречии парадигм модерна (постмодерна) и премодерна. Западу, навязывающему либерализм, как «глобальную материалистическую религию», противостоят мусульманские страны арабского востока, Азии, Африки, Индия и другие государства, где традиционные религии и традиционные верования и культы продолжают оставаться актуальной идеологической системой. Причем эти страны переходят в наступление не только по линии исламского фундаментализма (например, ИГИЛ), но и путем процесса миграции и освоения европейского пространства с постепенным вытеснением и замещением европейских культурных кодов.

Подводя итог нашего небольшого исследования, вслед за Р. Дарендорфом, резюмируем социологию Т. Парсонса следующим образом: важнейшим условием стабильности социальных систем является интеграция ценностных ориентаций всех ее участников¹⁵. Отметим, что источником этих ценностных ориентаций (ценностей, норм) может служить религия, которая соотносится с *ultimate reality*, или иные компоненты культурной системы, которые не имеют такого потенциала,

однако обладают большей адаптивной способностью в условиях модерна и тем более постмодерна.

Пристатейный библиографический список

1. Гараджа В. И. Социология религии. – М.: ИНФРА-М, 2005.
2. Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник ННГУ – 2013. – № 3 ч. 2.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998.
4. Романовская Л.Р. Свобода совести: эволюция института. // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8 (75).
5. Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I / Ред.: Д. М. Бондаренко. – М.: ЦПРИ РАН, 2005.
6. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.
7. Coser L. American trends // A history of sociological analysis. – L., 1979.
8. Dahrendorf R. Struktur und Funktion. // Dahrendorf R. Pfade aus Utopia: Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie. – Berlin, 1967.
9. Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966.
10. Parsons T. The political aspect of social structure and process // Varieties of political theory / Ed. by D. Easton. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966.
11. Parsons T. The System of Modern Societies. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1971.
12. Parsons T. Politics and Social Structure. – New York: Macmillan-The Free Press, 1969.
13. Parsons T. Some considerations on the theory of social change // Rural Sociology. – 1961. – Vol. 26. September.

13 Подробнее см.: Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник ННГУ. – 2014. – № 3 ч. 2. – С. 191–195; Романовская Л. Р. Свобода совести: эволюция института // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8 (75). – С. 111–113.

14 Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I / Ред.: Д. М. Бондаренко. – М.: ЦПРИ РАН, 2005. – С. 10.

15 Dahrendorf R. Struktur und Funktion. // Dahrendorf R. Pfade aus Utopia: Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie. – Berlin, 1967. – S. 231.

Тихонравов Е. Ю.

СООТНОШЕНИЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА ПО ОБЪЕМУ И СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ

В литературе по правоведению предмет исследования настоящей публикации является дискуссионным. Некоторые ученые в качестве примеров расширительного и ограничительного толкования юридических правил приводят случаи, которые относятся к систематической интерпретации права. Другие специалисты утверждают, что подобные иллюстрации толкованием права по объему не являются. В статье приведена аргументация, обосновывающая верность одного из этих двух воззрений.

Ключевые слова: толкование права по объему, распространительная и ограничительная интерпретация юридических норм, систематическое толкование права.

Tikhonravov E. Yu.

RELATIONSHIP BETWEEN EXTENSIVE AND RESTRICTIVE INTERPRETATION AND SYSTEMATIC CONSTRUCTION OF LEGAL NORMS

Contradicting opinions have been expressed concerning the issue of the present paper. Some scholars consider cases of systematic construction as examples of extensive and restrictive interpretation. Others argue that this approach is not correct. The article provides arguments which support one of these views.

Keywords: extensive and restrictive interpretation, systematic construction of legal norms.

Тихонравов Е. Ю.

Анализ соотношения систематического толкования и интерпретации по объему следует начать с характеристики этих категорий юриспруденции. Так, расширительное и ограничительное толкования были известны уже римским юристам. Опираясь на их работы, В. М. Хвостов описал распространительную интерпретацию следующим образом: «Если окажется, что автор нормы... придал своей мысли слишком узкую редакцию в словах»¹, то «область применения нормы приходится расширить за пределы буквальной ее редакции, чтобы осуществить вполне мысль, которую имел в виду автор ее»². Иными словами, здесь правоведа «просто должны применять существующую норму к случаям, не отвечающим условиям ее буквальной редакции, но согласным с ее смыслом»³.

Рассматривая ограничительное толкование, В. М. Хвостов отмечал: нередко римский юрист «указывает на необходимость сузить... область применения нормы сравнительно с слишком широко формулированной буквальной редакцией ее»⁴. Если же в таком случае «практик-юрист будет строго держаться буквы, которая получена нормой от создавшего ее источника права, и будет принимать во внимание лишь те условия, которые нашли упоминание в тексте нормы, то он будет прилагать ее и к... случаям, которые вовсе не имел в виду законодатель при создании нормы»⁵.

Сказанное позволяет понять условие, требуемое для осуществления толкования по объему. Этой предпосылкой выступает неточное формулирование юридического правила, так что смысл, который желал вложить в упомянутую норму правотворческий орган, оказывается воплощенным в ней хотя бы отчасти некорректно. Не удивительно, что на ошибочное выражение правового предписания как на необходимый при-

знак толкования по объему указывали многие авторитетные зарубежные⁶ и отечественные⁷ специалисты.

Таким образом, расширительная и ограничительная интерпретация имеет своей целью преодоление отмеченного неточного формулирования правовой нормы⁸. Вот почему, по замечанию Ф. Регельсберга, оба эти вида интерпретационной деятельности «соединяются обыкновенно под названием исправляющего толкования»⁹. В самом деле, идентичный термин для обозначения интерпретации по объему использовали, например, Б. Виндшейд¹⁰ и Л. Эннекцерус¹¹.

Однако некоторые правоведа усматривают возможность толкования по объему и в тех случаях, где верность формулировки юридического правила не подлежит сомнению. В частности, к ним относятся ученые, которые мыслят упомянутую интерпретацию в рамках систематического толкования. Под последним, как известно, подразумевается «толкование в контексте системы права»¹², которое, иными словами, «учитывает связи норм в системе права в целом»¹³.

Отражение такого подхода к распространительной и ограничительной интерпретации содержится в работе

1 Хвостов В. М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции. — М., 1895. — С. 15.

2 Там же.

3 Там же. — С. 100.

4 Там же. — С. 16.

5 Там же. — С. 105.

6 См.: Виндшейд Б. Учебник пандектного права. — Т. I. Общая часть. — СПб., 1874. — С. 50; Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. — М., 1897. — С. 158, 170; Барон Ю. Система римского гражданского права. — Кн. I. Общая часть. — М., 1898. — С. 25; Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. — Т. I, полут. 1. — М., 1949. — С. 189.

7 См.: Будзинский С. Начала уголовного права. — Варшава, 1870. — С. 34, 36; Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. — Киев, СПб., 1880. — С. 105; Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — М., 1916. — С. 142–143; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М., 1961. — С. 57; Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. — М., 1962. — С. 111, 115; Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. — М., 1967. — С. 313; Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. — М., 1975. — С. 50; Карташов В. Н. Институт аналогии в советском праве. — Саратов, 1976. — С. 38.

8 См.: Барон Ю. Указ. соч. — С. 25; Трубецкой Е. Н. Указ. соч. — С. 142; Пионтковский А. А. Указ. соч. — С. 57; Пиголкин А. С. Указ. соч. — С. 111; Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Указ. соч. — С. 50.

9 Регельсбергер Ф. Указ. соч. — С. 158.

10 См.: Виндшейд Б. Указ. соч. — С. 50.

11 См.: Эннекцерус Л. Указ. соч. — С. 189.

12 Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. — М., 2003. — С. 163.

13 Там же.

М. И. Малинина. По его убеждению, «систематическое толкование может привести к следующим результатам: сам по себе ясный буквальный смысл закона 1) может оказаться вполне соответствующим констатированной толкованием воле закона, или 2) он выражает более, чем сколько нужно в виду констатированной воли закона или 3) выражает менее того. Соответственно тому или другому результату и данный закон должен применяться или в буквальном смысле, или в ограничительном или в распространительном»¹⁴.

К отмеченным специалистам принадлежал также А. Ф. Черданцев. Этот юрист допускал «ограничительное и распространительное толкование норм, вытекающее из их системности»¹⁵, когда «законодатель не нарушил правил законодательной техники, четко и правильно сформулировал нормы права»¹⁶.

Соответствующая иллюстрация, по мнению А. Ф. Черданцева, может быть следующей. «Пример распространительного толкования термина “обвиняемый”, — отмечал упомянутый правовед, — дает ч. 3 ст. 5 УПК РСФСР: “Прекращение дела по основаниям, указанным в пунктах 3 и 4 настоящей статьи, не допускается, если обвиняемый против этого возражает. В этом случае производство по делу продолжается в обычном порядке”. Здесь законодатель употребил термин, значение которого уже объема понятия, вытекающего из действительного смысла нормы права. Из систематического способа толкования следует, что указанным правом обладает не только обвиняемый (как это видно из непосредственного понимания статьи), но и подозреваемый, а также законные представители обвиняемого или подозреваемого»¹⁷.

Аналогичные примеры интерпретации по объему распространены в учебной литературе. Так, Н. И. Матузов пишет: «В ст. 6 Конституции РФ фиксируется, что российские граждане обладают на ее территории равными правами и несут равные обязанности. А как быть с иностранцами и лицами без гражданства, находящимися на нашей территории? Распространяется ли данная норма на них, обязаны ли они, в частности, соблюдать законы Российской Федерации? Разумеется, да. Следовательно, толкуем данную норму расширительно. Это тем более ясно, если сопоставить ее с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ (систематический способ), в которой записано, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с российскими гражданами»¹⁸.

Подобные иллюстрации толкования по объему присутствуют и в диссертационных исследованиях. Скажем, Ю. А. Гаврилова отмечает: «Согласно части 2 статьи 125 Трудового кодекса РФ отзыв работника из отпуска допускается только с его согласия. Однако в силу части 3 этой же статьи не допускается отзыв из отпуска работников в возрасте до 18 лет, беременных женщин и работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. Поэтому в названном случае общее положение об отзыве работника из отпуска с его согласия нужно толковать ограничительно. В тексте части 2 статьи 125 Трудового кодекса РФ упоминаются все работники, но во взаимосвязи с частью 3 указанной статьи законодателем на самом деле мыслится более узкий их круг за счет текстуального изъятия из общего перечня определенных категорий работников»¹⁹.

Описанная практика рассмотрения толкования по объему в рамках систематической интерпретации подверглась критике в юридической литературе. Так, по убеждению М. Г. Авдюкова, «к толкованию норм права по объему не имеют отношения случаи, когда норма права извлекается из ряда статей одного или нескольких нормативных актов»²⁰.

Скорее всего, только что процитированный вывод следует признать верным. О правильности этого заключения М. Г. Авдюкова свидетельствуют следующие аргументы, которые, правда, упомянутый правовед в своей работе не изложил.

Ранее было продемонстрировано, что необходимой предпосылкой для обращения к толкованию по объему является неточное формулирование юридических норм их создателем. Однако в примерах систематической интерпретации, приведенных А. Ф. Черданцевым, Н. И. Матузовым и Ю. А. Гавриловой, ошибочное выражение норм права отсутствует. Вот почему подобные иллюстрации к случаям расширительного и ограничительного толкования не относятся.

Пристатейный библиографический список

1. Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. — М., 1970.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права. — Кн. I. Общая часть. — М., 1898.
3. Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. — М., 1975.
4. Будзинский С. Начала уголовного права. — Варшава, 1870.
5. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. — Т. I. Общая часть. — СПб., 1874.
6. Гаврилова Ю. А. Толкование права по объему: Дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2008.
7. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. — М., 1967.
8. Карташов В. Н. Институт аналогии в советском праве. — Саратов, 1976.
9. Малинин М. И. Теория гражданского процесса. Вып. I. — Одесса, 1881.
10. Малько А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права: Учебник. — М., 2004.
11. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. — М., 1962.
12. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М., 1961.
13. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. — М., 1897.
14. Ренненкампф Н. К. Очерки юридической энциклопедии. — Киев, СПб., 1880.
15. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — М., 1916.
16. Хвостов В. М. Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции. — М., 1895.
17. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. — М., 2003.
18. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т. I, полут. 1. — М., 1949.

14 Малинин М. И. Теория гражданского процесса. — Вып. I. Одесса, 1881. — С. 61.

15 Черданцев А. Ф. Указ. соч. — С. 286.

16 Там же.

17 Там же.

18 Малько А. В., Матузов Н. И. Теория государства и права: Учебник. — М., 2004. — С. 353.

19 Гаврилова Ю. А. Толкование права по объему: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2008. — С. 83–84.

20 Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. — М., 1970. — С. 29.

Зайдова М. У.

СИСТЕМА РОССИЙСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данной статье выделяются и описываются характерные особенности системы права и системы законодательства РФ. Правовая система объективно представляет собой синтез систем права и законодательства, в котором они соотносятся как форма и содержание одного и того же явления.

Ключевые слова: Российская Федерация, система права и система законодательства, совокупность нормативно-правовых актов.

Zaidova M. U.

THE RUSSIAN SYSTEM OF LAW AND LEGISLATION

This article identifies and describes the characteristic features of the legal system and the legislative system of the Russian Federation. The legal system objectively represents the synthesis of systems of law and legislation in which they relate to each other as form and content of one and the same phenomenon.

Keywords: Russian Federation, the legal system and legislative system, a set of legal acts.

Зайдова М. У.

Термин «система» является универсальным, используемым в самых различных отраслях человеческих знаний. В философском аспекте этой категорией охватывается специфически выделенное из окружающей среды целостное множество элементов, объединенных между собой совокупностью внутренних связей или отношений.

Следовательно, вопрос о системе права — это вопрос о составных элементах права, их взаимосвязи между собой, способе организации в процессе развития. Другими словами, исследовать систему права, значит выявить ее структурную организацию, указать принципы строения и развития.

Строение и развитие отечественного права, как и права вообще, predetermined, в конечном счете, системой общественных отношений, складывающихся на соответствующем этапе развития общества. Система права, будучи явлением объективным, складывается не произвольно, а в связи с состоянием системы конкретно-исторических общественных отношений, являясь выражением современного ей государства, причем выражением внутренне согласованным, таким, «которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий».

И если российскому праву надлежит представлять собой внутренне согласованную, взаимосвязанную систему правового регулирования, то законодатель не может, произвольно издавая правовые нормы, изменять исторический тип права, его основные черты.

Правовая система России — совокупность национальной системы права и международно-правовых обязательств Российской Федерации, правовой культуры российского общества, и сложившейся правовой практики.

Источниками права в России являются Конституция, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы и распоряжения президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, ведомственные акты федеральных органов исполнительной власти, конституции (уставы) субъектов РФ, законы субъектов РФ, акты органов исполнительной власти субъектов РФ, акты органов местного самоуправления; также к источникам права относятся международные договоры и соглашения, если они были в установленном порядке ратифицированы.

Конституция является первоисточником права в России, принципам которой должны соответствовать все остальные

правовые нормы (часть 1 статьи 15 Конституции РФ). Любой акт, противоречащий Конституции, признаётся недействительным в части противоречащих норм и должен быть либо отменён, либо изменён.

Во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике началось построение новой правовой системы. В годы перестройки через многочисленные поправки к Конституции РСФСР 1978 года было осуществлено признание политического плюрализма и многопартийности, принципа разделения властей, частной собственности и свободы предпринимательства. 12 июня 1990 года была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР, а 22 ноября 1991 года — Декларация прав и свобод человека и гражданина.

С распадом СССР в 1991 году было связано окончательное установление современного суверенного Российского государства.

12 декабря 1993 года всенародным голосованием была принята новая Конституция Российской Федерации.

В современном российском праве существует строгая иерархия правовых актов по их юридической силе. При этом существует как вертикальное направление, так и горизонтальное.

Вертикальное — распространение правовых норм от Конституции РФ до актов отдельных ведомств. При этом в вертикальной иерархии законодательство делится на федеральное, то есть применяемое на всей территории России, и региональное, то есть действующее в пределах субъектов РФ.

Горизонтальное — это акты равной юридической силы, но имеющие различный приоритет при применении в определённых обстоятельствах. Например, законодательные акты различных субъектов РФ имеют равную юридическую силу между собой, но действуют и применяются исключительно в пределах своего региона; другая ситуация — когда из двух нормативных правовых актов, обладающих равной юридической силой (например, федеральные законы) один признаётся преобладающим в отдельной сфере государственного регулирования (в случае если он глубже раскрывает данную сферу и наиболее детально конкретизирует её) или по отдельным вопросам, при рассмотрении судебных споров, основанных на противоречии правовых норм общего и отраслевого законодательства.

Правовая система объективно представляет собой синтез систем права и законодательства, в котором они соотносятся как форма и содержание одного и того же явления. При этом система права призвана реализовывать положения правовых принципов, которые в результате объективации в конкретных правовых нормах осуществляют непосредственное регулятивное воздействие, а система законодательства соответствует в своем содержании системе права и одновременно создает систему внешне выраженных его источников¹.

Под системой законодательства понимается совокупность нормативно-правовых актов, в которых объективируются внутренние содержательные и структурные характеристики права. Данная система является внешним выражением системы права. Совпадение между системой права и системой законодательства в пределах от отдельной нормы до права в целом не абсолютно. В этих границах они существуют самостоятельно, так как обладают своей спецификой, имеют собственные тенденции развития.

Система законодательства складывается в результате издания правовых норм, закрепления их в официальных актах и систематизации этих актов. Она имеет сложную структуру. В зависимости от оснований (критериев) можно выделить горизонтальную, вертикальную, федеративную и комплексную системы законодательства.

Горизонтальное (отраслевое) строение системы законодательства обусловлено предметом правового регулирования – фактическими общественными отношениями. На основе данного критерия вычлениются отрасли законодательства, соответствующие отраслям системы права (конституционное право – конституционное законодательство, трудовое право – трудовое законодательство, гражданское процессуальное право – гражданское процессуальное законодательство).

Вертикальное (иерархическое) строение отражает иерархию органов государственной власти и нормативно-правовых актов по их юридической силе. Во главе системы нормативно-правовых актов Российской Федерации стоит Конституция, далее идут законы, указы Президента, постановления Правительства, нормативные акты местных органов власти, локальные нормативные акты.

Федеративное строение системы основано на двух критериях – федеративной структуре государства и круге полномочий субъектов Федерации в сфере законодательства. В соответствии со ст. 65 Конституции РФ и Федеративным договором от 31 марта 1992 г. можно выделить три уровня нормативно-правовых актов Российской Федерации: федеральное законодательство (Конституция РФ, основы законодательства, федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства РФ и иные нормативные акты Федерации); законодательство субъектов Российской Федерации – республик в составе РФ (конституции республик, законы и иные нормативные акты), краев, областей, автономных округов, автономной области, городов федерального значения – Москвы, Санкт-Петербурга (уставы, законы, постановления глав администраций и иные нормативные акты); законодательство органов местного самоуправления (решения, постановления).

При рассмотрении соотношения системы права и системы законодательства следует обратить внимание еще на один учебно-практический вопрос. Первичным структурным эле-

ментом системы права выступает норма, а системы законодательства – статья нормативного акта.

Соотношение нормы права и статьи закона поливариантно, зависит, как уже отмечалось выше, от структуры фактических общественных отношений, уровня развития отрасли, института или всей правовой системы, замысла законодателя, степени развитости юридической техники и технологии.

В первом варианте норма права и статья закона совпадают. Учитывая единство потенциальной и реальной структуры правовой нормы, мы находим в статье либо все три элемента (гипотезу, диспозицию и санкцию), либо только один (два), а остальные необходимо выявить логическим путем. Но так или иначе по объему и содержанию государственно-властное веление (норма) и нормативное предписание (статья акта) совпадают. Такое соотношение нормы права и статьи закона типично, и к этому должен постоянно стремиться законодатель.

Второй вариант – включение нескольких норм в одну статью закона. Например, ст. 1 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», определяющая понятие крестьянского (фермерского) хозяйства, содержит четыре пункта, каждый из которых является самостоятельной нормой.

Третий вариант предполагает расположение одной нормы в нескольких статьях. Так, ст. 12 Семейного кодекса РФ (СК РФ) содержит условия заключения брака (гипотеза), ст. 10, 11 устанавливают место и порядок заключения брака (диспозиция), а ст. 27, 30 определяют основания и последствия признания брака недействительным (санкция).

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. // Материалы конференции. Москва, 27-28 апреля 2000 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 10.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1998.
3. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский Юридический Журнал. 2015. № 6. С. 148.
4. Мусаева А. Г. Примирительное Правосудие у Народов Дагестана // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1597

¹ Авакьян С. А. Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. // Материалы конференции. Москва, 27-28 апреля 2000 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 10.

Ибаев Р. К.

ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена проблемам развития системы права и системы законодательства. В современной правовой науке сложилось разнообразное применение понятий или самого термина «система» к характеристике наиболее общих категорий позитивного права. Так, в теории, обращенной к внутригосударственному праву той или иной страны, применяются понятия «система права» и «система законодательства», когда имеют в виду те или иные аспекты структурной дифференциации правовых норм или законодательных актов, сложившейся в данном государстве, в его «национальном» праве.

Ключевые слова: отечественная юридическая наука, система права, система законодательства, человек и право.

Ibaev R. K.

THE CHARACTER OF SYSTEM OF LAW AND LEGISLATIVE SYSTEM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE

The article is devoted to problems of development of system of law and legislative system. In modern legal science a variety of applications have developed of the concepts or the term "system" to the characterization of the most general categories of positive law. So, in theory, addressed to the municipal law of a country, the concepts of "system of law" and "legislative system" are used, when referring to certain aspects of structural differentiation of legal norms or legislation that has emerged in the state, in its national law.

Keywords: Russian legal science, law system, legislative system, man and law.

Новые тенденции в развитии Российской системы права – одна из важных и актуальных тем на сегодняшний день.

Произошедшие в начале предыдущего десятилетия изменения социально-политического устройства Российской Федерации потребовали создания новых правовых средств социального регулирования системы общественных отношений, содержащихся в системе права. В связи с этим, теоретическая разработка концепции современной российской системы права и реальное ее воплощение в практической деятельности, составляет одну из первоочередных задач, от решения которой зависят многие другие правовые проблемы, в частности, вопросы, связанные с совершенствованием права в целом, определением его места и роли среди других юридических явлений и социальных регуляторов. Это становится актуальным в условиях построения демократического правового государства, где право приобретает ведущее значение, а правовая наука нуждается в обобщающей категории, позволяющей оперировать ею при научном анализе всей правовой действительности. Такой универсальной категорией и является понятие «система права».

Система права, являясь основной регулирующей общественные отношения силой, осуществляет правовое регулирование в соответствии с существующими социальными, экономическими, политическими, духовными и складывающимися на их основе правовыми принципами, существующими в обществе на конкретной стадии его развития. Следовательно, одним из факторов, определяющих формирование системы права, является государственная идеология. С этих позиций необходимо отметить, что эффективность данной системы напрямую зависит от качества выражения в правовых нормах принципов правового регулирования, соответствующих общественному правосознанию, служащего критерием легитимности того или иного нормативно-правового акта. Другим конститутивным аспектом построения системы права является ее объективация, которая находит свое выражение во всей совокупности нормативных актов, издаваемых органами государственной власти. Поэтому, основной задачей, без решения

Ибаев Р. К.

которой невозможно достичь успехов в любой сфере общественной жизни, является, прежде всего, укрепление государства в лице всех институтов и всех уровней власти.

Основные направления развития и совершенствования права связаны с социально-экономическими и политическими реформами, происходящими в стране. Одновременно идут глубинные процессы изменения самого содержания права, обновления законодательства и осознания новой роли правовых явлений в жизни человека и общества. Здесь можно выделить: общие тенденции, характерные для права в целом, включая систему права и систему законодательства как две стороны одного целостного явления; тенденции развития структуры (системы) права; тенденции совершенствования законодательства.

К общим тенденциям относятся следующие:

Первая. Постепенное изменение соотношения «человек и право». С одной стороны, речь идет об «очеловечивании» права, о создании такой правовой системы, где бы в центре внимания всегда был человек, его права и свободы. Реальные шаги в этом направлении сделаны в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г., Конституции РФ, ГК РФ, законах о собственности, гражданстве и других нормативных правовых актах. Сюда же относится изменение методов правового регулирования: переход от императивных к диспозитивным методам, преобладание об не дозволенного типа регулирования в отношениях между людьми. Одним словом, все больше выкристаллизовывается и расширяется сфера действия частного права. С другой стороны, наблюдается определенное ограничение публично-правового регулирования, которое в прежние времена было доведено до абсурда (свидетельство тому – установление предельных размеров садовых домиков, бань, погребов и т. п.). В настоящее время происходит выравнивание отношений между государством и отдельным человеком с точки зрения объема прав и обязанностей между ними, гарантий их реализации.

Вторая. Децентрализация правового регулирования. Конституция РФ и Федеративный договор создали базу для за-

конодательного стимулирования развития субъектов РФ, местного самоуправления. Значительное развитие получают такие средства децентрализованного регулирования, как договоры, субсидиарное применение, аналогия закона и права.

Третья. **Интеграция в российское законодательство** в определенных случаях общепризнанных **принципов и норм международного права** и международных договоров Российской Федерации (ст. 15 Конституции РФ). Можно говорить также об интеграционной тенденции законодательства государств — участников СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза в экономическом и информационном пространстве, сфере борьбы с преступностью.

Тенденций развития структуры (системы) права

Процесс постепенного накопления нормативного материала и распределение его по структурным блокам — институтам, отраслям. Все более заметна тенденция к определенной унификации подобных блоков как равнозначных по объему, структуре и другим характеристикам, что позволяет расширять плоскости их взаимодействия, повышать эффективность регулирования. Данный процесс включает в себя образование новых институтов и отраслей (банковское, налоговое право), а также вычленение их из уже существующих структурных подразделений (семейное право).

Рост значения правового регулирования, что влечет образование комплексных структурных объединений юридических норм, обусловленное характером предмета и метода правового регулирования, субъектов и объектов правовых отношений. Возникновение комплексных образований зависит и от степени развитости правовой системы, от взаимодействия ее с другими нормативно-регулятивными системами общества.

Возможное развитие системы права в направлении от современной структуры с ее довольно прочными связями между институтами и отраслями к «плазменному» строению, где первичные структурные элементы будут находиться в состоянии относительной автономности. В необходимых случаях при наличии определенных системообразующих факторов они могут создавать структурные ассоциации для решения каких-либо вопросов. Проблемы, возникающие из естественных потребностей общественного развития, обуславливают цели законодателя по их урегулированию. Цель законодателя «притягивает» к себе из нормативного массива различные по назначению и функциональной специализации нормы для эффективного и быстрого ее достижения.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов
2. Конституция РФ М.: АСТ: Астарель, 2010. 64 с.
3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. / Сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992.
4. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2004.
5. Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. Т.1. / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2005.
6. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 520с.
7. Основы права: Учебник / Под ред. проф. М.И. Абдулаева. СПб., 2004.
8. Правоведение: Учебник для вузов / Под редакцией М.И. Абдулаева М.: Финансовый контроль, 2004.

Панченко В. Ю., Михалева А. Е.

СТРАХОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРЕПЯТСТВИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ*

В статье страхование рассматривается в качестве одного из способов минимизации вредного воздействия различных юридически значимых обстоятельств, осложняющих для субъектов права процессы использования своих правовых возможностей. Авторы приходят к выводам о том, что механизмы преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов являются частью правовой жизни общества (чем обуславливается их сопоставимость непосредственно с самими юридическими препятствиями в реализации прав и законных интересов, а также легальность и легитимность); обеспечивают соблюдение баланса интересов различного уровня и порядка; представляют собой правовые средства, в первую очередь – технологии (причем, если юридические препятствия «негативны», а юридические гарантии «позитивны», то механизмы преодоления юридических препятствий в конечном итоге «нейтральны»); существуют и действуют в форме различных правовых актов (документов или действий); не требуют приложения дополнительных усилий со стороны носителя прав, свобод и законных интересов; отличаются предметностью (не универсальны, применяются к определенным видам юридических препятствий в реализации прав и законных интересов). Страхованием присущи все указанные признаки: данный институт регулируется как общими, так и специальными нормативными правовыми актами, что свидетельствует о его включенности в правовую жизнь в качестве одного из элементов российской системы права; в своем действии реализует цели достижения равновесия порой противоречащих или даже противоположных устремлений личности, общества, государства; является разновидностью мер восстановления прежнего правового (в частности, имущественного) положения субъектов права; работа страховых механизмов отражается в совокупности правовых документов, включающих страховые договоры, акты, фиксирующие наступление страховых событий и пр.; в сфере действия находятся лишь некоторые из видов юридических препятствий в реализации прав и законных интересов. Обеспечение эффективного действия страхования как механизма преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов должно стать одним из приоритетных направлений отечественной правовой политики.

Ключевые слова: юридические препятствия в реализации прав и законных интересов, страховые механизмы, правовые средства, правовая политика, правовая жизнь.

Panchenko V. Yu., Mikhaleva A. Ye.

INSURANCE MECHANISMS OF OVERCOMING LEGAL BARRIERS FOR IMPLEMENTATION OF RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

The article describes the insurance system as one of the ways to minimize harmful influence of different legally relevant events which complicate the processes of using legal opportunities. The authors come to conclusions that mechanisms of overcoming legal barriers to implementation of rights and legitimate interests are the part of society`s legal life (and that fact determines their comparability with legal barriers to implementation of rights and legitimate interests as well as their legality and validity); provide balancing the interests of different levels; represent by themselves legal technologies (while legal barriers are «negative» and legal guarantees are «positive», mechanisms of overcoming legal barriers may be called «neutral»); exist and function in the form of different legal acts (documents or actions); do not require from the subject of rights, freedoms and legitimate interests to put any additional effort; have a specialization (are not universal, but applied to certain types of legal barriers to implementation of rights and legitimate interests). Insurance is characterized by all the features mentioned above: this institute is regulated by both general and special laws indicating its involvement in legal life as an element of Russian system of law; provides the balance of personal, society`s and state`s aims, which are sometimes contradictory or even controversial; acts as a form of measures taken in order to recover previous legal position (particularly, financial situation) of legal subjects; the functioning of insurance mechanisms is reflected in the set of legal documents, including insurance agreements, acts fixing the occurrence of insurance events, etc.; covers overcoming of only some types of legal barriers to implementation of rights and legitimate interests. Provision of the insurance system effective acting as a mechanism of overcoming legal barriers for implementation of rights and legitimate interests should become one of the priorities in domestic legal policy.

Keywords: legal barriers to implementation of rights and legitimate interests, insurance mechanisms, legal instruments, legal policy, legal life.

Ни одна сложная система, образуемая множеством разнородных элементов, не способна постоянно и бесперебойно функционировать, сохраняя при этом максимальный коэффициент своего полезного действия. Возникающие погрешности, с одной стороны, отражают потенциал развития и перспективы усовершенствования всякого механизма, позволяют

избежать зарождения процессов стагнации и деградации. С другой стороны, явно излишние и трудноустраняемые препоны могут подорвать работу всей конструкции и расшатать сложившиеся связи, обусловить их нестабильность, а значит, ненадежность.

Появление определенных отклонений и аномалий является нормой постольку, поскольку учесть все факторы, которые могут повлиять на степень соответствия получаемых на выходе результатов изначально проектируемым идеальным

Панченко В. Ю.

Михалева А. Е.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект №14-33-01293.

целям, не представляется возможным. Однако далеко не все, что выглядит объективно обоснованным на макроуровне, будет с необходимостью воспринято отдельными индивидами как субъективно приемлемое.

В пределах правового поля подобная закономерность прослеживается в том, что эффективность протекания процесса правореализации может понижаться вследствие существования различного рода барьеров, помех или, иными словами, юридических препятствий¹ на пути осуществления гражданами и организациями своих прав и законных интересов. Минимизация вредного воздействия таких обстоятельств, осложняющих для субъектов права использование их правовых возможностей, должна стать важнейшим аспектом концептуальной проработки отечественной правовой политики в целом.

Думается, что одним из способов борьбы с упомянутыми преградами к достижению как общих, так и индивидуальных правовых целей выступает институт страхования, который, совмещая в себе частно-публичные начала и обладая социальной, экономической и правовой природой, рассматривается законодателем как некие «отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»².

В целом механизм преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов присущ ряд ключевых черт, непосредственно определяемых характером самих обстоятельств, обусловивших необходимость поиска путей локализации и ослабления интенсивности их негативного воздействия на правовую действительность. В числе признаков этих механизмов (в большинстве своем логически вытекающих из признаков юридических препятствий как таковых) представляется возможным выделить следующие (и параллельно рассмотреть их на предмет относимости к институту страхования).

1. Механизмы преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов являются частью правовой жизни общества³, т.е. находят свое отражение в системе права, имеют юридическое значение, выраженное в их способности порождать, изменять или прекращать правоотношения.

Во-первых, данная характеристика обеспечивает однопорядковость и сопоставимость отдельно взятого юридического препятствия и механизма его преодоления (так или иначе противоположных по направленности своего воздействия), что позволяет удостовериться в наличии у них как минимум равного регулятивного потенциала (т.е. возможностей оказания реального влияния на протекание процессов юридической деятельности).

Во-вторых, правовая природа подобных механизмов гарантирует их легальность, которая порождает большую вероятность восприятия последних субъектами права в качестве разумных и обоснованных (а не произвольных) и, как следствие, легитимно действующих конструкций.

Именно поэтому выход из проблемной ситуации, связанной с существованием разных нормативных и фактических юридических препятствий, не может быть найден в рамках чисто политической или экономической жизни общества.

Например, принятие волевого политического решения не «по закону» (что зачастую требует приложения дополни-

тельных усилий, исчерпывающей аргументации, соблюдения строгих процедур и пр.), а «по справедливости» (как правило, в интересах конкретной социальной группы) либо избрание некоторой стратегии, являющейся рациональной с точки зрения экономической целесообразности, так или иначе вызовет отторжение у части общества и может послужить причиной дестабилизации и усугубления и без того неустойчивого (вследствие существования того или иного юридического препятствия) положения отдельных институтов.

Однако при этом бесспорна взаимообусловленность и неразрывность всех сфер функционирования социального организма: указанное выше требование имеет в своем основании стремление не допускать предоставления органам публичной власти предельно широких дискреционных полномочий и определяет необходимость надлежащего правового оформления механизмов преодоления юридических препятствий, но ни в коей мере не направляет на поиски решения проблемы в область юридической догматики, несколько оторванной от реальной жизни.

Обращаясь к анализу института страхования, регламентируемого нормативными правовыми актами как общего (гл. 48 Гражданского кодекса РФ, Закон РФ «Об организации страхового дела в РФ»), так и специального характера (гл. 15 Кодекса торгового мореплавания РФ, Федеральные законы «О страховании вкладов физических лиц в банках РФ», «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» и др.), следует отметить его безусловное соответствие признаку включенности в правовую жизнь в качестве одного из элементов российской системы права.

2. Механизмы преодоления юридических препятствий обеспечивают соблюдение баланса интересов различного уровня и порядка, не допуская необоснованного превалирования неохранных правом устремлений отдельных групп и индивидов.

В данном случае речь идет о выравнивании диспропорций, вызванных негативным влиянием отдельных юридических препятствий на развитие правовых взаимодействий.

Например, подобная ситуация имела место применительно к ст. 944 ГК РФ, закрепляющей обязанность страхователя сообщать страховщику все известные ему обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска). Подобная формулировка правовой нормы содержит в себе потенциальную опасность наступления неблагоприятных для страхователя последствий (в виде признания договора страхования недействительным) в случае неполного информирования страховщика, которое может произойти, как минимум, в силу неясности для большинства людей, не имеющих специальной квалификации в сфере страхования, о каких именно данных будет идти речь в каждом конкретном случае.

Однако судебная практика пошла по пути смягчения неравенства положения участников страховых правоотношений: суды обратили внимание на то, что если «страховщик, являясь лицом, осуществляющим профессиональную деятельность на рынке страховых услуг и вследствие этого более сведущим в определении факторов риска, не выяснил обстоятельства, влияющие на степень риска, а страхователь не сообщил страховщику заведомо ложные сведения о застрахованном имуществе, то страховщик <...> не может требовать признания недействи-

1 См. подр.: Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 10–18.

2 Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27 нояб. 1992 г. № 4015-1 // СПС «КонсультантПлюс».

3 См.: Панченко В. Ю. Указ. соч. – С. 14.

тельным договора страхования как сделки, совершенной под влиянием обмана»⁴.

В рассмотренном примере на защиту прав и законных интересов более слабой (в плане отсутствия специальных знаний) стороны договора страхования встал такой механизм преодоления юридических препятствий, как правоприменительная деятельность, осуществляемая органами судебной власти.

Однако и само страхование в своем действии самостоятельно реализует упомянутые цели достижения равновесия порой противоречащих или даже противоположных устремлений.

Так, для отдельной личности страхование⁵ обеспечивает возможность снижения опасности последствий вмешательства непредсказуемо и неожиданно возникающих нестандартных ситуаций, не вписывающихся в нормально и привычно протекающую жизнедеятельность, позволяя действовать в правовом поле активно и инициативно, принимая на себя ответственность за свои действия, рассчитывая финансовые и правовые риски.

Социальное значение страхования связано с необходимостью поддержания устойчивости общественных связей, с вопросами общей социальной безопасности для каждого члена общества. Ю. Б. Фогельсон отмечает, что по большей части социальную функцию выполняет обязательное страхование, роль которого состоит в том, чтобы предоставить «повышенную защиту некоторых общественно важных интересов людей и сделать эту защиту всеобщей, т.е. распространить защиту на все те случаи, когда эти интересы могут быть нарушены»⁶.

Государство стремится к развитию системы страхования постольку, поскольку это позволяет уменьшить бремя его социальных обязательств через механизмы перераспределения возможных расходов между застрахованными лицами, что особенно значимо в обстановке, когда «поколения людей воспитываются в твердом убеждении, искренней вере, что в государстве положено быть “бесплатному образованию”, “бесплатному медицинскому обслуживанию”, “бесплатным пособиям”, “бесплатному жилью”, “бесплатному отдыху” и т.д. <...> Индивиду даже мнится, что в рамках социальной деятельности государства между ним и государством складываются отношения своеобразной взаимности: государство предоставляет ему нечто даровое, а он на это тоже отвечает даровым, т.е. взамен предоставляет государственно-организованному обществу ничто. Так возникает мираж взаимности, а с ним – мираж права»⁷.

3. Механизмы преодоления юридических препятствий так же, как и сами юридические препятствия в реализации прав и законных интересов, являются правовыми средствами, при этом в первую очередь – технологиями.

А. В. Малько указывает, что правовые средства-деяния (технологии), будучи связанными с использованием средств-установлений, носят энергетический и динамический характер, находятся в сфере сущего⁸.

Это в значительной мере относится к механизмам преодоления юридических препятствий, причем сами юридические препятствия в реализации прав и законных интересов называют также «правовыми средствами “со знаком минус”»⁹.

Тем самым, при взаимодействии с конкретным юридическим препятствием механизм его преодоления должен обеспечивать своеобразное обезвреживание такового – осуществляемое рассматриваемым механизмом противодействие должно быть, как минимум, равным негативному действию юридического препятствия (т.е. сводящим какие-либо помехи, затруднения при реализации прав и законных интересов к нулю, нейтрализующим их), а, как максимум, противодействие может оказаться сильнее действия, в результате чего будет достигнут положительный результат (когда преграды не просто устранятся, но удовлетворение индивидуальных устремлений осуществится новым, более удобным путем).

На этом основании можно обратиться к вопросу о соотношении понятий «механизм преодоления юридических препятствий» и «юридическая гарантия».

Представляется, что не всякий механизм преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов является по своей природе юридической гарантией, а только тот, позитивное противодействие со стороны которого превосходит по своей силе негативное действие правовых барьеров, т.е. создает благоприятные условия для удовлетворения правомерных интересов субъектов права и обеспечивает достижение социально полезных целей¹⁰.

Следовательно, механизмы преодоления юридических препятствий в широком смысле охватывают юридические гарантии, однако в узком смысле представляют собой отдельную группу правовых средств, которые по критерию результатов их влияния на протекание процесса реализации прав и законных интересов имеют самостоятельное значение (т.е. тогда как юридические препятствия «негативны», а юридические гарантии «позитивны», механизмы преодоления юридических препятствий в конечном итоге «нейтральны», т.к. их первоочередной задачей является возвращение всего на круги своя – нормализация работы системы правового регулирования, а не дальнейшее ее усовершенствование).

Так, в имущественном страховании при наступлении страхового случая страхователю (выгодоприобретателю) выплачивается страховое возмещение в зависимости от размера причиненных ему убытков в пределах страховой суммы (ст. 929 ГК РФ), т.е. страховые механизмы нейтрализуют вредные последствия нарушений права собственности, иных вещных, обязательственных или исключительных прав.

В то же время в личном страховании, нацеленном на защиту граждан от причинения вреда жизни или здоровью, страхователю (выгодоприобретателю) при реализации страхового риска выплачивается предварительно оговоренная страховая сумма (ст. 934 ГК РФ), которая может как полностью компенсировать последствия неблагоприятных событий, так и оказаться недостаточной и лишь частично покрыть такой ущерб.

4 Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28 нояб. 2003 г. № 75 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Здесь интересно проследить этимологию самого термина: так, если в русском языке «страхование» происходит от корня «страх», что само по себе отражает возможную опасность, для предотвращения которой и создается соответствующее правоотношение, т.е. причину возникновения последнего, то, например, в английском («insurance») – от слова «уверенный» («sure»), акцентирующего внимание на следствии заключения договора страхования, выражающемся в состоянии защищенности застрахованного лица при наступлении предусмотренных соглашением страховых случаев.

6 См.: Фогельсон Ю. Б. Страхование: теоретические основы и практика применения. – М.: Норма, Инфра-М, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. – 2001. – № 7. – С. 5–14.

8 См.: Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 4–16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=149040> (дата обращения: 01.05.2015).

9 См.: Панченко В. Ю. Указ. соч. – С. 15.

10 Там же.

Таким образом, страхование, являясь разновидностью мер восстановления прежнего правового (в частности, имущественного) положения субъектов права, нарушенного вследствие вмешательства в их нормальную жизнедеятельность различных обстоятельств, попадающих под описание предусмотренных договором страховых рисков, в полной мере соответствует рассмотренному признаку механизма преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов.

4. Механизмы преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов вырабатываются в процессе юридической деятельности¹¹, причем как непосредственно направленной на поиск адекватного решения проблемы существования отдельных «больных» мест правового регулирования, так и ориентированной на иные задачи, но попутно приводящей к обнаружению действенной модели борьбы с ними.

Вопрос создания технологий идентификации юридических препятствий в реализации прав и законных интересов граждан и организаций и последующего противодействия их негативному воздействию остается актуальным и сегодня, а значит, требует комплексного системного исследования.

Думается, что целенаправленная выработка таких механизмов, рассчитанных на перспективу многократного использования в типичных ситуациях до момента полной ликвидации юридического препятствия, может происходить в ходе правотворческой или правоприменительной деятельности, осуществляемой компетентными органами с учетом выводов доктринальных изысканий, сформулированных в трудах представителей научного сообщества.

Варианты преодоления тех или иных юридических препятствий нередко открываются случайно в процессе разрешения казуистических юридических споров и правовых проблем, в том числе и самостоятельно носителями прав, свобод и законных интересов в процессе их непосредственной реализации. Подобные способы преимущественно ситуативны, по большей части подходят только к конкретным условиям конкретной неповторимой и в чем-то уникальной ситуации.

Однако страхование изначально формировалось как специализированная система (формализованная и устойчивая схема) преодоления нежелательных последствий возникновения всяческих непредвиденных жизненных обстоятельств, что во многом обусловлено следующим.

Объективная действительность и существующие в ее рамках социальные, экономические и правовые явления, сохраняя в целом относительную стабильность и устойчивость, так или иначе, развиваются в пространственно-временном континууме, постепенно приобретая новые признаки и свойства и утрачивая старые. Более или менее значительные изменения в биологических и социальных системах по общему правилу закономерны, обусловлены рядом факторов, а значит, объяснимы и, тем самым, могут быть предугаданы заранее, что имеет огромное значение для социума, представителям которого во многом свойственно стремление к планированию своего ближайшего будущего.

Однако зачастую необходимые и повторяющиеся связи между событиями и явлениями непредсказуемо и неожиданно нарушаются возникновением нестандартных ситуаций, не вписывающихся в привычные рамки. Как следствие, большинство правовых систем выработало такой механизм защиты имущественных интересов граждан и организаций, как страхование, стремясь тем самым снизить опасность последствий вмешательства в нормальное течение жизни подобных обстоя-

тельств, обозначаемых в страховом праве понятием «страховой случай».

5. Механизмы преодоления юридических препятствий так же, как и сами юридические препятствия в реализации прав и законных интересов существуют и действуют в форме различных правовых актов (документов или действий)¹².

Сам по себе механизм представляет собой объективируемое вовне в той или иной оболочке содержание, включающее ряд последовательных этапов и алгоритмов избавления от обстоятельства, создающих помехи.

Так, работа страховых механизмов отражается в совокупности актов.

Во-первых, необходима регламентация правоотношений посредством страхового договора, заключаемого между страхователем и страховщиком на определенных условиях, описывающих страховые риски. При этом такой договор носит алеаторный характер (когда условным является одно из условий, а не вся сделка)¹³.

Во-вторых, по верному указанию В. И. Серебровского, «только с наступлением страхового случая происходит реализация страхового правоотношения»¹⁴. В то же время страховой случай имеет сложную многоуровневую структуру, в которую включены такие составляющие, как опасность, от которой производится страхование, факт причинения вреда и причинная связь между опасностью и вредом¹⁵.

Однако все эти элементы должны быть надлежащим образом установлены, для того чтобы можно было констатировать их юридическую значимость и квалифицировать в качестве страхового случая. Именно для этих целей ст. 961 ГК РФ предусматривает обязанность страхователя незамедлительно уведомить о происшествии страховщика. Тем самым, одним из условий активации страховых механизмов выступает надлежащее оформление, фиксация, а иногда и доказывание имевших место обстоятельств.

Например, в одном из судебных решений¹⁶ прямо указывается, что «при предъявлении требования о выплате факт страхового случая подлежит доказыванию, бремя доказывания этого факта лежит на лице, предъявившем требование», на основании чего в конкретном деле страхователю в удовлетворении искового заявления было отказано: «Истец, переместив автомобиль с места происшествия, тем самым лишил органы полиции возможности установить лиц, причастных к его совершению, а страховую компанию – возможности проверить обстоятельства события, имеющего признаки страхового случая, в том числе путем оценки характера повреждений».

6. Механизмы преодоления юридических препятствий не требуют приложения дополнительных усилий со стороны носителя прав, свобод и законных интересов.

Безусловно, для поиска наиболее оптимального решения правового затруднения некоторые ресурсы, так или иначе, необходимо затратить, однако полученные результаты должны превосходить издержки. В противном случае сами «механизмы» могут превратиться в отдельное юридическое препятствие.

12 См.: Панченко В. Ю. Указ. соч. – С. 16.

13 См.: Абрамов В. Ю. Страхование – теория и практика. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 341.

14 Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М.: Статут, 2003. – С. 507.

15 О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 // СПС «КонсультантПлюс».

16 Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 8 июля 2014 г. по делу № 33-2276/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

11 См.: Панченко В. Ю. Указ. соч. – С. 16.

В частности, подобное когда-то случилось и с системой страхования: долгое время россияне весьма настроенно и критично воспринимали деятельность страховых организаций в принципе вследствие того, что однажды «70-летнее царство Госстраха в СССР» завершилось его крахом и миллионными невыплатами по обязательствам¹⁷.

Современный рынок страховых услуг начал формироваться относительно недавно (отмечается, что реально некоторое улучшение его конъюнктуры произошло лишь в 2005 г.¹⁸), поэтому из-за отсутствия устоявшейся практики функционирования страховых механизмов в отечественной правовой жизни возникает ряд проблем, связанных с невысокой страховой культурой всех участников страховых отношений.

Речь идет о страховщиках, которые, стремясь получить как можно более высокую прибыль, ориентируются на быстрый рост своих компаний, а не рентабельность, из-за чего страдает надежность подобных организаций, становятся возможными необоснованные задержки страховых выплат и пр.¹⁹

Нередко указывается и на недостаточный уровень развитости страховой культуры потенциальных страхователей: так, даже при наличии лишних средств, 29 % опрошенных россиян все равно не стали бы обращаться в страховую компанию, а предпочли бы иной вариант расходования денег; кроме того, согласно статистическим данным, выявляется низкий интерес граждан к долгосрочным видам страхования как таковым²⁰.

Тем не менее на сегодня следует констатировать все возрастающую роль системы страхования и тенденцию увеличения ее востребованности со стороны населения. Эффективность действия страховых механизмов подтверждается зарубежной практикой: например, в Европе, где система личного страхования более развита, страхование здоровья и страхование жизни играют первостепенную роль в вопросах компенсации причиненного ущерба, вследствие чего решение многих правовых споров выводится за рамки судебных разбирательств, не требует непосредственного привлечения пострадавших к участию в продолжительных и нередко утомительных процессах²¹.

7. Механизмы преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов характеризуются предметностью.

Это значит, что такие механизмы, будучи специально подобранными под характеристики отдельных видов юридических препятствий, не универсальны, поскольку попытка создания своеобразной «панацеи» от всех возможных правовых затруднений, лишенная конкретики, априори неэффективна.

В теории по целому ряду различных критериев выделяется значительное количество видов юридических препятствий в реализации прав и законных интересов: по субъектному составу, управляемости препятствующего фактора, характеру задействованных правовых средств, по отношению к правовой деятельности субъекта-носителя прав и законных интересов,

осознанности, а также по их месту в механизме правового регулирования²².

Помимо этого, как уже упоминалось ранее, по степени конкретизации механизмы преодоления юридических препятствий могут быть однократно применимыми – для выхода из уникальной (нетипичной) проблемной правовой ситуации – или многократно действующими, задающими общую схему решения аналогичных вопросов до момента окончательного устранения барьера для полной реализации прав и законных интересов субъектов права.

Очевидно, что особенности разных механизмов преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов и существенные различия между ними логически связаны непосредственно со спецификой самих юридических препятствий и определяются теми же факторами.

Страхование, рассматриваемое как один из механизмов преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, имеет предметом своего воздействия лишь те юридические препятствия, которые предварительно были теоретически описаны в страховом договоре в качестве страховых рисков и впоследствии нашли свое отражение в объективной действительности, практически воплотившись в произошедшем страховом случае.

Тем самым, в сфере действия страховых механизмов могут находиться лишь некоторые из видов юридических препятствий в реализации прав и законных интересов:

– юридические препятствия, исходящие от любого субъекта права – страховой договор может предусматривать восстановление правового положения, нарушенного как физическими лицами или организациями, так и публично-правовыми образованиями. Следовательно, по субъектному составу страховые механизмы имеют всеобщее действие, т.к. каких-либо ограничений в отношении возможных участников страховых правоотношений законодательство не устанавливает – имеющиеся запреты (ст. 928 ГК РФ) касаются объектов страховой защиты: в частности, не допускается страхование противоправных интересов, убытков от участия в играх, лотереях и пари, расходов, к которым лицо может быть принуждено в целях освобождения заложников;

– юридические препятствия как поддающиеся управлению, так и не поддающиеся управлению: страховым случаем, влекущим выплату страхового возмещения (страховой суммы) страхователю (выгодоприобретателю) по договору страхования (иными словами, фактом, запускающим работу страхового механизма), могут признаваться как события, всецело не зависящие от воли и желания субъектов права или вышедшие из-под их контроля (например, гибель застрахованного имущества от удара молнии или взрыва), так и совершение деяний (например, повреждение имущества в результате противоправных действий третьих лиц). Однако здесь огромное значение приобретает фактор непреднамеренности возникновения страхового случая, т.е. отсутствие вины или грубой неосторожности, коррелирующее с интересом в ненаступлении опасности и вредных последствий, со стороны страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица (ст. 963 ГК РФ). Должна иметь место «субъективная случайность, понимаемая как добросовестное неведение»²³, когда «участники договора не знали и не должны были знать о его (страхового события

17 См.: Страховая культура: две стороны одной медали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.o-strahovanie.ru/pub/063.php> (дата обращения: 01.05.2015).

18 См.: Проблемы и перспективы страхового рынка в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.silchenkova.ru/Vidy_dogovorov_perestrahovaniya/perspektiva/index.html (дата обращения: 01.05.2015).

19 См.: Проблемы рынка: низкая страховая культура не только у страхователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://raexpert.ru/researches/insurance/noeasymaney/part2> (дата обращения: 01.05.2015).

20 См.: Особенности продвижения страховых компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advlab.ru/articles/article325.html> (дата обращения: 01.05.2015).

21 See: Pfennigstorf W. Legal Expense Insurance // The American Journal of Comparative Law. – 1975. – Vol. 23. № 3. – P. 468.

22 См.: Панченко В. Ю., Петров А. А. Классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 9. – С. 6–12.

23 Фогельсон Ю. Б. Указ. соч.

– В. П., А. М.) наступлении либо о том, что оно (страховое событие – В. П., А. М.) не может наступить»²⁴;

– юридические препятствия-деяния – страховые механизмы обеспечивают защиту страховых интересов от вмешательства различного рода нежелательных обстоятельств, находящихся в плоскости сущего, не имея возможности воздействовать на сферу должного (т.е. на юридические препятствия-установления);

– преимущественно внешние (объективные) юридические препятствия в реализации прав и законных интересов, связанные с вредными последствиями наступления предусмотренной договором страхования опасности. Однако в некоторой степени и субъективные (внутренние) юридические препятствия могут быть нивелированы: дополнительная защищенность страховкой, выраженная в перераспределении финансовых рисков, стимулирует более активную правовую деятельность субъектов права. При этом зачастую подобный психологический эффект приобретает крайнюю форму «субъективного риска» («moral hazard»²⁵), сущность которого заключается в менее ответственном отношении страхователей к своему поведению, определенном авантюризме и легкомыслии, что вызвано уверенностью в обеспеченности возможных расходов за счет обязательства страховщика по страховому договору;

– правоконкретизирующие и правореализационные юридические препятствия – по уже изложенным выше обстоятельствам страхование работает на ненормативном уровне правовой жизни общества, что обусловлено, прежде всего, природой объектов воздействия страхового механизма, которыми являются лишь юридические препятствия, подлежащие квалификации в качестве страховых случаев, характеризующихся в свою очередь (как видовое понятие «случая» вообще) конкретностью (определенностью во времени и пространстве (и в этом смысле единичностью, уникальностью), а не абстрактностью, общностью); завершенностью (а не потенциальной возможностью наступления в неотдаленной перспективе); объективностью (существованием за пределами (независимо от) сознания отдельно взятого индивида); неожиданностью (фактической (возникающей вследствие ограниченности научно-технических, интеллектуальных и иных ресурсов человека) или мнимой (обусловленной недостаточной внимательностью, осмотрительностью отдельного субъекта)).

Таким образом, страхование, будучи частью правовой жизни российского общества, выступая средством нейтрализации негативного воздействия нежелательных обстоятельств на осуществление правовой деятельности и олицетворяя собой баланс интересов отдельно взятой личности, общества и государства, соответствует всем характеристикам механизма преодоления юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, обеспечение эффективного действия которого должно стать одним из приоритетных направлений правовой политики.

Пристатейный библиографический список

1. Faure M. G., Mot J. P. B. Comparing Third Party Financing of Litigation and Legal Expenses Insurance // *Journal of Law, Economics and Policy*. – 2012. – Vol. 8. – № 3.
2. Pfennigstorf W. Legal Expense Insurance // *The American Journal of Comparative Law*. – 1975. – Vol. 23. – № 3.
3. Абрамов В. Ю. Страхование – теория и практика. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
4. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 8 июля 2014 г. по делу № 33-2276/2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // *Правоведение*. – 1999. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=149040> (дата обращения: 01.05.2015).
6. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // *Государство и право*. – 2001. – № 7.
7. О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 // СПС «КонсультантПлюс».
8. О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27 нояб. 1992 г. № 4015-1. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28 нояб. 2003 г. № 75 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Особенности продвижения страховых компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advlab.ru/articles/article325.html> (дата обращения: 01.05.2015).
12. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // *Академический юридический журнал*. – 2013. – № 3.
13. Панченко В. Ю., Петров А. А. Классификация юридических препятствий в реализации прав и законных интересов // *Право и государство: теория и практика*. – 2013. – № 9.
14. Проблемы и перспективы страхового рынка в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.silchenkova.ru/Vidy_dogovorov_perestrahovaniya/perspektiva/index.html (дата обращения: 01.05.2015).
15. Проблемы рынка: низкая страховая культура не только у страхователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://raexpert.ru/researches/insurance/poeasumaney/part2> (дата обращения: 01.05.2015).
16. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М.: Статут, 2003.
17. Страховая культура: две стороны одной медали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.o-strahovanie.ru/pub/063.php> (дата обращения: 01.05.2015).
18. Фогельсон Ю. Б. Страхование: теоретические основы и практика применения. – М.: Норма, Инфра-М, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

24 О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 // СПС «КонсультантПлюс».

25 See: Faure M. G., Mot J. P. B. Comparing Third Party Financing of Litigation and Legal Expenses Insurance // *Journal of Law, Economics and Policy*. – 2012. – Vol. 8. – № 3. – P. 759–761.

Алиева А. Б., Идрисова Н. Г. НОРМЫ «МЯГКОГО ПРАВА» В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В статье раскрываются проблемы, связанные с возникновением и развитием в современной правовой системе такого понятия, как «мягкое право». Ведь «мягкое право» включает разнообразные юридически необязывающие соглашения, например, договоры о намерениях, декларации, руководящие принципы и т.п.

Ключевые слова: современная правовая система, мягкое право, международное сотрудничество окружающая среда, государственные границы достояние человечества.

Alieva A. B., Idrisova N. G. NORMS OF SOFT LAW IN THE MODERN LEGAL SYSTEM

The article reveals the problems associated with the occurrence and development of such concept as a soft law in the modern legal system, since soft law includes a variety of legally non-binding agreements, such as contracts of intent, declarations, guidelines, etc.

Keywords: modern legal system, soft law, international cooperation environment, the state border heritage of humanity.

«Мягкое право» (англ. soft law) — отсылает к квазиправовым инструментам, которые не имеют обязательной юридической силы или обязательная сила которых отчасти «слабее», чем обязательная сила традиционного права; часто противопоставляется тому, что подразумевают под «жестким правом» (hard law). Например, в европейских исследованиях мягкое право концептуализируется таким образом, что претендует на поиск и охват собой регулирующих систем, более эффективных и менее репрессивных, чем обычное, жесткое право. Традиционно термин «мягкое право» связан с международным правом, хотя совсем недавно начал применяться к ветвям внутреннего права, а также к области корпоративного управления.

Инструменты «мягкого права» обычно рассматриваются как необязательные соглашения, которые, тем не менее, содержат много потенциала для оформления в «жесткое право» в будущем. Эта «жесткость» «мягкого права» может быть привнесена двумя способами. Первый состоит в том, что декларации, рекомендации и др. — являются первым шагом к процессам договаривания, в рамках которых может быть сделана ссылка на принципы, уже утверждённые в инструментах «мягкого права». Другая возможность состоит в том, что недоговорные соглашения предназначены для того, чтобы влиять на практику государств, и в той мере, в какой они успешны в этом, они могут привести к созданию обычного права. «Мягкое право» — удобное и пригодное средство для переговоров, которое может не предоставлять обязательств, имеющих юридическую силу, в то время, когда они не удобны и не пригодны в определённый момент времени по политическим и/или экономическим причинам для сторон, участвующих в переговорах для создания основных обязательств (о которых стороны пытаются договориться), но в то же самое время, когда они ещё хотят договариваться о чём-то с честными намерениями (bona fides).

«Мягкое право» привлекательно потому, что оно часто содержит желательные цели, направленные на развитие в русле лучших возможных сценариев. Однако язык во многих документах «мягкого права» может быть противоречивым, несогласованным с существующими юридическими обязательствами и потенциально дублирующим существующие правовые/юридические и политические процессы. Другой ключевой особенностью «мягкого права» является то, что до-

Алиева А. Б.

Идрисова Н. Г.

говаривающиеся стороны не оказываются ослеплёнными потенциалом, скрытым в «мягком праве». Если договаривающиеся стороны ощущают что «мягкое право» имеет потенциал для дальнейшего превращения его в нечто обязательное (в «жесткое право»), это может негативно повлиять на процесс договаривания, и содержание «мягкого права», которое обсуждается, может быть «слито» так низко и окружено столькими ограничениями, что теряется смысл их создания.

Тем не менее, опора на и зависимость от «мягкого права» продолжается, и маловероятно, что его использование прекратится; намного более вероятно, что на него не следует полагаться в большом количестве случаев, поскольку оно также служит в качестве «испытательного полигона» для новых, передовых идей, на котором прорабатываются политические формулировки для происходящих в мире быстрых изменений и предстоящих спорных проблем, например таких, как изменение климата.

Примером области, где использование «мягкого права» играет важную роль, является биоэтика. Принципиальные международные документы по этому вопросу (Нюрнбергский кодекс, Хельсинкская декларация, Belmont Report, Барселонские принципы и т.д.) обеспечивают общую точку отсчета для решений и стимулирования дебатов в области биоэтики, они также предоставляют возможность принять стандарты в странах, где ранее эта тема была представлена слабо или совсем не развита.

«Мягкое право» также рассматривается как гибкое средство, избегающее непосредственной и бескомпромиссной приверженности договорам, которая рассматривается ещё и в качестве пути, потенциально более быстрого в сравнении с юридическими обязательствами, которые принимаются и функционируют более медленными темпами, присущими обычному международному праву. С течением времени в со-

временном глобализированном обществе проще использовать возможности медиа и интернета для того, чтобы делиться знанием о содержании деклараций и обязательств, сделанных на международных конференциях. При этом эти желательные не-обязательства, представленные в инструментах «мягкого права», часто захватывают воображение граждан, которые начинают верить в них как если бы они были юридическими инструментами. В свою очередь, инструменты «мягкого права» влияют на правительства, которые вынуждены принимать во внимание пожелания граждан, НКО, организаций, судов и даже корпораций, которые начинают ссылаться на них (на инструменты «мягкого права») так часто и придавая им такую значимость, что ими начинают доказывать правовые/юридические нормы.

Другим полезным аспектом, вытекающим из природы «мягкого права» является то, что оно часто может быть использовано как свидетельство обязательной нормы международного права (*opinio juris*) для применения или интерпретации договора.

В развивающихся странах инструменты «мягкого права» являются некой «правовой кнопкой» международных организаций, например, ООН, используемой для производства международного консенсуса.

«Мягкое право» оказалось очень важным в поле международного экологического/средового права, где государства неохотно брали на себя обязательства за многие экологические инициативы, когда пытались балансировать между решением экологических задач, с одной стороны, и экономическими и социальными целями, с другой. Оно также важно в поле международного экономического права и международного права в вопросах устойчивого развития.

«Мягкое право» может рассматриваться как средство, создающее контекст и оттачивающее формулировки, с опорой на которые в дальнейшем может образовываться обычное, «жесткое право».

«Мягкое право» включает разнообразные юридически необязывающие соглашения, например, договоры о намерениях, декларации, руководящие принципы и т.п.

В настоящее время процессы интеграции и глобализации пронизывают практически все сферы человеческой деятельности. Сближение законодательств различных государств (как в рамках отдельного района, так и в рамках правовой семьи) является одним из результатов международного сотрудничества.

Международное сотрудничество приобретает дополнительное значение и весомость в контексте последних тенденций в процессе усиления взаимозависимости мировой экономики. Налицо настоятельная необходимость в перестройке и активизации существующих процессов и структуры сотрудничества и в разработке новых и новаторских форм сотрудничества. В данной связи регулирование правоотношений традиционными правовыми средствами не всегда эффективно.

Международному праву уже достаточно давно известна концепция «мягкого права». Ряд исследователей определяют «мягкое право» как систему норм рекомендационного характера, другие же говорят о системе морально-политических норм. Существует также позиция, согласно которой «мягкое право» вовсе не относится к праву. Такое разнообразие подходов свидетельствует о том, что на сегодняшний день не сложилось единого определения термина «мягкое право». Впервые нормы мягкого права сформировались в международном экологическом праве или международном праве окружающей среды. Это объясняется специфичностью экологическо-

го права как отрасли международного права – действительно, человечество не может контролировать природные явления подобно тому, как исключить воздействие на окружающую среду. Окружающая среда вне государственных границ является общим достоянием человечества. Поэтому очевидна взаимозависимость охраны окружающей среды, мира, развития, обеспечения прав человека и фундаментальных свобод. Данные принципы указывают на гибкость международного права окружающей среды; практически невозможно урегулировать экологические правоотношения, не прибегнув к альтернативным средствам – нормам «мягкого права».

Инструменты «мягкого права» обычно рассматриваются как необязательные соглашения, которые, тем не менее, содержат много потенциала для оформления в «жесткое право» в будущем. Эта «жесткость» мягкого права может быть привнесена двумя способами. Первый состоит в том, что декларации, рекомендации и др. – являются первым шагом к процессам договаривания, в рамках которых может быть сделана ссылка на принципы, уже утверждённые в инструментах «мягкого права». Другая возможность состоит в том, что недоговорные соглашения предназначены для того, чтобы влиять на практику государств, и в той мере, в какой они успешны в этом, они могут привести к созданию обычного права. «Мягкое право» – удобное и пригодное средство для переговоров, которое может не предоставлять обязательств, имеющих юридической силы, в то время, когда они не удобны и не пригодны в определённый момент времени по политическим и/или экономическим причинам для сторон, участвующих в переговорах для создания основных обязательств (о которых стороны пытаются договориться), но в то же самое время, когда они ещё хотят договариваться о чём-то с честными намерениями.

«Мягкое право» также рассматривается как гибкое средство, избегающее непосредственной и бескомпромиссной приверженности договорам, которая рассматривается ещё и в качестве пути, потенциально более быстрого в сравнении с юридическими обязательствами, которые принимаются и функционируют более медленными темпами, присущими обычному международному праву.

Другим полезным аспектом, вытекающим из природы «мягкого права» является то, что оно часто может быть использовано как свидетельство обязательной нормы международного права (*opinio juris*) для применения или интерпретации договора.

Несмотря на широкое распространение в сфере международных отношений, существование «мягкого права» все еще подвергается сомнению. Дискутируется сам факт существования «мягкого права» и его природа. Тем не менее, реальность такова, что государства охотно используют «мягкое право» и четко разделяют обязательства, вытекающие из международно-правовых актов и из актов «мягкого права».

Пристатейный библиографический список

1. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М.,
2. Велижанина М. Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений.// автореферат дисс.М.,2007
3. Волова Л.И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве. Ростов н/Д, 1981.
4. Клименко Б.М. Государственная территория. М., 1974.

Мусаева А. Г., Атаева П. А.
ПРАВО И МОРАЛЬ – ВАЖНЕЙШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ
ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

«И выше всех вершин Востока считают собственную честь».
Р. Гамзатов

Данная статья посвящена рассмотрению элементов теснейшего взаимодействия данных средств нормативного регулирования и их общих методологических аспектов. В статье поднимаются проблемы обеспечения динамической стабильности в обществе и профилактики социальных конфликтов на почве аморального поведения, приводится система мер, обеспечивающая морально-психологическую стабильность дагестанских народов.

Ключевые слова: община, способ морально-нравственного самоочищения, дагестанское общество, мораль, право.

Musaeva A. G., Ataeva P. A.
THE LAW AND ETHICS AS CRITICAL SOCIAL REGULATORS IN DAGESTANIAN
SOCIETY

This article is devoted to consideration of the elements of the close interaction of these means of statutory regulation and their general methodological aspects. The article raises the problem of providing dynamic stability in the society and prevention of social conflicts on the grounds of immoral behavior, the system of measures providing moral and psychological stability of the Dagestan peoples is proposed.

Keywords: community, way of moral self-purification, Dagestan society, morality, law.

Постоянное совершенствование общества неотделимо от воспитания характера одного человека, который строит свою жизнь на основе нравственных ценностей. Право и мораль занимают особое место в формировании духовного мира личности, являясь важнейшими социальными регуляторами, включенными в систему общественных отношений. Они воздействуют на преобразования сознания личности. Право и мораль согласуют поступки каждого человека с интересами общества и государства.

Взаимодействие права и морали является сложным, многогранным процессом. Также тема актуальна сближением, взаимопроникновением права и морали, усилением согласованного воздействия на общество.

В юридической литературе взаимодействие права и морали получило освещение в ряде монографий статей, в учебной литературе. В них поставлено ряд важных теоретических проблем, связанных с исследованием природы и сущности права и нравственности как важнейших социальных регуляторов.

Цивилизация выработала множество различных норм и правил, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни и деятельности.

Право вырастает из социальных норм догосударственной организации. Оно формируется из обычаев, табу, которые преобразуются, отбираются, приспосабливаются к новым социальным отношениям, основанным на частной собственности, социальном и классовом расслоении общества.

Мораль – система взглядов, норм, принципов, оценок, убеждений, выражающихся в поступках и действиях людей. Она регулирует их отношения друг к другу, к обществу, определенному классу, государству и поддерживаются личным убеждением, традицией, воспитанием, силой общественного мнения всего общества, определенного класса, либо социальной группы. По мнению Агешина, «под моралью принято понимать совокупность принципов или норм поведения людей, регулирующих их отношения друг к другу, а также к обществу, к определенному классу, и государству, к родине, к семье и так

далее и поддерживаемых личным убеждением, традицией, воспитанием, силой общественного мнения всего общества или определенного класса».

Мораль зародилась раньше права, так как наряду с обычаями она регулировала первобытнообщинные отношения. Нормы морали являются продуктом человеческого развития. Мораль возникает и развивается на основе потребности общества регулировать поведение людей в различных сферах их жизни. Мораль считается одним из самых доступных способов осмысления людьми сложных процессов социального бытия. Коренной проблемой морали является регулирование взаимоотношений и интересов личности и общества. Мораль включает: моральные отношения, моральное сознание, нравственное поведение.

Особое место в формировании духовного мира личности, её сознания и культуры, активной жизненной позиции, принадлежит праву и морали, которые являются важнейшими социальными регуляторами, включенными в систему общественных отношений, целенаправленно воздействующими на преобразования сознания личности. Право и мораль – важнейшие элементы человеческой культуры, всегда выступающие в тесном взаимодействии, характер которого определяется конкретно-историческими условиями и социально-классовой структурой общества. Такое взаимодействие обусловлено, так как генезис и реальное бытие права и морали определяются едиными сферами общественных отношений, в которых развёртываются сложные и подчас противоречивые связи данных социальных регуляторов.

По вопросу о праве и морали в литературе содержится изложение различных учений, школ, концепций и т.п. Хо-

Мусаева А. Г.

Атаева П. А.

телось бы несколько из них отметить. Взаимосвязь морали с правом являются одними из тех ключевых вопросов, которые продолжают оставаться актуальными, интересными и важными уже на протяжении многих веков.

С одной стороны, это связано с тем огромным значением, которое сыграли все эти понятия в жизни человеческого общества, в человеческой истории, поскольку, с определенной точки зрения, именно механизмы права и созданных на основе права институтов управляли жизнедеятельностью человека в течение большей части его истории, тогда как моральные нормы, в свою очередь, обеспечивали мотивацию действий, как индивидуумов, так и общества, формировали отношение к правовым нормам и государственным системам, определяли желательность или нежелательность какого-либо общественного устройства.

Дагестанские горы не создали условий для легкой, обеспеченной жизни. На суровых бесплодных скалах каждая горстка зерна добывалась тяжелым, упорным трудом; каждый кувшин воды стоил больших усилий. Жизнь давалась неустанным трудом, выработавшим у населения силу, твердость духа, настойчивость и умение переносить лишения. В условиях низкой продуктивности земледелия у горцев выработались соответствующий образ жизни с характерными неприспособленными потребностями. На скромность быта обращали внимание многие современники, которые непосредственно наблюдали быт горцев. Типичный образ горца отразил в своей работе Ев. Марков. Он в частности относительно питания горцев писал: «Горец изумительно умерен в своих привычках, изумительно вынослив. Плоть не одолевает его до такой степени, чтобы пленить дух его. ...Эта умеренность привычек горца, эта жизнь на свежем воздухе, в постоянном движении, в постоянном напряжении своих сил, выковывает могучим образом не только его дух, но и тело, его физическое здоровье». Не менее интересные сведения о скромности питания горцев содержатся в записке Мочульского: «В пище дагестанцы умеренны и невероятно как могут переносить голод. ...Они запасаются особенного рода сухарями из просяной муки или конопляной. Сии сухари приготавливаются так: зерно сильно сушится и потом по перемалыванию поджаривается. В таком виде его перемешивают с медом и сохраняют в плотных комках. Эта пища мало объемиста и чрезвычайно питательна. В крайних случаях горец ею может запастись на две недели, ничуть не обременяя себя тяжестью провианта».

И в этих сложных природно-климатических условиях основополагающими принципами морально-нравственной культуры поведения и этикета горцев были «яхнамус», смысл которых в сознании горцев определялся как всеобъемлющее понятие всех благородных качеств человека: и честь, и доброе имя, и уважение к обычаям, и верность долгу, и достоинство - личное, фамильное, родовое, человеческое. «Там нет счастья, где нет намуса», «Пусть со мною будет что угодно, лишь бы род не лишился свое Каждый потенциальный нарушитель должен был понимать, что рискует репутацией не только своей, но и тухума в целом, и ответственность будет соответствующей степени аморальности поступка. «Каждое племя дагестанцев дорожит своей репутацией среди остальных и считает позором для себя всякое преступное, по его мнению, деяние, совершенное его членами». То есть существовала тухумная солидарность, посредством которой обеспечивалась моральная чистота в джамаате. Это были традиционные устои самобытно сложившегося гражданского общества у горцев Дагестана.

В числе приоритетных моральных устоев в горских гражданских обществах следует назвать: ревностное отношение к

честь и личному достоинству, развитое чувство социальной справедливости, безукоснительно всеми соблюдаемые этика и культура поведения в семье и обществе, тухумная и джамаатская солидарность, почтительное отношение к представителям старшего поколения, гостеприимство, набожность, забота о престиже своего джамаата, высокоразвитое чувство патриотизма и т.д.

Значительное число конфликтов в горах возникали на почве нарушения социальной справедливости, что было обусловлено значительным дефицитом материальных ресурсов. Отношение горцев к социальной справедливости наиболее точно выразил имам Шамиль: «Всякое подобие несправедливости, всякое ничтожное, но неправильное действие до глубины души возмущает горца, который с качествами хищного зверя питает в себе глубокое чувство правдивости. Это чувство или дает ему возможность умирать без ропота и боли, или же подвигает его на самые кровавые эпизоды...».

И далее «О солнечной жаре сухой, костистый лезгин даже и не помышляет. Он и в жару носит на голове баранью папаху, баранью шубу. У каждого (горца. – А. М.) в кармане шаровар насыпано несколько горстей просяной муки, и вот их весь дорожный запас. Намешает с водою, много-много с кусочком курдючного сальца или чесноку, горсточку такой саламаты, поджарить его легенько на щепочках, – и вся недолга! Вина не знает, водки не знает, чаю не знает, барана режет только на пирушку...».

Наряду с социальной справедливостью горцы ревностно относились к оскорблению чести и достоинства. Поэтому же по поводу исследователь А. А. Ахлаков отмечал: «Горец - человек с высокоразвитым чувством собственного достоинства, требовал к себе подобающего отношения от другого, равного себе... Действия, связанные с отклонением от этих общепринятых норм, ведут к конфликтам, которые на первый взгляд имеют только нравственную, моральную окраску. На самом же деле конфликты, возникающие на моральной почве, социально детерминированы.

Соблюдение норм права входит в содержание нравственного долга граждан в обществе. С развитием морального и правового сознания повышается авторитет норм права, совершенствуются как нормы морали, так и нормы права.

Пристатейный библиографический список

1. Ахлаков А. А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала, 1979
2. Мусаева А. Г. Преобразования в хозяйственно-экономической структуре горцев Нагорного Дагестана в XIX-начале XX в. Махачкала.
3. Мусаева А. Г. Правовые и этическое-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. С. 75-77.

Мамедов Э. Ф.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА «ДИАСПОРА» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена исследованию феномена диаспоры как правовой категории. Анализируется российское законодательство на предмет употребления в нем термина «диаспора». Отмечается, что имеющиеся законодательные дефиниции термина «диаспора» не соответствуют научным взглядам представителей различных наук, занимающихся изучением данной категории.

Ключевые слова: термин, дефиниция, диаспора, этнические общности.

Mamedov E. F.

FEATURES AND PROBLEMS OF THE USE OF THE TERM «DIASPORA» IN THE RUSSIAN LEGISLATION

The article is devoted to research of the phenomenon of diaspora as a legal category. The Russian legislation on the subject of the use of the term «diaspora» therein is analyzed. It is noted that the existing legal definitions of the term «diaspora» do not meet the scientific views of representatives of different sciences that study this category.

Keywords: term, definition, diaspora, ethnic community.

Мамедов Э. Ф.

В современном мире этнические отношения являются неотъемлемым элементом системы общественных отношений, взаимодействующим с различными сферами жизнедеятельности государства и общества. При этом в настоящее время как на международном уровне, так и внутри нашего государства нерешенной остается проблема правовой регламентации особенностей статуса тех или иных этнических общностей и их представителей. Традиции национального законодательства и особенности менталитета ряда государств не позволяют выработать единой легальной этнической терминологии.

Представляется, что управление этнической сферой в России должно осуществляться посредством глубокого научного анализа. В этой связи значение имеют не только законодательно закрепленные положения в сфере государственно-этнических отношений, но и слова, при помощи которых эти положения выражаются. Речь идет об использовании в нормативных правовых актах терминов и дефиниций, сущность и значение которых были подробно рассмотрены в одной из наших предыдущих статей. Однако представляется необходимым отметить, что под правовым термином следует понимать слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве и является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющим точный и определенный смысл и отличающимся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью. В свою очередь правовые дефиниции представляют собой определения понятий, отражающие существенные, качественные признаки предметов или явлений¹.

В силу этнического многообразия населения России феномен диаспоры привлекает все большее внимание исследователей к изучению данного института. В настоящее время категория «диаспора» активно используется в современной научной литературе, однако до настоящего момента единого подхода к определению данного термина не выработано. Следует отметить, что имеющиеся исследования в области социологии, этнографии, философии, политологии, психологии группируются в основном вокруг таких проблем диаспоры, как типология диаспор, критерии диаспоральности и т.д. В

свою очередь исследований правового характера, направленных на изучение института диаспоры, не проводилось.

В научных исследованиях термин «диаспора» употребляется применительно к этническим сообществам, по тем или иным причинам оторванным от своего народа. Более содержательным представляется определение, данное Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыковой, по мнению которых диаспора представляет собой устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущую в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины и имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности².

Использование термина «диаспора» в академической и публицистической литературе для обозначения различных явлений предполагает наличие множества подходов к пониманию данной категории. Это приводит к тому, что под диаспорами понимаются и процесс расселения, и разновидность этнических общностей, и общественные организации, и даже криминальные сообщества. Представляется, что для формирования адекватной научной категории необходим новый подход, который мог бы исключить возможность противоречивых трактовок рассматриваемого термина. В данном случае речь идет о его законодательном определении.

Нормативное употребление термина «диаспора» прослеживается в основном в подзаконных актах. К их числу относятся: Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»³; Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом»⁴; Постановление Правительства РФ «О программе мер по поддержке соотечественников

1 См.: Мамедов Э. Ф. Правовые дефиниции и юридические нормы как элементы механизма правового регулирования // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 8 (51). – С. 62–65.

2 См.: Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 36.

3 Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

4 Постановление Правительства РФ от 11 декабря 1994 г. № 1369 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. – 1994. – № 34. – Ст. 3606.

за рубежом»⁵; Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Программы работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2013–2014 годы»⁶ и др. Также имеются случаи использования данного термина в региональном законодательстве. Например, термин «диаспора» встречается в Законе Иркутской области «Программа социально-экономического развития Иркутской области на 2006–2010 годы»⁷.

Необходимо подчеркнуть, что в указанных документах термин «диаспора» используется, но не дефинируется. При этом следует отметить, что определение данного термина все же встречается в российском законодательстве. Так, в Приказе Минрегиона России «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий»⁸, содержится определение диаспор, под которыми понимаются группы лиц, относящих себя к определенной этнической общности и находящихся вне исторической территории расселения. Очевидно, что приведенная дефиниция сформулирована без должного учета научных подходов к определению понятия «диаспора», так как одним из основных условий существования диаспоры является устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения.

Другое определение диаспоры содержится в Постановлении Государственной Думы РФ «О Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам»⁹. Однако в данном документе речь идет конкретно о российской диаспоре, что также не дает объективных представлений относительно понимания данной категории.

Представляется, что важнейшим условием существования диаспоры является наличие социальных институтов – организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности, реализацию каких-либо потребностей представителей диаспоры. При подобной трактовке можно говорить о существовании диаспоры в форме общественного объединения, а точнее национально-культурной автономии.

В соответствии с Федеральным законом «О национально-культурной автономии»¹⁰ признаками создания национально-культурной автономии, также присущими диаспоре, являются самоопределение, объединение по этническому происхождению, решение вопросов сохранения самобытности, национальной культуры и т.п. Однако важнейшей осо-

бенностью создания национально-культурной автономии, не позволяющей выступать ей в качестве формы существования диаспоры, является наличие у членов автономии российского гражданства, что в свою очередь не всегда возможно для представителей той или иной диаспоры.

На основании сказанного отметим, что существующие законодательные определения диаспоры не в полной мере отражают сущность данного института. В этой связи в целях унификации нормативной терминологии законодательным органам необходимо сформулировать определение термина «диаспора» и включить его в федеральное законодательство.

В заключение отметим, что история любого народа развивается не только во времени, но и в пространстве. В свою очередь, существование диаспоры как этнокультурной общности зависит от готовности ее субъектов жить в соответствии с правовыми нормами, действующими в том или ином государстве. Диаспоры способны изменять демографическую структуру, этнический и конфессиональный состав государства, являясь тем самым неотъемлемой частью гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.
2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.
3. Закон Иркутской области от 26 октября 2006 г. № 68-оз «Программа социально-экономического развития Иркутской области на 2006–2010 годы» // Областная. – 2006. – 9 ноября.
4. Постановление ГД ФС РФ от 8 декабря 1995 г. № 1476-1 «О Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» ГД // СЗ РФ. – 1995. – № 52. – Ст. 5131.
5. Постановление Правительства РФ от 11 декабря 1994 г. № 1369 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. – 1994. – № 34. – Ст. 3606.
6. Постановление Правительства РФ от 17 мая 1996 г. № 590 «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2516.
7. Приказ Минрегиона России от 14 октября 2013 г. № 444 «Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий». Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».
8. Распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2013 г. № 1149-р «Об утверждении Программы работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2013–2014 годы» // СЗ РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3869.
9. Мамедов Э. Ф. Правовые дефиниции и юридические нормы как элементы механизма правового регулирования // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 8 (51).
10. Тоценко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – № 12.

Магомедрасулова Р. Б.

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КОНЦА 20-Х ГОДОВ – 1941 Г.

В статье раскрываются проблемы развития гражданского права в период коренной ломки общественных отношений (конец 20-х годов – 1941 г.) Ведь происходившие в стране изменения в конце 20-х годов XX века социально-экономической сфере определяли изменения в праве.

Ключевые слова: Конституция СССР 1936, гражданское право, частная собственность государственная собственность, колхозно-кооперативная, личная собственность.

Magomedrasulova R. B.

DEVELOPMENT OF CIVIL LAW IN THE LATE 20s – 1941

In the article the problems of development of civil law in the period of radical break of social relations (late 20s – 1941) are outlined. Changes in the socio-economic sphere of the country in the late 20s of XX century determined changes in law.

Keywords: the USSR Constitution of 1936, civil law, private ownership, state ownership, co-operative, personal property.

Магомедрасулова Р. Б.

Оформление нового права происходит путем издания отдельных нормативных актов. В 1918–1919 гг. была проведена некоторая систематизация норм права. Правотворчеством занимались Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, СНК, а с 1919г. – Президиум ВЦИК. Издавали правовые акты также центральные органы управления, местные Советы. В выработке нормативных актов в ряде случаев принимали участие общественные организации трудящихся.

Законодательные акты назывались по-разному: обращения, воззвания, декреты, постановления, декларации. Принципиальных различий между ними не было. Чаще всего они именовались декретами.

Происходившие в стране изменения в конце 20-х годов XX века социально-экономической сфере определяли изменения в праве. Так, проведение политики коллективизации привело к оформлению такой отрасли права, как колхозное право. Право было призвано к оформлению обслуживать проводимые в государстве реформы. На развитие права большое влияние оказала Конституция СССР 1936 г.

Гражданское право. Конституция СССР 1936 г. изменила основополагающие принципы гражданского права. Признавая личную собственность граждан и необходимость ее охраны государством и законом, ст. 10 Конституции СССР закрепила перечень объектов права личной собственности. Это трудовые доходы и сбережения граждан, их дом, подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода и хозяйства, предметы личного потребления. При этом закреплялось право наследования личной собственности граждан.

Особым видом личной собственности, согласно ч. 2 ст. 7 Конституции СССР, признавалась собственность колхозного двора. Основным источником дохода являлось участие в общественном колхозном хозяйстве.

Частная собственность граждан не была предусмотрена, т.к. противоречила духу и принципам построения социализма. Допускалось лишь существование мелкого частного хозяйства, основанного на личном труде.

Постановлением СНК СССР от 15 января 1936 г. «О заключении договоров на 1936 г.» прямые договоры между низовыми хозяйственными предприятиями, организациями признавались основной формой хозяйственных договоров.

Усиление централизованных начал в управлении экономике нашло отражение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 29 апреля 1935 г., которым устанавливался запрет на передачу

государственных зданий, сооружений, предприятий государственными органами и предприятиями на возмездной основе.

Существенные изменения в управлении жилым фондом были внесены постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства». Ликвидировались ранее созданные жилищно-арендные кооперативные товарищества. Находящиеся в их пользовании дома передали в управление местным советам, которые выдавали ордера гражданам на пользование конкретным жилым помещением.

Трудовое право. Страна испытывала дефицит в рабочей силе. Важную роль сыграло трудовое законодательство: постановление СНК, ЦК ВКП (б) от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле», Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», Указ ПВС СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». Возрастала роль профсоюзов, работали специально созданные конфликтные комиссии, разрешавшие трудовые споры.

Земельное и колхозное право. Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. не мог урегулировать сколько-нибудь полно отношения в сфере колхозного строительства. Поэтому вносились необходимые коррективы в действующее законодательство. Целью было поставлено поднять земледелия и животноводства. Партия и государство видели в приусадебных участках, которые давались членам колхоза основной источник дохода колхозного двора. Поэтому было принято 27 мая 1939 г. постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Предусматривалось разделение земель на 2 фонда: фонд общественных земель колхозов и приусадебный фонд; были изъяты излишки приусадебных земель; устанавливался обязательный минимум трудодней в году (от 60-100). Невыполнение лишало колхозника приусадебного участка.

Было решено определять план обязательных поставок мяса и шерсти колхозами по количеству занимаемой земли.

Семейное право. 27 июня 1936 г. ЦИК и СНК СССР принимают постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

В целях борьбы с легкомысленным отношением к семье, постановление усложнило процесс расторжения брака (явка в загс супругов, при первом разводе — 50руб., второй — 150руб.). Был конкретизирован институт патроната, суть которого состояла в передаче детей сирот, а также детей, изъятых по решению суда от родителей, в семьи трудящихся на воспитание.

Как свидетельствует официальная статистика данное постановление оказалось весьма эффективным. В 1937 г. по сравнению с 1936 г. рождаемость повысилась чуть ли не в два раза, а численность абортов снизилась на 90%.

Уголовное право. Для изменений, внесенных в уголовное право в рассматриваемый период, были характерны две особенности: 1) изменения вносились общесоюзными органами. ВЦИК и СНК РСФСР не принимали актов по вопросам уголовного права; 2) общесоюзные органы четко и последовательно проводили курс на ужесточение уголовного наказания, пытаясь таким путем пресечь негативные явления в экономической сфере, борьбе с детской преступностью и беспризорностью с опасными для советского строя «контрреволюционными преступлениями».

Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. за особо опасные государственные преступления — шпионаж, вредительство, диверсии — был повышен срок лишения свободы — до 25 лет. Причиной недостаточной эффективной деятельности предприятий, организаций, низкое качество продукции и пр. государство видело во вредительстве, безответственном отношении работников. За эти деяния предусматривалось наказание в виде тюремного заключения на срок от 5-8 лет.

Указом ПВС СССР от 16 февраля 1941 г. устанавливалась уголовная ответственность руководителей предприятий и иных лиц за продажу, обмен и отпуск на сторону излишнего и неиспользованного оборудования.

Указом ПВС СССР от 31 мая 1941 г. устанавливалась уголовная ответственность по всем составам преступлений с 14 лет.

Гражданско-процессуальное законодательство. В рассматриваемый период существенно меняется характер гражданско-правовых споров, разрешаемых судебными органами. Преобладающее большинство их было связано с реализацией личных имущественных прав и законных интересов граждан в сфере гражданского, трудового, и семейного права.

Согласно Закону о трудоустройстве Союза ССР, защита политических, трудовых, жилищных и других личных имущественных интересов граждан СССР, интересов колхозов составляет важнейшую задачу правосудия в СССР. Однако на практике, при разрешении гражданских дел суды упрощенно оценивали доказательства, необоснованно отказывали в приеме исков, допускали волокиту, неправильно толковали и применяли гражданские законы. В целях коренного перелома в отношении судов к рассмотрению и разрешению гражданско-правовых споров Пленум Верховного Суда СССР принял ряд постановлений (22 октября 1935 г., 20 декабря 1936 г., 15 ноября 1939 г.). Постановления устанавливали конкретные меры по укреплению законности в сфере правосудия.

Произошло изменение видов собственности: была ликвидирована частная собственность, и в результате остались следующие виды собственности: государственная собственность; колхозно-кооперативная; личная собственность.

Пристатейный библиографический список

1. Исаев И.А. История государства и права России. — М., 2003. — С. 563.
2. История государства и права России. Учебник/ Под ред. Ю.П. Титова. — М., 1999.

Халиева Р.Э.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Экономическая преступность, иными словами, преступность экономической направленности представляет собой совокупность противоправных, общественно опасных, корыстных, причиняющих существенный материальный ущерб посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права и интересы граждан, юридических лиц и государства со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений, это и является актуальностью выбранной темы.

Ключевые слова: РФ, экономическая преступность, экономическая безопасность.

Khalieva R. E.

THE PROBLEM OF THE DEFINITION OF ECONOMIC CRIME

Economic crime, in other words, the crime of economic orientation is a set of illegal, socially dangerous, selfish, causing substantial damage to property infringement used for business activities property, the procedures for the management of economic processes and economic rights and interests of citizens, legal persons and the state by persons performing certain functions in the system of economic relations, and it is relevance the selected theme.

Keywords: Russia, economic crime, economic security.

Днем создания подразделений экономической безопасности в составе МВД России считается 16 марта 1937 года, когда приказом НКВД СССР № 00118 в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР был сформирован отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (аббр. ОБХСС). Неоднократно изменялись структура и название подразделений экономической безопасности органов внутренних дел. В 2003 году в состав МВД России включены подразделения по налоговым преступлениям, сформированные на базе бывшей Федеральной службы налоговой полиции, созданной 18 марта 1992 года.

Общепринятого уголовно-правового и криминологического понятия «экономическая преступность» в настоящее время не выработано, несмотря на его широкое использование в научном обороте. Понимание экономической преступности крайне неопределенно. Это, безусловно, ограничивает возможности конструктивного диалога с целью совершенствования и унификации законодательства по борьбе с данным явлением. Однако, с другой стороны, сложность самого явления, динамичное изменение криминальной практики в экономической сфере, значительные национальные различия в сочетании с плюрализмом исследовательских подходов, обусловленным методологией и личностными особенностями, не позволяет рассчитывать на окончательное решение этой задачи в принципе. Это связано не с несовершенством механизмов научного познания или неэффективной организацией научного общения, а с природой самой проблемы. Используя выражение М. Мамардашвили, ее можно рассматривать в качестве своеобразной «фиксированной точки интенсивности», то есть явления, смысл которого не проявлен до конца, не может быть проявлен до конца, но познание которого является мощным стимулом для непрерывного поиска нового смысла. Вокруг таких понятий происходит особая интенсификация познавательных усилий.

Другой, связанный с предыдущим, аспект этой проблемы состоит в том, что полностью адекватного описания данной сферы действительности дать вряд ли возможно, не опираясь на некоторые априорные предположения и допущения, вы-

Халиева Р.Э.

бор которых опять-таки определяются как минимум личностными факторами и методологическими традициями.

Проблемы экономической преступности привлекают внимание исследователей на протяжении всей истории развития данного феномена.

Первоначальное понимание экономической преступности фактически сводилось к ее отождествлению с преступностью имущественной. В понятийном и методологическом аппарате правовой науки не находили адекватного отражения новейшие тенденции криминальной практики.

Однако уже в 60-х годах XIX века один из ведущих французских исследователей этой проблематики М. Патэн в работе «Общая часть уголовного права и уголовное законодательство в сфере бизнеса» (1861 г) отмечал, что данные вопросы настолько твердо проложили путь в науку, что стали чуть ли не самыми главными. Он называет, в частности, следующие вопросы, нуждающиеся в срочном решении:

- экономические преступления, в том числе преступления в сфере предпринимательства;
- уголовно-правовое регулирование в данной сфере, в том числе налоговое уголовное право;
- уголовно-правовая защита предпринимателей, в т. ч. налогоплательщиков;
- уголовная ответственность предпринимателей, в том числе налогоплательщиков.

Уже в то время ведущие специалисты воспринимали проблему экономической преступности как крупную социальную проблему будущего, которую неизбежно придется решать, которая станет «во весь рост» и потребует специального рассмотрения.

Важнейшим этапом исследования проблем экономической преступности явилась работа криминолога Э. Сазерленда, впервые предпринявшего систематическое исследование преступности корпораций. Созданная им криминологическая концепция оказала мощное идейное влияние на последующий выбор способов понимания этой актуальной проблемы. В его концепции внимание было акцентировано на то новое обстоятельство, что субъектами наиболее опасных экономических преступлений являются лица, занимающие высокое

социальное положение в сфере бизнеса и совершающие преступления в процессе профессиональной деятельности в интересах юридических лиц и собственных интересах. Введенный им в научный оборот термин «беловоротничковая преступность» достаточно точно отражает эту особенность его концепции.

На основе концепции «беловоротничковой преступности» Э. Сазерленда,

было сформулировано определение экономической преступности, как преступности корпораций. Это наиболее узкое определение и при всей его полезности, оно не описывает адекватно проблемную область.

Узость подобного подхода связана с тем, что экономические преступления совершаются не только от имени и в интересах предприятия. До настоящего времени в ряде стран, в том числе в России, отсутствует уголовная ответственность юридических лиц.

В процессе развития концепции Э. Сазерленда и восприятия новейших тенденций в криминальной практике были предложены расширительные трактовки данного понятия. Тенденция к расширению понятия проявлялась в двух взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, расширение круга субъектов экономических преступлений. Постепенно к данной категории стали относить не только высших руководителей корпораций, но и других служащих. А позднее ограничения по субъектам вообще не использовались. Неизменным, однако, оставался признак совершения преступления в процессе профессиональной деятельности. Своеобразная «потеря» субъекта проявилась в том, что ключевым критерием для определения преступности как экономической признается цель, которую преследует правонарушитель.

Во-вторых, изменился и перечень преступлений, относимых к экономическим. Позже к этим преступлениям стали относить уклонение от налогов, компьютерные и другие преступления, причиняющие вред экономике государства, ее отдельным секторам, предпринимательской деятельности, а также экономическим интересам отдельных групп граждан. Перечень этих преступлений расширился до 20-30 составов.

Эти изменения научной «карты мира» были обусловлены не только внутренней логикой развития научного знания, но и эволюцией самого исследуемого явления - экономической преступности.

Новое понимание проблемы, позволило как российским, так и зарубежным исследователям предложить многочисленные новые определения понятия экономической преступности, которые отличались теми или иными признаками. Рассмотрим некоторые из них.

Разделяя преобладающую в российской литературе точку зрения, Н. Ф. Кузнецова считает, что экономическая преступность складывается из посягательств на собственность и предпринимательских преступлений.

Г. К. Мишин рассматривает экономическую преступность как проявление в социальной жизни всеобщей борьбы за существование. Суть экономического преступления в конфликте экономических интересов. К числу экономических преступлений наряду с хозяйственными, по его мнению, следует относить все преступления против собственности, которые в условиях рыночной экономики так или иначе связаны с хозяйственной деятельностью.

По мнению В. В. Лунеева, при всем разнообразии подходов, имеющихся в мировой литературе, суть экономической преступности в странах с рыночной экономикой составляют

преступления, совершаемые корпорациями против государственной экономики, против других корпораций, служащими корпораций против самой корпорации, корпорациями против потребителей.

Е. Е. Дементьева, обобщив подходы к дефиниции понятия, предложенные криминологами США и Германии, полагает, что «экономическая преступность - это противоправная деятельность, посягающая на интересы экономики государства в целом, а также на частнопредпринимательскую деятельность и на интересы отдельных групп граждан, постоянно и систематически осуществляемая с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности, как физическим, так и юридическим лицом».

Э. И. Петров, Р. Н. Марченко, Л. В. Баринаева придерживаются близкой точки зрения, согласно которой «экономическую преступность следует рассматривать как совокупность корыстных преступлений, совершаемых с сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства».

В России при создании нового уголовного кодекса реализован широкий подход к определению преступлений, определяемых как экономические. В действующем УК имеется раздел «Преступления в сфере экономики», в который вошли три главы с 47 статьями.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Сер.11: Право. 1993. № 4.
2. Лунеев В. В. Преступность XX века. М.: 1997.
3. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993.
4. Мишин Г. К. Проблема экономической преступности (опыт междисциплинарного изучения). М.: ВНИИ МВД России, 1994.

Ильяшенко К. В.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье предлагается авторское понятие юридической услуги, затрагиваются проблемы, связанные с данным правовым институтом. В том числе автор обращает внимание на такие понятия как «правовые услуги» и «юридическая помощь».

Ключевые слова: юридические услуги, правовые услуги, юридическая помощь, право.

Ilyashenko K. V.

CONCEPT AND NATURE OF THE LEGAL SERVICES IN LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article the author proposes his own concept of legal services, addresses the problems associated with this legal institution. The author draws attention to such concepts as «legal services» and «legal advice».

Keywords: legal services, legal services, legal assistance, the right.

Ильяшенко К. В.

Конституция РФ провозглашает, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений отметил, что право каждого на получение квалифицированной юридической помощи служит гарантией осуществления других закрепленных в Конституции РФ прав и свобод, в частности на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), на судебную защиту (ст. 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), находится во взаимосвязи с ними¹ и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Сегодня потребность в юридической помощи неуклонно растет как в сфере предпринимательской деятельности, так и в иных сферах общественной жизни, не связанных с предпринимательством. Данная тенденция во многом обусловлена возрастанием роли права в жизни российского общества.

Важнейшей формой оказания юридической помощи выступают юридические услуги, посредством которых граждане реализуют различные конституционные права (например, право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право на жилье, право на судебную защиту прав и свобод и др.).

Как отмечает в своем исследовании Л. Б. Ситдикова, в настоящее время судебная практика показывает, что юридическими услугами хотя бы раз в жизни пользуется практически каждый гражданин, и актуальность исследования данной темы особенно в последнее время для юристов-практиков очевидна².

Считаем, что юридические услуги «служат» на благо не только отдельных граждан, но и всего общества в целом. На-

пример, институт профессионального судебного представительства помогает не только физическим и юридическим лицам защищать в суде свои права и отстаивать свои интересы, но и способствует эффективности правосудия. Как отмечает в своем диссертационном исследовании М. В. Богомолов, анализ судебной практики судов различной юрисдикции и разных уровней показывает, что участие в судебном процессе представителя сокращает время, необходимое для рассмотрения дела, снижает вероятность возникновения судебных ошибок при рассмотрении дела (при условии квалифицированности судебного представителя), уменьшает нагрузку на судебные органы, имеет ряд других полезных эффектов³.

От качества оказанных юридических услуг подчас зависит судьба человека (защита его чести, достоинства, деловой репутации, имущественное положение человека). Безответственность и отсутствие надлежащего правового регулирования в указанной сфере могут обернуться бедами как для конкретного гражданина, так и для российского общества в целом.

Несмотря на важность рассматриваемого правового института, на сегодняшний день в данной сфере остается нерешенным множество проблем. Так, отсутствует легальное определение термина «юридическая услуга», отсутствует должное правовое регулирование отношений по оказанию юридических услуг юридическими фирмами и индивидуальными предпринимателями, не принят специальный нормативный акт, регулирующий деятельность по оказанию юридических услуг вне адвокатуры, отсутствуют стандарты и правила оказания юридических услуг, обязательные для соблюдения субъектами юридического консалтинга, имеют место иные проблемы.

В соответствии с п. 1 ст. 779 Гражданского кодекса РФ под услугами понимается совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем по заданию заказчика. А что же такое «юридическая услуга»?

В доктрине гражданского права существует несколько определений юридической услуги, но, как видится, ни одно из них нельзя признать приемлемым.

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А. П. Голомидова, В. Г. Кислицина и И. В. Москвичева» // Российская газета. – 14.11.2001. – № 223.

2 Ситдикова Л. Б. Теоретические проблемы правовой природы правовых услуг // Адвокатская практика. – 2008. – № 5. – С. 46–48.

3 Богомолов М. В. Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – С. 4.

По мнению ряда авторов, под юридической услугой следует понимать «...юридически значимые действия, то есть действия, влекущие за собой возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей»⁴. Данное понятие, на наш взгляд, не охватывает такие юридические услуги, как устная или письменная юридическая консультация, подготовка и составление любых юридически значимых документов, в том числе заявлений, жалоб, ходатайств и др.

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Гражданского кодекса РФ, гражданские права и обязанности возникают из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему. Следовательно, неотъемлемым атрибутом отношений по оказанию юридических услуг является договор об оказании юридических услуг. Указанный договор, в соответствии с ч. 1 ст. 161 Гражданского кодекса РФ, как правило, заключается в простой письменной форме.

Исходя из приведенного выше легального определения термина «услуги», нами предлагается следующее определение термина «юридическая услуга»: «Это возмездная деятельность (совокупность действий) исполнителя, осуществляемая на основании договора, по заданию заказчика, с целью содействия в удовлетворении его индивидуальных потребностей, связанных с юриспруденцией и правом, как правило, требующая специального юридического образования».

Высший Арбитражный Суд РФ относит к юридическим услугам, в частности, письменные консультации и разъяснения по юридическим вопросам; проекты договоров, заявлений, жалоб и других документов правового характера и т.д.⁵ Распространенным видом юридических услуг выступает представительство и защита интересов юридических и физических лиц в различных судебных и несудебных органах, что, как мы отметили выше, имеет важное значение для правовой жизни общества и для эффективного осуществления правосудия.

В рамках настоящего исследования видится необходимым обратить внимание на понятие «правовая услуга». Данный термин используется в доктринальной литературе и судебной практике наряду с термином «юридическая услуга», что наталкивает на мысль о существовании отдельно от юридических неких правовых услуг. Считаем, что такое предположение не является верным.

Считаем допустимым отождествлять понятия «юридические» и «правовые» услуги, поскольку, по сути, имеется в виду одно и то же – оказание сведущим в области права человеком (исполнителем) услуги заказчику. К тому же семантически слово «юридический» раскрывается через понятие «правовой»⁶. Данную точку зрения поддерживает Л. Б. Ситдикова, которая отождествляет юридические и правовые услуги⁷, А. В. Орлов – раскрывает понятие «юри-

дическая помощь» как правовые услуги по низким тарифам или бесплатно⁸.

Данная точка зрения находит свое подтверждение в письме Министерства юстиции РФ от 19 января 1998 г. № 09-27 «О лицензировании платных юридических услуг»⁹, в котором понятия «юридические услуги» и «правовые услуги» употребляются как синонимы.

Отметим, что Общероссийский классификатор видов экономической деятельности¹⁰ также не подразделяет услуги в области права на правовые и юридические. Он объединяет в одну группу «деятельность в области права» такие виды деятельности как: представление интересов одной стороны против другой стороны в судах, предоставление рекомендаций и консультаций по общим вопросам, включая подготовку юридических документов, работу государственных нотариусов, работу патентных поверенных.

Из вышеизложенного видно, что нет оснований для выделения правовых услуг отдельно от юридических.

Интересным видится соотношение понятий «юридическая услуга» и «юридическая помощь». Как отмечает Л. Б. Ситдикова, «...юридические услуги являются формой юридической помощи, которая может оказываться как посредством предоставления юридических услуг (т.е. платная юридическая помощь), так и в форме собственно юридической помощи (бесплатная юридическая помощь), которая оказывается в рамках деятельности государственных органов и должностных лиц, а также в рамках деятельности негосударственных организаций»¹¹.

Как указывают ученые, «юридические услуги являются объектом гражданско-правовых отношений, в которых имеет место возмездность (т.е. оплата заказчиком действий (деятельности) исполнителя), а оказание собственно юридической помощи находится в сфере конституционных, социальных правоотношений, где потребитель услуги не платит ее исполнителю»¹².

Из сказанного видно, что конституционное положение о праве граждан на квалифицированную юридическую помощь распространяется и на сферу юридических услуг, т.е. на сферу возмездной юридической помощи, что подчеркивает необходимость решить существующие проблемы в данной области.

регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2009. – С. 29.

4 Договор как средство правового регулирования отношений в сфере оказания услуг: проблемы теории и практики: Монография. – М.: ВАКО, РГСУ, 2015.

5 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 11.

6 См.: Азрилиян А. Н. Юридический словарь. – М.: Институт новой экономики, 2014. – С. 1141.

7 Ситдикова Л. Б. Нормативно-правовое и договорное регулирование отношений на возмездное оказание консультационных услуг. – М.: ИГ «Юрист», 2007. – С. 87; Ситдикова Л. Б. Правовое

8 Орлов А. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 55.

9 Письмо Минюста РФ от 19.01.1998 № 09-27 «О лицензировании платных юридических услуг» // Бюллетень Минюста РФ. – 1998. – № 1.

10 ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст.

11 Ситдикова Л. Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. – М.: Издательская группа «Юрист», 2008. – С. 187–188.

12 Volkova M. A., Sitdikova L. B., Starodumova S. J., Shilovskaya A. L. Legal Problems of the Information Services Implementation in Russian Civil Law // Review of European Studies. – 2015. – Т. 7. – № 6. – С. 273–281.

Пристатейный библиографический список

1. Азрилиян А. Н. Юридический словарь. – М.: Институт новой экономики, 2014.
2. Богомолов М. В. Институт судебного (процессуально-го) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014.
3. Договор как средство правового регулирования отношений в сфере оказания услуг: проблемы теории и практики: монография. – М.: ВАКО, РГСУ, 2015.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг» // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 11.
5. Музюкин Д. В. Правовое обеспечение рынка юридических услуг: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Томск, 2007.
6. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст.
7. Орлов А. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. – 14.07.2011. – № 151.
9. Письмо Минюста РФ от 19.01.1998 № 09-27 «О лицензировании платных юридических услуг» // Бюллетень Минюста РФ. – 1998. – № 1.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А. П. Голомидова, В. Г. Кислицина и И. В. Москвичева» // Российская газета. – 14.11.2001. – № 223.
11. Распоряжение Правительства РФ от 04.04.2013 № 517-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Юстиция”» // Собрание законодательства РФ. – 08.04.2013. – № 14. – Ст. 1743.
12. Ситдикова Л. Б. Нормативно-правовое и договорное регулирование отношений на возмездное оказание консультационных услуг. – М.: ИГ «Юрист», 2007.
13. Ситдикова Л. Б. Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2009.
14. Ситдикова Л. Б. Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. – М.: Издательская группа «Юрист», 2008.
15. Ситдикова Л. Б. Теоретические проблемы правовой природы правовых услуг // Адвокатская практика. – 2008. – № 5.
16. Volkova M. A., Sitdikova L. B., Starodumova S. J., Shilovskaya A. L. Legal Problems of the Information Services Implementation in Russian Civil Law // Review of European Studies. – 2015. – Vol. 7. – № 6.

Фетюков Ф. В.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В статье анализируется соотношение современного гражданского общества и правового государства.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, взаимодействие, ответственность, интересы, проблема соотношения

Fetyukov F. V.

CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF CIVIL SOCIETY AND LEGAL STATE

The article analyzes the ratio of modern civil society and legal state.

Keywords: civil society, legal state, cooperation, amenability, interest, relationship problem.

Фетюков Ф. В.

В XIX веке приобретает главные и окончательные черты термин «гражданское общество»: часть общества, независимая от государства; гражданское общество обеспечивает права индивидов, в частности право собственности; в гражданском обществе независимо от государства действует множество автономных экономических ассоциаций и деловых фирм, конкурирующих между собой¹. В результате буржуазных революций гражданское общество приобретает экономическую независимость, как от государства, так и от политики², происходит отделение политической от социальной сферы общественной жизни, а юридическое равенство и свобода индивидов становится фундаментальным положением³.

Относительная устойчивость во взглядах на основные признаки (черты) гражданского общества позволяет актуализировать вопросы практической реализации отношений между гражданским обществом и государством. С учетом изложенного следует отметить, что в XIX веке наряду с проблемой соотношения общества и государства появляется проблема взаимоотношений гражданского общества и государства. При этом принципиальное значение приобретает конкретная модель их взаимоотношений.

Вместе с тем историко-социологическое исследование Л. Т. Кривушиным проблемы государства и общества в домарксистской мысли показало, что идея общества и его соотношения с государством зародилась лишь в XIX веке (родоначальниками этой идеи оказались главным образом Гегель, Конт и Спенсер) вследствие смещения центра интересов и борьбы с форм государственного строя и правления в область частных имущественных интересов. Буржуазные (политические) революции XVII – XVIII вв. уступили место хозяйственным реформам, экономической эволюции. Таким образом, внимание буржуазных авторов переключилось с господствовавшей (до XIX в.) в теории идеи государства на идею общества и его со-

отношения с государством. Это привело к осознанию самостоятельности и своеобразия общества, интерпретируемого как область борьбы частных имущественных потребностей и интересов, наряду с государством, интерпретируемым в качестве выразителя общих интересов и потребностей, политического средства примирения социальных противоречий⁴.

Означает ли это, что до XIX века невозможно вести речь о соотношении общества и государства? По нашему мнению, нет. Поясним нашу позицию.

Очевидным для большинства исследователей является факт происхождения государства от общества. С появлением государства начинается цивилизационная стадия развития общества. Поэтому о соотношении общества и государства следует вести речь с момента появления первых государств. Сделанный Л. Т. Кривушиным вывод свидетельствует о том, что до XIX века общество в силу преобладания в нем государственного (политического) мышления не было предметом специальных исследований. Однако это не исключает существование общества как самостоятельного феномена, исторически предшествующего государству.

Другой аспект проблемы соотношения общества и государства связан с ее актуальностью в период с середины XX века по настоящее время. Так, к примеру, М. Н. Марченко отметил спорный характер утверждения о том, что в этот период «... вопрос о соотношении общества и государства по существу своему практически был решен и что теория гражданского общества, получив широкое распространение, ускоренными темпами реализуется на практике»⁵. По мнению ученого, спорность данного утверждения вызвана отсутствием четкого представления о гражданском обществе. Это в свою очередь непосредственным образом сказывается на неопределенности представления об отношениях между государством и гражданским обществом, «поскольку гражданское общество является одной из сторон в отношениях «общество-государство»...»⁶.

1 Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. проф. И. И. Кальной. – СПб.: Изд-во: «Юридический центр Пресс», 2000. – С. 34.

2 По мнению А. Грамши, в результате буржуазных революций идеолого-культурные (социокультурные, этнонациональные, семейно-бытовые) отношения из политической сферы переносятся в сферу гражданского общества и закрепляются в ней. См.: Грамши А. Избр. произв.: В 3 т. М., 1959. Т. 3. – С. 98.

3 См.: Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. – С. 31.

4 Кривушин Л. Т. Проблема государства и общества в домарксистской мысли (Историко-социологические очерки). – Ленинград: Ленинградский гос. ун-т, 1978. – С. 6.

5 Марченко М. Н. Взаимодействие государства и гражданского общества: вопросы теории // Государство и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Туапсе, 18-19 сентября, 2006 г. / Под ред. Г. Н. Чеботарева. Издательство Тюменского государственного университета, 2007. – С. 4.

6 Там же.

Действительно, природа гражданского общества определяется исследователями по-разному. Некоторые из них убеждены лишь в идеальной природе гражданского общества⁷, в существовании гражданского общества только на уровне философской абстракции⁸. Американским исследователем Адамом Б. Селигманом (Seligman A.B. The Idea of Civil Society. N.-Y., 1992) был сделан вывод о том, что идея гражданского общества была всего лишь регулятивной нормой в канун буржуазных революций, а само гражданское общество оформляется только в эпоху раннеиндустриального типа, чтобы уже во второй половине XIX века трансформироваться в массовое общество и прекратить свое существование⁹.

Бесспорным является утверждение о том, что термин «гражданское общество» начал использоваться еще античными мыслителями¹⁰. До XVIII века он имел различные функции: в античности – становится понятием юриспруденции, в политической философии средневековья отражает различие с религиозными институтами, в XVII веке – с природным, естественным состоянием. Лишь в XVIII веке термин «гражданское общество» начинает «впитывать» в себя отдельные, иногда не самые существенные черты его современного содержания¹¹. В XIX веке термин «гражданское общество» начинает использоваться для обозначения независимой от государства части общества, действующей на началах самоорганизации и экономической самостоятельности, призванной разрешать неизбежные противоречия между публичной властью, различными социальными группами и отдельными индивидами.

Вместе с тем в теории принято различать два значения сформировавшегося в XIX веке понятия «гражданское общество»: гражданское общество как идеал и гражданское общество как реальность¹².

Предметом научных исследований становятся различные срезы (грани) гражданского общества. В связи с этим понятие «гражданское общество» в значении «реальность» приобретает несколько смыслов. Во-первых, гражданским обществом называют такое состояние культурного, цивилизационного, материального и интеллектуального развития общества, при котором на основании рациональных норм и правил обеспечивается смягчение природного и социального неравенства людей, с одной стороны, за счет признания и обеспечения реального пользования неотъемлемыми правами и свободами, с другой – за счет исполнения юридических обязанностей каждым членом общества¹³. Во-вторых, гражданским обществом называют сферы общественных отношений и связей, которые полностью или в предельно допустимой степени исключают влияние на них

государства (религия, искусство и т.д.)¹⁴. В-третьих, в институциональном смысле гражданское общество есть система негосударственных институтов, обладающих имущественной самостоятельностью и действующих на началах самоорганизации¹⁵.

Полагаем, что в дальнейших научных исследованиях, посвященных проблеме соотношения гражданского общества и государства, с позиций системного подхода следует исходить из смысловой дифференциации понятия «гражданское общество». Это позволит решить проблему онтологического статуса гражданского общества, а следовательно, исключить неопределенность в отношениях между гражданским обществом и государством.

Односторонний подход к определению феномена гражданского общества не позволяет в полной мере усвоить его природу. Если, например, рассматривать гражданское общество как некоторую сферу (сферы) общественных (частных) отношений, в которых нет места государству, то для четкого понимания гражданского общества необходимо строго определить, какая сфера общественных отношений находится в ведении гражданского общества, а какая – в исключительном ведении государства. Однако исторический опыт подсказывает, что эти сферы не являются раз и навсегда установленными: под влиянием различных социально-политических обстоятельств меняются границы между ними.

Разумеется, проблема соотношения общества и государства (в частности, гражданского общества и правового государства) сегодня не исчерпана. Ее актуальность объясняется не только динамикой социально-политических, экономических процессов, но и тем, что понятия общества и государства являются важнейшими категориями общественного знания, определяющими развитие человеческой цивилизации¹⁶. Вместе с тем не менее актуальной является проблема взаимоотношений гражданского общества и государства.

Какого соотношения современного гражданского общества и правового государства? Как представляется, это соотношение проявляется в следующем.

Во-первых, большинство исследователей едины в признании гражданского общества основой правового государства, первичности первого по отношению ко второму (как следствие первичности общества по отношению к государству). Одним из проявлений первичности общества и вторичности государства является неоспоримый приоритет интересов и ценностей общества по отношению к интересам и ценностям государства¹⁷. Последний отражен в конституционном положении о высшей ценности человека, его прав и свобод, при-

7 Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. F.a. Main. 1990.

8 Bryant Ch. Social self-organisation, civility and Sociology: a comment on Kumar's Civil Society // British Journal of Sociology. – 1993. – №3. – P. 398.

9 Цит. по: Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. проф. И. И. Кальной. – СПб.: Изд-во: «Юридический центр Пресс», 2000. – С. 15.

10 Еще в «Политике» Аристотеля государство представлено как совокупность граждан, гражданское общество. См.: Аристотель. Политика. М., 1965. – С. 5.

11 Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. проф. И. И. Кальной. – СПб.: Изд-во: «Юридический центр Пресс», 2000. – С. 33.

12 См., например, Струсь К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России / Под общ. ред. А. В. Малько. – СПб.: Издательство Юридического института, 2005. – С. 22.

13 См.: Шелистов Ю. И. Правовая государственность: природа и перспективы. Научное издание. – Калуга: «Эйдос», 2003. – С. 64; Энциклопедия права. Учебное пособие. – СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2008. – С. 239 – 240.

14 См.: Струсь К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Струсь Константин Александрович. Саратов, 2003. – С. 10; Калашников С. В. К вопросу о формировании гражданского общества в современной России // Юридическая наука. – 2013. – №3. – С. 46.

15 См.: Ялалов И. М. Гражданское общество и современное российское государство (политико-правовое исследование): автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ялалов Ирек Ишмухаметович. Уфа, 2002. – С. 3; Гаврилов А. В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Александр Викторович. Нижний Новгород, 2007. – С. 9; Грудницкая Л. Ю. Государство и гражданское общество. Монография / под ред. проф. С. М. Петрова. – М.: Юркомпани, 2010. – С. 407.

16 Посконин В. В. Значение категории «основание» в исследовании и взаимозависимости права, государства, гражданского общества // Актуальные проблемы теории и истории права и государства. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 620.

17 Марченко М. Н. Взаимодействие государства и гражданского общества: вопросы теории // Государство и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Туапсе, 18-

знание, соблюдение и защита которых является обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ).

Во-вторых, соотношение проявляется в единстве гражданского общества и правового государства как «социального целого», в основе которого лежат их общие цели (экономические, политические и др.)¹⁸. Это единство основывается на тезисе о том, что общество и государство вообще немыслимы друг без друга. Отношения между ними – социально-политические: государство социально обусловлено, а общество имеет политический характер. Следовательно, общество и государство не могут существовать и развиваться друг без друга, не взаимодействуя между собой¹⁹. Поэтому и между гражданским обществом и правовым государством существует «обоюдная зависимость в форме взаимной обусловленности и взаимодействия... Результаты их функционирования переплетены теснейшим образом и непосредственно сказываются на каждом из них»²⁰. Таким образом, и гражданское общество и правовое государство являются необходимыми срезами, сторонами общества.

В-третьих, не смотря на общность целей, неизбежны противоречия и конфликты как внутри гражданского общества, так и между гражданским обществом и правовым государством. Неизбежность противоречий и конфликтов основана на несовпадении частных и публичных интересов. К примеру, государство не всегда придерживается приоритета интересов и ценностей общества, отдавая предпочтение своим геополитическим интересам, а иногда и надгосударственным интересам (присоединение европейских государств к экономическим и политическим ограничительным мерам в отношении Российской Федерации впоследствии привели к массовому разорению фермерских хозяйств, сокращению производства и увеличению числа безработных в Европе). Или же коррумпированный чиновничий аппарат, пренебрегая интересами всего общества, может использовать властные полномочия в целях удовлетворения личных, корпоративных интересов или интересов отдельных социальных групп. И, наконец, противоправное поведение отдельных граждан направлено против общественных интересов и характеризуется пренебрежением к ним.

В-четвертых, гражданское общество и правовое государство являются друг для друга определенными сдерживающими факторами. Величайшую опасность создает отсутствие взаимного контроля за деятельностью гражданского общества со стороны правового государства и наоборот, а также отсутствие юридической ответственности за осуществляемые действия, принимаемые решения. Поэтому в правовом государстве в предусмотренных законом формах осуществляется контроль (надзор) за деятельностью гражданского общества, тем самым обеспечивается режим законности и правопорядок. Также и гражданское общество в предусмотренных законом формах

осуществляет общественный контроль за деятельностью государства.

Если рассматривать правовое государство формально, то таким государством можно считать любое государство, в деятельности которого реализуются правовые нормы, в совокупности образующие систему национального законодательства. Правомерно ли в таком случае характеризовать как «правовое» государство, верховная власть в котором узурпирована и осуществляется в интересах правящей элиты? Представляется, что нет. Выходит, что государство для того, чтобы стать правовым, должно быть связано не только правом. Полагаем, что господствовать в государстве должны не только правовые нормы, но и демократические принципы, в частности принцип народного суверенитета. Эта мысль развивается Ф. М. Раяновым, который отстаивает необходимость перехода от проблемы связанности государства правом на уровень связанности (подчиненности) государства обществом, обязанностью государства обеспечить права и свободы человека, а также к ответственности государства перед гражданским обществом²¹. Не стоит при этом забывать также об ответственности самого гражданского общества перед обществом в целом. Частные, корпоративные интересы отдельных граждан и социальных групп могут быть поставлены ими выше общественных, что становится причиной противоправного поведения. В интересах всего общества правоохранительную деятельность осуществляют государственные органы, являющиеся частью государства как политического среза (стороны) общества. Поэтому и гражданское общество точно также связано правом и подчинено обществу, как и правовое государство.

В литературе была высказана мысль об одинаковой опасности перевеса одной из частей «социального единства», связанного с преуменьшением или преувеличением значения гражданского общества или правового государства.

Очевидно, что перевес в сторону государства опасен сменой демократического политического режима тоталитарным политическим режимом. Опасен ли перевес в сторону гражданского общества? Полагаем, что опасность создает лишь перевес в сторону незрелого гражданского общества, поскольку недостаточный уровень правосознания граждан и их неспособность самостоятельно регулировать общественные отношения может привести к ситуации, когда определенные внутренние или внешние силы, желающие любым путем получить власть в обществе, при помощи определенных социальных технологий получают возможность управлять действиями граждан. В результате происходят государственные перевороты (Украина, февраль 2014 г.), создаются квазигосударства («Ичкерия», «Исламское государство Ирака и Леванта» и проч.). Развитое же гражданское общество, сложившееся в результате естественного развития (а не искусственно созданное государством), способное организовать общественные отношения и обеспечить их эффективную реализацию, по природе своей должно занимать более весомое значение в обществе в целом. Государство, представляющее собой политический срез общества, должно включаться в работу лишь тогда, когда гражданское общество по каким-либо причинам не справляется самостоятельно. В таком случае решение общественно важных задач предполагает совместную деятельность (взаимодействие) гражданского общества и государства.

19 сентября, 2006 г. / Под ред. Г. Н. Чеботарева. Издательство Тюменского государственного университета, 2007. – С. 9.

18 Так, например, в статье В. Я. Тацая и А. В. Петришина был сделан вывод о том, что гражданское общество и правовое государство в его институциональном понимании соотносятся между собой как две неотъемлемые части одного явления – современного социума (общества), которые не могут в реальности существовать отдельно. См.: Тацый В. Я., Петришин А. В. Гражданское общество и государство: актуальные проблемы взаимодействия // Государство и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия... – С. 47.

19 Кривушин Л. Т. Проблема государства и общества в домарксистской мысли (Историко-социологические очерки). – Ленинград: Ленинградский гос. ун-т, 1978. – С. 10.

20 Иеринг Р. Цель в праве. СПб, 1881. – С. 227.

21 Теория правового государства: проблемы модернизации / Ф. М. Раянов. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – С. 30, 31, 33.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Политика. М., 1965. – 356 с.
2. Гаврилов А. В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Александр Викторович. Нижний Новгород, 2007. – 169 с.
3. Государство и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Туапсе, 18-19 сентября, 2006 г. / Под ред. Г. Н. Чеботарева. Издательство Тюменского государственного университета, 2007. – 316 с.
4. Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. проф. И. И. Кальной. – СПб.: Изд-во: «Юридический центр Пресс», 2000. – 256 с.
5. Грамши А. Избр. произв.: В 3 т. М., 1959. Т 3. – 457 с.
6. Грудницына Л. Ю. Государство и гражданское общество. Монография / под ред. проф. С. М. Петрова. – М.: Юркомпани, 2010. – 464 с.
7. Иеринг Р. Цель в праве. Т1. Санкт-Петербург: Издание Н.В. Муравьева, 1881. – 177 с.
8. Калашников С. В. К вопросу о формировании гражданского общества в современной России // Юридическая наука. – 2013. – №3. – С. 45-48.
9. Кривушин Л. Т. Проблема государства и общества в домарксистской мысли (Историко-социологические очерки). – Ленинград: Ленинградский гос. ун-т, 1978. – 216 с.
10. Посконин В. В. Значение категории «основание» в исследовании и взаимозависимости права, государства, гражданского общества // Актуальные проблемы теории и истории права и государства. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 53-59.
11. Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / под. ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. – 794 с.
12. Струсь К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России / Под общ. ред. А. В. Малько. – СПб.: Издательство Юридического института, 2005. – 186 с.
13. Струсь К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Струсь Константин Александрович. Саратов, 2003. – 217 с.
14. Теория правового государства: проблемы модернизации / Ф. М. Раянов. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – 136 с.
15. Шелистов Ю. И. Правовая государственность: природа и перспективы: Научное издание. – Калуга: «Эйдос», 2003. – 224 с.
16. Энциклопедия права. Учебное пособие. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2008. – 772 с.
17. Ялалов И. М. Гражданское общество и современное российское государство (политико-правовое исследование): автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ялалов Ирек Ишмухаметович. Уфа, 2002. – 27 с.
18. Bryant Ch. Social self-organisation, civility and Sociology: a comment on Kumar's Civil Society // British Journal of Sociology. – 1993. – №3. – P. 395-408.
19. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. F.a. Main. 1990. – 286 p.

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh

ИНТЕРЕКЗАВА

ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL AGREEMENTS OF RUSSIA

ИНТЕРЭКОПРАВО

ИНТЕРЕКЗАВА

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств. (основное значение термина)

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ
ДВУСТОРОННИЕ

Азизова П. М., Мухтаров М. Г.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье освещаются ключевые моменты в становлении и развитии системы права. На протяжении всей истории существования права так и не сложилось единое общее, устраивающее всех определение права, поскольку это очень сложное и многоаспектное явление. Даже в русском языке слово «право» используется в разных значениях («правило поведения», «правда», «справедливость» и т.п.).

Ключевые слова: история, интеллектуальные права, естественное право, позитивное право исторический подход.

Azizova P. M., Mukhtarov M. G.

THE FORMATION OF LAW: A HISTORICAL APPROACH

The article highlights key moments in the formation and development of the system of law. Throughout the history of law there were not developed common consensus on the definition of the law as it is very complex and multidimensional phenomenon. Even in Russian, the word law has different meanings ("rule of conduct", "the truth", "justice" etc.).

Keywords: history, intellectual rights, natural law, positive law historical approach.

Естественно-правовая теория прошла сложный путь развития, ее популярность, всплески расцвета всегда были связаны со стремлениями людей изменить свою жизнь к лучшему – это и эпоха Возрождения, и эпоха буржуазных революций, и современная эпоха перехода к правовому государству.

Естественно-правовая теория происхождения права нередко называется в научной литературе договорной теорией или теорией договорного происхождения права.

Подобно классическим учениям XVII-XVIII веков, современные естественно-правовые теории признают существование наряду с позитивным правом (законами и обычаями) идеального порядка отношений между людьми. Этот высший нормативный порядок и называют естественным правом.

Современное понимание естественного права вместе с тем существенно отличается от предшествующих трактовок.

По сравнению с эпохой антифеодальных революций коренным образом изменились, прежде всего, взгляды на человека как носителя естественных прав. Естественно-правовые воззрения и современной юриспруденции, иначе говоря, сочетаются с историческим и социологическим изучением правовых идеалов.

Одной из распространенных на Западе теорий происхождения государства и права является теория насилия. Наиболее видными ее сторонниками являются немецкий философ и экономист Дюринг (1833-1921), австрийский социолог и государствовед Л. Гумплович (1838-1909) и известный «ревизионист марксизма» К. Каутский (1854-1938).

Ни общественный договор, ни божественное провидение, ни «высшие» идеи, ни «известные потребности» или рационалистические и нравственные мотивы, как это следует из других учений о происхождении государства и права, а лишь грубая сила, борьба, покорение одних племен другими – одним словом, прямое насилие – «вот родители и повивальная бабка государства» – являются основной причиной, согласно теории насилия, возникновения данных источников.

При этом насилие рассматривается не как некое ограниченное, локальное, а как глобальное, к тому же «естественное» явление, порождающее не только единство противостоящих друг другу «элементов» государства – победителей

и побежденных, правящих и управляемых, но и имеющее далеко идущие социально-экономические последствия.

При этом ведущие войны, с одной стороны, производят «разрушительные действия», а с другой – в них обнаруживается и «некоторая положительная, известным образом создающая государства сила».

Пока не было института рабства, пишет по этому поводу Л. Гумплович, пока не хватало этого первого условия для продолжительной жизни, до тех пор развитие государства и права было невозможно.

Расовая теория рассматривает в качестве основных предпосылок возникновения и развития государства и права деление общества по расовому признаку.

Согласно этой теории в мире существуют «высшие» расы, которые призваны господствовать и «низшие», которым самой природой предназначен находиться в подчинении у высших рас. Появление государства и права, по логике сторонников этой теории, необходимо для обеспечения постоянного господства одних рас над другими. Исторически расовая теория изжила себя и была полностью дискредитирована несколько десятилетий назад.

Исторический подход позволяет проследить весь путь становления права как системы. Общим видимым критерием здесь выступает форма (источник) права, анализ которой дает возможность обозначить принципы, характерные для той или иной системы права, специфику компоновки ее элементов, архитектуру. В соответствии с данным критерием различают обычное (традиционное) право, прецедентное право, договорное право и право законов (кодифицированное, статутное, декретное право).

Под естественным правом понимается совокупность прав и обязанностей, вытекающих из самой природы человека как

Азизова П. М.

Мухтаров М. Г.

разумного социального существа, те права и обязанности, которые стали справедливыми нормами поведения людей в обществе. Позитивное право представляет собой систему норм, содержащих определенные права и обязанности, исходящих от государства и общества, выраженных (закрепленных) в нормативно-правовых документах (законах, судебных прецедентах, актах исполнительной власти). При этом надо иметь в виду, что все правовые системы современного позитивного права в той или иной степени основаны на естественном праве, содержат естественно-правовые начала. Право также дифференцируется на частное, направленное на удовлетворение потребностей и защиту интересов отдельных лиц, и публичное, охраняющее общие интересы государства.

Исторический взгляд, раскрывая генетические связи системы права, составляющие ее основу, одновременно позволяет проследить динамику изменений системы во времени и пространстве. Это связано, в частности, с развитием человека как индивида и члена различных социальных образований. Здесь проявляются влияние на право различных религиозных, идеологических, этнических факторов, соотношение между ними. В этом плане, например, выделяются системы мусульманского права, индуистского права.

Системно-структурный срез обозначает пространственное, определенным образом упорядоченное расположение норм права. Юридическая норма есть первичный и конечный структурный элемент права. Она первая испытывает на себе изменения, в нем происходящие. Благодаря своему универсальному, сквозному значению, норма права распространяет свои свойства и на другие уровни системы, служит точкой отсчета, единицей измерения правовой материи.

Норма права самостоятельно регулирует какую-то одну сторону (грань) общественного отношения. Для правового регламентирования отношения в целом зачастую требуется взаимодействие комплекса норм (материальных, процессуальных, дефинитивных, оперативных).

Институт права - это обособленная группа юридических норм, регулирующих общественные отношения конкретного вида. В качестве примера можно назвать институт права собственности в гражданском праве, институт ответственности должностных лиц в административном праве, институт избирательного права и нормы, регулирующие статус депутата, в конституционном праве. Институты могут быть отраслевыми и межотраслевыми (комплексными).

Отрасль права представляет собой обособленную совокупность юридических норм, институтов, регулирующих однородные общественные отношения. Она отражает более высокий уровень системообразующих связей, характеризуется определенной целостностью, автономностью.

Отрасли подразделяются на материальные и процессуальные. К первым относятся, например, гражданское, трудовое, уголовное, земельное право. Вторую группу составляют гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное и административно-процессуальное право. Начинает складываться и отрасль конституционно-процессуального права.

Критериями деления права на отрасли и институты выступают предмет и метод правового регулирования. Предмет правового регулирования - это фактические отношения людей, объективно нуждающиеся в правовом опосредовании. Круг их весьма широк и разнообразен - трудовые, управленческие, имущественные, земельные, семейные и др. Общественные отношения выступают в качестве главного объективного (материального) критерия деления права на отрасли и институты. Структура этих отношений, их тип, род, вид обуславли-

вают в определенной мере структурные и содержательные параметры нормы, института, отрасли и права в целом.

Метод правового регулирования есть совокупность приемов юридического воздействия на поведение людей, выработанных в результате длительного человеческого общения. Если предмет правового регулирования отвечает на вопрос, что регулирует право, то метод - на вопрос, как регулирует. Метод объединяет объективные и субъективные моменты и носит по отношению к предмету дополнительный (процессуальный) характер.

При регулировании общественных отношений используются различные методы: императивный и диспозитивный, альтернативный и рекомендательный, поощрения и наказания. Их применение зависит от содержания отношений, усмотрения законодателя, сложившейся правоприменительной практики, уровня правовой культуры населения. Названные методы могут действовать самостоятельно и в совокупности, во взаимодействии друг с другом.

Пристатейный библиографический список

1. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: БГК им. И. А. Бодуэна, 1998.
2. Мальцев Г. В. Очерки теории обычая и обычного права // Сб. «Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики». Ростов-на-Дону. 1999.
3. Российское законодательство: проблемы и перспективы. М: Изд-во БЕК, 1995.

Крючков Р. А.

ОТ ГРЕХА И ТАБУ К РИМСКОМУ ПРАВУ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РИСКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Автор исследует историю становления института риска в праве, обращается к древним способам фиксации рискованных явлений в правовых памятниках и развитию данного института в римском праве, и далее в средневековой юриспруденции. Подробно рассматриваются три способа регламентации рисков в нормах римского права, получившие развитие в последующие века, такие как *periculum*, алеаторные сделки, *praesumptio*, существующие в современной юридической практике.

Ключевые слова: *periculum*, алеаторные сделки, *praesumptio*, случай, риск, управление рисками.

Kryuchkov R. A.

FROM SIN AND TABOO TO ROMAN LAW: THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF RISK PHENOMENA

The author explores the history of the formation of the institute of risk in law, refers to the ancient methods of fixation of the risk phenomena in the legal monuments and development of this institution in Roman law, and later in medieval jurisprudence. Three ways of regulating risks in the norms of the Roman law developed in the following centuries are addressed with more detail, such as *periculum*, aleatory transactions and *praesumptio* existing in modern legal practice.

Keywords: *periculum*, aleatory transactions, *praesumptio*, case, risk, risk management.

Анализ философских оснований регулирования риска¹ продемонстрировал, что долгое время в праве существовало два принципиальных метода оперирования случайностями и риском:

– *трансцендентный метод*, предполагающий участие внешней (как правило, сверхъестественной) силы в юридически значимых событиях или действиях: рискованные явления в общественных отношениях регламентировались правилами судебной дивинации, жребием, ордалиями и тому подобными приемами, демонстрирующими связь правил поведения с божественным усмотрением²;

– *прагматический метод*, основанный на здравом смысле и социальном опыте, подразумевающий предварительное определение параметров риска и его последствий: за правом признавалась самостоятельная способность предполагать и управлять негативными последствиями будущего.

В научной литературе о первичных способах фиксации рискованных явлений в праве говорится немного.

Социокультурное исследование этого вопроса проведено М. Дуглас, которая указывает, что «большинство малых локальных культур вырабатывает для морализации и политизации опасностей какой-то общий термин, который пронизывает всю ткань социальной жизни»³. Действительно, система подобных понятий способна обладать многогранной регулятивной функцией, определяющей параметры должного и недолжного поведения. Поведенческие установки могут формироваться на основе религиозных представлений, морали, нравственности, здравого смысла, традиций и т.д. Закреплялись они в мононормах, нацеленных на предупреждение не-

счастий, достижение и сохранение безопасности (в обыденном и метафизическом смысле) человека и общины.

Изначально такими общими терминами, закрепляющими общинные представления об опасностях, были «табу» и «грех». Опасность рисков в контексте запретов (табу) используется в риторике обвинений и обещаний возмездия, чтобы «крепче связать индивида сетью общественных обязательств и оставить в его уме невидимые преграды и пути координации его жизни со стороны общины»⁴. Понятие греха было неразрывно связано с религиозными нормами и, наряду с запретами, обладало свойствами общей правовой и религиозной превенции. Вплоть до согрешения или нарушения запрета человек мог вспомнить о своей ответственности перед Богом (общинной) и вовремя удержаться. Долгие века понятия греха и преступления практически не различались⁵. Право носило сакральный характер⁶, а греховное поведение часто считалось правонарушением⁷.

Предвестники перехода от религиозных и общинных регуляторов риска к правовым обнаружались уже в древности. Примитивные соглашения об определении и распределении

Крючков Р. А.

1 Крючков Р. А., Сальников В. П., Романовская В. Б., Сальников М. В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 43–47.

2 Крючков Р. А., Сальников В. П., Романовская В. Б., Сальников М. В. Риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 21–26.

3 Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 245.

4 Дуглас, М. Указ. соч. – С. 245.

5 См.: Безносова Я. В. «Грех» и «преступление» как пересекающиеся понятия в нормативных источниках древней Индии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3. – Ч. 1. – С. 48–51; Кондратьева А. Н. Соотношение понятий «грех» и «преступление» в средневековом каноническом праве Западной Европы // Вестник Костромского Государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 6. – С. 208–211 и др.

6 Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С. 191–195.

7 Безносова Я. В., Кондратьева А. Н., Романовская В. Б., Федюшкина А. И. Религиозное право и личная жизнь человека в западной и восточной традициях (на примере канонического права католической церкви и индусских дхармашастр) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1. – С. 40–43.

рисков содержатся в документах времен Хаммурапи, в законах Солона, Талмуде и других древнейших текстах⁸.

Однако фактически римские юристы впервые обратились к категориям вероятностной неудачи, управляемой правовыми механизмами. Несмотря на то, что римское право содержит многослойные сакральные смыслы, прагматический метод правового управления рисками был в полной мере востребован римлянами. Источники римского права свидетельствуют о том, что возможности правового управления рисками были достаточно широки и разнообразны. Подобная вариативность юридической терминологии обусловлена различными смысловыми нагрузками понятий, случаями и целями их применения. Для примера рассмотрим три термина, относящихся к риску и встречающихся в источниках римского права.

«*Periculum*» – наиболее общее понятие, которое отражало представления правоведов об опасностях сфер человеческой деятельности. Риск *periculum* подразумевался необходимым, или ординарным. Он существовал в силу специфики общественных отношений и невозможности заранее предугадать развитие и итог рискованных ситуаций.

Далеко не случайно, что наиболее употребимое значение *periculum* – опыт, попытка, проба. Этимологически слово «*periculum*» восходит к понятию «*experimentum*» (лат. проба, практика, завершённый опыт). Понятием «*periculum*» характеризуется также знание, полученное на основании опыта (*experimentis cognitum est*). В римском праве риск уже воспринимался не как открытие, а как изобретение, которое позволяло не только обобщать социальную практику, но и прогнозировать повторяемость определенных событий. Известно, что именно на анализе репрезентативного материала базируется классическая школа оценки вероятности, когда вероятность определяется как число указанных результатов, разделенных на общее количество возможных результатов. На том же принципе осуществляется оценка частоты повторяемых событий или испытаний (наблюдений). Понятно, что на практике вероятность риска определялась не путем сложных математических вычислений и аналоговых сопоставлений, а главным образом, на уровне здравого смысла, однако, принцип построения в праве конструкции риска через социальный опыт неудач уже был задан.

Другие значения *periculum* – опасность, обострение, разрушение, – гораздо более относятся к содержанию рискованных явлений, чем к их фактическим основаниям. В Дигестах Юстиниана именно *periculum* в подавляющем большинстве случаев употребляется для обозначения риска, опасности и негативных последствий ответственности.

Презюмируемый риск через понятие «*periculum*» закладывался в правовых формулах римского права, посвященных ответственности лица, принявшего риск. В нормативных установлениях можно обнаружить элементы позитивной ответственности («хозяин должен отвечать за действия всех членов своего экипажа, будь они свободные или рабы, и справедливо он отвечает за них, так как привлек их сам на свой риск»), риск известных экстремальных обстоятельств («если я дам тебе в ссуду лошадь, чтобы ты повел ее на войну, то риск будет лежать на мне»), а также бремя собственности «говорящего орудия» («если я дам тебе в ссуду раба-штукатура и он упадет с подмостков, то это находится на моем риске»)⁹. В источниках

римского права *periculum* обозначает также ответственность за случай (*casus*) и вознаграждение за вред и убытки, а также сам вред¹⁰.

Примечательно, что определенные черты риска в современном понимании присутствуют уже в термине «*periculum*». Из систематического толкования можно сделать вывод о двоякой природе *periculum*, как понятия, указывающего на принципиальную опасность неудачи (обозначение рискованных общественных отношений), и как негативных последствий, относящихся на одного из участников частнопроводимых взаимодействий («заклучай на мой риск какую хочешь сделку с моим рабом Стихом»)¹¹.

Таким образом, *periculum* – это и риск ответственности, и риск принятия на себя негативных последствий, и риск участия в опасных мероприятиях (морские операции¹², военные действия). Римское право знало о «риске кредита», о «моменте перехода риска», об «отсрочке на чей-то риск»¹³.

2. *Алеаторные сделки* – рискованные сделки, рассчитанные на удачу, права и обязанности в которых наступают в зависимости от случая (от лат. *alea emitur* – приобретается шанс, возможность). Классическими видами алеаторных обязательств являются игра и пари.

Благородный или обычный риск с точки зрения общественной морали понятен и приемлем, однако, в отличие от *periculum*, игровой «риск – *alea*» считался излишним, а потому неоправданным. Этим термином также обозначалась игральная кость, что характеризовало как неоднозначность исхода принятия риска (жребия), так и осознанность принятия игроком возможных негативных последствий.

Алеаторные обязательства связывались с азартным поведением участников гражданского оборота, с расчетом на шанс. Излишние риски не поощрялись обществом, что находило отражение в правовых нормах. В этой связи лица, участвовавшие в алеаторных обязательствах, нередко лишались судебной защиты права¹⁴. Вводились специальные правила, ограничивающие масштаб негативных последствий азартных игр («если раб или сын семейства проиграл, то отцу или господину принадлежат истребование обратно»)¹⁵.

Высокопоставленным чиновникам (в Кодексе Юстиниана прямо поименованы сенатусконсульты) было запрещено играть на деньги. Единственным исключением были состязания в метании копья или дротика, состязания в беге, прыжках, борьбе, кулачном бою, ввиду того, что риск такой игры оправдывается доблестью. Кроме того, предметом игры могло быть то, что на пиру поставлено для угощения. Как указывается в литературе, наказание за игры и пари было отменено только при Юстиниане¹⁶.

3. Понятие «*praesumptio*» употреблялось у римлян не только как предположение, но также в значениях: преждевременно употреблять, желать наперед, предвидеть, догадываться, ре-

10 См.: Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: По изд. 1896 г. – М.: Спарк, 1998.

11 Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2006.

12 В частности, размер процентов по морскому займу не был ограничен ввиду особого риска, связанного с морскими операциями.

13 Барон Ю. Система римского гражданского права. Кн. IV. – СПб., 1910.

14 Эта традиция поддерживается и в настоящее время. Согласно ст. 1062 ГК РФ по общему правилу требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите.

15 Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2006.

16 Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1. – С. 200.

8 Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 34, 40.

9 Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2006.

шиться на что-либо. Как справедливо указывает Г. Ф. Дормидонтов, «на языке составителей Юстинианова свода *praesumere* часто значит иметь дерзость, осмелиться, отважиться»¹⁷. В «Латинско-русском словаре к источникам римского права», изданном Ф. Дыдынским в 1896 г., первым значением «*praesumptio*» также указана дерзость¹⁸.

Презумпции основаны на социальном опыте, который свидетельствует не только об обоснованности сделанного предположения, но и о возможности его опровержения. Презюмировать факт, состояние или определенное положение вещей – значит пойти на допущение, на риск быть опровергнутым.

Со времен Древнего Рима презумпции риска – одни из основных юридико-технических приемов, используемых в праве для фиксации рискованных явлений. Несмотря на то, что риски воспринимались, главным образом, как опасности, а не вероятности опасностей, формулировки рискованных понятий были довольно подробно проработаны и находили воплощение при регламентировании гражданского оборота, рисков военных действий и других опасных мероприятий.

Развитие частноправовых отношений, а в большей степени – торгового оборота и мореплавания, предопределило необходимость установления правовых принципов, на которых строится распределение рисков участников договорных обязательств. В городском праве Западной Европы получили широкое распространение римские институты права, в том числе, связанные с рисками в торговых операциях. Так возникали и получали юридическое закрепление классические способы обеспечения обязательств (залог, удержание, неустойка), прообразы страховых фондов, понятия «казуса» (стечение обстоятельств – невиновное причинение вреда) и т.д.¹⁹

Следует отметить важное историческое изменение в обществе позднего Средневековья, предопределившее дальнейшее развитие феномена риска в праве – переход от статусных отношений, характеризующихся положением (статусом) участников правоотношения, к контрактным, т.е. обусловленным простым соглашением равных субъектов. Как справедливо указывается в научной литературе, данный переход явил собой одну из великих социальных революций²⁰. В этом также наиболее ярко раскрывается конвенционная природа риска в праве.

Дореволюционный русский правовед Г. Ф. Шершеневич полагал, что первый вид имущественного страхования, как способа правового управления рисками, связанными с морской торговлей, возник в средиземноморье XIII в.²¹ Однако ряд учёных, например, В. К. Райхер²², М. И. Брагинский²³, утверж-

дают, что страхование рисков имеет ещё более древнюю историю.

Уже начиная с XVI в. в договорах, которые регулируют, кто в случае ущерба несет риск, можно обнаружить такие формулировки, как «*ad riscum et fortunam...*» (ввиду риска и случайностей) или «*pro securitate et risico...*» (для гарантий и соответственно риску) или «*ad omnem riscum, periculum et fortunam Dei...*» (ввиду всякого риска, опасностей и случайностей, ниспосылаемых Господом)²⁴.

Промышленный переворот, научно-технический прогресс и распространение вероятностных концепций риска обусловили появление в праве понятий «обоснованного риска», анализируемого правоприменителем в связи с вопросами юридической ответственности.

В современном праве риск стал обозначать довольно разнородные явления, связующим элементом которых выступает вероятность наступления неудачи, осознаваемая субъектом правоотношений. Так, специфика страхового права обусловила обособление риска в актуарную область²⁵, с присущей ей математической оценкой вероятности, что, в свою очередь, повлияло на усложнение правовых механизмов минимизации риска (ранжирование законодательных и договорных условий страхования в зависимости от общей оценки риска)²⁶. В уголовном праве презумпция риска приобрела очертания классического субъект-объектного противопоставления, в основе которого установление полезности рискованного поведения субъекта правонарушения, соотнесение выявленной утилитарности с прогнозируемыми негативными последствиями и юрисдикционное определение обоснованности риска.

Следовательно, правовые формы фиксации рискованных явлений в праве эволюционировали от простых запретов (табу, грех) к более гибким вариациям, доступным участникам правоотношений и правоприменителям.

Пристатейный библиографический список

1. Барон Ю. Система римского гражданского права. Кн. IV. – СПб., 1910.
2. Безносова Я. В. «Грех» и «преступление» как пересекающиеся понятия в нормативных источниках древней Индии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3. – Ч. 1.
3. Безносова Я. В., Кондратьева А. Н., Романовская В. Б., Федюшкина А. И. Религиозное право и личная жизнь

17 Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. – С. 23.

18 Дыдынский Ф. М. Указ. соч. – С. 183.

19 Романовская В. Б., Квачадзе О. Б. Регулирование торговых отношений в городском праве Западной Европы XI–XII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 2-1. – С. 248–251.

20 Лоуви Т. Риск и право в истории американского государства // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 254–266.

21 Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. – Т. II: Товар. Торговые сделки. – М., 2003. – С. 364.

22 Райхер В. К. Указ. соч. – С. 34, 40.

23 Свои выводы относительно раннего зарождения страхования от рисков указанные авторы подкрепляют ссылками на соглашения, заключаемые путешественниками по поводу распределения несчастий, которые могли с кем-то из них произойти. Речь шла о последствиях ограблений, краж, падежа вьючных животных или растерзания их зверями и др. Особое значение имели соглашения о распределении убытков между корабельщиками и купцами, которым принадлежал перевозимый груз. См.: Брагинский М. И.,

Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. – М.: Статут, 2002. – Кн. 3.

24 Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 142–143.

25 Актуарные расчеты – система математических и статистических закономерностей, устанавливающих взаимоотношения между страховщиком и страхователем. Методология актуарных расчетов использует теорию вероятностей, данные демографии и долгосрочные статистические данные, финансовые вычисления. При помощи последних в тарифах учитывается доход, который получает страховщик от использования в качестве кредитных ресурсов аккумулированных взносов страхователей. Цит. по: Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М. – 1999.

26 Исторические аспекты страхового риска раскрыты Худяковым А. И., который, будучи сторонником «объективного риска», говорит о риске как об объективном состоянии, существующем вне воли субъектов, поскольку источником риска является событие, носящее вневольный и объективный характер. См.: Худяков А. И. Теория страхования. – М.: Статут, 2010.

- человека в западной и восточной традициях (на примере канонического права католической церкви и индуистских дхармашастр) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1.
 5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. – М.: Статут, 2002. – Кн. 3.
 6. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2006.
 7. Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895.
 8. Дуглас М. Риск как судебный механизм / Пер. А. Д. Ковалева // THESIS. – 1994. – № 5.
 9. Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: По изд. 1896 г. – М.: Спарк, 1998.
 10. Кондратьева А. Н. Соотношение понятий «грех» и «преступление» в средневековом каноническом праве Западной Европе // Вестник Костромского Государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6.
 11. Крючков Р. А., Сальников В. П., Романовская В. Б., Сальников М. В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10.
 12. Крючков Р. А., Сальников В. П., Романовская В. Б., Сальников М. В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
 13. Лоуви Т. Риск и право в истории американского государства // THESIS. – 1994. – Вып. 5.
 14. Луман Н. Понятие риска // THESIS. – 1994. – Вып. 5.
 15. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М. – 1999.
 16. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования / Отв. ред.: Агарков М. М. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
 17. Романовская В. Б., Квачадзе О. Б. Регулирование торговых отношений в городском праве Западной Европы XI-XII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 2-1.
 18. Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2.
 19. Худяков А. И. Теория страхования. – М.: Статут, 2010.
 20. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. II: Товар. Торговые сделки. – М.: Статут, 2003.

Абдулазизова П. Г.

СУДЕБНИК 1497 ГОДА – КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ОБЩЕРУССКОГО ПРАВА В XV В.

Основное содержание исследования составляет анализ материалов судебногоника 1497 года как основного источника общерусского права в XV в. Проанализированы характерные особенности толкования российского права XV века.

Ключевые слова: Судебник 1497 года, становление российского права, формы законодательства, частные акты, формы земельной собственности, вотчина и поместье.

Abdulazizova P. G.

THE LAW CODE OF 1497 AS THE MAIN SOURCE OF RUSSIAN LAW IN THE XV CENTURY

The main content of the research is the analysis of materials of the law code of 1497, which is the main source of Russian law in XV century. The characteristics of Russian law of XV century interpretation are analyzed.

Keywords: the law code of 1497, the formation of Russian law, forms, laws, private acts, forms of land ownership barony, patrimony.

Абдулазизова П. Г.

Развитие феодальных отношений, образование централизованного государства требовали создания существенно новых законодательных актов. В целях централизации государства, всё большего подчинения мест власти московского князя издавались уставные грамоты наместничьего управления, регламентировавшие деятельность кормленщиков, ограничившие в какой-то мере их произвол. Наиболее ранними уставными грамотами были Двинская (1397 или 1398) и Белозёрская (1488). Памятником финансового права является Белозёрская таможенная грамота 1497 г., предусматривавшая сбор внутренних таможенных пошлин путём сдачи их на откуп.

Но самым значительным памятником права был Судебник 1497 г. Главной целью его было распространение юрисдикции великого князя на всю территорию Русского централизованного государства. Эпоха Ивана III была ознаменована преодолением феодальной раздробленности и созданием московского централизованного государства. Усиление власти великого князя, возрастание влияния боярства, появление аппарата управления централизованным государством вызвали необходимость принятия нового нормативно-правового акта, отвечающего вышеуказанным реалиям.

Судебник внёс единообразие в судебную практику русского государства. Он имел и другую цель - закрепить новые общественные порядки, в частности, постепенное выдвигание мелких и средних феодалов – дворян и детей боярских. В угоду этим социальным группам он внёс новые ограничения в судебную деятельность кормленщиков, а главное, положил начало всеобщему закреплению, введя повсеместно т.н. Юрьев день. Судебник сформулировал экономические основы жизни России: был определен статус вотчин и поместий, принципы собственности и власти – не только как таковые, но и по отдельным группам. Немало места уделено системе уголовных наказаний за различные преступления. И, наконец, Судебник отрегулировал организационно-системные отношения судебной власти – раньше самым распространенным способом судебного разбирательства был поединок, и вводимые элементы расследования, а также сбора и учета свидетельских показаний (хотя бы и добытых в пытках) были серьезным нововведением. В Судебнике формулируется впервые чрезвычайно важное принципиальное постановление о том, что Судебник

является не правом судебных и административных органов, не их доходной статьёй, а их обязанностью; решительным образом проводится взгляд о том, что частный интерес должен уступать уголовному требованию государства, а личный интерес судебного органа – интересу стороны в процессе. Фиксируются многочисленные злоупотребления судебных и административных должностных лиц и принимаются меры к их устранению. В Судебнике проводятся принципы классовой юстиции и в духе этих принципов усилены наказания для различных групп преступников и вместе с тем устанавливается новая форма процесса (розыск).

Источниками Судебника явились РП, ПСГ, текущее законодательство московских князей. Но он не просто обобщил накопившийся правовой материал. Больше половины статей было написано заново, а старые нормы часто в корне переработаны. Судебник 1497 г. содержал главным образом нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Его можно считать основным ядром, вокруг которого стала складываться система московского, а потом и всероссийского права.

Судебник 1497 года — свод законов Русского государства; нормативный правовой акт, созданный в целях систематизации существующих норм права. Это Памятник русского феодального права XV века, созданный в эпоху правления Ивана III.

Судебник 1497 года основывался на предшествующем законодательстве. Источниками этого нормативного правового акта явились: Русская правда, включая её позднейшие редакции; Уставные грамоты — нормативные документы, издаваемые верховной властью по вопросам местного управления; Судные грамоты — постановления о судоустройстве, даруемые отдельным местностям и содержащие, кроме того, некоторые нормы гражданского и уголовного права (Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота). В Судебнике 1497 года, как и в любом феодальном своде законов, нормы права излагались без чёткой системы, казуально (то есть на каждый случай, вдаваясь в частности), открыто определяли привилегии господствующего слоя населения. Однако уже намечалась определённая систематизация материала, чего не знали предшествующие законы. Норм процессуального права (ведение розыскного и судебного процесса) в Судебнике значительно больше, чем норм материального права (граждан-

ского, уголовного). Юридическая техника, то есть совокупная связь приемов, применяемых при разработке содержания и структуры правовых предписаний государства, слабая.

Создаются новые сложные формы законодательства — общерусские кодексы (Судебники, Соборное Уложение), указные (уставные), в которых систематизировались нормы, не вошедшие в основной текст книги Судебников. Были сформированы Уставная книга Разбойного приказа, указные книги Поместного и Земского приказов. «Новоуказные статьи» стали промежуточным этапом кодификации русского права в период между Судебниками и Соборным Уложением (первая половина XVIII в.). Все большее место в системе источников права начинают занимать разного рода *частные акты* — духовные грамоты, договоры («ряды»), акты, закрепляющие собственность на землю и др.

В XV—XVI вв. гражданско-правовые отношения постепенно выделяются в особую сферу и их регулирование осуществляется специальными нормами, включенными в различного рода, сборники (грамоты, судебники и пр.). Нормы гражданского права одновременно отражали и регламентировали процесс развития товарно-денежных и обменных отношений, а также отношений феодальной эксплуатации, основывающейся на различных формах *земельной собственности* (вотчинной и поместной).

Субъектами этих отношения являлись как частные, так и коллективные (община, монастыри и др.) лица. Субъекты гражданского права должны были удовлетворять определенным требованиям, таким как достижение установленного возраста, социальное и имущественное положение.

Судебник 1497 г. — это не сепаратный указ и не охранная грамота, это общий государственный закон «о суде, как судите, боярам и окольниковым и прочим судьям по всему Московскому государству». Это общая инструкция, первый всероссийский судебный устав.

В основном Судебник 1497 г. содержит нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Вместе с тем в него включен ряд норм гражданского права, регулирующих обязательства из договоров — договора купли-продажи, займа, найма, порядок: наследования, разрешение земельных споров.

Источниками Судебника 1497 г. явились: «Русская Правда» Псковская Судная грамота, уставные грамоты, а также законодательные материалы, накопившиеся в русском государстве к концу XV в.

К таким законодательным материалам относились жалованные и указанные грамоты, которые выдавались великими и удельными князьями, а также высшими духовными феодалами. Сюда входят грамоты, закрепляющие переход в собственность феодалов недвижимого имущества, жалованные купчие, меновые и другие грамоты, в которых фиксировались права феодалов на землю.

Судебные акты XV в., раскрывающие характерные черты состязательного процесса, виды судебных доказательств, явились важным источником для Судебника 1497 г. В них уславливалось, кроме явки сторон и свидетелей в суд, ведение протокола судебного заседания — судебный список, который позднее именовался правовой грамотой. В судебных актах, наряду с письменными документами, мы находим доказательства глубокой старины — обход судьями спорных угодий и выдача выигравшей стороне правовой грамоты.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XV вв. позволяют обрисовать перспективы великокняжеской власти, дают материалы для изучения княжеской земельной собственности, правового положения зависимых

людей. Особое внимание в них уделялось вопросу о выдаче беглых крестьян и холопов. Договорные грамоты содержали нормы международного права, раскрывали форму феодального вассалитета, власти и подчинения Москве отдельных феодальных центров.

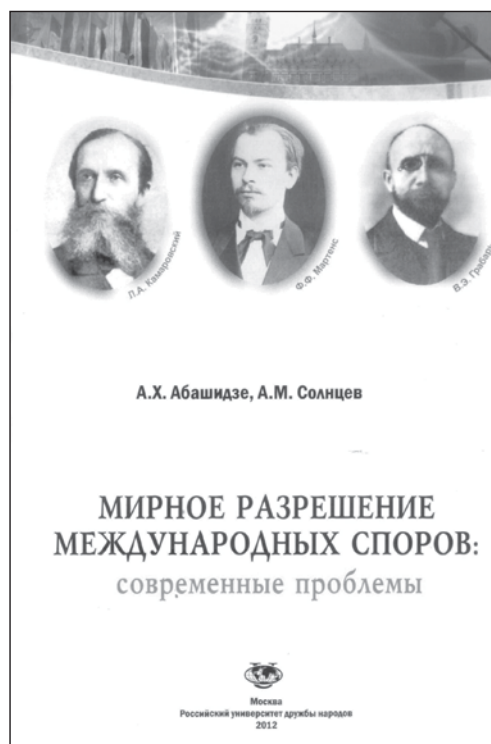
Содействуя господствующему классу в деле централизации государственного аппарата, Судебник 1497 г. установил целую систему судебных органов, их компетенцию, подконтрольность и полную подотчетность великому князю.

В связи с обострением классовых противоречий Судебник 1497 г. усилил репрессии в отношении нарушителей феодального права путем расширения круга деяний, признаваемых преступными, централизовал судебную власть и установил новую форму процесса.

Значение Судебника 1497 г. заключается в том, что он систематизировал нормы феодального права и способствовал созданию правовых норм, отвечающих новому этапу в развитии феодального общества.

Пристатейный библиографический список

1. Азизова П. М. Место дисциплины «история государства и права России» в системе юридических наук // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 128.
2. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной правовой системы российской федерации // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 148.
3. Исаев И. А. История государства и права России. — М., 2006.
4. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. — М., 1993.
5. Российское законодательство X-XX веков. — М., 1985. — Т. 2. (текст судебного с комментариями).

Азизова П. М.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ БИЛЛЯ О ПРАВАХ

В статье рассмотрены исторические аспекты разработки и принятия Билля о правах – первых десяти поправок к Конституции США, которые закрепляют основные права и свободы человека и гражданина.

Ключевые слова: Билль о правах, США, конституция, поправки, гражданское право.

Azizova P. M.

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT AND ADOPTION OF THE BILL OF RIGHTS

The article considers historical aspects of the development and adoption of the Bill of Rights – first ten amendments to the U.S. Constitution, which enshrine the fundamental rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: bill of rights, U.S. Constitution, amendments, civil law.

Азизова П. М.

Билль о правах (англ. Bill of Rights) — неофициальное название первых десяти поправок к Конституции США, которые закрепляют основные права и свободы человека и гражданина. Поправки были предложены Джеймсом Мэдисоном 25 сентября 1789 года на заседании Конгресса США первого созыва и вступили в силу 15 декабря 1791 года. Впервые на общегосударственном уровне единообразно был определён правовой статус гражданина США, очерчены сферы федерального контроля за соблюдением гражданских прав и свобод, которые также впервые в истории конституционного законодательства были построены как запреты и ограничения, наложенные в первую очередь на сами законодательные органы.

По мнению Н. А. Крашенинниковой, условно текст Билля о правах можно разделить на две части: в первой из них закреплены классические демократические права и свободы граждан, а во второй — гарантии их реализации, названные в Пятой поправке «надлежащей правовой процедурой».

Отсутствие в тексте Конституции США статей, гарантирующих гражданские права, уже в первые годы существования американского государства стало одной из основных тем политических разногласий, ассоциировавшихся со специфическими групповыми и партийными интересами. От президента, правительства и конгресса ожидали обещанного ещё Конституционным конвентом правового документа, который гарантировал бы гражданам страны их права и свободы.

На протяжении четырёх лет после принятия Конституции в конгресс стекались многочисленные предложения штатов. Основные из предложенных поправок нашли отражение в подготовленных Джеймсом Мэдисоном дополнениях, содержащих гарантии прав на свободу вероисповедания, слова и печати, свободу собраний, прав на хранение и ношение оружия, на неприкосновенность личности и жилища, на справедливое отправление правосудия и введение суда присяжных. Эти статьи составили десять первых поправок к Конституции США, утверждённых конгрессом 25 сентября 1791 года. После ратификации этих поправок законодательными собраниями штатов с 15 декабря 1791 года, они стали составной частью Конституции США под общим неофициальным названием Билль о правах. Основным автором проекта был Мэдисон, но в подготовке и принятии документа важную роль сыграл также Томас Джефферсон, в то время посол во Франции. Его переписка с Мэдисоном оказала влияние на текст документа.

В проект Билля о правах входило 12 поправок, однако поправка, устанавливающая формулу расчёта количества депутатов в Палате представителей по результатам переписи, которая проходила бы каждые десять лет, так и не была ратифицирована (хотя де-факто подобный принцип применяется и поныне). Вторая поправка, запрещающая вступление в силу законов, изменяющих размер жалования сенаторов и представителей до их переизбрания, вступила в силу только в 1992 году и стала Двадцать седьмой поправкой.

3 сентября 1783 г. в Версале были подписаны мирные договоры между воевавшими государствами, по которым США признавались независимым суверенным государством.

Победив Англию, молодая страна оказалась в крайне сложном положении. С исчезновением военной опасности порвались те узы, которые удерживали вместе 13 американских штатов. Из-за восьмилетней войны ухудшилось финансовое и экономическое положение страны. Чтобы спасти молодое государство, необходимо было установить в стране закон и порядок.

Становление основных идей конституционного права и принятие первых конституций (США 1787 г., Франции и Польши 1791 г.) были связаны с борьбой молодой революционной буржуазии, возглавившей широкие слои народа против феодального строя и феодального права, «права-привилегии».

Представители «третьего сословия» и выразители общенародных интересов Г. Гроций, Ш. Монтескье, Д. Локк, Ж. Ж. Руссо и другие сформулировали многие положения, которые легли в основу современного конституционного права (о народном суверенитете, разделении властей, естественных и неотчуждаемых правах человека, парламентаризме, ответственном правительстве и др.).

Эти идеи нашли воплощение в первых конституционных документах: в Декларации независимости США 1776 г., конституции США 1787 г., во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в польской конституции 1791 г.

Конституция США – самая «старая» из писанных конституций, действующих в настоящее время. Она была выработана конвентом, заседавшим при закрытых дверях в Филадельфии с 14 мая по 17 сентября 1787 г.

Выработанная им конституция отражала воззрения наиболее консервативной части американской правящей элиты. Один из «отцов» конституции адвокат Гамильтон рассуждал

так: народ беспокоен и непостоянен, он редко рассуждает «правильно», поэтому надо предоставить власть тем, кто богат: «изменения не сулят им никаких выгод, и они будут всегда сохранять хорошее правительство».

Конституция 1787 года не ликвидировала политической автономии штатов. Она противопоставила ей сильную центральную власть. Конституция провозглашала Соединенные Штаты федеральным государством, республикой, в которой высшая законодательная власть принадлежит Конгрессу, а высшая исполнительная власть – президенту.

Основопологающим принципом был провозглашен принцип «разделения властей», выдвинутый англичанином Локком и развитый французом Монтескье.

Каждая из основных властей – законодательная, исполнительная и судебная – получала некоторую, может быть даже значительную, независимость.

Полная независимость, например, судей выражалась в их несменяемости и в праве не применять законов, противоречащих Конституции.

При существовавших в стране всевозможных вероисповеданиях, дробившихся на множество сект, в США не было установлено господствующей религии и была допущена полная веротерпимость.

Как видно, многое в Конституции США было заимствовано из идей французских просветителей. Политическая теория видела в этом гарантию против произвола: одна власть «сдерживает» другую.

Создав более прочный государственный союз (федерацию) взамен непрочного межгосударственного союза, заключенного в ходе войны за независимость (конфедерации), конституция 1787 г. значительно облегчала промышленное развитие США, движение товаров, отвоевывание новых земель и их колонизацию.

Она была республиканской конституцией, и это было вызовом само по себе: то был конец XVIII века. Вместе с Биллем о правах американская конституция 1787 года являлась в

известном смысле документом большого демократического значения, что, несомненно, сказалось в последующей истории Европы и Латинской Америки.

Д. Мэдисон внес решающий вклад в подготовку конституционных поправок к собраниям штатов в 1789 г. и утвердил в 1789–1791 гг., поправки, ставшие известны как Билль о правах. Поправки, составляющие Билль о правах, равнозначны по своему значению определению правового статуса американского гражданина.

Названные права и свободы относятся лишь к политическим и личным, и среди них почти целиком отсутствуют социально-экономические права и свободы. Фактически последние ограничиваются положениями поправки V, устанавливающей, что «никакая частная собственность не должна отбираться для общественного пользования без справедливого вознаграждения» и никто «не должен лишаться... имущества без законного судебного разбирательства».

Нельзя не отметить и то немаловажное обстоятельство, что формулировки Билля довольно расплывчаты, что открывает широкий простор для их толкования и регламентации. Однако если оценивать объем прав и свобод с исторической точки зрения, то нельзя не признать, что для своего времени он был достаточно велик.

«Билль о правах» не отменял в США системы рабовладения, но вводил в молодой республике основы буржуазной демократии.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая история государства и права / Под ред. К.И. Батыра. – М., 1995.
2. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – М. – Юристъ, 1999. – 608с.
3. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов. Часть 2/Под общ. ред. Крашенинниковой Н.А., Жидкова О.А. – М.: НОРМА-ИНФРА • М, 1998.

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh

ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL AGREEMENTS OF RUSSIA

ИНТЕРКОЛАВ

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

Алтунин В. С.

ПРАВОВЫЕ ИСТОКИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА НИЗОВОМ УРОВНЕ В ПЕРИОД XVIII–XIX ВВ.

В данной статье рассматривается вопрос развития российской полиции на различных территориях. Основной упор исследования сделан на правовом обосновании этого развития. Изначально функции полиции были обширными: от оказания помощи при получении ссуды до борьбы с пожарами в населенных пунктах, и при этом направление обеспечение правопорядка считалась основным, но численный состав подразделения был мал и не мог в полном объеме исполнять свои функции. Для компенсации этого недостатка было принято решение об использовании свободных граждан на выборной основе для выполнения полицейских обязанностей.

Ключевые слова: полиция, земский исправник, надзиратель, земская полиция, исправник, становой пристав, полицейский урядник.

Altunin V. S.

LEGAL BACKGROUND OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL ACTIVITIES OF POLICE IN THE RUSSIAN EMPIRE AT LOW LEVEL DURING THE XVIII–XIX CENTURIES

This paper discusses the development of the Russian police in different areas. The main focus of research is made on the legal basis of this development. Initially, the function of the police were extensive: from assistance in obtaining loans to fight fires in the villages and at the same time the direction of law enforcement was considered a major, but personnel of the unit was small and could not fully perform their functions. To compensate for this shortcoming it was decided to use the free citizens on an elective basis to perform police duties.

Keywords: police, a district police captain, prison warden, a district police, the police captain, district superintendent of police, constable.

В современных условиях, когда государство вынуждено оптимизировать расходы во всех сферах государственной деятельности, включая расходы на правоохранительную деятельность, всплывают правовые вопросы решения проблем. Но прежде чем приступать к их разрешению, необходимо убедиться в том, что эти вопросы не имели правового решения в историческом прошлом. Начиная с 90-х гг. XX в. в России происходят радикальные реформы, направленные на коренные изменения в экономической, политической, общественной сферах жизни. Однако видно, что они иногда противоречивы и проводятся непоследовательно, а зачастую и просто копируют зарубежный опыт, без учета российских исторических традиций и практики. Все это заставляет обращаться к отечественному прошлому в поисках ответов на волнующие нас сегодня вопросы. Это вопросы организации и деятельности некоторых органов правопорядка, т.е. полиции.

К вопросу истории развития органов правопорядка в России уже не раз обращались историки, правоведы и даже краеведы. Большой объем научной литературы свидетельствует об этом¹.

1 Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. – СПб., 1903; Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1900 гг. – СПб., 1900; Штоф А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главных горнопромышленных государств. – СПб., 1896; Яновский А. Е. Горная полиция: Энцикл. слов. Брокгауза-Эфрона, 1898.; Троицкий К. М. Третье отделение при Николае I. – Л., 1990.; Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений в дореволюционной России. – М., 1960.; Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – нач. XX вв.). – Н. Новгород, 1993.; Борисов А. В., Сизиков М. И., Скрипилов А. Е. История полиции России (1718–1917 гг.). – М., 1992.; Кобзов В. С., Семенов А. И. Становление органов милиции на Урале в 1917–1920 гг. // История правоохранительных органов России: Сб. научных трудов / Под ред. Е. П. Сичинского. – Челябинск, 2000. – С. 122–155, Щеткин

Алтунин В. С.

Казалось, что все вопросы достаточно хорошо описаны и освещены, но, несмотря на это, остается открытым вопрос: «Как местная власть решала вопрос нехватки кадров полиции в период Российской империи?». Проблема эта уходит своими корнями в историческое прошлое нашей страны, когда были сформированы низовые звенья охраны правопорядка.

Происхождение слова «полиция» имеет глубокие исторические корни. У древних греков «*politicia*» обозначала «государственные дела, форму правления, государство», и в основе лежало определение «*polis*» – «город», «государство». Таким образом, полиция – один из ярких признаков государства. Полиция как орган государственной власти появилась при Петре I на всей территории Российского государства, в том числе и на Урале.

Так, с 1722 г. в Уфимском магистрате Пермской губернии полицейские функции исполнял член городского самоуправления – ратман². Позднее, с образованием в 1728 г. самостоятельной административной единицы – Уфимской провинции, Правительствующий Сенат наделил уфимского воеводу и его канцелярию судебными и полицейскими функциями³.

Круг этих функции был определен еще Петром I. Еще в январе 1719 г. в специальной Инструкции и Наказе воеводам впервые законодателем был употреблен термин «земская полиция», а в 1720 г. издается Инструкция земским комиссарам с

С. В. Милиция на Южном Урале 1921–1928 гг.: Дис. ... канд. истор. наук. – Челябинск, 2002.

2 История Уфы: краткий очерк. – Уфа: Башкнигоиздат, 1976. – С. 50. Цит по Масалимов А. С. Организационно-правовая структура городской полиции Уфимской губернии // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 1 (57).

3 Евсеев И. В. Правоохранительные органы и их взаимоотношения с гражданами России // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. XII Международная конференция факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, 29–31 мая 2014 г.: Материалы. – М.: Инфра-М, 2015. – С. 44–48.

перечнем обязанностей, совпадающих полностью или частично с рекомендованными им «Пунктами»⁴.

Так, представителям полиции поручалось следить за регулярностью и плановостью застроек в населенных пунктах (пп. 1, 4). На полицию возлагалась обязанность обеспечения противопожарной безопасности (пп. 1, 8, 13), а также полицейские следили за укреплением и надлежащим содержанием берегов рек, уличных стоков (п. 2), за чистотой улиц и незатруднительным проездом по ним (пп. 3, 6), за санитарным состоянием торговли продовольствием на местных базарах и лавках (п. 5). Кроме вышесказанного, полиция должна была задерживать, допрашивать и отправлять с делами в суд лиц, задержанных на улицах или рынках за драки (п. 7), пресекать содержание притонов для правонарушителей (п. 9), задерживать и допрашивать «всех гуляющих и слоняющихся людей», из них трудоспособных определять на работу (п. 10), строго учитывать приезжих, выявляя беглых (п. 11), а также размещать солдатский постой⁵. Получалось, что согласно «Пунктам» полиция в населенных пунктах ведала всей административной деятельностью.

Наиболее ярко проявилась эта деятельность в начале XIX в. в связи с организацией 8 сентября 1802 г. первых министерств Российского государства (военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, юстиции, коммерции, финансов, народного просвещения, внутренних дел)⁶. В соответствии с Манифестом от 08 сентября 1802 г. об учреждении министерств на министра внутренних дел возлагалась обязанность «пецись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи»⁷. Соответственно, в Министерстве внутренних дел сосредотачивался большой круг функций. Структура министерства включала в себя первоначально 4 подразделения (экспедиции): 1) заведование делами народного продовольствия и соляной части; 2) спокойствия и благочиния; 3) государственного хозяйствования (усовершенствование земледелия, управление государственными фабриками и заводами, добыча торфа, каменного угля, переселение крестьян на новые земли, состояние дорог⁸; 4) общественного призрения (содержание больниц, «богоугодных заведений», тюрем). Как видим из перечисленного, на министерство внутренних дел возлагался широкий круг обязанностей по обеспечению правопорядка, но штаты полиции были минимальными, и обеспечить выполнение всех обязанностей из-за малочисленности не представлялось возможным.

Таким образом, в повестку дня вошла проблема увеличения численности земской полиции, но без увеличения штатов. По «Положению о земской полиции» от 1 июня 1837 г. уезды поделены на станы, в каждом из которых поставили станового пристава⁹, который избирался из числа

вольных обывателей дворянского происхождения, но без государственного содержания. На должность станового губернским правлением назначались преимущественно граждане, имевшие недвижимую собственность в той местности, где им приходилось исполнять полицейские обязанности, которая обеспечивала им постоянный доход. Избираемый становой надзиратель постоянно проживал на своем участке, держал в подчинении сотских и десятских, выбираемых государственными крестьянами из своей среды или определяемых помещиками.

Становые приставы вместе с двумя представителями от казенных крестьян пополнили число заседателей земского биралса дворянством и утверждался губернатором¹⁰.

Следующий шаг в деле организации административной деятельности был сделан в 1862 г. Александром II. Именным указом были введены «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых»¹¹. В соответствии с «Правилами» бывшие земские и городские полиция объединялись в одно общее уездное полицейское управление, исключая губернские и отдельные крупные уездные города. Штаты этой новой полиции увеличивались, а вместо выборных земских исправников стали назначаться исправники «от правительства» (начальником губернии, т.е. губернатором или генерал-губернатором). При этом указом от 25 декабря 1862 г. предписывалось осуществлять особый строгий отбор кандидатов из дворян на эту должность. «Из выбранных дворянством нынешних исправников ... оставить в новой должности только тех, кои по усмотрению начальников губерний могут действительно с пользою исполнять обязанности, на них вновь возлагаемые; прочих же затем уволить, заместив их другими лицами, также по непосредственному усмотрению начальников губерний».

Общее присутствие уездного полицейского управления работало в составе исправника, его помощника и выборных сословных заседателей (от дворян, сельских обывателей и горожан). Уездный исправник, согласно законодательству, являлся председателем Общего присутствия уездного полицейского управления и начальником уездной полиции, которому подчинялись все полицейские чиновники в уезде и который принимал окончательное решение по всем входящим в компетенцию вопросам. В тех городах, где сохранилась городская полиция, учреждались городские полицейские управления.

Сохранились деления на станы, подведомственные становым приставам. Согласно ст. 16 «Правил», помимо станов более мелкими полицейскими территориальными единицами уезда являлись участки (сотни) и селения. Правительство было озабочено прежде всего устройством полиции в уездах, где особенно тяжело сказывалась недостаточность полицейского надзора. Границы станов были чрезвычайно велики, и

4 ПСЗ. Собр. 1. М. Т. V. – № 3294. – № 3295.

5 Там же.

6 Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. – М, 1996. – С. 12.

7 ПСЗ. – Т. XXVII. – № 20406.

8 ПСЗ. – Т. XXIX. – № 22102.

9 Данная полицейская должность учреждена «Положением о земской полиции» 1837 г. взамен заседателей по Учреждению 1775 г. Каждый уезд был разделен на *станы*, отданные в ведение С. приставов. Последние назначались, переводились и увольнялись губернским начальством; дворянству предоставлено было лишь право избирать на эти должности кандидатов и представлять их список губернатору. Земский суд передавал С. приставам приказания и требования и наблюдал за исполнением их, без права принимать против С. приставов принудительные меры; исправник относился к ним не лично, а че-

рез земский суд. На С. приставе лежали все дела исполнительные, следственные, судебно-полицейские и хозяйственно-распорядительные. Вследствие такого обширного круга обязанностей С. пристава не была достигнута главная цель учреждения станов — сближение населения с правительством и доставление жителям больших средств к удовлетворению их просьб. С. Пристав постоянно находился в разъездах, обремененный делами, и единственной заботой его было отписаться от высшего начальства. По правилам 1862 г., действующим и в настоящее время, С. приставы суть подведомственные уездному полицейскому управлению исполнительные чиновники полиции в уездах. См. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — С.Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.

10 Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х гг. XIX в. — Минск, 1981. — С. 10—11.

11 ПСЗ. — Т. XXXVII. — Отд. 2. — № 39087.

огромное пространство представляло собой практически непреодолимое препятствие для одного человека – станового пристава – исполнять возложенные на него обязанности, тем более, что он не имел ни штатной канцелярии, ни рассыльных в достаточном числе. При таких условиях вся полицейская деятельность лежала на сотских и десятских. Однако их состав был крайне неудовлетворителен – во-первых, в силу их назначения (по выборам). Во-вторых, в связи с очевидной недостаточностью вознаграждения, а зачастую и при полном отсутствии денежного довольствия¹².

Поэтому в 1873 г. министр внутренних дел представил в Государственный совет новый проект о переустройстве полиции. В этом проекте предлагалось учредить полицейскую стражу из конных и пеших стражников с упразднением существующих в некоторых губерниях полицейских команд, а также должностей тысяцких и сотских, упразднить коллегияльный состав уездных полицейских управлений. Однако Государственный совет, признавая несостоятельность усиления полиции, исходя, главным образом, из соображений ограниченности финансовых средств у государства, счел возможным согласиться лишь с некоторыми высказанными соображениями. Вместе с тем Государственный совет счел необходимым и впредь сохранить институт сотских при условии содержания и установления более действенного контроля правительства за их назначением¹. Но при этом, по мнению Государственного совета, представлялось бы весьма целесообразным учреждение в составе полицейской стражи новой должности для осуществления руководства сотскими и установления связи между сельской и уездной полицией.

В 1878 г. в полицейские управления была введена новая должность полицейского урядника, подчиненного становому приставу.

На протяжении рассматриваемого периода времени наблюдается постоянная тенденция к сужению компетенции полиции. Одним из направлений реформы полиции, отмеченных высочайшим повелением от 25 марта 1859 г., было излечение из обязанностей полиции следственной и хозяйственно-распорядительной части, а также уточнение в связи с этим компетенции самой полиции. В июле 1860 г. учреждается институт судебных следователей и, соответственно, из ведения полиции выделяется проведение следствия. Одновременно уточняются полномочия полиции по производству дознания.

В январе 1864 г. были изданы судебные уставы и положение о земских учреждениях². В соответствии с этими актами из ведения полиции окончательно изымается судебная деятельность и одновременно возникает проблема сочетания полицейской власти и власти местного самоуправления. Указанная проблема была в определенной степени разрешена в новом городском положении 1870 г.³

По закону от 12 марта 1903 г. на земских начальников и податных инспекторов было возложено взывание окладных сборов с крестьянского населения, чем достигнуто значительное облегчение в деятельности уездной полиции, для которой взывание этих налогов составляло крайне обременительную обязанность, отнимая массу времени и труда¹³.

Несмотря на проведенные меры, компетенция полиции оставалась в значительной мере неопределенной. Временные правила об устройстве городской и уездной полиции

устанавливали, что «порядок подчиненности и сношений полиции, предмет и ведомство, пределы власти, порядок действий, распределение обязанностей, отчетность и ответственность полиции, порядок определения и увольнения ее членов и вообще постановления о полиции, не отмененные настоящими правилами, остаются в своей силе» (ст. 33). Таким образом, учитывая, что временные правила данный вопрос практически не освещали, компетенция полиции определялась старыми, как минимум двадцатилетней давности, нормативными актами.

Как и прежде, практически не было такого вопроса, который бы не подлежал рассмотрению полицией. Даже простое перечисление функций общей полиции по различным уставам поражает воображение¹⁴. Наряду с выполнением чисто полицейских функций (в современном понимании) она выполняла и другие. Например, осуществляла надзор за продажей вина, ведала вопросами санитарии, вела борьбу с голодом и эпидемиями, занималась призрением бедных.

Организация полицейских сил в пореформенной России была довольно сложной. Она различалась в центральных губерниях и в национальных окраинах. Более того, как центральный аппарат полиции, так и ее местные органы изменялись на протяжении всего периода. Поэтому есть необходимость обобщенно изложить модель устройства полиции под началом Министерства внутренних дел.

Министерство внутренних дел возглавлял министр, на которого было возложено «управление всей полицейской частью в государстве». Ему вменялось в обязанность «охранять государственный порядок и спокойствие». Он мог отстранять от должности любого, даже высшего чиновника с последующим сообщением об этом императору, пользовался правом личных докладов царю. Структурными частями Министерства внутренних дел были департаменты, управления, советы, комитеты, количество и наименование которых менялось.

Представителями верховной власти на местах и одновременно региональными органами полиции были генерал-губернаторы, губернаторы с губернскими правлениями. Эти всеильные хозяева административно-территориальных частей страны имели право личного доклада императору по наиболее важным делам, их компетенция оставалась достаточно широкой, хотя и сузилась в ходе реформ: они утратили право ревизии служебных дел, освободились от некоторых несущественных полномочий, перешедших к земскому самоуправлению.

Непосредственно губернаторам подчинялись исправники с помощниками, стоявшие во главе уездных полицейских управлений. Управления контролировали соблюдение законов, постановлений правительства, ведали безопасностью, общественным благоустройством, а также выполняли ряд других функций. Уездные исправники два раза в год отправлялись из места проживания в городе для обозрения уезда и всех его станов. Распоряжения по устранению недостатков, выявленных во время ежегодных объездов, исправник давал местным становым приставам, которые отвечали за практическую сторону указанных частей полицейского дела. Становым приставам подчинялись полицейские урядники (один на волость), которые непосредственно направляли деятель-

12 Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. — М., 1913. — С. 22–23.

13 Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. — М., 1913. — С. 34.

14 Сборник узаконений и распоряжений правительства, касающихся обязанностей полиции. — СПб., 1880.

ность сотских и десятских, избравшихся из крестьян. Урядникам придавались конные полицейские стражники.

На основе сказанного можно утверждать, что реформа полиции характеризуется определенными чертами:

во-первых, помещики освобождались от полицейского надзора за крестьянами;

во-вторых, произошел переход от децентрализации местной полиции на уровне уезда к соединению городской и уездной полиции;

в-третьих, укреплялись низовые звенья полицейского аппарата, количественный состав которых поставили в прямую зависимость от численности населения;

в-четвертых, полиция освобождалась от видов деятельности, не свойственных карательным учреждениям, усилилась специализация ее служб;

в-пятых, полиция комплектуется по вольному найму.

Вместе с тем имели место отступления от установок реформы, проявившиеся в сохранении такого наследия прошлого, как:

– наличие негосударственных видов полиции, содержащихся за счет кампаний и даже частных лиц;

– перегруженность низового полицейского аппарата поручениями по делам казенного, военного и других ведомств (в том числе и Горного департамента);

– отбывание выборными от сельских обществ полицейской повинности.

Полиция, полицейская деятельность государства являлись объектами тщательных, добротных и весьма обстоятельных теоретических исследований ученых досоциалистического периода. В юридической науке понятие полиции постоянно эволюционировало. Полиция трактовалась и как вся государственная деятельность, и как совокупность определенных государственных органов. Однако законодатель (государственный) действовал вопреки выводам науки и распространял обязанности полиции на все области жизни. «Общая полиция у нас должна быть всегда готова к услугам всех ведомств», – отмечал А. И. Елистратов¹⁵. Это, естественно, не могло не сказаться на результатах работы как самой общей полиции, так и других ведомств. Более того, в итоге, к началу XX в. многие ученые-юристы констатировали, что Российское государство «еще не вышло из стадии полицейского государства». Сами высшие правительственные чиновники признавали, что один из важнейших законодательных актов, регламентировавший деятельность полиции – Устав о предупреждении и пресечении преступлений, – покоится на полном отрицании гражданской свободы¹⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов А. В., Сизиков М. И., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718–1917 гг.). – М., 1992.
2. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых. 25 декабря 1862 г. // ПСЗ. Собр.2. – Т. XXXVII. – Отд. 2. – № 39087.
3. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. – СПб., 1903.

4. Евсеев И. В. Правоохранительные органы и их взаимоотношения с гражданами России // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. XII Международная конференция факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, 29–31 мая 2014 г.: Материалы. – М.: Инфра-М, 2015.
5. Елистратов А. И. Основные начала административного права. – М., 1917.
6. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений в дореволюционной России. – М., 1960.
7. Инструкции или наказ воеводам, Инструкция или наказ земским комиссарам в губерниях и провинциях. // ПСЗ. Собр. 1. – Т. V. – № 3294, № 3295.
8. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1900 гг. – СПб., 1900.
9. Масалимов А. С. Организационно-правовая структура городской полиции Уфимской губернии // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 1 (57).
10. Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – нач. XX вв.). – Н. Новгород, 1993.
11. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. – М, 1996.
12. Основные начала административного права / Елистратов А. И., проф. Моск. ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917.
13. ПСЗ. – Т. XXIX. – № 22102.
14. ПСЗ. – Т. XXVII. – № 20406.
15. Сборник узаконений и распоряжений правительства, касающихся обязанностей полиции. – М.: [б. и.], 1880.
16. Соловей Ю. Л. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. – Омск, 1993.
17. Троцкий К. М. Третье отделение при Николае I. – Л., 1990.
18. Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х гг. XIX в. – Минск, 1981.
19. Штоф А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главных горнопромышленных государств. – СПб., 1896;
20. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
21. Яновский А. Е. Горная полиция: Энцикл. слов. Брокгауза-Эфрона, 1898.

¹⁵ Елистратов А. И. Основные начала административного права. – М., 1917. – С. 103.

¹⁶ Соловей Ю. Л. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. – Омск, 1993. – С. 16.

Евсеев И. В.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАГНИТОГОРСКОЙ ТЮРЬМЫ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается вопрос формирования одного учреждения исполнения уголовного наказания – Магнитогорской тюрьмы, которая явилась воплощением советской модели индустриального развития государства. Получилось, что местная тюрьма строилась в зависимости от планов и стремления власти на строительной площадке будущего Магнитогорского комбината. Магнитогорская тюрьма была задумана Главным тюремным управлением еще в 1905 г., но была закончена только при советской власти 23 октября 1935 г. Тюрьма стала центром Южного куста исправительно-трудовых учреждений УНКВД по Челябинской области и позже МВД, на базе которого появились лагеря и командировки, а позже ИТК, следственный изолятор и специальная больница.

Ключевые слова: гауптвахта, тюрьма, следственный изолятор, Южный куст исправительно-трудовых учреждений.

Evseev I. V.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF MAGNITOGORSK PRISON IN THE PERIOD OF SOVIET INDUSTRIALISATION

The article deals with the issue of forming a single institution of criminal punishment – Magnitogorsk prison, which was the epitome of Soviet industrialization. It turned out that the local prison was built according to the plans and the desire of the authorities at the construction site of the future Magnitogorsk plant. Magnitogorsk prison was designed by the Chief prison administration as early as 1905, but was completed only under the Soviet regime on 23 October 1935. The prison became the center of the Southern branch of corrective labor institutions of the UNKVD and later the Ministry of Internal Affairs on the basis of which there were camps and trips, and later correctional labor colony, pretrial detention center and special hospital.

Keywords: detention room, prison, detention facility, the Southern bush corrective labor institution.

Как указывалось ранние, в Российской истории было несколько периодов индустриальной колонизации территорий, таких как Урал. В настоящее время рассматривается вопрос о современном этапе индустриальной колонизации Урала. Индустриальное развитие любого региона зависит от людского потенциала и инфраструктуры региона, к которой можно отнести контингент уголовно-исполнительной системы и учреждения изоляции преступников. Развитие этих учреждений само по себе интересный факт исторического развития, так как в Российском государстве наряду с крепостными стенами строители возводили тюрьму, которая отражала политическое направления существующей власти. В целом тюрьма становилась лакмусовым индикатором властных устремлений. Уголовно-исполнительные учреждения развивались в соответствии с эпохой и социально-экономическими задачами государства. Примером может служить Магнитогорская тюрьма, которая стала первым примером кустовой организации исправительно-трудовых учреждений на Южном Урале в период советской индустриализации.

Впервые о тюрьме как учреждении для правонарушителей заговорили в станице Магнитной в период ее основания, но это была не тюрьма в полном смысле, а был холодный чулан для правонарушителей. В народе чулан именовали гауптвахтой. Станица являлась населенным пунктом казачьей организации. И пока индустриализация не затрагивала самобытных устоев станицы, тюрьма не изменялась в своем внешнем виде и внутреннем устройстве. В литературе встречается описание станицы в 1885 г. Станица начиналась с деревянного комендантского дома о 6 комнат. Флигеля о 3 комнаты, с сенями. Двух кухонь, людская изба, баня, два погреба, конюшня и каретник. Гауптвахта о 4 комнатах. Две караулки. Батальонный лазарет и хлебопекарня. Канцелярия, плотничная и слесарня. Полу-батальонное училище. Батальонный цейхгауз. Два провиантских магазина о двух отделениях каждый. Сборный дом (т. е. соборный, общественный дом). Это говорит о том, что данный

Евсеев И. В.

населенный пункт не был охвачен индустриализацией XVIII в. Патриархальность в станицы наблюдалась более века. И за этот период гауптвахта так и оставалась основным местом содержания правонарушителей даже после тюремной реформы 1879 г.

Жизнь не стояла на месте, станица отстраивалась, появлялись новые здания разной социальной направленности, но гауптвахта оставалась неизменной. Об этом говорит описание Магнитной на 1900 г., когда заканчивался второй период индустриального развития. Станица являлась крупным населенным пунктом с населением около 10 000 жителей. Дважды в год в станице, летом и осенью, проводились большие ярмарки — с общим оборотом более ста тысяч рублей, но индустриальных объектов, за исключением рудников, около станицы не было. Как пишут исследователи, «станицу украшали две церкви, две школы, телеграф, горная контора геологического общества, три магазина, кабак с хорошей кухней при постоялом дворе, гарнизонная столовая, здание управления с караулкой и гауптвахтой, мельница, склады “Торгового общества”, казенные конюшни, маслоделательное товарищество, коптильня, два ледника, хлебопекарня, мастерские, пороховой погреб, лазарет, баня, клуб для собраний с библиотекой». Как мы видим, наряду с прочими постройками значится и гауптвахта, которая подчеркивает принадлежность населенного пункта к военной организации. Получалось, что за целый век тюремное учреждение станицы не изменилось, несмотря на то что Главное тюремное управление в 1905 г. спланировало строительство нового тюремного комплекса из двух корпусов в место обветшалой гауптвахты. В 1914 г. строительство было начато, но закончено было только при советской власти 23 октября 1935 г.¹

1 Приказ УНКВД Челябинской области № 417 от 13.10.1935 г. Архив текущих документов учреждения ГУФСИН России по Челябинской области СИ-4.

После Октябрьского переворота при советской власти недостроенное здание тюрьмы, состоящее из одного одноэтажного корпуса, оставалась местом заключения для задержанных, а иногда, в отсутствие спецконтингента, местные милиционеры загоняли домашний скот, гуляющий по станице без присмотра. И казалось, что в станице не предвидится изменений, но новая власть задумала грандиозную индустриализацию Урала. Первым планом из этой серии стал план «ГО-ЭЛРО». Именно в нем мы находим первые предпосылки для изменения станицы Магнитной.

В плане записано: «Южно-Уральский горнозаводской промышленный и земледельческий район. Район, как горнозаводской... Гора Магнитная не соединена с железнодорожной сетью, необходимо соединить ее с Орско-Троицкой железной дорогой и Белорецкими заводами. Район – место крупнейшей металлургической промышленности, при условии разрешения проблемы доставки кузнецких углей»².

18 декабря 1925 г. состоялся 14-й съезд партии. Съезд принял решение об индустриализации страны, указал на необходимость первоочередного и преимущественного развития тяжелой промышленности и электрификации – как основного условия победы социализма в СССР. В Свердловске под руководством С. М. Зеленцова специалисты из «Уралпроектбюро» и Ленинградский Гипромез начали работу над новым проектом Магнитогорского металлургического завода, поскольку прежняя разработка томского инженерного общества устарела и предусматривала небольшие мощности.

«Торгово-промышленная газета» сообщала 19 января 1926 г.: «На Урале предположено построить завод “Гигант” (в Троицком округе, у горы Магнитной). В связи с этим была командирована специальная комиссия для выбора места постройки. Комиссией избран район Средне-Уральского поселка. Уралсовнархозом место это одобрено, предложено тресту “Южурал” произвести изыскание широкой колеи железнодорожной линии Белорецк – Магнитная»³. Как только план был утвержден, сразу встала проблема обеспечения строительной площадки рабочими руками. И именно на этой площадке стали отрабатывать два плана мобилизации рабочей силы, еще известных со времен военного коммунизма и царского времени⁴. Первый план предусматривал привлечение рабочей силы из деревни по оргнабору. Второй предполагал привлечение рабочей силы уголовно-исполнительной системы, что сводилось к тому, что заключенные концентрировались у строительной площадки в центральной тюрьме и при необходимости командировались на рудник или завод, где организовывалась спецкомандировка или отдельный лагерь.

О проводимой работе и масштабах привлечения рабочей силы рассказывают документы Областного отдела труда Уральской области. Предполагалось, что только в Челябинском округе «для обеспечения промышленного строительства округа рабочей силой» потребуется около 27 000 человек, «эта потребность почти целиком должна быть удовлетворена пу-

тем переброски излишков рабочей силы из села»⁵. При этом Уральский Областной Совет указывал, что даже с учетом привлечения всего трудоспособного населения, включая женщин, недостаток трудовых сил в регионе будет составлять 106 000 человек⁶. Рабочей силы не просто не хватало, её требовалось больше, чем в тот период проживало на Урале. Только для работы в промышленности Урала на 1931 г. требовалось 525 000, в строительстве – 233 000, на лесозаготовке – 240 000 человек⁷, т.е. на Урале для проведения индустриализации требовалось более 1 000 000 граждан трудоспособного возраста.

В этих условиях советское государство возвратилось к опыту периода военного коммунизма, когда труд становился обязательным для всех категорий граждан. На рубеже 1920–1930-х гг. появился целый ряд законодательных актов, регламентирующих привлечение граждан к труду.

Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 4 марта 1927 г. было принято решение о проведении оргнабора для нужд промышленности государственными органами. В то же время было запрещено привлекать рабочую силу через частных посредников или лиц, не получивших полномочия наркомата труда. Оргнабор на практике осуществлялся путём заключения договоров организацией с колхозами, закрепления рабочих за предприятием на определённые сроки на основе контракта. Соответствующие органы составляли разнарядку по районам. Район доводил плановые задания до колхозов, которые автоматически заключали договоры, не учитывая при этом интересов и умений самих колхозников. Колхозники прикреплялись к предприятиям, которые нельзя было покинуть до окончания срока договорных обязательств.

Также стоит отметить, что в 1929 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было разрешено представителям местных Советов привлекать население, имеющее лошадей, к выполнению гужевой платной повинности – подвозке хлеба к станциям железной дороги во время уборочной поры. Следующим постановлением ВЦИК и СНК от 1 апреля 1929 г. устанавливалось, что содержание, ремонт и восстановление дорог местного значения должно производиться местным населением, которое должно это делать на безвозмездной основе, но в обязательном порядке. К работе привлекались граждане, проживавшие в сельской местности: мужчины 18–45 лет и женщины от 18–40 лет.

В феврале 1930 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР, разрешавшее исполнительным комитетам автономных республик и краев, областей вводить в лесозаготовительных и лесосплавных районах платную трудовую и гужевую повинность для выполнения государственных заданий⁸, но людей по-прежнему не хватало.

23 июля 1930 г. Президиум Уралоблисполкома принял постановление о трудовом использовании кулаков 3-й и 2-й категории. Согласно ему полномочным представителям ОГПУ по Уралу предписывалось оставшихся не выселенными трудоспособных кулаков 3-й и 2-й категории как враждебный и разлагающий элемент из деревни изъять и «использовать таковых... на хозяйственно-промышленных работах внутри региона». Семьи высылаемых предлагалось «оставить до убор-

2 См. План электрификации РСФСР. – М.: Госполитиздат, Изд. 2-е, 1955.

3 Торгово-промышленная газета. – 1926. – 19 января.

4 Так, такое сотрудничество продолжалось в течение пяти лет, до 1917 г., в Златоустовской тюрьме. Спецконтингент использовался на контрагентских работах в местных рудниках и заводах, что давало возможность строить тюрьму за свой счет, путем самофинансирования. Начальник тюрьмы заключал договоры с Управлением горных заводов и напрямую с начальниками Златоустовских заводов. Златоустовский архив Челябинской области. Ф. 20, Оп. 1. Д. 2915., Л. 23.

5 Челябинская область 1917–1945 гг.: сб. док. и материалов. –

6 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88, Оп. 1, Д. 2942, Л. 188.

7 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88, Оп. 1, Д. 2942, Л. 188.

8 Гончаров Г. А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006. – С. 76–77.

ки урожая на месте»⁹. После проведения операции отделом по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ была подготовлена справка о выселенном кулачестве в 1930–1931 гг. В ней указывалось, что за время операции на спецпоселение было направлено более 73 000 человек только на Южном Урале¹⁰. Следует отметить, что в документе встречаются отдельные неточности, что объясняется неумением учитывать такие массы людей. По запросам соответствующих наркоматов на Южный Урал отправляли спецпереселенцев из других регионов СССР, которых размещали во вновь организованных лагерях.

Один из руководителей советского государства говорил: «Я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных бывших господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения, или, если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников»¹¹.

Магнитогорская тюрьма в этот момент стала рассматриваться в качестве основного пункта концентрации, из которой граждане отправлялись в спецотделения на строительной площадке будущего комбината и руднике или в Верхнеуральскую тюрьму. На основе статистических данных книг приказов Магнитогорской тюрьмы за 1930–1937 гг. можно утверждать, что тюрьма была переполнена. Так, на 5 мая 1930 г. в Магнитогорской тюрьме содержится 1900 человек вместо лимита в 400 человек, а на 01 января 1933 г. контингент был около 1000 человек. Это при том, что второй корпус еще не был достроен. В целом на 1933 г. в исправительно-трудовые лагеря Магнитогорска за время строительства поступило 32 786 человек по линии НКВД.

Что же представляла собой Магнитогорская тюрьма? На 01 июля 1936 г. тюрьма представлял собой комплекс на левом берегу реки Урал вблизи строящегося завода, огороженного трехметровым забором из соснового теса, за которым возвышался забор из колючей проволоки. За забором было выстроено два корпуса в два этажа каждый. Один являлся следственным корпусом, а другой представлял собой корпус концентрации, где собирали заключенных для отправки к новому месту отбывания уголовного наказания. Рядом с корпусами было круглый прогулочный дворик. Рядом с проходной размещалось караульное помещение и две хозяйственные постройки. Суточный наряд назначался на семь постов¹². При этом только пять сотрудников назначались в корпуса для контроля за 21 камерой. Приказом начальника УНКВД по Челябинской области 01 июля 1936 г. начальником тюрьмы был назначен Н. П. Пулин, бывший начальник Комышловской тюрьмы¹³.

В Магнитогорской тюрьме приказом начальника за № 74 от 13 марта 1936 г. был утвержден собственный режим дня. В соответствии с п. 2 приказа № 74 устанавливался распорядок:

- в 6 часов организовывался общий подъем все осужденных;
- 7–7,45 проводилась проверка;
- 7,45–8 часов раздача кипятка по камерам;

- 8–17,30 организация прогулки по камерам;
- 12–13,30 обед;
- 18–19 ужин;
- 20–21 вечерняя проверка;
- 23 часа отбой.

Как мы можем судить по содержанию приказа, воспитательной и исправительной работе места в распорядке дня не оставалось. Это было связано с нехваткой кадров и низкой квалификацией имеющихся, но это можно связывать с огромным движением спецконтингента по учреждению за сутки. Спецконтингент по камерам менялся каждый день. Местных осужденных особым совещанием и заключенных из лагерных пунктов после выполнения планов отправляли к новому месту назначения. Также после запуска железной дороги в строй через Магнитогорскую тюрьму отправляли спецзаключенных Верхнеуральской тюрьмы. Так через Магнитогорскую тюрьму в Верхнеуральск попал в свое время местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий. Освободившиеся места заполняли вновь арестованные и вновь привезенные из других частей Советского Союза для выполнения производственных заданий. К 1937 г. Магнитогорская тюрьма стала центром южного куста исправительно-трудовых учреждений Челябинского УНКВД. По книгам приказов прослеживается организационная завязь между этой тюрьмой и другими подразделениями, удаленными от нее на сотни километров. В этих подразделениях заготавливали лес, делали кирпич, добывали специальное сырье для строительной площадки¹⁴ Магнитогорского комбината. В 1938 г. американский рабочий Дж. Скотт, работавший на строительстве завода, писал: «...В настоящее время группы людей, работающих в Магнитогорске принудительно, включают в себя: 25 тысяч так называемых “раскулаченных”, которые всё ещё не имеют права покидать город, но уже не находятся под вооружённой охраной, и около 15–20000 заключённых ИТК под стражей. Всё население Магнитогорска составляет 145 000 жителей. Соответственно около 30 % населения трудится на принудительных работах»¹⁵.

К 1939 г. основные строительные работы на строительной площадке Магнитогорского комбината были закончены. Лагерные пункты магнитогорской тюрьмы были расформированы. Спецконтингент из числа осужденных до 5 лет был оставлен на месте в качестве спецпоселенцев, а остальной с большими сроками был отправлен на другие строительные площадки СССР. С 1939 по 1941 гг. Магнитогорская тюрьма оставалась местом сосредоточения срочных заключенных.

В связи с передачей с 1 января 1939 г. тюрем в тюремные отделы НКВД–УНКВД местные управления и отделы мест заключения реорганизовались в отделы (отделения) исправительно-трудовых колоний, исправительно-трудовых работ и трудпоселений (ОИТК). Впоследствии часть этих отделов и отделений периодически реорганизовывалась в управления исправительно-трудового лагеря и колоний (УИТЛК) в тех случаях, когда численность заключенных становилась достаточной для повышения статуса этих подразделений, либо когда на соответствующих территориях появлялись исправительно-трудовые лагеря (или лагерные отделения) в подчинении территориальных органов ГУЛАГа. И в 1940–1950 гг. Магнитогорская тюрьма выполняла прежнюю роль – изолятора, а точнее

⁹ ГАСО. Ф. 88, Оп.1, Д. 51, Л. 91.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17–25.

¹¹ ЦГАОР. Ф. 1235, Оп. 1, Д. 8, Л. 109–111.

¹² Приказ начальника Магнитогорской тюрьмы № 203 от 27.07.1936. Архив учреждения ГУФСИН России по Челябинской области СИЗО-2. Ф.1., Оп.1. Д.3.Л.23.

¹³ Приказ начальника УНКВД по Челябинской области №110 от 01 июля 1936г. Архив учреждения ГУФСИН России по Челябинской области СИЗО-2. Ф.1., Оп.1. Д.4.Л.21.

¹⁴ Приказ начальника УНКВД по Челябинской области №36 от 21.06.1936г. об организации Синарской ИТК с лимитом 1000 человек. Архив учреждения Ф.1, Оп. 1, Д.4, Л. 11.

¹⁵ Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. – С. 285.

перевалочного пункта Южного куста исправительно-трудовых учреждений. До 1959 г. магнитогорская тюрьма оставалась площадкой концентрации рабочей силы для Магнитогорского комбината, но уже не в прежних объемах. В конце 1950 гг. на ее площадях появилось три самостоятельных подразделения: магнитогорская психбольница для спецконтингента; отдельный следственный изолятор; и в 1961 г. была развернута исправительно-трудовая колония ЯВ48/ИК 18.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что Магнитогорская тюрьма являлась примером кустовой организации исправительно-трудовых учреждений в СССР, которые аккумулировали трудовые ресурсы для проведения индустриализации в определенном регионе. Как правило, на базе старых учреждений исполнения наказания советская власть организовывала куст исправительных учреждений, которые выполняли роль структурного подразделения строительства. Так, Магнитогорская тюрьма, задуманная еще при царской власти, была введена в строй в соответствии с советским пятилетним планом. Ее корпуса стали основной базой резерва трудовых ресурсов строящегося комбината, и она оставалась основой Южного куста исправительно-трудовых учреждений МВД Челябинской области до конца 1980 г.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ УНКВД Челябинской области № 417 от 13.10.1935г. Архив учреждения ГУФСИН России по Челябинской области СИЗО № 2. Ф. 1., Оп. 1, Д. 3, Л. 7.
2. План электрификации РСФСР. – Госполитиздат, Изд. 2-е, 1955.
3. Торгово-промышленная газета. – 1926. – 19 января.
4. Челябинская область 1917–1945 гг.: сб. док. и материалов. – Челябинск, 1988.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88, Оп. 1, Д. 2942, Л. 188.
6. ГАСО. Ф. 88, Оп. 1, Д. 2942, Л. 188.
7. Гончаров Г. А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006.
8. ГАСО. Ф. 88, Оп.1, Д. 51, Л. 91.
9. РГАЭ. Ф. 9414. Оп. 1, Д. 1944, Л. 17-25.
10. ЦГАОР, Ф. 1235, Оп. 1, Д. 8, Л. 109-111.
11. Приказ начальника Магнитогорской тюрьмы № 203 от 27.07 1936. Архив учреждения ГУФСИН России по Челябинской области СИЗО №2. Ф.1., Оп.1, Д.3, Л.23.
12. Приказ начальника УНКВД по Челябинской области №110 от 01 июля 1936г. Архив учреждения ГУФСИН России по Челябинской области СИЗО-2. Ф.1, Оп.1, Д.4, Л.21.
13. Приказ начальника УНКВД по Челябинской области № 36.06.1936г. об организации Синарской ИТК с лимитом 1000 человек. Архив учреждения СИ- 2, Ф. 1, Оп. 1, Д. 4, Л. 11.
14. Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. – М.: Из-во Московского университета, 1991.

Саидова М. З.

АНДИЙСКИЕ АДАТЫ И СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПО НИМ

В статье предпринята попытка обратиться к адатам (обычаям) одного из древних народов Дагестана – андийцев и показать, что много веков назад сложившееся обычное право горцев, занимало важное место в решении воспитательных, нравственных и правовых задач. На протяжении долгого времени адаты, как совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и т. п. отношений, наряду с законами шариата играли свою конструктивную роль в дагестанском обществе.

Ключевые слова: адат, шариат, андийцы, джамаат, маслаат, кровная месть, наказания.

Saidova M. Z.

ANDIAN ADATS AND SYSTEM OF PUNISHMENTS ACCORDING TO THEM

An attempt to appeal to adats (to the customs) of one of ancient people of Daghestan – Andians and show that many ages ago established customary law of highlanders occupied an important place in resolution of educative, moral and legal tasks is undertaken in the article. During the long time there adats, as an aggregate customs and folk legal practice in various spheres of property, domestic relations etc., along with the laws of Sharia played the structural role in Daghestan society.

Keywords: adat, shariat, Andians, dzhamaat, maslaat, blood feud, punishments.

Саидова М.З.

Горские обычаи и традиции – адаты – имеют глубокие корни и возникли с древнейших времен в форме моральных и этических норм необходимых для устройства более или менее нормальной жизни как внутри горских народов, так и в отношениях с соседями. В каждом районе Дагестана были свои местные обычаи, где-то схожие, где-то различные с соседями, и тем самым подчеркивающие самобытность народов страны гор. С распространением ислама в горах Дагестана наряду с адатами стали действовать нормы мусульманского права – шариата, которыми долгое время руководствовались в правовой практике дагестанские народы.

Не был исключением и один из самых древних народов Дагестана – андийцы, – о которых упоминают ассирийский царь Саргон II и многие античные авторы. Законами для андийцев всегда был свод адатов и шариат, обязательный для андийских сел.

Адаты андийцев, состоящие из XI глав, достаточно красноречиво подчеркивают быт горного народа. Гостеприимство, почитание стариков, кровная месть, похищение невесты, калым, и т.д. – обычаи, которые отражали вековые родовые традиции. Нарушение традиций, как правило, вызывало порицание общества и наказание.

Как и у всех народов, для андийцев самым тяжелым преступлением считалось убийство человека, и не случайно свод андийских адатов начинается с главы «Об убийствах», предусматривающей наказания за преступления против личности. По закону по истечении 3 дней родственники убийцы с сельским дибиром, известными своей мудростью и почетными людьми из общества и женщинами идут в дом убитого с быком для примирения. Во время примирения родственники убийцы передают родственникам убитого 50 руб. предварительно, а еще 50 руб. после решения суда.

Убийца до примирения не имеет права пахать землю, косить сено и вообще свободно пользоваться своим имуществом; хотя он и может оставаться в своем доме или в селении, но родственники убитого всегда имеют право преследовать его (§ 1). Интересно, что в отношении сознавшегося в преступлении сказано: «Если сознаются двое, то виновным принимается один из них по усмотрению наследников; сознание несовершеннолетнего принимается как совершеннолетнего» (§ 6)¹.

Между убийством нечаянным или целенаправленным, в любом случае, различия в наказании не делалось. Но, что характерно, «если муж убьет любовника и жену, то он не отвечает; если же убьет только любовника, то отвечает как кровник» (§ 3).

В отношении кровников предусмотрено несколько статей: «Кровником считается только один или тот, на кого укажет раненый, или родственник его, или кто сознается» (§ 7) или «Если муж убьет жену или жена мужа, то оставшийся в живых считается кровником» (§ 12), а также «Кровником считается тот, у кого скроется убийца, и отвечает за все» (§ 13)².

Отец за убийство сына не отвечает, но брат за убийство брата по желанию детей убитого должен выйти в канлы (изгнание), а сын за убийство отца лишается права на наследство, выходит в канлы и отвечает остальным братьям своим за кровь отца (§ 9, 10)

За убийство кунака убийца платит домохозяину 100 руб., родственники убитого делают его кровниками. Но если убийца неизвестен, то родственники убитого могут указать без присяги на кого хотят, и он делается кровником их (§ 11). Здесь же следует отметить, что субъективный фактор достаточно часто являлся определяющим в столь страшном обвинении, как убийство. Так, согласно § 4 «Показание умирающего, если даже он укажет на лицо, которое с ним во вражде, принимается за доказательство виновности названного им лица» или § 5 «Указание родственников на убийцу принимается также за доказательство без присяги»³. Таким образом, кровником становился человек, который не имел на самом деле отношения к данному преступлению.

Следует пояснить, что дела, связанные с убийством рассматривались не столь часто. Жизнь человека – священна и проливает кровь, для андийцев, могла, как правило, только в безвыходной ситуации. Представители джамаата, старейшины справедливостью и мудростью, старались примирить враждующие стороны, чтобы избежать кровной мести, которая могла длиться веками.

Вторая глава посвящена «Поранениям», где указывается, что умышленно или не умышленно нанесенный вред другому человеку неизбежно должен быть наказуем. Причем взыскания и наказания за поранения устанавливались в зависимости от тяжести раны. Так, «за рану в споре и драке без умысла на своей земле виновный отвечает, как вообще за поранение; за рану же с умыслом с виновного кроме положенного за поранение взыскивается в пользу раненого еще бык. За поранение вора виновный отвечает, как вообще за поранение, а с вора взыскивается бык» (§ 4). Согласно § 5, «взамен быков по пора-

1 Агларов М.А. Андийцы. Махачкала, 2002. С.254.

2 Агларов М. А. Андийцы. С. 254.

3 Тарих Анди. Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. № 365. Л. 9.

нениям и убийствам взыскивается деньгами 10 руб.»⁴.

В 13 параграфах второй главы предусмотрены штрафы за ранения. Так штраф в 150 руб. устанавливался за отсечение руки или лишение способности действовать ею, за всякую рану, которая причинит бездействие кисти, за лишение или бездействие от раны или ушиба всей ноги (§ 7), за отсечение части носа (§ 12).

100 руб. уплачивал виновный за повреждение члена и лишение способности к половому сношению (§ 13), а также за лишение глаза (а за оба глаза – 400 руб.) (§ 15), и за лишение слуха (§ 16).

Лечение раненого лекарь проводил за счет виновного и при этом виноватый обязан был «продовольствовать раненого, доставлять ему все то, что по указанию лекаря понадобится для лечения; близкий родственник поранителя обязан нести сумку лекаря, сопровождать его и участвовать при лечении; после лечения, когда раненый будет совершенно здоров, поранитель обязан доставить раненому одного барана или 2 руб. и 3 меры муки и пригласить с раненым 12 человек гостей, угостив их, и таким образом помириться с ним»⁵ (§ 18).

Как видно из сказанного, Глава II андийских адатов преследовала цель возмещения не столько морального, сколько материального вреда. Примирение по данной главе обязательно предусматривало возмещение ущерба и только после этого рукопожатие. Но практика свидетельствует, что и после уплаты штрафа виновным у пострадавшего оставалась обида, которая зачастую выливалась в ответные действия по Главе II.

Глава III «О прелюбодеяниях» предусматривала главным образом наказания за оскорбление женщины. Так, если девушка или женщина подверглась насилию и если обиженная объявит и докажет обвинение, то виновный должен жениться на ней и заплатить ближайшим родственникам ее 40 руб. или дать равный по цене залог; если же родственники не согласятся выдать обиженную замуж, то виновный ничем не отвечает (§ 2).

За оскорбление разведенной жены своей мужчина отвечает так же, как и за оскорбление всякой женщины; если оскорбленная пожелает вновь выйти за него, то она должна выйти за другого (холо), затем выйти за него; если этого она не пожелает, то мужчина не отвечает (§ 4).

Согласно § 5 «оскорбление чужой засватанной невесты принимается как оскорбление замужней женщины»⁶.

Но прежде чем установить виновного, следовало учесть, сама ли женщина пошла за мужчиной, и если это так, то последний не подвергается штрафу (§ 6). Кроме того, женщина, подвергшаяся нападению мужчины с целью изнасилования должна тотчас же кричать и заявить всем, с кем встретится, – старшине и родным, тогда заявление ее принимается без присяги; заявление обиженной, učinенное на другой день, не имеет уже силы (§ 1).

Бывали случаи, когда из-за стыда женщина скрывала о прелюбодеянии, но «если в впоследствии окажется беременной и укажет виновного, то заявление ее не принимается за доказательство, но указанное ею лицо должно очиститься присягой 12 человек, как по воровству; если не очистится, то после родов должен жениться на ней и рожденного ребенка признать своим»⁷. (§ 9).

Все остальные преступления против женщины порицались незначительным штрафом. Например, согласно § 7 «отрезавший косу у женщины за оскорбление платит за каждую косу 15 руб.». Или пособники увода девушки, вдовы или вообще женщины подвергаются штрафу в размере 10 руб., такому же штрафу подвергается принявший бежавших домохозяйин, если лично был дома, в противном случае не отвечает (§ 8).

Но, что интересно, не только мужчины, но иногда и жертва насилия сама платила штраф, что было предусмотрено § 11 «если женщина, скрыв прелюбодеяние, впоследствии родит, то она подвергается штрафу, как и мужчина, за прелюбодеяние (т. е. примерно 40 руб.)».

Справедливости ради нужно отметить, что статьи Главы III андийских адатов не часто выносились на суд. И дело было не только в том, что семья не хотела выносить сор из избы и тем самым быть на слуху сельчан. В традициях андийцев уважение к женщине, как матери, сестре, дочери. И хотя суровые обычаи гор не позволяют демонстрировать любовь к женщине, тем не менее, осознание, того, что та, в отношении, которой задумано недоброе, тоже чья-то жена, сестра или дочь, часто было сдерживающим фактором. А если преступления в отношении женщины совершалось, то это не делало чести мужчине, поскольку, по мнению горцев, в отношении мужчины «позорно быть побитым, а в отношении женщины – позорно ее побить (унизить)»⁸.

Глава V андийских адатов устанавливала взыскания за воровство. За всякую кражу из собственности (мулька) подозреваемый должен очистить себя присягой в 12 человек (§ 4). Мульком в данном случае называется дом в селении, конюшня, огороженные места в горах для загона баранты, кутаны и огороженные места около них (чад).

Если факт воровства был установлен, преступник должен был возместить кражу и «в пользу потерпевшего взыскивалось еще 10 руб. или бык» (§ 3). Если у виновного в краже не оказывалось имущества для уплаты стоимости украденного, то такая взыскивалась с того, у кого он живет, будь он родственник или посторонний (§ 10). Воровство, совершенное несовершеннолетними детьми (не достигшими полного десятилетнего возраста), не считалось за преступление (§ 15)⁹.

То есть, по адатам андийцев последствием при воровстве является возвращение похищенного или выплата стоимости украденного и плюс вознаграждение. Таким образом, возмещению подлежит материальный вред, причиненный потерпевшему. Имущественные обиды часто перерастали в личные, и тогда обиженным выступало не частное лицо, а весь род. Поэтому при разборе дел по воровству джамаат прибегал к примирению не только обиженного и обидчика, но и целых семей.

Остальные адаты были посвящены бытовым проблемам и предусматривали незначительные штрафы и порицания.

Краткий обзор андийских адатов показал, что самые строгие наказания и взыскания предусматривали преступления за убийства, ранения, прелюбодеяния. Посягательство на жизнь, честь и достоинство человека считалось унижительным для горцев, и нарушителей традиционных обычаев ждало не только наказание, но и людское осуждение, которое распространялось на семью, род и могло длиться годами, веками. Поэтому морально-нравственный аспект имел немаловажное значение в связке преступление-наказание.

Как свидетельствуют источники, данный свод андийских адатов, сложившийся как нормы морали и нравственности примерно с XVII века, становится морально-правовым кодексом жизни горцев. Более того, вместе с российскими законами адаты и нормы шариата составляли гармонично взаимодействующую трехзвенную судебную систему Дагестана, которая исправно функционировала вплоть до 20-х годов XX века.

В наши дни мало что из приведенного свода законов используется. Изменилась и система штрафов, и ответственности, но в решении отдельных вопросов – например маслаата (примирения) и сегодня андийцы руководствуются адатами предков.

Пристатейный библиографический список

1. Агларов М.А. Андийцы. Махачкала, 2002.
2. Тарих Анди // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп 1. № 365.
3. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1999.

4 Там же.

5 Там же. Л. 10.

6 Агларов М. А. Андийцы. С. 256

7 Там же.

8 Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1999. С. 118.

9 Тарих Анди. Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. № 365. Л. 12.

Ханмурзаев Р. Б., Ибаев Р. К.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена проблемам становления советского законодательства. Выявлены особенности советской правовой системы XX века. Дана характеристика каждому этапу становления данного законодательства.

Ключевые слова: СССР, правовая норма, структура права, политический режим, государственное управление.

Khanmurzaev R. B., Ibaev R. K.

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE SOVIET LEGISLATION

The article is devoted to problems of formation of the Soviet legislation. The peculiarities of the Soviet legal system of the twentieth century are outlined. The characteristic of each stage of the formation of this legislation is given.

Keywords: USSR, legal norm, legal framework, political system, public administration.

Правовая норма имеет естественно-исторические истоки, социально обусловлена и является продуктом человеческой деятельности. Она отражает соответствие между мерой свободы индивида и свободой общества, выступает в качестве модели и регулятора общественных отношений.

Формирование политической и нормативной системы советского общества проходило в достаточно сложных и напряженных условиях на постреволюционном этапе государственного развития. Вместе с крушением монархии началось формирование политической и нормативной систем диктатуры пролетариата.

Согласно марксистскому положению в теории и на практике господствовала точка зрения, которая сводилась к диктатуре пролетариата, как единственной форме государственности, сформировавшейся после социалистической революции. По представлению советских юристов она должна была сохраниться вплоть до вступления государства в фазу коммунизма.

Несмотря на активное и интенсивное развитие советского законодательства, с началом становления нового государства, отсутствовали последовательные представления о месте и роли права при социализме. Так, до середины 30-х годов прошлого столетия считалось, что социалистическое право, представлявшее собой особый тип исторического права, как таковое невозможно. Право с его лишь формальным равенством и отрицанием фактического равенства во многом воспринималось как нечто по сути своей буржуазное, не социалистическое, тормозящее движение к социализму.

Общей методологической основой изучения проблем теории государства и права с начала 20-х годов XX века был диалектический материализм, а одним из основных принципов развития и функционирования права – его классовость. Предметом внимания научной интеллигенции становились, преимущественно политические вопросы теории революции, диктатуры пролетариата, сущности социалистического государства рабочих и крестьян, научного обоснования принципов построения советского государственного аппарата или критики буржуазного государства и права. В разное время и далеко не системно внимание уделялось проблемам законности, правосознания и правовой культуры.

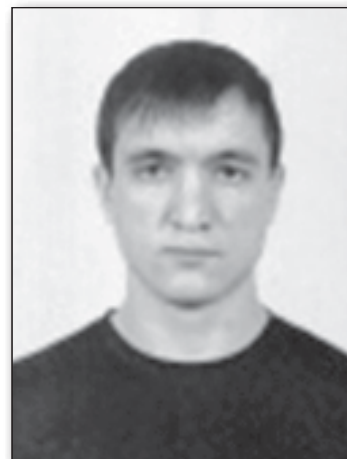
Правовые нормы в своей совокупности составляют систему (структуру) права, которая внешне объективируется, закрепляется в системе законодательства (совокупности нормативных правовых актов). Система права и система законода-

тельства – это две стороны одного целостного явления – права.

В Советском Союзе вместе с тем конечной целью развития были провозглашены интересы человека труда, и поэтому она наряду с негативными чертами имела серьезные импульсы позитивного развития, хотя иногда чисто формально. Государство проводило работу по систематизации и кодификации законодательства, писались и принимались конституции СССР, насыщенные декларативными положениями основы законодательства, кодексы и другой нормативно-правовой материал. Обращалось внимание на необходимость учета требований и запросов трудящихся, защиты их прав и свобод (естественно, в тех областях, где это не приводило к противоречиям с глубинными основами советской социалистической системы).

Следует также подчеркнуть, что советская правовая система прошла несколько этапов в своем развитии, и названные особенности присущи этим этапам в разной мере. Так, этап становления характеризуется, с одной стороны, сломом старой правовой системы и правовых учреждений, максимальным революционным «творчеством» и произволом, а с другой – стремлением построить новую правовую систему (принятие Конституции РСФСР 1918 г., Гражданского, Уголовного, Земельного, Гражданского процессуального, Уголовно-процессуального кодексов, Кодекса законов о труде, построением новой судебной системы). С начала 30-х до середины 50-х гг. в стране действовал тоталитарный режим с практически полным уничтожением истинно правовых реалий, несмотря на фиктивно-демонстративные действия по принятию массы законодательных актов, в том числе Конституции СССР 1936 г.

Середина 50-х – конец 80-х гг. – эпоха либерализации (со своими подъемами и спадами), приведшая к смене общественно-политического строя, распаду СССР и изменению всех ориентиров развития, фундаментальных ценностей общественной системы в целом. Этот период характеризовался не-

Ханмурзаев Р. Б.

Ибаев Р. К.

которыми технико-юридическими достижениями в законодательной сфере (кодифицированы все основные отрасли права, приняты Конституция СССР 1977 г., ряд законов декларативно-демократической направленности, например Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями 1983 г.).

С конца 80-х гг. мы являемся свидетелями кардинальной переделки нашей правовой системы. Сопровождается она весьма болезненными факторами: сначала «война законов», острые противоречия между органами законодательной и исполнительной власти, «парад суверенитетов» национально-государственных и административно-территориальных единиц в бывшем Союзе ССР, а потом и в Российской Федерации. Ситуация эта весьма опасна, но не безнадежна для нарождающихся правовых отношений, поскольку происходящие перемены имеют целью построение правового государства, обеспечение прав и свобод человека в РФ, что невозможно без введения ситуации в четкие правовые рамки.

Формирование политической и нормативной системы советского общества проходило в достаточно сложных и напряженных условиях на постреволюционном этапе государственного развития. Вместе с крушением монархии началось формирование политической и нормативной систем диктатуры пролетариата.

Согласно марксистскому положению в теории и на практике господствовала точка зрения, которая сводилась к диктатуре пролетариата, как единственной форме государственности, сформировавшейся после социалистической революции.

Несмотря на активное и интенсивное развитие советского законодательства, с началом становления нового государства, отсутствовали последовательные представления о месте и роли права при социализме. Так, до середины 30-х годов прошлого столетия считалось, что социалистическое право, представлявшее собой особый тип исторического права, как тако-

вое невозможно. Право с его лишь формальным равенством и отрицанием фактического равенства, во многом воспринималось как нечто по сути своей буржуазное, не социалистическое, тормозящее движение к социализму.

По нашему мнению, дело в том, что марксистско-ленинская правовая теория рассматривала такие явления, как государство и право, в качестве единого объекта классового общества. Она исходила из того, что поскольку определенный юридический порядок не существует вне общества, а тип общественной организации при различном строе общества существенно отличается, то и юридические нормы общественной жизни могут значительно отличаться от одного типа государства к другому.

Пристатейный библиографический список

1. История государства и права России. Учебник/ Под ред. Ю. П. Титова. М., 1999.
2. История государства и права СССР / Под ред. Г.С. Калинина, Г. В. Швекова. М., 1981.
3. Мусаева А. Г. Становление института судебной власти в Дагестане во второй половине XIX– начала XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1907.
4. Мусаева А. Г. Особенности общественного развития Дагестана в XX-начале XX веков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1639.
5. Азизова П. М. Дисциплина «история отечественного государства и права» в системе общественных и юридических дисциплин // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 172.
6. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной правовой системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 148.

Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю.
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА БЕСПРЕПЯТСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ*

В статье рассматривается вопрос распознавания нормативных юридических препятствий в реализации прав и законных интересов, которые возникают путем установления дефектных, деформированных моделей поведения, закрепленных в формальных источниках права. Авторы приходят к выводам о том, что в качестве нормативных препятствий следует рассматривать чрезмерную неопределенность (неясность) содержания норм права, нарушающую одно из фундаментальных оснований правовой системы – принцип правовой определенности; ясные нормы права при их несоответствии ряду критериев; пробелы (как абсолютные, так и относительные), заключающиеся в отсутствии правовых норм, регламентирующих процесс осуществления различных прав, свобод, законных интересов и пр. Нормативные юридические препятствия, как заложенные в самом праве необоснованные затруднения в реализации конституционных прав и свобод личности, имеют исключительно правовую природу, причины их кроются в самом праве и устранить их можно только юридическими инструментами, а именно юридическими гарантиями, которые являются для них парной правовой категорией. Работа с юридическими препятствиями должна охватывать весь процесс правотворчества, правореализации и правоприменения и приводить к формированию правового пространства беспрепятственной реализации конституционных прав и свобод личности. Процесс формирования такого правового пространства нужно рассматривать как систему взаимосвязанных между собой, последовательно сменяющих друг друга стадий: прогнозирование, которое возможно и необходимо при осуществлении правотворческой деятельности и заключается в анализе всех причин возникновения нормативных юридических препятствий; предотвращение, также происходящее в ходе правотворчества и требующее максимально тщательного описания всего процесса реализации того или иного конституционного права; нейтрализация, представляющая собой «работу над ошибками» законодателя, в результате которой негативное воздействие юридических препятствий на реализацию конституционных прав и свобод минимизируется; устранение, предполагающее внесение изменений в законодательство либо в подзаконные акты. Каждая стадия «работы» с нормативными юридическими препятствиями может осуществляться в различных формах, различными методами.

Ключевые слова: юридические препятствия в реализации прав и законных интересов, конституционные права, юридические гарантии, парные правовые категории, правовое пространство, правовое регулирование.

Zaytseva E.R., Panchenko V. Yu.
FORMATION OF LEGAL SPACE FOR UNOBSTRUCTED IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS

The article investigates the question of identification of the normative legal barriers to the implementation of rights and legitimate interests, which are caused by the establishment of defective, deformed models of behavior, set in formal sources of law. The authors come to conclusions that the normative legal barriers are represented by: extreme uncertainty (ambiguity) of the legal rules content, violating the fundamental basis of the legal system, i.e. the principal of legal certainty; clear legal rules, which do not meet particular criteria; both absolute and relative gaps in law, existing due to the absence of legal rules that regulate the process of implementation of rights, freedoms, legitimate interests, etc. The normative legal barriers, being the groundless difficulties in the implementation of constitutional rights and legitimate interests, included in law itself, have exceptionally legal nature. The reasons of their occurrence are hidden in law, so that they could be removed only with the help of legal instruments, particularly with the legal guarantees, which are the paired legal category to the normative legal barriers themselves. The dealing with the legal barriers should cover the whole process of lawmaking, implementation of rights as well as law enforcement, and lead to the formation of the legal space of unobstructed implementation of constitutional rights and freedoms. The process of the formation of such legal space must be considered as the system of connected and successive stages: forecasting, which is possible and necessary during the lawmaking activity and implies the analysis of all the reasons causing the normative legal barriers occurrence; prevention, also taking place during lawmaking and requiring maximal detailed description of the whole process of the implementation of constitutional rights; neutralization that basically means correcting of lawmaker`s mistakes, needed to minimize the negative influence of legal barriers to the implementation of constitutional rights and freedoms; elimination, which supposes amending of the laws. Each stage of such dealing with the normative legal barriers may have different forms and methods.

Keywords: legal barriers to implementation of rights and legitimate interests, constitutional rights, legal guarantees, paired legal categories, legal space, legal regulation.

В ряду основных прав и свобод личности, закрепленных в Конституции РФ, есть немало таких, реализация которых невозможна без специального процедурно-правового меха-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-33-01293.

Зайцева Е. Р.

Панченко В. Ю.

низма, заложенного в правотворческой и правоприменительной деятельности, который обеспечивает переход от идеала, заложенного в норме Конституции РФ, в действительность. Механизм этот раскрывается через структуру, упорядоченность связей между субъектами, объектами, разнообразные социальные и юридические факторы, формы, способы, усло-

вия, гарантии и процедуры осуществления конституционных норм. Кроме того, механизм реализации конституционных прав и свобод должен содержать систему гарантий реализации конституционных прав и свобод, которые нужны для того, чтобы устранить те затруднения, помехи, преграды, которые мешают идеалу, заложенному в правовой норме, перерасти в действительность¹, то есть, нормативные юридические препятствия в реализации прав и свобод.

Юридические (правовые) препятствия в реализации прав и законных интересов – нормативно установленные и юридико-фактические обстоятельства (факторы), осложняющие (затрудняющие либо блокирующие) процесс осуществления правовых возможностей (прав, свобод, законных интересов) конкретного субъекта права в конкретной ситуации, требующие от носителя прав и законных интересов дополнительных, нормативно незапрограммированных, либо предусмотренных в установленном порядке реализации права, но несоизмеримых, неразумных организационных, материально-технических, временных, интеллектуальных и иных затрат².

Нормативные юридические препятствия в реализации конституционных прав возникают путем установления общих моделей поведения, закрепленных в формальных источниках права, препятствующих реализации прав и законных интересов.

Распознавание нормативных препятствий реализации прав и законных интересов представляет собой достаточно сложную задачу. Всякое нормативное препятствие представляет собой дефектную, деформированную модель поведения, выраженную в источнике права, но не всякий дефект нормы или нормативного обобщения следует рассматривать как нормативное препятствие реализации прав и законных интересов³.

Так, в качестве нормативных препятствий следует рассматривать чрезмерную неопределенность (неясность) содержания норм права, нарушающую одно из фундаментальных оснований правовой системы – принцип правовой определенности. Однако и ясную норму права следует рассматривать в качестве нормативного препятствия тогда, когда она: а) существенно противоречит иной норме права, создающей более благоприятные (простые, гарантированные) условия для реализации прав и законных интересов, и не может применяться на основании общих принципов разрешения коллизий в праве (т.е. является нижестоящей в иерархии, либо общей, либо ранее принятой)⁴; б) устанавливает любые ограничения для реализации прав и законных интересов и при этом является дефектной с компетенционной или технико-юридической точек зрения (принята неуполномоченным органом, в ненадлежащей форме, официально не опубликована, не зарегистрирована при необходимости в Минюсте РФ и т.д.); в) приостанавливает действие иных норм (материальных и процессуальных), направленных на реализацию прав и законных интересов; г) предоставляет государственному или местному органу или служащему (должностному лицу), призванному принимать индивидуальные решения на ее основе, такие дискреционные полномочия, что указанное должностное лицо по своему ус-

мотрению определяет объем и пределы реализации прав и свобод адресатов нормы и при этом отсутствует возможность оспорить такие административные решения в судебном порядке по их содержанию⁵; д) закрепляет неоправданно широкий и сложный набор юридических фактов, необходимых для возникновения соответствующих правоотношений, а равно закрепляет чрезмерно сложную, заградительную процедуру реализации прав и законных интересов. При этом затраты ресурсов по реализации прав (законных интересов) для стандартного носителя прав (законных интересов) в рамках такой процедуры превышают ожидаемый эффект от воплощения в жизнь права или законного интереса⁶; е) не согласуется с общим «духом закона», т.е. предписывает или дозволяет такие общие модели поведения, которые не укладываются в господствующую (нормативно и фактически) концептуальную модель регулирования тех или иных отношений; ж) закрепляет такую явно несоизмеримую разумным ожиданиям субъектов права модель поведения, которая, формально не противоречая иным нормам, по сути, девальвирует содержание права или законного интереса⁷.

Особой разновидностью нормативных препятствий являются препятствия-пробелы⁸, заключающиеся в отсутствии правовых норм, регламентирующих процесс осуществления различных прав, свобод, законных интересов и пр. Причем, в качестве препятствий могут выступать как абсолютные пробелы (когда в норме не содержится никакого решения для определенной ситуации)⁹, так и относительные¹⁰ («те случаи, в которых закон хотя и содержит определенные правила разрешения конфликта, но при их дословном применении полученное решение не представляется правильным или справедливым в данной ситуации в силу обоснованных сомнений, что законодатель при регулировании данного конфликта не предвидел или не продумал полностью все варианты его решения»¹¹). Помноженные на низкий уровень правовой культуры должностных лиц, их нежелание принимать ответствен-

1 См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: Учеб. Пособие. – М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – С. 237.

2 См. подр.: Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 14.

3 См.: Фуллер Л. Мораль права. – М.: ИРИСЭН, 2008. – С. 47–56.

4 См.: Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984.

5 Например, действующее законодательство предоставляет чрезмерно широкие полномочия органам публичной власти – заказчикам при целевом приеме в вузе. Защитить в суде законный интерес в обучении по целевому приему практически невозможно.

6 Так, неоправданно усложненная административная процедура восстановления украденных автомобильных номеров привела к возникновению криминального бизнеса по их хищению и последующему возврату за вознаграждение (См.: Колесниченко А. Номер не пройдет // Новые известия. – 2013. – 8 января).

7 В качестве примера можно привести издательские правовые нормы, призванные урегулировать выплату дореформенных сбережений граждан, закрепленные в Федеральном законе от 10 мая 1995 г. № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации», федеральных законах о бюджете и ряде подзаконных актов. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Следует согласиться с идеей о неизбежной пробельности законодательства, поскольку «предназначенные для грядущей реализации юридические правила неизбежно формулируются суверенной властью в неведении относительно характера некоторых будущих ситуаций, с которыми столкнется государственно организованное общество» (Тихонравов Е. Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 15).

9 См.: Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 256.

10 См. подр.: Шафиров В. М. Проблема пробелов в праве и современное (интегративное) правопонимание // Российское правосудие. – 2012. – № 10. – С. 5-13; Панченко В. Ю. Принципы правового регулирования как средство обеспечения беспробельности права // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 32–37.

11 См.: Шмагин А. Указ. соч. – С. 256–257.

ные решения, препятствия-пробелы на практике зачастую вызывает блокировку процесса правового регулирования, создают благодатную почву для различного рода злоупотреблений.

Нормативные юридические препятствия, как заложенные в самом праве необоснованные затруднения в реализации конституционных прав и свобод личности, имеют исключительно правовую природу, причины их кроются в самом праве и устранить их можно только юридическими инструментами, а именно юридическими гарантиями, которые заложены (должны быть заложены) в самом процедурно-правовом механизме реализации прав и свобод.

По сути дела, нормативные юридические препятствия и юридические гарантии в реализации конституционных прав и свобод личности выступают как парные категории. И если гарантии, по меткому выражению профессора Л. Д. Воеводина, служат тем надежным мостиком, который обеспечивает необходимый в основах правового статуса личности переход от общего к частному, от прокламируемой в законе возможности к действительности, то препятствия – это как раз то, что мешает реализации права, тот ров, через который мостик-гарантия проложен¹².

Как правило, нормативные юридические препятствия в реализации конституционных прав и свобод личности обнаруживаются на стадии правореализации и правоприменения, когда выясняется, что закрепленное в законе положение сложное, а иногда и невозможно превратить в действительность.

Очевидно, что работа с юридическими препятствиями должна охватывать весь процесс правотворчества, правореализации и правоприменения. Эту правовую деятельность можно назвать «формированием правового пространства беспрепятственной реализации конституционных прав и свобод личности».

Процесс формирования такого правового пространства нужно рассматривать как систему взаимосвязанных между собой, последовательно сменяющих друг друга стадий: прогнозирование, предотвращение, выявление, нейтрализация, устранение.

Прогнозирование нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в РФ возможно и необходимо при осуществлении правотворческой деятельности. Очевидно, законодатель желает, чтобы произведенный им закон действовал, функционировал, работал, а не существовал только на бумаге. Для этого он (законодатель) должен спрогнозировать все возможные помехи и затруднения, которые могут возникнуть на пути превращения возможного (того, что закреплено в правовой норме) в действительность. Для этого необходимо анализировать все причины возникновения нормативных юридических препятствий, и по каждой из причин разрабатывать схему возможного появления нормативных юридических препятствий. Например, одной из причин возникновения нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод выступает многоуровневый характер правотворчества в Российской Федерации. Зачастую федеральные законы содержат большое количество бланкетных и отсылочных норм, и впоследствии эти отношения регулируются, в том числе, на уровне региональных властей¹³. В этом случае можно спрогнози-

ровать, что региональные власти, ошибочно воспринимая свой собственный интерес как публичный, общегосударственный интерес, допускают появление нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в РФ в региональном законодательстве.

Предотвращение (недопущение) нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в РФ. Данная стадия формирования правового пространства беспрепятственной реализации конституционных прав и свобод личности также происходит в процессе правотворческой деятельности. Прогнозируя возникновение юридических препятствий при реализации того или иного конституционного права или свободы, законодатель может и обязан их предотвратить в процессе правотворчества. Законодатель, прогнозируя появление возможных нормативных юридических препятствий, предотвращает это, максимально тщательно прописывая весь процесс реализации того или иного конституционного права. Именно поэтому для законодательства, регулирующего реализацию конституционных прав и свобод личности, необходимо наличие как можно большего количества процессуальных норм. Кроме того, в вышеприведенном примере по региональному законодательству хорошей формой предотвращения (недопущения) нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в РФ является принятие на федеральном уровне так называемых «рамочных законов»¹⁴.

Выявление нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в РФ происходит в процессе правореализации и правоприменения. Как раз в процессе реализации конституционного права и выявляется, что мешает беспрепятственной реализации конституционного права или свободы, насколько эти помехи обоснованы. И если выясняется, что реализации права мешают нормативные юридические препятствия (необоснованные затруднения, содержащиеся в норме права), то встает задача устранить эти препятствия.

Нейтрализация нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в РФ. Это, что называется, «работа над ошибками» законодателя, т.е., использование всех имеющихся в рамках действующего законодательства правовых средств для реализации конституционного права или свободы, несмотря на препятствия. Термин «нейтрализация» означает, что нормативные юридические препятствия не исчезают, но их негативное воздействие на реализацию конституционных прав и свобод минимизируется. Механизм нейтрализации нормативных юридических препятствий строится на юридических гарантиях, которые обеспечивают реализацию конституционных прав и свобод. В частности, это могут быть процессуальные гарантии, которые тщательно прописывают процесс реализации конституционных прав и свобод. Эти процедуры могут основываться на общеправовых принципах и носить рекомендательный характер.

гия и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-2 (50). – С. 80–82.

14 Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 См.: Воеводин Л. Д. Указ. соч. – С. 236.

13 См.: Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю. Причины возникновения нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культуроло-

Устранение нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в РФ. Тщательный анализ и систематизация процедур по нейтрализации юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод, анализ судебной и иной правоприменительной практики могут и должны привести к изменению законодательства в сфере реализации конкретного конституционного права. То есть устранение юридических препятствий – это всегда внесение изменений в законодательство либо в подзаконные акты.

Каждая стадия «работы» с нормативными юридическими препятствиями может осуществляться в различных формах, различными методами.

Формирование правового пространства беспрепятственной реализации конституционных прав и свобод, а значит, решение проблем с нормативными юридическими препятствиями, возможно и необходимо в ходе всего процесса правового регулирования конституционных прав и свобод и их реализации. Основная нагрузка в этом лежит на законодателе. Правоприменители и сами управомоченные лица могут и должны помогать законодателю, выявляя нормативные юридические препятствия в реализации своих конституционных прав и свобод и предлагая формы их нейтрализации.

Пристатейный библиографический список

1. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984.
2. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
3. Зайцева Е. Р., Панченко В. Ю. Причины возникновения нормативных юридических препятствий в реализации конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12-2 (50).

4. Колесниченко А. Номер не пройдет // Новые известия. – 2013. – 8 января.
5. О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 10 мая 1995 г. № 73-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. – 2013. – № 3.
10. Панченко В. Ю. Принципы правового регулирования как средство обеспечения беспрепятственности права // Проблемы в российском законодательстве. – 2012. – № 1.
11. Тихонравов Е. Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
12. Фуллер Л. Мораль права. – М.: ИРИСЭН, 2008.
13. Шафиров В. М. Проблема пробелов в праве и современное (интегративное) правопонимание // Российское правосудие. – 2012. – № 10.
14. Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4.

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает лекции по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском междунаучном центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН). Член Исполкома Российской ассоциации международного права. Член Всемирной ассоциации международного права. Член Исполкома Венешиполитической ассоциации. Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обзор». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. – член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. – член Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека.

Под его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казакстан и т.д.) опубликовано более 300 работ.

A.X. Абашидзе

**ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ
МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Москва
2012

Абдуллабекова А. Э.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В статье рассмотрены понятие, структура, основные понятия конституционного права России, как отрасли российского права, которая представляет систему правовых норм, регламентирующих определенные общественные отношения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, общественные отношения, конституционное право, микромодель общества.

Abdullabekova A. E.

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA: COMMON QUESTIONS

In the article the concept, structure, basic concepts of constitutional law as a branch of Russian law, which represents a system of legal norms regulating certain social are revealed.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, public relations, constitutional law, a microcosm of society.

Абдуллабекова А. Э.

Предметом регулирования конституционного права, как и любой отрасли права, являются общественные отношения, которые, с одной стороны, способны поддаваться нормативно-правовому воздействию и, с другой стороны, в интересах общества требуют такого воздействия.

Общественные отношения, составляющие предмет конституционного права, имеют свои характерные особенности, позволяющие выделить их из всей совокупности общественных отношений, регулируемых правом.

Отношения, регулируемые конституционным правом, возникают во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, социальной, нравственной.

Конституционное право регулирует не все общественные отношения в этих сферах, а только базисные, фундаментальные отношения, составляющие основу построения всей правовой системы, других отраслей права. Данные отношения являются своеобразным «каркасом», соединяющим в единое целое все многообразие правовых норм разных отраслей права, определяя основные задачи и принципы их функционирования, направленность их воздействия на общественные отношения.

Отметим, что регулирование отношений человека и государства происходит путем закрепления приоритета человека в системе ценностей общества, признания, соблюдения, гарантирования и защиты его естественных и неотъемлемых прав. Права, принадлежащие человеку от рождения, приобретают качественно новую характеристику – они защищаются силой государства. Кроме того, существование государства обуславливает существование комплекса прав человека, прежде всего политических, которые напрямую связаны с государством и без него не существуют. Регулирование отношений человека и государства находит отражение в таких институтах конституционного права, как основы конституционного строя и основы правового статуса человека и гражданина.

Конституция Российской Федерации и конституционное право – это отрасль российского права, представляющая собой систему правовых норм, регулирующих основы взаимоотношений человека и государства, устройства государства и организации государственной власти путем закрепления в Конституции РФ и конституционном законодательстве основ конституционного строя, основ правового статуса человека и гражданина, федеративного устройства, основ организации системы государственной власти и местного самоуправления.

Конституция в любом государстве – это правовой акт высшей юридической силы, своеобразный признак государственности, юридический фундамент государственной и общественной жизни, главный источник национальной системы права. Конституция на высшем уровне регулирует общественные отношения, связанные с организацией власти, правами и свободами, обязанностями человека и гражданина, формами правления и государственного устройства.

Конституция – обязательный признак правового государства, основанного на господстве права, отрицании произвола власти и бесправия подвластных. Регулирующая роль конституции касается всего общественного организма. Она охватывает не только государственную организацию, но и негосударственные сферы – социально-экономическое устройство, культурную жизнь, отношения в сфере гражданского общества. Никакая конституция не может обойти взаимоотношения государства с институтами собственности, общественными и религиозными учреждениями. Нормы конституции, как и право в целом, оказывают формирующее воздействие на различные стороны общественной жизни – государственно-политическую, экономическую, социальную и духовную.

Конституцию можно рассматривать как микромодель общества, его юридический каркас, в рамках и на основе которого функционирует механизм государственной власти, обеспечиваются права и свободы граждан.

Термин «конституция» происходит от латинского «constitutio» (установление, построение) и восходит к временам Римской империи. Конституциями назывались указы римских императоров. В средние века конституциями закреплялись привилегии и вольности феодалов. С течением времени понятие конституции эволюционировало.

В нынешнем понимании, как единый правовой акт высшей юридической силы, закрепляющий права и свободы граждан, определяющий социально-политическое и государственное устройство, конституции появились в качестве противовеса монархии, абсолютизму в результате победы буржуазно-демократических революций на американском и европейских континентах. Прототипами европейских конституций стали конституционные хартии периода провозглашения независимости английских колоний в Америке. Французская революция восприняла американскую конституционную идею, а из Франции она распространилась на другие европей-

ские государства. В современном правоведении проводится классификация конституций по ряду признаков.

Различаются писанные и неписанные конституции. Под писаной конституцией понимается принимаемый и изменяемый в особом порядке основной закон государства, обладающий высшей юридической силой, (закон законов). Название «конституция» не имеют и не могут иметь никакие иные правовые и политические документы. Если основной закон в государстве отсутствует, а его роль выполняют несколько актов, закрепляющих организацию верховной государственной власти, права и свободы граждан, то можно говорить о неписаной конституции. Такая практика имеет место в Великобритании, Новой Зеландии.

По порядку установления конституции подразделяются на октроированные (дарованные монархом) и неоктроированные (принятые высшим законодательным органом власти, учредительным собранием или референдумом).

По порядку изменения и дополнения конституции бывают гибкими и жесткими. Если конституция изменяется и дополняется в том же порядке, что и текущее законодательство, то её принято относить к разряду гибких, если в более сложном порядке, то конституция называется жесткой. Гибкими являются все неписанные конституции.

По форме закрепления политической власти различаются монархические и республиканские конституции. Современными монархическими конституциями являются конституции Бельгии, Испании, Швеции, Японии и др. К республиканским относятся конституции Италии, Китая, США, Франции, ФРГ, России и республик в её составе и т.д.

По формам закрепляемого государственного устройства конституции подразделяются на федеральные и унитарные. Федеральная конституция закрепляет принципиальные устои образования федеративного государства: цели объединения субъектов в единый государственный союз, государственно-правовой статус целого и частей (федерации и её субъектов), разграничение компетенции между ними. Она регулирует систему, структуру и порядок формирования органов законодательной, исполнительной и судебной властей федерации, определяет их компетенцию, механизм конституционной ответственности. Федеральными являются конституции США, ФРГ, Индии, России, унитарными – конституции Италии, Испании, Китая, Франции, республик в составе России.

В правовой науке существует также деление конституций на юридическую и фактическую. Термином «фактическая конституция» или «материальная конституция» обозначаются реально сложившиеся в той или иной стране основы существующего государственного и общественного строя, т.е. система социально-экономических и общественно-политических отношений. Юридическая конституция – это нормативно-правовой акт высшей юридической силы. Юридическая конституция вплетается в ткань фактической. Сущность юридической конституции, её содержание предопределены фактической конституцией, социально-экономическими и общественно-политическими процессами на различных этапах развития общества и государства. Для анализа соотношения юридической и фактической конституций важное значение имеет вопрос о правильном отражении в нормах конституции реально сложившихся общественных отношений. На первый план здесь выдвигается вопрос не только об определяющем, но и об опережающем развитии фактической конституции по сравнению с юридической.

Преодолен взгляд на конституцию как на юридический документ, устанавливающий политическое господство определенного класса. Конституция рассматривается теперь как форма выражения народных, а не классовых интересов, правовой регулятор общесоциальных процессов. Конституция – это всегда общественный компромисс, вызванный политическими реалиями. Она служит средством целенаправленного воздействия на общественные отношения, условием согласованных действий всех социальных слоев общества. При таком подходе общие интересы превалируют над классовыми, общечеловеческие над национальными.

Конституция является уникальным учредительным правовым актом, юридически закрепляющим суверенитет, независимость и верховенство государственной власти. Она выступает правовой основой становления и развития гражданского общества, закрепляет основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, форму государственного устройства, систему институтов государственной власти и местного самоуправления. Конституция обеспечивает стабильность конституционного строя, создаёт баланс институтов государственной власти. Всё сказанное характерно и для Конституции России. Поэтому можно говорить, что Конституция России – это нормативный правовой акт высшей юридической силы, закрепляющий основы конституционного строя; основы правового статуса человека и гражданина; федеративное устройство; систему, принципы организации и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Пристатейный библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. - 752 с.
2. Государственное право Российской Федерации. Учебник/ Под ред. О.Е. Кутафина. - М.: Юрид. литература, 1996. - 584 с.
3. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. - М.: Юрист, 1996. - 112 с.

Далгатова А. О.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

В данной статье автор рассматривает принципы конституционности и законности, самостоятельности и независимости судебной власти, вопросы совершенствования законодательства о судебной деятельности, организации государственного руководства судебной системой и перспективы ее развития.

Ключевые слова: судебная власть, конституционность, законность, самостоятельность, независимость.

Dalgatova A.O.

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF JUDICIAL POWER

In this article, the author examines the principles of constitutionality and legality, independence of the judiciary, the improvement of legislation on judicial activities, organization of state management of the judicial system and its development prospects.

Keywords: the judiciary, constitutionality, legality, independence, independence.

Далгатова А. О.

Начиная с 90-х годов прошлого века в соответствии с конституционно провозглашенной концепцией разделения властей совершенно особый статус и особую роль приобретает самостоятельная и независимая судебная власть. Полномочия каждой из ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной) реализуются в правовых формах, но только судебная деятельность по осуществлению правосудия облечена в особую процессуальную форму, поскольку суд призван не только разрешать общественные конфликты, но и активно участвовать в системе «сдержек и противовесов», осуществлять судебный контроль деятельности других ветвей власти, особенно исполнительной.

Таким образом, эффективность судебной власти определяется не только ее конкретным институциональным состоянием, но и функционированием других социальных институтов и прежде всего других институтов государственной власти (президента, парламента, правительства)¹.

Конституция России не раскрывает понятия судебной власти, а лишь провозглашает ее самостоятельность и ставит в один ряд с законодательной и исполнительной властью (ст. 10). В таком «сложном юридическом феномене, каким является судебная власть»², воплощена «институционализация ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание»³.

Общеизвестно, что всякое научное изложение материала предполагает точность терминологии. Характеризуя «конституционные принципы», следует иметь в виду, что в теории права под ними принято понимать закрепленные в конституции страны или вытекающие из ее норм общие руководящие, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны того или иного вида государственной деятельности. Эти положения являются основополагающими для дальнейшего развития законодательства. Ведь из трех ветвей власти в современном мире только судебная власть формируется не на политической, а на профессиональной основе.

В науке имеется и иное понятие: «конституционные принципы судебной власти можно определить как исходные, аксиоматичные и общеобязательные установки высшей степени нормативной обобщенности, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Соблюдение их при осуществлении

судебной власти, в том числе при отправлении правосудия, является необходимым условием законности и правопорядка⁴.

С точки зрения Конституции РФ правосудие – это исключительная деятельность, осуществляемая государственными органами судебной власти в четырех ее формах: гражданско-уголовного, административного и конституционного судопроизводства. В теории права и законодательстве правосудие трактуется в узком смысле – как судебная деятельность по рассмотрению и разрешению различных категорий дел, и в широком – как сфера юстиции, включающая процессуальную и исполнительную деятельность. Следует признать обобщенную точку зрения о том, что правосудие характеризуется следующими признаками: 1) судостроительством; 2) статусом судьи; 3) судопроизводством. То есть судостроительство выступает в качестве одной из составных частей правосудия, находясь во взаимосвязи с другими его частями.

Термин «судостроительство» содержится в Конституции РФ и в действующем законодательстве. Так, в ст. 71 Конституции РФ говорится о том, что судостроительство отнесено исключительно к ведению Российской Федерации. В связи с этим основную нагрузку в правовом регулировании организации и деятельности судебной системы несет федеральное конституционное законодательство о судебной системе Российской Федерации. Оно включает как саму Конституцию РФ, так и совокупность федеральных конституционных законов, федеральных законов. Однако ни содержание, ни объем признаков, характеризующих это правовое явление, в отечественном законодательстве до сих пор не раскрываются, дефиниции не приводятся. Поэтому термин «судостроительство» воспринимается неоднозначно, наполняется различным содержанием (совокупностью существенных признаков). Зачастую в юридической литературе судостроительство рассматривается и как правовая норма, и как совокупность судебных учреждений.

В настоящее время принципы правосудия являются предметом повышенного внимания юридической науки. Это объясняется активным интересом юридической науки к современному правосудию, устройству судебной власти, ее эффективности и др.

Многие принципы судебной власти и правосудия авторами не разделяются, что можно объяснить не только сложностью проблем, но и органической связанностью организации судебной власти и отправления правосудия. Заметим, что изучение современных принципов судебной власти должно учитывать методологические требования, предмет исследования, его реальность, системное качество.

1 Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // Арбитражные споры. 2014. №1. С. 6.

2 Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2011. С. 235.

3 Колоколов Н. А. История российского правосудия: проблемы познания // История государства и права. 2009. №10.

4 Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В.; Отв. ред.: Кашепов В. П. – М.: Юриспруденция, 2011. С.178.

В рамках данной статьи попытаемся раскрыть такие конституционные принципы, как конституционность и законность, самостоятельность и независимость судебной власти.

Раскрывая принцип конституционности и законности необходимо отметить что судебная власть может быть ограничена ее конституционно установленным источником – волей народа, выраженной в конституционных нормах и в нормах законов, легитимно принимаемых законодательным органом государственной власти – парламентом Российской Федерации, который одновременно является и представительным органом в системе демократического управления обществом.

Принцип законности раскрывает природу, сущность норм права как обязательных правил поведения. Данный принцип является определяющим в организации и деятельности всех органов государственной власти, в том числе и судебных. Он вытекает из конституционного положения ст. 15 Конституции РФ о том, что все государственные органы, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы.

Для понимания принципа законности в системе основополагающих начал организации и деятельности судебной власти необходимо понимать, что судебная власть учреждается Конституцией РФ как высшим законом государства и основные ее элементы могут быть учреждены тоже только законодательным (система органов, специализированные суды, полномочия, процедуры, статус судьи и т.п.)⁵.

Полагаем, что в современной юриспруденции принципы конституционности, законности получают более глубокое понимание, поскольку их органично дополняют требования правового характера самой Конституции, принимаемых законов, постулат о недопустимости действия актов, противоречащих Конституции РФ и федеральному закону. Следовательно, принцип конституционной законности в организации и деятельности судебной власти означает не только источник этих средств для судебной власти, но и творческое их взаимовлияние друг на друга.

В числе принципов организации и функционирования судебной власти традиционно важное место занимают принципы самостоятельности и независимости суда, которые обычно выделяются в качестве основных, определяющих как внешние связи судебной власти в системе государственности, так и ее внутреннее, структурное устройство, соотношение ее элементов и функциональных проявлений.

Анализ законодательства, развивающего и закрепляющего конституционные положения о самостоятельности органов судебной власти, позволяет сделать вывод о том, что самостоятельность органов судебной власти – это совокупность степеней свободы функционирования органов судебной власти в бюджетной, организационно-правовой и кадровой сферах в целях организационного, методического и кадрового обеспечения осуществления правосудия судьями – носителями судебной власти независимо от любых попыток воздействия со стороны сторон судебного процесса, представителей других ветвей государственной власти, политических, экономических, криминальных кругов.

По мнению ученых самостоятельность органов судебной власти и независимость судьи – носителя государственной судебной власти – разные понятия, и обеспечиваются они принципиально разными организационно-правовыми механизмами, хотя цель у них одна и та же – гарантировать обществу объективное, независимое и беспристрастное, основанное на законе, рассмотрение любого конфликта правового характера между субъектами правоотношений⁶.

Самостоятельность органов судебной власти тесно связана с независимостью судьи. Тем не менее самостоятельность органов судебной власти и независимость судьи – принципиально раз-

ные понятия, они имеют принципиально различное содержание и обеспечиваются принципиально разными организационно-правовыми механизмами, но это «две стороны одной медали», так как цель у них одна и та же – гарантировать обществу объективное, независимое и беспристрастное, основанное на законе, рассмотрение судьей любого конфликта правового характера между субъектами правоотношений при абсолютном обеспечении соблюдения права гражданина на судебную защиту.

Независимость судьи как гражданина – носителя государственной судебной власти – способность осуществлять исполнение обязанностей по замещаемой им государственной должности Российской Федерации, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Соответственно этому различны аспекты (компоненты) самостоятельности государственных учреждений судебной власти и независимости судьи, а также – соответствующие гарантии.

Самостоятельность органов судебной власти законодательно обеспечивается гарантиями самостоятельности органов судебной власти в бюджетной сфере (финансовая самостоятельность), в организационно-правовой сфере, в вопросах кадровой политики. И в обеспечении этой самостоятельности важную роль играют органы судейского сообщества.

Самостоятельность и независимость судебной власти – это необходимое средство для решения конституционных задач прогрессивного развития государства и общества, утверждения в Российской Федерации правового государства, эффективной реализации функций и назначения судебной власти в государственно-правовой системе, которое состоит в том, чтобы всемерно способствовать укоренению демократических принципов государственного строя, его стабилизации, укреплению господства права. Судебная власть в правовом государстве призвана утверждать в обществе идеи справедливости и гуманизма, нести в широкие массы населения высокую правовую культуру⁷.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что для реализации основополагающих конституционных принципов организации судебной власти, конституционных основ осуществления правосудия требуется продолжение исследования проблем организации судебной власти, дальнейшего обновления законодательной базы и совершенствования правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Колоколов Н. А. История российского правосудия: проблемы познания // История государства и права. 2009. № 10.
2. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / Гравина А. А., Кашепов В. П., Макарова О. В.; Отв. ред.: Кашепов В. П. – М.: Юриспруденция, 2011.
3. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2011. С.235.
4. Попондопуло В. Ф., Слепченко Е.В. Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // Арбитражные споры. 2014. №1.
5. Правосудие в современном мире: монография / В.И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 579.
6. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации: монография. Колл. авторов: Абросимова Е. Б., Анишина В. И., Гаджиев Г. А., Ермошин Г. Т., Сафонов В. Е. / под ред. Ершова В.В. М.: Юрист, 2006. С. 341.
7. См.: Топорнин Б. Н. Развитие судебной власти в России: общие подходы // Судебная реформа: проблемы и перспективы / Отв. ред. Б. Н. Топорнин, И. Л. Петрухин. М., 2001. С. 3.

Ерпылёва Р. Р.

ПРИЗНАНИЕ ДОГОВОРА НЕЗАКЛЮЧЕННЫМ И ЗАЩИТА ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Признание договора незаключенным может являться основой для защиты существующего публичного правопорядка, в том числе, по налоговым спорам. Вместе с тем существуют дискуссионные вопросы о возможности заявления такого требования в защиту публичных интересов не стороной договора.

Ключевые слова: признание договора незаключенным, публичный интерес, налоговые споры.

Erpyleva R. R.

CLAIMING OF THE CONTRACT NOT CONCLUDED AND THE PROTECTION OF PUBLIC INTERESTS

The claims and recognition of contracts not concluded may be the basis for protection of the public order. This is fair for tax claims, while possibility of claiming of the contract not concluded in protection of public interests by the non-contract party is debatable issue.

Keywords: claiming of the contract not concluded, the public interest, tax disputes.

Иск о признании договора незаключенным зачастую предъявляется недобросовестной стороной, желающей уклониться от выполнения условий договора или от применения установленных договором санкций (например, неустойки), ввиду чего Высший Арбитражный Суд РФ в свое время сформулировал презумпцию сохранения договорных обязательств: «В случае наличия спора о заключенности договора суд должен оценивать обстоятельства и доказательства в их совокупности и взаимосвязи в пользу сохранения, а не аннулирования обязательства»¹. Таким образом, высшая судебная инстанция разработала механизм противодействия стороне договора, злоупотребляющей правом: сначала частично или полностью исполнившей договор, а впоследствии добивающейся признания его незаключенным.

Однако вопрос о признании договора незаключенным может возникать и при рассмотрении судами дел, направленных на защиту публичных интересов или вытекающих из публичных правоотношений.

Под публичным интересом в самом широком значении данного понятия можно понимать «общественный интерес, прямо или косвенно выраженный в правовой норме или их группе и обеспеченный защитой государства»².

При этом признание договора незаключенным как частноправовой способ защиты нарушенного права может являться основой для защиты общественного интереса, охраны существующего правопорядка.

Таким образом, представляется интересным проследить эволюцию отношения законодателя и высших судов к ситуации, когда вопрос о заключенности договора поднимается в целях защиты публичных интересов.

Советская судебная практика шла по пути сохранения в публичных интересах «неполноценных» хозяйственных договоров. Так, в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.04.1962 г. № 9 «О некоторых вопросах судебной практики по гражданским колхозным делам» говорится, что

«если суд установит, что договор, заключенный с нарушением компетенции, не заключает в себе ничего противопоказанного или явно убыточного для колхоза, фактически целиком или в большей части выполнен сторонами, то он может быть признан обязательным для сторон с принудительным его выполнением».

По сути, в интересах колхоза суд признавал договор обязательным для сторон (обязанности, возникшие из него, обеспечивались принудительным выполнением).

Сегодня, напротив, в публично-правовых отношениях часто встает вопрос о фиктивности хозяйственных связей, якобы возникших на основе заключенного договора.

Для современных публично-правовых отношений (в налоговой, бюджетной сфере, в сфере административного и уголовного законодательства) актуальным является не сохранение фактически сложившихся, но юридически ущербных хозяйственных договорных отношений, а напротив, выявление не существующих в действительности, но оформленных юридически хозяйственных связей.

Так, новая редакция ч. 2 ст. 10 ФЗ от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»³ говорит о необходимости оформления и учета только реальных хозяйственных операций: под мнимым объектом бухгалтерского учета понимается несуществующий объект, отраженный в бухгалтерском учете лишь для вида (в том числе неосуществленные расходы, несуществующие обязательства, не имевшие места факты хозяйственной жизни), под притворным объектом бухгалтерского учета понимается объект, отраженный в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его (в том числе притворные сделки).

Таким образом, понятия «несуществующие обязательства» и «не имеющие места факты хозяйственной жизни», введенные в данном законе, могут быть расценены и как незаключенные договоры.

Необходимость такого отношения к юридически заключенным, но фактически несуществующим обязательствам признана на международном уровне, так, пп. «с» и «д» п. 3 Конвен-

Ерпылёва Р. Р.

1 Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011г. № 13970/10 по делу № А46-18723/2008 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2015 г.).

2 Мамонтов В. А. Проблема использования категории публичного интереса в законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность // Юридический мир. – 2011. – № 1. – С. 39.

3 Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011г. № 402-ФЗ (с последними изменениями) // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.

ции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г.⁴ предлагают странам – участницам Конвенции запретить ведение учета несуществующих расходов и отражение обязательств, объект которых неправильно идентифицирован.

Рассмотрим основные ситуации, в которых при разрешении споров публичного характера или в защиту публичных интересов суды делают вывод о незаключенности договоров.

1. Признание договора незаключенным при налоговых спорах

При рассмотрении налоговых споров, особенно при оспаривании решения налогового органа о привлечении к налоговой ответственности, взыскании недоимки, часто возникает вопрос о признании договоров незаключенными. В данном случае подобная оценка фиктивных правоотношений преследует именно публичные интересы, поскольку такая постановка вопроса не выгодна ни самому лицу, привлекаемому к налоговой ответственности, ни его контрагенту.

В сфере налоговых правоотношений используется термин «реальная экономическая деятельность», так, например, п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» указывает: «Если судом установлено, что главной целью, преследуемой налогоплательщиком, являлось получение дохода исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды при отсутствии намерения осуществлять реальную экономическую деятельность, в признании обоснованности ее получения может быть отказано».

Таким образом, доказывая отсутствие реальной экономической деятельности, налоговый орган может приводить аргументы в пользу незаключенности договоров, на основании которых налогоплательщик получил налоговую выгоду.

Прежде всего, это касается договоров, заключенных с несуществующими контрагентами, то есть вымышленными юридическими лицами, не включенными в Единый государственный реестр юридических лиц. Так, в решении Арбитражного суда Оренбургской области от 03.03.2009 г. по делу № А47-6111/2007 указано: «На момент совершения сделки в 2003 году ООО “Кондитерские изделия” не обладало правоспособностью, и, следовательно, сделки, заключенные с несуществующей организацией, не могут быть приняты в целях налогообложения. Включение в расходы сумм по сделке с несуществующей организацией безосновательно, так как представленные первичные документы содержат недостоверную информацию и, следовательно, не подтверждают фактического осуществления хозяйственных операций (выполнения работ, оказания услуг)».

Кроме того, незаключенными признаются договоры с «фирмами-однодневками», не имевшими реальной возможности для исполнения обязательства, а также договоры с несуществующим предметом (например, договор об аренде несуществующего здания).

Что интересно, по налоговым спорам самостоятельное требование о признании договора незаключенным не заявляется, вывод о незаключенности договора является промежуточным и делается судом самостоятельно в соответствии с позицией, изложенной А. Я. Курбатовым: «Признание договора незаключенным – это возможность для суда выйти из право-

вого тупика в тех случаях, когда он не может установить, о чем договорились стороны. Соответственно, это делается судом по своей инициативе в рамках разрешения спора, возникшего из договора. Решение этого вопроса носит промежуточный характер и относится к категории правовой оценки доказательств и квалификации юридических фактов»⁵.

Правовой вывод о незаключенности договора излагается в мотивировочной части судебного акта и является основанием для окончательных выводов о защите охраняемого публично-го интереса – обязанности по уплате налогов.

2. Признание договора незаключенным при рассмотрении исков в защиту интересов государства и муниципальных образований

Статья 53 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁶ предоставляет право публично-правовым субъектам обратиться в суд с иском в защиту публичных интересов или интересов неопределенного круга лиц.

Достаточно часто органы прокуратуры в порядке ст. 52 АПК РФ обращаются в публичных интересах в суд с иском о признании недействительными договоров, заключенных публичными образованиями.

Вместе с тем по такого рода делам суды отказывают органам прокуратуры в иске, установив, что оспариваемый договор является незаключенным: «В отношении незаключенных договоров не могут применяться такие способы защиты гражданского права, как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности. Установив, что контракт от 12.03.2007 г. № 2 является незаключенным, суд правомерно отказал в удовлетворении встречного иска прокуратуры о признании его недействительным» (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.06.2009 г. по делу № А18-836/2008).

Бывает так, что органы прокуратуры выходят за рамки полномочий по оспариванию сделок, предоставленных ч. 1 ст. 52 АПК РФ, а именно, обращаются в суд не с иском о признании недействительными сделок и о применении последствий их недействительности, а именно с иском о признании договора незаключенным.

Приведем цитату из судебного акта по одному такому делу: «Поскольку рассматриваемый иск о незаключенности договора предъявлен Прокуратурой Оренбургской области, которая стороной этого договора не является, удовлетворение заявленных требований связано с установлением наличия нарушений публичных интересов, которые будут восстановлены при удовлетворении требований. Доказательств таких нарушений прокурором не представлено. Несостоявшаяся (незаключенная) сделка не несет публичным интересам такого вреда, как ничтожная. Незаключенная сделка не нарушает нормы договорного права, а лишь делает невозможным их применение. Избрание способа защиты, не обеспечивающего восстановление публичных интересов, является самостоятельным основанием к отказу в удовлетворении заявленных прокурором Оренбургской области исковых требований» (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2011г. № 18АП-4888/2011 по делу № А47-10768/2010).

4 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.

5 Курбатов А. Я. Признание договоров незаключенными как следствие невосполнимости и их существенных условий // Цивилист. – 2011. – № 3. – С. 62.

6 Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Федеральный закон от 24.07.2002г. № 95-ФЗ (с последними изменениями) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012. Далее по тексту – АПК РФ.

Прежде всего, суд указал, что незаключенный договор наносит правовым интересам меньший вред, чем ничтожный, поскольку не нарушает нормы закона, а лишь делает невозможным их применение.

Таким образом, суд отказал в заявленном иске на том основании, что прокурор Оренбургской области избрал ненадлежащий способ защиты нарушенного права, не обеспечивающий восстановление публичных интересов.

Вместе с тем Федеральный арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 25.04.2012 г. по делу № А49-3386/2011 сформулировал общее правило о том, что «право на предъявление иска о признании договора незаключенным по общему смыслу положений гражданского законодательства об обязательствах и договорах должно принадлежать только самим сторонам оспариваемой сделки».

Таким образом, по данной категории дел признание договора незаключенным часто влечет отказ в иске, поданном в защиту публичных интересов, а суды делают спорный вывод о том, что иск о признании договора незаключенным не направлен на защиту публичных интересов.

3. Отсутствие договора и защита публичных интересов

Само по себе отсутствие договора (незаключение договора) в хозяйственных отношениях и вытекающие из этого требования о взыскании неосновательного обогащения также могут быть оценены с позиций публичных интересов.

В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.06.2013 г. № 37/13 по делу № А23-584/2011 указано, что «взыскание неосновательного обогащения за фактически выполненные при отсутствии государственного (муниципального) контракта работы открывало бы возможность для недобросовестных исполнителей работ и государственных (муниципальных) заказчиков приобретать незаконные имущественные выгоды в обход Закона № 94-ФЗ. Между тем никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения».

При этом Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ сослался на п. 4 ст. 1109 Гражданского кодекса РФ⁷, согласно которому не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства.

Вместе с тем при вынесении указанного постановления Президиум руководствовался, прежде всего, публичными интересами: он указал, что получение денежных средств за работы, выполненные с игнорированием норм Федерального закона № 94-ФЗ⁸ (действовавшего на время вынесения постановления Президиума), приведет к получению незаконных имущественных выгод, что нарушает публичные интересы.

В этом случае отсутствие договора, заключенного с соблюдением установленных процедур, даже при фактическом выполнении работ, является основанием для отказа в оплате работ.

Можно сделать вывод, что по налоговым делам и при отсутствии заключенного государственного (муниципального) контракта признание договора незаключенным как промежуточный вывод суда приводит к защите нарушенных публичных

интересов. Вместе с тем ограничение права органов прокуратуры и других лиц, уполномоченных подавать иски о признании договора незаключенным в защиту публичных интересов в порядке ст. 53 АПК РФ, способствует уходу виновных лиц от ответственности, отсутствию должного уровня правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая). Федеральный закон от 26.01.1996г. № 14-ФЗ (с последними изменениями) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Федеральный закон от 24.07.2002г. № 95-ФЗ (с последними изменениями) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
4. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011г. № 402-ФЗ (с последними изменениями) // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.
5. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ (утратил силу с 01.01.2014г.) // СЗ РФ. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2015 г.).
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 г. № 13970/10 по делу № А46-18723/2008 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2015 г.).
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.06.2013 г. № 37/13 по делу № А23-584/2011 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата просмотра: 01.08.2015 г.).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 20.04.1962г. № 9 «О некоторых вопросах судебной практики по гражданским колхозным делам» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата просмотра: 01.08.2015 г.).
10. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25.04.2012 г. по делу № А49-3386/2011 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2015 г.).
11. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2011г. № 18АП-4888/2011 по делу № А47-10768/2010 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата просмотра: 01.08.2015 г.).
12. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 03.03.2009г. по делу № А47-6111/2007 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата просмотра: 01.08.2015 г.).
13. Курбатов А. Я. Признание договоров незаключенными как следствие невозможности и их существенных условий // Цивилист. – 2011. – № 3.
14. Мамонтов В. А. Проблема использования категории публичного интереса в законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность // Юридический мир. – 2011. – № 1.

7 Гражданский кодекс РФ (часть вторая). Федеральный закон от 26.01.1996г. № 14-ФЗ (с последними изменениями) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

8 Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005г. № 94-ФЗ (утратил силу с 01.01.2014г.) // СЗ РФ. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105.

Залибекова Д. З., Касимова Д. М.
ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются аспекты, направленные на оздоровление экономической и политической обстановки в стране путем улучшения инвестиционного и инновационного климата. Необходимо скорректировать налоговую и таможенную политику в области инвестиций и инноваций. Реализация данных мер позволит увеличить приток внешних и внутренних инвестиций со стороны инвесторов.

Ключевые слова: инвестор, инновационная политика, налоговое регулирование, государственная политика, субъект инвестиционной деятельности.

Zalibekova D. Z., Kasimova D. M.
IMPROVING LEGAL CONTROL OVER INVESTMENT AND INNOVATION ACTIVITY

This article discusses aspects aimed at improving the economic and political situation in the country by improving the investment and innovation climate. It is necessary to adjust the tax and customs policy in investment and innovation. Implementation of these measures will increase the flow of foreign and domestic investments from investors.

Keywords: investor, innovation policy, tax regulation, public policy, the subject of investment activity.

Одной из основных целей государственного регулирования инвестиционной и инновационной деятельности в Российской Федерации должна быть защита прав и законных интересов инвесторов, создание гарантий инвестиционной деятельности, обеспечение защищенности инвестиций. Новейшие модели налогового регулирования инвестиционной и инновационной деятельности должны быть максимально адаптированы к изменившейся системе ведения хозяйства в Российской Федерации и отвечать современным условиям развития мировой рыночной системы.

Инвестиционная деятельность в России регулируется как общим государственным законодательством, так и системой специальных нормативных актов.

Принципиальное значение имеют такие законы, как Конституция РФ, Гражданский и Налоговый кодексы, законы об акционерных обществах, о собственности, о приватизации, о внешнеэкономической деятельности, о тарифном контроле и валютном регулировании и др.

Принят ряд постановлений Правительства РФ, которые направлены на повышение роли государственной инвестиционной и структурной политики, стимулирование процесса привлечения внебюджетных инвестиций в производственную сферу, создание условий для дальнейшего развития инициативы частных инвесторов по реализации высокоэффективных инвестиционных проектов¹.

В системе государственного регулирования экономики налогам принадлежит определяющая роль. Государство призвано поддерживать и предоставлять различного рода налоговые и другие льготы предприятиям, исходя из общегосударственных интересов и задач, вне зависимости от формы собственности предприятия, государственной или частной. При предоставлении государственной поддержки и льгот использующие их организации получают дополнительные финансовые преимущества, что означает перераспределение

Залибекова Д. З.

Касимова Д. М.

общегосударственных финансовых ресурсов в пользу отдельных организаций и отраслей.

Инновационная продукция обладает большой добавочной стоимостью, и в совокупной налоговой нагрузке этих организаций велика доля налога на добавленную стоимость. Очевидно, что довольно значимой проблемой для научных и инновационных организаций является высокий уровень совокупной налоговой нагрузки.

Согласно пп. 16.1 п. 3 ст. 149 НК РФ не подлежат обложению НДС операции по выполнению организациями научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, относящихся к созданию новой продукции и технологий или к усовершенствованию производимой продукции и технологий, если в состав научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ включаются разработка конструкции инженерного объекта или технической системы; разработка новых технологий; создание опытных, т.е. не имеющих сертификата соответствия, образцов машин, оборудования, материалов, обладающих характерными для нововведений принципиальными особенностями.

Кроме того, согласно пп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ не подлежит (освобождается) от налогообложения реализация исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для электронных вычислительных машин, базы данных, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора.

В современных условиях инновационных преобразований экономики повышение эффективности инвестиционного развития регионов, создание благоприятного инвестиционного климата становится одной из основных задач, которая вклю-

1 Воронина Л. А. Иностранные инвестиции как современный источник финансирования российской экономики // Финансы и кредит. – 2011. – №9. – С. 2–11.

чает выбор источников инвестиций, создание необходимой нормативно-правовой базы, определение органов, ответственных за реализацию инвестиционной политики и привлечение инвестиций, организацию работы с инвесторами и т.д.

Налоговое регулирование осуществляется через:

1) предоставление льгот по уплате налога на прибыль, а именно: уменьшение налогооблагаемой прибыли на сумму средств, направленных на перевооружение, реконструкцию, расширение и обновление производства через механизм амортизационной премии;

2) уменьшение налогооблагаемой прибыли на сумму средств, направленных организациями на проведение НИ-ОКР;

3) предоставление инвестиционного налогового кредита, т.е. отсрочка налоговых платежей в части затрат из прибыли на инновационные цели.

С 1 января 2006 г. вступила в силу норма п. 1.1 ст. 259 НК РФ, разрешающая организациям списывать 10% первоначальной стоимости объектов основных средств одновременно при вводе оборудования в эксплуатацию. Данная норма, несомненно, положительно влияет на процессы обновления основных фондов в экономике. Она создает стимулы для накопления организациями средств на обновление и приобретение новых основных средств.

В отношении основных средств, относящихся к третьей – седьмой амортизационным группам, организациям разрешено списывать до 30 % первоначальной стоимости основных средств единовременно.

Существует точка зрения, что ускоренная амортизация с экономической точки зрения сама по себе не является механизмом налогового стимулирования, а представляет собой лишь способ снижения убытков организации от инфляции – сумма начисленной за несколько лет амортизации основных средств значительно меньше их стоимости в год их приобретения. Именно в этой связи высокий уровень инфляции часто рассматривается как фактор, негативно влияющий на развитие инновационной экономики, поскольку он значительно снижает экономический эффект от предоставляемых государством налоговых преференций. В этой связи интересен опыт ряда стран, некоторые из которых практикуют списывание капитальных затрат на НИОКР в год приобретения основных средств².

В целях стимулирования спроса на изобретения, научные исследования, опытно-конструкторские разработки, промышленные образцы, полезные модели в среде малого бизнеса, а также развития инфраструктуры для полноценного функционирования инновационной экономики (института патентных поверенных, компаний, осуществляющих юридическую защиту указанных прав) законодателем предусмотрены налоговые вычеты и для специального налогового режима.

В частности, к расходам, учитываемым при налогообложении, относятся:

– расходы на приобретение исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для электронных вычислительных машин, базы данных, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора;

– расходы на патентование и (или) оплату правовых услуг по получению правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, включая средства индивидуализации;

– расходы на научные исследования и (или) опытно-конструкторские разработки, признаваемые таковыми в соответствии с п. 1 ст. 262 НК РФ.

Крайняя степень неравномерности распределения предприятий с участием иностранного капитала, как по федеральным округам России, так и внутри них, неоднородная структура инвестиций в региональном разрезе выдвигает на первый план проблему выявления совокупности условий, оказывающих влияние на предпочтение инвесторов.

Анализ основных факторов инвестиционного климата в свою очередь позволяет определить рычаги воздействия на инвестиционную ситуацию в регионе, способствует формированию эффективной инвестиционной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Воронина Л. А. Иностранные инвестиции как современный источник финансирования российской экономики // Финансы и кредит. – 2011. – № 9.
2. Коряковский Д. Г. Правовые и экономические аспекты привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику // Финансы и кредит. – 2011. – № 10.

2 Коряковский Д. Г. Правовые и экономические аспекты привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику // Финансы и кредит. – 2011. – № 10. – С. 70–80.

Магомедов А. Ш.

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье рассмотрены понятие административного правонарушения. Предложенная нами тема нашего общества от социалистических к капиталистическим отношениям, и как следствие этого интересна глубокая правовая реформа вокруг государственного управления и административного права.

Ключевые слова: РФ, КоАП, административное право, понятие административного правонарушения.

Magomedov A. Sh.

THE CONCEPT OF ADMINISTRATIVE OFFENCE

The article considers the concept of administrative offence. Our proposed topic the most interesting in connection with the transition of our society from a socialist to capitalist relations and as a consequence deep legal reform around public administration and administrative law is of interest.

Keywords: Russian Federation, the code of administrative offences, administrative law, the concept of administrative offence.

Магомедов А. Ш.

В отличие от других социальных идей и политических ориентаций демократическое правовое государство при верховенстве правового закона и приоритете прав человека и гражданина практически воспринято обществом как будущее государственного строя Украины. Решение этой задачи связано не только с созданием современного законодательства, обеспечением законности деятельности государства и его органов, муниципальной системы и общественных формирований, надежной, быстрой и справедливой юстиции, независимого правосудия, но с преодолением достигшего опасных пределов правового нигилизма, находящегося ныне на грани беспредела во всех сферах государственной и общественной жизни, и, главное, формирование высокого уровня правовой культуры общества и каждого человека.

Необходимым условием развития этих процессов является их правовое сопровождение и обеспечение государством - единственной на территории страны политической организации, осуществляющей суверенитет, источник которого - народ Украины. Но государство и право имеют не только инструментальное значение и «самостоятельную ценность». Одновременно это право жить цивилизованной жизнью и средство обеспечить человеку соответствующие свободы». К этой цели общество придет только через повышение ответственности, возложенной «на институты государственной власти», решительные действия по экономическому, политическому и социальному реформированию, созданию качественной «правовой базы для таких действий».

Это потребует высокопрофессионального состава юристов и достаточной правовой грамотности государственных служащих и других лиц, занятых юридической деятельностью. Общественная полезность и престижность этой деятельности значительно возрастает в период революционных преобразований, социальной конструкции общества, его новых экономических и политических ориентаций.

Профессионализм юриста заключается в его знании и умении ориентироваться в различных отраслях права. Административное право занимает ведущее место среди остальных отраслей права, так как в повседневной жизни между гражданами возникают постоянно административно-правовые отно-

шения и любой юрист обязан знать и четко ориентироваться в административно-правовых нормах.

Исторически в правовой науке и в законодательстве сложилось два подхода к пониманию административных правонарушений.

В конце XIX века значительно возросло количество административных актов, нарушающих права индивидов. Поэтому наиболее развитые государства вынуждены были признать себя ответственными за действия своей администрации, даже если эти действия совершались в соответствии с предоставленной ей компетенцией. Возникла необходимость законного и обоснованного разрешения споров между представителями власти и гражданами. Поэтому в развитых государствах мира был образован институт административной юстиции - важнейшее средство общественного контроля над деятельностью администрации. Такое представление о сущности административных деликтов и ответственности за их совершение легло в основу построения административного законодательства Франции, ФРГ, Англии, США.

Второй подход, который условно называют карательным, первоначально, до возникновения понятия административных правонарушений в собственном смысле, доминировал в Германии в XVIII-XIX вв. Проступки, за которые наступала ответственность, назывались *exekutivstrafen*, позднее - полицейскими, или фискальными, деликтами. Они представляли собой уголовные проступки. Лица, их совершившие, несли уголовную ответственность. В целом законодательством Пруссии, а затем Германии закреплялось административное усмотрение на уголовное принуждение. Таким образом, сложилось иное понимание административных правонарушений - как неисполнение населением административных предписаний государственной власти либо совершение таких действий, наказания за которые назначались в административном порядке. Целью подобных наказаний было не восстановление нарушенного права, а наказание за ослушание. В настоящее время в Германии взыскания, устанавливаемые в административном порядке, предназначаются для обеспечения выполнения административных постановлений, а не для кары и применяются достаточно редко, поскольку карательные нормы содержатся в основном в уголовном законодательстве.

В силу ряда причин именно прусский подход получил «второе рождение» в нашем государстве в XIX веке и после 1917 года. Произошла трансформация административных правонарушений в иное явление, обозначаемое прежним термином. Из средства контроля за решениями органов государственной власти институт административных правонарушений, как, собственно, и вся отрасль административного права, превратился в придаток уголовного права, обеспечивая контроль государства над обществом, охраняя правопорядок угрозой наказан. Полицейское право играет важную роль и в построении науки современного российского административного права.

Таким образом, и в настоящее время понятие административного правонарушения в российском законодательстве и правовой науке связано прежде всего с карательным характером административной ответственности.

Административным правонарушением (проступком) признается посягающее на государственный порядок, частную, государственную, муниципальную и иные виды собственности, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или бездействие, за которое федеральным законом предусмотрена административная ответственность.

Сущность административного правонарушения определяется его общественной опасностью. Государство, закрепляя в нормах права обязательные правила поведения, предусматривает возможность применения за их нарушение государственного принуждения. Именно общественная опасность правонарушения обуславливает ответственность за его совершение. Отсутствие данного признака свидетельствует об отсутствии правонарушения.

Любое административное правонарушение, посягая на установленный порядок, причиняет ему тот или иной вред, нарушает упорядоченность, согласованность, гармоничность управленческих отношений. При этом нежелательный результат может проявляться как в реальном вреде (мелкое хищение, безбилетный проезд), так и в создании условий для наступления вреда (нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил).

Понятие «государственный порядок», употребляемое в КоАП, подчеркивает, что объектом противоправного посягательства являются не только личные, но и общегосударственные интересы. Например, отдельные крайне распространенные проступки, предусмотренные ст. 160, 160, 160, 161–164, 164 КоАП, не столько характеризуют асоциальную, противоправную деятельность граждан, сколько посягают и на публично-правовые интересы государства, прежде всего на общественную безопасность. Очевидно, что неконтролируемые государством производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции оказывают непосредственное воздействие на здоровье населения России и тем самым негативно сказываются на общегосударственных интересах.

При истолковании употребляемого КоАП в определении административного правонарушения понятия «общественный порядок» следует иметь в виду особую роль государственно-правовых институтов, установленную действующей Конституцией. Данное понятие отражает следующие моменты:

1) расширение полномочий органов государственной власти, особенно исполнительной и судебной, при одновременном ограничении полномочий общественных организаций (профсоюзов, иных общественных объединений и др.).

Однако наделение общественных организаций и их органов государственно-властными полномочиями, свойственное советской правовой системе, ныне представляет собой редкое явление. Например, допускается наделение профсоюзов на основе специального федерального закона отдельными властными полномочиями в области трудовых правоотношений;

2) «общественный порядок» представляет собой свод правил, характеризующих поведение субъекта. Такие правила могут иногда совпадать с нормами, установленными законом, но это бывает далеко не всегда.

Между тем расширение правомочий общественных институтов в 1917–1991 гг. в сфере госуправления и особенно контроля ныне утрачивает свою правовую значимость.

Моральные (нравственные) правила могут сосуществовать с общегосударственными установлениями (законами) только в тех случаях, когда они не признаны противоправными органами законодательной власти, издавшими соответствующий закон, либо муниципальными органами.

Активное воздействие на общественный порядок оказывают органы исполнительной власти, а также исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления.

Исполнительная власть всех уровней активно вмешивается в сферу частноправовых интересов граждан, выдавая и аннулируя лицензии, а также посредством государственной регистрации, квотирования и другими методами государственной разрешительной политики.

Исполнительная власть реализует законодательные нормы, устанавливающие правила поведения людей (например, в ходе проведения митингов, демонстраций, пикетов, забастовок), но в некоторых неотложных случаях и самостоятельно санкционирует порядок поведения в обществе еще до издания закона (например, в случае введения так называемой винной монополии).

Таким образом, порядок поведения юридических лиц и нормы общественного бытия физических лиц устанавливаются уполномоченными народом государственными органами. Именно поэтому в приведенном нами определении административного правонарушения понятие «государственный порядок» включает и общественный порядок, предназначение которого – в урегулировании социальной и общественной активности граждан, предусмотренной законом.

Пристатейный библиографический список

1. Алехин А. П., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. Ч. 1. – М.: Теис, 1994. – 279 с.
2. Гражданское право. Часть 1. Учебник / Под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. – М.: Издательство ТЕИС, 1996. 352 с.
3. Ноздрачев А. Ф. Основные характеристики исполнительной власти по Конституции Российской Федерации 1993 г. // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 12–22.

Магомедов А. Ш., Раджабова Ж. К.

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье изучен многовековой путь становления отечественного административного права в качестве самостоятельной отрасли, которое продолжает свое совершенствование и реформирование, своевременно реагируя на вновь возникающие общественные отношения путем внесения изменений в сам механизм деятельности его правовых институтов.

Ключевые слова: Российская Федерация, административное право, граждане и юридические лица, работники тех или иных отраслей хозяйства, социально-культурной и административно-политической деятельности, должностные лица занимающие определенные должности в государственных, муниципальных, общественных, коммерческих организациях.

Magomedov A. Sh., Ragabjva J. K.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article studied the centuries-old way of development of the domestic administrative law as an independent branch keeps which improving and reforming, responding promptly to emerging social relations by making changes in the mechanism of the activities of its legal institutions.

Keywords: Russian Federation, administrative law, citizens and legal persons, employees of certain sectors of the economy, socio-cultural and administrative-political activity, officials occupying certain positions in state, municipal, public and commercial organizations.

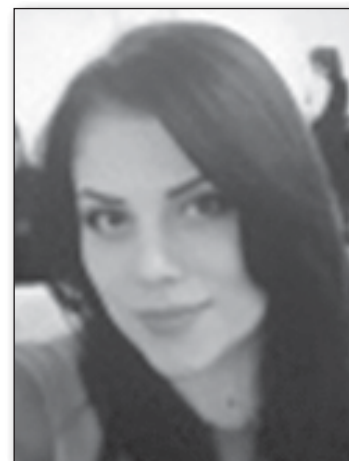
Пройдя многовековой путь становления, отечественное административное право в качестве самостоятельной отрасли продолжает свое совершенствование и реформирование, своевременно реагируя на вновь возникающие общественные отношения путем внесения изменений в сам механизм деятельности его правовых институтов. Администрация – с греч. означает «управление», латынь *ad ministries* – «служить для...». Основное назначение – исполнять, для чего нужно организовать деятельность людей. Административное право, как одна из отраслей правовой системы Российской Федерации, объективно связано с таким социальным явлением, которое в общем виде обычно обозначают как управление. Таким образом, термин латинского происхождения (администрация – управление) стал универсальным средством для характеристики определенного вида деятельности, то есть совокупности действий, направленных на достижение определенных общественно значимых целей. Регулированием отношений, возникающих в процессе этой деятельности, и занимается административное право.

Административная наука – наука, изучающая организующее воздействие на людей.

Действующие в России различные юридически обязательные правила имеют своей целью обеспечение правопорядка и государственной дисциплины в определенных сферах деятельности, которые непосредственно затрагивают интересы всех или большинства граждан, а также организаций независимо от их организационной подчиненности и формы собственности. К ним относятся правила поведения в общественных местах, правила дорожного движения и пользования различными видами транспорта, правила охраны труда и техники безопасности, правила торговли, санитарные, ветеринарные и противопожарные правила, правила охоты, рыбной ловли, правила приобретения, учета, хранения и использования охотничьего огнестрельного оружия, взрывчатых и радиоактивных веществ, правила воинского учета, пограничного режима, налоговые, таможенные правила, правила, действующие в сфере охраны здоровья населения, окружающей среды, природопользования, охраны памятников истории и культуры и т.д.

Магомедов А. Ш.

Раджабова Ж. К.

Соблюдение таких правил соответствует интересам граждан, общества и государства, а их нарушение противоречит им и нередко приводит к вредным и даже общественно опасным последствиям. Например, нарушение правил поведения в общественных местах мешает нормальной жизнедеятельности людей, безбилетный проезд пассажиров наносит имущественный ущерб транспортным предприятиям, нарушение правил дорожного движения ставит под угрозу жизнь и здоровье людей, приводит к повреждению транспортных средств, снижает пропускную способность дорог, нарушение правил охоты и рыбной ловли наносит вред живой природе, а тем самым и обществу.

Обязательные правила адресованы широкому кругу субъектов. Одни – всем гражданам и юридическим лицам, другие – работникам тех или иных отраслей хозяйства, социально-культурной и административно-политической деятельности, третьи – должностным лицам, занимающим определенные должности в государственных, муниципальных, общественных, коммерческих организациях.

Все названные и многие другие правила устанавливаются федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, а также органами исполнительной власти, действующими в пределах своей компетенции.

Одна из существенных особенностей обязательных правил состоит в том, что они защищаются административными санкциями, а их нарушение квалифицируется в качестве административного правонарушения, являющегося основанием административной ответственности.

Главные признаки и юридическая характеристика такого рода правонарушений содержатся в Кодексе РФ об административных правонарушениях¹.

В Кодексе (ст. 2.1) сформулировано официальное определение такого правонарушения: административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

При этом административная ответственность за правонарушения, предусмотренные Кодексом и другими нормативными актами, наступает при условии, что эти нарушения по своему характеру не влекут за собой в соответствии с действующим законодательством уголовной ответственности.

Понятие административного правонарушения охватывает ряд признаков. Во-первых, это деяние, т.е. действие или бездействие, во-вторых, общественно опасное, в-третьих, противоправное, в-четвертых, виновное, в-пятых, наказуемое деяние.

Сущность административного правонарушения определяется его общественной опасностью. Государство, закрепляя в нормах права обязательные правила поведения, предусматривает возможность применения за их нарушение государственного принуждения. Именно общественная опасность правонарушения обуславливает ответственность за его совершение. Отсутствие данного признака свидетельствует об отсутствии правонарушения.

Законодатель при определении в ст. 2.1 КоАП административного правонарушения в числе его признаков не называет общественную опасность, в отличие от понятия преступления.

Однако его вредность констатирована большинством диспозиций норм, составляющих содержание названного Кодекса.

Тем не менее дискуссия об общественной опасности административных правонарушений в теории административного права продолжается. Так, в юридической литературе высказывается мнение, согласно которому общественная опасность деяния присуща только преступлениям, а административный проступок характеризуется лишь вредоносностью. С нашей точки зрения, административным правонарушениям присуща не просто вредность или вредоносность, а именно общественная опасность, как материальный признак любого правонарушения.

В самом деле, трудно, просто невозможно отказать в общественной опасности административным правонарушениям, которые посягают на безопасность дорожного движения, пожарную безопасность (в результате этих нарушений ежегодно гибнут десятки тысяч людей), нарушают правила, связанные с приобретением, хранением и использованием огнестрельного охотничьего или служебного оружия, взрывчатых веществ, радиоактивных изотопов, сильнодействующих ядов и многого другого. В качестве примера приведем и многие административные правонарушения, совершаемые в особых условиях: стихийные бедствия, эпидемии, эпизоотии, техногенные катастрофы, массовые беспорядки, а также обстановка чрезвычайного положения. В последние годы возросла общественная опасность экономических административных правонарушений в налоговой, таможенной и других сферах.

Формирование в нашей стране основ правового государства требует создания такой правовой системы, которая не опровергала бы сама себя в силу внутренних противоречий. Особое значение в этом случае имеет применение принципа системности права в целом. Системный подход к структуре права предполагает четкое определение функций различных отраслей права. Поэтому в третьем разделе работы будут рас-

смотрены задачи и функции административного права как одного из элементов правовой системы РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. - М.: 1995.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Официальный текст. Часть I. - М., 1995.
3. Алехин А. П., Козлов Ю. М. Административное право. Учебник. - М.: 1994.
4. Бахрах Д. Н. Административное право. - М.: 1993.
5. Бельский К. С. Феноменология административного права. - Смоленск: 1995.
6. Ноздрачев А. Ф. Административное право: Фундаментальный курс. - М.: 1992.
7. Ноздрачев А. Ф. Основные характеристики исполнительной власти по Конституции Российской Федерации 1993 г. // Государство и право. - 1996. - № 1.
8. Ragabova Geriat the Kurbanovna, senior lecturer in Civil law. at the law faculty of DGINH

Российский университет дружбы народов
Кафедра международного права
XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

April 11, 2015 Moscow

Peoples' Friendship University of Russia
Department of International Law
International Congress commemorating
Professor I. Blischenko

Медведева М. А.

НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ И ИСПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ АВТОНОМНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются основные вопросы, регулирующие формирование государственного (муниципального) задания для автономного учреждения. На примерах из судебной практики анализируются нарушения законодательства, допускаемые учредителем автономного учреждения при формировании и исполнении государственного (муниципального) задания. Автор рассматривает последствия выполнения утвержденного государственного задания, не соответствующего требованиям законодательства в области порядка проведения закупок и ограничения конкуренции.

Ключевые слова: автономное учреждение, учредитель, государственное задание, ограничение, устранение конкуренции, контрактная система.

Medvedeva M. A.

VIOLATIONS OF THE LAW IN THE FORMATION AND EXECUTION OF STATE TASK OF AUTONOMOUS INSTITUTION

The article examines the main issues governing the formation of the state (municipal) tasks for autonomous institutions. By the examples from judicial practice violations of the law by the founder of the autonomous institutions in formation and execution of the state (municipal) task are analyzed. The author examines the consequences of executing an approved state task that does not meet the requirements of the legislation in the field of procurement and restriction of competition.

Keywords: autonomous institution, founder, state task, restriction, elimination of competition, contract system.

Медведева М. А.

В результате принятия Федерального закона от 08 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»¹ получило дальнейшее развитие функционирование автономных учреждений, деятельность которых регулируется Федеральным законом от 03 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»² (далее – Федеральный закон № 174).

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 174 автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах в случаях, установленных федеральными законами (в том числе при проведении мероприятий по работе с детьми и молодежью в указанных сферах).

Согласно п. 2 ст. 4 Федерального закона № 174 автономное учреждение осуществляет свою деятельность на основании государственного (муниципального) задания, которое формируется и утверждается учредителем в соответствии с видами деятельности, отнесенными уставом автономного учреждения к его основной деятельности.

Согласно ст. 6 и ст. 69.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации³ (далее – БК РФ) государственное задание является документом, устанавливающим требования к составу, качеству и (или) объему (содержанию) государственных (муниципальных) услуг, условиям, порядку и результатам оказания государственных (муниципальных) услуг (выполнения работ), порядку контроля его исполнения и требования к отчетности об исполнении. По своей правовой природе, как отметил А. А. Петров⁴, государственное задание является односторонним властным актом, исходящим от органа публичной власти и адресованным автономному учреждению, созданному и подконтрольному соответствующему публично-правовому образованию, и имеет целевой характер.

В целях обеспечения выполнения государственного или муниципального задания, сформированного учредителем для автономного учреждения, из соответствующего бюджета выделяется субсидия.

Формирование государственного задания на федеральном уровне на период до 01 января 2016 г. регулируется Постановлением Правительства РФ от 02 сентября 2010 г. № 671 «О порядке формирования государственного задания в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания»⁵. На уровне субъекта Российской Федерации, например, города Москвы, в целях формирования государственного задания действует Постановление Правительством Москвы от 26 декабря 2012 г. № 836-ПП «О совершенствовании порядка формирования государственного задания для государственных уч-

1 Собрание законодательства РФ. – 10.05.2010. – № 19. – Ст. 2291; Российская газета. – 12.05.2010. – № 100.

2 Собрание законодательства РФ. – 06.11.2006. – № 45. – Ст. 4626; Российская газета. – 08.11.2006. – № 250.

3 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ; Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3823, Российская газета. – 12.08.1998. – № 153–154.

4 Петров А. А. К вопросу о правовой природе задания учредителя автономного учреждения // Реформы и право. – 2009. – № 4. – С. 13–15.

5 Собрание законодательства РФ. – 13.09.2010. – № 37. – Ст. 4686.

реждений города Москвы»⁶. На муниципальном уровне такой порядок утверждается местной администрацией.

Отдельные проблемы, возникающие при формировании государственного задания, являются предметом исследования в научной литературе. Т. Обухова⁷ в числе таких проблем указывает на формирование государственного задания без утвержденного ведомственного перечня государственных услуг и работ, несоответствие государственного задания утвержденной форме, ошибочное указание потребителей услуг, отсутствие показателей, характеризующих качество оказываемых услуг. К. Г. Чагин⁸ к проблеме содержания государственного задания относит нечеткое разделение понятий «государственные услуги» и «государственные работы», проблему определения показателей качества и объема услуг и работ, корректировку государственного задания в процессе его выполнения, а также изменение его объема при перевыполнении или невыполнении государственного задания. Как можно заметить, указанные проблемы относятся непосредственно к форме, составу, качеству или объему государственного задания.

Особенности правового регулирования функционирования автономных учреждений и их взаимодействия с органами исполнительной власти как с учредителем, а также их специальная правоспособность обуславливают особую группу проблем при формировании для них государственных заданий. Важно обратить внимание, что при утверждении государственного задания для автономных учреждений часто происходит несоответствующее закону его формирование, о чем свидетельствует судебная практика. Так, большое количество судебных дел основано на спорах по искам Управления Федеральной антимонопольной службы (далее – УФАС) в связи с недопущением, ограничением или устранением конкуренции органами государственной власти на соответствующем уровне. Данные споры основаны на нарушении положений Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁹ (далее – Федеральный закон № 135). Ограничение конкуренции может произойти в результате издания акта и (или) осуществления действия (бездействия) органа власти или организации, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг (ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 135). Такими актами могут являться акты учредителей о создании автономных учреждений, об утверждении уставов и не соответствующих законодательству государственных заданий.

В качестве примера приведем Постановление Восьмого Арбитражного Апелляционного суда от 17 июля 2014 г. № 08АП-5345/2014 по делу № А70-363/2014¹⁰: Комитет по инвестициям в области строительной деятельности Администрации г. Тобольска (далее – Комитет) обратился в арбитражный суд с заявлением к Управлению Федеральной антимонопольной службы по Тюменской области об оспаривании решения и предписания по выявленным нарушениям ч. 1 и ч. 3 ст. 15 Федерального закона № 135 и внесении соответствующих изменений в устав подведомственного Комитету Муниципально-

го автономного учреждения «Архитектура и строительство» (впоследствии – Муниципальное автономное учреждение г. Тобольска «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг», далее – МФЦ). Суд указал, что в ходе проведения плановой проверки при анализе учредительных документов организаций, подведомственных администрации, было установлено, что Комитет наделил хозяйствующего субъекта (МФЦ) функциями и правами органов местного самоуправления в сфере градостроительной деятельности. Поименованные в уставе МФЦ виды деятельности являлись полномочиями органов местного самоуправления (в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹¹ (далее – Федеральный закон № 131). Кроме того, МФЦ было дано 20 муниципальных заданий на 2012–2013 г., которые подменяют проведение публичной процедуры торгов, чем нарушают ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 135. Суд отметил, что полномочия органов местного самоуправления по созданию муниципальных автономных учреждений не предполагают передачу функций контрольно-распорядительного характера соответствующим хозяйствующим субъектам. Такая передача противоречит ч. 3 ст. 15 Федерального закона № 135, запрещающей совмещение функций органов исполнительной власти и функций хозяйствующих субъектов, связана с созданием преимущественных условий деятельности по отношению к другим хозяйствующим субъектам, осуществляющим деятельность на том же рынке¹².

Наделение МФЦ функциями органа местного самоуправления не является муниципальной услугой, осуществляемой посредством муниципального задания, в данном случае деятельность учреждения была направлена исключительно для удовлетворения нужд администрации г. Тобольска, в том числе для решения вопросов местного значения и осуществления полномочий органов местного самоуправления. Выполнение работ (услуг) в целях удовлетворения таких нужд без осуществления процедуры размещения заказов путем проведения торгов действующим законодательством не допускается. Также, исходя из положений Федерального закона № 210, условием формирования и утверждения муниципального задания является определение категории юридических и физических лиц, которые нуждаются в этой услуге. Судом установлено, что Комитетом не представлено сведений о количестве физических и юридических лиц, обратившихся в МФЦ, не представлено доказательств проведения оценки потребности физических и юридических лиц в оспариваемых муниципальных услугах. На этих основаниях суд апелляционной инстанции оставил апелляционную жалобу Комитета без удовлетворения¹³.

Нормами действующего законодательства не допускается возложение на автономное учреждение обязанностей по выполнению работ или оказанию услуг, относящихся к государственным или муниципальным нуждам. Согласно ч. 3 ст. 15 Федерального закона № 135 запрещается совмещение функций органам исполнительной власти всех уровней и функций хозяйствующих субъектов, а также наделение хозяйствующих субъектов функциями и правами указанных органов. Исключения из этого правила могут быть установлены федеральны-

6 Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 28.12.2012. – № 72. – Т. 2.

7 Обухова Т. Проверка государственного (муниципального) задания // Ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности государственных (муниципальных) учреждений. – 2014. – № 9.

8 Чагин К. Г. Практические проблемы формирования и исполнения государственных и муниципальных заданий // Руководитель автономного учреждения. – 2013. – № 8.

9 Российская газета. – 27.07.2006. – № 162; Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

10 СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

11 Собрание законодательства РФ. – 06.10.2003. – № 40, ст. 3822; Российская газета. – 08.10.2003. – № 202.

12 Постановление Восьмого Арбитражного Апелляционного суда от 17.07.2014 г. № 08АП-5345/2014 по делу № А70-363/2014. СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

13 Там же. СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

ми законами, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ. Такое нарушение может быть допущено путем включения функций учредителя в государственное задание при его утверждении или заключения соглашения на предоставление субсидии автономному учреждению на иные цели, которые не соответствуют общим требованиям ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 174, либо предоставляются учреждениям фактически на осуществление функций учредителя. Например, Постановлением Второго апелляционного арбитражного суда от 25 сентября 2014 г. по делу № А28-2387\2014¹⁴ была рассмотрена апелляционная жалоба администрации муниципального образования «Город Кирово-Чепецк» Кировской области (далее – Администрация) и муниципального автономного дошкольного образовательного учреждения детский сад «Надежда» (далее – Учреждение) о признании недействительным решения Управления Федеральной антимонопольной службы по Кировской области, которым был установлен факт нарушения ч. 3 ст. 15 Федерального закона № 135. Как установлено судом, Администрацией, помимо утвержденного государственного задания, был заключен договор с Учреждением о предоставлении ему субсидий в виде бюджетных инвестиций на проектирование и строительство здания Учреждения. В обоснование своей позиции Администрация отметила, что субсидии могут предоставлять на цели, не связанные с выполнением государственного задания, перечень целей, на которые могут предоставляться субсидии, является открытым. По мнению заявителя, в связи с тем, что субсидии предоставлялись на иные цели для осуществления деятельности Учреждения, реализация таких целей не подпадала под действовавший в то время Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»¹⁵ (далее – Федеральный закон № 94), и не предполагала проведения конкурсных процедур. Отказывая заявителям в удовлетворении апелляционной жалобы, суд указал, что согласно ч. 10 ст. 5 Федерального закона № 174, учредитель при создании автономного учреждения должен был наделить Учреждение достаточным для осуществления его деятельности имуществом, в том числе недвижимым. Наделение автономного образовательного учреждения имуществом, необходимым для осуществления уставной деятельности, относится также к созданию условий для осуществления образовательного процесса. А имущество, передаваемое автономному образовательному учреждению на праве оперативного управления, является собственностью учредителя¹⁶.

Судом было отмечено, то Администрация была названа в качестве исполнителя мероприятий по проектированию, строительству и оснащению детского сада в рамках муниципальной долгосрочной целевой программы по развитию муниципальной системы образования. Реализация целевых программ также является муниципальной нуждой. Также отмечен факт, что организация предоставления образования по основным общеобразовательным программам является вопросом местного значения. Построенное здание самим Учреждением не использовалось, а было передано в казну муниципального образования, а только затем было закреплено на праве оперативного управления за Учреждением. Исходя

из изложенного, строительство здания являлось нуждой государственного органа, поэтому финансирование работ по его строительству должно было осуществляться в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 94 с проведением конкурсных процедур¹⁷.

Нарушением антимонопольного законодательства будет ситуация, когда передаваемые автономному учреждению обязанности фактически являются полномочиями органа власти, направленными на удовлетворение государственных или муниципальных нужд и должны осуществляться с использованием процедур размещения заказов путем проведения конкурсных процедур. При разрешении данной категории дел для обоснования законного выделения субсидии на иные цели имеет значение выполнение автономным учреждением функции, финансируемой из соответствующего бюджета, и относящейся к виду основной деятельности, определенной уставом автономного учреждения.

Наделение автономного учреждения функциями органов государственной или муниципальной власти (проведение культурных мероприятий, изготовление проектно-сметной документации на проведение капитального ремонта, капитальный ремонт, содержание автомобильных дорог и т.д.) может использоваться как уход от процедур, предусмотренных Федеральным законом от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹⁸ (далее – Федеральный закон № 44). По смыслу ст. 3 данного Закона он распространяется на государственные органы, казенные и бюджетные учреждения. В соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона № 44 автономное учреждение обязано руководствоваться последним только при предоставлении ему бюджетных средств на осуществление капитальных вложений в объекты государственной, муниципальной собственности.

Судебные дела фиксируют, как правило, одновременно факт ограничения конкуренции и нарушение порядка проведения закупок, поскольку соблюдение установленной процедуры закупок является одним из способов обеспечения конкуренции.

Ограничение конкуренции также возможно на стадии создания автономного учреждения при ошибочном (или умышленном) определении сферы деятельности автономного учреждения и конкретизации передаваемого полномочия государственного органа. Например, Постановлением от 05 апреля 2012 г. Федерального Арбитражного суда Центрального округа рассмотрена кассационная жалоба Управления Федеральной антимонопольной службы по Воронежской области (далее – Управление) по делу № А14-3755\2011¹⁹. Администрация городского округа города Воронеж (далее – Администрация) и Воронежская городская Дума (далее – Дума) обратились в суд с заявлением о признании недействительными решения и предписания Управления, согласно которым Администрация и Дума признаны нарушившими ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 135. В частности, нарушения Администрации выразились в необоснованном препятствовании осуществлению деятельности хозяйствующими субъектами, а также создании преимущественных условий деятельности хозяйствующим субъектам на рынке оказания услуг по обслу-

14 СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

15 Собрание законодательства РФ. – 25.07.2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105; «Российская газета», № 163, 28.07.2005.

16 Постановление Второго апелляционного арбитражного суда от 25.09.2014 г. по делу № А28-2387\2014. СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

17 Постановление Второго апелляционного арбитражного суда от 25.09.2014 г. по делу № А28-2387\2014. СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

18 Собрание законодательства РФ. – 08.04.2013. – № 14. – Ст. 1652; Российская газета. – 12.04.2013. – № 80.

19 СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

живанию питанием школьников общеобразовательных учреждений города Воронежа путем создания муниципальных автономных учреждений в этой сфере, утверждении для них государственных заданий и их исполнении²⁰.

Как указал суд, нормативно установленный запрет ст. 15 Федерального закона № 135 «адресован органам, осуществляющим властные функции, в целях предупреждения их негативного вмешательства в конкурентную среду посредством использования административных инструментов»²¹. Согласно действовавшей в тот период ст. 51 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»²² и ныне действующему пп. 15 п. 3 ст. 28 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ²³ организация питания в образовательных учреждениях должна решаться самими образовательными учреждениями. А к полномочиям органов местного самоуправления относится только создание муниципальных образовательных учреждений (п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 131), организация питания к полномочиям муниципальных образований не отнесена. Как следует из ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 174, автономные учреждения могут быть созданы исключительно в целях осуществления полномочий органов местного самоуправления. Поэтому создание муниципальных автономных учреждений в сфере питания противоречит нормам Федерального закона № 174. Создание автономного учреждения в этой сфере не является реализацией полномочия органа власти и может повлечь ограничение конкуренции при размещении образовательными учреждениями заказов на оказание таких услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3823; Российская газета. – 12.08.1998. – № 153-154.
2. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 30.07.1992. – № 30. – Ст. 1797; Российская газета. – 31.07.1992. – № 172; Собрание законодательства РФ. – 15.01.1996. – № 3. – Ст. 150; Российская газета. – 23.01.1996. – № 13.
3. Обухова Т. Проверка государственного (муниципального) задания // Ревизии и проверки финансово-хозяйственной деятельности государственных (муниципальных) учреждений. – 2014. – № 9.
4. Петров А. А. К вопросу о правовой природе задания учредителя автономного учреждения // Реформы и право. – 2009. – № 4.
5. Постановление Восьмого Арбитражного Апелляционного суда от 17.07.2014 г. № 08АП-5345/2014 по делу № А70-363/2014 // СПС Консультант плюс.
6. Постановление Второго апелляционного арбитражного суда от 25.09.2014 г. по делу № А28-2387\2014 // СПС Консультант плюс.
7. Постановление ФАС Центрального округа от 05.04.2012 по делу № А14-3755/2011 // СПС Консультант плюс.
8. Постановление Правительства РФ от 02.09.2010 № 671 «О порядке формирования государственного задания в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания» // Собрание законодательства РФ. – 13.09.2010. – № 37. – Ст. 4686.
9. Постановление Правительством Москвы от 26.12.2012 № 836-ПП «О совершенствовании порядка формирования государственного задания для государственных учреждений города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 28.12.2012. – № 72. – Т. 2.
10. Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // Собрание законодательства РФ. – 06.11.2006. – № 45. – Ст. 4626; Российская газета. – 08.11.2006. – № 250.
11. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // Собрание законодательства РФ. – 10.05.2010. – № 19. – Ст. 2291; Российская газета. – 12.05.2010. – № 100.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 31.12.2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598; Российская газета. – 31.12.2012. – № 303.
13. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. – 27.07.2006. – №N 162; Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.
14. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 25.07.2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105; Российская газета. – 28.07.2005. – № 163.
15. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 08.04.2013. – № 14. – Ст. 1652, Российская газета. – 12.04.2013. – № 80.
16. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.10.2003. – № 40. – ст. 3822; Российская газета. – 08.10.2003. – № 202.
17. Чагин К. Г. Практические проблемы формирования и исполнения государственных и муниципальных заданий // Руководитель автономного учреждения. – 2013. – № 8.

20 Там же. СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

21 Там же. СПС Консультант плюс. Дата обращения 25.06.2015 г.

22 Ведомости СНД и ВС РФ. – 30.07.1992. – № 30. – Ст. 1797, Российская газета. – 31.07.1992. – № 172; Собрание законодательства РФ. – 15.01.1996. – № 3. – Ст. 150; Российская газета. – 23.01.1996. – № 13.

23 Собрание законодательства РФ. – 31.12.2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598; Российская газета. – 31.12.2012. – № 303.

Раджабова Ж. К.

ПРИЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье рассмотрены признаки административного правонарушения, как противоправное, виновное действие или бездействие физического или юридического лица, за которое законодательством об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

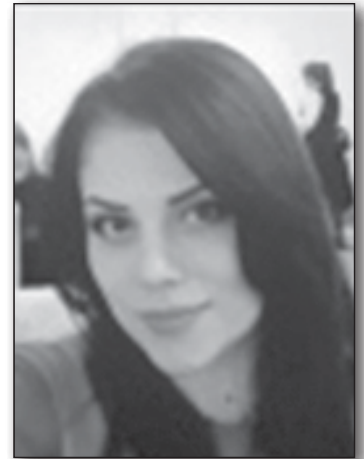
Ключевые слова: КоАП, административное право, административное правонарушение, противоправность, виновность, наказуемость.

Ragabova G. K.

SIGNS OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

The article describes the elements of an administrative offense, as wrongful, guilty action or inaction of individuals or legal entities for which the law on administrative offences establishes administrative responsibility.

Key words: Co AP, administrative law, administrative offence, illegality, guilt, punishment.

Раджабова Ж. К.

Административное правонарушение — противоправное, виновное действие или бездействие физического или юридического лица, за которое законодательством об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Объектами посягательства при административных правонарушениях могут являться собственность, здоровье населения и общественная нравственность, общественный порядок, экология и т. д.

Из его определения, данного в КоАП РФ, напрямую вытекают следующие признаки административного правонарушения:

- противоправность. Данный признак обозначает, что данное деяние нарушает конкретную норму права;
- виновность. Данный признак отражает внутреннее интеллектуально-волевое отношение субъекта к совершаемому им деянию;
- наказуемость. Данный признак обозначает, что за совершение данного деяния конкретной нормой КоАП РФ или закона субъекта РФ установлена именно административная ответственность.

Рассмотрим их более подробно.

В юридической литературе обычно выделяют четыре признака административного правонарушения. Три из них, как уже указывалось выше, заложены в определении административного правонарушения, имеющемся в законодательстве. Четвертый признак характеризует негативное воздействие административного правонарушения на конкретные общественные отношения, и ситуация с ним является несколько более сложной. В отличие от понятия преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), при определении административного правонарушения законодатель не посчитал необходимым использовать признак общественной опасности.

Представляется все же, что любое административное правонарушение обладает признаком общественной опасности, т.к. нарушение конкретных общеобязательных правил обычно создает опасность наступления крайне негативных для общества последствий. Особенность административных правонарушений заключается в том, что совершение большинства из них обычно не влечет наступления непосредственно этих последствий, а лишь создает такую угрозу. Вместе с тем сами эти последствия таковы, что в случае их наступления могут

причинить даже больший вред, чем многие уголовные преступления. Совершенно очевидно, например, что совершение таких правонарушений, как: «нарушение санитарно-эпидемиологических требований к питьевой воде» (ст. 6.5 КоАП РФ); «сокрытие или искажение экологической информации» (ст. 8.5 КоАП РФ); «нарушение правил пожарной безопасности на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте» (ст. 11.16 КоАП РФ), – может повлечь причинение вреда жизни и здоровью сотням и тысячам людей. Поэтому отрицание общественной опасности административных правонарушений не основывается на реально существующей ситуации.

Вторым признаком административного правонарушения является противоправность. Противоправность означает, что совершением данного деяния (действия или бездействия) обязательно нарушены нормы права. Никакое деяние не может быть признано административным правонарушением, и за его совершение не может наступить административная ответственность, если при этом не были нарушены нормы права. Так, например, административное правонарушение, предусмотренное ст. 12.6 КоАП РФ: нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов, связано с нарушением правил, установленных п. 2.1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации (утверждены Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090): водитель механического транспортного средства обязан при движении на транспортном средстве, оборудованном ремнями безопасности, быть пристегнутым и не перевозить пассажиров, не пристегнутых ремнями (допускается не пристегиваться ремнями обучающему вождению, когда транспортным средством управляет обучаемый, а в населенных пунктах, кроме того, водителям и пассажирам автомобилей оперативных служб, имеющих специальные цветографические схемы, нанесенные на наружные поверхности). При управлении мотоциклом нужно быть в застегнутом мотошлеме и не перевозить пассажиров без застегнутого мотошлема.

Виновность означает, что являющееся административным правонарушением деяние совершается при наличии вины. Отсутствие вины не позволяет считать данное деяние (даже противоправное) административным правонарушением. Вина может выступать в двух формах: в форме умысла и в форме неосторожности (статья 2.2 КоАП РФ). Статья 1.5 КоАП

РФ непосредственно указывает, что лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина, а п. 3 ст. 26.1 КоАП РФ – что по делу об административном правонарушении выяснению подлежит виновность лица в совершении административного правонарушения.

Наказуемость деяния означает, что за совершение данного деяния предусмотрена административная ответственность. Иногда за совершение противоправного деяния законодательством предусмотрена иная ответственность (дисциплинарная, уголовная и др.) либо не установлено никакой ответственности. В этом случае деяние, несмотря на его противоправность и виновность, не может быть признано административным правонарушением. Например, движение транспортного средства со скоростью, не соответствующей реальным дорожным условиям, однако не превышающей установленных ограничений, само по себе не является наказуемым в административном порядке и не может квалифицироваться в качестве административного правонарушения по статье 12.9 КоАП РФ.

Одна из серьезных проблем российского законодательства в области административной ответственности заключается в том, что законодатель нередко вводит запрещающую или предписывающую императивную норму и даже указывает на возможность привлечения к ответственности в случае ее нарушения, однако конкретных мер ответственности не устанавливает. Так, например, ч. 2 ст. 6 Федерального закона «Об ограничении курения табака» устанавливает обязанность работодателя по оснащению специально отведенных мест для курения табака. При этом ч. 3 той же статьи указывает, что «нарушение положений данной статьи влечет за собой привлечение к административной ответственности в соответствии с законодательством». Однако КоАП РФ никаких санкций за невыполнение данной обязанности не предусматривает, что делает невозможным привлечение виновных лиц к ответственности. В данном примере деяние (бездействие), совершенное работодателем, будет иметь все признаки административного правонарушения: общественную опасность, виновность, противоправность (поскольку нарушаются положения Федерального закона), кроме одного – наказуемости.

В то же время не за каждое деяние, даже содержащее все вышеперечисленные признаки, будет наступать административная ответственность. Отсутствие в деянии состава административного правонарушения исключает возможность привлечения лица, его совершившего, к административной ответственности.

Практическое значение состава административного правонарушения состоит в том, что он представляет собой законодательную модель квалификации конкретных административных правонарушений, то есть административное правонарушение должно быть квалифицировано в точном соответствии с законом, предусматривающим ответственность именно за это деяние и никакие отступления от этих требований недопустимы, т.е. квалификация административного проступка по аналогии не допускается и является грубым нарушением закона.

По особенностям конструкции состава административного правонарушения различают материальные и формальные составы. Материальными называются составы в которых содержится такой признак, как наступление вредных материальных последствий – деяние, или описывается действие само по себе обязательно влекущее вредное последствие.

Формальными составами называются те в которых нет обязательного признака наступления вредных материальных

последствий (нарушение паспортного режима). Признаки состава правонарушения охватывают его правление как в объективной, так и в субъективной сферах и подразделяются на 4 элемента:

1. Объект;
2. Объективная сторона;
3. Субъект;
4. Субъективная сторона.

Объект правонарушения – общественное отношение или совокупность общественных отношений, охраняемых законом на которые посягает правонарушение, причем для материальных составов необходимо для признания объекта фактическим наличие ущерба, причиненного объекту.

Общий объект – та группа общественных отношений, на которые посягают все административные проступки. Родовой (видовой) специальный объект – группа общественных отношений, на которые посягает однородная группа проступков (например, главы в КоАП), этот критерий выдержан не до конца, то есть законодатель в отличие от уголовного права. Непосредственный объект – те общественные отношения, на которые посягает конкретный административный проступок на конкретные общественные отношения.

Предмет правонарушения – вещи или вещества материального мира ради которых или с помощью которых, или путем повреждения, или устранения которых совершается правонарушение. Предметы с помощью которых совершаются правонарушения называется орудие правонарушения.

Признаки субъективной стороны – внутреннее психическое отношение лица к содеянному. Вина – особое психическое состояние лица, совершившего противоправное действие. Субъективная сторона включает в себя помимо вины как главного признака еще и факультативные признаки: цель, намерение, желание и др. Если факультативный признак указан в норме, то он обязателен.

Субъект проступка – совокупность признаков, характеризующих правонарушение. Субъектом выступают физические и коллективные лица. Чтобы быть субъектом проступка физическое лицо должно обладать административной деликтоспособностью (возраст 16 лет, наличие вменяемости у лица).

Лица с 16 до 18 лет (ст.13 КоАП) рассматриваются в качестве субъектов с ограниченной деятельностью.

Щеглов Д. С., Потапова Л. В.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье представлен подход к пониманию принудительной ликвидации юридического лица как правовому средству предупреждения предпринимательских правонарушений.

Ключевые слова: правовое средство, предупреждение предпринимательских правонарушений, принудительная ликвидация, юридическое лицо.

Shcheglov D. S., Potapova L. V.

FORCED LIQUIDATION OF THE LEGAL ENTITY AS A MEANS OF PREVENTING BUSINESS OFFENSES

The article presents an approach to the understanding of forced liquidation of the legal entity as a legal means of preventing business offenses.

Keywords: legal means, prevention of business offenses, forced liquidation, legal entity.

В предпринимательском праве можно считать базовым понятие «общественный хозяйственный порядок», которое было разработано профессором Г. Л. Знаменским. Это основанная на законодательстве и реальных интересах общества система правовых и экономических средств, направленная на обеспечение стабильности и эффективности хозяйствования, удовлетворение и защиту интересов хозяйствующих субъектов¹. Наряду с тем правовые средства, которые призваны связывать идеальное (цель) с реальным (результатом)², в условиях построения общественного предпринимательского порядка предназначены эффективно предупреждать предпринимательские правонарушения. В то же время распространение предпринимательских правонарушений свидетельствует о неэффективности указанных средств и о необходимости разработки предложений по их совершенствованию.

Целью статьи является определение принудительной ликвидации юридических лиц как гражданско-правового средства предупреждения предпринимательских правонарушений.

Термин «правовые средства» является довольно распространенным среди юристов на постсоветском пространстве. Юридические (правовые) средства издавна исследовались в правовой литературе. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что юридические средства обеспечения интересов предусматривают именно наличие воли, способной усвоить угрозу и воздержаться от нарушения³. Анализ исследований, посвященных этой проблеме, свидетельствует о существенных различиях в трактовке категории «правовые средства»⁴. Неоднозначность в определении указанной категории присутствует в юриспруденции и на сегодняшний день.

денции и на сегодняшний день.

В соответствии с традициями советской правовой науки правовые средства часто предлагают понимать как образно-обобщающее понятие, призванное описать все правовые явления, которые предназначены для решения социальных задач⁵.

Согласно концепции Б. И. Пугинского, правовые средства представляют собой «комбинации юридически значимых действий, осуществляемых субъектами с разрешенной степенью усмотрения и служат достижению их целей (интересов), которые не противоречат законодательству и интересам общества»⁶. Такой подход позволил Б. И. Пугинскому выделить следующие виды гражданско-правовых средств: договор, внедоговорное обязательство, средства обеспечения реализации права и юридических обязанностей, вспомогательные средства. Несмотря на обоснованную критику этого подхода⁷, следует отметить положительную сторону концепции Б. И. Пугинского, которая заключается в том, что ему первому удалось, хотя и на отраслевом уровне, обосновать вывод о целесообразности формирования нового научного направления – теории правовых средств⁸.

В свою очередь, С. С. Алексеев предложил собственный подход к пониманию сущности категории «правовые средства». Под последними предлагается понимать все субстанциональные явления правового характера, образующие правовую материю и предназначенные для достижения социально полезных целей. Такая постановка проблемы позволяет выяс-

Щеглов Д. С.

Потапова Л. В.

1 Знаменский Г. Л. Хозяйственное законодательство Украины: формирование и перспективы развития. – К.: Наукова думка, 1996. – С. 52–53.

2 Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 4–16.

3 Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. 3–4. – Москва, Издание Бр. Башмаковых, 1910 г., 01 января 1910. – № 1. – С. 639.

4 Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19; Шундикова К. В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): Дис ... канд. юр. наук: 12.00.01. – Саратов, 1999; Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 68–77; Знаменский Г. Л. Совершенствование предпринимательского законодательства: цель и средства. – К.: Наукова думка, 1980; Онуфриенко А. В. Правовые средства: системный подход как методология исследования // Вестник Запорожского юридического института МВД Украины. – 2001. – № 1 (14). – С. 69–80.

5 Правовые средства борьбы с нетрудовыми доходами / Отв. ред.: Гальперин И. М., Малейн Н. С. – М.: Наука, 1989. – С. 220.

6 Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 84–87.

7 Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 349; Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: Дис ... канд. юр. наук: 12.00.01. – М., 2001. – С. 111.

8 Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 197.

нить, что все другие институциональные правовые феномены – производные от минимальных, первичных, «примитивных» правовых средств, которые образуются путем типизации, структурного усложнения, приобретения нормативного характера⁹. В результате существенно обогащается массив данных о строении и сущностные характеристики позитивного права в целом, появляется возможность отмежеваться от обязательной привязки всех правовых явлений исключительно к нормам права, выявить уникальные характеристики последних как структурно сложных правовых средств. Как отмечает С. С. Алексеев, «...вопрос правовых средств, это не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько вопрос их особого видения в строго определенном ракурсе – их функционального назначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач... во всех случаях перед нами фрагменты правовой действительности, которые рассматриваются с точки зрения их функций, их роли как инструментов юридического воздействия»¹⁰.

Вместе с тем подход С. С. Алексеева к пониманию сущности категории «правовые средства» не является единственным. Основную научную «конкуренцию» ему составляет концепция, предложенная А. В. Малько. В контексте теории С. С. Алексеева последняя относится к феномену «решение правовой ситуации» и не является правовым средством. И наоборот, А. В. Малько предлагает включить явления правовой деятельности к смысловому кругу категории «правовые средства»¹¹.

Следует заметить, что позже С. С. Алексеев согласился с позицией А. В. Малько и отметил, что, несмотря на то, что правовые средства являются субстанциональными явлениями, в самом их бытии есть момент, содержащий перспективу использования – возможность того, что определенные субъекты «возьмут их в руки» и достигнут с их помощью нужного ожидаемого результата¹².

В доктрине предпринимательского права существенный вклад в развитие теории правовых средств принадлежит Г. Л. Знаменскому. По его известной классификации¹³, внутренние средства правовой системы собственно и являются правовыми, определяются субъективным началом цели права. Объясняя этот тезис, автор ссылается на работу Д. А. Керимова, который в зависимости от характера самой цели разделяет правовые средства на общие (нормативность, общеобязательность, обеспеченность государственным принуждением) и специфические (гражданско-, административно-, уголовноправовые методы правового регулирования общественных отношений)¹⁴.

Хозяйственно-правовые средства уже выступали в качестве предмета исследования на уровне монографических работ. Например, в диссертациях Н. М. Дятленко «Хозяйственно-правовые средства предупреждения уклонений от уплаты налогов»¹⁵ и А. А. Степанова «Хозяйственно-правовые средства

предупреждения банкротства»¹⁶. Указанные авторы, в рамках анализа существующих подходов определения категории «правовые средства», допускают характерную ошибку, когда отмечают, что Г. Л. Знаменский под внутренними правовыми средствами понимает исключительно методы правового регулирования в соответствующих отраслях права, тогда как ученый делает в работе акцент именно на методе правового регулирования как внутреннем правовом средстве¹⁷. Под правовыми средствами автор понимает «чистые продукты» правовой системы – это нормы, принципы, презумпции, правоотношения, санкции, приемы и процедуры правореализации (правовую работу). Что касается экономических средств, ученый предлагает включать в состав указанного правового порядка только те, которые способны выступать регулятором хозяйственных отношений (должны быть закреплены в правовых нормах или утверждены соответствующими компетентными органами). К последним он относит индикативные планы, программы социально-экономического и научно-технического развития, балансы материальных и финансовых ресурсов, субсидии, квоты и т.п.¹⁸ Выделенные автором признаки «экономических средств», позволяют сделать вывод, что он, собственно, пытался подчеркнуть их экономическую суть. Экономическими эти средства являются по своему содержанию, но, по сути, они также являются правовыми. Итак, согласно методу Г. Л. Знаменского, правовые средства – это не только методы правового регулирования соответствующих отраслей права. В качестве наиболее распространенных в современных условиях общеправовых средств выступают нормы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязательства, запреты, льготы, поощрения, наказания и другие, которые своими действиями показывают возможности права, его потенциал в урегулировании общественных отношений, в удовлетворении разного рода правомерных интересов индивидуальных и коллективных субъектов¹⁹.

Кроме того, для определения гражданско-правовых средств предупреждения предпринимательских правонарушений также следует вспомнить классификацию правовых средств по их юридической природе. В соответствии с этим критерием всю систему правовых средств делят на две группы:

– правовые средства субстанционального характера – средства, которые собственной системой образуют «материю права», объективированные в различных источниках права.

– правовые средства деятельностного характера – правовые средства, представляющие собой практическую деятельность по применению правовых средств субстанционального характера²⁰.

Таким образом, под гражданско-правовыми средствами предупреждения предпринимательских правонарушений

9 Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – С. 242.

10 Алексеев С. С. Теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во БЭК, 1995. – С. 218, 223.

11 Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 7–8.

12 Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6 – С. 13.

13 Знаменский Г. Л. Совершенствование предпринимательского законодательства: цель и средства. – К.: Наукова думка, 1980. – С. 58–59.

14 Керимов Д. А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – С. 381.

15 Дятленко Н. М. Хозяйственно-правовые средства предупреждения уклонений от уплаты налогов: Дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.04. «Хозяйственное право; Хозяйственное процессуальное

право» / Дятленко Наталья Николаевна; Донецк. Ин-т эконом.-правов. опыт. НАН Украины. – Донецк, 2002. – С. 24.

16 Степанов А. А. Хозяйственно-правовые средства предупреждения банкротства: Дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.04. «Хозяйственное право; Хозяйственное процессуальное право» / Степанов Александр Александрович; Донецк. Ин-т эконом.-правов. исслед. НАН Украины. – Донецк, 2006. – С. 19.

17 Знаменский Г. Л. Совершенствование предпринимательского законодательства: цель и средства. – К.: Наукова думка, 1980. – С. 59.

18 Знаменский Г. Л. Хозяйственное законодательство Украины: формирование и перспективы развития. – К.: Наукова думка, 1996. – С. 52.

19 Мамутов В., Хахулина К. Общеправовые конструкции и понятия // Юридический вестник. – 2001. – № 4 – С. 103–106; Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – С. 622.

20 Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: «Проспект», 1999. – С. 326–339.

следует понимать систему субстанциональных и деятельных явлений правового характера, с помощью которых достигается устранение или нейтрализация причин и условий существования предпринимательских правонарушений. Указанное определение позволяет в определенной мере очертить рамки исследования, направленного на разработку предложений по повышению эффективности таких средств.

Принимая во внимание вышеизложенное, правовые средства предупреждения предпринимательских правонарушений можно условно разделить на гражданско-правовые, уголовно-правовые и административно-правовые.

Особое место среди гражданско-правовых средств предупреждения предпринимательских правонарушений занимает, прежде всего, принудительная ликвидация юридического лица, которая связана с профилактикой отдельных нарушений порядка осуществления предпринимательской деятельности, а именно: а) допущение при создании юридического лица грубых нарушений закона, если эти нарушения носят неустраняемый характер; б) осуществление деятельности без надлежащего разрешения (лицензии) либо при отсутствии обязательного членства в саморегулируемой организации или необходимого в силу закона свидетельства о допуске к определенному виду работ, выданного саморегулируемой организацией; в) непредставление в течение года органам государственной налоговой службы налоговых деклараций и документов финансовой отчетности в соответствии с законом; г) осуществление деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов. По логике законодателя, прежде чем обратиться в суд с иском о принудительной ликвидации юридического лица по вышеуказанным основаниям, компетентные органы должны привлечь нарушителя к административной ответственности по статьям 14.1, 14.25 КоАП РФ или к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 170.1, ст. 173.1, 173.2 УК РФ. Поэтому принудительную ликвидацию юридического лица, как гражданско-правовое средство предупреждения предпринимательских правонарушений, следует рассматривать в контексте административно-правовых средств, направленных на профилактику: а) осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве юридического лица; б) осуществления предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна); в) осуществления предпринимательской деятельности с нарушением условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией); г) осуществления предпринимательской деятельности с грубым нарушением условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией); д) несвоевременного предоставления сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в случаях, если такое предоставление предусмотрено законом; е) непредоставления или предоставления недостоверных сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в случаях, если такое предоставление предусмотрено законом. А также, в контексте уголовно-правовых средств, направленных на предупреждение таких правонарушений: а) осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо со-

пряжено с извлечением дохода в крупном размере; б) образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц, а также предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах; в) предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице; г) приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице.

Следует отметить, что такая тесная привязка принудительной ликвидации юридических лиц к административно-правовым и уголовно-правовым средствам предупреждения предпринимательских правонарушений негативно влияет на эффективность указанных средств. Подтверждением низкой эффективности такого порядка служит Письмо Федеральной налоговой службы от 28 января 2014 г. № СА-4-14/1215, в котором приводится анализ деятельности налоговых органов по информации, представленной управлениями Федеральной налоговой службы по субъектам Российской Федерации за 9 месяцев 2013 г. Налоговыми органами в органы МВД России направлено 1340 материалов об обнаружении обстоятельств, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных статьями 173.1, 173.2 УК РФ. При этом сведений о результатах рассмотрения 585 материалов, направленных налоговыми органами, в том числе о вынесении по ним процессуального решения, не имеется. Сведения о возбужденных уголовных делах имеются только в отношении 25 рассмотренных следственными органами материалов²¹.

В связи с низкой эффективностью правовых средств предупреждения предпринимательских правонарушений в марте 2015 г. заместителем председателя Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству А. Ремезковым внесен на рассмотрение нижней палаты парламента законопроект об уголовной ответственности юридических лиц. Данный законопроект называется «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»²² (далее – Законопроект). Законопроект предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности юридического лица за различные виды преступлений – от торговли людьми до дачи взятки. К уголовной ответственности можно будет привлечь любое юридическое лицо кроме государственного и муниципального.

В качестве исключительной меры наказания, которая может быть назначена юридическому лицу, причастному к совершению особо тяжких преступлений, предусмотрена принудительная ликвидация.

21 Письмо Федеральной налоговой службы от 28.01.2014 г. № СА-4-14/1215 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165277/ (дата обращения: 17.07.2015 г.)

22 Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета РФ. – Режим доступа: http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/ (дата обращения: 17.07.2015 г.)

Законопроектом принудительная ликвидация определена как исключительная мера уголовно-правового характера, которая может быть назначена образованному на территории Российской Федерации юридическому лицу, деятельность которого была сопряжена исключительно с совершением или сокрытием преступления либо сокрытием его последствий на территории Российской Федерации, либо юридическому лицу, уставной (складочный) капитал которого более чем наполовину сформирован из имущества, полученного в результате совершения преступления.

В целом положительно оценивая концепцию законопроекта, следует отметить, что определение принудительной ликвидации юридического лица как уголовно-правовой санкции за совершенные таким юридическим лицом преступления является весьма спорным решением, которое требует глубокого и комплексного исследования.

Критически следует оценить попытку автора законопроекта в качестве последствия принудительной ликвидации юридического лица наделить суд правом признавать недействительными сделки, заключенные ликвидируемым юридическим лицом без указания на конкретные основания для признания таких сделок недействительными.

Принудительная ликвидация юридического лица как гражданско-правовое средство предупреждения предпринимательских правонарушений – это сложная процедура, регулируемая нормами гражданского законодательства, поэтому указание на применение принудительной ликвидации в качестве санкции может носить исключительно бланкетный характер без установления дополнительных оснований и последствий. В тоже время нормы, регулирующие принудительную ликвидацию юридических лиц, безусловно, требуют усовершенствования в тесной взаимосвязи с административно-правовыми и уголовно-правовыми средствами предупреждения предпринимательских правонарушений. В качестве такого усовершенствования можно предложить декриминализацию преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 170.1, ст. 173.1, 173.2 УК РФ. А признаки указанных преступлений напрямую закрепить в гражданском законодательстве, как основания для принудительной ликвидации юридического лица. Это существенно упростит процедуру и повысит эффективность принудительной ликвидации юридического лица для целей предупреждения предпринимательских правонарушений.

Выводы: под гражданско-правовыми средствами предупреждения предпринимательских правонарушений следует понимать систему субстанциональных и деятельных явлений правового характера, с помощью которых достигается устранение или нейтрализация причин и условий существования предпринимательских правонарушений.

Целесообразно декриминализировать преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 170.1, ст. 173.1, 173.2 УК РФ и усовершенствовать механизм гражданско-правовых средств предупреждения правонарушений в сфере предпринимательской деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6.
2. Алексеев С. С. Теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во БЭК, 1995.
3. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999.
4. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Издательство НОРМА, 2001.

5. Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. – М., 2001.
6. Дятленко Н. М. Хозяйственно-правовые средства предупреждения уклонений от уплаты налогов: Дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.04. «Хозяйственное право; Хозяйственное процессуальное право» / Дятленко Наталья Николаевна; Донецк. Ин-т эконом.-правов. опыт. НАН Украины. – Донецк, 2002.
7. Знаменский Г. Л. Совершенствование предпринимательского законодательства: цель и средства. – К.: Наукова думка, 1980.
8. Знаменский Г. Л. Хозяйственное законодательство Украины: формирование и перспективы развития. – К.: Наукова думка, 1996.
9. Керимов Д. А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972.
10. Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 1998. – № 8.
11. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – 1999. – № 2.
12. Мамутов В., Хахулина К. Общеправовые конструкции и понятия // Юридический вестник. – 2001. – № 4.
13. Онуфриенко А. В. Правовые средства: системный подход как методология исследования // Вестник Запорожского юридического института МВД Украины. – 2001. – № 1 (14).
14. Письмо Федеральной налоговой службы от 28.01.2014 г. № СА-4-14/1215 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165277/ (дата обращения: 17.07.2015 г.).
15. Правовые средства борьбы с нетрудовыми доходами / Отв. ред.: Гальперин И. М., Малеин Н. С. – М.: Наука, 1989.
16. Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: «Проспект», 1999.
17. Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета РФ. – Режим доступа: http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/ (дата обращения: 17.07.2015 г.).
18. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984.
19. Степанов А. А. Хозяйственно-правовые средства предупреждения банкротства: Дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.04. «Хозяйственное право; Хозяйственное процессуальное право» / Степанов Александр Александрович; Донецк. Ин-т эконом.-правов. исслед. НАН Украины. – Донецк, 2006.
20. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: Юрист, 1997.
21. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – Т. 3–4. – Москва, Издание Бр. Башмаковых, 1910 г., 01 января 1910. – № 1.
22. Шундилов К. В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 1999.

Атаева П. А.

ИНСТИТУТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВОВЫХ НОРМ В ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье на примере Республики Дагестан поднимаются вопросы формирования института гражданских отношений и правовых норм в дагестанском обществе как фактора стабильности общества, ведь в современном мире не изжиты национальные конфликты. Дагестан представлен 33 национальностями и всеми авраамическими конфессиями, и при этом этот регион является примером религиозной и национальной толерантности.

Ключевые слова: Республика Дагестан, Россия, законопроект, межнациональное согласие, стабильность, общество.

Ataeva P. A.

THE INSTITUTE OF FORMATION OF CIVIL RELATIONS AND LEGAL NORMS IN DAGESTANIAN SOCIETY

In this article, on the example of the Republic of Dagestan the issues of formation of the institute for public relations and legal norms in the Dagestania society as a factor of social stability are raised, since the national conflicts are the feature of modern world. Dagestan represented by 33 nationalities and all Abrahamic faiths being an example of religious and national tolerance.

Keywords: Republic of Dagestan, Russia, bill, international harmony, stability, society.

Динамика дагестанских политических процессов оказывает многоаспектное воздействие не только на региональную, но и общероссийскую политическую стабильность. Дагестан мог стать эпицентром противоречий и конфликтов разного уровня, и тому был ряд объективных причин, среди которых можно выделить и важное геополитическое положение региона, и «этапные» особенности современного регионального развития, и сложный конфессиональный состав населения, и включенность Дагестана в систему региональных этнополитических отношений.

Следовательно, проблема стабилизации этнополитических процессов в Дагестане на современном этапе приобретает повышенную актуальность и требует специального всестороннего исследования.

Дагестан уникален на всем земном шаре. Если Кавказ известен миру как наиболее этнически пестрый регион, то Республика Дагестан в этом отношении, бесспорно, занимает первое место. Достаточно сказать, что здесь, на небольшой по размерам площади (50,3 тыс. кв. км), живут 14 народов, кроме них, еще 16 этнических групп со своими языками, традициями и территориями расселения и, наконец, около шестидесяти, иногда называют свыше ста, национальностей России, ближнего и дальнего зарубежья. Дагестан неслучайно называют краем дружбы. Но это еще не означает, что здесь проблемы межэтнических отношений решены полностью. Они существуют и не так просты. Но вековой опыт добрососедства позволяет народам нашей республики смотреть на эти проблемы трезво и решать их на базе общегуманистических принципов. Дагестанцы издавна осмыслили, что культура межнациональных отношений формируется веками и передается из поколения в поколение не только правителями, руководителями, идеологиями, а просто людьми, которые на тысячелетнем опыте знают истинную цену добрососедского существования.

В Дагестане издавна функционирует социальный институт формирования гражданских отношений и правовых норм, создаваемых самим народом. Так, сельский джамаат, действуя на основе им же самим созданных прав и моральных установок, осуждал и осуждает насилие, национализм, национальную рознь, пропаганду исключительности и превосходства

Атаева П. А.

одной нации над другой. Этот социальный институт в условиях нашей республики выступал и выступает как механизм регулирования многих острых вопросов.

В Дагестане существовал также суд по маслихату, т.е. по примирению. Он искусно примерял враждующих, сеял добро, преодолевая конфликты и кровопролития.

Известно, что такие острые социальные конфликты, как убийство, нанесение ран и увечий, похищение женщин или же межобщинные конфликты на почве нарушения границ и так далее, как правило, в большинстве случаев завершались мировой (маслаатом), ведущую роль играли третейские судьи и народная дипломатия. Однако были случаи, когда разрешение конфликтных ситуаций путем вмешательства третейской стороны еще не предусматривалось. К таким конфликтам, например, относилось убийство в вообще и по восходящей линии в особенности, за такие убийства, как правило, в большинстве дагестанских обществ предусматривался ostracism. Вот как в подобном случае вершилось правосудие в кумыкских обществах. Когда убивали: отец сына или сын отца, или старший брат младшего, или младший старшего, или мать, или сестру и если за кровь вступить не было между ними близких людей, то тогда в этого убийцу весь народ стрелял из ружья с проклятиями.

Члена тухума (рода), ведущего порочный образ жизни, в некоторых обществах изгоняли из тухума или джамаата (общины) в зависимости от содеянного, а в других – дозволялось его лишить жизни, и такой порядок в отдельных дагестанских обществах в XIX в. сохранялся. Были также общества, в которых предусматривалось обязательное изгнание аморального члена из своего тухума или джамаата, и такая процедура была кодифицирована в нормах обычного права этих обществ.

В дагестанских обществах изгой также формально не отказывали в гостеприимстве, но в то же время возмутитель спокойствия, неудобный в своем тухуме или джамаате, также не нужен был в любом другом сообществе. У горцев такого называли «апараг», то есть пришелец и соответственно к нему относились. У аварцев по отношению к таким пришельцам сложилась поговорка «Апарагасул рукъ – росу рагIалда, хоб – хабал рагIалда», означавшая – «дом пришельца – на окраине

села, и могила – на краю кладбища». В положении пришельцев в зависимости от содеянного преступления, чаще всего оказывались кровники.

Помимо физического остракизма безнравственного члена тухума или джамаата в горских обществах могли подвергнут моральному остракизму. Так, он не мог баллотироваться на выборные должности в джамаате или же присягать за себя и быть соприсягателем для очищения близких при судопроизводстве. Также члены джамаата избегали с порочным членом вступать в брачные, торговые или иные деловые отношения, и таким образом происходило нравственное самоочищение и поддержание чистоты в социокультурном пространстве на микро- и макроуровнях.

Тот моральный вакуум, который сегодня так болезненно чувствуется, мог быть заполнен основными моральными ценностями наших народов, унаследованными от предыдущих поколений.

Сложность состоит в том, как совместить их с изменившимися условиями современного мира. Думается, что и здесь можно найти выход. Чем-то, конечно, придется поступиться. Ведь массовый отход людей от моральных ценностей произошел, скорее всего, из-за недооценки этих ценностей. К сожалению, не превратились они в убеждения, не стали повседневным жизненным ориентиром подавляющего большинства граждан. Добиться же этого можно, если относиться к традиционно горским моральным ценностям уважительно, как к основам общедагестанского единства. Но здесь есть свои проблемы. Известно, что начиная с конца 80-х годов XX в. государство, средства массовой информации стали пропагандировать не общероссийские нравственные ценности, созвучные общечеловеческим ценностям, а культ насилия, жестокости и др., разрушающие положительные ценности.

Национальное согласие и стабильность в республике осуществляется в непростой общественно-политической ситуации. Реальную угрозу национальному согласию представляют активное проникновение радикализма, утверждение нетрадиционных для Северного Кавказа искаженных норм ислама, на почве которых нередко вспыхивает мусульманское межконфессиональное противостояние.

«События последних лет в Дагестане показали, что радикализм с его агрессивной-агитационными установками и претензиями на монополизацию священной истины – это путь к хаосу и распаду под привлекательными лозунгами борьбы за чистоту веры», – справедливо отмечает профессор А. К. Алиев. «В то же время, нельзя упускать из виду, что радикализм как оппозиционное движение, может аккумулировать в себе протестные, социально-направленные идеи. При отсутствии в Дагестане грамотной, цивилизационной политической оппозиции многие отчаявшиеся люди, особенно молодежь, могут связывать с радикализмом возможность прямого социального протеста».

В связи с этой опасностью старейшины Северного Кавказа в марте 1998 года обратились к народам Северного Кавказа с призывом объединить призывом объединить «наши усилия и волю, чтобы никто не смог нас разъединить по национальному или религиозному признакам, создающим угрозу вековому укладу жизни на Северном Кавказе». События, происходящие в нашей стране, убедительно свидетельствуют о том, что сфера межэтнических отношений чрезвычайно чувствительна к происходящим политическим и экономическим изменениям, особенно радикального характера.

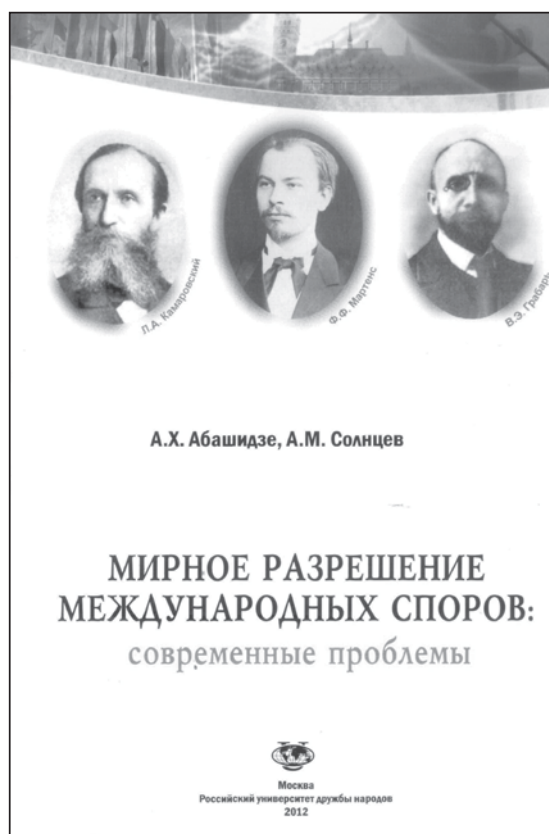
Исторический опыт нашей республики в области регулирования межэтнических отношений, сохранения мира и

межэтнического согласия, на наш взгляд, имеет не только локально ограниченное, сугубо дагестанское значение, он может быть использован и в других национально напряженных регионах.

Опыт нашей республики в сохранении национального мира и согласия уникален уже тем, что в ней главенствующее значение отводится совокупности общезначимых принципов, понятных гражданам Дагестана и проверенных на их историческом опыте. Это мир, толерантность, осознание принадлежности к общему дому – Дагестану. Сам этот исторический опыт нашей республики, позволивший в истории и позволяющий в современности избегать межэтнических драм и трагедий, может и, возможно должен быть использован другими народами, регионами в тех же целях.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулатипов Р. Г. Концепция государственной национальной политики Республики Дагестан. Проект // Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. М., 1998.
2. Агаев А. Г., Магомедов Р. М. Дагестанское единство. История и современность. Махачкала, 1995
3. Алиев А. К. Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. Махачкала, 2003. С. 158. См.: Дагестанская правда. 1998. 1 октября.
4. Магомедов М. М. Дагестанское единство: история и современность. Махачкала. 1995.
5. Мусаева А. Г. Правовые и этически-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. С. 75-77.

Самусевич А. Г.

СЛУЖЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается процессуальная деятельность компетентных должностных лиц в сфере реализации дисциплинарной ответственности. Проблемными вопросами являются понятие и суть служебного расследования и его роль в достижении объективной истины по совершенному дисциплинарному проступку. Кроме того, в статье анализируется законодательная основа служебного расследования и практика его применения. Выделяются характерные черты служебного расследования и определяются пути повышения его эффективности.

Ключевые слова: служебное расследование, дисциплинарная ответственность, механизм реализации юридической ответственности, дисциплинарное наказание.

Samusevich A. G.

AN INTERNAL INVESTIGATION IN THE MECHANISM OF REALIZATION OF THE DISCIPLINARY RESPONSIBILITY

The article discusses the procedural activities of the competent officials in the implementation of disciplinary responsibility. An important issue is the concept and the essence of internal investigation and its role in achieving the objective truth of a disciplinary offense. In addition, the article examines the legislative framework of internal investigation and practice of its implementation. The characteristics of an internal investigation and ways to enhance its effectiveness are determined.

Keywords: an internal investigation, disciplinary responsibility, mechanism for the implementation of legal liability, disciplinary sanctions.

Самусевич А. Г.

Сегодня проблемы функционирования правовых механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в той или иной сфере жизнедеятельности остаются наиболее важными. В частности, большое значение имеют вопросы обеспечения прав трудящихся, которые вовлечены в процесс реализации дисциплинарной ответственности. Если обратиться к практике привлечения к дисциплинарной ответственности, то выясняется, что за 2013 г. всего по вопросам реализации дисциплинарной ответственности, например, государственной инспекцией труда в Иркутской области проведено 233 проверки, по результатам которых отменено 77 дисциплинарных взысканий и 39 работников восстановлены. За период 2-го полугодия 2014 г. 35 дисциплинарных взысканий отменено и 51 работник восстановлен¹. Приведенные данные указывают на то, что обозначенная автором тема актуальна и имеет теоретическое и прикладное значение.

Проблема заключается в том, что на практике закрепился общий порядок, когда руководитель организации в пределах своих полномочий при обнаружении совершения сотрудником дисциплинарного проступка проводит служебную проверку, по результатам которой привлекает правонарушителя к юридической ответственности, нередко в виде увольнения. Чаще всего такая проверка проводится с обвинительным уклоном и заранее заготовленным решением о наложении наказания. Причем, в ряде случаев, единственным доказательством является лишь письменное объяснение провинившегося работника. Как видится, издание каких-либо распорядительных актов (приказов или распоряжений), оформляющих решения субъекта служебной проверки, должно базироваться на установлении соответствующих фактических обстоятельств, с одной стороны, – predeterminedемых непосредственно конкретной ситуацией, а с другой – оцениваемых с применением некоторых общих процедур. Представляется верной точка

зрения Е. Н. Тонкова: «Отсутствие стандартных требований к достаточному обоснованию выносимых решений, необходимому описанию аргументативных последовательностей – позволяет правоприменителям сокращать мотивировочную часть актов применения до полного отсутствия обоснований выносимого решения»². Это утверждение вполне подходит и для процедуры служебного расследования.

Можно с сожалением констатировать, что правовая природа служебного расследования исследована не достаточно полно. В частности, исчерпывающим образом пока еще не найден ответ на вопрос: что представляет собой служебное расследование и какое место в механизме реализации дисциплинарной ответственности оно занимает? Кроме того, отсутствует и единство во взглядах и подходах к пониманию сущности, структуры и содержания служебного расследования. Ряд исследователей пользуются несколько иной терминологией: «служебная проверка» или «дисциплинарное производство». В частности, Л. В. Завгородняя отождествляет служебную проверку с административно-правовой процедурой, представляющей собой «определённый комплекс мероприятий, уполномоченных на то должностных лиц, по своевременному, всестороннему, полному и объективному сбору и анализу материалов по факту совершения дисциплинарных проступков...»³. Как видим, автор обоснованно рассматривает такую процедуру в виде совокупности необходимых мероприятий, которые направлены на познание дисциплинарного проступка.

В свою очередь, неразработанность теоретических аспектов такого вида расследования в ряде случаев негативно ска-

1 Статистические данные предоставлены государственной инспекцией труда в Иркутской области.

2 Ромашов Р. А., Ветютнев Ю. Ю., Тонков Е. Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. – СПб.: Алетея, 2015. – С. 73.

3 Завгородняя Л. В. Служебная проверка в механизме привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 12 (31). – С. 45.

зывается на правоприменительной практике в трудовых правоотношениях. Поэтому смысл традиционного учения о служебном расследовании в механизме реализации дисциплинарной ответственности не может быть понят вне связи с анализом его теоретических оснований, что и предполагается сделать в рамках данной статьи.

Для более полного понимания рассматриваемой темы необходимо использовать комплексный подход к общетеоретической характеристике института служебного расследования, в первую очередь, в его процессуальном проявлении, «сопровождающем» реализацию материальных норм, регулирующих отношения дисциплинарной ответственности, а также исследовать механизм реализации дисциплинарной ответственности с точки зрения его динамических характеристик.

В свете сказанного механизм реализации дисциплинарной ответственности может быть представлен в виде *системы взаимодействующих элементов, посредством которых осуществляется процесс воплощения в жизнь предписаний норм трудового законодательства адресату, совершившему дисциплинарный проступок, с целью привлечения его к дисциплинарной ответственности*⁴. Он первым воспринимает и содействует началу движения правоотношений дисциплинарной ответственности. Абстрактно говоря, в механизме содержится исходный «направитель», который состоит в упорядочении и закреплении правоотношений дисциплинарной ответственности и содействует динамическому развитию этих отношений. Его основное назначение – перевод юридических предписаний, как общей модели поведения и действий субъектов правоотношения дисциплинарной ответственности в конкретные действия для эффективного претворения в жизнь предписаний правовых норм, которые были нарушены.

Представленный механизм включает в себя следующие структурно-функциональные элементы: *организационный, нормативный, инструментальный, функциональный*. Как видится, указанная концепция обладает некоторыми достоинствами – соединение инструментального и динамического подходов. Рассмотрим более подробно каждый элемент представленного механизма реализации дисциплинарной ответственности.

1. *Организационная составляющая механизма реализации дисциплинарной ответственности* представляет собой совокупность правосубъектных субъектов, вовлеченных в процесс реализации дисциплинарной ответственности. Субъектом дисциплинарной ответственности может быть только лицо, находящееся в трудовых (служебных) правоотношениях с работодателем. В свою очередь следует отметить, что отличительной чертой правоотношения дисциплинарной ответственности является то, что решение о применении мер такого вида юридической ответственности, по результатам служебного расследования, принимает не компетентное лицо государства, а должностное лицо организации, где работает нарушитель дисциплины, наделенный соответствующими полномочиями (например, директор предприятия, руководитель учреждения и т.п.). Кроме того, отношения рассмотренных субъектов носят субординационный характер, так как они не равны друг перед другом. Неравность заключается в том, что в процессе реализации дисциплинарной ответственности одному субъекту (работодателю) принадлежит право издавать властные указания (например, приказ об увольнении

работника в связи с совершением им дисциплинарного проступка), а у другого субъекта (работника) появляется обязанность эти предписания исполнять. Однако здесь следует иметь в виду, что о нарушении принципа равенства всех перед законом речь не идет. В данном случае речь идет о работодателе как о субъекте, который осуществляет правоприменительную деятельность, в свою очередь, работник является субъектом, в отношении которого данная деятельность осуществляется. Таким образом, в рамках данных правоотношений речь идет не о неравенстве указанных субъектов, а о властных полномочиях одного из них. В данном случае вполне возможно говорить о правоприменительной деятельности работодателя. В этой связи убедительной видится точка зрения некоторых авторов, согласно которой правоприменительная деятельность работодателя – это «властная деятельность, заключающаяся в подготовке и издании им индивидуально-определенных актов с целью установления субъективных прав и юридических обязанностей работников или с целью оформления возникшего на основании иных правовых актов результата»⁵.

2. *Нормативная составляющая механизма реализации дисциплинарной ответственности* – нормативная правовая база, регламентирующая поведение всех субъектов, участвующих в процессе реализации дисциплинарной ответственности. Сразу оговоримся, что, рассматривая теоретические аспекты служебного расследования, автор столкнулся с общей правовой неурегулированностью данной деятельности. Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей трудовые правоотношения, показывает, что единого порядка организации и проведения служебных расследований (проверок) ни Трудовым кодексом РФ, ни какими-либо другими общезначимыми нормативными актами федерального уровня не установлено. Однако некоторые аспекты служебного расследования все же встречаются как в трудовом законодательстве, так и в нормативных актах, регулирующих прохождение отдельных видов государственной службы. Так, ст. 193 ТК РФ, регулируя порядок применения дисциплинарных взысканий, дает право работодателю до применения дисциплинарного взыскания затребовать от работника письменное объяснение. Кроме того, ст. 229.2 ТК РФ регламентирует порядок проведения расследования несчастных случаев, в соответствии с которым при расследовании каждого несчастного случая комиссия выявляет и опрашивает очевидцев происшествия, лиц, допустивших нарушения требований охраны труда, получает необходимую информацию от работодателя (его представителя) и по возможности объяснения от пострадавшего. Пожалуй, это единственные нормы ТК РФ, в которых в тех или иных вариациях упоминается термин «служебное расследование» и регламентируется порядок его проведения.

3. *Инструментальная составляющая механизма реализации дисциплинарной ответственности* включает в себя юридические средства, при помощи которых реализуется данный вид юридической ответственности. Их исследованию уделяется значительное внимание в общетеоретическом и отраслевом аспектах. С. Ю. Филиппова определяет правовые средства как «...не противоречащие правовым нормам инструменты, предназначенные, пригодные и достаточные для достижения

4 См., напр.: Самусевич А. Г. Расследование правонарушений: теория процесса: Монография / Под ред. Р. А. Ромашова. – Иркутск: ИрГТУ, 2014. – С. 23.

5 Васильев М. В., Кириллова Л. С. Пределы правоприменительной деятельности работодателя // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Т. 155. – Кн. 4. – С. 21.

6 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства. – 2002. – № 1. (Часть 1). – Ст. 3.

правовой цели»⁷. В зависимости от полномочий субъектов и содержания деятельности по реализации права, В. А. Сапун разделяет правовые средства в механизме реализации права на две группы, одна из которых определяется как: «...используемые правоприменительными органами, обладающими государственно-властными полномочиями в процессе правоприменительной деятельности – построения правоприменительных актов, индивидуальных предписаний, разнообразные процессуально-процедурные формы, типовые юридические документы, правовые положения, восполняющие пробелы в праве, санкции в их материализованном продолжении и т.п.»⁸. Особенностью правовых средств реализации юридической ответственности является то, что они применяются в особой сфере, преследуют специфические цели (разрешают задачи). Для достижения любой цели необходимы соответствующие средства. Именно в средстве своей реализации та или иная цель получает определенность или конкретность⁹.

На основании сказанного, можно предположить, что служебное расследование, в совокупности способов и методов, выступает как «правовое средство-деяние», с помощью которого достигаются цели дисциплинарной ответственности – привлечение правонарушителя к ответственности и применение к нему санкций, закрепленных в норме права.

4. *Функциональная составляющая механизма реализации дисциплинарной ответственности* характеризуется правоотношениями, в рамках которых реализуются права и обязанности субъектов. «Функциональная составляющая механизма реализации юридической ответственности, – вполне справедливо отмечает Е. А. Козловских, – характеризует данный феномен в динамике его действия. Кроме того, данный элемент включает в себя непосредственно охранительные правоотношения, в рамках которых субъекты реализуют определенные их правовыми статусами корреспондирующие права и обязанности»¹⁰. В свою очередь, правоотношение дисциплинарной ответственности характеризуется активной деятельностью по применению правовых норм, которой и является служебное расследование.

Прежде чем перейти к анализу содержания института служебного расследования, необходимо отметить, что будем рассматривать его исходя из двух взаимосвязанных подходов: *институционального* и *функционального*.

Рассматривая институт служебного расследования с точки зрения *институционального* подхода, отметим, что он представляет собой отраслевой институт права, объединяющий правовые нормы, регламентирующие порядок возбуждения и проведения мероприятий по выявлению, систематизации и юридической квалификации фактов, характеризующих противоправное деяние как дисциплинарный проступок.

С точки зрения *функционального* подхода служебное расследование выражено в форме правоприменительной деятельности специальных субъектов права, о чем говорилось выше. В связи с этим служебное расследование является процессуальной формой правоприменительной деятельности субъектов, ведущих расследование. Такая форма служит од-

ной из гарантий точного и неуклонного применения, соблюдения и исполнения юридических норм. Целью служебного расследования, по мнению Е. А. Клокова, является «создание необходимых условий для принятия, по расследуемым обстоятельствам, законного и обоснованного решения, принятия мер по восстановлению нарушенного порядка, защиты прав и интересов государства, граждан...»¹¹.

По общему правилу служебное расследование проводится по фактам нарушений, совершенных работниками или должностными лицами того или иного ведомства или организации, и представляет собой процедуру по выяснению обстоятельств совершенного дисциплинарного проступка путем сбора фактических данных и сведений, а также осуществления их проверки и оценки. При этом хотелось бы отметить, что в литературе и законодательстве указывается, что фактическим основанием служебного расследования является юридический факт – дисциплинарный проступок, причинение материального ущерба, недостача, порча вооружения, боеприпасов, случаи сокрытия от учета или нарушения условий хранения оружия, происшествия, недостача грузов и т.д.

Задачам настоящей статьи в наибольшей мере отвечает предложение Л. В. Завгородней относить к фактическим основаниям служебной проверки, во-первых, факт совершения дисциплинарного проступка, а во-вторых, наступление событий и происшествий, требующих юридической оценки. Процессуальным основанием служебной проверки является решение о проведении служебной проверки, принятое представителем нанимателя¹². Однако здесь необходимо добавить, что для реализации дисциплинарной ответственности необходимо еще одно основание – нормативно-правовое (наличие нормы, за нарушение которой предусмотрена дисциплинарная ответственность). Таким образом, представленные элементы основания реализации дисциплинарной ответственности в своей совокупности играют решающую роль для ее возникновения и дальнейшего развития.

Что же представляет собой процессуальная форма (служебное расследование) реализации дисциплинарной ответственности? В. В. Касюлин предлагает оперировать более широким понятием – «дисциплинарная проверка», в которое он включает «процедурную деятельность по применению мер дисциплинарных поощрений и юрисдикционную деятельность по применению дисциплинарной ответственности»¹³. В то же время в административном праве некоторые авторы дисциплинарное производство обычно связывают с применением мер дисциплинарной ответственности¹⁴. Н. П. Маюров считает, что «порядок применения мер дисциплинарного воздействия – это закрепленный нормативным актом правовой механизм, включающий условия, правила и средства регулирования правоотношений в сфере использования прямыми начальниками мер поощрения и взыскания»¹⁵.

7 Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. – М.: Статут, 2011. – С. 53.

8 Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: Дисс. ... д-ра. юрид. наук. – СПб., 2002. – С. 61–62.

9 Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». – М., 1968. – С. 68.

10 Козловских Е. А. Механизм реализации юридической ответственности в сфере правоприменительной деятельности органов внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 47.

11 Клоков Е. А. Административное расследование в органах внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – С. 27.

12 Завгородняя Л. В. Служебная проверка в механизме привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 12 (31). – С. 46.

13 Касюлин В. В. Проблемы дисциплинарной практики органов внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 47.

14 См., напр.: Корнев А. П. Административное право России: Учебник. – М., 2001. – С. 261 и др.

15 Маюров Н. П. Дисциплинарные правоотношения в советской милиции (1917–1991 гг.) (историко-правовое исследование): Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005. – С. 21.

Служебное расследование, как и любая процессуальная деятельность, развивается циклично, следовательно, имеет ряд последовательных этапов (стадий). Например, Ю. С. Адушкин различает следующие стадии: стадию возбуждения производства по делу; служебную проверку или расследование; рассмотрение дела и принятие решения; пересмотр дела; исполнение наложенного взыскания¹⁶. Ю. Н. Полетаев предлагает следующие стадии: 1) выявление дисциплинарного проступка и расследование представителями нанимателя (или другим уполномоченным должностным лицом) дела; 2) вынесение представителем нанимателя решения о необходимости привлечения гражданского служащего к дисциплинарной ответственности и выбор применяемой меры ответственности; 3) исполнение дисциплинарного взыскания; 4) обжалование взыскания; 5) прекращение дисциплинарного дела в связи с окончанием срока действия дисциплинарного взыскания или досрочным его снятием¹⁷. Более верной представляется позиция Е. А. Никонорова, отмечающего, что стадиями можно признать: возбуждение дисциплинарного производства, выяснение обстоятельств совершенного дисциплинарного правонарушения, принятие решения по делу, пересмотр принятого решения (данная стадия является факультативной), исполнение принятого решения¹⁸.

Как видится, в представленных концепциях имеется один недостаток – две последние стадии (пересмотр и исполнение решения), по нашему мнению, осуществляются за рамками служебного расследования и являются самостоятельными формами юридического процесса, осуществляемыми самостоятельными компетентными органами.

С учетом сказанного, можно сделать вывод о том, что служебное расследование – это деятельность уполномоченных лиц организаций, предприятий и ведомств, направленная на всестороннее установление фактических обстоятельств совершенного дисциплинарного проступка, с целью реализации мер дисциплинарной ответственности в отношении правонарушителя.

Пристатейный библиографический список

1. Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР / Под ред. В. М. Манохина. – Саратов, 1986.
2. Васильев М. В., Кириллова Л. С. Пределы правоприменительной деятельности работодателя // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Т. 155. – Кн. 4.
3. Завгородняя Л. В. Служебная проверка в механизме привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 12 (31).
4. Касюлин В. В. Проблемы дисциплинарной практики органов внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
5. Клоков Е. А. Административное расследование в органах внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005.

6. Козловских Е. А. Механизм реализации юридической ответственности в сфере правоприменительной деятельности органов внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
7. Коренев А. П. Административное право России: Учебник: В 3-х частях. – Ч. 1. – М., 2001.
8. Маюров Н. П. Дисциплинарные правоотношения в советской милиции (1917–1991 гг.) (историко-правовое исследование): Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. – СПб., 2005.
9. Никоноров Е. А. Институт служебной проверки в административном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
10. Полетаев Ю. Н. Правовое положение государственных гражданских служащих в сфере труда. – М.: Городец, 2005.
11. Ромашов Р. А., Ветютнев Ю. Ю., Тонков Е. Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. – СПб.: Алетейя, 2015.
12. Самусевич А. Г. Расследование правонарушений: теория процесса: Монография / Под ред. Р. А. Ромашова. – Иркутск: ИрГТУ, 2014.
13. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002.
14. Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». – М., 1968.
15. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. – М.: Статут, 2011.

16 См.: Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР. – Саратов, 1986.

17 См.: Полетаев Ю. Н. Правовое положение государственных гражданских служащих в сфере труда. – М.: Городец, 2005.

18 Никоноров Е. А. Институт служебной проверки в административном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 49.

Хатунцев О. А.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ КАК КОНФЛИКТНОЕ ПОЛЕ ГРАЖДАНСКОГО И ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье проведен сравнительный анализ норм гражданского и земельного законодательства, регулирующих вещные права на земельные участки. Автору удалось выявить противоречия в данной сфере общественных отношений и предложить пути их решения, в частности, уделено особое внимание праву постоянного (бессрочного) пользования земельным участком и сервитуту; аргументируется мнение, что с принятием и изменением ЗК РФ существенно меняется режим прав на чужие вещи, в результате чего оказались не применимыми ряд статей ГК РФ, а также положения иных федеральных законов.

Ключевые слова: постоянное (бессрочное) пользование земельным участком, сервитут, право частной собственности на землю, управление и распоряжение земельным участком.

Khatuntsev O. A.

LEGAL REGIME OF THE REAL RIGHTS FOR THE LAND PLOTS AS CONFLICT FIELD OF CIVIL AND LAND LEGISLATION

In article the comparative analysis of the standards of the civil and land legislation regulating the real rights for the land plots is carried out. The author managed to reveal contradictions in this sphere of the public relations and to offer ways of their decision, in particular, the special attention to the right of continuous (termless) use of the land plot and to an easement is paid; the opinion is reasoned that with adoption and amendment of the Land Code of the Russian Federation the mode of the rights for others things significantly changes therefore there were not applicable number of articles of the Civil Code of the Russian Federation, and also provisions of other federal laws.

Keywords: continuous (termless) use of the land plot, easement, right of a private property for the earth, management and order land plot.

Многообразие и равенство форм собственности на землю сегодня является одним из базисных положений Конституции РФ. Появление частной собственности на землю явилось причиной возникновения и развития многообразия ограниченных вещных прав на земельные участки. Наличие, наряду с правом собственности, иных форм землепользования характерно для разных исторических периодов России. Со дня вступления в силу Земельного кодекса (далее – ЗК) РФ 25 октября 2001 г. существенно изменился правовой режим вещных прав. В частности, значительно пострадало право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, которое затем, с принятием Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, фактически исчезает из земельного законодательства, но остается еще в гражданском законодательстве (п. 1 ст. 216, ст. 268, 269 ГК РФ).

Право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком существовало до возвращения в РФ права частной собственности на землю. Именно правом постоянного (бессрочного) пользования земельными участками наделялись советские предприятия и учреждения. Главным признаком этого права была его безвозмездность. Стоило бы так и назвать это право «правом безвозмездного пользования», которое, надо заметить, появилось в последней редакции ЗК РФ, но в качестве самостоятельного вещного права, не совпадающего с правом (постоянного) бессрочного пользования.

Упоминание в числе субъектов права постоянного (бессрочного) пользования органов государственной власти и органов местного самоуправления, с точки зрения некоторых юристов, выглядит несостоятельно даже в земельном законодательстве, регулирующем отношения, круг субъектов которых несравненно шире круга субъектов имущественных

отношений, регулируемых гражданским законодательством². По мнению Н. Н. Мисника, с позиции гражданского права органы государственной власти и органы местного самоуправления не правосубъектны. Они своими действиями могут лишь приобретать и осуществлять имущественные права и обязанности, личные неимущественные права от имени подлинных субъектов гражданского права: Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Соответственно, своими действиями они могут приобретать и вещные права. Но такие действия — это полномочия самих публичных образований. И вещные права приобретаются в этих действиях именно публичными образованиями, а не их органами. Уже одно это свидетельствует о том, что органы государственной власти и органы местного самоуправления не являются субъектами вещных (как, впрочем, и любых иных видов гражданских) прав. Предположение о том, что здесь законодатель имеет в виду ситуацию, согласно которой приобрести право постоянного (бессрочного) пользования могут лишь те органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые приобрели свой гражданско-правовой статус путем регистрации в качестве учреждений, не выдерживает критики. Такие учреждения могут быть только государственными или муниципальными, а о них указанные выше статьи Кодексов говорят как о субъектах названного права отдельно от органов государственной власти и местного самоуправления. По мнению Н. Н. Мисника, никакая специфика земли не может оправдать того, что рассматривая ее как объект гражданских прав, как вещь, мы вдруг начинаем указывать субъектов вещных прав на нее иных, чем определенных гражданским законодательством. Это могут быть лишь субъекты, обозначенные в ст. 2 ГК РФ: физические лица, юридические лица и публичные образования. Никакие органы власти, трудовые коллективы, отдельные работники и т.п. такими субъектами быть не могут³.

1 Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 30.06.2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3377.

2 Мисник Н. Н. Приведение гражданского и земельного законодательства в соответствие друг с другом: попытки, итоги, пути // Закон. – 2008. – № 3. – С. 53–64.

3 Там же.

Правило п. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса»⁴ предписывает всем юридическим лицам (за исключением указанных в п. 2 ст. 39.9 ЗК РФ) «...переоформить право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или приобрести земельные участки в собственность...». С другой стороны, в п. 6 той же статьи установлено, что «коммерческие и некоммерческие организации могут переоформить свое право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на иное право». Отсюда возникает вопрос, имеют ли право или обязаны юридические лица, не попавшие в список п. 2 ст. 39.9 ЗК РФ, переоформлять право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком?

Ведь не случайно ответ на этот вопрос полностью замалчивается самим ЗК РФ. Нигде в действующей редакции ЗК РФ не вменена организациям обязанность переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, более того ст. 45 ЗК РФ, которая устанавливает основания прекращения права постоянного (бессрочного) пользования, не предусмотрено прекращение права ввиду его не переоформления.

В связи с вышеизложенным на законодательном уровне остается не решенным вопрос, какова судьба земельных участков, право постоянного (бессрочного) пользования на которые не будет переоформлено в установленные сроки. Ранее ВАС РФ уже решил подобную коллизию⁵.

Так, законом РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе»⁶ уже вводилась обязанность переоформления права пользования земельными участками в определенный срок. Однако, как установил арбитражный суд, законодатель, предусмотрев обязанность переоформления права, определил сроки для исполнения такой обязанности, но при этом не закрепил непереоформление права как основание для его прекращения. К тому же, как мы уже отмечали, ст. 45 ЗК РФ не предусматривает подобного основания для прекращения права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком. Следовательно, при нарушении владельцем права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком сроков его переоформления, само право у него останется.

Стоит отметить, что законодатель вводит штрафные санкции за непереоформление права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками, вероятно, в расчете на то, что риск возникновения неблагоприятных последствий стимулирует субъектов данного ограниченного вещного права на его переоформление в надлежащие сроки, которые уже неоднократно продлевались.

С 1 января 2013 г. вступила в силу ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 212-ФЗ⁷, которая вводит в главу 7 Кодекса РФ об административных правонарушениях ст. 7.34 «Нарушение сроков и порядка переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или сроков и порядка приобретения земельных участков в собственность». В силу

указанной статьи нарушение установленных земельным законодательством сроков и порядка переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или сроков и порядка приобретения земельных участков в собственность влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 20 тыс. до 100 тыс. руб.

В связи с вышеизложенным нам представляется неверной высказанная ранее точка зрения комментаторов ЗК РФ, что ст. 268 ГК РФ долгое время не изменялась, т.к. ст. 20 ЗК РФ в свое время сохраняла право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком за организациями, приобретшими такое право до введения в действие ЗК РФ⁸.

Кроме того, многие авторы не раз отмечали, что практически все нормы ГК РФ, которые регулировали правоотношения владельца права постоянного (бессрочного) пользования со всеми другими лицами, в частности нормы п. 2 ст. 269 ГК РФ⁹, противоречат земельному законодательству.

Отметим, что в данном пункте речь идет о собственниках зданий вообще, т.е. без оговорки, исключительно о тех юридических лицах, которые вправе обладать земельным участком на праве постоянного (бессрочного) пользования.

Вероятно, эта норма ГК РФ не может применяться во всех случаях: когда собственником недвижимости будет являться, к примеру, юридическое лицо — акционерное общество, т.к. оно не может приобрести право постоянного (бессрочного) пользования в силу запрета действующим ЗК РФ.

Право постоянного (бессрочного) пользования возникает в момент его регистрации в ЕГРП. На этом этапе появляется очевидная коллизия действующего законодательства. С одной стороны, согласно ЗК РФ, например, акционерное общество не может быть субъектом права постоянного (бессрочного) пользования, и, если следовать логике ЗК РФ, в момент обращения за государственной регистрацией указанного права может быть признано регистрирующим органом ненадлежащим лицом, что, в силу абз. 3 п. 1 ст. 20 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», будет основанием для отказа в государственной регистрации. С другой стороны, согласно п. 2 ст. 271 ГК РФ к приобретателю здания должны перейти те права на земельный участок, на котором расположено указанное здание, и которые принадлежали бывшему владельцу. Соответственно, приобретатель здания не может получить земельный участок на ином праве, отличном от права бывшего собственника.

Обратим внимание еще на один конфликт гражданского и земельного законодательства. Так, п. 3 ст. 268 ГК РФ определяет, что при реорганизации юридического лица принадлежащее ему право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком переходит в порядке правопреемства. Однако п. 2 ст. 39.9 ЗК РФ устанавливает, что земельные участки могут передаваться в право постоянного (бессрочного) пользования исключительно органам государственной власти и органам местного самоуправления; государственным и муниципальным учреждениям; казенным предприятиям; центрам исторического наследия президентов РФ, прекративших

4 СЗ РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4148.

5 См.: Обзор практики применения арбитражными судами земельного законодательства: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 27 февраля 2001 г. № 61 // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 5.

6 Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 26. — Ст. 327.

7 Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части уточнения условий и порядка приобретения прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности» // СЗ РФ — 2007. — № 31. — Ст. 4009.

8 Комментарий к Земельному кодексу РФ. Второе издание, дополненное и переработанное / под ред. Г. В. Чубукова, М. Ю. Тихомирова. — М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006. — С. 148.

9 Согласно п. 2 ст. 269 ГК РФ лицо, которому земельный участок предоставлен в постоянное (бессрочное) пользование, вправе, если иное не предусмотрено законом, самостоятельно использовать участок в целях, для которых он предоставлен, включая возведение для этих целей на участке зданий, сооружений и другого недвижимого имущества. Здания, сооружения, иное недвижимое имущество, созданные этим лицом для себя, являются его собственностью.

исполнение своих полномочий. Таким образом, ст. 39.9 ЗК РФ существенно ограничивает действие ст. 268 ГК РФ.

Отдельного внимания заслуживают положения статей 9—11 ЗК РФ, в которых соответственно установлено, что к полномочиям Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления относятся полномочия по управлению и распоряжению земельными участками, находящимися соответственно в собственности РФ, субъектов РФ и муниципальной собственности. Это прямо противоречит положениям п. 1 ст. 209 ГК РФ, где установлено, что «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». Однако комментаторы находят в тексте ЗК РФ «утраченные» правомочия владения и пользования: «Правомочие владения — возможность Российской Федерации иметь земельные участки, содержать их в надлежащем состоянии. Правомочие пользования — возможность использования Российской Федерацией федеральных земельных участков с целью извлечения их полезных свойств»¹⁰. При этом некоторые члены указанного коллектива комментаторов полагают, что правомочие пользования земельными участками Российской Федерации, субъектами РФ, муниципальными образованиями реализуется через пользование соответствующими учреждениями и предприятиями¹¹.

Прекращение права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком предусмотрено ст. 45 ЗК РФ в добровольном и принудительном порядке. Добровольный порядок прекращения права не вызывает особых проблем. В то время как принудительный порядок, который происходит всегда в конфликтном поле, весьма интересен. Остановимся на нем подробнее. Итак, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком и право пожизненного наследуемого владения земельным участком прекращаются при ненадлежащем использовании земельного участка и при изъятии земельного участка для государственных и муниципальных нужд. Ненадлежащее использование земельного участка возникает в целом ряде случаев. Например, «неиспользование земельного участка, предназначенного для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства, в указанных целях в течение трех лет» является ненадлежащим использованием земельного участка, а следовательно основанием для принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком.

Одновременно со сказанным ст. 284 ГК РФ допускает изъятие земельного участка в случае, когда такой «участок предназначен для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства и не используется для соответствующей цели в течение трех лет» только собственником. Прекращение права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком или права пожизненно наследуемого владения земельным участком и изъятие таких участков у владельцев нормами ГК РФ не предусмотрено.

Таким образом, можно констатировать, что с принятием и изменением ЗК РФ существенно меняется режим прав на чужие вещи, в результате чего оказались не применимыми ряд статей ГК РФ, положения иных федеральных законов, связанных с традицией не принимать во внимание ранее принятые законодательные акты, регулирующие рассматриваемые отношения.

Для решения данных проблем требуется огромная работа со стороны не только законодателя, но ученых юристов по приведению всех гражданско-правовых и земельно-правовых нормативных актов в соответствие друг с другом.

В свете проводимой реформы российского гражданского законодательства одним из ее результатов, возможно, станет исключение из перечня действующих ограниченных вещных прав на землю права постоянного (бессрочного) пользования. Правда, Концепция развития гражданского законодательства¹² еще упоминает право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, но относит его только к государственной или муниципальной собственности, проект № 47538-6¹³ уже не включает указанное право в число ограниченных вещных прав (п. 2 ст. 223 ГК РФ в редакции проекта). В этом, на наш взгляд, воплотилось намерение разработчиков Концепции, зафиксированное в п. 6.6 разд. IV: право постоянного (бессрочного) пользования не должно возникать в будущем.

Еще одним видом ограниченных прав на вещи является *сервитут*¹⁴, под которым, как правило, понимается ограниченное вещное право на недвижимое имущество, но чаще всего именно на земельный участок, не совпадающее с правом собственности, которое позволяет пользоваться некоторыми свойствами земельного участка или другого объекта недвижимости, принадлежащего третьему лицу.

Впервые в законодательстве РФ сервитут появился в 1994 г., когда Указом Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 были приняты «Основные положения государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 01 июля 1994 года»¹⁵. Настоящим Указом Президента РФ были установлены отдельные публичные сервитуты, обременяющие земельный участок для прохода и проезда, эксплуатации дорожной инфраструктуры и размещения межевых и геодезических знаков.

Затем законодатель закрепил сервитут в п. 1 ст. 216 ГК РФ, указав его в списке ограниченных вещных прав. Глава 17 ГК РФ уже подробнее говорит о сервитутах как о праве ограниченного пользования чужим земельным участком (статьи 274—277). Такие сервитуты в науке гражданского права принято называть положительными.

Зарубежному законодательству известны отрицательные сервитуты, когда собственник земельного участка может быть сам ограничен в праве пользования своим участком¹⁶. К примеру, Германское гражданское уложение в § 1018 содержит такое определение сервитута: «Земельный участок может быть обременен в пользу собственника другого земельного участка таким образом, чтобы последний имел право использовать чужой земельный участок в определенных случаях, или чтобы на чужом земельном участке не могли совершаться определенные действия, или чтобы было исключено осуществление права, которое следует из права собственности на обремененный земельный участок в отношении господствующего земельного участка»¹⁷.

Справедливости ради надо сказать, что отечественному законодательству были тоже известны отрицательные сервитуты, хоть они и не назывались таковыми. В частности Типовым

10 См.: Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации (ст. 9) / рук. авт. кол. М. В. Бархатов. — М.: Юрайт-издат, 2002 // СПС «КонсультантПлюс».

11 Там же.

12 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // СПС «ГАРАНТ».

13 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «ГАРАНТ».

14 Понятие «сервитут» происходит от лат. «*servitus*» — рабство, служение вещи.

15 СЗ РФ. — 1994. — № 13. — Ст. 1478.

16 Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г. В. Чубукова, М. Ю. Тихомирова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2006 // СПС «КонсультантПлюс».

17 Германское право: Германское гражданское уложение. — Ч. 1 / пер. с нем.; науч. ред. В. В. Залесский. — М.: МЦФЭР, 1996. — С. 228.

уставом садоводческого товарищества¹⁸ предусматривался запрет пользователям дачных земельных участков «производить посадку плодовых деревьев на расстоянии не менее 3 м., кустарников – не менее 1 м. от границ садового участка».

Концепция развития гражданского законодательства также предусматривает деление сервитутов на положительные и отрицательные. В силу п. 5.2 разд. IV Концепции «по общему правилу сервитут состоит в обязанности собственника служащей вещи пассивно претерпевать воздействие на его вещь со стороны сервитуария, и только в случаях, прямо предусмотренных законом, в силу сервитута может предполагаться совершение активных действий собственником служащей вещи».

Проект № 47538–6¹⁹, вводя понятия служащей и господствующей вещи²⁰, ставит деление сервитутов на положительные и отрицательные в зависимости от воли собственника господствующей вещи. Так, когда по праву сервитута собственник господствующей вещи получает право использовать служащую вещь, сервитут является положительным. Когда же собственник господствующей вещи запрещает собственнику служащей вещи пользоваться такой вещью определенным образом — возникает отрицательный сервитут.

Объектом сервитута являются земельный участок или здания и сооружения, или иное недвижимое имущество. При этом объектом сервитута может оказаться не только соседствующая с господствующей вещью недвижимость, но и в необходимых случаях другая недвижимость²¹. С учетом того, что в силу ст. 277 ГК РФ здания и сооружения и другое недвижимое имущество обременяется сервитутами по правилам, применяемым к земельным участкам, в дальнейшем будем рассматривать правовой режим земельных сервитутов.

В соответствии с пп. 2, 3 ст. 274 обременение земельного участка сервитутом не лишает собственника участка прав владения, пользования и распоряжения этим участком. Сервитут может устанавливаться по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником недвижимого имущества. При недостижении соглашения по установлению сервитута либо при несогласовании условий установления обременений, сервитут может быть установлен судом по иску лица, требующего его установления.

По правилам п. 1 ст. 23 ЗК РФ сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством. При этом ЗК РФ вводит понятие «публичный сервитут», не известное ГК РФ. По смыслу п. 2 ст. 23 ЗК РФ публичный сервитут устанавливается законом или иным нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, нормативным правовым актом органа местного самоуправления в случаях, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения, без изъятия земельных участков. Установление публичного сервитута осуществляется с учетом результатов общественных слушаний.

Особенностью публичных сервитутов является их правовое регулирование преимущественно в актах специального (прежде всего, земельного и природоресурсного) законодательства. Учитывая наименование, данный сервитут часто рассматривают как публично-правовую категорию. Между тем публичный земельный сервитут исходно есть явление, скорее, частного права, поскольку он не только генетически сформировался в рамках гражданско-правовой науки, но и опирается на гражданско-правовые подходы к регулированию общественных отношений.

Другой особенностью публичных сервитутов является тот факт, что они не устанавливаются в пользу какого-либо конкретного лица. Именно по этой причине многие юристы считают, что публичные сервитуты не представляют собой ограниченного вещного права, а лишь устанавливают «пределы прав публичных или частных собственников соответствующих недвижимостей»²².

С учетом изложенного практическое применение норм по установлению публичных сервитутов испытывает существенные затруднения в использовании данного института, растет число споров, вызванных их неправильным пониманием и применением.

Проверка соответствия признаков общей конструкции сервитута и действующей законодательной модели публичного сервитута позволяет утверждать, что значительная часть характерных черт сервитута в публичном сервитуте отсутствует. К примеру, не возникает особого вещного права, чаще всего нет и двух взаимосвязанных объектов недвижимости, право пользования при публичном сервитуте предоставляется неопределенному кругу лиц, а возникает сервитут исключительно в силу акта государственного органа или органа местного самоуправления.

Отсутствует признак однородности и в самих публичных сервитутах. Так, явления, определяемые как публичный земельный сервитут, принято делить, по крайней мере, на три различные группы. Во-первых, иногда публичным сервитутом необоснованно называют способы формирования объекта недвижимости (например, при межевании, установлении идентификационных номеров и пр.). Во-вторых, выделяется группа ситуаций, в которых речь идет об определении объема прав собственника, и правовое воздействие здесь исчерпывается формированием границ права собственности. При этом новых прав у других лиц (что характерно именно для сервитутов) не возникает. Такие сервитуты было бы правильно относить к ограничениям права собственности. В-третьих, некоторые из публичных сервитутов по своей конструкции явно тяготеют к частным сервитутам. Таковы, например, случаи введения публичным образованием сервитута в пользу определенных энергоснабжающих организаций, коммунальных служб и т.п. По нашему мнению, именно за этими сервитутами следует сохранить данное наименование. У таких сервитутов публичным следует оставить лишь способ введения, в остальной же части их правовой режим должен совпадать с режимом частных сервитутов (в том числе обязательным является заключение договора с собственником обслуживаемого участка).

На основании изложенного сделаем **вывод**: большая часть публичных сервитутов, указанных в п. 3 ст. 23 ЗК РФ, не имеет признаков общей конструкции сервитута, поэтому эта их часть должна быть квалифицирована как публично-правовые ограничения права собственности или вообще исключена из системы ограничений права собственности.

18 Утвержден Постановлением Совета Министров РСФСР от 31 марта 1988 г. № 112 // СПС «ГАРАНТ».

19 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «ГАРАНТ».

20 Земельный участок, здание или сооружение (**служащая вещь**) могут быть обременены правом ограниченного пользования управомоченного лица (сервитутом) для осуществления принадлежащего этому лицу права собственности на земельный участок, здание или сооружение, в том числе незавершенное строительство (**господствующая вещь**), если использование такого земельного участка, здания или сооружения по назначению невозможно без установления сервитута (п. 1 ст. 301 ГК РФ в редакции проекта).

21 Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г. В. Чубукова, М. Ю. Тихомирова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2006. — С. 163.

22 См.: Суханов Е. А. Гражданское право: в 2 т. — Т. 1. — М., 1998. — С. 594—595; Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. — Ч. 2. — М., 1997. — С. 22; Уткин Б., Сарьян Е. Что такое сервитут? — М.: Эж-Юрист, 2001. — С. 4.

Согласно п. 2 ст. 41 ЗК РФ права лиц, использующих земельный участок на основании сервитута, определяются договором, а права лиц, использующих земельный участок на основании публичного сервитута, определяются законом или иным нормативным правовым актом, которым установлен такой сервитут.

Однако можно утверждать, что акт государственного или муниципального органа об установлении публичного сервитута является актом применения права, а не нормативным. В противном случае мы должны признать, что данные органы управомочены создавать нормы права, регулирующие гражданско-правовые отношения; между тем в соответствии с п. 1 ст. 3 ГК РФ вопросы гражданско-правового регулирования отнесены к исключительной компетенции Российской Федерации.

Именно принцип сочетания интересов общества и законных интересов граждан, согласно которому регулирование использования и охраны земель осуществляется в интересах всего общества (подп. 11 п. 1 ст. 1 ЗК РФ), является первопричиной возможности установления публичных сервитутов²³. В связи с тем, что норма, регулирующая порядок установления публичного сервитута, является императивной, он не может быть установлен ни судебным решением, ни каким-либо иным образом, помимо соответствующего акта органа публичного образования.

Более того, публичный сервитут вводится в соответствии с п. 2 ст. 23 ЗК РФ в случае, «если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения». В связи с этим в работе анализируется состав лиц, в интересах которых данный сервитут может вводиться, и критически оценивается законодательное определение условий его установления; например, не указано, что публичный сервитут может вводиться для удовлетворения интересов также юридических лиц (организаций), отсутствует связь между публичными образованиями, указанными в гл. 5 ГК РФ, и теми лицами, нужды которых подлежат удовлетворению в результате установления публичного сервитута, и т.д.

Требовать установления публичного сервитута могут все лица, нуждающиеся в нем, однако пользователями могут быть не только инициаторы установления публичного сервитута. На практике круг лиц, в пользу которых такой сервитут устанавливается, в соответствующих актах не определяется, что вряд ли правильно. В частности, таким путем почти единственно и можно контролировать как потребность в сервитуте, так и отпадение потребности в нем (ст. 48 ЗК РФ). Концепция развития гражданского законодательства не предусматривает деления сервитутов на частные и публичные, что является дополнительным подтверждением отсутствия необходимости в такой разновидности ограниченного вещного права. Более того, проект № 47538–6²⁴ прямо предусматривает в п. 2 ст. 301 запрет на установление сервитута для неопределенного круга лиц.

При этом сервитут может быть постоянным или устанавливаться на определенный срок. Данное правило относится как к частным, так и к публичным сервитутам.

Концепцией в п. 5.1 предлагается закрепить в ГК РФ пять видов возможных сервитутов:

а) сервитуты перемещения или доступа на чужой земельный участок для прохода, проезда, прогона скота, перевозки груза и т.п.;

б) коммунальные сервитуты;

в) строительные сервитуты — для строительства с использованием чужого здания или чужого земельного участка;

г) сервитуты для пользования участками недр;

д) сервитуты мелиорации.

Проект № 47538–6²⁵ дает некоторым из них новые названия, при этом оставляя неизменной их сущность и раскрывая содержание каждого из видов сервитутов в отдельной статье:

а) сервитут перемещения (прохода, прогона скота и проезда) — ст. 301.6;

б) строительные сервитуты (стройки, опоры) — ст. 301.7;²⁶

в) сервитуты мелиорации — ст. 301.8;

г) горные сервитуты — ст. 301.9;

д) коммунальные сервитуты — ст. 301.10.

Новацией Концепции (п. 5.7) является возможность установления нескольких видов сервитутов, обременяющих служащую вещь, ввиду того, что «ни один, ни даже несколько сервитутов не могут исчерпать обременяемое право собственности». Таким образом, несколько сервитутов, обременяющих служащую вещь, могут быть как разных видов, так и одного вида. При этом соотношение нескольких сервитутов на одну вещь определяется принципом старшинства. Проект № 47538–6²⁷ уточняет данное предложение авторов Концепции, предусматривая, что не допускается установление последующего сервитута, который приведет к невозможности осуществления ранее установленного сервитута (п. 2 ст. 301.3 ГК РФ в редакции проекта).

Руководствуясь п. 8 ст. 23 ЗК РФ, лица, чьи права и законные интересы затронуты установлением публичного сервитута, могут осуществлять защиту своих прав в судебном порядке.

Сервитуты в соответствии с п. 9 ст. 23 ЗК РФ подлежат государственной регистрации в порядке, установленном Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». При этом применяются как общие положения указанного Федерального закона, так и его специальные нормы (ст. 27), определяющие особенности регистрации сервитутов.

Еще один вид вещных прав, который подлежит регулированию и гражданским и земельным законодательством — право пожизненного наследуемого владения земельным участком.

Указанному праву посвящены статьи 216, 265–267 ГК РФ. В соответствии с законодательством, субъектом данного права может быть только физическое лицо.

В соответствии с п. 1 ст. 266 ГК РФ граждане, обладающие правом пожизненного наследуемого владения (владелец земельного участка), имеют права владения и пользования земельным участком, передаваемые по наследству. При этом по правилам п. 2 ст. 266 ГК РФ, если из условий пользования земельным участком, установленных законом, не вытекает иное, то владельцы вправе возводить на таком земельном участке здания, сооружения и создавать другое недвижимое имущество, приобретая на него право собственности. Таким образом, право пользования и право распоряжения права пожизнен-

23 Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г. В. Чубукова, М. Ю. Тихомирова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006. — С. 166 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravoedelo2007.narod.ru/articles6.htm> — sub_99109#sub_99109.

24 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «Гарант».

25 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «Гарант».

26 Такие новеллы законодателя порождают дискуссии ученых, см., например: Ершов О. Г. Строительные сервитуты // Право и экономика. — 2013. — № 1. — С. 25–31.

27 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «Гарант».

но наследуемого владения земельным участком существенно ограничены. Право пользования может быть ограничено запретом на возведение другого недвижимого имущества на земельном участке, а право распоряжения существует только в виде возможности передать такой земельный участок по наследству.

В соответствии с правилами ст. 265 ГК РФ «право пожизненного наследуемого владения земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, приобретается гражданами по основаниям и в порядке, которые предусмотрены земельным законодательством». Однако земельное законодательство полностью игнорирует такую норму ГК РФ и не устанавливает никаких оснований для предоставления земельных участков в право пожизненно наследуемого владения. Более того, земельное законодательство только закрепляет в п. 1 ст. 3 ФЗ «О введении в действие земельного кодекса РФ», что право пожизненного наследуемого владения находящимися в государственной или муниципальной собственности земельными участками, приобретенное гражданином до дня введения в действие Земельного кодекса Российской Федерации, сохраняется. Далее законодатель предлагает переоформить право пожизненного наследуемого владения земельным участком в собственность (при соблюдении определенных условий) или в аренду.

Как мы уже отмечали, правомочия владельца такого участка на праве пожизненного наследуемого владения по распоряжению земельным участком весьма ограничены.

Однако, как замечает М. Ю. Тихомиров, запрет на распоряжение указанным земельным участком не ограничивает право его владельца на возведение на соответствующем участке объектов недвижимого имущества (п. 2 ст. 266 ГК РФ), так как указанное право реализуется в рамках правомочия пользования земельным участком, а не распоряжения²⁸.

По поводу права пожизненного наследуемого владения земельным участком Концепция устанавливает, что данное право, совместно с правом постоянного (бессрочного) пользования, должны быть сохранены без установления какого-либо срока, на который оно сохраняется, и без изменения его содержания. При этом Концепция предлагает не предоставлять земельные участки на таких правах в будущем.

Проект № 47538-6²⁹ не только не включает такие права в число ограниченных вещных прав, но и не содержит о них ни одного упоминания. Таким образом, несмотря на безусловно прогрессивный характер вносимых изменений, на данный момент остается непонятным, что произойдет с указанными правами, в какой из видов ограниченных вещных прав, предлагаемых проектом, они трансформируются и каков будет порядок этой трансформации.

Одним из промежуточных результатов реформы гражданского законодательства станет расширение круга вещных прав на земельные участки. По замыслу разработчиков Концепции в законе должны быть закреплены две основные группы ограниченных вещных прав на земельные участки. Одна группа прав должна позволять владельцам пользоваться всеми свойствами земельного участка при сохранении его свойств и целевого предназначения. Ведущим ограниченным вещным правом при таком подходе может стать право постоянного владения пользования (эмфитевзис). Другая группа прав должна предоставить возможность изменять качественное со-

стояние земельного участка с правом возведения на нем зданий и сооружений. Эту группу прав предлагается возглавить праву застройки (суперфиций).

Право застройки призвано наделить вещными правами лиц, застраивающих чужие земельные участки (разумеется с согласия собственника) и эксплуатирующих возведенные строения в последующем. В содержание права застройки входят только правомочия владения и пользования. При этом возведенные здания и сооружения на таком участке признаются собственностью владельца права застройки на срок действия такого права. Предполагается, что срок права застройки может составлять от 50 до 199 лет. В течение этого срока владелец земельного участка на праве застройки должен иметь возможность сносить построенные сооружения и заново застраивать участок. А по истечении срока права на застройку земельный участок возвращается собственнику, которому переходит право собственности на все здания и сооружения, находящиеся в окончание срока на этом земельном участке.

Идеологией такого подхода считается конструкция «единого объекта», когда собственник земельного участка должен являться и собственником строений на нем. Антипримером авторы концепции считают случаи, когда арендатор, законно построивший здание на арендуемом участке, вправе требовать получения земельного участка под зданием в собственность. Тем самым более слабое право, право аренды, поглощает более сильное право, право собственности.

Не может не вызвать справедливой критики предложение авторов Концепции использовать право застройки в случаях, когда собственники зданий и сооружений не имеют никаких прав на земельный участок. В таком случае планируется прямым указанием закона признавать право застройки на данный земельный участок за собственниками зданий и сооружений. Учитывая срочный характер права застройки и неизбежный переход права собственности на здание от собственника здания, сооружения к собственнику земельного участка, и лицо, некогда владеющее, к примеру, жилым домом на земельном участке, права на который должным образом не оформлены, по указанию закона приобретает право застройки на земельный участок, необходимый для эксплуатации своего дома. Когда же срок права застройки закончится, собственник дома или его наследники утратят свое право собственности на дом в пользу собственника земельного участка. Последний, став новым собственником, по своему усмотрению сможет как снести строение, так и передать его в аренду, т.е. распорядиться им любым образом. Данным положением, на наш взгляд, может быть нарушено одно из основополагающих конституционных прав человека и гражданина: право на жилище, предусмотренное п. 1 ст. 40 Конституции РФ.

Однако это частный случай нелогичности норм Концепции. В общем виде представляется экономически необоснованным основное свойство суперфиция: переход прав на построенный одним субъектом объект недвижимости к другому субъекту. В случае, когда, к примеру, тот или иной субъект вынужден не только финансировать строительство бизнес-центра и выплачивать собственнику земельного участка вознаграждение за его использование для строительства, но при этом по окончании срока права застройки еще и обязан передать право собственности на построенный объект недвижимости собственнику земельного участка. При этом никакой компенсации собственнику здания и сооружения от собственника земельного участка не предусмотрено.

Последовательным способом реализации конструкции «единого объекта» в подобном случае была бы выплата суперфициарию собственником земельного участка справедливой компенсации за утрату права собственности на здание или сооружение. При этом размер вознаграждения мог бы быть

28 См.: Тихомиров М. Ю. Право собственности и иные вещные права на землю. В кн. Собственность и иные вещные права на земельные участки в России. — М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2006 // СПС «КонсультантПлюс».

29 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «Гарант».

уменьшен на размер платы за пользование земельным участком за весь период действия права застройки.

Проектом № 47538-6³⁰ предусматривается положение о выплате компенсации лицу, имеющему право застройки, только в случае досрочного прекращения права застройки, которое может произойти в случае при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд.

Как отмечено выше, *право постоянного владения и пользования* (эмфитевзис) будет служить для развития сельского хозяйства, когда имеется необходимость в использовании земельного участка с извлечением плодов от его эксплуатации, но без застройки зданиями и сооружениями, за исключением построек временного характера. В содержание права постоянного владения и пользования предлагается включить только право владения и пользования. При этом предполагается, что такое право будет бессрочным, отчуждаемым и платным, возникающим на основании договора с момента его государственной регистрации (п. 6.4 разд. IV Концепции развития гражданского законодательства).

В планах Концепции распространить режим рассмотренных выше вещных прав — суперфиция и эмфитевзиса — и на иные природные объекты.

Согласно ст. 299 ГК РФ в редакции проекта № 47538-6³¹ право постоянного землевладения есть такое «право владения и пользования чужим земельным участком, устанавливаемое бессрочно или на определенный срок для ведения сельскохозяйственного производства, лесного хозяйства, организации рыболовства, рыбоводства, охоты, создания особо охраняемых территорий и геологических объектов, а также для иных предусмотренных законом целей, достижение которых связано с использованием природных свойств и качеств земельного участка».

Маловероятно, что строительство каких-либо зданий и сооружений представляет собой использование свойств и качеств земельного участка. В данном случае земля используется как территория, необходимая для строительства и дальнейшей эксплуатации построенных объектов недвижимости. Как правило, строительство ведется на землях поселений, на которых исключено ведение сельского хозяйства, создание особо охраняемых территорий и геологических объектов, а также охота. Таким образом, не понятно, почему закон ставит участника гражданского оборота, намеревающегося осуществлять строительство объекта недвижимости, перед необходимостью платить собственнику земельного участка, когда очевидно, что на земельный участок, предназначенный для строительства, не может быть права постоянного владения и пользования как минимум потому, что его полезные свойства и качества отсутствуют?

Таким образом, положения проекта № 47538-6³² развивают идеи Концепции и, возможно, смогут гармонизировать земельное и гражданское законодательства.

Автор признает, что выявленные им несоответствия норм земельного и гражданского законодательства, регулирующих вещные права на земельные участки, не являются исчерпывающими и нуждаются в дополнительных комплексных (научных и практических) изысканиях.

Пристатейный библиографический список

- 30 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «Гарант».
- 31 Там же.
- 32 Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «Гарант».

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ 166 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.07.2015).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ 166 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.07.2015).
3. Федеральный закон от 23.06.2014 № 171-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 30.06.2014. — № 26 (часть I). — Ст. 3377.
4. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части уточнения условий и порядка приобретения прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 31. — Ст. 4009.
5. Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 26. — Ст. 327.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 11.
7. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (не действует) // СПС «Гарант».
8. Германское право: Германское гражданское уложение. — Ч. 1 / пер. с нем.; науч. ред. В. В. Залесский. — М.: МЦФЭР, 1996.
9. Ершов О. Г. Строительные сервитуты // Право и экономика. — 2013. — № 1.
10. Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации (ст. 9) / рук. авт. кол. М. В. Бархатов. — М.: Юрайт-издат, 2002 // СПС «Консультант-Плюс».
11. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г. В. Чубукова, М. Ю. Тихомирова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006.
12. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. — Ч. 2. — М., 1997.
13. Мисник Н. Н. Приведение гражданского и земельного законодательства в соответствие друг с другом: попытки, итоги, пути // Закон. — 2008. — № 3.
14. Обзор практики применения арбитражными судами земельного законодательства: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 27 февраля 2001 г. № 61 // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 5.
15. Суханов Е. А. Гражданское право: в 2 т. — Т. 1. — М., 1998.
16. Тихомиров М. Ю. Право собственности и иные вещные права на землю. В кн. Собственность и иные вещные права на земельные участки в России. — М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006 // СПС «Консультант-Плюс».
17. Уткин Б., Сарьян Е. Что такое сервитут? — М.: Эж-Юрист, 2001.

Яненко О. К.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРИТ-АРТА КАК ВИДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В статье рассматривается юридический аспект уличного искусства (стрит-арт или граффити), поскольку в России такие рисунки не являются охраняемым результатом интеллектуальной деятельности, хотя многие страны мира признают их видом искусства, а лица, создавшие такие рисунки, обладают правом авторства на них. По итогам проведенного исследования автор аргументирует вывод о том, что настало время те граффити, которые имеют положительное социальное содержание и не нарушают чьих-либо прав, квалифицировать как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. Для этого следует дополнить главу 70 ГК РФ «Авторское право» новой статьей «Граффити», содержание которой построить по аналогии с другими объектами авторского права.

Ключевые слова: авторское право, вандальные надписи, гражданское право, граффити, закодированный текст, уличное изобразительное искусство, несанкционированные граффити, символика, стрит-арт, уличные рисунки.

Yanenko O. K.

THE CIVIL LEGAL CHARACTERISTIC OF STREET ART AS TYPE OF WORKS OF THE FINE ARTS

In article the legal aspect of street art (street art or graffiti) is considered as in Russia such drawings aren't the protected result of intellectual activity though many countries of the world recognize them as an art form, and the persons who created such drawings have a copyright on them. Following the results of the conducted research the author argues that it's time to qualify that graffiti which have the positive social content and don't violate someone's rights, as the protected results of intellectual activity. For this purpose it is necessary to amend chapter 70 "Copyright" of the Civil Code of the Russian Federation with the new article "Graffiti" which contents to be constructed by analogy with other objects of copyright.

Keywords: copyright, vandal inscriptions, civil law, graffiti, the coded text, the street fine arts, unauthorized graffiti, symbolic, street art, street drawings.

В современном изобразительном искусстве выделено и признается многими специалистами в качестве самостоятельного направления уличное искусство (стрит-арт), которое носит, как правило, урбанистический характер, т.е. способствует повышению уровня культурного развития населения. Многие исследователи справедливо полагают, что стрит-арт «вырос» из граффити (от итал. *graffito* — нацарапанный), которое первоначально появилось в виде наскальных или настенных рисунков еще в глубокой древности. «Авторами» этих «произведений» были первобытные люди, пытавшиеся таким образом запечатлеть происходящие события реальной действительности и за неимением материалов использовавшие скалы и камни, выцарапывая ими задуманный объект или сюжет (например, охоту на мамонта).

Позднее, несмотря на изобретение бумаги, керамики и других объектов, на которых можно сделать любой рисунок, стены и скалы по-прежнему используются в качестве «полотна». При этом менялись не только орудия труда художников (камни на краски), но и расширялся диапазон сюжетов — от простых изображений животных и людей до картин, отражающих важнейшие события жизни общества.

Вместе с тем в научной литературе, посвященной анализу произведений изобразительного и декоративн-прикладного искусства, высказано суждение, что первоначально создателями стрит-арта стали представители разных сословий и разного уровня образования, объединенные тем, что в начале своего творческого пути все они были еще подростками. В частности, такое мнение аргументирует Н. А. Цыгина. Правда, уважаемый автор все же признает, что уличное искусство начина-

Яненко О. К.

лось с граффити, подтверждением тому являются, к примеру, исторические справки о Древнем Египте или о Помпеях¹.

В настоящее время сложилась точка зрения, что стрит-арт хотя и является «родом» из граффити, но по своему содержанию «выше» граффити, поскольку их создают стритрайтеры — настоящие художники (можно вспомнить таких авторитетов, как Баския, Бэнкси, Шепард Фейри). Цели их деятельности разные, но объединяет творческий характер работ. В стрит-арте художники выражают посредством рисунков и надписей свои мысли, призывы и желания, которые, как правило, призывают зрителей к определенным действиям или общаются им различную информацию.

Российский исследователь теории и истории культуры В. В. Штепа не усматривает различий между стрит-артом и граффити и использует исторически более ранний термин «граффити», трактуя его как субкультурное направление, которое возникло на «стыке» производителей интеллектуальной продукции и нарушителей социального порядка (маргинально настроенной андеграундной части молодежи), ставящей себя в оппозицию общественным нормам и ценностям. Далее В. В. Штепа пишет, что по ряду своих характеристик граффити отличается от доминирующего типа культуры, представляя собой некую вариацию ее базовых характеристик преимущественно на быденном уровне².

1 Более подробно см.: Цыгина Н. А. Уличное искусство в контексте современной визуальной культуры // Автореф. дисс. ... канд. искусствовед. наук. — М., 2015. — С. 3–4.

2 Штепа В. В. Динамика субкультуры граффити в современной России // Автореф. дисс. ... канд. культуролог. наук. — М., 2010. — С. 8–9.

По нашему мнению, если сравнивать граффити и стрит-арт как объекты гражданских прав, то можно сделать вполне обоснованный вывод об отсутствии у них юридически значимых признаков различий. Поэтому в данной статье эти термины будут употребляться как синонимы, хотя автор допускает возможность их частичного различия, об этом будет сказано ниже.

Начиная с 2000-х годов оригинальный стрит-арт стал репродуцироваться на страницах журналов и «попал» в кадры известных кинофильмов. Так, Юрий Каданцев в 2003 г. создал первый отечественный полноцветный журнал «Улица», в котором представил работы самых активных на тот момент райтеров, рисовавших на стенах и поездах столицы. Спустя десять лет на основе этого журнала было запущено онлайн-издание CODE RED, в котором помимо граффити и уличного искусства появились отдельные разделы, посвященные искусству, дизайну и уличной культуре³. Известный режиссер документального кино Яков Назаров в 2005 г. снял фильм «Дети проходных дворов», в котором показал не только процесс создания стрит-арта, но и представил интервью с реальными стритрайтерами, «обнажив» их идеи, проблемы.

Граффити и стрит-арт вызывают постоянный научный интерес у филологов, психологов, искусствоведов, философов, которые изучают их как различные виды социальной деятельности, в том числе на уровне диссертаций. В качестве примера можно назвать работы А. Ю. Ларионовой⁴, Т. С. Стрелковой⁵, Н. И. Тюкаевой⁶. В этих и других исследованиях граффити рассматриваются как источник различных проявлений личности (социальных, психологических и др.). Некоторые авторы изучают граффити с точки зрения истории, поскольку в них могут содержаться важные сведения прошлого, культуры, письменности⁷; анализируются местонахождение надписей и рисунков, социальная принадлежность «авторов», проводятся классификации граффити по тематическим группам, назначению надписей и рисунков и т.п. Российские психологи исследуют граффити как средство конструирования социокультурной реальности⁸. О. П. Медведева посвятила монографию «Искусство граффити» современному «уличному» искусству создания художественных композиций и надписей на любых поверхностях, как то: забор, стена, гараж и т.д. с помощью аэрозольных баллончиков⁹.

Перечень работ, посвященных стрит-арту и граффити, в вышеперечисленных сферах можно продолжить, однако эта задача выходит за рамки настоящей статьи. Поэтому обратимся именно к юридическим проблемам создания граффити и стрит-арта и предпримем попытку выявить у них юридиче-

ские признаки произведений искусства и сформулировать соответствующие выводы.

С точки зрения гражданского права России «уличные рисунки» (графффити или стрит-арт) не являются объектом правовой охраны, а потому отечественные цивилисты не уделяют им должного внимания. Именно этим обстоятельством следует объяснить тот факт, что тема граффити в современной юридической литературе анализируется крайне редко, точнее сказать, она фактически не исследована: в современной юридической литературе труды, посвященные анализу этого вида творчества, практически отсутствуют. В то же время правовые системы многих стран мира упоминают «произведения уличного искусства», именуя их как «графффити» или «стрит-арт».

Поэтому настало время и для российского законодателя сформулировать свое отношение к результатам такого творчества. Однако для этого необходимо разработать теоретическую базу, которая должна содержать не только определение данного вида «произведений уличного искусства», но и критерии их классификации, позволяющие «ввести в рамки закона» деятельность лиц, «творящих» надписи и рисунки положительной социальной направленности.

Проведя историко-правовой анализ результатов указанного вида творческой деятельности, автор предлагает определять граффити как произведение изобразительного искусства, выраженное на вещах, доступных для публичного обозрения, которое не нарушает права собственника вещей, не противоречит общественным интересам, принципам гуманности и морали. Цель граффити может быть обусловлена публичным интересом (призыв к патриотическим поступкам, благотворительности и т.п.) или иметь частный характер (привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему, продвижение товара на рынке и др.). Способ создания граффити (посредством использования краски, мела иного материала, в том числе природного) не имеет правового значения.

Итак, к настоящему времени стрит-арт получило свое признание и широко используется практически во всех странах мира. Россия не осталась в стороне от новых веяний «запада». К примеру, в соответствии с Государственной программой города Москвы «Культура Москвы на 2012—2018 годы» в рамках общегородского фестиваля «Лучший город Земли» проведен «Граффити—фестиваль», который позволил привлечь уличных художников к изменению облика города Москвы. Кроме того, был разработан сайт в сети Интернет <http://lgz—moscow.ru>, где любой житель города мог оставить заявку на создание граффити-объекта в определенном месте Москвы. По итогам данного проекта летом 2013 г. в Москве было создано 150 объектов уличного искусства, в том числе была разрисована стена сборочного цеха автозавода «Москвич», площадью почти в 10 тысяч квадратных метров. Эта «картина» занесена в российскую Книгу рекордов Гиннеса¹⁰.

В г. Костроме регулярно проводится молодежный фестиваль «СритВэй», в котором активно участвуют граффитчики, создающие в присутствии зрителей свои «полотна». Эти мероприятия проводятся по инициативе и при активном участии администрации города¹¹.

3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vltramarine.ru/pages/about>

4 Ларионова А. Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити) // Дисс. ... д-ра филолог. наук. – Екатеринбург, 2011.

5 Стрелкова Т. С. Социально-педагогические особенности возникновения, развития и функционирования подростково–молодежных граффити // Дисс. ... канд. педагог. наук. – Коломна, 2007.

6 Тюкаева Н. И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи // Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул., 2005.

7 Нахапетян В. Е. Раннесредневековые граффити Юго-Восточной Европы (VIII–X в.) // Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. – М., 2007.

8 Белкин А. И. Ментальность и социально–психологические особенности авторов граффити // Автореф. дисс. ... д-ра психолог. наук. – Казань, 2012.

9 Медведева О. П. Искусство граффити. – Ростов–на–Дону: Феникс, 2005.

10 Постановление Правительства Москвы от 20.09.2011 № 431–ПП (ред. от 18.07.2014) «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Культура Москвы на 2012–2018 год» – [электрон. ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

11 См., например, протокол пленарного совещания при Главе города Костромы от 25 октября 2010г. № 2 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Вместе с тем в любом населенном пункте можно увидеть «произведения местных и заезжих» художников, которые нередко носят явно агрессивный характер. В частности, Л. В. Арефьева и Г. А. Магомедов отмечают: «С недавнего времени проявления «языка вражды» начали «выплескиваться» непосредственно на улицы городов и поселков в виде уличных граффити, надписей на стенах домов, гаражей, ларьков, заборах, на транспорте и т.п. И присуща эта проблема не только России. В англоязычных странах для обозначения этой проблемы используется устойчивый термин hate speech — «разжигание ненависти»¹². Судебной практике известны также многочисленные споры, связанные с привлечением граждан к ответственности за создание непристойных граффити. В подтверждение этого вывода сошлемся на дело «Эзелин против Франции», по которому заявителю был объявлен выговор за участие в демонстрации, в ходе которой неустановленные лица причинили ущерб общественной собственности, нанеся на нее непристойные и оскорбительные граффити¹³.

В России городские и сельские органы местного самоуправления также вынуждены учитывать этот факт и в зависимости от содержания граффити принимать соответствующие меры. Скажем, Свердловский областной суд признал законным привлечение к административной ответственности ФГА-ОУ ВПО «Университет» (название условное) за неисполнение обязанности по содержанию фасада здания принадлежащей ему трансформаторной подстанции, выразившееся в удалении вандальных надписей (граффити) на указанной стене, сделанных неустановленными лицами. Суд отметил, что вышеуказанный факт обоснованно зафиксирован в протоколе об административном правонарушении, содержание и оформление которого соответствуют предъявляемым требованиям и подтверждены приложенными к нему фототаблицами¹⁴. Аналогичные дела рассматриваются судами многих регионов РФ. К примеру, Арбитражный суд Северо-Западного округа привлек к административной ответственности управляющую компанию за бездействие по содержанию фасада жилого дома, поскольку на фасаде здания выявлены загрязнения, содержащие непристойные граффити¹⁵.

Кроме того, как показывает практика, уличные художники в нарушение установленных запретов «расписывают» промышленные объекты, которые затем нуждаются в ремонте. Так, ФАС Западно-Сибирского округа признал повреждение лакокрасочного слоя котлов вагонов (цистерн) вследствие нанесения рисунков «граффити» и непригодность этих вагонов под налив в связи с необходимостью полной покраски котлов для восстановления знаков опасности¹⁶.

Степень распространения подобных «художеств» на различных видах транспорта такова, что подготовлен и внесен в ГД ФС РФ проект изменений ст. 11.15. «Повреждение имущества на транспортных средствах общего пользования, грузовых вагонов или иного предназначенного для перевозки и хране-

ния грузов на транспорте оборудования» Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации¹⁷.

Перечень использования граффити как в положительных, так и в отрицательных целях можно продолжить, однако и приведенных фактов, по нашему мнению, достаточно, чтобы признать необходимость квалифицировать «граффити» как гражданско-правовое явление, которому следует придать юридический статус.

В первую очередь хотелось бы обратиться к вопросу о понятии «граффити» в российском законодательстве. На уровне федеральных законов, как уже отмечено выше, граффити не регулируется и, соответственно, его содержание не раскрывается. В то же время федеральным законодательством предусмотрено несколько составов правонарушений, по которым возможно привлечение к ответственности за создание надписей или иных изображений, носящих противоправный характер или портящих имущество. В частности, можно назвать ст. 213 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) «Хулиганство»; ст. 214 УК РФ – «Вандализм»; ст. 7.17 КоАП¹⁸ РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества»; ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство»; ст. 20.3 КоАП РФ «Пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики». Обратим внимание, термин «граффити» в этих документах не употребляется, хотя участники судебных разбирательств используют именно это понятие.

Вместе с тем есть несколько нормативных правовых документов субъектов РФ, в которых граффити прямо упоминаются. Так, Правительство Москвы определило: использовать аэрогидродинамические (АГД) технологии для очистки фасадов от природных (плесени, грибка), атмосферных, грязепочвенных, нефтяных и искусственных загрязнений (например, типа «граффити») (курсив автора).

Статья 19 Закона «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» устанавливает ответственность за самовольное нанесение надписей и графических изображений (граффити) в виде предупреждения или административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до четырех тысяч рублей; на должностных лиц — от трех тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц — от двадцати тысяч до ста тысяч рублей²⁰ (курсив автора). Аналогичное определение граффити содержится и в Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 16 ноября 2007 г. № 1334 «Об утверждении Правил уборки, обеспечения чистоты и порядка на территории Санкт-Петербурга»²¹.

На основании этих примеров можно сделать вывод, что органы власти субъектов РФ рассматривают несанкционированные граффити как правонарушения, несмотря на то, что

12 Арефьева Л. В., Магомедов Г. А. Проблема разжигания национальной и религиозной нетерпимости в современных СМИ // Российский следователь. — 2012. — № 19 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

13 Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9 (09) // СПС «КонсультантПлюс».

14 Постановление заместителя председателя Свердловского областного суда от 17 февраля 2014 г. № 4а–209/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

15 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 апреля 2015 г. № Ф07-121/2015 по делу № А56-11949/2014.

16 Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 28 ноября 2012 г. по делу № А45–12392/2012.

17 Проект Федерального закона № 214900–6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

18 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — 7 января.

19 Постановление Правительства Москвы от 31.07.2007 № 651–ПП (ред. от 28.03.2012) «Об утверждении норматива города Москвы «Содержание и ремонт фасадов зданий и сооружений» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 29.08.2007. — № 48.

20 Закон СПб от 31 мая 2010 г. № 273–70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // Петербургский дневник. — 2010. — 14 июня.

21 Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 16 ноября 2007 г., № 1334 «Об утверждении Правил уборки, обеспечения чистоты и порядка на территории Санкт-Петербурга» // СПС КонсультантПлюс.

они могут оказывать и положительное социальное воздействие.

Вышеизложенное убедительно свидетельствует о необходимости формирования соответствующей нормативной правовой базы на уровне РФ с тем, чтобы «вести в рамки закона» деятельность тех лиц, которые делают надписи и создают рисунки, имеющие положительную социальную направленность.

В этой связи представляет интерес мнение некоторых авторов о соотношении «граффити» и «стрит-арт». К примеру, высказана точка зрения о том, что граффити и стрит-арт существуют как зло и добро параллельно, имея принципиальные отличия. Граффити – всегда несанкционированное, исключительно хулиганское проявление не столько творческих эмоций, сколько примитивности и абсолютного неуважения к людям. В то время как стрит-арт несет в себе положительные социальные функции, не конфликтует с законом²². Иного мнения на граффити придерживается украинский ученый Инна Головаха. Она приводит убедительные аргументы, что «граффити» – это прежде всего закодированный текст, символика которого отражает определенные события культурной, политической или общественной жизни социума, членами которого являются его исполнители²³.

Психодинамическое значение граффити состоит в том, что в силу своей анонимности настенные рисунки и надписи являются способом выражения внутреннего состояния «автора», которое может иметь и агрессию, подавляемую субъектом из-за опасности привлечения к ответственности.

Наконец, высказано суждение, что граффити – вид уличного искусства, одна из самых актуальных форм художественного самовыражения по всему миру. Существует множество разных стилей и видов граффити. Произведения, создаваемые граффити-художниками, – самостоятельный жанр современного искусства, неотъемлемая часть культуры и городского образа жизни. Во многих странах и городах есть свои известные райтеры, создающие на улицах города настоящие шедевры. К «граффити» следует отнести любой вид уличного раскрашивания стен, на которых можно найти все: от простых написанных слов до изысканных рисунков²⁴.

Сторонники вышеизложенной точки зрения классифицируют граффити по различным критериям. Например, в зависимости от места расположения, граффити могут быть *активными* или *пассивными*. К первым относят надписи и рисунки, сделанные, как правило, на внешних сторонах зданий, сооружений, в местах большого скопления людей (метро, стадион и т.п.). Вторые – размещаются внутри зданий. Это граффити в кинотеатрах, туалетах, на столах и т.п.

В зависимости от наличия официального разрешения или его отсутствия – граффити можно разделить на *законные* и *незаконные*. Так, граффити, сделанные на основании заказа, конкурса, или иного предусмотренного нормативным правовым актом основания, будут отнесены к первой группе. Неза-

конные граффити делаются по инициативе автора, без согласия соответствующих лиц, нарушают законодательство, портя чужое имущество.

По субъектному составу граффити можно классифицировать на *единоличные* и *коллективные*.

С точки зрения гражданского права «граффити» – произведение (изображение, рисунок, надпись), написанное или нарисованное физическими лицами на вещах, в том числе недвижимых. В России, как показывает практика, создатели граффити из-за опасности быть привлеченными к ответственности «за порчу чужого имущества» стремятся не оставлять «следов» своего авторства.

Вместе с тем известны многочисленные случаи, когда граффити создаются по заказу собственников или арендаторов зданий, сооружений, и авторы известны. Чаще всего такие работы осуществляют в целях рекламы (к примеру, на стене парикмахерской изображается девушка с оригинальной прической и ярким маникюром). Однако в связи с тем, что права на такие произведения не охраняются, создатели, получая вознаграждение по договору возмездного выполнения работ (подряд), не обладают интеллектуальными правами на граффити.

С нашей точки зрения, граффити как вид творческой деятельности нуждается в научном анализе, результаты которого могут быть использованы в законотворческом процессе. В этой связи предлагаем авторское определение:

– граффити – произведение изобразительного искусства, выраженное на вещах, доступных для публичного обозрения, которое не нарушает права собственника вещей, не противоречит общественным интересам, принципам гуманности и морали;

– цель граффити может быть обусловлена публичным интересом (призыв к патриотическим поступкам, благотворительности и т.п.) или иметь частный характер (привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему, продвижение на рынке и др.);

– способ создания граффити (посредством использования краски, мела, иного материала, в том числе природного) не имеет правового значения;

Легко смываемые или стираемые граффити должны быть зафиксированы в виде фотографии, слайда и т.п.

У автора граффити отсутствует право отказаться от обнародования созданного им произведения изобразительного искусства, поскольку граффити всегда является обнародованным уже в момент его создания в силу нахождения вещи, на которой оно изображено, в доступных для публичного обозрения местах. Аналогичной точки зрения придерживается В. А. Удалкин, в частности, он пишет: «...существуют произведения, право на обнародование которых осуществляется одновременно с их созданием (например, лекции, музыкальные импровизации). Группа таких произведений имеется в изобразительном искусстве. Условно такую группу произведений можно назвать произведениями «уличного» изобразительного искусства. К ним могут быть отнесены, прежде всего, граффити, ледяные и песочные фигуры, отдельные произведения садово-паркового искусства, которые имеют преимущественно изобразительные, а не декоративные черты»²⁵.

Особого внимания заслуживают изображения на асфальте. Как показывает практика, такие граффити чаще всего делаются в рекламных целях. Так, английский художник Джулиан

22 Борьба с граффити. Антивандальные покрытия силикоп антиграффити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prostrim.ru/antigrafitti.htm>

23 Головаха И. В. Социальное значение асоциальных граффити (бытование и функции современных киевских граффити) // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2. – С. 65.

24 Жизнь в каждой линии граффити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://itstep.wordpress.com/2010/05/12/%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C-%D0%B2-%D0%BA%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%BE%D0%B9-%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84-%D1%84%D0%B8%D1%82%D0%B8/>

25 Удалкин В. А. Право на обнародование произведения // Право и экономика. – 2009. – № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

Бивер, рекламируя рисунками мелом на тротуарах товары популярных производителей от компьютеров Sony и автомобилей BMW до напитка Coca-Cola и Slate, стал известным.

Однако не все надписи на асфальте или других объектах, находящихся в публичных местах, имеют статус граффити. Так, Е. А. Свиридова приходит к выводу, что изображения, представляющие собой самостоятельный результат творческой деятельности, можно назвать рекламой. При этом такое изображение будет одновременно являться объектом авторского права (произведением изобразительного искусства). В то же время обычную надпись, не обладающую новизной и оригинальностью (например, «косметолог, тел.: 00—00—00»), следует рассматривать как указатель, не содержащий элементов творчества²⁶.

Думаем, что эту позицию следует признать правильной и поддержать. Что же касается изображений (надписей, рисунков и пр.), носящих противоправный, агрессивный характер, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали, то, вне всякого сомнения, такие «художества» следует уничтожать, а их авторов привлекать к соответствующему виду ответственности. С точки зрения гражданского законодательства права на такие изображения не возникают, а сами эти изображения следует квалифицировать как «квазиграффити».

С учетом изложенного, полагаем, что настало время дополнить главу 70 ГК РФ «Авторское право» новой статьей «Граффити», содержание которой построить по аналогии с другими объектами авторского права.

Таковы некоторые актуальные правовые вопросы российского законодательства в правовой системе охраны граффити как произведений изобразительного искусства.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195—ФЗ (ред. от 22.10.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.01.2015) <http://www.pravo.gov.ru> — 23.10.2014.
2. Закон СПб от 31 мая 2010 г. № 273—70 «Об административных правонарушениях в Санкт—Петербурге» // Петербургский дневник. — 2010. — 14 июня.
3. Постановление Правительства Москвы от 20.09.2011 № 431—ПП (ред. от 18.07.2014) «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Культура Москвы на 2012—2018 год» [Электрон. ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Москвы от 31.07.2007 N 651—ПП (ред. от 28.03.2012) «Об утверждении норматива города Москвы «Содержание и ремонт фасадов зданий и сооружений» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 29.08.2007. — № 48.
5. Протокол пленарного совещания при Главе города Костромы от 25 октября 2010г. №2 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.
6. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9 (09) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление заместителя председателя Свердловского областного суда от 17 февраля 2014 г. № 4а—209/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа признан от 28 ноября 2012 г. по делу № А45—12392/2012.
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 апреля 2015 г. № Ф07-121/2015 по делу № А56-11949/2014.
10. Проект Федерального закона № 214900—6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Арефьева Л. В., Магомедов Г. А. Проблема разжигания национальной и религиозной нетерпимости в современных СМИ // Российский следователь. — 2012. — № 19 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Белкин А. И. Ментальность и социально—психологические особенности авторов граффити // Автореф. дисс. ... д-ра психолог. наук. — Казань, 2012.
13. Борьба с граффити. Антивандальные покрытия силкокор антиграффити [Электронный ресурс] <http://www.prostrim.ru/antigrafitti.htm>
14. Головаха И. В. Социальное значение асоциальных граффити. (Бытование и функции современных киевских граффити) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 2.
15. Граффити: искусство или вандализм? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.graffitimarket.ru.
16. Жизнь в каждой линии граффити [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://itstep.wordpress.com/2010/05/12/%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C—%D0%B2—%D0%BA%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%BE%D0%B9—%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B8—%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%84%D0%B8%D1%82%D0%B8/>
17. Ларионова А. Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити) // Дисс. ... д-ра филолог. наук. — Екатеринбург, 2011.
18. Медведева О. П. Искусство граффити — Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
19. Свиридова Е. А. Реклама на асфальте: правовой аспект // Образование и право. — 2011. — № 10.
20. Стрелкова Т. С. Социально-педагогические особенности возникновения, развития и функционирования подростково-молодежных граффити // Дисс. ... канд. педагог. наук. — Коломна, 2007.
21. Тюкаева Н. И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи: Дисс. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2005.
22. Удалкин В. А. Право на обнародование произведения // Право и экономика. — 2009. — № 7 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Цыгина Н. А. Уличное искусство в контексте современной визуальной культуры // Автореф. дисс. ... канд. искусствовед. наук. — М. 2015.
24. Штепа В. В. Динамика субкультуры граффити в современной России // Автореф. дисс. ... канд. культуролог. наук. — М., 2010.

26 Свиридова Е. А. Реклама как объект интеллектуальной собственности: правовой аспект: Монография. — М.: ЮРКОМПАНИ, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Фоков А. П.
**ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Автор статьи освещает основные проблемы сравнительного корпоративного права, анализирует законодательное обеспечение юридических лиц в стране и за рубежом, прогнозирует перспективы развития отечественного корпоративного права в современных экономических условиях.

Ключевые слова: сравнительное корпоративное право, наука корпоративного права, юридические лица.

Fokov A. P.
**PROBLEMS OF COMPARATIVE CORPORATE LAW: THE LEGISLATIVE PROVISION OF
LEGAL PERSONS**

The author of the article covers the main problems of comparative corporate law, analyzes the legislative provision of legal persons in the country and abroad, predicts the development prospects of the domestic corporate law in today's economy.

Keywords: comparative corporate law, science of corporate law, legal persons.

Фоков А. П.

В отечественной и зарубежной юридической литературе сравнительное корпоративное право вообще, и, в частности, учение о юридических лицах – традиционно являются объектом самого пристального внимания. Проблемы, поднимавшиеся в процессе обсуждения законопроекта о юридических лицах и допускавшие возможность своего разрешения, например, путем инкорпорации норм и институтов корпоративного права европейской континентальной системы гражданского права, либо использования законодательства о юридических лицах Украины (Хозяйственный кодекс) не только оживили, но и вызвали бурную дискуссию в среде ученых-цивилистов и практических работников.

Особенно запоминающейся стала дискуссия в 2007–2008 гг. на страницах журнала «Правоведение» академика РАН, профессора Ю. К. Толстого и профессора Е. А. Суханова¹ о месте, сущности и роли корпоративного права в условиях изменяющегося и реформируемого гражданского законодательства.

Как правильно отмечали специалисты по корпоративному праву² нельзя бездумно использовать те или иные формы и содержание юридических лиц, законодательно обеспеченных в тех или иных мировых условиях, без учета преимуществ и недостатков организационно-правовых форм хозяйственных субъектов с правовой точки зрения, дискуссионных вопросов корпоративного права.

Действительно, сравнительное корпоративное право настолько объемно и широко, что «ориентации только на европейскую континентальную систему гражданского права...без учета российских реалий»³ могут привести к новым вопросам, как научного, так и прикладного характера.

В этой связи отметим, что ранее, в 2012 г., профессор В. К. Андреев⁴ при обсуждении законопроекта гл. 4 «Юридические лица» ГК РФ, принятой Государственной Думой Российской Федерации 27 апреля 2012 г. (в первом чтении), совершенно справедливо отметил важность введения в ГК корпоративных норм.

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99 –ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁵ обозначил новеллы в законодательстве: закрепил деление юридических лиц на корпоративные и унитарные, пересмотрел систему организационно-правовых форм коммерческих и некоммерческих организаций, ввел категории публичных и непубличных обществ и иные новации.

Тем самым, полагают профессор В. К. Андреев и доцент А. Е. Кирпичев⁶, появилась основа для становления отечественного корпоративного права как науки и формирования судебной практики.

Следовательно, как правильно отмечает Председатель Конституционного Суда РФ профессор В. Д. Зорькин⁷, для нас, посвятивших себя именно этой проблематике и придающих

1 См.: Толстой Ю. К. Е. А. Суханов на путях совершенствования отечественного законодательства // Правоведение. – 2007. – № 1; Суханов Е. А. Ю. К. Толстой на путях поиска «людовского субстрата» юридического лица // Правоведение. – 2007. – № 3; Толстой Ю. К. Е. А. Суханов как зеркало отечественной цивилистики // Правоведение. Известия высших учебных заведений. – 2008. – № 1.

2 Воскресенская Е. В. Корпоративное право России и Германии: сравнительно-правовое исследование: монография. – СПб.: Астерион, 2010; Она же. International journal of experimental education. – 2011. – № 7; Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покровства: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 9; Шиткина И. Снятие корпоративной вуали в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. – 2013. – № 2.

3 Андреев В. К., Кирпичев А. Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право: Лекция. – М.: РАП, 2014. – С. 5–7.

4 Андреев В. К. Юридические лица (введение в корпоративное право: Лекция. Российская академия правосудия). – М.: 2012 (Пилотный проект).

5 Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 07 мая. – № 101.

6 Андреев В. К., Кирпичев А. Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право: Лекция. – М.: РАП, 2014. – С. 5–7.

7 Зорькин В. Д. Право – и только право // Российская газета. – 2015. – 24 марта. – № 60 (6631).

ей решающее значение, право – и только право – решающий фактор принимать или отвергать зарубежные юридические институты, а в нашем понимании – в том числе и сфере дальнейшего развития отечественного корпоративного права.

Неудивительно, что ученые недоумевают, а можно ли ограничивать корпоративное право лишь конструкцией юридического лица и полагать, что именно поэтому оно является новой подотраслью гражданского права?⁸

Наверное, в этом действительно имеется глубинный смысл, так как если обратиться к научным трудам российских исследователей, то они единодушны в том, что дальнейшее развитие корпоративного права в стране возможно только с условием учета особенностей развития экономики и рынка⁹, в противном случае мы будем постоянно ощущать иностранное вмешательство и судебные санкции в отношении деятельности акционерных обществ¹⁰.

Действительно, следует согласиться с тем, что гражданским законодательством регулируется не только деятельность юридических лиц, но и законодательно обеспечивается правовое положение участников гражданского оборота (возникновение корпоративных юридических лиц, их регистрация в Едином государственном реестре юридических лиц, основные положения корпоративного управления и др.).

В то же время можно понять и профессора Е. А. Суханова, который во введении научного труда пишет: «...законодательное признание корпоративного права составной частью (подотраслью) гражданского права... основывается на положениях Концепции развития гражданского законодательства РФ¹¹ и разработанном на ее основе проекте изменений Гражданского кодекса РФ, которыми было предложено закрепить корпоративные отношения в качестве особой, самостоятельной группы однородных отношений, регулируемых гражданским законодательством и составляющих часть его предмета, а также соответствующее этому деление юридических лиц на корпорации и некорпоративные (унитарные) организации»¹².

Таким образом, научная дискуссия ученых о становлении и развитии корпоративного права (юридического лица) в отечественных условиях может иметь место, но с обязательным условием привязки к общей авторской позиции.

В целом сравнительное корпоративное право отражает сущность и основы корпоративно-правового регулирования как континентально-европейского, так и англо-американского типа с тем, чтобы впоследствии российское гражданское зако-

нодательство избежало «ошибок и недоразумений», особенно в правоприменительной практике.

И с этих позиций, следует признать, последние научные труды профессора Е. А. Суханова в сфере сравнительного корпоративного права являются бесценным источником как для практикующих юристов, так и молодых ученых, стремящихся в своих научных исследованиях использовать ссылки на зарубежный опыт вообще, и, в особенности, американский¹³, опыт правового регулирования корпоративных отношений.

Следовательно, законодательная основа корпоративного права в России может в последующем активно развиваться и качественно улучшаться и с учетом новых современных достижений науки и техники, экономических преобразований, возникающих не только в рамках российского права, но и на стыке российского и зарубежного права, т.е. в пределах сравнительного правоведения¹⁴.

Сравнительное корпоративное право (юридические лица) применяется как в научной, так и в практической сферах юриспруденции. Так, в научной сфере оно способствует изучению отечественного корпоративного права и так или иначе оказывает помощь в изучении зарубежных правовых систем о корпорациях и корпоративных отношениях, как внутри страны, так и за рубежом.

Актуальность изучения науки сравнительного корпоративного права, несмотря на ограничительные меры политического характера в отношении отдельных российских юридических и физических лиц, – бесспорна, так как страна продолжает экономически развиваться в системе ВТО, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза. Об этом мы писали в ранее опубликованных работах¹⁵ и отмечаем в настоящее время о том, что Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ, регулирующий деятельность юридических лиц и действующий с 1 сентября 2014 г., определил новый этап в развитии теории и правоприменительной практики современного корпоративного права.

Сегодня можно признать, что практическое применение сравнительного корпоративного правоведения играет существенно более важную роль по сравнению с научным, так как оно используется в сравнительном законодательстве, сравнительном публичном и частном праве, в судебных решениях и международной судебной практике.

Сравнительное корпоративное право помогает разработчикам кодексов, в нашем случае ГК, федеральных законов о корпорациях учитывать зарубежный опыт.

Так, например, разработчики Единообразного торгового кодекса США взяли в качестве основы идеи основы Торгового кодекса Германии. Ранее Гражданский кодекс РФ исходил из общих положений модельного Гражданского кодекса СНГ, в котором был учтен богатый опыт зарубежных гражданских и коммерческих кодексов. В действующем Гражданском кодексе

8 Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М. 2014. – С. 4–5, 10.

9 См.: Грабовец А. С. Корпорации, участвующие в предпринимательской деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 1.; Карпикова Л. В. Развитие теоретических и законодательных представлений об обособленных подразделениях юридических лиц // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 6.; Мелякан Ш. Э. Коллизионные вопросы развития «до корпоративных» отношений // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 3; Мифтахова А. М., Искужин И. Р. Корпоративное управление акционерными обществами в условиях модернизации гражданского законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 12; Семивеличенко Е. А. Единство и дифференциация гражданско-правовых договоров, обеспечивающих создание, управление и прекращение юридических лиц // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8(76).

10 См.: Толстых В. Л. Резюме решений арбитражных судов от 18 июля 2014 г. по делу Юкос и Российской Федерации и компенсациях по ним // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 7.

11 См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вступ. ст. А. Л. Маковского. – М., 2009. – С. 25, 48–49.

12 См.: Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – С. 4–5.

13 Суханов Е. А. Американские корпорации в российском праве (о новой редакции гл. 4 ГК РФ) // Вестник гражданского права. – 2014. – № 5.

14 Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник. – 2-е изд. пераб. и доп. – М.: Проспект, 2013.

15 См.: Фоков А. П. Судьям: новое гражданское законодательство о юридических лицах // Российский судья. – 2014. – № 7. – С. 3–6.; Фоков А. П. Обеспечение принципа свободы договора в корпоративных отношениях юридических лиц // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 1.

американского штата Луизиана отмечаем общие черты Гражданского кодекса РФ¹⁶.

Нельзя забывать о том, что содержание основных институтов и категорий современного корпоративного права в европейской континентальной (главным образом германской) и англо-американской правовых системах достаточно точно законодательно очерчено и раскрывает понятие, предмет и основные источники корпоративного права; понятие корпорации и особенности правового статуса отдельных видов корпораций; правовой режим уставного капитала корпорации и случаи ответственности ее участников по общим долгам; правовые формы управления корпорациями и роль корпоративных соглашений; правовой статус корпоративных объединений – концернов и холдингов; особенности правового положения юридических лиц (корпораций) публичного права.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что и после принятия Федерального закона от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ, регулирующего деятельность юридических лиц и вступившего в силу с 1 сентября 2014 г. ученые и практические работники продолжают дискутировать о понимании и значении таких основополагающих категорий, как корпоративное право, корпорация, уставный фонд (твердый капитал), корпоративное соглашение и др.

По нашему мнению, в российской юридической практике следует достаточно осторожно толковать отдельные институты и категории иностранного законодательства о юридических лицах, так как порой обычный электронный перевод с иностранного языка на русский и произвольное толкование не отражают сути применимого корпоративного акта о иностранных юридических лицах¹⁷.

Знание основ зарубежного корпоративного права несомненно способствует повышению профессиональной квалификации занимающихся этой проблематикой специалистов.

К сожалению, в небольшой по формату статье трудно раскрыть всю масштабность проблем, решаемых сравнительным корпоративным правом в части эффективного законодательного обеспечения юридических лиц в родном отечестве, но как показывают изменения в гл. 4 «Юридические лица» ГК, постепенно складывается единая концепция формирования отечественного корпоративного права с учетом лучших образцов зарубежного опыта.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев В. К., Кирпичев А. Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право: Лекция. – М.: РАП, 2014.
2. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договоров об отказе об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров). – М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Воскресенская Е. В. International journal of experimental education. – 2011. – № 7.
4. Грабовец А. С. Корпорации, участвующие в предпринимательской деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 1.

5. Гурьев В. С. Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
6. Зорькин В. Д. Право – и только право // Российская газета. – 2015. – 24 марта. – № 60 (6631).
7. Карпикова Л. В. Развитие теоретических и законодательных представлений об обособленных подразделениях юридических лиц // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 6.
8. Мелякан Ш. Э. Коллизионные вопросы развития «до корпоративных» отношений // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 3.
9. Мифтахова А. М., Искужин И. Р. Корпоративное управление акционерными обществами в условиях модернизации гражданского законодательства // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 12.
10. Семивеличенко Е. А. Единство и дифференциация гражданско-правовых договоров, обеспечивающих создание, управление и прекращение юридических лиц // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8(76).
11. Суханов Е. А. Американские корпорации в российском праве (о новой редакции гл. 4 ГК РФ) // Вестник гражданского права. – 2014. – № 5.
12. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014.
13. Суханов Е. А. Ю. К. Толстой на путях поиска «людского субстрата» юридического лица // Правоведение. – 2007. – № 3.
14. Толстых В. Л. Резюме решений арбитражных судов от 18 июля 2014 г. по делу Юкос и Российской Федерации и компенсациях по ним // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 7.
15. Фоков А. П. Обеспечение принципа свободы договора в корпоративных отношениях юридических лиц // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 1.
16. Фоков А. П. Судьям: новое гражданское законодательство о юридических лицах // Российский судья. – 2014. – № 7.

¹⁶ Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: учеб.-практ. пособие. – М.: Дело, 2002. – С. 22, 24.

¹⁷ См.: Шастико А. Е. Вступительная статья проф. В. Д. Зорькина // Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: Международная коллективная монография. – М., 2009. – С. 208–209.

Толбузина Т. В.

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР С ИНОСТРАННЫМ РАБОТНИКОМ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ, ВНЕСЕННЫХ В ТРУДОВОЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

В статье освещается проблема заключения трудового договора с иностранным гражданином или лицом без гражданства в контексте внесенной в Трудовой кодекс Российской Федерации новой главы 50.1. Показывается, что данное дополнение полностью соответствует международным конвенциям МОТ, а также духу и букве российского трудового законодательства, исключая любую дискриминацию при заключении трудового договора с данными лицами.

Ключевые слова: иностранный работник, дополнение, трудовой кодекс, договор, условия труда, условия договора.

Tolbuzina T. V.

LABOR CONTRACT WITH A FOREIGN EMPLOYEE IN THE CONTEXT OF CHANGES TO THE LABOUR CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article enlightens a problem of concluding a labour contract with a foreign citizen or a stateless person in the context of the new chapter 50.1 introduced to the Labour Code of the Russian Federation.

It shows that this amendment fully satisfies ILO international conventions as well as spirit and letter of the Russian labour legislation as it eliminates any possible discrimination in the process of concluding a labour contract with a foreign citizen.

Keywords: foreign worker, supplement, labour code, contract, conditions of employment, conditions of the contract.

В данном контексте интерес представляют не только нормы, закрепленные в новой главе 50.1. Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства», но также и нормы Конвенции МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения. Данные источники характерны для обеспечения договорных трудовых отношений с участием иностранных граждан, входящих в сферу применения норм международного частного права.

В ст. 10 Конвенции определяется содержание понятия «дискриминация» по отношению к трудящимся-мигрантам. Это – неравенство возможностей и обращения в отношении труда и занятий, социального обеспечения, профессиональных и культурных прав, индивидуальных и коллективных свобод для трудящихся-мигрантов и членов их семей, находящихся в стране на законных основаниях. Исходя из п. «g» ст. 12 этой же Конвенции к дискриминации также относятся неравное обращение относительно условий труда ко всем трудящимся-мигрантам. Таким образом, нормы Конвенции МОТ № 143 непосредственно конкретизируют основополагающий принцип в сфере труда – недопущение дискриминации в трудовых отношениях мигрантов.

Разумеется, в национальном законодательстве могут устанавливаться определенные ограничения в отношении иностранных работников, которые не являются дискриминационными. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 204-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и Трудовой кодекс Российской Федерации» кодекс дополнен нормой, устанавливающей изъятие из общего порядка заключения трудового договора с иностранными работниками. В

Толбузина Т. В.

данной норме указывается, что «не является дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, если они установлены в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации в целях обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов, содействия в приоритетном порядке трудоустройству граждан Российской Федерации и в целях решения иных задач внутренней и внешней политики государства»¹. Обратим внимание на то, что данное дополнение вполне соответствует трудовому законодательству большинства развитых стран, в особенности в отношении приоритетного трудоустройства своих граждан. Например, Кодекс труда Франции содержит раздел «Иностранная рабочая сила и защита интересов национальной рабочей силы», регламентирующий доступ иностранцев к трудовой деятельности в данной стране².

В настоящее время правовую основу в регулировании трудовых договоров с иностранными работниками составляют международные договоры Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации), соответствующие главы и статьи Трудового кодекса России (в частности, новая глава 50.1. (статьи 327.1.–327.7.)). Если международным договором Российской Федерации, отмечается в ст. 15 Конституции РФ, установлены иные правила, чем предусмотренные в законе, то применяются нормы международного договора. Однако в отношении норм Конституции России эта норма не действует, ибо нормы Конституции являются приоритетными в отношении норм международных договоров.

До названного дополнения в Трудовой кодекс РФ в отношении иностранных работников действовали лишь общие положения ст. 11 ТК РФ, распространявшиеся «на трудовые отношения иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, созданных или учрежденных ими либо с их участием, работников международных организаций и иностранных

* См.: Федеральный закон «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 13 Федерального Закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” изменений, связанных с особенностями регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» от 21 ноября 2014 г. № 409-ФЗ.

1 Трудовое право. – 2013. – № 9. – С. 6.

2 Кривенький А. И. Международное частное право: Учебник. – 2-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. – С. 229.

юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации». Теперь же по-прежнему действующие статьи главы 11 «Заключение трудового договора» ТК РФ дополнены новыми положениями главы 50.1. в отношении заключения трудового договора с иностранным гражданином или лицом без гражданства, что кардинальным образом меняет и существенным образом облегчает правовое регулирование данного процесса. Кроме общих положений новая глава 50.1. определяет:

- особенности заключения трудового договора с работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства (ст. 327.2.);
- перечень документов, предъявляемых иностранцами при приеме на работу (ст.327.3.);
- особенности временного перевода таких работников (ст.327.4.);
- особенности отстранения их от работы (237.5.);
- особенности прекращения трудового договора с ними (237.6.);
- особенности выплаты им выходного пособия (327.7.).

Трудовой договор, заключенный с иностранным работником, помимо обязательных условий, предусмотренных ныне действующим Трудовым кодексом РФ, может содержать положения, заимствованные из трудового права того государства, откуда прибыл иностранный работник, а также из международных конвенций и международных договоров России, что полностью согласуется с регулированием международного частного права. И. Я. Киселев справедливо отмечает, что с точки зрения отечественной доктрины международного частного права государство может согласиться на изъятие из правила о применении к данному договору своего внутреннего права и допустить применение к нему иностранного права. Последнее должно иметь тесную связь с данным трудовым отношением, т.е. не ухудшать положение работника по сравнению с российским законодательством и не нарушать императивные нормы трудового права РФ³.

Наряду с документами, предусмотренными ст. 65 ТК РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства дополнительно предъявляют работодателю: договор (полис) добровольного медицинского страхования, кроме случаев, если работодатель заключил с медицинской организацией договор о предоставлении платных медицинских услуг иностранному работнику или апатриду, и случаев, установленных федеральными законами или международным договором; разрешение на работу или патент, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международным договором РФ; разрешение на временное проживание в России, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международным договором РФ; вид на жительство, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами или международным договором РФ.

Разрешение на работу может быть предъявлено иностранным гражданином или лицом без гражданства после заключения ими трудового договора, если заключенный и оформленный в соответствии с настоящим Кодексом трудовой договор необходим для получения разрешения на работу. В данном случае трудовой договор вступает в силу не ранее дня получения иностранным работником разрешения на работу. Причем сведения о разрешении на работу вносятся в трудовой договор в порядке, установленном ч. 3 ст. 57 настоящего кодекса.

Кроме того, при заключении трудового договора поступающий на работу иностранный работник не предъявляет работодателю документы воинского учета, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международным договором РФ, указами Президента России, постановлениями Правительства Российской Федерации.

В ТК РФ включено положение, согласно которому при заключении трудового договора с иностранным гражданином работодатель вправе требовать документы, подтверждающие законное пребывание и нахождение иностранного гражданина на территории России. Такими документами могут быть: виза, миграционная карта, разрешение на временное проживание, вид на жительство. Эти документы позволяют работодателю определить, к какой категории относится данный иностранный гражданин и, следовательно, какие существуют правила для его привлечения к трудовой деятельности.

Как уже отмечалось, особую значимость представляет разрешение на работу. Без разрешения на работу иностранному гражданину запрещается быть участником трудового отношения. Однако, исходя из смысла ч. 3 ст. 13.1 Федерального закона «О правовом положении иностранного гражданина в Российской Федерации», разрешение на работу может быть получено и после заключения трудового договора, но выполнять трудовую функцию иностранный гражданин может только с момента получения разрешения на работу. В связи с этим работодатель имеет право требовать у работника разрешения на работу. Согласно ст. 18.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации⁴, за привлечение иностранных граждан к работе без разрешения на работу работодатель несет ответственность в виде административного штрафа либо административного приостановления деятельности.

В соответствии со ст. 67 Трудового кодекса Российской Федерации договор должен быть заключен в письменной форме в двух экземплярах, один из которых передается работнику. Однако на практике возникает большое количество споров из-за не вполне полного понимания работником сути документов, составленных на русском языке. С учетом этого работодатель должен составлять два экземпляра договора для иностранного работника, которые будут иметь равную юридическую силу: на языке, понятном иностранному работнику, и на русском языке.

Пристатейный библиографический список

1. Киселев И. Я. Труд с иностранным участием. – М., 2003.
2. Кривенький А. И. Международное частное право: Учебник. Издание 2-е. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации. Официальный текст. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 13.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред.от 05.05.2014) // СПС «Консультант плюс».

3 Киселев И. Я. Труд с иностранным участием. – М.: 2003. – С. 128.

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 13.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СПС «Консультант плюс».

Такмакова Е. В.

МИНИМАЛЬНЫЙ РАЗМЕР ОПЛАТЫ ТРУДА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ

В статье рассматривается сущность минимального размера оплаты труда как одного из основных видов социальных стандартов, применяемых в Российской Федерации.

Ключевые слова: минимальный размер оплаты труда, доходы населения, социальный стандарт.

Takmakova E. V.

THE MINIMUM WAGE AS SOCIAL STANDARD

The article deals with the essence of the minimum wage as one of the major types of social standards applied in the Russian Federation.

Keywords: minimum wages, household incomes, social standard.

Такмакова Е. В.

Статья 7 Конституции РФ провозглашает один из основополагающих принципов деятельности современного демократического государства, согласно которому создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, является общегосударственной задачей. Из ч. 2 указанной статьи следует, что государство должно создавать и развивать законодательство, направленное на обеспечение достойных условий труда, в том числе его оплаты.

Государственная социальная стандартизация – это правовая регламентация приоритетных социальных нормативов и норм в качестве государственных минимальных социальных стандартов. Для решения задач в сфере потребления, обеспечения минимальных государственных социальных гарантий гражданам используются главным образом минимальные социальные стандарты.

К числу основных социальных стандартов, реально используемых в социально-экономической политике в РФ с 1992 г., относятся величина прожиточного минимума и минимальный размер заработной платы (МРОТ). Ключевую роль в регулировании существующей системы доходов населения России для большей части работающих играет минимальная заработная плата. Это связано с тем, что государственное регулирование заработной платы в основном сведено к установлению минимального размера оплаты труда, обязательного для работников предприятий и организаций всех форм собственности.

Основной целью регулирования минимальной заработной платы, как это определено в Конвенции Международной организации труда (МОТ) № 131 (1970 г.) «Об установлении минимальной заработной платы с особым учётом развивающихся стран» и в одноимённой Рекомендации МОТ № 135, должно быть предоставление лицам, работающим по найму, необходимой социальной защиты с позиции прожиточного минимума работника и его семьи¹. Таким образом, при установлении минимальной заработной платы речь идёт о целевом её предназначении – об обеспечении прожиточного минимума не только работника, но и его семьи.

Конвенция № 131 до настоящего времени не ратифицирована Российской Федерацией, хотя действующее законодательство в стране по данному вопросу не противоречит указанным документам Международной организации труда. Во

многом это связано с тем, что начиная с 1991 г. и до настоящего времени, то есть на протяжении 20 лет, МРОТ составлял от 10 до 75% прожиточного минимума только работника и не учитывал состав его семьи.

Законодательная гарантия минимального размера оплаты труда (МРОТ) в Российской Федерации введена Законом РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 10281 «О повышении социальных гарантий для трудящихся», ст. 1 которого с 1 октября 1991 г. установлен МРОТ не менее 180 рублей в месяц с условием, что в него включаются доплаты и надбавки, а также премии и другие поощрительные выплаты.

С принятием Конституции РФ 1993 г., провозгласившей установление в Российской Федерации гарантированного минимального размера оплаты труда (ч. 2 ст. 7) и право каждого на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (ч. 3 ст. 37), МРОТ приобрел «статус» конституционной гарантии. По смыслу и букве Конституции РФ каждому работнику гарантируется установленный федеральным законом МРОТ, являющийся допустимой нижней планкой вознаграждения за труд.

Статьей 2 Федерального закона от 24 октября 1997 г. 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» с 1 января 1998 г. в качестве стоимостного эквивалента, предназначенного для обоснования МРОТ, были установлены прожиточный минимум в целом по Российской Федерации – стоимостная оценка потребительской корзины (минимального набора продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности), а также обязательные платежи и сборы. Действие ст. 2 названного Закона о предназначении прожиточного (по сути, физиологического) минимума в целом по Российской Федерации для обоснования устанавливаемого на федеральном уровне МРОТ сохраняется до настоящего времени.

Кроме того, следует учитывать, что в начале 1990-х годов размер потребительской корзины был занижен на 30% и до настоящего времени не восстановлен. Это ещё больше отягощает ситуацию с регулированием доходов населения. Критерии установления минимальной заработной платы определяют материальное благополучие населения страны.

В системной целостности нормы о МРОТ были внесены в Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, действующий с 1 февраля 2002 г. Согласно ст. 133 Трудового

¹ Юридическая Россия. Федеральный правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.law.edu.ru

кодекса РФ величина МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, однако, ст. 421 Трудового кодекса определяет, что порядок и сроки поэтапного повышения МРОТ до прожиточного минимума устанавливаются федеральным законом, который до настоящего времени не принят.

Основным аргументом Правительства РФ по поводу низкого размера минимальной оплаты труда является следующий довод: при повышении минимального размера оплаты необходимо повышать тарифные ставки для работников бюджетной сферы, а это непосильно для бюджета. При этом утверждается, что реально никто заработную плату, соответствующую ее минимальным размерам, не получает.

В связи с крайне низким уровнем социальных стандартов (как МРОТ, так и величины прожиточного минимума) также встречается утверждение о том, что на самом деле МРОТ мало влияет на величину номинальной, а следовательно, и реальной заработной платы. На самом деле это не так. В более ранних работах нами была установлена взаимосвязь между величиной МРОТ среднемесячной заработной платы на примере регионов Центрального федерального округа: чем выше размер МРОТ, тем больше среднемесячная заработная плата².

Осознание того, что минимальная заработная плата не может быть одинаковой в субъектах Российской Федерации ввиду большой территориальной протяженности страны и разных природно-климатических условий, привело к тому, что с 2005 г. отдельным субъектам РФ было предоставлено право самим устанавливать региональный МРОТ, исходя из экономических возможностей.

С 1 сентября 2007 г. согласно ст. 133.1 Трудового кодекса РФ все субъекты РФ имеют право устанавливать региональный МРОТ, который не должен быть ниже федерального. Для этого им необходимо принять региональное трехстороннее соглашение между Правительством субъекта Федерации, объединением работодателей и объединением профсоюзов³.

В результате в настоящее время сложились следующие способы установления МРОТ:

1. МРОТ устанавливается на уровне федерального значения;
2. МРОТ устанавливается в процентном отношении к величине прожиточного минимума для трудоспособного населения в регионе;
3. МРОТ устанавливается в виде фиксированной суммы.

В большинстве стран государство регулирует минимальный уровень оплаты труда (Япония, Швеция, большинство стран с переходной экономикой). Однако есть страны, где государство прямо не участвует в регулировании заработной платы, а все связанные с этим вопросы решаются в рамках коллективных договоров ведущих отраслей экономики (Австрия, Германия, Финляндия, Франция).

Что касается России, то можно сказать, что минимальная заработная плата играет ведущую роль в регулировании существующей системы доходов населения, так как государственное регулирование заработной платы в основном сводится к установлению минимального размера оплаты труда, обяза-

тельного для работников предприятий и организаций всех форм собственности.

В настоящее время Минтруд РФ завершил обсуждение законопроекта, предусматривающего увеличение минимального размера оплаты труда (МРОТ) с 1 января 2016 г. на 11,9% – до 6675 рублей. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что повышение МРОТ планируется исходя из оценки инфляции в 2015 г. Исходя из аналогичных оценок, уровень МРОТ предлагается повысить с 2017 г. до 7142 рублей, с 2018-го – до 7606 рублей.

Рост МРОТ наблюдается с 2011 г., когда он составлял 4330 руб. За пять лет МРОТ увеличился на 1635 рублей. Это вряд ли можно считать существенной величиной с учетом постоянно растущей инфляции, особенно продуктовой.

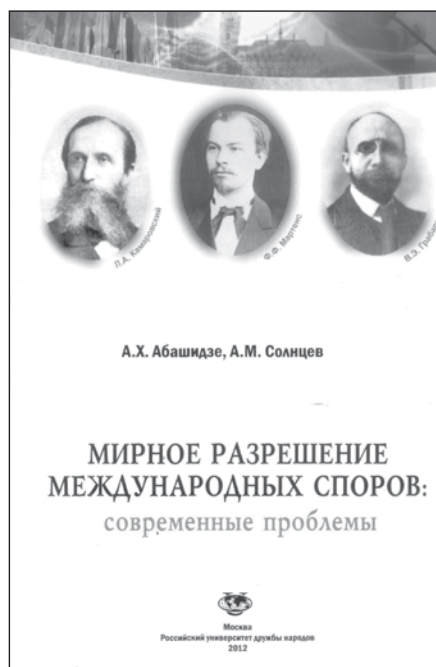
Нам представляется, что для установления оптимального уровня минимальной заработной платы следует применять ее соотношение со средней заработной платой. Использование этого показателя позволит применять минимальный размер оплаты труда, с одной стороны, как минимальную социальную гарантию для работающего населения и, с другой стороны, как один из важных элементов регулирования рынка труда. При этом возможны различные варианты регионального регулирования минимальной заработной платы в зависимости от сложившихся на определенном этапе развития экономических условий.

Пристатейный библиографический список

4. Такмакова Е. В. Тенденции формирования доходов населения в Центральном федеральном округе // Интернет-журнал «Науковедение». – 2012. – № 4(13). [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/92evn412.pdf>
5. Трудовой кодекс Российской Федерации (в ред. от 24.04.2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trudkodeks.ru/trudkodeks/trud/trudovoj_kodeks_-_glava_21.html
6. Юридическая Россия. Федеральный правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.law.edu.ru

2 Такмакова Е. В. Тенденции формирования доходов населения в Центральном федеральном округе // Интернет-журнал «Науковедение». – 2012. – № 4(13) [Электронный ресурс]. – М., 2012. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/92evn412.pdf>

3 Трудовой кодекс Российской Федерации (в ред. от 24.04.2012г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trudkodeks.ru/trudkodeks/trud/trudovoj_kodeks_-_glava_21.html

Мусаева А. Г.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН В РФ

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования труда беременных женщин. В период становления гражданского правового общества наряду с изменениями в политической сфере происходят изменения социального статуса личности. В законодательстве РФ закреплено, что семья является естественной и основной ячейкой общества, которой должна предоставляться по возможности самая широкая охрана и помощь, в особенности при ее образовании и пока на ней лежит ответственность о несамостоятельных детях и их воспитании.

Ключевые слова: правовое регулирование труда беременных женщин, мужчина и женщина, гуманизация правового регулирования труда женщин-работниц.

Musaeva A. G.

LEGAL REGULATION OF EMPLOYMENT OF PREGNANT WOMEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the issues of legal regulation of employment of pregnant women. Indeed, in the period of formation of civil society along with changes in the political sphere, changes in the social status of the person occurs. Russian legislation enshrines that the family is the natural and fundamental group unit of society, which should given the widest possible protection and assistance, in particular at its formation and while it is the responsible for dependent children and their upbringing.

Keywords: legal regulation of employment of pregnant women, a man and a woman, the humanization of the legal regulation of work of women workers.

Мусаева А. Г.

Особая охрана труда женщин начинается уже с момента приема их на работу, поскольку ст. 253 ТК РФ запрещает использование труда женщин на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными для них условиями труда, а также на подземных физических работах. Даже если сама женщина просит принять ее на такие работы, администрация не имеет на это права. Это касается и тех работ, где нормы подъема и переноски тяжестей превышают нормы, допустимые для женщин.

На облегчение условий труда женщин направлена норма ст. 253 ТК РФ, запрещающая переноску и передвижение женщинами на работе тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы. Постепенно предельная норма тяжестей для женщин снижалась.

Проблема перевода беременных женщин на более легкую работу решается на производстве, особенно в отраслях с преимущественно женским трудом, уже в течение десятилетий. Иногда возникает такая ситуация, когда беременную женщину нельзя вообще использовать из-за неблагоприятных производственных факторов ни на какой, даже более легкой работе на данном производстве, а надо обеспечить ей легкую работу в другом месте. Например, как установили медики, на производстве стекловолокна воздух пропитан пылью стекловолокна, что вредно для плода. Поэтому для беременных в подобных случаях надо организовать участки работ вне стен данного производства.

С момента, указанного в медицинском заключении, до решения вопроса о предоставлении беременной женщине более легкой и исключаяющей воздействие неблагоприятных производственных факторов работы она должна быть освобождена от работы с сохранением за счет работодателя ее среднего заработка за все пропущенные рабочие дни. Если такой более легкой работы нет, то ее освобождение может длиться с сохранением оплаты до отпуска по беременности и родам.

Если беременные женщины в соответствии с врачебным заключением переводятся на более легкую работу с работ, где положена выдача лечебно-профилактического питания, то это питание сохраняется за ними на весь период перевода и в период отпуска по беременности и родам. При переводе на более легкую работу женщин, имеющих детей до полутора лет, за ними также сохраняется лечебно-профилактическое питание до достижения ребенком полутора лет или на весь период грудного кормления (п. 4 Правил бесплатной выдачи лечебно-профилактического питания). Им оно может выдаваться на дом в виде готовых блюд, даже если они работали на этих работах неполное рабочее время.

Для облегчения условий труда беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет, коллективными договорами и социально-партнерскими соглашениями могут создаваться в этих целях специализированные цеха, участки, рабочие места, в том числе на долевых началах для нескольких производств района, города.

В сельской местности запрещено применение труда беременных женщин в растениеводстве и животноводстве с момента выявления беременности. Поэтому администрация обязана освободить от такой работы беременную женщину (с сохранением прежнего среднего заработка) на основании справки о наличии беременности, и специального медицинского заключения в этом случае не требуется.

Для беременных женщин и кормящих матерей в сельской местности предусмотрена бесплатная выдача продуктов питания, производимых хозяйством.

О важности вопросов положения женщин-матерей в обществе, свидетельствует выделение их в самостоятельный предмет международно-правового сотрудничества государств в рамках международно-правовой отрасли – международная защита прав человека. Социальная защита прав женщин направлена на обеспечение им равных с мужчинами прав во всех сферах общественной жизни; физиологические способности

женского организма, выполнение женской особой социальной функции – материнства, вызвали существование специальных норм, стоящих на страже интересов женщин.

Ключевые слова: правовое регулирование труда женщин, положения женщин-матерей в обществе, социальная защита прав женщин, работающие матери.

Период становления гражданского правового общества наряду с изменениями в политической сфере, происходят изменения социального статуса личности. В международно-правовых документах говорится, что семья является естественной и основной ячейкой общества, которой должна предоставляться по возможности самая широкая охрана и помощь, в особенности при ее образовании и пока на ней лежит ответственность о несамостоятельных детях и их воспитании. К числу важнейших научных проблем, требующих разрешения в современных условиях в Российской Федерации, относится проблема правового положения работающих матерей.

В КРФ закреплено: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Вместе с тем, с учетом особенностей женского организма и социальной роли женщины в семье и обществе, в трудовом законодательстве обозначены специальные нормы, направленные на гуманизацию правового регулирования труда женщин-работниц. По данным статистики за 1998 год, в российском производстве было занято более 7 млн. женщин, из них в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам, работали более 880 тыс. (12%), в том числе тяжелым физическим трудом были заняты 74 тыс. (1%), в условиях повышенного шума, ультра- и инфразвука работали 400 тыс. (5,5%), в условиях повышенной запыленности/загазованности воздуха рабочей зоны – соответственно 237,5 тыс. (3,2%) и 239 тыс. (3,2%). Цифры впечатляющие...

Существует утвержденный Постановлением Правительства РФ от 25.02.2000 № 162 Перечень тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин. Но в условиях современного общества они требуют целого ряда доработок, требуется внесение поправок в Статью 255.

Отпуска по беременности и родам Законом РФ от 15.05.1991 № 1244-1, который гласит, что женщинам, постоянно проживающим (работающим) на территории зоны проживания с правом на отселение, установлен дородовой отпуск продолжительностью 90 календарных дней с проведением оздоровительных мероприятий за пределами территории радиоактивного загрязнения. Женщинам по их заявлению и на основании выданного в установленном порядке листка нетрудоспособности предоставляются отпуска по беременности и родам с четкой продолжительностью. С учетом факторов не благотворно влияющие на состояние здоровья современного человека (экология, стрессы и т.д.) следует продлить этот срок как минимум еще на год и не только для семей, в которых родился третий ребенок, что, на сегодняшний день не редкость, а во всех случаях. Закон запрещает отказывать женщинам в приеме на работу и занижать им заработную плату по мотивам, связанным с беременностью. Исключение сделано только для случая ликвидации организации: если организация прекращает свою деятельность, увольняют всех работников (п. 1 ст. 81 ТК РФ).

В новом Трудовом кодексе РФ законодатель предусмотрел еще одну гарантию для беременных женщин, работающих по срочному трудовому договору. Если срок договора истекает в период беременности, работодатель обязан продлить срок договора до наступления у нее права на отпуск по беременности и родам (ст. 261 ТК РФ).

Данная гарантийная норма усилена уголовным законом. Согласно ст. 145 УК РФ необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3 лет, влечет наложение штрафа в размере от 200 до 500 МРОТ или в размере заработной платы за период от двух до пяти месяцев либо осуждение к обязательным работам на срок от 120 до 180 часов.

Ныне действующее трудовое законодательство наделяет женщин-матерей достаточным количеством прав и льгот. Сегодня основная проблема заключается в обеспечении их реализации. Следует констатировать, что некоторые наниматели стараются избежать принятия на работу женщин, особенно, в период, когда она воспитывает маленьких детей - это весьма недальновидная политика, возвращающая нас к прошлому. Необходимо не допускать снижения уровня правовых гарантий женщинам-работницам и создавать условия фактической реализации предоставленных прав. Одним из путей решения данной проблемы является развитие для женщин-матерей нетрадиционных форм занятости: работа на дому, гибкие формы занятости и др.

Пристатейный библиографический список

1. Гайсина Л.М. Формирование модели механизма трансформации системы управления персоналом // Власть. – 2015. – № 3. – С. 76–81.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. – Части I, II, III.
3. Гейц И. В. Льготы, гарантии и компенсации для работающих. – М., 2002.
4. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский Юридический Журнал. 2015. № 6. С. 148.
5. Мусаева А. Г. Примирительное правосудие у Народов Дагестана // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1597.

Светлой памяти Евгения Анатольевича Высторобца посвящается

Должиков А. В.

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Современная конституция устанавливает фундаментальные правила во всех сферах общественной жизни. Не является исключением и окружающая среда. Устойчивое развитие является одновременно наиболее общей и универсальной концепцией в этой области. Вместе с тем к настоящему времени эта концепция еще недостаточно разработана в российском конституционализме. В работе освещаются международно-правовые предпосылки устойчивого развития и закрепление этой концепции в зарубежных конституциях.

Ключевые слова: конституция, устойчивое развитие, охрана окружающей среды, международное экологическое право.

Dolzhikov A. V.

CONSTITUTIONAL CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Modern constitution sets fundamental rules in the all spheres of societal life. There is no exclusion for the environment. Sustainable development is both the most general and universal concept in the field. Although nowadays this concept is not well-developed in Russian constitutionalism. The paper discusses the international law foundations of sustainable development and enactment of this concept in foreign constitutions.

Key words: constitution, sustainable development, environmental protection, international environmental law

Должиков А. В.

Концепция устойчивого развития, по меткому выражению Е. А. Высторобца относится к метапринципам (основным принципам) интерэкоправа¹. Отсюда рассматриваемая концепция совпадает по своей сущностной характеристике (фундаментальность) с конституционными нормами и одновременно имеет в качестве материального источника международное экологическое право или интерэкоправо, как данную отрасль предложил именовать Е. А. Высторобец. Именно со ссылкой на «международные обязательства» впервые применил эту концепцию Конституционный Суд РФ в собственной практике². Поэтому для понимания данного феномена в конституционализме важны подходы к устойчивому развитию, его форме и основным элементам в современном международном праве.

В зарубежной доктрине международного права³ использование идеи устойчивого развития прослеживается еще в решении международного арбитража от 15 августа 1893 г.⁴ Вместе с тем, в наиболее явном виде устойчивое развитие получило закрепление в докладе комиссии Брундтланд. Согласно выводам группы экспертов «человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности. Концепция устойчивого развития действительно предполагает определенные ограничения в области эксплуатации природных ресурсов, но эти ограничения являются не абсолютными, а относительными и связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также

со способностью биосферы справиться с последствиями человеческой деятельности» (п. 27)⁵. Данные положения заложили основные элементы устойчивого развития (экономический, социальный и собственно экологический), а сам доклад комиссии Брундтланд ввел рассматриваемую концепцию в международный дискурс и дал импульс для дальнейшего международно-правового нормотворчества в этой сфере.

В частности, Рио-де-Жанейрская Декларация по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. комплексно закрепила основные элементы концепции устойчивого развития⁶. Социальный элемент нашел отражение в принципе 1 Декларации, по которому «забота о человеке является центральным звеном в деятельности по обеспечению устойчивого развития. Люди имеют право жить в добром здравии и плодотворно трудиться в гармонии с природой». Принцип 3 оформляет идею межпоколенческого равенства (справедливости), в соответствии с которым «право на развитие должно соблюдаться таким образом, чтобы адекватно удовлетворялись потребности нынешнего и будущих поколений в областях развития и окружающей среды». Экономический элемент (принцип 4) состоит в том, что «для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него».

Несмотря на отсутствие единства по поводу содержания устойчивого развития, критику этой концепции из-за абстрактности и излишне теоретического характера⁷, имеются

1 См.: Высторобец Е. А., Абанина Е. Н. Экологичность конституций (карта) // Экологические положения конституций: сборник / под ред. Е. А. Высторобца. М.-Уфа, 2012. С. 356.

2 См.: Постановление от 9 января 1998 г. N 1-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 3. Ст. 429.

3 См.: Sands, P. International law in the field of sustainable development // British Yearbook of International Law. 1995. Vol. 65. №. 1. P. 306.

4 Award between the United States and the United Kingdom relating to the rights of jurisdiction of United States in the Bering's sea and the preservation of fur seals, 15 August 1893 // Официальный сайт Управления по правовым вопросам ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVIII/263-276.pdf (дата обращения: 01.05.2015).

5 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 августа 1987 г. A/42/427 «Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» [доклад Брундтланд]» // Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 01.05.2015).

6 См.: Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.05.2015)

7 См.: Rajamani, L. From Stockholm to Johannesburg: The anatomy of dissonance in the international environmental dialogue // Review of European Community and International Environmental Law. 2003.

удачные примеры ее практического применения в судебном разрешении международных споров. Так, Международный Суд ООН использовал рассматриваемое понятие в деле «Венгрия против Словакии», касающемся проекта Габчиково-Надьмарош (Решение по существу от 25 сентября 1997 г.)⁸. Среди прочего было подчеркнута, что «на всём протяжении истории человечество исходя из экономических и других причин постоянно вмешивалось в природу. В прошлом это происходило часто без учета воздействия на окружающую среду. Благодаря новым научным открытиям и возрастающей осведомленности об угрозах человечества – для нынешнего и будущего поколения – из-за стремления к такому вмешательству в непродуманном и неослабевающем темпе за последние двадцать лет появились новые нормы и стандарты, нашедшие свое отражение в большом числе документов. Эти нормы необходимо учитывать, равно как и придавать должный вес такого рода стандартам, причем не только в тех случаях, когда государства планируют новые виды деятельности, но и когда они продолжают осуществлять деятельность, начатую в прошлом. Это требует согласования экономического развития с охраной окружающей среды как это надлежащим образом выражено в концепции устойчивого развития» (п. 140). Хотя Международный Суд ООН непосредственно в тексте решения не уточнил форму (источник) концепции устойчивого развития, в особом мнении вице-председателя К. Виранантри [C. Weeramantry] содержится утверждение о том, что «принцип устойчивого развития представляет собой часть современного международного права не только по причине его неизбежной логической необходимости, но также благодаря его широкому и общему признанию мировым сообществом»⁹. Тем самым устойчивое развитие может быть отнесено к категории обычных норм международного права (в российской терминологии – к общепризнанным нормам международного права). Такой вывод не только определяют всеобщность признания устойчивого развития в международном праве и национальном законодательстве большинства государств, но придания этой концепции качества обязательного юридического правила, а не просто идеологического постулата.

В дальнейшем концепция устойчивого развития неоднократно находила признание в актах международных организаций (конференции), например, в Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию от 4 сентября 2002 г.¹⁰, а также получила широкое договорное закрепление¹¹. В одном реги-

ональном международном договоре обнаруживаем детальное определение устойчивого развития. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 3 Конвенции от 18 февраля 2002 г. «О сотрудничестве и устойчивом развитии морской и прибрежной окружающей среды в северо-восточной части Тихого океана» (Конвенция Антигуа) «устойчивое развитие означает процесс изменения качества человеческой жизни, который помещает человека в качестве центра и изначального субъекта развития, посредством экономического роста в соответствии с социальной справедливостью и трансформации способов производства и образа потребления и который является устойчивым в экологическом балансе и жизненной поддержке региона. Этот процесс предполагает уважение регионального, национального и местного этнического и культурного многообразия и полное участие народа в мирном сосуществовании и гармонии с природой без ущерба для обеспечения качества жизни будущих поколений»¹². Всеобщность международного признания устойчивого развития подкрепляется широкой внутрисударственной практикой в этой сфере. В соответствии с таким выводом можно провести сравнительно-правовой анализ в этой части текстов зарубежных основных законов.

В первую очередь могут быть рассмотрены конституционные тексты европейских государств. Так, Конституция республики Албании от 21 октября 1998 г. (с изм. от 18 сентября 2012 г.) устанавливает, что «государство в рамках конституционных полномочий и имеющихся в его распоряжении средств, а также во исполнение частных инициатив и обязательств нацелено на ... создание соответствующей экологически здоровой среды для нынешних и будущих поколений» (п. «е» ч. 1 ст. 59)¹³. В соответствии со ст. 31 Конституции княжества Андорры от 14 марта 1993 г. «государство осуществляет надзор за рациональным использованием почв и всех природных ресурсов, чтобы гарантировать каждому достойное качество жизни, а также восстановление и сохранение для будущих поколений рационального экологического баланса атмосферы, вод и земли, защиту местной флоры и фауны»¹⁴. Конституция Королевства Норвегия от 17 мая 1814 г. (с изм. от мая 2014 г.) в ст. 112 устанавливает право каждого «на ту окружающую среду, которая благоприятна здоровью, и ту природную окружающую среду, чья продуктивность и ее многообразие обеспечиваются. Природные ресурсы должны управляться на основании всеобъемлющей долгосрочной оценки, которая гарантирует это право также и для будущих поколений»¹⁵. Еще одним примером закрепления межпоколенческого равенства, хотя и без указания на его экологический компонент, служит преамбула Консти-

Vol. 12. № 1. P. 23-32; Tarlock, A. D. Ideas Without Institutions: The Paradox of Sustainable Development // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2001. Vol. 9. P. 35-49.

8 International Court of Justice, Judgment of 25 September 1997, *Merts, Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)* // *International Court of Justice Reports of judgments, advisory opinions and orders*. 1997. P. 7; // Официальный сайт Международного Суда ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/92/7375.pdf> (дата обращения: 01.05.2015)

9 *Separate opinion of Vice-president Weeramantry* // Официальный сайт Международного Суда ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/92/7383.pdf> (дата обращения: 01.05.2015)

10 Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_wssd.pdf (дата обращения: 01.05.2015)

11 См.: преамбула и ч. 1 ст. 9 Конвенции ООН от 17 июня 1994 г. «По борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и / или опустынивание, особенно в Африке» // *Международное публичное право. Сборник документов*. Т. 2. М., 1996. С. 171–180; ст. 2 и 3 Рамочной Конвенции ООН от 9 мая

1992 г. «Об изменении климата» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 46. Ст. 5204; преамбула, ст. 1 и 10 Конвенции Программы ООН по окружающей среде от 5 июня 1992 г. «О биологическом разнообразии» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 19. Ст. 2254.

12 См.: Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unep.org/regionalseas/programmes/nonunep/nepacific/instruments/nep_convention.pdf (дата обращения: 01.05.2015)

13 База данных ОБСЕ «Legislationline». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/download/action/download/id/4519/file/Constitution_as%20amended%20in%202012_ENG.pdf (дата обращения: 01.05.2015)

14 База данных ОБСЕ «Legislationline». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/download/action/download/id/4291/file/Andorra_Constitution_en.pdf (дата обращения: 01.05.2015).

15 Официальный сайт Стортинга (парламента Норвегии). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stortinget.no/globalassets/pdf/constitutionenglish.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

туции Республики Польша 2 апреля 1997 г., которая предусматривает обязанность «передать будущим поколениям все то ценное, что добыто за более чем тысячу лет»¹⁶. Эта же обязанность, но с привязкой к окружающей среде устанавливается в ст. 74, в соответствии с которой «общественные власти должны преследовать политику, обеспечивающую экологическую безопасность текущих и будущих поколений». Согласно ст. 20-а Основного закона Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. «государство, сознавая свою ответственность перед будущими поколениями, охраняет окружающую среду как основу жизни на земле в рамках конституционного строя и в соответствии с законом и правом с помощью исполнительной власти и правосудия»¹⁷. Федеральная Конституция Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 г. (с изм. от 18 мая 2014 г.) подчеркивает осознание ответственности перед будущими поколениями (преамбула), закрепляет в качестве государственной цели «устойчивое развитие» (ч. 2 ст. 2) и устанавливает обязанность органов власти по стремлению «к уравниванию на продолжительное время соотношению между природой и ее способностью к обновлению, с одной стороны, и нагрузкой на нее со стороны человека – с другой» (ст. 73)¹⁸. Анализ конституционных текстов европейских государств позволяет отнести устойчивое развитие к общегосударственным целям и выделить в качестве элементов этой концепции охрану окружающей среды для будущих поколений и рациональное (сбалансированное) природопользование.

Особый интерес для понимания места устойчивого развития имеют конституции государств бывшего СССР. Развернутые формулировки в этой сфере обнаруживаем в Конституции Грузии 24 августа 1995 г. (с изм. от 15 октября 2010 г.): «принимая во внимание интересы нынешнего и будущих поколений государство гарантирует охрану окружающей среды и рациональное природопользование с целью обеспечения безопасной окружающей среды для человеческого здоровья и поддержания устойчивого развития страны в соответствии с экологическими и экономическими интересами общества» (ч. 4 ст. 37)¹⁹. Согласно преамбуле Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (в ред. от 2 февраля 2011 г.) народ Казахстана осознает «свою высокую ответственность перед нынешним и будущими поколениями»²⁰. Похожее положение имеет Конституция Эстонии от 28 июня 1992 г., в преамбуле которой право провозглашается залогом «общественного прогресса и общей пользы для нынешних и грядущих поколений»²¹. Аналогичным образом преамбула Конституции Молдовы 29 июля 1994 г. (с изм. от 29 июня 2006 г.) определяет «ответственность и долг перед прошлыми, нынешними

и будущими поколениями»²². В Конституции Украины от 28 июня 1996 г. (с изм. от 1 февраля 2011 г.) также содержится положение об ответственности пред прошлыми, нынешними и будущими поколениями (преамбула)²³. Тем самым постсоветские государства зачастую закрепляют устойчивое развитие на уровне преамбулы собственной конституции и преимущественно формулируют межпоколенческое равенство как основной элемент данной концепции.

Обращает внимание установление концепции устойчивого развития в азиатских странах. Согласно ч. 1 ст. 5 Конституции Королевства Бутан от 18 июля 2008 г. «каждый бутанец является доверительным собственником природных ресурсов и окружающей среды в Королевстве во благо настоящих и будущих поколений; основной обязанностью каждого гражданина является содействие охране природной окружающей среды, сохранению богатого биологического разнообразия Бутана, а также предотвращению всех форм экологической деградации»²⁴. Кроме того, Парламент Бутана «уполномочен принимать законодательные меры в области охраны окружающей среды с целью обеспечить непрерывное использование природных ресурсов и сохранить справедливость по отношению к будущим поколениям» (ч. 1 ст. 5). В Исламской Республике Иран, как это установлено в ст. 50 Конституции от 24 октября 1979 г. (с изм. от 28 июля 1989 г.), «охрана окружающей среды, в которой должна проходить общественная жизнь и развитие будущих поколений, является общественным долгом. Поэтому запрещается экономическая и другая деятельность, которая неразрывно связана с загрязнением окружающей среды и наносит ей непоправимый ущерб»²⁵. Аналогичным образом через обязательства государства раскрывается концепция устойчивого развития в действующей Конституции Государства Катара от 29 апреля 2003 г. В соответствии со ст. 33 «государство должно сохранять окружающую среду и ее естественный баланс в целях достижения всеобъемлющего и устойчивого развития для всех поколений»²⁶. В Конституции Республики Мальдивов 7 августа 2008 г. также предусматривается, что «государство в качестве одной из своих основных обязанностей должно обеспечивать защиту и сохранность окружающей среды, биологического разнообразия, природных ресурсов и красоты страны на благо настоящим и будущим поколениям. Государство берет на себя ответственность и способствует достижению желаемых экономических и социальных целей посредством экологически сбалансиро-

16 Официальный Сайт Сейма Республики Польши. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/ro-syjski/kon1.htm>

17 См.: Конституции зарубежных государств. М., 2012. С. 164–245.

18 См.: Официальный сайт Федеральных органов Швейцарской конфедерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admin.ch/ch/e/rs/1/101.en.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

19 Сайт Парламента Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.ge/uploads/other/28/28803.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

20 Информационная система «Параграф». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 01.05.2015).

21 Сайт Президента Эстонской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 01.05.2015).

22 Сайт Центра правовой информации при Министерстве Юстиции Республики Молдовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2> (дата обращения: 01.05.2015).

23 Официальный веб-портал Верховной Рады Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

24 Конституции государств Азии. Том 2. Средняя Азия и Индостан. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 134–168; Официальный сайт Национальной Ассамблеи Бутана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nab.gov.bt/assets/templates/images/constitution-of-bhutan-2008.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

25 Официальный сайт Министерства иностранных дел Ирана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.mfa.ir/uploads/Constitution_8032.pdf (дата обращения: 01.05.2015).

26 Портал электронного Правительства Катара. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portal.www.gov.qa/wps/wcm/connect/5a5512804665e3afa54fb5fd2b4ab27a/Constitution+of+Qatar+EN.pdf?MOD=AJPERES> (дата обращения: 01.05.2015).

ванного устойчивого развития» (ст. 22)²⁷. Рассмотренные конституционные положения азиатских государств акцентируют внимание на обязанностях государства и частных лиц по достижению баланса (устойчивости) охраны окружающей среды и экономического развития.

Наиболее многочисленными в части закрепления концепции устойчивого развития являются конституции страны Африки. Во многом это объясняется историческими предпосылками появления такой концепции, которая в первую очередь была направлена на сбалансирование развития государств третьего мира. Кроме того, нельзя отрицать факта эксплуатации бывшими метрополиями природных ресурсов своих колоний именно на африканском континенте.

Согласно п. 1 ст. 215 Конституции Второй Республики Гамбии от 8 августа 1996 г. «государство предпринимает усилия по созданию экономической окружающей среды»²⁸. Кроме того, к целям государственной политики п. «d» ч. 4 ст. 215 относит «охрану окружающей среды нации для будущих поколений». В Конституции Республики Гайаны от 20 февраля 1980 г. (с изм. от 31 мая 2001 г.) предусматриваются обязательства государства по защите и рациональному использованию природных ресурсов, а также принятия всех необходимых мер для сохранения и улучшения окружающей среды в интересах нынешнего и будущих поколений (ст. 36)²⁹. Конституция Республики Гвинеи от 7 мая 2010 г. провозглашает право каждого человека на здоровую и устойчивую окружающую среду, а также корреспондирующие ему обязанности самого индивида и обязательства государства по охране окружающей среды (ст. 16)³⁰. Важным элементом конституционных основ в сфере экологических отношений в Кении выступает «право на чистую и здоровую окружающую среду, которое включает в себя право на защиту окружающей среды для блага нынешнего и будущего поколений, путем принятия законодательных и других мер» (ст. 42 Конституции от 27 августа 2010 г.)³¹. Лесото в соответствии со ст. 36 Конституции от 25 марта 1993 г. проводит «политику, направленную на охрану и улучшение природной и культурной среды Лесото на благо нынешнего и будущих поколений и стремиться к тому, чтобы гарантировать всем гражданам надлежащую и безопасную окружающую среду, адекватную для их здоровья и благополучия»³². В Малави государственные власти проводят политику, направленную на достижение конституционных целей в области окружающей среды (подп. «iii» п. «d» ст. 13 Конституции от 18 мая 1994 г.), включая признание «права будущих поколений, посредством охраны окружающей среды и устойчивого развития природ-

ных ресурсов»³³. В ст. 117 Конституции Мозамбик от 16 ноября 2004 г. содержится положение о поощрении государством усилий «по обеспечению экологического равновесия, сохранения и охраны окружающей среды для улучшения качества жизни граждан (ч. 1). Кроме того, дается развернутая характеристика собственно концепции устойчивого развития, в рамках «государство должно проводить политику, направленную на: г) обеспечение рационального использования природных ресурсов и поддержание их способности к восстановлению, экологической стабильности и экологических прав будущих поколений» (ч. 2)³⁴. В ст. 95 Конституции Республики Намибия от 9 февраля 1990 г. (с изм. от 23 апреля 2010 г.)³⁵ конкретизируется обязанность государства по поощрению и поддержанию благосостояния народа, включая осуществление политики, которая направлена на «поддержание экосистем, важнейших экологических процессов и биологического разнообразия Намибии и рациональное использование живых природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколения граждан Намибии» (п. «l»). По закону о Конституции Королевства Свазиленд от 26 июля 2005 г. «в интересах настоящих и будущих поколений государство должно защищать и сделать рациональным использование своих земель, полезных ископаемых и водных ресурсов так же, как своих фауны и флоры, и принимать соответствующие меры, к охране и улучшению качества окружающей среды» (ч. 1 ст. 210)³⁶, а равно «каждый человек должен способствовать защите окружающей среды на благо настоящего и будущих поколений» (ч. 1 ст. 216). Республика Судан в своей Временной Конституции 6 июля 2005 г. ставит ряд целей в области окружающей среды, в том числе государство обеспечивает через законодательство устойчивое использование природных ресурсов и лучшие практики управления ими» (ч. 3 ст. 11)³⁷. Согласно Конституции Республики Уганда от 22 сентября 1995 г. (с изм. от 15 февраля 2006 г.) «государство содействует устойчивому развитию и информирует общество об управлении землями, воздухом, водными ресурсами, с целью соблюдения баланса и сохранения природы для настоящего и будущих поколений» (п. «i» ст. XXVII)³⁸. В дополнении к этому «использование и управление природными ресурсами Уганды должно осуществляться таким образом, чтобы это соответствовало экологическим требованиям и потребностям настоящего и будущего поколения народа Уганды» (п. «ii» ст. XXVII). Типичным выражением концепции устойчивого развития служит ч. 3 ст. 8 Конституции Эритреи от 23 мая 1997

27 См.: Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 470–546.

28 База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/travail/docs/1952/GMB48490.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

29 См.: База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/11934/73064/F407822417/GUY11934.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

30 См.: База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&_isn=84785 (дата обращения: 01.05.2015).

31 Официальный сайт Парламента Кении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.parliament.go.ke/index.php?option=com_content&view=article&id=83&Itemid=79 (дата обращения: 01.05.2015).

32 Официальный сайт Министерства Массовых коммуникаций Лесото. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.ls/documents/Lesotho_Constitution.zip (дата обращения: 01.05.2015).

33 Сайт Института правовой информации Малави. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.malawilii.org/files/mw/legislation/consolidated-act/constitution_of_malawi_pdf_25073.pdf (дата обращения: 01.05.2015).

34 База данных «Faolex» Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://faolex.fao.org/docs/pdf/moz117331ENG.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

35 Официальный сайт Верховного Суда Республики Намибия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superiorcourts.org.na/supreme/docs/NamibiaConstitution.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

36 Официальный сайт Правительства Королевства Свазиленд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.sz/images/stories/Constitution%20of%20%20SD-2005A001.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).

37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/72048/92191/F961646467/SDN72048.pdf>

38 Официальный сайт Администрации [The State House] Президента Республики Уганды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.statehouse.go.ug/sites/default/files/attachments/Constitution_1995.pdf (дата обращения: 01.05.2015).

г., по которой «государство управляет земельным фондом, водным фондом, природными ресурсами на основе сбалансированного и устойчивого развития в интересах нынешнего и будущих поколений; государство обеспечивает участие людей в защите окружающей среды»³⁹. Наконец в Переходной Конституции Республики Южный Судан от 9 июля 2011 г. установлена обязанность каждого человека осуществлять защиту окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений» (ч. 2 ст. 41)⁴⁰. В целом конституции африканских государств всесторонне закрепляют концепцию устойчивого развития, в том числе подчеркивают необходимость охраны окружающей среды для будущих поколений, устанавливают обязанности государства и граждан по такой охране, а также обращают внимание на необходимость рационального природопользования. Вместе с тем детальное конституционное регулирование устойчивого развития в африканских странах не всегда означает реального осуществления данной концепции на практике.

На этом фоне большинство конституций американских государств не содержит положений об устойчивом развитии. Исключения составляют основные законы двух государств Южной Америки. Согласно ст. 67 Конституции Доминиканской Республики от 26 января 2010 г. «закрепляется обязанность государства по предотвращению загрязнения, охране и поддержанию окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений. В результате: 1) каждый человек имеет право, индивидуально и коллективно, устойчиво использовать и получать природные ресурсы, право жить в здоровой, экологически сбалансированной окружающей среде»⁴¹. Таким же исключением можно считать Венесуэлу. По ст. 127 Конституции Боливарианской Республики Венесуэлы от 15 декабря 1999 г. (с изм. 15 февраля 2009 г.) «каждое поколение обладает правами и обязанностями защищать и поддерживать благоприятную окружающую среду для себя и будущего мира. Каждый человек имеет индивидуальное право жить в безопасной, здоровой окружающей среде, экологически уравновешенной»⁴². Как и в отношении азиатских государств, можно сделать заключение о том, что в закреплении концепции устойчивого развития южноамериканские конституции акцентируют внимание на обязательствах в области охраны окружающей среды государства и частных лиц.

Имеются примеры закрепления концепции устойчивого развития и в конституциях стран Австралии и Океании. Согласно п. «h» ст. 1 Конституции Республики Фиджи от 6 сентября 2013 г. данное государство «основано на ценностях разумного, эффективного и устойчивого взаимоотношения с природой»⁴³. Устойчивое развитие отнесено к национальным

целям и руководящим принципам Независимого Государства Папуа-Новой Гвинеи. В соответствии с Конституцией от 15 августа 1975 г. в качестве «четвертой цели» этого государства определяется сохранение природных ресурсов и окружающей среды и использование их для общего блага, и восполнение их на благо будущих поколений. Одновременно конституционный законодатель формулирует призыв к (1) мудрому использованию природных ресурсов и окружающей среды на земле или морском шельфе, в море, под землей и в воздухе, в интересах нашего развития и ответственности перед будущими поколениями, и (2) сохранению и пополнению, на благо себя и потомства, окружающей среды и ее священных, живописных и исторических качеств»⁴⁴.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что концепция устойчивого развития как общепризнанный принцип международного права составляет важнейшую общегосударственную цель и порождает определенный набор обязательств для органов публичной власти любого государства. К основным элементам конституционной концепции устойчивого развития можно отнести межпоколенческое равенство как охрану окружающей среды и экологических прав для будущих поколений, рациональное природопользование, выражающееся в обязанностях государственных органов и частных лиц по достижению баланса охраны окружающей среды и экономического развития. В дальнейшем требуется дополнительное исследование отечественного опыта по закреплению конституционной концепции устойчивого развития, включая практику конституционного правосудия в этой сфере.

Пристатейный библиографический список

- 39 Официальный сайт Посольства Государства Эритрея в Швеции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eritrean-embassy.se/government-agencies/eritrea-constitution/> (дата обращения: 01.05.2015).
- 40 Портал «Sudan Tribune» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudantribune.com/IMG/pdf/The_Draft_Transitional_Constitution_of_the_ROSS2-2.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
- 41 База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/83297/91862/F533096944/DOM83297.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
- 42 Сайт Посольства Венесуэлы в США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://venezuela-us.org/live/wp-content/uploads/2009/08/constitucioningles.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
- 43 Официальный сайт Правительства Фиджи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fiji.gov.fj/getattachment/8e981ca2-1757-4e27-88e0-f87e3b3b844e/Click-here-to-download-the-Fiji-Constitution.aspx> (дата обращения: 01.05.2015)

1. Award between the United States and the United Kingdom relating to the rights of jurisdiction of United States in the Bering's sea and the preservation of fur seals, 15 August 1893 // Официальный сайт Управления по правовым вопросам ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVIII/263-276.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
2. Rajamani, L. From Stockholm to Johannesburg: The anatomy of dissonance in the international environmental dialogue // Review of European Community and International Environmental Law. – 2003. – Vol. 12. – №. 1. – P. 23-32.
3. Sands, P. International law in the field of sustainable development // British Yearbook of International Law. – 1995. – Vol. 65. – №. 1. – P. 303-381.
4. Separate opinion of Vice-president Weeramantry // Официальный сайт Международного Суда ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/92/7383.pdf> (дата обращения: 01.05.2015)
5. Tar-lock, A. D. Ideas without Institutions: The Paradox of Sustainable Development // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2001. – Vol. 9. – P. 35-49.
6. Временная Конституция Республика Судан от 6 июля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Ре-

44 Официальный сайт Национального Парламента Папуа-Новая Гвинея. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.gov.pg/images/misc/PNG-CONSTITUTION.pdf> (дата обращения: 01.05.2015)

- жим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/72048/92191/F961646467/SDN72048.pdf>
7. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» [доклад Брундтланд]: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 августа 1987 г. A/42/427 // Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
 8. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию от 4 сентября 2002 г. // Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_wssd.pdf (дата обращения: 01.05.2015)
 9. Конституция Боливарианской Республики Венесуэлы от 15 декабря 1999 г. (с изм. 15 февраля 2009 г.) // Сайт Посольства Венесуэлы в США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://venezuela-us.org/live/wp-content/uploads/2009/08/constitucioningles.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 10. Конституция Государства Катара от 29 апреля 2003 г. // Портал электронного Правительства Катара. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://portal.www.gov.qa/wps/wcm/connect/5a5512804665e3afa54fb5fd2b4ab27a/Constitution+of+Qatar+EN.pdf?MOD=AJPERES> (дата обращения: 01.05.2015).
 11. Конституция Доминиканской Республики от 26 января 2010 г. // База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/83297/91862/F533096944/DOM83297.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 12. Конституция Кении от 27 августа 2010 г. // Официальный сайт Парламента Кении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.parliament.go.ke/index.php?option=com_content&view=article&id=83&Itemid=79 (дата обращения: 01.05.2015).
 13. Конституция Королевства Бутан от 18 июля 2008 г. // Конституции государств Азии. – Том 2. – Средняя Азия и Индостан. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 134-168; Официальный сайт Национальной Ассамблеи Бутана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nab.gov.bt/assets/templates/images/constitution-of-bhutan-2008.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 14. Конституция Королевства Свазиленд от 26 июля 2005 г. // Официальный сайт Правительства Королевства Свазиленд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.sz/images/stories/Constitution%20of%20SD-2005A001.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 15. Конституция Лесото от 25 марта 1993 г. // Официальный сайт Министерства Массовых коммуникаций Лесото. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.ls/documents/Lesotho_Constitution.zip (дата обращения: 01.05.2015).
 16. Конституция Малави от 18 мая 1994 г. // Сайт Института правовой информации Малави. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.malawilii.org/files/mw/legislation/consolidated-act/constitution_of_malawi_pdf_25073.pdf (дата обращения: 01.05.2015)
 17. Конституция Молдовы 29 июля 1994 г. (с изм. от 29 июня 2006 г.) // Сайт Центра правовой информации при Министерстве Юстиции Республики Молдовы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2> (дата обращения: 01.05.2015).
 18. Конституции Республики Гайаны от 20 февраля 1980 г. (с изм. от 31 мая 2001 г.) // База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/11934/73064/F407822417/GUY11934.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 19. Конституция Республики Мальдивов 7 августа 2008 г. // Конституции государств Азии. – Том 3. Дальний Восток. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. – С. 470–546.
 20. Конституция Республики Уганда от 22 сентября 1995 г. (с изм. от 15 февраля 2006 г.) // Официальный сайт Администрации [The State House] Президента Республики Уганды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.statehouse.go.ug/sites/default/files/attachments/Constitution_1995.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
 21. Конституция Республики Фиджи от 6 сентября 2013 г. // Официальный сайт Правительства Фиджи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fiji.gov.fj/getattachment/8e981ca2-1757-4e27-88e0-f87e3b3b844e/Click-here-to-download-the-Fiji-Constitution.aspx> (дата обращения: 01.05.2015)
 22. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. (с изм. от 1 февраля 2011 г.) // Официальный веб-портал Верховной Рады Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 23. Конституция Эритреи от 23 мая 1997 г. // Официальный сайт Посольства Государства Эритрея в Швеции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eritrean-embassy.se/government-agencies/eritrea-constitution/> (дата обращения: 01.05.2015).
 24. Конституция Второй Республики Гамбии от 8 августа 1996 г. // База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/travail/docs/1952/GMB48490.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 25. Конституция Грузии 24 августа 1995 г. (с изм. от 15 октября 2010 г.) // Сайт Парламента Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.ge/uploads/other/28/28803.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 26. Конституция Исламской Республики Иран от 24 октября 1979 г. (с изм. от 28 июля 1989 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Ирана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.mfa.ir/uploads/Constitution_8032.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
 27. Конституция Княжества Андорры от 14 марта 1993 г. // База данных ОБСЕ «Legislationline». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/download/action/download/id/4291/file/Andorra_Constitution_en.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
 28. Конституция Королевства Норвегия от 17 мая 1814 г. (с изм. от мая 2014 г.) // Официальный сайт

- Стортинга (парламента Норвегии). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stortinget.no/globalassets/pdf/constitutionenglish.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
29. Конституция Мозамбик от 16 ноября 2004 г. // База данных «Faolex» Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://faolex.fao.org/docs/pdf/moz117331ENG.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 30. Конституция Независимого Государства Папуа-Новой Гвинеи от 15 августа 1975 г. // Официальный сайт Национального Парламента Папуа-Новая Гвинея. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.gov.pg/images/misc/PNG-CONSTITUTION.pdf> (дата обращения: 01.05.2015)
 31. Конституция Республики Албании от 21 октября 1998 г. (с изм. от 18 сентября 2012 г.) // База данных ОБСЕ «Legislationline». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislationline.org/download/action/download/id/4519/file/Constitution_as%20amended%20in%202012_ENG.pdf (дата обращения: 01.05.2015)
 32. Конституция Республики Гвинеи от 7 мая 2010 г. // База данных «Natlex» Международной организации труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=84785 (дата обращения: 01.05.2015).
 33. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (в ред. от 2 февраля 2011 г.) // Информационная система «Параграф». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 01.05.2015).
 34. Конституция Республики Намибия от 9 февраля 1990 г. (сизм. от 23 апреля 2010 г.) // Официальный сайт Верховного Суда Республики Намибия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superiorcourts.org.na/supreme/docs/NamibiaConstitution.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 35. Конституция Республики Польша 2 апреля 1997 г. // Официальный Сайт Сейма Республики Польши. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/rosyjski/kon1.htm>
 36. Конституция Эстонии от 28 июня 1992 г. // Сайт Президента Эстонской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 01.05.2015).
 37. О биологическом разнообразии: Конвенции Программы ООН по окружающей среде от 5 июня 1992 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 19. – Ст. 2254.
 38. О сотрудничестве и устойчивом развитии морской и прибрежной окружающей среды в северо-восточной части Тихого океана (Конвенция Антигуа): Конвенция от 18 февраля 2002 г. // Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unep.org/regionalseas/programmes/nonunep/nepacific/instruments/nep_convention.pdf (дата обращения: 01.05.2015)
 39. Об изменении климата: Рамочная Конвенция ООН от 9 мая 1992 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 46. – Ст. 5204.
 40. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. – 8-е изд., исправл. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 164–245.
 41. Переходная Конституция Республики Южный Судан от 9 июля 2011 г. // Портал «Sudan Tribune». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sudantribune.com/IMG/pdf/The_Draft_Transitional_Constitution_of_the_ROSS2-2.pdf (дата обращения: 01.05.2015).
 42. По борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и / или опустынивание, особенно в Африке: Конвенция ООН от 17 июня 1994 г. // Международное публичное право. Сборник документов. – Т. 2. – М.: БЕК, 1996. – С. 171–180.
 43. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 3. Ст. 429.
 44. Рио-де-Жанейрская Декларация по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. // Официальный сайт Организации объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/riodecl.pdf (дата обращения: 01.05.2015)
 45. Федеральная Конституция Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 г. (с изм. от 18 мая 2014 г.) // Официальный сайт Федеральных органов Швейцарской конфедерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.admin.ch/ch/e/rs/1/101.en.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
 46. Экологические положения конституций: сборник / под. ред. Е. А. Высторобца. – М.; Уфа: МИРмпОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2012. – 385 с.
 47. International Court of Justice, Judgment of 25 September 1997, Merits, Case concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) // International Court of Justice Reports of judgments, advisory opinions and orders. 1997. P. 7; // Официальный сайт Международного Суда ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/92/7375.pdf> (дата обращения: 01.05.2015)

Омарова Х. М. СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Данная статья раскрывает сущность системы экологического права. Своеобразие любой отрасли права характеризуется особой системой правового регулирования. Именно этот компонент позволяет говорить о существовании отрасли права как таковой. Первичными элементами системы права, а также отрасли права как части данной системы являются нормы права. Так, в основу природоохранного права ложится законодательство об охране окружающей среды (природоохранное законодательство). основополагающим нормативным правовым актом здесь выступает ФЗ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Ключевые слова: РФ, экологическое право, институт права, природоохранное и природоресурсное право.

Omarova H. M. THE SYSTEM OF ENVIRONMENTAL LAW

This article reveals the essence of the system of environmental law. The originality of any branch of law is characterized by a special system of legal regulation. This component allows to speak about existence of law as such. The primary elements of the system of law and branch of law as a part of this system are the rule of law. So, the basis of environmental law is provided by the the law on the protection of the environment (environmental legislation). Fundamental legal act here is FZ of 10.01.2002 No. 7-FZ "On environmental protection".

Keywords: RF, environmental law, institute of law, environmental and natural resources law.

Омарова Х. М.

Экологическое право занимает самостоятельное место в общей системе права, так как оно направлено на регулирование конкретного вида общественных отношений – экологических отношений. Оно имеет свою систему.

Под системой экологического права понимается размещение в определенной логической последовательности его структурных подразделений, обусловленное содержанием экологических отношений, которые выступают предметом экологического права.

Система экологического права может рассматриваться в трех качествах: как отрасль права, учебная дисциплина, наука.

Как отрасль права экологическое право состоит из общей и Особенной части и складывается из подотраслей права; сложных и простых институтов; субинститутов и норм права.

Общая часть экологического права содержит правовые нормы, относящиеся ко всей отрасли в целом. Она включает в себя такие положения:

- общую характеристику экологических отношений и экологического права;
- источники (формы) экологического права;
- право собственности на природные объекты;
- управление в области использования, воспроизводства и охраны окружающей природной среды;
- общие положения природопользования;
- общая характеристика экологических прав и обязанностей граждан;
- правовое обеспечение экологической безопасности;
- правовое обеспечение экономического механизма в сфере экологии;
- общие вопросы охраны природной среды;
- юридическая ответственность за нарушение экологического законодательства.

Экологическое право является комплексной отраслью в системе российского права. Она включает в себя ряд самостоятельных отраслей права: земельное; водное; горное; воздухоохранительное; лесное; фаунистическое.

Под системой экологического права понимается структура основных элементов, частей этой отрасли: норм; институтов; подотраслей. Первичными элементами системы права, а также отрасли права как части данной системы являются нормы права.

Под нормой права следует понимать исходящее от государства и определяемое им общеобязательное правило поведения, которое предоставляет участникам общественных отношений данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности.

С учетом того, что экологическое право является комплексной отраслью и его нормы содержатся также в правовых актах, являющихся источниками иных отраслей права, нормы экологического права делятся:

– на комплексные, принятые с целью охраны и использования окружающей среды в целом; отраслевые, посредством которых осуществляется правовое регулирование охраны и использования отдельных природных объектов (земли, недр, вод, лесов, атмосферного воздуха, растительного и животного мира); экологизированные – нормы других отраслей права, отражающие требования в области охраны окружающей среды.

Институты экологического права.

Следующим элементом в иерархии составляющих системы отрасли права является институт права – совокупность правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений.

В экологическом праве выделяют следующие институты: принципы экологического права; экологические права и обязанности физических и юридических лиц; основы государственного управления охраной окружающей среды; экологический контроль; экологический мониторинг; экологическое нормирование; оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза; экономический механизм охраны окружающей среды, включающий регулирование платы за негативное воздействие на окружающую среду, экологическое страхование, а также правовое регулирование предпринимательской деятельности, осуществляемой в целях охраны

окружающей среды; охрана окружающей среды при осуществлении отдельных видов хозяйственной деятельности; охрана особо охраняемых природных территорий; зоны экологического бедствия и чрезвычайных ситуаций; основы формирования экологической культуры; ответственность за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды.

Экологическое право подразделяется на две большие составляющие — природоохранное и природоресурсное право, которые представляют собой его подотрасли.

Природоохранное право составляют нормы, регулирующие отношения в области охраны окружающей среды как единого целого, устанавливающие общие требования к субъектам хозяйственной деятельности. Основопологающим источником права, регулирующим данную сферу общественных отношений, является в настоящее время Закон об охране окружающей среды.

Нормы природоресурсного права регулируют общественные отношения в области использования и охраны отдельных компонентов окружающей среды: земель, вод, недр, лесов и иной растительности, атмосферного воздуха, животного мира, континентального шельфа. Природоресурсное законодательство устанавливает основы правового регулирования отношений по рациональному использованию и защите отдельных компонентов окружающей среды, включая права и обязанности физических и юридических лиц в сфере данных общественных отношений, формы собственности на компоненты окружающей среды, правовые основы их использования, основы государственного управления в регулируемых областях общественных отношений.

При этом необходимо помнить, что правовые нормы природоохранного и природоресурсного права подлежат применению лишь в тесном взаимодействии. Однако как общее и частное они соотносятся не полностью, поскольку имеют как общие для них, так и собственные предметы регулирования.

При характеристике экологического права как комплексной отрасли (суперотрасли) важно иметь в виду наличие в его системе сформировавшихся и признанных отраслей права - земельного, горного, водного, лесного, фаунистического и воздухоохранительного. Развитие этих отраслей и экологического права в целом связано с реализацией дифференцированного подхода к правовому регулированию общественных отношений по природопользованию и охране окружающей среды применительно к отдельным природным объектам.

Эти отрасли являются в значительной степени самостоятельными по отношению к отрасли экологического права. В системе экологического права они могут рассматриваться как его подотрасли. Они имеют собственную внутреннюю структуру.

Исходя из правовых реалий и учитывая перспективы развития экологического права, можно предположить необходимость создания новых учебных спецкурсов в пределах экологического права, что будет способствовать усовершенствованию учебного процесса и более углубленного изучения конкретных вопросов.

Система экологического права как эколого-правовая наука исходит из системы этой отрасли права. Она представляет собой систему научных взглядов, правовых идей, концепций, понятий, а также знаний закономерностей правового регулирования экологических отношений, которые образуют предмет экологического права. Эколого-правовая наука оказывает содействие усовершенствованию системы экологического права как учебной дисциплины, системы экологического законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Абукарова М.У., Азизова П.М. Утилизации твёрдых бытовых отходов: эколого-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 294-295.
2. Абукарова М.У., Мусаева А.Г. Экологическая политика Индии и Китая в фокусе научных воззрений // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6(85). С. 221.
3. Аграрное, земельное и экологическое право Украины. Общие части учебных курсов: Учебное пособие / Под редакцией докт. юрид. наук, проф. Погребного А. А., канд. юрид. наук Каракаша И. И. – Х.: ООО «Одиссей», 2000.
4. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Язык права как элемент юридической техники // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5(84). С. 123-124.
5. Дубовик О. Л. Экологическое право: Учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006.
6. Дубовик О. Л., Кремер Л., Любе-Вольфф Г. Экологическое право: Учебник / Отв. ред. О. Л. Дубовик. – М.: Изд-во «Эксмо», 2005.
7. Экологическое право Украины: Учебное пособие. – Х.: ООО «Одиссей», 2007.

Абукарова М. У., Керимханова Д. С.
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ

В статье затронуты некоторые вопросы в сфере правовой охраны земель, а также на основе анализа земельного законодательства рассмотрены актуальные вопросы совершенствования законодательства об охране земель в Российской Федерации.

Ключевые слова: земельные ресурсы, мелколесье, мелиорация, рекультивация земель.

Abukarova M. U., Kerimhanova D. S.
LEGAL PROBLEMS OF LAND PROTECTION

The article discussed some of the issues in the field of legal protection of the land, as well as based on the analysis of land legislation topical issues of improvement of legislation on the protection of land in the Russian Federation are discussed.

Keywords: land resources, undergrowth, land reclamation, land remediation.

Охрана земель — социально-правовой институт, характеризующий самую важную область взаимоотношений человека и природы. Базовые принципы охраны земель как природного объекта и как природного ресурса закреплены в Конституции Российской Федерации. Так, ст. 9 Конституции РФ устанавливает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Данная формулировка лежит в основе нормы ст. 12 Земельного Кодекса РФ, которая звучит в унисон конституционной норме. Важнейшие требования по охране земель как основного природного ресурса получили свое отражение не только в земельном, но и в природоохранном законодательстве. В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» закреплён комплекс природоохранных требований при осуществлении землепользования. Напомним, что земельное законодательство составляет предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Проблемам охраны земель стали придавать особое значение не случайно: земли используются в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйстве, а также как пространственный базис. Возникает необходимость охраны земель от нерационального или же неправильного использования. Достаточно давно начался процесс ухудшения состояния земель, здесь речь идёт о сокращении площади плодородных земель сельскохозяйственного значения. Как говорилось ещё в постановлении Правительства РФ от 26 июня 1999 г. № 694 «О Федеральной целевой программе «Развитие земельной реформы в Российской Федерации на 1999—2002 годы», десятки миллионов гектаров земли выведены из хозяйственного использования, идет деградация и снижение плодородия почв¹. Это происходит в результате таких неблагоприятных процессов, как эрозия почв, заболачивание земель, подтопление, зарастание сельскохозяйственных угодий кустарником, мелколесьем. И как следствие, происходит вывод сельскохозяйственных земель из хозяйственного оборота. Однако проблема ухудшения качества земель не является новоиспечённой, так сказать, «не веяние времени». К слову сказать, ещё в советский период учёными оговаривалось, что в СССР 70% паш-

Абукарова М. У.

Керимханова Д. С.

ни (160 млн га из 228 млн га) было охвачено эрозией². В тот период значительно уменьшилась площадь земель сельскохозяйственного назначения. Так, в литературе приводился пример о списании правительством РСФСР миллиона гектаров сельскохозяйственных земель³. Приведём интересный исторический факт: 14 декабря 1993 г. в Совете Безопасности Российской Федерации был рассмотрен вопрос «О мерах по предотвращению деградации почв России с целью снижения угрозы национальной безопасности», и отмечалось, что одной из причин деградации почв является истощающее использование земель⁴. По данному поводу следует особо отметить то, что правовая охрана земель способствует обеспечению продовольственной безопасности и занятости населения и, как следствие, является одним из звеньев, обеспечивающих национальную безопасность государства. Ведь охрана земель является составной частью деятельности каждого человека в отдельности и всего общества в целом, что в свою очередь способствует поддержанию благоприятной окружающей природной среды. Не случайно институт правовой охраны земель занимает главенствующее место среди других институтов земельного права.

Однако же, не удаётся преодолеть негативную тенденцию выбытия из оборота продуктивных земель сельскохозяйственного назначения, что было охарактеризовано Правительством РФ как одна из угроз не только продовольственной, но и геополитической безопасности.

1 О Федеральной целевой программе «Развитие земельной реформы в Российской Федерации на 1999—2002 годы»: постановление Правительства РФ от 26 июня 1999 г. № 694 // СЗ РФ. — 1999. — № 27.

2 Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве. — М.: Наука, 1989. — С. 7.

3 Бычкова Ц. В. Совершенствование отношений собственности и вопросы земельных правоотношений / В кн.: Право собственности в условиях совершенствования социализма. — М.: Институт государства и права АН СССР, 1989. — С. 110.

4 Экологическая безопасность России. — Вып. 1. Материалы межведомственной комиссии по экологической безопасности (октябрь 1993 г. — июль 1994 г.). — М., 1995. — С. 93—102.

литической безопасности России⁵. Вопросы, касающиеся состояния земель в русле задач по обеспечению благоприятного состояния окружающей среды, периодически поднимались на заседаниях президиума Государственного совета Российской Федерации, что однозначно свидетельствует об особой актуальности проблем охраны земель⁶.

Особое внимание следует придать тому факту, что использование земель может зачастую оказывать неблагоприятное воздействие не только непосредственно на состояние земель, но и на другие природные объекты: на воды, леса, недра, животный и растительный мир и даже на атмосферный воздух. Поэтому целями правовой охраны земель являются не только обеспечение сохранения благоприятного состояния земель, но и всей окружающей среды в целом. Правовая охрана земель предполагает соблюдение, прежде всего, правил рационального их использования, что полагает их сохранение, восстановление и улучшение.

Важно всегда помнить о том, что использование земель должно осуществляться такими способами, которые бы обеспечивали сохранение экологических систем и способности земли оставаться средством производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве, да и в целом основой осуществления хозяйственной и иных видов деятельности.

Наиболее негативное воздействие на земельные участки оказывает радиоактивное и химическое загрязнение. Земли, подвергшиеся радиоактивному и химическому загрязнению, как правило, подлежат ограничению в использовании, то есть исключаются из категории земель сельскохозяйственного назначения и могут переводиться в земли запаса для их консервации. Консервация земель предполагает изъятие их из оборота, это позволяет восстановить плодородие почв, что в свою очередь предотвратит деградацию земель. Данный процесс осуществляется в порядке, установленном постановлением Правительства РФ (п. 6 ст. 13 ЗК РФ). Кроме того, в целях охраны земель разрабатываются федеральные, региональные и местные программы охраны земель, включающие в себя перечень обязательных мероприятий по охране земель с учетом особенностей хозяйственной деятельности, природных и других условий.

На сегодняшний день продолжает оставаться актуальной проблема отсутствия финансовых средств у производителей сельскохозяйственной продукции, в связи с этим не могут выполняться мероприятия по охране земель, а именно: не соблюдается порядок проведения мелиоративных, агротехнических, агрохимических, фитосанитарных, противозерозионных мероприятий. К тому же допускается длительное неиспользование земель, а это в свою очередь приводит к потере продуктивности ценных земель, зарастанию их кустарником и лесом или к деградации.

Поэтому нельзя не затронуть тот факт, что одна из важных мер по охране земель — это экономическое стимулирование собственников земли, да и не только собственников, но и землепользователей и арендаторов. Экономическое стимулирование рационального использования и охраны земель будет способствовать повышению заинтересованности лиц, использующих земли, в осуществлении мер по защите земель от негативных последствий хозяйственной деятельности.

Экономическое стимулирование рационального использования и охраны земель предполагает: выделение бюджетных средств для восстановления земель, нарушенных не по вине лиц, использующих эти земли; освобождение от платы за земельные участки, находящиеся в стадии сельскохозяйственного освоения, в период, предусмотренный проектом производства работ; поощрение граждан, ведущих крестьянское хозяйство. Тем самым государство оказывает экономическую поддержку и стимулирует лиц, использующих землю и осуществляющих меры по охране земель.

Пристатейный библиографический список

1. Правовая охрана окружающей среды в сельском хозяйстве. — М.: Наука, 1989.
2. О Федеральной целевой программе «Развитие земельной реформы в Российской Федерации на 1999—2002 годы»: постановление Правительства РФ от 26 июня 1999 г. № 694 // СЗ РФ. — 1999. — № 27.
3. Бычкова Ц. В. Совершенствование отношений собственности и вопросы земельных правоотношений / В кн.: Право собственности в условиях совершенствования социализма. — М.: Институт государства и права АН СССР, 1989.
4. Экологическая безопасность России. Вып.1. Материалы межведомственной комиссии по экологической безопасности (октябрь 1993 г. — июль 1994 г.). — М., 1995.
5. Концепция федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.11.2012 №2071-р // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 46. — Ст. 6386.
6. Стенограммы заседаний президиума Государственного совета РФ от 27.05.2010, 09.06.2011.

5 Концепция федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.11.2012 №2071-р // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 46. — Ст. 6386.

6 См. стенограммы заседаний президиума Государственного совета РФ от 27.05.2010, 09.06.2011.

Колосовская Н. Н. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Представлен краткий анализ правовой категории «деньги», сформулировано определение «наличные деньги», показано их соотношение с безналичными денежными средствами, уделено внимание электронным денежным средствам, показано их отличие от биткойнов, которые являются результатом запрещенной деятельности. Автор аргументирует мнение, что операции по переводу электронных денежных средств осуществляют операторы, обладающие ограниченными полномочиями, поскольку переводуказанных денежных средств осуществляется без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций.

Ключевые слова: электронные денежные средства, деньги, безналичные денежные средства, криптовалюта, биткойн, фиатные деньги.

Kolosovskaya N. N. LEGAL NATURE OF ELECTRONIC MONEY

The short analysis of the money legal category is submitted, definition of cash is formulated, their ratio with non-cash money is shown, the attention is paid to electronic money, their difference from bitcoins which are result of the forbidden activity. The author reasons opinion that operations on the transfer of electronic money are carried out by the operators possessing limited powers as a transfer of the specified money is made without opening of bank accounts and other related bank operations.

Keywords: electronic money, money, non-cash money, cryptocurrency, bitcoin, fiat money.

Колосовская Н. Н.

Правопорядки практически всех цивилизованных стран мира, в том числе и России, признают деньги не только универсальным средством платежа, но и традиционным объектом гражданских правоотношений. Так, ГК РСФСР 1922 г. относил деньги к объектам частной собственности (ст. 54), которые могли быть предметом договора займа (статьи 208, 217), использовались в качестве вклада в простое товарищество (статьи 271, 279), а также служили универсальным средством платежа, в том числе за акции (ст. 329)¹. В преамбуле ГК РСФСР 1964 г. утверждалось, что экономика периода развернутого строительства коммунизма основана на социалистической собственности, в которой активно используются товарно-денежные отношения и применяются такие важные инструменты развития экономики, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы².

Ныне действующий ГК РФ, принятый в условиях рынка, использует деньги и производные от него юридические термины (денежные средства, денежные суммы, денежные оценки, денежное выражение, денежные знаки) более 300 раз и проводит различия между наличными деньгами и безналичными денежными средствами (ст. 128). При этом он не называет квалифицирующие признаки. Такая редакция основного закона, регулирующего гражданские правоотношения, вызвала активную научную дискуссию, в ходе которой многие авторы, руководствуясь уточненной диспозицией ст. 128 ГК РФ, аргументировали мнение о том, что наличные деньги следует квалифицировать как вещи, а безналичные денежные средства являются объектом обязательственных отношений. В то же время некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения. К примеру, М. А. Коростелев пишет, что традиционное деление прав на вещные и обязательственные в полной мере не

может быть применено к деньгам, поскольку разные формы денег имеют различный правовой режим. Более того, деньги обладают свойством переходить из одной формы в другую, и такой переход сопровождается изменением правового режима. Далее уважаемый автор делает довольно убедительный вывод, что активно используемые в настоящее время на рынке разные виды высоколиквидных финансовых продуктов, которые по своим признакам и функциям хотя и аналогичны деньгам (электронные деньги, электронные денежные средства и др.), но на самом деле не являются таковыми. По итогам проведенного исследования М. А. Коростелев аргументирует мнение о необходимости сформулировать общее определение денег и предлагает свою авторскую редакцию³, анализируя которую можно сделать вывод, что ей присуще явное противоречие. Дело в том, что с одной стороны, М. А. Коростелев говорит об отдельном правовом режиме каждого вида финансовых продуктов, которые на самом деле не являются деньгами, а с другой стороны, предпринял попытку объединить их в одной правовой категории. С нашей точки зрения, каждый из вышеназванных финансовых продуктов является одновременно и юридической категорией, которая обладает самостоятельным правовым режимом и нуждается в специальном научном исследовании. По результатам таких изысканий целесообразно предложить соответствующую дефиницию и сформулировать основные квалификационные признаки каждой правовой категории и если они, хотя бы частично совпадут, тогда можно делать вывод об их взаимосвязи.

Согласно уточненной редакции ст. 128 ГК РФ термином «деньги» объединены две самостоятельные правовые категории:

— наличные деньги: универсальное платежное средство, объективно выраженное в виде знаков, изготовленных

1 Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г. // СПС КонсультантПлюс.

2 Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406.

3 Коростелев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 7–11.

уполномоченными публичными субъектами в соответствии с официально установленными образцами (бумажные, металлические, комбинированные), наделенные номинальной стоимостью, допущенные к обращению и являющиеся всеобщим эквивалентом стоимости материальных благ.

— безналичные денежные средства: универсальное платежное средство, используемое как аналог наличных денег только посредством информационно-телекоммуникационной сети. В силу того, что безналичные денежные средства являются лишь аналогом денег, они не могут считаться законным (т.е. общеобязательным) платежным средством. Поэтому для разделения наличных и безналичных денег применительно к последним гражданское законодательство обычно использует термин «денежные средства». В научной литературе высказано и другое мнение. Так, М. Я. Бухаров исходит из того, что по российскому законодательству денежные средства, денежные единицы и электронные денежные средства признаются в качестве законного средства платежа, что нарушает основные положения Конституции РФ, Закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Закона «О банках и банковской деятельности», Закона «О валютном регулировании и валютном контроле», где законным денежным средством на территории РФ являются национальная валюта и иностранная, в случаях, предусмотренных законом⁴. Этот вывод следует признать ошибочным, поскольку он основан на тезисе, который не соответствует действительности, так как все эти законы указывают на электронные денежные средства как способ платежа, соответственно, ни один из перечисленных законов не признает электронные денежные средства валютой.

По нашему мнению, электронные денежные средства — это относительно новый и активно используемый способ платежа, на основе которого сформирована электронная платежная система, позволяющая трансформировать наличные деньги в безналичные денежные средства и совершать финансовые операции без открытия специального счета. В отечественной цивилистике эта инновационная технология еще не достаточно изучена и законодательно не получила надлежащего правового регулирования. Так, Банк России в Указании от 03 июля 1998 г. № 277-У «О порядке выдачи регистрационных свидетельств кредитным организациям-резидентам на осуществление эмиссии предоплаченных финансовых продуктов» отметил необходимость использования электронных форм платежных документов⁵. Затем в течение десяти лет этот тезис активно претворялся в жизнь. В итоге Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — ФЗ № 161-ФЗ) констатировал, что национальная платежная система России включает наряду с традиционными субъектами банковских услуг операторов электронных денежных средств, которые осуществляют перевод указанных средств без открытия счета⁶.

В настоящее время существует более чем достаточное количество операторов, оказывающих услуги по переводу электронных денежных средств без открытия счета. Среди известных отечественных операторов можно назвать: QIWI, WebMoney, Assist, RURU, Яндекс.Деньги; Единый кошелек; RBK Money и др. Зарубежные операторы — Alertpay, EasyPay, Pecunix, E-gold, Viktoria и др.

В то же время многие юристы признают, что деньги вообще и электронные в частности являются в первую очередь экономической категорией, посредством которой определяется мера стоимости товара, и поэтому призывают руководствоваться определениями, разработанными экономистами⁷. Однако экономическая теория денег базируется на различных научных концепциях, которые, вступая между собой в противоречие, усложняют процесс развития как теории, так и практических безналичных денежных отношений.

Некоторые авторы называют безналичные деньги абстрактными деньгами. С нашей точки зрения, такое понимание не соответствует действительности, так как термин «абстрактный» используют в тех случаях, когда отсутствуют конкретные признаки объекта, позволяющие его идентифицировать, т.е. дается общая (отвлеченная от индивидуальности) характеристика. В то время как безналичные деньги, в том числе электронные денежные средства, всегда обладают сведениями, позволяющими идентифицировать сумму, ее адрес в Сети, а также владельца.

Правовое регулирование условий и порядка совершения операций с электронными денежными средствами наиболее полно отражено в Европейской директиве об электронных деньгах, принятой 18 сентября 2000 г. № 2000/46/ЕС. Этот документ определяет электронные деньги как денежную стоимость, представленную в требовании к эмитенту, которая:

- а) сохраняется на электронном устройстве;
- б) выпускается для получения средств на сумму не меньшую, чем стоимость в денежном выражении;
- в) принимается как средство платежа за обязательства лицами, отличными от эмитента.

В России операции с электронными денежными средствами получили правовую регламентацию, как отмечено выше, с введением в действие ФЗ № 161-ФЗ, который следует признать не только необходимым и актуальным актом российского законодателя, но и как достижение отечественной цивилистики. Если сравнить дефиниции электронных денег, установленные в указанной Европейской директиве и ФЗ № 161-ФЗ, то можно заметить их сходство и различия:

— денежные обязательства эмитента в электронном виде, которые находятся на электронном носителе в распоряжении пользователя (Директива 2000/46/ЕС).

— денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа (ст. 3 ФЗ № 161-ФЗ).

4 Бухаров М. Я. Юридическая природа наличных, безналичных и электронных денег как предмета банковских сделок в сети интернет // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 4 (83). — С. 105.

5 Указание Банка России от 03.07.1998 № 277-У «О порядке выдачи регистрационных свидетельств кредитным организациям-резидентам на осуществление эмиссии предоплаченных финансовых продуктов» // Вестник Банка России. — 08.07.1998 — № 46.

6 3.Федеральный закон от 27.06. 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.pravo.gov.ru www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.12.2014).

7 Самсонова А. Е. К вопросу об информационной функции денег в финансовом праве // Финансовое право. — 2011. — № 3 // СПС КонсультантПлюс.

При этом сделана существенная оговорка: не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций.

По нашему мнению, определение, содержащееся в Европейской директиве, более точное и понятное. Сформулированная же отечественным законодателем дефиниция электронных денег посредством употребления термина «денежные средства» представляется не удачной, так как слово «средство» имеет много значений (прием, способ действий; предмет, совокупность приспособлений; в бухгалтерском учете – оборотные средства и т.д.), которые не отражают специфику характеризуемого объекта.

Тем не менее оба документа квалифицируют электронные деньги как нематериальный объект – информацию, содержащуюся на электронных носителях, которые могут быть представлены в виде:

— «Сети». Для получения доступа к таким деньгам необходимо авторизоваться, т.е. указать индивидуализирующие признаки субъекта (как правило, это логин и пароль доступа к сети, а также конфиденциальные сведения персонального доступа к праву распоряжения электронными денежными средствами). Кроме того, необходимо подтвердить запрос и законность операции⁸;

— смарт-карты («хранятся на карте»). Распоряжение этими денежными средствами осуществляется посредством применения карты.

Практическое осуществление операций по переводу электронных денежных средств возложено на оператора (кредитная организация, в том числе небанковская кредитная организация, имеющая право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций — ст. 12 ФЗ № 161-ФЗ).

Операции по переводу электронных денежных средств осуществляют операторы, обладающие ограниченными полномочиями: перевод денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций. Электронные денежные средства находятся в «транзитном» состоянии у оператора. Ограничение полномочий, по нашему мнению, установлено в целях разделения сфер деятельности операторов, осуществляющих перевод денежных средств посредством открытия банковского счета и без такового.

Операторы любых платежных систем, в том числе работающие без открытия банковского счета, обязаны соблюдать конфиденциальную информацию о совершаемых операциях и об участниках платежных систем и их клиентах, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Электронные денежные средства делят на персонифицированные, неперсонифицированные и корпоративные. Первые два вида могут принадлежать только частным лицам, которые используют такие денежные средства как в расчетах между собой, так и осуществляют платежи на корпоративные «кошельки». Электронные корпоративные денежные средства принадлежат корпоративным юридическим лицам и частным предпринимателям. С корпоративных кошельков разрешено платить только в адрес частных лиц, платежи на корпоративные кошельки других юридических лиц запрещены⁹. Кроме того, имеются существенные ограничения по суммам платежей и остаткам электронных денежных средств (см. ст. 10 ФЗ 161-ФЗ). Однако, несмотря на существующие ограничения, электронные денежные средства активно используются многими потребителями интернет-коммерции, поскольку предоставляют ощутимые удобства (простота и скорость оплаты товара, работ или услуг; сокращение количества времени на перевод денежных средств и т.п.).

Электронные денежные средства, предусмотренные ФЗ 161-ФЗ, являются аналогом фиатных денег, под которыми понимают национальную валюту, эмитируемую государством (или уполномоченным эмиссионным центром) и гарантированную им (рубли, доллары, евро и т.д.).

Вместе с тем «набирают обороты» нефатные (частные) электронные деньги (часто их называют Bitcoin — от англ. bit — единица информации, coin — монета). Такие «деньги» защищены системой криптографического кодирования, поэтому их называют криптовалютой, которая эмитируется без какого-либо участия государства. В. Л. Достов и П. М. Шуст наряду с другими отечественными цивилистами отмечают, что такие деньги, как правило, возникают в саморегулирующихся сообществах, в том числе международных, которые руководствуются внутренними правилами. Поэтому эмитент в большинстве случаев не несет никакой ответственности перед третьими лицами: он свободен в любой момент прекратить эмиссию или, напротив, выпускать на рынок неограниченные объемы электронной валюты: в форме электронных записей, файлов и т.п.

Отрицательное влияние частных денег состоит в том, что в отличие от государства, финансовое состояние эмитента не сказывается на курсе валюты, поскольку он не связан с какой-либо конкретной национальной экономикой¹⁰. Поэтому многие страны мира, в том числе Россия, уже приняли документы, запрещающие использовать биткойны или им подобные частные электронные деньги. Так, **Центральный Банк Российской Федерации 27 января 2014 г. опубликовал информацию «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн»,** в котором отмечает, что по «виртуальным валютам» отсутствует обеспечение и юридически обязанные по ним субъекты. Операции по ним носят спекулятивный характер, осуществляются на так называемых «виртуальных биржах» и несут высокий риск потери стоимости.

Банк России предостерегает граждан и юридических лиц, прежде всего кредитные организации и некредитные финансовые организации, от использования «виртуальных

8 В случаях, предусмотренных Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», перевод электронных денежных средств может проводиться без проведения идентификации.

9 Облачинский И. **Электронная коммерция** // СПС Консультант-Плюс.

10 Достов В. Л., Шуст П. М. **Расширение платежной функциональности нефинансовых продуктов: программы поощрения потребителей** // Банковское право. – 2013. – № 4 // СПС КонсультантПлюс.

валют» для их обмена на товары (работы, услуги) или на денежные средства в рублях и в иностранной валюте.

В качестве правового основания для запрета использования «виртуальных валют» Банк России сослался на ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в соответствии с которой выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов запрещается.

Далее в информационном письме отмечается, что в связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» и неограниченным кругом субъектов по их использованию граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма.

В итоге Банк России предупредил, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Однако запретить процесс создания криптовалюты или хотя бы остановить его практически невозможно. Более того, еще в 2009 г. под псевдонимом Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto) была опубликована статья, в которой изложена теория, что технология создания и использования валюты биткойн является цифровым эквивалентом процессу добытия золота из недр земли¹¹.

В настоящее время в виртуальном мире существует много видов криптовалюты, которая уже нашла своих потребителей, поскольку разработаны технологии обмена такой валюты на обычные деньги, в том числе рубли. О степени влияния криптовалюты на мировую экономику и финансовую устойчивость отдельных стран можно судить по такому факту – специалисты утверждают, что криптовалюта стала одной из причин мирового экономического кризиса.

Поэтому многие страны мира направляют огромные суммы на разработку системы противодействия отмыванию (легализации) доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Предполагается, что следует найти механизм выполнения главного требования — «знай своего клиента», которое обеспечит тотальный контроль всех совершаемых операций¹².

Однако достигнутый уровень развития инновационных технологий не позволяет пока решить проблемы контроля над децентрализованным выпуском криптовалюты и создать единую систему регулирования каким-либо центральным ведомством.

Подводя итог исследованию статуса электронных денежных средств как объекта правового регулирования, сделаем вывод: объектом правового регулирования в смысле ст. 128 ГК РФ являются только фиатные электронные денежные средства, криптовалюта квалифицируется как результат запрещенной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Европейская директива об электронных деньгах, принятой 18 сентября 2000 г. № 2000/46/ЕС (официально документ не был опубликован) // СПС КонсультантПлюс.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.07.2015).
3. Федеральный закон от 27.06. 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2015).
4. Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.05.2015).
5. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.07.2015).
6. Указание Банка России от 03.07.1998 № 277-У «О порядке выдачи регистрационных свидетельств кредитным организациям-резидентам на осуществление эмиссии предоплаченных финансовых продуктов» // Вестник Банка России. – 08.07.1998. – № 46.
7. Информация Банка России от 27 января 2014 года «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн» // Вестник Банка России. – № 11. – 05.02.2014.
8. Гражданский кодекс РСФСР от 31 октября 1922 г. // СПС КонсультантПлюс.
9. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
10. Бухаров М. Я. Юридическая природа наличных, безналичных и электронных денег как предмета банковских сделок в сети интернет // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 4 (83).
11. Достов В. Л., Шуст П. М. Расширение платежной функциональности нефинансовых продуктов: программы поощрения потребителей // Банковское право. – 2013. – № 4 // СПС КонсультантПлюс
12. Коростелев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.
13. Лейба А. Реальная жизнь виртуальных денег // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 23.
14. Облачинский И. Биткойн: зарубежный опыт // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 23.
15. Облачинский И. **Электронная коммерция** // СПС КонсультантПлюс.
16. Самсонова А. Е. К вопросу об информационной функции денег в финансовом праве // Финансовое право. – 2011. – № 3 // СПС КонсультантПлюс.

11 Лейба А. Реальная жизнь виртуальных денег // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 23. – С. 1, 4.

12 Облачинский И. Биткойн: зарубежный опыт // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 23. – С. 8.

Гитинова К. Г.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

В статье раскрывается перечень методов и инструментов в целях урегулирования налоговой задолженности. Все методы и инструменты урегулирования налоговых долгов можно разделить на три основные группы – добровольно-декларативные, уведомительно-предупредительные и принудительные. Погашение задолженности приводит к увеличению налоговых поступлений в бюджетную систему, и, следовательно, к уменьшению, при прочих равных условиях, уровня относительной стоимости налогового администрирования.

Ключевые слова: налоговая задолженность, налоговое администрирование, налоговые органы, счет налогоплательщика.

Gitinova K. G.

LEGAL ISSUES OF TAX DEBT SETTLEMENT

The article reveals the list of methods and tools in order to settle the tax debt. All of the methods and tools of settlement of tax debts can be divided into three main groups – voluntary and declarative, notifying and preventive, and coercive. Repayment of the debt leads to an increase in tax revenues to the budgetary system, and, consequently, to a decrease, other things being equal, of the level of the relative cost of tax administration.

Keywords: tax debt, tax administration, tax authorities, the taxpayer's account.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый гражданин обязан уплачивать законно установленные налоги и сборы. Очень часто проблемные ситуации возникают с неуплатой налога. Накопление такой неуплаты создает проблемы неплатежей налогов и сборов в бюджеты разных уровней. Неуплата налогов влияет на способность государства в целом и, в частности, муниципалитетов проводить социально-экономические программы. Поэтому очень важно следить и, если возможно, урегулировать долговые задолженности.

На сегодняшний день уклонение от уплаты налогов является одним из самых распространенных и массовых правонарушений в Российской Федерации, так как оно сопряжено с построением отлично проработанных, высокоинтеллектуальных и законспирированных налоговых схем. В противовес тем, кто уклоняется от исполнения своего гражданского долга, современное российское государство повышает роль налоговых органов в правоотношениях с физическими лицами и организациями. Кроме того, постоянно совершенствуются методики Федеральной налоговой службы по выявлению схем уклонения от уплаты налогов. Те налоговые инициативы, которые в последнее время проявляет Федеральная налоговая служба России, явно свидетельствуют об активизации борьбы налоговых органов с криминальными налоговыми схемами.

Существуют и вполне легальные способы ухода от налогообложения. В частности, это затягивание срока уплаты налогов для дальнейшего списания налоговыми органами безнадежных к взысканию задолженностей по пеням и штрафам. Кроме того, несовершенство российского законодательства позволяет использовать различные «лазейки» для ухода от налогообложения, формально не нарушая законодательства. Примерами этого могут служить создание налогоплательщиками различных схем ухода от налогообложения (трансфертное ценообразование, система неплатежей между материнской и дочерней компаниями и т. д.) с использованием гибридных форм интеграции предприятий; альтернативные расчеты, бартерные сделки и т. п.; осуществление псевдоопераций, при которых заключаются фиктивные контракты для увеличения затрат и/или получения вычетов по НДС.

Гитинова К. Г.

Среди наиболее существенных последствий уклонения от уплаты налогов можно выделить:

- сокращение налоговых поступлений в бюджет;
- искажение ценовых соотношений и нарушение рыночной конкуренции;
- нарушение принципа социальной справедливости.

Уклонение от уплаты налогов представляет собой способы уменьшения налоговых платежей, при которых налогоплательщик умышленно избегает уплаты налога (налогов) или уменьшает размер своих налоговых обязательств с нарушением действующего законодательства. При этом умышленным считается деяние (действие или бездействие), совершенное лицом осознанно, которое желало либо сознательно допускало наступление вредных последствий таких деяний.

Наиболее перспективными направлениями разрешения конфликтов является применение досудебного урегулирования налоговых споров.

С принятием Налогового кодекса Российской Федерации установлен перечень методов и инструментов в целях урегулирования налоговой задолженности. Все методы и инструменты урегулирования налоговых долгов можно разделить на три основные группы: добровольно-декларативные, уведомительно-предупредительные и принудительные.

Первая форма урегулирования налоговой задолженности предусматривает декларативный характер процесса, основанный на следующих методах: централизованный взаимозачет (двусторонние, многосторонние), отсрочки или рассрочки уплаты налога, реструктуризация налоговой задолженности.

Уведомительно-предупредительная форма урегулирования налоговой задолженности включает в себя действия налогоплательщика по погашению задолженности, которые возникают в результате направления налоговыми органами по требованиям налоговых платежей с указанием суммы задолженности и пени и периода исполнения требований, а также меры для восстановления и приведения в исполнение налоговых обязательств, в случае игнорирования требований налогоплательщиком.

Конкретные методы и инструменты, используемые налоговыми органами при применении принудительных методов, включают:

- инкассовые поручения банку на беспорочное списание сумм, причитающихся налогоплательщику, замораживание банковских счетов;
- арест имущества;
- взыскание на имущество налогоплательщика;
- процедура банкротства – наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство.

Неисполнение обязанности по уплате налога является основанием для применения мер принудительного исполнения этой обязанности. В случае неуплаты или неполной уплаты налогоплательщиком налога в установленный срок налоговый орган вправе произвести взыскание налога за счет денежных средств, находящихся на банковских счетах налогоплательщика.

Одним из способов исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов является приостановление операций по счетам налогоплательщика. Решение о приостановлении операций налогоплательщика по его счетам принимается только руководителем (или его заместителем) того налогового органа, который направил требование об уплате налога, и должно быть вынесено одновременно с инкассовым поручением банку на перечисление налогов в бюджет со счетов должника.

Взыскание налоговой задолженности из активов налогоплательщика является вторым шагом в реализации вынужденной формы механизма и используется в случае невозможности исполнения долга в счет средств налогоплательщиков.

Арест имущества представляет собой действие налогового органа, санкционированное прокурором, по ограничению права налогоплательщика в отношении принадлежащего ему имущества. Арест имущества является обеспечительной мерой, направленной на исполнение именно решения налогового органа о взыскании задолженности по налоговым платежам за счет имущества налогоплательщика, принимаемого в рамках соответствующей процедуры принудительного взыскания.

Отсутствие имущества или дохода налогоплательщика, на которые может быть обращено взыскание в части удовлетворения требований налоговых органов, является основанием по обращению налоговых органов в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом в порядке и сроки, установленные Положением о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в делах о банкротстве и в процедурах банкротства, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2004 г. № 257. Законодательство определяет только один критерий для признания налоговой задолженности безнадежной и подлежащей списанию – ликвидация организации, который имеет юридическую природу и не затрагивают вопросы экономической или социальной целесообразности списания безнадежных долгов по налогам и сборам. Одновременно налогоплательщик лишен права требовать признания недоимки безнадежной и ее списания в случае, если указанное основание прямо не предусмотрено действующим нормативным актом федерального, регионального или местного уровня, но связано с причинами экономического и (или) социального характера¹.

Погашение задолженности приводит к увеличению налоговых поступлений в бюджетную систему, и, следовательно,

к уменьшению, при прочих равных условиях, уровня относительной стоимости налогового администрирования².

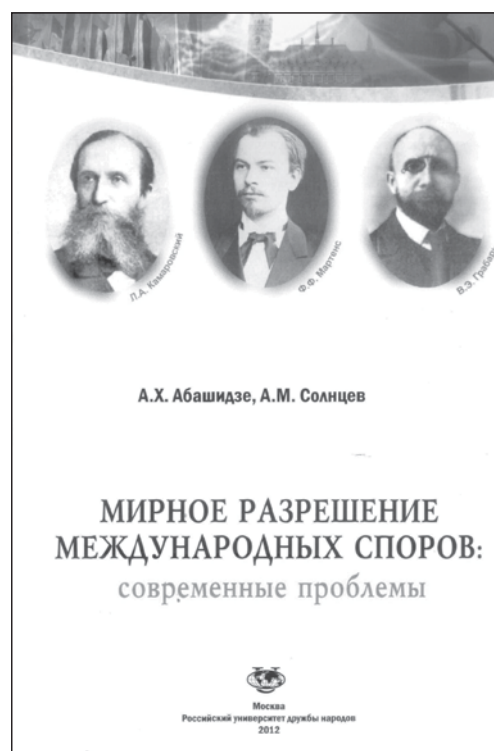
Администрирование задолженности осуществляется консолидировано: по всем видам налогов, для всех уровней бюджетной системы и осуществляется по стадиям, предусмотренным действующим законодательством:

- реструктуризация кредиторской задолженности юридических лиц по налогам и сборам, а также взносам в бюджетную систему Российской Федерации и государственные внебюджетные фонды;
- принудительное взыскание задолженности;
- использование процедур банкротства;
- списание в установленном порядке налоговой задолженности.

Опасность неплатежей в бюджет состоит в том, что неплатежи противоречат самой цели рыночных реформ, затрудняют переход к рынку, подвергая экономику страны в ситуацию, когда уже не действуют старые, но еще не включены новые рычаги регулирования. В целом неплатежи парализуют экономические отношения, стимулируют возникновение и распространение средств неденежного обращения – бартера, зачетов, денежных суррогатов.

Пристатейный библиографический список

1. Блохин К. М. Технология формирования налогового бюджета организации // Финансовый-менеджмент. – 2010. – № 5.
2. Викулenco А. Е. Налогообложение и экономический рост России. – М.: Прогресс, 2009.

¹ Блохин К. М. Технология формирования налогового бюджета организации // Финансовый-менеджмент. – 2010. – № 5. – С. 74–84.

² Викулenco А. Е. Налогообложение и экономический рост России. – М.: Прогресс, 2009.

Ибрагимова А. Х.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В статье раскрывается важность заключения договоренностей о ликвидации двойного налогообложения. Устранение двойного налогообложения необходимо в связи с тем, что оно оказывает негативное влияние на расширение торговли услугами и товарами и на движение капитала, значительно усложняет процесс расширения экономических связей, а также для того, чтобы облегчить плательщикам налогов, проводящим коммерческую деятельность в нескольких государствах, точное понимание собственного налогового положения в этих государствах.

Ключевые слова: двойное налогообложение, налогоплательщик, налоговое соглашение, международное соглашение, налоговые вычеты.

Ibragimova A. Kh.

LEGAL REGULATION OF DOUBLE TAXATION

The article deals with the importance of concluding agreements on the elimination of double taxation. It is necessary to eliminate double taxation in connection with the fact that it has a negative impact on the expansion of trade in goods and services and on the movement of capital, significantly complicates the process of expansion of economic ties, and secondly, it is better for tax payers conducting business in several states to understand exactly their own tax situation in these countries.

Keywords: double taxation, the taxpayer, tax treaty, international agreement, tax deductions.

Ибрагимова А. Х.

Налоговые соглашения международного типа или документы касательно исключения двойного налогообложения являются достаточно распространенными в межгосударственных отношениях. Страны подписывают их для упрощения экономического сотрудничества между своими организациями и гражданами.

К задачам, решение которых ожидается от заключения международных налоговых соглашений, относятся:

1. Урегулирование механизма двойного налогообложения.

2. Защита интересов хозяйствующих субъектов своих стран, ведущих внешнеэкономическую деятельность в другой стране, их недискриминация в сфере обложения налогами. Когда по обоюдному соглашению между руководством обоих государств субъектам внешнеэкономической деятельности обеспечивается благоприятная налоговая атмосфера, то обе страны получают выгоды: страна — импортер капитала получает приток зарубежных денег в национальную экономику, также привлекаемых и льготным налогообложением, а страна — экспортер капитала — в виде налогов с глобальных доходов собственных резидентов. Так, в результате международных налоговых соглашений, мы получаем рост международной коммерческой активности, увеличение потока капиталов между государствами.

3. Отстаивание собственного налогового суверенитета каждой страной посредством проведения предварительных исследований, обмена информацией между фискальными органами и задержания злостных неплательщиков налогов.

4. Выработка системы решения спорных вопросов, которые всегда будут неизбежно возникать во взаимоотношениях между налогоплательщиками и правительством. Если резидент этого государства считает, что в другой стране с него брали неоправданно большие налоги, то, не будучи субъектом международного права, он может ожидать помощи лишь со стороны фискальных органов своей страны, которые имеют право решать такие проблемы.

В то же время необходимо особенно отметить тот факт, что международные налоговые соглашения не образуют новых налоговых законов, они создаются только для обеспече-

ния надежной и «мягкой» стыковки национальных налоговых законодательств. В связи с этим главное правило международных налоговых соглашений заключается в том, что они не имеют возможности дать каждому государству больше преимуществ и прав, чем это прописано в его законодательстве. Отсюда становится ясным значение для каждого государства формирования соответствующих норм и правил и строгого следования им на уровне национального налогового законодательства. В случае грамотного подхода к данному вопросу основную часть, если даже не все необходимое регулирование и в то же время с достаточной степенью защиты государственных интересов можно вполне обеспечить лишь за счет односторонних государственных мер, не используя для этого налоговые соглашения. Хотя необходимо отметить, что состав данных односторонних мер, так же как и механизм их реализации, в существенной степени сформировался как раз под влиянием налоговых соглашений¹.

Тщательная и глубокая разработка всего комплекса национальных норм и правил в области регулирования налогообложения в международной деятельности нужна и для заключения налоговых договоров, так как именно на базе собственных государственных норм каждая страна создает свои исходные позиции для принятия компромиссов, которые удовлетворяли бы обе стороны по отдельным режимам и статьям, входящим в налоговое соглашение. Для стран, которые выступают в качестве сторон в процессе заключения налоговых соглашений, их важность выходит за пределы лишь выбора более приемлемых административных процедур: по факту получается так, что они делают реальные деньги (налоговые поступления) между собой, и каждая сторона может как выиграть, так и потерять от подобного деления.

При этом часто идет речь о возможных выгодах и потерях, насчитывающих сотни миллионов, а в некоторых случаях даже миллиардов долларов. Международные налоговые соглашения, так же как и налоговые законы, должны быть

1 Арутюнян В. Проблемы международного двойного налогообложения и пути их решения // Проблемы теории и практики управления. — 2011. — № 2. — С. 39–41.

приняты в законодательных органах партнерских государств. Налогоплательщики посредством своих представителей в правительстве могут следить за тем, чтобы не были забыты и не были отодвинуты в сторону их интересы, как в процессе принятия налоговых законов, так и в процессе ратификации налоговых договоров. Для плательщиков налогов международные налоговые договоры еще полезны и тем (кроме более надежного и совершенного устранения двойного налогообложения), что открывают перед ними уникальную возможность выставления своих проблем на международный, то есть на наднациональный уровень, в дополнение к тем судебным и иным средствам защиты, которыми они располагают исходя из национального законодательства. При этом, ввиду определенных обстоятельств, на международный уровень также могут быть вынесены не только их конфликты с налоговыми органами «чужого» государства, но даже и спорные вопросы с собственными налоговыми властями (к примеру, спор плательщика налогов с налоговыми органами своего государства касательно налоговых обязательств компании, находящейся в его собственности в другом государстве и проводящей деятельность в стране основного местожительства плательщика налогов).

Отдавая себе отчет в важности применения международных соглашений как средства регулирования налоговых отношений между странами, правительства осуществляют активную работу по заключению международных налоговых договоров. На сегодняшний день государства, входящие в мировое хозяйство, располагают достаточно широкой сетью двусторонних налоговых договоров.

Международные договоры об избежании двойного налогообложения, используемые на территории РФ, являются частью правовой системы Российской Федерации и обладают приоритетным действием в сравнении с нормами национального налогового законодательства.

Статья 15 Конституции РФ гласит, что международные соглашения РФ являются составной частью ее правовой системы и если международным соглашением установлены другие правила, чем те, которые прописаны в законе, то используются правила международного соглашения.

Международное соглашение, о котором говорится в ст. 7 Налогового Кодекса РФ, в международном праве может быть обозначено различными названиями: соглашение, договор, конвенция и другими.

В связи с «несстыковкой» государственных налоговых законодательств разных стран налоговая ситуация во время ведения международной коммерции может быть достаточно неопределенной. Далеко не всегда очевидно даже то, налоговым резидентом какой из стран является тот или иной хозяйствующий субъект. Если не будет договора, может сложиться ситуация, когда одна и та же прибыль будет облагаться налогом в обоих государствах. К примеру, доход от деятельности представительства зарубежного предприятия всегда облагается налогом по месту расположения данного представительства. Однако данный доход также подвергается налоговому обложению и по месту расположения самой зарубежной компании. Устранение данной очевидной несправедливости и принятие ясных налоговых правил для международной коммерческой деятельности и есть главная цель заключения налогового соглашения.

Налоговые соглашения, как правило, заключаются между государствами с «нормальным» уровнем налогообложения, тогда как офшорные зоны, то есть государства с нулевыми (или близкими к тому) налогами, подобных договоров не имеют. И

это неудивительно. Если налога нет, то откуда взяться двойному налогообложению, и, таким образом, договариваться о его исключении незачем. Выдавать же односторонние налоговые льготы офшорным предприятиям государства с большими налогами никак не намерены. Даже если с такой страной соглашение и заключается, то обычно офшорные предприятия выводятся из-под его явного воздействия².

И, более того, в последние годы налоговыми властями всех государств мира все больше внимания уделяется борьбе с уклонениями от налогов участников межгосударственной коммерции. В связи с этим в большинство соглашений последних лет входят нормы, предполагающие обмен налоговой информацией и взаимовыгодную помощь в вопросах расследования соответствующих дел.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнян В. Проблемы международного двойного налогообложения и пути их решения // Проблемы теории и практики управления. — 2011. — № 2.
2. Гусев В. В. Проблемы двойного налогообложения в Российской Федерации. Пути решения // Финансы. — 2009. — № 4.

2. Гусев В. В. Проблемы двойного налогообложения в российской федерации. Пути решения // Финансы. — 2009. — № 4.

Залибекова Д. З.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается значение налогового контроля в повышении эффективного развития финансовой системы страны. При его отсутствии или малой эффективности трудно рассчитывать на то, что налогоплательщики будут своевременно и в полном объеме уплачивать причитающиеся налоги и сборы. Важнейшим фактором повышения эффективности контрольной работы налоговых органов по снижению уровня уклонений от уплаты налогов является совершенствование действующих процедур контрольных проверок.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговые проверки, налогоплательщик, налоговые органы, налогооблагаемая база.

Zalibekova D. Z.

WAYS OF INCREASING THE LIABILITY OF LEGAL ENTITIES AND INDIVIDUALS FOR VIOLATIONS OF THE TAX LEGISLATION

The article discusses the importance of tax control in enhancing effective development of the financial system of the country. Effective tax control is a necessary condition for the functioning of any tax system. In its absence or low efficiency it is difficult to expect that taxpayers will pay on time and in full the outstanding taxes and fees. The most important factor in increasing the efficiency of the control of tax authorities to reduce the level of tax evasion is to improve existing procedures of checks.

Keywords: tax control, tax audit, the taxpayer, the tax authorities, the taxable base.

Одной из основных целей деятельности любой коммерческой организации является получение максимально возможной прибыли, а руководители некоммерческих организаций должны стремиться к тому, чтобы деятельность организации совершалась эффективно и успешно как можно с меньшими затратами.

Поэтому одним из важнейших направлений работы налоговых органов является осуществление мониторинга всех убыточных организаций и в том числе организаций, выплачивающих низкую заработную плату. При этом вопросы получения прибыли и увеличения налогооблагаемой базы по «зарплатным» налогам решаются путем заслушивания руководителей организаций на специальной комиссии.

Эффективный налоговый контроль является необходимым условием функционирования любой налоговой системы. При его отсутствии или малой эффективности трудно рассчитывать на то, что налогоплательщики будут своевременно и в полном объеме уплачивать причитающиеся налоги и сборы.

В связи с противоречивостью публичных и частных интересов в сфере налогообложения, государство, защищая публичные (общественные) интересы, вынуждено применять специальный механизм взаимодействия с налогоплательщиками, который, в конечном счете, призван обеспечить надлежащее поведение каждого лица по исполнению им налоговой обязанности.

Поскольку местные бюджеты по российскому законодательству являются самостоятельными и не входят в вышестоящие бюджеты, отношения между ними и федеральным бюджетом не зафиксированы Конституцией РФ и не отражаются в законе о федеральном бюджете на очередной финансовый год. Эти вопросы отданы на откуп органам власти субъектов Федерации, которые, принимая свои бюджеты, закрепляют и регулируют отношения с нижестоящими звеньями бюджетной системы¹.

Залибекова Д. З.

Важнейшим фактором повышения эффективности контрольной работы налоговых органов по снижению уровня уклонений от уплаты налогов является совершенствование действующих процедур контрольных проверок. Необходимыми признаками любой действенной системы налогового контроля являются:

- наличие эффективной системы отбора налогоплательщиков для проведения выездных проверок, дающей возможность выбрать наиболее оптимальное направление использования ограниченных кадровых и материальных ресурсов налоговой инспекции, добиться максимальной результативности налоговых проверок при минимальных затратах усилий и средств, за счет отбора для проверок таких налогоплательщиков, вероятность обнаружения налоговых нарушений у которых представляется наибольшей;

- применение эффективных форм, приемов и методов налоговых проверок, основанных как на разработанной налоговым ведомством единой комплексной стандартной процедуре организации контрольных проверок, так и на прочной законодательной базе, предоставляющей налоговым органам широкие полномочия в сфере налогового контроля для воздействия на недобросовестных налогоплательщиков;

- увеличения размеров наказания за налоговые правонарушения.

Налоговая отчетность является составной частью налогового контроля. Согласно ст. 23 Налогового кодекса РФ, налогоплательщики обязаны представлять в налоговый орган по месту учета в установленном порядке налоговые декларации по тем налогам, которые они обязаны уплачивать, если такая обязанность предусмотрена законодательством о налогах и сборах. Такими документами могут быть:

- налоговые декларации (ст. 80 Налогового кодекса РФ);
- расчеты авансовых платежей по налогам, налоговым периодом для которых является календарный год (например, налог на имущество, земельный налог);

¹ Экономика налоговых реформ: монография / под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова, Л. Л. Тарангул. – К.: Алерта, 2013. – С. 419

– справки по НДСЛ - форма 2-НДСЛ, реестр сведений о доходах, выплаченных физическим лицам (п. 2 ст. 230 Налогового кодекса РФ);

– налоговые расчеты о доходах, выплаченных иностранным организациям (п. 4 ст. 310 Налогового кодекса РФ).

Налоговая декларация представляет собой письменное заявление налогоплательщика о полученных доходах и произведенных расходах, источниках доходов, налоговых льготах и исчисленной сумме налога и (или) другие данные, связанные с исчислением и уплатой налога. Налоговые органы не вправе требовать от налогоплательщика включения в налоговую декларацию сведений, не связанных с исчислением и уплатой налогов.

Налоговую отчетность в налоговую инспекцию представляют:

– налогоплательщики (п. 1.4 ст. 23 НК РФ);

– налоговые агенты (п. 3.4 ст. 24, п. 5 ст. 174, п. 2 ст. 230, п. 3 ст. 289 НК РФ). Налоговым агентом является организация, на которую возложена обязанность по расчету, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджет Российской Федерации (ст. 24 Налогового кодекса РФ) и которая обладает теми же правами, что и налогоплательщик.

Особую роль в налоговых схемах, направленных на уклонение от уплаты налогов, играют фирмы-однодневки. За последние 20 лет однодневки стали неотъемлемой частью отечественной экономики и используются практически повсеместно: по оценкам до 80 % всех проводок, отслеживаемых в ЦБ РФ, так или иначе связаны с однодневками.

Перечисленные способы уклонения от уплаты налогов не являются единственными. Существуют и вполне легальные способы ухода от налогообложения. В частности, это затягивание срока уплаты налогов для дальнейшего списания налоговыми органами безнадежных к взысканию задолженностей по пеням и штрафам. Кроме того, несовершенство российского законодательства позволяет использовать различные «лазейки» для ухода от налогообложения, формально не нарушая законодательства.

Вопрос о возможных и допустимых способах минимизации налоговых платежей в последнее время достаточно часто обсуждается на страницах финансовой и юридической литературы. Актуальность данного вопроса обусловлена вполне объяснимым стремлением налогоплательщиков уменьшить налоговую нагрузку и столь же объяснимым стремлением государства воспрепятствовать этому. В аспекте указанной проблемы особенно отчетливо проявляется различие частноправовых и публично-правовых интересов: для любого налогоплательщика налоговые платежи являются фактически изъятием части собственности, притом безвозмездным, в то время как для государства налоги - это основная составляющая доходов бюджета. Крылатая фраза «сэкономленные деньги - это заработанные деньги» с точки зрения минимизации налоговых платежей приобретает для налогоплательщиков особое практическое значение.

Острота обозначенной проблемы определяется также тем, что в действующем законодательстве не всегда можно найти четкие критерии, позволяющие в конкретной ситуации разграничить правомерную минимизацию налогообложения и незаконное уклонение от уплаты налогов. Противоречива и судебная практика, относящая одни и те же действия налогоплательщиков в одних случаях к правомерной деятельности, а в других - к разряду правонарушений.

Налоговые проверки являются самым важным элементом системы налогового контроля. С помощью налоговых проверок осуществляется непосредственный контроль за полнотой и правильностью исчисления налогов и сборов, который может быть реализован только путём сопоставления представляемых налогоплательщиком налоговых расчётов (деклараций) с фактическими данными о его финансово-хозяйственной деятельности.

Таким образом, стратегическими задачами работы налоговых органов по осуществлению контроля (надзора) и повышения ее эффективности по мнению М. В. Мишустина является:²

– создание современных аналитических инструментов налогового контроля, позволяющих обеспечить выявление сокрытой налоговой базы, выявление всех налогоплательщиков, имеющих зоны риска совершения налоговых правонарушений, и пресечение практики уклонения от налогообложения;

– обеспечение качества предоставляемых налоговыми органами государственных услуг в целях создания равных условий для ведения предпринимательской деятельности и пресечения незаконной деятельности лиц в сфере госрегулируемых видов деятельности.

Следовательно, контроль налоговых поступлений - это одна из главных задач государства, которая помогает эффективно осуществлять налоговую политику, увеличивать уровень сбора налогов в бюджет страны, обеспечивает раскрытие налоговых нарушений. Успешность реализации налогового надзора отражает степень финансовой безопасности государства, потому что достаточность финансов в бюджетной системе позволяет исполнительным органам принимать меры для устранения рисков в области экономической безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Экономика налоговых реформ: монография / под ред. И.А. Майбунова, Ю.Б. Иванова, Л.Л. Тарангул. – К.: Алерта, 2013. – С. 419
2. Мишустин М.В. Для повышения качества налогового администрирования необходима комплексная модернизация налоговой службы//Российский налоговый курьер. - 2012. - № 22. - С. 3.

2 Мишустин М. В. Для повышения качества налогового администрирования необходима комплексная модернизация налоговой службы//Российский налоговый курьер. - 2012. - № 22. - С. 3.

Меджидова З. К.
ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ

В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема, заключающаяся в привлечении инвестиций в российскую экономику. Одним из инструментов ее решения являются особые экономические зоны, где государство формирует особые условия для привлечения российских и иностранных организаций, обладающих передовыми технологиями производства и управления в приоритетных для России отраслях экономики.

Ключевые слова: экономика, свободные экономические зоны, налоговые льготы, налоговый кредит, налоговое законодательство, инвестиции.

Medzhidova Z. K.
LEGAL TAXATION MECHANISM IN SPECIAL ECONOMIC ZONES

The article discusses the current problem of attracting investment to the Russian economy. One of the tools for its solution are special economic zones, where the state creates special conditions for attracting Russian and foreign companies with advanced production and management technologies in the priority sectors of Russian economy.

Keywords: economy, free economic zones, tax incentives, tax credits, tax laws, investment.

Меджидова З. К.

Для ускорения расширения экономики и выхода на международные рынки целый ряд государств решили пойти на формирование особых экономических зон (ОЭЗ), которые находятся в пределах этих стран. Формирование данных зон нацелено на регулирование государством большого числа экономических, научно-технических и социально-политических задач.

Процесс формирования ОЭЗ внутри государства всегда сопряжен с некоторым риском, который связан с денежными вложениями в формирование и расширение новой производственной инфраструктуры, а также привлечением в определенную национальную экономику инородных для нее способов производственно-сбытовой работы, применением отличных от всей экономики методов финансирования работы субъектов свободных экономических зон.

Но, независимо от высокой доли риска, для свободных экономических зон свойственно расширение международного экономического сотрудничества почти во всех возможных формах, что дает импульс не только к расширению конкретных видов производств в свободных экономических зонах, однако и к ликвидации непродуктивных управленческих звеньев, технологических цепочек и т.п. Это подразумевает последовательную, неуклонную оптимизацию экономического комплекса свободных экономических зон и его встраивание как в национальную, так и в мировую экономику.

При принятии решения о формировании свободных экономических зон требуется определить самые основные их черты: организационные формы хозяйственной работы, способы размещения производительных сил в пределах государства, возможность производства и распределения добавленной стоимости, изготовленной в свободной экономической зоне, способность к расширению и распространению границ свободной экономической зоны на иные, связанные с нею хозяйственные сферы, отрасли, территории.

Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (в ред. от 06 декабря 2013 г.) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» был призван служить правовым механизмом для координирования работы ОЭЗ, содержащим преференции по трем основным для бизнеса направлениям:

- налоговые и таможенные льготы;
- государственное финансирование инфраструктуры;
- снижение административных барьеров.

На сегодняшний день функционируют и прочие законы, координирующие образование и работу особых экономических зон в РФ.

Обязательное условие продуктивной деятельности особых экономических зон – формирование необходимой инфраструктуры за счет бюджетных ресурсов (федеральных и региональных).

Может быть, это основная проблема на пути создания особых экономических зон, потому что роль бюджетных инвестиций на всем протяжении российских реформ всегда недооценивалась, а их доля в общем объеме инвестиций в основной капитал сохраняет тенденцию к снижению. Но бюджетные средства не являются единственным источником для создания объектов инфраструктуры. Данная проблема может регулироваться с помощью предоставления инфраструктурных концессий частным инвесторам.

Независимо от неоднозначности и нестабильности финансово-инвестиционного климата в нашей стране, в особых экономических зонах прилагаются все усилия привлечения как отечественного, так и иностранного капитала. Большинство известных мировых организаций готовы к сотрудничеству с российскими ОЭЗ. На практике это означает стимул для действительного развития сфер отечественной экономики и совершенствования уровня жизни россиян, которые живут в данных областях¹.

Активизация внешнеэкономической работы, широкое применение ее в роли фактора интенсификации производства подразумевают равноправие условий совместного предпринимательства и привлечения капитала, защиту социальных интересов сотрудников. Как раз данные задачи должны решаться на начальном этапе создания зон, для того чтобы обеспечить,

1 Арутюнов Д. Р. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах Российской Федерации // Право и политика. – 2012. – № 10. – С. 86–88.

прежде всего, активное развитие рыночной инфраструктуры (банки, связь, транспорт), малых и средних компаний с короткими сроками сооружения и ввода, с высокой и быстрой отдачей.

Компании и бизнесмены применяют в особых экономических зонах предоставленные государством специальные налоговые и таможенные режимы для минимизации налогообложения изготавливаемой продукции, уменьшения ее себестоимости, снижения административного давления на их работу.

Система льгот, устанавливаемых в особых экономических зонах для резидентов, в достаточной степени индивидуальна и тесно связана с реализуемыми на их территории программами и проектами.

Нормы налогового законодательства, определяющие основания, порядок и условия использования льгот по налогам и сборам, не могут носить персонального характера. Не допускается формировать дифференцированные ставки налогов и сборов, налоговые льготы в зависимости от формы собственности, гражданства физических лиц или места происхождения капитала.

При формировании особых экономических зон в роли самых известных методов стимулирования работы резидентов в мировой практике используются три основных рычага реализации налоговой политики:

- налоговые кредиты;
- налоговые каникулы;
- налоговые и таможенные преференции.

Законодательно установлено, что предприятиям, действующим на территории особых экономических зон, для извлечения максимальной выгоды от своего местонахождения необходимо получить статус резидента зоны. Резидентам особых экономических зон предоставляется широкий спектр преференций, направленных на стимулирование ведения предпринимательской деятельности. Резиденты зон получают льготы по федеральным, региональным и местным налогам. С точки зрения фискальной политики государство регулярно недополучает в бюджет суммы данных льгот. Льготный режим налогообложения в особых экономических зонах способствует реинвестициям полученной прибыли в экономику ОЭЗ, а через механизм ее взаимодействия с региональной экономикой – и в хозяйственную деятельность на остальной территории страны.

Власти субъектов Российской Федерации, на территории которых находятся особые экономические зоны, могут обозначать дополнительные налоговые льготы в части налогов, поступающих в региональные и муниципальные бюджеты.

Во всех особых экономических зонах налогоплательщики могут экономить на расходах на научные исследования и опытно-конструкторские работы. В отличие от обычных плательщиков, для которых цена исследования равномерно входит в состав прочих расходов в течение года (ст. 262 Налогового кодекса Российской Федерации), зарегистрированные и работающие в особой экономической зоне компании стоимость подобных исследований включают в расходы в полном размере во время их выполнения. Это правило касается не только резидентов особых экономических зон, но и всех компаний, зарегистрированных и ведущих деятельность на территории особой экономической зоны².

Формирование особых экономических зон в нашей стране стало «пробным» проектом внедрения новой инновационной, инвестиционной, налоговой и таможенной политики страны. ОЭЗ формируются для развития обрабатывающих и высокотехнологичных сфер экономики, производства новых видов продукции, развития портовой и транспортной инфраструктуры. Формирование особых экономических зон ускорит интеграцию РФ в мировую экономику, а также даст возможность перераспределить мировые потоки товаров и капиталов в интересах России.

Система предоставляемых резидентам особых экономических зон льгот должна служить инструментом реализации сравнительных преимуществ данной территории, а не механизмом компенсации существующих недостатков или отсутствующих факторов развития. Не всегда принятие решения о предоставлении льгот сопровождается явным желанием государства получить именно экономические дивиденды. Формирование льготного режима для предпринимательства не только дает мощный импульс развитию промышленности на территории региона, где расположена особая экономическая зона, но и привлекает туда бизнесменов из ближних и более удаленных территорий, ведет к развитию смежных сфер экономики. В ходе деятельности особых экономических зон выполняется торгово-промышленная диверсификация их деятельности, их комплексное развитие. При этом финансовые льготы в особых экономических зонах выполняют если не первостепенную роль для резидентов зон, то обязательно являются важным стимулом для развития деятельности в этих территориальных образованиях.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнов Д. Р. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах Российской Федерации // Право и политика. – 2012. – № 10.
2. Рыбаков С. А., Орлова Н. А. Особые экономические зоны в России: Налоговые льготы и преимущества. – М.: Вершина, 2011.

² Рыбаков С. А., Орлова Н. А. Особые экономические зоны в России: Налоговые льготы и преимущества. – М.: Вершина, 2011. – С. 12–13.

Бачило И. Л.

ЧИТАЯ ГЕНРИ КИССИНДЖЕРА: ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Статья представляет обзор новой книги известного политолога Г. Киссинджера «Мировой порядок» (2015 г) и позволяет познакомиться с технологией двойных стандартов в оценке поиска путей к снижению напряженности в мире в связи с использованием информационных технологий, увидеть разрыв в понимании проблемы в научном и политическом аспектах, определяющих необходимость сохранения, по мнению автора рассматриваемой работы, американского «зонтика» в многополярном мире.

Ключевые слова: время, информация, знания, мудрость, мировой порядок, Интернет, информационное пространство, киберпространство, технологии, власть, легитимность, геополитическая импотенция, насилие, человеческий фактор, сознание, гражданское общество, цифровое большинство, многополярность, «зонтик», конфликты, кибератаки, информационная безопасность.

Bachilo I. L.

READING HENRY KISSINGER: INFORMATION SOCIETY, INTERNET ACCESS AS FACTORS IN THE SHAPING OF WORLD ORDER

The article presents a review of a new book of a prominent political scientist, Kissinger "World order" (2015) and allows you to get acquainted with the technology of double standards in the assessment of finding ways to reduce tensions in the world in connection with the use of information technology, to see the gap in understanding the problems in the scientific and political aspects that determine the necessity of maintaining, according to the author of the reviewed paper, the American "umbrella" in a multipolar world.

Keywords: time, information, knowledge, wisdom, world order, Internet, information space, cyberspace, technology, authority, legitimacy, geopolitical impotence, violence, human factors, consciousness, civil society, the digital majority, multipolarity, "umbrella", conflict, cyber attacks, information security.

В русском переводе вышла новая книга политолога мирового масштаба Генри Киссинджера «Мировой порядок»¹. Современная оценка состояния решения вопроса об устройстве мирового порядка в XXI веке цифровой эпохи, не может пройти мимо внимания не только политологов, но и специалистов организации управления в национальном, региональном и мировом масштабе, организаторов и пользователей Интернет-технологиями в условиях формирования информационного общества.

Размышления автора труда «Мировой порядок» охватывают широкий исторический диапазон процесса (от XVII в. до наших дней) формирования современной геополитической системы и роли США в сложной ситуации поиска мирового порядка. Эта, «ускользающая проблема» от внимания исследователей современности, требует сложных теоретических и практических решений. Обоснование роли Соединенных Штатов в этом процессе затрагивает такие аспекты как: соотношение власти и легитимности; судьбы государства на уровнях национального, международного и глобального (мирового) порядка; понимания однополярной и плюралистической (многополярной) модели управления процессом развития общества в условиях информационной цифровой революции и массового использования Интернета.

В силу профессионального научного интереса сосредоточим внимание лишь на проблемах, связанных с развитием информационного общества и использованием Интернет-технологий. Они освещаются в главе 9 «Технологии, равновесие и человеческое сознание», которая в значительной степени касается проблем легитимности и власти, прав человека и значения информации и сетевых коммуникаций.

Бачило И. Л.

Обосновывая свое внимание к этой проблеме, Г. Киссинджер утверждает: «... старый порядок находится в постоянном изменении, в то время как форма, призванная его заменить, сама еще крайне неопределенна»². Необходимо развитие «второй культуры», которая «является глобальной, структурированной и правовой» говорит автор, но при этом не теряет своей постоянной ориентации на определяющую роль в этом процессе США. «Америка – как решительно выражающая в современном мире стремление человека к свободе и как незаменимая геополитическая сила для отстаивания ценностей гуманизма – должна не терять чувства направления»... Целью нашей эры должно быть достижение равновесия при одновременном сдерживании псов войны»³. Концепция смены Вестфальской системы организации взаимодействия государств должна быть заменена на новую систему, при поиске которой нужны новые концепции о смысле мирового порядка. История учит, что такая система должна «обнаружить его, а не декларировать»⁴. При этом Соединенные Штаты должны играть ответственную роль в развитии мирового порядка двадцать первого века». Соответственно прослеживается роль США в эстафете мирового лидерства в этом процессе. Это основной лейтмотив всей книги.

Не рассматривая всю концепцию, остановимся на разделе «Мировой порядок и цифровые технологии».

1. Цифровые технологии как фактор формирования нового пространства – киберпространства мирового сообщества

Автор, рассуждая о киберпространстве, отмечает, что слово «киберпространство» появилось в 80-десятых прошлого столетия и применялось в сочинениях некоторых писателей-

1 Киссинджер Генри. Мировой порядок (перевод с англ. В. Желнинова, А. Милукова). – М.: Изд-во АСТ, 2015. – 512 с. – (политика).

2 Киссинджер Генри. Указ. соч. - С. 482.

3 Там же. - С. 485.

4 Там же. - С. 486.

фантастов. Ныне это слово «колонизировало пространство физическое и в крупных городах начинает сливаться с последним. Занятия, которые были ручным или бумажным трудом: чтение, покупки, в магазинах, образование, промышленные научные исследования, политические кампании, финансовые операции, ведение архивов и статистики, разведка, составление военных стратегий – «пропускаются через компьютеры, и человеческая деятельность становится все более и более цифровой, «квантифицируемой и подлежащей анализу» системы. К 2020 г. количество устройств, подключенных к Интернету, вырастет до пятидесяти миллиардов⁵. «Всеобщий Интернет» ждет нас впереди», отмечает он. «Каждый предмет должен быть подключен к Интернету и запрограммирован на связь с центральным сервером или с другими сетевыми устройствами»⁶.

Одновременно автор использует и термин «Кастомизация» – отражающий в эпоху информатизации тенденцию к формированию каст – обособленности, замкнутости, привилегий (вспомним об «элите»), об одиночестве лиц, ищущих подобных в Интернет-пространстве. Метаморфозы происходят и с понятием «истина». Об этом скажем несколько позже. Естественно, что в данном контексте приобретает особое значение тема правового регулирования взаимодействия субъектов, к чему автор книги обращается неоднократно.

2 О пользе, вреде и угрозах компьютерных технологий.

Последствия революции ощущаются на всех уровнях человеческого общества. «Правительства, опасаясь уступить соперникам, вынуждены идти в киберпространство – практически на ощупь»⁷. Скорость процесса мешает экспертам трезво оценить глобальные последствия этого процесса. Да и сами эксперты не имеют достаточного опыта. Попытка ограничить влияние информационной революции невозможна и даже аморальна. Каждая страна, компания и индивид участвуют в технологической революции как субъекты или как объекты⁸. С позиций, излагаемых в данной книге, имеет значение воздействие «цифры» на перспективы международного порядка, отмечает Г. Киссинджер. «Киберпространство бросает вызов всему историческому опыту. Оно повсюду, но не угрожает само по себе, угроза связана с его использованием»⁹. Распространение сетевых коммуникаций в социальном, финансовом, промышленном и военном секторах сулит немалые плюсы, но этот же процесс сопровождается уязвимостью социума. «В этом смысле – говорит автор – технологическое превосходство обернулось геополитической импотенцией»¹⁰.

Сложность ситуации усугубляется тем, что «легче принимать кибератаки, чем защищаться от них, и это, похоже, стимулирует уклон в сторону развития наступательных информационных технологий»¹¹. Такая опасность подкрепляется двумя обстоятельствами. Это «анонимность и достоверное отрицание своей причастности со стороны тех, кого подозревают в таких действиях; «отсутствием международных соглашений», и даже если они есть и «подписаны, то отсутствует система правоприменения»¹².

Интересно замечание автора, что «Нынешнее положение дел, пусть даже временно выгодное для передовых стран, не

может длиться бесконечно. Путь к мировому порядку наверняка окажется долгим и не прямым, но значительного прогресса не достичь, если один из важнейших элементов международной жизни будет исключен из серьезного диалога. ...Необходимо, хотя бы попытаться, наметить очертания жизни в новых условиях»¹³.

Последствия информационной революции.

До цифровой эпохи, говорит Г. Киссинджер, возможности нации оценивались в терминах рабочей силы, промышленной базы, географии, экономики и морали. Существовало четкое различие периодов войны и мира». Интернет-технологии превзошли стратегии и доктрины – по крайней мере, на некоторое время. «Появляются возможности, для которых пока еще нет единого объяснения или даже понимания. Часто лучше наступать, чем обороняться... При отсутствии ограничений и соглашений о возможной сдержанности, рано или поздно, возникнет кризисная ситуация, просто статистически; само понятие международного порядка может пасть жертвой роста напряженности»¹⁴. Заметим, что этим рассуждениям предшествует раздел о ядерной опасности, где найдены приемлемые решения. Но в киберпространстве невозможно опираться на принцип «симметричного возмездия». Отмечено, что глава Кибернетического командования США считает, что следующая война начнется в киберпространстве. В итоге, Г. Киссинджер, говорит: «Новый мир теории сдерживания и стратегической доктрины в настоящее время пребывает в младенчестве и требует самого пристального внимания»¹⁵. Проблема таких технологий в том, что невозможно установить правила поведения, если отсутствует общее понимание хотя бы ряда их ключевых возможностей. Однако, крупные игроки не спешат раскрыть ключевые возможности в этом направлении¹⁶. При этом «Отсутствие хотя бы начальных правил международного поведения порождает кризис, возникающий из внутренней динамики системы» – заключает он¹⁷.

Ряд проблем ситуации в работе рассмотрен через призму человеческого фактора.

3. Человеческий фактор и анализ текущего положения общества

Предупреждение: «Нужно устоять перед искушением отождествить политику с проецированием знакомого в будущее, поскольку это путь к стагнации и упадку»¹⁸.

Политик, говорит автор, решает преимущественно текущие задачи, и при этом, пытается успеть за динамикой технологий. С другой стороны, «Образ мышления, подходящий для одиноких политических дорог, не слишком очевиден тем, кто ищет подтверждения своим взглядам у сотен, а то и тысяч друзей в «Фейсбуке»»¹⁹. Вспомним концепции об открытых данных и вовлечении населения в демократические технологии.

В этой связи автор обращается к теме *мыслительного процесса и категории времени*. Он рассматривает три составляющие мыслительного процесса: *информация, знания и мудрость*. Интернет фокусируется на информации. В этой связи Г. Киссинджер обращается к мысли поэта Т. С. Элиота, который в эпоху серебряного века и позже уделял пристальное внимание влия-

5 Там же. - С. 445-446.

6 Там же.

7 Там же. - С. 446.

8 Там же. - С. 447.

9 Там же.

10 Там же. - С. 438.

11 Там же. - С. 448.

12 Там же.

13 Там же. - С. 449.

14 Там же. - С. 449-450.

15 Там же. - С. 451.

16 Там же.

17 Там же. - С. 452.

18 Там же. - С. 453.

19 Там же. - С. 454.

нию Времени и Слова на развитие общества²⁰. Потеря знаний и мудрости под влиянием избытка и сиюминутности информационных Интернет-потоков и разных форм СМИ, очевидна. При всех преимуществах Интернет «сужает поле зрения. Информация легко доступна, коммуникации мгновенны, а потому утрачивается внимание к значению, теряется то, что имеет значение. Это способствует тому, что политики ждут, пока проблема возникнет, а не предотвращать ее, воспринимать принятие решений как череду не связанных между собой событий, а не как часть исторического континуума». Когда это происходит «манипулирование информацией заменяет ее осмысление в качестве основного инструмента политики»²¹. Вместе с тем этот процесс лишает «общество исторической памяти», желание человека запоминать, мешает «внутреннему поиску, увеличивая зависимость от технологий. «Информация, доступная всегда и везде, стимулирует мысль исследователя, но не соответствует образу мышления лидера».

В политике трудный выбор – повседневная рутина, а у человека – блуждание по сети «для обретения силы духа, потребной для принятия решений». Здесь встречаемся с неизбежной открытостью и доступностью персональных и личных данных, с контролем за каждым действием в публичной и частной жизни. Все это сопровождается кастомизацией пользователей и держателей информации. «Но кастомизация лишь частное проявление глобального стремления научиться управлять человеческим выбором»²².

Механизмы формирования представительных систем власти становятся «медиаоперничеством между ведущими операторами»; теряется качество дебатов и программ избираемых лиц. Все это происходит когда отношения между государствами – и во многих других областях используют информацию. И важно, говорит автор, рассматриваемого труда, что бы она оказалась действительно полезной, нужно помещать в широкий контекст истории и опыта, дабы она превращалась в фактические сведения. И повезло тому обществу, чьи лидеры хотя бы иногда поднимались до мудрости»²³. Можно сказать, что здесь автор проявляет себя как научный исследователь. Просматривается несколько иной акцент, когда автор этого весьма полезного труда, выступает как политик и политолог.

Несмотря на глубокое понимание необходимости выработки принципов управления развитием общества в условиях глобального цифрового его состояния, поиска консенсуса в обеспечении баланса сил субъектов международных отношений, поиска выхода из соперничества и конкуренции в решении общесистемных для планеты вопросов, Г. Киссинджер стоит на позиции устройства многополярного сообщества, но под «зонтиком» передовой и самой нравственной страны – США. «США продолжают считать универсально востребованными свои ценности, которые следует заложить в основу мирового порядка, и оставляют за собой право на поддержку в глобальном масштабе». Америка сегодня пытается составить

пропорцию между своим могуществом (по-прежнему очевидным) и принципами государственного строительства²⁴.

При всей сложности проблемы «власть и легитимность», к которой автор обращается неоднократно, читатель все же пока не видит пути к ее решению.

Немного о конфликтах

Автор выделяет этот вопрос в разделе «Внешняя политика в цифровую эпоху». Конфликты внутри общества и между обществами происходили с незапамятных времен. Но в условиях сетевых коммуникаций есть надежда на то, что *при правильном* применении коммуникаций в сфере международных отношений, они способны помочь и в решении проблем насильственных конфликтов²⁵. (с. 360, 359.). Новые сети позволяют смягчить социальные и политические противоречия и помогут прежде разьединенным народам сплотиться в гармоничную глобальную систему. Но оказалось, что социальные сети могут и усилить социальную напряженность. Налицо, как прогрессивные так и регрессивные возможности. Интернет, свидетельствует автор, «сделал слежку проще, дешевле и удобнее»²⁶. «Соблазн потакать требованиям «цифрового большинства» может вытеснить практику принятия решений, необходимых для прокладки комплексного курса в гармонии с долгосрочными целями». И далее – «Порядок не должен иметь приоритета перед свободой. Но утверждение свободы следует осуществлять в рамках стратегии... артикуляция возвышенных принципов – только первый шаг; далее предстоит неизбежное столкновение с реальностью, ее двусмысленностями и противоречиями, победить которые – задача политики. В этом процессе распространение информации и общественная поддержка свободных институтов являются важными факторами новой эры. Сами по себе, лишенные внимания к базовым стратегическим и политическим условиям, они вряд ли принесут успех»²⁷.

Читатель при ознакомлении с этой насыщенной мыслями автора работе, найдет не мало интересного и полезного о развитии гражданского общества правовой практики, о недостатках принуждения к исполнению правил системы, о моделировании будущего и обосновании необходимости концептуальной основы информационного обмена. Но все это должно совершаться по образцу и под «зонтиком», по существу односторонних американских военных гарантий²⁸, говорит автор в заключении книги.

Почему книга интересна для России?

Не преувеличивая, необходимо сказать, что в части оценки ситуации развития, применения и усиливающейся роли ИТ в развитии общества и более глубокого понимания проблем этого процесса на основе новых технологий Интернета и формирования информационного пространства, новая книга Г. Киссинджера заслуживает большого внимания. Не так часто встречаем работы философов, социологов, политиков, в которых разговор о практике и проблемах теории развития информационного общества затрагивают такое множество правового и организационного характера.

Структура исследования поставленной проблемы – поиска пути к мировому порядку – представлена в последовательном освещении позиции автора по следующим направлениям: 1 – Европа: плюралистический международный порядок,

20 Т. Элиот – поэт США 1888- 1965). Тема времени и Слова – его предмет философских рассуждений. Сегодня «здесь и сейчас» это точка пересечения «до» и «после». Киссинджер приводит строки его произведения «Камень»: «Где Жизнь, которую мы потеряли в жизни? Где мудрость, которую мы потеряли в знанье? Где знанье, которое мы потеряли в сведеньях?». Напрашивается сравнение с российским поэтом 20-х годов прошлого века Э. Хлебниковым, которого беспокоила проблема «пространства, времени и масс». Поэты-философы и математики первыми замечали изменения в социуме.

21 Киссинджер Генри. Указ. соч. С. 458.

22 Там же. С. 457.

23 Там же. С. 455.

24 Там же. С. 19.

25 См.: Там же. С. 360, 359.

26 Там же. С. 459-463.

27 Там же. С. 464.

28 Там же. С. 470.

2 – Европейская система баланса сил и ее крах, 3 – Исламизм и Ближний Восток. Мир хаоса, 4 – Соединенные Штаты и Иран: взгляды на порядок, 5 – Многоликая Азия, 6 – К азиатскому порядку: конфронтация или партнерство, 7 – «Выступая за все человечество»: Соединенные Штаты Америки и концепция мирового порядка, 8 – Соединенные Штаты Америки: противоречивая сверхдержава, 9 – Технологии, равновесие и человеческое сознание.

Как видим, специальной главы о правовом регулировании нет, и работа имеет преимущественно историко-политический характер. Но основная тема сопровождается критической оценкой правовой основы состояния отношений международного, регионального и национального характера. И это побуждает глубже, в сравнительно-правовом плане исследовать эту сторону реалий современного этапа развития социума.

Нет специальной главы о России. В большинстве зарубежных исследований, статистических и рейтинговых оценках Россия остается за пределами геополитической системы. Но надо сказать, что почти в каждой главе труда Г. Киссинджера тема России присутствует. В части работы: «Русская загадка» рассматривается история от эпохи Александра 1-го до Венского конгресса, сюжеты истории и политики царской России. Период Версальского соглашения - решение вопроса о праве на самоопределение датирован своеобразно: от «Германии до границ Советского Союза». Относительно светлая полоса контактов Рузвельта и Сталина во время войны не одобрялась, что видно из приведенной цитаты на стр. 353 книги²⁹.

Распад Советского Союза изменил акценты дипломатии. Считалось, что «больше не существует сколько-нибудь серьезной военной угрозы Европе. Международный порядок трактовался как противостояние двух военных блоков, где главенствовали США и Советский Союз, традиционно рассматривавшийся как источник угроз и зла. В такой ситуации Новым Светом закладывались основы нового представления о мироустройстве³⁰ с позиций противостояния опыту и усилиям СССР и далее - Российской Федерации. «С упадком Советов мир сделался в некоторой степени многополярным, и Европа получила шанс обретения независимости» пишет Г. Киссинджер³¹. И США, выступавшие в качестве образца, концепция Европы о балансе сил стали отходить на второй план. Однако, в структуре многополярности с позиций сложившейся западной традиции – Россия носитель зла и угроз. Место России продолжают определять односторонне как субъекта, с которым надо бороться и учить действовать «как мы». Тем не менее, история развивается по своим законам и следует констатировать, что Россия все в большей мере проявляет себя как организатор и сила, консолидирующая сближение и сотрудничество стран на уровне регионального и глобального взаимодействия и поиска путей укрепления легитимной основы этого сложного процессе цифровой эпохи земной цивилизации.

Возвращаясь к основному предмету нашего внимания в труде Г. Киссинджера – к роли использования информационных технологий в решения задач современного общества и, прежде всего, в укреплении взаимодействия государств в области достижения системно значимых проблем в международном сообществе, стоит отметить следующее.

В Российской Федерации ведутся целенаправленные исследования в области теории и практики развития информационного общества. Постепенно накапливается и обобщается опыт международного сотрудничества. Нет сомнения, что объединение усилий в области правового регулирования отношений по усвоению потенциала информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в международном информационном пространстве, выработка базовых основ их продуктивности и информационной безопасности нуждается в укреплении международного сотрудничества ученых и специалистов практики. Создание интернационального центра по этой проблеме и формирование коллектива, который бы обеспечил решение этой проблемы – первый шаг в этом направлении.

Пристатейный библиографический список:

1. Бачило И. Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. - М., 2012.
2. Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики. ЮРАЙТ. Кол. Мон / Под общей ред. И. Бачило. ИГП РАН. –М., 2009.
3. Киссинджер Генри. Мировой порядок (перевод с англ. В. Желнинова, А. Милюкова). - М., 2015.
4. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. - М., 2011.
5. Тоффлер А. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века (пер. с англ.). -М., 2009.
6. Тоффлер А. Третья волна. - М., 2010.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последнего человека (пер. с англ. М.Б. Левина). - М., 2007.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и проблемы мирового порядка. - М., --2003.

29 Личный переводчик Рузвельта писал: «Он (Рузвельт) считал, что Сталин видит мир примерно в таком же свете, что и он, и что враждебность и недоверие Сталина... связаны с пренебрежением, с которым к Советской России в течение многих лет после революции относились другие страны. Он не понимал того, что в основе неприязни Сталина лежали глубокие идеологические убеждения». Кто был в позиции недоверия еще больше видно из того факта, что когда война близилась к концу, было отдано распоряжение начальнику генштаба готовиться к войне с Советским Союзом» (Цитирую примечание Киссинджера на стр. 353. его книги).

30 Киссинджер Генри. Указ. соч. С. 16.

31 Там же. С. 125.

Петров А. И.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В СТАТЬЮ 264 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

Российская Федерация входит в число стран, для которых характерен высокий уровень автотранспортной аварийности. В отношении участников дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в которых погибли или были ранены люди, в обязательном порядке проводится уголовное расследование. Виновники ДТП подлежат уголовной ответственности в соответствии со ст. 264 УК РФ. Разнообразие ситуаций последствий ДТП и степени ответственности виновников ДТП сегодня дифференцируется 6 различными уровнями (частями ст. 264 УК РФ). Все они признаются относящимися к преступлениям средней тяжести по причине неосторожности участников происшествия. Однако данная формулировка является как минимум неполной, не отражающей всех аспектов произошедшего.

В статье делается попытка предложить варианты совершенствования ст. 264 УК РФ. Предложения основаны на понимании необходимости учета при вынесении наказания причинности совершения ДТП – по небрежности или легкомыслию водителя. Кроме того, предлагается преступления по частям 4 и 6 ст. 264 УК РФ считать относящимися к тяжелым.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, статья 264 УК РФ, преступления, совершенные по неосторожности, деяния, совершенные по легкомыслию или небрежности, совершенствование законодательства.

Петров А. И.

Petrov A. I.

ABOUT THE NEED OF INTRODUCTION OF AMENDMENTS TO THE ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The Russian Federation is among the countries for which the high level of motor transportation accident rate is characteristic. Concerning participants of the road accidents (RA) in which people died or suffered wounds, the criminal investigation is obligatory. Persons, responsible for road accident are subjects to criminal liability according to Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. A variety of situations of consequences of road accidents and degree of responsibility of parties in fault for road accident currently are differentiated by 6 various levels (parts of Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation). All of them are recognized as crimes of average weight because of negligence of participants of incident. However this formulation is at least incomplete, not reflecting all aspects of an event.

In the article an attempt is made to offer options for improvement of Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. The offers are based on understanding of need to take into account while adjudging the punishment of causality of commission of road accident – by driver's negligence or levity. Besides it is offered the crimes in parts 4 and 6th of the Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation to consider as grave.

Keywords: road and transport accidents, Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, negligent crime, the acts made by levity or negligence, improvement of the legislation.

На протяжении последних шести лет (2009–2014 гг.) в Российской Федерации ежегодно происходит 199–204 тыс. дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в отношении которых в обязательном порядке должно проводиться расследование обстоятельств произошедшего. В этих ДТП ежегодно гибнут 26–28 тыс. чел. и около 250–260 тыс. чел. получают травмы различной степени тяжести¹. В целом Российская Федерация по различным показателям автотранспортной аварийности занимает лишь 50–90-е места в рейтинге аварийно-опасных стран мира². Анализ показывает, что во многом это определяется не только низким уровнем транспортной культуры в нашей

стране³, но и субъективной оценкой большинства российских водителей тяжести наказания за проступки в сфере дорожной безопасности как сравнительно легкой⁴.

Практика показывает, что применительно к квалификации степени виновности участников ДТП судом достаточно часто применяется формулировка «ДТП совершено по неосторожности», и установленный виновник ДТП зачастую наказывается условно.

Статья 264 УК РФ содержит 6 частей, т.е. 6 составов преступлений. Все деяния, предусмотренные ст. 264 УК РФ, относятся к преступлениям, совершённым по неосторожности. Практически всегда такие преступления признаются преступлениями средней тяжести.

1 Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения (архив) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/archive/>

2 Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6; Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3; Колесов В. И., Петров А. И. Использование ранговых распределений при анализе безопасности дорожного движения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участ. «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014; Петров А. И., Колесов В. И. Ранжирование регионов Российской Федерации по характеристикам автотранспортной аварийности: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием «Проблемы

функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.

3 Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6; Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3.

4 Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011; Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.

Согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ: «Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, превышает два года лишения свободы». Все неосторожные деяния относятся либо к категории небольшой тяжести, либо к категории средней тяжести.

Частями 2–6 ст. 264 УК РФ максимальное наказание превышает два года лишения свободы, и все эти деяния относятся к категории неосторожных. Следовательно, преступления, предусмотренные частями 2–6 ст. 264 УК РФ относятся к преступлениям средней тяжести, поскольку являются неосторожными деяниями. К тяжким и особо тяжким преступлениям относятся только умышленные деяния.

Предварительный анализ причин ДТП, получивших в РФ широкий резонанс в 2015 г., таких как ДТП с участием автобусов в Омской области⁵ и Красноярском крае⁶, в которых погибли соответственно 16 и 11 человек, показал, что причиной ДТП был выезд автобусов на встречную полосу движения и последующее столкновение с грузовыми автомобилями, которое допустили водители автобусов в обоих случаях. Несколько иначе определена причина ДТП с участием автобуса в Тюменской области⁷, в котором погибли 3 человека и получили травмы 22 чел.: «По предварительным данным, водитель решил объехать выбоину на дороге, однако из-за наледи не справился с управлением, вследствие чего автобус опрокинулся». Не вдаваясь в подробности причин определенных действий водителей, повлекших за собой ДТП, попробуем разобраться в том, легкомыслие или небрежность водителей способствовали совершению преступления, выразившегося в неумышленном убийстве людей в результате ДТП. Второй важный вопрос – что, легкомыслие или небрежность водителя должно наказываться в большей степени.

Часть 1 ст. 24 УК РФ признает «виновным в преступлении лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности», а ч. 1 ст. 26 УК РФ классифицирует преступления, совершенные по неосторожности, на деяния, совершенные по легкомыслию или небрежности.

Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия (или бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение (ч. 2 ст. 26 УК РФ)⁸.

Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Небрежность характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным. Отрицательный признак – не-

предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий – включает, во-первых, отсутствие осознания общественной опасности совершаемого деяния, а во-вторых, отсутствие предвидения преступных последствий. Положительный признак состоит в том, что виновный должен был и мог проявить необходимую внимательность и предусмотрительность и предвидеть наступление фактически причиненных общественно опасных последствий. Этот признак устанавливается с помощью двух критериев: долженствование означает объективный критерий, а возможность предвидения – субъективный критерий небрежности⁹.

Рассмотрим резонансное ДТП с участием автобуса в Тюменской области (рейс Тюмень – Ханты-Мансийск)¹⁰, произошедшее в ночь на 27 апреля 2015 г., в ходе которого погибли 3 человека и 22 человека получили травмы. Известно, что прямой причиной ДТП было признано то, что водитель не справился с управлением автобусом в процессе объезда выбоины дорожного покрытия. Способствовало этому обледенение дороги. Но главным ли был дорожный фактор в возникновении ДТП?

Допрос свидетелей – пассажиров автобуса, попавшего в ДТП – показал, что водитель, управлявший автобусом, грубо нарушал ПДД, превышая допустимую скорость движения (90 км/ч). Второй водитель автобуса (сменщик) неоднократно рекомендовал водителю-нарушителю снизить скорость, «положить стрелку», на что водитель-нарушитель либо не реагировал, либо пытался отшутиться. По свидетельским показаниям, скорость автобуса в отдельные моменты достигала 120–130 км/ч, многие пассажиры испытывали в связи с поведением водителя тревогу и так же, как и водитель-сменщик, рекомендовали водителю-нарушителю снизить скорость движения автобуса. Около десятка пассажиров даже пристегнулись ремнями безопасности, хотя обычно этого не делают. Все это свидетельствует о том, что поведение водителя являлось общественно опасным и многие это чувствовали и пытались указать ему на это. Очевидно, что дорожный фактор в данном случае не являлся определяющим в возникновении ДТП, а был лишь способствующим этому. Небрежность или легкомыслие проявил водитель автобуса в данной ситуации? На первый взгляд водитель проявил в данной ситуации легкомыслие, т.к. не только обязан был предвидеть опасность своего поведения, но и хотя бы отреагировать на замечания окружающих.

В теории уголовного права преступная небрежность обычно считается менее опасной формой вины, чем преступное легкомыслие¹¹. Наверное, это справедливо, т.к. даже незначительный опыт формирует у водителя понимание роста возможности ДТП при повышении скорости. Возможно ли квалифицировать вину водителя-нарушителя в рассматриваемом случае как «нарушение ПДД по небрежности»? Чтобы ответить на этот вопрос надо знать, готовился ли водитель к рейсу информационно, изучал ли паспорт маршрута, в котором должны быть указаны все проблемные места на трассе, получал ли информацию от диспетчера о погодных условиях на трассе маршрута и многие другие дополнительные сведения. В случае, если эти действия, как и положено в практике

5 В Омской области объявлен траур по 23 погибшим в ДТП за сутки [Электронный ре-сурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/25jun2015/traur23.html>

6 В Красноярском крае объявили траур по погибшим в ДТП сутки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/07/09/reg-sibfo/traur-anons.html>

7 В Тюменской области завели уголовное дело по факту ДТП с автобусом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/04/27/reg-urfo/delo.html>

8 Уголовное право России. Части общая и особенная. Курс лекций / Под ред. А. И. Рапога. – М.: ТК Велби. Из-во Проспект, 2005. – С. 62–63.

9 Там же. – С. 64–65.

10 В Тюменской области завели уголовное дело по факту ДТП с автобусом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/04/27/reg-urfo/delo.html>

11 Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова. – М., Волтерс Клувер, 2007. – С. 92.

организации пассажирских перевозок¹², были произведены, то надо полагать, водитель заранее знал о высокой вероятности возникновения проблем в пути. В этом случае, скорее всего, его действия можно квалифицировать как легкомысленность. В противном случае есть возможность, в случае профессиональной работы адвоката, доказать суду небрежность водителя.

В ст. 264 УК РФ не прописываются детально различные варианты уголовного наказания за преступления в сфере нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Так, деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 5 ст. 264 УК РФ), – наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В данной статье ни в малейшей мере не дана градация степени наказания с учетом формы вины – по небрежности или легкомыслию.

Практика показывает, что решение суда по выбору наказания для виновника ДТП не всегда бывает объективным. В этой связи было бы вполне рациональным ввести в ст. 264 УК РФ дифференциацию наказания с учетом доказанной формы вины водителя-правонарушителя (по небрежности или легкомыслию).

Немаловажен еще один аспект учета обстоятельств совершения ДТП – совершение ДТП в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Возможно и даже, на взгляд автора, обязательно рассмотрение возможности квалификации вины по ч. 4 и ч. 6 ст. 264 для водителей, совершивших ДТП в состоянии алкогольного опьянения, в виде тяжелых преступлений. Это было бы правомерно не только по форме, но и по содержанию. Любой взрослый человек, особенно допущенный к выполнению потенциально опасной деятельности, понимает, что алкоголь вызывает снижение внимательности и объективности восприятия окружающей действительности, ухудшает координацию и моторику действий, а значит, повышает вероятность возникновения ДТП. Разумеется, управление автомобилем в состоянии опьянения – вполне сознательный выбор человека, который не может не понимать, что вероятность участия в ДТП для него значительно возрастает. В этой связи управление автомобилем в состоянии опьянения и последующее ДТП не должно рассматриваться как нарушение по неосторожности. Это вполне сознательное преступление, сформированное двуэтапно, сначала как пренебрежение нормами общественного поведения, а уже на втором этапе – как нарушение правил дорожного движения (в случае, если это будет доказано следствием).

Резюмируя, отметим следующие основные выводы.

Существует необходимость и принципиальная возможность совершенствования ст. 264 УК РФ.

В ст. 264 УК РФ необходимо дифференцировать степень наказания виновника ДТП с учетом формы вины – по небрежности или легкомыслию. Это приведет к повышению объективности правоприменения.

В ст. 264 УК РФ необходимо в ч. 4 и ч. 6 переквалифицировать преступления водителей, совершивших ДТП в состоянии алкогольного опьянения, с преступлений средней тяжести на тяжелые преступления.

В отношении преступлений по ч. 4 и ч. 6 ст. 264 УК РФ необходимо ужесточить наказание относительно ныне используемых норм права. Это будет способствовать повышению степени ответственности водителей транспортных средств.

Пристатейный библиографический список

1. Колесов В. И., Петров А. И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2015. – № 6.
2. Колесов В. И., Петров А. И. Показатели безопасности дорожного движения первого и второго уровня // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 3.
3. Колесов В. И., Петров А. И. Использование ранговых распределений при анализе безопасности дорожного движения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участ. «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
4. Петров А. И., Колесов В. И. Ранжирование регионов Российской Федерации по характеристикам автотранспортной аварийности: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием «Проблемы функционирования систем транспорта», 05–07 ноября 2014 г. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014.
5. Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.
6. Петров А. И. Город. Транспорт. Внешняя среда. Устойчивость общественного транспорта городов в условиях неблагоприятного влияния внешней среды. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.
7. Петров А. И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015.
8. Уголовное право России. Части общая и особенная. Курс лекций / Под ред. А. И. Рарога. – М.: ТК Велби. Из-во Проспект, 2005.
9. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова. – М., Волтерс Клувер, 2007.
10. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения (архив) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/archive/>
11. В Омской области объявлен траур по 23 погибшим в ДТП за сутки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/25jun2015/traur23.html>
12. В Красноярском крае объявили траур по погибшим в ДТП сутки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/07/09/reg-sibfo/traur-anons.html>
13. В Тюменской области завели уголовное дело по факту ДТП с автобусом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/04/27/reg-urfo/delo.html>

12 Петров А. И. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011;
Петров А. И. Город. Транспорт. Внешняя среда. Устойчивость общественного транспорта городов в условиях неблагоприятного влияния внешней среды. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.

Абдулгамидова Д. А.
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Данная статья затрагивает такую глобальную проблему, как наркотики, прослеживается процесс появления таких сильнодействующих наркотиков, как «опиум» и «абсент» еще со времен Римской империи и до наших дней. В статье раскрываются процессы ввоза и изготовления наркотиков, также их продажа на территории Российской Федерации и распространение на территории Республики Дагестан такого самодельного наркотика, как дезоморфин. Особое внимание уделено статистике роста наркоманов в Российской Федерации и ввозу наркотиков на территорию Российской Федерации.

Ключевые слова: наркотики, наркоман, жизнь, гашиш, героин, марихуана, дезоморфин, кокаин, морфий, наркомост, наркосеть, борьба.

Abdulgamidova D. A.
THE FIGHT AGAINST DRUGS IN THE RUSSIAN FEDERATION
(BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

This article addresses such a global problem as drugs, traces the process of the emergence of hard drugs such as opium and absinthe from the Roman times to our days. The article describes the processes of importation and manufacture of drugs, their sale on the territory of the Russian Federation and the spread on the territory of the Republic of Dagestan of such self-made drug as desomorphine. Special attention is paid to growth statistics of drug addicts in the Russian Federation and import of drugs to the territory of the Russian Federation.

Keywords: drugs, drug addict, life, hashish, heroin, marijuana, desomorphine, cocaine, morphine, drug bridge, drug net, fight.

Абдулгамидова Д. А.

Исследования показали, что наркотические препараты применяли и до нашей эры. Об этом свидетельствуют найденные в раскопках письменные упоминания об употреблении вещества, вызывающего «радость». Наркотики как средства, изменяющие состояние человека, были известны в Древней Греции и в Риме. В Риме же использовали опиум как медицинский препарат, который применяли для лечения различных заболеваний. Также в записках римского военачальника Плиния были жалобы на то, что солдаты принимают средство, после которого те «ходят как в дурмане», многие ученые считают, что речь идет о напитке, который был популярен в XIX в. во Франции под названием «абсент». Следующим этапом развития наркотиков стало изобретение морфия и инъекционной иглы, что упростило применение наркотика, теперь наркотик попадал прямо в кровь. Кроме того, активно начало распространяться мнение, что в отличие от опиума, морфин наркотической зависимости не вызывает. В то же время кокаин завоевал Европу, в Лондоне же применение кокаина стало обычным явлением. Кокаин стал особенностью жизни определенных слоев общества. К кокаину активно прибегали девицы легкого поведения и солдаты. Однако широкое распространение кокаина заблокировало начало Первой мировой войны. Военачальники были обеспокоены тем, что кокаин подавляет волю, были приняты все меры для его запрета. До начала XX в. не было практически никаких ограничений на производство и потребление наркотиков. Были попытки сократить или запретить использование определенных материалов, но они были краткими, как правило, неудачными. Безусловно, развитие наркомании в России внесло свой вклад в разрушение М. Горбачевым тоталитарного строя, вызвавшее появление многих свобод, в том числе, к сожалению, и в фармацевтической промышленности. Во время Афганской войны большинство солдат принимали наркотические средства. И после войны они продолжали принимать наркотические средства. В конце 80-х уже было сформировано преступное сообщество нарко-

торговцев. Оборот составлял около 500 тонн в год. Количество наркоманов растет, стоимость препарата падает. Сдвиг в сторону дорогостоящих препаратов, таких как опиум и героин, наблюдается начиная с 1996 г. Распространенность употребления наркотиков в настоящее время приобрела характер эпидемии. Результаты ряда исследований показывают, что реальные масштабы злоупотребления наркотическими средствами в разы превышают официальную статистику. Известно, что каждый наркоман влияет на 6–10 человек, и на каждого из зарегистрированных наркоманов приходится по 9–10 незарегистрированных.

Наркотики отравляют жизнь человека, маленькая доза повышает активность, а большая доза снижает активность и даже убивает человека. Человек, принимающий наркотики, становится полностью зависимым от наркотиков. Все его мысли, желания, воля направлены на наркотики, он становится рабом. Разрушительное воздействие как на социальные, так и на нравственные устои общества оказывают наркотизация и наркопреступность, чем подрывают национальную безопасность. Оказать большое влияние на сокращение предложений наркотиков и спроса на них можно, если общество будет активно содействовать правоохранительным органам. Например: сообщать о незаконном выращивании дикорастущих наркосодержащих растений, если такое было замечено. В настоящее время доказано, что более 110 млн человек в мире пользуются наркотическими средствами хотя бы раз в месяц, а почти что четверть миллиона являются наркоманами. С каждым днем увеличивается число людей, принимающих наиболее опасные наркотические средства, такие как: гашиш, героин, марихуана, кокаин, морфий¹.

1 Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 12.01.1998. — № 2. — Ст. 219.

Злоупотребление наркотическими средствами является основной причиной разрушения многих семей, недовольства общества, суицида, распространения ВИЧ/СПИДа и гепатита во многих районах мира. Статистика показывает, что от применения наркотических средств каждый день в мире гибнут больше ста человек. Доказано, что лица в возрасте 14—21 года применяют наркотики чаще всего.

Применение наркотических средств прямо связано с ростом преступности и насилия. Наркокартели подрывают государственную власть и коррумпируют законный бизнес. А выручка от незаконного оборота наркотических средств идет на финансирование некоторых наиболее кровопролитных конфликтов. За последние десять лет возросло число преступлений, связанных с распространением наркотических средств.

По мнению Государственного таможенного комитета, основным поставщиком героина является Таджикистан. Из Таджикистана на территорию России героин основным поставщиком является авиатранспортом. Поставщиком кокаина по-прежнему является Латинская Америка, однако из-за высокой стоимости кокаина возможности российского рынка кокаина все же ограничены. Одной из самых прибыльных статей организованных преступных групп является распространение на территории Российской Федерации наркотических средств. В 1998 г. была зарегистрирована примерная оценка оборота наркорынка — 1,2 млрд долларов США, причем основная часть этих средств вывозится за границу и вкладывается в экономику страны, в том числе и после процесса интенсивного отмывания наркодоолларов и наркорублей². Теперь в России популярно уличное распространение наркотиков, распространяют в основном женщины и представители других стран. За прошедший год произошла активизация общения преступных группировок, действующих на территории России, и наркомафии за рубежом. Объясняется это главным образом тем, что Россия стала играть более важную роль «наркомоста» между странами Центральной Азии, Афганистана, Пакистана, стран Западной Европы и США. Есть все основания сказать, что за последние два года русская мафия на самом деле полностью интегрировалась в мировую наркосеть.

На территории Российской Федерации в 1998 г. было уничтожено более 50 подпольных лабораторий по изготовлению наркотиков, в том числе сильнодействующих синтетических.

В Республике Дагестан наркомания уже стала серьезным фактором, активно влияющим на криминогенную обстановку во всей республике. Ис с этой точки зрения проблема наркомании в России стала еще более острой. В целом ситуация осложняется тем, что в Республике Дагестан началось производство дезоморфина, состоящего из наиболее вредных для организма химических препаратов. По мнению экспертов из отдела Дагестана по борьбе с наркотиками, его изготавливают из смеси, в состав которой входят: бензол, сера, и даже моющее унитаза средство «крот». Эксперты бьют тревогу, потому что они считают, что дезоморфин в 10 раз вреднее и тяжелее героина и токсичнее чем морфин в 15 раз. Наркоманы, которые употребляют дезоморфин, не живут не более 1,5 лет. Официально в Дагестане зарегистрировано около 10 тысяч наркоманов.

Дезоморфин из-за доступности средств его изготовления уже популярен в Махачкале, Каспийске, Кизляре и в Хаса-

вюрте. Дезоморфин не получил широкого распространения в регионах Южного. Дезоморфин можно получить в домашних условиях, потому даже беднейшие из бедных стали заложниками этого препарата. К сожалению, для большинства наркоманов, дезоморфин становится первым и последним препаратом в их жизни, так как последствия дезоморфина непоправимы. Дезоморфин является вторым наиболее популярным наркотиком в России после героина, это из-за дешевизны производства дезоморфина и доступности препаратов. Но это не означает, что другие виды наркотиков вне рынка. В России на государственном уровне проводятся борьба с наркоманией, торговлей наркотиками, реабилитация наркоманов и профилактика употребления наркотических средств. Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков во взаимодействии с таможенными и правоохранительными органами, а также с пограничной службой осуществляют борьбу с незаконным оборотом наркотических средств³. В 2009 г., по данным ООН, правоохранительные органы перехватывали до 40% поступающего в страну героина. Ежедневно в стране изымалось не менее 10 кг героина, что составляет ежедневную инъекционную норму более чем для 2 млн наркопотребителей. В борьбе с наркоманией и наркоторговлей, лечении и реабилитации наркоманов в России принимают участие негосударственные структуры и общественные объединения⁴.

В УК РФ предусмотрен ряд наказаний за хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, но это не влияет на общество, преступность с каждым днем растет, а наркоманов становится больше. Мы считаем, что, во-первых, следует прервать связь с странами, через которые поступают более крупные поставки наркотических средств, а во-вторых — резко ужесточить наказания в отношении распространителей наркотиков и организаторов наркоторговли, возможно, тогда общество поймет всю серьезность данной проблемы и хоть как-то начнет помогать правоохранительным органам в раскрытии преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право РФ. Особенная часть / Под ред. профессора Б. В. Здравомыслова. — М.: «Юристъ», 1999.
2. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 12.01.1998. — № 2. — Ст. 219.
3. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. профессора А. И. Рагога. — М.: ИМПЭ, «Триада, Лтд», 1997.
4. Драган Г. Н., Калачев Б. Ф. Наркомания и наркобизнес: Выявление и пресечение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Под ред. П. Г. Пономарева. — М.: «Новый Юрист», 1998.

2 Драган Г. Н., Калачев Б. Ф. Наркомания и наркобизнес: Выявление и пресечение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Под ред. П. Г. Пономарева. — М.: «Новый Юрист», 1998. — С. 240.

3 Уголовное право РФ. Особенная часть / Под ред. профессора Б. В. Здравомыслова. — М.: «Юристъ», 1999. — С. 283—291.

4 Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. профессора А. И. Рагога. — М.: ИМПЭ, «Триада, Лтд», 1997. — С. 258—275.

Алиев Х. О., Шахбанова Х. М.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫМОГАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматривается история развития законодательства о вымогательстве. История развития толкования вымогательства, определение ответственности за этот вид посягательства на имущество и личность гражданина явились отражением развития общественно-экономических отношений в России.

Ключевые слова: вымогательство, взятка, рэкет, преступность, выгода.

Aliev Kh. O., Shakhbanova Kh. M.

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION ON EXTORTION

In article the development history of the legislation on extortion is considered. Extortion interpretation development history, definition of responsibility for this type of infringement of property and the identity of the citizen were the reflections of development of the socioeconomic relations in Russia.

Keywords: extortion, bribe, racket, crime, benefit.

История развития толкования вымогательства, определение ответственности за этот вид посягательства на имущество и личность гражданина, явилось отражением развития общественно-экономических отношений в России.

УК РСФСР 1926 года содержал определение вымогательства как требования передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество, или совершения каких-либо действий имущественного свойства под (правом насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребление его имущества (ст. 114 УК РСФСР 1926 г.)). Как видно, данная статья не содержала квалифицирующих обстоятельств, прямо указывающих на повышенную общественную опасность данного преступления по сравнению с простым, неквалифицированным видом вымогательства. Ответственность за вымогательство должностным лицом взятки была предусмотрена п. 2 ст. 117 УК РСФСР 1926 г. Здесь вымогательство рассматривалось как обстоятельство, отягощающее ответственность за получение взятки.

Принятый в годы становления российского уголовного законодательства Уголовный кодекс 1926 г. отражал особенности переживаемого страной периода и господствовавшие в то время политические и уголовно-правовые воззрения. Уголовно-правовое законодательство последующих лет также адекватно отражало условия общественного развития. Правовые установки 30–40-х годов свидетельствуют об усилении уголовной ответственности за преступления против общественной (социалистической) собственности. Кодификация 50–60-х годов была направлена на укрепление законности, пресечение произвола и внесудебной репрессии. УК РСФСР 1960 г. в соответствии с объектом преступления устанавливал признаки вымогательства государственного или общественного имущества (ст. 95 УК): требование передачи государственного или общественного имущества или права на имущество под угрозой насилия над лицом, в ведении или под охраной которого находится это имущество, насилия над его близкими, оглашение позорящих сведений о нем или его близких, или истребления их имущества.

Установление приоритетов защиты государственного имущества создавало ситуацию, когда лицо, в ведении или под охраной которого находилось социалистическое имущество, под воздействием угроз вымогателей передавало имущество преступнику, действия обоих лиц рассматривались как хищение социалистического имущества, совершенное группой лиц по предварительномуговору.

Например, вымогатель угрожает продавцу, что он сообщит администрации о его прошлой судимости, если не будут исполнены требования шантажиста. Потерпевший, боясь увольнения, передает ценности. В подобных случаях преступные деяния квалифицировались как хищение, совершенное путем растраты, если социалистическое имущество было вверено лицу, либо путем кражи, если оно лишь находилось под его охраной. Наличие психического принуждения учитывалось в таких случаях только как смягчающее обстоятельство при назначении наказания.

Признаки состава вымогательства, направленного против личной собственности граждан (ст. 148 УК) в основном совпадали с составом преступления по ст. 95. Но по ст. 148 ответственность за вымогательство наступала не только в случаях противоправного требования передачи личного имущества граждан или права на имущество, но также и при подобного рода требованиях совершить какие-либо действия, которые приносят вымогателю имущественную выгоду – уничтожение долговой расписки, отказ от доли в общем имуществе и т.п.

Статьи о вымогательстве не имели квалифицирующих признаков и это соответствовало формам вымогательства и мотивацией преступления тех лет. Вымогательство чаще всего осуществлялось посредством угроз по телефону, через других лиц, в письме.

Большую роль в мотивациях преступников играет факт отдаленности от самого объекта преступления, который представляется ему неким неодушевленным предметом. Вымогатель чувствует себя безнаказанным, поскольку не только остается анонимом, но и не видит своей жертвы, его не мучают угрызения совести. Осужденные шантажисты в большинстве случаев оказывались склонными к авантюрам мужчинами в возрасте около 30–40 лет порою не имевшими криминального прошлого и переживающими определенные трудности финансового порядка.

В 80-е годы в России широким размахом идет развитие нелегального предпринимательства. Это было основанием заметного роста вымогательства. Оно стало носить открытый, демонстративно-дерзкий характер. Деяния стали сопровождаться с явно выраженными по степени реальности угрозами (демонстрация и применение оружия, нанесение побоев, похищение людей). Угрозы могли приводиться в исполнение в самых опасных формах (поджоги коммерческих торговых точек, квартир, взрывы автомобилей, причинение тяжких телесных повреждений, покушение на убийство и убийства).

В этот период, как отмечает М. А. Кочубей, сформировался специальный термин «рэкёт», с помощью которого типичное вымогательство прошлых лет надежно отграничивается от современного насильственного вымогательства¹.

В этом термине нашло отражение сращивание корыстной и насильственной преступности и организационный характер вымогательства. Так называемому «рэкету» стали подвергаться, в первую очередь, лица, располагающие значительными материальными средствами: бизнесмены, предприниматели, торговцы, занятые в коммерческих структурах. В. Минская отмечает, что «среди них внимание вымогателей привлекают прежде всего те, кто причастен к противозаконной деятельности и в силу этого не заинтересован в том, чтобы оказаться в сфере действия правоохранительных органов, т.е. предпочитают быть потерпевшими от преступления и не сообщать об этом органам власти»².

Новая редакция ст. 95 УК определяла вымогательство как «требование передачи государственного, кооперативного или общественного имущества, или права на имущество под угро-

зой насилия над лицом, в ведении или под охраной которого находилось это имущество, насилия над его близкими, оглашения позорящих сведений о нем или его близких, повреждения или уничтожения их личного, либо государственного, кооперативного или общественного имущества, находящегося в их ведении или под охраной».

Пристатейный библиографический список

1. Кочубей М. Проблемы квалификации вымогательства //Актуальные проблемы юридической науки и практики. - Ростов н/Дону, 1994. - С. 55
2. Минская В. Ответственность за вымогательство//Законность. - 1994. - С. 17.

- 1 Кочубей М. Проблемы квалификации вымогательства //Актуальные проблемы юридической науки и практики. - Ростов н/Дону, 1994. - С. 55
- 2 Минская В. Ответственность за вымогательство//Законность. - 1994. - С. 17

Мирошниченко Н. С.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПЕРЕДАЧУ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ
ПОДОЗРЕВАЕМЫМ И ОБВИНЯЕМЫМ

В статье рассмотрены некоторые проблемы ответственности за передачу подозреваемым и обвиняемым запрещенных предметов, и предложен ряд мер, направленных на их устранение.

Ключевые слова: следственный изолятор, содержание под стражей, запрещенные предметы.

Miroshnichenko N. S.
RESPONSIBILITY FOR TRANSFER OF THE FORBIDDEN OBJECTS
TO THE SUSPECTED AND ACCUSED

In article some problems of responsibility for transfer of the forbidden objects to suspected and accused are considered and a number of the measures directed on their elimination is offered.

Keywords: a pre-trial detention center, detention, the forbidden objects.

Мирошниченко Н. С.

В соответствии с действующим законодательством, предметы, вещества и продукты питания, которые представляют опасность для жизни и здоровья людей и могут быть использованы в качестве орудия преступления либо для воспрепятствования целям содержания под стражей, запрещаются к передаче подозреваемым и обвиняемым.

Подозреваемым и обвиняемым запрещается иметь при себе предметы, вещества и продукты питания, запрещенные к хранению и использованию (изъятые из гражданского оборота), а кроме того, средства связи и комплектующие к ним, фотоаппараты, компьютеры, электронно-вычислительные машинки и другая оргтехника, деньги, ценные ювелирные изделия, алкогольную продукцию, спиртосодержащие жидкости и т.д.¹

Перечень вещей и продуктов питания, которые запрещается иметь осужденным, указан в Приказе МЮ РФ от 03.11.2005 года № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений». Данный акт в свою очередь содержит исчерпывающий перечень таких вещей и предметов, относя к ним также Вещи и предметы, продукты питания, полученные либо приобретенные в не установленном УИК Российской Федерации и настоящими Правилами порядке².

Несмотря на это, некоторые родственники следственно-арестованных и их знакомые при передаче посылок и бандеролей, а так же при непосредственной передаче вещей и продуктов питания через специальные пункты учреждений УИС, пытаются передать подозреваемым, обвиняемым и осужденным запрещенные предметы и вещи.

Администрации СИЗО настоятельно рекомендуют не брать какие-либо предметы и вещи для передачи в учреждения УИС от посторонних лиц. Данное предупреждение осуществляется и через СМИ, а также пункты приема передач

при СИЗО, но, несмотря на это, такие факты на практике имеют место.

В соответствии со ст. 19.12 КоАП РФ, передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом – влечет наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией запрещенных предметов, веществ или продуктов питания.

В случае обнаружения и изъятия в посылках, бандеролях и передачах предметов, вещей и веществ, изъятых из гражданского оборота, возбуждаются уголовные дела, а граждане, допустившие такие нарушения закона, привлекаются к уголовной ответственности³.

Эмпирическим путем установлено, что основная масса передач запрещенных предметов совершается родственниками (около 54%), друзьями, знакомыми (3,8%) осужденных, подозреваемых, обвиняемых, а также вольнонаемным составом (14,4%) и водителями транспортных организаций (2,8%), то есть общими субъектами. На долю особых субъектов приходится 24,9% от всех передач.

Передача, либо попытка передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах или изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом, – влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей с конфискацией запрещенных предметов, веществ или продуктов питания. Данное нарушение является частым, т.к. наказание за правонарушение очень мягкое.

Передача запрещенных предметов может быть совершена только путем активных противоправных действий, которые являются единственным обязательным признаком объективной стороны состава правонарушения, предусмотренного ст. 19.12 КоАП РФ. Особое внимание обращается на установление ответственности не только за передачу, но и за попытку пере-

1 Зерняева Е. А. Административная ответственность за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей «Актуальные проблемы государства и права в современный период»: Сб. статей // Под ред. В. Ф. Воловича. Часть 1. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008; Каримова Г. Ю. Обзор уголовно-правовой секции IV международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (Россия, Уфа, 8 февраля 2014 г.) // Евразийская адвокатура. 2014. № 3(10). - С. 84-93.

2 Приказ МЮ РФ от 03.11.2005 года № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений».

3 Фоменко Е.В. Вопросы законодательного закрепления и квалификации посредничества во взяточничестве // Евразийская адвокатура. 2014. № 5 (12). - С. 64-67.

дачи запрещенных предметов, под которой предлагается понимать умышленные действия лица, непосредственно направленные на вручение запрещенных предметов осужденным, подозреваемым, обвиняемым, и не доведенные до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Предметами, передаваемыми спецконтингенту, в основном являются наркотические средства (в этом случае уголовная ответственность предусмотрена по ст. 228 УК РФ), мобильные телефоны, спиртные напитки, в ряде случаев могут передаваться инструменты, одежда, деньги, документы для подготовки побега из ИУ. В тоже время для нарушителей режима ответственность носит минимальный характер в виде административной или дисциплинарной ответственности⁴. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС запрещают хранение запрещенных предметов, а также выбрасывать что-либо из окон, взбираться на подоконник, высовываться в форточку⁵.

На какие только ухищрения не идут граждане, чтобы переправить на территорию пенитенциарного учреждения запрещенные предметы. Такие попытки постоянно пресекаются сотрудниками исправительных учреждений. Наличие у подозреваемых и обвиняемых средств связи в местах содержания под стражей негативно влияет на ход предварительного следствия, так как они используются для сокрытия предметов и вещей, добытых преступным путем, угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, а также воспрепятствует производству по уголовному делу. С помощью средств мобильной связи лица, отбывающие наказания в исправительных учреждениях, поддерживают связь с членами преступного сообщества на свободе, а также совершают новые преступления.

Для минимизации попадания запрещенных предметов подозреваемым, обвиняемым, осужденным в следственные изоляторы, предлагается внести изменения в Приказ Минюста РФ от 14 октября 2005 г. N 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы», дополнить статью 7, «Передача не принимается и возвращается посетителю с разъяснением причин возврата в случаях»: нахождения подозреваемого или обвиняемого на профилактическом учете, как склонного к хранению запрещенных предметов, склонного к побегу. Данное изменение предупредит ряд проблем, связанных с передачей запрещенных предметов подозреваемым и обвиняемым.

Пристатейный библиографический список

1. Зерняева Е. А. Административная ответственность за незаконную передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительных учреждениях и местах содержания под стражей «Актуальные проблемы государства и права в современный период»: Сб. статей // Под ред. В.Ф. Воловича. Часть 1. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
2. Каримова Г. Ю. Обзор уголовно-правовой секции IV международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законо-

дательства и правоприменения» (Россия, Уфа, 8 февраля 2014 г.) // Евразийская адвокатура. 2014. № 3 (10). - С. 84-93.

3. Сулейманов Т. А. Материалы выездного заседания Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» Рязань, 15.04.2011
4. Фоменко Е. В. Вопросы законодательного закрепления и квалификации посредничества во взяточничестве // Евразийская адвокатура. 2014. № 5(12). - С. 64-67.

4 Сулейманов Т. А. Материалы выездного заседания Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов» Рязань, 15.04.2011

5 Приказ Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы»

Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимова Х. А.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОВОКАЦИИ В СОВЕРШЕНИИ УБИЙСТВА И НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

В статье рассматривается место и роль провокации в совершении насильственных преступлений, формы провокаций и необходимость учитывать характер провокации при назначении наказания.

Ключевые слова: провокация, неправомерные действия, активная, пассивная форма, причинитель вреда, виктимное поведение, виктимная способность, индивидуализация ответственности.

Abdulmuslimova L. G., Ibragimova Kh. A.

ON THE QUESTION OF THE ROLE OF PROVOCATION IN MURDERS AND VIOLENT CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

The article examines the place and role of provocation in the commission of violent crimes, the forms of provocations and the need to take into account the nature of the provocation in sentencing.

Keywords: provocation, unlawful actions, active, passive form, the tortfeasor, victim behavior, victim ability, individualization of responsibility.

Среди форм виктимного поведения, предшествующего убийствам, следует особо выделить провокацию, т. е. действия потерпевшего в виде угроз, насилия, оскорбления.

Формы провокации различны. Активная форма провокации – это обычно действия потерпевшего, создающие большую опасность для его жизни, которую он надеется ликвидировать, рассчитывая на то, что провоцируемое лицо в силу своего социального положения, свойств характера или недостаточной физической силы не посмеет ответить ему, что случается нередко при совершении бытовых преступлений и часто имеет место ошибочная оценка возможной реакции члена семьи, ставшего объектом провокации. Потерпевшие обычно убеждены в том, что семейные традиции или страх удержат провоцируемого от применения насилия.

Пассивная форма провокации встречается реже, чем активная, и связана с невыполнением потерпевшим обязанностей, вытекающих из общественных, товарищеских, семейных и иных отношений (например, неуплата денежного долга).

Провокации в той и другой форме чаще всего имеют длительный характер и протекают в рамках конфликтных ситуаций. Долговременное неблагоприятное воздействие на психику человека «аккумулирует» в нем ненависть и в конечном итоге может привести к тому, что какой-нибудь мелкий инцидент порождает бурную реакцию.

Постоянное провокационное поведение жертвы часто предшествует убийству ближайших членов семьи.

Возможна неосознанная провокация, когда будущий потерпевший не отдает себе отчета в том, что его неосторожный поступок может вызвать такую реакцию, которая приведет к опасным последствиям. Однако ни в коем случае не следует считать провокацией, например, справедливые замечания граждан хулиганам и дебоширам, которые из-за отрицательных ориентации и навыков или черт характера могут расценить такое замечание как оскорбление и повод для мести. В этих случаях «виновность» потерпевшего отсутствует, а преступник поступает в соответствии со своим субъективным представлением о сложившейся ситуации, которую он воспринимает неправильно. Таким образом, нельзя расценивать как провокацию любое поведение потерпевшего, противоречащее интересам преступника.

Нередки в судебной практике ситуации не только преступного, но и аморального поведения потерпевшего, спровоцировавшего тем самым причинение вреда различной тяжести. Так, П. в ходе ссоры со своим мужем, который на протяжении нескольких лет пьянствовал, равнодушно относился к воспитанию своих детей, неоднократно избивал П., причинила ему тяжкий вред здоровью, ударив обухом топора по голове. И в данном случае, как и в ряде других, аморальные действия потерпевшего, явившиеся причиной совершения преступления, не учтены судом как обстоятельства, смягчающие наказание.

Исследования А. Б. Мельниченко спровоцированных потерпевшим преступлений также показали, что среди практических работников наблюдается небрежное отношение к изучению предделиктного поведения потерпевшего. Изучение личности потерпевшего, как правило, ограничивается характеристикой его поведения и состояния непосредственно перед совершением преступления. В каждом шестом уголовном деле отсутствуют производственные бытовые характеристики, в каждом девятом – нет копий документов о привлечении потерпевшего к уголовной, административной, дисциплинарной ответственности. Не ставится (по большинству изученных автором дел) вопрос и об уголовной ответственности или иной ответственности потерпевшего за свои действия и о влиянии соотношения причиненного и понесенного им ущерба на объем этой ответственности¹.

Среди исследуемых нами уголовных дел, где провокатором конфликтной ситуации является потерпевший, в 27% случаев причинители вреда ранее не были судимы, имели постоянное место работы и положительно характеризовались сослуживцами и соседями по месту жительства, к тому же они искренне раскаивались в содеянном – все это, несомненно, говорит об отсутствии у них антиобщественной установки. Потерпевшие в таких ситуациях нередко характеризовались (в 12% случаев) соседями как склочные, неуживчивые, агрессивные настроенные люди, способные спровоцировать конфликт.

1 Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями, совершенными в состоянии сильного душевного волнения. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 57.

Некоторые из них имели судимости (в 15% случаев), не имели постоянного места работы (в 13% случаев).

Представляется, что определяющими элементами провокации со стороны жертвы будут являться:

- отрицательная направленность поведения жертвы, при которой осознание и предвидение не имеют значения;
- отрицательное поведение потерпевшего является поводом для противоправных действий субъекта;
- умысел на совершение преступления возникает у лица под воздействием ненадлежащего поведения жертвы.

В. И. Полубинский выделяет две формы провоцирующих действий потенциальной жертвы – активную и пассивную.

Активная форма провокации наблюдается в случаях, когда потенциальная жертва своими действиями прямо и непосредственно вызывает на себя агрессию преступника. В зависимости от психического отношения активно провоцирующей жертвы к преступному деянию ее действия можно подразделить на прямую и косвенную провокацию.

При прямой провокации жертва берет на себя инициативу совершения против нее преступления, склоняет потенциального правонарушителя выполнить те или иные противозаконные действия. Например, человек просит кого-либо причинить ему увечье, рассчитывая тем самым уклониться от военной службы². По сути, активная форма провокации представляет собой преступление, совершаемое с прямым умыслом, поскольку в такой ситуации провоцирующий на причинение вреда осознает общественную опасность своего деяния, предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их наступления, вовлекая при этом в совершение преступления другое лицо. Такого рода провокация носит криминологический характер и в данном случае не имеет цели изблечения спровоцированного, а наоборот, лицо вовлекается провокатором в совершение преступления из личной выгоды деяния для провоцирующего. Следовательно, действия такого провокатора уголовно-наказуемы, но не за провокацию, а за фактически совершенное преступление, которое охватывалось его умыслом (например, получить страховку по увечью).

При косвенной провокации в активной форме жертва своими отрицательными действиями вызывает против себя преступную реакцию. Например, когда преступление совершено при превышении пределов необходимой обороны или при нанесении ущерба жертве преступником в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными, оскорбительными действиями потерпевшего.

То есть при косвенной провокации действия провоцирующего также умышленны, совершая неправомерные действия, он осознаёт общественно-опасный характер своего деяния и, как правило, предвидит либо желает вызвать ответную реакцию провоцируемого, но наступление определенных последствий в виде причинения ему (провокатору) вреда не всегда охватывается умыслом провоцирующего. Чаще всего примеры косвенной провокации встречаются в семейно-бытовых конфликтах, когда совершение преступления является следствием аморального, неправомерного, преступного поведения потерпевшего, что обязательно должно учитываться при назначении наказания преступнику, а также влиять на определение роли потерпевшего в совершении преступления и установление ответственности исходя из содеянного.

Пассивная форма провокации выражается в небрежных, неосторожных или иных действиях возможной жертвы, создающих благоприятную возможность для совершения потенциальным правонарушителем преступления. К примеру, оставление вещей без присмотра, непринятие надлежащих мер предосторожности и другие аналогичные случаи. Н. Х. Сафиуллин заметил, что при установлении элементов такого рода провокации в поведении потерпевшего речь не должна идти о каком-либо уголовно-правовом обвинении потерпевшего за его виктимное поведение, само по себе это поведение не наказуемо, и преступник не может быть оправдан³.

Проанализировав данные позиции, мы пришли к выводу, что было бы уместно выделить виды умышленно провоцирующего и неосторожно провоцирующего потерпевшего, т.е. не только по форме провоцирующих действий, но и по его отношению к совершаемому деянию. Такая классификация будет иметь важное значение в предупреждении провоцируемых преступлений, выработке специальных мер профилактического воздействия на самого провоцирующего потерпевшего в зависимости от вида и, соответственно, на причинителя вреда.

Проанализировав позицию ученых, мы можем сделать вывод о том, что активная форма провокации (прямая и косвенная) выражается в противоправных действиях жертвы, и такие действия, умышленно провоцирующего потерпевшего, должны иметь уголовно-правовую оценку и влиять на назначение наказания спровоцированному лицу в сторону смягчения.

Пассивная же форма провокации (небрежные, неосторожные действия) не имеет уголовно-правовых последствий и является чисто виктимологической категорией в оценке действий неосторожно провоцирующего потерпевшего.

Бесспорно, провокационное поведение потерпевшего в виктимологическом смысле может являться поводом для противоправных действий причинителя вреда. Следовательно, изучение личности жертвы преступления и ее поведения не менее важно, чем значение личностных качеств и поведения преступника, поскольку провоцирующее поведение потерпевшего имеет определенное уголовно-правовое значение и учитывается при решении вопросов квалификации преступлений, назначения наказания виновным, что делает целесообразным рассмотрение виктимологических проблем в уголовно-правовом их проявлении. Другой формой виктимного поведения потерпевшего является его неосторожность. Неосторожность поступков потерпевшего понимается, конечно, не в уголовно-правовом, а в криминологическом смысле.

Жертвы убийств (как и многих других преступлений), не понимая конечных последствий своего поведения, не принимают необходимых мер предосторожности и создают ситуации, благоприятные для совершения в отношении них преступлений. Характеризуя неосторожное поведение потерпевшего от убийства, Б. Хольст пишет: «Жертвы не предвидели, что случайные знакомства в ресторанах, выпивка со случайными, нередко враждебно относящимися к ним лицами, поддержание связей с опасной средой, откровенность с различными лицами относительно наличия у них значительных денежных сумм – всё это может привести к трагическим последствиям»⁴.

2 Полубинский В. И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. – М, 1980. – С. 46.

3 Сафиуллин Н. Х. Преступник и потерпевший // Преступление и наказание. – 1996. – № 6. – С. 32.

4 Хольст Б. Роль потерпевшего в совершении убийств // Государство и право. – № 11 (225). – Польша, Варшава, 1974. – С. 747.

Различают два вида неосторожности: случайная неосторожность и постоянная. Случайная неосторожность имеет место тогда, когда жертва однажды и случайно создает ситуацию, опасную для ее жизни, здоровья и т. д.⁵ Постоянная неосторожность состоит в непрерывном поставлении себя в опасность, в частности, опасным окружением.

Провокация и неосторожность как разновидности виктимного поведения – это виновное поведение потерпевшего, в котором обнаруживается сознательное и неосознанное отношение к исходу преступного деяния и содержатся какие-либо причинные факторы, повлиявшие на противоправное поведение преступника. Наряду с виновным поведением, нельзя забывать о том, что люди обладают предрасположенностью стать жертвой преступного посягательства. Такая предрасположенность может быть виновной или невиновной. Первая проявляется в ненадлежащем поведении жертвы, которое становится одним из причинно-следственных факторов зарождения и развития преступления.

Невиновной предрасположенностью становится жертвой преступления следует считать виктимную способность отдельных людей, связанную не с отрицательным поведением, а со свойствами их личности, избранной профессией. Например, можно выделить контингент «обременительных жертв», само физическое существование которых формирует желание у преступника совершить убийство и избавиться от них. Их убийство является средством уклонения от выполнения обязанностей по отношению к ним. Такими могут быть, например, старые и больные люди, новорожденные, один из супругов, лица, которым преступник должен значительную сумму денег, и т.д.

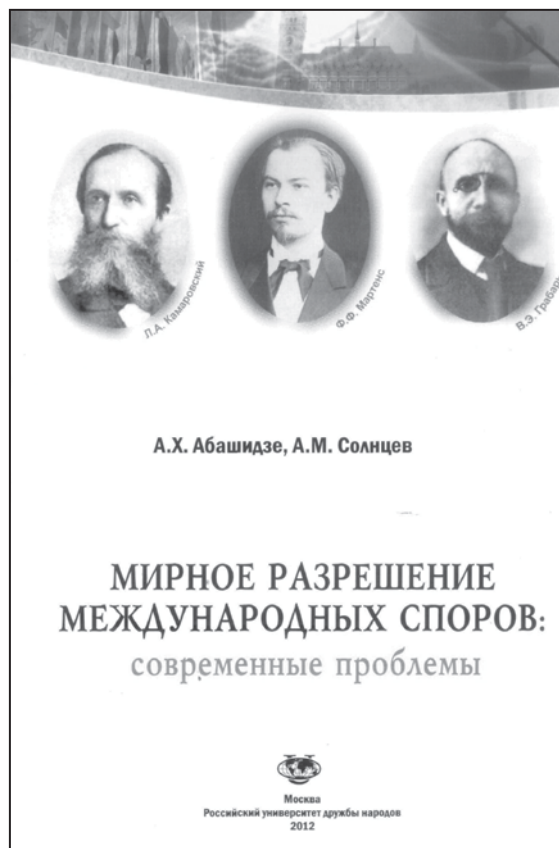
Виктимное поведение потерпевшего может быть виновным и невиновным. Виновное виктимное поведение скорее характерно мужчинам, нежели женщинам. Данные, полученные в результате опроса осужденных за убийства, тяжкие телесные повреждения и истязания, свидетельствуют, что 76% респондентов оценили поведение потерпевшего как способствующее совершению ими преступления; 20% опрошенных полагали, что именно поведение жертвы вызвало у них решение совершить преступное посягательство.

При совершении убийства и причинения вреда здоровью человека виновное поведение жертвы выразилось в применении физического насилия в 30% случаев; в 17,2% – в оскорблении; в 5,5% – в угрозе применения насилия; в 2,8% – в повреждении имущества и необоснованных имущественных притязаниях потерпевшего; в 16,6% – в учинении ссоры; в 6,1% – в супружеской неверности; 9,2% – в недостойном поведении потерпевшего, вызвавшего ревность преступника.

Выделение отдельных видов и форм виновного поведения потерпевшего свидетельствует о сложности и многоэлементности этого понятия. К тому же представленные разновидности виновного поведения жертвы существуют только в определенной взаимосвязи друг с другом и, накладываясь, образуют разные сочетания, имеющие не одинаковое значение для индивидуализации ответственности преступника.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Н. Г. Иванов. – М.: Издательство «Экзамен», 2013.
2. Криминология: Учеб. для бакалавров / Под ред. Ю. М. Антонян. – М., 2012.
3. Криминология. Курс лекций / Под ред. З. А. Астемирова. – Махачкала, 2002.
4. Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями, совершенными в состоянии сильного душевного волнения. – Ростов-на-Дону, 1995.
5. Полубинский В. И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. – М, 1980.
6. Сафиуллин Н. Х. Преступник и потерпевший //Преступление и наказание. – 1996. – № 6.
7. Хольст Б. Роль потерпевшего в совершении убийств // Государство и право. – № 11 (225). Польша, Варшава, 1974.
8. Хольст Б. Криминология. Основные проблемы /Под ред. И. А. Стручкова. – М., 1980.

5 Хольст Б. Криминология. Основные проблемы / Под ред. И. А. Стручкова. – М., 1980. – С. 141.

Абдулмуслимова Л. Г.

К ВОПРОСУ О ВИКТИМНОМ ПОВЕДЕНИИ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

В статье рассматриваются вопросы криминологической проблемы – влияния поведения жертвы, которое может создать криминальную обстановку, являться фактором противодействия и создания преступных последствий при убийствах и насильственных преступлениях.

Ключевые слова: противоправность, аморальность, наклонности, стремления, предпосылка, идея преступления, криминальная обстановка, квалификация преступления, психомоторные реакции, аффект, необходимая оборона.

Abdulmuslimova L. G.

ON THE QUESTION OF VICTIM BEHAVIOR OF THE VICTIMS OF CRIMES AGAINST HUMAN LIFE AND HEALTH AS A CRIMINOLOGICAL PROBLEM

The article examines criminological problems of the influence of victim's behavior that may create a criminal situation, become a factor of counteraction and creation of criminal consequences of murders and violent crimes.

Keywords: unlawfulness, amorality, inclinations, aspirations, background, the idea of a crime, the criminal situation, qualification of crimes, psychomotor reaction, affect, self-defense.

В настоящее время, когда криминология располагает необходимыми материалами о личности преступника и его поведении, продолжает ощущаться потребность в сведениях о тех, кто становится жертвой убийства и причинения вреда здоровью человека. Знание этих лиц, их анализ и обобщение данных о них наряду с изучением личности преступника может помочь лучше определить направление профилактических мероприятий, выделить группы людей наиболее часто подвергающихся тому или иному общественно опасному посягательству, то есть установить группы риска и «работать» с ними.

Поведение потерпевших тесно связано с их личностными особенностями, поскольку личность и ее психологические свойства одновременно есть и предпосылка, и результат ее деятельности. Внутреннее психологическое содержание поведения, складывающееся в условиях определенной ситуации, особенно значимой для личности, переходит в относительно устойчивые свойства личности, а они, в свою очередь, сказываются на ее поведении¹.

А личностные особенности жертвы играют существенную роль как в выборе ею линии поведения, так и в выборе средств реализации намеченных целей во взаимодействии с потенциальным преступником².

Действия преступника часто зависят не только от его личных особенностей, наклонностей и стремлений, но и от поведения потерпевшего, который своими неосторожными, аморальными и противоправными поступками может подать «идею» преступления, создать криминальную обстановку, облегчить наступление преступного результата. Поэтому при анализе роли конкретной жизненной ситуации в совершении преступления необходима всесторонняя и объективная оценка значения поведения потерпевшего.

Уголовный закон РФ содержит ряд указаний на то, что безнравственное поведение потерпевшего может служить обстоятельством, смягчающим наказание, или основанием

квалификации преступления как менее тяжкого. Так ст. 61 УК РФ среди обстоятельств, смягчающих наказание, называет противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления. Статья 107 УК РФ говорит об убийстве в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. О тех же обстоятельствах говорится в ст. 113 УК РФ применительно к причинению тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта.

При определенных условиях личность потерпевшего может быть активным фактором, либо затрудняющим преступление, либо способствующим ему. А личностные особенности жертвы играют существенную роль как в выборе ею линии поведения, так и в выборе средств реализации намеченных целей во взаимодействии с потенциальным преступником³.

В пределах криминальной ситуации поведение жертвы убийства и причинения вреда здоровью человека может быть классифицировано по-разному. По мнению Г. Кайзера, поведение жертвы может быть следующих видов: правомерным, неправомерным, нейтральным, когда между поведением жертвы и поведением преступника отсутствует прямая связь⁴.

Особое виктимологическое значение имеет, конечно, неправомерное поведение жертвы ввиду содержащегося в нем высокого виктимного потенциала. Часто такое поведение является провокацией и источником конфликта. Его формы различны: от физического и психического насилия, примененного к преступнику или его близким, до оскорбительного отношения к личности субъекта деяния и проявления неуваже-

1 Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. – М., 1946. – С. 513.

2 Коньшева Л. П. Опыт психологического исследования взаимодействия потерпевшего и преступника в криминальной ситуации // Проблемы борьбы с изнасилованием. – М., 1983. – С. 64.

3 Коньшева Л. П. Опыт психологического исследования взаимодействия потерпевшего и преступника в криминальной ситуации // Проблемы борьбы с изнасилованием. – М., 1993. – С. 64.

4 Гюнтер Кайзер. Криминология. – М., 1979. – С. 163.

ния к общественному порядку, которое прямо не относилось к конкретному лицу, совершившему затем деяние⁵.

Виктимология исходит из того, что поведение человека может быть не только преступным, но и неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, порою провокационным, следовательно, опасным для самого себя, что увеличивает возможность преступного посягательства на него.

Для обозначения неправильного, неосторожного, аморального, провоцирующего и т. д. поведения отдельные исследователи используют термин «виктимное поведение»⁶.

Виктимное поведение определяется как один из типов социального отклоняющегося поведения, при этом различается случайное, злостное, агрессивное, провоцирующее. Такая классификация строится по аналогии с определением видов виктимности, то есть в основу положен фактор, определяющий виктимность лица⁷.

Виктимное поведение может способствовать появлению криминогенной ситуации, а в некоторых случаях, – и совершению преступления в силу того, что оно бывает либо сознательно направленным на это, либо, как правило, – неосторожным, рискованным, объективно опасным для потенциальной жертвы преступления.

Такое поведение заключается в том, что потерпевший в период времени, непосредственно предшествовавший преступному посягательству, своими действиями создает рискованную для себя ситуацию, провоцируя совершение преступления. В этом случае лицо уже проявляет определенную активность, хотя и не желает совершения в отношении себя посягательства.

По данным нашего исследования, распределение потерпевших по характеру поведения, предшествующего совершению убийства и причинению вреда здоровью человека, выглядит следующим образом:

а) положительное поведение – 10,1%. Положительное поведение заключалось в защите третьего лица от нападения – 3,7%, в требовании прекращения нарушения или пресечении нарушения (без защиты кого-либо) – 4,1%, в требовании по службе – 0,9% (причинение тяжкого вреда здоровью – 1,5%), в требовании нормального поведения в семье, быту – 1,4% (причинение тяжкого вреда здоровью – 3,8%);

б) негативное поведение – 65,2%. Негативное поведение заключалось в нападении на причинителя вреда – 16,7%, в оскорблениях, скандалах, издевательствах, унижениях – 9,7%, в ненадлежащем поведении, включая не оказание сопротивления при наличии к тому возможности – 38,8%;

в) нейтральное поведение, т. е. такое, которое не способствовало и не препятствовало преступнику – 24,7% от общего числа жертв (убийство – 23%, причинение тяжкого вреда здоровью – 25,9%).

Как видно, поведение почти двух третей потерпевших от убийств и причинения вреда здоровью человека в ходе развития опасной ситуации характеризовалось как негативное. Эти данные согласуются с результатами исследования, указывающими на распространенность состояния опьянения среди потерпевших и другие источники возникновения конфликтных

ситуаций. Именно негативное поведение потерпевших в таких случаях чаще всего являлось катализатором преступных действий причинителем вреда.

При расследовании и рассмотрении уголовных дел об убийствах и тяжких телесных повреждениях особое значение имеет исследования вопроса о сопротивляемости жертвы. Однако оно является еще более важным в виктимологическом плане, когда сопротивление жертвы рассматривается как фактор противодействия (или же, наоборот, как фактор, содействующий наступлению преступных последствий).

В нашем исследовании 72% жертв практически не оказывали преступникам никакого сопротивления, и лишь в 28% изученных дел факт в разной степени интенсивного сопротивления был налицо. Не оказывали сопротивление 85% потерпевших. Причины не оказания сопротивления следующие: неожиданность нападения – 43%, физическое превосходство преступника – 49%, отсутствие привычки к сопротивлению – 71%, страх – 32%, иное – 25%. В этой связи можно предполагать, что без такого сопротивления число убитых в рассмотренных делах могло бы быть еще большим.

Таким образом, существенный резерв борьбы с преступностью заложен в повышении активности населения в противодействии преступным посягательствам. На индивидуальном уровне возможность такого противодействия обуславливается физическими и морально-волевыми качествами жертвы, опытом поведения в аналогичных ситуациях, навыками быстрой ориентации в происходящих событиях. На уровне общественного сознания возможности эффективного противостояния преступникам закладываются представлениями о допустимости или недопустимости в принципе действий, связанных с причинением вреда другим лицам, в том числе и преступникам, то есть по существу речь идет об идеологическом обеспечении института необходимой обороны.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учеб. для вузов / Н. Г. Иванов. – М.: Издательство «Экзамен», 2013.
2. Криминология: Учеб. для бакалавров / Под ред. Ю. М. Антопян. – М., 2012.
3. Гаджиева А. А. Виктимология как криминологическое учение. – Махачкала, 2001.
4. Горя Н. К. Назначение наказания по делам о насильственных преступлениях. – Кишинев: Штиинца, 1991.
5. Гюнтер Кайзер. Криминология. – М., 1979.
6. Джахбаров Ю. А. Криминологическая характеристика и профилактика насильственных преступлений на виктимологической основе: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.
7. Коньшова Л. П. Опыт психологического исследования взаимодействия потерпевшего и преступника в криминальной ситуации // Проблемы борьбы с изнасилованием. – М., 1993.
8. Майоров А. В. Кражи в общественных местах: криминологическая характеристика и виктимологическая профилактика: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004.
9. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. – М., 1946.

5 Гаджиева А. А. Виктимология как криминологическое учение. – Махачкала, 2001. – С. 65.

6 См. например: Джахбаров Ю. А. Криминологическая характеристика и профилактика насильственных преступлений на виктимологической основе: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.

7 См. например: Майоров А. В. Кражи в общественных местах: криминологическая характеристика и виктимологическая профилактика: Дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004.

Бертовский Л. А., Кучерков И. А., Лисовецкий А. Л. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕНДЕРИНГ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются основные положения применения и роли особого вида виртуальной визуализации – криминалистического рендеринга. Авторы рассматривают значение средств и форм визуализации с криминалистической точки зрения, делая вывод, что криминалистический рендеринг – закономерный этап развития данных средств.

Ключевые слова: криминалистический рендеринг, виртуальная визуализация, криминалистическая техника, криминалистическое моделирование.

Bertovskiy L. A., Kucherkov I. A., Lisovetskiy A. L. FORENSIC RENDERING: THE CONCEPTUAL ISSUES

The article deals with some conceptual issues of using and the role of a special form of virtual visualization – forensic rendering. The authors consider the role of visualization tools and forms from the forensic point of view concluding that forensic rendering is a natural stage in the development of these tools and forms.

Keywords: forensic rendering, virtual visualization, forensic techniques, forensic modeling.

Фиксация криминалистически значимых следов – один из ключевых элементов деятельности по расследованию преступлений, направленный на закрепление сведений, имеющих значение для дела, с целью их последующего использования в судопроизводстве. Процессуальная форма фиксации сведений в подавляющем своем большинстве нацелена на их восприятие при последующем использовании, поэтому она должна быть достаточно простой и в организационно-техническом, и в содержательном аспектах для всех участников судопроизводства. Вследствие этого, российский законодатель выбрал в качестве основной наиболее универсальную форму фиксации обстоятельств происшествия – письменную. Однако данная форма фиксации имеет относительно низкий уровень отражения и, в основном, зависит от субъективных качеств следователя, что обуславливает потребность в иных, помимо текстовой, более объективных и доступных для визуального восприятия формах фиксации хода и результатов следственных действий.

Действующий УПК РФ предусматривает использование различных технических средств, направленных, в частности, на закрепление информации в нетекстовой форме, доступной для визуального восприятия (ст. 166 УПК РФ). Эти средства, как и протоколы ряда следственных действий, во многом направлены на то, чтобы стать основой для воссоздания картины произошедшего, для активизации мыслительно-познавательной деятельности следователя (дознателя), прокурора, судьи и иных лиц, участвующих в уголовном процессе.

Составление планов-схем, наряду с результатами фото- и видеосъемки, представляют собой устоявшийся набор, визуализирующий место происшествия (как в рамках осмотра места происшествия, так и в рамках иных следственных действий, имеющих отношение к месту происшествия). Предназначение данного набора в совокупности с протоколом соответствующего следственного действия в том, чтобы способствовать более корректному воссозданию произошедшего в воображении сотрудников органов предварительного расследования, прокуроров и судей.

Представляя собой весьма консервативный набор средств, направленный на воссоздание материальных следов произошедшего на месте происшествия, действующим уголовно-процессуальным законом он признается достаточным. Если материалы проверки сообщения о преступлении или уже возбужденное уголовное дело передается от одного сотрудника к

другому (как из разных ведомств, так и в рамках одного ведомства), то данный набор вместе с протоколом соответствующего следственного действия представляются второму сотруднику практически как единственные средства, помогающие воссоздать место происшествия, в пределах которых крайне сложно сохранить то положение вещей, которое было обнаружено изначально (естественно, вариант выезда вторым сотрудником на место происшествия не исключается). Так уже встает проблема недостаточности данных средств, в частности, в смысле их функциональности, что препятствует и соблюдению таких важных критериев качественной организации расследования, как быстрота, полнота и объективность¹.

Проблема фиксации обстоятельств уголовного дела в доступной для визуального восприятия форме закономерно «потянула» за собой потребность в воссоздании механизма самого происшествия, а не только лишь следов, оставшихся после него.

На данный момент в подавляющем большинстве случаев воссоздание механизма происшествия как целостного события следователь (дознатель) производит в форме мыслен-

Бертовский Л. А.

Кучерков И. А.

Лисовецкий А. Л.

1 Анненков С. И., Анненкова Т. С. Обстановка совершения преступления: процессуальные и криминалистические проблемы исследования. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 72.

ного моделирования, то есть посредством так называемого воссоздающего воображения, которым формируются новые образы-представления на основе уже готовых моделей²; само воображение есть процесс мысленного создания образов объектов, явлений, и их последовательная смена в развитии чего-либо³. Основой для подобного мысленного моделирования, воссоздания события выступает имеющаяся у следователя совокупность сведений о происшествии. Минусом подобной модели во многом выступает отсутствие должной точности при взаимодействии между объектами, поскольку мысленная модель весьма приближительна, и погрешность при вычислении механизма образования какого-либо следа может сыграть отрицательную роль. В то же время следователю – лицу, на плечах которого на сегодняшний день лежит бремя собирания разнородных следов в единую «мозаику», – необходимо донести результаты мысленного моделирования (выстроенные на основе собранных им сведений) до иных участников процесса, что не всегда полноценно возможно в вербальной форме. Так, мы приходим к осознанию необходимости внедрения средств компьютерной визуализации (рендеринга) как происшествия вообще, так и места, где оно произошло, но в более функциональной форме, чем традиционные фототаблицы и видеозаписи, которые, несомненно, могут содержать очень важную для интересов следствия информацию.

Визуализация как таковая является представлением физического явления и/или процесса в удобной для зрительного восприятия форме⁴. Как видно, фото- и видеозаписи, планы-схемы, рисунки, предметы-аналоги являются средствами визуализации.

Можно выделить следующие виды средств визуализации:

- 1) статические (отображают последствия):
 - позволяющие осматривать обстановку происшествия или объект при невозможности менять точку зрения;
 - позволяющие осматривать обстановку происшествия или объект при наличии возможности виртуально перемещаться в его пределах и/или менять точку зрения;
- 2) динамические (отображают событие):
 - воссоздающие событие происшествия.

К первому подвиду статической формы визуализации следует отнести наиболее консервативные формы визуализации, а именно традиционную фотосъемку, видеосъемку, рисунки и планы-схемы, в том числе созданные с применением компьютера, предметы-аналоги и некоторые иные (к примеру, изображения объектов при ультрафиолетовом, инфракрасном освещении или с применением рентгена).

Ко второму подвиду можно отнести программы (например, «CrimeScene Virtual Tour» и ее аналоги), с помощью которых при применении соответствующих технических устройств выстраивается панорамное изображение обстановки происшествия, после чего появляется возможность при необходимости «не выходя из кабинета» виртуально перемещаться в запечатленном пространстве⁵. Подобная визуализация для целей криминалистики достигается преимущественно посредством 3D-фотосъемки либо посредством применения 3D-сканеров⁶.

Результат их применения можно охарактеризовать (с определенной долей условности) как фотографическую модель. Данная модель достаточно объективна вследствие того, что она относительно точно отражает обстановку происшествия, однако не характеризуется гибкостью, так как в ней, как правило, содержатся объекты как относящиеся, так и не относящиеся к происшествию, вследствие чего может возникнуть необходимость в изменении ее фактического содержания. Также ко второму подвиду можно отнести некоторые специфические средства визуализации, которые применяются при исследовании отдельных объектов (например, компьютерная томография).

К динамической форме визуализации на сегодняшний день следует отнести программное обеспечение, позволяющее создать анимационные модели, в которых визуализируется само происшествие, то есть модель отображает материальные объекты относительно друг друга в динамике, имитируя произошедшее событие (например, «3D EyeWitness», «CrimeDecoder v. 0.1» и иные, аналогичные им). Такие модели в своем воплощении преимущественно основаны на анимации. Основой для создания подобных моделей являются фактические установленные данные о происшествии⁷. Данное программное обеспечение имеет свои достоинства и недостатки. Анимационная модель позволяет отражать только объекты и их изменения в зависимости от конкретных задач, которые ставятся перед ней. Кроме того, данная модель обладает широкими возможностями визуализации расследуемого события, так как может не зависеть от использованных в ходе следственных действий технических средств фиксации. С другой стороны, она не достаточно достоверна, так как содержание данной модели обычно базируется на источниках информации, не обладающих визуальной точностью, поэтому оптимальным является использование комплексного программного обеспечения – динамической модели, сочетающей преимущества динамической и статической моделей, равно как и развитие данных моделей в отдельности.

На данный момент интерес с этой точки зрения, как и с точки зрения оптимизации расследования преступлений представляют более прогрессивные формы визуализации, а именно *криминалистический рендеринг* (англ. rendering – «визуализация») с большим акцентом на возможности, предоставляемые компьютерными технологиями. Рендеринг есть технология получения изображения по модели с помощью компьютерной программы.

Нужно отметить, что в настоящее время криминалистический рендеринг уже начинают использовать сотрудники правоохранительных органов как в России, так и за рубежом.

Как указывает американское издание «3Ders», полицейский участок в городе Розуэлл, Нью-Мексико, недавно приобрел Faro 3D сканер, который позволит следователям (и потенциально судам) производить 3D-рендеринг мест преступления – оцифрованный панорамный вид любой области места происшествия.

Полиция утверждает, что информация будет представляться с точностью до «пары миллиметров», так что следователи, судьи и жюри присяжных будет иметь «очень точное графическое представление о том, что представляет собой место происшествия». Считается, что это будет шагом в сторону качественного улучшения относительно известных способов фиксации места происшествия с помощью стандартной камеры, и что с его помощью можно будет действительно предотвратить возможные ошибки, иногда допускаемые правоохранительными органами⁸.

2 Еникеев М. И. Юридическая психология. – М.: Проспект, 2010. – С. 77.
 3 Романов В. В. Юридическая психология. – М.: Издательство Юрайт, ИД Юрайт, 2012. – С. 134.
 4 Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», ООО «Русские словари», 2002. – С. 158.
 5 Тактика следственных действий (осмотр места происшествия и допрос) / Под ред. А. И. Дворкина, Л. В. Бертовского. – М.: Издательство «Экзамен», 2011. – С. 36–37.
 6 Енгальчев В. Ф., Пискунова Е. В. Новые технологии визуальной фиксации следов преступления: криминалистические и психологические аспекты // Бюллетень Международной ассоциации правосудия. – 2013. – № 1 (7). – С. 36–37.

7 Анненков С. И., Анненкова Т. С. Указ. соч. – С. 136.
 8 3D-Scanned Crime Scenes No Longer Just Exist On “CSI” // The Creators Project, 24.01.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Чтобы сэкономить деньги, в Балтиморской полицейской криминалистической лаборатории техники превратили недорогую программу, предназначенную для ремонта зданий, в инструмент, наглядно демонстрирующий, как происходило убийство, изнасилование и другие преступления. Используя «Flood Plan Plus», криминалистическая лаборатория на основе эскизов и фотографий с места происшествия воссоздает его на экране компьютера.

Не отстают и отечественные криминалисты. Так, при осмотре места крушения самолета президента Польши Леха Качинского была проведена фотосъемка по специальной методике, и затем с помощью бесплатно распространяемой в сети Интернет компьютерной программы, используемой риэлторами для продажи загородных особняков, создана объемная компьютерная модель авиационного происшествия.

Однако не менее важен и другой возможный аспект использования криминалистического рендеринга. Имеются в виду случаи, когда место происшествия недоступно для субъектов поисково-познавательной деятельности.

Так, получили широкий общественный резонанс как в России, так и за ее пределами уголовные дела об отравлении суррогатами алкоголя российских граждан на яхте в Турции в мае 2011 г., о совершенных в августе 2008 г. убийствах российских граждан в ходе грузино-осетинского конфликта, о военных действиях на юго-востоке Украины в период с апреля 2014 г. по настоящее время и т.д.

Вместе с тем, вне зависимости от масштаба расследуемых событий и вызываемой ими общественной огласки, процесс получения доказательств по каждому из дел рассматриваемой категории вызывает значительные трудности, обусловленные, главным образом, нахождением места происшествия, большинства потерпевших, свидетелей, предметов, документов и иных источников доказательств за пределами юрисдикции российской правоохранительной системы.

В этом случае, с использованием размещаемых в Интернете пользователями социальных сетей фото- и видеоматериалов с метками о месте съемки, фото- и видеоматериалов средств массовой информации, съемки с космических аппаратов и т.д. представляется возможным при участии специалистов создание компьютерной модели места происшествия, которая впоследствии может быть использована для оптимизации процесса решения стоящих перед следствием задач.

Вышесказанное относится к рендерингу в отношении неодушевленных объектов. Однако функциональные возможности рендеринга позволяют использовать данную технологию и в отношении живых лиц (в частности при допросе). В данном случае здесь будут иметь место системы распознавания недоступных либо слабо доступных человеческому глазу процессов и их отображение в визуальной форме, которые также могут применятся в отношении неодушевленных объектов.

Таким образом, давая комплексное определение рассматриваемой технологии, можно сказать, что **криминалистический рендеринг** – это визуализация с помощью компьютерной техники, выражающаяся в создании виртуальных моделей и/или виртуальном отображении криминалистически значимых объектов и явлений различной природы и сложности.

Классифицировать криминалистический рендеринг можно по различным основаниям. Приведем основные из них.

В зависимости от формы:

– процессуальный (экспертный, в рамках следственных действий, в суде);

– непроцессуальный (оперативно-розыскной и аналитической (например, для выявления серийных убийств), для создания наглядной модели преступления.

От стадии уголовного процесса:

– на стадии возбуждения уголовного дела,

– на стадии предварительного расследования,

– на судебных стадиях (подготовка и проведение судебного заседания, производство в суде всех инстанций).

В зависимости от процессуального мероприятия, в рамках которого осуществляется рендеринг:

– *осмотр места происшествия*: производится фиксация обстановки непосредственно на месте происшествия либо воссоздание места происшествия на основе имеющихся сведений и материалов (в частности в форме средств визуализации) в случае, если осмотр места происшествия по тем или иным причинам недоступен, при возможности установить размеры визуализируемых объектов обстановки, визуализируются невидимые процессы (например, температура, уровень радиации, концентрации ядовитых веществ и т.д. и т.п. в разных частях осматриваемого места происшествия, что особенно актуально в ситуациях с пожарами, взрывами, техногенными катастрофами), систематизируются обнаруженные материальные следы с указанием их характеристик, особенностей, а также иные особенности места происшествия (например, особенности освещения);

– *опрос, допрос*: во-первых, визуализация с помощью специалиста того, что наблюдал допрашиваемый, позволяет более корректно отразить видимое последним, и также не упустить определенные особенности увиденного, поскольку при составлении модели необходимость детализировать те или иные сведения возникает естественным образом; во-вторых, подобная методика визуализации особенно хороша для малолетних, часто затрудняющихся словами полноценно передать произошедшее, поскольку способствует преодолению подобного «языкового барьера», а в силу достаточной детализированности позволяет лишний раз не помещать ребенка в стрессовую ситуацию, свойственную допросам; в-третьих, результат рендеринга может использоваться при допросах как средство психологического воздействия на допрашиваемого (в частности на активизацию памяти) посредством предъявления результатов визуализации и, в-четвертых, видеофиксация допроса/опроса может быть совмещена с визуализацией уровня температуры тела в отдельных частях, частотой сердцебиения и т.п., а также с системой распознавания эмоций, активно разрабатываемой в последнее время⁹, что позволит определять состояние допрашиваемого, предполагать степень достоверности сообщаемых им сведений и, основываясь на получаемых сведениях, выстраивать тактику допроса/опроса;

– *освидетельствование*: рендеринг может выступать не только как средство фиксации примет, следов, повреждений в 3D-формате, но и как способ систематизации указанных сведений наряду с состоянием опьянения, температурой тела и иными состояниями, визуализируемыми в ситуации с допросом;

– *обыск, выемка*: при подготовке к проведению данных мероприятий создается модель на основе кадастровых планов, поэтажных планов, экспликации и иных материалов, что способствует выявлению возможных тайников и/или мест хранения искомых объектов, а также способствует выработке тактики проведения обыска);

– *предъявление для опознания*: рендеринг позволяет фактически производить опознание участков местности «не выходя из кабинета», поскольку способно с достаточной долей достовер-

<http://thecreatorsproject.vice.com/read/3d-scanned-crime-scenes-no-longer-just-exist-on-csi>

9 Тюрин А. И., Безыкорнов Д. С. Адаптация системы кодирования лицевых мышц к работе нейросетевой модели // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/125-19764

ности отражать ее, а также, предусматривая 3D-изображение объектов опознавания, позволяет в ряде случаев в достаточной степени решить вопрос о хранении данных объектов (например, в случаях массовой гибели людей становится возможным зафиксировать трехмерные изображения трупов с учетом всех их внешних анатомических особенностей, решив при этом вопрос о хранении данных трупов);

– *следственный эксперимент*: рендеринг позволяет как предварительно смоделировать ход следственного эксперимента на стадии подготовки, так и воспроизвести результаты данного следственного действия, а также, если возникает необходимость проведения следственного эксперимента в некоторых случаях смерти, тело может быть подвергнуто визуализации аналогично тому, как оно визуализируется в указанном случае предъявления трупа для опознавания, а затем с помощью 3D-принтера может создаваться манекен с рядом важных характеристик тела погибшего, что является необходимым в подобных случаях¹⁰, однако подобное воссоздание допустимо и в отношении иных объектов (особенно склонных к разрушению).

– *проверка показаний на месте*: рендеринг дает возможность проводить проверки показаний «не выходя из кабинета», если место происшествия по тем или иным причинам недоступно в результате пожара, взрыва и иных деструктивных воздействий, либо находится в другом государстве;

– *назначение экспертиз*: при указании где, в каком объеме, откуда взяты образцы, в каком состоянии (мокрые, обугленные, горелые с уровнем радиации, какой температуры и т.д.) получены объекты для экспертизы рендеринг может использоваться в рамках ситуалогических экспертиз, а также психологических экспертиз в целях составления психологического портрета преступника, что особенно актуально в ситуациях с серийными преступлениями против жизни и здоровья.

В зависимости от этапа следственного действия (данное деление в достаточной мере условно):

– на этапе подготовки (например, создание модели перед производством обыска);

– на рабочем (операциональном) этапе (например, визуализация ряда физиологических процессов при производстве допроса);

– на завершающем этапе (например, составление модели по окончании осмотра места происшествия);

– универсальные, используемые на любом этапе следственного действия.

Таким образом, возвращаясь к указанной выше классификации средств визуализации, можно сказать, что криминалистический рендеринг как средство статической визуализации позволяет отражать невидимые или слабо видимые процессы и объекты, фиксировать характеристики объектов/следов, систематизировать их в рамках интерактивной схемы (в частности на месте происшествия); также в определенной степени актуализируется вопрос о предметной реконструкции¹¹, поскольку результаты криминалистического рендеринга могут быть представлены не только в компьютерном виде, но и посредством реальных моделей, что может быть осуществлено посредством применения 3D-принтеров. Как средство динамической визуализации криминалистический рендеринг преимущественно идет по пути сближения со статистической визуализацией: в частности, на основе последней посредством анимации воссоздается, реконструируется событие на основе имеющихся в той или иной форме сведений (говоря о реконструкции, следует заметить, что в североамериканской следственной практике существуют эксперты по реконструкции происшествия, которые

затем могут выступать в суде и давать показания, иллюстрирующие виртуальную модель механизма преступления, созданную ими по поручению полиции по итогам анализа материалов расследования).

Представленные выше сведения о криминалистическом рендеринге дают о нем общие представления и требуют дальнейшей разработки, наряду с решением иных вопросов, касающихся применения технических средств в уголовном процессе¹². На данном этапе также необходимо решить ряд вопросов, касающихся не только технических и методических аспектов криминалистического рендеринга, но и вопросов, связанных с процессуальным статусом результатов его применения и процессуальными возможностями его реализации (в том числе и в особенности в суде). Важным при решении данных вопросов является сохранение актуальности данной технологии при разумно возможной смене уголовно-процессуального законодательства (например, в сторону упразднения следственной формы досудебной стадии), а также предотвращение злоупотреблений возможностями данной технологии участниками уголовного процесса, поскольку в ряде аспектов излишняя технизация, технократизация уголовного процесса, где «человека может судить только человек»¹³, представляется рискованной.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А. С., Терехин В. В. Текст-Закон-Право-Судие // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1).
2. Анненков С. И., Анненкова Т. С. Обстановка совершения преступления: процессуальные и криминалистические проблемы исследования. – М.: Юрлитинформ, 2013.
3. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», ООО «Русские словари», 2002.
4. Енгальчев В. Ф., Пискунова Е. В. Новые технологии визуальной фиксации следов преступления: криминалистические и психологические аспекты // Бюллетень Международной ассоциации правосудия. – 2013. – № 1 (7).
5. Еникеев М. И. Юридическая психология. – М.: Проспект, 2010.
6. Леви А. А. Избранные научные труды. – М.: Российский университет дружбы народов, 2012.
7. Романов В. В. Юридическая психология. – М.: Издательство Юрайт, ИД Юрайт, 2012.
8. Тактика следственных действий (осмотр места происшествия и допрос) / Под ред. А. И. Дворкина и Л. В. Бертовского. – М.: Издательство «Экзамен», 2011.
9. Тюрин А. И., Безыкорнов Д. С. Адаптация системы кодирования лицевых мышц к работе нейросетевой модели // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/125-19764
10. 3D-Scanned Crime Scenes No Longer Just Exist On “CSI” // The Creators Project, 24.01.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thecreatorsproject.vice.com/read/3d-scanned-crime-scenes-no-longer-just-exist-on-csi>

10 Леви А. А. Избранные научные труды. – М.: Российский университет дружбы народов, 2012. – С. 383.

11 Леви А. А. Указ. соч. – С. 385.

12 Так, на данный момент наиболее актуальным в этом аспекте видится отход от протокольной, «канцелярской» формы фиксации криминалистически значимых сведений с заменой ее более технически ориентированными формами, а именно преимущественно фото- и видеофиксацией.

13 Александров А. С., Терехин В. В. Текст-Закон-Право-Судие // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1). – С. 150.

Журавленко Н. И., Тутова О. В., Шведова Л. Е.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

В статье обосновывается актуальность проблемы кибертерроризма, дается определение данного вида преступлений и рассматриваются основные его цели. Анализируются причины возникновения кибертерроризма и приемы совершения кибератак. Определены основные методы борьбы с угрозами кибертерроризма и проблемы, возникающие при их реализации.

Ключевые слова: информационные технологии, кибертерроризм, кибератака, информационная безопасность, компьютерные сети, правоохранительные органы.

Zhuravlenko N. I., Tutova O. V., Shvedova L. Ye.

ACTUAL PROBLEMS OF STRUGGLE WITH USAGE OF INFORMATION TECHNOLOGIES FOR TERRORIST PURPOSES

The importance of cyberterrorism problem, a definition of this type of crimes and its main aims are considered in the article. Causes and methods of committing cyberattacks are analyzed. The main methods of struggle with threats of cyberterrorism and the problems arising from their implementation are defined.

Keywords: information technologies, cyberterrorism, cyberattack, information security, computer networks, law enforcement agencies.

В современных условиях стремительного развития науки, техники и информационно-коммуникационных технологий, многократного увеличения количества пользователей всемирной паутины, особое значение приобретает вопрос защиты от кибертерроризма. Данное понятие рассматривается как преднамеренная, политически мотивированная атака на содержащуюся в компьютере информацию, компьютерную систему, глобальную компьютерную сеть, которая создает опасность жизни, здоровью людей или влечет иные тяжкие последствия. Целью кибертерроризма является нарушение общественной безопасности, запугивание людей, провоцирование военного конфликта¹.

Для достижения своих целей кибертерроризм использует электронные сети, современные информационно-коммуникационные технологии, радиоэлектронику. Особую опасность представляют посягательства на информационную безопасность критически важных инфраструктур: компьютерных систем управления банковской сферы, обороны, промышленности и др. Реализация таких угроз может привести к чрезвычайным последствиям для общества и государства.

Анализ нормативно-правовых документов² выделяет следующие причины возникновения кибертерроризма: политические, социальные и экономические.

Политические причины подразделяются на внешние и внутренние. К внешним причинам относятся глобализация, углубление разрыва между уровнями благосостояния различных стран, военная агрессия в отношении другого государства и его оккупация, усиление глобального цифрового противоборства и разрыв в уровне информационного развития стран, столкновение политических интересов различных государств. Внутренними причинами являются политическая нестабильность и обострение политических конфликтов внутри государства,

отсутствие механизмов взаимодействия государственной власти и гражданского общества, навязывание правящей элитой не свойственных для данного общества социально-политических реформ и иных нововведений, недовольство граждан страны деятельностью правительств иностранных государств; поощрение кибертерроризма руководством страны, общественными организациями и в средствах массовой информации.

Среди социальных причин возникновения кибертерроризма можно выделить возросшую социальную дифференциацию в обществе, раскол его на группы с различным экономическим положением, заметное снижение качества жизненного уровня людей, слишком медленный процесс формирования среднего слоя общества.

Экономические причины возникновения кибертерроризма включают в себя продолжающийся экономический и энергетический кризис, рост цен, инфляции и безработицы.

При совершении кибератак в информационном пространстве чаще всего используются следующие приемы:

– получение несанкционированного доступа к личной, коммерческой, банковской информации, к государственным и военным секретам;

– нанесение ущерба физическим элементам информационного пространства (например, создание помех, нарушение

Журавленко Н. И.

Тутова О. В.

Шведова Л. Е.

1 Васильева А. Н. Понятие и проблемы противодействия кибертерроризму // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8. – С. 232–233.

2 Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html>; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. № ПР-1895 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/S.html>

работы сетей электропитания, использование специальных программ, которые разрушают аппаратные средства);

– уничтожение информации, программного обеспечения, технических ресурсов путем внедрения вирусов, программных закладок, преодоления систем защиты;

– техническое внедрение в каналы трансляции средств массовой информации с целью распространения слухов, дезинформации, объявления требований террористической организации;

– уничтожение или подавление работы линий связи, перегрузка узлов коммуникации, изменение адресации запросов в сети Интернет;

– проведение информационно-психологических операций, воздействующих на сознание населения и др.

Эти приемы постоянно совершенствуются в зависимости от средств защиты, которые применяют разработчики компьютерных сетей.

Правоохранительные органы стремятся повысить безопасность информационного пространства посредством сведения к минимуму воздействия кибертеррористов на информационные системы. Однако в настоящее время данная проблема уже вышла из сферы контроля правоохранительных органов и переросла в серьезную государственную и международную проблему.

На основе анализа научной литературы, международных правовых документов и законодательства ряда стран можно выделить следующие особенности кибертерроризма. Во-первых, явление кибертерроризма неразрывно связано с информационным оружием, так как для достижения преступных целей им используются информационно-коммуникационные технологии, компьютерные системы и сети, специальное программное обеспечение. Во-вторых, следует признать, что это понятие носит международный характер, поскольку преступники часто находятся в одном государстве, а их жертвы – в другом. В-третьих, важной особенностью кибертерроризма является многообразие его целей: от умышленного создания обстановки напряженности, подавленности и страха на социальном уровне до совершения с помощью компьютеров и компьютерных сетей террористических действий. Необходимо отметить также четвертую важную особенность – киберпреступления характеризуются высоким уровнем латентности и низким уровнем раскрываемости, они требуют от исполнителей сравнительно небольших финансовых затрат, однако при этом наносят огромный моральный и материальный ущерб, позволяя достигать политических целей минимальными усилиями.

Исходя из характера и особенностей актов кибертерроризма можно выделить следующие уровни борьбы с ним³.

1. Научный. Данный уровень обеспечивается организационной и, в первую очередь, финансовой поддержкой научных исследований феномена кибертерроризма.

Работа на этом уровне может развиваться в следующих направлениях:

– разработка единого понятийного аппарата, включая универсальное определение кибертерроризма с целью его дальнейшей кодификации в уголовном законодательстве страны;

– совершенствование критериальной основы оценки безопасности информационно-коммуникационных технологий, разработка новых конструктивных моделей тестирования, ве-

рификация средств защиты сложно организованных компьютерных систем, формирование доказательной базы их гарантированной защищенности;

– совершенствование системы подготовки кадров в образовательных учреждениях высшего профессионального образования МВД России в области информационной безопасности, причем как специалистов по техническим аспектам защиты информации, так и обучающихся по специализации «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации».

– участие в разработке международных критериев, определяющих признаки террористических интернет-ресурсов;

– организация финансирования исследований, посвященных выявлению сегментов коммуникационной активности террористов в сети Интернет, и согласование государственных мер противодействия кибертерроризму в рамках отдельного международного документа.

2. Законодательный. На данном уровне необходимо внесение кибертерроризма в разряд уголовных преступлений и создание всеобъемлющей правовой базы для борьбы с этим явлением.

Выделяют следующие основные направления работы на законодательном уровне:

– создание нормативной базы, которая будет обеспечивать защиту интересов личности, общества и государства в информационной сфере, в том числе путем установления ответственности провайдеров за размещение сайтов организаций, официально признанных террористическими, или сайтов, содержащих пропаганду терроризма;

– продолжение работы в рамках международных организаций по унификации национальных законодательств в области борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом.

3. Организационный. Работа на этом уровне может развиваться в следующих направлениях:

– организация взаимодействия и координация усилий правоохранительных органов, спецслужб, судебной системы в области борьбы с кибертерроризмом, обеспечение их надлежащей материально-технической базой;

– создание национального подразделения по борьбе с кибертерроризмом, а также специального центра по оказанию помощи в нейтрализации последствий кибератак;

– расширение международного сотрудничества в сфере правовой взаимопомощи в области борьбы с кибертерроризмом.

4. Технический. На данном уровне необходимо обеспечить защиту информационной среды от несанкционированных воздействий, осуществляемых посредством использования программно-технических средств.

Можно выделить следующие основные направления этой работы:

– содействие государственных структур в разработке программно-аппаратных средств, обеспечивающих высокую степень защиты от кибератак;

– защита от несанкционированного доступа, хакерских взломов компьютерных сетей и сайтов, логических бомб, компьютерных вирусов и вредоносных программ, несанкционированного использования радиочастот, радиоэлектронных атак;

– создание современных качественных технологий обнаружения и предотвращения сетевых атак, а также методов и средств нейтрализации криминальных и террористических воздействий на информационные ресурсы.

Кроме перечисленных выше уровней, некоторые авторы выделяют также информационно-психологический уровень, который подразумевает защиту психики человека от негатив-

3 Шагинян Г. А. Антитеррористическая информационная политика Российского государства: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар: ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет», 2006; Информационно-психологические аспекты государственного и муниципального управления / В. Г. Кулаков, А. К. Соловьев, В. Г. Кобяшев, А. Б. Андреев, С. В. Скрыль, О. А. Остапенко [и др.]. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2002.

ного информационного воздействия⁴. Следует признать справедливой такую точку зрения, так как благодаря Интернету кибертеррористы могут оказывать на аудиторию серьезное информационно-психологическое воздействие, т.е. инициировать «психологический терроризм». Например, с помощью социальных сетей кибертеррористы повышают уровень организации участников этой деятельности, распространяют различные тревожные слухи, сеют панику, вводят пользователей сетей в заблуждение. Также они систематически распространяют среди огромной аудитории информацию о технологии производства взрывчатых веществ и взрывных устройств, ядов и отравляющих газов.

Кибертеррористами часто используется замена содержания сайтов и других интернет-ресурсов, которая заключается в подмене электронных страниц или их отдельных элементов в результате взлома. Этот прием используется в основном для привлечения внимания, демонстрации своих возможностей и является противоправным способом выражения их политических целей и убеждений. Помимо прямой подмены страниц широко используется регистрация в поисковых системах сайтов террористического содержания, которые открываются ключевым словам легальных сайтов, а также перенаправление (подмена) ссылок на другой адрес, что приводит к открытию специально подготовленных противостоящей стороной страниц⁵.

В качестве рекомендаций по решению данной проблемы можно предложить разработку государственной программы совершенствования информационно-коммуникационных технологий, которые обеспечивают подключение корпоративных сетей к Интернету при соблюдении требований безопасности информационных ресурсов, совершенствование технологий быстрого обнаружения и пресечения фактов несанкционированного доступа к информации. При этом необходимо продолжать работу по упреждающему выявлению новейших факторов риска, созданию и использованию опережающих технологий борьбы с кибертерроризмом.

Еще одним важным направлением борьбы с использованием информационных технологий в террористических целях считаем их профилактику. Особенно важно проводить такую профилактическую работу в среде молодежи, так как именно указанная среда в силу целого ряда различных факторов является одной из наиболее уязвимых в плане подверженности негативному влиянию разнообразных антисоциальных и криминальных групп. Социальная и материальная незащищенность молодежи, частый максимализм в оценках и суждениях, психологическая незрелость, значительная зависимость от чужого мнения – вот только некоторые из причин, позволяющих говорить о возможности легкого распространения радикальных идей среди российской молодежи.

Можно, в частности, предложить следующие действия, направленные на уменьшение проявлений кибертерроризма в молодежной среде:

– проведение комплексных мероприятий по формированию правовой культуры в молодежной среде, что будет способствовать развитию у молодого поколения чувства уважения к правам и свободам других лиц, в том числе к их жизни, здоровью и достоинству;

– воспитание у молодежи толерантного мировоззрения, терпимого отношения ко всем людям, вне зависимости от их национальности, религии, социального, имущественного положения и иных обстоятельств, что поможет противодействовать не только возникновению кибертерроризма, но и проявлению различных видов религиозного, национального и социального экстремизма;

– повышение уровня социальной и материальной защищенности молодежи, помощь в трудоустройстве молодых специалистов, поддержка жилищных программ для молодежи. Данные меры помогут молодым людям осознать, что государство заботится о них, и нет необходимости совершать противозаконные действия и получать материальные средства от террористов.

Кроме того, при решении этих вопросов важно установить исчерпывающий перечень видов сведений, не подлежащих передаче по открытым сетям, и обеспечить контроль за соблюдением установленного статуса информации. Большое значение будет иметь организация системы подготовки и повышения квалификации пользователей Интернета и специалистов по информационной безопасности для работы в информационных сетях⁶.

Комплексное решение перечисленных задач позволит принимать необходимые меры для противодействия кибертерроризму, существенно снизить вероятность реализации террористических угроз и обеспечить защиту национальных интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева А. Н. Понятие и проблемы противодействия кибертерроризму // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8.
 2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. № ПР-1895 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/S.html>
 3. Журавленко Н. И., Овчинский А. С. Информационная безопасность и защита от информационного воздействия: Учебное пособие. – Уфа: БГПУ, 2010.
 4. Информационно-психологические аспекты государственного и муниципального управления / В. Г. Кулаков, А. К. Соловьев, В. Г. Кобяшев, А. Б. Андреев, С. В. Скрыль, О. А. Остапенко [и др.]. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2002.
 5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html>
 6. Сайтов И. А. Противодействие кибертерроризму – важнейшая задача обеспечения информационной безопасности / И. А. Сайтов, А. Е. Миронов, А. В. Королёв // Вестник национального антитеррористического комитета научно-практический журнал. – 2012. – № 2 (07).
 7. Шагинян Г. А. Антитеррористическая информационная политика Российского государства: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар: ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет», 2006.
-
- 4 Информационно-психологические аспекты государственного и муниципального управления / В. Г. Кулаков, А. К. Соловьев, В. Г. Кобяшев, А. Б. Андреев, С. В. Скрыль, О. А. Остапенко [и др.]. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2002.
- 5 Сайтов И. А. Противодействие кибертерроризму – важнейшая задача обеспечения информационной безопасности / И. А. Сайтов, А. Е. Миронов, А. В. Королёв // Вестник национального антитеррористического комитета научно-практический журнал. – 2012. – №2 (07). – С. 72–79.
-
- 6 Журавленко Н. И., Овчинский А. С. Информационная безопасность и защита от информационного воздействия: Учеб. пособие. – Уфа: БГПУ, 2010.

Ибрагимова Х. А.

К ВОПРОСУ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЙ И ИХ ТИПОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы криминологической характеристики личности лиц, совершающих преступления, связанные с должностными злоупотреблениями, и их типологии, в частности, в социальной сфере, по материалам Республики Дагестан.

Ключевые слова: должностные злоупотребления, личность, социальное лицо человека, феминизация, семейное положение, образование, делинквентное поведение, идолизация, соционормативная культура, этническая среда, социальные ценности и нормы.

Ibragimova Kh. A.

ON THE QUESTION OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY OF MALFEASANCE PARTICIPANTS AND THEIR TYPOLOGY IN THE SOCIAL SPHERE BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

This article explores current issues of criminological characteristics of the personality of perpetrators of crimes related to abuse of power and their typology, in particular in the social sphere on the Republic of Dagestan materials.

Keywords: abuse of authority, personality, social face of a man, feminization, marital status, education, delinquency behavior idolization, social and normative culture, ethnic environment, social values and norms.

Ключевой проблемой криминологии является проблема личности человека, совершившего преступление. Важность и актуальность этой проблемы очевидна, поскольку такое социальное зло, как преступность, связано с конкретным антиобщественным поведением людей. Ближайшими причинами конкретных преступлений являются социально-отрицательные свойства и, прежде всего, криминогенная мотивация поведения личности, которые взаимодействуют с криминогенными условиями среды и ситуации. Знание же их – основа специальной, в том числе индивидуальной профилактики.

Интересно мнение Ю. М. Антоняна, который считает, что «криминологическое изучение личности преступника осуществляется для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение»¹. На наш взгляд, изучение личности преступников помогает выявить также типовые особенности субъектов и ситуаций совершения преступления, что необходимо для организации предупредительной работы на уровне отдельных видов преступлений и категорий преступников.

Понятие «личность» в криминологической литературе рассматривается как «социальное лицо человека», то, кем он стал в процессе социального развития, формирования и деятельности в обществе. Вместе с тем следует отметить, что в литературе некоторые ученые предпочитают рассматривать личность преступника как некоторую абстракцию, т.е. некий статистический портрет преступника. Личность преступника — это абстрактное понятие, означающее совокупность социальных и социально-значимых, духовных, морально-волевых, психофизических, интеллектуальных свойств, качеств человека, совершившего преступление вследствие взаимодействия его взглядов, ориентации с криминогенными факторами внешней среды, включая конкретную криминальную ситуацию. Однако мы присоединяемся к тем авторам, которые считают возможным говорить о личности преступника не как об абстракции, а как о специфическом социальном типе личности. Нам представляется, что речь в данном случае идет лишь о комплексности характеристик тех или иных типов преступников.

Социально-демографические особенности лиц, совершающих преступления, например в социальной сфере, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями, состоят главным образом в том, что значительное количество преступлений указанного вида совершаются женщинами. В юридической литературе нередко отмечалось, что доля жен-

щин среди виновных в злоупотреблениях должностными полномочиями, в частности, стабильно несколько выше, чем в преступности в целом, да и занятость женщин в этой сфере значительно выше чем мужчин.

Живя в таком сложном регионе, каким является Республика Дагестан, в нелегких условиях работы этой сферы женщинам особенно трудно справиться с выпадающими на их плечи трудностями. Совершенно очевидно, что подобные ситуации абсолютно ненормальны и обуславливают факторы, деморализующие женщин. В этом плане хотелось бы процитировать слова Ю. А. Антоняна, который отмечал следующее: «На наших глазах происходит как бы социальная “переделка” женской природы. Эти изменения могут иметь (и уже имеют) весьма неблагоприятные последствия для общества, его нравов, его духовной культуры, отношений между людьми... Погоня за прибылью, обогащением любой ценой, помноженная на бытовую неустроенность людей, отсутствие духовности и незначительная роль нравственных ориентиров неизбежно отодвигают социально полезные цели на второй план»¹.

Согласно Отчету Судебного департамента Республики Дагестан о составе осужденных за 6 месяцев 2010 г. в указанный период осуждено 33 человека по ст. 285 УК РФ, из них 15 лица женского пола.

По мнению Ю. А. Антоняна, «увеличение доли женщин среди лиц, совершивших преступление против государственной власти, – достаточно характерная черта современной преступности»². Действительно, если в преступности в целом доля женщин составляет 15%³, в коррупционной преступности, по мнению В. И. Максимова, уровень феминизации составляет 27%⁴, то доля женщин, совершающих должностные злоупотребления в социальной сфере (в этом мы исходили из собранных данных из уголовных дел, находящихся в производстве, а также в архивах судов Республики Дагестан), более чем значительна. Эти данные весьма показательны и позволяют однозначно определиться в одном из направлений предупредительной работы по профилактике должностных

1 Криминология: Учебник для бакалавров / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Юрайт, 2012.

2 Там же. – С.442.

3 Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – М, 1999. – С.133.

4 Там же. – С. 133.

злоупотреблений в социальной сфере, даже при учете того факта, что чуть более 70% лиц, которые могут быть отнесены в категории субъектов ст. 285 УК РФ, это лица женского пола.

Следующий показатель признаков субъекта должностных злоупотреблений – возрастные характеристики. Из уголовно-правового анализа ст. 285 УК РФ видно, что субъектом данного преступления может быть вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления как минимум 16-летнего возраста. Рассматриваемый вид преступления совершают 93% лица в возрасте от 30 до 49 лет. Возраст во многом определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни, что, очевидно сказывается на характере противоправных действий. Вышеизложенное совпадает с мнением Ю. А. Антоняна, который отмечает, «что среди тех кто совершил должностные преступления, преобладают лица старше 30 лет»⁵. По мнению Б. В. Волженкина, коррупционеры, согласно проведенным в 1994–1996 гг. исследованиям в Москве, отличаются большим, чем среднестатистический преступник, средним возрастом – 37 лет. В этой связи интересно отметить, что доля лиц в структуре должностных преступлений в возрасте 30–49 лет доходит до 47%, при этом последние совершают около 36% особо тяжких преступлений и 35% тяжких преступлений.

Данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершивших должностные злоупотребления по смыслу ст. 285 УК, также имеют криминологически важное значение.

Характеристика образования лиц, совершивших преступления, имеет криминологическое значение, поскольку связана с культурой личности, сферой ее интересов, кругом общения, выбором способов реализации жизненных целей.

Данные свидетельствуют о том, что уровень образования лиц, совершающих преступления, ниже, чем других граждан, причем особенно мала доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование.

Это вполне объяснимо с учетом специфики субъекта должностных злоупотреблений, при этом данный показатель не имеет абсолютного значения.

Характеризуя нравственные признаки известной категории лиц, следует отметить, что, как правильно отмечается в литературе, в отличие от неправоверных, они хуже усваивают требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Такие люди часто не понимают, чего от них требует общество. Возможно, это связано с необычностью их установок и восприятия, поэтому любые жизненные ситуации искажаются.

Во многом данный процесс, по мнению К. Майданника, связан с происходящими сдвигами в массовом сознании и проходит прежде всего под легитимирующе-идеологическим и традиционно-национальным воздействием. И если, по мнению последнего, прежняя модель правосознания была основана на патерналистско-запретительном (власти) — солидаристско-коллективном (массы) комплексе, то новая — на достиженно-индивидуалистическом и включала в себя, особенно в момент распада государственного механизма, момент вседозволенности. Прежние культы сменялись культом личного успеха, богатства, практикой цинизма и наживы, уличного романтизма и т.д., и т.п. Логика («здравый смысл») рынка, освобожденная от противоречий и ограничений прошлых десятилетий, оборачивается полным аморализмом. «Идолизация» рыночных свобод выдает общественную санкцию на **любую** предприимчивость⁶.

Изучение криминологического значения пережиточных явлений традиционной этнической соционормативной культуры показывает, что в дагестанском обществе такие нормы

этнической среды не всегда совпадают с общесоциальными ценностями и нормами. В этой связи весьма характерным можно считать то, что на примере Республики Дагестан прослеживается снисходительное отношение к совершению, в частности, должностных злоупотреблений, а также к лицам, их совершившим.

Таким образом, поскольку нормативный контроль поведения в силу ряда причин нарушен, то это неизбежно накладывает отпечаток на деятельность каждого сотрудника, работающего в различных сферах. Как следствие, оценка ситуаций осуществляется не с позиции социальных требований, а с позиции личных переживаний, обид, проблем, впечатлений и инстинктов. Поэтому это порой и выглядит как взаимное одолжение в рамках повседневной деятельности, которое рассматривается как не имеющее важного значения и воспринимается как должное рассматриваемой категории лиц.

Наиболее ярко характеризуют нравственный облик человека мотивы его поведения. Мотивирующими обстоятельствами для известной категории лиц чаще всего являются жадность, зависть, корысть. Значительное место среди мотивирующих факторов занимает подражательство (если чиновник ориентирован на стандарты жизни голливудских звезд, а получает скромную зарплату служащего, то это, безусловно, создает для него проблемную ситуацию). Следует отметить, что в особенности среди руководящего состава нередко имеет место так называемый инициативный подкуп. В этом случае мотивирующим обстоятельством может явиться моральная неустойчивость, трусость, опасение за близких лиц.

Далее хочется отметить, что среди известной категории лиц заметно выделяется группа людей, совершающих должностное злоупотребление из престижных мотивов, т.е. для того чтобы занять в жизни более высокое социальное, в первую очередь должностное, положение. По нашему глубокому убеждению, предрасположенные к делинквентному поведению лица нередко оказываются востребованными олигархами в системе государственной власти. Важно отметить, что для последних корысть, если она есть, выступает в качестве дополнительного мотива⁷.

За основу выделения типов преступников мы взяли именно мотивационный критерий и, исходя из вышеизложенного, можем выделить два основных типа: корыстный и престижный. Мы считаем, что именно эти два типа преступников склонны к должностным злоупотреблениям и составляют основную массу делинквентов известного рода.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов. – М.: Издательство «Экзамен», 2013.
2. Криминология: Учебник для бакалавров / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Юрайт, 2012.
3. Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М.: БЕК, 1998.
4. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М., 1999.
4. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М., 1999.
5. Основы борьбы с организованной преступностью: Монография / Под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. – М., 1996.
5. Основы борьбы с организованной преступностью: Монография / Под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. – М., 1996.

5 Там же. – С. 379.

6 Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. – М.: БЕК, 1998. – С. 126.

Стрелков А. А.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУПА МЕТОДОМ РЕНТГЕНОВСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ

В статье дается анализ проблем, возникающих при назначении и производстве судебно-медицинских экспертиз трупа в связи с национальными и религиозными традициями в регионах Северного Кавказа. Рассматривается возможность их разрешения при использовании в судебно-медицинской практике инновационной научно-практической методики неинвазивных (без применения полостного вскрытия тела) способов посмертного вскрытия – «виртуальной» аутопсии, проводимой с применением рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ) и 3D-технологий.

Ключевые слова: инновационные методики, рентгенологический метод, судебно-медицинская экспертиза, спиральная компьютерная томография, предварительные криминалистические исследования, «виртуальная» аутопсия.

Strelkov A. A.

FORENSIC STUDY OF THE CORPSE BY THE METHOD OF X-RAY COMPUTED TOMOGRAPHY

This paper analyzes the problems arising from the appointment and conduct of forensic examinations of the corpse in connection with the national and religious traditions in the North Caucasus. The possibility of their resolution is considered using innovative scientific-practical methods of non-invasive (without the use of abdominal dissection of the body) ways of autopsy – “virtual” autopsy conducted with the use of x-ray method of computed tomography (CT) and 3D technologies in forensic practice.

Keywords: innovative techniques, x-ray method, forensic examination, spiral CT, preliminary forensic investigations, “virtual” autopsy.

В своей практической деятельности, как при проведении следственных проверок, так и при расследовании уголовных дел, связанных с гибелью человека, следователю приходится работать в соприкосновении с такими социальными явлениями, как религиозные каноны, национальные и социокультурные традиции населения. При этом решение тех или иных вопросов следствия нередко вызывает затруднение. Это касается многих сторон жизни и смерти человека. В этой связи вопрос судебно-медицинского и патологоанатомического вскрытия трупов умерших, в целях установления причины смерти – одна из острых проблем, стоящих перед следствием.

Установление истины по уголовному делу имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение. От этого зависят права и свободы человека и гражданина, чьи интересы затрагиваются при производстве по уголовному делу, а также авторитет должностных лиц, осуществляющих правосудие. Кроме того, достижение истины сопряжено с необходимостью приложения больших усилий правоохранительными органами с использованием всех возможных достижений научно-технического прогресса.

Особенно актуально это в отношении проблем объективности судебно-медицинских исследований, при расследовании преступлений, связанных с причинением смерти.

Жизнь человека в силу ст. 2 Конституции Российской Федерации является высшей ценностью в демократическом правовом государстве. И одним из важнейших доказательств при расследовании преступлений против жизни является судебно-медицинская экспертиза трупа, которая позволяет установить время наступления и причину смерти, механизм образования телесных повреждений.

Вместе с тем в настоящее время в практике проведения судебно-медицинских экспертиз накопился комплекс проблем, включающий в себя как необходимость повышения объективности и доказательственной значимости выводов экспертов,

Стрелков А. А.

так и уголовно-процессуальных вопросов, связанных с их назначением и оценкой следственными органами. Заключение судебного эксперта в случаях, когда производство экспертизы обязательно, как и другие доказательства, не имеет заранее установленной силы и оценивается по критериям и процедурам, установленным в Уголовно-процессуальном кодексе (статьи 17, 75, 87, 88 УПК РФ).

В настоящее время основным и единственным методом как патологоанатомического, так и судебно-медицинского исследования остается аутопсия – т.е. секционное исследование мертвого тела (трупа).

Данный метод при всех преимуществах имеет ряд существенных недостатков. При возникновении вопросов со стороны следствия или иных участников уголовного судопроизводства подтверждение обоснованности полученных выводов первичного судебно-медицинского исследования трупа вызывает большие сложности в связи с тем, что мягкие ткани подвержены разложению и при этом существенно изменяют всю морфологическую картину. При этом назначение и проведение повторных, дополнительных или комиссионных экспертиз, сделанных по эксгумированным трупам, существенно затягивает сроки расследования, и нередко не может дать достаточно объективных и научно обоснованных ответов на поставленные вопросы.

Кроме того, в некоторых регионах РФ существует проблема вскрытия (патологоанатомического и судебно-медицинского исследования) трупа, которая, ввиду религиозных канонических, является непреодолимой, что не позволяет сделать объективное заключение о причине смерти и характере травмы, так как родственники категорически заявляют свои возражения. В этих случаях секционное исследование трупа (аутопсия) не проводится, и заключение судебно-медицинского эксперта базируется только на основании визуального осмотра трупа, что вносит значительную долю субъективизма в полноту и обоснованность выводов экспертов о причинах смерти и су-

щественно затрудняет установление объективной истины при расследовании уголовных дел.

Особенно остро данная проблема затрудняет работу следователей в Республиках Северного Кавказа.

Как показывает практика, при расследовании несчастных случаев на производстве и в быту, связанных с гибелью потерпевших, а также по фактам убийств, посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, погибших при иных обстоятельствах, производству вскрытия трупов активно препятствуют родственники потерпевших, ссылаясь на религиозные каноны.

В этих случаях следователям приходится убеждать родственников потерпевших в необходимости производства вскрытия для установления истины по делу, приводя в качестве аргументов различные доводы, а порой привлекать и представителей духовенства для убеждения в необходимости инвазивного исследования тела для выяснения причины смерти.

В этой связи особую актуальность представляют собой научно-практические разработки инновационных способов посмертного исследования трупа без использования инвазивных методов: применение наряду с «классической» аутопсией – «виртуальной», проводимой с использованием рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ и МСКТ) и 3D-технологий.

В настоящее время впервые в Российской Федерации такая работа проводится в инициативном порядке, при взаимодействии сотрудников СК России и Тверского государственного медицинского университета.

Значительным шагом в этом направлении стало заключение Договора о научно-практическом сотрудничестве между Тверским государственным медицинским университетом и Академией Следственного комитета Российской Федерации. В основу Договора положена тема развития инновационных научно-практических разработок посмертного исследования мертвого тела в криминалистике и судебной медицине без использования инвазивных методов – «виртуальной» аутопсии, проводимой с использованием рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ) и 3D-технологий.

Результаты четырехлетних исследований позволяют утверждать, что применение метода «виртуальной» аутопсии позволяет сократить сроки, повысить качество, научную и доказательственную значимость криминалистических и судебно-медицинских экспертиз трупа.

Актуальность и практическая востребованность метода «виртуальной» аутопсии в нашей стране обусловлена следующими обстоятельствами:

проблемой исследования трупов людей (в том числе умерших в результате насильственной причины смерти) в регионах Российской Федерации с преобладанием населения мусульманского вероисповедания;

проблемой объективного подтверждения причины смерти умерших в медицинских учреждениях (в том числе детей).

проблемой оперативного и качественного исследования тел погибших в ходе локальных военных конфликтов, антитеррористических операций и жертв массовых техногенных и природных катастроф, а также идентификации погибших методом КТ-исследования, на основе индивидуальной плотности костной ткани.

Современные визуализационные технологии, в частности КТ и МСКТ, характеризуются большой разрешающей способностью и возможностью последующего анализа полученных изображений. Учитывая, что рентгеновская компьютерная

томография является неинвазивным методом диагностики, отпадает необходимость рассечения кожных покровов, повреждения органов. Крайне важным в данном случае является деликатное решение этических вопросов, поскольку удастся избежать противоречий с национальными и религиозными традициями.

Проведение посмертного КТ-исследования повышает диагностические возможности традиционной аутопсии. Более того, в ряде случаев оно может служить ему альтернативой, когда проведение аутопсии невозможно по ряду национальных или религиозных причин.

Принимая во внимание, что проведение КТ-исследования занимает сравнительно короткий промежуток времени (1,5–2 часа), с точки зрения исламского вероучения применение неинвазивного метода «виртуальной» аутопсии позволяет не затягивать ритуальное захоронение, что очень важно для мусульман, которым предписано хоронить усопших в первый же день после смерти, до захода солнца. И хотя в полной мере заменить «традиционную» аутопсию КТ-диагностика пока не может, в данных случаях она является большим инновационным шагом по оперативному получению как следователем, так и экспертом объективной, научно-обоснованной информации для установления объективной истины.

В этой связи имеется большая заинтересованность следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в Республиках Северного Кавказа в практической возможности использования метода «виртуальной» аутопсии в криминалистической и судебно-экспертной практике, где традиционное – инвазивное исследование трупов умерших и погибших, их эксгумация для исследования в случаях захоронения без проведения судебно-медицинской экспертизы в большей степени являются невозможными в силу вышеуказанных причин религиозного и национально-культурного характера.

Анализ действующего законодательства, правоприменительной практики и результатов проведенных исследований позволяет сделать вывод о возможности использования рентгеновского метода компьютерной томографии при исследовании трупа в двух видах деятельности: криминалистической и судебно-экспертной. Безусловно, оба этих вида деятельности направлены на общую конечную цель – использование современных достижений науки и техники в раскрытии и расследовании преступлений. Однако они имеют существенные различия по тактическим целям: обнаружение и фиксация следов преступления, а также их экспертное исследование.

Использование рентгенологического метода, инновационным развитием которого является рентгеновская компьютерная томография, при производстве судебно-медицинских экспертиз закреплено Приказом Минздравсоцразвития России от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (далее – Приказ).

Так, п. 47.8 регламентирует, что при наружном исследовании повреждений и других особенностей на трупе и его частях «для уточнения характера и особенностей повреждений или болезненных изменений костей скелета вначале (при наличии технической возможности) производят их рентгенографию». А согласно положениям п. 85.8. Приказа рентгенологический метод является методом исследования и техническим приемом медико-криминалистической экспертизы, как метод наблюдения и фиксации свойств объектов.

Однако практическое применение рентгеновской компьютерной томографии в экспертной деятельности в ближайшее время весьма туманно. Так, оснащение специальным оборудованием государственных экспертных судебно-медицинских подразделений остается неудовлетворительным. Говоря о проблемах технического характера, следует, прежде всего, отметить оснащенность медико-криминалистических и танатологических отделений рентгенологическим оборудованием. В результате имеющееся в арсенале эксперта большое количество разнообразных методик, заимствованных из криминалистики и судебной медицины, не завоевало себе места в общей системе методик судебной экспертизы, и либо применяется ограничено в некоторых лабораториях, либо от них вовсе отказываются.

В этой связи более перспективными и доказательно значимыми для следствия являются возможности криминалистического использования метода рентгеновской компьютерной томографии при исследовании трупа.

Проведение криминалистического исследования трупа методом рентгеновской компьютерной томографии, по мнению авторов, возможно в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 178 УПК РФ – «Осмотр трупа. Эксгумация». Диспозиция данной статьи предусматривает, что наряду с участием в осмотре трупа судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия врача, при необходимости для осмотра трупа могут привлекаться и другие специалисты. В данном случае это врач-рентгенолог, который проводит исследование на компьютерном томографе.

КТ-исследование трупа проводится с целью установления состояния костей, внутренних органов и тканей трупа с последующей их визуализацией и фиксацией полученной картины, как в электронном виде, так и на фотопластинке посредством теневого изображения, образованного рентгеновскими лучами, прошедшими через объект. Получение такого изображения является исследовательским методом криминалистической фотографии, применяемым для выявления и фиксации общего вида и состояния объектов, скрытых от невооруженного глаза, т.е. внутренних телесных повреждений, травм, инородных предметов внутри человеческого тела. Источником рентгеновских лучей является медицинский компьютерный томограф, который используется в качестве технико-криминалистического средства предварительного исследования трупа, позволяя оперативно получить информацию о внутренних телесных повреждениях, их характере, локализации, наличии в теле инородных предметов, их форме и физических характеристиках, и использовать полученную таким образом информацию в режиме текущего времени.

Так, в соответствии с криминалистическими рекомендациями применения научно обоснованных исследовательских методик фотографирования (сканирования) в невидимых лучах (в данном случае – рентгеновских), в процессе осмотра трупа врач-рентгенолог производит сканирование мертвого тела методом рентгеновской компьютерной томографии, результаты которого (электронный, оптический, фотографический, аналоговый, цифровой и др.) приобщаются к протоколу следственного действия.

После окончания осмотра, с целью научно обоснованного анализа рентгеновского изображения, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ специалист-рентгенолог по поручению следователя делает заключение специалиста о наличии, характере, локализации травм и повреждений внутренних органов и тканей.

Таким образом, применение рентгенологической технологии и экспертной методики, не связанных с видоизменением, разрушением или уничтожением объектов исследования (трупа), позволяет следствию обеспечить максимально быстрое предварительное исследование трупа, в целях получения объективных и научно-обоснованных сведений, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела.

В данном случае взаимодействие следователя и специалиста-рентгенолога можно рассматривать как проведение предварительных криминалистических исследований, направленных на решение диагностических вопросов, результатом которых является поиск, исследование и фиксация не отдельного следа (повреждения), а «картины следов», необходимых для криминалистического анализа в целях установления механизма преступления, моделирования действий преступников, использования полученной информации в раскрытии преступлений по горячим следам.

Предварительные криминалистические исследования – одна из форм познавательной деятельности органов дознания и предварительного следствия, осуществляемой с использованием специальных знаний и научно-технических средств (а при необходимости и с помощью сведущих лиц) для получения данных о механизме, условиях, обстоятельствах совершения преступления, личности преступника и другой необходимой для раскрытия преступления информации путем исследования и оценки ее материальных источников.

Полученные результаты исследования затем направляются эксперту для использования при производстве судебно-медицинской экспертизы, что позволит повысить достоверность и эффективность экспертных исследований.

При использовании «виртуальной аутопсии» для исследования трупа достоинствами метода КТ является скорость проведения, которая значительно превосходит выполнение традиционной физической аутопсии. Также этот метод позволяет сравнить степень поверхностных повреждений с внутренними, не подвергая мертвое тело секционному исследованию.

Полученные данные в 3D-реконструкции можно хранить в электронном архиве, они более информативны в отличие от традиционного рентгенологического метода. Это позволит минимизировать ошибки судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов при первичном исследовании трупа, значительно снизить количество эксгумаций для проведения повторных экспертиз, сократить сроки проведения судебно-медицинских исследований, а соответственно и сроки следствия по уголовным делам.

Предварительное проведение лучевого обследования перед вскрытием в заведомо сложных случаях позволит судебно-медицинскому эксперту целенаправленно «идти» на зону выявленных патологических изменений, что значительно облегчает получение дополнительной информации работникам, проводящим следственные мероприятия в раскрытии преступления.

Методика компьютерной томографии уникальна своей мобильностью, т.е. результат можно распечатать в традиционном варианте или же сохранить на электронном носителе, он поддается длительному хранению, занимает минимальный объем, позволяет получать цифровое изображение и трехмерную реконструкцию изображения с последующим воспроизведением на экране, определять формы объектов с заданной интенсивностью.

Понятно, что это применение методики «виртуального» вскрытия значительно облегчает работу криминалистов в случае нераскрытых преступлений, ведь можно увидеть, как вы-

глядел труп при его обнаружении на любом этапе расследования.

Таким образом, разработка и применение в отечественной практике проведения судебно-медицинских экспертиз рентгеновского метода компьютерной томографии в дополнение традиционной – инвазивной аутопсии, является, по нашему мнению, актуальной и приоритетной задачей, решение которой позволит:

– в короткое время обеспечить максимально быстрое исследование трупа в целях получения объективных и научно-обоснованных сведений, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела (предварительное исследование трупа);

– путем проведения СКТ-обследования перед вскрытием в заведомо сложных случаях целенаправленно «идти» на зону выявленных патологических изменений, что значительно облегчает получение дополнительной информации работникам, проводящим следственные мероприятия в раскрытии преступления;

– фиксировать и сравнивать степень поверхностных повреждений с внутренними, не подвергая мертвое тело секционному исследованию;

– минимизировать ошибки судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов при первичном исследовании трупа;

– хранить в электронном архиве полученные данные в 3D-реконструкции длительное время (они занимают минимальный объем), получать цифровое изображение и трехмерную реконструкцию изображения с последующим воспроизведением на экране, определять формы объектов с заданной интенсивностью (в случае нераскрытых преступлений можно увидеть, как выглядел труп при его обнаружении на любом этапе расследования);

– значительно снизить количество эксгумаций для проведения повторных экспертиз.

Важно отметить, что всеми основными рисками КТ, которые необходимо учитывать при исследовании живых лиц, – значительной лучевой нагрузкой, токсическим и аллергическим действием контрастных средств, при МСКТ трупа можно пренебречь.

К общим ограничениям использования посмертной аутопсии следует отнести специфические процессы, связанные с посмертными трупными изменениями, которые могут менять КТ-морфологию патологических процессов.

Однако техника рентгеновской мультиспиральной компьютерной томографии продолжает развиваться. Чувствительность и число детекторов в новых моделях КТ увеличиваются, уменьшается необходимое время исследования и его цена. Компьютерные модели совершенствуются и появляются всё новые фильтры обработки сигнала, которые открывают криминалистам и судебным медикам новые возможности. Компьютерная томография не сможет в ближайшем обозримом будущем заменить судебно-медицинское вскрытие, но уже сегодня стала важным дополнительным методом судебно-медицинского исследования за рубежом.

В настоящее время метод «виртуальной» аутопсии используют в практике расследований криминальных случаев смерти и патологоанатомических исследований трупов в Германии, Швейцарии, Франции, Великобритании, США, Израиле и др.

Безусловно, возможности использования рентгеновского компьютерного томографа для предварительного исследования трупа вызывают проблему, так как в техническом оснащении современных криминалистических и судебно-медицинских лабораторий в нашей стране они на сегодня отсутствуют.

Однако, по нашему мнению, решение этих вопросов возможно путем межведомственного взаимодействия, с учетом технико-экономических возможностей, а также степени актуальности проблемы вскрытия трупов в конкретном регионе.

Таким образом, научно-практическая реализация методики использования рентгеновской компьютерной томографии и применения техники 3D-изображений в отечественной практике криминалистических и судебно-медицинских исследований, официальное признание ее как одного из методов, наряду с традиционными, позволит не только качественно улучшить результаты в следственной и экспертной работе, но и способствовать укреплению конституционной законности в России.

Пристатейный библиографический список

1. Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Законодательная основа производства судебно-медицинской экспертизы и возможности применения рентгеновского метода компьютерной томографии (СКТ) в исследовании трупа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6.
2. Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Использование рентгенологического метода спиральной компьютерной томографии в криминалистической и судебно-медицинской практике // Медицинское право. – 2015. – № 1.
3. Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Виртуальная аутопсия за рубежом и перспективы ее развития в Российской Федерации // Эксперт-криминалист. – 2015. – № 1.
4. Стрелков А. А., Дадабаев В. К. Возможности криминалистического исследования трупа методом рентгеновской компьютерной томографии // Вестник Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 2.
5. Стрелков А. А., Дадабаев В. К. Предварительное криминалистическое исследование трупа методом рентгеновской компьютерной томографии: возможности и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. ФГАОУ ВПО «Северо-кавказский федеральный университет». – Ставрополь, 2014. – № 3.
6. Стрелков А. А., Скрыпников А. И. Межведомственная научно-практическая интеграция, как путь развития инновационных криминалистических методик «виртуальной» аутопсии // Вестник Академии Следственного комитета. – 2015. – № 1.
7. Криминалистика. – М.: Академия МВД РФ, 1995. – Т. 1.
8. Руководство по судебной медицине / Под ред. В. Н. Крюкова, И. В. Буромского. – М.: Норма, 2014.
9. Предварительные криминалистические исследования следов на месте происшествия: Учеб. пособие. – М., 1987.
10. Применение рентгеноструктурного анализа в криминалистических исследованиях: Учебник пособие / Под ред. А. И. Колмакова. – М.: ЭКЦ МВД России, 1998.

Талыкин Е. А.

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО В СТРУКТУРЕ АРБИТРАЖНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Статья посвящена исследованию судебного разбирательства в суде первой инстанции в арбитражном процессе Российской Федерации. Рассматривается функциональное назначение судебного разбирательства, определяемое автором в контексте выяснения фактических обстоятельств дела путем исследования средств доказывания, а также проверка соответствия требований и возражений сторон фактическим обстоятельствам дела и правовым нормам. Приводятся аргументы в пользу квалификации судебного разбирательства как обособленного этапа стадии рассмотрения в суде первой инстанции.

Ключевые слова: судебное рассмотрение, арбитражный процесс, исковое производство, стадия, этап, задачи.

Talykin E. A.

TRIAL LITIGATION: FUNCTIONALITY AND PLACE IN THE STRUCTURE OF THE ARBITRATION PROCEDURE FORM

The article investigates the proceedings in the trial court in the arbitration procedure of the Russian Federation. We consider the functional purpose of the trial, defined by the author in the context of clarifying the factual circumstances of the case by examining the means of proof and verification of the conformity of claims and defenses of the parties to the facts of the case and legal norms. Arguments in favor of qualification of the court proceedings as a separate stage of proceedings in the trial court are given.

Keywords: judicial review, arbitration, civil proceedings, stage, objectives.

Талыкин Е. А.

Центральным этапом движения дела в арбитражном суде является рассмотрение заявленных требований по существу. Действующее законодательство непосредственно регулирует соответствующую деятельность в главе 19 АПК РФ, которая имеет название «Судебное разбирательство». Кроме того, для судебного разбирательства имеют значение нормы, содержащиеся в главах 15–18 АПК РФ. Вопросы разрешения дела и принятия процессуальных решений регулируются отдельными главами (глава 20 «Решение арбитражного суда» и глава 21 «Определение арбитражного суда»).

Доктрина арбитражного процесса предлагает довольно противоречивые подходы к объяснению судебного разбирательства. Нельзя отрицать наличие основательных исследований, посвященных действию принципов, порядку проведения судебного заседания, распоряжению диспозитивными правами, доказательной деятельности, фиксации и другим важным сторонам процессуальной деятельности. В частности, нужно отметить фундаментальные работы С. Ф. Афанасьева, Г. В. Дудниковой, А. А. Латкина, О. П. Чудаевой и многих других авторов. Вместе с тем существуют и проблемы, значительная часть которых находится в плоскости процессуальной формы судебного разбирательства. Так, актуальностью и недостаточностью теоретического обоснования отмечаются вопросы: определения понятия судебного разбирательства; выяснения существенных черт судебного заседания и других процессуальных форм рассмотрения дела; процессуальной формы отдельных судебных процедур судебного разбирательства и т. п.

Целью настоящей статьи является исследование функционального назначения судебного разбирательства в суде первой инстанции.

В науке речь идет о центральном, основном значении судебного разбирательства, полной реализации прав участников и принципов судопроизводства. Именно при рассмотрении дела в судебном заседании осуществляется реализация основ-

ной задачи арбитражного суда – защиты охраняемых прав и законных интересов организаций и граждан-предпринимателей¹. Авторы одного из учебников утверждают, что судебное разбирательство – одна из самых важных стадий арбитражного процесса, в ходе которой осуществляется рассмотрение и разрешение дела по существу, то есть проверяется законность и обоснованность требований истца и возражений ответчика, а также третьих лиц на основании исследованных в судебном заседании предоставленных сторонами и третьими лицами, а также истребованных судом, доказательств².

Поддерживая справедливость научных выводов, обратимся к истокам такого положения, обусловленным функциональным назначением судебного разбирательства.

Большинство авторов не акцентирует свое внимание на функциональном назначении, целевых установках, задачах судебного разбирательства. Однако ряд ученых предоставляет соответствующую характеристику судебного разбирательства. Так, С. В. Васильев говорит о целевой установке на своевременное рассмотрение и решение спора по сути в стадии судебного разбирательства³. Другие авторы указывают на осуществление основной задачи суда – защиты охраняемых прав и законных интересов организаций и граждан-предпринимателей⁴.

В специальных исследованиях называются следующие специфические задачи стадии судебного разбирательства дела:

- 1 Притика Д. М. Організаційно-правові засади становлення і діяльності господарських судів України: Дис... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Притика Дмитро Микитович; Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. – Х., 2003. – С. 270.
- 2 Господарське процесуальне право: підручник / [О. П. Подцерковний, О. О. Квасницька, Т. В. Степанова та ін.]. – Х.: Одиссей, 2011. – С. 205.
- 3 Васильев С. В. Хозяйственное судопроизводство Украины: [уч. пос.]. – Харьков: Эспада, 2002. – С. 159.
- 4 Арбитражный процесс / Под ред. М. К. Треушников. – М., 2003. – С. 263.

- а) верное установление фактических обстоятельств дела;
- б) точное применение норм действующего законодательства;
- в) вынесение законного и обоснованного решения;
- г) устранение судебных ошибок, допущенных на предыдущих стадиях⁵.

Другие авторы говорят о своевременном и справедливом рассмотрении и разрешении дела в порядке, предусмотренном процессуальным кодексом, а также обеспечении судом условий для максимально полной реализации участниками дела своих процессуальных прав и обязанностей⁶.

Своеобразный подход обосновывается Г. А. Жилиным, который считает, что неуклонное соблюдение установленного законом порядка последовательного осуществления необходимых процессуальных действий предусматривает реализацию общих для всего судопроизводства задач и целей уже в суде первой инстанции при разрешении дела по сути, что означает полное совпадение с ними общих задач и целей стадии судебного разбирательства⁷. Вместе с тем ученый отмечает, что сама стадия состоит из нескольких относительно самостоятельных этапов процессуальной деятельности, которые последовательно осуществляются судом и другими субъектами процесса. Каждый из них предназначен для реализации специфических процессуальных целей, являющихся обособленно промежуточными по отношению к общим задачам и целям названной стадии⁸.

Заслуживают внимания исследования судебного разбирательства в других отраслевых процессуальных науках. Так, определенные результаты относительно задач судебного разбирательства представлены наукой уголовного процессуального права. В одном из учебников речь идет о том, что главной (основной) задачей судебного разбирательства является правильное (законное, обоснованное, справедливое) решение дела по сути⁹. В другой работе отмечается, что задачи судебного разбирательства в суде первой инстанции совпадают с задачами правосудия и состоят в разрешении дела по сути путем исследования обстоятельств данного дела, верной квалификации данного дела и вынесения законного, обоснованного и справедливого решения по данному делу¹⁰.

Обзор научных позиций приводит к мысли о нецелесообразности выделения цели (целей) судебного разбирательства, как и других этапов стадии.

Ведь конструирование характеристик, определяющих направленность процессуальной деятельности, должно происходить с учетом системности процессуальных отношений, места и роли отдельной части процесса. Отождествление целей судебного разбирательства с целями арбитражного судопроизводства не представляется конструктивным путем ввиду нивелирования специфических качеств судебного раз-

бирательства, смешивания целого и его части. Все стадии (этапы) непосредственно направлены на реализацию целей арбитражного судопроизводства, в ином случае их существование неоправданно. Не является правильным путь выяснения задач каждой отдельной части судебного разбирательства. Несовершенство позиции появляется еще в момент подмены понятия «судебное разбирательство» понятием «судебное заседание», ведь они не являются тождественными и их деление на части существенным образом отличается. По этому поводу делает замечание О. П. Чудаева, говоря о том, что «выделенные таким образом задачи не позволяют выявить сущностную специфику стадии судебного разбирательства»¹¹. Уместно обратить внимание на то, что С. Л. Дегтярев, исследуя задачи гражданского судопроизводства и судебной власти, предлагает собственную классификацию, в которой не выделяет задач отдельных стадий (этапов) процесса¹². Поэтому сущность судебного разбирательства (впрочем, как и других этапов стадии), по нашему мнению, следует объяснять через специфику его функционального назначения в общей системе элементов процесса. Все элементы направлены на реализацию целей арбитражного процесса, но каждая из составляющих частей – своеобразным способом. Роль, исполняемая соответствующим процессуальным этапом, отображает его функциональное назначение. Итак, вместо идеальных ориентиров (целей), мы предлагаем опираться на инструментальные характеристики деятельности, для которых более пригодной представляется категория «задача».

Обращаясь к специфике судебного разбирательства, прежде всего, следует отметить деятельность по установлению фактических обстоятельств дела. Верно высказанное в науке утверждение о том, что для судебного разбирательства характерна деятельность по исследованию средств доказывания¹³. Однако представляется, что такая задача, как установление обстоятельств дела (фактов) решается на этапе разрешения дела: ведь только судебным решением факты относятся к установленным. С другой стороны, процессуальная деятельность относительно обстоятельств дела имеет место и на предыдущих этапах, и во время пересмотра принятых решений. На это направленно уточнение исковых требований, установление предмета доказывания, достаточности и относимости доказательств, проверка решения на соответствие фактическим обстоятельствам дела и т. п. Доказательственная деятельность суда и лиц, участвующих в деле, не ограничивается этапом судебного разбирательства, хотя и представлена на этом промежутке в наиболее концентрированном виде. Однако именно этапу судебного разбирательства в суде первой инстанции присущ такой способ деятельности по выяснению обстоятельств дела, как исследование средств доказывания.

Иная ситуация имеет место во время проверки судебных решений. Апелляционная, кассационная и другие стадии пересмотра также проходят этап судебного разбирательства, однако его содержательное наполнение существенным образом отличается. Так, кассационный и надзорный пересмотр вообще не предусматривают деятельности по исследованию до-

5 Чудаева О. П. Реализация задач гражданского судопроизводства в стадии судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2009. – С. 7.

6 Тимченко Г. П. Теретичні проблеми та практика реалізації принципів судочинства в Україні: Монографія. – К.: Видавничий Дім «Юридична книга», 2010. – С. 174.

7 Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2000. – С. 12.

8 Там же. – С. 56.

9 Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: Учеб. для юридических вузов и факультетов / В. В. Вандышев – М.: Контракт, 2010. – С. 414.

10 Качалов В. И., Качалова О. В. Уголовно-процессуальное право: Учеб. пособие для студентов и преподавателей юридических вузов и факультетов. – М.: МГИУ, 2007. – С. 260.

11 Чудаева О. П. Реализация задач гражданского судопроизводства в стадии судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2009. – С. 13.

12 Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 65–67.

13 Чудаева О. П. Реализация задач гражданского судопроизводства в стадии судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2009. – С. 14.

казательств и установлению фактических обстоятельств дела. Для апелляционного пересмотра и пересмотра по новым или вновь открывшимся обстоятельствами присуща ограниченная доказательственная деятельность. Однако на любой стадии во время рассмотрения дела имеет место проверка соответствия позиций сторон фактическим обстоятельствам дела и правовым нормам. Итак, судебное разбирательство как этап любой стадии арбитражного процесса имеет своим функциональным назначением проверку соответствия требований и возражений сторон фактическим обстоятельствам дела и правовым нормам.

Вместе с тем именно в суде первой инстанции происходит установление фактических обстоятельств дела, соответственно, все этапы этой стадии направлены на выполнение соответствующей цели. Поэтому важное значение для характеристики функционального назначения этапа судебного разбирательства в суде первой инстанции имеет направленность процессуальной деятельности на выяснение фактических обстоятельств дела путем исследования средств доказывания.

Подводя итог, мы приходим к выводу о целесообразности доктринального обособления судебного разбирательства в качестве этапа стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции и разграничения с этапом разрешения дела. Функциональное назначение этапа судебного разбирательства дела в суде первой инстанции отображается в соответствующих задачах, которыми, по нашему мнению, являются выяснение фактических обстоятельств дела путем исследования средств доказывания, а также проверка соответствия требований и возражений сторон фактическим обстоятельствам дела и правовым нормам.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражный процесс / Под ред. М. К. Треушников. – М., 2003.
2. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: Учеб. для юридических вузов и факультетов. – М.: Контракт, 2010.
3. Васильев С. В. Хозяйственное судопроизводство Украины: Учеб. пособие. – Харьков: Эспада, 2002.
4. Господарське процесуальне право: Підручник / О. П. Подцерковний, О. О. Квасніцька, Т. В. Степанова та ін. – Х. : Одіссея, 2011.
5. Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
6. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2000.
7. Качалов В. И., Качалова О. В. Уголовно-процессуальное право : Учебное пособие для студентов и преподавателей юридических вузов и факультетов. – М.: МГИУ, 2007.
8. Притика Д. М. Організаційно-правові засади становлення і діяльності господарських судів України: Дис... д-ра юрид. наук.: 12.00.10. – Х., 2003.
9. Тимченко Г. П. Теретичні проблеми та практика реалізації принципів судочинства в Україні: Монографія. – К. : Видавничій Дім «Юридична книга», 2010.
10. Чудаева О. П. Реализация задач гражданского судопроизводства в стадии судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. – М., 2009.

Шахбанова Х. М.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ

Актуальность исследования подтверждается существующими проблемами в практике работы института мировых судей. Такими, как порядок формирования мирового судейского корпуса, организация и материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей, проблемы финансирования и распределения затрат на возрождение мировой юстиции между различными ветвями государственной власти; высокая нагрузка по находящимся в производстве делам, приходящаяся на каждого мирового судью.

Ключевые слова: мировые суды, правовая реформа, юстиция, судебная система

Shakhbanova H. M.

THE MAIN PROBLEMS IN ACTIVITY OF MAGISTRATES

The relevance of research is confirmed by the existing problems in practice of work of magistrates institute, such as procedure of magistrates establishment, organization and material support of magistrates activity, problems of financing and allocation of costs for restoration of justice of the peace between various branches of the government; heavy load in terms of the cases which are in proceedings falling on each magistrate.

Keywords: magistrate courts, legal reform, justice, judicial system.

Основная проблема, которая определяет успех современной судебной реформы, заключается в степени ее взаимодействия и связанности с другими реформами: правовой, конституционной, и, в частности, с реформой местного самоуправления. Органы местного самоуправления в Российской Федерации традиционно участвовали в отправлении правосудия, в комплектовании выборного элемента суда. И поэтому в свою очередь суд может стать известным гарантом самостоятельности местного самоуправления.

Основывается судебная власть, прежде всего, на двух принципах: независимости и несменяемости судей. Первый является гарантом реальной судебной власти – это подлинная независимость суда – идеал, стремлением, к достижению которого были проникнуты и судебные реформы прошлого. Говоря о принципе несменяемости судей, мы сталкиваемся с кадровой проблемой суда. Судейский корпус должен быть укомплектован лицами, отвечающими необходимой оценкой: положительным моральным качествам, а главное – высокому профессионализму.

Эти задачи пытались решить в прошлом веке Министерство юстиции, являвшееся проводником реформы в жизнь. Недостаток образованных юристов в стране был одной из причин поэтапного проведения судебной реформы, затянувшейся на тридцать пять лет. Вот и сейчас можно сказать о нехватке кадров. Такое положение дел может свидетельствовать не только о нехватке кадров, но и о нехватке финансовых средств на содержание мировых судей. Кадровая проблема может стать известным препятствием и на пути современной судебной реформы¹.

Мировые судьи не только ускорили и приблизили правосудие к гражданам, но они были призваны «разгрузить» федеральных судей от чрезмерно большой нагрузки по рассмотрению уголовных дел. Нагрузка на мировых судей из года в год увеличивалась почти в геометрической прогрессии, она возрастала по всем судебным делам. В юбилейном для мировой юстиции году нагрузка по находящимся в производстве гражданским и уголовным делам также возросла.

Наблюдается лишь незначительное снижение по количеству лиц, привлеченных к административной ответственности. Одной из основных категорий рассматриваемых уголовных дел являются дела частного обвинения², а также кражи и причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью.

В целом, оглядываясь на прошедшее десятилетие, мы вправе сказать, что мировая юстиция достойно выдержала нелегкий экзамен, она состоялась. Конечно, авторитет среди населения, положительные результаты в работе давались очень нелегким трудом, нарушались сроки рассмотрения судебных дел, имело место несвоевременное обращение к исполнению судебных постановлений. Проблема большой загруженности мировых судей края, как, наверное, и в целом по стране, обострялась.

При её неразрешенности, по сути, подверглось угрозе выполнение главной задачи, которая ставилась перед мировой юстицией, – снижение нагрузки в федеральных судах и тем самым обеспечение быстрого доступа граждан к правосудию. Ведь если мировой судья будет работать с чрезмерной нагрузкой, то отсутствие доступа граждан к правосудию, имевшее место на уровне районных судов, перейдет на другой уровень – уровень мирового судьи со всем комплексом прежних негативных последствий.

Подвергая анализу складывающуюся ситуацию, государство предпринимало меры по стабилизации ситуации и снижению нагрузки на вновь образованный судейский корпус. Менялась подсудность по отдельным категориям дел, вносились изменения в краевое и федеральное законодательство, а кроме того, вызрело неизбежное решение о необходимости увеличить штатную численность мировых судей. Но по каждому субъекту оно принималось индивидуально. Основная функция управления – создание надлежащих условий для осуществления правосудия мировыми судьями.

Мировые судьи за прошедшие годы стали настоящей кузницей кадров для пополнения корпуса федеральных судей края.

Отдельно выделим материально-техническое обеспечение деятельности судебных участков. На первоначальном

1 Чечина Н. А. Мировые судьи в Российской Федерации (судебная реформа и новое законодательство) // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 229-237.

2 Григорьев В. Н., Голубов И. И., Селютин А. В. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Мировой судья. – 2008. – № 3. – С. 2-4.

этапе, как и в любом другом деле, многие вопросы решались достаточно сложно, начиная с размещения судебных участков и кончая обеспечением их компьютерной и другой оргтехникой и даже канцелярскими принадлежностями и бумагой. С учетом увеличения нагрузки на мировых судей увеличивалось финансирование их деятельности. По отдельным позициям материально-технического обеспечения ситуация кардинально поменялась в лучшую сторону. В рамках реализации программных мероприятий судебные участки края обеспечивались мебелью, компьютерной и другой оргтехникой. Однако не все проблемы³ обеспечения эффективной деятельности мировой юстиции решены сегодня до конца.

В числе проблемных вопросов остается по-прежнему высокая нагрузка по находящимся в производстве делам, приходящаяся на каждого мирового судью. Одним из путей выхода из создавшегося положения, на наш взгляд является только изменение подсудности дел мировых судей. При временном замещении одним мировым судьей другого также остается масса не решенных проблем.

Руководством Управления своевременно принимаются меры по решению указанных вопросов. Ведется постоянная целенаправленная работа по укреплению материально-технической базы судебных участков, созданию надлежащих условий труда для мировых судей и работников аппарата, что в свою очередь напрямую связано с повышением эффективности их деятельности, улучшением качества правосудия, а значит обеспечением более полной защиты конституционных прав и свобод граждан мировыми судьями⁴.

Анализ практической деятельности мировых судей показал возрастающую на них нагрузку, а как следствие – снижение качества рассмотрения дел. Поэтому многие ученые высказываются о пересмотре количества судебных участков⁵ в субъектах России и расчетной численности населения на одном участке в сторону уменьшения. Обсуждаются вопросы, которые имеют прямое отношение к жизни миллионов людей, защите их прав, свобод, интересов, личного достоинства и собственности.

В немалой степени в суде формируется и отношение людей к государству: оценивается способность государства защищать интересы граждан, применять силу закона и восстанавливать справедливость. В этом смысле суд, может быть, самая авторитетная власть. В российской Конституции закреплены базовые принципы работы судебной системы.

Причем многие из этих принципов имеют прямое отношение к повседневной работе, к правозащитным качествам судебной системы: это и обеспечение прав и свобод граждан при помощи правосудия, гарантированность судебной защиты для каждого, презумпция невиновности обвиняемого, охрана прав потерпевшего от преступлений, злоупотреблений властью и ряд других принципов, которые непосредственно вытекают из Конституции. Качество работы суда – это определяющий фактор демократического развития нашего государ-

ства, и мы будем твердо и последовательно добиваться эффективной деятельности всей судебной системы.

За последние годы были решены разные задачи, в том числе связанные с улучшением материального положения судей. Если говорить о помощниках, о сотрудниках аппаратов судей и судов, то этот уровень оплаты труда пока ещё не способствует привлечению к работе квалифицированных и добросовестных специалистов. Нужно рассмотреть вопрос об увеличении оплаты труда таких сотрудников, иначе мы не добьёмся нормальной работы судов.

Основы судебной системы, заложенные Конституцией Российской Федерации и конституциями республик, краёв, областей, уставами, федеральными законами остаются неизменными. Но необходима тщательная отладка самого механизма правосудия, дальнейшая модернизация законодательства о суде, направленная на повышение качества его работы.

Можно остановиться на следующих, имеющих особую важность, вопросах. Прежде всего, это повышение доверия, уважения граждан к суду – тема исключительно важная для нашей страны. А повышение доверия – это и уважение к объективности, справедливости судебных актов. Мы знаем, что, по оценке экспертов, степень такого доверия пока недостаточно высока. Это, безусловно, создает необходимость самым внимательным образом относиться к этой проблеме. Казалось бы, закон предоставляет все возможности – и процессуальные, и материальные – суду для того, чтобы он был независим.

Очевидно, что на передний план здесь выходит проблема качества самого судебного корпуса, а это качество складывается из нескольких факторов: это добротное юридическое образование, высокий профессионализм и, вне всякого сомнения, безупречная репутация. Большинство наших судей этим качеством полностью соответствуют. Принимая организационно-правовые решения по улучшению деятельности судов, мы исходим из того, что изначально все эти позиции, все эти требования соблюдаются.

Однако в отличие от большинства европейских государств в нашей стране полномочия судей всё-таки достаточно часто прекращаются досрочно. Конечно, это признак или свидетельство несовершенства работы квалификационных коллегий, которые рекомендуют кандидатуры на должности судей, прежде всего несовершенство работы этих коллегий. Заслуживающими внимания представляются предложения о создании единого дисциплинарного органа, который мог бы рассматривать конфликты, связанные с применением дисциплинарного воздействия в отношении судей. Отмечу также, что с необходимостью укрепления кадрового состава судебного корпуса связаны и антикоррупционные законопроекты.

Нужно смелее привлекать к этой работе и практикующих юристов, и представителей научного сообщества – разумеется, с проверкой их профессиональных качеств, способностей вести судебную работу. Кроме того, для повышения уровня подготовки судей нужно законодательно определить статус экзаменационных комиссий и порядок их формирования, установить требования к квалификационному экзамену, включив в него и вопросы права, и знание судебной практики, и владение письменной формой подготовки процессуальных документов.

Повышению качества судебной системы способствовали бы оптимизация работы судов различных ветвей судебной власти, дальнейшее совершенствование правил определения компетенции судов, в том числе и развитие специализации судов. Эта тема непростая, она требует обсуждения, и здесь всегда нужно находить баланс между текущими спо-

3 Жильцов С.В. Проблемы правового статуса мирового суда в судебной системе Российской Федерации // Право и государство. – 2008. – № 2. – С. 90-94.

4 Статистические сведения о работе судов общей юрисдикции за 2007 г. // Данные официального сайта Судебного департамента при Верховном суде РФ 2007 г.

5 Федеральный закон от 29.12.1999 г. № 218-ФЗ (ред. от 03.12.2011 г.) «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» с изменениями и доп., вступившими в силу с 01.01.2012 г.

собами отправления правосудия, текущим видом компетенции, распределения компетенции и теми пожеланиями, которые высказываются. Следующая проблема – это передача на федеральный уровень вопросов деятельности мировых судов. Практика показала, что возрождение института мировых судей было в целом важным и правильным шагом.

Это в значительной степени облегчило доступ к правосудию, позволило более оперативно рассматривать иски граждан. И, несмотря на дополнительные финансовые затраты, нужно создавать нормальные условия для работы мировых судей и соответственно их аппаратов. Роль судей и правосудия в России трудно переоценить. Сама наша история, ожидания, надежды граждан, их стремление к справедливости теснейшим образом связаны с судебным служением.

Эта деятельность никогда не была и, очевидно, не будет простой. Во все времена она была и остается крайне ответственной и весьма трудной. Но с другой стороны – люди вправе рассчитывать, чтобы суд работал без волокиты, без поверхностной спешки, чтобы суд всегда стоял на страже закона, чтобы преступления не оставались безнаказанными, а приговор суда их вовремя пресекал, и торжествовала справедливость.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.1999 г. № 218-ФЗ (ред. от 03.12.2011 г.) «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» с изменениями и доп., вступившими в силу с 01.01.2012 г
2. Статистические сведения о работе судов общей юрисдикции за 2007 г. // Данные официального сайта Судебного департамента при Верховном суде РФ 2007 г.
3. Григорьев В. Н., Голубов И. И., Селютин А. В. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Мировой судья. – 2008. – № 3. – С. 2-4.
4. Жильцов С. В. Проблемы правового статуса мирового суда в судебной системе Российской Федерации // Право и государство. – 2008. – № 2. – С. 90-94.
5. Чечина Н.А. Мировые судьи в Российской Федерации (судебная реформа и новое законодательство) // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 229- 237

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh

**ДВУСТОРОННИЕ
ПРИРОДООХРАННЫЕ
СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ**

**BILATERAL
ENVIRONMENTAL
AGREEMENTS OF RUSSIA**

ИНТЕРЕКОЛАВ

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
 ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ
 ДВУСТОРОННИЕ

Сардарян Т. С.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются процессуальные особенности рассмотрения судами общей юрисдикции дел о защите интересов неопределенного круга потребителей, которые отличаются от тех особенностей, которые свойственны делам о защите субъективных прав конкретных потребителей. На основании материалов правоприменительной практики автор отмечает сложности, возникающие у судов при рассмотрении данной категории дел, и выделяет средства решения данных проблем.

Ключевые слова: защита прав потребителей, неопределенный круг потребителей, интерес, судебная практика.

Sardaryan T. S.

PROCEDURAL FEATURES OF JUDICIAL EXAMINATION OF CASES ON PROTECTION OF INTERESTS OF UNCERTAIN CIRCLE OF CONSUMERS

In article procedural features of judicial examination of cases on protection of interests of uncertain circle of consumers in the general jurisdiction court which differ from those features which are peculiar to cases on protection of the subjective rights of specific consumers are considered. On the basis of materials of law enforcement practice the author marks the complexities arising at courts during proceedings in such cases and outlines ways to resolve the given problems.

Keywords: protection of consumers, uncertain circle of consumers, interest, court practice.

Потребительские отношения получают всё большее распространение, однако наблюдается и увеличение нарушений прав и законных интересов потребителей, следствием чего являются многочисленные обращения потребителей за судебной защитой. Вместе с тем посяательства со стороны обязанных субъектов могут быть осуществлены не только на права, но и на законные интересы потребителей, которые также находятся под охраной и защитой государства. Поэтому важно исследовать более подробно процессуальные особенности рассмотрения судами дел в защиту законных интересов неопределенного круга потребителей, имеющие особенности, отличные от рассмотрения дел в защиту субъективных прав конкретных потребителей.

Принципиально важным является признание законного интереса в качестве самостоятельного объекта защиты, ведь интересы личности выражаются не только через субъективные права. Ещё Г. Ф. Шершеневич, являющийся одним из первых учёных, введших понятие «законный интерес» в оборот отмечал, что «члены одного общества выработали в себе привычку отстаивать всеми законными средствами свои права, восставать против малейшего нарушения их законных интересов, относиться недоброжелательно к нарушителям правового порядка, как к общим врагам, а соответственно тому и сами стараются не выходить из пределов своего права»¹.

Поэтому необходим механизм непосредственной защиты законных интересов до обращения конкретного лица в суд за защитой субъективного права. Указанным инструментом является обращение в суд в интересах неопределенного круга лиц, в рассматриваемом случае – в интересах неопределенного круга потребителей.

В отличие от ГПК РСФСР, в который только в 2000 г. были внесены изменения, устанавливающие субъектов, имеющих право на обращение в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц², в действующем ГПК РФ 2002 г. этот процессуаль-

Сардарян Т. С.

ный институт регламентирован более подробно. Так, в ГПК РФ определены субъекты, имеющие право обращаться в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц (статьи 45, 46 ГПК РФ), предъявляются дополнительные требования к данному исковому заявлению (ст. 131 ГПК РФ), относительно законной силы решения суда определяются субъективные его пределы (ст. 250 ГПК РФ). Однако указанные нормы определяют процессуальный порядок рассмотрения и разрешения данных дел в общем и поэтому значимо проанализировать указанные нормы и нормы Закона РФ «О защите прав потребителей» в системе с целью их наиболее полного выделения³.

Возбуждение дела о защите прав потребителей, как и любого другого дела, является первоочередным элементом, составляющей в единой системе процессуальных действий, направленных на движение гражданского дела⁴.

В соответствии со ст. 46 Закона РФ «О защите прав потребителей» субъектами, уполномоченными на обращение в суд за судебной защитой интересов неопределенного круга потребителей, являются прокурор, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей, и его территориальные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения потребителей (их ассоциаций, союзов), имеющих статус юридического лица. Таким образом, в случае обращения в суд с иском о защите интересов потребителей иного лица, не предусмотренного законом, судом в принятии искового заявления должно быть отказано согласно п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

При этом Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор) в ежегодном докладе «О защите прав потребителей в 2014 г.» отмечает, что в 2014 г. уменьшилось количество обращений в защиту прав и законных интересов

1 Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912. – С. 293.

2 Федеральный закон от 07.08.2000 № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. – 2000. – Ст. 33. – № 3343.

3 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – Ст. 46. – № 4532.

4 См.: Гражданский процесс: Учебник / Под ред. Яркова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2000. – С. 264.

неопределенного круга потребителей, несмотря на тот факт, что оно неуклонно росло до 2013 г.⁵ Данная тенденция указана в качестве положительной и связана, согласно докладу, с осуществлением федерального государственного надзора в области защиты прав потребителей. Однако данный вывод представляется преждевременным. Ведь тот факт, что было предъявлено меньше исковых заявлений в защиту прав и законных интересов потребителей, не доказывает сокращение количества нарушений в указанной области.

Так, одной из особенностей при возбуждении дел о защите прав неопределенного круга потребителей является разрешение вопроса относительно наличия подлежащего защите нарушенного права или интереса неопределенного круга потребителей, т.е. многочисленной группы лиц, относящейся к категории потребителей. Вместе с тем данное обстоятельство не говорит об определении всех её участников при предъявлении искового заявления в суд, а реализуется при помощи определённых критериев, явно свидетельствующих о возникновении заявленных требований из сферы защиты прав потребителей, носящих общую правовую природу. Особое значение имеет статус данных лиц, в интересах которых предъявляются иски. В данном случае представляется верным согласиться с мнением М. В. Филатовой, что их можно охарактеризовать как потенциальных истцов⁶. Потенциальные истцы – это лица, права которых защищаются посредством предъявления иска в интересах неопределенного круга лиц, не привлеченные к непосредственному участию в рассмотрении дела судом, на которых распространяется законная сила судебного решения⁷.

В соответствии со ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» и ст. 22 ГПК РФ дела о защите интересов неопределенного круга потребителей подведомственны судам общей юрисдикции. При этом у судов при рассмотрении дел в защиту интересов неопределенного круга потребителей, как правило, не вызывает сложности определение подведомственности, как это бывает при обращении за защитой конкретного субъективного права. Так, в случае обращения в суд индивидуального предпринимателя (либо в его интересах) у суда вызывает сложности вопрос определения подведомственности рассматриваемого дела, ведь для этого помимо субъектного состава спора необходимо определить наличие цели заключения договора – личные, бытовые, семейные и иные нужды, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. В исках в защиту интересов неопределенного круга потребителей персонализированного потребителя нет, поэтому с отмеченной сложностью суды не сталкиваются.

Имеет свои особенности определение подсудности рассматриваемой категории дел. Согласно ст. 24 ГПК РФ дела о защите интересов неопределенного круга потребителей по родовой подсудности отнесены к компетенции районных судов. Связано это обстоятельство с тем, что предъявляться требования по рассматриваемой категории дел могут только неимущественного характера, о чём более подробно будет ска-

зано ниже. Что касается территориальной подсудности, то на дела в защиту интересов неопределенного круга потребителей не распространяются правила альтернативной подсудности, как в делах о защите прав потребителей, а должна быть применена общая территориальная подсудность. Таким образом исковое заявление подается по месту нахождения или жительства ответчика, его филиала либо представительства. Данное положение разъяснено в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁸. Отмеченная особенность также обусловлена отсутствием персонализированного истца.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 17 от 28.06.2012 г. разъясняет положения относительно предмета иска по рассматриваемой категории дел. По делам о защите интересов неопределенного круга потребителей могут быть заявлены только требования неимущественного характера, которые можно было бы подразделить на две группы:

1. иски о признании действий ответчика противоправными и прекращении противоправных действий ответчика;
2. иски о ликвидации юридического лица либо прекращении деятельности индивидуального предпринимателя.

По первому из требований важно отметить, что обязательным критерием их обоснованности является противоправность действий ответчика, и не только на момент её выявления, но и в дальнейшем. Таким образом, даже если в действиях ответчика – нарушителя интересов потребителей имеет место противоправность, но она была устранена до обращения в суд либо в ходе судебного разбирательства, в удовлетворении требований управомоченного субъекта должно быть отказано.

Приведем пример: Рубцовским районным судом Алтайского края отказано в удовлетворении исковых требований Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Алтайскому краю, обратившегося в суд с иском к индивидуальному предпринимателю С. о защите прав и законных интересов неопределенного круга потребителей. Роспотребнадзором по Алтайскому краю выявлено, что предпринимателем реализовались полуфабрикаты (вареники с картофелем и мясом), упакованные в прозрачную полимерную тару, на которой отсутствует и не доводится до потребителя информация, обеспечивающая возможность для потребителя правильного выбора товара, а именно, необходимая и достоверная информация о реализуемом товаре, что и стало основанием для обращения в суд⁹. Отказ в удовлетворении искового заявления судом был аргументирован тем, что действительно индивидуальным предпринимателем С. осуществлялась реализация полуфабрикатов в отсутствие установленной информации. Однако ответчиком допущенные нарушения устранены еще в ходе проверки. В настоящее время продукты реализуются со всей необходимой информацией, в связи с этим суд законно и обоснованно установил, что интересы неопределенного круга потребителей были восстановлены и тем самым отказал в

5 Государственный доклад Роспотребнадзора «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2014 году». – М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2015. – С. 155.

6 См.: Филатова М. В. Процессуальные особенности защиты интересов неопределенного круга лиц на примере рассмотрения и разрешения исков о защите интересов неопределенного круга потребителей // LEX RUSSICA. – 2004. – № 1. – С. 334.

7 См.: Носенко М. С. Оспаривание нормативных правовых актов в судах общей юрисдикции: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 110.

8 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного суда РФ. – Сентябрь. 2012 г. – № 9.

9 Решение Рубцовского районного суда Алтайского края по гражданскому делу № 2-119/2012 от 14.02.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-rubcovskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-102899579/> (дата обращения: 19.07.2015 г.)

удовлетворении исковых требований Роспотребнадзора по Алтайскому краю.

Важно отметить, что только лишь требование о прекращении противоправных действий не всегда может привести к восстановлению интересов потребителей, зачастую для этого необходимо обязать виновное лицо устранить данные нарушения, тем самым в исковом заявлении помимо требования о прекращении противоправных действий также отмечается необходимость совершения определенных действий ответчиком, направленных на восстановление законных интересов потребителей, например, предоставить информацию, внести соответствующие изменения в договор и т.д.

Иски о ликвидации изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации, импортера) либо о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя (уполномоченного индивидуального предпринимателя) могут быть поданы должностными лицами уполномоченного органа, им законодательно предусмотрено данное право, и возможны только в установленных случаях – за неоднократное (два и более раза в течение одного календарного года) или грубое (повлекшее смерть или массовые заболевания, отравления людей) нарушение прав потребителей, согласно п. 7 п. 4 ст. 40 Закона РФ «О защите прав потребителей».

При обращении управомоченных субъектов в защиту интересов неопределенного круга потребителей особенностью является то обстоятельство, что наличие заявления потребителя к указанным лицам для защиты его прав и законных интересов не обязательно, и тем самым оставить без движения исковое заявление в связи с неприложением и непредставлением такого заявления суд не может.

Представляется интересным рассмотрение вопроса о правовых последствиях вынесенного решения в защиту интересов неопределенного круга лиц. Так, в соответствии со ст. 46 Закона РФ «О защите прав потребителей» вступившее в законную силу судебное решение по делу в защиту интересов неопределенного круга потребителей о признании противоправными действий ответчика будет обязательным для суда, рассматривающего дело по иску в защиту прав конкретного потребителя, в части вопросов, имели ли место такие действия и совершены ли они изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером). Следовательно, можно отметить, что преюдициальность законной силы судебных решений в отмеченной части распространяется на потенциальных потребителей. Таким образом, такой потребитель освобождается от доказывания указанных обстоятельств, что является несомненным положительным фактом в защите прав потребителей, так как истец имеет право обратиться уже с требованием имущественного характера, вытекающего из противоправных действий ответчика.

При удовлетворении искового заявления в защиту интересов неопределенного круга потребителей, поданного общественными объединениями (ассоциациями и союзами), органами местного самоуправления, суд решает вопрос о разрешении указанным субъектам понесенных ими судебных издержек и возникших в связи с обращением в суд по данному заявлению иных расходов.

Не менее важным является и положение, согласно которому при удовлетворении иска в защиту интересов неопределенного круга потребителей в резолютивной части решения суда суд обязывает ответчика довести указанную информацию до сведения потребителей через средства массовой информации или иным образом. Суд также вправе копию вступившего

в законную силу судебного решения направить в официальное печатное издание для его обнародования. Однако в силу особой значимости отношений, возникающих в связи с защитой прав потребителей, представляется целесообразным уже при обращении в суд в защиту прав неопределенного круга потребителей опубликование соответствующих сведений в СМИ. Как правило, указанные правоотношения носят длящийся характер и в целях причинения меньших негативных последствий для потребителей – дальнейшей покупки товара, оказания услуг, выполнения работ при нарушении установленных правил – при опубликовании сведений об обращении в суд в защиту интересов неопределенного круга потребителей данная информация будет доведена до конечных потребителей, которые смогут воздержаться, во всяком случае, временно – до принятия решения суда, от заключения данного рода договоров, которые могут угрожать, в том числе, их здоровью, жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – Ст. 46. – № 4532.
2. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766; СЗ РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2317.
3. Федеральный закон от 07.08.2000 № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. – 2000. – Ст. 33. – № 3343. – документ утратил силу.
4. Решение Рубцовского районного суда Алтайского края по гражданскому делу № 2-119/2012 от 14.02.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-rubcovskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-102899579/> (дата обращения: 19.07.2015 г.).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного суда РФ. – Сентябрь. 2012. – № 9.
6. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. Яркова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 2000.
7. Государственный доклад Роспотребнадзора «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2014 году». – М., Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2015.
8. Носенко М. С. Оспаривание нормативных правовых актов в судах общей юрисдикции: Дисс. ... канд. юрид. Наук. – М., 2001.
9. Филатова М. В. Процессуальные особенности защиты интересов неопределенного круга лиц на примере рассмотрения и разрешения исков о защите интересов неопределенного круга потребителей // LEX RUSSICA. – 2004. – № 1.

Давыдова И. А., Коробова И. Н.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА, СВЯЗАННАЯ С УСТАНОВЛЕНИЕМ
АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА, КАК НАПРАВЛЕНИЕ СУДЕБНОГО
КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В статье осуществляется попытка обоснования в качестве одного из направлений судебного контроля за исполнением уголовных наказаний деятельности суда, связанной с установлением административного надзора за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы, а также рассматривается правовая природа административного надзора и законодательной регламентации норм, предусматривающих порядок его установления.

Ключевые слова: судебный контроль, правовая природа, административный надзор, ограничения прав лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, административные правоотношения.

Davydova I. A., Korobova I. N.
COURT'S ACTIVITIES, RELATED TO THE ESTABLISHMENT OF ADMINISTRATIVE
SUPERVISION AS AN AREA OF JUDICIAL CONTROL OVER THE EXECUTION
OF CRIMINAL PENALTIES

The article is an attempt to justify as one of the areas of judicial control over the execution of criminal penalties the court activities related to the establishment of administrative supervision of persons released from prison, as well as it examines the legal nature of administrative supervision and regulation of the legal rules providing the order of its establishment.

Keywords: judicial review, legal nature, administrative oversight, restrictions on the rights of persons released from prison, administrative relationship.

Специфика судебного контроля за исполнением наказаний обусловлена кругом вопросов, отнесенных к компетенции суда в данной области. Эти вопросы многообразны. Они касаются порядка и сроков приведения приговора в исполнение, содержания приговора, его толкования, правовых последствий, которые из него вытекают, а также изменения правового положения осужденных в процессе исполнения наказания.

Рассматривая вопросы исполнения приговора, суд может выявить нарушения субъективных прав и законных интересов осужденных, а также незаконное освобождение их от выполнения обязанностей. В интересах укрепления законности и совершенствования деятельности органов, исполняющих наказания, охраны правового статуса осужденных очень важно обратить внимание на данные нарушения, потребовать принять меры к их устранению.

В настоящее время в соответствии со ст. 20 УИК РФ суд контролирует исполнение уголовных наказаний при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора в соответствии со ст. 397 (за исключением случаев, указанных в пп. 1 и 18) и 398 УПК РФ. Это вопросы, возникающие в процессе исполнения различных видов наказаний, существенно затрагивающие правовой статус осужденных, вызывающие наступление серьезных юридических последствий, которые рассматриваются в судебном порядке.

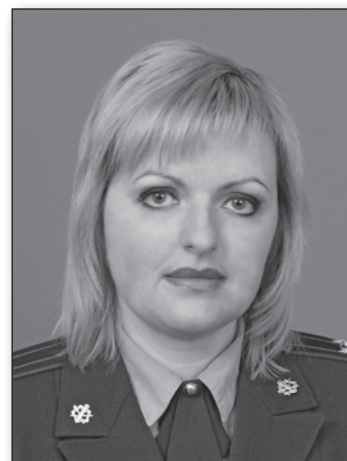
Вызывает сомнение то обстоятельство, что в рассматриваемой норме уголовно-исполнительного законодательства речь идет только о тех вопросах, рассмотрение которых связано с исполнением наказаний и регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Мы разделяем позицию В. И. Селиверстова о том, что судебный контроль, осуществляемый собственно в процессе исполнения наказаний, бывает двух видов. Первый – судебный контроль, осуществляемый по правилам гражданского судопроизводства (при рассмотрении дел по спорам, вытекающим из гражданских, семейных, трудовых, административных правоотношений и дел особого производства).

Второй вид судебного контроля – контроль при производстве по уголовным делам¹.

Давыдова И. А.

Коробова И. Н.

С учетом выделения таких видов судебного контроля мы полагаем, что одним из направлений судебного контроля за исполнением уголовных наказаний следует признать деятельность суда, связанную с установлением административного надзора за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы.

Обосновывая данную позицию, отметим следующее:

– административный надзор устанавливается только судом на основании заявления исправительного учреждения или органа внутренних дел, им же продлевается и досрочно прекращается по основаниям, предусмотренным в законе;

– рассмотрение дел об административном надзоре связано непосредственно с самим фактом осуждения лица к лишению свободы;

– основания для применения института административного надзора содержатся в уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 173.1. УИК РФ);

– при его назначении в соответствии с ч. 2 ст. 173.1. учитывается факт признания осужденного в период отбывания наказания в местах лишения свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Соответственно, при рассмотрении указанной категории дел суду необходимо оценить поведение осужденного в период отбывания наказания, установить законность признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, тем самым осуществляя контроль за исполнением наказания.

– если говорить о правовых последствиях для осужденного применения института административного надзора, то, как и в случаях, предусмотренных ст. 20 УИК РФ, они существенно затрагивают его правовой статус.

Так, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», для поднадзорных устанавливаются следующие ограничения:

1. Запрещение:

– пребывания в определенных местах;

1 См.: Селиверстов В. И. Правовое положение лиц, отбывающих наказания (теория и прикладные проблемы). Дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – С. 313.

– посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в них;
 – пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
 – выезда за установленные судом пределы территории.
 Вне зависимости от наложенных по усмотрению суда запретов, в качестве обязательного ограничения устанавливается явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации.

Суд в течение срока административного надзора может дополнить или отменить установленные поднадзорному лицу административные ограничения. Указанные ограничения и обязанности существенно меняют правовой статус лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Как неоднократно подчеркивалось в литературе ранее, специфика уголовно-исполнительного права состоит в том, что его материальные и процессуальные нормы органически связаны между собой, они не разделяются на самостоятельные отрасли права, их совокупность образует единое, самостоятельное право².

Материальная норма своим главным назначением имеет регулирование социальных связей с точки зрения их содержания. Сформулированные в них правила реализуются с помощью процессуальных норм строго определенным способом.

Наличие процессуальных норм особенно необходимо в системе уголовно-исполнительного законодательства, которое регулирует порядок и условия отбывания наказания и применения к осужденным мер исправительного воздействия, а также порядок участия различных государственных и негосударственных субъектов в исправлении осужденных, порядок осуществления ими контроля. В данном случае установление процессуальных норм призвано прежде всего гарантировать правильное применение норм уголовно-исполнительного права.

В юридической литературе высказано мнение, что уголовное и уголовно-исполнительное право применяется в форме уголовного процесса³, что не совсем точно. Значительная часть материальных норм уголовно-исполнительного права применяется с помощью его собственных процессуальных норм.

Говоря о судебном контроле за исполнением наказаний, следует подчеркнуть, что норма ст. 20 УИК РФ является материальной, при этом соответствующие ей процессуальные нормы в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют. А с учетом того, что формой или методом осуществления судебного контроля является судебное разбирательство⁴, то регламентирование соответствующей процедуры осуществляется посредством уголовно-процессуального законодательства.

При этом, если основываться на нашей позиции о возможности признания одним из направлений судебного контроля за исполнением наказаний деятельности суда, связанной с установлением административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, то возникает вопрос о нормативном закреплении соответствующих процессуальных норм.

С момента введения института административного надзора велась полемика относительно его правовой природы и правильности размещения норм, предусматривающих порядок его установления, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (гл. 26.2. ГПК РФ).

Так, некоторые авторы отмечают, что административное ограничение, составляющее суть административного надзора, есть временное ограничение прав и свобод лица, освобожденного из мест лишения свободы, установленное судом в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (п. 2 ст. 1). Применяемые судом ограничения прав (на передвижение, избрание места жительства, досуг и др.) по своей правовой природе – ограничения личных неимущественных прав лиц, относящихся к субъективным гражданским правам. Федеральный закон об админи-

стративном надзоре следует расценивать не только как законодательный акт в сфере охраны безопасности и правопорядка или как акт уголовно-исполнительного законодательства, но и как акт гражданского законодательства. То есть при рассмотрении дел об административном надзоре суд осуществляет применение норм, содержащих ограничения субъективных гражданских прав лиц, для чего функционально предназначена форма гражданского, но не уголовного судопроизводства, что, по нашему мнению, соответствует Конституции России⁵.

По мнению А. П. Фильченко, надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеет уголовно-правовую природу, представляет собой форму выражения уголовно-правовых отношений и составляет меру уголовно-правового характера. При этом автор отмечает, что вопреки юридической логике действующее российское законодательство предложило модель, в соответствии с которой осуществление данной принудительной меры происходит опосредованно – через административно-правовые отношения.

Таким образом, рассматривая административный надзор в качестве направления судебного контроля за исполнением уголовных наказаний, мы поддерживаем мнение А. П. Фильченко об уголовно-правовой природе рассматриваемого института, при этом считаем более логичным, что с введением в действие Кодекса административного судопроизводства⁶ регулирование вопросов, связанных с установлением административного надзора, станет осуществляться в рамках административно-процессуальных (глава 29 КАС РФ «Производство по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»), а не гражданско-процессуальных правоотношений, как было ранее⁷.

В соответствии со ст. 1 Кодекса административного судопроизводства к предмету его правового регулирования относится судебный контроль за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий, а значит, логичным было бы закрепление административного надзора в качестве направления судебного контроля за исполнением уголовных наказаний и размещение процессуальных норм о его установлении в Кодексе административного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 08 марта 2015 г. №22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».
2. Федеральный Закон от 8 марта 2015 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».
3. Алексеев С. С. Структура советского права. – М., 1975.
4. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний: Монография / И. А. Давыдова, А. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.
5. Коробова И. Н. Соотношение материальных и процессуальных норм уголовно-исполнительного права / Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 1.
6. Оноколов Ю. П. Институт административного надзора соответствует Конституции России и является эффективным инструментом предупреждения рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 6.
7. Селиверстов В. И. Правовое положение лиц, отбывающих наказания (теория и прикладные проблемы): Дис. ...д-ра. юрид. Наук. – М.: Академия МВД РФ, 1992.
- 5 Оноколов Ю. П. Институт административного надзора соответствует Конституции России и является эффективным инструментом предупреждения рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 6.
- 6 См.: Федеральный закон от 08.03.2015 № 22-ФЗ «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».
- 7 См.: Федеральный Закон от 8 марта 2015 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

2 Коробова И. Н. Соотношение материальных и процессуальных норм уголовно-исполнительного права / Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 1.
 3 См.: Алексеев С. С. Структура советского права. – М., 1975. – С. 195, 218.
 4 Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний: Монография / И. А. Давыдова, А. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – С. 109.

Абдулгамидова Д. А., Алиева А. Б.
**ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
РАЗВИВАЮЩИХСЯ ТЕХНОЛОГИЙ**

Исследуется реализация в условиях развивающихся информационных технологий одного из основных конституционных прав личности – тайны личной корреспонденции и информационной безопасности.

Ключевые слова: тайна личной корреспонденции, слежка, государственный тоталитаризм, Эдвард Сноуден, программа-шпион, вирус, информационная борьба, «оружие массового поражения», кибервойна.

Abdulgamidova D. A., Alieva A. B.
**INFORMATION SECURITY UNDER CONDITIONS OF MODERN DEVELOPING
TECHNOLOGIES**

Under conditions of implementation of emerging information technologies one of the basic constitutional rights of the individual – the secrecy of personal correspondence and information security are examined.

Keywords: secrecy of personal correspondence, spying, state totalitarianism, Edward Snowden, spyware, virus, information warfare, weapons of mass destruction, cyberwar.

Последние несколько десятилетий особую значимость приобретает вопрос о неприкосновенности частной жизни человека. Его значимость возрастает в зависимости от того, насколько развиты окружающие нас информационные технологии.

В каждой демократической конституции наряду с такими личными правами, как право на жизнь, достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность и т.д., провозглашается такое право, как право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Оно означает, что каждый человек имеет право на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также тайну личной, семейной жизни. Данное конституционное право предоставляет защиту личной корреспонденции от неправомерного вмешательства и использования данных об определенной личности третьими лицами. Конечно же, здесь есть и обязанность государства – сохранять конфиденциальность таких данных. Так, согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства¹. Это одно из немаловажных прав личности, зафиксированное в конституционном акте, гарантированность которого свидетельствует о демократичности и цивилизованности любого государства, предоставлении каждому свободы личной жизни, конституционном правопорядке.

В Конституции РФ это право зафиксировано в п. 2 ст. 23, и оно согласно п. 3 ст. 56 наряду с некоторыми личными правами не подлежит ограничению, хотя в необходимых случаях оно может быть ограничено только на основании судебного решения (переписка лиц, подозреваемых в совершении преступления). Все сказанное дополняется и нормой ст. 24, которая оговаривает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Также органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом².

Такого рода законодательное закрепление и защита от неправомерного использования личной корреспонденции общепризнано всеми демократическими государствами: ФРГ, США, Японией, Италией, КНР и др. Исходя из норм основных законов и конституций этих стран, ограничение данного права допускается в случаях, когда встает вопрос об обеспечении государственной безопасности соответствующего государства,

защиты демократических ценностей и только на основании акта компетентного органа. Наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее из почтово-телеграфных учреждений возможна при расследовании уголовных дел и при наличии судебного решения. В Российской Федерации эта процедура конкретизируется в федеральных законах «О почтовой связи» от 17 июля 1999 г., «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 марта 1995 г. и других актах³.

С появлением и развитием сети Интернет, расширением возможностей электронной связи тайна переписки, телефонных, телеграфных и иных сообщений, несмотря на конституционную защиту, приобретает иной характер⁴. Вместе с появлением самих коммуникационных сетей связи всегда имел место незаконный доступ к личной корреспонденции, особенно со стороны государства. В политических кругах этим правом злоупотребляют против своих оппонентов, чаще всего во время избирательных кампаний (незаконное прослушивание своих политических противников президентом США Никсоном в 1974 г., что привело к его отрешению от должности парламентом в порядке импичмента)⁵. Чаще всего к такому нечестному способу прибегают ради извлечения прибыли в предпринимательской деятельности не только в масштабах мелкого предпринимательства, но и в мировых масштабах. Прослушивание телефонных переговоров, чтение почтовых, телефонных, телеграфных и иных сообщений, а также создание компьютерных программ вирус-шпионов – это и основная деятельность спецслужб всех стран, правоохранительных органов, хотя в этом случае доступ к личной корреспонденции приобретает более правомерный характер.

О том, что за ним действительно следят, мировое сообщество узнало после передачи бывшим сотрудником ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Эдвардом Сноуденом в июне 2013 г. секретной информации АНБ в газеты The Guardian

Абдулгамидова Д. А.

Алиева А. Б.

1 Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.

2 Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.

3 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. – М., 2010.

4 Там же.

5 Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. – М., 1997.

и The Washington Post. Она касается тотальной слежки американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами многих государств по всему миру при помощи существующих информационных сетей и сетей связи, включая сведения о проекте PRISM, а также X-Keyscore и Tempora⁶. Пожалуй, это наиболее крупномасштабное разоблачение наиболее крупномасштабной и тоталитарной слежки.

Слежки подверглись более миллиарда человек в 60 странах. Эдвард Сноуден раскрыл информацию о программе PRISM, включающей в себя массовую слежку за переговорами американцев и иностранных граждан посредством телефона и Интернета. По его утверждениям, PRISM позволяет Агентству просматривать электронную почту, прослушивать голосовые сообщения и видеочаты, просматривать фотографии, видео, отслеживать пересылаемые файлы, узнавать другие подробности из социальных сетей. В программе PRISM принимают участие Microsoft, Google (GoogleMail), Yahoo!, Facebook, YouTube, Skype, AOL, Apple и Paltalk⁷.

Эдвард Сноуден передал журналистам копию секретного постановления суда FISC от 25 апреля 2013 г. По этому постановлению один из крупнейших американских операторов сотовой связи Verizon обязан ежедневно передавать в АНБ «метаданные» обо всех звонках, сделанных в пределах США, либо между США и другой страной, включающие в себя телефонные номера вызывающего и принимающего абонентов, IMEI телефонов, время и продолжительность разговора, месторасположение вызова. Однако звукозапись самого разговора передаваться не должна. Постановлением запрещалось также всем государственным и частным служащим, причастным к сбору такой информации, раскрывать сам факт существования подобного постановления вплоть до 2038 г. В связи с этим журналисты впоследствии предположили, что подобные постановления могли быть направлены и другим сотовым операторам США⁸.

По его данным, спецслужбы США с 2009 г. незаконно проникали в компьютерные сети восточноазиатской волоконно-оптической сети Pacnet, а также китайских операторов мобильной связи для получения доступа к миллионам SMS. Согласно заявлению гонконгской газеты Sunday Morning Post, он передал в редакцию подтверждающие это документы.

Эдвард Сноуден разгласил сведения о существовании британской программы слежения Tempora. 17 июня газета The Guardian со ссылкой на данные Э. Сноудена сообщила, что спецслужбы Великобритании осуществляли мониторинг компьютеров и перехватывали телефонные звонки иностранных политиков и чиновников, участвовавших в саммите Большой двадцатки в Лондоне в 2009 г. Секретную работу проводили Центр правительственной связи Великобритании и Агентства национальной безопасности США. Кроме того, британские спецслужбы во время саммита перехватывали телефонные переговоры президента России Дмитрия Медведева⁹.

Как говорил Э. Сноуден, это только часть раскрытых секретных документов АНБ. Дальше последовала череда неожиданных разоблачений: электронный шпионаж американских спецслужб АНБ за гражданами Франции, прослушивание телефонных разговоров канцлера Германии — Ангелы Меркель и Президента Бразилии Дилмы Руссефф.

По словам Э. Сноудена, одной из причин, по которой он разгласил служебную тайну, являлось то, что «большинство секретов ЦРУ — про людей, а не про машины и системы; и я не чувствовал бы себя комфортно, разгласив то, что могло бы кому-то повредить»¹⁰. А себя, когда он просил политическое убежище у России, считал правозащитником.

Для Соединённых Штатов Америки, считающих себя одной из демократичных стран, это был сильный удар по репутации. От них, конечно же, требовали объяснений, по которым такая тотальная слежка необходима для безопасности США и остальных

стран от терроризма, преступности и защиты прав самих граждан. Непонятно только одно – для чего прослушивать телефонные разговоры и иметь доступ к сообщениям высокопоставленных чиновников, послов и представителей разных стран, притом что террористические исламские группировки на севере Африки расцветают с размахом и в любой точке Земли может прогреметь взрыв от рук исламистов. Нельзя не заметить и стремления США выйти на первое место в мире по товарообороту, обогнав КНР.

Прослушивание телефонных разговоров, чтение СМС-сообщений – это только часть слежки, другой способ слежки – это программы-шпионы. Издание The Guardian со ссылкой на документы, раскрытые Э. Сноуденом, опубликовало статью о том, как американские и британские разведчики внедряли онлайн-игры для слежки за деятельностью геймеров. В феврале 2014 г. по раскрытым Э. Сноуденом данным программой-шпионом являлась и игра Angry Birds, с помощью которой в АНБ поступала информация о марке устройства, её модель и идентификационный код, а также такие пользовательские данные, как возраст, пол, местоположение и другие данные.

После разоблачений Э. Сноудена о том, что наша конфиденциальность находится под угрозой, говорят открыто (почти в каждом новостном блоке) и без каких-либо возможностей это предотвратить. На самом деле некоторые данные, раскрытые Э. Сноуденом, кажутся явными, но реального их осознания до этих событий не было почти ни у кого. Так, заставляют задумываться совершенно простые бытовые приборы: телевизоры, холодильники, мультиварки и т.д., оснащённые программным обеспечением, видеокамерой, аудиозаписью и возможностью подключаться к Wi-Fi. Разумеется, возникает ощущение, что в таких условиях не может быть никакой речи об информационной конфиденциальности.

Информационная борьба – это в первую очередь борьба государств, т.е. кибервойна. Её цель – выведение из строя компьютерных систем государственных органов страны-противника. В этой области нет никаких норм, правил, санкций, а ущерб неизмеримо велик. Так, существует угроза прекращения существования целых государств, с помощью всего лишь занесения вредоносных программ – вирусов. На практике имелись случаи выведения из строя целых атомных станций, крупных банков и т.д. Компьютерные вирусы стали своеобразным «оружием массового поражения» XXI в., которое в отличие от атомных или водородных бомб, например, требует значительно меньше усилий. На сегодняшний день ответственность за наибольшее количество киберпреступлений лежит на хакерах КНР.

Таким образом, обеспечение тайны личной корреспонденции и информационной безопасности в условиях развивающихся информационных технологий, если говорить прямо, – одна из сложных проблем. А какие-либо нормы конституционных актов, регламентирующие неприкосновенность частной жизни, в этом случае бесполезны. Шагом к приостановлению тотальной слежки, в частности со стороны США, можно было бы назвать подписание В. В. Путиным закона, запрещающего хранение персональных данных граждан РФ на зарубежных серверах. Он вступит в силу 1 сентября 2016 года¹¹.

Пристатейный библиографический список

6 Сноуден, Эдвард [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуден,_Эдвард
7 Там же
8 Сноуден, Эдвард [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуден,_Эдвард
9 Там же.
10 Сноуден, Эдвард [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуден,_Эдвард

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. – М., 2010.
3. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. – М., 1997.
4. Сноуден, Эдвард [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуден,_Эдвард
5. Путин подписал закон о запрете хранить личные данные граждан РФ на зарубежных серверах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-vopros.livejournal.com/5231022.html>

11 Путин подписал закон о запрете хранить личные данные граждан РФ на зарубежных серверах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-vopros.livejournal.com/5231022.html>

Абукарова М. У.

НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ РАДИАЦИОННЫХ И ЯДЕРНО ОПАСНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье оценивается состояние международной нормативной правовой базы, регулирующей отношения, связанные с обеспечением радиационной и ядерной безопасности, а также обзорно проанализирована сама система физической защиты ядерно опасного объекта.

Ключевые слова: ядерно опасный объект, физическая защита ядерно опасного объекта, международное право, радиационная безопасность, ядерный инцидент.

Abukarova M. U.

NATIONAL LEGAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF THE PHYSICAL PROTECTION OF RADIATION AND NUCLEAR HAZARDOUS FACILITIES

The article assesses the state of the international legal and regulatory framework governing the relations related to radiation and nuclear safety, as well as system for the physical protection of nuclear facilities is analyzed.

Keywords: nuclear facilities, physical protection of nuclear facilities, international law, radiation safety, nuclear incident.

Абукарова М. У.

В настоящее время мы часто слышим утверждения специалистов о том, что атомная энергетика и промышленность являются одними из наиболее «чистых» отраслей производства. Но даже если предположить, что это так и есть, при этом нельзя не упомянуть о тех последствиях радиационных аварий и ядерных инцидентов, которые оказываются весьма опасными. Вспомним, к примеру, сильнейшее в истории Японии землетрясение, произошедшее 11 марта 2011 г., которое привело к радиационной аварии на АЭС «Фукусима-1». Ведь это событие, помимо тяжелых последствий для населения и экологии самой Японии, сопряжено с возможными последствиями этой аварии и для окружающих ее стран.

Обеспечению развития и безопасного функционирования атомной энергетике, а также транспортированию радиоактивных материалов для нужд АЭС и подготовке квалифицированных кадров для их обслуживания на международном уровне придается огромное значение, в первую очередь, ввиду их потенциальной опасности для человека и окружающей среды. Следует особо отметить, что изучение правового аспекта обеспечения радиационной безопасности на международном уровне представляет большой интерес и является очень актуальным. Вообще ядерное, или, как иначе его называют, атомное право, составляет самостоятельную отрасль в международном публичном праве. Знакомое всем понятие «ядерная безопасность» представляет собой группу норм, которые направлены на предотвращение угрозы несанкционированного завладения ядерными материалами.

Ещё с конца 40-х, а затем в 50-х годах XX в. крупнейшие государства мира приняли законы о ядерной энергии, которые регламентировали вопросы обращения с ядерными материалами, а также установили нормы сотрудничества с зарубежными странами в этой сфере. По мере того как увеличивается количество расщепляющихся материалов и число обладающих ими стран соответственно возрастает и потенциальная опасность явного или тайного изъятия этих материалов в преступных целях. Эффективные меры борьбы с такой деятельностью являются актуальной задачей всего международного сообщества.

Отметим, что важную роль в осуществлении физической защиты ядерных материалов играет система международных органов, учреждений и организаций, таких как: органы ООН, ряд её специализированных учреждений, региональные организации, а в частности, Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), которое разрабатывает базовые руководящие принципы; принимает стандарты безопасного обращения с ядерными материалами; рекомендации по обеспечению безопасной перевозки ядерных материалов; программы, направленные на развитие и укрепление технического сотрудничества государств в области физической защиты посредством заключения двусторонних и многосторонних договоров. Также следует отметить, что впервые на международном уровне физическая защита ядерных материалов была закреплена в документе МАГАТЭ — «Физическая защита ядерного материала», который по своей юридической природе носил рекомендательный характер. Данный документ не охватывал другие категории ядерных объектов, в этом был его существенный недостаток. Рекомендации МАГАТЭ впоследствии неоднократно пересматривались, а в 1999 г. был проведён тщательный пересмотр положений и требований по физической защите. В результате был принят новый по своему содержанию международный документ, в котором отдельной главой уже предусматривались конкретные рекомендации по предотвращению диверсий в отношении ядерных установок и ядерных материалов при их хранении и использовании. После внесения этих изменений название документа было изменено на «Физическая защита ядерных материалов и ядерных установок».

Таким образом, международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют развитию международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава ООН, поддержанию всеобщего мира и безопасности. Существует более 100 международных договоров и соглашений по данному вопросу, мы затронем лишь некоторые базовые международные соглашения, регулирующие отношения в области радиационной и ядерной безопасности. Важным документом на пути организации международной радиационной и ядерной безопасности является принятие Конвенции об установлении контроля по

соблюдению режима безопасности в области ядерной энергии. Это документ 1957 г.¹ Принята данная конвенция с целью способствовать совершенствованию производства и использования ядерной энергии в странах — членах Организации европейского экономического сотрудничества.

Далее в 1963 г. была принята Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб. Это один из основополагающих международно-правовых документов, определяющих порядок ответственности за ущерб в результате ядерного инцидента на объектах мирного использования атомной энергии.

К ядерному материалу, находящемуся в процессе международной перевозки, применяется Конвенция о физической защите ядерного материала, которая была принята в 1979 г. Конвенцией было установлено, что каждое государство-участник в рамках своего национального законодательства и в соответствии с международным правом принимает должные меры для обеспечения того, чтобы во время международной перевозки ядерный материал, находящийся в пределах его территории: на борту корабля или самолета — защищался на оговоренных в Конвенции условиях.

Хотелось бы затронуть ещё один аспект данного вопроса. Физическая защита ядерно опасного объекта представляет собой одно из звеньев в системе национальной безопасности Российской Федерации. Она обеспечивает недопущение возникновения экологических, военных, внутриполитических, международных, пограничных, экономических и других видов угроз для национальной безопасности государства. Вопрос, поднимаемый в данной статье, очень актуален в связи с нарастающей в обществе активностью агрессивно настроенных группировок или даже индивидуумов самого разного направления. Обусловлена актуальность необходимостью пресечения на ранних стадиях возможных диверсионно-террористических акций и вмешательства в технологический процесс посторонних лиц, да и не только посторонних лиц, здесь речь может идти и о неквалифицированном персонале.

Ядерные материалы представляют большой интерес для террористов. Повреждение ядерной установки, распыление ядерных материалов может иметь непредсказуемые последствия не только внутри государства, но и в мировом масштабе. Диверсия на ядерно опасном объекте — одна из самых опасных угроз человечеству.

Персонал, работающий на ядерно опасных объектах, находится под вооруженной охраной и выполняет режимные требования. Сотрудники подвергаются разного рода проверкам, их работа и перемещения по объекту жёстко контролируются. Но все эти меры оправданы и необходимы. Таким образом, основная цель системы физической защиты — предотвращение диверсии или хищения ядерных материалов.

Естественно, что в Российской Федерации производственная деятельность ядерно опасных объектов на территории страны без обеспечения надежной системы физической защиты ядерных материалов и установок, в том числе и энергетических, запрещена. Физическая защита ядерно-опасного объекта затрагивает коренные интересы граждан и государства. Следовательно, она сама нуждается в нормативно-правовом обеспечении. Требования к системе физической защиты регламен-

тируются, как уже было отмечено выше, международными договорами, а также федеральными законами Российской Федерации, в частности, Законом «Об использовании атомной энергии», прямо или косвенно регулирующим деятельность в области обеспечения физической безопасности ядерно опасного объекта, а также такими федеральными законами, как Закон «Об оружии», Закон «О ведомственной охране», Закон «О безопасности», Закон «О защите государственной тайны», постановлениями Правительства Российской Федерации, межведомственными и отраслевыми нормативными документами: Концепцией построения системы физической защиты ядерных материалов и установок, Правилами физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов в Российской Федерации².

Что же может являться источниками угроз объекту? Таких целый ряд: это могут быть ошибочные или умышленные действия персонала, неисправность, а в ряде случаев отказ оборудования на ядерном объекте, стихийные бедствия, военные действия.

Несомненно, важную роль в современной системе физической защиты любого объекта играет техника. Она не только выполняет важные функции в автоматическом режиме, но и существенно повышает эффективность всей физзащиты. Однако же это не упраздняет тот факт, что для эффективной физической защиты требуется высокая культура всего персонала объекта. Это выражается в понимании важности и необходимости соблюдения требований режима, строгом выполнении этих правил, а также в знании возможных угроз и их последствий.

Пристатейный библиографический список

1. Гусев Н. Г. О предельно допустимых уровнях ионизирующих излучений. — М.: Медгиз, 2011.
2. Лебединский А. В. Влияние ионизирующей радиации на организм. — М.: Знание, 2011.
3. Тутошина Л. М., Петрова И. Д. Радиация и человек. — М.: Знание, 2014.
4. Владимиров В. А., Измалков В. И., Измалков А. В. Оценка риска и управление техногенной безопасностью. — М., 2002.
5. Камаев А. В. Концепция риска и сравнительная оценка воздействия ТЭС и АЭС // Информационный бюллетень «Безопасность. Экология. Радиация». — Обнинск, 1992. — Вып. 2.

¹ Конвенция об установлении контроля по соблюдению режима безопасности в области ядерной энергии (Париж, 20.12.1957), принята постановлением Правительства РФ от 03.04.1996 № 377.

² Гусев Н. Г. О предельно допустимых уровнях ионизирующих излучений. — М.: Медгиз, 2011.

Корниенко О. В., Потапов А. И.
НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ
ОБОРОТА ОРУЖИЯ И ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются меры административного принуждения, применяемые в сфере оборота оружия и частной охранной деятельности, ограничения для приобретения статуса частного охранника. На основе анализа нормативных правовых актов, судебных актов предлагается расширить перечень ограничений для приобретения статуса частного охранника.

Ключевые слова: административное принуждение, оборот оружия, частная охранная деятельность, частный охранник, удостоверение частного охранника, аннулирование лицензии на приобретение и хранение оружия.

Kornienko O. V., Potapov A. I.
SOME MEASURES OF ADMINISTRATIVE COMPULSION IN THE FIREARMS
TRAFFICKING AND PRIVATE SECURITY GUARD ACTIVITY

The article considers the measures of administrative compulsion used in the firearms trafficking and private security guard activity, restrictions for the status of private security guard acquisition. On the basis of analysis of regulatory legal acts, judicial acts, the list of restrictions for the status of private security guard acquisition proposed to be extended.

Keywords: administrative compulsion, firearms trafficking, private security guard activity, private security guard, private security guard's ID, cancellation of firearms acquisition and storage permit.

Принуждение следует рассматривать как метод государственного управления, с помощью которого органы внутренних дел обеспечивают достижение поставленных обществом целей в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Административное принуждение обладает рядом специфических признаков, которые позволяют выделить его в качестве самостоятельного вида государственного принуждения. К ним можно отнести следующие признаки: осуществляется в рамках особых охранительных административно-правовых отношений, складывающихся в сфере государственного управления; используется в процессе реализации задач и функций, возложенных на правоохранительные органы; заключается во внешнем правовом, психическом и физическом воздействии на сознание и поведение людей в форме ограничений (лишений). Административное принуждение применяется в целях создания условий для совершения субъектом тех или иных действий, либо воздержания от них, либо подчинения установленным ограничениям. К характерным чертам административного принуждения относятся строго установленные нормативными правовыми актами основания их применения, а также внесудебный порядок их применения в процессе реализации компетенции.

Меры административного принуждения весьма разнообразны. Они различаются по целям, основаниям и порядку применения, что создает объективные предпосылки для их классификации.

Меры административного принуждения направлены на предупреждение правонарушений или наступления тех или иных неблагоприятных последствий (например, эпидемии); затем, если правонарушение возникло, их цель – пресечь, прекратить его и лишь позднее может появиться необходимость наказания правонарушителя.

В настоящее время основания и порядок применения мер административного принуждения регламентирован многими законодательными и иными нормативными правовыми актами, среди которых, можно выделить Кодекс Российской

Корниенко О. В.

Потапов А. И.

Федерации об административных правонарушениях¹, Федеральный закон «О полиции»² и множество других нормативных правовых актов.

Наиболее распространенным видом административного правового принуждения в сфере оборота оружия является аннулирование лицензий. Лицензия на приобретение оружия и разрешение на хранение или хранение и ношение оружия аннулируются органами, выдавшими эти лицензию и (или) разрешения, в случае добровольного отказа от лицензии и (или) разрешения, либо ликвидации юридического лица, либо смерти собственника оружия; наличия судебного решения о лишении гражданина соответствующего специального права, об аннулировании лицензии и (или) разрешения, возникновении обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии и (или) разрешения³.

Рассмотрим правовой режим выдачи и аннулирования удостоверения частного охранника. В соответствии с Законом Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁴ (далее – Закон Российской Федерации «О част-

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. – 2015. – № 7. – Ст. 1023.

2 Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900. – 2015. – № 7. – Ст. 1021.

3 Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150 (в ред. от 31.12.2014) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.

4 Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 31.12.2014) «О частной детективной и охранной деятельности в

ной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации») удостоверение частного охранника выдается сроком на пять лет, который может продлеваться. Решение об аннулировании принимается должностным лицом подразделения органов внутренних дел.

Удостоверение частного охранника, кроме случая добровольного отказа гражданина, аннулируется также при получении подразделением органа внутренних дел по месту нахождения учетного дела информации о привлечении частного охранника к административной ответственности за административные правонарушения в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ; повторного совершения правонарушений против порядка управления, административных правонарушений, посягающих на институты государственной власти или общественный порядок и общественную безопасность, отказа гражданина от гражданства Российской Федерации и при некоторых других обстоятельствах⁵.

Орган внутренних дел по месту нахождения лицензионного дела организации либо по месту постоянной регистрации частного охранника в случае привлечения его к административной ответственности, предъявления обвинения в совершении преступления, получения иной информации о фактах, которые могут послужить основанием для аннулирования удостоверения или его временного изъятия, незамедлительно уведомляет орган внутренних дел по месту нахождения учетного дела.

При принятии решения об аннулировании удостоверения частного охранника органом внутренних дел в минимально возможные сроки принимаются необходимые меры по его изъятию. Удостоверение подлежит изъятию также в случае получения органом внутренних дел информации о предъявлении его владельцу обвинения в совершении преступления.

Законодатель также установил ограничения для граждан, претендующих на приобретение правового статуса частного охранника. Так, не вправе претендовать на приобретение указанного статуса лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации, не достигшие возраста 18 лет, имеющие судимость за совершение умышленного преступления.

Понятие судимости дано в ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно частям 1 и 6 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью.

Правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что ограничения на приобретение правового статуса частного охранника (получение удостоверения частного охранника) установлены законом в отношении граждан, которые имеют непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления. При этом законом не предусмотрены ограничения для лиц, судимость которых снята или погаше-

на⁶. Поэтому по смыслу п. 5 ст. 11.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» лицо, у которого судимость снята или погашена, вправе претендовать на приобретение статуса частного охранника.

В соответствии с законодательством Российской Федерации охраняемым организациям разрешается оказывать услуги в виде вооруженной охраны имущества в порядке, установленном Правительством Российской Федерации⁷, а также использовать технические и иные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан и окружающей среде, средства оперативной радио- и телефонной связи. Поскольку частная охрана может быть вооруженной, то работники частной охранной организации – частные охранники обязаны иметь соответствующие разрешительные документы: для шестого разряда – документы, подтверждающие право использования оружия и т.д.

Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»⁸ (далее – Федеральный закон «Об оружии») в ст. 13 определяет следующие ограничения для граждан: лицензия на приобретение оружия не выдается гражданам Российской Федерации, имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, либо имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия.

Положения Федерального закона «Об оружии» направлены на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия. Более того, законодатель устанавливает особый режим оборота оружия – в части установления разрешительного порядка его приобретения субъектами, с тем, чтобы не допустить обладания соответствующими видами оружия лицами, для которых в законодательстве установлены ограничения в праве на его приобретение с целью установления гарантий общественной безопасности.

Для этого в законе определен исчерпывающий перечень категорий граждан Российской Федерации, которым лицензия на приобретение оружия не может быть выдана, а выданная – подлежит аннулированию (ч. 20 ст. 13 и п. 3 ч. 1 ст. 26 Федерального закона «Об оружии»). К такой категории относятся вышеназванные граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, либо имеющие снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия.

Применение при совершении преступления оружия признается обстоятельством, отягчающим наказание, а также квалифицирующим признаком отдельных составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголов-

Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2015) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 17. – Ст. 888.

5 Приказ МВД России от 29 сентября 2011 г. № 1039 (ред. от 30.12.2014) «Об утверждении административных регламентов Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственных услуг по выдаче лицензии на частную детективную (сыскную) деятельность, лицензии на частную охранную деятельность и удостоверения частного охранника» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – № 3.

6 Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2014 г. № 95-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коткина Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 11.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Документ опубликован не был.

7 Постановление Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 (ред. от 24.12.2014) «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 506.

8 Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.

ного кодекса Российской Федерации⁹, т.е. во всех случаях оценивается законодателем как представляющее повышенную общественную опасность.

Поскольку на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений, законодатель, минимизируя риски для охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, ограничил доступ к оружию для лиц, имевших судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные с применением оружия, сам факт которых свидетельствует об их повышенной (особой) общественной опасности. Такое ограничение продиктовано обоснованными сомнениями в том, что указанные лица будут использовать оружие сугубо в правомерных целях. Более того, данный запрет в сфере оборота оружия носит бессрочный характер, так как не является для субъекта этих отношений жизненно-важным, являясь адекватной, соразмерной мерой административно-правового принуждения.

Являясь работником охранной организации, осуществляющей вооруженную охрану в соответствии с выданной органами внутренних дел лицензией, частный охранник также должен соответствовать всем требованиям, предъявляемым к нему. А именно, в качестве ограничения должно быть установлено не только отсутствие судимости за совершение умышленного преступления, но и отсутствие неснятой или непогашенной судимости за такое преступление и отсутствие снятой или погашенной судимости за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия – аналогично ограничениям, установленным в Федеральном законе «Об оружии» для граждан, совершивших названные преступления.

Таким образом, предлагается к ограничениям в сфере частной охранной деятельности отнести не только наличие судимости за совершение умышленного преступления, но также наличие неснятой или непогашенной судимости за преступление, совершенное умышленно, либо погашенной судимости за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия, и внести соответствующие дополнения в п. 4 ст. 11.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», тем самым расширив ограничения для лиц, претендующих на приобретение статуса частного охранника.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. – 2015. – № 7. – Ст. 1023.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900. – 2015. – № 7. – Ст. 1021.
3. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 31.12.2014) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2015) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 17. – Ст. 888.

4. Приказ МВД России от 29 сентября 2011 г. № 1039 (ред. от 30.12.2014) «Об утверждении административных регламентов Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственных услуг по выдаче лицензии на частную детективную (сыскную) деятельность, лицензии на частную охранную деятельность и удостоверения частного охранника» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – № 3.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2014 г. № 95-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коткина Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 11.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Документ опубликован не был.
6. Постановление Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 (ред. от 24.12.2014) «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 506.
7. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Российский университет дружбы народов
Кафедра международного права
XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

April 11, 2015 Moscow

Peoples' Friendship University of Russia
Department of International Law
International Congress commemorating
Professor I. Blischenko

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Гордеев Н. С.

О ПРОБЛЕМАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИСТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ» И НАПРАВЛЕНИЯХ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ*

В статье на основе анализа законодательства и правоприменительной практики рассмотрены признаки экстремистских материалов. Обоснована необходимость и выработаны рекомендации по совершенствованию легального определения понятия «экстремистские материалы» с учетом международных актов и положений Стратегии по противодействию экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

Ключевые слова: экстремистские материалы, экстремистская деятельность, публичные призывы, экстремистская идеология.

Gordeev N. S.

ABOUT THE PROBLEMS OF LEGISLATIVE DEFINITION OF THE CONCEPT OF «EXTREMIST MATERIALS» AND THE DIRECTIONS OF ITS IMPROVEMENT

In the article on the basis of the analysis of legislation and law-enforcement practice the features of extremist materials are considered. The need is justified and recommendations are developed to improve legal definition of the concept of extremist materials taking into account the international acts and provisions of Strategy for counter-action to extremism of the Russian Federation till 2025.

Keywords: extremist materials, extremist activity, public appeals, extremist ideology.

Одной из разновидностей экстремистской деятельности, согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон о противодействии экстремистской деятельности), является массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения. Несмотря на принимаемые меры, по-прежнему сохраняется неблагоприятная тенденция к росту данных деяний. В Докладе «О состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению» Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка отметил, что «в 2014 г. выявлено свыше 47 тыс. нарушений в сфере противодействия экстремизму, заявлено 6,5 тыс. исков, в том числе о признании материалов экстремистскими... крайне остро стоит проблема распространения радикальных идей в сети Интернет»¹. По состоянию на 1 июля 2015 г. в Федеральном списке экстремистских материалов (далее – Федеральный список) 2859 пунктов, каждый из которых содержит выдержку из решения суда с перечнем соответствующих информационных источников, за массовое распространение которых, а равно производство либо хранение в целях массового распространения, ст. 20.29 КоАП РФ установлена административная ответственность.

По нашему мнению, одним из проблемных аспектов законодательства о противодействии экстремистской деятельности является отсутствие указания на существенные признаки

экстремистского материала в легальной дефиниции, содержащей достаточно дискуссионные и спорные положения. Данное обстоятельство создает трудности как с практической стороны, так, в большей мере, и для теоретической разработанности самого понятия экстремистского материала.

Во-первых, необходимость совершенствования дефиниции «экстремистские материалы» обусловлена приоритетами политики по противодействию экстремизму в России и ряде зарубежных стран. Так, одной из форм экстремистских проявлений на территории государств – участников СНГ является распространение «общественными объединениями, политическими партиями, религиозными и иными организациями, а также отдельными гражданами идей, доктрин и учений, угрожающих основам конституционного строя, безопасности государства и конституционным правам граждан»². Указанные идеи, доктрины и учения зачастую объективируются в информационных материалах, которые необходимо своевременно выявлять. В п. 27 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года среди основных направлений государственной политики в сфере законодательной деятельности отмечена необходимость совершенствования законодательства, касающегося пресечения производства и распространения экстремистских материалов, а в сфере государственной информационной политики – процедуры ограничения доступа к информационным ресурсам, распространяющим экстремистскую идеологию³.

Гордеев Н. С.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Особенности проявления религиозного экстремизма и основные направления противодействия ему на примере регионов Приволжского федерального округа (Саратовской, Ульяновской областей и Республики Татарстан)», № 14-33-01231.

1 Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 29.04.2015 г. «О состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа: http://www.genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/723904/ (дата обращения: 01.07.2015 г.).

2 Рекомендации по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия экстремизму (приняты в г. Санкт-Петербурге 23.11.2012 Постановлением 38-16 на 38-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – 2013. – № 57 (часть 2). – С. 107–123.

3 См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 05.06.2015 г.).

Во-вторых, в сфере противодействия экстремизму существует проблема рассогласования понятийного аппарата, при совершенствовании которого необходимо принимать во внимание системный характер и многоаспектность проблемы экстремизма, нередко проявляющегося в различных «речевых действиях». Прокурор Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации Ж. Н. Липатова указывает на сложность поиска компромисса «на стыке языка и права», но именно данное обстоятельство, по ее мнению, «приведет к единообразной практике применения законодательства, что должно качественно изменить общество в сторону внутреннего согласия»⁴. Такой «компромисс», на наш взгляд, будет найден только в случае создания универсальной дефиниции экстремистских материалов, содержащей их сущностные признаки. На неточность определения экстремистских материалов обращено внимание в п. 49 Протокола Еврокомиссии «За демократию через право» (Венецианской комиссии) по поводу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», где также подчеркнута, что «отсутствие в Законе ясных критериев оставляет слишком широкий простор для оценок и субъективных толкований как в плане оценки материалов, так и в плане применения соответствующей судебной процедуры»⁵. Таким образом, неясность законодательных формулировок напрямую влияет на эффективность работы по борьбе с экстремизмом и создает предпосылки для их избирательного применения.

В-третьих, в Рекомендациях по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия экстремизму к числу приоритетных направлений совершенствования национального законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия экстремизму относится определение, уточнение и согласование экспертной оценки наличия в деятельности отдельных организаций и физических лиц или распространяемых ими материалах признаков экстремизма⁶. Среди некоторых ученых-лингвистов сложилась точка зрения о том, что при проведении лингвистической экспертизы информационного материала эксперт не может использовать положения законов, содержащие определение каких-либо терминов (например, с компонентом «экстремистский»). В развитие этой мысли отвергается необходимость при проведении лингвистического экспертного исследования ориентироваться на легальные дефиниции. По утверждению М. В. Аблина, эксперт «при анализе языкового материала может идентифицировать отдельные оценочные

высказывания, выражающие неприязненное, враждебное отношение к другим нациям или представителям других религий, а также содержащие призывы к борьбе с ними»⁷. Автор отмечает, что при составлении вопросов при назначении специальных экспертиз (лингвистической, психолингвистической, социально-лингвистической, религиоведческой и др.) по делам о признании информационных материалов экстремистскими «важно не использовать слова и словосочетания из области юриспруденции»⁸.

В абз. 2 п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11) указано, что «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды»⁹. Следует обратить внимание, что данное положение относится к процессуальной стороне деятельности правоприменителя по формулированию вопросов для эксперта и не означает запрет ориентироваться при производстве экспертизы на легальный понятийный аппарат. М. В. Кроз и Н. А. Ратинова считают, что предметом экспертизы при признании материала экстремистским является его смысловая направленность «на разжигание вражды по отношению к той или иной указанной в норме закона группе: расовой, религиозной и пр.»¹⁰. Легальная дефиниция служит своеобразным ориентиром для практика, эксперт же с учетом своих специальных знаний использует критерии оценки информационного материала. Как отметил У. Н. Ахмедов, в делах по признанию информационного материала экстремистским всегда требуется содержательная и юридическая оценка¹¹. Интересна в связи с этим выдержка из экспертного заключения по материалам террористической организации «Хизб ут-Тахрир», приведенная П. В. Агаповым: «Содержание представленных на исследование материалов имеет направленность... на побуждение личности к совершению насильственных действий по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды»¹². Таким образом, очевидно, что эксперты в своих заключениях используют формулировки из Закона о

4 Липатова Ж. Н. Деятельность прокуратуры по пресечению распространения экстремистских материалов как путь к достижению гражданского согласия в обществе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 208.

5 Мнение № 660 / 2011 CDL-AD(2012)016 Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской Комиссии) по поводу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (принято Венецианской комиссией на 91-й пленарной сессии (Венеция, 15–16 июня 2012 года) // Информационно-аналитический центр «Сова». – Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/07/d24899/> (дата обращения: 25.06.2015 г.).

6 Рекомендации по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия экстремизму (приняты в г. Санкт-Петербурге 23.11.2012 Постановлением 38-16 на 38-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2013. – № 57 (часть 2). – С. 107–123.

7 Аблин М. В. Экстремизм и экстремистские материалы в юрислингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 36 (290). Филология. Искусствоведение. – Вып. 72. – С. 7.

8 Аблин М. В. Комплексная экспертиза с участием лингвистов: специфика формулирования вопросов // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 130.

9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.

10 Кроз М. В., Ратинова Н. А. Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности экстремистских материалов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2007. – № 2 (2). – С. 19.

11 См.: Ахмедов У. Н. Назначение и производство судебных экспертиз в ходе расследования преступлений экстремистской направленности / У.Н. Ахмедов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 479.

12 Цит. по: Агапов П. В. О роли судебной экспертизы в процессе доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности

противодействию экстремистской деятельности и Уголовного кодекса РФ, анализируя их лингвистическое выражение.

В настоящий момент, согласно п. 3 ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности, под экстремистскими материалами понимаются «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы»¹³.

Важной особенностью экстремистских материалов является то, что они запрещены для массового распространения и хранения в целях массового распространения. При этом запрет таких материалов может быть трех видов:

1) запрет по решению суда и внесение информационного материала в Федеральный список;

2) досудебный запрет, выразившейся в ограничении доступа к интернет-ресурсу, который также впоследствии судебным решением может быть признан экстремистским и внесен в Федеральный список;

3) запрет в силу закона в отношении материалов, экстремистская направленность которых презюмируется (труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство).

В Законе о противодействии экстремистской деятельности единственный четко обозначенный признак экстремистских материалов указывает на их форму – это «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях». На наш взгляд, главная опасность рассматриваемых материалов заключается в возможности их последующего массового тиражирования (и содержащихся в них идей), что предопределяет установление административной ответственности в ст. 20.29 КоАП РФ и ведение соответствующего Федерального списка.

Как к документу, к экстремистскому материалу применимы следующие критерии:

1) это материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания;

2) имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать.

Возможность идентификации экстремистского материала чрезвычайно важна для эффективного пресечения их распространения. Например, в пп. 449–453 Федерального списка перечислены интернет-сайты, которые были заблокированы по решению органов государственной власти, а следовательно, содержащаяся на них информация не может быть воспроизведена на другом электронном ресурсе. Это делает абсурдным такой способ (по сайту, где была размещена информация)

пополнения Федерального списка, также не реализуется задача по эффективному противодействию распространению экстремистских материалов. Поэтому в любом случае требуется указание на авторство материала, его выходные данные и сведения (например, для книг это место выпуска издания, имя издателя, год выпуска издания, Международный стандартный серийный номер (ISSN), Международный стандартный книжный номер (ISBN) и др.).

К информации «на иных носителях» можно отнести данные различных интернет-сайтов, не все из которых, как было отмечено выше, отображаются в Федеральном списке. Анализируя работу таких ресурсов, как «Кавказ-центр», «Кавказ-монитор» и «Kavkazan Naamash», Т. Литвинова пришла к неутешительному выводу о том, что «в силу одной из особенностей Интернета – бесконтрольности подачи информации – данные нормы (об ответственности. – прим. авт.) в отношении распространителей экстремистских материалов в сети являются практически «беззубыми»¹⁴. В связи с этим Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ¹⁵ в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» введена ст. 15.3, которая регламентирует порядок досудебного ограничения доступа к информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка¹⁶. Сегодня уполномоченными органами (прокуратура, Роскомнадзор) выработан определенный механизм ограничения доступа к интернет-сайтам или их блокировке. Однако широкомасштабность указанной деятельности не позволяет вносить каждый экстремистский сетевой ресурс в Федеральный список. Пожалуй, в этом нет смысла ввиду блокировки доступа к сайтам, а следовательно, невозможности ознакомления с размещенной на них информацией и ее массового распространения.

С учетом изложенного, на наш взгляд, законодательную формулировку «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях» можно заменить на «запрещенные для массового распространения, производства и хранения в целях массового распространения документы». Это позволит в то же время обозначить не подпадающую под действие КоАП РФ сферу использования экстремистских материалов (например, отдельных документов в научных целях).

Дальнейший анализ определения понятия «экстремистские материалы», данного в п. 3 ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности, позволил сделать вывод, что в законе перечислены не признаки, а отдельные разновидности экстремистских материалов, к которым отнесены:

1) документы, содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности;

2) документы, обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления экстремистской деятельности;

3) труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии;

14 Литвинова Т. «Информационный джихад» в сети Интернет // Власть. – 2010. – № 9. – С. 118.

15 Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СЗ РФ. – 30.12.2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6963.

16 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

ности // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 1 (33). – С. 53.

13 Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3031.

4) публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство;

4) документы, оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В Законе Республике Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» в ст. 1 закреплены принципиально иные признаки и разновидности экстремистских материалов, под которыми понимаются печатные издания, кино-, фото-, аудио-, видеопродукция и другие материалы, содержащие идеи экстремизма и сепаратизма, противопоставления людей по национальному или конфессиональному признаку, призывы к насильственному изменению конституционного строя¹⁷. Такая практика, очевидно, противоречит конституционным нормам об исключительном ведении Российской Федерации по вопросам безопасности, но и свидетельствует о важности выработки единого понятия экстремистских материалов, основанного на конкретных свойствах.

В п. 3 ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности не указано то, что информация, содержащаяся в экстремистских материалах, может быть нацелена на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Между тем данный признак является существенным для экстремистской деятельности в целом, провоцируя межнациональную и межрелигиозную рознь. Ярким примером являются такие материалы, как фильм «Невинность мусульман» («Невинность ислама») (признан экстремистским решением Тверского районного суда города Москвы от 01 октября 2012 г.) и видеозаписи выступлений группы «Pussy Riot» (признаны экстремистскими решением Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 29.11.2012), которые не призывают к совершению экстремистской деятельности, но имеют явно провокационный характер и направлены на «возбуждение ненависти либо вражды...».

Другой разновидностью экстремистских материалов являются такие документы, которые содержат призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Под призывами, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11, «следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности»¹⁸. В ст. 280 УК РФ установлена ответственность за публичные призывы к совершению одного из деяний, перечисленных в ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности, что может быть совершено посредством массового распространения информационных материалов. Так, в рамках уголовного дела по обвинению А. Б. Кутузова в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ, была проведена лингвистическая судебная экс-

пертиза листовки с названием «Долой политические репрессии! Ментов к стенке!», которая призывает к насильственным действиям в отношении сотрудников правоохранительных органов¹⁹. Впоследствии данная листовка была признана экстремистским материалом и внесена в Федеральный список под номером 1886. Однако обращение Е. П. Приваловой, обвиняемой по ч. 2 ст. 280 УК РФ, не было внесено в Федеральный список ввиду вышеуказанной практики противодействия распространению экстремистских материалов в сети Интернет. Так, в ходе уголовного дела было установлено, что Е. П. Привалова разместила в свободном доступе в социальной сети обращение к неопределенному кругу лиц, содержащее призывы к экстремистской деятельности, а именно к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, соединенному с насилием и угрозой его применения. В обращении Е. П. Приваловой содержались призывы к совершению поджогов зданий, принадлежащих государству, к изготовлению самодельных взрывных устройств, угрозы применения насилия и угрозы убийства в адрес представителей власти – сотрудников правоохранительных органов и государственного аппарата. О прямом умысле на призывы к экстремистской деятельности свидетельствовало то, что Е. П. Привалова осознавала, что обращение будет доступно для публичного просмотра, обсуждения, копирования и распространения неограниченному кругу лиц, способных при помощи персонального компьютера подключиться к сети Интернет, зарегистрироваться в общедоступной социальной сети и посетить указанную страницу²⁰.

Важно учитывать, что при совершении правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ, у лица должен быть умысел на массовое распространение заведомо экстремистских материалов. «Заведомость» означает, что лицо осознает факт признания информационного материала экстремистским судом и внесения его в Федеральный список, но в то же время оно может быть не осведомлено о содержании материала. А. С. Скудин и Т. В. Евлаш также отмечают, что «...знание лица об экстремистском характере распространяемых (изготавливаемых) им информационных материалов обеспечено законодателем путем опубликования в средствах массовой информации и на официальном сайте Минюста России решения суда о признании такого материала экстремистским... создается презумпция знания противоправного содержания распространяемых (изготавливаемых) текстов»²¹. Если же у лица есть умысел на распространение конкретной информации, содержащейся в указанных материалах, то можно говорить о признаках соответствующего состава преступления. Поэтому целесообразным, на наш взгляд, является исключение из дефиниции «экстремистские материалы» признака о призывах к осуществлению экстремистской деятельности. Массовое тиражирование экстремистских материалов, содержащих такую информацию, является исполнением объективной стороны состава преступления, квалифицируемого в зависимости от

17 Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 г. № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // «Консультант: Региональное законодательство» (по состоянию на июнь 2015 г.).

18 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 04.07.2011. – № 142.

19 Кассационное определение Тюменского областного суда от 28.07.2011 г. [Электронный ресурс] // Росправосудие. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-tyumenskij-oblastnoj-sud-tyumenskaya-oblast-s/act-103572251/> (дата обращения: 02.06.2015 г.).

20 Приговор Мирового судьи Судебного участка № 5 по Ленинскому району г. Уфы от 04.12.2013 г. [Электронный ресурс] // Росправосудие. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-5-po-leninskomu-rajonu-g-ufy-s/act-213575827/> (дата обращения: 02.06.2015 г.).

21 Скудин А. С., Евлаш Т. В. Некоторые аспекты административной ответственности за массовое распространение экстремистских материалов // Вестник Новгородского государственного университета. – № 83. – Ч. 2. – С. 88.

направленности призывов (статьи 280, 280.1, 282, 205.2, 354 УК РФ). При этом изготовление и хранение таких материалов в целях массового распространения можно рассматривать как форму пособничества, выразившегося в «предоставлении информации», необходимой для совершения преступлений.

К экстремистским материалам относят те информационные источники, в которых обосновывается или оправдывается необходимость осуществления экстремистской деятельности, а также практика совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы. «Обоснование» в данном случае предполагает наличие определенной теоретической концепции, которая может быть выражена в экстремистской идеологии, являющейся «основным компонентом, объединяющим членов экстремистских организаций, формирующим характер и направленность их деятельности, а также средством вовлечения в экстремистскую деятельность различных слоев населения»²² (п. 14 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.). Так, например, в ходе расследования уголовного дела о создании экстремистского сообщества было установлено, что «Э. А. Поломошнова... осуществляла деятельность по распространению национал-социалистической идеологии и идеологии движения "скинхедов" среди участников преступного сообщества. С этой целью Э. А. Поломошнова самостоятельно изучала и хранила на своем компьютере... книгу В. А. Истархова "Удар русских богов", журнал "Русский образ", книгу Д. Нестерова "Русь пробуждается", книгу "Энциклопедия третьего рейха", книгу Д. Уэильямса "СС-инструмент террора", книгу Адольфа Гитлера "Моя борьба", печатное издание "Гнев Перуна" в виде журнала Барыкова А.И., материалы "ОСКАЛ", "Моя война", посвященные Боровикову Дмитрию, а также листовки националистического содержания и другую националистическую литературу»²³.

На наш взгляд, в определении экстремистских материалов пункт об оправдании и обосновании экстремистской деятельности, военных преступлений следует изменить с учетом положений Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, в частности, понятия «экстремистская идеология», закрепленного в п. 4. Таким образом, к экстремистским материалам будут отнесены документы, содержащие систему «взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов»²⁴.

В Законе о противодействии экстремистской деятельности имеется прямое указание на то, что экстремистскими признаются следующие материалы: труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии. В данном случае «презюмируется» наличие

в таких трудах положительного отношения к экстремистской деятельности, поэтому необходимость в проведении содержательной экспертизы таких материалов на предмет установления в них признаков экстремизма отсутствует²⁵. Е. И. Галяшина отмечает, что отличительным признаком экстремистских материалов отмеченной группы является идеология фашизма, обосновывающая крайний национализм (шовинизм), доходящий до расизма и в агрессивных проявлениях – до геноцида, пропагандирующая культ силы и устрашения не только так называемых врагов, но практически всего населения, отрицание демократии, либерализма, плюрализма, подавление оппозиции, чистки всего госаппарата, курс на репрессии²⁶. Согласно мнению Еврокомиссии «За демократию через право» (Венецианской комиссии) по поводу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: «Упоминание нацизма и фашизма (в дефиниции «экстремистские материалы» – прим. авт.) оправдано и понятно ввиду исторического опыта России»²⁷. Таким образом, законодательная формулировка экстремистского материала позволяет правоприменителю вносить труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии и фашистской партии Италии в Федеральный список без проведения экспертизы. Например, в ходе Нюрнбергского процесса было доказано, что Альфред Эрнст Розенберг «был назначен Гитлером главой центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания...»²⁸, «играл ведущую роль в распространении национал-социалистических доктрин от имени партии...»²⁹, «...помогал формировать основные положения политики германизации, эксплуатации, насильственного труда, истребления евреев и противников нацистского режима...»³⁰. Очевидно, что все произведения указанного нацистского преступника содержат в себе «штампы» пропаганды и не могут быть массово распространяемы в России. Однако на практике в любом случае требуется решение суда. Так, в Федеральный список внесены книга Альфреда Розенберга «Мемуары» с комментариями Сержа Ланга и Эрнста фон Шенка – Х.: ООО «Див» 2005 г. – 416 стр. (решение Солнцевского районного суда г. Москвы от 15 октября 2012 г.) и его брошюра «Миф XX века» (решение Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 20 августа 2013 г.). Получается, что с момента официальной публикации таких материалов до их запрета прошло около семи лет, что является одним из недостатков антиэкстремистской работы. Следует отметить, что Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 354.1. «Реабилитация нацизма», объективная сторона

22 Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения 05.06.2015 г.).

23 Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 14.08.2013 г. [Электронный ресурс] // Росправосудие. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-vaxitovskij-rajonnyj-sud-g-kazani-respublikata-tatarstan-s/act-451827425/> (дата обращения: 05.06.2015 г.).

24 Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения 05.06.2015 г.).

25 Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2014. – С. 32.

26 Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М., 2006. – С. 35–36.

27 Мнение № 660 / 2011 CDL-AD(2012)016 Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) по поводу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (Принято Венецианской комиссией на 91-й пленарной сессии (Венеция, 15–16 июня 2012 года) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр «Сова». – Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/07/d24899/> (дата обращения: 25.06.2015 г.).

28 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. – Т. 8. – М., 1999. – С. 625.

29 Там же. – С. 574.

30 Там же. – С. 676.

которой включает в себя «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично»³¹. Статья 354.1 УК РФ регламентирует уголовную ответственность за искажение исторических сведений, «пересмотр» решения Международного военного трибунала. Поэтому при признании информационного материала экстремистским по признаку его авторства, осуществлении противодействия распространению трудов руководителей нацистской и фашистской партий считаем также допустимым исходить из фактов, установленных приговором трибунала.

Экстремистскими признаются публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство. Статья 29 Конституции Российской Федерации запрещает пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Как отмечено в книге С. А. Кузнецова и С. М. Оленникова, «несмотря на то, что сами по себе такие высказывания не побуждают к экстремистской деятельности и не оправдывают ее, они объективно могут стать идеологической и политической основой для масштабных нарушений прав человека по признаку расовой или национальной принадлежности»³². В настоящий момент работа по признанию экстремистскими таких публикаций неэффективна и целесообразность включения данного пункта в рассматриваемую дефиницию выглядит сомнительной. На 1 июля 2015 г. экстремистскими признаны только книга «Расология – наука о наследственных качествах людей» под авторством В.Б. Авдеева (решение Ленинского районного суда города Оренбурга от 26 июля 2010 г.) и книга автора Ганса Ф. К. Гюнтера «Избранные работы по расологии» (решение Пресненского районного суда г. Москвы от 27 августа 2012 г.). Между тем в России распространяются книги серии «Библиотека расовой мысли», включающие в себя такие сборники работ отечественных и зарубежных авторов, как «Раса и мировоззрение» (под редакцией В. Б. Авдеева) «Родоведение. Наука о семье» (Ганс Ф. К. Гюнтер), «Философия вождизма», «История английской расологии» и др. В 2014 г. в России переиздана работа Ж. В. де Лапужа «Ариец и его социальная роль» (1899) и опубликована книга современного американского политического деятеля Джаредта Тэйлора «Белое самосознание: расовая идентичность в XXI веке». Поэтому ключевой, на наш взгляд, является необходимость доказывания влияния информационного материала на формирование мотива к совершению преступления в рамках конкретного уголовного дела. Представленные выше труды посвящены вопросам рас, межрасовых отношений и других относящихся к расовому вопросу тем, однако подразумевают существование и значимость расовых категорий не всегда в иерархическом порядке или с позиций политического или идеологического превосходства. Это скорее альтернативная точка зрения на прошлые и современные социальные проблемы (преимущественно зарубежные), чем «идеологическая платформа» экстремизма. Как справедливо указано в работе А. И. Долговой, А. Я. Гуськова, Е. Г. Чуганова применительно к различным сведениям исторического, политического, антропологического или иного характера, касающимся какой-либо этнической или конфессиональной группы,

«наказуемым является распространение ложных, искаженных, необъективно подобранных данных»³³. Данное утверждение исходит из того, что определенные данные могут быть недостоверны вследствие недостаточной квалификации исследователя, между тем наказуемо их искажение, имеющее целью обосновать превосходство или неполноценность граждан по признаку принадлежности к какой-либо расе, национальности, религии, социальной группе, оправдывающие необходимость враждебного, ненавистнического отношения к людям.

На наш взгляд, к экстремистским материалам относятся официальные материалы запрещенных судом организаций, в том числе периодические издания, а также книги и брошюры их руководителей. К этой категории экстремистских материалов следует отнести так называемые «террористические материалы», которые отличаются только по содержанию – в них содержатся призывы к террористической деятельности³⁴. В ст. 13 первоначальной редакции Закона о противодействии экстремистской деятельности был установлен запрет на издание и распространение официальных материалов экстремистских организаций, однако впоследствии данный признак был исключен и не отражен в легальной дефиниции экстремистских материалов. В Федеральный список включено около 60 выпусков журнала «Аль-Ваъй», выпускаемого по настоящее время террористической организацией Хизб ут-Тахрир. В таких периодических изданиях, как правило, объективирована идеология, которая сплачивает членов экстремистских сообществ и организаций, поэтому ситуативное реагирование на каждый материал, на наш взгляд, малоэффективно. Логичным было бы налагать судебный запрет на издательскую деятельность признанных экстремистскими или террористическими организаций, что позволит пресекать распространение любых публикаций указанных структур, в том числе в сети Интернет.

Итак, несомненно, существуют пробелы в правовом регулировании деятельности по противодействию распространению экстремистских материалов. При этом важно понимать, какую значимую роль играет законодательное закрепление единого, общего понятия экстремистских материалов, основанного на их существенных признаках. С учетом вышеизложенного, по нашему мнению, следует закрепить в Законе о противодействии экстремистской деятельности следующую дефиницию экстремистских материалов: «запрещенные для массового распространения, производства и хранения в целях массового распространения документы, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, а также содержащие взгляды и идеи, представляющие насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, издания экстремистских и террористических организаций». Указанная дефиниция поможет конкретизировать меры противодействия распространению экстремистской и террористической идеологии, которые обозначены одними из приоритетных в Стратегии противодействия экстремистской деятельности до 2025 года.

33 Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Е. Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М., Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. – С. 173.

34 См.: Башкатов Л. Н., Беляев А. Е., Игнатев А. А., Изюитко С. И., Устинков А. В. Основные проблемы уголовно-правовой оценки проявления экстремизма и терроризма // Право и безопасность. – 2007. – № 3-4 (24-25) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (дата обращения: 22.06.2015 г.).

31 Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 12.05.2014. – № 19. – Ст. 2333.

32 Кузнецов С. А., Оленников С. М. Указ. соч. – С. 33.

Пристатейный библиографический список

1. Аблин М. В. Экстремизм и экстремистские материалы в юрислингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 36 (290). Филология. Искусствоведение. – Вып. 72.
2. Аблин М. В. Комплексная экспертиза с участием лингвистов: специфика формулирования вопросов // Уголовное право. – 2013. – № 1.
3. Агапов П. В. О роли судебной экспертизы в процессе доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 1 (33).
4. Ахмедов У. Н. Назначение и производство судебных экспертиз в ходе расследования преступлений экстремистской направленности // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2010. – № 1.
5. Башкатов Л. Н., Беляев А. Е., Игнатъев А. А., Изоитко С. И., Устинков А. В. Основные проблемы уголовно-правовой оценки проявлений экстремизма и терроризма // Право и безопасность. – 2007. – № 3–4 (24–25) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (дата обращения 22.06.2015 г.).
6. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006.
7. Долгова А. И., Гуськов А. Я., Чуганов Е. Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010.
8. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности экстремистских материалов / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2007. – № 2 (2).
9. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом В. Ема, 2014.
10. Липатова Ж. Н. Деятельность прокуратуры по пресечению распространения экстремистских материалов как путь к достижению гражданского согласия в обществе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3.
11. Литвинова Т. «Информационный джихад» в сети Интернет // Власть. – 2010. – № 9.
12. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. – М.: Юридическая литература, 1987–1999. – Т. 8. – М.: Юридическая литература, 1999.
13. Скудин А. С., Евлаш Т. В. Некоторые аспекты административной ответственности за массовое распространение экстремистских материалов // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – № 83. – Ч. 2.

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
 ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ
 ДВУСТОРОННИЕ

ИНТЕРЭКОПРАВО
 Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
 E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh
 ДВУСТОРОННИЕ
 ПРИРОДООХРАННЫЕ
 СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ
 BILATERAL
 ENVIRONMENTAL
 AGREEMENTS OF RUSSIA
 INTERECOLAW

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

Журавленко Н. И., Михайлова Я. С.

МЕТОДИКИ ПОСТРОЕНИЯ ГИПОТЕЗ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Актуальность выбранной области исследований заключается в настоятельной необходимости разрешения проблемы поддержания достаточной степени экономической защищенности хозяйствующих субъектов. Одной из главных проблем в области обеспечения экономической безопасности является поиск способов выявления, предотвращения и расследования преступлений экономической направленности. Наиболее остро эта проблема проявляется при реализации оперативно-розыскной деятельности в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Грамотно выстроенные гипотезы при осуществлении оперативно-розыскного прогнозирования способны достоверно отображать современные преступные схемы, своевременно выявлять и предотвращать осуществление экономических преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскное прогнозирование, экономические преступления.

Zhuravlenko N. I., Mikhailova Ya. S.

METHODS OF CONSTRUCTING HYPOTHESES IN THE EXERCISE OF INVESTIGATIVE FORECASTING OF ECONOMIC CRIMES

The relevance of the chosen study area is urgent necessity to resolve the problem of maintaining a sufficient degree of economic security of business entities. One of the main problems in the field of economic security is the search for methods of identification, prevention and investigation of economic crimes. This problem manifests itself the most urgently in the implementation of operative-search activity in the sphere of fight against economic crimes. Well-built hypothesis in the exercise of investigative predict may faithfully reflect modern criminal schemes, and timely detect and prevent the execution of economic crimes.

Keywords: operational search forecasting, economic crimes.

Как известно, произошедший постиндустриальный прорыв человечества позволил ему шагнуть на несколько технологических вех вперед в сравнении с уровнем технологического развития, казалось бы, не столь уж далеких времен – за несколько поколений до тех, которые живут в современности. В противовес этому образовался пласт технологий, деморализующих современное общество, и даже больше – подвергающих его постоянной опасности. Технологии подобного характера позволили совершать преступления различной направленности в ногу со временем. В первую очередь это относится к экономическим преступлениям, по своей сути наиболее изощренным, как показывает мировая историческая практика. Субъекты, обеспечивающие экономическую безопасность на всех уровнях (начиная от деятельности малого бизнеса и заканчивая денежным обращением целых государств), ежедневно распознают и пресекают известные ранее и вновь созданные противостоящей криминальной стороной угрозы экономической направленности. Однако, общая природа экономических преступлений, хоть она и претерпела некоторые изменения, в целом осталась прежней – как явление она также имеет свои циклы и время жизни. В данном случае подобное явление, как отторгающееся от общепринятого и законного хода событий, может быть рассмотрено как некоторая критическая субстанция, которая на языке математики поддается расчетам с помощью моделей теории катастроф и теории риска.

Исследуя проблемы информационно-аналитического обеспечения объектов, обеспечивающих экономическую безопасность, можно констатировать, что на фоне бурного развития технологий добывания, обработки и анализа информации в нашей стране практически отсутствуют профессионально организованные исследования, призванные дать фундаментальные научные основы планомерного перехода на новый технологический уровень. В частности, это касается автоматизации построения высокоточных прогнозных моделей, способных отслеживать финансовые потоки. Дело в том, что использование даже самых совершенных методов идентификации, диагностики и прогнозирования противоправных

Журавленко Н. И.

Михайлова Я. С.

деяний экономического характера не позволяет сформулировать однозначные выводы по исследуемой проблеме (за исключением описания отдельных цепочек событий, зачастую, не раскрывающих целостную картину событий)¹. Это, в свою очередь, создает сложности в получении конкретных численных результатов для дальнейшего описания деятельности криминальных структур посредством различных математических методов и моделей, что, в конечном итоге, затрудняет процесс дальнейшего оперативно-розыскного прогнозирования.

Возможность достижения более существенных результатов может быть обеспечена рассмотрением «горизонта» прогнозируемых событий посредством интерпретации полученных результатов в интервалах значений «от» и «до», а также прибегая к методу исключения. Отталкиваясь от предположения, что не существует универсальной математической модели, позволяющей точно предсказать совершение определенных действий, следует использовать математическое описание этих действий посредством обобщенной модели, позволяющей производить предварительные расчеты в разнообразных измерительных системах и последующем переводить полученные результаты на язык модели. Как уже было отмечено, экономические преступления могут быть рассмотрены как некоторая критическая субстанция в моделях теории катастроф и теории рисков, которые, в свою очередь, соответствуют задаче математического описания.

Однако с целью достижения прозрачности механизма использования таких моделей необходимо обратиться к самой сути процесса информационного обеспечения аналитическо-

1 Правовое, техническое и аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями: монография. В 4 т. Т.4. Аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. / Даукаев И. М., Журавленко Н. И., Халиков А. Н., Яковец Е. Н. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 345.

го прогнозирования в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Существует принципиальная возможность выделения из многообразия явлений объективной действительности фактов и материальных объектов, содержащих сведения, необходимые для поиска оперативно значимой информации². А одной из приоритетных задач ОРД является организация информационного и аналитического поиска. Следует отметить, что аналитический поиск позволяет решать на порядок более сложные задачи. Главное его отличие от информационного поиска заключается в том, что помимо обычного получения в информационной среде данных и сведений, он направлен на получение новых знаний об анализируемом объекте или явлении на основании аналитической обработки добытой информации и сведений об известных фактах³.

Как известно, любое отражение признаков изучаемого объекта, каким бы полным оно ни было, воспроизводит не всю их систему, а лишь некоторые из них. Важнейшей задачей аналитического поиска как раз и является установление скрытых, не заметных на первый взгляд процессов, связанных с латентным изменением тех или иных свойств исследуемых объектов. Через определенное количество итераций иногда становится возможным установить между различными объектами цепочку опосредованных связей. Причем в некоторых случаях сами эти объекты (случайные свидетели, соучастники преступлений, криминальные группировки и др.) и не подозревают об их существовании⁴.

При осуществлении аналитического поиска крайне важным является выявление и изучение характерных признаков объектов, предназначенных для идентификационных, диагностических и прогностических исследований. Это необходимо для выдвижения гипотезы, призванной посредством применения специальных методик дать оценку состояния объектов в прошлом, настоящем и будущем. Методики выведения гипотезы на основе математических расчетов предполагают использование автоматизированных логико-аналитических систем, с помощью которых решаются следующие задачи:

- 1) выделение нескольких возможных схем совершения преступления;
- 2) расчеты уровня достоверности информации;
- 3) расчеты непредсказуемости или определенности поведения подозреваемого;
- 4) выводы о потенциальных уязвимостях противоборствующих сторон (в ходе совершения преступления);
- 5) выводы о возможном поведении подозреваемого при допросе;
- 7) выводы о возможных замещениях информационных пустот, образованных вследствие введения неполного объема информации в систему (в случае присутствия таковых);
- 8) определение методов разграничения обрабатываемых данных;
- 9) поиск соответствующих видов анализа информации относительно обозначенного объекта исследования;
- 10) создание многоуровневой структуры логического сочетания различных видов операций системы на основе их информационной сопоставимости.

Системы такого характера подразумевают три основных этапа работы:

- 1) исходя из анализа одного лица;
- 2) исходя из анализа нескольких лиц одновременно с учетом подозрения на существование организованной преступной группировки;
- 3) исходя из анализа сложных структур организованной преступности.

По функциональному содержанию они могут представлять собой следующие четыре взаимосвязанных раздела.

1. Анализ криминологических и криминалистических признаков потенциально возможного преступления и личности подозреваемого, включающий следующие данные:

- реагирование на проверки всевозможных органов;
- психологический портрет, физиологический портрет;
- реагирование на среду, в которой оказалось лицо.

2. Анализ микро- и макросреды, включающий:

– оценку макросреды, под влиянием которой находится подозреваемый с учетом потенциальных мотивов совершения им противоправного деяния;

– оценку микросреды, под влиянием которой находится подозреваемый с учетом потенциальных мотивов совершения им противоправного деяния;

– оценка взаимосвязей микро- и макросреды.

3. Анализ экономической информации, включающий:

– анализ ошибок криминогенного характера в финансовой отчетности;

– анализ «ошибок» в иной области, непосредственно касающейся цели работы систем (к примеру, задолженность физическим или юридическим лицам);

– экономический анализ состава и структуры имущественного комплекса хозяйствующего субъекта (к деятельности которого подозреваемый имеет непосредственное отношение), оценка его нематериальных и зарубежных активов.

4. Анализ законности ранее совершенных деяний:

– действия противоправного характера, совершаемые лицом в прошлом (от незначительных нарушений до уголовно наказуемых проступков), их повторяемость (рецидив);

– подозрение на совершение преступлений в сфере экономики и прочих сопутствующих сферах. С учетом этого в базу статистики вводятся всевозможные сочетания экономических преступлений с иными преступлениями различного характера.

– всевозможные правонарушения за весь период существования объекта (например, определенного бизнеса), к деятельности которого подозреваемый имеет непосредственное отношение.

Анализ перечисленных вопросов невозможен без применения математических моделей и методов. Изначально, моделями могут служить знаковые образы какого-либо вида: схемы, графики, чертежи, формулы, графы, слова и предложения, использующие алфавиты естественных или искусственных языков (в частности, языков программирования). Основным направлением знакового моделирования являются математические (логико-математические) методы моделирования, осуществляемые средствами языка математики и логики⁵. В конкретном случае, таких как регрессионный и факторный анализ, корреляционный анализ, формулы Хартли и Шеннона, теории игр, теории нечетких множеств, системно-логического и информационно-логического подходов и многих других. Обращаясь к результатам работы логико-аналитических систем, следует отметить, что главной задачей является задание спектра значений, позволяющих вывести гипотезу (или группы гипотез), построенную на использовании перечисленных методов и моделей. Зачастую на практике они не отождествляют и не противопоставляют себя друг другу. Однако, выведение наиболее точного спектра показателей может быть получено на основе принципа исключения менее точных показателей и сопоставления или сопряжения выходных данных с целью дальнейшего создания общей модели. Иными словами, используемые методы анализа системы должны содержать в своей основе способность поиска информационной сопоставимости различных видов операций логико-аналитической системы, проводимых над данными, на основе выявления максимального количества возможных способов их измерения и анализа (с учетом соответствия характера измерений и видов анализа относительно обозначенной области исследования).

2 Овчинский С. С. Оперативно -розыскная информация. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 139.

3 Там же. – С. 328.

4 Правовое, техническое и аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями: монография. В 4 т. Т.4. Аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. / Даукаев И. М., Журавленко Н. И., Халиков А. Н., Яковец Е. Н. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 341.

5 Овчинский А. С. Информационные технологии в органах внутренних дел: монография. – М.: Московский университет МВД России, 2010. – С. 171.

В последующем это даст возможность исключения «информационного шума», фильтрации «фоновой информации» и логического исключения менее точных (или же вовсе неверных) версий. «Информационный шум» в данном случае подразумевает несущественные для работы систем данные, образующиеся в процессе криминологического анализа. Суть в том, что исходной информацией служит не только само сообщение о замышляемом, подготавливаемом или совершенном преступлении, но также и знание оперативной обстановки, на основе которого становится возможной пространственная и временная корреляция информационных сообщений. А она не всегда приводит к точным выводам и появляется «шум» – образование избыточной для данного случая информации⁶. «Фоновая информация» в отличие от информационного шума более существенна и представляет собой общий свод данных, каким-либо образом связанный с деятельностью объекта или с самим объектом и обычно содержит оперативно-значимую информацию. «Фоновая информация может служить и необходимым источником информационных ресурсов, если удастся выявить связи, на первый взгляд, в несвязанных обстоятельствах, что в свою очередь может сыграть решающую роль в оперативной работе или следственной деятельности»⁷. Если же обратиться к пониманию самого смысла метода исключения или сопряжения выходных данных систем, то он предполагает единую «опорную» модель или теорию (дополнительно к нескольким формализованным выводам, обычно существующим на практике). «Статистические данные лишь описывают явление, в сущности которого должна проникнуть соответствующая наука»⁸. В данном случае можно предположить, что сам процесс совершения противоправного деяния изначально может рассматриваться как некоторая критическая субстанция в разрезе общей совокупности законных деяний. Она может задаваться различными параметрами с помощью моделей теории катастроф Рене Тома и расчетов теории рисков.

Определение термина «катастрофа» в данном случае можно дать следующим образом – «это скачкообразное изменение, возникающее в виде внезапного ответа системы на плавное изменение внешних условий»⁹. Различные науки (от физики до экономики и социологии) еще накапливают аналитические средства, которые позволили бы им справиться с подобным скачкообразным поведением. При этом следует отметить, что использование теории катастроф при анализе деятельности экономических систем пока еще не дало значимых результатов. Исходя из результатов проведенного нами исследования можно сделать вывод, что это связано с рассмотрением в моделях абсолютно всей совокупности событий, а не отдельных, взятых за основу, критических областей, в частности – экономических преступлений.

Еще одной дополнительной «опорной» моделью может послужить теория рисков, позволяющая рассмотреть сценарии жизни экономических систем, возможность причинения вреда, наступления опасного события, его неопределенность и повторяемость, а также задать параметры причиняемых ущербов и многое другое. В целом, стандартный методический аппарат анализа рисков использует практически полный набор методов и моделей, схожих с применяемыми при анализе в логико-аналитических системах. Достижение относительной точности результатов при использовании обеих теорий применительно к выводам гипотез также подкрепляется возможностью рассмотрения горизонтов прогнозируемых событий в «интервальном» характере значений («от и до»).

Существенной проблемой при выводе гипотез могут стать «информационные пустоты», образующиеся в результате недостаточности данных, вводимых изначально «оператором» для обработки логико-аналитическими системами или же об-

разующиеся в следствие невозможности получения результатов на стадии использования каких-либо методов или моделей. Пробелы, или информационные пустоты, могут быть ликвидированы за счет использования расчетов непредсказуемости и определенности поведения подозреваемого: в зависимости от того, насколько непредсказуемо и определенно поведение подозреваемого и какова интеллектуальность уровня потенциально совершаемого им преступления предполагается вывод о том, какой тип данных статистики может подойти для подобного случая (пусть и не дающим однозначных показателей, но тем не менее предполагающих направленность действий). Это связано с тем, что в случае существования схожих целей люди выбирают всего несколько вариантов развития событий (как намеренно так и неосознанно) и следуют им. В науке этот принцип называется «функциональный подход», «принцип эквививальности», F-подход, «принцип черного ящика» и т.п.

Так, простым примером могут послужить выделяемые социально-психологические типы налоговых преступников, среди которых образно разграничены четыре группы:

1. «лисы» – часто становятся творцами грандиозных налоговых афер, тонко просчитывают стратегию и тактику правоохранительных органов;
2. «буиволы» – действуют прямолинейно и верят в свою безнаказанность;
3. «гиены» – широко тиражируют уже известные методы и формы преступлений;
4. «зайцы» – совершают преступления под большим страхом и в случаях, когда становится очевидна возможность избежать наказания¹⁰.

Ликвидация информационных пустот также должна быть ориентирована на возможность определения причастности подозреваемых к процессу совершения преступления или совокупности преступлений. С этой целью также предполагается замещение информационных пробелов статистической информацией указанного характера, в случае, если подобная существует (для этого предварительно создается соответствующая база данных).

Аналитическое обеспечение оперативно-розыскного прогнозирования – это если и не главная, то одна из основных составляющих ОРД, значимость которой с развитием информационных технологий и появлением новых механизмов совершения преступлений экономического характера неуклонно возрастает. Из этого следует сделать вывод, что постоянное совершенствование методов оперативно-розыскного прогнозирования и эффективное использование этих методов в деятельности оперативно-розыскных подразделений и охранных структур позволит обеспечить необходимый уровень экономической безопасности различных хозяйствующих объектов.

Пристатейный библиографический список

- Алауханов Е. О. Налоговые преступления: учебное пособие. – Алматы: Нур-пресс, 2008. – 172 с.
- Арнольд В.И. Теория катастроф. 3-е изд. доп. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
- Дружинин Н. К. Основные математико-статистические методы в экономических исследованиях. – М.: Статистика, 1968. – 248 с.
- Овчинский А. С. Информационные технологии в органах внутренних дел: монография. – М.: Московский университет МВД России, 2010. – 346 с.
- Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 367 с.
- Правовое, техническое и аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности по борьбе с коррупционными преступлениями: монография. В 4 т. Т.4. Аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. / Даукаев И. М., Журавленко Н. И., Халиков А. Н., Яковец Е. Н. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 490 с.

6 Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 163.

7 Овчинский А. С. Информационные технологии в органах внутренних дел: монография. – М.: Московский университет МВД России, 2010. – С. 16.

8 Дружинин Н. К. Основные математико-статистические методы в экономических исследованиях. – М.: Статистика, 1968. – С. 98.

9 Арнольд В. И. Теория катастроф. 3-е изд. доп. – М.: Наука, 1990. – С. 8.

10 Алауханов Е. О. Налоговые преступления: учебное пособие. – Алматы: Нур-пресс, 2008. – С. 57-59.

Лавренюк Н. М.

РЕСУРСЫ ОТРАСЛИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН*

В статье рассматривается текущее состояние образования региона, анализируется динамика его ресурсов по видам в сравнении с 2005 годом. Характеризуется размещение материальных, нематериальных и человеческих ресурсов по муниципальным образованиям на основе данных отраслевой, региональной и муниципальной статистики. Делаются выводы о характере размещения ресурсов и перспективах их использования для социально-экономического развития Башкортостана.

Ключевые слова: ресурсы отрасли образования, развитие потенциала населения республики.

Lavrenuk N. M.

EDUCATION RESOURCES AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN POPULATION*

The article examines the current state of education in the region, analyzes the dynamics of its resources by types in comparison with 2005. Characteristic is given to the placement of tangible, intangible and human resources for the municipalities on the basis of sectoral, regional and municipal statistics. Conclusions are made about the nature of the allocation of resources and prospects of their utilization for socio-economic development of Bashkortostan.

Keywords: resources of the education sector, the development potential of the population of the Republic.

Лавренюк Н.М.

В Концепции развития образования Российской Федерации до 2020 года определено, что модернизация системы образования является необходимым условием для формирования инновационной экономики для динамического экономического роста и социального развития общества, фактором благополучия граждан и безопасности страны. Система образования Республики Башкортостан достаточно развита. Она представлена всеми уровнями образования от дошкольного до аспирантуры. Однако остается открытым вопрос о том, является ли достаточной ресурсная база отрасли образования для формирования инновационной экономики?

Ресурсы для осуществления образовательной деятельности в республике можно дифференцировать на следующие виды:

- материальные (финансовые, инфраструктурные, материально-технические);
- нематериальные (инновационные; культурно-образовательные; институциональные, репутационные);
- человеческие (демографические, трудовые).

В приведенной ниже таблице, демонстрируется рост нематериальных ресурсов отрасли образования и сокращение матери-

альных и человеческих ресурсов. Отчасти это характерно для модернизации систем образования в развитых странах мира. Текущее состояние можно охарактеризовать по следующим видам ресурсов.

Финансовые ресурсы. Расходы в бюджете региона на образование являются одной из основных статей, увеличиваются из года в год. Структура расходов показывает перенос акцентов в развитии отрасли образования на дошкольное и средне-специальное образование, на реализацию молодежной политики и оздоровление детей. Снижение расходов происходит в высшем и послевузовском образовании, в научно-исследовательских работах в области образования.

Материально-технические ресурсы. Материально-техническая база образования РБ находится в целом, в удовлетворительном состоянии, но есть учреждения ДООУ и СОШ, требующие капитального ремонта. Износу и сокращению подвержены как образовательные помещения, так и студенческие общежития. Фонд общежитий высших учебных заведений региона не обновлялся с середины прошлого века. Площадь учебно-лабораторных зданий государственной формы собственности в системе среднего профессионального образования незначительно уве-

Таблица. Состояние основных ресурсов отрасли образования Республики Башкортостан в сравнении с 2005 годом

Вид ресурса	2005 г.	2013 г.	Динамика
1. Материальные:			
1.1 инфраструктурные:			
- общее число учреждений образования (единиц):	5294	3317	-
1.2 финансовые:			
- объем платных услуг образования (млн. рублей);	4732,3	18666,3	+
- расходы консолидированного бюджета на образование (млн. рублей)	16230,8	52549,0	+
2. Нематериальные:			
2.1 инновационные:			
- число персональных компьютеров в расчете на 100 обучающихся в учреждениях общего полного государственного образования (ед.)	3,0	13,1	+
- общее число персональных компьютеров в расчете на 1000 обучающихся (ед.)	(-)	568	+
2.2 репутационные:			
- сальдо образовательной миграции:	-	-	-
3. Человеческие:			
3.1 трудовые:			
- число занятых в образовании (тыс. человек);	203,0	168,9	-
3.2 социально-демографические			
- общий контингент учащихся (тыс. человек)	983,1	890,6	-

Источник: Образование и культура в Республике Башкортостан: Статистический сборник – Уфа: Башкортостанстат, 2014 г.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 14-13-02021 «Человеческий капитал Башкортостана: перспективы накопления и реализации» на 2014-2015 годы.

личилась за счет сокращения площадей негосударственных учреждений. В системе высшего профессионального образования с 2005 г. произошло незначительное сокращение.

Нематериальные ресурсы. Согласно результатам государственных федеральных и региональных программ, в республике растет число и качество использования информационных технологий и электронных средств обучения в образовании. Однако до сих пор не все персональные компьютеры в системе профессионального, включая высшее образование в государственных и в негосударственных вузах имеют доступ к сети Интернет. В 2013 г. только каждый пятый студент государственных вузов и каждый второй – негосударственных был обеспечен персональным компьютером в учебных целях.

Трудовые ресурсы. Занятость в системе образования Башкортостана характеризуется ростом численности работников дошкольных образовательных учреждений, сокращением учителей, мастеров производственного обучения и преподавателей подготовки кадров рабочей квалификации, специалистов среднего уровня и профессорско-преподавательского состава вузов. Такие изменения связаны с сокращением контингента обучающихся. Эта тенденция в среднесрочной перспективе будет иной, что приведет к необходимости дополнительного найма учителей и преподавателей. В настоящее время сокращение ведет к ухудшению материального положения большинства работников образования высокой квалификации.

Заработная плата занятых в отрасли образования традиционно ниже среднего ее значения по региону. По этой причине, в числе прочих, отрасли традиционно заняты женщины. Объективные демографические процессы (снижение числа школьников на 16,2% с 2005 по 2013 годы) и субъективные причины (оптимизация числа школ, их сокращение за этот период на 52,2%) не привлекательны для выпускников педагогических направлений профессиональной подготовки, которые не стремятся к трудовому дебюту по профессии. Это приводит к старению кадров, к неэффективному расходованию бюджетных средств на подготовку новых специалистов. Такое положение дел не стимулирует инновационное развитие как самой отрасли, так и ее экономической отдачи.

Размещение ресурсов отрасли образования по муниципальным образованиям. За 2005–2014 годы в муниципальных образованиях происходили аналогичные процессы для отрасли образования республики в целом.

Несмотря на общероссийскую установку на 100%-й охват детей дошкольного возраста услугами ДООУ в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г., число самостоятельных дошкольных учреждений снизилось в сельских муниципальных образованиях (МО) и примерно на том же уровне осталось в городских МО. Наиболее высока доля детей в возрасте 1-6 лет, получающих услуги ДООУ в общей численности детей в этом возрасте была в 2013 г.¹ в таких МО, как г. Кумертау – 86,1%, г. Нефтекамск – 82,8%, г. Салават – 77,1%. Проблемы с вовлечением детей в процесс получения дошкольного образования наблюдаются в МО: Еремеевский район – 40,1%, Стерлитамакский район – 47%, Бурзянский район – 50,3%, Нуримановский район – 52%, Кутарчинский район – 52,3%.

Среднее значение показателя «Доля муниципальных дошкольных образовательных учреждений, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем числе МДООУ» по РБ составила 7,08% (2013 г.). Наихудшие значения по этому показателю имеют Уфимский район – 50,3%, Бурзянский район – 45,0%, Белокатайский район – 40,0%, Дуванский район – 36,0%. В 32 МО нет таких ДООУ.

В системе общего образования за период 2005–2013 гг. более, чем в 2 раза сократилось число общеобразовательных учреждений (ООУ) при сокращении числа обучающихся в них на 16,3%. В сельских муниципальных образованиях по объективным социально-демографическим причинам и по субъективным, «оптимизация», произошло значительное сокращение школ. При этом высока доля детей, обучающихся во вторую смену, в ряде сельских МО. В городских МО изменения

незначительны в связи с заполненностью классов и обучением в 2–3 смены во всех городских округах (ГО), кроме г. Агидель.

Развитие человеческого капитала основано на инвестициях в него. Расчетное среднее значение показателя «Расходы бюджета муниципального образования на общее образование в расчете на 1 обучающегося в муниципальных общеобразовательных учреждениях» в 2013 г. составили в среднем по региону 63,9 тыс. рублей. Наибольшее значение показателя «Расходы бюджета муниципального образования на общее образование в расчете на 1 обучающегося в муниципальных общеобразовательных учреждениях» отмечено в муниципальных образованиях Белокатайский район – 112,2 тыс. рублей, Нуримановский район – 85,96 тыс. рублей, Федоровский район – 85 тыс. рублей, Зианчуринский район – 83,11 тыс. рублей, Краснокамский район – 82,7 тыс. рублей. Наименьшее значение показателя отмечается в муниципальных образованиях Белорецкий район – 9,59 тыс. рублей, г. Стерлитамак – 35,4 тыс. рублей, г. Уфа – 35,5 тыс. рублей, г. Салават – 38,1 тыс. рублей, г. Сибай – 41,2 тыс. рублей. Разница в инвестициях на одного ученика составила 10 раз, что повлечет неравное качество получаемого образования.

До принятия нового ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 29 декабря 2012 г. самым доступным видом профессионального образования на муниципальном уровне было начальное профессиональное образование. По состоянию на начало 2013 г. в РБ 87 дневных учреждений осуществляли подготовку рабочих кадров по образовательным программам НПО с республиканским финансированием. 46 подведомственных профессиональных училищ и лицеев расположены в сельской местности, соответственно, 41 – в городских МО. В 2012 г. обучение проводилось по 84 профессиям для отраслей промышленности, строительства, транспорта, АПК, бытового и сервисного обслуживания и ЖКХ. Ежегодно по профессии трудоустроиваются чуть более 70% выпускников. В 2012 г. 1,8% – предоставлено свободное трудоустройство. Это говорит о хороших возможностях для получения начальной рабочей квалификации в сельской местности. Экономическая отдача от этого уровня в городских МО минимальная. Выпускники учебных заведений профессиональной подготовки рабочей квалификации испытывают и будут испытывать большие трудности в конкурентоспособности на рынке труда с выпускниками ссузов соответствующих направлений подготовки.

Таким образом, ресурсная база образования региона сильно дифференцирована по муниципальным образованиям, особенно в разрезе городских и сельских поселений. Это снижает доступность образования для населения и ограничивает его возможности для развития своего потенциала.

Образование является основой для создания отличительных конкурентных преимуществ социально-экономического развития. Его доступность определяет широту возможностей для включения жителей в процессы экономической, политической, социокультурной и других видов жизнедеятельности. Чем более образованное население, тем больше у него шансов прожить качественную, долгую жизнь, а у Башкортостана – для процветания и занятия лидерских позиций. Поэтому необходимо сбалансированное развитие отрасли с выделением точек роста на муниципальном и региональном уровнях. Можно сделать вывод, что образование республики, несмотря на высокий потенциал, не в полной мере ориентировано на инновационное развитие экономики и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Концепция развития образования в Российской Федерации до 2020 года.
2. Лавренко Н.М. Развитие интеллектуально-инновационного потенциала регионального сообщества в Башкортостане: Монография. – Уфа: Аэтерна, 2015. – 174 с.
3. Образование и культура в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2014. 96 с.
4. Уровень образования населения Республики Башкортостан по данным ВПН-2010: Статистический сборник. В 2-х ч. Ч.1. - Уфа: Башкортостанстат, 2013. - С. 52-53

1 Здесь и далее, если не оговорено, приведены данные электронной базы статистики по муниципальным образованиям Республики Башкортостан.

Носкова Ю. Б.

О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ОПЫТЕ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДИКИ «ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА» ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЕМИНАРСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

В статье рассматривается образовательная методика проведения семинарского и практического занятия «Юридическая клиника». Методика «Юридическая клиника» является одним из важнейших комплексных инновационных инструментов реализации образовательной программы подготовки практико-ориентированных специалистов органов внутренних дел, позволяющих обеспечить получение обучающимися профессиональных навыков и компетенций, соответствующих современным требованиям, предъявляемыми к их профессиональной деятельности. Образовательная методика «Юридическая клиника» включает в себя интерактивные методы обучения, позволяющие приобрести обучающимся практические навыки, которые необходимы им, чтобы стать компетентными специалистами.

Ключевые слова: образовательная методика «Юридическая клиника», образовательный процесс, профессиональные умения и навыки, компетентностный подход, интерактивные методы обучения.

Носкова Ю. Б.

Noskova Yu. B.

ABOUT POSITIVE EXPERIENCE OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS WITH USE OF A "LEGAL CLINIC" INNOVATIVE TECHNIQUE WHEN CARRYING OUT A SEMINAR AND PRACTICAL TRAINING

In article the educational technique of "Legal clinic" seminar and practical training is considered. The "Legal clinic" technique is one of the most important complex innovative instruments of realization of an educational program of training of the practice-oriented specialists of the law-enforcement bodies allowing to provide trainees with the professional skills and competences conforming to modern requirements to their professional activity. The educational technique "Legal clinic" includes the interactive methods of training allowing trainees to get practical skills which are necessary for them to become competent experts.

Keywords: educational technique "Legal clinic", educational process, professional skills, competence-based approach, interactive methods of training.

В образовательной практике ставятся разнообразные цели, решаются задачи с использованием различных методов, методик или технологий. Это объясняется тем обстоятельством, что для достижения данной цели можно использовать разные технологии, методы или приемы, средства, применение которых может дать неодинаковый эффект, потребует значительных временных, духовных или материальных ресурсов.

Методика выступает организующим началом в построении профессионально-педагогической деятельности преподавателя. Методика описывается без учета механизмов и закономерностей, лежащих в основе достижения цели с ее помощью. Тогда как педагогическая технология основывается на прогностическом знании о механизмах получения желаемого результата. Основанием появления новой методики является обобщение положительного инновационного практического опыта преподавателя¹. Образовательная методика «Юридическая клиника» отражает опыт профессорско-преподавательского состава кафедры гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России, являясь достоянием педагогического мастерства отдельных преподавателей и творчества в решении определенных практических задач. Необходимо отметить, что эффективность данной методики зависит от степени ее технологичности, т.е. способности вызвать требуемый, желаемый, запланированный педагогический результат.

Методика проведения семинарского и практического занятия «Юридическая клиника» обладает такими требованиями, как системность, управляемость, воспроизведение действий.

Юридическая клиника является одним из важнейших комплексных инновационных инструментов реализации образовательной программы подготовки практико-ориентированных специалистов органов внутренних дел, позволяющих обеспечить получение обучающимися профессиональных навыков и компетенций, соответствующих современным требованиям, предъявляемыми к их профессиональной деятельности. Она предусматривает обучение практическим навыкам и профессиональному отношению, прикладной работе. Развитие юридического клинического образования связано с развитием и внедрением инновационных технологий преподавания в рамках традиционных форм и методов учебно-воспитательного процесса в вузах.

Развитие у обучающихся профессиональных умений и навыков специалиста требует от профессорско-преподавательского состава, использующего методику клиники, применения широкого спектра современных образовательных технологий, смещающих акценты на формирование у обучающихся компетенций, которые можно определить через понятия «готовность» и «способность», приобщающих обучающихся к профессиональной деятельности. Преподаватель, применяющий методику проведения практических занятий «Юридическая клиника», должен соответствовать следующим требованиям: 1) достаточный уровень теоретической подготовки; 2) владение преподавательским мастерством; 3) опыт практической работы; 4) владение интерактивными методами преподавания². При этом преподаватель, использующий данную методику, не воздействует прямо на обучающегося, а

1 Современные образовательные технологии: Учеб. пособие / Под ред. Н. В. Бордовского. – М., 2010.

2 Нарутто С. В. Образовательные технологии в юридической клинике // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 7. – С. 908.

создает условия для того, чтобы обучающийся выступал субъектом собственной деятельности, сам становился носителем активности выявления проблемы и поиском ее решения. Основной целью образовательной методики «Юридическая клиника» является организация обучения обучающихся навыкам практической деятельности для формирования способностей применения полученных знаний, умений и личностных качеств для успешной профессиональной деятельности.

Опыт организации учебного процесса по дисциплинам кафедры гражданско-правовых дисциплин с использованием инновационной образовательной методики «Юридическая клиника» можно назвать положительным на основании результатов, которые демонстрируются обучающимися. Так, проведение занятий с использованием указанной методики позволяет активизировать познавательную деятельность и получение практических навыков в рамках темы занятия, повысить уровень усвоения теоретических знаний, в результате чего улучшились результаты текущей успеваемости.

С использованием данной методики на кафедре проводилось семинарское занятие по гражданскому праву по теме «Общие положения о договоре». Обучающиеся, заранее получившие кейс-задание, определяли роли сторон договора, договаривались о существенных и иных условиях, а также обращались за консультацией к специалистам, которыми выступали обучающиеся группы. После чего с использованием СПС «Гарант» и «Консультант» обучающиеся давали мотивировочные заключения. Роль преподавателя состояла в указании правильного направления, чтобы верно были квалифицированы предложенные казусы, кейс-задания, правильно подобраны и применены нормы права. Наиболее полно реализовать педагогический и компетентностный потенциал с применением методики «Юридическая клиника» позволяет кейс-метод. В итоге проведения такого занятия у обучающихся: повысилась мотивация к учебному процессу, в результате чего обучающиеся овладели навыками анализа ситуаций, отработали умения работы с информацией, научились моделировать решения данных ситуаций в соответствии с кейс-заданием, приняли правильное решение на основе группового анализа ситуации, приобрели навыки четкого и точного изложения собственной точки зрения, выработали навыки критического оценивания различных точек зрения, осуществления самоанализа, самоконтроля и самооценки. Использование данной методики в рамках учебного занятия позволяет организовать практическую работу обучающихся, создать необходимые предпосылки для адаптации обучающихся к условиям современной юридической практики.

На учебном занятии с использованием методики «Юридическая клиника» могут присутствовать работники практических органов, которые курируют работу обучающихся в процессе учебного занятия. Такое обучение формирует и развивает у обучающихся коммуникативные навыки, а также этико-профессиональные качества, воспитывает ценностные установки приоритета права и защиты прав человека и гражданина. Обучающиеся получают возможность самостоятельно оформлять документальные обращения в различные судебные, административные и иные властные органы. В рамках учебного занятия с применением образовательной методики «Юридическая клиника», а также самостоятельной подготовки обучающиеся осуществляют работу в форме подготовки материалов информационного характера о правах граждан, порядке их реализации и защиты.

Основная схема работы юридической клиники предполагает следующую последовательность: обучение, практическая деятельность, анализ работы.

Образовательная методика «Юридическая клиника», включающая в себя интерактивные методы обучения, позволяет приобрести обучающимся практические навыки, которые необходимы им, чтобы стать компетентными специалистами. Подобного рода образовательная методика используется кафедрой гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России с целью закрепления обучающимися теоретических знаний и приобретения ими практического опыта. Методика «Юридическая клиника» позволила кафедре гражданско-правовых дисциплин в полном объеме использовать на занятиях по учебным дисциплинам кафедры интерактивные методы обучения. Так, профессорско-преподавательский состав кафедры при использовании на занятиях образовательной методики «Юридическая клиника» применяет разнообразные интерактивные методы. Наиболее яркими можно выделить кейс-метод (case study), ролевые игры, имитации, дискуссии, творческие задания, комментирование, демонстрации, составление правовых заключений, тренинги, мини-конференции, приглашения специалистов, имеющих большой опыт практической работы, работу в малых группах, моделирование практических ситуаций и т.д. Разумеется, интерактивные методы могут применяться и на обычных практических занятиях, проводимых преподавателями кафедры. Но в этом случае их применение носит, как правило, разовый характер, в то время как использование образовательной методики «Юридическая клиника» обеспечивает комплексное и систематическое применение интерактивных методов, что повышает эффективность образовательного процесса. Таким образом, кафедра гражданско-правовых дисциплин, используя образовательную методику «Юридическая клиника», преследует цель – готовить специалистов, востребованных органами внутренних дел в настоящее время. Сегодня актуальность подготовки специалистов, способных применять полученные знания на практике, эффективно выполнять свои должностные обязанности в соответствии с полученной квалификацией, неизмеримо возрастает.

Проведение занятий с использованием образовательной методики «Юридическая клиника» как одного из комплексных инновационных инструментов реализации образовательной программы подготовки практико-ориентированных специалистов органов внутренних дел, нацелено на формирование у обучающихся профессиональных навыков и компетенций, соответствующих современным требованиям, предъявляемым к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Пристатейный библиографический список

1. Современные образовательные технологии: Учеб. пособие / Под ред. Н. В. Бордовского. – М., 2010.
2. Нарутто С. В. Образовательные технологии в юридической клинике // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 7.

Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю.
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ
БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В ПОСТИНТЕРНАТНЫЙ ПЕРИОД
(СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье, на основе исследований, направленных на выявление социально-психологических проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период в Республике Башкортостан, представлены основные проблемы социализации данной категории молодежи и представлены пути решения этих проблем.

Ключевые слова: социализация; дети-сирот и дети, оставшихся без попечения родителей.

Bondarenko A. V., Lukiyanov M. Yu.
THE PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN
LEFT WITHOUT PARENTAL CARE, BOARDING PERIOD (SOCIO-LEGAL ASPECT)

The article, based on studies aimed at identifying the socio-psychological problems of children-orphans and children left without parental care, boarding period in the Republic of Bashkortostan, the basic problem of socialization of this category of young people and presents solutions to these problems.

Keywords: socialization; children-orphans and children left without parental care.

Адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является важной и актуальной темой. В 2010 году в российских детских домах находилось 49250 детей¹. Таким образом, проблема адаптации затрагивает судьбу нескольких десятков тысяч детей, которые в будущем должны пройти социализацию в обществе.

Детский дом представляет собой достаточно замкнутое социальное пространство со своим социальным микроклиматом. Учеба, отдых, досуг строго регламентированы. Все вопросы, связанные с внешними контактами решаются администрацией детских домов.

Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» устанавливает социальные гарантии для этой категории молодежи, а именно: бесплатно предоставляемое жилье по договору социального найма; бесплатное обучение в средних и высших учебных заведениях; дополнительные трудовые гарантии; право на бесплатное медицинское обслуживание и право на бесплатную юридическую помощь². Наиболее важные статьи закона, существенно помогающие адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – право на бесплатно предоставляемое жилье и обучение.

Институтом социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан совместно с Республиканским центром социально-психологической помощи семье, детям, молодежи были проведены 2 исследования, направленные на выявление социально-психологических проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период в Республике Башкортостан. Первое исследование проводилось методом анкетирования среди 149 учащихся 9 классов и 26 учащихся 10-11 классов в детских домах. Второе исследование проводилось путем фокус-групп. В фокус-группы были приглашены учащиеся средних и высших профессиональных учебных

заведений. В данной статье рассматриваются проблемы адаптации старшей группы воспитанников детских домов (10-11 класс) и студентов высших учебных заведений – выпускников детских домов после 11 класса.

В ходе социологического опроса были выявлены некоторые параметры социального самочувствия воспитанников детских домов: удовлетворенность материальным положением, жилищными условиями, возможностями для отдыха и развлечений, возможностями для занятий спортом и физкультурой, кругом общения.

Удовлетворенность своим материальным положением среди воспитанников детских домов характеризуется следующим образом: 47,6 % вполне удовлетворены своим материальным положением, это самая большая группа (таблица 1). После выпуска из детского дома воспитанники, как правило, получают стипендию в ВУЗе, социальные пособия.

Таблица 1. Удовлетворены Вы или не удовлетворены в настоящее время материальным положением?, %

вполне удовлетворён	47,6
частично удовлетворён	25,0
не удовлетворён	10,7
не могу сказать	16,7

Большая часть воспитанников детских домов довольна жилищными условиями (таблица 2).

Таблица 2. Удовлетворены Вы или не удовлетворены в настоящее время жилищными условиями?, %

вполне удовлетворён	71,6
частично удовлетворён	14,8
не удовлетворён	4,1
не могу сказать	9,5

Бондаренко А. В.

Лукиянов М. Ю.

1 Государственный комитет по статистике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr2.htm

2 Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Возможностями для спорта также удовлетворены большинство респондентов (Таблица 3).

Таблица 3. Удовлетворены Вы или не удовлетворены в настоящее время возможностями для занятий спортом и физкультурой?, %

вполне удовлетворён	76,0
частично удовлетворён	15,2
не удовлетворён	2,3
не могу сказать	6,4

Условия для отдыха и развлечений также, по мнению воспитанников, вполне хорошие (Таблица 4).

Таблица 4. Удовлетворены Вы или не удовлетворены в настоящее время возможностями для отдыха, развлечений?, %

вполне удовлетворён	67,5
частично удовлетворён	21,3
не удовлетворён	6,5
не могу сказать	4,7

По психологическому типу воспитанники детских домов больше экстраверты – 77,1 % ответивших «много общаются, имеют много друзей» (Таблица 5).

Таблица 5. Каков у Вас круг общения?, %

Я мало с кем общаюсь, друзей почти нет	5,7
Общаюсь с узким кругом друзей	17,1
Много общаюсь, имею много друзей	77,1

Таким образом, социологический опрос показал, что в детских домах созданы все условия для успешной социализации личности в будущем. Следующий блок вопросов затрагивал различные социальные аспекты уже постинтернатного периода жизни выпускников детских домов. Ряд вопросов был посвящен осведомленности воспитанников детских домов о своих правах (Таблица 6).

Таблица 6. Как Вы считаете, Вы хорошо знаете, что-то слышали или Вы не знаете о следующих правах детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей?, %

	Хорошо знаю	Что-то слышал	Не знаю
Право на бесплатное профессиональное образование	92,3	3,8	3,8
Право на получение жилья	69,2	26,9	3,8
Право на пособие по безработице в размере средней заработной платы в регион	30,8	42,3	26,9
Право на бесплатное медицинское обслуживание и оперативное лечение	50,0	30,8	19,2
Право на бесплатный проезд	42,3	19,2	38,5
Право на бесплатную юридическую помощь	42,3	34,6	23,1

Как видно из таблицы 6, более всего учащиеся старших классов осведомлены о своем праве на бесплатное профессиональное образование и праве на получение жилья и, в

меньшей степени, о бесплатной медицинской помощи. Такое распределение ответов объяснимо – после выхода из детского дома возникает вопрос о дальнейшем образовании и проживании, а бесплатная медицинская помощь гарантирована государством каждому гражданину РФ. Несмотря на, в целом, хорошее знание о своих правах, вызывает беспокойство отсутствие системных знаний о некоторых сторонах жизнедеятельности человека.

Выпускники детских домов осознают трудности, которые им предстоят в будущем и успешно их преодолевают. Приведем мнение участников фокус групп, которые обучаются в ВУЗе: «... для меня, когда я в детском доме жила, там за нами смотрели, было белье, еда, хорошая одежда, хорошее питание, за нами смотрели воспитатели. А сейчас, выйдя за пределы детского дома, ты сама себе хозяйин, должна сама на ноги встать, поставить какую-то цель, что надо учиться, получить профессию, образование, сдать экзамены, и чтобы все в дальнейшем хорошо было. Чтоб ты не оставалась на полпути. Сейчас (после выписки из детского дома) за нами смотрели, но мы понимаем, что не всегда будут так смотреть. В дальнейшем мы тоже должны также за детьми своими смотреть», «... в первый день было немного страшно как-то, плакать хотелось после выпуска из детского дома, мы скучали... но это в первые дни. Потом это все прошло, привыкли». Учащиеся средних профессиональных учебных заведений имеют схожее мнение: «Раскачка нужна. Чтобы было от чего оттолкнуться. Надо с самого мало-го чего-то начать и затем выше и выше подниматься».

Отметим, что выпускники детских домов, которые находились в ограниченном пространстве детского дома, практически сразу начинают «взрослую» жизнь, должны самостоятельно обустроить свой быт в предоставленных квартирах или общежитии.

Ряд вопросов исследования был посвящен перспективам будущего трудоустройства воспитанников детских домов. Воспитанники вполне осознанно смотрят на возможности трудоустройства – 55,2 % уже знают свою будущую профессию, 41,4 % выбирают между рядом профессий, и только 3,4 % пока не задумывались над этим вопросом (таблица 7). Среди участников фокус-групп было представлено множество специальностей – ландшафтный дизайн, экономика, журналистика и т.д. Большинство выпускников не имело проблем с поступлением в ВУЗ. Трудностей в учебе выпускники детских домов, как правило, не испытывают, но некоторые сложности в адаптации присутствуют. Мнение участника фокус-группы: «У меня единственное – никак не могу время распределить правильно. То ложусь поздно, то чем-то другим занимаюсь. Трудно пока привыкнуть к такому распорядку дня». Среди поступающих в училище после 9 класса, в некоторых случаях были трудности с поступлением и определением будущей профессии – 1 участник фокус группы смог поступить только в третий по счету колледж, нередки случаи, когда выпускники после 9 класса сразу не поступали в выбранное ими учебное заведение.

Таблица 7. Знаете ли Вы, чем хотите заняться в будущем, какую профессию получить?, %

Да, знаю	55,2
Пока выбираю между несколькими профессиями	41,4
Не особо задумывался над этим	3,4

Выбор профессии отчасти коррелируется с общей уверенностью в жизни – 59,6 % определившихся с будущей профессией уверены в завтрашнем дне (таблица 8).

Таблица 8. Корреляция между чувством уверенности и выбором будущей профессии, %

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?, %					
		Скорее уверен(а)	Скорее не уверен(а)	Затрудняюсь ответить	
Знаете ли Вы, чем хотите заниматься в будущем, какую профессию получить?, %	Да, знаю	59,6	52,2	35,5	54,2
	Пока выбираю между несколькими профессиями	39,5	39,1	54,8	42,3
	Не особо задумывался над этим	0,9	8,7	9,7	3,6
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0

Результаты фокус группы показали, что учащимся средних профессиональных заведений проще найти работу по специальности – потенциальные работодатели сами предлагают производственную практику учащимся. Студенты ВУЗов такой возможности не имеют, но часто пытаются устроиться на работу, пусть даже не по специальности. Мнение участника фокус группы: «Я ходила устраиваться в Макдональдс там анкету заполнила. Там уже с 16 лет можно подрабатывать, я с подружкой пришла, анкету заполнила и мне сказали, что через 2 недели мне позвонят. Вот я жду, мне еще не позвонили. С 16 лет же всем можно работать! А мне говорят, ты несовершеннолетняя, мы тебе через две недели позвоним и еще не позвонили». Если свободное время учащихся колледжей нередко занято производственной практикой, либо работой по специальности, то студенты ВУЗов больше занимаются личными делами – ведут домашнее хозяйство, читают, проводят время в Интернете, занимаются самообразованием.

В силу специфики обращения с личными документами воспитанников детских домов, выпускники детских домов не имели возможности ознакомиться со своими документами – все юридические вопросы решали социальные педагоги.

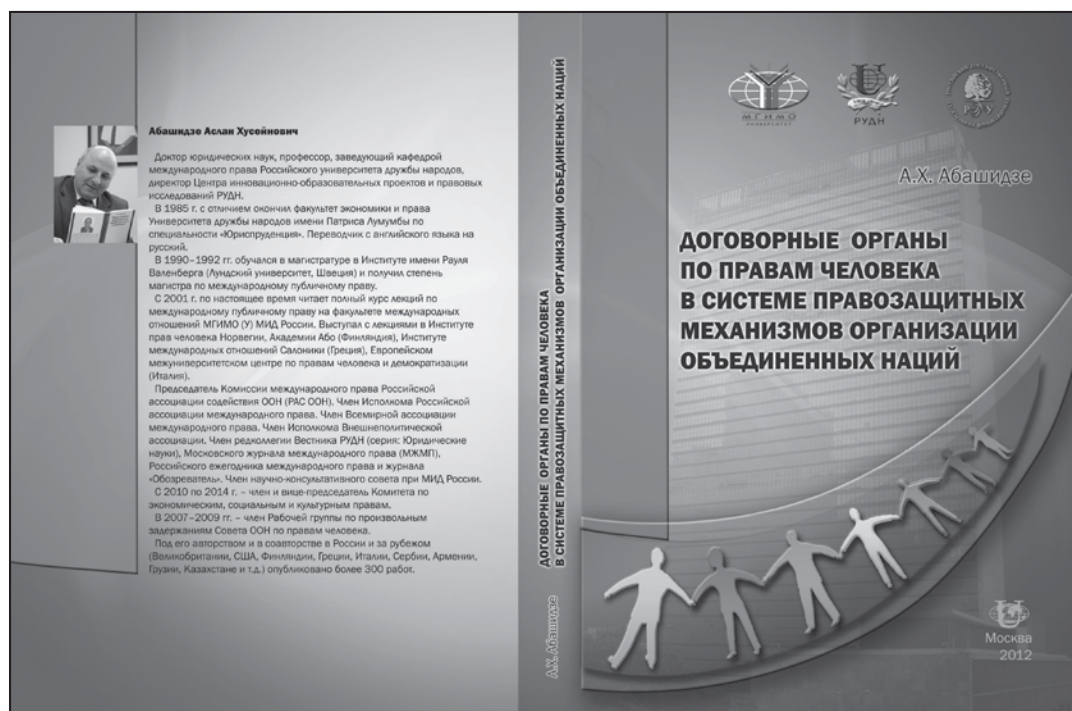
Мнение участника фокус-группы: «... Мы вообще с документами своими дел никогда не имели. Нам в детском доме не разрешается с документами своими что-то делать. Это все социальные педагоги делали... Мы даже не знали, как выглядят наши документы, ИНН, прочие».

В данной ситуации представляется целесообразным, начиная с 8 класса проводить ознакомление учеников с юридическими вопросами (начиная с ознакомления со своими документами, их функциями и т.д. и заканчивая занятиями по правовым вопросам).

Если в семье социализация ребенка проходит под контролем родителей и к определенному времени (к 8 или 11 классу) ребенок в большинстве случаев продолжает жить в семье, то выпускник детского дома покидает замкнутую социальную среду (детский дом) и становится полноправным членом большого социума. Исследование фокус-групп выпускников показало, что большинство испытывало страх перед неизведанным «большим» миром. Поэтому, обучение быту, самостоятельности, юридической грамотности были бы хорошими инструментами для социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».
2. Государственный комитет по статистике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr2.htm

Алиева А. Б.

ЗАЩИТА НОРМ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА

Статья посвящена актуальной проблеме современного общества – защите норм социального права. Ведь на протяжении многих веков, чтобы жить в обществе, люди выработывали определенные правила. Эти правила были разнообразны: они касались вопросов взаимоотношений в семье, в кругу друзей и знакомых, поведения в общественном месте, на работе и т. д. Последние нормы оказывают особенно большое воздействие на жизнь общества.

Ключевые слова: защита норм социального права, правила, механизм, функция, мера, средство, режим.

Alieva A. B.

PROTECTION OF SOCIAL RIGHTS REGULATIONS

The article is devoted to the topical problem of modern society – the protection of social rights norms. After all, for many centuries, to live in society, people have developed certain rules. These rules were different: they were concerned with issues of relationships in the family, circle of friends and acquaintances, behaviour in a public place, at work, etc. Recent standards have a particularly large impact on society.

Keywords: protection of social rights norms, rules, mechanism, function, measure, means, mode.

Алиева А. Б.

Социальные нормы, включая в себя и нормы права, обеспечивают целесообразное и гармоничное развитие общества. Социальные нормы – это правила, регулирующие поведение людей и деятельность организаций в их взаимоотношениях, они выражают устойчивые связи и отношения, возникающие в социальной деятельности людей, их общении с природой.

Признаки и виды социальных норм

Они являются правилами поведения людей, определяют образцы поведения, указывают, какими должны быть поступки.

Это правила поведения общего характера, т.е. их требования относятся не к отдельному лицу, а ко многим. Это не только общие, но и обязательные правила, которые обеспечиваются сознанием их необходимости, общественным мнением, а то и принуждением со стороны государства.

Все социальные нормы подразделяются по способам их создания, установления, а также по средствам охраны их от нарушений. Выделяются следующие виды социальных норм.

1. Нормы права, устанавливаемые государством или вырабатываемые самим обществом и обеспечиваемые также и государственным принуждением.

2. Нормы морали (нравственности), более непосредственно связанные с представлениями о добре и зле и обеспечиваемые главным образом внутренним убеждением индивида, а также общественным мнением.

3. Нормы общественных организаций: правила, уставы и др.

4. Нормы обычаев возникают в силу многократного повторения поступков одного и того же рода.

5. Нормы традиций: семейные, профессиональные, военные и др.

6. Нормы ритуалов: национальные праздники, бракосочетания, встречи государственных деятелей и др., их красочность и театрализованность.

По содержанию различают социальные нормы: политические, технические, трудовые, нормы семейного права, культуры, религиозные нормы и др.

Все социальные нормы в их совокупности и взаимосвязи называются правилами человеческого общежития.

По отраслевому признаку различают правоотношения: конституционные; административные; гражданские; уголовные; и т.п.

По степени определенности участников существуют правоотношения: относительные и абсолютные.

В абсолютных правоотношениях одна сторона – носитель субъективного права, точно определена, например, собственник имущества, а на другой стороне – неопределенное множество лиц, каждое из которых обязано воздерживаться от нарушений прав собственника.

Относительные правоотношения – это такие, в которых стороны не могут быть конкретно (поименно) названы, например, сделки, в которых могут участвовать любые лица, обладающие правосубъектностью.

Объективное и субъективное право

Понятие правоотношения предусматривает еще две важнейшие правовые категории – объективное и субъективное право.

Объективное право – это общие, обязательные для всех правила поведения, существующие независимо от индивида и распространяющие свое действие на все подпадающие под них случаи и на всех индивидов.

Субъективное право, напротив, принадлежит конкретному лицу, определяя меру его возможного поведения.

Между объективным и субъективным правом существует тесная связь. Субъективные юридические права (а также и обязанности) возникают на основе норм объективного права. Например, гражданин имеет право на льготу по налогам в силу того, что такая льгота предусмотрена в нормах налогового права. В то же время объективное право не может быть реализовано помимо субъективного права, прав и обязанностей конкретных лиц.

Право социальной защиты необходимо отделять от других отраслей права, в частности трудового, административного, гражданского. Характерной чертой предмета права социальной защиты является комплекс отношений материального, процедурного и процессуального характера, возникающие в связи с организацией и непосредственным предоставлением социальных выплат и услуг – как комплекса государственных

мер по защите населения от последствий социальных рисков. Этот комплекс отношений характеризуется единством, системностью, а их правовое регулирование осуществляется с помощью комплексного юридического метода.

В наше время в системе национального права право социальной защиты, по нашему мнению, включено в комплексную интегрированную правовую структуру социального права. Социальное право стало предметом научного анализа еще в начале XX в., хотя феномен социального права по-разному трактовался, а в этот срок вкладывалось разное содержание. Леон Дюги в работе «Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства» (СПб., 1909) пишет, что все индивиды обязаны подчиняться социальной норме, поскольку они – суть существа социальные. Эта социальная норма, как бы ее ни называли и ни обосновывали, безусловно существует, не может не существовать, поскольку без нее не было бы общества. Социальная норма основывается на факте социальной солидарности как факте взаимной зависимости, которая соединяет в силу общности потребностей и разделения труда, членов рода человеческого, и в частности, членов одной социальной группы. Зато Дюги отличает эту социальную норму от концепции естественного права, которое является концепцией права идеального, абсолютного, истинного, приближаться к которому люди должны все больше и больше. Дюги превозносит, превышает социальное право (положительное) в отличие от человеческих прав (врожденных), которые, как он считает, осуществили негативную миссию, поскольку сразу обнаружили свою антисоциальную природу, всегда стремясь освящать индивидуальность. Известный немецкий юрист Горькое разделял всю систему права на две части: индивидуальное и социальное право. В основу социального права Горькое положил осознание человеком себя как члена общественного целого. Анализ современных научных источников приводит к выводу, что зарубежные и отечественные исследователи понимают социальные права в следующих значениях: как комплексную отрасль права, как самостоятельную отрасль права, как единую правовую общность.

Слово «норма» происходит от латинского «*norma*», что означает правило, образец, стандарт. На протяжении многих веков, чтобы жить в обществе, люди вырабатывали определенные правила. Эти правила были разнообразны: они касались вопросов взаимоотношений в семье, в кругу друзей и знакомых, поведения в общественном месте, на работе и т.д.

Все созданные людьми правила можно условно разделить на две группы.

Первую группу составляют правила наиболее рационального обращения людей с орудиями труда и природными ресурсами. Они получили название технических норм, т.е. таких правил, выполнение которых помогает человеку безвредно использовать в своей деятельности достижения техники, работать с естественными (природными) и искусственными объектами. Примерами технических норм могут служить правила выполнения определенных строительных работ, нормы расхода сырья и т.п.

Ко второй группе правил относятся нормы, регулирующие общественные отношения. Их называют социальными нормами. Под социальными нормами понимаются общие правила и образцы поведения людей в обществе, обусловленные общественными отношениями и являющиеся результатом сознательной деятельности людей. Социальные нормы представляют собой некоторые стандарты, модели поведения человека в обществе. Система социальных норм отражает достигнутую обществом ступень экономического, социально-по-

литического и духовного развития. В ней находят отражение образ жизни, исторические особенности народа, его менталитет, характер существующей в стране государственной власти.

Под защитой норм права понимается первичная охранительная реакция на сам объективный факт отклонения от правопорядка, направленная чтобы непосредственно прекратить нарушение, восстановить порядок понуждения субъекта к выполнению ранее возложенной на него обязанностей.

Эти точки зрения необоснованно расширяют понятие охраны и свобод личности, включая в него как меры, применяемые до нарушения, так и после него. Обеспечение права является более широким понятием по отношению к охране прав, а защита прав – самостоятельная форма, обеспечивающая права, включающая в себя совокупность мер, применяемых после нарушения права. Думается, что правильной будет последняя точка зрения, так как объективно отражает суть понятия охраны прав и свобод личности как мер, ограждающих личность и ее права и свободы от возможных суждений.

Охрана субъективных прав, свобод и законных интересов – конкретный правовой механизм, представляющий собой совокупность разработанных государством стимулирующих и ограничивающих средств (инструментов), позволяющих участнику правоотношений пользоваться определенным социальным благом в рамках дозволенного характера, составляющих содержание прав, свобод, иных интересов.

Кроме того, под охраной прав может пониматься деятельность определенных субъектов, направленная на недопущение ущерба объектам.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 504.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 27.12.2010. № 52 (ч. 1), ст. 7001.
4. Косарев А. И. Теория государства и права. М., 2000.

Павленко Е. М.

КУЛЬТУРА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ: ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ

Статья представляет собой комментарий по поводу опубликованного материала в «Евразийском юридическом журнале» № 4 (23), 2010 г. автора Ю. В. Мазеиной на тему «Особенности соотношения культуры прав человека и конституционного правосознания», который является плагиатом диссертационного исследования Е. М. Павленко «Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России» (Москва, 2006 г.).

Автор рассматривает и определяет культуру прав человека и конституционное правосознание как важнейшие категории науки и явления общественной жизни, анализирует различные аспекты их соотношения и взаимосвязи.

Ключевые слова: культура прав человека, конституционное правосознание, права человека, правосознание, правовая культура.

Павленко Е. М.

Pavlenko E. M.

HUMAN RIGHTS CULTURE AND CONSTITUTIONAL CONSCIOUSNESS: PECULIARITIES OF RELATIONSHIP

The article is to comment on material "The peculiarities of correlation of culture of the human rights and constitutional feeling for law and order" by Yu. V. Mazeina published in Eurasian Law Journal (No. 4 (23), 2010), which is plagiarism of dissertation research of E. M. Pavlenko titled "Creating a human rights culture and constitutional consciousness in modern Russia" (Moscow, 2006).

The author considers and defines a human rights culture and constitutional consciousness as major categories of science and social phenomena, and analyses aspects of their relationship.

Keywords: culture of human rights, constitutional consciousness, human rights, legal consciousness, legal culture.

В № 4 (23) «Евразийского юридического журнала» за 2010 г. была опубликована статья аспиранта кафедры теории государства и права и конституционного права Челябинского государственного университета, ассистента кафедры правовых дисциплин Шадринского государственного педагогического института Ю. В. Мазеиной на тему «Особенности соотношения культуры прав человека и конституционного правосознания», которая представляет собой плагиат диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право Е. М. Павленко «Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России» (Москва, 2006 г.) и одноименной монографии, вышедшей в свет в издательстве «Права человека» в 2008 г. Автор настоящей статьи считает необходимым дать комментарий в связи с данной ситуацией и по теме исследования.

Тема, затронутая в публикации, является чрезвычайно актуальной не только для современной России. За последние девять лет с момента защиты автором диссертации в научной среде активизировалась дискуссия по проблемам формирования правовой культуры, правового сознания, становления конституционализма и роли конституционного правосознания в обществе, появились исследования, посвященные деформациям правосознания, в том числе конституционного и, безусловно, попытки комплексно рассмотреть культуру прав человека. Среди интересных работ следует отметить диссертационные исследования В. В. Загородского «Правовая культура в контексте прав человека» (Краснодар, 2010 г.), Э. С. Насурдинова «Формирование правовой культуры в Республике Таджикистан в условиях углубления культурно-цивилизационных различий: проблемы теории и практики» (Душанбе, 2014 г.), статьи Дж. Саъдизода, в том числе «Культура прав человека

как составная часть правовой культуры»¹ и многие другие. Поэтому выбор темы Ю. В. Мазеиной объясним, однако грубое нарушение авторских прав не может не вызвать глубокое разочарование. Неуважение к чужому труду, пренебрежительное отношение к правам другого человека при достижении собственных целей, явное и демонстративное нарушение правовых предписаний свидетельствует о низком уровне общей культуры, правовой грамотности и культуры прав человека.

Культура прав человека и конституционное правосознание являются ключевыми явлениями современной общественной жизни и категориями правовой науки, исследование которых имеет важное теоретико-методологическое и практическое значение.

Культура прав человека — это составная часть духовной культуры, представляющая собой систему знаний, ценностных ориентаций и взглядов, чувств и эмоций, основанных на признании и уважении достоинства человека, его прав и свобод, а также практических навыков и умений по их реализации и защите. Уникальность культуры прав человека заключается в тесной связи её основных частей. В качестве таких элементов или признаков данной категории можно выделить: знания, мировоззренческие установки или взгляды, чувства и эмоции, навыки и умения, находящиеся в системном взаимодействии. Другими словами, при разработке понятия «культура прав человека» необходимо обратить внимание на несколько важнейших аспектов: рациональный, аксиологический, психологический и прагматический.

В своей диссертационной работе автор ставил задачу рассмотреть соотношение культуры прав человека с другими правовыми явлениями, в том числе с правовой культурой и одним из важнейших её компонентов – правовым сознанием,

¹ Саъдизода Дж. Культура прав человека как составная часть правовой культуры // Закон и право. – 2014. – № 10. – С. 63–67.

поскольку вопрос об их взаимосвязи прежде не был предметом исследования в юридической науке. Анализируя данные вопросы, необходимо сделать акцент на особую форму правового сознания – конституционное правосознание, через которую прослеживается наиболее тесная взаимосвязь указанных категорий.

Конституционное правосознание можно определить как разновидность правового сознания общества, социальных групп и личности, отражающую их знания и отношение к нормам, закрепленным в Конституции и иных конституционно-правовых актах, к практике реализации данных норм, к конституционным институтам и роли Конституции в правовом регулировании.

Конституционное правосознание имеет сложную многоуровневую структуру. Оно отражает представления субъектов об основах конституционного строя, о сущности, принципах, гарантиях и механизмах реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, о взаимодействии государства и общества, о значении Конституции в урегулировании современных общественных отношений.

Автор настоящего исследования обращает внимание на особенности соотношения и взаимосвязи конституционного правосознания и культуры прав человека, определяя роль конституционного правосознания как важнейшего индикатора уровня и правовой культуры, и, безусловно, культуры прав человека российского общества в целом, различных социальных групп и отдельных индивидов.

Рассматривая вопрос о соотношении данных категорий, прежде всего, необходимо выявить то общее, что их объединяет.

Во-первых, и культура прав человека, и конституционное правосознание являются составными элементами духовной культуры, процесс их формирования направлен на духовное развитие человека и общества, затрагивает прежде всего изменение мировоззренческих установок и ценностных ориентаций.

Во-вторых, обе категории имеют непосредственное отношение к оценке прав и свобод человека. Поскольку признание, соблюдение и защита прав и свобод человека зафиксированы в качестве основы конституционного строя Российской Федерации, конституционное правосознание, так же как и культура прав человека, предполагает осмысленное отношение к данной норме индивида, социальных групп и общества в целом.

В-третьих, и культура прав человека, и конституционное правосознание имеют сложную многоуровневую структуру и общие, прежде всего, рациональные элементы в ней.

При этом культура прав человека и конституционное правосознание как научные категории имеют существенные различия.

Во-первых, в отличие от культуры прав человека, которая является комплексным понятием, отражающим состояние духовной жизни в целом, включает нравственно-этический, правовой, политологический и другие аспекты и выступает составным элементом предмета изучения различных областей научного знания, конституционное правосознание представляет собой исключительно юридическую категорию, характерную в первую очередь для науки и практики конституционного права, то есть имеющую отраслевой характер.

Во-вторых, культура прав человека охватывает все без исключения стороны и аспекты оценки прав и свобод человека, а конституционное правосознание — только конституционно-правовой аспект.

В-третьих, конституционное правосознание в области прав и свобод человека сосредоточено на взаимоотношениях

государства и личности, в то время как культура прав человека затрагивает всю совокупность отношений и взаимосвязей в государстве и обществе.

В-четвёртых, в отличие от культуры прав человека, конституционное правосознание предусматривает оценку не только прав и свобод, но и иных конституционных норм, принципов, институтов, в том числе принципа единства государственной власти и разделения властей, парламентаризма, суверенитета народа, местного самоуправления и т. п.

Целесообразно проанализировать соотношение различных элементов и уровней конституционного правосознания и культуры прав человека между собой, что позволит выявить более глубокие связи данных научных категорий.

Рациональный, аксиологический, психологический и прагматический аспекты культуры прав человека, безусловно, находят отражение в основных элементах конституционного правосознания: конституционно-правовой идеологии и конституционно-правовой психологии.

Прежде всего общими являются рациональные компоненты данных явлений общественной жизни. Так, конституционное правосознание служит внутренним регулятором юридически значимого поведения человека в конституционно-правовой сфере, источником претворения юридических норм в фактическую деятельность граждан и должностных лиц. Применительно к области прав и свобод человека это означает, что для их реализации, защиты и восстановления в первую очередь рациональных компонентов в системе конституционного правосознания представителей государства, общественных структур, социальных групп и отдельных личностей: знаний, представлений о конкретных юридических предписаниях, механизмах защиты прав и свобод, и т. п. Эти элементы находят свое воплощение в конституционно-правовой идеологии, и, как уже было сказано выше, являются также ядром культуры прав человека.

Правовая идеология призвана нести в себе духовные, моральные, гуманные потенциалы, быть сориентированной на общепринятые человеческие ценности², поэтому в конституционно-правовой идеологии, как и в аксиологическом компоненте культуры прав человека, отражаются важнейшие ценностные ориентации индивида, отдельных социальных групп и общества в целом. Общность оценок и осознания идеи прав человека в конституционно-правовой идеологии и в мировоззренческом элементе культуры прав человека обеспечивает взаимное влияние данных явлений общественной жизни и способствует постепенной гуманизации права.

Формирование мировоззрения невозможно без чувств, переживаний, эмоций. Конституционно-правовая психология и эмоциональный элемент культуры прав человека, безусловно, взаимосвязаны. Правовые эмоции человека выражаются в его отношении к праву в целом, к конституционным нормам в частности, в том числе к конституционному закреплению прав и свобод человека и гражданина, к правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности государства, к осуществляющимся в стране конституционным реформам и т. д. Эмоциональный элемент культуры прав человека также выражает отношение к правовому закреплению и регулированию прав и свобод человека. Так, уважение прав и свобод человека отражает определённый уровень как куль-

2 Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – С. 14.

туры прав человека, так и конституционного правосознания. Однако эмоции, рассматриваемые как элемент культуры прав человека, могут не соприкасаться с конституционно-правовой психологией, поскольку многие проблемы прав человека характеризуются не только правовыми, но и иными (межличностными, морально-нравственными, религиозными и пр.) аспектами.

Признание в РФ общедемократических ценностей современного конституционализма, идеи гуманизации права, новых принципов, задач и целей государственного и общественного развития предполагает постепенное формирование и изменение конституционного правосознания в обществе как важного показателя уровня правовой культуры и культуры прав человека. В свою очередь, повышение уровня культуры прав человека граждан Российской Федерации, отдельных социальных групп и российского общества должно привести к гуманизации и демократизации правосознания вообще и конституционного правосознания в особенности.

Влияние культуры прав человека на конституционное правосознание заключается в следующем:

1. Высокий уровень культуры прав человека влияет на формирование адекватного отношения человека, социальных групп и общества к конституционно-правовым институтам в целом. Конституционное правосознание обогащается не только более философским подходом к проблематике прав и свобод человека и её конституционному закреплению, но и способностью к саморазвитию благодаря наличию среди элементов культуры прав человека навыков и умений, находящихся в глубокой обратной связи с соотносимыми элементами конституционного правосознания и культуры прав человека, как было отмечено выше.

2. Культура прав человека позволяет развивать гражданские качества личности (восприятие права сквозь призму прав человека, гражданскую активность, осознание интересов общества и способность нести ответственность за собственный

выбор и т. п.), необходимые для формирования индивидуального конституционного правосознания.

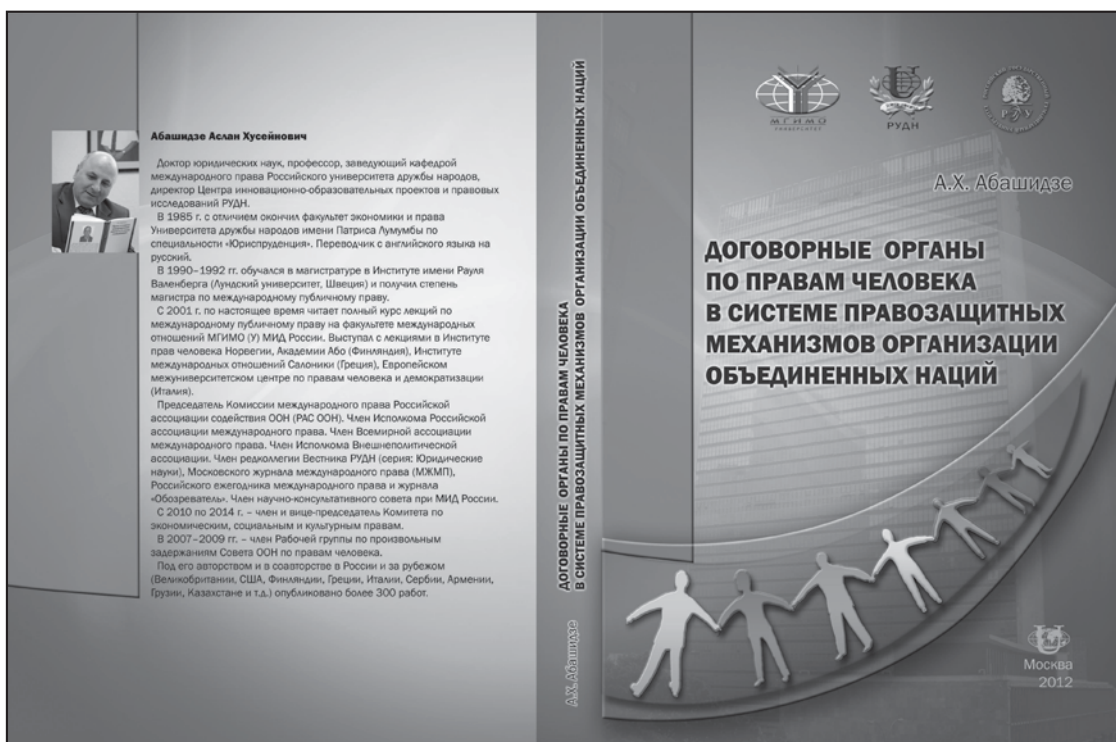
3. Культура прав человека способствует преодолению деформаций конституционного правосознания (конституционно-правового нигилизма, конституционно-правового инфантилизма, конституционно-правового идеализма).

4. Культура прав человека изменяет отношение к конституционным механизмам защиты прав человека, формирует навыки их использования и уверенность в их эффективности.

Таким образом, конституционное правосознание и культура прав человека — взаимосвязанные и взаимозависимые категории. Основным гуманистическим принципом, пронизывающим эти категории, является идея уважения и действительного соблюдения прав и свобод, достоинства и ценности человеческой личности. Реальному воплощению данного принципа в Российской Федерации мешают различные факторы, в том числе антиподы культуры прав человека и деформации конституционного правосознания, среди которых можно выделить: конституционно-правовой нигилизм, конституционно-правовой идеализм и конституционно-правовой инфантилизм. Характеристике перечисленных явлений в современной России, причинам их возникновения и развития, а также основным направлениям и методам их преодоления посвящены отдельные разделы диссертационного исследования автора настоящей статьи.

Пристатейный библиографический список

1. Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999.
2. Саъдизода Дж. Культура прав человека как составная часть правовой культуры // Закон и право. – 2014. – № 10.

Салькина А. М.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Настоящая статья посвящена проблематике реализации прав человека в киберпространстве. В данной статье рассматриваются основные международно-правовые акты в области прав человека и масштаб их применения в глобальной сети Интернет. Автор пытается доказать актуальность защиты прав человека онлайн, в частности права на свободу слова, интеллектуальную собственность и права на неприкосновенность частной жизни. В статье также рассматриваются проблемы относительно дискриминационных действий в киберпространстве против таких уязвимых групп, как женщины и дети.

В свете быстрого развития информационных технологий и распространения правонарушений в цифровом пространстве автор уделяет внимание выработке международных регулятивных инструментов. Раскрываются потенциальные вопросы создания международного трибунала по киберпространству, а также подчеркивается необходимость формирования юридически обязательного документа, регулирующего правоотношения в Интернете.

Публикуемая научная работа заняла первое место в конкурсе работ по международному праву среди студентов и аспирантов в рамках «Студенческого симпозиума 2015», проведенного Факультетом международного права Дипломатической академии МИД России и кафедрой международного права юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН). В состав судей конкурса входил и главный редактор «Евразийского юридического журнала» д.ю.н. И. З. Фархутдинов. Для участия в Симпозиуме было зарегистрировано более 200 участников из 9 государств и 24 городов. Тематика «Студенческого симпозиума 2015» была посвящена значению и роли международного права в дипломатии, международных отношениях и мировой экономике, а тема эссе – вызовам XXI века и международному праву. Как победитель в конкурсе студенческих работ, автор настоящей статьи была награждена дипломом на пленарном заседании XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения», состоявшемся 11 апреля 2015 г.

Ключевые слова: права человека, киберпространство, интернет, международное право, вызовы, международная защита прав человека.

Salykina A. M.

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN CYBERSPACE

Present article is devoted to the problematic issue of human rights existence in cyberspace. The author examines core international documents which guarantee protection of human rights and freedoms in the scope of their applicability in the digital environment. The article proves the importance of human rights protection not only offline but also online, in particular such rights as the right to freedom of expression, intellectual property rights and the right to privacy. The article also addresses issues regarding discriminatory practices in cyberspace against such vulnerable groups as women and children.

In light of the rapid development of information technology and the spread of crime in the digital space, the author pays attention to the development of international regulatory instruments. Potential questions of creation of an international tribunal on the cyberspace are disclosed, as well as the need to create a legally binding instrument to regulate legal relations on the Internet is stressed.

This scientific work won first place in the competition of works on international law among the undergraduate and graduate students under the "Student Symposium 2015", held by the International Law Faculty of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia and the sub-faculty of International Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). Among the judges of the competition was the editor-in-chief of the Eurasian Law Journal Ph.D. I. Z. Farkhutdinov. More than 200 participants from 9 countries and 24 cities have registered to participate in the symposium. The topics of the "Student Symposium 2015" was devoted to the significance and role of international law in diplomacy, international relations and the world economy, and the subject of the essay is the challenges of the XXI century and international law.

As the winner of the students' works competition, the author of this article was awarded a diploma at the plenary session of the XIII International Congress "Blischenko readings", held on April 11, 2015.

Keywords: human rights, cyberspace, Internet, international law, challenges, international protection of human rights.

New technologies have always been challenging for the traditionally existed social rules and have also caused the adoption of new legal rules to deal with these changes. Information technologies are a very good example of such an effect. We live in a world today where extensive flows of information have become natural and indisputable features of modern life. Rapidly increasing number of online services, from social media to e-commerce and virtual collaboration, has come to define our day-to-day lives in ways that could not be imagined just a decade ago.

It is a well-known fact that knowledge and the ability to disseminate information can be a very powerful tool. Thus, it cannot be denied that communication technologies may determine social relations and shape society itself. Radio and TV have made

the point even more evident, and many governments have both exploited new media to manipulate public opinion and attempted to prevent private actors from doing the same.

Creation of the Internet had a revolutionary effect. Due to the appearance of information and computing technologies, it became possible to live and act in the alternative reality without actually being physically present. Virtual world is rapidly converting into the matrix of human life and simultaneously it offers an ideal platform for committing various kinds of human rights and freedoms violations.

The traditional concept of human rights as a discourse has got multiplicity of meanings and it has been rapidly evolving over the past sixty years to serve different needs and stand for altering val-

Salykina A. M.

ues¹. However, this evolution has never been enrolling as quickly as over the last decade. It is most certainly because of the global phenomenon named Internet why such a concept as human rights gained a whole new dimension and urge for a new, international consensus to be properly protected on the cyber-arena.

In order to speak competently of the existence of human rights online and the necessity of its protection, it is important to define the very concept of cyberspace. *Cyberspace* is considered to be a borderless virtual public space created by the means of digital technologies in which citizens, regardless of their nationality, ethnicity, citizenship, political and religious orientation, gender or whatever ground communicate and interact. With the help of new technologies, cyberspace offers a digital environment where participants have the ability to affect and influence each other.

Cyberspace is frequently referred to a virtual space which may not be located spatially. Naturally this space is transparent and neutral but it can be defined, broadened, limited and censored by its users. Therefore communication via the World Web is often anonymous and yet used and shared with a worldwide public, which mostly remains personally unknown for the individual Internet user. This worldwide public counts today around 3 billion Internet users, so called *netizens*². If cyberspace were a country, it would be the largest and most populated country in the world, but still without any government, legislative bodies, law enforcement, protection mechanisms, or rules for participation, not to mention anything that is similar to a special constitution for all netizens.

While cyberspace might describe a phenomenon of information being routed through various jurisdictions, it still does not constitute some new form of 'outer space' where no State could, as a matter of international law, exercise its jurisdiction³. On the contrary, it is more a question of technical feasibility of a State or an international organization to regulate conduct in the digital environment, and also an issue of the willingness of States to agree on more specific rules which specifically may regulate such behaviour. In other words, although communication in cyberspace is *de jure* subject to one or more States' jurisdiction, communication via the Net nevertheless, given its specific technical characteristics, does represent new challenges for the international law.

Human rights form the value basis of all normative and factual acts of human agency⁴. The 1948 Universal Declaration of Human Rights (UDHR) makes its starting point from the inherent dignity and the equal and inalienable rights of all human beings. Just as regarding to the cyberspace, human rights are global, or according to the Vienna Declaration and Programme of Action of 1993, "universal, indivisible, interdependent and interrelated". Unlike code, which can be changed at will, human rights are a value basis for all governance, including Internet Governance and, more importantly, a legally binding reference system that is binding upon the States and other subjects of international law on the basis of ratification of the relevant human rights conventions and of customary law. In addition, the UDHR commits not only States, but every individual and every organ of society to secure the universal recognition and observance of human rights and freedoms.

Human rights thus are a normative reference framework that introduces and protects human dignity in the cyberspace. The terms "Internet rights", "human rights" and "digital rights" will be used interchangeably in this contribution. While imbued with a different emphasis, their meanings intersect. This contribution will rely on notional dimensions that fall well within this intersection.

Vienna Declaration reminds that "[the] international community must treat human rights globally in a fair and equal manner, on the same footing, and with the same emphasis". This concept is applicable both online and offline. However, human rights can and do interfere with each other; they are limited by the rights and freedoms of others as by the requirements of morality and public order. Human rights cannot be used to violate other human rights – and the human rights of others. Appreciating these processes requires a proper understanding of human rights in cyberspace⁵.

Traditional system of human rights is premised upon certain non-articulated elements that cannot be taken for granted online. In normal space, privacy and anonymity towards State and corporate bodies are regularly granted and can only be lifted by considerable technical means or direct intervention. The situation in the cyber environment is quite the opposite. By sharing private information, billions of netizens have already created their virtual clones in this new digital world, without ever having a chance to delete information. Personal affairs and "being friends" in social networks such as Facebook, or for example its Russian analogy VKontakte, can be anonymous on the one side, and yet provide a vast amount of personal data and private correspondence that is now dealt with by anyone who seeks access to it in this 'endless' space⁶.

This reversal situation provides the main reason for the necessity of specific rules in order to protect the right to privacy and anonymity and therefore allowing for the basis of democratic expression and participation. The human rights protection regime has been slow in reacting to this paradigmatic change. The way people and actors behave and make decisions within the national space and territory (country or State) is guided by the principles and norms usually written down in constitutions or laws. In theory, these rules, regulations and laws are set up by the citizens for the citizens. A coherent approach to the Internet Governance, which is premised upon the notion of human rights, as well as setting up common rules and standards by Internet-users for the netizens is still missing in cyberspace. Most of its mechanisms so far have been ill-suited and the need for elaboration of what human rights stand for in the online realm has not enjoyed much attention from the international community.

It has been over 65 years since the adoption of the Universal Declaration of Human Rights and till present days the right to individual property has been recognized as one of the basic rights. Nowadays, constitutions of many States foster both property rights and intellectual property rights as being fundamentally important. There has been some vagueness about whether intellectual property system due to its compound nature can be considered within the scope of human rights. However, the current situation recognizes the status of human right protection for both material property and so-called property of the mind.

The Internet contributes a lot to individual empowerment in the area of freedom of expression which is the very foundation and cornerstone of the majority of international human rights doctrines

1 Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Договорные органы по правам человека. – М., 2015. – С. 12.

2 Internet Live Stats (elaboration of data by International Telecommunication Union (ITU) and United Nations Population Division), Available at: <http://www.internetlivestats.com> (accessed 7 November, 2014).

3 Zekoll J. Jurisdiction in cyberspace, Günther Handl, Peer Zumbansen, Beyond territoriality – transnational legal authority in an age of globalization, 2012, pp. 341–369.

4 Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. – М., Норма, 2014. – С. 288.

5 Benedek W. Understanding Human Rights, Manual on Human Rights Education. European Training and Research Centre for Human Rights and Democracy (ETC), Graz, 2012.

6 Mindaugas K., Entrepreneurship in Cyberspace: What do we know?, Social Technologies, Mykolas Romeris University, 1 (1), 2011, pp. 37–48.

and national constitutions. Basically, freedom of speech covers the right to express any opinion without censorship or restrictions. Although freedom of expression is usually referred to in a positive context, there are also some negative sides of the issue. There are a lot of examples of harmful speech intensified by the new means: pro-terrorist, racist, defamatory, pedophile and other expression, while in evident decay in 'traditional' media has mainly shifted to the Internet.

The issue of privacy is one of the most important agendas in any debate regarding human rights in the today world and particularly in the virtual reality. The right to privacy is central to who we are as humans and is enshrined in the UDHR and the ICCPR. It protects from unwarranted invasions into people's daily lives, allows to speak freely without fear of retribution, and helps keep personal data, including health records, political affiliations, sexual orientation, and familial histories, safe.

All human rights are infrangible, interdependent, and interconnected: the improvement of one right facilitates advancement of the others; the deprivation of one right negatively impacts others. The linkages between the right to privacy, the right to access to information and freedom of expression are very close. Freedom of expression and privacy are explicit units of this international framework of human rights and are enabling rights that facilitate the meaningful implementation of other human rights.

Internet has brought with its appearance a new platform for discrimination and committing crimes. The sexual exploitation of woman and children is a global human rights crisis that is being escalated by the use of new technologies. The Internet offers an absolutely new kind of opportunities to both individual actors and the whole sex industry to market, find and oppress woman. Websites and chat-rooms can all be used for exploitation objectives as they serve as the perfect surface for this kind of criminal activity. Virtual child pornography is also worth considering in the context of cyberspace. As a public policy, some countries have adopted strict normative acts prohibiting any kind of posting related to sexual abuse of children. Nevertheless, some countries do not consider virtual child pornography to be equivalent to pedophilia and thus there is a conflict of existing laws in the national legislations, that is neither beneficial to legal certainty nor to the development of human rights protection in general.

In 2003 at the United Nations World Summit on the Information Society the *Plan of Action* was produced, which stated that: "... all actors in the Information Society should take appropriate actions and preventive measures, as determined by law, against abusive uses of Information and Communication Technologies (ICTs), such as illegal and other acts motivated by racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance, hatred, violence, all forms of child abuse, including paedophilia and child pornography, and trafficking in, and exploitation of, human beings".

In 2012, the UN Human Rights Council stated that the same rights that people have offline must also be protected online and calls upon governments-members to ensure freedom of expression and the access to Internet, or, at least, the access to international cooperations that provide media information such as social networks, search engines, etc.

In 2013, during a number of occasions and events on the international and national level, such as the NSA affair between the USA, Germany or Brazil, the issues of cyber espionage and misuse of private data came out. In consequence and response to these different developments and incidents, the UN Special Rapporteur urged the UN member states to ensure that individuals are able to freely seek and receive information or express themselves

whilst respecting, protecting and promoting their right to privacy. He emphasized that privacy and freedom of expression are inter-linked and mutually dependent and therefore without adequate legislation and legal standards to ensure the privacy, security and anonymity of communications, journalists, human rights defenders and whistle-blowers, cannot be assured that their communications will not be subject to states' security. The UN report received many responses, in particular by the Civil Society Organization (CSO) network community. CSOs have long claimed that human rights are not protected well enough in cyberspace. The Electronic Frontier Foundation (EFF), for example, claimed that technologies can become a source of previously unimaginable state surveillance intrusions and metadata can reveal sensitive information that can be easily accessed, stored, mined and exploited.

Although citizens that use Internet within the borders of regional organizations such as the EU enjoy some protection, these measures are not valid globally. The USA or China have long urged for joint binding agreements to deal with the borderless data flow in order to either protect or to restrict it. In technical terms that is a fight with windmills that cannot be won by State institutions nor by international inter-governmental regimes alone. The reason why it takes more than just a few governments in international regimes, such as the UN to solve the problems is that it takes effective institutions to enforce common rules. Without the wider cyber community, like technical companies, Internet providers, effective enforcement mechanism will less likely be established. Because the cyberspace is not restricted to states or to any geographical or physical borders, it is thus not bound to any State or inter-state agreement and it is not controlled by the state institutions alone. The international human rights protection regime, for example, is entirely based on states' (often nonbinding) willingness and capacity to promote and protect human rights and is therefore a valid but weak institutional set up to govern cyberspace. Moreover, because this international regime depends on the joint agreements and regulations set by governments, including democratic and non-democratic ones, the results are often compromises that lack of strong monitoring and enforcement mechanisms based on international human rights law. More so, other stakeholders are often excluded from this process, i.e. Internet providers, let alone the global network community or the billions of individual users. The International Internet Governance Forum (IGF), one of the main forums to tackle these issues, is also based on national institutions and their agencies and delegates. It is not truly transnational, although it aims to solve transnational violations of human rights and privacy. Still, there is no international cyber law to combat cyber-attacks or the dissemination of private data and secret files.

IGF bases its work on Dynamic Coalitions (DC) – working groups of volunteers who liberally establish their working methods and results. So far 12 active DCs have been called to life, including DCs on Child Online Safety, Privacy, Freedom of Media and Freedom of Expression Online, Gender to name only those dealing closely with human rights issues. The DC that took upon itself elaborating an *Internet Bill of Rights* was the *Dynamic Coalition on Internet Rights and Principles (IRPDC)*.

Initially the Internet Bill of Rights was to be a framework document to incorporate all the human rights applicable to the Internet activities, in their new, modified meaning. With time, the idea evolved into a series of background documents, possibly comments, on the way the traditional human rights documents should be interpreted and implemented for their application in cyberspace. The most recent development of the DC consists of a proposal of a unique Internet human rights anarchy – a self-regulating

regime where the users themselves act as the sole watchdogs and the Internet service providers (ISP) as the sole censors.

Council of Europe's Convention on Cybercrime was opened for signature in November 2001. Till today, there are 45 nations which have ratified the Convention on Cybercrime (Russia has neither ratified nor signed the Convention). The purpose of the document is: "...to pursue, as a matter of priority, a common criminal policy aimed at the protection of society against cybercrime, inter alia, by adopting appropriate legislation and fostering international co-operation...."

In December 2013 the United Nations General Assembly deeply concerned that electronic surveillance, interception of digital communications and collection of personal data may adversely affect human rights, adopted a consensus resolution strongly backing the right to privacy, calling on all countries take measures to end activities that violate this fundamental "tenet of a democratic society." By a text entitled *Right to Privacy in the Digital Age*, the Assembly weighed in on the emerging issue, underscoring that the right to privacy is a human right and affirming, for the first time, that the same rights people have offline must also be protected online.

Seeking the international activity in the field of human rights protection online one must point to few organizations (mainly NGOs) and initiatives which have noticed this problem and tried to spread awareness thereof. The *OpenNetInitiative* presents extensive reports on all the national censorship practices, continuously updating its list of "filtering" countries and methods.

Amnesty International took upon an initiative named: "Internet repression", which aims at depicting repression on the Internet and for actions committed online. The only intergovernmental body that so far has shown any effort in promoting human rights in the cyber realm is the *Council of Europe*. Its 2003 Declaration on Freedom of Communication on the Internet encourages the member states to obey the 7 principles aiming at supporting freedom and access to information in the Internet. It advocates for freedom of speech, self-regulation and right to privacy. However it should be emphasized that this document has no legally binding value. Another CoE document that deals with the discussed issue in more details is the 2005 Declaration on Human Rights and the Rule of Law in the Information Society. It presents a more detailed catalogue of rights to be protected and principles to be implemented in the cyber environment. It calls for the wide accession to the CoE 2001 Cybercrime Convention and in particular to its 2003 Additional Protocol which attempts to specify the limits of freedom of speech online, particularly by defining acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems.

Looking for global answers to the problem of effective human rights protection in digital environment the activities of the *United Nations Organization* should unavoidably be mentioned. *UNESCO's International Programme for the Development of Communication* promotes the growth of free media in developing countries. However this programme is naturally not the only activity conducted by this global organization that deals with the electronic medium and its legal challenges. Following the debate initiated within the UN fora back in 1998, the UN World Summit of Information Society (WSIS) put the question of feasible Internet governance on the international diplomatic agenda during its Geneva meeting in 2003. The Declaration of Principles and the Action Plan presented during that meeting pointed out many goals to be achieved on the international field of Internet governance and called upon a newly created Working Group on Internet Governance to work on their fulfillment. WSIS in its Statement on Human Rights, Human Dignity and the Information Society empha-

sized the basic rights to be protected online and proposed basic standards for their protection. It called upon such fundamental human rights documents as the UDHR and the ICCPR. The work of WSIS was further developed by the Working Group on Internet Governance (WGIG) in its 2005 Report. In the section entitled "Recommendations to address Internet-related issues" the basic human rights are named and indicated as being of particular importance to all those creating the Internet governance framework – national governments as well as international organizations. The mission to further develop the Internet governance principles, including the due framework for human rights protection online was passed onto a new, multi-stakeholder UN meeting platform – the *Internet Governance Forum*. One should note however that there has been little activity so far in the discussed field on behalf of the High Commissioner for Human Rights.

It seems clear that with no governmental and international authority little can be done for human rights online to be taken seriously. Especially in the era of cyberterrorism an international action to protect human rights and freedoms worldwide seems urgently needed as the context of human rights seemed disregarded in all the regulations aimed at preventing cyberterrorism and cybercrime. Due to the fast paced technology and development, the status of legislation concerning cyber law is quite incomplete. Thus the idea for an International Criminal Court or Tribunal for Cyberspace has also been raised by a number of advocates⁷. However the draft proposal is limited to the "most serious violations of international cybercrime law" and may not capture or resolve all the questions raised here. When most national governments are willing to sacrifice their citizens' privacy and freedom for the sake of content-control the only way to fight against this tendency is to get those very same governments interested in international Internet governance, one pillar of which is the protection of inherent human dignity that serves as the stepping stone of the UDHR. If that is not the case, the achievements of the last 67 years of human rights protection might appear jeopardized.

The biggest problem of the electronic exchange that yet seems not to be tackled is the question of limits of state powers in the cyberspace. So far no jurisdictional settlements have been made on an international level concerning the Internet⁸. There are numerous agreements and proposals dealing with different aspects of Internet activities, however neither of them deals directly with the issue of limits of national power. The main problem brought about by the lack of jurisdictional agreements regarding the Internet is the legal insecurity of all netizens, because there is no international understanding on criminal jurisdiction in cyberspace.

All the issues discussed above seem to constitute the starting point of a discussion on the shape of human rights protection in the digital era. The practice of international law shows that no action may be taken within the international society quickly – all decisions and deliberations take time and much diplomatic effort. On the other hand the question of legal security of netizens is much more pressing. The threat resolving form the present, unsure situation is the particularization of the Net, which may be already noticed in the example of strongly filtered local networks, such as China or Singapore. In order to avoid such a danger governments (with the encouragement from civil society) should commence appropriate diplomatic action immediately. The issue of human rights

7 Scholberg S., An International Criminal Tribunal for Cyberspace (ICTC), A paper for the EastWest Institute (EWI) Cybercrime Legal Working Group, Norway, 2012, pp. 6–10.

8 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров. – М., РУДН, 2012. – С. 201.

might be discussed with the aim of creating a human rights based convention applicable in cyberspace. It may (and should) however also be regarded as a part of a bigger challenge – the question of international Internet governance. Without an international debate on Internet governance the danger of a particularized, nationalized net appears. Losing the medium that has already changed so much in the sphere of human communication and exchange might show to be an irreparable damage to the human development.

The Internet has opened a Pandora's Box of human rights violations: the proliferation of traditional as well as the emergence of new forms of abuse and the extension of opportunities and methods to carry out crime are among them. However, despite the actual significance of the research in these areas the topic of existing and violating human rights in the context of digital space is new enough for studying, especially in Russia. In other words, the current level of human rights protection is not adequate enough as regards to the breaches of law committed in cyberspace.

Information and communication technologies (ICTs) do not change the level of protection that human rights should enjoy. They do, however, impact the way they can be threatened and protected as well as cyberspace also colonizes our non-virtual reality and lest it totally controls daily life. This is why human rights need to be interpreted in a way that allows their respect and implementation in the globalized information society and consequently an appropriate way for the regulation of cyberspace with regard to human rights should be established. Ideally, human rights were designed to protect our freedoms and dignity against possible infringements regardless of the offender or the form of violation. The fact that national legislators or international community have not reached a consensus regarding cyberspace governance yet, should not hamper individual's rights and freedoms in the Internet. Human rights protection has a great importance in both real-life setting and while acting online. Human rights violations in cyberspace are a part of today's reality even though they occur behind the computer screens. Real life people act behind avatars and, consequently, a real life protection is needed when talking about human rights infringements occurring in cyberspace.

To draw the conclusion, the question of who can protect, implement and enforce human rights in cyberspace, if governmental mandates end at their state borders still remains open. Nevertheless, the normative legal and political framework within the State borders could also be transferred to the cyberspace, because it is defined by universal values and norms, such as the international human rights norms and rules. Eventually, the cyber reality lacks a quasigovernment or governance regime that governs the needs and claims of its citizens, namely Internet users, by the means of monitoring and enforcement bodies. Although regional or international governmental organizations such as UN, ASEAN, EU, OSCE, OAS or AU, have the topic of dealing with the consequences and effects of global data flow, intellectual property, secret information or private data on their agendas and aim to set international standards for the use of Internet and cyberspace, they generally fail to do so⁹. The reason for this is that States' powers and enforcement mechanisms often end at the State borders because their mandate to protect human rights is entirely based on the State's sovereignty. IGOs and international courts also have only limited measures and instruments to protect human rights, let alone enforce them. Owing to the fact that cyberspace has no physical or national borders, the means and ways to govern this new borderless space are not defined yet. Nevertheless, in the efforts to set up a cyberspace

governance regime, human rights norms and standards shall give guidance of its establishment to the different actors that are involved in the process of its regulation. If ever established, the cyberspace governing body will be one of multiple stakeholders and actors including national, international as well as private actors, such as representatives of companies, social networks, NGOs and individuals.

To sum up, we assume that without a commonly accepted legally binding document based on human rights and the rule of law based on effective measures and mechanisms to enforce these rules, the netizens or citizens around the world will face difficulties in protecting and enjoying their human rights online. Elaborating alternative paths to understand and find solutions to the human rights related problems in the cyberspace and presenting some completely new and innovative ideas is needed in this regard. It is necessary to explore the future of human rights in reference to the virtual reality. In order to do that it is essential to think over what actions could be taken to guarantee that right to property, right to privacy, problems related to freedom of speech and discrimination are not jeopardized even further in the nearest future.

REFERENCES

1. Benedek W., *Understanding Human Rights, Manual on Human Rights Education*. European Training and Research Centre for Human Rights and Democracy (ETC), Graz, 2012.
2. *Internet Live Stats* (elaboration of data by *International Telecommunication Union (ITU)* and *United Nations Population Division*), Available at: <http://www.internetlivestats.com/> (accessed 7 November, 2014)
3. Mindaugas K., *Entrepreneurship in Cyberspace: What do we know? // Social Technologies*, Mykolas Romeris University, 1 (1), 2011.
4. Scholberg S., *An International Criminal Tribunal for Cyberspace (ICTC) // A paper for the EastWest Institute (EWI) Cybercrime Legal Working Group*, Norway, 2012.
5. Zekoll J. *Jurisdiction in cyberspace // Günther Handl, Peer Zumbansen, Beyond territoriality - transnational legal authority in an age of globalization*, 2012.
6. Абашидзе А. Х., Конева А. Е. *Договорные органы по правам человека*. – М., 2015.
7. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. *Мирное разрешение международных споров*. – М.: РУДН, 2012.
8. Карташкин В. А. *Права человека: международная защита в условиях глобализации*. – М.: Норма, 2014.
9. *Право международных организаций / Под ред. А. Х. Абашидзе*. – М.: ЮРАЙТ, 2014.

9 *Право международных организаций / Под ред. А. Х. Абашидзе*. – М., ЮРАЙТ, 2014. – С. 403–425.

Ханмурзаев Р. Б.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассмотрены вопросы связанные с социальной защитой детского населения. Происходящая в стране радикальная трансформация экономической и общественной жизни привела к чрезвычайной актуализации проблемы социальной защиты детей.

Ключевые слова: Россия, детство, государство, социальная политика, права человека.

Khanmurzaev R. B.

THE PROBLEMS OF SOCIAL PROTECTION OF THE CHILD POPULATION IN RUSSIA

In the article the questions connected with social protection of the child population. What is happening in the country, the radical transformation of the economic and social life has led to emergency of mainstreaming social protection of children.

Keywords: Russia, childhood, the state, social policy, human rights.

Ханмурзаев Р.Б.

Статья 38 Конституции РФ предусматривает защиту:

1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

2. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей.

3. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.

Защита государством материнства и детства, семьи как конституционный принцип была впервые закреплена в 1977г. Подтверждение государственной политики в данной области в действующей Конституции Российской Федерации соответствует международно-правовым актам ООН по правам человека и свидетельствует о том значении, которое придается в современном социальном обществе семье, женщине-матери, детям.

Защита материнства и детства, семьи носит комплексный социально-экономический характер и осуществляется путем принятия разнообразных государственных мер поощрению материнства, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, ее социальной поддержке, обеспечению семейных прав граждан. И хотя средства и способы такой защиты в последние годы постоянно расширялись, необходимо их дальнейшее совершенствование. Что касается социальной защиты, то она является системой мер, направленных на соблюдение прав человека, на удовлетворение его социальных потребностей.

Современный кризис, охвативший все мировое сообщество, характеризуется такими общими для разных стран чертами, как усиление социальной отчужденности среди молодежи, все большее распространение в детской среде саморазрушающего поведения, что приводит к росту преступности, проституции, наркомании, алкоголизма и других негативных явлений. Все более ощутимым становится разрушение института семьи; семья не в состоянии проявлять достаточную заботу о своих детях, не выполняет родительских обязанностей, нередко сама создает условия, опасные для жизни и развития детей.

Дети - будущее любой страны, которое закладывается в настоящем, они - главный определяющий элемент и будущего России. Детство - это постоянная и естественным образом сменяемая часть любого общества, стадия жизненного цикла человека, когда начинается и продолжается развитие организма, формируются его важнейшие функции; это начальный этап активной социализации личности, включающий

усвоение определенной системы знаний, норм и ценностей, социальных ролей, позволяющих ребенку формироваться и функционировать в качестве полноценного члена общества. На нынешнем этапе развития российского общества создаются новые ориентиры социализации личности: законодательно утверждаются нормы и стандарты прав ребенка и свободы личности, приоритет частного интереса - в выборе формы обучения, получения профессии и т.д.

В России до настоящего времени не произошло формирования достаточно четких подходов к реформированию сложившейся системы социальной защиты, для которой характерны чрезвычайно высокая патерналистская роль государства и крайне слабо обозначенные общественные институты. В течение последних лет социальная защита населения России ориентировалась на адресное оперативное решение самых острых, кризисных, жизненных проблем отдельных категорий граждан на заявительной основе. На определенном этапе этот путь был наиболее реальным для практического решения задач в этой сфере и представлялся удачным. Однако время показало, что такой подход не дает долгосрочного эффекта, поскольку не нацелен на профилактику повторений кризисных ситуаций, на перспективную социальную защиту каждого конкретного человека и населения в целом.

Происходящие в стране реформы, нацеленные на упорядочение всех сфер жизни, требуют изменений в социальной сфере, в том числе создания высокоэффективной, ориентированной на ожидания общества системы многопрофильной целевой социальной защиты населения, которая должна обеспечивать комплексное разностороннее содействие человеку в решении различных, вызывающих необходимость социальной защиты, проблем на протяжении всей его жизни - начиная с периода вынашивания матерью ребенка и завершая достойным погребением человека. В этой связи социальную защиту следует рассматривать как защиту от социальных рисков потери или ограничения экономической самостоятельности и социального благополучия человека.

Детство - особое социальное явление, требующее научного осмысления - системного подхода и междисциплинарного изучения. При этом необходимо учитывать, что решение проблем детства невозможно вне связи с обществом, с государством. Ведущая роль в этих процессах принадлежит формирующейся государственной политике в интересах детей, способной обеспечить взаимодействие семьи, школы, церкви

и других социальных институтов именно с позиции защиты прав, удовлетворения потребностей и интересов детей.

Понятие «детство» и связанный с ним производный понятийный ряд используются на бытовом уровне. Теоретическое исследование понятия показывает, что его бытовая трактовка недостаточна для анализа макросоциальных процессов, поскольку входит в контекст социальных реальностей главным образом на макросоциальном уровне.

Есть сложности и при использовании понятия детства в трактовке, сложившейся в психолого-педагогическом цикле наук. В данном случае детство понимается как социальный феномен, отражающий роль, место и положение детей как социальной группы в данном государстве и обществе: состояние и уровень отношения государства, общества, взрослых к детям; создание достаточных и справедливых условий для выживания и развития детей, для защиты прав каждого ребенка, и прежде всего посредством принятия специальных законов или формирования и реализации адекватной политики государства. Когда мы говорим о социальном феномене детства, имеем в виду среднестатистическое понятие без учета национальной специфики, пола и возраста ребенка, места его проживания и материального обеспечения.

Социальная защита детей, детства и отрочества должна быть ориентирована на создание условий жизни и развития детей, позволяющих всем детям, независимо от того в какой семье они родились и живут, иметь наилучшие возможности для сохранения их здоровья, материального благополучия, свободного доступного образования, дошкольного и школьного воспитания, гармоничного духовно-нравственного развития, реализации своих способностей.

Особое внимание необходимо уделять детям-сиротам, а также детям, из неблагополучных семей. Надо научиться заботиться об этих детях так, чтобы они не чувствовали себя лишними, отчужденными от общества, а государство не представлялось бы им чем-то абстрактным, бесполезным, а то и враждебным.

Также целесообразным представляется создание Федерального попечительского совета детей-сирот. Необходимо принять все меры по охране и защите детей, находящихся в особо сложных условиях, в том числе оставшихся без надзора, беспризорных, подвергшихся экономической и сексуальной эксплуатации, страдающих социально-обусловленными заболеваниями, включая синдром приобретенного иммунодефицита, детей из числа беженцев, а также находящихся в тюремном заключении.

Однако проблемы детей, находящихся в особо сложных условиях, не исчерпывают многочисленных забот государства обо всех российских детях. Сложное положение женщин в быту и на производстве, разрушенность семейных связей поколений привели к практически бесконтрольному и никем не направляемому развитию детей, в том числе со стороны матерей, отцов, бабушек, дедушек, других старших членов семьи. Практически прекратила играть сколько-нибудь значимую роль в этих процессах школа. Надо изменить сложившееся положение. С этой целью следует провести экспертизу (ведомственную и независимую) существующих разно уровневых нормативно-правовых и программных документов, касающихся проблем детей, выявить состояние исполнения и необходимость корректировки этих документов.

Необходимо упорядочить процесс коммерциализации услуг, предназначенных детям, в сферах образования, охраны здоровья, детского творчества, физкультуры и спорта и определить учреждения, где это уместно.

В отстаивании прав ребенка на охрану здоровья, образования, имущественные интересы крайне слабо обозначены роль и место прокурорского надзора, судебных и правоохранительных органов, а также разнообразных структур, подведомственных Министерству труда и социального развития России, Минобразования и Минздраву России, иным федеральным и региональным органам власти. Следует устранить правовые и организационные пробелы в решении проблем детей. Будущее России в наших детях. Это должно быть целью всех усилий, направленных на социальную защиту детей, детства и отрочества.

Социальная защита детей, детства и отрочества должна эффективно оберегать детей всех возрастных групп, а также периодов развития, от социальных рисков.

На государственном уровне следует однозначно определиться по вопросу идеологии детских пособий: либо недвусмысленно дать статус этим пособиям как пособиям по бедности, и тогда критерием их выплаты станет доход семьи, либо следует рассматривать такие пособия как проявление государственной политики поддержки отечественного генофонда и рождаемости, и потому выплата пособий не должна зависеть от того к какой по достатку семье принадлежит ребенок.

Организация социально-педагогической поддержки детства в целом должна быть направлена на устранение или ослабление воздействия причин, выступающих факторами риска для детей. Причем эти проблемы должны решаться в комплексе.

Пристатейный библиографический список

1. Акатов Л. И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья: психологические основы [Текст]: учебное пособие / Л. И. Акатов. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 368 с.
2. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6.
3. Назарова М. Н. Специальная педагогика. – М.: АСАДЕМА, 2000. – 519 с.
4. Саегталиева Л. Р. Система социальной защиты детей с ограниченными возможностями за рубежом // V Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15 февраля – 31 марта 2013 года

Элов З. С.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН, УСЛОВИЙ, ФАКТОРОВ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

Проблема самоубийства (суицида) как крайнего проявления аутоагрессии существовала в течение всей истории развития общества. Но до настоящего времени не создано единой теории, объясняющей природу суицидального поведения. Существуют различные точки зрения исследователей на понимание феномена суицида и вызывающие его причины. Говоря о самоубийстве как об осознанном лишении себя жизни, необходимо рассматривать не только внешние (социальные) причины суицидов, но и их внутренние, личностные мотивы, которые проявляются в виде конфликтов. При таком рассмотрении в качестве причин суицидального поведения выступает множество факторов.

Ключевые слова: суицид, суицидент, аутодеструктивное поведение, нарушение контроля, суицидальное поведение, психические расстройства.

Elov Z. S.

RESEARCHES OF THE REASONS, CONDITIONS, FACTORS OF SUICIDE RISK

The problem of suicide as extreme manifestation of an autoaggression existed during all history of development of society. But so far it isn't created the uniform theory explaining the nature of suicide behavior. There are various points of view of researchers on understanding of a phenomenon of a suicide and the reasons causing it. Speaking about suicide as about conscious deprivation of life, it is necessary to consider not only the external (social) reasons of suicides, but also their internal, personal motives which are shown in the form of the conflicts. By such consideration the set of factors acts as the reasons of suicide behavior.

Keywords: suicide, suicider, autodestructive behavior, abuse of control, suicide behavior, mental disorders.

Элов З. С.

Известно, что поведение человека полимотивировано. Поэтому суицидальное поведение обусловлено, как правило, не одним, а несколькими одновременно действующими и взаимодействующими мотивами. Фрустрация актуальных потребностей определяет в ряде случаев мотивы аутодеструктивного поведения. По мнению Эдвина Шнейдмана, большинство самоубийств можно разделить на пять групп соответственно фрустрированным потребностям. Следовательно, можно выделить пять основных мотивов суицидального поведения, связанных с:

- 1) неудовлетворенными потребностями в любви и привязанности;
- 2) нарушением контроля предсказуемости и организованности;
- 3) снижением самооценки в силу стыда, поражения, унижения или позора;
- 4) разрушением значимых отношений;
- 5) фрустрированными потребностями в доминировании, агрессии и противодействии.

В отечественной суицидологии В. А. Тихоненко были выделены следующие мотивы суицидального поведения: протест, призыв (к состраданию), самонаказание, избегание (наказания, болезни, страдания и др.), отказ от жизни, самопожертвование.

С определенной долей условности известные к настоящему времени факторы, ведущие к суицидальному поведению, можно разделить на: социально-экономические, социально-демографические, природные, медицинские, индивидуально-психологические.

Проделанный Э. Дюркгеймом анализ причин и условий совершения самоубийств говорит о том, что изменения экономических условий жизни являются пусковым механизмом дезинтеграции в обществе, которая и обуславливает рост самоубийств.

При рассмотрении причин суицидального поведения необходимо учитывать медицинские факторы суицидального риска.

Как отмечено ниже, в настоящее время общепризнанно, что 25–30% суицидов совершается лицами с психическими расстройствами, а остальное количество приходится на психически здоровых и лиц с пограничными расстройствами.

Согласно МКБ-10 в плане высокого суицидального риска выделяют пограничное расстройство личности, антисоциальную личность, личность с выраженным нарциссизмом, истерическую и ананкастную личности. Однако, по мнению некоторых отечественных ученых (К. Б. Гацзолаева, А. Н. Дурнова, Г. А. Скибина, Л. Г. Магурдумовой), суицидальное поведение не менее характерно и для других форм психопатий. Так, в исследовании, проведенном А. Н. Дурновым (1978) на контингенте психоневрологического диспансера, выявлено, что среди психопатов, совершивших суицидальную попытку, психопаты истерического круга составляли 39%, возбуждимого — 30%, астенического — 11%, аффективного — 11%.

Анализ литературы показывает, что большинство авторов считают депрессию одним из важнейших предикторов суицидального поведения¹. Рассмотрение отдельных депрессивных феноменов, как детерминант суицидального поведения, приводится во многих научных трудах. Так, А. Т. Beck, D. Lester в своих работах отмечают такой суицидогенный фактор депрессии, как чувство безнадежности, который, по мнению авторов, является более чувствительным показателем в структуре развития суицидальной реакции, чем сама депрессия².

1 Шустов Д. И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. М., 2004. С. 40
2 См.: Beck A.T. et. al. Relationship between hopelessness and ultimate suicide a replication with psychiatric out patients // Am. J. Psychiatry. 1990. 147. P. 190-195; Beck A.T., Steer R.A., Trexler L.D. Alcohol abuse and eventual suicide: A 5- to 10-year prospective study of alcohol-abusing suicide attempters I I J. of Studies on Alcohol. 1989. Vol. 50. № 3. P. 202-209; Lester D. Current concepts of suicide. - Philadelphia, 1990; Lester D. Factors affecting choice of method of suicide // J. Clin. Psychol. 1996. Vol. 26. P. 649-651; Lester D. Suicidal behavior in bipolar

Н. В. Верещагина (2005) выделила факторы, предрасполагающие к формированию личности с суицидальными особенностями. Это насилие над ребенком в детском периоде жизни, семейная дисфункциональность, неполная семья, доминирующая холодная мать, демонстративные попытки суицида в семье, наличие самоубийств среди близких родственников³.

Влияние семьи и родительских установок на формирование аутодеструктивного поведения исследовались и зарубежными авторами. Так, Дж. Рейнгольд (2005), исследуя материнскую разрушительность, отмечает, что комплекс трагической смерти организма (формирующийся как ответная реакция плода на неосознанные разрушительные импульсы матери) охватывает две тенденции: желание смерти для других и желание умереть либо быть раненым и уничтоженными. Из-за своего очень раннего происхождения этот комплекс имеет патогенную силу на протяжении всей последующей жизни и особенно актуализируется в условиях жестокого воспитания или эмоциональной депривации⁴.

Как показывает анализ литературы, семья, наличие детей – это основные антисуицидальные факторы. Так, среди разведенных и овдовевших уровень суицидов повышается в два-три раза (1, 3, 4). Вместе с тем возникающие проблемы среди членов семьи могут стать основой для совершения суицидальных действий. Так, по данным исследования В. Ф. Войцеха (2007), среди лиц мужского пола, совершивших повторные суицидальные попытки, нерешенные конфликты в семье имели 95.8%, среди женщин этот процент составил 75.6.. По данным Ю. Г. Касперович (2004), в 50% случаев наиболее типичные конфликтные ситуации, побудившие сотрудников органов внутренних дел принять решение о самоубийстве, связаны с семейными проблемами⁵.

Такие серьезные стрессовые ситуации, как болезнь, смерть близких, развод, часто превосходят возможности защитных механизмов человека, что в некоторых случаях может повысить риск проявления суицидальных реакций.

Семья является основным институтом социализации индивида, поэтому проблемы в семье имеют особую значимость для человека. Суицид нельзя изучать вне контекста социального окружения конкретного человека. Обязательно следует принимать во внимание актуальные потребности, цели и стремления его близких. Важно понимать не только переживания суицидального индивида, но и эмоциональный климат семьи⁶.

Таким образом, анализируя причины суицидов, можно сделать вывод о зависимости самоубийств от различных условий (семейных, социально-экономических, политических, культурно-исторических и пр.).

Литература, искусство, средства массовой информации играют существенную роль в формировании жизненно важных ценностей каждого человека, в том числе отношения к жизни и к смерти.

Например, освещение проблемы самоубийства в Интернете на форумах впервые было затронуто в работах Р. Вауме,

С. Н. Cantor, А. Rolfe, К. Becker, М. Mayer, М. Nagenborg, М. Schmidt. Авторы пришли к выводу, что главная опасность для пользователей от подобных форумов происходит из-за обсуждения совершенных или задуманных суицидальных действий, количества и качества доз медикаментов, необходимых для летального исхода, различных способов подготовки для совершения суицидальной попытки. Следует отметить, что S. Winkel, G. Groen, F. Petermann считают, что польза суицидальных форумов есть, если на них запрещены или не обсуждаются методы и способы самоубийств.

Таким образом, суицид – это не только индивидуальная поведенческая реакция, обусловленная психологическими или патопсихологическими изменениями в жизненных кризисных ситуациях. Это еще и статистически устойчивое социальное явление, распространенность которого подчиняется определенным закономерностям, связанным с социально-экономическими, социально-политическими, культурно-историческими и этническими условиями развития страны и различных ее регионов⁷.

Рассматривая факторы суицидального риска, необходимо отметить, что суицидальное поведение в виде парасуицидов является одним из факторов риска для совершения самоубийств в будущем. По данным R. Diekstra (1993), от 10% до 14% совершивших суицидальную попытку умирают от следующей попытки⁸. Д. Шаффер с соавторами (1988) приводят данные о том, что 20% мужчин и 30% женщин совершали предыдущие суицидальные попытки⁹.

Следует выделить, что количество суицидальных попыток многократно превышает количество осуществленных самоубийств. У взрослых они предположительно соотносятся как 6 или 10 к 1, а у подростков как 50:1 или даже 100:1¹⁰.

По данным исследования, приведенным В. Ф. Войцехом (2007), у лиц с повторными суицидальными попытками патохарактерологические особенности встречаются в 3–4 раза чаще, чем среди лиц с единичными попытками. Кроме того, при повторных суицидальных попытках отмечен более длительный период дезадаптации и зафиксированы причины суицидальных попыток, связанные с переживанием одиночества, желанием снять психоэмоциональное напряжение. Показательно, что при повторных попытках выявлены мотивы «отказа» и «самонаказания», указывающие на истинные суицидальные намерения¹¹.

Таким образом, при рассмотрении предикторов суицидального поведения необходимо рассматривать комплекс причин и условий, приведших человека к совершению самоубийства. При этом личность является основой для понимания суицидального поведения как проявления социально-психологической дезадаптации.

Обобщая данные исследований, можно констатировать, что у лиц с суицидальным поведением в результате многочисленных исследований выявлено:

and unipolar affective disorders: a meta-analysis // J. Affect. Disord. 1993. Vol. 27. № 2. P. 117-121.

3 См.: Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция, поственция. М., 2001. С. 283-285.

4 См.: Рейнгольд Д. С. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. -М.: ПЕР СЭ, 2004. С. 313-326.

5 Касперович Ю. Г. Психологическое обеспечение профилактики суицидов среди сотрудников органов внутренних дел. Дисс. наиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 2004. С. 76.

6 Гроллман Э. Указ. соч. С. 303.

7 Амбрумова А.Г. Психология самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. 1996. № 4. С. 14-20.

8 См.: Байте Р., Cantor С.Н., Rolfe А. Cybersuicide: the role of interactive suicide notes on the Internet // Crisis. 1997; 18(2):73-9; Becker К., Mayer М., Nagenborg М., Schmidt М. Parasuicide online: Can suicide websites trigger suicidal behaviour in predisposed adolescents? // Nord J Psychiatry/ 2004; 58(2):111-4.

9 Winkel S., Groen G., Petermann F. Social support in suicide forums // Prax Kinderpsychol Kinderpsychiatr. 2005 Nov; 54 (9): 714-27.

10

11 Войцех В. Ф. Клиническая суицидология. М.: Миклош, 2008. С. 185-207.

– дихотомичное мышление и туннельное сознание, заключающееся в резком ограничении выбора вариантов поведения;

– когнитивная ригидность;
– неадаптивные стратегии совладания («игнорирование», «растерянность», «покорность», «агрессивность», «активное избегание»);

– слабость личностной психологической защиты;
– напряженность потребностей;
– неадекватная самооценка своих возможностей;
– чрезмерный уровень рефлексии, нередко негативное самовосприятие;

– болезненное самолюбие;
– перфекционизм;
– неблагополучие коммуникативной сферы;
– эмоциональная нестабильность;
– неустойчивость к психоэмоциональным нагрузкам;
– сниженный самоконтроль;
– скрываемая гетероагрессивность;
– пессимистическая окраска переживаний;
– повышенная тревожность;
– сниженный порог фрустрирующих переживаний;
– склонность к накоплению аффекта;
– аффективная напряженность;
– чувство безысходности;
– феномен душевной боли;
– снижение и утрата ценности жизни.

Таким образом, личностные характеристики самого личного плана, как суицидогенный фактор, отмечают практически все соприкасающиеся в своей работе с покушением на самоубийство. Каждый ученый находит свои аспекты изучения суицидогенных факторов, в том числе и характеристик личности. Но, как правило, изучаются индивидуально-психологические особенности лиц, состоящих на психоневрологическом учете или имевших ранее суицидальные попытки. Остальная группа суицидентов остается вне научных исследований. Поэтому проблема выделения личностных факторов суицидального риска остается недостаточно изученной.

Анализ литературы показывает, что, анализируя суицидогенные факторы, необходимо выделять антисуицидогенные факторы.

В работах Д. Вассерман, А. Г. Амбрумовой, В. А. Тихоненко, В. С. Ефремова, Г. С. Човдыровой и др. выделены характеристики личности, препятствующие совершению суицидальных действий. К ним относятся: чувство собственного достоинства; самоконтроль при достижении цели или возникновении препятствий в осуществлении жизненных замыслов; возможность обращения за помощью при возникновении трудностей; откровенность; открытость для обучения и общения; выраженное чувство долга; концентрация внимания на состоянии собственного здоровья; страх боли и физических страданий; зависимость от мнения окружающих; боязнь осуждения; эмоциональная привязанность к родителям или детям; наличие эстетических чувств; религиозные убеждения; творческие замыслы.

Внешние факторы, препятствующие формированию суицидальных намерений: благоприятные семейные отношения, поддержка со стороны значимых лиц, хорошие отношения с ближайшим окружением (соседями, сослуживцами, друзьями и др.), социальная интеграция в труде, спорте и пр.

Таким образом, для определения суицидального риска необходимо проводить анализ внешних и внутренних суицидогенных и антисуицидогенных факторов. Исходя из того,

что суицидальное поведение обусловлено интегральной системой личностной структуры, социально-психологической дезадаптацией, переживаемым конфликтом, а суицидальный риск — это степень вероятности возникновения суицидальных побуждений, формирования суицидального поведения и осуществления суицидальных действий, следовательно, степень выраженности суицидального риска можно определить путем сопоставления суицидогенных и антисуицидогенных факторов личности, а также степенью влияния личностно-ситуационных (характер и значимость суицидогенного конфликта) и средовых (социально-демографических и др.) факторов.

Пристатейный библиографический список

1. Агзамова Е. Ю. Ва бошқалар. Ички ишлар идоралари ходимлари ва ҳақиқий ҳарбий хизматни ўтаётган ҳарбий хизматчиларнинг суицидал хулқ-атвори профилактикаси: Ўқув қўлланма. – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2012. – 106 б.
2. Амбрумова А. Г., Постовалова Л. И. Семейная диагностика и профилактика суицидального поведения // Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии. М., 1984. С. 62-77
3. Верещагина Н. В. Суицидальное поведение при психических расстройствах. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. мед. наук. М., 2005.
4. Войцех В.Ф. Клиническая суицидология. М.: Миклош, 2008.
5. Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция, поственция. М., 2001.
6. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е.П. Ильин. - СПб.: Питер, 2008. - 432 с.
7. Касперович Ю. Г. Психологическое обеспечение профилактики суицидов среди сотрудников органов внутренних дел. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 2004.
8. Постовалова Л. И. Социально-психологические аспекты семейной диагностики суицидентов. С. 105-116. и др.
9. Пряхина М. В. Организация психологической службы в органах внутренних дел: Учебное пособие / М. В. Пряхина. - СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2009.
10. Рейнгольд Д. С. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. - М.: ПЕР СЭ, 2004.
11. Хакимова И. М. Девиант хулқ-атвор психологияси: Ўқув қўлланма – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2013. – 155 б.
12. Шустов Д. И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. М., 2004.

Цыпышева А. А., Гареева З. А. ОБЪЕДИНЕНИЕ ФИНАНСОВОГО И УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧЕТА ПО СЕГМЕНТАМ

В статье рассмотрена нормативная база, регламентирующая организацию учета по сегментам в системе финансового и управленческого учета. Отмечается, что в нормативных документах появляется мысль об объединении управленческого учета с финансовым.

Ключевые слова: учет по сегментам, учет по центрам ответственности, финансовый учет, управленческий учет, сегментарный учет, нормативное регулирование учета.

Tsypysheva A. A., Gareeva Z. A. UNITED FINANCIAL AND MANAGEMENT ACCOUNTING IN REGULATORY REGIME OF ACCOUNTING BY SEGMENTS

The article describes the regulatory framework that governs the organization of the accounting by segments in financial and management accounting. It is noted that in the regulations the idea of combining the financial and management accounting appears.

Keywords: accounting by segment, accounting by responsibility centers, financial accounting, management accounting, segmental accounting, regulation of accounting.

В наши дни модель рыночной экономики означает полную самостоятельность предприятия как хозяйствующего субъекта. В сложившихся условиях отражение в отчетности информации по сегментам необходимо для оценки результативности функционирования предприятия и дальнейшего стратегического развития. Понятие сегментарной отчетности в теории бухгалтерского учета было изначально связано с предоставлением организацией внешней отчетности о различных направлениях, видах и рынках ее деятельности. Определение понятия сегментарного учета связано с появлением и становлением в практике зарубежных компаний понятия «управленческий учет».

Методология учета затрат в трактовке российских ученых позволяет характеризовать сегмент деятельности организации как учетно-отчетную единицу, описывающую отдельные аспекты деятельности компании. Я. В. Соколов в своей статье «Управленческий учет: миф или реальность?»¹ трактует управленческий учет как аналитический учет. Следовательно целесообразно выделение сегментов в качестве единиц аналитического учета, представляющих необходимую учетную информацию для целей менеджмента.

Из зарубежной практики в системе управленческого учета появилась организация учета затрат по центрам ответственности, с формированием необходимой отчетности, цель которого включает обобщение данных о затратах и результатах деятельности в разрезе с тем, чтобы возникающие отклонения можно было отнести на конкретное лицо. Обязательным условием внедрения управленческого учета по сегментам в компании является организация учета существенных показателей по центрам ответственности. К определяющим критериям центра ответственности относят: территориальную обособленность подразделений, однородную функциональную деятельность и работу менеджера, уполномоченного на принятие решений и отвечающего за результаты данного подразделения. Понятию сегмента соответствует термин «центр сегментирования», открывающий взгляд на сегмент с точки зрения способа получения информации по сегментам. Понятие «сегмент» является наиболее широким, его характеристикам соответствуют и центры ответственности, и центры сегментирования.

Поэтапная группировка управленческой информации начиная с центров ответственности, а затем ее обобщение по центрам сегментирования полностью удовлетворяет требованиям ПБУ 12/2010 «Отчетность по сегментам»². Следует напомнить, что в соответствии с п. 5 ст. 2 Закона «О бухгалтерском учете»³ требования нормативных документов не применяются в отношении управленческого учета. Вместе с тем внутренняя управленческая информация отнесена в состав коммерческой тайны предприятия. Кроме того, в ПБУ 12/2010 указано, что за основу формирования показателей отчетных сегментов при составлении бухгалтерской отчетности берутся данные управленческого учета. Вопреки имеющимся столкновениям положений ПБУ 12/2010

и Закона «О бухгалтерском учете» впервые в нормативных документах появилась мысль об объединении управленческого учета с финансовым. Помимо того, в ПБУ 12/2010 приведены показатели, по которым следует провести сравнение данных, полученных из обеих учетных систем. Данными показателями являются: показатели выручки организации и суммарная величина выручки всех отчетных показателей; величина прибыли, активов и обязательств; величина каждого существенного показателя, раскрываемого в отношении отчетных сегментов. Данный перечень открывает возможность применения бизнес-модели, направленной на достижение максимальной прибыли при организации внедрения учета по сегментам.

Управленческий учет по сегментам является частью управленческого учета и подсистемой бухгалтерского учета, при этом используются элементы метода бухгалтерского учета; применяются приемы и способы финансового учета и непосредственно внедряются собственные специфические приемы и способы⁴. В системе управленческого учета необходимо регулярное предоставление управленческой информации (ежедневная, еженедельная, ежемесячная). По завершении отчетных периодов эта информация укрупняется в разрезе отраслей деятельности и географических районов и в таком виде раскрывается в бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Пристайный библиографический список

1 Соколов Я. В. Управленческий учет: миф или реальность? // Бухгалтерский учет. – 2000. – № 18. – С. 50–52.
2 Приказ Минфина РФ от 08.11.2010 № 143н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Информация по сегментам» (ПБУ 12/2010)».
3 Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О бухгалтерском учете».

1. Соколов Я. В. Управленческий учет: миф или реальность? // Бухгалтерский учет. – 2000. – № 18.
2. Приказ Минфина РФ от 08.11.2010 № 143н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Информация по сегментам» (ПБУ 12/2010)».
3. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О бухгалтерском учете».
4. Гареева З. А. Организация управленческого учета производственных издержек: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». – Уфа: ФГБОУ ВПО «Уфимский гос. нефтяной технический ун-т», 2006.

4 Гареева З. А. Организация управленческого учета производственных издержек: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». – Уфа: ФГБОУ ВПО «Уфимский гос. нефтяной технический ун-т», 2006.

Цыпышева А. А.

Гареева З. А.

Голышев Н. В.

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается сущность заработной платы, анализируются различные подходы к понятию «заработная плата» и классификации функций оплаты труда в сфере образования с позиции экономико-правовых отношений.

Ключевые слова: заработная плата, сущность оплаты труда, экономико-правовые отношения, бюджетная сфера, сфера образования, функции оплаты труда, подходы к классификации оплаты труда.

Golyshev N. V.

THE ESSENCE AND FUNCTIONS OF WAGES IN EDUCATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC AND LEGAL RELATIONS

The article deals with the essence of wages, various approaches to the concept of «wages» and the classification of the functions of remuneration from a position of economic and legal relations.

Keywords: wages, the nature of remuneration, economic and legal relationship, public sector, education sector, functions of wage, approaches to classification of wage.

Голышев Н. В.

В экономической литературе встречается достаточно большое количество трактовок понятия оплаты труда, однако ни одна из них не является общепринятой. Различные трактовки заработной платы даются не только в нормативно-правовых документах, но и в подходах экономистов к этому вопросу.

В правовом контексте заработную плату стоит рассматривать как выплату работникам за их труд в соответствии с законодательством, которую производит их работодатель. С позиции экономики заработная плата может трактоваться как стоимость труда, стоимость рабочей силы, цена труда, или как цена рабочей силы.

Однако, несмотря на существенные различия в подходах, термин «заработная плата» является одной из главных категорий, как экономики, так и права.

«Отец экономической науки» Адам Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» рассматривает заработную плату как вознаграждение за труд, который работник продает нанимателю¹. По Смиту, заработная плата представляет собой цену труда и сводится к стоимости минимума средств существования, необходимых для работника и его семьи.

П. Самуэльсон говорил о том, что «люди за определенную цену сдают свои услуги в аренду». Данная арендная стоимость и есть ставка заработной платы. По его мнению, заработная плата играет важнейшую роль среди прочих товарных цен, что связано с тем, что для большинства населения заработная плата является единственным источником дохода².

Международная организация труда в Конвенции № 95 «Относительно защиты заработной платы» дает следующее определение заработной плате: «Термин “заработная плата” означает независимо от названия и метода исчисления всякое вознаграждение или заработок...которые предприниматель

должен уплатить в силу письменного или устного договора о найме услуг трудящемуся за труд...»³.

В Трудовом кодексе Российской Федерации приводится следующее определение понятия «заработная плата» – это вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные и стимулирующие выплаты⁴.

Говоря о сущности оплаты труда в образовании, стоит отметить, что она, по нашему мнению, тождественна сущности оплаты труда в других отраслях и сферах как материального, так и нематериального производства.

Сущность заработной платы состоит в том, что она является выраженной в денежной форме долей части национального дохода, которая направляется на цели личного по-

Таблица 1. – Подходы к классификации функций оплаты труда (составлено автором).

Автор	Выделяемые функции
Савченко П. В., Кокин Ю. П.	1. Воспроизводственная; 2. Стимулирующая; 3. Регулирующая.
Фролова Т. А.	1. Воспроизводственная; 2. Социальная; 3. Стимулирующая; 4. Статусная; 5. Регулирующая; 6. Функция формирования платежеспособного спроса работающих по найму; 7. Производственно-долевая.

1 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Глава VIII «О заработной плате». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/70320/e6586e522e5a3fb3904b8f70ac939826.pdf?sequence=1> (дата обращения: 23.07.2015 г.).

2 Самуэльсон П. Экономика. – Севастополь: «Ахтиар», 1995. – С. 265.

3 Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женева 01.07.1949) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6739/3docac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7 (дата обращения: 23.07.2015 г.).

4 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.06.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148790/ (дата обращения: 23.07.2015 г.).

требления и распределения по количеству и качеству труда, затраченного каждым работником в общественном производстве.

Сущность оплаты труда работников сферы образования реализуется как и в других сферах производства через ее функции.

Анализ таблицы показывает, что наиболее общими функциями оплаты труда являются:

- воспроизводственная;
- стимулирующая;
- регулирующая.

Каждой из этих функций соответствует собственный механизм реализации.

Некоторые авторы выделяют дополнительные функции оплаты труда. Например, Т. А. Фролова выделяет в числе прочих следующие функции заработной платы: социальная, статусная, производственно-долевая и функция формирования платежеспособного спроса работающих по найму. Социальная функция, как уточняет сам автор, является не совсем самостоятельной, а может иногда выделяться из воспроизводственной, с целью показать социальную значимость заработной платы. Статусная функция оплаты труда предполагает соответствие статуса, определяемого размером заработной платы, трудовому статусу работника. Это связано с тем, что сопоставление трудового статуса с трудовыми усилиями работника дает возможным судить о справедливости его оплаты труда. Производственно-долевая функция отражает меру «живого» труда в образовании цены товара, его долю в издержках на рабочую силу и производства. Эта функция помогает определить цену рабочей силы и ее конкурентоспособность на рынке труда. Функция формирования платежеспособного спроса работающих по найму предполагает определение их покупательной способности, что в конечном итоге позволяет установить рациональные пропорции между товарным спросом и предложением⁵.

Н. А. Горелов и Г. Х. Гендлер добавляют к «общим» функциям еще две: политическая и информационная⁶. И, на наш взгляд, это справедливо, так как информационная функция оплаты труда дает представление о финансовом положении организации, ее экономических возможностях и т.п. Политическая функция оплаты труда приобретает в последнее время все большее значение. Так, например, к обсуждению вопросов модернизации системы оплаты труда работников бюджетной сферы оказались вовлеченными не только непосредственно работники, работодатели, профсоюзы, но даже СМИ, политические партии и различные общественные движения.

Таким образом, в настоящее время существует огромное количество различных трактовок понятия «заработная плата», но ни одно из них не является общепринятым. Однако термин «заработная плата» является одной из главных категорий как экономики, так и права. Сущность заработной платы в бюджетной сфере тождественна ее сущности в других отраслях как материального, так и нематериального производства, хотя и имеет определенные особенности, что связано со спецификой сферы. На практике сущность оплаты труда реализуется через ее функции. В экономической литературе различные ав-

Таблица 2. – Механизм реализации основных функций оплаты труда (составлено автором).

Функция	Механизм реализации
Воспроизводственная	Установление минимальных уровней заработной платы.
Стимулирующая	Дифференциация оплаты труда по уровням квалификации работников, сложности работы и т.п.
Регулирующая	Установление пропорций в оплате труда по видам деятельности, профессионально-квалификационным группам и регионам РФ.

торы приводят не только неодинаковое количество функций заработной платы, но и по-разному трактуют их содержание.

Пристатейный библиографический список

1. Гайсина Л.М. Формирование модели механизма трансформации системы управления персоналом // Власть. – 2015. – № 3. – С. 76–81.
2. Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женева 01.07.1949) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6739/document/cons_doc_LAW_6739/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 23.07.2015 г.).
3. Оплата труда в бюджетной сфере: Учеб. пособие/ Под ред. П. А. Горелова, Г. Х. Гендлера. – СПб.: СПбГУЭФ, 2001.
4. Самуэльсон П. Экономика. – Севастополь: «Ахтиар», 1995.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Глава VIII «О заработной плате» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/70320/e6586e522c5a3fb3904b8f70ac939826.pdf?sequence=1> (дата обращения: 23.07.2015 г.).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.06.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148790/ (дата обращения: 23.07.2015 г.).
7. Фролова Т. А. Экономика предприятия: конспект лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m203/6_1.htm (дата обращения: 23.07.2015 г.).

5 Фролова Т. А. Экономика предприятия: конспект лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m203/6_1.htm (дата обращения: 23.07.2015 г.).

6 Оплата труда в бюджетной сфере: Учебное пособие/ Под ред. П. А. Горелова, Г. Х. Гендлера. – СПб.: СПбГУЭФ, 2001. – С. 36.

Керимханова Д. С. ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ

29 мая в Государственную Думу был внесен законопроект, которым предусматривается введение обязанности операторов поисковых систем по требованиям граждан прекратить выдачу ссылок на недостоверную, распространяемую с нарушением законодательства информацию, на достоверную информацию о событиях, которые имели место и завершились более трех лет назад, кроме информации о событиях, которые содержат признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. Необходимо ли «право на забвение»?

Ключевые слова: Интернет, «право на забвение».

Kerimhanova D. S. RIGHT TO OBLIVION

On may 29, the State Duma was introduced a bill which provides for the imposition of duties of operators of search engines on claims of citizens to stop the issuance of links to unreliable distributed in violation of the law details, reliable information about the events that took place and was completed more than three years ago, in addition to information about events that contain signs of criminal acts, terms of criminal responsibility for which has not expired, and information on the occurrence of a citizen of a crime for which not removed or outstanding previous conviction. Whether the «right to oblivion»?

Keywords: Internet, «right to oblivion».

Керимханова Д. С.

С 1 января 2016 года вступает в силу закон Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О праве на забвение». Закон о праве на забвение относится к теме «Регулирование Интернета». Получившее распространение в СМИ и в Интернете название законопроекта № 804132-6 о внесении изменений в федеральный закон об информации и отдельные законодательные акты РФ. Стоит отметить, что подобные законы уже действуют в странах Европейского Союза и некоторых американских штатах.

Законопроект был разработан группой депутатов Госдумы в мае 2015 года и был предложен спикеру Госдумы Сергею Нарышкину 29 мая.

Согласно законопроекту, оператор поисковой системы обязан по требованию гражданина удалить недостоверную либо достоверную информацию, но связанную с событиями, произошедшими не менее трёх лет назад (кроме информации об уголовных деяниях), а также информацию, распространяемую с нарушением законодательства. Для того, чтобы эти сведения были удалены, гражданину требуется написать обращение, в котором он должен указать свои личные и паспортные данные, информацию, выдача ссылок на которую должны быть прекращена.

В случае обнаружения неправильных сведений поисковик вправе направить заявителю требование уточнить представленные данные. После этого оператор поисковики в течение 10 (в первоначальной редакции – 3) дней обязан удалить информацию или направить заявителю отказ. Согласно законопроекту, за игнорирование пользователя поисковик может быть оштрафован на 100 тысяч, а за игнорирование решения суда – на 3 миллиона рублей. Но штрафование вскоре посчитали избыточным.

16 июня 2015 года законопроект был принят в первом чтении, после поправок 30 июня был принят во втором чтении. 8 июля законопроект был одобрен Советом Федерации. 14 июля 2015 года закон был подписан Президентом РФ В. В. Путиным.

В чем суть данного законопроекта?

Право на забвение (право быть забытым, англ. right to be forgotten) – право человека, позволяющее ему потребовать при определенных условиях удаление своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы, то есть ссылок на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред. Это касается устаревших, неуместных, неполных, неточных или избыточных данных или информации, законные основания для хранения которой исчезли с течением времени.

Идея о необходимости защиты персональных данных появилась ещё в конце XIX века. Луи Брандейс писал о «праве быть оставленным в покое»: «Многочисленные механические устройства предвещают истинность предсказания, что то, что говорили на ухо внутри дома, будет провозглашено на кровле». Один из исследователей правового регулирования в Интернете, Виктор Майер-Шенбергер, считает, что повышенный интерес европейцев к защите персональных данных коренится в «кровавой истории XX века», и в 1990-х годах многие законы «были переписаны», чтобы предотвратить возвращение к тоталитаристским подходам к частной жизни. Поэтому в Европе довольно распространена юридическая практика, устанавливающая грань между правом средств массовой информации на публикацию информации о каком-либо человеке и правом этого человека на неприкосновенность частной жизни.

Однако стремительное развитие Сети. стало причиной значительных изменений в сфере распространения информации, которая благодаря социальным сетям, блогам и поисковым системам стала не только доступной любому пользователю в любой точке мира, но также и практически неподдающейся контролю. Это привело к формированию мощной цифровой памяти: личная информация, попав в Сеть, остаётся там навсегда. И право на забвение стало актом естественной самозащиты общественности (прежде всего в Европе) от всепроникающей власти Интернета.

В настоящее время из-за отсутствия единого законодательного акта, объясняющего и регулирующего право на забвение, концепцию называют «неопределённой». Данное право

позволяет индивидам удалять видео, фотографии или любую другую информацию о себе, чтобы она стала таким образом недоступной для поисковых систем. В этом смысле необходимо отличать «право на забвение» от «права забывать» (англ. right to forget): второе относится к запрету на упоминание исторического события из-за срока давности произошедшего, что делает его неактуальным для общества. Тем не менее для права на забвение действует то же правило: «чем больше срок давности у информации, тем больше персональные интересы преобладают над общественными», так как «с течением времени интерес со стороны общества к определённым фактам прошлого блекнет или исчезает вовсе». В конечном итоге право на забвение состоит в праве каждого на «исчерпывающую и актуальную информацию о себе». Право на забвение отделено также и от права на неприкосновенность частной жизни, так как подразумевает удаление информации уже публичной, но нежелательной для дальнейшего доступа со стороны третьих лиц.

В самом современном понимании права на забвение речь идет прежде всего об удалении ссылок в поисковых системах на материалы, содержащие персональные данные или нежелательную информацию, но не самих материалов. В Европе предпосылки права на забвение существуют в законодательстве Франции, в котором признается le droit à l'oubli — право, позволяющее осуждённому, отбывшему срок наказания и реабилитированному, возражать против публикации фактов о его судебном прошлом. Подобный принцип действует и в Великобритании: по прошествии некоторого времени, многие судебные приговоры считаются «исчерпанными». Как в Европе, так и в США, в судебных отчётах не упоминаются имена несовершеннолетних, так как ошибки, совершённые в юности, не должны негативно влиять на взрослую жизнь.

Право на забвение тесно связано с принципом Habeas data ((лат. Habeas data, буквально – «имеешь сведения») — конституционный принцип ряда государств, предусматривающий право гражданина в судебном порядке требовать доступа к любым касающимся его документам, хранящимся в архивах и учреждениях, в том числе специальных службах, закреплённом в конституционном праве ряда стран, прежде всего, Латинской Америки. Согласно этому принципу, любой человек (или гражданин) имеет право «требовать в судебном порядке ознакомления с любыми касающимися его данными, хранящимися в любых архивах и учреждениях, включая архивы служб государственной безопасности»).

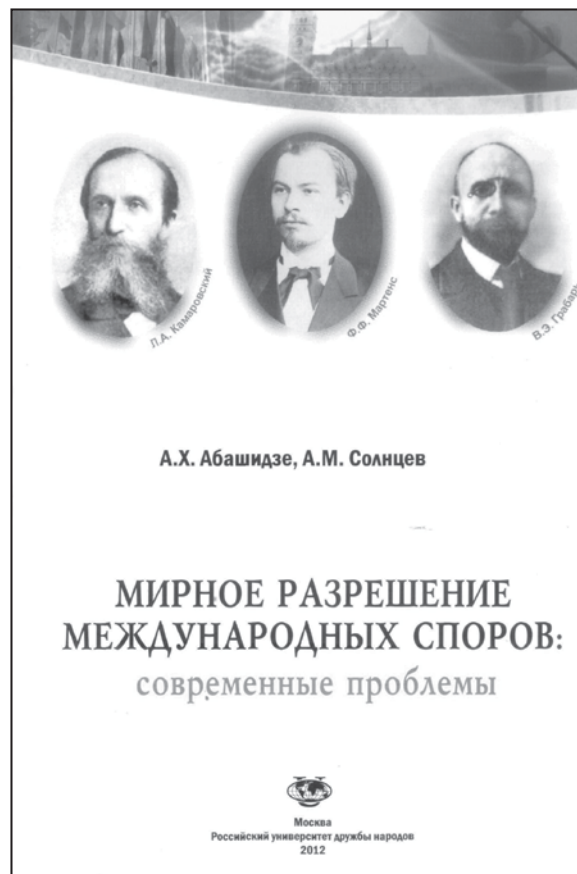
Ещё в 60-х годах XX века Маршалл Маклюэн, предвосхищая появление права на забвение, сказал: «Будущее будет полностью компьютеризированным банком данных, непрощающим и забывающим разделом светской хроники, не подразумевающим возможности уничтожения старых „ошибок“». Решение Европейского суда напомнило общественности, что ответственность за свои поступки и вечная «память» о них — не одно и то же. Журнал Time назвал право на забвение «всё более ценным принципом»: «смысл слова „общественный“ изменился... Прошлое должно тускнеть и исчезать, но Интернет фокусирует внимание на всей нашей жизни, любого из нас, всегда».

Решение Европейского суда по делу Костеха является для многих (хотя бы частично) средством противостояния безраздельной власти Google, чьи правила отнюдь не являются универсальными для всего мира. Согласно опросу Software Advice, 61% американцев считают необходимым законодательное закрепление права на забвение в США; 39% опрошенных выступают за принятие закона наподобие единого

для всех европейского General Data Protection Regulation. Дело Костеха косвенно обратило внимание общественности и на последствия, к которым может привести наличие единственного, коммерчески ориентированного оператора и систематизатора информации в Интернете: «[Google] контролирует 67% поискового трафика в США и около 90% в ЕС. Если что-то нельзя найти в гугле, этого просто не существует... Пока мы позволяем одному игроку контролировать всю нашу информацию, мы не в праве возмущаться по поводу того, как его поведение на рынке или последствия этого поведения могут исказить наше коллективное представление о мире».

Основатель онлайн-сервиса по репутационному менеджменту Reputation.com Майкл Фертик поддерживает концепцию права на забвение: «Дело не в свободе слова, а в праве на конфиденциальность и собственное достоинство. Впервые ему будет уделено такое же внимание со стороны закона, как авторским правам и торговым маркам в США». Виктор Майер-Шенбергер высказал предположение, что своим решением Европейский суд «создал своеобразного лежачего полицейского... На google.de нельзя найти удалённые ссылки, но можно на google.com, если вы потратите лишние 10 секунд. Однако вы не наткнётесь на них случайно, и так оно и должно быть».

Доработка текста законопроекта с учетом высказанных замечаний приведет к положительным результатам, если будет закреплён и реализовываться принцип преобладания общественных интересов над частными, права на историю над «правом на забвение», права на знание над возможностью манипуляции.

Бекишиев А. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В данной статье рассматриваются современные ориентации государственного управления в России, дан анализ взаимосвязей государства и общества.

Ключевые слова: государственное управление, политика, общественное развитие и организующе-регулирующие возможности.

Bekishiev A. A.

THE MODERN ORIENTATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

This article examines the current orientation of public administration in Russia, the analysis of the relationship between state and society.

Keywords: public administration, politics, social development and organismus-regulating capabilities.

Бекишиев А. А.

Определяющим фактором обеспечения рациональности, т.е. целесообразности, обоснованности, результативности и эффективности государственного управления выступает социальность – насыщенность, «наполненность» государственного управления общественными запросами и ожиданиями, реальным бытием людей.

Если нет соответствия государственного управления и его основного проявления – управляющих воздействий – потребностям жизни, а наоборот, оно оторвано от нее, замкнулось в своих искусственных конструкциях, более того, противостоит естественности общественных процессов, то трудно да и напрасно надеяться на то, что государственное управление, несмотря на всю силу государственного механизма, способно придать общественному развитию демократизм и гуманизм, гармоничность и динамику, справедливость и бескризисность.

Долгое время у нас в политике и науке под влиянием ряда причин считалось, признавалось и утверждалось, что при социализме соответствие между государственным управлением и закономерностями и формами общественной жизнедеятельности достигается и поддерживается как бы автоматически, уже хотя бы потому, что власть и собственность после революции переходят в руки трудящихся. Между тем история социализма показала, что не все так просто и ничто не приходит само собой. И в нашем обществе сохраняется и рождается множество противоречий, существуют и воспроизводятся сложнейшие проблемы, имеют место явления отчуждения, возникают общественные напряжения, а государственное управление может терять необходимые взаимосвязи с обществом, превращаться в разрушительную и консервативную силу.

Государственное управление, которое мы получили в наследство от предыдущих этапов социалистического строительства, не удовлетворяет общественным запросам и ожиданиям, во многом оторвано в собственно социальном отношении от трудящихся масс, глубоко поражено вирусом бюрократизма, корпоративно замкнуто и не оказывает должного влияния на общественную жизнедеятельность. Более того, оно нередко противостоит естественно-историческому движению, пытается его тормозить, а если это не удается, придает ему извращенный, неполноценный вид. Под воздействием подобных негативных моментов, длившихся десятилетиями, родилось настороженное, в известной мере отчужденное отношение к аппарату государственного управления, его решениям и действиям.

Поэтому перестройка государственного управления требует, прежде всего, восстановления отношений доверия, взаимопонимания, искренности и честности между государством и гражданами, между государственными органами и всеми общественными структурами. Необходимо достигнуть разумного соответствия между государственно-правовым регулированием и естественностью жизни, ее опытом и традициями, устойчивостью и адаптивностью, многослойностью и самоуправляемостью. Короче говоря, речь идет о широкой социализации государственного управления, в процессе и результате которой оно сблизится, сольется с обществом, станет общественно актуальным компонентом его свободной, демократической и эффективной организации и функционирования. Представляется, что государственное управление не может быть просто изжито, отброшено в условиях углубления социалистического самоуправления народа, а должно быть трансформировано в него, стать его составной частью и занять то место, которое объективно обусловлено современным уровнем общественного развития и его собственными организующе-регулирующими возможностями.

Исходя из анализа научной литературы, исторической практики и тенденций социального прогресса (в рамках и социализма, и капитализма, и смешанных форм), просматривается несколько направлений движения к данной цели.

Особая роль принадлежит, разумеется, широким, открытым, полнокровным и активным прямым и обратным связям между всеми компонентами субъекта государственного управления, их решениями и действиями, с одной стороны, и различными единичными и массовыми проявлениями жизни людей – с другой.

Государство только в том случае может считаться адекватной формой выражения интересов гражданского общества, если оно посредством системы своих органов, служащих аппарата и участников управленческих процессов, во-первых, воспринимает всю совокупность всенародных, коллективных и личных, общих и специфических, долгосрочных и кратковременных, исторических и конкретных интересов населения страны; во-вторых, объективно, справедливо и оперативно оценивает актуальность и приоритетность интересов и представляет их в своих правовых велениях и организационных действиях, равнозначно относится ко всем субъектам интересов; в-третьих, способствует своими ресурсами, возможностями, силой практической реализации интересов, реально обеспечивает удовлетворение запросов людей.

При анализе взаимосвязей государства и общества следует также учитывать, что социально-классовая и национальная структура общества находится в динамике, в стране идут активные миграционные процессы, меняются половозрастной состав населения и демографическая ситуация, а значит все время преобразовываются потребности и интересы людей, установки и мотивы их поступков и действий. Тем самым, равновесие отношений между государством и обществом не может быть устойчивым, раз заданным: оно будет постоянно нарушаться и должно столь же постоянно восстанавливаться. Должный уровень социальности государственного управления немислим без сильно развитых в его системе механизмов познания общественной среды, адаптации и самосовершенствования.

Высокие требования выдвигает общество перед государственным управлением с точки зрения уровня его демократичности. Причем, в самом понимании демократичности вырисовываются два аспекта. Первый определяет демократичность массовостью и действенностью участия населения в выработке, принятии и реализации государственно-управленческих решений. Второй связывает управление с государственной властью, что обеспечивает и гарантирует практическую реализацию государственно-управленческих решений. Управление без опоры на власть без ее введения в управленческие процессы является мнимым, призрачным, создает нередко видимость деятельности. Оба аспекта взаимозависимы и в общественном движении представляют ценность тогда, когда выступают в единстве.

Конец XX столетия актуализирует научную обоснованность государственного управления. Ведь сегодня при всей значимости накопленного опыта, животворящего искусства, только наука обладает способностью и необходимыми данными объективного определения тенденций общественного развития. Опыт обращен обычно к прошлому, искусство – интуитивно, научное же знание может с достаточной степенью достоверности прогнозировать и даже программировать пути и средства движения в будущее. Конечно, для этого годится только подлинная наука, а не ее суррогат, наука, освобожденная от обязанности объяснять текущую политику или оправдывать неудавшуюся практику. Поэтому научная обоснованность государственного управления в перспективе будет определяться взаимодействием двух факторов: уровнем развития научного знания (общественного, естественного и технического) и готовностью, способностью и умением государственного управления его впитывать и использовать. Правда, в этом взаимодействии применительно к советской науке очень многое зависит и от самого государственного управления, которое может ее стимулировать и поддерживать.

Еще одно важное общественное требование к государственному управлению приобретает все более громкое звучание. Два столетия индустриального типа производства показали ограниченность и опасность производственного, или как чаще называют, технократического подхода к организации общественной жизни и, естественно, к государственному управлению. Именно под влиянием этого подхода идеи Возрождения и Просвещения, взрастившие нашу цивилизацию, идеи глубоко гуманистического характера были отодвинуты в сторону. Человек обычно виделся лишь в двух ипостасях: как производитель и как потребитель, с применением к нему одного – экономического – критерия оценки развития. Фактически в системе таких координат со времен Ф. У. Тейлора развивалась и наука управления производством, многие постулаты которой позднее были взяты и восприняты теорией государствен-

ного управления. Положение, складывающееся на грани тысячелетий, требует конкретного изменения всей философии и методологии государственного управления. Надо искать нетрадиционные формы взаимосвязей людей между собой, людей с природой, со своим прошлым и будущим. А что возможно при широкой гуманизации государственного управления, при внимательном учете философских, социологических, психологических, правовых, педагогических знаний.

С позиций именно интересов человека, его самосохранения, продления рода людского придется, наверное, государственному управлению анализировать и оценивать имеющиеся и нововводимые технологии, орудия и предметы труда, используемое сырье и материалы, качество продукции, образ жизни, условия быта и многое другое.

И, конечно, общество хочет видеть государственное управление социально эффективным. Не «спешащим следом» за общественными процессами и вечно отстающим, не только сориентированным на экономику, а владеющим комплексным подходом и прогностическим видением. Управление, в котором широкое распространение получит опережающее, эвристическое начало, основанное на знании объективных закономерностей, способное удерживать за собой субъективные факторы, действенное, активное, эффективно решающее общественные проблемы и обеспечивающее прогрессивное развитие общества.

В заключении хотелось бы отметить, что в обществе все главное: производство, распределение, обмен и потребление, социальная сфера, наука, литература и искусство, право и мораль, архитектура и коммуникации, история и духовная культура, здоровье и физическое развитие людей и многое другое. Но все это может тогда создать благоприятный и рациональный образ жизни, когда будет сведено в целостную, динамичную, гармоничную систему и «работать» на человека. Несмотря на то, что имеются естественные взаимосвязи между всеми явлениями и процессами, должную системность, развитие, производительность и экономичность общественной жизни придает управление. Ибо только и исключительно оно обладает единством таких способностей, как целеполагание, организация и регуляция.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.
2. Никифоров Ю. Н., Бондаренко В. Н. «Третья сила» в российской политике (постановка проблемы) // Вестник Башкирского государственного университета. – 2011. – Т. 16. – С. 1385–1388.
3. Вишняков В. Г. Административная реформа в России: от кризиса государственного управления к эффективному государству // Журнал российского права. 2003. – № 10.
4. Новостной канал об объединении регионов информационного агентства Regnum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/dossier/57.html>

Гелеранский П. С. СУБФЕДЕРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются вопросы природы публичной власти и изменения представлений о ней с течением времени. В политологической науке утвердилось мнение, что государственная власть обеспечивает стабильность и порядок в обществе, защищает его граждан от внутренних и внешних посягательств путем использования различных методов, в том числе государственного принуждения и военных средств. Она может быть слабой или сильной, но лишенная организованности она теряет качество государственной власти, так как становится неспособной провести волю властвующего субъекта в жизнь, обеспечить законность и правопорядок в обществе.

Ключевые слова: публичная власть, система региональной власти, региональная власть, парламентаризм, представительная демократия, народовластие, публичное представительство, региональный политический процесс.

Geleranskiy P. S. SUBFEDERAL AUTHORITY AS A PART OF THE SOCIAL POLITICAL SYSTEM

The article examines the nature of public power and changes in vision of it over time. In political science the view was established that the government ensures stability and order in society, protects its citizens from internal and external attacks through the use of various methods, including state coercion and military means. It can be mild or severe, but devoid of organization, it loses the quality of the state authority, as it becomes unable to put in force the will of the ruling subject, to ensure law and order in society.

Keywords: public power, the system of regional authority, regional authority, parliamentarism, representative democracy, people power, public representation, regional political process.

Развитие современной модели организации региональной законодательной власти Российской Федерации складывалось в связи с особенностями организации государственной власти России, закрепленными Конституцией Российской Федерации (1993 г.), федеральным законодательством, конституциями (уставами) и законодательством субъектов Российской Федерации. В Конституции РФ провозглашено, что государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти (ч. 2 ст. 11).

Системный подход к положениям ч. 2 ст. 11 позволяет увидеть и другую ее важную связь, а именно – со ст. 10 Конституции РФ, которая закрепляет принцип разделения властей для организации государственной власти в Российской Федерации. Следовательно, государственная власть и в субъектах РФ также должна строиться на разделении законодательной, исполнительной и судебной власти, а также на основе самостоятельности их органов.

Законодательно основы представительства как политического института закреплены в Конституции Российской Федерации. Частью 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации установлено, что граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. А частью 2 этой же статьи предусмотрено право граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти. Эти положения Конституции Российской Федерации гарантируют гражданам право избирать своих представителей или избираться такими представителями с целью управления делами государства.

Согласно Конституции Российской Федерации республики в составе Российской Федерации приравниваются к государствам¹. Другие субъекты Российской Федерации в соответ-

Гелеранский П. С.

ствии с Конституцией Российской Федерации также обладают рядом атрибутов государственных образований: собственными органами государственной власти, законодательством, государственной символикой². В связи с этим представляется немаловажным, как проявляется и регулируется представительное народовластие в этих государственных образованиях.

Прежде чем говорить о понятии, сущности организации и функциях региональной законодательной власти, как представляется, необходимо уяснить, что в научной литературе рассматривается под понятием «регион», «региональная политическая система».

В отечественной и иностранной литературе существует множество подходов к определению понятия «регион». В контексте данного исследования термин «регион» используется в значении «субъект РФ», и в дальнейшем, когда речь идет о региональных парламентах, региональных законодательных органах, региональной легислатуре, региональной ассамблее, автор имеет в виду законодательные органы субъектов РФ. Также далее в тексте с одинаковым значением будут использоваться термины: глава исполнительной власти субъекта РФ и глава региона, глава субъекта РФ, высшее должностное лицо субъекта РФ.

Институты региональной законодательной власти неизбежно являются частью региональной политической системы.

Анализ региональных политических систем предполагает выявление и характеристику строения как формы человеческих отношений и деятельности, путем которых обеспечивается властное регулирование процессов жизнедеятельности регионов как и общества в целом.

Пользуясь терминологией Д. Истона, региональный политический процесс есть непрерывный и взаимосвязанный «поток поведения», а по Г. Алмонду – это различные роли государственных и негосударственных акторов, обуславливающие

1 Конституция Российской Федерации, ч. 2 ст. 5.

2 Конституция Российской Федерации, ч. 2 ст. 5, ч. 2 ст. 11.

мые политической культурой. Именно роли создают институты власти, а также властно-политические решения³. «Вход» в систему образуют действия партий, групп интересов, лидеров, СМИ и т.д. «Выход» – действия институтов власти: парламента, главы государства, правительства, судов и т.д.

Методология Г. Алмонда ориентирует на анализ функций «входа» – артикуляции и агрегирования интересов, политической социализации и рекрутации, политической коммуникации и функций «выхода» – нормотворчества, исполнения законов и правил, контроль за их соблюдением и пресечение правонарушений⁴.

Такой анализ функций предполагает вычленение в региональном политическом процессе уровня диверсификации интересов различных слоев, групп по возрасту, профессии, социальному статусу, трудовой деятельности и т.д. Это особенно важно учитывать при разработке программ, принятии решений, осуществлении региональной социальной и другой политики в целях достижения стабильности и устойчивого развития.

Почти во всех странах мира (за исключением карликовых) существует как минимум три уровня политического пространства, а следовательно, и строения всех компонентов политической системы: государственный, субнациональный (региональный) и местный (муниципальный). Причем на региональном уровне усиливается значение неформальных сетей и институтов, уменьшается роль официальной публичной власти.

Иной термин со сходным смыслом – «политическая структура региона» (С. И. Барзилов и А. Г. Чернышов). Она складывается из политических сообществ, которые являются субъектами власти (в подчинении общегосударственной власти), имеют механизмы самоуправления и территориальные границы. Основные элементы структуры – трех видов: политические организации самого населения (общности); институты «прямого» властвования; институты опосредованного взаимодействия власти и населения⁵.

Эти трактовки могут рассматриваться как односторонние, так как не включают в число элементов системы региональную политическую культуру и неформальные взаимодействия акторов. Пробел восполнен в работе Е. В. Морозовой, предложившей термин «региональная полития» – «все многообразие властных структур, органов местного самоуправления, гражданских инициатив и других горизонтальных образований, а также отношений между ними, соответствующих норм и региональной политической культуры»⁶. Этот же набор элементов, связанных региональными традициями политической жизни, Н. П. Распопов и другие авторы определяют как «региональное политическое пространство». Они подчеркивают историко-культурную обусловленность данной системы⁷.

Преодолеть крен в сторону институционализма тем более важно, что в России и других незападных обществах именно неформальные политические практики определяют смысл и направленность формально-правовых институтов.

Таким образом, российские исследователи ещё создают основы системного анализа региональных процессов. Наиболее перспективным представляется термин «региональная политическая система». Категории «полития» и «пространство» в бытующих контекстах почти синонимичны «политической системе». «Структура» и «режим» передают смысл только институционального измерения системы⁸.

Резюмируя вышесказанное, автор считает, что региональная политическая система – это подсистема общественной политической системы, проявляемая в виде региональных политических институтов для реализации властных отношений во всех сферах общественной жизни.

В то же время природа и сущность системы законодательной власти субъекта Российской Федерации основана на тех же общих принципах, что и организация системы федеральной законодательной власти. Основные функции и полномочия в области законодательной власти на региональном уровне осуществляют не федеральные органы законодательной власти, а органы законодательной власти субъекта Российской Федерации.

Необходимо отметить, что термин «парламент» в наименовании региональных представительных органов используется только в законодательстве республик РФ. Однако принцип равноправия субъектов РФ, закрепленный в ст. 5 Конституции РФ, позволяет краям и областям РФ наравне с республиками использовать в своем законодательстве термин «парламент» в наименовании легислатур.

Пристатейный библиографический список

1. Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М., 2002.
 2. Барзилов С. И., Чернышов А. Г. Политическая структура современной российской провинции. – М., 1997.
 3. Вартумян А. А. Региональный политический процесс в современной России: динамика, тенденции, особенности: Дис. д-ра полит. наук, 23.00.02. – М., 2005.
 4. Истон Д. Категории системного анализа. Антология мировой политической мысли: В 5 т. – М., 1997.
 5. Конституция Российской Федерации. – М., 2013.
 6. Медведев Н. П. Региональное развитие в условиях открытости государства: европейский и российский опыт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2014. – № 1.
 7. Медведев В. Н. Влияние федеративных отношений на систему государственного управления в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2015. – № 1.
 8. Медведев Н. П. Российский политический процесс: теория и практика // Вопросы политологии. – 2013. – № 2.
 9. Регионоведение: Социально-политический аспект / Н. П. Распопов и др. – Нижний Новгород, 2000.
 10. Чернышов А. Г. Регион: границы политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. – М., 2000.
- 3 Истон Д. Категории системного анализа. Антология мировой политической мысли: В 5 т. – М., 1997. – С. 634–636; Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М., 2002. – С. 38–39, 74–77.
- 4 Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М., 2002. – С. 93–238.
- 5 Барзилов С. И., Чернышов А. Г. Политическая структура современной российской провинции. – М., 1997. – С. 13; Чернышов А. Г. Регион: границы политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений. – М., 2000. – С. 125–135.
- 6 Морозова Е. В. Региональная политическая культура. – Краснодар, 1998. – С. 58.
- 7 Регионоведение: Социально-политический аспект / Н. П. Распопов и др. – Нижний Новгород, 2000. – С. 45.
- 8 Вартумян А. А. Региональный политический процесс в современной России: динамика, тенденции, особенности: Дис. Д-ра полит. наук, 23.00.02. – М., 2005. – С. 74.

Масич В. А.

ДВА ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу основных подходов к определению «мягкой силы» в российском дискурсе. Приводятся примеры каждого из подходов. Осуществляется их оценка. Обращается внимание на наличие некорректного по сути подхода, представленного на доктринальном уровне в государственном документе.

Ключевые слова: мягкая сила, международные отношения, политика, Россия, Джозеф Най, Путин, Косачев.

MASICH V. A.

TWO APPROACHES TO THE DEFINITION OF «SOFT POWER» IN RUSSIAN DISCOURSE

This article analyzes the main approaches to the definition of "soft power" in Russian discourse. Examples of each of the approaches are given. Their assessment is carried out. Attention is addressed to the incorrect approach represented at a doctrinal level in public document.

Keywords: soft power, international relations, politics, Russia, Joseph Nye, Putin, Kosachev.

Масич В. А.

Несмотря на то, что первая формулировка понятия «мягкой силы» была предложена профессором Гарвардского университета Джозефом Сэмюэлем Наем-младшим (англ. Joseph Samuel Nye, Jr.) еще четверть века назад¹, единого представления о том, что за явление стоит за этим понятием, так и не сложилось. Не является исключением в этой связи и российский дискурс, в котором различные формулировки понятия на сегодняшний день существуют не только на экспертном уровне, но и на уровне власти. При этом, многие русскоязычные материалы, так или иначе обсуждающие или затрагивающие концепцию «мягкой силы», сегодня строятся не на первичных теоретических источниках – собственно трудах Дж. Нае, но на вторичных, т.е. приводимых в статьях других исследователей (нередко контекстно ограниченных) интерпретациях и переводах авторского текста, а нередко и на собственных интерпретациях термина безотносительно оригинальной концепции. Наша задача в данной статье проанализировать основные подходы к определению «мягкой силы» в российском дискурсе, а также показать, каково практическое значение точности научных формулировок в данном вопросе.

В российском публичном пространстве термин «мягкая сила» появился и активно используется с 2012 года, когда упомянуть о «мягкой силе» стали официальные лица, а также этот термин появился в официальных документах. В частности, президент России Владимир Путин в своей статье «Россия и меняющийся мир», опубликованной 27 февраля 2012 г., коснулся темы «мягкой силы», под которой он понимал «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»². В этой же статье делалось различие между правовыми и противоправными инструментами «мягкой силы»:

1. Под первыми В. В. Путин понимал «цивилизованную работу гуманитарных и благотворительных неправительственных организаций»;

2. Под вторыми – «активность «псевдо-НПО», других структур, преследующих при поддержке извне цели дестабилизации обстановки в тех или иных странах». В этом случае методы «мягкой силы», как указывает автор, «используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратиз-

ма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств».

При этом критериями оценки подобных организаций, по мнению В. В. Путина, также выступают:

1. Базирование активности той или иной НПО на интересах (и ресурсах) каких-либо из местных социальных групп;

2. Финансирование и поддержка со стороны внешних сил.

Таким образом, в первую группу попадают т.н. «агенты влияния» крупных государств, блоков и корпораций, выступающие открыто, в форме «цивилизованного лоббизма». В этой группе, по мнению В. В. Путина, находятся и российские организации, такие как Россотрудничество, фонд «Русский мир», ведущие университеты, работающие с иностранными абитуриентами. Ко второй же группе относятся национальные НПО и политические организации, финансируемые сторонними государствами в целях обеспечения собственных интересов.

Практический подход автора, никак не анализирующего теоретические аспекты концепции и ее достоверность, очевиден. Для В. В. Путина «мягкая сила», во-первых, существует, во-вторых, она представляет собой «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей», который может использоваться как правовым, так и неправовым способом различными политическими акторами в своих интересах.

Позднее, в выступлении на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, прошедшем 9 июля 2012 года, Владимир Путин более общим образом определил то, что он понимает под «мягкой силой», сказав, что «политика «мягкой силы» предусматривает продвижение своих интересов и подходов путём убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на её достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере»³.

12 февраля 2013 г. была утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой также было приведено определение понятия «мягкая сила». В этом офици-

1 Nye, Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N.-Y.: Basic Books, 1991. – Pp. 31-32.

2 Путин В.В. Россия и меняющийся мир. Московские новости, 27.02.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>. Дата обращения: 10.05.2015.

3 Выступление Владимира Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации 9 июля 2012 г. Портал «Президент России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902>. Дата обращения: 10.05.2015.

альном документе под «мягкой силой» понимается «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁴. При этом указывается, что «мягкая сила», наряду с правозащитными концепциями, может использоваться «в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом».

Очевидно, что в данных примерах официального политического дискурса демонстрируется несколько иная, в сравнении с авторской, интерпретация понятия «мягкая сила». Наиболее полное, по собственному мнению Дж. Най, определение «мягкой силы» было приведено им в работе «Будущее власти» (англ. «The Future of Power»). В данной работе под этим термином понималась способность влиять на других с помощью кооптивных⁵ средств формирования повестки, убеждения и оказания положительного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов⁶. В приведенном же государственном документе «мягкая сила» осмысливается не как явление, которое может сопровождать политику того или иного актора, как умышленно, так даже и помимо его воли, но как набор инструментов, которые могут быть использованы государством в своих собственных интересах. С нашей точки зрения, это более узкий подход к проблеме, отвечающий, впрочем, на первый взгляд, практическим, в первую очередь, целям осуществления внешнеполитической деятельности, которые стоят перед ведомствами и официальными лицами.

Другой подход к определению «мягкой силы» на официальном уровне демонстрируется к.ю.н. К. И. Косачевым, руководившим с 2012 по 2014 год Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), и занимавшим до своего назначения на эту должность пост председателя, а затем заместителя председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам. Тезисы данного автора, выдающего свое знакомство с фундаментальными работами Дж. Най чаще, нежели другие эксперты и государственные деятели, представляющие примеры российского подхода к концепции «мягкой силы», учитывающие как соответствующую специфику, так и авторскую трактовку базовых терминов. К примеру, в своем выступлении «О современных императивах международного гуманитарного сотрудничества и задачах народной дипломатии» на ежегодной конференции Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» (РАМС), состоявшемся 1 марта 2012 г., К. И. Косачев, говоря о терминологии концепции «мягкой силы», приводит авторское определение понятия, а также говорит о заблуждениях, в отношении того, что можно включить в само понятие «мягкой силы» (например, включение в нее инструментов «кнута и пряника», либо сведение ее к классической гастрольно-выставочной работе)⁷. В тезисах своего выступления, состоявшего

18 мая 2012 года на научной конференции «Арбатские чтения» К. И. Косачев приводит цитаты из текстов Дж. Най, а также уделяет внимание тому факту, что автор теории не включает в понятие «мягкой силы» так называемые «подачки», причем сразу применяет теорию к отечественным реалиям, объясняя через указанный аспект причины неудач российских интеграционных усилий на постсоветском пространстве⁸. Другой пример – полностью соответствующее тезисам концепции, высказанное в одном из интервью, замечание бывшего руководителя Россотрудничества о том, что «мягкая сила» России начинает работать тогда, когда о стране и ее положительных сторонах начинают рассказывать не ее представители, а сами жители тех стран, в которых происходит обсуждение – К. И. Косачев имеет в виду так называемых «лояльных интерпретаторов» в терминологии Дж. Най⁹. В русле концепции лежат и его высказывания о том, что на достижение успехов по линии «мягкой силы» не может работать только государство и чиновники, его представляющие, а необходима система, которая бы связывала государственные механизмы с общественными, как и слова о том, что не каждое присутствие дает влияние, а количество знающих русский язык не определяет автоматическую поддержку тех или иных внешнеполитических шагов России – в этих словах проявляется знакомство автора с теорией ресурса и поведения, которой руководствуется в своих работах Дж. Най. Таким образом, К. И. Косачев являет собой пример эксперта и государственного служащего, рассуждающего о политической концепции в соответствии с ее авторской трактовкой.

Ложные представления, о которых говорит К.И. Косачев, действительно встречаются в российских публикациях по теме «мягкой силы». И значительные проблемы, как и в западной политологии, начинаются с определения. К примеру, в статье И. Адысова «Возможна ли российская «мягкая сила»?» автор, во-первых, говорит, что есть общепринятое определение «мягкой силы», во-вторых, утверждает, что согласно этому «общепринятому определению» «мягкая сила» представляет собой «комплекс усилий, позволяющих добиваться поставленных целей во внешней политике, опираясь на чувство симпатии к стране и привлекательности ее ценностей, культуры, научных и технологических достижений»¹⁰. Несложно заметить, что это «общепринятое определение» лежит довольно далеко от авторского понимания «мягкой силы», как «способности влиять на других с помощью кооптивных средств формирования повестки, убеждения и оказания положительного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов». Здесь мы видим явное различие в подходах. Если Дж. Най говорит о способности, то И. Адысов говорит об инструментах, или, как он выражается, «усилиях». То же различие наблюдается между определениями, приводимыми В. В. Путиным и К. И. Косачевым. Значимо ли это различие? С нашей точки зрения значимо. Есть способность достичь чего-то. А есть средства, чтобы этого достичь. Они существуют вместе, поскольку способность достичь чего-то обеспечивают инструменты, предназначенные

доступа: <http://www.rg.ru/2012/03/01/kosachev-site.html>. Дата обращения: 10.05.2015.

4 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. Дата обращения: 10.05.2015.

5 Т.е. вовлекающих.

6 Nye, J. S., Jr. The Future of Power. PublicAffairs, 2011. – Pp. 20-21.

7 Косачев К.И. Материалы выступления «О современных императивах международного гуманитарного сотрудничества и задачах народной дипломатии» на ежегодной конференции Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» (РАМС). Интернет-портал «Российской газеты», 01.03.2012. [Электронный ресурс]. – Режим

8 Косачев К. «Мягкая сила» как фактор сближения? Тезисы выступления Константина Косачева на Научной конференции «Арбатские чтения». Москва, Институт США и Канады РАН, 18 мая 2012 года. Блог Константина Косачева, 18.05.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.rs.gov.ru/node/16>. Дата обращения: 10.05.2015.

9 Химшиашвили П. Интервью – Константин Косачев, руководитель Россотрудничества. Ведомости, 13.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/library/news/23897621/v-krizis-v-razy-povyshilas-poseschaemost-kursov-baleta>. Дата обращения: 10.05.2015.

10 Цитата приведена в авторской редакции по источнику: Адысов И. Возможна ли российская «мягкая сила»? Информационное агентство REX, 06.11.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/51200.html>. Дата обращения: 10.05.2015.

для достижения чего-то. Сила – это способность достичь чего-то посредством тех или иных инструментов. Но сила не есть сами эти инструменты. Человек может иметь ручку, т.е. инструмент, но может не быть способным достичь посредством нее нужного результата, например, написать письмо. Соответственно, государство может иметь сами инструменты, но может не быть способным достичь ими каких-то желательных для себя результатов, и значит, не будет иметь «мягкой силы». Поэтому определение «мягкой силы» через инструменты также ошибочно, как и определение «мягкой силы» через ресурсы. В связи с этим мы считаем необходимым обратить внимание, что данный, некорректный по сути, подход на доктринальном уровне оказался представлен в Концепции внешней политики Российской Федерации¹¹. Наличие такой формулировки, по нашему мнению, чревато неэффективной деятельностью государственных акторов в деле обретения «мягкой силы», ибо использование ошибочных определений приводит к тому, что акторы, обзаводясь инструментами «мягкой силы», могут оставаться без нее самой.

С другой стороны, встречаются случаи, когда «мягкую силу» корректно определяют, как способность, но приводят неполноценные и размытые определения, безотносительно авторской теории. Например, в статье «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России» авторы определяют собственно «мягкую силу», как «способность государства достигать своих внешнеполитических целей, используя в качестве инструментов ненасильственные методы, делая акцент на положительных достижениях в сфере экономики, политической организации общества, культуры и т.п.»¹². Это определение отчасти справедливо, но едва ли его, учитывая составляющие концепции Дж. Найя, можно назвать полноценным. Здесь не учтен ни коопитивный характер инструментов, ни тот факт, что носителем «мягкой силы» может быть не только государство, не говорится и о средствах формирования повестки и убеждения.

Между тем, отсутствие четкого понимания терминологии часто приводит к тому, что «мягкая сила» сводится к той или иной узкой форме влияния, например, влиянию культурному, что проявляется в повышенном внимании к гастрольно-выставочной работе и, в частности, фестивалям, при отсутствии внимания к самому механизму воздействия этих инструментов на цели. Так, например, в статье «Дни русской культуры и духовности – «мягкая сила», которая притягивает огромное количество участников и зрителей» автор прямо называет «мягкую силу» культурным влиянием¹³. А в той же статье «Возможна ли российская «мягкая сила»?» автор выступает за проведение в России нового Фестиваля молодежи и студентов и, в частности, говорит о том, что фестиваль «позволит сформировать благоприятный имидж России среди новых поколений стран Содружества», «может дать мощнейший импульс к росту интереса к русскому языку в СНГ»¹⁴. Каким образом и за счет чего это должно произойти автор не уточняет. Так предлагаются очередные инструменты, связанные с культурой, при отсут-

ствии какой-либо аргументации в отношении того, как эти инструменты обеспечат собственно «мягкую силу» России в СНГ.

Таким образом, в современном российском дискурсе наличествуют два подхода к интерпретации понятия «мягкой силы». Условно их можно назвать инструменталистским и авторским (или ресурсным и поведенческим, как у Дж. Найя в отношении понятия силы вообще¹⁵) подходами. Примерами инструменталистского подхода к определению понятия выступают тексты В. В. Путина. Примерами авторского подхода выступают работы К. И. Косачева. Инструменталистский подход подвергнут нами критике за его ориентацию не на результат, а на инструменты для получения результата. Инструменталистский подход представлен в ст. 20 Концепции внешней политики Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Адясов И. Возможна ли российская «мягкая сила»? Информационное агентство REX, 06.11.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/51200.html>.
2. Выступление Владимира Путина на совещании по слов и постоянных представителей Российской Федерации 9 июля 2012 г. Портал «Президент России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902>.
3. Дашевский О. Дни русской культуры и духовности – «мягкая сила», которая притягивает огромное количество участников и зрителей. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, 28.10.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=883>.
4. Должиков В. А., Протасов А. В. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. № 5 (37). – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.
6. Косачев К. И. Материалы выступления «О современных императивах международного гуманитарного сотрудничества и задачах народной дипломатии» на ежегодной конференции Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества» (РАМС). Интернет-портал «Российской газеты», 01.03.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/03/01/kosachev-site.html>.
7. Косачев К. «Мягкая сила» как фактор сближения? Тезисы выступления Константина Косачева на Научной конференции «Арбатские чтения». Москва, Институт США и Канады РАН, 18 мая 2012 года. Блог Константина Косачева, 18.05.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.rs.gov.ru/node/16>.
8. Путин В. В. Россия и меняющийся мир. Московские новости, 27.02.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>.
9. Химшиашвили П. Интервью — Константин Косачев, руководитель Россотрудничества. Ведомости, 13.03.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/library/news/23897621/v-krizis-v-razy-povysilas-poseschaemost-kursov-baleta>.
10. Nye, Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N.-Y.: Basic Books, 1991.
11. Nye, J. S., Jr. The Future of Power. Public Affairs, 2011.
12. Должиков В. А., Протасов А. В. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. № 5 (37). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 22-26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibac.info/14905>. Дата обращения: 10.05.2015.
13. Дашевский О. Дни русской культуры и духовности – «мягкая сила», которая притягивает огромное количество участников и зрителей. Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, 28.10.2014. [Электр. ресурс]. – Электр. дан. – URL: <http://pravfond.ru/?module=articles&action=view&id=883>. Дата обращения: 10.05.2015.
14. Адясов И. Возможна ли российская «мягкая сила»? Информационное агентство REX, 06.11.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/51200.html>. Дата обращения 10.04.2015
15. Подробнее см.: Nye, J. S., Jr. The Future of Power. Public Affairs, 2011. – P. 10.

Полонская Д. Д.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА

В статье рассмотрены основные механизмы формирования, структура и природа политических мифов, их место в политической культуре, а также основные элементы мифов. Представлен анализ стадий эволюции, которые претерпевает успешный миф, а также причины эффективности и неэффективности политических мифов.

Ключевые слова: политический миф, политическая культура, эффективный и неэффективный миф, структура политического мифа, элементы политического мифа, природа политических мифов.

Polonskaya D. D.

THE MECHANISMS OF FORMATION AND STRUCTURE OF THE POLITICAL MYTH

The article describes the basic mechanisms of formation, structure and nature of the political myths and their place in the political culture as well as the main elements of the myths. The analysis of the stages of evolution of successful myth is given, as well as reasons of the effectiveness and inefficiency of political myths.

Keywords: political myth, political culture, effective and ineffective political myth, structure of the political myth, elements of the political myth, nature of the political myths.

Полонская Д. Д.

Существует множество интерпретаций феномена мифа. Так, Р. Барт определял миф как «коммуникативную систему, сообщение, следовательно, миф не может быть вещью, конвен- том или идеей, он представляет собой один из способов озна- чивания, миф – это форма»¹.

Генезис политических мифов тесно связан с изменением динамики политических настроений их носителей. «Целевые группы» современных политических мифов – это прежде всего большие социальные группы. Именно способность активизи- ровать эти группы, сформулировав их реальные или мнимые потребности, отражает суть генезиса политических мифов.

Успешный миф претерпевает три стадии эволюции: диффузия, ритуал и святость². На первом этапе миф получа- ет распространение, характеризующееся процессом взаимо- проникновения политического мифа и политической культу- ры. Чтобы перейти к следующему этапу политический миф должен стать максимально узнаваемым. Затем он становится ритуалом, неотъемлемой частью политического процесса. И, наконец, наступает стадия святости, политический миф при- обретает сакральный характер. Став священным, миф приоб- ретает характер некой абсолютной истины и сам факт крити- ки мифа дискредитирует, в первую очередь, критикующего.

Примечательно, что для жизнеспособности политиче- ского мифа ему необходим некий субъект политики, который будет его озвучивать. Если миф озвучивается только в рамках какой-либо государственной структуры, он может утратить степень своего воздействия на общество, стать неживым руди- ментом. В таком случае миф перестает резонировать, он боль- ше не вызывает отклика.

Для того чтобы проанализировать генезис политическо- го мифа, прежде всего, необходимо понять, что представляет собой структура каждого конкретного политического мифа. В каждом мифе, в том числе политическом, можно выделить не- кие временные рамки, которые данный миф описывает, а так- же отношение к настоящему моменту.

Как правило, описываемый период позиционируется как некий прецедент, объясняющий качественные особенности современной действительности и носит характер парадигмы.

То есть любой миф описывает некую предысторию, пред- посылки, которые привели к нынешнему состоянию. Напри- мер, что из себя представляла «золотая эпоха» или когда и почему «враги» организовали «заговор» против какого-либо народа, класса, или государства.

Как правило, именно эта часть мифа отличается красоч- ной мифотворкой, яркими образами и запоминающимися символами. Именно эта часть мифа смыслообразующая, это ядро всего мифа. То, насколько ярко и наглядно описывается предыстория, напрямую влияет на то, насколько эффектив- ным будет весь миф; насколько будут сильны его мобилизую- щие функции.

При этом предыстория может носить как полностью вымышленный характер, так и основываться на реальных со- бытиях; как быть сконструированной искусственно в течении очень короткого времени, так и складываться веками. Приме- чательно, что эффективность или же неэффективность мифа достаточно опосредованно связана с процентом исторической правды в мифе. Более значимыми здесь выступают такие осо- бенности политического мифа, как то, насколько полно он отражает ценности и установки политической культуры кон- кретного общества и насколько эффективно миф подстраи- вается под особенности менталитета.

Миф, успешный и эффективный в рамках одной поли- тической культуры, может быть полностью неэффективным в рамках другой культуры и другого менталитета.

В том случае, когда в основу политического мифа ложат- ся реальные исторические события, в ходе генезиса политиче- ского мифа происходит их интенсивная идеализация. То есть исторические события описываются не с точки зрения исто- рической правды, а с точки зрения логики мифа. Все, что не подходит для процесса мифотворчества, исключается, или же истинность событий оспаривается.

При этом исследователям и заказчикам необходимо понимать, что политический миф жизнеспособен только тогда, когда целостен, а соответственно, наличие информа-

1 Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 75.

2 Bouchard G. Le Mythe: Essai de definition. – Montreal, 2007. – P. 78.

ции, не вписывающейся в логику мифа, необходимо объяснить. Объяснить миф необходимо любой ценой, даже ценой логики.

Весьма популярным, а главное, достаточно универсальным объяснением выступают «происки врагов», пытающихся опорочить «великую идею» из «страха и зависти».

Таким образом, в русле одного мифотворческого проекта происходит объединение нескольких классических сюжетов мифов.

Объяснение каких-либо событий с точки зрения инвариантности истины полностью противоречит принципу генезиса мифов: исторические события только в том случае успешно вплетаются в канву мифа, когда их освещение осуществляется исключительно на контрасте.

Такой авторитарный характер мифа по отношению к историческим событиям наглядно демонстрирует причины, которые объясняют затруднения, возникающие у исследователя, анализирующего какие-либо исторические события, которые являются ядром мифа, в том случае если какой-либо политический миф приобретает общегосударственный характер.

После того как основная канва мифа сформирована, в процессе его распространения, миф развивается, обрастает новыми нюансами и деталями. Зачастую каждый новый носитель мифологического сознания привносит в миф свои специфические черты. Каждый, разделяющий идею об истинности мифа, становится актором мифотворчества. Такая гибкость в трактовке мифа обусловлена его субъективностью. Процесс мифотворчества, основанный на определенной парадигме, тем не менее, предполагает достаточную свободу в доработке мифа.

И, если базовое утверждение политического мифа весьма статично и не предполагает каких-либо существенных изменений, то его «декоративная» часть может меняться и развиваться исходя из тех запросов, которые предъявляются к мифу.

Миф, отстаивающий идею статичности мира, сам не может быть полностью статичен. В том случае, когда миф не способен модифицироваться под влиянием актуальных запросов, он теряет свою жизнеспособность и эффективность. Жесткая регламентация мифа на первых порах способствует его сохранению, но затем становится причиной его разрушения: доверие к мифу утрачивается.

Следовательно, сохраняя свое ядро, базовую установку, миф может претерпевать определенную корректировку: различные этапы исторического процесса диктуют необходимость трансформировать политический миф. По-новому расставленные акценты делают старый миф прагматически полезным для объяснения сути текущих политических процессов.

В ходе всего своего существования политический миф может иметь различные статусы: он может играть существенную роль в жизни общества, иметь статус государственной идеологии, общенациональный масштаб или же носить маргинальный статус. При этом может происходить как маргинализация ранее успешных политических мифов, так и приобретение изначально маргинального статуса, который со временем может меняться.

Необходимо отметить, что маргинализация и демаргинализация политических мифов может быть обусловлена целым рядом факторов: существенными изменениями в политической культуре, в политическом сознании, сменой идеологической парадигмы государственного развития, социальными по-

трясениями, утратой доверия к существующей политической системе и т.д.

Что же касается успеха национальных мифов, привлекательность для массового сознания любой национальной идеи тесно связана с ее мифологичностью. При этом данное понятие имеет бинарную сущность, одновременно обозначая и форму, и содержание. А соответственно, для того чтобы миф был жизнеспособен, он должен иметь не только актуальное содержание, но и привлекательную форму.

Зачастую различные группы интересов и политические лидеры акцентируют внимание именно на основном послы мифа, игнорируя необходимость модернизировать ее внешнее оформление.

Чрезвычайно важно, чтобы политический миф не только соответствовал политическим ценностям самых разнообразных слоев общества, но и был оптимально подан. Для того чтобы быть эффективным инструментом воздействия на политические настроения масс, он не должен восприниматься как некий архаический рудимент политической культуры. Опираясь на предшествующий опыт политической культуры, эффективный политический миф всегда должен предлагать актуальный ответ на вызовы современности.

Политический миф можно определить как статичный образ, опирающийся на верования и позволяющий упорядочить приводящие в смятение факты и события, структурировать видение коллективного настоящего и будущего и используемый субъектами политики для достижения и удержания политической власти.

Можно утверждать, что потребность в мифе, в том числе, в мифе политическом, проявляется, когда рационально-критические способности человеческого разума не позволяют индивиду найти в должной мере устраивающие его ответы на возникающие вопросы.

Но ответ, который дает политический миф, как правило, несет в себе некое радикальное суждение относительно тех или иных социально-политических аспектов и наталкивает на решение, основанное на этом радикальном суждении. Радикальное суждение, в свою очередь, опирается на ту или иную нормативно-этическую оценку действительности.

Пристатейный библиографический список

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
2. Бондаренко В. Н. О мифологическом аспекте метафизики // Трансформация общества: наука, педагогика, производство. – Уфа, 2005.
3. Кольев А. Н. Политическая мифология. – М., 2003.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М., 2008.
5. Bouchard G. Le Mythe: Essai de definition. – Montreal, 2007.

Саидова М. З., Эмирова М. Н.
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В ДАГЕСТАНЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье прослежено дагестанское направление в системе международных отношений в первые десятилетия XX века. На протяжении многих веков положение на Кавказе, в целом, и в Дагестане, в частности, определялось не только противоборством России со своими восточными геополитическими соперниками – Ираном и Турцией, но и «большой» политикой западных держав, каждая из которых преследовала свои цели. С начала XX века дагестанский вектор в восточной политике иностранных государств занимал доминирующее место, о чем свидетельствуют документальные хроники. Особенно насыщен событиями исторической важности, период иностранной интервенции в Дагестане 1918–1919 гг. Анализ изложенного материала, позволяет авторам обосновать положение о том, что интерес, проявляемый иностранными государствами к данному региону в реалиях XXI века, имеет давние геополитические корни.

Ключевые слова: Дагестан, кавказская проблема, геополитика, идеи пантуркизма и панисламизма, иностранная интервенция, «Горское правительство», военная диктатура.

Saidova M. Z., Emirova M. N.
GEOPOLITICAL INTERESTS OF THE FOREIGN STATES IN DAGESTAN
AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

In this paper, the Dagestan direction in the system of international relations in the early decades of the twentieth century is traced. For many centuries, the situation in the Caucasus as a whole, and in Dagestan, in particular, was determined not only by confrontation with its eastern Russia's geopolitical rivals – Iran and Turkey, but also by the "big" policy of the Western powers, each pursuing its own goals. Since the beginning of the twentieth century Dagestan vector in eastern policy of foreign countries held a dominant position, as evidenced by the documentary chronicles. The foreign intervention in Dagestan of 1918–1919 is particularly eventful period of historical importance. Analysis of the material, allows authors to justify that the interest of foreign countries to the region in the realities of the twenty-first century, has a long-standing geopolitical roots.

Keywords: Dagestan, Caucasian problem, geopolitics, the ideas of Pan-Turkism and Pan-Islamism, foreign intervention, Mountain Government, a military dictatorship.

В начале XX века Дагестан занимал важное место в противостоянии: Англия и Франция – Турция и Иран, а также в антирусской политике Англии на Кавказе, в столкновении интересов России и Турции.

Геополитические интересы Турции с конца XIX века активно проводили эмиссары организации «Молодая Турция», призывавшие население Дагестана к борьбе с русскими. Деятельность турецких эмиссаров имела поддержку значительного числа местных жителей – туркофилов. Так, в начале 1900 года, военный губернатор Дагестанской области сообщал, что «за последнее время в населении некоторых округов вверенной мне области замечено было все более и более возрастающее стремление к переселению в Турцию. Подобное и тщательное расследование причин этого явления убедило меня в том, что стремлению жителей в Турцию способствуют единичные личности из местных уроженцев, живущих частью в Дагестане, частью в Турции»¹.

По мере развития революционного процесса турецкая политика отторжения Дагестана приобретает все более конкретные очертания. Начальник бакинского жандармского управления в марте 1910 г. в своем секретном циркуляре сообщал: «По агентурным сведениям, полученным начальником Эриванского губернского жандармского управления, персидские революционеры, недовольные пребыванием в пределах

Саидова М. З.

Эмирова М. Н.

Персии русских войск, вошли в сношение с младотурецкими комитетами и недавно совместно постановили вызвать в скором времени вооруженное восстание в пределах Закавказья и в Дагестане, дабы заставить русское правительство, для подавления такового, отозвать из Персии войска, а в случае удачи восстания, попытаться отторгнуть от России некоторые области, ранее принадлежавшие Турции. ...в скором времени будут посланы особые агитаторы, задача коих заключается в распропагандировании необходимости восстания, каковое предполагается поднять в апреле или мае текущего года»².

Многочисленные архивные документы периода 1910-1914 гг. свидетельствуют об участившихся случаях посещения Кавказа и Дагестана лицами, «подозреваемыми в производстве военных рекогносцировок и съемок», над которыми установлено негласное наблюдение. С началом первой мировой войны к этому процессу присоединяется и союзная Турции Германия.

Для пропаганды идей панисламизма и пантуркизма среди мусульманских народов Кавказа турки и их германские покровители широко использовали дагестанских, чеченских, черкесских беженцев, эмигрировавших в Турцию после Кавказской войны и восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году.

Первая мировая война и революция в России вызвали не только мощное обострение комплекса социальных, межнациональных, конфессиональных проблем, но и политический дисбаланс, преодолеть который кавказская национальная бур-

1 Абдуллаева М. И. Дагестан в политике Османской империи и мировых держав во второй половине XIX века // В сб. Исследование по истории Дагестана (дооктябрьский период). Махачкала, 2004. С. 116.

2 Ц. ГА РД. Ф. 66. Оп.2. Д.3.Л.107.

жуазия пыталась созданием независимых государств. Это повлекло за собой внешнее вмешательство – Англии, Германии, Турции и небывалую активизацию национального вопроса на Кавказе.

11 мая 1918 г., на международной конференции в Батуми была обнародована «Декларация о независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горской Республики)». Основным тезисом документа было решение об отделении от Советской России и образовании независимого (самостоятельного) государства, как полноправного субъекта международных отношений.

Между представителями Османской империи и Императорской Германией, с одной стороны, и правительством Горской Республики, с другой, были заключены договора об установлении дружественных отношений. Османская империя признав независимость Горской Республики, ратифицировала договор о признании независимости. Германская империя не торопилась с признанием независимости Горской Республики, ограничившись, лишь принятием на себя обязательств прийти на помощь правительству Республики горских народов Кавказа вооруженной силой, если последнее правительство этого попросит для обеспечения мира и спокойствия в своей стране»³.

Государства Антанты, исходя из своих геополитических интересов, не признали независимость Горской Республики. Лидеры Горской Республики предприняли несколько попыток в переговорах с представителями США, Англии, Франции, Японии о признании своей независимости, однако успехов они не имели.

В далеко идущих планах Англии был захват не только Кавказа, Дагестана, но прежде всего Каспийского моря. В телеграмме военного министра Великобритании Милнера от 28 июня 1918 г. в Багдад, командованию английских войск в Месопотамии, подчеркивалось: «Правительство е. в. придаст... важное значение овладению постоянным контролем над Каспием»⁴.

Английской военной миссии удалось завербовать, находившийся в Иране отряд казаков, под командованием полковника Лазаря Бичерахова, который получил приказ двигаться на север: захватить Дербент, Петровск и Грозный, объединиться со своим братом Георгием Бичераховым, главарем антисоветского мятежа на Тереке и окончательно ликвидировать Советскую власть на Северном Кавказе.

2 сентября 1918 г. войска Л. Бичерахова заняли Порт-Петровск (ныне Махачкала). Англичанам удалось закрепить за собой почти все побережье Каспия и расправиться с лидерами революционного движения.

С октября 1918 г. началось продвижение турецких войск в Дагестан. 8 ноября 1918 г. турецкие части взяли Порт-Петровск. В этот же день Юсуф-Иззет-паша отправил в Турцию телеграмму о взятии Петровска: «Сегодня в 3 часа дня вошли без боя в Анжи-Кала (Петровск-Порт), который был очищен неприятелем. В городе восстановлены полное спокойствие и порядок. Таким образом, старый русский режим, угнетавший Ислам, в особенности на Кавказе, отошел в вечность. Иллюзии Петра Великого, вместе с его именем, переброшены в Петроград. Неприятель оставил множество вагонов полных снарядами и оружием. Поздравляю е победой Кавказской

Мусульманской Республики. Эта победа – торжество военного-политического утверждения на Кавказе мусульманской республики»⁵.

Поражение австро-германской коалиции в империалистической войне и победа ноябрьской революции в Германии, вынудили турок, в спешном порядке покинуть пределы Дагестана и Азербайджана.

После ухода турецкой армии с Кавказа, 17 ноября 1918 г. английские войска заняли Баку и Горское правительство спешно завязало отношения с военной миссией, возглавляемой генералом Томсоном. На основании соглашения, заключенного между английской миссией и горской делегацией, в Темир-Хан-Шуре была учреждена английская военная миссия во главе с полковником Роландсоном, которая 27 декабря 1918г. прибыла в город.

Началось жестокое ограбление края. Дагестан был превращен в английский рынок сбыта и источник сырья. За бесценок англичане вывозили из Дагестана шерсть, мясо, масло, кожу. Дагестан и Азербайджан были наводнены дорогими, но низкосортными товарами из Англии. Придавая большое значение Петровску, как железнодорожному узлу и выгодной военно-морской базе, англичане 1 февраля 1919 г. официально объявили Порт-Петровск базой английских морских сил. У. Черчилль выступая с трибуны британского парламента говорил: «... Все Каспийское море находится во владении британского флота»⁶.

В январе 1919 г. открылась Парижская мирная конференция – победителей в Первой мировой войне – Антанты. После провала своих военных планов Антанта меняет тактику и приступает к осуществлению новых – расчленения России на «независимые» республики. На карте «Предполагаемые границы России», приложенной к IV тому дневника Миллера – американского юридического эксперта на Парижской мирной конференции, были отмечены районы отторжения от России, в том числе Кавказ. При этом подчеркивалось, что речь идет только об экономике, а вовсе не об образовании независимых самостоятельных государств. Госдепартамент США в своих комментариях к карте указывает: «Россия может быть разделена экономической жизнью. Ни одна область не является достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство»⁷.

После очередной неудачной попытки министра иностранных дел сепаратистской республики Гайдара Бамматова на Парижской мирной конференции добиться признания независимости Горской Республики, лидеры Горского правительства послали чрезвычайную правительственную делегацию к самому генералу Деникину, но тоже без успешно.

В 1937 г. в журнале «Кавказ», анализируя причины падения Горской Республики, один из ее лидеров Гайдар Бамматов писал следующее: «У политических деятелей, не сумевших сберечь молодые Кавказские республики от крушения, есть смягчающие вину обстоятельства. События 1917 г. застали народы Кавказа не готовыми к требованиям, которые им предъявила история... Одним из основных наших несчастий в 1918 г. было отсутствие у нас Кавказской психологии и не-

3 Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп.1. Д. 60. Л.114.

4 Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его кавказская армия. Неизвестные страницы истории гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917-1919. М., 2011. С. 118.

5 Саидова М. З. К вопросу об иностранной интервенции в Дагестане (1918 год) // Наука и образование в современном обществе: вектор развития: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 1 сентября 2014 г. В 2 частях. Часть II. М.: «АР- Консалт», 2014. С. 85.

6 Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2., Оп.1., Д.1486. Л.17.

7 Эмиров Н. П. Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1972. С. 167.

умение разобраться в физической и этнографической карте Кавказа и сделать вытекающие отсюда для народов Кавказа политические выводы»⁸.

История свидетельствует, что в силу геополитического положения Кавказа в целом, и Дагестана, в частности, этот регион не раз оказывался в центре «большой» политики западных держав, каждая из которых преследовала свои цели. Тогда, в начале XX века планам Турции и стран Антанты, в силу сложившихся обстоятельств – революционные события и Гражданская война в России не суждено было сбыться. Но реалии XXI века, вновь возвращают нас к прошлым событиям. Общеизвестно, что Дагестан, как и другие республики Северного Кавказа, остаются в центре геополитических приоритетов мировых и региональных сил, пытающихся оказать свое влияние на выбор их пути развития. В этой геополитической игре козырной картой является исламский фактор. Профессор Гаджиев К. С. справедливо отмечает, что «во все более растущей степени проявляется тенденция к втягиванию мусульманских республик в орбиту экономическо-го, политического и религиозного влияния исламского мира»⁹.

Поэтому очевидно, что умелое выстраивание отношений, как с западным, так и мусульманским миром – важная составляющая национальной безопасности Дагестана, как южного форпоста России.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаева М. И. Дагестан в политике Османской империи и мировых держав во второй половине XIX века // В сб. Исследование по истории Дагестана (до-октябрьский период). Махачкала, 2004. 161 с.
2. Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его кавказская армия. Неизвестные страницы истории гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917-1919. М., 2011. -348 с.
3. Гаджиев К. С. Геополитика. М., Юрайт, 2012. 479 с.
4. Кавказ (Париж). 1937. №12 (48) // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН.
5. Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф-2., Оп.1., Д. 60, 1486.
6. Саидова М. З. К вопросу об иностранной интервенции в Дагестане (1918 год) // Наука и образование в современном обществе: вектор развития: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 1 сентября 2014 г. В 2 частях. Часть II. М.: «АР- Консалт», 2014. 112 с.
7. ЦГА РД. Ф. 66. Оп.2. Д.3.
8. Эмиров Н. П. Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала, 1972. 213 с.

8 Кавказ (Париж). 1937. № 12(48) // Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН.

9 Гаджиев К.С. Геополитика. М., Юрайт, 2012. С. 335.

Авдонин А. Н., Кадырова Г. Ф.
МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ В РОССИИ И
КОЭВОЛЮЦИОННО-ГЛОБАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Статья посвящена выявлению в истории России модернизационных волн: «петровской», «александровской», советской и необходимости новой модернизационной волны. В ходе исследования была выяснена внутренняя структура модернизационной волны: начало модернизации – кульминация – застой – военное поражение или реформа (революция), порождающая необходимость следующей модернизации. Победа в Великой Отечественной войне и модернизация обеспечили выход нашей страны на уровень мировых держав, содействовала крушению мировой колониальной системы. Прочный мир на Земле, длительное развитие человечества в условиях глобальных угроз существованию человечества возможны только при условии коэволюционного сотрудничества Запада, России и Востока в решении глобальных экологических проблем.

Ключевые слова: победа, модернизация, Запад, Россия, Восток, модернизационные волны в истории России и их структура, коэволюционно-глобальная модернизация.

Avdonin A. N., Kadyrova G. F.
MODERNIZATION WAVES IN RUSSIA AND COEVOLUTIONARY GLOBAL MODERN-
IZATION

In this article Victory in the Great Patriotic War is seen in the context of the history of Russia through the modernization and three waves: "Peter", "Alexander" and socialist. The Great Patriotic War came to socialist modernization, when there was a question of life and death in our country. Victory in the Great Patriotic War provided the output of our country to the level of world powers, contributed to the collapse of the world colonial system. Lasting peace in the world, long-term development of mankind in the face of global threats to human existence is possible only if the co-evolutionary coexistence, moreover, co-operation of the West, Russia and the East in solving global environmental problems.

Keywords: victory, modernization, West, Russia, East, waves of modernization in Russia's history and structure, the need for global co-evolutionary upgrades.

В настоящее время усиленно распространяется мнение о превосходстве западного общества над восточным, неминуемом поглощении первым второго¹. Удивительно, но такое поглощение уже было, и произошло оно в конце XIX столетия, когда западные страны поделили между собой территорию Земли. Колонии, вместе с жестокими колониальными порядками, охватили всю восточную часть планеты, кроме России. Как же нашей стране удалось избежать цивилизационной «миссии» Запада?

Своевременными модернизациями. *Первая* модернизация произошла в начале XVIII века при Петре I после поражений в войне со Швецией за возврат российских земель на Балтийском побережье, за кратчайший морской путь в Европу. Петровская модернизация привела к переходу из московского царства в российскую империю. Во-первых, с активным вмешательством государства и подконтрольными ему частными предпринимателями была создана заводская и мануфактурная промышленность, правда, с подневольными работниками. «К 1740-м годам страна выплавляла чугуна в 1,5 раза больше, чем Англия»². Во-вторых, было ликвидировано боярство и создана мощная бюрократическая система с подразделением гражданских и военных чинов на 14 разрядов. При преемниках Петра произошло освобождение дворян от обязательной государственной службы и появление двух различных социальных групп господствующего класса: чиновничества и дворянства. Чиновничество стало непосредственной социальной опорой самодержавной царской вла-

сти. Наконец, к концу правления Петра I была создана сильнейшая в Европе армия (250 тысяч человек) и второй в мире военный флот (более 1000 кораблей). Когда мы думаем о Петре I, то сразу вспоминаем пушкинский образ «прорубившего» в Европу «окно» царя. Вот только сам царь не стремился сделать Россию европейской, западной страной. Она была для него «лишь средством решения национальных проблем, а совсем не целью. Сохранилось предание, записанное Остерманом, согласно которому Петр однажды сказал: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»³.

Что это дало со временем стране? Достижение жизненно важных для России целей: выход к Балтийскому и, позднее, к Черному морям; превращение страны в одну из главных европейских держав; победу в войне с Наполеоном и его войском, собранным почти со всей Европы. «Закупоренной» России без Петра I и балтийского побережья была открыта дорога в возрастающую отсталость и колониальное будущее. Но цена петровской модернизации была очень высока: за время его правления налоги в стране выросли в 3 раза, и на 15 процентов сократилось ее население. Россия стала представлять собой военно-полицейское государство с монополизированной экономикой и несвободной личностью⁴. Положительное воздействие петровской модернизации по инерции продлилось до победы над Наполеоном. Подавление восстания декабристов усилило консерватизм политики правящих кругов во всех сферах общественной жизни, в том числе в промышленности. Если в 1800 году в стране выплавлялось 9971 тыс. пудов чугуна, а в Ан-

Авдонин А. Н.

Кадырова Г. Ф.

1 Левин А. Почему одни нации богатые, а другие – бедные? Реферат кн. D. Acemoglu, J.A. Robinson Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elementy.ru/news/431872> (дата обращения 27.07.2012).

2 История России с позиций разных идеологий / Под ред. проф. Б.В. Личмана. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. С. 158.

3 Бушуев С.В. История государства Российского: Историко-библиогр. очерки. Кн. вторая. XVII-XVIII вв. М.: Изд-во «Кн. палата», 1994. С. 359.

4 См.: История России с позиций разных идеологий. С. 150-166.

глии 9836 тыс., то в 1860 году Россия увеличила производство чугуна до 18198 тыс. пудов, а Англия – до 243900 тыс. пудов⁵. В итоге Россия потерпела поражение в Крымской войне по причине военно-технической и социальной отсталости. Снова замаячила реальная перспектива превращения страны в колонию европейских государств, как, кстати, это случилось с соседним Китаем. На повестку дня стала задача *второй* модернизации.

Она и была проведена в 1861 году реформой по освобождению крестьян от крепостной зависимости, реформой, сделанной «сверху» и потому половинчатой, с многочисленными шагами в сторону прежних владельцев крестьян, помещиков. Это обусловило крайне противоречивый ход исторического развития страны. Казалось, проводимые реформы внушали надежду на успешный переход России к буржуазному обществу. «Но совершенно неожиданно для (реформаторов – А.А.), в стране усилилось традиционно враждебное отношение к торговле, ко всем новым формам деятельности: к кулаку, купцу, скупщику – удачливому предпринимателю»⁶. Это не удовлетворяло и революционное движение, и его авангард, организацию «Земля и воля». Она раскололась на умеренную «Черный передел» и радикальную организацию – «Народная воля», развернувшую настоящую террористическую «охоту» на царя. «Утром 1 марта 1881 года император (Александр II – А.А.) назначил заседание Совета министров для утверждения уже одобренного им законопроекта (о введении в России конституционной монархии – А.А.); буквально через несколько часов Александр II был убит членами организации «Народная воля»⁷. При новом царе, Александре III, прошла волна контрреформ, значительно снизившая их положительный потенциал. Так, экстремальные радикалы и консерваторы совместными усилиями затормозили политическое развитие России на 24 года, до перехода к конституционной монархии, вырванной у самодержавия силой во время революции 1905-1907 годов.

Тем не менее, в конце XIX столетия, в России набрало высокую «скорость» интенсивное «хозяйственное развитие, и этот период позже получил название «русского экономического чуда». В ведущих секторах индустрии – металлургии, угле- и нефтедобыче, тяжелом машиностроении, химическом производстве – ежегодный прирост составлял более 12% ... Общая стоимость произведенной продукции за указанный период (1887 – 1900 годы – А.А.) поднялась с 1400,9 млн до 3086 млн рублей, или более чем на 200%, и основная доля прироста пришлась как раз на вторую половину 90-х годов XIX в. Удельный вес России в мировом промышленном производстве за этот период поднялся с 3,4% до 5%, и она уверенно заняла пятое место в промышленной иерархии стран, уступая значительно лишь США (30,1%), Англии (19,5%) и Германии (16,6%) и вплотную приблизившись к Франции»⁸.

Мировой экономический кризис начала 1900-х годов, поражение России в русско-японской войне 1904-1905 годов, революция 1905-1907 годов прервали и замедлили экономический подъем, но с 1910 года он продолжился. В итоге, за два периода роста, с 1984-1985 г.г. по 1913 год, стоимость фабрично-заводской промышленности выросла с 1500 млн до 6500 млн рублей, т.е. в 3,3 раза, количество лошадей – на 41%, количество крупного рогатого скота – на 65%. «Россия уверенно превращалась в аграрно-индустриальную страну. В 1913 г. в структуре национального дохода на долю сельского хозяйства приходилось чуть более 50%, а все остальное падало на долю промышленности, транспорта, торговли»⁹.

Вместе с тем, переходное состояние, в котором находилась страна, имело и отрицательные стороны: машиностроение зани-

мало всего 7% в общем объеме промышленного производства, да и промышленное оборудование приходилось закупать за границей, сохранялось серьезное отставание от западных стран по производительности труда и энерговооруженности, нерешенным оставался аграрный вопрос. В социальной сфере обострились противоречия между городом и деревней, между различными конфессиями, между представителями различных народов, образующих российское общество. В ходе неудавшейся революции 1905-1907 годов и, особенно, после нее окрепли и набрали большую силу оппозиционные движения и партии. Все это разрушало социальный консенсус, необходимый для успешной модернизации¹⁰. Поэтому в начавшейся мировой войне Россия оказалась самым «слабым звеном» из всех участвовавших в ней стран. Нисходящая линия второй модернизационной волны в условиях бедствий мировой войны приобрела обвальный характер: в феврале 1917 года произошла буржуазно-демократическая революция, а в конце того же года – Октябрьская революция¹¹.

К власти в России пришла партия большевиков во главе с В.И. Лениным, открыто провозгласившая своей целью уничтожение всех эксплуататорских классов и построение бесклассового общества, СССР. Появление нового общества вызвало гражданскую войну и враждебность западных стран, настолько острую, что они организовали совместную интервенцию *обеими* воюющими друг с другом сторонами, не дожидаясь конца мировой войны. Гражданская война и интервенция закончилась победой над белой армией и интервентами. Но иллюзий на длительное мирное существование с Западом у руководства нашей страны не было. После восстановления разрушенного мирового и гражданского хозяйства с помощью безжалостного массового террора была проведена *третья* модернизация сельского хозяйства и промышленности. В кратчайшие исторические сроки в СССР был совершен промышленный рывок, созданы и развиты важнейшие отрасли современной промышленности. «По уровню промышленного производства Советский Союз вышел на первое место в Европе и на второе – в мире»¹².

Тем временем, на Западе побочным результатом первой мировой войны и глубокого экономического кризиса 1929-1932 годов стало возникновение фашизма в Италии и нацистского режима в Германии. В главной книге воинствующего нацизма «Майн кампф» (1925-1926), пришедший к власти в Германии Гитлер высказывает расистские и шовинистические идеи: объявляет высшей расой арийцев, состоящих из немецких и романских элементов, а их антиподом – евреев; выражает мнение о необходимости расширения для Германии жизненного пространства, стало быть, неизбежности грядущей войны. Там же были намечены два направления агрессии: Франция и Россия. Завоевание новых земель предполагалось осуществить в союзе с Англией, Италией и Японией. Но историческая обстановка в середине 30-х годов XX века внесла коррективы. Англия была тесно связана с Францией, а правящие круги обеих стран питали зоологическую ненависть к нашей стране, упорно надеясь направить военную экспансию гитлеровской Германии на восток, на Советский Союз. Именно это желание лежало в основе заключения Англией и Францией пакта о ненападении с Гитлером и сдачи ему Чехословакии.

С другой стороны, Англия и Франция намеренно затягивали переговоры с нашей страной о едином антифашистском военном союзе, надеясь на неизбежную войну Германии и СССР. Единственным препятствием была союзная с ними Польша, территория которой отделяла Германию от Советского Союза. В свою очередь, руководство СССР понимало игру западных держав, направленную на изоляцию нашей страны и ее уничтожение силами гитлеровской Германии; понимало оно и неготовность страны к отражению возможной нацистской агрессии. Нужно было выиграть время. И тут Гитлер делает обманувший Запад ход: накануне

5 Там же. С. 227.

6 Там же. С. 241.

7 Там же. С. 244.

8 Новейшая история России / Под ред. Член-корр. РАН А.Н. Сахарова. М.: Проспект, 2010. С. 7.

9 Там же. С. 80.

10 Там же. С. 141-142.

11 См.: там же. С. 141-148, 162-169.

12 Там же. С. 254.

нападения на Польшу предлагает заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, решив начать расширение жизненного пространства Германии с более легкой, западной стороны. В условиях существования пакта о ненападении между Германией и Великобританией с Францией, их нежеланием заключать союзный договор с нами и опасностью войны с Германией на западе и с Японией на востоке, у нас не было другого выхода, как принять предложение Гитлера. Но в пакте о ненападении с Германией была тайная договоренность о разделе территории Польши в случае германско-польской войны между участниками пакта.

Польша быстро потерпела поражение, а Запад (Великобритания и Франция), вынужденный объявить войну Германии из-за нападения на Польшу, восемь месяцев вел с Германией войну без войны, ожидая со дня на день настоящей войны Германии с Советским Союзом, пока не был на голову разгромлен танковыми армиями нацистского рейха. В этот же период СССР провел зимнюю войну с Финляндией, отодвинув границу от Ленинграда. До лета 1941 года гитлеровская Германия довела расширение своего «жизненного пространства» до размеров почти всей континентальной Европы и, прекратив девятидневные воздушные бомбардировки Англии, напала на Советский Союз. Так прервалась третья модернизация нашей страны.

Это было решающее событие середины XX века: решающее как для нацистского режима, так и для СССР. Вопрос стоял ребром: либо побеждает Германия, и тогда наша страна перестанет существовать; либо побеждаем мы, и тогда перестанет существовать нацистская Германия. К сожалению, соотношение сил перед нападением гитлеровской Германии на Советский Союз было не в нашу пользу. На стороне Германии был военно-экономический потенциал почти всей континентальной Европы, опробованная в современных успешных боях армия и командный состав, внезапность мощного удара на всем протяжении границы и уничтожение всей приграничной военной авиации на аэродромах. На стороне СССР оказалась армия, понесшая в предвоенных репрессиях огромный урон в опытном командном составе; армия и страна, не готовая к внезапному массированному нападению.

Так как военно-политическое руководство нашей страны не ожидало удара со стороны Германии, то Красная Армия «не была отмобилизована и не закончила процесс стратегического сосредоточения и развертывания на западном театре военных действий. Вследствие этого части первого эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение советских войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов групп армий германскому командованию удалось создать превосходство над войсками Красной Армии, которое было близко к подавляющему»¹³.

Спаси нашу страну могла только беспримерная стойкость и мужество солдат на фронте, массовая переброска военной промышленности из европейской части страны на Урал и в Сибирь, самоотверженная работа женщин и детей в тылу и на военных заводах. И народы нашей страны сумели это сделать, три года воюя с Германией без второго фронта со стороны союзников, и победить врага, захватившего почти всю западную Европу и самую развитую и населенную часть нашей страны.

После тяжелейшей Великой Отечественной войны 5 марта 1946 года У. Черчилль в Фултонской речи от имени Запада объявляет Советскому Союзу холодную войну. И это после огромного урона, понесенного в тяжелейшей войне. Но, опять же, благодаря поколению 40-х – 50-х годов, которое, жертвуя своими интересами ради общего блага, сумело быстро восстановить хозяйство страны и обеспечить равную с Западом наци-

ональную безопасность с помощью создания ракетно-ядерного оружия. Появление ядерного оружия у стран Запада и Советского Союза создало глобальную угрозу существованию человечества и гарантию поддержания мира при условии мирного сосуществования их друг с другом. Более того, в СССР был запущен первый спутник Земли и космический корабль с первым человеком на борту. В 60-е годы Советский Союз активно поддерживал массовое освобождение стран Востока из под колониальной зависимости.

Таким образом, в Великой Отечественной войне, Россия спасла не только себя, но и весь Восток в качестве глобально действующего участника текущей и будущей мировой истории. Но с конца 60-х годов в экономическо-политической жизни нашей страны начался застой, который привел ее к распаду в конце 1991 года. В последней трети XX века обнаружилась глобальная экологическая угроза существованию человечества, вызванная прогрессирующим загрязнением окружающей среды.

Экономические реформы по западному образцу привели к разрушению основных отраслей экономики России, за исключением добычи нефти и газа, черной и цветной металлургии, а провести реиндустриализацию не удалось. Запад же придвинул к нашим границам свой военный блок НАТО. Обострение политических отношений между ним и нами сопровождается экономическими санкциями против нас, россиян. Поэтому нам нужен свой, российский вариант модернизации страны с введением частного сектора на не западных началах.

Итак, история России движется по модернизационным волнам, которые имеют свою внутреннюю структуру: начало модернизации – кульминация – застой – военное поражение или реформа (революция), порождающая необходимость следующей модернизации. Краткий исторический обзор, во-первых, выявил смену в истории нашей страны трех *модернизационных волн*: «петровской», «александровской», советской и актуальность новой модернизационной волны. Во-вторых, подъем Советского Союза способствовал ликвидации колониальных империй Запада и сохранению Востока как важнейшей составляющей нынешней и будущей человеческой цивилизации и культуры.

Прочный мир на Земле, длительное развитие человечества в условиях глобальных угроз существованию человечества возможны только при условии коэволюционного сотрудничества Запада, России и Востока в решении глобальных экологических проблем, иначе не будет ни Запада, ни России, ни Востока. Следовательно, необходима модернизация не только России, но и всех международных отношений на уровне отношений между Западом, Россией и Востоком, необходима коэволюционная глобальная модернизация.

Пристатейный библиографический список

1. Бушуев С. В. История государства Российского: Историко-библиогр. очерки. Кн. вторая. XVII-XVIII вв. М.: Изд-во «Кн. палата», 1994. 416 с.
2. История России с позиций разных идеологий / Под ред. проф. Б. В. Личмана. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 461 с.
3. Левин А. Почему одни нации богатые, а другие – бедные? Реферат кн. D. Acemoğlu, J.A. Robinson Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elementy.ru/news/431872> (дата обращения 27.07.2012).
4. Мельтюхов П. Место «Восточного похода» в стратегии Германии 1940-1941 гг. и силы сторон к началу операции «Барбаросса». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/12.html>
5. Новейшая история России / Под ред. Член-корр. РАН А.Н. Сахарова. М.: Проспект, 2010. 480с.

13 Мельтюхов П. Место «Восточного похода» в стратегии Германии 1940-1941 гг. и силы сторон к началу операции «Барбаросса». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/12.html>

Бугера В. Е., Гиндуллин Н. Ф.
УКРАИНСКИЙ ФАШИЗМ И НИЦШЕАНСТВО

В статье поднимается проблема современного фашизма на Украине. Проводится анализ работ главного идеолога украинского фашизма Дмитро Донцова и трудов немецкого философа-иррационалиста Фридриха Ницше.

Ключевые слова: идеология, фашизм, националисты, «раса господ» и «раса рабов», каста, классовый подход

Bugera V. E., Gindullin N. F.
UKRAINIAN FASCISM AND NIETZSCHEANISM

The article raises the problem of modern fascism in Ukraine. The analysis of the works of the main ideologue of fascism Ukrainian Dmytro Dontsov and works of German philosopher-irrationalist Friedrich Nietzsche.

Key words: ideology, fascism, nationalists, "master race" and "slave race", caste, class approach

Одним из основателей идеологии украинского фашизма, более того – его главным идеологом в первой половине XX века стал публицист и философ Дмитро (Дмитрий) Донцов. Несмотря на то, что украинский фашизм изначально был расколот на множество фракций и группировок, ожесточенно грызшихся друг с другом, большинство из них вдохновлялись книгами и статьями Донцова, клали его идеи в основу своих программных документов, своей пропаганды и агитации.

Труды Донцова стали широко переиздаваться на Украине, начиная с 1991 года. Их не только изучают современные украинские фашисты – произведения Донцова изучают в вузах и даже в школах, на них воспитывается украинская молодежь вот уже четверть века подряд. Идеями Донцова, близкими идеологии немецкого фашизма, вскормлены штурмовики Майдана и каратели, терзающие сегодня Донбасс под прикрытием лозунга «борьбы с терроризмом и сепаратизмом». И так же, как на идеологов нацизма, на Донцова огромное влияние оказала философия Фридриха Ницше¹

В одной из своих главных работ – книге «Дух нашей старины»² - Донцов счел нужным прямо сослаться на Ницше, признав, таким образом, преемственность между ним и собою.

«Пророком, предсказавшим этот «век масс», век «европейского нигилизма», как он его называл, – был среди прочих Фридрих Ницше. Он уже в 80-х годах прошлого столетия возвышал свой вдохновенный голос против новых демократических «господ», героев заурядности, узкоглядства и выгоды. Противопоставлял им тип и стиль старых европейских элит, стиль викингов, арабской, японской и гомеровской аристократии. Он еще тогда писал о «Фергеслихунг Европас», которую принесли с собой демократические «швитценде плебеер», он еще тогда поднимал на высокий постамент древнее, уже неизвестное демократизированному 19 веку «Форнемгайт» (благородство, ноблес), как основную характеристику касты владык. Он один из первых осуждал современную ему культуру демократической Европы, культуру «Herdentier», а толпе с ее «ругельос барабаришен Трайбен унд Вирбельн», с ее «неугомонной варварской суетой и гомоном» противопоставлял культ великих людей, недочеловеку демократии – своего сверхчеловека. Он осуждал бескультурье демократических городов, упадок

государственной дисциплины. Он нападал на такие демократические институты, как всеобщее избирательное право, называя демократию – «исторической формой упадка государства»³.

Донцов сразу схватывает у Ницше самое основное – его концепцию извечно присущего жизни человечества деления людей на господ и рабов и его критику «смазывания» этого деления как якобы упадка и деградации общества.

Вот что он пишет об идеях своей книги:

«Идеи этой книги в основе своей отличны от идей демократии, классократии или нациократии. ...Им противопоставляю идею иерархизированного общества.

Оригинальной является и идея этой книги про руководящий слой. Базой создания этого слоя является для меня не мифический «демос», не масса (демократия), не тот или иной класс («классократия»), не партийно-политическая программа (нациократическая монопартия), но лишь каста «лучших людей»... Ни демократия, ни классократия, ни нациократия, только аристократия, каста лучших людей.

Под кастой понимаю здесь не что-то подобное замкнутым кастам Индии, но нечто иное. Под правящей кастой, под «аристократией» подразумеваю нечто подобное Ордену, обособленный по положению в обществе и духу слой «лучших людей»... слой, который бы пополнялся выходцами из всех слоев общества на основе сурового отбора лучших, а с другой стороны тщательным процеживанием, «чисткой» охранял бы свое духовное и моральное превосходство и чистоту, свою форму и силу.

Таким подходом к основной проблеме нашего времени выходит этот труд за пределы нашей национальной проблемы, касаясь важнейшей проблемы общеевропейского характера, которую испанец Ортега-и-Гассет охарактеризовал как

Бугера В. Е.

Гиндуллин Н. Ф.

1 См.: Бугера В. Е. Социальная сущность и роль философии Ницше. – М., 2005.

2 Донцов Д. Дух нашої давнини. – Дрогобич, 1991.

3 Донцов Д.. Указ. соч.

кризис руководящих слоев, как кризис «века масс», я бы сказал - века черни»⁴.

Поучительное во многих отношениях зрелище – последовательный националист Донцов, полагающий в качестве основной проблемы нашего времени проблему «кризиса руководящих слоев» (читай: кризиса господства эксплуататорских классов), *классовую* проблему. Не стоит придавать особо серьезного значения его нападениям на «идеи классократии»: Донцов просто не хочет замечать, что его «каста лучших людей» - не что иное, как принявший в его сознании иллюзорную, недостижимо-идеальную форму господствующий класс. Донцов исповедует тот же самый классовый подход, по-идеалистически перевернутый вверх тормашками, что и Ницше. Притом этот классовый подход, как и у Ницше, осознан; просто он осознан в *неадекватных терминах* вроде «касты лучших людей», осознан помимо таких адекватных его сути терминов, как, например, «классы общества».

Не следует также придавать особого значения тому, что Донцов отмежевывается от «нациократии». Это не значит, что он в той или иной мере порывает со своим воинствующим национализмом. Понятие «нациократии» он сводит к правлению одной партии с националистической программой и противопоставляет ему правление «представляющей нацию» касты, «подобной Ордену» (чем же является эта орденopodobная организация «господствующей касты», как не идеализированной партийной организацией?). Очевидно, под влиянием политического банкротства фашистской партии ОУН – Организации украинских националистов, сотрудничавшей с нацистами (цитируемая книга Донцова была впервые издана в 1944 году), Донцов пытался дистанцироваться от заложенных в основу ее программы «нациократических» идей; однако он не сумел сделать этого иначе, как противопоставив им те же самые идеи, но в немного иной упаковке.

Донцов оказался наследником Ницше также и в своем разизме⁵:

«Щербаковский утверждает, что на Украину в неолитическую эпоху в третьем тысячелетии до Рождества Христова пришли люди двух культурных кругов, земледельческого и кочевнического. Каждый из тех культурных кругов был создан отдельной расой, отдельной физически и психически. Наши апостолы толпы были представителями подвластного слоя, а не того, что создал культуру, руководящего слоя княжеского Киева и казачества»⁶.

Миф о двух культурных кругах – двух расах внутри народа Украины воплощается сегодня в практику геноцида на Донбассе: ополченцы и мирные жители Донецкой и Луганской народных республик воспринимаются украинскими великодержавными шовинистами как низшая раса, подлежащая порабощению и уничтожению. В этой практике нет ничего нового: то же самое, только еще в больших масштабах, творили украинские фашисты во время Второй мировой войны и в течение нескольких лет после нее. Выходит, что та война еще не закончилась – недобитые фашисты вырастили своих духовных наследников, те чрезвычайно расплодился после распада СССР и теперь стараются взять реванш за поражение своих предшественников⁷.

По адресу демократии и демократов Донцов сыплет длинными очередями ругательств⁸. Главная претензия Донцова к демократам – в том, что они не смогли противостоять той силе, которую Ницше знал под именем «социализм», Гитлер в «Майн кампф» называл марксизмом, а сам Донцов называет большевизмом. И так же, как Ницше, Донцов мечтает о новой касте господ, которая укротит «толпу» и уничтожит ее воинствующее движение – в данном случае большевизм⁹.

Во всех своих произведениях Донцов выступает в качестве последовательного ницшеанца. Но не только он: Ницше вообще был крайне популярен среди украинских фашистов накануне второй мировой войны. Один из них, О. Бабий, в 1930 году писал: «Кажется, имя ни одного философа не является таким популярным среди украинцев, как имя Ницше»¹⁰ (под «украинцами» имеются в виду украинские националисты).

Ницше и сегодня столь же популярен среди украинских (добавим: и среди русских тоже) фашистов.

Пристатейный библиографический список

1. Бутера В. Социальная сущность и роль философии Ницше. М., 2005.
2. Донцов Д. Дух нашої давнини. Дрогобич, 1991.
3. Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Даллакян Г. Р., Горемыкина Л. И. Современное российское общество о Великой Отечественной войне: социологические данные и социально-философское восприятие // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 328-330.
4. Масловський В. Дорога в безодню. Львів, 1978.

4 См.: Донцов Д. Дух нашої давнини. -Дрогобич, 1991.

5 Донцов Д. Указ. соч.

6 Там же.

7 См.: Лукиянов М.Ю., Бондаренко А.В., Даллакян Г.Р., Горемыкина Л.И. Современное российское общество о Великой Отечественной войне: социологические данные и социально-философское восприятие // Евразийский юридический журнал. – 2015. - № 6. – С.328-330.

8 См.: Донцов Д. Дух нашої давнини. -Дрогобич, 1991.

9 См.: Донцов Д. Указ. соч.

10 Масловський В. Дорога в безодню. - Львів, 1978.

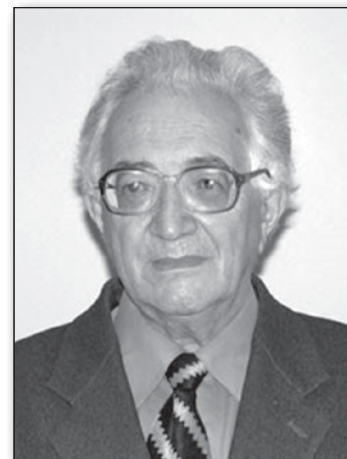
Орешников И. М.

О ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИСТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ПАТРИОТИЗМА, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, НАЦИОНАЛИЗМА И КОСМОПОЛИТИЗМА

Победа СССР в Великой Отечественной войне имеет по-настоящему всемирно-историческое и судьбоносное значение для всего человечества, это был подвиг советского народа, который спас и освободил многие страны, народы и нации от фашистского ига.

Как известно, многочисленная западноевропейская и американская историческая литература, различные учебные, энциклопедические и справочные издания явно преувеличивают роль США и Великобритании в победе над фашистской Германией, всячески преуменьшают роль СССР в этой победе, в значительной мере фальсифицируют ход, события и итоги Второй мировой войны, упорно представляют наших воинов в качестве оккупантов, а не освободителей Европы. К сожалению, фальсификация истории войны встречается и в отечественной литературе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, гуманитарная культура, неогуманизм, патриотизм, интернационализм, национализм, космополитизм.

Орешников И. М.

Oreshnikov I. M.

ABOUT THE PHILOSOPHICAL AND HUMANISTIC UNDERSTANDING OF PATRIOTISM, INTERNATIONALISM, NATIONALISM AND COSMOPOLITANISM

The Soviet victory in the great Patriotic war has a truly world-historical and fateful significance for all of humanity, it was a feat of the Soviet people, who saved and liberated many countries, peoples and Nations from the Nazi yoke. As you know, many Western European and American historical literature, various educational, encyclopedic and reference publications are clearly exaggerated the role of the US and Britain to victory over Nazi Germany, strongly diminish the role of the USSR in the victory, largely fabricate the course, events and results of world war II, tenaciously represent our soldiers as occupiers and not liberators of Europe. Unfortunately, the falsification of the history of the war is found in the Russian literature.

Key words: Great Patriotic war, humanitarian culture, neohumanism, patriotism, internationalism, nationalism, cosmopolitanism

*Любой великий подвиг одного народа
совершается для всех народов*

С. Цвейг

*Любовь к отечеству должна исходить
из любви к человечеству как часть
из общего*

В. Г. Белинский

Е. П. Тавокин и И. А. Табатадзе провели в сентябре-октябре 2009 г. интересное социологическое исследование, используя экспертный опрос. По мнению экспертов, 59,6% населения России в целом положительно воспринимают Победу в Великой Отечественной войне, остальные – в основном положительно, 84,8% экспертов полагают, что события ВОВ полностью или частично искажаются. Главными средствами искажения являются телевидение (56,6%), пресса (51,6%), система образования (32,3%) и интернет (25,3%), то есть все подконтрольные государству структуры. При этом очень сильно искажаются начальный период войны (61,5%) и берлинская операция (16,7%). Что касается личности И. В. Сталина, то в целом эксперты весьма положительно оценили значение его деятельности в период ВОВ: 21,2% экспертов уверены в том, что он сыграл решающую роль, а 63,6% – «важную, но не решающую роль»¹.

Безусловно, главная причина, залог нашей Победы – это советский патриотизм, интернационализм и героизм многочисленных наций нашей страны.

В этой связи целесообразно определить и уточнить содержание ключевых понятий, фигурирующих в названии данной статьи.

Патриотизм – это любовь к Родине, привязанность к родной земле и культуре, гордость за её успехи и достижения, критическое отношение к экономическим, политическим, правовым и духовным недостаткам страны с целью их устранения и улучшения ситуации, верное служение Родине и её защита. Он является важной социальной и духовно-нравственной ценностью. Однако крайний патриотизм (ультрапатриотизм) может привести к национализму, нацизму и расизму, что, к сожалению, встречается у ряда правых партий Европы.

Интернационализм – социальный, нравственный принцип отношений между народами, нациями, странами, основанный на сотрудничестве, содружестве, солидарности, взаимопомощи и поддержке, на признании равенства всех народов и наций, на уважении их культуры, образа жизни, независимости. Очевидно, что интернационализм в корне противостоит шовинизму, национализму, расизму и национальной изолированности.

Национализм – идеология, политика и практика в национальном вопросе, главной идеей которой является признание нации как высшей формы общественного единства, её первенства в государстве, а также положение об исключительности и превосходстве своей нации над всеми другими. Формы на-

1 Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социс. – 2010. – №5. – С.65-66; см. также: Лукьянов М. Ю., Бондаренко А. В., Даллакян Г. Р., Горемыкина Л. И. Современное российское общество о Великой Отечественной войне: социологические данные и социально-философское восприятие // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С.328-330.

ционализма многообразны: откровенный нацизм и расизм, ксенофобия, возвышение своей нации и принижение других, обособленность от них и др.

Космополитизм – идеология «мирового гражданства», провозглашение приоритета общечеловеческих интересов и ценностей над национальными, понимание всех жителей Земли как единой социокультурной общности. Особо заметим, что А. Данте, И. Кант, И. Г. Фихте, И. В. Гете, И. Ф. Шиллер прямо выдвигали идею *мирового гражданства*.

В СССР в известное время (с 1947 г. и позже) космополитизм оценивался как враждебное явление и антипод советскому патриотизму, шла борьба с «безродными космополитами».

Думается, что в настоящее время космополитизм имеет право на своё существование, ибо глобализация мира включает в себя и черты космополитизма.

Ныне все очевиднее, что идёт процесс глобализации, что движение человеческого рода от изоляции и замкнутости составных его частей к единству и целостности представляет собой объективную тенденцию всемирно-исторического развития. Конечно, далеко не всё так просто в нашем мире, в нём помимо интегрирующих сил и факторов существуют и дезинтегрирующие, антиглобалистские (изоляциялизм, сепаратизм, национализм, расизм, религиозные, национально-этнические противоречия и пр.). К этому можно ещё сегодня добавить украинский кризис, «гибридную войну» в Украине, санкции Европейского Союза и США по отношению к России, что значительно усложняет все международные отношения, нормальную жизнь мирового сообщества.

Современная техногенная цивилизация переживает глобальный духовно-нравственный кризис, процессы дегуманизации и деградации практически охватили все сферы общественной и личной жизни. Короче говоря, современное человечество, находясь в информационно-технологическом и рыночном обществе, переживает своеобразное «осевое время», переломный период в своём развитии, этап «переоценки ценности». Безусловно, здесь ведущее место призвана занять философия, являющаяся особым видом мировоззрения, ценностно-смысловым способом освоения человеком мира, критикой эпохи, стратегией общественного развития.

Думается, что только гуманитарная культура и её ценности, гуманистическая идеология и парадигма способны спасти человечество от деградации и гибели, от различных конфликтов и катастроф. Именно гуманистическая идеология, рассматривающая человека в качестве высшей ценности и самоцели общественного развития, должна стать культурно-историческим самосознанием современного человечества, социальным проектом его дальнейшего развития, только она способна дать адекватные ответы на «вызовы» современной эпохи.

Современный гуманизм можно назвать *неогуманизмом*. Он отличается тем, что ныне является велением времени, приобретает *императивный, универсальный, парадигмальный*, а в некоторой мере практический характер, является не просто «благим намерением», а исторической необходимостью.

Выводы

Ныне в России стали большое внимание уделять патристическому воспитанию населения, прежде всего, молодого поколения. Заметим, что главный путь в этом направлении заключается не просто в пропаганде идей патриотизма, а в том, чтобы государство обеспечило россиянам нормальную жизнь и проявляло гуманистическое и уважительное отношение к гражданам страны.

Пристатейный библиографический список

1. Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Даллакян Г. Р., Горемыкина Л. И. Современное российское общество о Великой Отечественной войне: социологические данные и социально-философское восприятие // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С.328-330.
2. Никифиров Ю. А. Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы // Вестник МГИМО-университета, 2009. – №6 (9). – С.80-88.
3. Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социс. – 2010. – №5. – С.65-66.

**Абашидзе А. Х., Гугунский Д. А., Солнцев А. М.
КРУГЛЫЙ СТОЛ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА», ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА КОПЫЛОВА**

**Abashidze A. Kh., Gugunskiy D. A., Solntsev A. M.
ROUND TABLE «ACTUAL PROBLEMS OF MODERN INTERNATIONAL
ENVIRONMENTAL LAW», DEVOTED TO THE 60TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR
MIKHAIL NIKOLAYEVICH KOPYLOV**

15 июня 2015 г. в Российском университете дружбы народов состоялся круглый стол «Актуальные проблемы современного международного экологического права», посвященный 60-летию профессора кафедры международного права РУДН, доктора юридических наук, профессора, академика Российской академии естественных наук, Российской экологической академии и Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности Михаила Николаевича Копылова.

Профессор М. Н. Копылов является признанным специалистом в области международного экологического права как в России, так и за рубежом. Он внес неоценимый вклад в развитие отечественной науки международного экологического права и является основателем школы международного экологического права РУДН.

В канун дня рождения Президент Российской академии наук, д-р физ.-мат. наук, проф. В. Е. Фортов вручил проф. М. Н. Копылову премию имени А.Ф. Кони за вклад в развитие международного экологического права.

Круглый стол открыл зам. заведующего кафедрой международного права РУДН, канд. юрид. наук, доцент Александр Михайлович Солнцев. Зачитав краткую биографию юбиляра, он вручил ему грамоту от РУДН, а также подарок от кафедры – бронзовую статуэтку медведя в коллекцию проф. Копылова. Следующей выступила член Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального Собрания РФ, канд. юрид. наук Анна Ивановна Отке, которая поздравила своего научного руководителя и отметила целый ряд существенных экологических проблем, находящихся сегодня в поле зрения Совета Федерации. Серию выступлений продолжил президент Российской ассоциации международного права, первый заместитель директора ИЗиСП, д-р юрид. наук, профессор Анатолий Яковлевич Капустин, который рассказал присутствовавшим о молодых годах юбиляра, отметил его редакторский дар и колоссальную работоспособность на благо окружающей среды. Отрадно отметить, что проф. М. Н. Копылова пришли поздравить представители практически всех ведущих кафедр международного права России – заведующий кафедрой международного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист России, заслуженный деятель науки России д-р юрид. наук, профессор Камиль Абдулович Бекяшев; заведующий кафедрой международного права МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук, доцент Алексей Станиславович Исполинов; от имени кафедры международного права МГИМО (У) МИД России зачитал поздравление д-р юрид. наук, профессор Малеев Юрий Николаевич; от имени кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета выступил д-р юрид. наук, про-

фессор Револь Миргалимович Валеев; а от имени кафедры международного права Дипломатической академии МИД России – профессор, канд. юрид. наук, доцент Алла Юрьевна Ястребова. Следующим выступил заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства ИЗиСП, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Сергей Александрович Боголюбов, который поздравил проф. Копылова и выступил по теме соотношения национального экологического права и международного экологического права. Директор НОУ «Региональный центр управления и культуры» (г. Тамбов) Ольга Ильинична Лаптева и д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права РУДН Наталья Николаевна Емельянова своими поздравлениями завершили приветственную часть мероприятия. В перерыве был показан короткометражный фильм о проф. Копылове, который подготовила выпускница РУДН.

После небольшого перерыва началась вторая часть круглого стола, которую открыл старший эксперт НКО «Центр экспертизы по вопросам ВТО», д-р юрид. наук Анаит Сергеевна Смбагян с докладом на тему «К вопросу о преподавании международного права на современном этапе его развития». В своем выступлении она подчеркнула важность привития практических навыков анализа у студентов, обучающихся по направлению «юриспруденция», в т.ч. посредством анализа «*case law*» международных судебных учреж-

Абашидзе А. Х.

Гугунский Д. А.

Солнцев А. М.

Проф. К. А. Бекашев рассказывает о вкладе проф. М. Н. Копылова в развитие международного экологического права

Главный редактор Евразийского юридического журнала, проф. И. З. Фархутдинов вступает в дискуссию с юбиляром

Президент Российской академии наук, д. физ.-мат. н., проф. В. Е. Фортов вручает премию имени А. Ф. Кони проф. М. Н. Копылову

После вручения премии имени А. Ф. Кони у Александринского дворца в Нескучном саду

дений и участия в различных конкурсах по имитации судебных заседаний («*moot court*»). Профессор Револь Миргалимович Валеев рассказал об экологической деятельности ООН в современных условиях развития, раскрыл экологическую компетенцию органов ООН, уделяя особое внимание международно-правовой борьбе с изменением климата. Не обошлись без внимания и вопросы защиты окружающей среды в ходе осуществления иностранной инвестиционной деятельности, которые в своем докладе осветил главный редактор Евразийского юридического журнала, ведущий научный сотрудник ИГП РАН, д-р юрид. наук Инсур Забирович Фархутдинов. В своем выступлении он подчеркнул, что журнал очень ценит проф. Копылова и с удовольствием публикует его статьи. Недавно в Евразийском юридическом журнале было опубликовано расширенное интервью с М. Н. Копыловым¹, а в пятом номере специальное поздрав-

ление с юбилеем². Представитель кафедры международного права МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук, доцент Светлана Владимировна Глотова обозначила проблемы толкования международных договоров в международном праве в контексте деятельности Комиссии международного права ООН. Студентка юридического института РУДН Виктория Сергеевна Архипова раскрыла вклад международных судебных учреждений в прогрессивное развитие международного экологического права на примере Суда ЕС. Весьма сложный и интересный доклад на тему «Принцип предосторожного подхода как основа для развития процедуры оценки воздействия на окружающую среду в международном праве» представила доцент кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, канд. юрид. наук Элла Юрьевна Богданова. Она указала в выступлении, что принцип предосторожного подхода, зафиксированный еще в Декларации Рио 1992 г., нелегко реализовать, особенно в системе экономических отношений, когда прибыль ставится выше вопросов защиты окружающей среды. Доцент А. М. Солнцев затронул в своем выступлении проблематику взаимодействия различных международных экологических соглашений для повышения эффективности международно-

1 Фархутдинов И. З., Солнцев А. М. Экологическая безопасность в евразийском пространстве интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры международного права юридического факультета РУДН, руководителем направления «юриспруденция» института международных программ РУДН М. Н. Копыловым // Евразийский юридический журнал. - М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2013, №8. - С. 5-9.

2 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. 60 лет профессору Михаилу Николаевичу Копылову // Евразийский юридический журнал. 2015. №5. С. 319-320.

Представитель казанской школы международного права проф. Р. М. Валеев пламенно поздравляет юбиляра

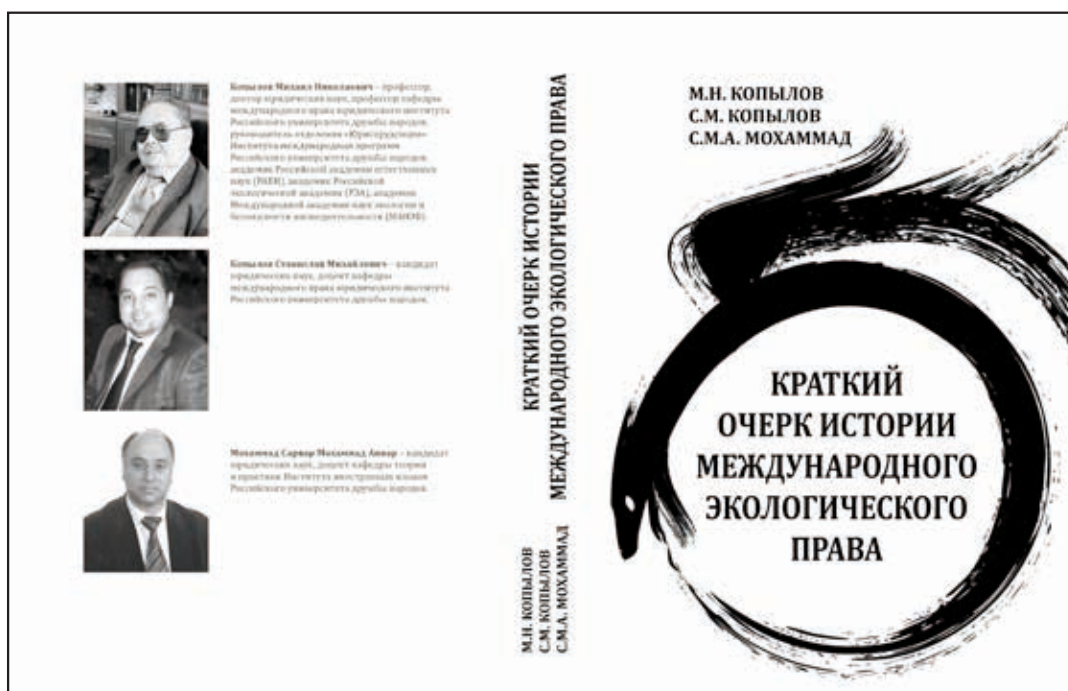
правового регулирования защиты окружающей среды. Он указал, что в условиях существования более 1200 многосторонних международных экологических соглашений и более 1600 двухсторонних экологических соглашений крайне важно наладить связи между этими договорами во избежание дублирования человеческих и материальных ресурсов. Рассуждения на эту тему были продолжены аспирантом кафедры международного права РУДН Марией Семеновной Циприс в докладе «Система Боннской конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г. и Система Договора об Антарктике 1959 г.». После выступления М. С. Циприс преподнесла своему учителю проф. Копылову прекрасно оформленный двухтомник «Избранное из избранного», который представляет собой уникальное издание различных научных публикаций юбиляра.

Студентка кафедры международного права НИУ-ВШЭ Кристина Салимовна Мингазова рассказала о своём видении перспектив развития международного права окружающей среды, а проф. кафедры экологии Института экологии и по-

литологии Академии МНЭПУ, д-р юрид. наук Попадейкин Владислав Витальевич осветил экологические аспекты кризиса классического либерализма, указав на непреодолимые противоречия между защитой окружающей среды и современным капитализмом. Доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли, канд. юрид. наук Дарья Сергеевна Боклан выступила с интересным докладом «Имеет ли природа право на защиту в ОРС ВТО?», в котором проанализировала различные решения Органа по разрешению споров ВТО в части защиты окружающей среды. Недавно защитивший диссертацию под руководством М. Н. Копылова представитель Бенина канд. юрид. наук Менса Коку Мариус рассказал о современном состоянии экологической ситуации в субрегионе Западной Африки. Завершился круглый стол научным сообщением студентки кафедры международного права РУДН Валерии Андреевны Мишлановой на тему «Нерешенная проблема карстовых провалов».

После научного мероприятия и подведения итогов гости направились на фуршет, где проф. М. Н. Копылову был преподнесен торт в виде докторской диссертации юбиляра.

Зубрева Е. А.

«ГРЕНАДА» ПРИВЕТСТВУЕТ БРИКС И ШОС-2015 В УФЕ*Статья посвящена международной деятельности ансамбля «Гренада».**Ключевые слова: Ансамбль «Гренада», БРИКС и ШОС.*

Zubreva E. A.

«GRENADA» WELCOMES BRICS AND SCO-2015 IN UFA*The article is devoted to international activities of "Grenada".**Keywords: "Grenada", BRICS and SCO.**Помни и в счастье – мы не одни:**Многим лишь снятся мирные дни,**Мирное небо над головой...**Пусть над планетой небо без войн!**песня ансамбля «Гренада» «Я требую мира»*

Как же стремительно меняет свой ход история. Буквально год-два назад многие и подумать не могли, какие страшные события произойдут на планете, и какое влияние они окажут не только Россию, но и на весь мир. Поток несправедливости, реки крови, безвинные жертвы... Простые люди с замиранием сердца ждут – о чём ещё сообщает с телеэкрана, кто теперь окажется следующим на этой карте войны, объявленной человечеству? Новости одна трагичнее другой. Разобращение, ненависть, агрессия. И вдруг – встречи, полные стремления к поиску единства, позитивной программы, устремлённой в будущее. В российском городе Уфа один за другим приземляются авиалайнеры с полномочными руководителями огромных, влиятельных стран: президенты, премьер-министры, политические деятели, вершители экономических курсов бескрайних регионов, полномочные представители не миллионов – миллиардов жителей планеты!

Электронная почта участников московского ансамбля «Гренада» переполнена посланиями, телефоны разрываются от международных звонков: «Расскажите о подробностях происходящего в России!», «Какое счастье, неужели что-то сдвинется к лучшему?», «Да здравствуют саммиты БРИКС и ШОС!»... Мы поражены – «Неужели и У ВАС, в далёких перуанских Кордильерах, на просторах аргентинской пампы, на пляжах Венесуэлы люди знают об этих событиях?». Наш вопрос вызывает возмущение: «Что значит – «знают»? Да мы живём этими событиями, ночами не спим – ловим сообщения – ведь то, что происходит сейчас у вас, касается судьбы всей планеты! Кстати, очень жаль – на испанском информации до обидного мало!» И – совершенно потрясающий вопрос (прилетал к нам из самых разных стран мира): «А что значит УФА? Пытаемся расшифровать эту загадочную аббревиатуру». Объясняем, рассказываем, обсуждаем...

А теперь, наверное, следует объяснить читателям – например, почему, именно в адрес ансамбля приходят отзывы, мнения, вопросы о столь значимых событиях?

Дело в том, что в последнее время «Гренада» не раз оказывалась в поле деятельности планетарной важности объединительных процессов. В нашей стране уже задолго до саммита

регулярно проходили встречи, конференции, посвящённые различным аспектам жизни стран БРИКС и ШОС, проводились заседания, круглые столы на разные темы, обсуждались экономические вопросы, вопросы безопасности, социальная политика, здравоохранение, распределение энергии, культура, гармонизация межэтнических отношений – всего не перечислить. Так вот, в культурной программе нескольких этих замечательных мероприятий получил приглашение принять участие наш ансамбль «Гренада». Были ли эти приглашения случайными? Думаю, нет. Народный ансамбль России «Гренада», участницей которого я имею честь быть, давно и серьёзно занимается изучением мировой музыкальной культуры. И поэтому полусхотливый вопрос, заданный нам когда-то: можем ли мы исполнить песни всех стран БРИКС – получил положительный ответ. И действительно, в репертуаре «Гренады» не только песни, а целые программы: песни и танцы Бразилии, Индии, красивейшие китайские танцы, привезённые нами из поездки в Китай, инструментальные композиции на народных инструментах этих стран. Русская программа побывала с нами в десятках далёких государств. Ну, хорошо – а песни Африки? Ведь в БРИКС гармонично вошла и ЮАР. Как приятно было нам заверить организаторов концерта, что африканские песни, и в том числе песни на языке суахили, конечно же, исполняются «Гренадой». И получили мы их, что называется «из первых рук» – от всемирно известных исполнителей Мириам Макебы, Абдулы Ибрагима, с которыми посчастливилось познакомиться и выступать вместе на замечательном фестивале «Rote lieder», который когда-то ежегодно проходил в Берлине.

С таким репертуаром «Гренада» провела целую серию выступлений перед посланцами БРИКС. А потом последовало предложение выступить и с программой песен народов, входящих в ШОС. Это уже было задачей потруднее – и всё же «Гренада» справилась и с этим, открыв для себя доселе нам незнакомые задумчивые и лиричные песни азиатского континента.

Концерты, надо заметить, проходили «на одном дыхании». Все они происходили уже в финале тех или иных ме-

роприятий, и мы с гордостью отмечали, что Россия, председательствующая сейчас в международных организациях, всё проводит на самом высоком уровне! Делегаты приходили в зал чрезвычайно довольные, и говорили между собой: «А ведь мы и не знали, что Россия – такая гостеприимная и дружелюбная страна!».

И вот, усталые от обсуждений, впечатлений, люди расслаиваются – здесь, кажется, собрался весь мир... И начинается магия музыки. Русская песня завораживает, восхищает. А тут – «Подмосковные вечера» на китайском языке – и уже видно, где расположилась в зале китайская делегация: оживление, радостные лица. Китайцы поначалу ушам своим не верят, но потом начинают подпевать и снимать нас на все мыслимые и немыслимые гаджеты! Следующий номер программы – индийская песня – тоном в овациях, исходящих от группы участников из Индии, они уже у сцены, готовы петь с нами! Бразильская босса нова – тот же результат. Бразильцы вскакивают с мест, машут, подпевают. Африканская песня – накал страстей, зал аплодирует стоя! И еще один подарок для китайской делегации – танец с веерами – вот уж, действительно, чудо! В венке наших концертов звучали песни на казахском, татарском, турецком языках. На мероприятии «ШОС открывает границы» афганцы и таджики не усидели – сами вышли на сцену и исполнили свои песни – «Гренада» поддержала. Но истинными жемчужинами выступления «Гренады» стало наше совместное, международным составом, исполнение «Катюши». А завершилось всё международным карнавальным шествием, в котором смешались все и уже не поймешь, кто откуда – да это и не важно – главное, что все вместе, все друг друга любят...

Отзывы о концертах – лучшая награда ансамблю. Хочется поделиться высказанными нам мыслями: все без исключения подошедшие зрители подчеркнули важность именно такой компоненты в общей палитре работы на конференциях и саммитах. О действенности народной дипломатии для установления большего доверия, большего взаимопонимания говорится много – а это ярчайший пример такого рода работы. Музыка открывает сердца, способствует установлению диалога. А если это музыка твоей страны исполняется в далёкой России – то это дорогого стоит. И исполняется вдохновенно, с любовью – как же не оценить такое?

Безусловно, зрители чувствуют неподдельную сущность «Гренады», ведь мы выступаем не «для галочки». У «Гренады» много «секретов». И они помогают ансамблю буквально творить чудеса. Во-первых, это четкое понимание того, что только в дружбе и взаимопомощи могут сосуществовать народы. Конечно, одного понимания недостаточно, важно передать эту мысль зрителю – и мы стараемся это сделать всегда. И, в-третьих, мы знаем, для чего мы существуем, на что направлена деятельность нашего ансамбля, и какие великолепные результаты она приносит.

Но всё это было бы невозможно, если бы нам были неведомы секреты воспроизведения музыки мира. И в этом плане базисом служит глубинное изучение стран и народов, их традиций и музыкальной культуры, И ещё – изучение иностранных языков – «Гренада» качественно исполняет песни более чем на 30 языках народов разных континентов, ведёт концерты, свободно общаясь со зрителями. И теперь самое главное – мастерское умение играть на огромном количестве музыкальных инструментов всего мира – этим мы обязаны нашему Учителю, музыкальному руководителю «Гренады», уникальному музыканту, супермультиинструменталисту Сергею Владимирскому. Безвременно ушедший из жизни, он оставил

нам свою бесценную коллекцию – на сегодняшний день в ней насчитывается около девяти сот музыкальных инструментов. Представьте себе – он играл на всех! В числе этих инструментов – казахская домбра и китайский шен, таджикский дутар и индийский ситар, русские балалайки, изготовленные лучшими мастерами и африканский крар, бразильские, афганские музыкальные инструменты... Вот вам и БРИКС, и ШОС – все вместе, в дружбе и гармонии...

В ансамбле «Гренада» изучение музыкальной культуры, начатое руководителями ансамбля, продолжает молодёжь. В коллективе несколько кандидатов наук, чем, согласитесь, может похвастаться далеко не каждый ансамбль. Думаю, нельзя не согласиться с мнением наших зрителей – аналогов «Гренады» в мире нет. Для тех, кто не знаком с ансамблем, это может прозвучать странно – но в биографии ансамбля есть поистине уникальные страницы, убеждающие, что музыкальный коллектив может сыграть исключительно важную роль даже в реальных международных делах. Чего стоит хотя бы тот факт, что 25 лет назад при содействии «Гренады» были восстановлены дипломатические отношения между нашей страной и Парагваем! И не без участия нашего ансамбля эти связи с каждым годом только укрепляются! Это удивительная история, достойная отдельного рассказа. Вот это всё и есть – народная дипломатия!

Фото «Гренады» на концертах мероприятий БРИКС и ШОС разлетелись по интернету, вот и стали к нам обращаться наши многочисленные друзья со всего мира с вопросами: «Ну, как там дела – в высоких сферах?». А может быть, и правда, – те, кто видели концерты, те, кто пел с нами «Катюшу», вернувшись домой, расскажут, что в России живут доброжелательные люди, в том числе умеющие петь на их языке, играющие на их музыкальных инструментах. Ведь в перечисленных мероприятиях принимали участие и высокопоставленные члены правительств, и бизнесмены, и врачи, и ученые, и экономисты, и студенты, и преподаватели – и они расскажут о России своим близким, друзьям, коллегам. Согласитесь, такой метод передачи информации куда более важен и эффективен, чем стандартная реклама. А если подумать, что объединения стран BRICS и ШОС занимают практически полмира, то можно надеяться, что половина населения нашей планеты получили глоток свежей и правдивой информации о России.

Когда видишь всё это собственными глазами, то не хочется верить, что бывает по-другому, что люди продолжают сеять ненависть и рознь, развязывают ужасные войны и выступают против общечеловеческих ценностей. Нам остается лишь надеяться на то, что рано или поздно сильные мира сего всё-таки поймут, что диалог гораздо продуктивнее бомбежки, а взаимов уважение и поддержка – путь к процветанию.

*Екатерина Зубрева
участница Народного ансамбля России «Гренада»*

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносах проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительным рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикация не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, Член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.

АБДУЛАЗИЗОВА Патимат Гасановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБДУЛГАМИДОВА Диана Абдулгамидовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБДУЛЛАБЕКОВА Анжела Эльмирзаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБДУЛМУСЛИМОВА Лейла Гусейновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБУКАРОВА Мейрам Узеровна – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АВДОНИН Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

АДУ Яо Никэз – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

АЗИЗОВА Пасихат Магомедовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛИЕВ Хабибула Омарович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛИЕВА Анжела Булатгаджиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛТУНИН Виктор Семенович – старший преподаватель Курганского государственного университета.

АТАЕВА Патимат Атавовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АУБАКИРОВ Нурлан Ерболатович – советник судьи, Суд Евразийского экономического союза.

АЮПОВА Зауре Каримовна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Казахского национального университета им. Аль-Фараби.

БАЧИЛО Иллария Лаврентьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора информационного права Института государства и права Российской Академии наук, Заслуженный юрист Российской Федерации

БЕКИШИЕВ Абибула Алибекович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

БЕЛОЗЕРОВА Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института Российского университета дружбы народов.

БЕЛЬКОВА Юлия Анатольевна – выпускница юридического факультета Марийского государственного университета.

БЕРТОВСКИЙ Лев Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

БОНДАРЕНКО Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

БУТЕРА Владислав Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ВЛАСЕНКО Валерий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия при Верховном Суде Российской Федерации.

ВЫСТОРОБЕЦ Евгений Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российской академии правосудия при Верховном Суде Российской Федерации, руководитель Центра интерэкоправа ЕврАзНИИПП.

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета.

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГЕЛЕРАНСКИЙ Петр Сергеевич – кандидат политических наук, докторант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ГИНДУЛЛИН Наиль Фанильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГИТИНОВА Канича Гаджимурадовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогообложения Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ГОЛЫШЕВ Николай Владимирович – аспирант кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

- ГОРДЕЕВ Никита Сергеевич** – аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии.
- ГУТУНСКИЙ Денис Андреевич** – соискатель кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- ДАВЫДОВА Ирина Александровна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.
- ДАЛГАТОВА Аида Османгаджиевна** – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ДЕМЕНТЬЕВ Андрей Андреевич** – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- ДИДИКИН Антон Борисович** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Новосибирске.
- ДОЛЖИКОВ Алексей Вячеславович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права, начальник управления международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул).
- ЕВСЕЕВ Иван Валентинович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского гуманитарного института.
- ЕГИКЯН Ара Айказович** – выпускник магистратуры факультета права программы «Корпоративный юрист» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
- ЕРПЫЛЁВА Регина Рустамовна** – аспирантка Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
- ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета Министерств внутренних дел Российской Федерации.
- ЗАИДОВА Манарша Усманхановна** – старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ЗАЙЦЕВА Елена Рудольфовна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.
- ЗАЛИБЕКОВА Дайганат Залибековна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ЗУБРЕВА Екатерина Александровна** – участница Народного ансамбля России «Гренада»
- ИБАЕВ Рустам Камилович** – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского Государственного института народного хозяйства.
- ИБРАГИМОВА Аминат Хабибуллаевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухучет-1» Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ИБРАГИМОВА Ханича Алибуттаевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ИГБАЕВА Гузель Римовна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.
- ИДРИСОВА Нина Гаджиабдуллаевна** – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ИЛЬЯШЕНКО Константин Валерьевич** – аспирант Российского государственного социального университета.
- КАДЫРОВА Гузель Фанильевна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- КАСИМОВА Эльза Гумеровна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, психологии и педагогики Уфимского государственного университета экономики и сервиса.
- КЕМБАЕВ Женис Мухтарович** – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Казахстанского института менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), г. Алматы, Республика Казахстан.
- КЕРИМХАНОВА Ариза Балабековна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Дагестанского государственного педагогического университета.
- КИРИЛОВ Андрей Сергеевич** – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов.
- КОЛОСОВСКАЯ Наталья Николаевна** – аспирант Института гуманитарного образования и информационных технологий.
- КОРНИЕНКО Оксана Владимировна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- КОРОБОВА Ирина Николаевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.
- КРАСНОВА Ирина Олеговна** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия при Верховном Суде Российской Федерации.
- КРОТОВ Андрей Владиславович** – кандидат юридических наук, докторант Южного Федерального университета.
- КРЮЧКОВ Роман Анатольевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- КУРБАНОВА Диана Нурмагомедовна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

- КУСАИНОВ Дауренбек Умирбекович** – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского национального педагогического университета им. Абая.
- КУЧЕРКОВ Иван Александрович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.
- ЛАВРЕНЮК Наталья Михайловна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного университета.
- ЛИСОВЕЦКИЙ Александр Леонидович** – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.
- ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан.
- МАГОМЕДОВ Анвар Шамильевич** – старший преподаватель кафедры гражданского права, заместитель декана юридического факультета Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- МАГОМЕДРАСУЛОВА Раисат Багадуровна** – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- МАМЕДОВ Эльшан Фахраддинович** – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, заместитель председателя Молодежной организации Азербайджанского конгресса Иркутской области.
- МАСИЧ Владимир Александрович** – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета.
- МЕДВЕДЕВА Мария Александровна** – соискатель кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы.
- МЕДЖИДОВА Зайнап Камилевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бухучет-1» Дагестанского государственного университета народного хозяйства.
- МИНГАЗОВ Ленарис Харисович** – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) Федерального университета.
- МИРОШНИЧЕНКО Наталия Сергеевна** – аспирант Кисловодского государственного технического университета, сотрудник ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по Ставропольскому краю.
- МИХАЙЛОВА Яна Станиславовна** – ассистент кафедры информационной безопасности Башкирского государственного университета.
- МИХАЛЕВА Анастасия Евгеньевна** – стажер-исследователь кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.
- МУСАЕВА Асма Гаджиевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-прикладных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- МУХТАРОВ Мухтар Гасанович** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- НОСКОВА Юлия Борисовна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник полиции.
- НУРИЕВ Булат Дамирович** – кандидат философских наук, старший преподаватель Уфимского филиала Уральского государственного юридического университета.
- ОМАРОВА Хамисат Минкаилловна** – преподаватель кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ОРЕШНИКОВ Игорь Михайлович** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- ПАВЛЕНКО Евгения Михайловна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Московского государственного педагогического университета.
- ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.
- ПЕТРОВ Артур Игоревич** – кандидат технических наук, доцент кафедры эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского государственного нефтегазового университета.
- ПОЛОНСКАЯ Дарья Дмитриевна** – аспирантка кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.
- ПОТАПОВ Александр Иванович** – кандидат юридических наук, профессор кафедры административного и муниципального права Уральского института коммерции и права.
- ПОТАПОВА Лариса Витальевна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерств внутренних дел Российской Федерации.
- РАДЖАБОВА Жарият Курбановна** – старший преподаватель кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- РАСТОПШИН Роман Анатольевич** – соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.
- РОМАНОВСКАЯ Любава Ростиславовна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
- САИДОВА Марина Загидовна** – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Дагестанского государственного педагогического университета.

- САЛЫКИНА Алена Михайловна** – научный сотрудник кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов
- САМУСЕВИЧ Алексей Геннадьевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского национального исследовательского технического университета.
- САНЕЕВ Станислав Олегович** – Судья промышленного районного суда г. Ставрополя.
- САРДАРЯН Татевик Сейрановна** – соискатель кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии.
- СЕЙТИМОВА Венера Хамитовна** – судья Суда Евразийского экономического союза.
- СМИРНОВА Елена Станиславовна** – кандидат юридических наук, заместитель Председателя руководящего Совета по региональным связям Международного общественного движения «Российская служба мира».
- СОЛНЦЕВ Александр Михайлович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов.
- СОРОКИНА Елизавета Михайловна** – аспирант кафедры права Европейского Союза Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.
- СТРЕЛКОВ Андрей Анатольевич** – старший инспектор отдела материально-технического обеспечения Главного управления обеспечения деятельности Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, Почетный работник Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации.
- ТАКМАКОВА Елена Валерьевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.
- ТАЛЫКИН Евгений Анатольевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры хозяйственного права Восточноукраинского национального университета им. Владимира Даля, г. Луганск.
- ТИХОНРАВОВ Евгений Юрьевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права юридического института Сибирского федерального университета.
- ТОЛБУЗИНА Татьяна Викторовна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и социального права филиала Российского государственного социального университета в г. Дедовске.
- ТУТОВА Ольга Васильевна** – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета Министерств внутренних дел Российской Федерации.
- ФЕТЮКОВ Фёдор Викторович** – младший научный сотрудник научно-исследовательского сектора, аспирант кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета.
- ФОКОВ Анатолий Павлович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом сравнительного правоведения права Российского государственного университета правосудия при Верховном Суде Российской Федерации.
- ХАЛИЕВА Равганият Эмавовна** – тьютор-куратор дневного отделения налогового факультета Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ХАНМУРЗАЕВ Рашид Багавдинович** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ХАТУНЦЕВ Олег Александрович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института гуманитарного образования и информационных технологий.
- ЦЫПЫШЕВА Анна Алексеевна** – магистрант кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- ЧЕКУНОВ Сергей Александрович** – соискатель кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- ЧЕРНОВА Гульнара Шарифулловна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.
- ЧЕРНЫХ Ирина Алексеевна** – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- ЧУРШИНА Анна Алексеевна** – аспирант Удмуртского государственного университета.
- ШАКИРОВА Зульфия Римовна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.
- ШАХБАНОВА Хадижат Магомедовна** – старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ШВЕДОВА Лариса Евгеньевна** – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- ЩЕГЛОВ Дмитрий Сергеевич**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерств внутренних дел Российской Федерации.
- ЭЛОВ Зиё** – психолог управления внутренних дел Бухарской области Республики Узбекистан, ст. лейтенант.
- ЭМИРОВА Маги Нурмагомедовна** – кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Дагестанского государственного педагогического университета.
- ЯНЕНКО Оксана Константиновна** – аспирант Института гуманитарного образования и информационных технологий.

ABOUT THE AUTHORS

ABASHIDZE Aslan Khuseynovich – Ph. D. in Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia, Member of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights.

ABDULAZIZOVA Patimat Gasanovna – Ph.D. in Law, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ABDULGAMIDOVA Diana Abdulgamidovna – Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ABDULLABEKOVA Angela Elmurzaeva – Ph.D. in History, associate professor of State and Law Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ABDULMUSLIMOVA Leila Guseinovna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ABUKAROVA Meiram Uzerovna – lecturer of State Law disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ADU Yao Nicaise – Ph.D. in Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

ALIEV Khabibula Omarovich – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ALIEVA Anzhela Bulatgadzhievna – Ph.D. in History, associate professor of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ALTUNIN Viktor Semenovich – senior lecturer of the Kurgan State University.

AUBAKIROV Nurlan Erboratovich – judge adviser of the Court of the Eurasian Economic Union.

AVDONIN Alexandr Nikolaevich – Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

AYUPOVA Zaure Karimovna – Ph.D. in Law, professor of International Law sub-faculty of the Faculty of International Relations of Al-Farabi Kazakh National University.

AZIZOVA Pasikhat Magomedovna – Ph.D. in History, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

BACHILO Illarija Lavrentjevna – Ph.D. in Law, professor, leading researcher of the Institute of State and Law (sector of information law) of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation.

BEKISHIEV Habibula Alibekovich – Ph.D. in History, associate professor of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

BEKYASHEV Damir Kamilevich – Ph.D. in Law, associate professor of the International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

BELKOVA Yulia Anatolyevna – graduated of the Faculty of Law of the Mari State University.

BELOZEROVA Irina Ivanovna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia.

BERTOVSКИЙ Lev Vladimirovich – Ph.D. in Law, professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

BONDARENKO Alexandr Viktorovich – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

BUGERA Vladislav Evgenjevich – Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

CHEKUNOV Sergey Alexandrovich – Competitor of International Law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia.

CHERNOVA Gulnara Sharifullova – Ph.D. in Law, Deputy Head of Civil disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

CHERNYKH Irina Alexeevna – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

CHURSHINA Anna Alexeevna – postgraduate student of the Udmurt State University.

DALGATOVA Aida Osmangadzhievna – Ph.D. in Law, Head of State and Legal disciplines of the Dagestan State Institute of National Economy.

DAVYDOVA Irina Alexandrovna – Ph.D. in Law, associate professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

DEMENTYEV Andrey Andreevich – postgraduate student of International Law sub-faculty of Peoples' Friendship University of Russia.

DIDIKIN Anton Borisovich – PhD in Law, Head of State and Law disciplines sub-faculty of the branch of Saint-Petersburg Institute of foreign affairs, economics and law in Novosibirsk.

DOLZHIKOV Alexey Vyacheslavovich – Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and International Law sub-faculty, Head of International Department of Altai State University (Barnaul).

ELOV Zie – psychologist of the Department of Internal Affairs of Bukhara area, senior lieutenant.

MIROVA Magi Nurmagometovna – Ph.D. in History, professor, Head of History of Russia sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.

- ERPYLEVA Regina Rustamovna** – postgraduate student of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation.
- EVSEEV Ivan Valentinovich** – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Ural Institute for the Humanities.
- FETYUKOV Fedor Viktorovich** – junior researcher of the research sector, postgraduate student of Theory of State and Law sub-faculty of the Ural State Law University.
- FOKOV Anatoliy Pavlovich** – Ph.D. in Law, professor, Head of the Department of comparative jurisprudence of the Russian State University of Justice of the Supreme Court of the Russian Federation.
- GABDRAHMANOV Farit Vadutovich** – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Mari State University.
- GAREEVA Zemfira Anisovna** – Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- GELERANSKIY Petr Sergeevich** – Ph.D. in Politology, doctoral candidate of the National and Federate Relations sub-faculty of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration .
- GINDULLIN Nail Faniljevich** – Ph.D. in Sociology, associate professor of Political science, sociology and public relations sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- GITINOVA Kanicha Gadzhimuradovna** – Ph.D. in Economics, associate professor of taxes and taxation sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- GOLYSHEV Nikolay Vladimirovich** – postgraduate student of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.
- GORDEEV Nikita Sergeevich** – postgraduate student of Criminal and Penal Law sub-faculty of Saratov State Legal Academy.
- GUGUNSKIY Denis Andreevich** – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- IBAEV Rustam Kamilovich** – Associate Professor of State Law Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- IBRAGIMOVA Aminat Habibullaevna** – Ph.D. in Economics, associate professor of «Accounting-1» sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- IBRAGIMOVA Khanicha Alibuttaevna** – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of a National Economy.
- IDRISOVA Nina Gadziabdullaev** – lecturer of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- IGBAEVA Guzel Rimovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Civil disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- ILYASHENKO Konstantin Valerjevich** – postgraduate student of the Russian State Social University.
- KADYROVA Guzel Fanilevna** – Ph.D. in Sociology, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- KASIMOVA Elsa Gumerovna** – Ph.D. in Pedagogics, associate professor of History, Psychology and Pedagogy sub-faculty of Ufa State University of Economics and Service.
- KEMBAYEV Zhenis Muhtarovich** – Ph.D. in Law, professor, Dean of the Law faculty – Ph.D. of the Kazakhstan Institute of Management, Economics and Strategic Research (CIMEP), Almaty, the Republic of Kazakhstan.
- KERIMHANOVA Ariza Balabekovna** – Ph.D. in History, associate professor of History of Russia sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.
- KHALIEVA Ravganiyat Emavovna** – tutor-curator of the tax faculty daily office of the Dagestan State Institute of National Economy.
- KHANMURZAEV Rashid Bagavdinovich** – lecturer of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- KHATUNTSEV Oleg Aleksandrovich** – Ph.D. in Law, associate professor of Civil disciplines sub-faculty of the Institute for the Humanities and Information Technologies.
- KIRILOV Andrey Sergeevich** – postgraduate student of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia.
- KOLOSOVSKAYA Natalya Nikolaevna** – postgraduate student of the Institute for the Humanities and Information Technologies.
- KORNIENKO Oksana Vladimirovna** – Ph.D. in Law, Deputy Head of Administrative Law and Administrative activity of Law Enforcement Agencies sub-faculty of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- KOROBOVA Irina Nikolaevna** – Ph.D. in Law, associate professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.
- KRASNOVA Irina Olegovna** – Ph.D. in Law, professor, Head of Land and Environmental Law sub-faculty of the Russian State University of Justice of the Supreme Court of the Russian Federation.
- KROTOV Andrey Vladislavovich** – Ph.D. in Law, doctoral student of the Southern Federal University.
- KRYUCHKOV Roman Anatoljevich** – Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law and Process sub-faculty of the Nizhny Novgorod Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
- KUCHERKOV Ivan Alexandrovich** – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- KURBANOVA Diana Nurmagedovna** – Ph.D. in Law, associate Professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

-
- KUSSAINOV Daurenbek Umirbekovich** – Ph.D. in Philosophy, professor of Socio-humanitarian disciplines sub-faculty of Abai Kazakh National Pedagogical University.
- LAVRENUK Natalya Mikhailovna** – Ph.D. in Sociology, associate professor of Applied and Industrial Sociology of the Bashkir State University.
- LISOVETSKIY Alexandr Leonidovich** – postgraduate student of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- LUKIYANOV Mikhail Yurjevich** – Ph.D. in Political Sciences, senior researcher of the Institute of Socio-Political and Legal Research of the Republic of Bashkortostan.
- MAGOMEDOV Anvar Shamilevich** – senior lecturer of Civil Law sub-faculty, Deputy dean of the Law Faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- MAGOMEDRASULOVA Raisat Bagadurovna** – senior lecturer of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- MAMEDOV Elshan Fahraddinovich** – postgraduate student of State and Legal disciplines sub-faculty of the National Research Irkutsk State Technical University, Deputy Chairman of the Youth organization of the Azerbaijani Congress of the Irkutsk region
- MASICH Vladimir Aleksandrovich** – postgraduate student of World Politics and International Relations sub-faculty of the Russian State University for the Humanities.
- MEDVEDEVA Marija Alexandrovna** – competitor of Jurisprudence sub-faculty of the Moscow City Government University of Management.
- MEDZHIDOVA Zainap Kamilevna** – Ph.D. in Economics, associate professor of «Accounting-1» sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- MIKHAILOVA Yana Stanislavovna** – assistant of Information Security sub-faculty of the Bashkir State University.
- MIKHALEVA Anastasia Yevgenjevna** – probationer-explorer of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.
- MINGAZOV Lenaris Kharisovich** – Ph. D. in Law, professor of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.
- MIROSHNICHENKO Natalia Sergeyevna** – postgraduate student of Kislovodsk State Technical University, the employee of FKU SIZO-2 OFPS of Russia across Stavropol Krai.
- MUKHTAROV Mukhtar Gasanovich** – lecturer of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- MUSAEVA Asma Gadzhievna** – Ph.D. in History, associate professor of State-applied disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- NOSKOVA Yulija Borisovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Ural Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.
- NURIEV Bulat Damirovich** – Ph.D. in Philosophy, senior lecturer of the Ufa branch of the Ural State Law University.
- OMAROVA Khamisat Minkailovna** – lecturer of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ORESHNIKOV Igor Mikhailovich** – Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- PANCHENKO Vladislav Yuryevich** – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.
- PAVLENKO Evgenija Mikhailovna** – Ph.D. in Law, associate professor of International Law and Human Rights sub-faculty of the Moscow City Pedagogy University.
- PETROV Artur Igorevich** – Ph.D. in Technical sciences, associate professor of Operation of Road Transport sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.
- POLONSKAYA Darja Dmitrievna** – postgraduate student of Political Sciences sub-faculty of the People's Friendship University of Russia.
- POTAPOV Alexander Ivanovich** – Ph.D. in Law, professor of administrative and municipal law sub-faculty of the Ural Institute of Commerce and Law.
- POTAPOVA Larisa Vitaljevna** – Ph.D. in History, senior lecturer of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- RADZHABOVA Zheriat Kurbanovna** – senior lecturer of Civil Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- RASTOPSHIN Roman Anatoljevich** – competitor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia.
- ROMANOVSKAYA Lubava Rostislavovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and Administrative Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.
- SAIDOVA Marina Zagitovna** – Ph.D. in History, associate professor, Head of General History sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.
- SALYKINA Alena Mikhailovna** – research associate of the International Law sub-faculty within the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
- SAMUSEVICH Alexey Gennadjevich** – Ph.D. in Law, associate professor of State Law Disciplines of the Irkutsk National Research Technical University.
- SANEEV Stanislav Olegovich** – Judge of Industrial District Court of Stavropol city.
- SARDARYAN Tatevik Seiratovna** – competitor of Civil Process sub-faculty of the Saratov State Legal Academy.
- SEITIMOVA Venera Khamitovna** – judge of the Court of the Eurasian Economic Union.

SHAKHBANOVA Khadizhat Magomedovna – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

SHAKIROVA Zulfiya Rimovna – Ph.D. in Law, senior lecturer of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

SHCHEGLOV Dmitriy Sergeevich – Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

SHVEDOVA Larisa Evgenjevna – Ph.D. in Technical sciences, associate professor of Information Technologies in the work of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

SMIRNOVA Elena Stanislavovna – Ph. D. in Law, Deputy Chairman of the governing Board on regional relations of the International public movement «Russian Peace Service».

SOLNTZEV Alexander Mikhaylovich – Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of International Law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia.

SOROKINA Elizaveta Mikhailovna – postgraduate student of Law of European Union sub-faculty of the of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA).

STRELKOV Andrey Anatoljevich – senior inspector of Department of logistics of the Main Directorate of maintenance of activity of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of justice, the Honourable worker of Investigatory Committee at office of Public Prosecutor of the Russian Federation.

TAKMAKOVA Elena Valerjevna – Ph.D. in Economy, associate professor of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.

TALYKIN Evgeniy Anatoljiovich – Ph.D. in Law, associate professor of Commercial Rights sub-faculty of the East-Ukrainian National University named by Volodymir Dal', Lugansk.

TIKHONRAVOV Evgeniy Yurjevich – Dr (candidate) of Law, associate professor of History of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

TOLBUZINA Tatiana Viktorovna – Ph.D. in Pedagogy, associate professor of Social work, Psychology, and Social Law sub-faculty within the branch of the Russian State Social University in Dedovsk.

TSYPYSHEVA Anna Alexeevna – magister of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

TUTOVA Olga Vasiljevna – Ph.D. in Pedagogy, senior lecturer of Information Technologies in the Work of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

VLASENKO Valeriy Nicolaevich – Ph.D. in Law, associate professor of Land and Environmental Law sub-faculty of the Russian State University of Justice of the Supreme Court of the Russian Federation.

YANENKO Oksana Konstantinovna – postgraduate student of the Institute for the Humanities and Information Technologies.

YEGHIKYAN Ara Aizakovich – Master of Law of program «Corporate Lawyer» of the National Research University Higher School of Economics.

WYSTOROBETS Evgeniy Anatoljevich – Ph.D. in Law, associate professor of Land and Environmental Law sub-faculty of the Russian Academy of Justice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Centre of Interecolaw within the Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law.

ZAIDOVA Manarsha Usmanhanovna – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ZALIBKOVA Dayganat Zalibekovna – Ph.D. in Economics, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ZAYTSEVA Elena Rudolfovna – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Information Technologies in the Work of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ZUBREVA Ekaterina Alexandrovna – participant of National ensemble of Russia “Grenada”.

